ЭКОНОМИКА
СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Л. НОВОСЕЛОВА • С. МАНЕЖЕВ

ЛЮБОВЬ НОВОСЕЛОВА
СЕРГЕЙ МАНЕЖЕВ

ЭКОНОМИКА СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ: ПУТИ ОБНОВЛЕНИЯ И РОСТА

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ КИТАЯ И СОВРЕМЕННОЙ АЗИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛЮБОВЬ НОВОСЕЛОВА
СЕРГЕЙ МАНЕЖЕВ

ЭКОНОМИКА СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ: ПУТИ ОБНОВЛЕНИЯ И РОСТА

Москва
2025

УДК 338(510)
ББК 65.9(Кит)
Н76

Рекомендовано к публикации Ученым советом
Института Китая и современной Азии РАН

Рецензенты
д.э.н. И.Р. Томберг, *к.э.н. И.В. Вахрушин*

Новоселова Л.В., Манежев С.А.
Экономика современного Китая: пути обновления и роста / Л.В. Новоселова, С.А. Манежев. — М. : Российская академия наук, 2025. — 655 с.

ISBN 978-5-907645-80-6

Данная книга посвящена комплексному анализу рыночных преобразований экономики современного Китая во всей их сложности и полноте, включая глубокие институциональные изменения, инструментальные инновации, кардинальные сдвиги в направлениях и структуре денежных потоков, трансформацию бизнес-моделей и деловых практик хозяйствующих субъектов. Специальное внимание уделяется переходу КНР от экстенсивного экспортно ориентированного развития к новой модели качественного экономического роста, основанного на увеличении эффективности производства, инновациях и технологическом прогрессе, повышении внутреннего спроса и потребления. Дается оценка системных преобразований, а равно и реализации важнейших национальных проектов и программ в контексте макро- и микроэкономических результатов проводимой социально-экономической политики.

ISBN 978-5-907645-80-6

© Новоселова Л.В., Манежев С.А., 2025
© ИКСА РАН, 2025

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
INSTITUTE OF CHINA AND CONTEMPORARY ASIA
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LIUBOV NOVOSELOVA
SERGEY MANEZHEV

ECONOMY
OF MODERN CHINA:
PATHS OF RENEWAL AND GROWTH

Moscow
RAS
2025

Recommended for publication by the Academic Council of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Reviewers
Igor R. Tomberg, Dr. Sci. (Econ.), Ivan V. Vahrushin, Cand. Sci. (Econ.)

Novoselova L.V., Manezhev S.A. Economy of Modern China: Paths of Renewal and Growth / L.V. Novoselova, S.A. Manezhev / Russian Academy of Sciences, Institute of China and Contemporary Asia. — Moscow : RAS, 2025. — 655 p.

ISBN 978-5-907645-80-6

This book presents a comprehensive research into key aspects of market transformation of modern China's economy in its full complexity involving deep institutional changes, instrumental innovations, profound shifts in directions and structure of money flow, modification of business models and business practices of economic entities. Special attention is paid to the PRC transition from export-oriented extensive growth to the new model of high-quality sustained economic development based on enhanced production efficiency, innovations and technological advance as well as on growing domestic demand and consumption.

Authors suggest a balanced efficiency estimation of China's systemic transformations accompanied by implementation of main national projects and programs against the background of macro- and microeconomic results of social-economic policy conducted by the PRC government.

ISBN 978-5-907645-80-6

© Novoselova L.V., Manezhev S.A., 2025
© ICCA RAS, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 8

Раздел I
АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Глава 1. Преобразования в инвестиционной сфере 15
Система финансирования инвестиций и их источники 15
Инструментарий инвестиционного регулирования 21
Переход к новой модели экономического роста 29
Пути решения назревших проблем 37
Примечания 53

Глава 2. Реформа банковской системы 58
Первая волна реформирования: результаты и проблемы 58
Актуальные направления банковской реформы 62
Эволюция банковского сектора 79
Примечания 100

Глава 3. Развитие фондового рынка 105
Основные финансовые инструменты 106
Инфраструктура и участники фондового рынка 119
Реформирование фондового рынка 131
Примечания 145

Глава 4. Преобразование налогово-бюджетной системы 150
Реформа государственных финансов: основные направления 150
Современная налогово-бюджетная система КНР 156
Основные направления реформы налогообложения 165
Реформа межбюджетных отношений 182
Примечания 192

Глава 5. Формирование и развитие национальной инновационной системы 196
Реформа системы управления научно-технической деятельностью 197
Реализация научно-технической политики 204
Достижения и проблемы 214
Примечания 221

Глава 6. Реформа и развитие рынка недвижимости 225
Жилищная реформа 225
Рынок жилья 232
Проблемы и решения 241
Примечания 254

Глава 7. Экономическая открытость нового типа 259
Привлечение иностранного капитала 259
Политика «выхода за рубеж» 279
Интернационализация юаня 287
Примечания 304

Раздел II
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Глава 1. Преодоление последствий мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. ... 310
Международный кризис и циклические колебания китайской экономики .. 310
Антикризисная программа КНР ... 316
Pro et Contra антикризисной политики ... 318
Примечания ... 327

Глава 2. Посткризисная макроэкономика, 2010–2013 гг. ... 329
В поисках «мягкой посадки» ... 329
Возврат к экономическому стимулированию ... 334
Примечания ... 340

Глава 3. «Новая нормальность» экономики, 2014–2018 гг. ... 343
Смена экономической парадигмы ... 343
Политика «новой нормальности» ... 347
Результаты и перспективы ... 354
Примечания ... 362

Глава 4. Создание современной инфраструктуры. Дорожное строительство ... 365
Приоритеты политики государства ... 366
Организация и управление ... 370
Вопросы финансирования ... 372
Развитие автодорожной сети ... 374
Платные автодороги ... 378
Уроки и задачи ... 380
Примечания ... 385

Глава 5. Ликвидация бедности и построение общества среднего достатка ... 387
Адресная стратегия борьбы с бедностью ... 387
Система финансирования ... 393
Эффективность новой стратегии ... 403
Примечания ... 410

Глава 6. Создание «экологической цивилизации» ... 413
Экологические проблемы и цели экологической политики ... 413
Организационно-правовой инструментарий экологической политики ... 416
Экономические меры и стимулы ... 420
Промежуточный результат и долгосрочные перспективы ... 424
Примечания ... 428

Глава 7. Реципиент иностранных инвестиций ... 432
Содержание сравнительных преимуществ ... 432
Динамика и географическое распределение иностранных инвестиций ... 435
Структурная эволюция ... 441
Примечания ... 450

Глава 8. Влиятельный международный инвестор ... 453
Стратегии и инициативы ... 453

Аспекты инвестиционной динамики 456
Географическое распределение и отраслевые приоритеты 461
Примечания 469

Глава 9. Торговая война с США, 2018–2019 гг. 472
Фактор риска 472
Антициклическая политика 480
Динамика экономического развития 484
Торговая сделка и ее результаты 487
Примечания 496

Глава 10. Борьба с «коронакризисом», 2019–2020 гг. 500
Вспышка эпидемии 500
Экстренная поддержка экономики 504
Худшее позади? 508
Примечания 512

Глава 11. Зона экономической турбулентности, 2021–2023 гг. 515
Второй год ремиссии: возвращаясь в прошлое 515
Политика выхода из пандемии 519
Факторы волатильности 525
Асинхронность восстановительного роста 532
Примечания 540

Заключение. XXI век: новые координаты развития китайской экономики 545

Послесловие. *И.В. Вахрушин*. Памяти Любови Владимировны Новоселовой (1951–2023) 557

Источники и литература 562

Основные использованные аббревиатуры 601

Предметный указатель 602

Список таблиц 611

Приложение. В недалеком прошлом…
Л. Новоселова. Китай: есть ли жизнь после санкций (Актуальный ретро-взгляд) (*Российский экономический журнал. 2014. № 5*) 613
Л.В. Новоселова. Инвестиционные аспекты российско-китайского делового взаимодействия (*Современные российско-китайские отношения. М., 2017*) ... 627
С.А. Манежев. Перспективы хозяйственной реформы и открытой внешнеэкономической политики КНР в оценках американских специалистов (*март 1987 г., не опубликовано*) 645

Summary 652

Сведения об авторах 655

Введение

Решение о модернизации и реформировании экономики КНР, принятое руководством этой огромной страны без малого полвека назад, в течение жизни одного поколения привело к коренному изменению соотношения сил в мировой экономике и политике. Тогда, в конце 70-х годов прошлого века, после тридцатилетнего строительства централизованной командной экономики советского типа Китай входил в разряд беднейших государств мира. Это была не интегрированная в мировое хозяйство, отсталая аграрная страна, недавнее прошлое которой было омрачено разрушительными последствиями «большого скачка» и «культурной революции», обусловившими глубокий кризис китайской экономики.

Последующие четыре с лишним десятилетия отмечены настойчивыми усилиями Китая по последовательной рыночной трансформации своей экономической системы и, как следствие, динамичным развитием китайской экономики, активным наращиванием ее промышленного потенциала, модернизацией технологического базиса, повышением общественного благосостояния. В результате из глобального экономического аутсайдера КНР превратилась в неоспоримого лидера мировой экономики, совершив тем самым «китайское экономическое чудо».

Ни одна из бывших социалистических стран не может предъявить соответствующие результаты во многом аналогичных по содержанию преобразований экономики. Достижения КНР выглядят особенно внушительно на фоне неубедительного состояния экономики в странах постсоветского пространства, экономические реформы в которых были начаты всего лишь на десять с небольшим лет позднее, чем в Китае. Возникает естественный вопрос — в чем состоят особенности китайского способа реформирования, позволившие этой стране добиться столь впечатляющих достижений, несмотря на несравненно худшие стартовые условия глубоких экономических преобразований?

Прежде всего в отличие от большинства других стран «мирового социализма» экономические реформы в КНР осуществляются в условиях не слома, а, напротив, сохранения действующей политической надстройки и поддержания управляемости экономической системы. Это не только позволило руководству страны максимально сконцентрировать внимание на социальных и экономических вопросах, но и открыло возможность для осуществления так называемых градуалистских, постепенных преобразований, а не обвальных реформ по лекалам «шоковой терапии».

Таким образом, специфика китайской реформы, в частности, состоит в использовании административных структур и методов управления для утверждения рыночных экономических отношений. Как показала практика, с учетом неуклонности и последовательности осуществляемых преобразований этот своеобразный дуализм, предполагающий комбинацию двух противоположно заряженных начал в

рамках одной системы, определяет важное преимущество китайского способа реформирования экономики. Даже в условиях ужесточения внутренней политики и «закручивания гаек» в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь (май–июнь 1989 г.) Китай сохранил курс на разгосударствление и либерализацию хозяйственной жизни с созданием основных несущих конструкций «социалистической рыночной экономики».

Особенностью китайской реформы является поступательный характер преобразований, осуществляемых по принципу «переходить реку, нащупывая под ногами камни». При этом экспериментальное апробирование тех или иных мероприятий реформы на ограниченной территории одного или нескольких регионов предполагает их дальнейшее общенациональное масштабирование с учетом полученных последствий и результатов. Этот прагматичный, эмпирический метод способствовал укреплению общественного доверия к экономической реформе в КНР и одновременно обеспечил несколько важных ее преимуществ.

Прежде всего в условиях крайней бедности населения он позволил максимально ограничить социальные и экономические издержки рыночной трансформации. Не случайно, в отличие от России и социалистических стран Центральной и Восточной Европы, Китай сумел избежать так называемого трансформационного спада и снижения жизненного уровня при переходе к рынку. Кроме того, постепенность рыночной трансформации — продвижение от частного к общему, отталкиваясь от изменений на уровне микроэкономики и лишь затем переходя к системным макроэкономическим сдвигам, с самого начала позволила создать в экономике страны немонополизированную конкурентную среду и избежать появления в ней олигархических новообразований, которые, исходя из индивидуальных и групповых интересов, способны значительно деформировать сущность и направление экономических перемен.

В результате государство сохранило возможности для проведения по ходу осуществления реформ активной промышленной (структурной) политики. Ориентируя и направляя деятельность предприятий и отраслей посредством различных мер поощрения, поддержки, координации, стимулирования и реструктуризации, правительство оказывает активное воздействие на формирование рыночного спроса и предложения, а равно и на распределение ресурсов в соответствии с приоритетами национальной экономической стратегии.

Изначально одной из важнейших целей промышленной политики КНР являлась рационализация крайне деформированной структуры производственного аппарата, с тем чтобы сделать ее более адекватной потребностям общества и более восприимчивой к корректирующим сигналам рынка и действию рыночных регуляторов. В дальнейшем использование мер промышленной политики позволило Китаю довольно быстро преодолеть последствия азиатского (1997 г.), а также последовавшего за ним мирового финансового кризиса (2008–2009) и затем перейти к строительству новой, современной промышленной системы с ориентацией на повышение инновационного потенциала и международной конкурентоспособности китайской экономики.

Важным фактором активизации экономического роста в годы реформы стала общая децентрализация экономической системы при расширении как хозяйственных функций, так и финансовой самостоятельности субнациональных (и местных) органов власти. Тем самым было достигнуто несколько значимых результатов.

В частности, передача местным органам управления растущих полномочий по утверждению инвестиционных проектов, использованию бюджетных средств и осуществлению мер экономической политики обеспечила сильную мотивацию местных властей относительно обеспечения экономического роста и продвижения рыночных реформ. Динамика регионального ВВП, создание новых рабочих мест, привлечение иностранных инвестиций, поддержание социально-экономической стабильности были определены в качестве основных критериев карьерного роста местных чиновников-управленцев. Отсюда максимальное вовлечение в экономический оборот имеющихся в стране производственных ресурсов, а также распространение получаемых в результате реформ материальных выгод и преимуществ на широкие слои населения. Все это в конечном итоге помогло обеспечить как эффективность реформ, так и их общественную поддержку.

Ключевой элемент китайских экономических реформ — политика открытости по отношению к внешнему миру. Успех этой политики во многом связан с умелым использованием традиционных связей Китая с многочисленной и богатой зарубежной китайской диаспорой, обладающей большим влиянием в деловых кругах стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Создание благоприятного инвестиционного климата для иностранного капитала в сочетании с наличием обильной и дешевой рабочей силы позволило КНР уверенно интегрироваться в международную экономическую систему, встраиваясь в глобальные производственно-сбытовые цепочки по самым различным направлениям. Ориентация на внешние рынки сбыта и источники технологии, в свою очередь, обеспечили возможность сверхвысоких темпов роста экономики и нормы накопления. Естественным результатом всех этих процессов в 2001 г. явилось присоединение Китая к Всемирной торговой организации с активным включением страны в процессы глобализации и использованием ее возможностей в интересах дальнейшего укрепления позиций КНР на международном рынке.

Еще одно слагаемое успеха китайских реформ — прагматичная внешняя политика как продолжение политики внутренней. Концентрируя максимальные ресурсы на решении вопросов национального развития, Китай в период активных экономических преобразований, как правило, демонстрирует неамбициозность и бесконфликтность на мировой арене, отойдя от прежней тактики внешнеполитического противоборства по принципу «острием против острия» и занимаясь, по сути, не столько геополитикой, сколько геоэкономикой.

Эффективность этого подхода очевидна. Ведь именно такая позиция в сочетании с мерами по дальнейшему открытию национальной экономики при твердом отстаивании принципа невмешательства во внутренние дела позволила КНР успешно выйти из-под антикитайских санкций, объявленных странами Запада в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь. Более того, способствуя становлению страны как одного из безусловных лидеров мировой экономики, такая политика дала воз-

можность КНР осуществить «мирное возвышение» в мировой геополитической иерархии, перейдя из категории региональных держав на уровень глобальной политической силы, способной влиять на общую ситуацию в мире.

Последним (по порядку, но не по значению) фактором экономических успехов КНР является институционализация реформ и квалифицированное государственное управление. Еще в начале 1980-х годов административный аппарат страны был дополнен созданием в рамках Государственного совета (центральное народное правительство КНР) Госкомитета по экономической реформе и подотчетных ему профильных комитетов и управлений на субнациональном уровне, сформировавших специальную систему управления реформой. В 2003 г. на основе объединения с Госпланом КНР Комитет по реформе был преобразован в главный государственный орган макроэкономического управления — Государственный комитет по делам развития и реформ (ГКРР). Характеризуя работу Госсовета КНР, главный экономист агентства *Bloomberg* (США) Томас Орлик отмечает: «…ни одно правительство в мире не предпринимает таких интенсивных, продолжительных и щедро финансируемых усилий по развитию своей экономики»[1].

Основные алгоритмы управления экономическими реформами отработаны за годы глубоких рыночных преобразований и показывают хорошую эффективность. Создание перспективной национальной стратегии тесно увязано с разработкой продуманной и непротиворечивой экономической политики, с подготовкой конкретных программ и проектов развития. При этом важная роль отводится экспертному сообществу в лице Китайской академии общественных наук, а также многочисленных исследовательских центров, специализирующихся на изучении мировой экономики и развитых зарубежных стран.

Далее, шаг за шагом, следует формирование правовой основы предполагаемых к реализации мероприятий, определение источников их финансирования, а также выбор соответствующего макро- и микроэкономического инструментария. Все это сопровождается пристальным мониторингом, а если понадобится, то и корректировкой текущей ситуации в экономике и, наконец, получением искомого практического результата. Так, целенаправленно и прагматично действует ориентированный на национальные потребности и интересы институциональный механизм развития китайской экономики.

Сочетание указанных характерных черт и особенностей китайской политики реформирования в большей или меньшей степени прослеживается на всех этапах рыночной трансформации экономики КНР, объединяя их в целостный процесс всестороннего преобразования экономической системы. Это дает основание, по определению видного отечественного синолога Л.И. Кондрашовой, говорить «не о „реформе“ в единственном числе, а о подлинной Эпохе китайской Реформации и Возрождения, которой пока не видно конца»[2].

---

[1] *Орлик Т.* Китай: пузырь, который никогда не лопнет? / Пер. с англ. Т.Ю. Адаменко М. [и др.]: Директмедиа Паблишинг, 2022. С. 258.

[2] К 40-летию начала экономических реформ в Китайской Народной Республике // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 6. С. 15. DOI:10.31857/S013128120002800-1.

На **первом этапе реформ**, в 1978–1993 гг., в рамках концепции «плановая экономика — основа, рыночное регулирование — дополнение» реализовывалась модель «*плановой товарной экономики*». В этот период внимание руководства КНР было сосредоточено преимущественно на сфере микроэкономики и формировании многообразных по формам собственности субъектов рынка как базы для становления негосударственного сектора экономики[3]. Этой цели служило распространение различных форм семейного подряда в сельском хозяйстве, развитие волостных и поселковых предприятий, а также совместных китайско-иностранных и полностью иностранных компаний с созданием для них специальных экономических зон.

Было сделаны первые шаги в повышении хозяйственной самостоятельности предприятий государственного сектора, наряду с директивным стало применяться индикативное планирование. Освобождая предприятия, региональные власти и отрасли от жесткой опеки со стороны центрального правительства, все это стимулировало повышение их экономической активности. Постепенная либерализация ценообразования, действие двухколейной системы цен способствовали быстрому росту субъектов негосударственной собственности.

Решения 3-го пленума ЦК КПК 14-го созыва (ноябрь 1993 г.) о создании «*социалистической рыночной экономики*» открыли **второй этап реформ**, главным содержанием которого явилось формирование основ рынка и расширение пространства для рыночных отношений. В 1990-е и в начале 2000-х годов шаг за шагом были проведены такие важнейшие преобразования, как реформа налоговой системы, реформа бюджетной системы и межбюджетных отношений, формирование современного банковского сектора, реформа инвестиционной сферы, создание финансовых рынков, жилищная реформа, реформа социального обеспечения в городах и т.д. Тогда же началась реорганизация промышленных предприятий госсектора. Присоединение Китая к ВТО (2001 г.) обусловило ускорение реформ, усилило международную конкурентоспособность продукции КНР, активизировало интеграцию китайских компаний в глобальные цепочки создания стоимости.

Государственное регулирование экономики было переведено с отраслевого на функциональный принцип управления, а пятилетние планы приобрели характер макроэкономических программ, которые определяют приоритеты социально-экономического развития страны, описывают его общую схему и поведение участников рынка в контексте намечаемых реформ[4]. Все это уже в начале нового столетия позволило, пусть и с известными оговорками, сформировать в Китае по преимуществу рыночный механизм распределения ресурсов вкупе с целой системой институтов и инструментов макроэкономического регулирования.

Современный, **третий этап реформ**, как отмечалось в решениях 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.), предполагает «*совершенствование социалистической рыночной экономики*». Примерно с середины 2000-х годов реформы

[3] *Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой / ИДВ РАН. М.: Форум, 2011. С. 11.

[4] The New Journey of China's Economic and Social Development / Ed. by Fuzhan Xie [et al.]; transl. by Yisheng Wu [et al.]. Beijing [et al.]: China Social Sciences Press [et al.], 2023. P. 3, 5. DOI: 10.1007/978-981-19-7915-6 (accessed: 23.06.2023).

приобретают всеобъемлющий характер, отражая общее повышение степени зрелости рыночных начал в экономике. При этом изменениям подлежат уже не столько рудименты прежней планово-административной системы, сколько структуры и механизмы переходной, смешанной экономики, с течением времени утратившие актуальность и начавшие сдерживать дальнейшее развитие страны. В этой связи, в частности, следует отметить новый виток реформирования налогообложения, банковского сектора, бюджетной системы и т.д. Закрепление права частной собственности в Конституции КНР (2004 г.) предопределило масштабное изменение отношений собственности, включая акционирование крупнейших государственных предприятий, развитие частного сектора экономики, смешанных форм собственности и государственно-частного партнерства.

Глубокие институциональные преобразования сочетаются с инструментальными реформами, создающими повседневную ткань рыночных отношений с их распространением на все новые аспекты хозяйственной деятельности. Это — постепенная дебюрократизация экономических процессов, усиление внешней открытости, маркетизация процентной ставки, развитие рынка венчурного капитала, реформа рынка акций, либерализация и диверсификация фондового рынка, интернационализация юаня и т.д.

Я.М. Бергер, один из ведущих российских экспертов по социально-экономическим и политическим проблемам Китая, характеризуя китайскую модель экономического развития, справедливо отмечал, что «…ее точнее всего воспринимать, как модель *динамическую*, требующую постоянного совершенствования соответственно изменениям внутренней и внешней обстановки. Модификация модели, ее способность приспосабливаться к меняющейся ситуации — чрезвычайно важное свойство. Не случайно некоторые видные китайские экономисты… вообще отказываются использовать само понятие модели, поскольку оно предполагает наличие некой устоявшейся, статичной конструкции, и предпочитают пользоваться понятием *путь*»[5]. Это лишний раз подчеркивает значение прямого наблюдения, мониторинга и динамической оценки конкретных аспектов и результатов реформаторской деятельности властей для поиска ответов на проблемы экономики современного Китая.

Данная книга посвящена эмпирическому изучению и научному анализу китайского опыта рыночных преобразований. В ее основу легло научное наследие доктора экономических наук, главного научного сотрудника ИКСА РАН Любови Владимировны Новоселовой (1951–2023). В число работ, определивших предмет, концепцию и основное содержание настоящего монографического исследования, вошли аналитические разработки Л.В. Новоселовой, опубликованные в многолетнем цикле ее выступлений в «Российском экономическом журнале» (1999–2022); статьи в журналах «Проблемы Дальнего Востока», «Азия и Африка сегодня», «Мировая экономика и международные отношения» и др.; написанная под ее общей редакцией монография «Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России» (М.,

[5] *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая / ИДВ РАН. М.: Форум, 2009. С. 42.

2008); авторские разделы в коллективных монографиях и сборниках статей, опубликованных как в России, так и за рубежом; выступления и доклады Л.В. Новоселовой на российских и международных научных конференциях, а также курс лекций по экономике КНР, прочитанный ею в Московской международной высшей школе бизнеса МИРБИС.

Первый раздел работы посвящен рассмотрению экономических преобразований по актуальным направлениям рыночной трансформации экономики КНР. Здесь читатель получает возможность как бы заглянуть в лабораторию китайских реформ, ознакомиться с их логикой, механизмом и инструментарием, увидеть китайскую модель рыночной трансформации во всей ее многослойности и сложности — от глубоких сдвигов в составе и направлениях основных финансовых потоков до конкретных организационно-производственных изменений в деятельности отдельных хозяйствующих субъектов. Не претендуя на исчерпывающую полноту освещения всех аспектов китайской реформы, раздел фокусируется на ключевых ее направлениях, определяющих общий ход реформаторского процесса и представляющих интерес для других стран, включая Россию.

Второй раздел дает представление о результативности предпринятых системных изменений с точки зрения темпов, пропорций и эффективности экономического развития КНР. Здесь рассматриваются макро- и микроэкономические результаты текущей экономической политики государства, дается оценка реализации важнейших национальных проектов и программ. По сути, это своего рода экономическая история КНР XXI в. Приложение включает несколько научных работ авторов настоящей книги, опубликованных и неопубликованных. Дополняя основной текст монографии, эти материалы позволяют шире взглянуть на ее проблематику в контексте глобального позиционирования экономики КНР, включая развитие как американо-китайских, так и российско-китайских отношений.

Хронологически работа охватывает главным образом время после присоединения Китая к ВТО. Это весьма сложный и насыщенный событиями период, отмеченный не только постоянным поиском оптимальных реформаторских решений, интенсивным и комплексным преобразованием экономической системы Китая, но и официальной сменой его экономической парадигмы, а также чередой глобальных форс-мажоров, включая мировой финансовый кризис, американо-китайскую торговую войну и пандемию коронавируса COVID-19. В интересах более полного раскрытия природы и характера рыночной трансформации экономики КНР в ряде случаев используются исторические отсылки, аналогии и сравнения, расширяющие хронологические рамки монографии.

В целом, позволяя предметно, с фактами и цифрами на руках рассмотреть эволюцию китайской экономической модели на современном этапе, проведенный анализ, как представляется, дает основания с определенной степенью достоверности судить о перспективах дальнейшего *пути* рыночных реформ и экономического развития КНР, а равно и о международном значении этого во многом уникального опыта.

Раздел I

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Глава 1

Преобразования в инвестиционной сфере

Ключевая роль в реализации китайской стратегии экономического развития принадлежит инвестиционной сфере и национальной инвестиционной политике, изначальная интегрированность которой в общий реформаторский процесс является важной особенностью реформы экономической системы в КНР. Предопределяя постепенность и долговременность осуществляемых институциональных преобразований, такая стратегия позволила Китаю избежать характерного для большинства стран с формирующимися рынками трансформационного спада, связанного с резким сокращением производства, сжатием инвестиционного спроса и падением жизненного уровня населения. В сочетании с огромными масштабами внутреннего производства и потребления ставка на активное развитие национального инвестиционного процесса и рынка капитала позволяет Китаю сохранять устойчивость по отношению к колебаниям международной конъюнктуры, проводя при этом последовательную политику интеграции в мировую экономику.

Осуществляя воспроизводство основных фондов как наиболее важного компонента национального богатства, инвестиционная сфера вырабатывает импульсы общей динамики экономического роста, определяет характер, темпы и пропорции развития экономики и в конечном итоге формирует социальное благополучие страны. Это обусловливает происходящие на наших глазах серьезные сдвиги в формировании, распределении и использовании инвестиционных ресурсов в КНР, равно как и во всей системе экономических отношений, обеспечивающих развитие инвестиционной сферы китайской экономики.

Система финансирования инвестиций и их источники

Будучи нацеленной на самоутверждение Китая как великой мировой державы, высокая динамика китайской экономики долгие годы обеспечивалась главным образом за счет опережающего развития инвестиционного процесса по сравнению с общим экономическим ростом страны. В последнее десятилетие минувшего века,

как и в первое десятилетие века нынешнего, темпы прироста инвестиций из года в год устойчиво превышали темпы пророста ВВП в среднем в полтора-два раза. В результате если среднемировая доля накопления в ВВП составляет около 20%, то в КНР она достигает 40%, а в отдельные годы — и более[1].

Бюджетные инвестиции. После более 40 лет рыночной трансформации важную роль в развитии инвестиционного процесса в Китае продолжают играть государственные бюджетные инвестиции. Однако, если в дореформенной, административно-плановой экономике безвозмездные бюджетные ассигнования, обеспечивая до трети ресурсов накопления, выступали в качестве системообразующего фактора экономического развития, то по мере реформирования экономики КНР произошло падение доли бюджетных инвестиций в валовых капиталовложениях (до 3–7%), сопровождаемое их превращением в один из инструментов государственного регулирования рынка капитала.

Эта роль бюджетных инвестиций особенно ярко проявляется в периоды, когда в силу тех или иных причин экономика испытывает потребность во взбадривании или в осуществлении серьезного макроэкономического структурного маневра. Так, если в сравнительно благополучные 1996–1997 гг. доля бюджетных ассигнований составляла менее 3% валовых инвестиций, то в 2002–2003 гг., после нескольких лет, отмеченных проявлениями азиатского финансового кризиса и эпидемии «атипичной пневмонии», она возросла до 6–7%. Впоследствии аналогичная ситуация повторялась не раз — в 2009–2010 гг. при преодолении последствий мирового финансового кризиса, в 2020–2021 гг. в ходе борьбы с пандемией COVID-19 и т.д.

Государственные средства, направляемые по каналам бюджетной системы КНР на финансирование капитальных вложений, концентрируются в целевых централизованных фондах, используемых для сооружения важнейших строительных объектов, — в фонде капитального строительства, фонде строительства ключевых объектов энергетики и транспорта и др.

Формирование централизованных государственных капиталовложений осуществляется не только на основе текущих бюджетных поступлений, но и путем размещения Минфином КНР государственных казначейских облигаций (ГКО). Хотя по сравнению с другими видами ценных бумаг ГКО пользуются наибольшей популярностью среди населения, основной спрос на них исходит от предприятий и организаций: в среднем 78% этих ценных бумаг реализуются институциональным инвесторам на межбанковском рынке облигаций и на фондовых биржах и только 12% — индивидуальным инвесторам за наличный расчет в банках.

В периоды экономического оживления и связанного с этим возрастания роли негосударственных источников финансирования выпуски ГКО, как правило, имеют тенденцию к сокращению. Тем не менее уже в конце первого десятилетия XXI в. суммарный объем выпущенных ГКО был близок к 1 трлн юаней. Эти средства обеспечили сооружение более 10 тыс. строительных объектов с общей суммой инвестиций в 3,2 трлн юаней. По оценкам китайских экономистов, на рубеже веков размещение ГКО позволяло КНР увеличивать темпы экономического роста на 1,5–2% ежегодно.

Основная часть бюджетных инвестиций идет на развитие энергетики, социальной инфраструктуры (здравоохранение, наука, образование, судопроизводство, система общественной безопасности) и на охрану окружающей среды, т.е. направляется именно в те общественно значимые отрасли, коммерческий потенциал которых невысок. Это позволяет сосредоточить рыночные стимулы и механизмы регулирования инвестиционного процесса на реальном секторе экономики.

Рыночный потенциал инвестиционного процесса проявляется, в частности, в развитии кредитно-банковской сферы, в повышении роли собственных средств китайских компаний и фондового рынка, а также в привлечении иностранного капитала. При этом подавляющая часть (более 95%) капиталовложений представляет собой внутренние национальные ресурсы. Они основываются на использовании двух важнейших источников — собственных средств предприятий (более $^{2}/_{3}$ валовых инвестиций) и заемных ресурсов (до 20%), которые в значительной степени формируются банковским сектором экономики за счет привлечения сбережений домохозяйств, составивших на конец 2018 г. 82 трлн юаней.

Банковский кредит. Банковское кредитование инвестиций имеет в КНР сравнительно длительную историю. Еще в 1979 г., на заре экономической реформы, Народный банк Китая (НБК, центральный банк страны) начал выдавать средне- и краткосрочные кредиты на техническую реконструкцию государственных предприятий. В 1980 г. специализированный Строительный банк Китая приступил к кредитованию капитального строительства, предоставляя ссуды на сооружение главным образом небольших объектов. С 1984 г. другие специализированные госбанки также осуществляют кредитование капитальных вложений. В 1984 г. Госсовет КНР утвердил «Доклад по некоторым вопросам распределения обязанностей между НБК и различными специализированными банками в области кредитования капиталовложений», в которых были прописаны основы формирования в стране современного рынка инвестиционного банковского кредитования.

К началу XXI в. примерно две трети выдаваемых кредитов приходилось на четыре специализированных государственных коммерческих банка — Строительный, Промышленно-торговый, Сельскохозяйственный и Банк Китая. Процентные ставки в среднем колебались в диапазоне от 5 до 7% годовых в зависимости от сроков погашения ссуд (от одного года до десяти и более лет), а также от характера денежной политики, осуществляемой НБК[2].

Собственные средства предприятий. В течение всего периода экономических реформ, предусматривающих всемерное развитие деловой активности хозяйствующих субъектов, государство проводит последовательный курс на стимулирование инвестиционной активности предприятий с использованием различных мер экономической политики. В их числе, в частности:

— сохранение (полное или частичное) в фондах развития компаний дивидендов, начисляемых на госпакеты акций, вследствие чего доля прибыли, выплачиваемая по дивидендам в Китае (в среднем около 18%), заметно ниже среднемирового показателя (примерно 30%)[3]. До 2007 г. вся сумма дивидендов государства оставалась в распоряжении компаний. Начиная с 2007 г. предпри-

ятия промышленности отчисляют в государственный бюджет 5–10%, а с 2011 г. — до 15% годовой прибыли, и эти средства, в свою очередь, также используются для финансирования инвестиций в госсекторе с учетом приоритетов правительства[4];

— поддержание низких цен на основные факторы производства. По некоторым оценкам, государственное субсидирование цен и тарифов на землепользование, водо- и энергоснабжение, трудовые ресурсы и капитал в общей сложности достигает 10% ВВП. Все это существенно снижает издержки производства, повышая его рентабельность и, соответственно, окупаемость инвестиций. К этому следует добавить и политику «дешевого юаня», усиливающую международную конкурентоспособность китайской продукции;

— применение ускоренной амортизации основных фондов (в среднем на уровне 10–15%);

— ограничение уровня кредитных ставок на фоне высоких показателей рентабельности производства и массы прибыли в КНР. Так в 2000–2010 гг. показатель доходности капитала колебался в пределах 10–17%, в то время как процентная ставка по кредиту находилась в интервале от 5 до 7% годовых. Это делало банковский кредит относительно дешевым, а следовательно, легко доступным для хозяйствующих субъектов, обеспечивало высокие темпы роста производства и инвестиций, а также создание новых рабочих мест. В зависимости именно от упомянутых показателей в КНР оценивается эффективность работы местных органов власти всех уровней.

Характерной тенденцией XXI в. является неуклонное повышение доли собственных средств компаний в валовых капиталовложениях — с 49% в начале 2000-х годов до примерно 70% в середине 2010-х. При этом наблюдаются важные структурные сдвиги в «соотношении сил» и распределении влияния между различными с точки зрения формы собственности субъектами инвестиционной деятельности. В 1995–2017 гг. удельный вес государственных предприятий в валовых инвестициях сократился с 55 до 22%, а значение данного показателя для коллективных предприятий буквально рухнуло с 16 до чуть более 1%. Одновременно доля обществ с ограниченной ответственностью и акционерных компаний увеличилась с 4 до 36%, а доля частных предприятий достигла 32%[5]. Таким образом, за указанные два с небольшим десятилетия рыночной трансформации предприятия общественной формы собственности утратили характерное для прежних лет доминирование в развитии инвестиционного процесса. По оценке известного специалиста по экономике КНР Николаса Ларди (США), предприятия госсектора, а также контролируемые государством акционерные компании и общества с ограниченной ответственностью в последнее десятилетие в совокупности обеспечивают не более 30–35% общего объема инвестиций. Свыше 50% капиталовложений осуществляется частными китайскими компаниями, остальное — так называемыми прочими (коллективными, кооперативными, индивидуальными, а также полностью иностранными или совместными с иностранцами) предприятиями[6]. В этих условиях увеличение собственных фондов предприятий отражает все более рыночный характер реформируемой эко-

номики КНР, а также повышение прибыльности китайских компаний в результате реорганизации государственного сектора и развития частного бизнеса.

Основные потоки инвестиций распределяются между высокорентабельными экспортно ориентированными отраслями обрабатывающей промышленности (электроника, текстильная и швейная промышленность и т.д.), капиталоемкими отраслями с ориентацией как на внешний, так и на внутренний рынок (машиностроение, металлургия, химическая промышленность), производственной и социальной инфраструктурой, а также сферой недвижимости.

Фондовый рынок. Помимо использования прибыли предприятий, определенная часть *самостоятельно аккумулируемых средств* состоит из средств, получаемых от эмиссии корпоративных ценных бумаг — облигаций и акций. В этой связи все более заметную роль в развитии инвестиционного процесса играет фондовый рынок КНР. В его основу положена система акционирования государственных предприятий с выделением трех различных типов акций — нерыночные акции государства, нерыночные акции юридических лиц и рыночные акции. Это позволило правительству сохранить контрольный пакет в капитале абсолютного большинства котирующихся на фондовом рынке компаний, львиную долю которых составляют государственные корпорации.

В КНР преобладает так называемая многоуровневая структура собственности, реализуемая посредством держания контрольных пакетов акций свыше 75% листинговых компаний государственными компаниями и корпорациями, принадлежащими государству. Непосредственно через органы исполнительной власти государство контролирует менее 10% листинговых компаний.

Рынок облигаций КНР, как и фондовый рынок в целом, находится под постоянным регулирующим воздействием со стороны государства. Помимо упоминавшихся выше ГКО, которые выпускаются Министерством финансов КНР для финансирования расходов государственного бюджета, в Китае выпускаются также финансовые и корпоративные облигации. Финансовые облигации, эмитируемые тремя государственными банками развития для финансирования крупных инфраструктурных проектов, по своему характеру также являются государственными ценными бумагами, имеющими государственные гарантии.

До 2007 г. действовала система государственного квотирования выпуска корпоративных облигаций, а уровень купонного дохода по ним определялся НБК. Начиная с 2008 г., когда эти ограничения были сняты, эмиссию может осуществлять любая компания при условии, что она отвечает установленным государством критериям (объем чистых активов, уровень кредитной задолженности и т.д.).

Внебюджетные фонды. Помимо собственных фондов предприятий и средств, получаемых в результате эмиссии ценных бумаг, определенную роль в формировании *самостоятельно аккумулируемых средств* до недавнего времени играли внебюджетные фонды — не включаемые в госбюджет финансовые средства, поступающие в распоряжение отдельных хозяйственных единиц и местных органов власти, наделенных соответствующими полномочиями. В конце истекшего века объем таких фондов, средства которых формируются за счет чистого дохода от услуг, приносящих прибыль, платежей административного и хозяйственного характера, целе-

вых отчислений в спецфонды и т.п., был сопоставим с масштабами госбюджета. В 80–90-е годы прошлого века средства внебюджетных фондов шли главным образом на капитальное строительство, а в дальнейшем стали все более направляться на гуманитарные и административные цели.

Таким образом, государственные инвестиции в Китае это не только и не столько капиталовложения, финансируемые посредством прямых ассигнований из государственного бюджета, но и инвестиции из разнообразных инвестиционных фондов (включая средства министерств, ведомств, специализированных фондов развития и т.д.), инвестиции за счет кредитов госбанков, средств государственных предприятий центрального и местного подчинения, а также многочисленных компаний с ограниченной ответственностью и акционерных компаний с долей государственного участия. Во втором десятилетии XXI в., оставаясь в зоне государственного контроля, эти средства стабилизировались на уровне 40–45% валовых инвестиций в экономику КНР (в 1980-е годы — 80–90%, в 1990-е — 70–75%).

Таблица 1

Источники финансирования инвестиций (%)

Год	Всего	Государственный бюджет	Банковский кредит	Иностранные инвестиции	Средства предприятий и прочие инвестиции
2000	100,0	6,4	20,3	5,1	68,2
2005	100,0	4,4	17,3	4,2	74,1
2010	100,0	4,7	15,2	1,6	78,5
2015	100,0	5,3	10,5	0,5	83,8
2016	100,0	5,9	10,9	0,4	82,9
2017	100,0	6,1	11,3	0,3	82,3

Примечание: «Прочие инвестиции» — средства, полученные от выпуска акций и корпоративных облигаций, а также от других экономических субъектов, составляющие около 10% общего объема инвестиций.

Источник: China Statistical Yearbook 2018. Beijing: China Statistics Press, 2018. Table 10-4. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2018/indexeh.htm (accessed: 10.02.2023).

Иностранные инвестиции. Что касается иностранных инвестиций, то, как известно, их массовый приток в 1980–1990-е годы сыграл важную роль в развитии и модернизации экономики КНР.

При этом в период после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., и особенно в середине 2010-х годов, ставка китайского руководства на привлечение максимально возможного объема средств из-за рубежа сменилась политикой, ориентированной на качественное наполнение иностранного капитала высокотехнологичной продукцией, современными ноу-хау, передовыми технологиями. В последние

годы в условиях турбулентности мировой экономики вкупе с общим сокращением трансграничных потоков капитала это обусловливает сокращение удельного веса прямых иностранных инвестиций в общем объеме капиталовложений. На долю предприятий иностранного капитала (включая компании, полностью или частично принадлежащие инвесторам из Гонконга, Макао и Тайваня) в 2017 г. пришлось менее 1% валовых инвестиций в китайскую экономику против примерно 11% в 1995 г.

Вместе с тем после присоединения к ВТО в Китае отчетливо проявляются новые тенденции движения капитала, соответствующие общемировой практике. Яркий тому пример — принятое весной 2003 г. Министерством внешнеэкономических связей и внешней торговли КНР (ныне — Министерство коммерции КНР) Положение о слияниях и поглощениях между зарегистрированными в КНР компаниями с участием иностранного капитала и китайскими предприятиями любой формы собственности. Правила устанавливают, что компании, принадлежащие иностранным инвесторам, имеют возможность осуществлять слияния с собственно китайскими предприятиями, выкупив (полностью или частично) их акционерный капитал либо активы.

В 2004 г., обеспечив более 30% объема корпоративных слияний и поглощений в Азии (без учета японского сектора рынка), КНР вышла на первое место по масштабам соответствующих трансграничных операций в азиатском регионе. В целом изменения, происходящие с начала нынешнего века в области привлечения зарубежных инвестиций, свидетельствуют об общей ориентации китайских властей на органичное включение сектора иностранного предпринимательства в общенациональный рынок капитала с обеспечением в конечном итоге единых условий конкуренции для всех участников инвестиционного процесса.

Инструментарий инвестиционного регулирования

Китай, где роль государства в управлении экономическими процессами традиционно велика, демонстрирует немалую изобретательность при организации контроля и регулирования инвестиционной сферы. Еще в 1990-е годы по мере формирования в КНР системы «социалистической рыночной экономики» практика прямого вмешательства государства в экономику стала утрачивать актуальность, постепенно уступая место методам косвенного государственного руководства и контроля с комплексным применением экономических, правовых, административных и других средств. Уже в первое десятилетие XXI в. сложился базовый арсенал инструментов инвестиционного регулирования с акцентом на использование механизмов, ориентированных на экономические интересы субъектов рынка. При этом речь идет не только о динамичном наращивании капиталовложений в интересах подстегивания экономического роста, но и о рациональном сдерживании инвестиционной активности в случае необходимости.

Меры прямого воздействия государства на инвестиционную сферу. Несмотря на длительную и глубокую рыночную трансформацию, Китай демонстрирует рабо-

тоспособность сохраняющихся элементов мобилизационной экономики с точки зрения регулирования инвестиционного процесса, включая оперативное аккумулирование и перераспределение гигантских инвестиций при обнаружнии кризисных явлений в экономике.

При возникновении угрозы перегрева экономики, чреватого ростом инфляции, усилением диспропорций, снижением эффективности производства, включается административный ресурс. Правительство выпускает циркуляры, обязывающие местные органы власти провести инвентаризацию строящихся объектов с целью закрытия тех из них, которые не соответствуют действующим стандартам и нормативам (приоритетам национальной промышленной и земельной политики), не имеют необходимых разрешений, отрицательно воздействуют на окружающую среду и т.д. Такой подход, как правило, распространяется на объекты с суммой инвестиций свыше 100 млн юаней, однако для наиболее «переинвестированных» отраслей (сталелитейная, цементная, алюминиевая промышленности и др.) эта планка может быть многократно понижена.

В случае возникновения особенно резких дисбалансов инвестиционных потоков власти КНР используют широкий круг специальных мер, имеющих адресный, целевой характер. Примером этого может служить политика в области жилищного и офисного строительства, которое через кооперационные связи с более чем 50 отраслями экономики подпитывает инвестиционный спрос. Когда масштабы инвестиционной активности на рынке недвижимости, по мнению китайского руководства, выходят за рамки разумного и стимулируют рост спекулятивных тенденций, применяются такие ограничительные меры, как повышение размеров первоначального взноса при приобретении жилья, увеличиваются размеры налогообложения доходов от продажи жилья, вводятся ограничения на приобретение жилья иностранными гражданами и т.д.[7].

Другой пример — ограничение прибыльности и, как следствие, снижение возможности инвестирования для предприятий черной металлургии, бурное развитие которой в начале XXI в. оказывало отрицательное воздействие на состояние окружающей среды и существенно повышало энергоемкость промышленной продукции Китая. С этой целью в 2006–2007 гг. властями был предпринят ряд последовательных шагов — от сокращения возврата НДС при экспорте металлургической продукции до полной отмены возмещения экспортного НДС и введения экспортных пошлин в размере 5–15%. Одновременно с целью сокращения нерентабельных производственных мощностей и повышения эффективности производства практиковалось закрытие небольших и убыточных металлургических предприятий, а также поощрялись сделки по слиянию и поглощению сталелитейных компаний на внутреннем рынке КНР с активным участием крупнейших предприятий отрасли (Аньшаньский, Баошаньский, Уханьский металлургические комбинаты и т.д.).

Отметим также, что, начиная еще с середины 2010-х годов, в Китае запрещено создание новых компаний с участием иностранного капитала в сталелитейной промышленности, а также в других чреватых перегревом и относительным перепроизводством промышленных отраслей (цементная промышленность, алюминиевая промышленность и т.п.).

В отсутствие частной собственности на землю действенным рычагом регулирования инвестиционной активности в КНР является предоставление землеотводов под строительство. По указанию правительства Управление по земельным ресурсам ограничивает выдачу разрешений на строительство там, где отмечается наибольшая перенасыщенность строительными площадями. С 2006 г. в провинциях действуют специальные контрольные органы для надзора за соблюдением законодательства при отчуждении земельных участков под объекты капитального строительства. Результатом всего этого является прямое воздействие государства как на размеры, так и на отраслевое распределение капитальных затрат.

В последние годы, отмеченные развитием турбулентности в мировой экономике, актуальными являются действия государства по стимулированию инвестиционного процесса. При кризисном замедлении темпов роста (как это было, например, в 2008–2009 и в 2020 гг.), используя как бюджетные, так и внебюджетные источники, правительство оперативно формирует пакеты разнообразных антикризисных мер и направляет соответствующие ресурсы на поддержание национальной экономики. При этом крупные государственные инвестиции подкрепляются фискальными льготами, стимулирующими корпоративные инвестиции в развитие производства, а также дополнительными масштабными расходами госбюджета на усиление внутреннего потребительского спроса (субсидирование цен на зерно, увеличение финансовой помощи крестьянам, субсидирование продаж бытовой техники и др.).

Как показывает практика, административные меры являются достаточно эффективными с точки зрения экстренного купирования негативных, кризисных тенденций в развитии инвестиционного процесса. В то же время с учетом роста рыночных тенденций в китайской экономике для создания и поддержания баланса в инвестиционной сфере на более длительный период требуются иные инструменты, способные оказывать воздействие на формирование самой рыночной среды.

Инвестиционный менеджмент. В интересах реализации государственной структурной политики после отмены директивного экономического планирования и резкого сокращения бюджетных капиталовложений Китай перешел к использованию более сложной системы инвестиционного менеджмента. Главным институциональным звеном этой дифференцированной многоуровневой системы является Государственный комитет по делам развития и реформ КНР (ГКРР). Этот ключевой орган государственной власти отвечает за средне- и долгосрочное планирование и управление развитием экономики КНР, осуществляет разработку основополагающих направлений экономической реформы и национальной экономической политики, готовит соответствующие нормативные акты. Одновременно ГКРР руководит реализацией ключевых инфраструктурных проектов правительства, призванных обеспечить устойчивое развитие страны на основе координации природоохранных мер, энергосбережения и комплексного использования ресурсов.

Важнейшим инструментом ГКРР в области администрирования капиталовложений в основные фонды предприятий всех видов и всех форм собственности является подготавливаемый, регулярно пересматриваемый и обновляемый «Каталог для руководства реструктуризацией промышленности». Определяя как приоритетные, так и ненужные с точки зрения государства отрасли и сферы производства, данный

Каталог оказывает влияние на формирование бюджетной, налоговой, кредитной, земельной, внешнеторговой политики страны и в конечном итоге служит для инвесторов насущным руководством при принятии инвестиционных решений.

Китайская система промышленной классификации включает все без исключения виды промышленной продукции, перечисленные в соответствующей классификации ООН. В этой связи в редакции Каталога от 2019 г., например, классифицировано 1477 наименований продукции, производимой предприятиями 48 отраслей промышленности. Все они распределены на несколько крупных категорий, включая одобряемые, подлежащие ограничению и устаревшие. Отрасли и сферы производства, не получившие отражения ни в одной из указанных категорий, по умолчанию относятся к разряду разрешенных. Здесь допускается обычная предпринимательская деятельность на общих основаниях в соответствии с действующими законами, правилами и иными нормативными актами.

Категория устаревших отраслей состоит из производств, использующих в основном старые технологии, оборудование и материалы, которые уже не отвечают действующим нормативам, приводят к серьезной растрате материальных ресурсов, загрязняют окружающую среду и не способны обеспечить должный уровень охраны труда. Китай держит курс на поэтапное закрытие промышленных мощностей такого рода. В этой связи предприятиям, действующим в устаревших отраслях, запрещено привлекать как отечественные, так и иностранные инвестиции, им предписано последовательное свертывание производства по установленному властями графику.

В отношении объектов, уклоняющихся от выполнения указанных требований, органам государственного управления всех уровней надлежит в рамках действующего законодательства принимать административные меры по закрытию предприятий с трудоустройством высвобождаемого персонала и погашением ранее выданных банковских кредитов. Среди административных мер такого рода, в частности, можно отметить прекращение всех форм кредитной поддержки; повышение тарифов на электроэнергию; отзыв лицензий на производство лицензируемых видов продукции; прекращение корпоративной регистрации и снятие объекта с государственного учета; отзыв лицензии на загрязняющие выбросы; прекращение подачи электроэнергии и т.д.[8].

В категорию отраслей, подлежащих ограничению, входят производства, деятельность которых не способствует оптимизации и модернизации промышленной структуры страны и в которых главным образом используются отсталые технологии, не отвечающие современным требованиям рынка. Работа подлежащих ограничению отраслей поставлена под регулирующее воздействие государства, подразумевающее необходимость модернизации их деятельности в течение определенного периода времени. Создание новых производственных мощностей на действующей технологической основе запрещено. Соответственно, запрещены и новые инвестиции отечественных и зарубежных инвесторов.

Профильные государственные органы и учреждения, следуя принципу выживания сильнейших, применяют к производствам, подлежащим ограничению, административные меры. В частности, новые инвестиции в таких отраслях не подлежат

одобрению и регистрации. Финансовым учреждениям не разрешается выдавать им кредиты. Для них запрещено прохождение государственных процедур землеотвода, разрешения на строительство, сертификации на соответствие требованиям охраны окружающей среды и т.д.[9].

В категорию одобряемых входят те отрасли промышленности и сферы услуг, в которых используются передовые технологии, оборудование и материалы, а также отрасли, играющие важную роль в экономическом и социальном развитии страны, способствующие экономии ресурсов, защите окружающей среды, оптимизации и модернизации промышленной структуры. Учитывая, что в структуре китайской промышленности все еще преобладают трудоемкие отрасли и отрасли тяжелой промышленности, а на высокотехнологичные производства обрабатывающей промышленности приходится лишь 13,9% промышленной продукции, Каталог в версии 2019 г. уделил первостепенное внимания выпуску высококачественной продукции обрабатывающей промышленности, охватывая до 60% ее производственной номенклатуры.

В целом, согласно Каталогу-2019, в категорию одобряемых отраслей вошло производство более 820 видов товаров и услуг, включая, в частности, дополнительно внесенные в нее развитие человеческих ресурсов, искусственный интеллект, уход за людьми старшего возраста и малолетними детьми, а также бытовые услуги[10]. Предпринимательская деятельность в отраслях данной категории подлежит всесторонней поддержке со стороны государства в виде преференциальной политики и специальных мер государственной помощи.

В распоряжении правительства имеется широкий набор экономических льгот, стимулов и преференций, ориентированных на предприятия одобряемых государством отраслей экономики. Это прежде всего разнообразные налоговые льготы, включая пониженные ставки налогообложения, налоговые зачеты, возмещение налога на добавленную стоимость, налоговые вычеты на исследования и разработки, специальные нормы начисления амортизации и износа оборудования, а также снижение импортных пошлин на основные технологии, сырье и оборудование.

Большое значение имеет как прямая, так и косвенная финансовая поддержка бизнеса со стороны государства. В частности, китайское правительство осуществляет ряд общенациональных научно-исследовательских программ, для реализации которых участвующие компании и исследовательские центры получают от правительства целевые гранты, а также пользуются возможностями кадрового укрепления. Компания *Huawei*, например, в 2010 г. безвозмездно получила от правительства КНР около 150 млн долл. на проведение НИОКР.

Следует отметить и предоставляемые правительством государственные субсидии на стартовый капитал, обеспечение доступа к дешевой земле, к банковским кредитам по субсидируемым процентным ставкам и т.д. Контролируя банковский сектор, правительство, по сути дела, определяет основные направления инвестиционного кредитования и тем самым стремится поддерживать в первую очередь именно стратегически важные отрасли. Гарантированный доступ к льготным финансовым ресурсам нередко является решающим фактором успеха для отдельных компаний, а равно и целых отраслей.

Аналогичным образом строится работа по привлечению иностранного капитала. В соответствии со специальным отраслевым каталогом, выпускаемым для иностранных инвесторов Министерством коммерции и ГКРР, прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в зависимости от области их приложения могут поощряться либо не поощряться или даже запрещаться государством. Там, где они поощряются и пользуются соответствующими льготами, ПИИ приносят с собой финансовые ресурсы, человеческий капитал, передовые технологии и управленческий опыт. Все это оказывает дополнительную поддержку развитию производства в одобряемых правительством секторах экономики.

Надежным способом стимулирования инноваций и развития производства являются закупки для государственных нужд. В Китае, как и в других странах, они нередко способствуют масштабированию новых технологий, помогают компаниям-поставщикам в решении проблем с текущим финансированием и направляют денежные потоки в ключевые области развития. В этих целях при организации государственных закупок в Китае используется приоритетное привлечение местных поставщиков (предпочтительно с наличием у них прав интеллектуальной собственности на поставляемую продукцию), организуется ускоренное прохождение патентных заявок от местных заявителей и т.д. Одновременно Китай поощряет разработку национальных технологических стандартов, отдавая им предпочтение при закупках для государственных нужд и тем самым, при необходимости, ограничивая использование конкурирующей иностранной продукции.

В целом государственные средства, выделяемые в КНР на реализацию мер структурной (промышленной) политики, превосходят аналогичные затраты в других странах с крупной экономикой. По оценке международных экспертов, в 2019 г. общая стоимость поддающихся количественной оценке инструментов структурной политики, включая прямые промышленные субсидии, налоговые льготы и скидки, государственное финансирование коммерческих НИОКР, льготные банковские кредиты, льготы по отводу земли под строительство, составили свыше 248 млрд долл., или не менее 1,7% ВВП КНР. С учетом средств, направляемых на закупку продукции для государственных нужд, затраты Китая на реализацию промышленной политики достигают 5% ВВП[11].

Наконец, критическим фактором государственной поддержки развивающихся отраслей китайской промышленности являются реализуемые правительством крупные инфраструктурные проекты. Сооружение телекоммуникационной инфраструктуры, современных автомобильных трасс, линий электропередачи, высокоскоростного железнодорожного сообщения и т.п. — все это формирует современную бизнес-среду, необходимую для эффективного применения всех перечисленных выше экономических инструментов.

Сказанное в равной мере относится и к особым районам льготного инвестирования, специализирующимся на определенных направлениях промышленного, технического или экономического развития. В их числе особые экономические зоны, зоны технико-экономического развития, зоны свободной торговли, промышленные парки и т.д. Создаваемые государством на национальном, провинциальном, муниципальном и окружном уровнях, эти специальные районы, как правило, обеспечи-

вают комплексное применение всего арсенала мер государственной поддержки и подчас позволяют обходить некоторые общегосударственные нормативные акты, которые в противном случае могли бы воспрепятствовать динамичному промышленному развитию[12].

Макроэкономический контроль. Финансирование программ развития национальной экономики является основой деятельности банковской системы КНР, более 65% капитала которой по-прежнему находится в собственности либо под контролем государства (государственные банки развития, крупные государственные коммерческие банки, контрольные пакеты в капитале большинства общенациональных акционерных банков). Отсюда сильное государственное влияние, испытываемое банковским сектором и реализуемое посредством нормативно-правового и административного регулирования, а также за счет участия представителей правительства в органах корпоративного управления крупнейших банков КНР.

Так, при необходимости ограничения инвестиционной активности правительство КНР не раз выпускало распоряжения и рекомендации, ограничивающие деловую активность кредитно-финансовых учреждений. В частности, речь идет о запрете на предоставление местным органам власти так называемых пакетных (т.е. не имеющих проектного наполнения) инвестиционных кредитов и подписание с ними соглашений о кредитном сотрудничестве, о временном «замораживании» выдачи кредитов государственными коммерческими банками (банки «Большой четверки») в 2006 и 2010 гг. и т.д.[13].

Директивное квотирование банковских кредитов было отменено в 1998 г. Однако в отдельные годы с наиболее активным ростом капитальных затрат (например, в 2007 и 2008 гг.) с целью усиления контроля над ними НБК прибегал к установлению предельных размеров кредитов, разрешенных к выдаче банковскими институтами страны в расчете на год. Несмотря на то что этот показатель официально имел индикативный характер, НБК достаточно жестко контролировал его выполнение. К банкам-нарушителям, независимо от их статуса, применялись санкции в виде адресного выпуска обязательных к приобретению «штрафных» облигаций НБК с низким уровнем купонного дохода.

Важная роль в регулировании инвестиций принадлежит разнообразным мерам денежной политики, ориентированным прежде всего на банковский сектор. С этой целью вплоть до второй половины 2010-х годов НБК прибегал к периодическому изменению базовых процентных ставок по депозитам и кредитам в юанях (по типу бенчмаркинга). При этом устанавливаемые коммерческими банками процентные ставки по кредитам не должны быть существенно ниже, а по депозитам — выше, чем объявленные НБК базовые ставки. Кроме того, НБК периодически прибегает к регулированию нормы обязательного резервирования средств коммерческих банков, тем самым увеличивая или уменьшая предложение ликвидности на денежном рынке страны[14].

Используется и ряд других мер. В их числе, например, регулярные аукционы векселей НБК, выпуск которых позволяет стерилизовать денежную массу на десятки и даже сотни миллиардов юаней. Следует упомянуть и введенные в 2008 г. обязательные для городских и сельских кредитных кооперативов депозиты

в НБК сроком на три месяца (из расчета 2,91% годовых) и на один год (3,44% годовых)[15].

В зависимости от текущей ситуации в экономике КНР эти меры используются как для стимулирования инвестиционной активности банков, так и для сдерживания их кредитной экспансии во избежание образования финансовых «пузырей» на рынке банковского кредитования. Так, например, в период борьбы с перегревом экономики норма резервирования с июля 2006 г. по июнь 2008 г. была повышена с 7,5 до 17,5%. В отличие от этого в острый период мирового финансового кризиса (июль 2008 г. — декабрь 2009 г.) норма резервирования была снижена до 13,5%. Впоследствии этот показатель возобновил рост, достигнув к концу 2011 г. 21,5%. В целом ужесточение денежной политики призвано удерживать инвесторов от чрезмерных заимствований, а банки — от избыточного кредитования строительных проектов. И наоборот, смягчение мер монетарного регулирования, сокращая стоимость финансирования, стимулирует деловую активность предприятий-инвесторов.

Важную роль в регулировании финансовых рынков и, соответственно, деловой активности инвесторов играет и своевременный вывод избыточной ликвидности с денежного рынка. В середине и второй половине 2010-х годов скачкообразное повышение конъюнктуры китайского рынка ценных бумаг стимулировало массовый приток накоплений населения и предприятий на фондовые биржи, подогревавший спекулятивный ажиотаж. Чтобы остудить этот рынок и не допустить возникновения эффекта финансового пузыря, в Китае была разработана и применена Программа квалифицированных отечественных институциональных инвесторов (далее — Программа). В рамках Программы специально отобранные банки, страховые и управляющие компании получили право принимать от частных лиц и компаний средства в юанях, переводить их в иностранную валюту и затем покупать на имя китайских инвесторов ценные бумаги иностранных эмитентов на фондовых рынках зарубежных стран.

На статус квалифицированного институционального инвестора, присуждаемый Комитетом по контролю за ценными бумагами при Госсовете КНР (ККЦБ), могли претендовать управляющие компании с опытом работы не менее двух лет и чистыми активами не менее 200 млн юаней, а также страховые компании с чистыми активами не менее 800 млн юаней и опытом операций с коллективными инвестициями не менее года. Размер операций в рамках Программы должен соответствовать специальной годовой квоте, выделяемой для каждого квалифицированного инвестора Комитетом по регулированию банковской деятельности (КРБД). В круг вовлеченных зарубежных фондовых рынков вошли страны, подписавшие с КНР специальные меморандумы о сотрудничестве.

Обеспечивая отток ликвидности с внутреннего рынка, Программа способствует балансированию спроса и предложения на китайском рынке капитала. В этом же направлении действует и коммерциализация использования валютных запасов. Уже в середине первого десятилетия 2000-х годов ежемесячные валютные поступления страны составляли в среднем без малого 40 млрд долл., что позволяло прогнозировать увеличение общей суммы валютных запасов КНР до 2 трлн долл. к концу десятилетия. Львиная доля аккумулированных Китаем запасов иностранной валюты вложена в долгосрочные обязательства Казначейства США. При любых изменениях

глобальной конъюнктуры имеющихся средств достаточно для обеспечения устойчивости международных позиций КНР.

В этих условиях в Китае было принято решение разместить часть валютного резерва страны в более доходные, хотя и более рискованные, корпоративные активы на международном рынке капитала. При этом за ориентир принята деятельность сингапурской государственной инвестиционной компании *Temasek Holdings*, которая, действуя в качестве стратегического инвестора, владеет крупными пакетами акций как сингапурских, так и зарубежных компаний в самых различных отраслях экономики и получает до 18% годовых на вложенный капитал[16].

В сентябре 2007 г. учреждена государственная Китайская инвестиционная корпорация (*China Investment Corporation Ltd*.). Капитал корпорации изначально сформирован посредством передачи ей 200 млрд долл. из валютных запасов КНР. Механизм капитализации предусматривал выпуск Министерством финансов КНР специального 10-летнего облигационного займа на 1,55 трлн юаней и использование этих средств для выкупа необходимых 200 млрд долл. из валютного запаса страны. В результате Китайская инвестиционная корпорация получила в свое распоряжение крупнейший суверенный инвестиционный фонд для совершения долгосрочных стратегических инвестиций за рубежом при одновременном «связывании» огромной избыточной юаневой массы на внутреннем денежном рынке[17]. Первоначально Китайская инвестиционная корпорация инвестировала в акции и другие ценные бумаги, но затем, особенно после международного финансового кризиса 2008–2009 гг., стала заниматься и прямыми инвестициями, покупкой недвижимости и другими долгосрочными вложениями.

Инвестиции Китайской инвестиционной корпорации направляются главным образом в отрасли информационных технологий (22,8% по данным на 2022 г.), в науки о жизни (биотехнологии, медицина, здравоохранение, фармацевтика, пищевая промышленность), а также в обрабатывающую промышленность, добывающую промышленность и телекоммуникации. В 2021 г. норма прибыли на размещенные за рубежом средства достигла 14,3%, а в среднем за предыдущее десятилетие составила 8,7%. В результате к 2023 г. активы Китайской инвестиционной корпорации возросли до 1,35 трлн долл.[18].

Переход к новой модели экономического роста

Анализ механизма регулирования инвестиционной активности в КНР демонстрирует весьма умелое сочетание китайскими властями административных, квазирыночных и собственно рыночных инструментов, оказывающих как прямое, так и косвенное воздействие на состояние инвестиционной сферы. В целом, требуя постоянного мониторинга текущей ситуации и вовлечения в работу, по сути дела, всех органов экономического управления, это позволяет КНР достаточно уверенно преодолевать современные кризисные явления в мировой экономике.

Вместе с тем с точки зрения внутренних особенностей экономической системы результативность используемых властями КНР инвестиционных регуляторов далеко не всегда соответствует ожиданиям. Как показывает практика, с учетом смешан-

ного характера китайской экономики на нынешнем этапе развития традиционные административные меры постепенно теряют прежнюю, характерную для дореформенного Китая безоговорочность, а новые рыночные инструменты действуют подчас с большими издержками, преодолевая сопротивление все еще жесткой бюрократической системы и высокую инертность экономических процессов в условиях огромных масштабов страны.

Это в значительной мере связано с медленным преобразованием государственного сектора экономики, на долю которого приходится около 40% ВВП. В частности, это относится к инвестиционной самостоятельности государственных предприятий, которая, несмотря на внушительную часть оставляемой им прибыли, медленно наполняется адекватным экономическим содержанием. Среди главных причин этого — сохраняющаяся зависимость низовых инвестиционных решений от вышестоящих органов управления, а также административное ограничение процесса акционирования.

Кроме того, очевидное повышение роли банков в развитии инвестиционного процесса обгоняет осуществление соответствующих сдвигов в расширении самостоятельности самих кредитных институтов и изменении характера их активных операций. В этих условиях деятельность большинства предприятий госсектора остается по-прежнему несвободной от таких характерных для прежней экономической системы явлений, как государственный патернализм и отсутствие реального предпринимательского риска.

Ситуация усугубляется расхождением интересов центральных и региональных властей, происходящим под влиянием прогрессирующей коммерциализации отношений в китайском обществе и установления тесных взаимосвязей между местными властями и бизнесом. Получив в ходе децентрализации управления экономикой расширенные инвестиционные и иные экономические полномочия и будучи при этом традиционными государственными структурами, местные власти не только оказались не в состоянии функционировать в качестве полноценных субъектов рыночных отношений, но и в значительной мере воспроизвели на своем уровне модель административного управления (экономический регионализм).

Обеспечивая сохранение основных рычагов политической власти в стране, такая система в то же время способствует нерациональному использованию экономических ресурсов, препятствует установлению прямых хозяйственных связей между экономическими агентами, ограничивает возможности функционирования конкурентного рынка, а значит — и роста экономической эффективности. Более того, в недрах такой дуалистической хозяйственной системы весьма быстро формируются каналы коррупции государственного аппарата и незаконного обогащения отдельных слоев общества.

Руководствуясь целым рядом собственных интересов, не имеющих непосредственной предпринимательской мотивации (создание дополнительных рабочих мест, достижение максимальной самообеспеченности региона и т.д.), правительства провинций и муниципалитетов при первой возможности инициируют широкое новое строительство объектов местной промышленности с использованием как собственно бюджетных средств, так и фондов подконтрольных предприятий и банковского

кредита. Отсюда наблюдавшееся как в 1990-е, так и в 2010-е годы общее разбухание объемов капитальных вложений в КНР при неэффективном распылении инвестиций по многочисленным строительным объектам. Несмотря на все усилия центральной власти удержать темпы экономического роста в пределах 8%, среднегодовые темпы прироста ВВП КНР в первое десятилетие нынешнего века превысили 10%, заставляя экономику страны периодически балансировать на грани перегрева, осложняющего стабильное устойчивое развитие.

В рассматриваемый период бросается в глаза экстенсивный, крайне затратный характер развития страны за счет мобилизации огромных инвестиционных ресурсов, использования дешевой рабочей силы и опережающего роста экспорта. Как свидетельствует китайская статистика (см. табл. 2), в первое десятилетие нового века доминирование инвестиций в качестве двигателя экономического роста становилось все более очевидным. Доля инвестиций в ВВП повысилась до 72,6% в 2012 г. против 33,2% в 2000 г. Это, с одной стороны, характеризует чрезвычайно высокий уровень накопления и масштабность инвестиционного процесса, а с другой стороны, демонстрирует весьма ограниченные возможности серьезного расширения потребления населения.

Таблица 2

Доля инвестиций в ВВП Китая (%)

Год	Доля в ВВП
2000	33,2
2005	48,3
2009	65,8
2010	69,3
2011	66,1
2012	72,6

Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2013. Beijing: China Statistics Press, 2013. Tables 2-1, 5-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2013/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023).

Удельный вес частного потребления в ВВП Китая даже по меркам развивающихся стран был крайне низок. В 2010 г. он составил 33,8% против 53,7% в Таиланде, 61,9% в Индии, и 52,5% в Республике Корея[19]. Доходы населения заметно отставали от динамики ВВП и к тому же распределялись крайне неравномерно. Ограничивая рост жизненного уровня населения и развитие социальной сферы, это подпитывало потенциал социальной напряженности.

При этом для поддержания набранной экономической динамики из года в год КНР были необходимы все большие масштабы инвестиционных ресурсов (см.

табл. 3). На фоне активного роста национальной экономики эффективность использования капиталовложений неуклонно снижалась: если в начале века для обеспечения одного юаня прироста ВВП требовалось почти 3,5 юаня инвестиций, то в 2012 г. для этого необходимо было затратить уже почти 8,2 юаня, а преодоление влияния мирового экономического кризиса в 2009 г. потребовало даже более 8,3 юаня на единицу прироста ВВП.

Таблица 3

Эффективность инвестиций в КНР

Показатель	2000 г.	2005 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
ВВП (млрд юаней)	9921,5	18493,7	34090,3	40151,3	47310,4	51894,2
Темпы прироста ВВП (%)	8,4	11,3	9,2	10,4	9,3	7,7
Прирост ВВП (млрд юаней)	953,8	2505,9	2685,7	6060,9	7159,2	4583,8
Общий объем инвестиций (млрд юаней)	3291,8	8877,4	22459,9	27812,2	31148,5	37469,5
Темпы прироста инвестиций (%)	10,3	26,0	30,0	23,8	23,6	20,3
Инвестиции/прирост ВВП	3,45	3,55	8,36	4,58	4,35	8,17
Прирост ВВП/инвестиции	0,29	0,28	0,12	0,22	0,23	0,12

Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2013. Beijing: China Statistics Press, 2013. Tables 2-1, 2, 4, 5-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2013/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023).

Даже принимая во внимание происходящие изменения в структуре китайской экономики в сторону повышения ее капиталоемкости (с учетом активного строительства производственной и социальной инфраструктуры), а также повышение дорогостоящего высокотехнологичного компонента в составе основных фондов, это означает, что на практике из года в год воспроизводилась характерная для страны ситуация нерационального растягивания фронта строительных работ, замораживания инвестиций в незавершенных объектах, создания избыточных производственных мощностей в отдельных секторах. Обострялась и проблема ресурсообеспечения. Затраты сырья и энергии на производство единицы ВВП были в 4–6 раз больше, чем в развитых странах, вызывая дефицит сырья и энергии, катастрофическое загрязнение окружающей среды, а равно и угрозу истощения национального экономического потенциала[20].

Таким образом, китайская экономика оказалась как бы внутри замкнутого круга — для сохранения набранных темпов роста необходимы все возрастающие размеры инвестиций, а для их формирования требуется все больше «перекашивать» использование ВВП в пользу накопления и, соответственно, в ущерб потреблению. В результате, с одной стороны, возникают предпосылки для проявления недовольства населения уровнем оплаты труда и общего нарастания социальных противоречий в обществе, а с другой — воспроизводственный процесс по необходимости все более ориентируется на внешние рынки сбыта.

В 2000–2010 гг. экспортная квота КНР увеличилась с 20,5 до 26%, демонстрируя очевидное усиление зависимости от внешнего рынка[21]. Негативные аспекты этого проявились в ходе мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., вызвавшего резкое падение спроса на товары китайского экспорта. Гипертрофированное развитие экспорта не только влечет за собой избыточное усиление влияния международной рыночной конъюнктуры на воспроизводственный процесс в КНР, но и существенно осложняет проведение денежной политики в стране. Для того чтобы избежать резкого роста валютного курса юаня, а следовательно — ослабления экспортных позиций страны под влиянием огромного наплыва иностранной валюты на внутренний денежный рынок, НБК вынужден регулярно проводить валютные интервенции, пуская в оборот избыточные юаневые средства. Все это вместе взятое в полной мере выявило фактическую исчерпанность данной модели экономического развития.

При этом, будучи крупнейшим поставщиком промышленных товаров, Китай так и не стал в полном смысле современной индустриальной державой, обладающей эффективным высокотехнологичным производством. В ключевых отраслях страна не имела каких-либо технологических достижений, полагаясь в основном на импорт иностранного капитала, технологий и основных компонентов технологически сложной продукции. Не располагая собственными промышленными брендами с устоявшейся репутацией, Китай поставлял товары, качество и надежность которых, как правило, отставали от передовых стандартов.

Назревшая необходимость безотлагательного изменения парадигмы экономического развития была провозглашена в ноябре 2012 г. на XVIII Всекитайском съезде КПК, приведшем в политику пятое поколение китайских лидеров во главе с Си Цзиньпином. Перед страной была поставлена задача построения более гармоничного общества, основанного на современном индустриальном потенциале и научно-технических достижениях, с принципиальным повышением качества жизни и созданием благоприятной экологической среды. В условиях нестабильности мировой экономики особо акцентировалось развитие внутреннего рынка и внутреннего потребительского спроса.

Аналогичные ориентиры социально-экономического развития выдвигались еще на предыдущем, XVII съезде КПК (2007 г.) в рамках так называемой научной концепции развития, сформулированной тогдашним лидером КНР Ху Цзиньтао. Однако в силу ряда причин, связанных прежде всего с негативным влиянием на ситуацию в Китае мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., в течение 11-й пятилетки (2006–2010) китайскому руководству не удалось добиться заметных успехов в

смягчении серьезных структурных диспропорций, препятствующих реализации целевой модели развития экономики и общества.

Между тем соответствующее изменение парадигмы развития предполагает кардинальное смещение базовых акцентов в экономике: с преобладающего развития промышленности — на сферу услуг, с инвестиционного спроса — на спрос потребительский, с внешнего спроса — на спрос внутренний. Именно такая смена приоритетов требуется для уменьшения энерго-, ресурсо- и капиталоемкости экономического роста, рационального сокращения нормы накопления и профицита торгового баланса, улучшения окружающей среды, трудоустройства избыточной сельской рабочей силы, т.е. для преодоления наиболее острых текущих проблем китайского общества.

По сути дела, речь идет о коренном перераспределении финансовых, материальных и людских ресурсов. Впервые наряду с удвоением ВВП была поставлена задача удвоения среднедушевых доходов населения к 2020 г. Это требовало исправления сложившегося в КНР дисбаланса между масштабами инвестиционных ресурсов и размерами потребления в пользу последнего.

К тому же в рамках экстенсивной модели экономического роста в последние десятилетия в Китае накопился целый комплекс системных проблем, требующих неотложного решения и огромных капитальных затрат. Отметим главные из них.

Урбанизация. Активное развитие китайской промышленности и сферы услуг приводит к существенному увеличению городского населения по линии притока трудовых мигрантов из сельских районов страны. Принятый Госсоветом КНР «Национальный план урбанизации нового типа (2014–2020 гг.)» предполагал увеличение доли городского населения в КНР к 2020 г. до 60% против 54,8% в 2014 г. Это означало дополнительное перемещение из деревни в город 100 млн человек и, соответственно, необходимость направления крупных финансовых и материальных ресурсов на создание новых рабочих мест и обустройство дополнительной рабочей силы. В расчете на ближайшие шесть лет эта потребность суммарно оценивалась в 42 трлн юаней и в среднегодовом исчислении, по оценке, соответствовала от 7 до 11% ВВП в различные годы упомянутого планового периода[22].

Демографические сдвиги. Показатель естественного прироста населения в КНР снизился с 6,53% в 2016 г. до 1,45% в 2020 г. и до -1,48% в 2023 г. Серьезные изменения возрастной структуры населения делают Китай одной из наиболее быстро стареющих стран мира. По данным ГСУ КНР в 2023 г. число граждан в возрасте 65 лет и старше составило 216,8 млн человек, или 15,4% населения[23]. Имеющиеся прогнозы позволяют считать, что к 2040 г. старшая возрастная группа достигнет 28%, а к 2050 г. — трети общей численности населения страны[24]. Таким образом, на каждого работающего будет приходиться все большее число неработоспособных лиц, нуждающихся в социальной поддержке и материальном обеспечении. Все это оказывает сильное влияние на состояние рынка труда и структуру потребления.

Экология. Быстрый экономический рост негативно влияет на состояние окружающей среды. Почти треть земельных угодий в КНР имеет признаки опустынивания. Качество воздушной среды в крупных городах Китая не отвечает стандартам Всемирной организации здравоохранения, а семь городских индустриальных центров

входят в десятку самых загрязненных городов мира. Во многих густонаселенных районах качество воды не соответствует минимальным требованиям безопасности.

Социальная напряженность. Обострение упомянутых выше проблем сопровождается растущим социальным неравенством. Согласно оценке экспертов Пекинского университета, в середине 2010-х годов в руках 1% населения КНР было сосредоточено более $^1/_3$ национального богатства, а беднейшие 25% населения довольствовались 1% всех материальных благ[25]. С 1990 по 2012 г. коэффициент Джини, характеризующий степень неравномерности распределения доходов населения, вырос в КНР почти в полтора раза — до 0,47, что является одним из самых высоких показателей в мире. Поскольку в соответствии с общепринятой международной практикой предупреждающий уровень этого показателя составляет 0,4, можно утверждать, что китайское общество вступило в период несправедливого распределения доходов, чреватого ростом социальной напряженности[26].

Долговая проблема. Собирая около 50% всех доходов государства, бюджеты провинций, городов и других территориальных единиц традиционно финансируют подавляющую часть затрат на социальную и производственную инфраструктуру, обеспечивая до 85% соответствующих государственных расходов. Отсюда — сложное финансовое положение местных правительств, выражающееся в быстром нарастании их долгов и ставящее под угрозу устойчивость финансовой системы страны.

Таким образом, поддержание стабильного и качественного экономического роста при одновременном значительном повышении жизненного уровня населения — это ключевая задача современной экономической стратегии КНР. Решение этой проблемы, учитывая необходимость относительного увеличения фонда потребления при относительном сокращении фонда накопления и удельного веса инвестиций в ВВП, требует существенного повышения эффективности использования имеющихся экономических ресурсов, а также их переориентации в пользу отраслей экономики, повышающих качество жизни людей. Административно-правовая деятельность, направленная на получение соответствующих результатов и обозначаемая в КНР как структурная реформа в сфере предложения, является главным направлением современной экономической политики государства.

В этой связи заслуживает внимания эволюция экономических приоритетов китайского руководства, получивших отражение в ежегодных докладах о работе правительства на очередной сессии ВСНП. Если в начале 1990-х годов основной упор в промышленной политике делался на создании крупных предприятий и развитии традиционных базовых отраслей (сельское хозяйство, сырьевые отрасли, инфраструктура), то в середине 1990-х дополнительно возникают задачи перестройки структуры промышленности, развития высокотехнологичных производств, сферы услуг, жилищного строительства. После азиатского финансового кризиса в конце 1990-х — начале 2000-х годов на первое место выходит развитие современных технологий и высокотехнологичного производства, новых развивающихся отраслей, информатизации, современных отраслей сферы услуг*. В дальнейшем, в 2010-е го-

* В начале 2000-х годов, согласно Каталогу отраслевой классификации высоких технологий, к разряду высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности были официально

ды к этому добавились инновации, поддержка малых и микропредприятий, защита окружающей среды и «зеленое развитие»[27].

В декабре 2005 г. Госсовет КНР выпустил Временное положение о содействии корректировке отраслевой структуры. Основными целями такой корректировки объявлены оптимизация и модернизация структуры промышленности, здоровое и скоординированное развитие первичного, вторичного и третичного секторов экономики. В итоге шаг за шагом должна быть сформирована целевая модель китайской экономики, основанная на сельском хозяйстве, подкрепляемая мощной инфраструктурой, добывающей и обрабатывающей промышленностью и побуждаемая к дальнейшему прогрессу высокотехнологичными отраслями промышленности и всесторонне развитой сферы услуг. Функционирование такой экономической модели призвано обеспечить ресурсосберегающее, экологически чистое, безопасное и устойчивое развитие Китая[28].

В соответствии с этим в КНР выделены приоритетные отрасли, развитию которых отводится определяющее значение в ближайшие десятилетия. Госсовет КНР разработал и обнародовал «Государственную программу по развитию отраслей стратегического значения на 2011–2015 гг.», призванную развивать в первоочередном порядке стратегические развивающиеся отрасли. В их числе такие высокотехнологичные направления экономического прогресса, как энергосбережение и охрана окружающей среды, информационные технологии нового поколения, биотехнологии и биомедицина, новые источники энергии, новые материалы, информационные сети и высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности, новые энергетические транспортные средства и др. По планам руководства КНР доля таких новых стратегических отраслей в производстве ВВП должна быть увеличена с менее 4% в 2010 г. до приблизительно 8% в 2015 г. и до 15% к началу третьего десятилетия XXI века.

Вместе с тем, как отмечают в КНР, высокие технологии — это драйвер экономики, а основа ее развития — базовые и ключевые отрасли промышленности. В этой связи с точки зрения оптимизации отраслевой структуры не меньшее значение имеет техническая реконструкция и перевод на новую техническую основу предприятий сельского хозяйства, инфраструктуры и добывающей промышленности, а также таких традиционных отраслей, как черная и цветная металлургия, автомобилестроение, судостроение, нефтехимия, легкая и текстильная промышленность, производство промышленного оборудования, транспорт и логистика и т.д. В соответствии с планами руководства КНР все это вместе взятое должно способствовать преобразованию китайской промышленности «из крупной в сильную», стимулировать укрепление ее международных позиций с подъемом отечественных производств на средние и высшие звенья глобальных цепочек создания стоимости.

отнесены фармацевтика, аэрокосмическая промышленность, производство электронного оборудования и средств связи, компьютеров и оргтехники, медицинского оборудования и измерительных приборов, а также производство электронных химикатов.

Пути решения назревших проблем

Необходимость изменения сложившейся тенденции снижения эффективности капиталовложений, как и экономической эффективности в целом, неоднократно подчеркивалась и китайскими экономистами, и высшим политическим руководством КНР. «Перейдя от высоких темпов роста к высококачественному развитию, — отмечал Си Цзиньпин, обращаясь к делегатам XIX Всекитайского съезда КПК в октябре 2017 г., — китайская экономика в настоящий момент находится на стадии преодоления труднейших барьеров в трансформации форм развития, в оптимизации экономической структуры и замещении старых драйверов развития. Создание модернизированной экономической системы является насущным требованием, обусловленным необходимостью преодолеть эти барьеры, стратегической целью развития Китая. Необходимо ставить на первое место качество, отдавать приоритет эффективности»[29]. Конкретная работа развернута по ряду направлений.

Изначально, как водится, были применены меры административного воздействия на инвестиционный процесс. В 2012–2013 гг. властями были повышены нормативные требования к тем строящимся объектам, финансирование которых полностью или частично осуществляется при использовании государственных средств. Выпущен ряд постановлений правительства, определяющих порядок контроля таких объектов. Тем самым государство определило текущие отраслевые приоритеты развития инвестиционного процесса — это инфраструктурное строительство, сельское хозяйство, отрасли высоких технологий, а также сфера услуг.

Вместе с тем выдвижение новых, рассчитанных на длительную перспективу стратегических приоритетов потребовало соответствующих изменений институциональной среды, создающих условия для серьезных структурных сдвигов и формирования новых макроэкономических пропорций. В этих условиях преобразование инвестиционного механизма тесно связано с мероприятиями экономической реформы, в том числе и с теми из них, которые выходят за пределы инвестиционной сферы как таковой.

Структурная политика. Как основной инструмент структурной политики государства «Каталог для руководства реструктуризацией промышленности» постоянно совершенствуется и регулярно переиздается ГКРР, подвергаясь при этом масштабным изменениям и правкам в контексте новой экономической стратегии. При подготовке упомянутой выше редакции Каталога от 2019 г., например, пересмотру в той или иной мере подверглись в общей сложности 822 отраслевые позиции, или более 50% от их общего числа[30].

Задачей регулярного пересмотра Каталога, согласно пресс-релизу ГКРР, является актуализация и уточнение приоритетов высококачественного развития обрабатывающей промышленности, содействие укреплению внутреннего рынка и последовательное вытеснение устаревших промышленных мощностей. Посредством внесения в Каталог соответствующих изменений ГКРР стремится ускорить модернизацию традиционных отраслей и стимулировать развитие новых экологически чистых прогрессивных видов промышленного производства, одновременно повышая эффективность сферы услуг[31]. Конечная цель этой работы состоит в том, чтобы укре-

пить международную конкурентоспособность китайской экономики, продвинуть ее вверх по глобальной цепочке создания стоимости.

Последний вариант Каталога, выпущенный ГКРР в конце 2023 г., вступил в силу с 2024 г. Каталог-2024 в общей сложности состоит из 1005 позиций. В том числе категория одобряемых правительством отраслей включает 352 позиции, категория подлежащих ограничению — 231 позицию и категория устаревших производств — 422 позиции. По сравнению с версией 2019 г. налицо заметное (почти на $^1/_3$) сокращение общего числа классифицируемых в Каталоге отраслей и видов производства, происшедшее главным образом за счет резкого, более чем двукратного уменьшения числа одобряемых отраслей (с 821 в 2019 г. до 352 в 2024 г.) при небольшом количественном колебании подлежащих ограничению (плюс 16 позиций) и устаревших (минус 19 позиций) видов производства. Согласно заявлению представителя ГКРР, снижение числа одобряемых отраслей обусловлено главным образом стремлением властей придать Каталогу более упорядоченный, инструментальный характер с учетом общего курса на унификацию группировки различных видов производства со схожими характеристиками или целями развития[32].

Заметное содержательное различие между версиями Каталога 2019 и 2024 гг. связано с усилением акцента на стимулировании так называемого «зеленого», т.е. экологически чистого производства. Если в 2019 г. сам по себе термин «зеленый» встречался в тексте Каталога в общей сложности 21 раз, то в 2024 г. частота его упоминания увеличилась более чем в вдвое. Тем самым Каталог не только подчеркивает решающую роль развития «зеленого» производства в традиционных отраслях промышленности (металлургия, химическое машиностроение и т.д.), но и стимулирует участников рынка вкладывать свои средства в агробизнес, рыболовство, переработку отходов, фармацевтику, транспорт и другие «экологически дружественные» отрасли, а также в новые «зеленые» технологии. В их числе последние технологии накопления энергии, улавливание, утилизация и хранение углеродистого «зеленого» водорода, перовскитные солнечные панели следующего поколения и т.д. Все это отвечает планам КНР по переводу национальной экономики на более экологичный и технологически сложный уровень производства, демонстрирует стремление Китая активизировать свою роль в глобальном энергетическом переходе.

Важной характерной чертой постоянной работы ГКРР по совершенствованию Каталога является и диверсификация приоритетов правительства в области развития высоких технологий. Так, еще в 2019 г. в список одобряемых отраслей были включены сервисы больших данных, сервисы облачных вычислений, разрешенные государством блокчейн-сервисы, сооружение, обслуживание и аренда центров обработки данных облачных вычислений, инфраструктура центров обработки больших данных и эффективных вычислительных центров и т.д.[33].

С 2024 г. в перечне одобряемых отраслей фигурируют несколько новых разделов. Раздел «Интеллектуальное производство», например, охватывает 16 смежных отраслей, включая робототехнику, интеллектуальное оборудование и приборы обнаружения, интегрированные сервисы проверки применения для интеллектуальных производственных систем, системы взаимодействия человека и машины и т.д. Од-

новременно появились и такие разделы, как «Сельскохозяйственные машины и оборудование», «Станки с ЧПУ» и «Сетевая безопасность». Включение названных отраслевых категорий в качестве самостоятельных перспективных направлений развития отражает стратегическую ориентацию КНР на стимулирование технологических преобразований в экономике и оптимизацию структуры промышленности на основе отраслей высоких технологий и интеллектуального производства в обозримом будущем.

Наконец, в последней версии Каталога также сделан дополнительный акцент на развитии современных отраслей сферы услуг. В частности, в интересах повышения уровня международной промышленной специализации КНР большое внимание уделяется поддержке услуг производственного назначения. В их числе финансовые услуги и страхование, современная логистика, информационные услуги и консалтинг, индустрия программного обеспечения, креативные индустрии, исследования и разработки, промышленный дизайн, услуги по охране окружающей среды, юридические и иные бизнес-услуги[34]. Интеграция производственных услуг с передовым промышленным производством и современным сельским хозяйством призвана обеспечить дальнейшую модернизацию и цифровизацию китайской экономики.

Одновременно на фоне идущих демографических сдвигов и роста жизненного уровня населения повышается и потребность страны в диверсификации и качественном развитии потребительских услуг, включая медицинские услуги, уход за пожилыми людьми, уход за детьми, а также культуру, туризм, спорт и другие услуги общественного характера[35]. В целом динамичное развитие современных отраслей сферы услуг имеет большое значение для расширения внутреннего рынка КНР, повышения инвестиционного и потребительского спроса в стране.

Денежно-кредитное стимулирование. Речь прежде всего идет о финансовой политике, в рамках которой властями был допущен умеренный рост бюджетного дефицита до таргетируемого уровня в размере 3–3,5% ВВП с соответствующим увеличением кредитного плеча. Целью этого является снижение фискальной нагрузки в экономике, развитие конкурентной деловой среды и расширение поля для реализации структурной промышленной политики государства посредством субсидирования, а также налогового и иного стимулирования приоритетных отраслей и сфер экономической деятельности[36].

В этом же направлении действует и денежно-кредитная политика НБК, претерпевшая в конце 2010-х годов заметные изменения. С отменой в 2009 г. индикативного квотирования банковских кредитов, разрешенных к выдаче в течение календарного года, инструментарий денежной политики КНР приобретает все более диверсифицированный, рыночно ориентированный характер.

В дополнение к периодической корректировке нормативов обязательного резервирования средств коммерческих банков на депозитах в НБК, начиная с 2013–2014 гг. НБК приступил к использованию довольно широкого набора кредитных инструментов, известных по «лучшим международным практикам». Эти инструменты денежно-кредитной политики позволяют НБК в оперативном режиме не только изменять масштабы монетарного предложения, но и выборочно поддержи-

вать приоритетные направления экономической деятельности. В их числе, в частности:

— *программа среднесрочного кредитования* (*medium-term lending facility*, *MLF*), предусматривающая предоставление наиболее надежным кредитным институтам, прошедшим к тому же специальную многокомпонентную оценку финансовой предусмотрительности, кредитов сроком от трех месяцев до года по ставкам ниже рыночных;
— *программа дополнительного обеспеченного кредитования* (*pledged supplementary lending*, *PSL*) предназначена для фондирования крупных кредитных организаций на срок от трех месяцев до пяти лет по преференциальным процентным ставкам. Используется для финансирования значимых инвестиционных проектов по каналам так называемых политических банков (Банк развития Китая, Экспортно-импортный банк, Банк сельскохозяйственного развития), а также крупнейших государственных коммерческих банков. Такие заимствования, осуществляемые под залог долговых ценных бумаг с высоким кредитным рейтингом, тесно связаны со структурной политикой государства. Поручителями по ним выступают заинтересованные органы государственного управления;
— *открытые кредитные линии* (*standing lending facility*, *SLO*), предоставляемые на срок до трех месяцев банкам с устойчивым финансовым положением для сглаживания сезонных колебаний спроса на ликвидность;
— *краткосрочные операции с ликвидностью* (*short-term liquidity operations*, *SLO*), предусматривающие денежные вливания в балансы банков сроком не более семи дней с целью сглаживания текущей волатильности на финансовом рынке;
— *операции на открытом рынке* (*open market operations*, *OMO*), позволяющие НБК увеличивать либо уменьшать размеры денежного предложения при помощи сделок типа РЕПО и обратного РЕПО[37]. При сделках РЕПО, например, НБК покупает у коммерческих банков ценные бумаги с обязательством их обратного выкупа через определенный интервал времени, варьирующийся в зависимости от обстоятельств от одного дня до одного года.

Из всего инструментария макроэкономического регулирования, используемого НБК, наиболее востребованной является программа среднесрочного кредитования, на долю которой вместе с операциями дополнительного обеспеченного кредитования приходится от $^{2}/_{3}$ до $^{3}/_{4}$ общего объема транзакций, составившего в 2021–2022 гг., по оценке, примерно 6 трлн юаней[38].

Кроме того, с начала 2020-х годов, в период борьбы с пандемией коронавируса COVID-19 НБК приступил к активному использованию специальных инструментов структурной денежной политики, позволяющих центральному банку оказывать непосредственное влияние на отраслевое распределение инвестиционных ресурсов. При этом, открывая целевые кредитные программы, НБК финансирует коммерческие банки для последующего кредитования ими приоритетных секторов экономи-

ки, видов хозяйственной деятельности и предприятий реального сектора. Условия предоставления средств НБК коммерческим банкам позволяют напрямую увязать использование стимулирующих фондов центрального банка с целевой кредитной поддержкой экономики со стороны уполномоченных финансовых учреждений.

В 2020–2023 гг. масштабные (от 0,2 до 1,8 трлн юаней) программы структурного кредитования были открыты Народным банком Китая для инклюзивного (т.е. общедоступного) финансирования малых и микропредприятий и развития сельских районов, для поддержки проектов, содействующих снижению выбросов углерода, для совершенствования технологий экологически чистого и высокоэффективного использования угля, для стимулирования научно-технических инноваций, для развития транспорта и логистики, а также для улучшения услуг в сфере обеспечения достойной старости[39].

В целом тенденциями денежной политики НБК являются удешевление и удлинение сроков кредитования банковских структур, переход к ежедневному мониторингу ситуации на открытом рынке при помощи операций РЕПО, а также повышение требований к финансовой прозрачности и устойчивости банков-заемщиков. Удешевление банковских кредитов нацелено на расширение инвестиционных возможностей хозяйствующих субъектов и повышение их производственной активности.

При этом представители центрального правительства не раз отмечали, что монетарная политика должна быть разумной, сохраняя осмотрительность и «умеренную эластичность». Одним из главных системных рисков развития китайской экономики на нынешнем этапе является высокий уровень отношения заемных средств к собственным средствам предприятий, а также быстрый рост долгов местных органов власти в период после мирового финансового кризиса. По оценке НБК, общие размеры внутреннего долга Китая, включая обязательства центрального и местных правительств, а также непогашенную задолженность корпоративного сектора и домохозяйств, увеличились со 147% ВВП в 2008 г. до 252% в 2017 г. и до 279% в 2020 г.[40].

В этих условиях НБК не отказывается от административного воздействия на подведомственные банковские структуры, отдавая им при необходимости обязательные для исполнения распоряжения по широкому кругу вопросов — от определения текущих объемов кредитных операций до решения специальных вопросов регулирования трансграничных финансовых потоков. Министерство финансов КНР ужесточило правила работы аффилированных с местными органами власти финансовых и инвестиционно-строительных компаний, способствовавших направлению больших объемов банковских кредитов и рыночного финансирования в многочисленные строительные проекты, развернутые после мирового финансового кризиса с целью преодоления его последствий и оживления китайской экономики. Госсовет КНР регламентирует порядок выпуска местных облигационных займов, а также систему ответственности территориальных властей за их обслуживание и погашение.

Реформирование предприятий госсектора. Перенесение центра тяжести на внутренние факторы развития предопределяет особую важность дальнейшей реформы предприятий государственного сектора, играющих важную системообразующую роль в организации не только экономики КНР, но и китайского общества в

целом. Рыночная трансформация экономической системы КНР быстро выявила низкую эффективность работы государственных предприятий: в 1997 г. до 30% таких объектов из числа крупных и средних были убыточными[41]. На фоне высокого экономического роста, а также учитывая привилегированный доступ государственных предприятий к источникам финансирования, в государственном секторе год за годом накапливались как масштабная кредитная задолженность, так и излишние, невостребованные рынком производственные мощности.

Избыточные мощности и огромные запасы не находящей сбыта продукции сосредоточены главным образом в десяти промышленных отраслях, включая угледобычу, черную металлургию, производство цемента, листового стекла, алюминия, химических продуктов, бумаги, солнечных батарей, судостроение и тепловые электростанции на угле. Все это наносит ощутимый ущерб китайской экономике, отягощая ее рост в среднесрочной перспективе, негативно влияя на финансовую стабильность и состояние окружающей среды, что, в свою очередь, ограничивает возможности эффективного инвестирования предприятий.

Реагируя на сложившуюся ситуацию, правительство утвердило планы сокращения избыточных мощностей в угольной промышленности и черной металлургии на 2016–2020 гг. В 2016 г. сокращение избыточных мощностей превысило плановые показатели, а в 2017 г. соответствовало им. В целом в 2013–2017 гг. занятость в упомянутых отраслях снизилась на 20–30% (около 2 млн человек)[42].

В этом же контексте следует рассматривать и продвижение системного преобразования предприятий госсектора. Ориентируясь на перспективу оживления деловой активности и рост эффективности производства, за последние 40 с лишним лет государственные предприятия КНР шаг за шагом прошли непростой и весьма долгий путь реформирования — от начального разделения административных и хозяйственных функций управления до разграничения имущественных прав между собственниками, инвесторами и самими хозяйствующими субъектами, от реорганизации и реструктурирования хозяйственных единиц до их широкого акционирования.

При этом, в отличие от бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы, руководство КНР никогда не использовало термины «приватизация» или «частичная приватизация». Реализуемая в Китае «реформа акционерной собственности» подразумевает вхождение частных акционеров в состав совладельцев госкомпаний, но не предполагает передачу государством фактического контроля над ними. Обеспечивая привлечение дополнительных инвестиционных средств, акционирование предприятий госсектора призвано преобразовать их в современные компании, деятельность которых подчинена рыночной дисциплине, поскольку котировки акций отражают качество управленческих решений, а равно и общие хозяйственные результаты корпоративного менеджмента. В дальнейшем на основе концентрации общественного капитала происходит формирование мощных государственных холдингов и корпораций, объединяющих производство, технологические разработки, внутреннюю и внешнюю торговлю.

Следуя принципу «ухватиться за большое, отпустить малое», центральное правительство в лице Комитета по контролю и управлению государственным имуще-

ством Госсовета КНР (ККУГ) сохранило за собой контроль и реформирование крупнейших и наиболее важных государственных предприятий, работающих во всех оборонных и ключевых гражданских отраслях. Местным органам власти поручена реструктуризация небольших объектов госсобственности с использованием аукционной продажи и сдачи в аренду активов, создания совместных предприятий, слияний, банкротств и т.п. в условиях создаваемой государством «справедливой рыночной конкуренции»[43]. В 2022 г. в КНР насчитывалось в общей сложности 150 тыс. государственных предприятий, принадлежащих центральным, провинциальным или муниципальным властям, против 262 тыс. в 1997 г.[44]. Совокупные активы государственных предприятий достигают 208 трлн юаней, на их долю приходится до 40% ВВП КНР и примерно 20% общего числа занятых[45].

Свыше 80% так называемых центральных государственных предприятий, пройдя процедуру акционирования, были зарегистрированы в качестве самостоятельных юридических лиц — акционерных компаний либо компаний с ограниченной ответственностью. Многие из них прошли листинг и осуществили размещение ценных бумаг на биржах Шанхая и Шэньчжэня, обеспечив в итоге более 70% капитализации фондового рынка КНР. При этом примерно 60–70% акционерного капитала листинговых государственных компаний, как правило, находится в собственности государства[46].

Практически все крупнейшие государственные предприятия, контролируемые ККУГ (в 2022 г. — 97 компаний), структурированы как корпорации со своими собственными органами корпоративного управления, юридически отделенными от решений и директив государственных органов. Одновременно совершенствуется структура корпоративного управления государственными компаниями, они постепенно освобождаются от обременительного содержания образовательных, медицинских, жилищных и других учреждений социальной сферы. За счет всего этого, по замыслу китайских властей, должен быть достигнут существенный рост влияния рыночных сил на распределение экономических ресурсов.

Тем не менее в плане экономической эффективности госкомпании по-прежнему заметно уступают предприятиям негосударственных секторов экономики. В 2020 г. в списке 500 крупнейших компаний мира, составляемом деловым журналом *Fortune*, фигурировали 124 китайские компании. По этому показателю Китай впервые опередил все прочие страны, включая США (121 компания). При этом 73% численности «китайского списка» (91 компания) приходилось на предприятия государственного сектора, они же обеспечивали 78% общих доходов и 84% активов всех компаний КНР из списка *Fortune*. Рентабельность активов этих крупнейших государственных корпораций составляла 1,2% против 3,7% у негосударственных китайских компаний, а норма прибыли — 3,5% против 7% соответственно[47].

В этих условиях в 2013 г. властями КНР была инициирована так называемая реформа смешанной формы собственности, предполагающая модернизацию государственных предприятий, улучшение методов управления государственными активами, а также «взаимопроникновение и совместное развитие капиталов различных типов». В сентябре 2015 г. правительство выпустило предписание по углублению процесса реформирования государственных предприятий. Разделив

предприятия государственного сектора на коммерческие компании и объекты, деятельность которых направлена на общественное благо, предписание правительства открыло доступ инвестициям частного капитала в коммерческие государственные предприятия.

В результате, хотя целый ряд отраслей, считающихся чувствительными с точки зрения национальной безопасности, по-прежнему остаются закрытыми для частного инвестирования, реформа позволила частным (как отечественным, так и иностранным) предприятиям посредством инвестиций в акционерный капитал приобретать и реструктурировать активы государственных предприятий в самых различных отраслях китайской экономики — от электроэнергетики и телекоммуникационных услуг до разведки и добычи некоторых видов природных ресурсов, сельского хозяйства, здравоохранения, финансовых услуг, страхования и т.д.

Список компаний, участвующих в осуществлении этой реформы, охватывает как центральные, так и местные государственные предприятия. В план социального и экономического развития КНР на 14-ю пятилетку (2021–2025) в качестве составной части вошел одобренный в июне 2020 г. Комиссией ЦК КПК по всестороннему углублению реформ «План действий по реформированию государственного сектора на 2020–2022 гг.», акцентирующий необходимость продолжения реформы смешанной формы собственности.

По расчетам руководства страны, реализация указанного плана должна облегчить создание на основе гигантских государственных бизнес-конгломератов новых китайских компаний мирового класса и в целом повысить международную конкурентоспособность и инновационность экономики КНР. Для этого, помимо провозглашенного укрепления руководящей роли КПК, предполагается, в частности, дальнейшее расширение акционирования госпредприятий, активизация их выхода на фондовый рынок, всестороннее развитие государственно-частного партнерства, создание различного рода инвестиционно-финансовых объединений, привлечение к решению приоритетных задач внутри страны и за рубежом «интегрированных активов со значительной долей частного капитала»[48]. В рамках реализации реформы в 2013–2020 гг. государственными инвестиционными компаниями КНР учреждено 32 инвестиционных фонда для долевого финансирования 365 проектов государственно-частного партнерства общей стоимостью 192,8 млрд юаней[49].

О финансовых структурах такого рода, специфике их характера и операций можно в общих чертах судить на примере созданного в конце 2020 г. «Фонда содействия реформе смешанной формы собственности на государственных предприятиях». Фонд учрежден по инициативе крупной инвестиционной корпорации *China Chengtong Holding Group*, находящейся в непосредственном подчинении ККУГ; она же выполняет функции управляющей компании фонда. Акционерами фонда являются центральные и местные государственные предприятия, а его первоначальный уставный капитал составляет 70,7 млрд юаней с перспективой дальнейшего увеличения до 200 млрд юаней. Деятельность фонда ограничена сроком в 10 лет и призвана содействовать привлечению как негосударственных инвестиций в предприятия государственного сектора экономики, так и встречных капиталовложений государственных компаний в частные[50].

Развитие частного предпринимательства. Реформа смешанной формы собственности предполагает деятельную поддержку государством частного предпринимательства как важной движущей силы в экономическом развитии страны. В последнее десятилетие индивидуальные и частные предприятия активно участвуют в осуществлении модернизации реального сектора экономики и реструктуризации государственных предприятий. Им отводится большая роль в поддержании социальной стабильности в качестве основного канала расширения занятости, источника независимых инвестиций, локомотива инновационного развития, борьбы с бедностью и нищетой, а также общего повышения уровня жизни населения страны.

В целом к концу второго десятилетия XXI в. в Китае насчитывалось свыше 100 млн индивидуальных и частных предприятий, составляющих 95% от общего числа хозяйствующих субъектов. Они обеспечивают стабильное трудоустройство и заработок для более 350 млн человек. На предприятиях частного сектора производится примерно 60% ВВП Китая, они приносят около 50% налоговых поступлений в бюджет государства, производят свыше 70% инновационной продукции. Доля частного сектора экономики в общей численности занятых в городах составляет 80%, а в создании новых рабочих мест — 90%[51].

Между тем в 2000-е годы лишь половина всех отраслей китайской экономики была открыта для частных предпринимателей, в то время как аналогичный показатель для иностранных инвесторов достигал без малого 80%. По оценке Всекитайского общества по изучению частного предпринимательства, невостребованный инвестиционный потенциал частного сектора экономики КНР составлял от 20 до 30 трлн юаней[52]. В этих условиях в 2010 г. Госсовет КНР выпустил установочный документ под названием «Предложения по поощрению и ориентированию здорового развития негосударственных инвестиций», который объявил о снятии действовавших на тот момент ограничений для частных инвесторов в отношении размещения капиталов и создания компаний в ряде секторов экономики КНР, являвшихся ранее своего рода вотчиной предприятий госсектора.

Среди открытых для частного инвестирования отраслей и видов деловой активности значились автодорожное и железнодорожное строительство, сооружение портов и гражданских аэропортов, строительство гидро-, тепловых и атомных электростанций, разведка и добыча нефти и газа, телекоммуникации, строительство доступного бюджетного жилья и жилья под сдачу в аренду, банковский сектор и сфера финансовых услуг, жилищно-коммунальное хозяйство и научно-исследовательская деятельность в оборонной промышленности[53].

В целях улучшения инвестиционного климата для частных инвесторов и поощрения притока их средств во вновь открытые для частного бизнеса отрасли «Предложения» Госсовета предусматривали отмену или изменение нормативных актов, препятствующих росту частных инвестиций, а также консолидацию вопросов, подлежащих административному утверждению, и рационализацию соответствующих процедур. Одновременно было объявлено о предоставлении частным инвесторам финансовой поддержки посредством создания системы государственных гарантий финансирования, совершенствования механизмов инвестирования венчурного капитала, содействия развитию фондов прямых инвестиций, а также

поощрение частных компаний к привлечению прямого финансирования на рынке ценных бумаг.

Учитывая тот факт, что в конце первого десятилетия нынешнего века частные компании обеспечивали лишь 10% инвестиций в таких отраслях, как транспорт, почтовые услуги, водное хозяйство и финансы, юридическое подтверждение их права на ведение бизнеса в монополизированных государством отраслях должно было оказать стимулирующее воздействие на усиление конкуренции в инвестиционной сфере, а следовательно — и на повышение эффективности капиталовложений. Вместе с тем установочный документ правительства, по сути, содержал лишь набор общих положений, практическая реализация которых зависела от последующего принятия предметных правил и регламентов.

В 2015 г. был принят 13-й пятилетний план экономического и социального развития КНР на 2016–2020 гг., предусматривавший, в частности, облегчение доступа на рынок для частного бизнеса[54]. Тогда же Госсовет предложил ввести единый негативный список, регламентирующий доступ на рынок в равной мере как для иностранных, так и для отечественных инвесторов (помимо отдельного негативного списка исключительно для иностранных инвестиций). В 2018 г. ГКРР и Министерство коммерции КНР совместно выпустили «Негативный список для доступа на рынок», содержащий исчерпывающий перечень отраслей китайской экономики, в которых запрещаются или ограничиваются частные инвестиции. Целью введения негативного списка являлась консолидация и упорядочение нормативных ограничений для частного капитала с тем, чтобы придать процессу открытия рынка более системный и управляемый характер. При этом правительство сохранило за собой право при необходимости не только расширять, но и дополнительно ограничивать доступ частного бизнеса на рынок[55].

Перечень отраслей, которые отнесены к разряду запрещенных, представляет собой прежде всего свод и систематизацию запретов для частного бизнеса, содержащихся в действующих законах, положениях и директивах Госсовета КНР. Это в общей сложности 156 отраслевых позиций. Помимо этого, к разряду запрещенных отнесены и все устаревшие отрасли из упомянутого выше Каталога для руководства реструктуризацией промышленности, отдельные разновидности бизнеса в интернете, а также некоторые аспекты предпринимательской деятельности в средствах массовой информации. Размещение частных инвестиций в любой форме в этих отраслях и видах деятельности не допускается.

В ограниченно открытых для частного бизнеса отраслях частное инвестирование имеет разрешительный характер, требуя предварительного рассмотрения и согласия со стороны органов власти. Из всего спектра ограниченно открытых отраслей наиболее заметно представлена обрабатывающая промышленность (20 отраслевых позиций), далее следуют сельское и лесное хозяйство, животноводство и рыболовство (10 позиций), финансы (9 позиций), научные исследования и технические услуги (8 позиций), транспорт, складские и почтовые услуги (7 позиций), оптовая и розничная торговля (7 позиций), культура, спорт и индустрия развлечений (7 позиций), лизинг и производственные услуги (5 позиций) и т.д.[56].

Что касается отраслей, не включенных в негативный список, то они считаются полностью открытыми для частного бизнеса, размещение частных инвестиций здесь

имеет уведомительный характер и не требует дополнительных административных разрешений[57].

С течением времени «Негативный список для доступа на рынок» неоднократно пересматривался и переиздавался, всякий раз свидетельствуя о последовательном открытии китайской экономики для частного бизнеса. Так, в негативном списке 2022 г. число отраслей с ограничениями для частного капитала сокращено до 117 против 123 в 2020 г., 131 в 2019 г. и 151 в 2018 г. Последнее обновление негативного списка устранило ограничения для частных компаний на выпуск акций, слияния и поглощения котирующихся на бирже компаний, услуги финансовой информации в интернете, «зеленое финансирование» и развитие финансовых технологий. Инвесторам больше не требуется предварительное одобрение для участия в этих видах деятельности[58].

Несмотря на то что негативный список 2022 г. снизил общее число отраслевых рестрикций, он же ввел и ряд новых ограничений в секторе средств массовой информации. Частным инвесторам было предписано получать специальное предварительное разрешение при осуществлении сбора, редактирования и распространения новостей; при инвестировании, создании или управлении информационными агентствами; а также при публикации новостей, полученных из иностранных источников. Все это усложнило работу частных СМИ, функционирование которых в КНР было и без того крайне зарегламентировано.

В числе инструментов поощрения негосударственной деловой активности определены: допуск частных компаний к реструктуризации предприятий госсектора на основе сделок по слиянию и поглощению, государственная поддержка независимой инновационной деятельности, облегчение доступа частных компаний к финансовым и кредитным ресурсам, поощрение экспорта частного китайского капитала, создание транснациональных компаний и т.д. Здесь же следует отметить меры по облегчению административных процедур учреждения частного бизнеса: среднее число вновь регистрируемых компаний в 2016 г. составило 15 тыс. в день против 6 тыс. в день в 2014 г.[59].

На этой основе происходит активное развитие смешанных форм собственности в рамках реализации проектов на основе государственно-частного партнерства в целом ряде отраслей, ранее закрытых для частного капитала. Так, в июне 2017 г. ГКРР издал циркуляр, предусматривающий привлечение частного капитала в форме смешанной собственности к реализации государственными предприятиями 165 ключевых проектов в сфере электроэнергетики, транспорта, информации, разведки и добычи нефти и газа[60].

В качестве практических мер поддержки частного и индивидуального секторов китайской экономики следует отметить заметное уменьшение налогового бремени для малых и средних предприятий (в части взимания корпоративного подоходного налога, налога на добавленную стоимость и др.). Для частных компаний в 2011 г. были отменены свыше 100 административных сборов на общую сумму в 36 млрд юаней и еще более 20 сборов в 2012 г. С августа 2013 г. правительство КНР объявило о временном освобождении малых и микропредприятий с доходом ниже 20 тыс. юаней в месяц от уплаты налога на добавленную стоимость[61].

Одновременно происходил быстрый рост государственных субсидий, направляемых на поддержку технологического и инновационного совершенствования средних, малых и микропредприятий (МСП), повышения качества продукции, энергосбережения и сокращения вредных выбросов в атмосферу, расширения рынков сбыта и т.д.*. Только в 2010 г. соответствующие бюджетные ассигнования составили 12,3 млрд юаней, на 2,7 млрд юаней превысив уровень предыдущего года[62]. В дальнейшем эта практика была продолжена и в конце 2010-х — начале 2020-х годов приобрела форму поддерживаемого Народным банком Китая инклюзивного финансирования. Программа расширения инклюзивного кредитования малых и микропредприятий, открытая центральным банком в июле 2020 г., предполагает предоставление широкому кругу коммерческих кредитно-финансовых учреждений целевых кредитных ресурсов НБК для последующего кредитования МСП по льготным процентным ставкам, без залогов и поручительств[63].

Руководство КНР проявляет намерение и впредь стимулировать развитие частного сектора экономики с упором на осуществление модернизации и «цифровой трансформации» частных предприятий, укрепление их финансового положения, совершенствование механизма защиты прав и интересов частных вкладчиков капитала и т.д. В 2018 г. под эгидой Минфина КНР создан Государственный фонд финансовых гарантий, работающий на бесприбыльной основе. Главной задачей фонда является облегчение и расширение доступа частных компаний к банковскому кредитованию посредством выдачи поручительств и перепоручительств по кредитам коммерческих банков малым и микропредприятиям. Аналогичные финансовые институты действуют на уровне провинций, городов и уездов, формируя многоуровневую систему государственных кредитных гарантий[64].

Создание рынка венчурного капитала. Важнейшим условием повышения экономической эффективности и общего развития страны является перевод экономики на новый технологический уровень. На 5-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2017 г.) была поставлена задача всестороннего стимулирования инноваций в научно-технической сфере с целью скорейшей «трансформации и модернизации реального сектора экономики» на основе устойчивой поддержки фундаментальных и прикладных исследований и реализации выдвинутой в 2015 г. программы развития новых стратегических производств «Сделано в Китае – 2025». Большое значение придается и повсеместному внедрению новейших интернет-технологий.

Развитие новых, еще только борющихся за место на рынке инновационных компаний ассоциируется с использованием венчурного (иначе говоря, рискового) капитала. Такие амбициозные молодые компании без устоявшейся рыночной репутации, но с большим потенциалом роста, как правило, не располагают достаточными активами и доходностью для привлечения традиционного долгового или акционерного

* Для классификации предприятий и определения МСП в качестве критериев используются численность сотрудников компании и ее операционные доходы. По данным Министерства промышленности и информационных технологий и ГСУ КНР в секторе розничной торговли, например, к числу микропредприятий отнесены компании с числом занятых менее 10 человек или годовым операционным доходом ниже 1 млн юаней. Соответствующие предельные показатели для малых предприятий составляют 50 человек и 5 млн юаней.

финансирования на стадии становления. Ведь классический инвестор-акционер или банк-кредитор прежде всего ценит надежность вложений, отдавая предпочтение инвестициям в солидные компании с устойчивыми темпами роста и стабильным денежным потоком.

В отличие от этого венчурный капитал инвестируется в еще не прошедшие листинг и не вполне окрепшие компании с высоким риском, но и с высокой нормой прибыли и опережающей динамикой развития. Не стремясь к установлению контроля над объектами инвестирования, вкладчики венчурного капитала приобретают миноритарные пакеты акций (либо миноритарные паи) «числом поболее, ценою подешевле». При этом большая вероятность потери вложенных средств на каждом отдельно взятом объекте возмещается чрезвычайно высокой отдачей от нескольких наиболее успешных вложений, обеспечивая общий ожидаемый уровень возврата не менее 40% в год. Такая стратегия инвестирования, успешно апробированная в 1960-х и 1970-х годах при создании технологического центра в Кремниевой долине США, получила широкое распространение в мире, не обойдя стороной и Китай, только приступивший к реформированию экономики.

Совместное решение ЦК КПК и Госсовета КНР «О реформе системы науки и техники» (1985 г.), определившее возможность создания фондов венчурного капитала для поддержки связанных с высоким риском работ по развитию высоких технологий, положило начало учреждению целой серии государственных институтов венчурного инвестирования. В их числе Китайская компания венчурного капитала в области новых технологий, Научно-технологический фонд развития провинции Шаньси, Гуандунская и Шанхайская научно-технические компании венчурного капитала и т.д. Следуя программам правительства, эти «компании венчурного капитала» инвестировали государственные средства в крупные инфраструктурные проекты, включая создание технологических парков, инновационных центров и лабораторий[65]. Учитывая безвозвратный характер бюджетного финансирования, такая инвестиционная активность являлась рисковой разве что по названию.

В первой половине 2004 г. общие размеры венчурных инвестиций в Китае составили 438 млн долл., увеличившись на 32% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. При этом главным фактором высокой динамики венчурного капитала, помимо невысокой базы отсчета, явились действующие в Китае иностранные венчурные компании, обеспечившие 85% общего объема венчурных инвестиций. В целом по итогам 2004 г. совокупный оборот венчурных компаний на китайском рынке составил 800 млн долл. против 210 млн долл. в 2003 г.[66].

Реальное развитие венчурной индустрии в КНР началось в 2007 г. со вступлением в силу Закона КНР о товариществах, создавшего нормативную базу и организационные условия для легального сбора финансовых средств и их последующего инвестирования отдельными физическими лицами и частными фирмами. Тогда же Министерство науки и технологий КНР приступило к созданию государственных фондов содействия промышленному развитию для привлечения капитала в технологические компании. С открытием в 2009 г. в рамках Шэньчжэньской фондовой биржи специальной торговой площадки ChiNEXT высокотехнологичные компании

с низким уровнем текущей доходности получили возможность публичного размещения своих ценных бумаг и торговли ими. Это событие имело большое значение для развития венчурной индустрии, предоставив инвесторам на завершающем этапе инвестиционного цикла удобную возможность зафиксировать прибыль с выходом из капитала компаний-реципиентов[67].

Принимая во внимание курс китайских властей на приоритетное развитие новых высокотехнологичных отраслей экономики, все это обусловило бурное развитие рынка венчурного капитала в Китае. При этом деятельность венчурного капитала перешла от чисто инфраструктурного развития к инновациям в области науки, технологий, производства потребительских товаров и оказания услуг со все более активным вовлечением иностранных компаний в эту новую волну инвестиций.

Таблица 4

Венчурные инвестиции в КНР (млрд долл.)

Венчурные инвестиции	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.	2020 г.	2021 г.
Всего	5,9	57,9	78,3	115,2	86,7	130,6

Данные аналитической компании *Preqin.* Цит. по: Venture Capital Investment in China // TAdviser: [site]. 2024. 07.09. URL: https://tadviser.com/index.php/Article: Venture_Capital_Investment_in_China (accessed: 30.09.2024); Венчурные инвестиции в КНР достигли исторического максимума // Eurasia Development: [сайт]. 2022. 13 января. URL: https://chinahi.tech/perspectives/venchurnye_investicii_kitaya_2021 (дата обращения: 15.03.2023).

Как свидетельствует табл. 4, масштабы венчурного финансирования в 2021 г. достигли 130,6 млрд долл. против 5,9 млрд долл. в 2010 г., показав среднегодовые темпы прироста в 32,5%. Наиболее активно венчурное финансирование используется в отраслях потребительского комплекса, а также в биотехнологии, здравоохранении, информационных технологиях, средствах массовой информации, телекоммуникации, электронной коммерции и экологически чистой энергетике. Географически основные потоки капитала сосредоточены вокруг городов Пекин и Тяньцзинь, в дельте реки Янцзы (Шанхай, провинции Цзянсу и Чжэцзян) и в дельте реки Чжуцзян (провинция Гуандун). Постепенно венчурные инвестиции распространяются и на пока еще не столь развитые районы Центрального и Западного Китая, с их менее жесткой конкурентной средой и преференциальной политикой государства[68].

Следствием всего этого явилось возникновение в КНР второго по емкости рынка венчурного капитала в мире. Главным структурообразующим элементом этого рынка являются венчурные фонды, организующие как аккумуляцию, так и инвестирование финансовых средств в рамках венчурного предпринимательства. В начале 2020-х годов в Китае работало свыше 3 тыс. таких финансово-инвестиционных структур, включая как отечественные, так и иностранные. В свою очередь, отечественные фонды в зависимости от основного источника средств можно подразделить

на государственные, корпоративные и университетские. Совокупный капитал всех венчурных фондов, оперирующих на рынке Китая, составляет 280 млрд долл.

Чаще всего венчурные фонды организуются как товарищества с ограниченной ответственностью, капитал которых формируется за счет вкладов участников. Как правило, это китайские и иностранные институциональные инвесторы (пенсионные, страховые и благотворительные фонды, инвестиционные и страховые компании, фонды социального обеспечения), а также состоятельные частные лица. За 2010-е годы масштабы этой деятельности китайских фондов выросли в 2,6 раза и в 2016–2019 гг. оставались стабильно на среднегодовом уровне 87 млрд долл. В целом, по данным международной консалтинговой компании *Mercer LLC*, в 2018–2020 гг. китайский рынок обеспечивал 15% глобального сбора средств венчурного финансирования[69].

При этом Китай все активнее стремится вырваться вперед на отдельных фундаментальных направлениях развития технологий. Так, согласно британской аналитической компании *Preqin*, в 2021 г. китайские производители микросхем, разработчики интегральных схем и другие стартапы в полупроводниковой промышленности привлекли финансирование в размере 8,8 млрд долл., в шесть с лишним раз превысив инвестиции в аналогичные компании в США (1,3 млрд долл.).

На долю Китая приходится четверть из всех имеющихся в мире успешных стартапов с рыночной капитализацией свыше 1 млрд долл. (так называемые компании-единороги). В 2021 г. по числу таких стартапов КНР уступала только США, а в 2024 г. Китай вышел на первое место в мире[70]. Отсюда высокая международная активность китайских вкладчиков венчурного капитала. В начале 2020-х годов удельный вес КНР в общем объеме трансграничных венчурных инвестиций, по некоторым данным, достигал примерно 40%, лишь незначительно отставая от компаний Кремниевой долины США (44%)[71].

Крупнейшим источником венчурного капитала в Китае являются упомянутые выше государственные фонды содействия промышленному развитию (так называемые руководящие фонды), формирующие свои ресурсы за счет средств связанных с правительством организаций, госкомпаний, а также других «руководящих фондов». Размеры государственных «руководящих фондов» варьируются от нескольких миллиардов до нескольких десятков миллиардов юаней, что делает их ключевыми игроками, концентрирующими свыше $^1/_3$ финансовых ресурсов на рынке венчурного капитала. Еще около 30% венчурного финансирования приходится на иностранные венчурные фонды, оперирующие в долларах США из офшорных юрисдикций. Оставшаяся часть средств обеспечивается главным образом фондами крупных корпораций — как частных, так и государственных. В целом, по оценке китайской инвестиционной исследовательской компании *Zero2ipo*, контролируемые государством бизнес-структуры управляют до 60% средств, обращающихся на китайском рынке венчурного капитала[72].

Собранные средства инвестируются в компании, входящие в инвестиционный портфель фонда. После этого в течение определенного времени фонд принимает активное участие в развитии компаний-реципиентов, стремясь к увеличению их капитализации, в том числе и за счет создания синергии между различными объек-

тами приложения своих средств. В завершение инвестиционного цикла фонд выходит из проекта, реализуя свою долю через публичное размещение акций либо через их продажу стратегическому инвестору. Как показывает практика, в среднем на развитие стартапов в Китае уходит от трех до пяти лет против пяти-восьми лет в США, что свидетельствует о весьма высокой эффективности венчурного бизнеса[73].

Государственные «руководящие фонды», как правило, инвестируют свои средства в компании, работающие в отраслях, которые правительство относит к разряду стратегически важных, включая производство полупроводников и микросхем, новые материалы, электрооборудование, интернет-услуги, информационные технологии нового поколения и т.д. Ряд крупных «руководящих фондов» занимаются поддержкой малых и средних предприятий страны. При этом, согласно расчетам правительства, государственные средства должны не столько заменять частный капитал, сколько ориентировать его приложение в соответствии с приоритетами национальной стратегии развития.

Вместе с тем развитие венчурного предпринимательства в Китае не свободно от ряда проблем. Часть из них связана с политикой государственных «руководящих фондов», доминирование которых на рынке подчас связано с применением элементов недобросовестной конкуренции. Так, располагая всесторонней поддержкой правительства, государственные фонды предлагают стартапам и частным инвесторам прямые неформальные связи с влиятельными госкомпаниями и органами власти, которые при необходимости могут ускорить рассмотрение заявок на получение субсидий и иных льгот, помочь с устранением регуляторных проблем и т.д. Не случайно, по оценке журнала *The Economist*, из 56 компаний-единорогов, базирующихся в шести провинциях Центрального и Восточного Китая, 32 компании опирались на государственное финансирование.

В то же время, если сравнивать с корпоративными и особенно с иностранными фондами, работа государственных инвестиционных механизмов менее эффективна. В силу самой своей природы государственные структуры в меньшей мере озабочены получением отдачи на вложенные средства и к тому же нередко испытывают дефицит грамотных профессионалов в области инвестирования. Отсюда нередкие сбои и искажения в их деятельности (завышение оценки компаний-реципиентов, просчеты в определении их инвестиционной привлекательности и т.п.), низкая доходность операций и, соответственно, недостаточная отдача в привлечении частного капитала.

В результате многие «руководящие фонды» воздерживаются от самостоятельного размещения капитала. Вместо этого они фрагментируют свои средства для создания более мелких субфондов, приглашая для руководства ими профессиональных управляющих активами. Чтобы оградить решения таких управляющих от государственного влияния, «руководящие фонды» прибегают к самоограничению инвестиций. Так, руководство государственного венчурного фонда *Optics Valley* (г. Ухань) установило, что размеры участия фонда в любом из его субфондов не должны превышать 100 млн юаней и 25% капитала субфонда[74].

Университетские фонды, как правило, испытывают недостаток финансовых ресурсов. Корпоративные венчурные фонды, напротив, имеют солидное финансовое

и неплохое кадровое обеспечение. Однако, учитывая необходимость ежегодно обнародовать позитивную финансовую отчетность, они избегают вложений в особо рисковые долгосрочные проекты. Помимо этого работа частных корпоративных фондов подвержена регуляторным рискам. В начале 2020-х годов это наглядно проявилось на практике в связи с усилением мер государственного контроля и регулирования в области кибербезопасности, защиты персональных данных, антиконкурентных и офшорных практик. Наконец, иностранные венчурные фонды, доступ которых к фондовым биржам Китая все еще связан с существенными юридическими и административными ограничениями, испытывают трудности при реализации стратегии выхода из проекта на завершающем этапе инвестиционного цикла.

Решение указанных проблем способно придать новый импульс росту венчурного финансирования в Китае. В настоящее время отношение венчурных инвестиций к ВВП КНР составляет 0,8% против 1,7% в Северной Америке. Таким образом, учитывая вероятность дальнейшего повышения доли Китая в мировом ВВП (в 2021 г. — 18%), можно говорить о значительном потенциале роста рынка венчурного капитала в КНР[75].

* * *

В целом современная экономическая стратегия КНР ориентирована на решение широкого круга задач, имеющих зачастую разнонаправленный характер. Необходимость сохранения социально-экономической стабильности, связанной с поддержанием устойчивой динамики экономического роста и созданием соответствующего числа новых рабочих мест, предполагает активный рост инвестиций в национальную экономику. Одновременно настоятельная потребность повышения уровня жизни и социальной защищенности населения требует существенного расширения фонда потребления и относительного замедления инвестиционного процесса в сочетании со значительным повышением эффективности капиталовложений.

В результате успешность современной экономической политики КНР зависит от нахождения оптимального баланса между текущими и долговременными целями, между государственными и частными интересами, между внешними и внутренними факторами развития.

Примечания

[1] Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России / Отв. ред. Л.В. Новоселова. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 38.

[2] China Statistical Yearbook 2005. Beijing: China Statistics Press, 2005. Table 20-11. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2005/indexeh.htm (accessed: 25.01.2024).

[3] *Новоселова Л.В.* Роль инвестиционной политики в создании современного гармоничного общества в КНР // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко / ИДВ РАН. М.: Форум, 2014. С. 150.

[4] *Fan Gang, Hope N.C.* The Role of State-Owned Enterprises in the Chinese Economy: Chapter 16 // China–US Focus: [site]. 2013. P. 17. URL: https://www.chinausfocus.com/2022/wp-content/uploads/Part+02- Chapter+16.pdf (accessed: 12.03.2023).

[5] *Lin Shuanglin*. China's Public Finance. Reforms, Challenges, and Options. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. DOI: 10.1017/9781009099028. URL: https://www.cambridge.org/core/books/chinas-public-finance/734E446DD14D3A6E9D2715BE5F9375C0 (accessed: 10.04.2023).

[6] *Lardy N.* The Changing Role of the Private Sector in China // Annual Conference. 2016. P. 41, 48. Reserve Bank of Australia: [site]. URL: https://www.rba.gov.au/publications/confs/2016/pdf/rba-conference-volume-2016-lardy.pdf (accessed: 07.03.2023).

[7] China Quarterly Update. Beijing: World Bank Office: 1) 2005. August. P. 12–13. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/987591468024565549/pdf/344590ENGLISH0rev0CHA0update008105.pdf (accessed: 12.03.2023); 2) 2006. August. P. 13. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/457361468024850214/pdf/377390CHA0cqu0810601PUBLIC1.pdf (accessed: 12.03.2023).

[8] *Van Ostende R.* Insights Into China's Industrial Policy Via The "Catalogue For Industry Restructuring" // Monarch Executive Institute: [site]. 2020. February 24. URL: https://umonarch-mei.ch/insights-into-chinas-industrial-policy-via-the-catalogue-for-industry-restructuring/china/ (accessed: 20.01.2024).

[9] Ibid.

[10] *Zhang Zoey*. China's 2019 Catalogue for Guiding Industry Restructuring // China Briefing: [site]. 2019. November 26. URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-2019-catalogue-guiding-industry-restructuring/ (accessed: 15.01.2024).

[11] China's Industrial Policy: Roundtable Summary Report // Asia Society: [site]. 2022. January 1. P. 2. URL: https://asiasociety.org/sites/default/files/2023-01/ASPI_SCCEI_China%20Industrial%20Policy_%20Roundtable%20%20Summary%20Report_Final.pdf (accessed: 10.01.2024).

[12] *Ahrens N*. China's Industrial Policymaking Process. Washington D.C.: CSIS, 2013. P. 13. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/130124_Ahrens_ChinaPolicymaking Web.pdf. (accessed: 23.02.2023).

[13] China Quarterly Update. Beijing: World Bank Office. 2006. August. P. 4. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/457361468024850214/pdf/377390CHA0cqu0810601PUBLIC1.pdf (accessed: 12.03.2023).

[14] Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России. М., 2008. С. 45.

[15] Там же. С. 44.

[16] *Новоселова Л.* Новейшие проблемы государственного регулирования инвестиционной сферы в КНР // Рос. эконом. журнал. 2007. № 11-12. С. 71.

[17] *Новоселова Л.В*. Государственный менеджмент в инвестиционной сфере: опыт и проблемы Китая // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2008. № 1. С. 52.

[18] 2023 Investment Climate Statements: China // U.S. Department of State: [site]. 2023. URL: https://www.state.gov/reports/2023-investment-climate-statements/china/ (accessed: 30.12.2023).

[19] *Fukumoto T., Muto I.* Rebalancing China's Economic Growth: Some Insights from Japan's Experience // China and World Economy. 2012. Vol. 20. No. 1. P. 66.

[20] *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая / ИДВ РАН. М.: Форум, 2009. С. 150.

[21] China Statistical Yearbook 2019. Beijing: China Statistics Press, 2018. Tables 3-1, 11-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2019/indexeh.htm (accessed: 10.02.2023).

[22] Подсчитано по: *Wilkins K., Zurawsky A.* Infrastructure in China / Reserve Bank of Australia // Bulletin. 2024. June Quarter. P. 30. URL: https://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2014/jun/pdf/bu-0614-4.pdf (accessed: 05.07.2024); China Statistical Yearbook 2023. Beijing:

China Statistics Press, 2023. Table 3-1. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024).

[23] China in Numbers (2023): Issue Brief. Beijing: United Nations Development Programme China 2024. P. 14. // UNDP China: [site]. 2024. March 13. URL: https://www.undp.org/china/publications/china-numbers-2023 (accessed: 10.07.2024).

[24] China Outlook 2016. Beijing: KPMG, 2016. P. 35. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2016/03/china-outlook-2016.pdf (accessed: 07.03.2024).

[25] *Се Пин*. Четыре аспекта одной сессии. Названы главные направления развития КНР на этот год. Взят курс на построение среднезажиточного общества // Российская газета. 27.03.2015. № 64 (6635). Спецвыпуск «Дыхание Китая». Март 2015. № 2. С. 14.

[26] *Juzhong Zhuang, Li Shi*. Understanding Recent Trends in Income Inequality in the People's Republic of China // Asian Development Bank Economics Working Paper Series. No. 489. July 2016. P. 2. Manila: Asian Development Bank, 2016. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/186143/ewp-489.pdf (accessed: 10.05.2024).

[27] См.: *Wei Jigang*. China's Industrial Policy: Evolution and Experience. Geneva, 2020. P. 10–27. URL: https://www.unctad.org/system/files/official-document/BRI-Project_RP11_en.pdf (accessed: 13.01.2024).

[28] Ibid. P. 17.

[29] *Си Цзиньпин*. О государственном управлении. Т. III. 1-е изд. Пекин: Изд-во литературы на ин. языках, 2021. С. 38.

[30] 2019 Catalogue for Guiding Industry Restructuring // AmChamChina: [site]. 2019. December 5. URL: https://www.amchamchina.org/2019-catalogue-for-guiding-industry-restructuring/2019 (accessed: 15.01.2024).

[31] China Revises Guidance Policy for Industrial Structure Adjustment // The PRC State Council Information Office: [site]. 2019. November 07. URL: http://english.scio.gov.cn/chinavoices/2019-11/07/content_75383520.htm (accessed: 12.01.2024).

[32] China Has Revised the Catalogue for the Guidance of Industrial Structure Adjustment to Encourage the Addition of Industries Such as Intelligent Manufacturing // Teller Report: [site]. 2023. December 29. URL: https://www.tellerreport.com/business/2023-12-29-china-has-revised-the-catalogue-for-the-guidance-of-industrial-structure-adjustment-to-encourage-the- addition-of-industries-such-as-intelligent-manufacturing.rJbT0qLhw6.htm (accessed: 15.01.2024); *Fu Shanshan*. Updates to China's 2023 Catalogue for Guiding Industry Restructuring // China Briefing: [site]. 2023. August 3. URL: https://www.china-briefing.com/news/updates-to-chinas-2023-catalogue-for-guiding-industry-restructuring/ (accessed: 15.01.2024).

[33] 2019 Catalogue for Guiding Industry Restructuring. Op. cit.

[34] *Wei Jigang.* China's Industrial Policy: Evolution and Experience. Op. cit. P. 20.

[35] *Fu Shanshan*. Updates to China's 2023 Catalogue for Guiding Industry Restructuring. Op. cit.

[36] *Новоселова Л.В.* Современный Китай: смена экономической парадигмы // Мировая экономика и межд. отношения. 2022. Т. 66. № 10. С. 25. DOI: 10.20542/0131–2227–2022–66–10–24–33.

[37] *Ganguly R.* China's Toolkit to Manage Monetary Policy: QuickTake Scorecard // Bloomberg: [site]. 2017. February 7. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-02-07/the-pboc-s-tools-to-manage-monetary-policy-quicktake-scorecard (accessed: 17.02.2023).

[38] China Monetary Policy Report: Q4 2022 // The People's Bank of China: [site]. 2023. Februauy 24. P. 17–18. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688229/3688353/3688356/4583781/4849961/20230901134914687 15.pdf (accessed: 15.04.2023).

[39] Structural Monetary Policy Instruments Delivering Relief to Businesses and Boosting the Real Economy Through Targeted Efforts // The People's Bank of China: [site]. 2022. May 9. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3935690/3935759/4565584202205281137219438 9.pdf (accessed: 21.01.2024).

[40] *Ruan Jianhong, Liu Xi*. China Has Made Significant Progress in Stabilizing Leverage and Promoting Growth // People's Bank of China: [site]. 2021. May 01. URL: http://www.pbc.gov.cn/3935690/3935759/4514775/20220323195630806556.pdf (accessed: 23.09.2024); China 2018 Outlook — Striving for a New Growth Model // Deutche Bank: [site]. 2017. 12 December. P. 3. URL: https://www.db.com/news/detail/20171212-china-2018-outlook-striving-for-a-new-growth-model?language_id=1 (accessed: 29.02.2024).

[41] *Junyeop Lee*. State-Owned Enterprises in China. Reviewing the Evidence: Occasional Paper. Paris: OECD, 2009. URL: https://www.oecd.org/daf/ca/corporategovernanceofstate-ownedenterprises/42095493.pdf (accessed: 05.03.2023).

[42] People's Republic of China. 2017 Article IV Consultation: Press Release; Staff Report, and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China. Washington, D.C.: IMF, 2017. P. 18. URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2017/08/15/People-s-Republic-of-China-2017-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-45170 (accessed: 21.04.2023)

[43] *Муромцева З.А*. Китайская Народная Республика: путь к индустриализации нового типа. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 129.

[44] *Junyeop Lee*. State Owned Enterprises in China. Reviewing the Evidence: Occasional Paper. Op. cit.

[45] 2023 Investment Climate Statements: China // U.S. Department of State: [site]. 2023. URL: https://www.state.gov/reports/2023-investment-climate-statements/china/ (accessed: 30.12.2023).

[46] Analysis of Current Venture Capital Market in China 2019. URL: https://ukdiss.com/examples/market-china-foreign.php (accessed: 12.03.2023).

[47] *Kennedy S.* The Biggest but not the Strongest: China's Place in the Fortune Global 500 // Center for Strategic and International Studies.org: [site]. 2020. August 18. URL: https://www.csis.org/blogs (accessed: 05.03.2023).

[48] *Шарипов Ф.Ф., Тимофеев О.А.* О реформировании предприятий государственного сектора экономики КНР // Китай в год проведения XX съезда КПК. Материалы ежегодной всерос. науч. конференции «Современное китайское государство», Москва, 16 и 18 марта 2022 г. / Отв. ред. А.В. Виноградов, П.В. Трощинский. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 82–83. DOI: 10.48647/ICCA.2022.85.64.009.

[49] China Launches SOE Mixed-Ownership Reform Fund // The PRC State Council: [site]. 2020. December 30. URL: https://english.www.gov.cn/statecouncil/ministries/202012/30/content_WS5febb6dfc6d0f72576942aaf.html (accessed: 25.02.2023).

[50] Китай вложил 10 млрд долл., чтобы вызвать интерес к реформе смешанного владения государственными предприятиями // PRC.today: [site]. 2020. December 11. URL: https://prc.today/kitaj-vlozhil-10-mlrd-chtoby-vyzvat-interes-k-reforme-smeshannogo-vladeniya-gosudarstvennymi-predpriyatiyami/ (accessed: 25.02.2023).

[51] *Guluzade A.* The Role of China's State-Owned Companies Explained // World Economic Forum: [site]. 2019. May 7. URL: https://www.weforum.org/agenda/2019/05/why-chinas-state-owned-companies-still-have-a-key-role-to-play/ (accessed: 05.03.2023).

[52] *Новоселова Л.В*. Роль инвестиционной политики в создании современного гармоничного общества в КНР. Цит. соч. С. 155.

[53] Там же.

[54] *Wei Jigang*. China's Industrial Policy: Evolution and Experience. Op. cit. P. 24.

[55] China Formally Implements Unified Negative List Regime for Market Access // Conventus Law: [site]. 2019. February 16. URL: https://conventuslaw.com/report/china-formally-implements-unified-negative-list/ (accessed: 17.02.2024).

[56] China's 2022 Negative List for Market Access: Restrictions Cut, Financial Sector Opening // China Briefing: [site]. 2022. April 12. URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-2022-negative-list-for-market-access-restrictions-cut-financial-sector-opening/ (accessed: 17.02.2024).

[57] Ibid.

[58] Ibid.

[59] People's Republic of China. 2017 Article IV Consultation. Op. cit. P. 18.

[60] Китай поощряет частные инвестиции в ключевые проекты // Russian.china.org.cn: [site]. 2017. June 22. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2017-06/22/content_41074011. htm (accessed: 15.03.2023).

[61] *Новоселова Л.В.* Роль инвестиционной политики в создании современного гармоничного общества в КНР. Цит. соч. С. 156.

[62] Там же.

[63] Structural Monetary Policy Instruments Delivering Relief to Businesses and Boosting the Real Economy Through Targeted Efforts. Op. cit.

[64] *Liu S.*, *Suan Yong Foo, Xianguo* (*Jerry*) *Huang*. Financing Micro and Small Enterprises. China's Approach and Increasing Role of the Credit Guarantee System: Analytical Note, January 25, 2021. Singapore: AMRO, 2021 // AMRO: [site]. 2021. January 26. P. 5–6. URL: https://www.amro-asia.org/wp-content/uploads/2021/01/Financing-Micro- and-Small-Enterprises-China.pdf (accessed: 20.08.2024).

[65] Analysis of Current Venture Capital Market in China 2019. Op. cit.

[66] Жэньминь жибао. 02.08.2004; China Daily. 29.12.2004.

[67] China Private Equity and Venture Capital — Too Big to Ignore: Private Market Insights. New York: 2021. P. 3. URL: https://www.mercer.com/content/dam/mercer/attachments/global/gl-2021-6011825b-we-china-private-equity.pdf (accessed: 07.03.2024).

[68] *Ping* (*Evan*) *Zhan*, *James Yong Wang.* Venture Capital Investment in China: Market and Regulatory Overview // Han Kun: [site]. 2013. July 1. URL: https://www.hankunlaw.com/downloadfile/newsAndInsights/08d1d518df730a313b5ee0960b17ba5f.pdf (accessed: 07.02.2023).

[69] China Private Equity and Venture Capital — Too Big to Ignore. Op. cit. P. 14.

[70] Venture Capital Investment in China // TAdviser: [site]. 2024. 7.09. URL: https://tadviser.com/index.php/Article:Venture_capital_investment_in_China (accessed: 30.09.2024).

[71] *Zinser S.* The Global Reach of China's Venture Capital // The Diplomat: [site]. 2021. January 21. URL: https://thediplomat.com/2021/01/the-global-reach-of-chinas-venture-capital/ (accessed: 12.03.2023).

[72] *Вэй Шэн*. Финансируемые китайским государством «большие фонды» управляют 60% капитала VC/PE / Eurasia Development Corporate Group // ED: [сайт]. 2020. 10 июля. URL: https://chinahi.tech/perspectives/finansiruemye_gosudarstvom_fondy _upravlyayut_vc_pe_capitalov (accessed: 15.03.2023).

[73] Венчурный рынок Китая // ITLEADERS: [site]. 2022. 14 марта. URL: https://itleaders.vc/venchurnyj-rynok-i-struktura-kitaya/

[74] The Rise of China's VC-Industrial Complex: The State is Reshaping One of the World's Biggest Startup Scenes — Not Necessarily for the Better / The Economist Group // The Economist: [site]. 2022. June 27. URL: https://www.economist.com/business/2022/06/27/the-rise-of-chinas-vc-industrial-complex (accessed: 10.03.2023).

[75] China Private Equity and Venture Capital — Too Big to Ignore. Op. cit. P. 2.

Глава 2

Реформа банковской системы

Обеспечивая аккумулирование и распределение финансовых средств по секторам экономики, регионам и конкретным объектам приложения инвестиций, банковский сектор является сердцевиной рыночного хозяйства. Именно поэтому преобразованию банковского сектора и всей кредитно-финансовой системы придается ключевое значение в установочных документах китайского руководства, определяющих суть и основные направления современного этапа экономической реформы в КНР.

Масштабная программа реформ, имеющая целью ограничение прямого вмешательства правительства в распределение ресурсов при одновременном повышении роли рынка, была изложена на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (2013 г.) В материалах пленума была подчеркнута решающая роль рынка в распределении ресурсов; отмечалось, что, работая в рыночной среде, органы государственного управления не должны подменять своими действиями функции рынка. Эта позиция была подтверждена четырьмя годами позже на XIX Всекитайском съезде КПК.

Изменение соотношения государственного регулирования экономики и действующих в ней рыночных сил предполагает, в частности, придание банковскому сектору КНР более открытого и рыночно ориентированного характера, с тем чтобы повысить качество и результативность финансовых услуг, избавиться от периодического появления как спекулятивных финансовых пузырей, так и дефицита денежной ликвидности на китайском рынке и тем самым создать благоприятные условия для дальнейшей трансформации и роста эффективности всей экономической системы.

Первая волна реформирования: результаты и проблемы

На заре китайской экономической реформы банковская система КНР имела весьма упрощенный вид и была, по сути, монополизирована единственным круп-

ным кредитно-финансовым институтом в лице принадлежавшего государству Народного банка Китая (НБК). Выступая в качестве консолидированного денежного, кредитно-расчетного и кассового центра страны, НБК непосредственно осуществлял финансирование экономики, руководствуясь директивами правительства и показателями государственного кредитного плана. НБК располагал огромным числом региональных филиалов и отделений, разбросанных по всей территории КНР, а немногие формально независимые банковские учреждения, унаследованные еще от дореволюционных времен, фактически функционировали как его подразделения. Будучи преимущественно лишены реального содержания, деньги, кредит, процент и другие финансовые категории не имели большого значения в экономической жизни. Межбанковские отношения, включая заимствования и предоставление кредитов, практически отсутствовали.

С началом экономических преобразований стала быстро меняться и ситуация в финансовой сфере. В 1984 г. решением правительства НБК был наделен функциями центрального банка, организующего денежное обращение и координирующего деятельность других кредитных учреждений без вступления в финансовые взаимоотношения с клиентами из реального сектора экономики. Одновременно из структуры НБК, наряду с созданным еще в 1908 г. Банком коммуникаций, были выделены несколько специализированных банков (так называемая «Большая четверка»), отвечающих за развитие различных секторов экономики.

Так, в сферу ответственности Промышленно-торгового банка Китая вошли государственная и кооперативная промышленность, энергетика и торговля; Строительный банк Китая сосредоточился на строительной отрасли, включая жилищное строительство; Сельскохозяйственный банк Китая приступил к работе с поселково-волостными предприятиями и индивидуальными клиентами из аграрного сектора; специализация Банка Китая предусматривала финансирование внешнеэкономической деятельности и осуществление валютных операций. Значительная часть деятельности специализированных государственных банков носила неприбыльный, некоммерческий характер. Более 60% суммы кредитов Сельскохозяйственного банка, например, в конце 1980-х годов было представлено так называемым политическим кредитованием, включая кредиты на поддержку производства зерна, на преодоление сельской бедности, улучшение местной инфраструктуры и т.п. Целью таких кредитных операций является не получение банковской прибыли, а реализация экономической политики правительства[1].

В 1994 г. финансирование из бюджетных средств долгосрочных государственных программ и крупных национальных инвестиционных проектов было поручено специально созданным политически ориентированным государственным банкам, включая Банк развития Китая, Экспортно-импортный банк Китая и Банк развития сельского хозяйства Китая. Кредитная активность таких институтов, полностью находящихся в собственности государства, может приносить очень низкую и даже отрицательную прибыль. Разгрузка «Большой четверки» от функций политического кредитования позволила коммерциализировать деятельность крупнейших государственных банков и предоставить им значительную операционную самостоятельность с сохранением общего финансового и административного контроля правительства.

Правовой статус, функции и ответственность как НБК, так и государственных коммерческих банков были закреплены в Законе о Народном банке Китая (март 1995 г.) и в Законе о коммерческих банках (июль 1995 г.). Установлено, в частности, что, выполняя функции центрального банка, Народный банк Китая под руководством Госсовета КНР разрабатывает и осуществляет денежную политику государства, предотвращает и ликвидирует финансовые риски, поддерживает финансовую стабильность[2]. НБК полностью принадлежит государству и входит в состав центрального правительства, а его расходы финансируются из средств государственного бюджета.

Коммерческий банк определен как юридическое лицо, которое принимает вклады населения, выдает кредиты, осуществляет расчетные и иные финансовые операции согласно содержащемуся в законе перечню. При создании общенационального коммерческого банка, действующего на всей территории страны без ограничений, денежные средства, вносимые в качестве его уставного капитала, должны составлять не менее 1 млрд юаней, городского коммерческого банка — 100 млн юаней, сельского коммерческого банка — 50 млн юаней. Указанные требования к капиталу для открытия нового банка соответствуют международным нормам или превышают их.

Кредитная политика коммерческих банков должна соответствовать потребностям национального экономического и социального развития, а также промышленной политике государства. Коммерческие банки передают на хранение в НБК в качестве обязательных резервов определенную долю привлеченных ими депозитов. Коэффициент (норма) резервных требований устанавливается НБК в соответствии с его правилами[3]. Тем самым центральный банк наделяется правом повышать или понижать ликвидность коммерческих банков.

Эти и другие положения принятых в 1995 г. законов послужили основой для быстрого количественного роста и институциональной диверсификации кредитно-финансовых учреждений в зависимости от их организационно-правовой формы, формы собственности, размера уставного капитала, территориальной, а также и страновой принадлежности.

Результатом всего этого в 1990-е годы стало возникновение в КНР современной многоуровневой банковской системы, напоминающей аналогичные образцы, действующие в странах с развитой рыночной экономикой. Верхний ярус этой системы представлен централизованным органом банковского надзора и регулирования в лице НБК, а нижние ярусы — разнообразными банковскими и небанковскими финансовыми организациями, обеспечивающими кредитно-финансовое обслуживание экономики.

В 1998 г. второй ярус институциональной структуры банковского сектора КНР был представлен несколькими группами банковских учреждений. В их числе три государственных политических банка, четыре государственных коммерческих банка, 14 акционерных коммерческих банков различного (общенационального и регионального) уровня, а также девять иностранных банков. Третий, нижний уровень банковской системы состоял из множества небольших кредитно-финансовых учреждений местного значения (городские и сельские кредитные кооперативы и т.д.),

ориентированных на работу с физическими лицами и финансирование местного хозяйства.

Нормативные акты середины 1990-х годов расширили автономность и самостоятельность национального банковского регулятора. В частности, средства НБК было запрещено использовать для финансирования центрального бюджета КНР, а равно и местных бюджетов. НБК и его региональные отделения получили право без какого-либо влияния или вмешательства со стороны местных правительств, государственных ведомств и общественных организаций самостоятельно осуществлять свои финансовые операции[4].

В январе 1998 г. был отменен государственный кредитный план, позволявший НБК не только напрямую регулировать распределение ресурсов, но и влиять на совокупный общественный спрос, а также контролировать денежную массу. Это ознаменовало переход монетарной политики Китая от прямого к косвенному контролю со стороны государства, от преимущественно административных к преимущественно нормативным механизмам регулирования кредитного рынка и денежного обращения.

Осуществляя постоянный мониторинг полутора с лишним десятков количественных нормативов, определяющих соотношение между активами и пассивами коммерческих банков, НБК стал применять установленные законом меры, влияющие на состояние их балансов. В числе этих мер ограничение масштабов кредитования в размере не более 75% привлеченных депозитов; установление базовых процентных ставок по кредитам и депозитам; определение нормы обязательных для банков депозитных резервов на возможные потери по ссудам; предоставление кредитов, а также дисконтных услуг коммерческим банкам, открывшим счета в НБК, и др. Тем самым происходило постепенное продвижение банковского регулирования к пруденциальному макроконтролю[5].

В целом, однако, несмотря на все перемены, банковский сектор КНР представлял собой комплекс преимущественно государственных кредитно-финансовых институтов, ориентированных на потребности также главным образом принадлежавших государству предприятий и компаний. В конце 1990-х годов около 80% суммы кредитов китайских банков направлялось на поддержку предприятий государственного сектора. При этом по мере прогрессирующей рыночной трансформации китайской экономики финансовое положений государственных предприятий становилось все более сложным. С 1985 по 1997 г. доля убыточных предприятий в общей численности объектов государственной собственности возросла с 10 до 47%[6].

Несмотря на определенное расширение сферы автономной деятельности НБК, разработка денежной политики, а равно и применение инструментов ее реализации требовали предварительного согласования с правительством[7]. Выбор объектов долгосрочного кредитования зависел не столько от решения банков-кредиторов, сколько от перечня приоритетных инвестиционных проектов центрального и местных правительств. Ключевые вопросы кадровой политики ведущих коммерческих банков решались в орготделе ЦК КПК[8]. Таким образом, государство, представленное различными ведомствами и организациями, сплошь и рядом выполняло, по сути, взаимоисключающие функции — собственника банковских активов, с одной сторо-

ны, и их контролера и регулятора, с другой; главного кредитора и одновременно основного заемщика. Отсюда регулярный конфликт интересов, периодическое искажение экономических стимулов и мотиваций.

Действие рыночных механизмов в столь специфической среде было весьма ограниченным, деловая активность банков сводилась главным образом к распределению государственных (в том числе бюджетных) ресурсов. Управление рисками, по сути дела, отсутствовало, а качество банковских активов из года в год деградировало, вызывая угрозу финансового кризиса.

По официальным данным, коэффициент неработающих кредитов (т.е. доля в общем кредитном портфеле безнадежных, не имеющих перспективы погашения долгов) у крупнейших китайских банков в 2002 г. составлял 25%. Вместе с тем участники рынка полагали, что реальный уровень этого показателя соответствовал 35–40%, а международное рейтинговое агентство *Standard and Poor's* с учетом так называемых обесцененных кредитов и внебалансовых кредитных гарантий оценивала его ближе к 50%[9]. Большое число малых и средних банковских учреждений, включая сельские кредитные кооперативы, также страдали от «передозировки» неработающими кредитами и других потенциальных финансовых рисков.

Как результат, в период с 1985 по 1996 г. коэффициент достаточности капитала банков «Большой четверки» снизился с 13,2 до 3,1%, выйдя далеко за пределы установленного Законом о коммерческих банках минимального уровня в 8%*. Более того, в конце 2002 г. активы тех банков, достаточность капитала которых соответствовала установленному нормативу, составляли лишь 0,54% общей стоимости активов банковского сектора КНР[10]. Все это давало ряду крупных международных СМИ основания утверждать, что «коммерческие банки Китая технически обанкротились», а финансовый сектор страны «представляет собой бомбу замедленного действия, готовую взорваться в любой момент»[11]. В целом состояние банковского сектора явно не отвечало потребностям развивающегося рыночного сегмента китайской экономики, обусловливая необходимость дальнейшего кардинального реформирования.

Актуальные направления банковской реформы

Ситуация осложнялась тем, что присоединившись в 2001 г. к ВТО, КНР приняла на себя обязательства в течение первых пяти лет участия в этой международной организации полностью открыть национальный банковский сектор для иностранных финансовых институтов и обеспечить им равные с национальными субъектами денежного рынка условия функционирования. Опасаясь за конкурентоспособность отечественных банков по сравнению с иностранными, китайские власти предприняли серьезные усилия по укреплению и оздоровлению национальных банков и их адаптации к рыночным условиям деятельности.

Функциональное разграничение в сфере организации денежной политики и банковского надзора. В апреле 2003 г. при Госсовете КНР был создан новый орган го-

* Соотношение собственных средств и суммы активов банка, взвешенных по уровню риска.

сударственного управления — Комитет по регулированию банковской деятельности (КРБД), полномочия которого охватили ряд важные функций, входивших прежде в компетенцию НБК. В их числе утверждение создания, изменения и ликвидации учреждений банковской отрасли; анализ и оценка рисков банковской системы; разработка проектов законов, регламентирующих банковскую деятельность, подготовка и выпуск подзаконных актов в этой области; сбор, обобщение, анализ и публикация статистических показателей работы банковского сектора и т.д.[12]. Из функций банковского надзора в компетенции НБК были оставлены некоторые наиболее общие прерогативы, включая, в частности, направление в КРБД предложений о проведении проверок коммерческих банков в случае выявления у них нарушений правил банковской деятельности.

Разделение полномочий НБК и КРБД имело целью как усиление специального банковского надзора в условиях диверсификации и усложнения архитектоники банковского сектора, так и повышение эффективности денежной политики, совершенствование инструментов ее «тонкой настройки». С учетом происшедших изменений был принят Закон КНР об управлении и надзоре за банковской деятельностью (декабрь 2003 г.), а также внесены соответствующие поправки в Закон о Народном банке Китая.

Созданный как самостоятельный орган пруденциального контроля, КРБД за короткое время стал главной движущей силой в улучшении управления рисками, корпоративного управления, внутреннего контроля и раскрытия информации в банковском секторе КНР. Все банки обязаны публично раскрывать свою информацию в годовых отчетах, включая проверенные данные о финансовом положении, сведения о корпоративном управлении, достаточности капитала, подверженности риску, стратегии и методах риск-менеджмента, а также другую количественную и качественную информацию.

Акционирование государственных коммерческих банков. Ключевая роль в рыночной трансформации банковского сектора КНР была отведена реформированию банков «Большой четверки». На долю этих банков приходилось свыше 70% суммы кредитов банковского сектора КНР, поэтому от «состояния их здоровья» непосредственно зависит «самочувствие» всей китайской экономики. Осуществление реформы государственных коммерческих банков предусматривало несколько последовательных этапов, включая: 1) акционирование; 2) выход на рынок ценных бумаг; 3) привлечение стратегических иностранных инвесторов.

В рамках подготовки к акционированию банков «Большой четверки» правительство прежде всего приступило к расчистке их балансов от «плохих долгов». Для этого в 1999 г. по числу реформируемых банков были созданы четыре государственные компании по управлению активами — компании «Синьда», «Хуачжун», «Чанчэн» и «Дунфан». На них была возложена задача с помощью различных методов (реструктуризация или банкротство предприятий-должников, продажа «плохих долгов», обмен их на пакеты акций и т.д.) способствовать выведению проблемных корпоративных заемщиков из угрожающего состояния либо получению банками-кредиторами соответствующей финансовой компенсации по просроченным долгам. Уставный капитал каждой управляющей компании составлял

10 млрд юаней, средства для его оплаты были выделены правительством из государственного бюджета.

Кроме того, под неформальные гарантии Министерства финансов КНР управляющим компаниям было разрешено произвести выпуск целевых корпоративных облигаций и использовать их для выкупа сомнительных и безнадежных долгов у банков «Большой четверки»[13]. Сроки погашения облигаций составили 10 лет, купонный доход — 2,25%.

Компания «Синьда» выкупила «плохие долги» Строительного банка Китая, «Дунфан» — Банка Китая, «Чанчэн» — Сельскохозяйственного банка Китая, «Хуачжун» — Промышленно-торгового банка Китая. Приобретение сомнительных долгов производилось по номиналу либо с 50%-ной скидкой, а безнадежных долгов — по номиналу либо безвозмездно. В целом в период с 1999 по 2004 г. государственными управляющими компаниями были выкуплены у китайских банков «плохие долги» на 2,4 трлн юаней, в том числе 1,4 трлн юаней представляли неработающие активы банков «Большой четверки». В течение следующих пяти лет все они были перепроданы либо частично обменены на активы компаний-заемщиков и превращены в акционерные паи со скидкой в 60–75% от номинала[14].

Результатом принятых мер в сочетании с реструктуризацией банков-кредиторов, улучшением их корпоративного управления, совершенствованием системы риск-менеджмента, сокращением избыточного персонала и т.п. явилось заметное укрепление финансового положения банков «Большой четверки», в 2004 г. их коэффициент неработающих кредитов снизился до 15,6%.

Это позволило в 2004–2005 гг. переучредить банки «Большой четверки» как государственные акционерные компании. В качестве основных акционеров-учредителей выступили Министерство финансов КНР, Национальный фонд социального обеспечения, а также Центральная инвестиционная компания «Хуэйцзинь», созданная Народным банком Китая, Министерством финансов КНР и Государственным управлением валютного контроля для владения государственными пакетами акций банков «Большой четверки». По поручению правительства компания «Хуэйцзинь» в 2003–2008 гг. передала 80 млрд долл. из валютных резервов страны в преобразуемые Банк Китая, Строительный банк Китая, Промышленно-торговый банк Китая и Сельскохозяйственный банк Китая с целью улучшения их показателей достаточности капитала. Средства были переведены в качестве долей в акционерном капитале указанных банков, что означало их рекапитализацию[15].

В конце 2005 г. Строительный банк прошел листинг на фондовой бирже Гонконга и осуществил первичное размещение своих акций (initial public offering — IPO) на сумму в 9,23 млрд долл. На волне роста фондового рынка в 2006 г. аналогичные операции провели Банк Китая и Промышленно-торговый банк Китая. При этом Банк Китая получил от размещения на Гонконгской фондовой бирже 9,7 млрд долл., а Промторгбанк, крупнейший банк Китая, осуществил IPO одновременно на фондовых биржах Шанхая и Гонконга, выручив в общей сложности 21,9 млрд долл. На тот момент это было самое масштабное первичное размещение акций в мире, в результате чего Промторгбанк Китая стал вторым по величине

банком (рыночная капитализация — 251,1 млрд долл.) после американского *Citygroup*[16].

Расчистка активов, рекапитализация и акционирование банков «Большой четверки» — все это вместе взятое открыло дорогу привлечению стратегических иностранных инвесторов. В соответствии с законодательством КНР доля иностранного участия в зарегистрированном капитале китайского банка не должна превышать 25%, а пакет акций, принадлежащих одному иностранному участнику, не может превышать 20% акционерного капитала. В 2005 г. в ходе IPO Строительного банка Китая американский *Bank of America* приобрел пакет акций в 19,5% его акционерного капитала. Британский *Royal Bank of Scotland* выкупил 10% капитала Банка Китая, а консорциум в составе американского инвестиционного банка *Goldman Sachs*, компании *American Express* и страховой компании *Allianz* (Германия) — крупный пакет акций Промышленно-торгового банка Китая.

Кроме того, после размещения акций Банка коммуникаций на Гонконгской (2005 г.) и Шанхайской (2007 г.) фондовых биржах это старейшее кредитно-финансовое учреждение Китая было официально включено в разряд государственных коммерческих банков, в результате чего образовалась «Большая пятерка» институциональных кредиторов[17]. Разразившийся в 2008 г. мировой финансовый кризис отсрочил публичное размещение акций Сельскохозяйственного банка Китая. Оно прошло на биржах Шанхая и Гонконга лишь в середине 2010 г., увеличив капитал банка на 22,1 млрд долл. и позволив привлечь в состав его акционеров суверенные инвестиционные фонды Катара и Кувейта, а также британский банк *Standard Charterd*.

В результате, если в 2004 г. участие иностранных инвесторов в капитале китайских банков составляло 513,7 млн долл., то уже в конце 2005 г. — почти 19 млрд долл.[18]. Вхождение иностранных инвесторов в капиталы четырех крупнейших коммерческих банков позволило последним значительно нарастить свои чистые активы — в 2012 г. их общие размеры составили 57,4 трлн юаней против 16,3 трлн юаней в 2003 г., увеличившись в 3,5 раза. Одновременно коэффициент достаточности капитала Промышленно-торгового банка Китая повысился с (-)8,8 до 13,66%, Банка Китая — с 5,4 до 13,63%, Строительного банка Китая — с 6,5% до 14,32%.

В целом реструктуризация и реформирование ведущих государственных коммерческих банков КНР кардинально упрочили их финансовое положение и стимулировали деловую активность. В 2003–2012 гг. коэффициент неработающих кредитов Промышленно-торгового банка Китая уменьшился с 21,4 до 0,85%, Банка Китая — с 16,28 до 0,95%, Строительного банка Китая — с 13,68 до 0,99%, Сельскохозяйственного банка Китая — с 30,66 до 1,33%. Совокупная чистая прибыль этих банков увеличились практически в 13 раз — с 56 до 722 млрд юаней[19]. Все это позволило упомянутым кредитным институтам войти в десятку крупнейших банков мира, потеснив японских, немецких и французских конкурентов, и уверенно удерживать свои позиции в мировой табели о рангах (см. табл. 5).

Таблица 5

Крупнейшие банки мира, 1996–2019 гг.

1996 г.				2019 г.			
№	Банк	Страна	Активы, млрд долл.	№	Банк	Страна	Активы, млрд долл.
1	Deutsche Bank	ФРГ	503	1	ПТБК*	КНР	4027
2	UFJ Bank	Япония	501	2	СБК*	КНР	3337
3	Sumitomo Bank	Япония	500	3	СХБК*	КНР	3287
4	Dai-Ichi Kangyo Bank	Япония	499	4	Банк Китая	КНР	3092
5	Fuji Bank	Япония	487	5	Mitsubishi-UFJ Financial	Япония	3069
6	Sakura Bank	Япония	478	6	JP Morgan	США	2727
7	Bank of Tokyo-Mitsubishi	Япония	475	7	HSBC*	Великобритания	2558
8	Norinchukin Bank	Япония	430	8	Bank of America	США	2354
9	Credit Agricole	Франция	386	9	BNP*	Франция	2336
10	ПТБК*	КНР	374	10	Credit Agricole	Франция	2123

Примечание: ПТБК — Промышленно-торговый банк Китая; СБК — Строительный банк Китая; СХБК — Сельскохозяйственный банк Китая; HSBC — Hongkong and Shanghai Banking Corporation; BNP — Banque Nationale de Paris.

Источник: *Yiping Huang*, *Xun Wang*, *Anqian Huang.* Promoting High-Quality Growth Through Financial Reform in the People's Republic of China // Asian Development Bank East Asia Working Papers Series. No. 43, December 2021. Manila: Asian Development Bank, 2021. P. 2. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/760726/eawp-043-high-quality-growth-financial-reform-prc.pdf (accessed: 18.04.2023).

Реформа сельских кредитных кооперативов. Аккумулируя сбережения сельского населения и направляя их на поддержку аграрного сектора и в целом местной экономики, сельские кредитные кооперативы (СКК) играли важную роль в финансировании китайской деревни. На рубеже XX и XXI вв. на их долю приходилось около 35% стоимости банковских кредитов, связанных с развитием сельских районов Китая, 80% кредитов на поддержку сельскохозяйственного производства,

90% кредитов сельским домохозяйствам[20]. В середине 1990-х годов, когда Китаем был принят курс на создание «социалистической рыночной экономики», в стране насчитывалось свыше 50 тыс. этих мелких ссудо-сберегательных организаций, унаследованных от эпохи огосударствленной экономики и коллективного сельского хозяйства[21].

Кооперативная форма хозяйствования, как известно, предполагает добровольное объединение пайщиков для удовлетворения в рамках автономной ассоциации общих социально-экономических потребностей на основе самофинансирования и самоуправления. Однако, что касается КНР, то сельские кредитные кооперативы не являлись здесь независимыми организациями, административный контроль над ними традиционно осуществлялся местными органами власти.

При этом, находясь в функциональном подчинении у Сельскохозяйственного банка Китая, СКК на практике функционировали в качестве его низовых финансовых звеньев, многие из них не обладали статусом юридического лица. Помимо обязательных резервов, СКК должны были держать в Сельхозбанке и значительную долю своих депозитов. Это были немалые средства, общие размеры которых в середине 1990-х годов достигали 200 млрд юаней[22]. Следуя поступающим свыше руководящим указаниям, кредитным кооперативам приходилось проводить процентную политику, которая подчас вела их к большим финансовым потерям. В то же время СКК имели доступ к финансовой поддержке со стороны государства и, независимо от результатов своей деятельности, обеспечивали уравнительное распределение дохода между пайщиками на основе ежегодной выплаты гарантированного процента[23].

В 1996 г. в ходе коммерциализации Сельскохозяйственного банка сельские кредитные кооперативы были переданы в ведение и под надзор НБК и сконцентрировались на микрофинансовых операциях, связанных с обслуживанием фермерских хозяйств и поселково-волостных предприятий, стремясь перейти на самоокупаемость. С 1996 по март 2004 г. сумма кредитов, выданных сельскими кредитными кооперативами, увеличилась с 148,7 млрд до 818 млрд юаней; 43% этих средств направлялось на развитие производства сельскохозяйственной продукции и 32% — на поддержку волостных и поселковых предприятий[24].

При этом СКК оставались встроенными в государственную банковскую систему и функционировали в отсутствие жестких бюджетных ограничений. Одновременно, не обладая статусом юридического лица, кредитные кооперативы, по сути, были лишены правовой субъектности, пайщики СКК не являлись их собственниками. В этих условиях как руководители кооперативов, так и их пайщики, по сути, не имели ни возможностей, ни стимулов для повышения эффективности работы СКК, их ответственность за прибыли и убытки была невысокой.

В результате сельские кредитные кооперативы из года в год генерировали серьезные кредитные риски, до половины их общего числа терпели системные убытки. В 2001 г., например, 46% СКК являлись убыточными, а 58% имели отрицательный собственный капитал. Коэффициент неработающих кредитов СКК достигал 44%. При этом 31,2 млрд юаней, т.е. практически четвертая часть чистого годового прироста кредитных операций СКК, представляла собой перекредитование финансо-

вых средств, полученных ими от центрального банка[25]. В 2002 г. средства центрального банка, переданные кредитным кооперативам для последующего перекредитования аграрного сектора, составили 77,2 млрд юаней, что свидетельствовало о неспособности СКК устойчиво осуществлять программу микрокредитования сельского хозяйства на самостоятельной основе. Между тем потребность в таком финансировании постоянно возрастала, поскольку коммерциализация государственных банков привела к сокращению доли предприятий аграрного сектора в их кредитных портфелях и, как следствие, к оттоку кредитных ресурсов из сельских районов в более прибыльную городскую экономику[26].

В июне 2003 г. в восьми провинциях и городах по инициативе НБК правительство произвело запуск пилотной программы реформирования сельской финансовой системы, ориентированной на преобразование СКК в эффективные рыночные институты. Достижение поставленной цели предполагало решение системных проблем, связанных со структурой собственности СКК, механизмом их управления и особенностями экономического поведения. Для создания на местах устойчивых финансовых институтов с четкой структурой собственности и ясной схемой корпоративного управления прежде всего требовалось провести консолидацию собственности СКК как автономных юридических лиц[27]. В ноябре 2004 г. мероприятия реформы были распространены на 29 провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Исключение составили лишь Синьцзян-Уйгурский автономный район, где не имелось действующих СКК, а также провинция Хайнань, где в силу местной специфики требовались специальные решения.

В целом, предполагая использование многообразных форм собственности, программа реструктуризации СКК не требовала обязательного сохранения их кооперативного характера. Скорее наоборот — в интересах коммерциализации деятельности СКК предпочтение отдавалось формированию акционерной собственности. Преобразование кооператоров-пайщиков в акционеров с юридически закрепленными правами собственности и полномочиями в сфере корпоративного менеджмента сопровождалось формированием стандартной структуры внутренней организации, состоящей из собрания акционеров, совета директоров, наблюдательного совета и набора исполнительных структур управления.

На этой основе в тех регионах, где СКК имели высокий уровень коммерциализации и капитализации, поощрялось создание сельских коммерческих банков. В иных случаях предлагалось, следуя принципам организации акционерного общества, создавать акционерные кооперативы с возможным объединением их на уровне уездов и городов в сельские кредитные союзы, которые также получали статус самостоятельного юридического лица. Все вышеуказанные формы организации хозяйственной деятельности считались компонентами сельской кооперативной финансовой системы, хотя сельские коммерческие банки, например, и не являлись кооперативами как таковыми. Выбор наиболее подходящего для местных условий варианта реформирования, включая и сохранение СКК при условии реорганизации их системы управления, был оставлен за правительствами провинций[28].

Практическая реализация мероприятий реформы опиралась на предоставление кредитным кооперативам дополнительного финансирования со стороны государст-

ва. Эта тактика реформирования, определяемая в профессиональном обиходе как «трата денег на покупку нового механизма», была призвана оздоровить финансовое состояние села, помочь сельским кооперативам избавиться от накопившегося долгового бремени и тем самым облегчить выполнение ими главной задачи — реструктуризации собственности, активов и управления. С этой целью НБК применил механизм позитивного финансового стимулирования, предложив сельским кредитным кооперативам произвести обмен 50% их неработающих активов на специальные векселя центрального банка либо на его же льготные кредитные ресурсы для последующего перекредитования местных заемщиков. Остальная часть безнадежных долгов СКК подлежала возмещению из средств местных бюджетов.

Кредитные кооперативы допускались к выкупу безнадежных долгов при условии соответствия их исходного финансового положения определенным требованиям НБК, а фактическое выделение средств центрального банка зависело от хода их реформирования. На первом этапе кооператив, претендующий на получение государственной финансовой поддержки, представлял в центральный банк программу увеличения достаточности капитала и снижения коэффициента неработающих кредитов, составленную в соответствии с нормативами НБК. При одобрении этой программы НБК выдавал кооперативу-соискателю ордер на выпуск специального векселя. На следующем этапе, если практические результаты деятельности кооператива соответствовали показателям вышеупомянутой программы финансового оздоровления, НБК выпускал на его имя специальный вексель центрального банка. На третьем этапе, в случае если сельский кредитный кооператив добивался существенного прогресса в консолидации своей собственности, совершенствовании корпоративного управления и усилении внутреннего контроля, происходило погашение специального векселя с выплатой кооперативу-соискателю соответствующих денежных средств. В среднем завершение всей процедуры для одного сельского кооператива занимало до двух лет[29].

По состоянию на конец 2002 г. безнадежные долги оценивались в размере 514,7 млрд юаней, составляя 36,9% общей суммы кредитов сельских кредитных кооперативов. К концу 2012 г., после длительной проверки кредитных требований и оценки качества корпоративного управления, НБК выплатил сельским кредитным кооперативам более 170 млрд юаней, обналичив свыше 90% от общего объема выпущенных специальных векселей. К этому следует прибавить еще свыше 70 млрд юаней, дополнительно поступивших в распоряжение СКК в результате предоставленных им в 2003–2009 гг. льгот по уплате корпоративного подоходного налога и налога с продаж, а также примерно 9 млрд юаней, полученных ими в счет государственного субсидирования выплат по индексированным сберегательным вкладам сельского населения.

В конечном итоге политика «траты денег на покупку нового механизма» помогла активизировать реформаторскую деятельность как самих СКК, так и курирующих их провинциальных правительств. В 2003–2012 гг. общая численность сельских кредитных кооперативов уменьшилась с 31,4 до 1,8 тыс., т.е. более чем в 17 раз. Все они, пройдя процедуру консолидации и укрупнения, оперировали на уровне уездов и городов. Часть кредитных кооперативов объединилась в сельские

коммерческие или сельские кооперативные банки, число которых к концу 2012 г. достигло 337 и 147 соответственно. Возникла и примерно тысяча деревенских (поселково-волостных) банков.

Благодаря проведенной реструктуризации система собственности, структура управления и внутренний контроль сельских кредитных кооперативов были значительно улучшены, качество их активов и размеры прибыли заметно повысились. Так, размеры собственного капитала СКК вместо (-)13,2 млрд юаней в 2003 г. составили 996,7 млрд юаней в 2012 г., а их совокупные активы за это время выросли почти в шесть с половиной раз — с 2,7 до 15,5 трлн юаней. Одновременно средний коэффициент достаточности капитала СКК увеличился с 3,3 до 11,8%, а коэффициент неработающих кредитов, наоборот, снизился с 15,9 до 4,5%. Все это свидетельствовало о диверсификации, а равно и о заметном оздоровлении и укреплении сельской финансовой системы[30].

Открытие банковского сектора. Важным направлением реформирования банковского сектора КНР в первое десятилетие XXI в. стало облегчение доступа иностранных банков на китайский рынок, равно как и общая либерализация режима их деятельности. Вместе с банками «Большой четверки» привлечением стратегических инвесторов из-за рубежа занялись и другие коммерческие банки. В 2005 г. пять из 13 акционерных коммерческих банков привлекли в состав своих акционеров иностранных стратегических инвесторов, рассчитывая на их содействие в таких важных для повышения конкурентоспособности вопросах, как укрепление корпоративного управления, организационная реструктуризация, маркетинг, взаимоотношения с клиентами, разработка новых финансовых продуктов, риск-менеджмент, внутренний аудит и контроль. Конечной целью всех этих усилий являлось превращение китайских кредитно-финансовых учреждений в современные акционерные коммерческие банки, обладающие как внутренней, так и международной конкурентоспособностью.

В 2002 г. Народным банком Китая были выпущены Правила административного управления в отношении иностранных кредитно-финансовых учреждений в Китае. Документ регламентировал порядок создания, регистрации и ликвидации иностранных кредитно-финансовых учреждений (включая их филиалы и представительства), определял масштаб и характер их операций, устанавливал профессиональные требования к их деятельности, порядок банковского надзора и т.п.[31].

В 2004 г. Комитет по регулированию банковской деятельности выпустил новую редакцию этих правил, смягчавшую операционный режим для иностранных кредитно-финансовых учреждений в соответствии с требованиями ВТО. Во-первых, отменялись административные ограничения, касающиеся расширения филиальной сети иностранных банков в стране, предусматривавшие, что в течение календарного года они могли открывать в Китае не более одного филиала. Во-вторых, снижались требования к минимальным размерам операционного капитала, необходимого для осуществления иностранными банками операций в юанях с китайскими предприятиями и физическими лицами — до 300 млн и 500 млн юаней соответственно вместо 400 млн и 600 млн юаней в прежние годы. В-третьих, упрощалась процедура учреждения на территории КНР иностранных кредитно-финансовых учреждений[32].

В 2006 году, завершавшем период выполнения обязательств перед ВТО по открытию финансовой сферы КНР для внешнего мира, был принят целый ряд решений, касающихся деятельности иностранных инвесторов в банковском секторе. Приоритетным направлением стало снятие ограничений на операции с национальной валютой, а также на обслуживание китайских физических и юридических лиц. В частности, был окончательно завершен процесс поэтапного снятия территориальных ограничений на ведение иностранными банками операций в юанях.

Постановлением Госсовета КНР от 15 ноября 2006 г. была утверждена новая редакция Правил административного управления в отношении иностранных кредитно-финансовых учреждений, которая существенно развила и унифицировала процедуру создания и операционный режим для деятельности как полностью иностранных и совместных китайско-иностранных банков, так и филиалов иностранных кредитно-банковских учреждений в КНР. Одновременно были предусмотрены весьма высокие исходные требования для иностранных претендентов на ведение банковской деятельности в Китае, что открывало возможность создания банковских структур в КНР только для крупнейших иностранных банков и тем самым снижало возможные риски при их дальнейшей работе на китайском рынке.

Минимальные требования к акционерному капиталу полностью иностранных и совместных китайско-иностранных банков установлены в размере 1 млрд юаней (126,6 млн долл. по текущему валютному курсу, т.е. по курсу на ноябрь 2006 г. — момент выпуска описываемого постановления Госсовета КНР). Аналогичное требование предъявляется и для регистрации китайского банка. Вся эта сумма должна быть полностью оплачена непосредственно при учреждении иностранного банка. Зарубежный учредитель (либо обладатель контрольного пакета акций) полностью иностранного или совместного китайско-иностранного банка должен иметь статус коммерческого банка, обладать по меньшей мере одним действующим представительством на территории КНР (для полностью иностранного банка — в течение не меньше двух лет), а также располагать активами в размере не менее 10 млрд долл. Активы иностранного банка, учреждающего в Китае свой филиал, должны составлять не менее 20 млрд долл. Коэффициент достаточности капитала материнского кредитно-финансового учреждения должен соответствовать требованиям банковского надзора как в КНР, так и в стране банка-учредителя.

К топ-менеджерам дочерних банков с иностранным капиталом и филиалов иностранных банков предъявляются довольно высокие квалификационные требования. Кандидатуры президентов банков, вице-президентов, директоров, главных должностных лиц, руководителей департаментов по контролю за операциями, руководителей департаментов внутреннего аудита и т.д. должны быть одобрены КРБД либо (в зависимости от уровня занимаемой должности) его провинциальным отделением.

Согласно пересмотренным Правилам, иностранные банки получили возможность преобразовывать свои отделения в дочерние банки, зарегистрированные в Китае. Банки с иностранным капиталом, имеющие статус китайского юридического лица, получили право осуществлять в Китае практически все операции в юанях и все без исключения операции в иностранной валюте, в то время как филиа-

лы и представительства иностранных банков, работающие в КНР без регистрации юридического лица, имели административные ограничения на проведение ряда операций. В частности, им не разрешено обслуживать банковские карты, а депозиты от китайских граждан они могут принимать лишь в размере одного миллиона юаней и выше.

Общие параметры операционной деятельности иностранных банков со статусом юридического лица подпадают под действие Закона КНР о коммерческих банках. За соблюдением требований действующего законодательства следит КРБД, в функции которого входит выдача разрешений на учреждение иностранных банков. При этом уровень процентных ставок, обязательных резервных требований, а равно и других пруденциальных нормативов и показателей финансовой устойчивости иностранных банков должен отвечать принятым в КНР стандартам (за их нарушение предусмотрен штраф в размере, как правило, от 500 тыс. до 2 млн юаней).

После принятия нормативных актов в 2006 г. иностранные банки приступили к активной регистрации в качестве юридических лиц КНР и начали увеличивать свои инвестиции в Китае По состоянию на конец 2007 г., т.е. в течение всего лишь одного года, в Китае было зарегистрировано создание 29 иностранных банков и 125 филиалов. Активы иностранных банков возросли на 51,22%, составив 1,24 трлн юаней и тем самым впервые превысив уровень в 1 трлн юаней. Удельный вес иностранных банков в совокупных активах банковского сектора КНР составил 2,36% против 1,5% в 2003 г.[33].

Отсюда заметное расширение деятельности иностранных кредитно-финансовых учреждений, а равно и географии их деловой активности на территории КНР. К 2015 г. зарубежные кредитно-финансовые учреждения были представлены в 69 городах 27 провинций и автономных районов КНР. Иностранными банками, представляющими 15 стран и регионов мира, в Китае было создано 38 дочерних банков, имеющих 296 местных отделений и филиалов, и два совместных китайско-иностранных банка, имеющих три филиала. Кроме того, 73 иностранных банка из 22 стран и территорий мира открыли в 24 городах КНР 191 филиал и 61 отделение. В стране действовало 242 представительства 183 зарубежных банков. 111 иностранных кредитно-финансовых учреждений осуществляли операции в юанях в 25 китайских городах, включая Шанхай (53 банка), Шэньчжэнь (19), Тяньцзинь (8), Гуанчжоу (7), Далянь (6) и т.д.[34].

Маркетизация банковской деятельности. Организационно-правовая подчиненность НБК Госсовету КНР определяет, помимо прочего, высокую степень влияния государства на работу банковского сектора. В регуляторном инструментарии центрального банка отдельное место традиционно принадлежит административным методам и рычагам «ручного управления». Отказавшись в конце 1990-х годов от директивного кредитного плана, государство продолжило практику квотирования кредитов. Так, в конце 2007 г., когда НБК предпринял ужесточение денежной политики, банкам было дано указание воздержаться от увеличения масштабов кредитования с ежеквартальным мониторингом выполнения. Впоследствии в 2010 г. точно так же нормировалось и подвергалось количественному контролю смягчение денежной политики[35].

КРБД периодически ограничивает и даже запрещает кредитование тех или иных отраслей, исходя из их закредитованности, наличия избыточных производственных мощностей либо низкой приоритетности в рамках государственных программ развития. Ограничивая хозяйственную самостоятельность финансовых посредников, все это обеспечивает сохранение государственного контроля над денежными потоками.

После 40 с лишним лет рыночной трансформации китайской экономики НБК продолжает непосредственное регулирование банковской деятельности через консультации с руководителями банковских учреждений (так называемое оконное руководство). В ходе специальных рабочих консультаций коммерческие банки отчитываются перед НБК о количественных параметрах своей работы, критериях выбора заемщиков и т.п. Представители НБК, следуя принципам государственной промышленной политики, устанавливают приоритетные направления и объемы банковского кредитования, корректируют отдельные бизнес-решения банков и т.п.[36].

Создавая представление о наличии определенных косвенных гарантий государства в отношении предписываемых к выдаче кредитов и искажая тем самым оценку рисков, административное вмешательство регулирующих органов нарушает процесс распределения ресурсов и вступает в противоречие с основными целями заявленной реформы банковского сектора, направленной на расширение рынка коммерческого кредитования, развитие конкуренции между разнообразными финансовыми посредниками и в целом на повышение рыночного содержания финансовых процессов.

В этих условиях государственные регуляторы банковской деятельности, пусть весьма медленно и осторожно, но все же идут на отказ от ряда прежних административных ограничителей. В качестве примера можно сослаться на отмену действовавшего с 1995 г. количественного ограничения кредитной активности коммерческих банков уровнем в 75% от их депозитной базы. В 2014 г. КРБД расширил понятие «депозит», что позволило многим банкам увеличить масштабы предоставления кредитов, а в октябре 2015 г. данный показатель переведен из нормативных в статистические. В итоге были высвобождены значительные кредитные мощности банковского сектора.

В этом же направлении действует и либерализация процентной политики КНР. Долгое время НБК осуществлял централизованное регулирование банковских процентных ставок, определяя базовые ставки по депозитам и кредитам, а также верхний и нижний пределы допустимых отклонений от них. НБК устанавливал ставки по вкладам до востребования, а также по депозитам сроком на 3 и 6 месяцев, на 1, 2, 3 года и 5 лет. Базовые процентные ставки по кредитам варьировались в пяти диапазонах от 6 месяцев до 5 и более лет.

В заявлении НБК от 8 июня 2012 г., например, это было отражено следующим образом: «Народный банк Китая принял решение скорректировать базовые ставки по годовым депозитам в сторону понижения на 0,25%, с 3,5 до 3,25%. Прочие базовые ставки по депозитам будут скорректированы соответствующим образом. Народный банк Китая также принял решение скорректировать верхний предел отклонения ставок по депозитам до уровня в 1,1 раза выше базовой ставки и скорректи-

ровать нижний предел отклонения ставок по кредитам до уровня в 0,8 раза ниже базовой ставки. Эти изменения входят в силу 8 июня 2012 года»[37].

Самим банкам предоставлялось право корректировать базовые ставки НБК, используя коридоры допустимых отклонений от их официально установленного уровня. Стремясь к расширению клиентской базы, банки, как правило, выплачивали по депозитам самые высокие ставки в пределах установленных НБК лимитов. Что касается ставок по кредитам, то они варьировались в зависимости от надежности заемщика и уровня риска, хотя далеко не всегда установленные пределы отклонений могли адекватно отвечать характеру и размеру риска. Чистая процентная маржа (разница между базовыми ставками по кредитам и депозитам), как правило, колебалась в районе 300 базисных пунктов, или 3% годовых (см. табл. 6).

Таблица 6

Базовые процентные ставки Народного банка Китая, 2002–2015 гг. (%)

Дата	Срочные депозиты (1 год)	Кредиты (сроком на 1 год)
Февраль 2002 г.	1,98	5,31
Октябрь 2004 г.	2,25	5,58
Август 2006 г.	2,52	6,12
Декабрь 2008 г.	2,25	5,31
Декабрь 2010 г.	2,75	5,81
Июль 2011 г.	3,50	6,56
Июнь 2012 г.	3,25	6,00
Ноябрь 2014 г.	2,75	5,60
Май 2015 г.	2,25	5,10
Октябрь 2015 г.	1,5	4,35

Источники: The People' Bank of China: [site]. URL: http://www.pbc.gov.cn; China Statistical Yearbook 2013. Beijing: China Statistics Press, 2013. Tables 19-5, 19-6. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2013/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023); China Statistical Yearbook 2021. Beijing: China Statistics Press, 2021. Tables 18-5, 18-6. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023).

Централизованное управление банковской сферой и контроль процентных ставок представляют собой сложное и неоднозначное явление. Как цена денег процентная ставка имеет определяющее значение для макроэкономического балансирования совокупного спроса и предложения, напрямую влияя на сбережения и потребление населения, на инвестиционные и финансовые решения предприятий, на импорт и экспорт страны. Опыт показывает, что административное регулирование процентных ставок, ограничивая конкуренцию, нередко приводит к неэффективному распределению экономических ресурсов.

В Китае общая тенденция кредитной политики проявлялась в сдерживании роста процентных ставок, что искусственно занижало цену заемных ресурсов, искажая реальные пропорции спроса и предложения. В этих условиях существенно повышалась доступность кредитов, особенно для крупных государственных предприятий, традиционно являющихся более привлекательными заемщиками для китайских банков. К тому же в условиях роста цен централизованный контроль банковских ставок из-за своей инертности и недостаточной гибкости часто оборачивается близкими к нулю, а порой даже и отрицательными реальными ставками. Это дополнительно подхлестывает спрос на заемные средства и приводит к их непродуктивному использованию. Поэтому контроль процентных ставок нередко сопровождается высоким уровнем просроченных кредитов и вынужденной рекапитализацией банков. Именно такая картина и наблюдалась в Китае в конце прошлого и в первые годы нынешнего века.

В этих условиях одним из ключевых направлений реформы банковской системы КНР стала рыночная реформа процентных ставок. Подход КНР к либерализации банковских ставок напоминает «двухколейную» стратегию, принятую Китаем при реформе ценообразования на товарном рынке. В частности, в конце 1990-х годов, продолжая администрировать ставки по депозитам и кредитам, власти начали постепенно внедрять рыночные механизмы с целью либерализации процентных ставок на денежно-кредитном рынке и рынке облигаций. Эти шаги проложили путь к дерегулированию банковского кредитования и ставок по депозитам в последующие годы.

Как свидетельствует табл. 7, вплоть до 2013 г. ставки по депозитам оставались регулируемыми, в то время как кредитные ставки постепенно освобождались от централизованного контроля. Наряду с этим, НБК последовательно расширял диапазоны допустимых отклонений от базовой ставки, предоставляя тем самым коммерческим банкам больше возможностей для самостоятельной оценки кредитных рисков и маневрирования процентными ставками. Хронология процентной политики КНР показывает, что дерегулирование банковских ставок шло постепенно, с оглядкой на риск повышения волатильности операционной среды. При этом освобождение кредитных ставок постоянно опережало либерализацию ставок по депозитам, помогая защитить норму прибыли банков и тем самым охраняя стабильность банковского сектора в целом.

Верхний предел ставок по кредитам и нижняя граница ставок по депозитам были сняты в 2004 г., а нижний предел ставок по кредитам и верхний предел ставок по депозитам — в 2013 и 2015 гг. соответственно. При этом окончательному снятию ограничений с процентных ставок по депозитам предшествовало создание в КНР системы страхования банковских вкладов, призванной обеспечить сохранность средств вкладчиков, а равно и общий уровень доверия населения к банковской отрасли. Защитив сбережения более 99% вкладчиков, страхование банковских депозитов минимизировало их риски и открыло путь для ценовой конкуренции банков. Фонд страхования вкладов формируется за счет взносов банков-участников, а сумма страхового покрытия составляет 500 тыс. юаней. По итогам 2020 г. участниками системы были 4024 банка, а общий размер страховых премий, выплаченных за год, составил 42,38 млрд юаней[38].

Таблица 7

Хронология либерализации процентных ставок в Китае

Год	Процентные ставки на рынке капитала	Ставки по валютным кредитам и депозитам	Ставки по кредитам в юанях	Ставки по депозитам в юанях
1996	Дерегулирование ставок межбанковского кредитного рынка			
1997	Дерегулирование ставок РЕПО на межбанковском рынке			
1998	Выпуск облигаций Банка развития Китая по рыночным котировкам		НБК вводит диапазон допустимых отклонений от базовой процентной ставки	
1999	Размещение ГКО на открытых торгах		Установление диапазонов допустимых отклонений вверх и вниз от базовой ставки в 0,9–1,1 раза (для крупных предприятий) и 0,9–1,3 раза (для малых и средних предприятий	Возможность отклонений от базовой ставки не предусмотрена
2000		Отмена любых ограничений на ставки по кредитам и по крупным (свыше 3 млн долл.) депозитам в инвалюте		
2001 г.: присоединение КНР к ВТО				
2003		Отмена нижней границы отклонений от базовой ставки для небольших депозитов в инвалюте		

2004		Отмена любых ограничений по ставкам для небольших депозитов сроком более 1 года	Отмена верхней границы отклонений от базовой ставки. Нижняя граница отклонений оставлена без изменений	Снятие ограничений на отклонение от базовой ставки вниз (в сторону уменьшения)
Декабрь 2006 г.: КНР выполняет обязательство перед ВТО по открытию рынков капитала				
2008			Целевое понижение нижней границы отклонений от базовой ставки до 0,7 раза по ипотечным кредитам	
2008–2009 гг.: мировой финансовый кризис				
2012			Понижение нижней границы отклонений от базовой ставки по всем кредитам до 0,8 раза (июнь) и до 0,7 раза (июль)	Установление верхней границы отклонений от базовой ставки в 1,1 раза
2013			Отмена нижней границы отклонений от базовой ставки по кредитам Переход НБК от объявления базовых ставок к расчету «премиальной кредитной ставки» LPR (loan prime rate, банковская ставка для первоклассных заемщиков) как средней арифметической соответствующих ставок девяти коммерческих банков Разрешен выпуск крупных депозит-	

			ных сертификатов на межбанковском рынке	
2015				Повышение верхней границы отклонений от базовой ставки до 1,5 раза (май) Введение системы страхования банковских вкладов (май) Отмена верхней границы отклонений от базовой ставки (октябрь)
2019			Переход НБК к расчету ставки LPR на основе усреднения ставок 18 коммерческих банков	

Источники: *Li C.* China's Interest Rate Liberalization Reform // Asia Focus. 2014. May. URL: https://www.frbsf.org/wp-content/uploads/Asia-Focus-China-Interest-Rate-Liberalization.pdf (accessed: 21.03.2023); *Yi Gang.* China's Interest Rate System and Market-based Interest Rate Reform // Journal of Financial Research. 2021. Issue 495 (9). The People's Bank of China: [site]. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4364384/2021102014082914468.pdf (accessed: 07.04. 2023).

Таким образом, начиная с 2015 г. коммерческие банки КНР освобождены от обязанности увязывать свои процентные ставки с базовыми показателями НБК. Вместо этого для регулирования ситуации на денежном рынке страны применяется так называемый самодисциплинирующий механизм установления банковских ставок, предполагающий постоянную включенность НБК в деловое взаимодействие с коммерческими банками.

Центральный банк регулярно (с 2013 г. два раза в неделю, а с 2017 г. — ежедневно) совершает на открытом рынке сделки недельного РЕПО и обратного РЕПО с коммерческими банками. НБК ежемесячно устанавливает процентную ставку по этим операциям, тем самым повышая или понижая уровень ликвидности в банковской системе. Кроме того, с 2019 г. НБК постепенно наладил механизм регулярных операций в рамках программы среднесрочного кредитования, предоставляя в середине каждого месяца годовые займы коммерческим банкам. Ставки по таким займам устанавливаются на уровне ниже рынка и представляют собой предельную

стоимость среднесрочных средств, по которой банковская система заимствует их у центрального банка.

Осуществляя эти операции в фиксированном временно́м окне с четко определенной периодичностью, НБК обеспечивает их прозрачность, регулярность и предсказуемость, непрерывно транслирует рынку сигналы о политике в области процентных ставок и направляет их движение. В результате процентные ставки НБК закладывают экономическое основание для установления коммерческими банками собственных ставок краткосрочного межбанковского кредитования и ставок среднесрочного кредита. На следующем шаге НБК определяет «премиальную кредитную ставку» (loan prime rate, LPR), рассчитываемую как среднеарифметическая кредитных ставок 18 крупнейших коммерческих банков для наиболее надежных заемщиков. Объявляемые каждый месяц годовая и пятилетняя ставки LPR используются китайскими банками как ориентир при всех видах кредитования, включая ипотеку[39].

В целом, опираясь на рыночные принципы ценообразования, на действие как прямых, так и обратных связей в экономике, «самодисциплинирующий механизм» регулирования процентных ставок означает заметный шаг в сторону либерализации и маркетизации банковского сектора КНР. С точки зрения НБК переход от целевых показателей роста кредитования к косвенному макроэкономическому регулированию с использованием рыночных процентных ставок снижает риски обхода денежно-кредитного контроля государства посредством внебалансового кредитования и других финансовых инноваций.

Что касается коммерческих банков, то бóльшая автономия в определении, корректировке и дифференциации процентных ставок на основе собственного кредитно-депозитного портфеля позволяет им оптимизировать структуру своих активов и пассивов, улучшать распределение кредитов и тем самым находить верный баланс между прибылями и рисками. Все это в целом стимулирует расширение деловой активности в банковском секторе КНР.

В то же время, обостряя рыночную конкуренцию, либерализация ценообразования на денежном рынке при определенных условиях может обернуться уменьшением чистой процентной маржи (разница между ставками по кредитам и депозитам) и, как следствие, негативно сказаться на росте банковских активов и прибылей и в целом на финансировании некоторых кредитно-финансовых учреждений и их управлении рисками. Это имеет особое значение для малых и средних банков, финансовое положение которых особенно чувствительно к изменениям рыночной среды.

Эволюция банковского сектора

Архитектоника банковской системы. Постепенное открытие и либерализация банковского сектора КНР сопровождаются мероприятиями, направленными на адаптацию разнообразных национальных кредитно-финансовых институтов к рыночным условиям. В этой связи следует отметить частичную коммерциализацию работы государственных политических банков, в том числе посредством осуществления ими коммерческого кредитования крупных предприятий в приоритетных отраслях, наряду с финансированием национальных инвестиционных проектов за

счет бюджетных ассигнований. В 2008 г. Банк развития Китая, крупнейший политический банк страны, пройдя рекапитализацию при помощи средств, вложенных государством, был преобразован в акционерную компанию со стандартным механизмом принятия решений и корпоративного управления[40].

В поиске дополнительных источников финансирования в 2005–2017 гг. вслед за банками «Большой пятерки» еще 35 кредитно-финансовых учреждений КНР вышли на фондовые биржи Шанхая, Шэньчжэня и Гонконга с первичными публичными размещениями своих акций. В их числе 2 крупных государственных коммерческих банка, 9 общенациональных акционерных банков, 16 городских коммерческих банков и 8 сельских коммерческих банков.

В число этих банков входит и Почтово-сберегательный банк Китая (ПСБК), учрежденный в 2007 г. в рамках реформы управления почтовыми сбережениями. Филиальная сеть ПСБК охватывает 40 тыс. отделений во всех регионах страны, почти в два раза превышая сеть филиалов Промышленно-торгового банка. Обладая беспрецедентно многочисленной клиентской базой (650 млн человек), ПСБК специализируется на предоставлении финансовых услуг физическим лицам в городе и деревне, малым и средним сельскохозяйственным предприятиям[41]. В 2012 г. банк прошел процедуру акционирования, его активы составили 8,7 трлн юаней, или 5,7% активов банковского сектора. В дальнейшем ПСБК провел публичное размещение акций на Гонконгской фондовой бирже, в ходе которого привлек 7,4 млрд долл. (2016 г.), а также на фондовой бирже в Шанхае (2019 г.) В 2018 г. решением Комитета по регулированию банковской деятельности и страхования Почтово-сберегательный банк был включен в группу крупнейших государственных коммерческих банков в качестве ее шестого участника.

Важное значение придавалось поддержке, объединению и укрупнению под контролем центрального правительства и провинциальных властей небольших акционерных коммерческих банков со слабым финансовым положением и отсутствием надежной ниши на рынке. С 2009 г. НБК стал применять к мелким банкам пониженную (на 3–3,5 процентных пунктов) по сравнению с общим уровнем норму обязательного резервирования[42]. В 2012 г. были упразднены городские кредитные кооперативы.

Параллельно этому продолжалось активное расширение деятельности и реструктуризация сельских кредитных кооперативов с целью поддержки аграрного сектора, а также малого и среднего предпринимательства. Преобразование сельских кредитных кооперативов в сельские коммерческие банки, сельские кооперативные банки, уездные и поселковые кредитные союзы в ряде случаев носило весьма радикальный характер. Консолидация 232 сельских кредитных кооперативов Шанхая, например, привела к созданию единого Шанхайского кооперативного банка.

Централизованное управление СКК в подавляющем большинстве регионов осуществляется через провинциальные кредитные союзы, учреждаемые уездными кредитными союзами как независимыми юридическими лицами. Не являясь субъектом операционного менеджмента, провинциальный союз выполняет общие административные функции, управляя, направляя, координируя и обслуживая сельские кредитные кооперативы от имени правительства провинции. В 2011 г. КРБД выпустил

распоряжение о преобразовании сельских кооперативных банков в сельские коммерческие банки[43]. В результате в 2013–2022 гг. при троекратном сокращении количества СКК (с 1596 до 536 единиц) число сельских коммерческих банков, наоборот, выросло почти в 3,5 раза — с 468 до 1599 единиц[44].

Результатом всех этих действий стала дальнейшая эволюция банковской системы КНР. На фоне заметного изменения институциональной структуры банковского сектора общее число кредитно-финансовых институтов в КНР сократилось с 19,7 тыс. в 2006 г. до примерно 4 тыс. единиц в середине 2010-х годов и с тех пор остается в целом стабильным. Количество коммерческих банков (китайских и иностранных) при этом многократно возросло — со 187 (2007 г.) до 3477 (2022 г.) единиц, а их позиции в кредитной системе, соответственно, заметно упрочились. Обеспеченность населения банковскими услугами также имеет устойчивую тенденцию к повышению. В 2010 г., например, число отделений различных банковских институтов в расчете на 1 млн человек составило 146 против 140 в 2006 г.[45]. В 2006–2016 гг. общая численность банковских счетов возросла в четыре с лишним раза — с 1,9 млрд до 8,3 млрд единиц, а охват розничной клиентуры банковского сектора в 2018 г. превысил 90% взрослого населения страны (15 лет и старше) против 79% в 2014 г. и 64% в 2011 г.* [46].

Ведущая роль в банковском секторе КНР принадлежит отечественным коммерческим банкам, на долю которых в середине 2010-х годов приходилось в общей сложности более 80% совокупных активов китайских банков (см. табл. 8). При этом с течением времени роль государственных коммерческих банков как лидеров рынка имеет тенденцию к уменьшению. Если в 2003 г. их удельный вес в общей сумме банковских активов составлял 57,9%, то в 2016 г. — 37,3%. В 2006–2016 гг. доля государственных коммерческих банков в численности открытых в КНР банковских счетов снизилась с 83% до 72%[47]. В целом за последние без малого 20 лет доля крупнейших государственных коммерческих банков в активах сектора, несмотря на пополнение «Большой четверки» еще двумя крупными банковскими структурами (Банк коммуникаций, 2007 г. и ПСБК, 2018 г.), показывает отрицательную динамику, снизившись к концу 2021 г. почти на 19 п.п.

Одновременно идет усиление позиций акционерных коммерческих банков различного уровня — общенациональных, городских, сельских. Их общее число возросло со 153 в 2007 г. до 2751 в 2016 г. и 3429 в 2022 г., а совокупная доля в банковских активах КНР в 2016 г. составила 39,6% против 16% в 2003 г. Питательной средой для развития этого процесса является поддерживаемая государственными субсидиями трансформация сельской финансовой системы с продолжением переформатирования сельских кредитных кооперативов в сельские и поселково-волостные коммерческие банки (ПВКБ).

Последние представляют собой независимые компании со статусом юридического лица, при создании которых обязательно участие спонсоров в лице коммерческих банков. В соответствии с действующими правилами доля банка-спонсора не должна опускаться ниже 15% капитала учреждаемого ПВКБ, что позволяет ему

* 2011 и 2014 гг. — данные Global Index, 2018 г. — данные НБК.

осуществлять определенный надзор за деятельностью подопечного поселково-волостного банка. В середине 2010-х годов спонсорами ПВКБ являлись все банки «Большой пятерки», примерно 40% общего числа отечественных акционерных банков, 15% сельских и 76% городских коммерческих банков. Для последних учреждение ПВКБ дает возможность охватить новые сегменты клиентуры в сельских районах страны[48].

Таблица 8

Институциональная структура банковского сектора КНР, 2005–2022 гг.

Банки	2005 г.	2010 г.	2016 г.	2022 г.
Количественные характеристики				
Банковские учреждения, всего (ед.)	8 721*	3 639	3924	4016
В том числе:				
Государственные коммерческие банки	5	5	5	6
Политические банки	3	3	3	3
Акционерные коммерческие банки	12	12	12	12
Городские коммерческие банки	124	147	134	125
Сельские коммерческие банки	17	85	1114	1599
Сельские кредитные кооперативы	8348	2646	1125	536
Сельские кооперативные банки	113	223	40	23
Поселково-волостные банки	19	349	1443	1649
Частные банки	–	–	8	21
Иностранные банки**	29	40	40	42
Доля рынка (по размеру активов)				
Банковские учреждения, всего (%)	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:				
Государственные коммерческие банки	56,1	49,2	37,3	39,3***
Политические банки		8,0	9,9	
Акционерные коммерческие банки	11,9	15,6	18,7	
Городские коммерческие банки	5,4	8,2	12,2	
Сельские коммерческие банки	–	2,9	8,7	
Сельские кредитные кооперативы	8,4	6,7	3,6	
Иностранные банки	1,9	1,8	1,4	1,4
Прочие****	16,3	7,6	8,5	

* Данные 2007 г.; ** дочерние банки–юридические лица КНР; *** данные за 2021 г.; **** Городские кредитные кооперативы, сельские кооперативные банки, ПСБК (до 2022 г.), поселково-волостные банки, частные банки и др.

Источники: China Financial Stability Report 2017. Beijing: China Financial Publishing House, 2017. P. 36 URL: http://www.pbc.gov.cn/english/130736/3662317/2018111217233241155.pdf (accessed: 15.04.2023); China Financial Stability Report 2022. Beijing: China Financial Publishing House, 2023. P. 54. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688235/3688414/3710021/4601747/4888329/2023051915355796296.pdf (accessed: 15.04.2023); China. Financial Sector Assessment*:* November 2011. Washington D.C.: The World Bank, 2011. P. 21. URL: https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/WB-Chinas-Financial-Sector-Assessment-Report.pdf (accessed: 14.04.2023); China. Financial Sector Assessment*:* November 2017. Washington D.C.: IMF–World Bank, 2017. P. 46. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/361891512597572360/pdf/121926-revised-PUBLIC.pdf (accessed: 14.04.2023) ; *Tobin D.*, *Volz U.* The Development and Transformation of the Financial System in the People's Republic of China // Asian Development Bank Institute Working Paper Series. No. 825. March 2018. P. 8. URL: https://www.adb.org/publications/development-and-transformation-prc-financial-system (date of request: 09.03.2023); *Zhiguo He*, *Wei Wei*. China's Financial System and Economy: A Review // Working Paper. No. 2022-105. Chicago: Becker Friedman Institute China, University of Chicago, 2022. P. 24. URL: https://bfi.uchicago.edu/wp-content/uploads/2022/04/BFI_WP_2022-105.pdf (accessed: 21.06.2024).

Руководствуясь курсом 3-го пленума ЦК КПК на повышение роли рынка в распределении экономических ресурсов, правительство с 2013 г. начало допускать частных предпринимателей к созданию малых и средних банков[49]. Было одобрено предложение НБК по внедрению смешанной собственности как способа привлечения негосударственного капитала и повышения разнообразия форм собственности в финансовой системе. В результате в 2022 г. в КНР работало более двух десятков частных коммерческих банков.

В целом рост числа новых кредитных учреждений и увеличение занимаемой ими доли кредитного рынка имеют своим следствием снижение концентрации и рассредоточение активов банковского сектора, расширение его клиентской базы и усиление конкуренции. Все это, принимая во внимание коммерциализацию работы государственных политических банков, равно как и совершенствование их менеджмента, свидетельствует о прогрессирующем усилении рыночного характера банковской системы КНР.

Что касается позиций иностранного капитала, то уже в скором времени после зафиксированного в начале века активного роста иностранных банковских структур начался очевидный откат. Разразившийся в 2008 г. кризис низкокачественных ипотечных кредитов в США быстро перерос в глобальный финансовый коллапс, поставивший многие американские и европейские банки в трудное положение. Под давлением понесенных убытков зарубежные акционеры и учредители иностранных и совместных китайско-иностранных банков в Китае были вынуждены сократить свои инвестиции, перейдя к более сдержанным стратегиям развития.

Один за другим иностранные стратегические инвесторы начали избавляться от своих пакетов акций в капитале государственных коммерческих банков КНР. В январе 2009 г. крупнейший швейцарский банк *UBS AG* продал пакет акций Банка Китая стоимостью в 900 млн долл. За ним последовал британский *Royal Bank of Scotland*, который ввиду понесенных в 2008 г. убытков в 7 млрд фунтов стерлингов

срочно избавился от пакета акций того же Банка Китая размером в 2,3 млрд долл. по цене на 8,4% ниже рыночной. *Bank of America* продал крупный (2,8 млрд долл.) пакет акций Строительного банка Китая, сократив свою долю в его акционерном капитале с 19,5 до 16,72%. Американский инвестиционный банк *Goldman Sachs* избавился от своей доли в Промышленно-торговом банке Китая[50].

Одновременно наметилось и ослабление интереса зарубежных банкиров к самостоятельному выходу на китайский рынок. Число учрежденных в КНР иностранных кредитно-финансовых учреждений (дочерних банков и отделений), составив в 2008 г. 148 единиц, уже в 2010 г. сократилось до 130. И, хотя в 2007–2010 гг. активы иностранных банков показали увеличение на 39,1%, на фоне опережающего роста деловых операций банковского сектора КНР в целом удельный вес иностранного сегмента в активах китайских банков сократился с 2,4 до 1,9%[51].

В этих условиях правительство прибегло к смягчению целого ряда регуляторных требований. В 2018 г. было снято количественное ограничение доли иностранного участия в размере 25% акционерного капитала китайских банков[52]. КРБД неоднократно вносил коррективы в Правила административного управления в отношении иностранных кредитно-финансовых учреждений, последовательно ослабляя регуляторный контроль в сфере их трансграничной деятельности, т.е. именно там, где особенно сильны конкурентные позиции иностранных банков, опирающихся на глобальную филиальную сеть своих материнских структур. Речь, в частности, идет о предоставлении китайским компаниям банковских продуктов и услуг, связанных с управлением валютными и процентными рисками, о поддержании постоянно растущих трансграничных потоков капитала и т.д. В 2019 г. сфера деятельности иностранных банков была расширена на операции с ценными бумагами, включая предоставление комплексных финансовых услуг в отношении выпуска иностранных облигаций, листингов, слияний и поглощений, финансирования и т.д. Наконец, в 2021 г. КРБД отменил лимиты по кредитным рискам для крупных международных операций иностранных банков[53].

Вместе с тем в розничном денежном обороте иностранным банкам нелегко соперничать с их китайскими конкурентами. В числе последних не только крупные государственные банки, имеющие огромное количество отделений по всей стране (69 тыс. в 2016 г.), но и акционерные коммерческие банки и даже городские коммерческие банки, пользующиеся высокой лояльностью со стороны местной клиентуры. Все это затрудняет расширение бизнеса иностранных банков в Китае.

В целом масштабы деловых операций иностранных банков в Китае неуклонно расширяются, однако их динамика отстает от роста совокупных активов банковского сектора. В 2011–2021 гг. активы иностранных банков, демонстрируя среднегодовые темпы прироста в 9,7%, увеличились с 2,3 трлн до 4,8 трлн юаней. Одновременно общая сумма банковских активов в Китае увеличилась со 113,8 трлн до 343 трлн юаней со среднегодовыми темпами прироста в 12,6%. Как следствие, доля иностранных банков в общем объеме банковских активов сократилась с 2 до 1,4%[54].

Банковские активы и финансовая устойчивость. Усилия властей КНР по реформированию банковской системы принесли ощутимые плоды. На фоне весьма высоких темпов роста ВВП в текущих ценах (в 2008–2016 гг. в среднем на 11,9%

в год) с заметным опережением росли масштабы отечественного банковского сектора, консолидированная величина активов кредитных учреждений в Китае в среднем увеличивалась на 18,1% ежегодно, отражая соответствующее увеличение кредитования реального сектора, а также рост межбанковского кредитного рынка. Если в 2005 г. отношение банковских активов к ВВП Китая составляло 197,1%, то уже в 2016 гг. оно превысило 300% (см. табл. 9). По оценке МВФ, это почти в три раза превосходит аналогичный показатель по странам с формирующимися рынками и в целом превышает средний уровень развитых стран[55]. Банковский сектор КНР является сегодня крупнейшим в мире.

Таблица 9

Некоторые показатели состояния банковского сектора КНР, 2005–2021 гг.*

Показатель	2005 г.	2011 г.	2016 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Общее количество банковских институтов	19667**	3639	3924	4029	4026	4016
Доля банковских активов в общей сумме активов финансовой системы (%)	…	76,0	81,1	81,7	81,6	81,6
Отношение банковских активов к ВВП (%)	197,1	240,5	312,2	292,6	314,7	300,1
Отношение банковских кредитов к ВВП (%)	114,3	123,5	143,3	160,0	175,6	172,8
Отношение банковских депозитов к ВВП (%)	147,2	175,6	188,7	199,9	214,9	217,7

* Без учета Народного банка Китая.
** Данные за 2006 г.

Источники: China. Financial Sector Assessment: November 2011. Washington D.C.: The World Bank, 2011. P. 22. URL: https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/WB-Chinas-Financial-Sector-Assessment-Report.pdf (accessed: 14.04.2023); China Financial Stability Report 2012. Beijing: China Financial Publishing House, 2012. P. 23, 24, 203, 205. URL: https://pbc.gov.cn/eportal/fileDir/image_public/UserFiles/english/upload/File/China Financial Stability Report(1).pdf (accessed: 15.04.2023); China Financial Stability Report 2017. Beijing: China Financial Publishing House, 2017. P. 35, 163, 165. URL: https://centerforfinancialstability.org/fsr/chn_sr_201811.pdf (accessed: 15.04.2023); China Financial Stability Report 2020. Beijing: China Financial Publishing House, 2021. P. 33, 34, 89, 137, 139. URL: https://centerforfinancialstability.org/fsr/chn_fsr_202012.pdf (accessed: 15.04.2023); China Financial Stability Report 2021. Beijing: China Financial Publishing House, 2021. P. 35, 36, 86, 125, 127. URL:

http://www.pbc.gov.cn/en/3688235/3688414/3710021/4387489/4387862/2021111218122982083.pdf (accessed: 15.04.2023); China Financial Stability Report 2022. Beijing: China Financial Publishing House, 2023. P. 33, 34, 54, 115, 117. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688235/3688414/3710021/4601747/4888329/2023051915355796296.pdf (accessed: 15.04.2023).

Во второй половине 2010-х — начале 2020-х годов мощным драйвером нарастающего банковского кредитования явились операции небольших коммерческих банков, набиравших все больший вес в экономике. В 2012–2021 гг. среднегодовые темпы прироста их активов составили 19% при аналогичных показателях по средним и крупным банкам в 13,2 и 9,4% соответственно. В результате за десять с небольшим лет общая конфигурация банковских активов претерпела заметные изменения. Как свидетельствует табл. 10, в период с 2011 по 2021 г. позиции крупных банков ощутимо «просели». В то же время доля малых коммерческих банков в активах сектора возросла почти вдвое — с 13,2 до 25%, отражая как ослабление концентрации рынка под влиянием банковской реформы, так и увеличение доступности финансирования для малого бизнеса как главного заемщика небольших кредитных организаций. В начале 2020-х годов на долю сельских коммерческих банков приходилось 37,6% банковских кредитов, предоставленных малым и средним предприятиям[56]. По состоянию на конец 2016 г. средние размеры кредита поселково-волостных банков в расчете на одного заемщика составляли 410 тыс. юаней (61,5 тыс. долл.)[57].

Таблица 10

Распределение банковских активов
по основным группам кредитных учреждений, 2011–2021 гг.

Банковские активы	2011 г.	2016 г.	2021 г.
Банковские активы, всего (трлн юаней) В том числе (%):	113,8	230,4	343,0
крупные банки	56,9	47,9	46,1
средние банки	20,3	23,9	23,3
малые банки	13,2	20,0	25,0
иностранные банки	2,0	1,4	1,4
сельские кредитные кооперативы	6,0	3,5	1,7

Источники: China Financial Stability Report 2012. Beijing: China Financial Publishing House, 2012. P. 208–214. URL: https://pbc.gov.cn/eportal/fileDir/image_public/UserFiles/english/upload/File/China Financial Stability Report(1).pdf (accessed: 15.04.2023); China Financial Stability Report 2017. Beijing: China Financial Publishing House, 2017. P. 168–173. URL: http://www.pbc.gov.cn/english/130736/3662317/2018111217233241155.pdf (accessed: 15.04.2023); China Financial Stability Report 2022. Beijing: China Financial

Publishing House, 2023. P. 120–125. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688235/3688414/3710021/4601747/4888329/2023051915355796296.pdf (accessed: 15.04.2023).

С течением времени банковская система КНР становится более сложной и взаимосвязанной, повышается ее зависимость от оптового финансирования. В 2021 г. депозиты составляли лишь 60% банковских пассивов против 68% в 2011 г.[58]. Параллельно возрастает роль и значение межбанковского денежного рынка. Крупные банки размещают здесь свои избыточные средства, а небольшие кредитные учреждения привлекают финансирование для поддержания текущей деловой активности.

В 2009–2013 гг. прирост межбанковских активов китайских банков составил 246%, в 1,8 раза перекрыв общую динамику активов банковского сектора, а абсолютные размеры межбанковских активов увеличились с 6,2 трлн до 21,5 трлн юаней[59]. Удельный вес межбанковских операций в 2010–2016 гг. увеличился с 11 до 17% общего объема финансирования банковского сектора и даже до 22% финансирования акционерных и городских коммерческих банков. Основным инструментом оптового финансирования на межбанковском рынке являются операции РЕПО с использованием преимущественно государственных облигаций[60].

Наблюдается и улучшение ряда качественных характеристик банковского сектора, особенно заметное в первое десятилетие нового века (см. табл. 11). Притом что согласно требованиям Базельского комитета по банковскому надзору удовлетворительным для коммерческих банков считается уровень достаточности капитала в 8%, соответствующий показатель китайских банков с 2,5% в 2005 г. увеличился до 12,7% в 2010 г. Таким образом, к концу первого десятилетия нового века банковский сектор КНР был достаточно хорошо капитализирован.

В 2005–2011 гг. доля безнадежных долгов в общем кредитном портфеле китайских банков уменьшилась с 8,9% до менее 1%, что в условиях глубокой укорененности этой проблемы в экономике КНР представляется едва ли не идеальным результатом. На этом фоне заметно повысилось качество банковских активов, коэффициент рентабельности которых (отношение прибыли к средним суммарным активам) в 2011 г. составил 1,2% против 0,6% в 2005 г. Если учесть, что соответствующий долгосрочный показатель в США, например, в среднем составляет примерно 1%, полученный в Китае результат выглядит вполне убедительно[61]. Коэффициент рентабельности капитала китайских коммерческих банков (отношение прибыли к среднему за период значению собственных средств) в 2011 г. составил 19,2%. При этом для 17 крупнейших коммерческих банков, на долю которых приходится почти $^{2}/_{3}$ активов банковского сектора КНР, аналогичный показатель в 2010 г. составил 26,3% против 15,1% в 2005 г., увеличившись в полтора с лишним раза[62].

Налицо, таким образом, повышение финансовой устойчивости банковского сектора КНР, связанное с увеличением надежности работы банков, улучшением качества их активов, а также с совершенствованием менеджмента и повышением прибыльности операций. Не случайно еще в 2009 г. Китай занял 26-е место в рейтинге стабильности финансовой системы, составленном Всемирным экономическим форумом в Давосе на основе оценки 55 стран и регионов мира. Другие страны БРИКС

были размещены значительно ниже, занимая в этом списке места с 32-го (ЮАР) до 40-го (Россия)[63].

Таблица 11

Индикаторы финансовой устойчивости банков КНР, 2005–2021 гг. (%)

	2005 г.*	2011 г.	2013 г.	2016 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Коэффициент достаточности капитала (*CAR*)	2,5	12,70	12,21	13,28	14,64	14,70	15,13
Коэффициент текущей ликвидности (*CR*)	…	144,7	…	147,55	146,63	146,17	145,3
Коэффициент неработающих кредитов (*NLP*)	8,9	0,96	1,49	1,91	1,98	1,92	1,80
Доля «кредитов особого упоминания»	…	2,2**	3,69	4,6	3,52	3,2	2,8
Чистая процентная маржа (*NIM*)	…	2,83**	2,75	2,09	2,07	1,98	1,95
Коэффициент рентабельности активов (*ROA*)	0,6	1,2	1,2	0,96	0,86	0,75	0,76
Коэффициент рентабельности капитала (*ROE*)	15,1	19,2	18,52	12,61	10,39	8,94	8,94

* Данные по 17 крупнейшим банкам, включая банки «Большой четверки», Банк коммуникаций и 12 общенациональных акционерных банков.

** Данные 2012 г.

Источники: China. Financial Sector Assessment: November 2011. Washington D.C.: The World Bank, 2011. P. 27. URL: https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/WB-Chinas-Financial-Sector-Assessment-Report.pdf (accessed: 14.04.2023); China Financial Stability Report 2012. Beijing: China Financial Publishing House, 2012. P. 30–33. URL: https://pbc.gov.cn/eportal/fileDir/image_public/UserFiles/english/upload/File/China Financial Stability Report(1).pdf (accessed: 15.04.2023); China Financial Stability Report 2014. Beijing: China Financial Publishing House, 2014. P. 46,48. URL: https://centerforfinancialstability.org/fsr/chn_fsr_201407.pdf (accessed: 15.04.2023); China Financial Stability Report 2017. Beijing: China Financial Publishing House, 2017.

P. 44–47. URL: http://www.pbc.gov.cn/english/130736/3662317/2018111217233241155.pdf (accessed: 15.04.2023); China Financial Stability Report 2020. Beijing: China Financial Publishing House, 2021. P. 33, 34. URL: http://www.pbc.gov.cn/english/130736/3662317/2018111217233241155.pdf (accessed: 15.04.2023); China Financial Stability Report 2022. Beijing: China Financial Publishing House, 2023. P. 33, 34. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688235/3688414/3710021/4601747/4888329/2023051915355796296.pdf (accessed: 15.04.2023).

Финансовая устойчивость банковского сектора КНР прошла реальную апробацию в ходе второго десятилетия нового века, ознаменовавшегося целым рядом проблем и форс-мажорных обстоятельств. Прежде всего следует отметить мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., шлейф негативных последствий которого в той или иной мере проявлялся вплоть до конца 2010-х годов. Экстренное расширение банковского кредитования проектов инфраструктуры стало главным способом реализации пакета государственных мер антикризисного стимулирования в 4 трлн юаней. Как свидетельствует табл. 11, результатом этого явился не только быстрый рост прибыльности банковских операций в период острой фазы кризиса, но и последующее (начиная с конца 2012 г.) увеличение «плохих долгов» в связи с угрозой корпоративных дефолтов в отраслях-смежниках, где под воздействием срочных кредитных вливаний ускорилось образование избыточных производственных мощностей (производство стали, цемента, алюминия, химических продуктов, угля и т.д.).

В 2011–2019 гг. коэффициент неработающих кредитов повысился с 0,96 до 1,98%. При этом, как показывает практика, удельный вес неработающих кредитов в активах средних и малых банков существенно (в 1,3–2,6 раза) выше, а уровень достаточности капитала — ниже, чем в среднем по банковскому сектору[64]. Хотя дисперсный характер кредитных операций малых банков в известной мере снижает их чувствительность к ухудшению качества задолженности, следует учесть и так называемые кредиты особого упоминания, перспектива погашения которых в силу тех или иных причин вызывает у банков обоснованное опасение. Доля этих потенциально «плохих кредитов», концентрировавшихся, помимо прочего, в секторе жилищного строительства, в 2016 г. составила 4,6% общего кредитного портфеля против 2,2% в 2012 г. Общая сумма «плохих» и «сомнительных» кредитов коммерческих банков в 2018 г. достигла 7,8 трлн юаней[65].

К тому же под влиянием либерализации процентных ставок традиционная модель прибыли с опорой на уровень банковского процента и кредитную экспансию утратила прежнюю стабильность. Результатом ценовой конкуренции в банковском секторе стала тенденция к снижению чистой процентной маржи — с 2,83% в 2012 г. до 1,95% в 2021 г. и 1,91% в 2022 г.[66]. Поскольку более 75% прибыли китайских банков формируется за счет процентных доходов, это усилило давление на финансовый результат и прибыльность банковской деятельности в целом. В 2012–2019 гг. рентабельность активов банковского сектора снизилась с 1,2 до 0,86%, рентабельность капитала — с 19,2 до 10,39%. Тем не менее банковский сектор продолжал сохранять устойчивость и работоспособность — отношение его активов к ВВП после некоторого снижения в 2019 г. вновь превысило уровень в 300%.

В период пандемии COVID-19 правительство использовало потенциал китайских банков в качестве своеобразной «подушки финансовой безопасности». Согласно статистике НБК, в 2020 г. финансовая система передала в пользу других секторов экономики часть прибыли размером в 1,5 трлн юаней, в том числе 90% этой суммы составили средства, полученные в банковском секторе от снижения премиальной кредитной ставки (LPR), предоставления реальному сектору льготных кредитов с последующим рефинансированием и перерасчетом, продления сроков погашения основного долга и процентов по инклюзивным кредитам малому бизнесу, снижения банковских комиссионных сборов и т.д.[67].

Ставка была на то, что в перспективе постепенное оживление деловой активности в материальном производстве и сфере услуг позволит остановить развитие негативных тенденций в финансовой сфере и развернуть их в обратную сторону. Судя по улучшению качества банковских активов в начале 2020-х годов, эти расчеты начинают оправдываться. Свидетельством тому такие результаты работы китайских банков в 2020–2022 гг., как снижение доли «плохих долгов» в их кредитном портфеле, стабилизация и постепенный рост рентабельности, дальнейшее повышение коэффициента достаточности капитала.

Международное измерение банковского бизнеса. Позитивные результаты развития банковского сектора открыли перед КНР новые возможности для упрочения позиций на международном рынке капитала и в целом для усиления своей роли в глобальной экономике. Как показывает практика, важные функции в реализации этой стратегии «выхода на глобальный уровень» отведены политическим институтам развития, а также крупнейшим государственным коммерческим банкам, сумевшим в последние 10–15 лет создать внушительную филиальную сеть в зарубежных странах.

К концу 2010 г. один только Промышленно-торговый банк открыл более 200 своих отделений в других странах[68]. В целом к концу первого десятилетия нынешнего века зарубежные активы банков КНР составили 270 млрд долл.[69], а общее число загранучреждений, открытых банками КНР, достигло 1200 в 32 странах и регионах мира, включая Гонконг, Макао, Сингапур, а также США, Францию, Великобританию, Германию, Бельгию, Нидерланды Люксембург и т.д.

Большим стимулом для развития трансграничных операций китайских банков явилась выдвинутая в 2013 г. программа международной пространственной интеграции «Один пояс, один путь». В 2008–2021 гг. китайские кредиты, предоставленные странам «Пояса и пути», достигли 498 млрд долл., в результате чего КНР стала крупнейшим в мире международным кредитором на двусторонней основе.

В целом по мере накопления опыта, расширения клиентской базы и улучшения корпоративного управления операции китайских банков за пределами КНР показывают немалый потенциал роста. В течение всего лишь пяти лет, к концу 2016 г., трансграничные активы этих банков увеличились в 2,7 раза, составив около 722 млрд долл. и позволив им занять десятую позицию в списке крупнейших кредиторов международной банковской системы[70].

В 2016–2019 гг. среднегодовые темпы прироста иностранных кредитов китайских банков составили 11%[71]. Значительная часть этих трансграничных операций

осуществляется банками «Большой четверки». В 2015–2019 гг. их доля в мировом трансграничном кредитовании выросла с 5 до 7%, а зарубежные активы этих банков достигли 9% их балансовой стоимости[72].

Внушительные объемы кредитных ресурсов предоставляются зарубежным заемщикам и в виде государственных кредитов КНР через политически ориентированные государственные институты развития. Нередко они финансируют сооружение низкодоходных проектов инфраструктуры — строительство морских портов, железных дорог и т.п. Предлагая более выгодные условия кредитования, Банк развития Китая и Экспортно-импортный банк Китая в 2009–2010 гг. даже смогли совместными усилиями обогнать Всемирный банк по объемам кредитования развивающихся стран. Данные об основных странах-заемщиках представлены в табл. 12.

Таблица 12

Крупнейшие страны-заемщики КНР, 2008–2021 гг.*

2008–2012 гг.		2013–2017 гг.		2018–2021 гг.	
страна	млрд долл.	страна	млрд долл.	страна	млрд долл.
Венесуэла	35,4	Иран	28,6	Бангладеш	4,3
Россия	27,2	Россия	27,8	Шри-Ланка	4,5
Аргентина	10,6	Ангола	27,7	Египет	4,4
Казахстан	10,2	Бразилия	21,7	Узбекистан	3,0
Эквадор	7,9	Венесуэла	20,6	Россия	2,8

* Данные по Банку развития Китая и Экспортно-импортному банку Китая

Источник: *Do Rosario J.*, *Savage R.* China Development Loans to Emerging Economies Hit 13-year Low in 2021 — Study // Reuters: [site]. 2023. January 24. URL: https://www.reuters.com/markets/asia/china-development-loans-emerging-economies-hit-13-year-low-2021-study-2023-01-24/ (accessed: 15.10.2024).

По оценке экспертов Бостонского университета, в 2009–2017 гг. кредиты государственным нефтяным компаниям в Анголе, Бразилии, Венесуэле, России и Эквадоре достигли в общей сложности 60 млрд долл. Именно эти страны–производители нефти в 2010-е годы возглавляли список крупнейших суверенных заемщиков Китая. В дальнейшем на фоне присоединения КНР к Парижскому соглашению по климату (2016 г.), а также с учетом осложнения экономической ситуации в связи с пандемией COVID-19 зарубежные кредитные операции китайских банков стали в меньшей степени ориентироваться на проекты в нефтедобыче. Среднегодовые размеры кредитования сократились в несколько раз, основными заемщиками стали Бангладеш, Шри-Ланка и др.

В 2008–2021 гг. международные кредиты политических банков КНР достигли 83% от размеров кредитного портфеля Всемирного банка, составившего 601 млрд

долл. В целом вплоть до начала 2020-х годов, по информации *The Economist*, китайские банки обеспечивали две трети всего двустороннего трансграничного кредитования на развивающихся рынках[73].

Теневой банкинг и финтех-индустрия. Финансирование масштабных программ развития, ориентированных как на поддержку национальной экономики, так и на достижение внешнеэкономических целей, представляет собой основное содержание деятельности банковской системы КНР, более 60% капитала которой по-прежнему находится в собственности государства. Отсюда сильное государственное влияние, испытываемое банковским сектором и реализуемое посредством нормативно-правового и административного регулирования, а также за счет участия представителей правительства в органах корпоративного управления крупнейших банков КНР. Это позволяет китайским банкам мобилизовать крупные финансовые средства и направлять их в приоритетные национальные проекты.

Государственное регулирование банковской деятельности в ряде случаев сыграло роль защитного механизма как для финансовой системы, так и для экономики страны в целом. Это наглядно проявилось в период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., когда в условиях уменьшения иностранных инвестиций и экспортных заказов в КНР решалась задача поддержания экономической динамики за счет активизации внутреннего потребления. Сформировав масштабный пакет антикризисных мер, правительство возложило ответственность за его реализацию на местные органы власти и поручило государственным банкам кредитование стимулирующих мероприятий.

В результате только за один 2009 г. сумма вновь выданных банковских кредитов (в юанях и иностранной валюте) выросла в два с лишним раза по сравнению с предыдущим годом, достигнув 10,5 трлн юаней, а в 2010–2013 гг. в экономику дополнительно поступило еще в общей сложности 35,1 трлн юаней кредитных средств[74]. Бóльшая часть этого финансирования поступила в распоряжение так называемых финансовых платформ — инвестиционных компаний, созданных субнациональными органами власти для реализации местных проектов развития и привлечения банковского финансирования. По данным Государственного ревизионного управления, в 2012 г. на долю таких «финансовых платформ» пришлось около 78% общей суммы выданных банковских кредитов. Явившись мощным катализатором хозяйственной деятельности, активная кредитная политика банков позволила КНР в короткие сроки по большей части компенсировать негативное влияние внешних факторов на национальную экономику и в итоге быстрее других стран справиться с первой, наиболее разрушительной волной мирового финансового кризиса.

Вместе с тем наступательная регулятивная активность государства имела и отрицательные последствия. В 2010 г. в стране насчитывалось 6576 «финансовых платформ», большинство из которых действовали на уездном уровне. По подсчетам КРБД из 8 трлн юаней общего долга местных органов власти на указанные квазикоммерческие организации приходилось 7,4 трлн юаней[75]. При этом признавалось, что значительная часть начатых в кризисные годы проектов имела сомнительную окупаемость. В результате заимствования местных органов власти стали фактором риска для банковских балансов.

Попытки руководства страны смягчить возникшие на местах трудности за счет ужесточения денежной политики не имели большого успеха. В условиях определенного сжатия денежного предложения по официальным банковским каналам местные правительства прибегли к использованию неформальных финансовых схем и тем самым дали ощутимый толчок развитию теневого банковского сектора. В 2013 г. долговые обязательства местных органов власти оценивались специалистами Китайской академии общественных наук уже в 20 трлн юаней, или без малого 35% ВВП КНР.

Распространение так называемого теневого банкинга в КНР началось в конце 1990-х годов и было связано с целым рядом факторов. Прежде всего доминирование в кредитно-финансовой системе страны крупных государственных банков, изначально ориентированных на работу с предприятиями госсектора, объективно отодвигает на задний план финансовые потребности малого и среднего бизнеса, равно как и индивидуальных крестьянских хозяйств. Крупные банки не слишком заинтересованы в кредитовании многочисленных и незначительных по масштабу проектов. Притом что с учетом политического кредитования в их распоряжении находится более 60% активов банковского сектора КНР, они обеспечивают лишь 30% кредитов, привлекаемых малым и средним бизнесом, против 70%, поступающих в эту сферу экономики от городских и сельских коммерческих банков[76].

К тому же жесткое административное регулирование процентных ставок долго не позволяло банкам в полной мере учитывать в своей процентной политике повышенный уровень рисков, связанный с кредитованием небольших предприятий и крестьянских хозяйств. Ведь, как правило, эти рыночные агенты не придерживаются надлежащих процедур бухгалтерского учета, не имеют безупречного послужного списка в бизнесе и не могут предоставить банкам-кредиторам требуемого залогового обеспечения. Вместе с тем, по оценке Банка Китая, в конце 2015 г. совокупный спрос на кредитные ресурсы, предъявляемый малыми и микро-предприятиями, превышал общий спрос крупных компаний. Следствием всего этого является нехватка фондирования в данном сегменте рынка.

Согласно данным НБК, менее 60% крестьянских хозяйств имеют возможность привлекать кредиты от официальных кредитно-финансовых организаций, при этом размеры получаемых средств способны лишь частично (по оценке, менее чем на 30%) удовлетворить их спрос на заемные ресурсы, составляющий до 800 млрд юаней в год[77]. Неудивительно, что по индексу доступности финансовых услуг Азиатский банк развития поставил Китай лишь на 11-е место среди развивающихся азиатских экономик и на 84-е место в выборке развивающихся и развитых экономик мира.

Наконец, свою роль сыграл и международный финансовый кризис. Кредитный бум 2008–2009 гг., явившись важнейшим компонентом государственного пакета антикризисных мер, обусловил последующее ограничение кредитной экспансии во избежание инфляционного перегрева экономики (подробнее см. главу 2 в разделе II). В 2011 г. общая сумма вновь выданных банковских кредитов составила 8 трлн юаней против 10,5 трлн юаней в 2009 г. Тем не менее начатые строитель-

ством объекты инфраструктуры продолжали генерировать высокий инвестиционный спрос* [78]. К тому же если в предкризисные 2005–2007 гг. приток прямых иностранных инвестиций обеспечивал в среднем 6,8% капиталовложений в китайскую экономику, то в 2011–2016 гг. — лишь 3%. Снижение роли иностранного капитала оказало определенное давление на внутренние источники банковского финансирования, вынуждая и сами банки обратиться к внебалансовым источникам пополнения средств. Все это вместе взятое создало почву для быстрого развития в Китае теневой банковской системы, представляющей собой совокупность институтов и схем, полностью или частично действующих вне зоны банковского надзора и регулирования.

Теневая банковская деятельность в Китае осуществляется с использованием различных финансовых схем, одни из которых предполагают участие банков, а другие — нет. Очевидным проявлением теневого банковского оборота является традиционное ростовщичество — неформальное (а часто и нелегальное) кредитование компаний и частных лиц другими компаниями и частными лицами. Основными участниками этих финансовых операций выступают различного рода микрокредитные и гарантийные компании, ломбарды и т.п. Такое кредитование зачастую не требует от заемщика специального обеспечения и в этом смысле является более удобным и универсальным по сравнению с банковским кредитом, хотя и более рискованным и дорогостоящим. В 2012 г., по данным НБК, в Китае насчитывалось свыше 6 тыс. микрокредитных компаний с балансом непогашенных кредитов в размере 592 млрд юаней, а также 6,1 тыс. ломбардов (70,6 млрд юаней), 8,6 тыс. мелких гарантийных компаний и т.д.[79]. Впрочем, это лишь небольшая часть теневых кредитных операций.

Значительно более масштабной формой теневого кредитования являются так называемые кредиты под поручительство (entrusted loans), предполагающие участие банковских учреждений в качестве посредников и гарантов, организующих передачу денежных средств в кредит от одной нефинансовой организации другой. Так, крупные государственные компании, получающие в качестве приоритетных заемщиков банковский кредит по сниженной процентной ставке, нередко перепродают полученные таким образом деньги более мелким компаниям и даже частным предпринимателям, но по многократно (до 10 и более раз) увеличенной процентной ставке. Поскольку Закон о коммерческих банках запрещает взаимное кредитование компаний реального сектора экономики, участие банков легализует такого рода операции.

Существуют и более сложные схемы альтернативного кредитования, такие как, например, трастовые кредиты (trust loans). В этом случае трастовые инвестиционные фонды, банки и компании по ценным бумагам аккумулируют на внебиржевом рынке свободные финансовые ресурсы с помощью распространения производных ценных бумаг — так называемых продуктов управления капиталом (wealth management products, WMP). Как правило, они представляют собой краткосрочные или среднесрочные (сроком до трех лет) кредитные ноты, которые разработаны и рас-

* Данные по кредитам в юанях и иностранной валюте.

пространяются финансовыми учреждениями в качестве высокодоходных сберегательных инструментов, но при этом не фигурируют в их балансовых отчетах и не подпадают под действующие правила и нормативы по банковским вкладам.

Собранные таким образом средства передаются заинтересованным компаниям-заемщикам под еще более высокий процент, составляющий от 14 до 70% годовых и выше[80]. Конечными потребителями этих средств, как правило, являются бизнес-структуры, доступ которых к обычным кредитным ресурсам по тем или иным причинам ограничен. Это могут быть компании-девелоперы, «финансовые платформы» местных правительств, металлургические предприятия, цементные заводы и другие экономические агенты, не рассматриваемые банками в качестве возможных заемщиков по причине высокого кредитного риска, запрета регулирующих органов и т.п. Теневой сектор обходит правила и постановления регулятора по ограничению объемов кредитования, самостоятельно определяет сроки и ставки кредитования, а равно и группы заемщиков.

Число потребителей «серых» кредитов весьма велико, ведь малые и средние предприятия обеспечивают более 70% рабочих мест в городах КНР и 60% ВВП. В качестве кредиторов выступают банки, а также различные небанковские финансовые институты (инвестиционные и лизинговые компании, страховые компании и др.), предприятия реального сектора экономики, домохозяйства и состоятельные частные лица[81]. Цепочка предоставления посреднических услуг связывает всех этих неформальных институциональных и розничных инвесторов в сеть, которая, собственно, и является теневой банковской системой.

Согласно оценкам китайских и иностранных экспертов, в Китае действует одна из крупнейших теневых банковских отраслей в мире. По сведениям международного рейтингового агентства *Moody's*, в 2020 г. ее активы составили 59 трлн юаней, что соответствует около 20% общих активов банковского сектора КНР[82]. До двух третей теневой финансовой деятельности приходится на коммерческие банки, заинтересованные в размещении своих средств в теневой сфере в силу более высокой доходности.

По данным базельского Банка международных расчетов, объединяющего представителей центральных банков стран мира, около 40% средств, аккумулируемых банками и трастовыми фондами КНР с использованием финансовых продуктов по управлению активами, инвестируется в рынки облигаций, а еще 16% — в инструменты денежного рынка. Налицо, таким образом, возникновение «теневых» взаимосвязей между различными сегментами финансовой системы, чреватых как созданием «финансовых пузырей», так и возможным возникновением эффекта домино. В случае замедления роста китайской экономики и значительного падения цен на рынке недвижимости, фондовом рынке и т.п. цепочка «плохих долгов» и неплатежей может быстро перекинуться из сегмента неформального кредитования на банковский сектор и финансовую систему страны в целом.

Степень указанных рисков возрастает по мере увеличения масштабов теневого банкинга. Достаточно сказать, что 48% общей суммы обращающихся на рынке финансовых продуктов WMP имеют краткосрочный (три месяца и менее) характер и сопряжены с высоким риском рефинансирования[83].

В любом случае распространение теневого банкинга снижает эффективность денежной политики НБК, реализуемой посредством регулирования деловой активности официального банковского сектора. Не случайно вторая половина 2010-х годов отмечена ухудшением качества банковских активов и показателей финансовой стабильности. Если в 2011 г., например, удельный вес «плохих долгов» составлял лишь около 1% общей суммы выданных в КНР банковских кредитов, то в 2016 г. — 1,9%, а в 2019 г. — почти 2%. Одновременно коэффициент рентабельности активов китайских банков снизился с 1,2 до менее 1%, а коэффициент рентабельности капитала — с 19,2 до 10,4%.

В этих условиях, как считают китайские специалисты, требуются специальные усилия, которые позволят легализовать теневой кредитный рынок и распространить на него меры государственного контроля и регулирования. В ходе общественной дискуссии выдвигались различные соображения, ориентированные главным образом на включение теневых кредитных операций в официальные банковские балансы и, соответственно, в сферу банковского надзора. Предлагалось даже выдавать государственные гарантии по теневым кредитам при том, однако, условии, что процентная ставка по ним будет не более чем в четыре раза превышать базовую ставку НБК.

Масштабная кампания по ограничению теневого финансирования, повышению прозрачности финансовых операций и усилению риск-менеджмента стартовала в 2017 г. В частности, для усиления координации между различными финансовыми регуляторами Госсовет КНР учредил Комитет по финансовой стабильности и развитию. Комитет по регулированию банковской деятельности и Комитет по регулированию страховой деятельности были объединены в рамках нового Комитета по регулированию банковской деятельности и страхования при Госсовете КНР. Это позволило конкретизировать ответственность государственных регулирующих органов за противодействие теневой финансовой деятельности и сократить выпуск дублирующих друг друга нормативных документов.

НБК приступил к ежеквартальному проведению в банках макропруденциальных проверок, распространив их и на внебалансовые операции. Китайским банкам пришлось столкнуться с более строгими стандартами кредитования и новыми требованиями к раскрытию информации о внебалансовых активах. На банки, получившие низкие оценки в ходе проверок, налагались адресные санкции — штрафы, повышение обязательных резервных требований НБК, повышение стоимости заимствований у центрального банка и т.д. Так, только в первом квартале 2017 г. по результатам 485 проверок на банки были наложены штрафы в размере 190 млн юаней[84].

В 2017 г. было объявлено о проведении серии реформ в секторе управления капиталом. Бизнес по управлению активами был отнесен к лицензируемым видам деятельности. При этом государственные регуляторы стремились к тому, чтобы в случае экономического спада трастовые компании самостоятельно несли рыночные риски, включая риск дефолта, а не переносили их на банки-посредники. Поэтому эмитентам WMP было запрещено инвестировать в них заемные средства, банкам запрещалось предоставлять любые гарантии по займам под поручительство. Были определены весьма высокие имущественные требования для допуска к операциям с WMP, предъявляемые к квалифицированным инвесторам из числа как физи-

ческих, так и юридических лиц* [85]. Одновременно были увеличены размеры облигационных займов, разрешенных к прямому выпуску местными правительствами, и тем самым сокращена активность их «финансовых платформ» — главного источника спроса на теневое финансирование[86].

В дальнейшем наблюдалось непрерывное усиление регуляторной активности государства в отношении теневого банкинга. В течение 2020–2022 гг., оказывая постоянное давление на теневой сектор, Народный банк Китая, а также Комитет по регулированию банковской деятельности и страхования выпустили по меньшей мере тринадцать нормативных актов, затрагивающих выпуск продуктов WMP, деятельность компаний по управлению активами, страховые компании и трастовые фонды, внебалансовые операции коммерческих банков и т.д.[87].

Усиление государственного регулирования понизило привлекательность продуктов теневого финансирования для инвесторов из числа предприятий и домохозяйств. Банки были вынуждены перенести в балансовые отчеты большую часть своей теневой деятельности и рисков. В результате в 2016–2019 гг. активы теневого банковского сектора сократились на 11,5 трлн юаней, а их отношение к ВВП понизилось с более чем 60% до примерно 40%. Согласно данным Комитета по регулированию банковской деятельности и страхования, изменение ситуации носит еще более радикальный характер: в 2017–2020 гг. сумма непогашенных теневых кредитов в КНР снизилась втрое — со 100,4 до 32 трлн юаней[88]. В результате динамика теневого кредитования была стабилизирована на низком уровне: в 2020–2022 гг. общее увеличение его размеров составило лишь 3% против зафиксированных в 2009–2017 гг. среднегодовых темпов прироста в 25%[89].

Таким образом, охват теневого банкинга заметно сокращается, и, как следствие, происходит повышение прозрачности и устойчивости банковского сектора китайской экономики. Вопрос, однако, заключается в том, насколько существенным окажется достигнутый эффект в масштабах всей экономики с учетом бурного развития в Китае так называемого финтеха — современной индустрии финансовых технологий, основанной на широком применении возможностей интернета.

Появление финтеха в Китае, как и повсюду в мире, обусловлено прогрессирующим проникновением в финансовую индустрию инновационных стартапов, работающих в сфере информационных технологий. Располагая большим объемом пользовательских данных, такие финтех-компании, как, например, *Ant Financial* (дочерняя структура компании *Alibaba*, крупнейшего игрока на рынке электронной коммерции), обеспечивают прямое взаимодействие между массовыми пользователями на цифровых платформах. При этом анализ больших данных позволяет финтех-кредиторам продвигать инклюзивное финансирование для поставщиков, имеющих низкий кредитный рейтинг либо исключенных из банковского кредитования. В этих условиях кредитная информация и другие клиентские данные служат новым видом обеспечения, стимулируя дальнейшую деловую активность пользователей и спо-

* Требования для физических лиц: общий размер активов домохозяйства не ниже 5 млн юаней, либо размер чистых активов не менее 3 млн юаней, либо среднегодовой доход не ниже 400 тыс. юаней в течение трех предыдущих лет. Для юридических лиц — чистые активы в размере не менее 100 млн юаней.

собствуя расширению их доступа к финансовым услугам на основе сетевых эффектов. По состоянию на январь 2018 г. из 28 глобальных финтех-компаний с рыночной капитализацией свыше 1 млрд долл. восемь (а с учетом Гонконга — девять) компаний представляют Китай.

Подобно развитию теневого банкинга, росту индустрии финтеха в Китае способствует недостаточная доступность финансовых услуг, помноженная на стремительную цифровизацию китайского общества и экономики. Интегрированная экосистема финтех-индустрия в КНР охватывает широкий спектр услуг, включая онлайн-платежи и электронные кошельки, потребительское цифровое финансирование, интернет-кредитование (включая микрокредитование), онлайн-фонды, онлайн-страхование, цифровое управление активами, онлайн-брокерство, кредитные рейтинги и др.

Китай является мировым лидером во многих из этих областей. Согласно индексу внедрения финтех-технологий, рассчитываемому корпорацией *Ernst & Young* как доля клиентов финтеха среди активного в цифровом отношении населения, в 2017 г. Китай занимал первое место в мире с показателем в 69%. За ним следовали Индия (52%), Великобритания (42%), США (33%), Республика Корея (32%) и Япония (14%)[90]. В начале 2020-х годов дополнительным стимулом развития бесконтактных финтех-технологий послужил и глобальный кризис, связанный с пандемией коронавируса COVID-19.

При этом по мере развития финтех-индустрии грань между нею и теневым банкингом становится все менее осязаемой. Займы среди физических лиц, практикуемые на интернет-платформах однорангового кредитования (P2P), позволяют малым предприятиям привлекать альтернативное финансирование, получая средства напрямую от инвесторов. В 2007–2018 гг. размеры транзакций однорангового кредитования выросли практически с нуля до 1,8 трлн юаней[91]. Источником этих средств являются краткосрочные продукты управления капиталом (WMP), выпускаемые P2P-платформами, ресурсы аффилированных с ними государственных предприятий, а также венчурные инвестиционные фонды. При этом на практике фактические денежные потоки трудно отследить, поскольку работающие в интернете платежные системы действуют вне системы банковского надзора. Генерируя риски для финансовых рынков, это вызывает озабоченность государственных регуляторов. В этих условиях еще в 2013 г. операции P2P-кредитования были квалифицированы НБК как одна из форм теневой банковской деятельности[92].

Этим, однако, вопрос не исчерпывается. Так, компании *Alipay* и *WeChat Pay*, два ведущих национальных финтех-оператора, контролируют около 90% крупнейшего в мире китайского рынка цифровых платежей. При этом компания *Alipay*, например, позволяет клиентам инвестировать в финансовые активы денежные средства, хранящиеся на ее счетах условного депонирования. Что касается банков, то они не только утрачивают полноту информации о транзакциях клиентов (что уже само по себе ослабляет их конкурентные позиции на денежном рынке), но и теряют 5–8% доходов в виде комиссионных за операции по банковским картам. Финтех-компания *Ant Financial* предлагает широкий спектр интернет-услуг, включая онлайн-кредитование, инвестиции на денежном рынке, страхование и т.д.[93].

Предполагая проведение указанных онлайн-операций напрямую, без участия финансовых посредников, все это представляет определенный вызов для коммерческих банков и в перспективе может ограничить их доступ к некоторым важным источникам доходов. Как и следовало ожидать, НБК и Комитет по регулированию банковской деятельности и страхования предпринимают попытки регламентировать и направлять деловую активность финансовых интернет-платформ в отдельных ее аспектах[94]. В 2020 г., например, независимые интернет-платформы одноранговое кредитования были приравнены к подпадающим под регуляторную активность государства компаниям микрокредитования и в итоге фактически прекратили свою деятельность[95].

В 2023 г., реагируя на расширение и диверсификацию бизнеса финтех-индустрии, а равно и на рост финансовых рисков, сопровождающих эти процессы, власти КНР провели масштабную реорганизацию системы надзора и регулирования в финансовой сфере. В частности, в составе Госсовета КНР образовано Государственное управление по финансовому регулированию (ГУФР), заменившее Комитет по регулированию банковской деятельности и страхования и получившее ряд дополнительных функций по защите инвесторов и потребителей финансовых услуг. Время покажет насколько эффективными окажутся такого рода действия государства.

* * *

В целом рассмотрение современного состояния банковской системы КНР свидетельствует о важных достижениях реформ, проведенных в первое десятилетие нынешнего века и позволивших Китаю оперативно адаптироваться к требованиям глобальной рыночной экономики, минимизировать издержки мирового финансового кризиса и укрепить свои позиции на международном рынке капитала. Вместе с тем, несмотря на предпринятую маркетизацию и либерализацию банковского сектора, финансовая система КНР продолжает находиться под административным давлением, степень которого, по оценке Азиатского банка развития, на 30 п.п. превышает соответствующий показатель стран с высоким уровнем дохода и на 19 п.п. — стран с доходом выше среднего[96]. Существующие проблемы и риски указывают на незавершенность начатых преобразований и позволяют в известной мере судить о направлениях дальнейшего развития и реформирования банковского сектора КНР.

Речь идет прежде всего о расширении каналов и масштабов финансирования сельской экономики как основы существования почти половины населения Китая, о принципиальном улучшении доступа к кредитным ресурсам национальной банковской системы для предприятий малого и среднего бизнеса. Этому, в частности, могло бы способствовать расширение сети и укрепление малых и средних кредитных учреждений различного типа. Крупные коммерческие банки лучше подготовлены к тому, чтобы противостоять системным рискам, и в этом смысле должны играть более значимую роль.

С учетом реалий рыночной экономики еще далеко не полностью использованы возможности дальнейшего совершенствования системы национального банковского

регулирования, а равно и корпоративного управления и риск-менеджмента в банковской сфере. Важное значение имеет последовательное распространение банковского надзора на теневой банкинг и быстрорастущую финтех-индустрию. Необходимо минимизировать регуляторный арбитраж, переформатирующий деловую среду в пользу теневых учреждений за счет традиционных банков. Фискальные меры правительства, эффективно поддерживая спрос на услуги банковского бизнеса, должны повышать его прибыльность.

Что касается самих коммерческих банков, то, контролируя финансовые риски и инвестируя в искусственный интеллект, облачные вычисления, анализ больших данных и другие финансовые технологии, им предстоит ускорить цифровую трансформацию, активнее внедрять инновационные стратегии и услуги, такие как финансирование под залог интеллектуальной собственности, «зеленое» финансирование, инклюзивные финансовые инициативы и т.п.

Примечания

[1] *Yuk-shing Cheng*. China's Reform of Rural Credit Cooperatives: Progress and Limitations // The Chinese Economy. 2006. Vol. 39. Issue 4. P. 28. ResearchGate: [site]. URL: https://www.researchgate.net/publication/5170829_China's_Reform_of_Rural_Credit_Cooperatives_Progress_and_Limitations (accessed: 20.11.2024).

[2] Law of the People's Republic of China on The People's Bank of China: Adopted at the Third Session of the Eighth National People's Congress on 18 March 1995. Article 2 // The PBC: [site]. URL: http://www.pbc.gov.cn/english/130733/2941519/2015082610501049304.pdf (accessed: 05.03.2023).

[3] Law of the People's Republic of China on Commercial Banks: Adopted by the Standing Committee of the Eighth National People's Congress in l995: Promulgation Date: 1995. October 10. Articles 2, 3, 13, 32, 34 // The People's Bank of China: [site]. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688253/3689003/3709970/index.html (accessed: 05.03.2023).

[4] Law of the People's Republic of China on The People's Bank of China. Op. cit. Article 7.

[5] Cho Yoon Je. The Banking System of the People's Republic of China / Manila: Asian Development Bank, 2000. P. 53, 62 // Asia Regional Integration Center: [site]. URL: https://aric.adb.org/pdf/aem/external/financial_market/Republic_of_China/china_bnk.pdf (accessed: 08.03.2023).

[6] Ibid. P. 46.

[7] Law of the People's Republic of China on The People's Bank of China. Op. cit. Articles 5, 7.

[8] *Elliott D.J.*, *Kai Yan*. The Chinese Financial System: An Introduction and Overview. Washington D.C.: Brookings Institution, 2013. P. 16. URL: https://pages.stern.nyu.edu/~jcarpen0/Chinaluncheon/chinese%20financial%20system%20elliott%20yan.pdf (accessed: 10.04.2023).

[9] *Tobin D.*, *Volz U.* The Development and Transformation of the Financial System in the People's Republic of China // Asian Development Bank Institute Working Paper Series. No. 825, March 2018. Manila: ADB Institute. 2018. P. 15. URL: https://www.adb.org/publications/development-and-transformation-prc-financial-system (accessed: 09.03.2023).

[10] Latest Developments in China's Banking Reform, Opening-up and Supervision // China.org.cn: [site]. 2005. December 5. P. 4. URL: https://www.china.org.cn/e-news/news051205.htm (accessed: 03.03.2006).

[11] China Financial Stability Report 2013. Beijing: China Financial Publishing House. 2013. P. 172. URL: https://centerforfinancialstability.org/fsr/chn_fsr_201308.pdf (accessed: 15.04.2023).

[12] Law of the People's Republic of China on Banking Regulation and Supervision: Adopted at the Sixth Session of the Standing Committee of the Tenth National People's Congress on December 27, 2003. Articles 15,16 // The People's Bank of China: [site]. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688253/3689003/3709958/index.html (accessed: 05.03.2023).

[13] Жэньминь жибао. 15.01.2004; Жэньминь жибао. 04.02.2004.

[14] *Elliott D.J.*, *Kai Yan*. Op. cit. P. 11.

[15] China Financial Stability Report 2013. Op. cit. P. 173.

[16] *Новоселова Л.* Банковская система КНР в XXI веке: десятилетие преобразований // Рос. эконом. журнал. 2012. № 2. С. 78.

[17] *Zhiguo He*, *Wei Wei*. China's Financial System and Economy: A Review // Working Paper. No. 2022-105. Chicago: Becker Friedman Institute China, University of Chicago, 2022. P. 22. URL: https://bfi.uchicago.edu/wp-content/uploads/2022/04/BFI_WP_2022-105.pdf (accessed: 21.06.2024).

[18] *Новоселова Л.* Указ. соч. С. 78.

[19] Подсчитано по: China Financial Stability Report 2013. Op. cit. P. 175.

[20] The Reform of China's Rural Credit Unions: Policy Note. Washington D.C.: The World Bank, 2009. June 12. P. 3. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/877201468019192020/pdf/ 703580PNT0p10800Policy0note0p108052.pdf (accessed: 10.11.2024).

[21] Clashes and Balances — The Transition of the Economy and Society in Rural China. First Edition. Beijing: Foreign Languages Press, 2006. P. 98.

[22] Ibid.

[23] *Бони Л.Д.* Китайская деревня на пути к рынку (1978–2002 гг.). М.: ИДВ РАН, 2005. С. 251.

[24] Clashes and Balances. Op. cit. P. 110.

[25] *Yuk-shing Cheng*. Op. cit. P. 32.

[26] Ibid.

[27] The Reform of China's Rural Credit Unions. Op. cit. P. 1. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/877201468019192020/pdf/
703580PNT0p10800Policy0note0p108052.pdf (accessed: 10.11.2024).

[28] *Xingyuan Feng*, *Guangwen He*, *Ljungwall C*. Rural Financial Reform in China: Progress Made and the Path Forward // The Copenhagen Journal of Asian Studies. 2013. Vol. 31. Issue 1. P. 67. CBS Open Journals: [site]. URL: https://rauli.cbs.dk/index.php/cjas/article/view/4323/4752 (accessed: 02.11.2024).

[29] China Financial Stability Report 2013. Op. cit. P. 175–176.

[30] Ibid.

[31] Жэньминь жибао. 29.01.2002.

[32] *Новоселова Л.* Указ. соч. С. 79.

[33] Moving Intelligently Towards a Smarter Future. Mainland China Banking Survey 2021. Hong Kong: KPMG, 2022. P. 62. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2021/07/2021-mainland-china-banking-survey.pdf (accessed: 15.03.2023).

[34] China. Financial Sector Assessment: November 2017. Washington D.C.: IMF–World Bank, 2017. P. 46. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/361891512597572360/pdf/121926-revised-PUBLIC.pdf (accessed: 14.04.2023).

[35] *Wang Guogang*. China's Monetary Policy Instruments (2001–2010): Paradox, Analysis and Suggestions // China Economist. 2012. Vol. 7. No. 5. P. 13. URL: http://www.chinaeconomist.com/

index.php/2016/07/21/chinas-monetary-policy-instruments-2001-2010-paradox-analysis-and-suggestions/ (accessed: 25.02.2023).

[36] *Yiping Huang*, *Tingting Ge*. Assessing China's Financial Reform: Changing Roles of the Repressive Financial // Cato Journal. 2019. Vol. 39. No 1. Cato Institute: [site]. URL: https://www.cato.org/cato-journal/winter-2019/assessing-chinas-financial-reform-changing-roles-repressive-financial# (accessed: 14.03.2023).

[37] Цит. по: *Elliott D.J.*, *Kai Yan*. Op. cit. P. 15.

[38] Банковская система Китая: как устроен коммерческий банкинг в коммунистической стране // ТЖ: [site]. 27.02.2023. URL: https://journal.tinkoff.ru/news/bank-of-china/ (дата обращения: 10.03.2023).

[39] *Yi Gang*. China's Interest Rate System and Market-Based Interest Rate Reform // Journal of Financial Research. 2021. Issue 495 (9). P. 3–4. The People's Bank of China: [site]. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4364384/2021102014082914468.pdf (accessed: 07.04. 2023).

[40] China Financial Stability Report 2013. Op. cit. P. 177.

[41] About PSBC // Postal Savings Bank of China: [site]. URL: https://www.psbc.com/en/about_psbc/about_psbc_new/202010/t20201015_12864.html (accessed: 22.04.2023).

[42] *Wang Guogang*. Op. cit. P. 5.

[43] *Xingyuan Feng*, *Guangwen He*, *Ljungwall C.* Op. cit. P. 67.

[44] China Financial Stability Report 2022. Beijing: China Financial Publishing House, 2023. P. 54. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688235/3688414/3710021/4601747/4888329/2023051915355796296.pdf (accessed: 15.04.2023).

[45] China. Financial Sector Assessment: November 2011. Washington D.C.: The World Bank, 2011. P. 25. URL: https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/WB-Chinas-Financial-Sector-Assessment-Report.pdf (accessed: 14.04.2023).

[46] См.: Toward Universal Financial Inclusion in China: Models, Challenges, and Global Lessons. Washington D.C.: The World Bank, 2018. P. 14, 32. URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/3ab7018b-28ac-5435-ac36-b08c3059fe20/ content (accessed: 07.11.2024).

[47] Подсчитано по: Toward Universal Financial Inclusion in China. Op. cit. P. 33.

[48] Ibid. P. 39–40.

[49] China Financial Stability Report 2014. Beijing: China Financial Publishing House, 2014. P. 41. URL: https://centerforfinancialstability.org/fsr/chn_fsr_201407.pdf (accessed: 15.04.2023).

[50] *Новоселова Л.* Указ. соч. С. 78.

[51] China. Financial Sector Assessment: November 2011. Op. cit. P. 21.

[52] *Yiping Huang*, *Xun Wang*, *Anqian Huang*. Promoting High-Quality Growth Through Financial Reform in the People's Republic of China: ADB East Asia Working Papers Series. No. 43. December 2021 / Asian Development Bank. Manila: ADB, 2021. P. 5. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/760726/eawp-043-high-quality-growth-financial-reform-prc.pdf (accessed: 18.04.2023).

[53] Moving Intelligently Towards a Smarter Future. Op. cit. P. 64.

[54] Подсчитано по: China Financial Stability Report 2012. Beijing: China Financial Publishing House, 2012. P. 23, 24, 203, 205. URL: https://pbc.gov.cn/eportal/fileDir/image_public/UserFiles/english/upload/File/China Financial Stability Report(1).pdf (accessed: 15.04.2023); China Financial Stability Report 2022. Op. cit. P. 120, 124.

[55] People's Republic of China. 2017 Article IV Consultation: Press Release; Staff Report, and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China. Washington D.C.:

IMF, 2017. P. 19. URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2017/08/15/People-s-Republic-of-China-2017-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-45170 (accessed: 21.04.2023)

[56] *Yan Liang*. China's Banking Sector Faces Multiple Challenges After COVID-19 // The Diplomat: [site]. 2020. July 11. URL: https://thediplomat.com/2020/07/chinas-banking-sector-faces-multiple-challenges-after-covid-19/ (accessed: 02.11.2024).

[57] Toward Universal Financial Inclusion in China. Op. cit. P. 40.

[58] Подсчитано по: China Financial Stability Report 2012. Op. cit. P. 208.

[59] China Financial Stability Report 2014. Op. cit. P. 49.

[60] China. Financial Sector Assessment: November 2017. Op. cit. P. 176.

[61] Elliott D. J., Kai Yan. Op. cit. P. 14.

[62] China. Financial Sector Assessment: November 2011. Op. cit. P. 27.

[63] Russian.china.org.cn. 10.10.2009.

[64] *Yan Liang.* Op. cit.

[65] China Financial Stability Report 2019. Beijing: China Financial Publishing House, 2019. P. 48. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688235/3688414/3710021/3830459/3950366/2019122716070568304.pdf (accessed: 18.04.2023).

[66] 2022 was a Mediocre Year for China's Banking Sector // The Bank of Finland Institute for Emerging Economies Weekly Review. 14/2023. BOFIT: [site]. 2023. April 6. URL: https://www.bofit.fi/en/monitoring/weekly/2023/vw202314_2/ (accessed: 12.11.2024).

[67] Moving Intelligently Towards a Smarter Future. Op. cit. P. 10.

[68] *Новоселова Л.* Указ. соч. С. 84.

[69] Там же. С. 83.

[70] *Tobin D.*, *Volz U.* Op. cit. P. 8.

[71] *Yan Liang*. Op. cit.

[72] As China Goes Global, Its Banks Are Coming Out, Too: European Banks Are Loosing Their Influence // The Economist: [site]. 2020. May 7. URL: https://www.economist.com/special-report/2020/05/07/as-china-goes-global-its-banks-are-coming-out-too (accessed: 14.04.2023).

[73] Ibid.

[74] China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Table 18-3. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024).

[75] China Quarterly Update. Beijing: World Bank Office, 2010. June. P. 9. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/126261468021847068/pdf/551310NEWS0Qua10Box349441B01PUBLIC1.pdf (accessed: 05.01.2011); China Economic Review. 14.01.2010.

[76] *Yan Liang*. Op. cit.

[77] *Новоселова Л.* Указ. соч. С. 85.

[78] Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2023. Op. cit. Table 18-3.

[79] China Financial Stability Report 2013. P. 208.

[80] China: Biannual Economic Report // Sinoptic: [site]. December 2011. P. 3. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20111201_China_Annual.economic.report.pdf (accessed: 17.11.2024).

[81] *Sutton M.*, *Taylor G*. Shadow Financing in China // Bulletin. 2020. December. P. 80. Reserve Bank of Australia: [site]. 2020. December 10. URL: https://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2020/dec/pdf/shadow-financing-in-china.pdfMaxwell (accessed: 24.04.2023).

[82] *Yan Liang*. Op. cit.

[83] Ibid.

[84] *Guarino A*. Banking Reform in China: Too Little, Too Late? // Global Risk Insights: [site]. 2017. July 10. URL: https://globalriskinsights.com/2017/07/banking-reform-china-little-late/ (accessed: 14.04.2023).

[85] См.: *Xie N.Q.*, *He J*. China — Guiding Opinions On Asset Management Business — Key Provisions And Observations // Conventus Law: [site]. 2028. May 11. URL: https:// conventuslaw.com/report/china-guiding-opinions-on-asset- management/ (accessed: 15.02.2025).

[86] *Sutton M.*, *Taylor G*. Op. cit. P. 80–81.

[87] *Li W*. China's Shadow Banking in 2020–2022: An Empirical Study // Humanities & Social Sciences Communications: [site]. 2024. February 19. P 6. URL: https://doi.org/10.1057/s41599-024-02733-y (accessed: 16.02.2025).

[88] 2023 Investment Climate Statements: China // U.S. Department of State: [site]. 2023. URL: https://www.state.gov/reports/2023-investment-climate-statements/china/ (accessed: 30.12.2023).

[89] *Li W*. Op. cit. P. 2.

[90] *Han Seung-soo*. Fintech — The First Financial Revolution // Central Banking: [site]. 2019. April 24. URL: https://www.centralbanking.com/central-banks/economics/4129866/fintech-the-first-financial-revolution (accessed: 16.02.2025).

[91] *Zhiguo He*, *Wei Wei*. China's Financial System and Economy: A Review // Annual Review of Economics. 2023. Vol. 15. P. 477. Annual Reviews: [site]. 2023. 22 May. URL: https//doi.org/10.146/annurev-economics-072622-095926 (accessed: 16.02.2025).

[92] Emerging Issues in Finance Sector Inclusion, Deepening, and Development in the People's Republic of China. Manila: Asian Development Bank, 2014. P. 17. URL: https://www.adb.org/ sites/default/files/publication/152488/emerging-issues-finance-sector-prc.pdf (accessed: 08.03.2023).

[93] *Yan Liang*. Op. cit.

[94] 2023 Investment Climate Statements: China. Op. cit.

[95] PRC Financial Regulation 2021: Annual Report. [s.l.: s.n.], 2021. P. 05. URL: https:// www.fangdalaw.com/wp-content/uploads/2021/02/PRC-Financial-Regulation-Annual-Report-2021.pdf (accessed: 20.04.2023).

[96] *Yiping Huang*, *Xun Wang*, *Anqian Huang*. Op. cit. P. 6.

Глава 3

Развитие фондового рынка

Развитие фондового рынка является естественным результатом китайской политики рыночных реформ и вместе с тем — важным инструментом реализации этой политики. Возникновение рынка ценных бумаг Китая относится к началу 1980-х годов, при этом с самого начала этот процесс характеризовался весьма высокой динамикой.

В 1981 г. после длительного перерыва Министерство финансов КНР возобновило выпуск государственных казначейских облигаций с целью мобилизации дополнительных бюджетных ресурсов. В 1984 г. в экспериментальном порядке государственные предприятия для пополнения своих денежных ресурсов начали использовать выпуск и реализацию собственных ценных бумаг, включая акции и облигации. На следующий год НБК разрешил торговлю казначейскими облигациями на вторичном рынке и определил ее правила, а государственные коммерческие банки приступили к самостоятельному выпуску финансовых облигаций. Вслед за этим в 1987 г. появились первые брокерские компании, открывшие организованную торговлю ценными бумагами китайских эмитентов, а в конце 1990 г. были созданы фондовые биржи в Шанхае и Шэньчжэне.

Тем самым уже в начальный период экономической реформы в дополнение к традиционному банковскому кредитованию в рамках финансового рынка КНР были открыты каналы прямого финансирования реального сектора посредством привлечения инвестиций в акционерный капитал компаний, а также размещения облигаций и других долговых инструментов. Одновременно была подготовлена почва для принятия в октябре 1992 г. решения ЦК КПК и Госсовета КНР о широкомасштабном акционировании государственных предприятий, а также обеспечены необходимые условия для его реализации. Вступление в силу Закона КНР о ценных бумагах (июль 1999 г.) означало окончательную легитимизацию глубинного процесса преобразования форм собственности. Всего в начале XXI в. в КНР действовало более 300 нормативных актов (включая законы, правила и положения, нормативные и регламентирующие акты), касающихся фондового рынка[1].

За последние два с лишним десятилетия в КНР создан общенациональный рынок ценных бумаг, на котором обращаются как государственные, так и корпоративные ценные бумаги. Используя возможности фондового рынка, многие крупные, а также средние и малые государственные предприятия аккумулировали значительные финансовые ресурсы и постепенно прошли процесс акционирования, играющий ключевую роль в рыночной трансформации китайской экономики. Уже в 2001 г., по данным обследования, проведенного Государственным статистическим управлением КНР, процесс преобразования форм собственности затронул свыше ¾ ключевых промышленных предприятий страны[2].

В дальнейшем из года в год шло последовательное увеличение численности китайских компаний, осуществляющих эмиссию ценных бумаг, сопровождаемое совершенствованием инфраструктуры рынка, включением в биржевой оборот все новых финансовых инструментов, расширением круга участников биржевых операций. По состоянию на конец 2020 г. на фондовых биржах КНР было зарегистрировано почти 4,2 тыс. акционерных компаний с общей рыночной капитализацией в 79,8 трлн юаней. Обеспечивая 8,5% общемировой капитализации фондовых рынков, это является вторым после США показателем в мире. Выпуск долговых обязательств вырос с 5,9 трлн юаней в 2010 г. до 56,9 трлн юаней в 2020 г., формируя третий по величине долговой рынок в мире, а совокупная доля долгового и акционерного финансирования в общем объеме финансовых ресурсов, поступающих в реальный сектор экономики, в 2002–2019 гг. увеличилась с 5 до 12,3%[3].

В целом на сегодняшний день Китай располагает самым быстрорастущим рынком капитала в мире. Операции на рынке ценных бумаг все более становятся неотъемлемым способом аккумулирования финансовых средств для развития экономики, а также важным каналом инвестиционного размещения средств населения. Вместе с тем, рассмотрение динамики и структуры фондового рынка КНР свидетельствует о наличии серьезных проблем его развития и, соответственно, о длительном и непростом пути становления национального рынка капитала.

Основные финансовые инструменты

Для фондового рынка КНР изначально была характерна высокая степень административного регулирования. При этом он весьма причудливо сегментирован, обеспечивая обращение целого ряда разновидностей ценных бумаг, различающихся не только по характеру эмитентов, месту их регистрации и листинга, но и по превалирующей группе инвесторов и видам используемых ими платежных средств. Основные инструменты рынка распределяются между двумя базовыми категориями ценных бумаг — акциями китайских компаний и облигациями.

Облигации

Обеспечивая 15% совокупного биржевого и внебиржевого оборота ценных бумаг в КНР, рынок облигаций по своим размерам соответствует 95% ВВП КНР[4]. Этот рынок состоит из трех основных сегментов, включая государственные облига-

ции, эмитентами которых являются центральное правительство и местные органы власти; финансовые облигации, выпускаемые банками и другими учреждениями финансового сектора; а также кредитные облигации предприятий и компаний реального сектора экономики. Эмиссия и оборот различных видов облигаций контролируются различными регулирующими органами, подлежат различным процедурам выпуска, а также обращаются и торгуются на разных платформах (см. табл. 13).

Государственные казначейские облигации, выпуск которых положил начало созданию рынка ценных бумаг в КНР, обеспечивают заметную долю общего оборота облигаций. В Китае, как и в любой стране с рыночной экономикой, рынок суверенных облигаций является основой для развития национального рынка капитала, а условия обслуживания и погашения этих, по сути, безрисковых ценных бумаг служат ориентиром для других финансовых инструментов. Государственные казначейские облигации со сроком погашения от 3 месяцев до 50 лет, исходя из 2–4% годовых, формируют около 20% внутреннего рынка облигаций. В условиях замедления экономического роста КНР в период после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., средняя доходность 10-летних государственных облигаций в 2015–2020 гг. составила 3,3% по сравнению с 3,5% за предыдущие 20 лет[5]. Основными покупателями и держателями этих бумаг традиционно являются коммерческие банки, владеющие 65–70% казначейских облигаций[6].

В июне 1997 г. в разгар Азиатского финансового кризиса в целях предотвращения перетока кредитных средств на фондовый рынок Народный банк Китая запретил коммерческим банкам торговать на бирже. Одновременно для организации торговли облигациями между коммерческими банками была создана специальная площадка — Национальный межбанковский рынок облигаций, обеспечивающий в настоящее время подавляющую часть их оборота (90% и более). На межбанковском рынке, регулятором которого выступает НБК, осуществляются оптовые сделки на крупные суммы, его участниками являются как финансовые организации, так и корпорации и иные крупные институциональные инвесторы. В отличие от этого биржевой рынок облигаций (7–10% их оборота) является оптово-розничным и регулируется Комитетом по контролю за ценными бумагами при Госсовете КНР (ККЦБ). Наряду с институциональными он допускает и участие индивидуальных инвесторов, централизуя и облегчая операции на розничном рынке. Наконец, менее 0,5% продаж приходится на внебиржевой рынок коммерческих банков, где облигации реализуются частным инвесторам за наличный расчет[7].

В силу высокой степени надежности по сравнению с другими видами ценных бумаг казначейские обязательства пользуются наибольшим спросом у населения. Более половины их оборота приходится на бумаги, предполагающие погашение в сроки не более трех лет. В целом рыночная ликвидность казначейских облигаций невысока, поскольку основными инвесторами для них являются коммерческие банки, использующие эти ценные бумаги — часто вплоть до их погашения — в качестве залога при регулировании собственной ликвидности с помощью операций РЕПО и привлечения кредитов НБК.

В последние годы с учетом возрастающего значения альтернативных источников финансирования, а также принимая во внимание существенные и постоянно

растущие размеры внутреннего долга КНР, роль и значение казначейских обязательств последовательно сокращаются. В 2010–2017 гг. при почти восьмикратном росте годовой эмиссии облигаций доля государственных казначейских обязательств в общем объеме непогашенных облигационных займов снизилась с 33 до 18%[8].

Таблица 13

Основные инструменты долгового финансирования

	Сроки погашения	Эмитент	Регулятор	Порядок эмиссии	Выпуск и обращение	Инвесторы
Государственные облигации						
Государственные казначейские облигации	От 3 месяцев до 50 лет	Госсовет КНР	Минфин КНР	Разрешительный, в рамках установленной квоты	Межбанковский рынок облигаций, фондовые биржи	Институциональные* и индивидуальные инвесторы
Облигации местных органов власти	1–20 лет	Правительства провинций, автономных районов, городов центрального подчинения/ планирования	Минфин КНР	Разрешительный, в рамках установленной квоты	Межбанковский рынок облигаций, фондовые биржи	Институциональные и индивидуальные инвесторы
Финансовые облигации						
Облигации политических банков	1–10 лет	Государственные банки развития	НБК, КРБДС**	Разрешительный	Межбанковский рынок облигаций, фондовые биржи	Институциональные и индивидуальные инвесторы
Прочие финансовые облигации	От 1 года, как правило 3–5 лет	Финансовые учреждения	НБК, КРБДС, ККЦБ**	...	Межбанковский рынок облигаций, фондовые биржи	Институциональные и индивидуальные инвесторы
Кредитные облигации						
Облигации предприятий	От 1 года, как правило 3–10 лет	Государственные предприятия реального сектора экономики	ГКРР**	Разрешительный, в рамках квоты	Межбанковский рынок облигаций, фондовые биржи	Институциональные и индивидуальные инвесторы

Корпоративные облигации	От 1 года, как правило 3–10 лет	Негосударственные компании реального сектора экономики	ККЦБ**	Разрешительно-уведомительный	Фондовые биржи, внебиржевой рынок	Институциональные и индивидуальные инвесторы
Среднесрочные ноты	От 1 года, как правило 3–5 лет	Компании реального сектора экономики	НАИИФР**	Уведомительный	Межбанковский рынок облигаций	Институциональные инвесторы
Коммерческие бумаги	3, 6, 9 или 12 месяцев	Компании реального сектора экономики	НАИИФР**	Уведомительный	Межбанковский рынок облигаций	Институциональные инвесторы

* Коммерческие банки, страховые компании, компании по ценным бумагам, компании по управлению активами, инвестиционные фонды, клиринговые палаты, расчетные центры.

** Аббревиатуры: КРБДС — Комитет по регулированию банковской деятельности и страхования; ККЦБ — Комитет по контролю за ценными бумагами Китая; ГКРР — Государственный комитет по делам развития и реформы; НАИИФР — Национальная ассоциация институциональных инвесторов финансового рынка.

Составлено по: The Future of China's Bond Market / Ed. by A. Schipke, M. Rodlauer, Zhang Longmei. Washington D.C.: IMF, 2019. P. 9, 11, 104. URL: https://www.imf.org/en/Publications/Books/Issues/2019/03/05/The-Future-of-China-s-Bond-Market-46144 (accessed: 06.05.2023); China's Bond Market: "What, and Why, and When…" // Abrdn: [site]. 2018. November 30. URL: https://www.abrdn.com/de-ch/institutional/insights-thinking-aloud/article-page/chinas-bond-market (accessed: 10.06.2023).

Облигации местных органов власти — вторая составляющая сегмента государственных облигаций — продемонстрировали исключительно бурный рост после того, как в 2014 г. правительства провинций и городов центрального подчинения по закону получили право выпускать собственные ценные бумаги для пополнения местных бюджетов и финансирования проектов развития в рамках установленного ВСНП годового лимита. До этого использование заемных средств местными правительствами происходило главным образом в обход установленного запрета при посредничестве специально созданных провинциальных и городских инвестиционных компаний. Действуя под патронажем своих владельцев в лице местных органов власти и опираясь на их негласные (а порой и вполне официальные) гарантии, эти «финансовые платформы» на внебалансовой основе активно привлекали кредиты коммерческих банков, пользовались услугами теневого банкинга, выпускали собственные корпоративные облигации и тем самым практически бесконтрольно наращивали внутренний долг КНР, а равно и сопутствующие финансовые и бюджетные риски[9].

С целью снижения указанных рисков правительство объявило трехлетнюю программу обмена высокопроцентных и краткосрочных долговых обязательств «финансовых платформ» на облигации правительств регионов со сроком погашения от 2 до 20 лет. В результате регулируемый Минфином КНР рынок облигаций местных правительств вырос с 1,1 трлн в 2014 г. до 14,7 трлн юаней в 2017 г., обеспечив свыше 20% суммы непогашенных облигационных займов в Китае и тем самым став одним из крупнейших в мире. Основные инвесторы на этом рынке представлены коммерческими банками (77% непогашенных долговых обязательств), а также паевые инвестиционные фонды (5%), страховые компании и компании по ценным бумагам (4%), индивидуальные инвесторы (4%) и др.

Долговые бумаги регионов выпускаются в виде купонных облигаций с фиксированной процентной ставкой и подразделяются на облигации общего и специального назначения. Первые финансируют общественно значимые проекты без ожидаемого дохода, а для их обслуживания и погашения используются обычные поступления в местные бюджеты. В отличие от этого облигации специального назначения выпускаются для привлечения средств на создание общественно важных объектов, направленных на извлечение прибыли, и ориентированы на погашение за счет соответствующих правительственных фондов или специальных поступлений[10].

В последние годы соотношение между двумя категориями региональных облигаций заметно меняется в пользу облигаций специального назначения. В целом, по данным НБК, 30% средств, аккумулируемых посредством выпуска облигаций местных органов власти, направляется на развитие городской инфраструктуры и инфраструктуры промышленных зон, 18% — на развитие транспортной инфраструктуры, 18% — на социальные мероприятия, 14% — на возведение социального жилья, более 10% — на защиту окружающей среды, реализацию сельскохозяйственных, лесных и гидрологических проектов[11].

Облигации политических банков выпускаются с 1994 г. и сегодня почти на $^{3}/_{4}$ формируют рынок финансовых облигаций, на долю которого приходится в общей сложности 25–30% суммы непогашенных облигационных займов. Облигации государственных институтов развития используются для финансирования секторов и сфер экономической деятельности, имеющих приоритетное значение в экономической стратегии КНР. В частности, Банк развития Китая предоставляет кредиты для поддержки крупных инфраструктурных проектов, Экспортно-импортный банк Китая кредитует развитие внешней торговли и ориентированного на экспорт производственного сектора, Банк развития сельского хозяйства Китая предоставляет финансирование для развития сельского хозяйства и реализации природоохранных проектов. Размеры, условия, даты и способ эмиссии утверждаются НБК[12].

Учитывая, что политические банки полностью находятся в собственности центрального правительства, инвесторы расценивают их облигации как гарантированные государством, т.е. фактически безрисковые. Наряду с суверенными казначейскими обязательствами коммерческие банки активно приобретают эти бумаги для использования в качестве залога при управлении ликвидностью на денежном рынке. К тому же облигации политических банков имеют относительно более высокую доходность. С учетом этих обстоятельств спрос на облигации политических банков

растет. По сравнению с другими видами облигаций государственного сектора они более активно торгуются на вторичном рынке, почти в два раза опережая государственные казначейские облигации по размерам среднесуточного оборота и фактически сравнявшись с ними по доле, занимаемой на национальном рынке облигаций (18%)[13]. Среди основных инвесторов лидируют коммерческие банки (63% непогашенных облигаций) и компании по управлению активами (25%), за ними следуют страховые компании и трастовые фонды (5 и 4% соответственно), а также зарубежные институциональные инвесторы (2%)[14].

Прочие финансовые облигации (8% суммы непогашенных облигаций) обращаются на рынке с 1988 г. Их эмитентами выступают как коммерческие банки, так и разнообразные небанковские финансовые учреждения (страховые и инвестиционно-посреднические компании, компании по ценным бумагам и т.п.). Привлеченные средства используются для финансирования различных проектов и достижения уровня достаточности капитала. В то время как банки осуществляют эмиссию на межбанковском рынке облигаций и подлежат регулированию со стороны НБК, небанковские финансовые институты размещают свои долговые бумаги на фондовых биржах под надзором Комитета по регулированию банковской деятельности и страхования (КРБДС), а также Комитета по контролю за ценными бумагами (ККЦБ).

Наконец, около 30% рынка облигаций КНР представляет сегмент кредитных облигаций, выпускаемых нефинансовыми компаниями и корпорациями для пополнения основных и оборотных средств. С 1983 г., когда были выпущены первые облигации госпредприятий, рынок кредитных облигаций пополнился целым рядом новых продуктов. В результате компании реального сектора экономики получили доступ к различным по срокам погашения и гибкости финансовым инструментам, которые регулируются разными регулирующими органами, подлежат собственным процедурам выпуска и торгуются на разных торговых площадках (см. табл. 13). К концу 2017 г. общие размеры непогашенных кредитных облигаций достигли 2,7 трлн долл., что выводит данный сегмент китайского рынка ценных бумаг на второе после США место в мире. Соответствуя примерно 30% ВВП КНР, кредитные облигации обеспечивают 10% финансирования китайских компаний и корпораций.

Облигации предприятий регулируются Госкомитетом по делам развития и реформы (ГКРР) в соответствии с Законом КНР о компаниях, Законом КНР о ценных бумагах и Руководством по управлению облигациями предприятия. Изначально эти облигации предназначались для осуществления ключевых инфраструктурных проектов (ГЭС «Санься», скоростные железные дороги, модернизация и развитие национальной электрической сети и т.п.), а также для развития сталелитейной, химической, энергетической и других отраслей промышленности. Со временем состав отраслевых приоритетов расширился за счет проектов в области «зеленого» развития, социального обеспечения, строительства социального жилья и борьбы с бедностью.

Выпуск облигаций предприятия подлежит квотированию на общегосударственном уровне. Ежегодно Госсовет КНР распределяет квоты на выпуск этих облигаций между предприятиями центрального и местного подчинения, а также между различными секторами экономики. Исходя из этого, а также с учетом приоритетов на-

циональной структурной политики, ГКРР проводит распределение квот между отдельными компаниями. При этом предусматривается, что объем единичной эмиссии не должен превышать 40% стоимости активов компании-эмитента, а среднегодовые размеры ее распределяемой прибыли за последние три года должны быть достаточными для выплаты основной части долга и процентов за год[15]. Границы доходности облигаций предприятия регулируются НБК: процентная ставка по ним не должна превышать доходность срочных банковских депозитов более чем на 40%, и обычно составляет 3–5% годовых, не слишком сильно отличаясь от купонного дохода государственных казначейских обязательств[16].

Таким образом, отвечая как за утверждение проекта и мониторинг его реализации, так и за эмиссию облигаций по принципу «один проект — один выпуск», ГКРР, по сути, обеспечивает проектное финансирование. Размеры единичных выпусков крупнейших государственных корпораций варьируются в диапазоне от 2 до 8 млрд юаней[17]. Облигации предприятий обращаются как на межбанковском, так и на биржевом рынке, а их эмитентами в подавляющем большинстве являются государственные компании центрального и местного подчинения, на 80% представленные упоминавшимися выше «финансовыми платформами» городских и провинциальных правительств. В целом на облигации предприятий приходится 5% общей суммы непогашенных облигационных займов и 18% непогашенных кредитных облигаций.

Корпоративные облигации впервые были выпущены на рынок в 2007 г. Они обращаются на фондовых биржах и регулируются Комитетом по контролю за ценными бумагами (ККЦБ) в соответствии с Законом КНР о ценных бумагах и Руководством по выпуску и торговле корпоративными облигациями. Первоначально выпуск корпоративных облигаций был разрешен только для компаний, прошедших листинг на фондовой бирже. Со временем процедуры подачи и утверждения заявок на членство в бирже были упрощены, а с 2015 г. для компаний, не включенных в биржевой листинг, действует система частного размещения корпоративных облигаций на внебиржевом рынке. Процедура частного размещения основана на регистрации, т.е. фактически имеет уведомительный характер, и доступна для любой компании, отвечающей установленным государством критериям (объем чистых активов, уровень кредитной задолженности и т.д.), что стимулировало быстрый рост этого сегмента рынка*. Для публичного размещения корпоративных облигаций требуется разрешение регулятора. Корпоративные облигации составляют почти 30% находящихся в обороте кредитных облигаций и 8% общей суммы непогашенных облигационных займов. Эмитентами корпоративных облигаций главным образом являются негосударственные компании и корпорации, а их доходность в сред-

* В соответствии с Законом КНР о ценных бумагах размеры эмиссии не должны превышать 40% чистых активов компании. Полученные от выпуска облигаций средства должны идти на производственные нужды и не могут быть использованы для возмещения убытков или непроизводственных расходов. В случае, если компания уже разместила на фондовой бирже свои акции, при выполнении определенных квалификационных требований допускается повторный публичный выпуск акций, либо их частное размещение по подписке, либо выпуск корпоративных облигаций, конвертируемых в акции.

нем на 100 базисных пунктов (1% годовых) выше, чем у предприятий госсектора с аналогичными финансовыми и операционными показателями[18].

Среднесрочные ноты и коммерческие бумаги как дополнительные инструменты прямого финансирования корпоративных заемщиков получили распространение на рынке с 2008 г. и с 2005 г. соответственно. Они регулируются на основе Руководства по межбанковским облигациям Национальной ассоциацией институциональных инвесторов финансового рынка, саморегулируемым агентством, действующим при НБК. Не требуя специального разрешения со стороны регулятора, эти долговые бумаги выпускаются на основе регистрации и обращаются исключительно на межбанковском рынке, формируя в общей сложности до $^1/_3$ китайского рынка кредитных облигаций и составляя 9% общей суммы непогашенных облигационных займов.

В дополнение к представленным выше видам ценных бумаг, формирующим в общей сложности до 80% рынка кредитных облигаций, последний включает также россыпь менее ходовых финансовых инструментов, включая ценные бумаги, обеспеченные активами, коллективные ноты малых и средних предприятий, «зеленые» облигации, конвертируемые облигации и т.д. Что касается инвесторов, то в отличие от рынка государственных и финансовых облигаций здесь доминируют схемы коллективного инвестирования. Покупатели кредитных облигаций представлены инвестиционными фондами (свыше 60% находящихся в обращении бумаг), коммерческими банками (20–30%), компаниями по ценным бумагам (до 10–12%) и страховыми компаниями (5–7%)[19].

Акции

Акции китайских компаний обеспечивают 85% совокупного биржевого и внебиржевого оборота ценных бумаг в КНР. В 2019 г. за счет эмиссии акций китайские компании (в том числе зарегистрированные за рубежом) мобилизовали инвестиционные средства на общую сумму в 2 трлн 365 млрд юаней против 293 млрд юаней в 2010 г. и 101 млрд юаней в 2005 г.[20]. Таким образом, перспективы дальнейшего развития рынка ценных бумаг в Китае в значительной мере связаны с развитием акционерной формы организации предприятий и увеличением роли акций как финансового инструмента.

По состоянию на начало 2021 г. на фондовом рынке КНР котировались акции 4154 акционерных компаний (в 1995 г. в стране насчитывалось 323 таких компаний, в 2005 г. — 1381). Наибольшим спросом в КНР пользуются акции предприятий, работающих в электроэнергетике, энергетическом машиностроении, угледобывающей и нефтехимической промышленности, черной и цветной металлургии, морском и воздушном транспорте, а также в сфере информационных технологий[21].

Большинство из зарегистрированных на рынке компаний непосредственно принадлежат государству либо контролируются им. Среди них такие крупнейшие банки и компании, как Промышленно-торговый банк Китая (рыночная капитализация в 2024 г. — 269 млрд долл.), крупнейшая в КНР страховая компания *China Life Insurance Company* (96 млрд долл.), Банк Китая (178 млрд долл.), Китайская госу-

дарственная нефтехимическая корпорация (103 млрд долл.), Шанхайский международный порт (19 млрд долл.), крупнейший в стране Баошаньский металлургический комбинат (21 млрд долл.), Дацинская железная дорога (18 млрд долл.), ведущий оператор телефонной связи *China Unicom* (21 млрд долл.), крупнейшая энергогенерирующая компания «Хуанэн» (18 млрд долл.), Шанхайский автомобильный завод *SAIC Motor Corporation* (22 млрд долл.), крупнейший в стране частный коммерческий банк «Миньшэн» (23 млрд долл.), ведущая угледобывающая компания «Шэньхуа» (118 млрд долл.) и т.д.[22]. В целом почти 65% зарегистрированных на рынке акционерных обществ представлены промышленными предприятиями, 9% — предприятиями инфраструктуры, 8% — торговыми компаниями, 2% — компаниями в сфере недвижимости.

Перечисленные выше государственные акционерные компании отличаются от государственных предприятий в общепринятом понимании тем, что они прошли частичную приватизацию в рамках реализации политики акционирования. При этом в интересах сохранения контроля над государственной собственностью и предотвращения неуправляемого перетекания активов к частным, в том числе иностранным, инвесторам государство сохранило за собой владение контрольными пакетами акций большинства государственных акционерных компаний.

С этой целью акции подлежащих акционированию государственных предприятий были распределены на три группы:

— акции государства, не подлежащие обращению на бирже и представляющие собственность государства в лице провинциальных либо центральных органов управления госимуществом в зависимости от уровня подчинения компании-эмитента;
— акции юридических лиц, принадлежащие материнской государственной компании и соучредителям компании-эмитента. Эти акции также не подлежат торговле на бирже, но могут при необходимости перемещаться между юридическими лицами во внебиржевом обороте;
— рыночные, или торгуемые, акции (называемые также *free-float*), предназначенные для продажи индивидуальным и институциональным инвесторам с обращением на фондовой бирже.

Доля нерыночных акций в совокупном капитале китайских компаний изначально составляла $^2/_3$, при этом доля акций, закрепленных собственно за государством, колебалась вокруг отметки в 45%, свидетельствуя о высоком уровне огосударствления китайского рынка акций[23]. Отсюда разница между общей капитализацией фондового рынка, охватывающей как торгуемые, так и неторгуемые акции, и аналогичным показателем для торгуемых акций, являющихся источником реального финансирования для государственных акционерных компаний.

Торгуемые акции, в свою очередь, распределяются по нескольким категориям, различающимся по ряду характеристик, включая тип компании-эмитента, местоположение листинга и обращения акций, валюту номинала и платежа, степень доступности и др. Результатом всего этого является так называемая сегментация ки-

тайского рынка акций. При этом, чтобы охватить более широкий круг инвесторов, отдельные компании размещают акции сразу нескольких категорий на разных фондовых биржах, как в КНР, так и за ее пределами (см. табл. 14).

Таблица 14

Основные инструменты акционерного финансирования

	Регистрация компании-эмитента	Выпуск и обращение акций	Валюта номинала*	Валюта платежа*	Доступность для инвесторов КНР	Доступность для иноинвесторов	Дополнительные сведения
A-акции	КНР	КНР	RMB	RMB	полная	ограниченная	распределение акций компании-эмитента на торгуемые и неторгуемые (акции государства и юридических лиц)
B-акции	КНР	КНР	RMB	USD, HKD	при наличии валютных счетов	полная	распределение акций компании-эмитента на торгуемые и неторгуемые (акции государства и юридических лиц)
H-акции	КНР	Гонконг	HKD	HKD	при наличии валютных счетов	полная	эмитент — государственная компания; требуется разрешение регулятора на выпуск акций в Гонконге
N-акции	вне КНР	вне	USD	USD	при на-	полная	получение в

		КНР			личии валютных счетов		КНР свыше 50% дохода компании-эмитента
«Красные фишки»	Гонконг	Гонконг	HKD	HKD	при наличии валютных счетов	полная	контроль КНР не менее 30% капитала компании-эмитента, получение в КНР свыше 50% дохода компании-эмитента
«Р-фишки»	Гонконг	Гонконг	HKD	HKD	при наличии валютных счетов	полная	эмитент — частная компания в собственности граждан КНР, получение в КНР свыше 50% дохода компании-эмитента

* Аббревиатуры: RMB — юани КНР; USD — доллары США; HKD — гонконгские доллары.

Источники: *Huld A.* China's Stock Markets — An Introductory Guide for Foreign Investors // China Briefing: [site]. 2021. September 24. URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-stock-markets-an-introductory-guide-for-foreign-investors/ (accessed: 12.07.2023) ; China's Capital Markets. The Changing Landscape. Hong Kong: KPMG, 2011. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2011/08/China-Capital-Markets-FTSE-201106.pdf (accessed: 10.06.2023).

Акции типа «А» (А-акции) составляют подавляющую часть (свыше 90%) акций, находящихся в биржевом обороте КНР. Это акции зарегистрированных в КНР компаний, номинированные и торгуемые в юанях на фондовых биржах Шанхая и Шэньчжэня. Первоначально они были доступны исключительно для национальных инвесторов, но впоследствии при помощи ряда китайских коммуникационных программ были открыты и для внешнего инвестирования. Однако, поскольку для участия в этих программах иностранным инвесторам необходимо соответствовать определенным квалификационным требованиям китайской стороны, нельзя считать

А-акции в полной мере доступными для инвесторов из-за рубежа. Львиную долю (75%) капитализации рынка А-акций обеспечивают государственные предприятия[24].

Акции типа «В» (В-акции) с 1992 г. выпускаются китайскими предприятиями для продажи за иностранную валюту на фондовых биржах КНР. Они номинированы в юанях, но торгуются в долларах США (на Шанхайской фондовой бирже) и в гонконгских долларах (на Шэньчжэньской фондовой бирже). Примерами компаний с В-акциями являются авиакомпания *Hainan Airlines*, а также и крупнейший застройщик недвижимости компания «Ванькэ».

Изначальная ориентация В-акций исключительно на иностранных инвесторов обусловила ограничение спроса на этот финансовый продукт и как следствие — его низкую стоимость и небольшие объемы торгов. С 2001 г. В-акции стали доступны и для внутренних инвесторов, имеющих счета в иностранной валюте. Однако это не способствовало повышению интереса на рынке. Количество акций типа «В» несравненно меньше числа акций типа «А». В 2020 г. при наличии свыше 4 тыс. компаний, прошедших листинг на фондовых биржах КНР, на этих торговых площадках обращалось лишь 93 разновидности В-акций[25]. Капитализация В-акций обеспечивает менее 1% общей капитализации рынка акций КНР.

Отдельная группа акций предусмотрена для выпуска на зарубежных фондовых биржах компаниями, принадлежащими или контролируемыми юридическими либо физическими лицами КНР. Эти операции осуществляются с 1993 г. и регламентируются целым рядом государственных нормативных актов, включая «Специальное распоряжение Госсовета КНР об эмиссии и прохождении акционерными компаниями листинга за рубежом», «Обязательные требования к уставам компаний, осуществляющим листинг за рубежом», «Уведомление относительно порядка подачи предприятиями заявок на листинг за рубежом» и др. Для выхода на международный фондовый рынок компания, как правило, должна пройти через сложный и длительный процесс юридической и финансовой адаптации к международным требованиям и потратить немало времени для получения соответствующего разрешения ККЦБ.

В последние 20 лет зарубежные эмиссии приобрели большую популярность среди китайских компаний в силу целого ряда обстоятельств. Прежде всего, при размещении акций вне КНР отсутствует их внутреннее разделение на торгуемые и неторгуемые, что повышает финансовую отдачу от эмиссии. Кроме того, выпуск ценных бумаг за рубежом позволяет китайским компаниям не только привлечь дополнительные финансовые ресурсы в рамках устоявшегося и отлаженного рыночного механизма, но и приобрести современный опыт управления и найти свое место в международной конкурентной среде. Наконец, следует учитывать, что в Китае количество и перечень компаний, которые могут выйти на фондовые биржи с первичным размещением своих акций, ежегодно определяется государственным регулятором. Последний в силу своего статуса отдает негласное предпочтение крупным государственным компаниям. В этих условиях выход на зарубежные фондовые биржи, где нет подобных ограничений, представляет особый интерес для частных китайских фирм.

При этом среди целевых зарубежных рынков наибольшее предпочтение отдается Гонконгу, который, будучи крупным международным деловым центром с развитой финансовой инфраструктурой и собственной конвертируемой валютой, с 1997 г. является к тому же специальным административным районом КНР. Гонконг традиционно используется Китаем как важный финансовый хаб, через который проходят значительные инвестиционные и финансовые потоки.

Акции типа «H» (H-акции) — это котирующиеся на Гонконгской фондовой бирже акции компаний, зарегистрированных в КНР. H-акции номинированы и торгуются в гонконгских долларах и полностью доступны иностранным инвесторам. Не разрешается торговать H-акциями в КНР или конвертировать их в акции, обращающиеся на китайских фондовых биржах.

В 1993–2020 гг. без малого 300 предприятий КНР провели листинг своих H-акций на Гонконгской фондовой бирже. Среди китайских эмитентов выделяются крупные страховые компании, предприятия электронной промышленности, телекоммуникационные и энергетические компании, банки и т.д. Это такие лидеры рынка, как ведущий инвестиционный банк КНР *CITIC Securities*, крупнейшая пивоваренная компания *Tsingtao Brewery*, второй по величине производитель телекоммуникационного оборудования и мобильных телефонов в Китае *ZTE Corporation* и др.

Помимо H-акций на фондовой бирже Гонконга обращаются и другие разновидности ценных бумаг, эмитентами которых выступают аффилированные с КНР компании. Например, это так называемые «красные фишки» — акции компаний, которые зарегистрированы за пределами КНР, но при этом полностью или частично контролируются государственными структурами Китая и осуществляют основную часть своих деловых операций на его территории. Ярким образцом такой компании является, в частности, гигант электронной промышленности *Lenovo*. Чаще, однако, эмитентами «красных фишек» являются открытые в Гонконге дочерние компании государственных предприятий КНР. Обращающиеся в Гонконге акции частных китайских компаний с аналогичными характеристиками именуются «P-фишками».

Как свидетельствует практика, 40% объема сделок в Гонконге приходится на зарубежных инвесторов, 75% которых — граждане и компании стран Европы и США. Биржевые операции с ценными бумагами компаний КНР обеспечивают 55% оборота фондовой биржи Гонконга. Если в 2003 г. размеры первичного размещения акций китайских компаний на Гонконгской фондовой бирже составили 7,5 млрд долл. (85% общей суммы первичных размещений), то в 2005 г. — 18,8 млрд долл., а в 2006 г. — 33 млрд долл. В результате еще в 2006 г., опередив Нью-Йоркскую фондовую биржу, фондовая биржа Гонконга заняла второе (вслед за Лондоном) место в мире по размерам первичных размещений акций[26].

Впрочем, Гонконг не является единственным зарубежным центром эмиссионной активности китайских компаний. Свидетельством тому — распространение N-акций, котирующихся на Нью-Йоркской фондовой бирже (NYSE) и фондовой бирже NASDAQ в США, а также на других иностранных биржах. N-акции выпускаются компаниями, зарегистрированными за пределами КНР и получающими основную часть своего дохода в Китае. Примерами таких компаний являются *Alibaba Group* и *Baidu Inc*. Как первая, так и вторая компания зарегистрированы в офшорной зоне

на Каймановых островах, а их акции котируются на биржах NYSE и NASDAQ соответственно[27].

Помимо этого, на зарубежных фондовых рынках размещаются депозитарные расписки, представляющие собой производные ценные бумаги, выпускаемые крупными иностранными банками на акции китайских компаний-эмитентов. Этот метод позволяет малоизвестным на Западе китайским компаниям, минуя, как правило, весьма трудоемкую и дорогостоящую процедуру регистрации на зарубежных фондовых биржах, выйти на международный рынок ценных бумаг, повысить имидж и тем самым расширить круг покупателей своих ценных бумаг. Наиболее распространенными являются американские депозитарные расписки (ADR), выпускаемые на фондовых биржах США, и глобальные депозитарные расписки (GDR), обращающиеся в Лондоне, Сингапуре и т.д.

В целом еще в первом десятилетии XXI в. зарубежные эмиссии обеспечивали до 10% инвестиционных средств, привлекаемых компаниями КНР на рынке акций[28]. В 2021 г., по данным инвестиционного банка *Goldman Sach*s, капитализация всех акционерных компаний Китая составляла свыше 18 трлн долл., обеспечивая от 8 до 10% капитализации глобального рынка акций. При этом на фондовых биржах КНР торговались акции рыночной стоимостью в 14,3 трлн долл. Акции еще на 4 трлн долл. обращались за пределами Китая, в том числе около 3 трлн долл. в Гонконге и 1 трлн долл. — в США, а также в Сингапуре и Лондоне[29].

Инфраструктура и участники фондового рынка

Нормативное регулирование фондового рынка в КНР осуществляется при помощи многочисленных актов различной юридической силы и ведомственной принадлежности, предусматривающих применение целого ряда административных, юридических и экономических мер с целью гарантировать как защиту законных прав эмитентов ценных бумаг, так соблюдение интересов инвесторов. Основополагающее значение имеет Закон КНР о ценных бумагах, вступивший в силу в 1999 г. после длительного (шесть лет) обсуждения. Закон регламентирует выпуск и обращение на территории КНР акций, облигаций, паев инвестиционных фондов и иных юридически признанных видов ценных бумаг. В Законе установлены требования к публичной (открытой) подписке на ценные бумаги, биржевому листингу компаний-эмитентов, раскрытию ими необходимой информации о своем юридическом статусе, финансовом положении, системе корпоративного управления и т.д. Закон вводит понятие инсайдерской торговли и инсайдерской информации, определяет перечень лиц, имеющих доступ к чувствительным сведениям такого рода. Наконец, в Законе регламентируются вопросы профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, правовой статус и правовой режим деятельности саморегулируемых организаций, процедуры надзора и контроля за рынком ценных бумаг.

Положения Закона подкрепляются и конкретизируются в подзаконных актах Госсовета КНР, Народного банка Китая и Комитета по контролю за ценными бумагами, регламентирующих вопросы статуса различных участников рынка, функционирования отдельных торговых площадок, процедуры выпуска, регистрации, учета

прав по ценных бумагам и т.д. («Заключения Госсовета КНР о дальнейшем повышении качества листинговых компаний», «Правила ККЦБ „Об управлении фондовыми биржами“», «Требования к содержанию и формату раскрытия информации нелистинговыми компаниями» и т.д.). Большое значение имеют также локальные правовые акты фондовых бирж: торговые правила Шанхайской фондовой биржи, правила Шэньчжэньской фондовой биржи «Об управлении листингом» и др.

Главным органом регулирования фондового рынка в КНР является созданный в 1992 г. Комитет по контролю за ценными бумагами (ККЦБ), государственное учреждение министерского уровня, непосредственно подчиненное Госсовету КНР и выполняющее широкий круг обязанностей по надзору и администрированию рынка ценных бумаг. В их числе, в частности:

— разработка государственной политики развития рынка ценных бумаг и подготовка соответствующей нормативной базы;
— регуляторный надзор и вертикальное управление рынками ценных бумаг и институтами их регулирования;
— надзор за выпуском, листингом, торговлей, хранением и расчетами по акциям, корпоративным облигациям и другим ценным бумагам, находящимся в ведении ККЦБ, включая зарубежный выпуск и листинг акций отечественными предприятиями;
— надзор за деятельностью фондовых бирж и ассоциаций участников рынка ценных бумаг;
— лицензирование и контроль деятельности всех профессиональных участников рынка ценных бумаг (брокеры, дилеры, инвестиционные консультанты и др.), а равно и контроль за соблюдением ими действующих правил и предписаний;
— контроль за передачей информации о ценных бумагах и управление статистикой и информационными ресурсами для рынков ценных бумаг;
— расследование действий, нарушающих соответствующие законы и нормативные акты о ценных бумагах, и наказание субъектов рынка, допустивших такие нарушения[30].

В целом, располагая региональными бюро во всех провинциях, автономных районах, городах центрального подчинения и городах центрального планирования, а также специальными надзорными бюро на фондовых биржах в Шанхае и Шэньчжэне, ККЦБ обеспечивает всеобъемлющее влияние государства на развитие фондового рынка КНР. Являясь формально саморегулируемыми организациями, фондовые биржи полностью подконтрольны ККЦБ, в компетенцию которого входит принятие кадровых решений в отношении не только их высшего, но и среднего управленческого персонала.

От ККЦБ всецело зависят процессы эмиссии и обращения ценных бумаг. Высокая централизация и государственное регулирование фондового рынка воплощаются в системе ежегодного квотирования объемов публичных размещений акций. ККЦБ также ведает отбором компаний-претендентов на проведение эмиссий, а при необходимости в интересах стабилизации рынка может на определенное время приостанавливать новые публичные размещения, вводить мораторий на продажу

бумаг обладателями крупных инвестиционных портфелей, на торговлю акциями тех или иных компаний и т.д.[31].

Посредством разветвленной системы лицензирования ККЦБ контролирует деятельность всех профессиональных участников рынка ценных бумаг и объектов вспомогательной инфраструктуры (СМИ, аудиторы, юристы). Работая с использованием прямых административных предписаний, ККЦБ действует весьма жестко и решительно. За нарушение установленных правил с участников рынка взыскиваются крупные штрафы, налагаются пени, запреты на торговлю и иные наказания вплоть до тюремного заключения*.

Систему управления фондовым рынком КНР дополняют саморегулируемые организации профессиональных участников рынка, такие, как, например, Ассоциация по ценным бумагам Китая. Помимо прочего они осуществляют разработку правил и этических норм профессиональной деятельности, а также общественный контроль за их применением. Вместе с тем и эта деятельность также, как правило, подконтрольна ККЦБ.

В соответствии с Законом КНР о ценных бумагах и Законом КНР о компаниях акционерное общество, желающее провести первичное публичное размещение своих ценных бумаг (далее IPO — initial public offering), должно предварительно получить разрешение ККЦБ. Выполнение этих требований, а также представление ряда обязательных документов (решение общего собрания акционеров, устав, финансовая отчетность за последние три года и т.д.) позволяет акционерному обществу подписать соглашение о листинге и осуществить публичное размещение акций на одной из фондовых бирж Китая. В Китае действуют два основных фондовых рынка: Шанхайская фондовая биржа и Шэньчжэньская фондовая биржа.

Шанхайская фондовая биржа (далее — ШФБ) — первая открытая в КНР современная фондовая биржа, торги на которой начались в декабре 1990 г. За прошедшие три с лишним десятилетия она сильно выросла и стала крупнейшей фондовой биржей в Азии и третьей по величине в мире по рыночной капитализации, которая по состоянию на сентябрь 2021 г. составляла 50,6 трлн юаней (7,8 трлн долл.). Специализацией ШФБ являются ценные бумаги крупнейших предприятий стратегических отраслей экономики КНР. В начале 2022 г. на ШФБ котировались акции 2057 компаний, включая А- и В-акции, корпоративные и государственные облигации, фонды и производные финансовые инструменты (всего — 2099 наименований).

ШФБ представляет собой бесприбыльную некоммерческую организацию, основными функциями которой являются: а) обеспечение торговой площадки и создание условий для торговли ценными бумагами; б) определение правил биржевой торговли; в) организация допуска ценных бумаг к официальной биржевой торговле (лис-

* В 2018 г., например, ККЦБ взыскал с компании по ценным бумагам беспрецедентный по размерам штраф в 5,67 млрд юаней (примерно 900 млн долл.) за манипулирование ценами на акции банков, прошедших биржевой листинг. В 2017 г. руководитель отдела первичного публичного размещения акций Шэньчжэньской фондовой биржи по обвинению в коррупции был приговорен к пожизненному тюремному заключению. См.: Комиссия по регулированию ценных бумаг Китая (CSRC) // NESrakonk.ru: [сайт]. URL: https://nesrakonk.ru/csrc/?ysclid= htbnfqnme819126354 (дата обращения: 12.04.2023).

тинг); г) организация биржевой торговли и контроль за ее осуществлением; д) регулирование деятельности участников фондовой биржи (брокеров) и прошедших листинг компаний-эмитентов; е) сбор, систематизация и распространение биржевой информации.

В соответствии со своим функционалом ШФБ имеет полтора с лишним десятка подразделений, включая департаменты листинга, торговых операций, рыночного мониторинга, правовых вопросов, глобализации деловых операций, исследовательский и информационный центры и т.д. Функции центрального депозитария, а также регистрационной и клиринговой палат выполняет аффилированная с ШФБ Китайская государственная депозитарно-клиринговая компания.

Торговая площадка ШФБ по своим масштабам (3,6 тыс. кв. м) является крупнейшей в Азиатско-Тихоокеанском регионе. ШФБ оснащена передовой компьютерной техникой и программным обеспечением, уже в начале 2010-х годов позволявшим ежедневно принимать до 180 млн заявок на покупку и продажу ценных бумаг и осуществлять до 350 млн транзакций, обрабатывая максимально до 90 тыс. заявок в секунду. Заказы от брокеров (как с торговой площадки, так и через интернет) принимаются к исполнению автоматически с учетом времени поступления и размера запрошенной операции.

ШФБ обладает собственной спутниковой, телекоммуникационной и оптоволоконной связью, оснащенной самым современным оборудованием и охватывающей всю территорию страны. Все это позволяет ШФБ в режиме реального времени обеспечивать всестороннее наблюдение и контроль за рыночной деятельностью, а также распространять актуальную биржевую информацию по всей стране и за рубежом[32].

Компания, претендующая на биржевой листинг в Шанхае, должна работать на рынке свыше трех лет и при этом отвечать определенному набору базовых требований. Ее уставный капитал должен составлять не менее 50 млн юаней, а размещаемые на открытом рынке акции должны соответствовать не менее 25% стоимости ее акционерного капитала (для компаний с уставным капиталом более 400 млн юаней — не менее 10%). Компания не должна быть замешана в каких-либо правонарушениях или в фальсификации отчетности в последние три года. Обязательным требованием является также безубыточная работа компании–эмитента в течение по меньшей мере трех лет, предшествующих эмиссии акций. Компании, зарегистрированные на ШФБ, обязаны представлять годовой аудиторский отчет, а также квартальные отчеты, которые могут быть неаудированными[33].

Сводный индекс ШФБ по А- и В-акциям, известный как *Shanghai Composite,* является наиболее часто используемым индикатором, отражающим рыночные показатели биржи. В состав этого индекса входят все акции, котирующиеся на ШФБ, и в нем большой удельный вес имеют компании традиционных секторов, включая банковский сектор и энергетику. Базовое значение индекса равно 100 пунктам и отражает общую рыночную капитализацию всех акций, котировавшихся на бирже в день начала отсчета — 19 декабря 1990 г. В конце 2021 г. значение индекса *Shanghai Composite* достигло 3639,8 пункта, среднегодовая доходность акций в 1997–2021 гг. составила 4,7% (2,9% с учетом инфляции).

Таблица 15

Китай в рейтинге фондовых рынков мира, 2020 г.

По странам и регионам				По фондовым биржам		
Место	Страна	Регион	Рыночная капитализация, млрд долл.		Фондовая биржа	Рыночная капитализация, млрд долл.
1	США	Сев. Америка	45 293,1	1	NYSE Euronext, США	26 232,7
2	Китай	Азия	12 214,5	2	NASDAQ	19 060,4
3	Япония	Азия	6 718,2	3	Шанхайская фондовая биржа	6 976,0
4	Гонконг	Азия	6 130,4	4	Токийская фондовая биржа	6 718,2
5	Франция	Европа	5 443,9	5	Гонконгская фондовая биржа	6 130,4
6	Великобритания	Европа	4 045,6	6	NYSE Euronext, Европа	5 443,9
7	Канада	Сев. Америка	2 608,4	7	Шэньчжэньская фондовая биржа	5 238,5
8	Германия	Европа	2 284,1	8	Лондонская фондовая биржа	4 045,6
9	Южная Корея	Азия	2 284,1	9	Торонтская фондовая биржа	2 608,4
10	Швейцария	Европа	2 001,6	10	Национальная фондовая биржа Индии	2 552,5

Источник: China Securities Regulatory Commission Annual Report 2020. Beijing: China Financial and Economic Publishing House, 2021. P. 26. URL: http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102063/c1606114/1606114/files/CSRC%20Annual%20Report%202020.pdf (accessed: 22.05.2023).

В отличие от ШФБ Шэньчжэньская фондовая биржа (далее — ШЧФБ) изначально ориентирована на малый и средний бизнес. Она базируется в г. Шэньчжэнь (пров. Гуандун), на территории первой и наиболее успешной особой экономической зоны Китая, непосредственно граничащей с Гонконгом. Запущенная вскоре после ШФБ, эта фондовая биржа, используя льготный инвестиционный режим особой экономической зоны, быстро выросла и, как свидетельствует табл. 15, к началу третьего десятилетия XXI в. стала седьмой по величине в мире с рыночной капитализацией в 37,4 трлн юаней (5,7 трлн долл., по состоянию на сентябрь 2021 г.).

ШЧФБ, уступая Шанхайской фондовой бирже по капитализации, превышает ее по числу прошедших листинг компаний и количеству IPO. В 2022 г. здесь котировались акции 2600 компаний и 14 тыс. наименований ценных бумаг. ШЧФБ предлагает своим участникам торговлю А- и В-акциями, фондами, ценными бумагами, обеспеченными активами, облигациями и опционами. Индекс *Shenzhen Composite* отражает состояние 500 крупнейших компаний, зарегистрированных на бирже. Базовые квалификационные требования к компаниям, претендующим на листинг, определены ККЦБ и по своему содержанию аналогичны правилам, действующим на ШФБ[34].

Помимо этого в соответствии требованиями биржи компании, желающие зарегистрироваться на ШЧФБ, должны:

— иметь устойчивую финансовую базу, уровень которой измеряется чистыми активами или выручкой;
— иметь высокие финансовые показатели, отвечающие одному из следующих требований: а) предполагаемая рыночная стоимость компании-эмитента составляет не менее 1 млрд юаней, чистая прибыль за последний год положительная, а операционный доход составляет не менее 100 млн юаней; б) предполагаемая рыночная стоимость составляет не менее 5 млрд юаней, а операционный доход за последний год не менее 300 млн юаней;
— иметь структурированное корпоративное управление. Финансовая отчетность эмитента должна соответствовать Стандартам бухгалтерского учета для коммерческих предприятий и правилам раскрытия информации, детально отражая его финансовое положение, результаты операций и движение денежных средств за последние три года;
— обеспечивать своевременное и полное раскрытие финансовой и прочей информации, а также соблюдать все нормативные требования к отчетности.

Большинство участников фондового рынка КНР представлены индивидуальными (розничными) инвесторами, зарегистрированными непосредственно на биржах. В 2000–2020 гг. общая численность счетов, открытых такими инвесторами для ведения биржевых операций, увеличилась с 61,5 млн до 177,8 млн ед. По оценке инвестиционного банка *Goldman Sachs*, на долю розничных инвесторов приходится до 70% оборота торгуемых акций китайских предприятий, что является одним из самых высоких показателей в мире. Учитывая, что общие размеры накопленных инвестиционных активов населения КНР оцениваются международными экспертами в 80–90 трлн юаней (2012 г.), дальнейшее привлечение индивидуальных инвесторов к операциям с ценными бумагами способно оказать существенное стимулирующее воздействие на динамику развития фондового рынка КНР и в конечном итоге экономики страны в целом.

Вместе с тем по своей природе индивидуальные инвесторы, как правило, не в состоянии профессионально оценить ситуацию на рынке и тенденции ее развития, диверсифицировать риски и, как следствие, ориентируются в первую очередь на

краткосрочный финансовый результат*. Все это ставит под вопрос качество определения цен, лишает рынок необходимой устойчивости, делает его весьма чувствительным к разнообразным внешним воздействиям, не исключая и чисто субъективных психологических факторов. На фондовом рынке КНР средняя оборачиваемость акций достигает 200% в год, по меньшей мере вдвое превышая аналогичный показатель на биржах развитых стран[35].

Этим во многом объясняется высокая волатильность китайского рынка акций. Наиболее ярким примером является биржевой обвал 2008 г., когда вслед за продолжительным биржевым бумом 2006–2007 гг. капитализация китайского фондового рынка рухнула со 133 до 40% ВВП. Впрочем, дальнейший ход событий также не отличался особой стабильностью. В 2011–2022 гг. показатель рыночной волатильности по Китаю (индекс VIX) трижды зашкаливал за уровень выше 50 пунктов. Этот индикатор считается «спокойным» при значениях в 15–20 пунктов, превышение 45 пунктов свидетельствует о широком распространении среди инвесторов тревоги и опасений обвала рынка. В целом, пережив новые серьезные падения котировок в 2015 и 2018 гг., фондовые рынки Китая в эти годы характеризовались гораздо большей волатильностью, чем в предыдущие полтора десятилетия.

Не случайно в отличие от ситуации в КНР на зрелых фондовых рынках преимущество имеют крупные институциональные инвесторы с просчитанной инвестиционной стратегией, диверсифицированным составом инвестиций и, соответственно, высокой устойчивостью по отношению к рыночным рискам. В Гонконге, например, удельный вес индивидуальных инвесторов в обеспечении биржевого оборота не превышает 20%[36]. Таким образом, перспективы развития фондового рынка КНР тесно связаны с увеличением роли институциональных инвесторов, которые покупают, продают и управляют акциями, облигациями и другими инвестиционными ценными бумагами от имени своих клиентов, участников или акционеров.

Компании по ценным бумагам. В КНР последовательно совершенствуется инфраструктура биржевой торговли, расширяется сеть биржевых посредников, Если в 1992 г. в стране действовало лишь 3 брокерских компании, то в 2005 г. — уже 130 аналогичных специализированных компаний по ценным бумагам, открывших свыше 3000 пунктов обслуживания клиентов по всей стране, с общим числом занятых свыше 100 тыс. человек[37]. Это явилось прямым следствием принятия в 1995 г. Закона КНР о коммерческих банках, запретившего последним выполнение брокерских и дилерских функций на рынке ценных бумаг.

Успешная работа на фондовых биржах открыла для многих брокерских контор возможность дополнительно мобилизовать крупные ресурсы для развития биржевых операций. В январе 2006 г. ККЦБ предоставил брокерским компаниям право финансового обслуживания биржевых операций своих клиентов в размере, десятикратно превышающем их чистые активы; разрешил им осуществлять самостоятель-

* По оценке иностранных исследователей, около 60% индивидуальных инвесторов в Китае не имеют среднего образования (*Shrivastava R.*, *Lee J.H.*, *Mussali G.D.* Factor Investing in the China A-Share Market: Revelations from a Contextual Alpha Model // Chartered Alternative Investment Analysis Association: [site]. 2019. Quarter 3. P. 38–39). URL: https://caia.org/sites/default/files/factor_investing_in_the _china_a-share_market.pdf (accessed: 07.07.2023)..

ные биржевые операции на сумму, в два раза большую, чем их чистые активы, а также открыл для них возможность выступать в качестве управляющих компаний инвестиционных фондов, аккумулируя средства индивидуальных инвесторов в размере, десятикратно превышающем их чистые активы. Одновременно повышались требования к брокерским компаниям в отношении качества, прозрачности и диверсификации их активов, усиливался государственный контроль за их бизнесом с целью оздоровления либо устранения с рынка «проблемных» биржевых посредников. Все это привело к становлению компаний по ценным бумагам в качестве крупных институциональных инвесторов, стимулировало их дальнейший рост.

Компании по ценным бумагам подразделяются в КНР на консолидированные (универсальные) и брокерские, количественное соотношение между которыми составляет примерно 1 : 4. Большинство консолидированных компаний являются государственными акционерными обществами, многие из них обладают значительной капитализацией. Только компаниям консолидированного типа разрешено наряду с торговлей ценными бумагами осуществлять управление инвестициями для клиентов[38]. В то время как доля собственных инвестиций компаний по ценным бумагам остается небольшой, бизнес по управлению клиентскими инвестициями имеет внушительные масштабы и хороший потенциал роста.

В целом в конце второго десятилетия XXI в. в КНР действовало в общей сложности 138 компаний по ценным бумагам, стоимость чистых активов которых в 2020 г. составила 2,3 трлн юаней, а размеры чистой прибыли за год — 157,5 млрд юаней[39]. Начиная со второй половины 2010-х годов на компании по ценным бумагам стабильно приходится примерно 1% общей капитализации рынка акций и 3% капитализации акций в свободном обращении.

Инвестиционные фонды. В соответствии с проводимой ККЦБ политикой развития рынка финансовых услуг и повышения роли крупных институциональных инвесторов поощряется создание и деятельность различных механизмов коллективного инвестирования, и прежде всего инвестиционных фондов. Начало практическому осуществлению этого курса было положено в 1997 г. с принятием ККЦБ «Временных правил по управлению инвестиционными фондами ценных бумаг» и созданием пяти первых управляющих компаний — *China Southern*, *Goutai*, *Bosera*, *China Asset Management*, *HuaAn Asset Management*.

В сентябре 2001 г. управляющей компанией *HuaAn* был зарегистрирован первый публичный инвестиционный фонд открытого типа, в сентябре 2002 г. — первый облигационный фонд, в ноябре 2002 г. — первый индексный фонд, а в декабре 2003 г. — первый фонд денежного рынка. Параллельно с этим было введено правило, предусматривающее распределение в подобные фонды как минимум 20% выпуска акций в рамках всех новых IPO[40]. Это с самого начала обусловило успешную работу фондов: за 2003 г. их средняя доходность составила 14%, поднимаясь в отдельных случаях до 30% (для сравнения — уровень процентной ставки по срочным банковским депозитам в этот период составлял 1,98 — 2,79% годовых). Отсюда быстрое расширение масштабов деятельности компаний по управлению активами и контролируемых ими инвестиционных фондов.

В октябре 2003 г. был принят Закон КНР об инвестиционных фондах ценных бумаг, установивший принципы регулирования и операционные рамки для откры-

тых и закрытых паевых инвестиционных фондов. Тем самым развитие китайской индустрии управления активами было поставлено на солидную юридическую основу, что способствовало ее дальнейшему росту. В 2007 г. в КНР насчитывалось 346 инвестиционных фондов, владевших 35% рыночной стоимости торгуемых акций типа «А»[41]. В 2010–2020 гг. количество действующих в КНР управляющих компаний увеличилось с 60 до 133, число подконтрольных им инвестиционных фондов выросло в десять с лишним раз — с 704 до 7490, а стоимость чистых активов этих фондов возросла с 2,5 до без малого 20 трлн юаней (см. табл. 16). В одном только 2020 г. в КНР было запущено 1412 публичных инвестиционных фондов, в которые инвесторы суммарно вложили свыше 5 трлн юаней.

На китайском рынке доминируют публичные паевые инвестиционные фонды открытого типа, 80–90% средств которых обеспечивают частные вкладчики[42]. При этом 46% ПИФов размещают аккумулируемые ими ресурсы в акции китайских компаний, 21% — в облигации, 18% — в смешанные (акции/облигации) активы[43]. В целом, однако, несмотря на быстрый количественный рост инвестиционных фондов, их удельный вес в общей капитализации рынка торгуемых (*free-float*) акций со временем имеет тенденцию к снижению, составив в 2018 г. 6,3% против 17,7% в 2009 г.[44]. Причиной этого является как опережающий рост капитализации рынка акций, так и появление на рынке альтернативных разновидностей институциональных инвесторов.

Таблица 16

Развитие фондового рынка КНР (1995–2020)

	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2019 г.	2020 г.
Число прошедших листинг акционерных компаний (ед.)	323	1088	1 381	2063	2827	3777	4154
Общая рыночная капитализация А- и В-акций (млрд юаней)	347	4809	3245	26 542	53 146	59 308	79 724
Капитализация А- и В-акций в свободном обращении (млрд юаней)	94	1609	1064	19 311	41 788	48 346	64 310
Выпуск А- и В-акций (млрд юаней)	…	…	34	980	1636	1254	1422
Биржевой оборот А- и В-акций (млрд юаней)	404	6083	3167	54 563	255 054	127 419	206 825
Выпуск облигаций (млрд юаней)	181	639	1591	4999	22 872	45 161	56 884

Непогашенные облигации (млрд юаней)	565	2126	4848	16 188	48 345	98 807	116 546
Биржевой оборот гос. облигаций (млрд юаней)*	…	416	…	585	3 446	8353	20 179
Оборот межбанковского рынка гос. облигаций (млрд юаней)*	…	…	2 837	…	9 930	34 788	46 707
Сводный индекс Шанхайской фондовой биржи (на конец года)	…	2073,5	1161,1	2808,1	3539,2	3050,1	3473,1
Сводный индекс Шэньчжэньской фондовой биржи (на конец года)	…	625,7	273,8	1290,9	2308,9	1772,9	2329,4
Частные инвестиционные счета (млн. ед.)	12,9	61,5	73,4	133,9	214,8	160,6	177,8
Инвестиционные фонды (ед.)	…	34	218	704	2723	6111	7490
Стоимость чистых активов инвестиционных фондов (млрд юаней)	…	56	471	2520	8 397	14 767	19 852
Биржевой оборот инвестиционных фондов (млрд юаней)	…	247	77	900	15 269	9 168	13 623

* Без учета операций РЕПО.

Источники: China Financial Stability Report 2012. Beijing: China Financial Publishing House, 2012. P. 216, 219, 220 URL: https://pbc.gov.cn/eportal/fileDir/image_public/UserFiles/english/upload/File/China Financial Stability Report(1).pdf (accessed: 15.04.2023); China Financial Stability Report 2021. Beijing: China Financial Publishing House, 2021. P. 136,137, 140. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688235/3688414/3710021/4387489/4387862/2021111218122982083.pdf (accessed: 15.04.2023); China Securities Regulatory Commission Annual Report 2007. Beijing: China Financial and Economic Publishing House, 2008. P. 70. URL: http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102062/c1372570/1372570/files/P020090225568828752524.pdf (accessed: 22.05.2023) ; China Securities Regulatory Commission Annual Report 2008. Beijing: China Financial and Economic Publishing House, 2009. P. 49. URL: http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102063/c1372584/1372584/files/P020090701496625000834.pdf (accessed: 22.05.2023); China Securities Regulatory Commission Annual Report 2010. Beijing: China Financial and Economic Publishing House, 2011. P. 121. URL: http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102063/c1372582/1372582/files/P020120315575855936801.pdf (accessed: 22.05.2023);

China Securities Regulatory Commission Annual Report 2019. Beijing: China Financial and Economic Publishing House, 2020. P. 85. URL: http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102063/c1606308/1606308/files/CSRC%20Annual%20Report%202019.pdf (accessed: 22.05.2023); China Securities Regulatory Commission Annual Report 2020. Beijing: China Financial and Economic Publishing House, 2021. P. 103. URL: http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102063/c1606114/1606114/files/CSRC%20Annual%20Report%202020.pdf (accessed: 22.05.2023).

Страховые компании. С целью оживления фондового рынка, увеличения его емкости и глубины в Китае последовательно стимулируется и либерализуется инвестиционная деятельность страховых компаний. В 1999 г. Комитет по контролю за страховой деятельностью Китая разрешил страховым компаниям и учрежденным ими дочерним управляющим компаниям, используя посредничество паевых инвестиционных фондов, размещать на фондовом рынке до 15% страховых активов[45]. Учитывая внушительные размеры этих активов (в 2004 г. — 1,2 трлн юаней), а также их средне- и долгосрочный характер, китайские страховщики в течение четырехпяти лет заняли заметное место на национальном фондовом рынке, обеспечив около 30% вложений в паевые инвестиционные фонды[46].

В 2003 г. правительство, следуя принятому политическому курсу, разрешило страховым компаниям напрямую, минуя ПИФы, дополнительно размещать на фондовом рынке до 5% своих активов. Таким образом, предельные размеры инвестиций страховых компаний были повышены с 15 до 20% их финансовых активов. В число ценных бумаг, разрешенных для инвестирования, помимо безрисковых казначейских обязательств вошли облигации предприятий.

В 2004 г. страховые компании получили право вкладывать средства в акции китайских компаний. В 2013 г. страховые управляющие компании, помимо работы с инвестиционными активами своих материнских компаний, получили право создавать фонды для физических лиц и тем самым существенно расширили свои финансовые возможности. Перечень разрешенных видов инвестиционной активности был дополнительно распространен на прямые инвестиции в капитал непубличных компаний, инфраструктурные проекты и недвижимость. Наконец, в 2014 г. Комитет по контролю за страховой деятельностью повысил предельную долю активов, которые страховые компании могут инвестировать в ценные бумаги, до 30%[47].

Что касается распределения инвестиций страховых компаний, то 45% их общей суммы вкладывается в облигации и 10% — в акции и биржевые фонды[48]. С учетом внушительного роста взимаемых в КНР страховых премий (в 2019 г. — 4,3 трлн юаней) на долю страховых компаний приходится 3,5% общей капитализации китайского рынка акций и 9% капитализации акций в свободном обращении.

Пенсионные фонды. Система пенсионного обеспечения в КНР охватывает государственные фонды социального страхования, функционирующие на местном и общенациональном уровнях, а также пенсионные фонды предприятий (корпоративные аннуитеты). Находясь в ведении местных (провинциальных) правительств, региональные пенсионные фонды могут инвестировать свои средства только в низкодоходные банковские депозиты и государственные облигации. Соответственно, их роль на рынке ценных бумаг малоощутима.

В отличие от этого Национальный фонд социального обеспечения (далее — НФСО) имеет возможность направлять находящиеся в его распоряжении средства на фондовый рынок. Это стратегический резервный фонд, созданный в 2000 г. на общегосударственном уровне для решения пенсионных проблем и проблем, связанных со старением населения Китая в будущем. Активы НФСО, пополняемые за счет ассигнований государственного бюджета, отчислений от зарубежных IPO крупных китайских госкомпаний, инвестиционного дохода и др., выросли с 20 млрд юаней в 2000 г. до 857 млрд юаней в 2010 г. и 2,9 трлн юаней в 2021 г, что делает его одним из крупнейших китайских институциональных инвесторов. Инвестиционный доход НФСО в 2021 г. составил 107,3 млрд юаней[49].

Согласно установленным правилам, как минимум 50% инвестиций Фонда должно направляться в банковские депозиты и государственные облигации, при этом, однако, до 40% средств может размещаться на рынке акций и до 10% — на рынке корпоративных и финансовых облигаций. На практике 51% активов НФСО представлено облигациями и 32% — акциями. Инвестиционная активность НФСО контролируется Советом Фонда, действующим при Госсовете КНР. За исключением государственных облигаций, приобретаемых Фондом по подписке, его портфельные инвестиции осуществляются через специальных инвестиционных менеджеров в лице уполномоченных компаний по управлению активами[50].

В целом в течение последнего десятилетия на долю НФСО в среднем приходится 1–2% общей капитализации рынка акций типа «А» и 2–4% капитализации акций в свободном обращении. Помимо этого небольшая (менее 0,5%) часть стоимости обращающихся на рынке акций находится в распоряжении пенсионных фондов предприятий, получивших в 2011 г. право размещать на фондовом рынке до 30% своих средств[51].

Трастовые компании представляют еще одну категорию институциональных инвесторов китайского фондового рынка. В 2001 г. вступил в силу Закон КНР о трастах, в 2002 г. — административные правила НБК, регулирующие создание и деятельность трастовых компаний. Согласно принятым правилам, трастовые компании могут управлять активами, полученными в доверительное управление, как на индивидуальной, так и на коллективной контрактной основе. При этом число контрактов в рамках коллективного управления не должно быть больше 200, а стоимость каждого контракта должна составлять не менее 50 000 юаней. В результате уже в 2003 г. трастовые компании аккумулировали средства доверителей на общую сумму свыше 10 млрд юаней. Инвестиционная активность трастовых компаний охватывает сделки с имущественными и неимущественными правами, материальными и нематериальными активами, движимым и недвижимым имуществом и т.д. В 2012 г. в соответствии с решением ККЦБ трастовые компании были допущены к совершению операций на фондовой бирже, и уже к концу прошлого десятилетия на их долю приходилось 0,7% общей капитализации рынка А-акций и 1,5% капитализации акций в свободном обращении.

Частные инвестиционные фонды привлекают средства квалифицированных инвесторов (будь то юридические лица или просто состоятельные граждане) частным образом, без публичного раскрытия информации о самом фонде, а равно и об ис-

пользуемых им ресурсах. Первыми, кто еще в 1990-е годы предложил такую инвестиционную услугу клиентам, были компании по ценным бумагам, за которыми последовали инвестиционные и финансовые консультанты, управляющие компании и другие профессионалы фондового рынка. Имеющиеся расчеты позволяют оценить количество граждан КНР с личными инвестиционными активами не менее 10 млн юаней (1,6 млн долл.) по меньшей мере в 700 тыс. человек, а общие размеры активов под управлением частных инвестиционных фондов — в 150–200 млрд юаней (2012 г.)[52].

Вместе с тем из-за неурегулированности правового положения частных фондов они долгое время не могли открыто оперировать на рынке, открывая инвестиционные счета на имя корпораций или партнерств и используя для привлечения средств клиентов юридическую платформу трастов. Выпущенные ККЦБ в 2014 г. Временные меры по надзору и управлению частными инвестиционными фондами легализовали их, позволив открывать счета для совершения биржевых операций[53]. Таким образом в Китае появилась новая влиятельная категория институциональных инвесторов, на долю которой к 2018 г. приходилось 3,6% общей капитализации рынка А-акций и 9,2% капитализации акций в свободном обращении. Средства частных инвестиционных фондов нередко направляются в венчурные проекты, прежде всего в сфере информационных технологий и финансовом секторе.

Таким образом, последовательная политика китайского правительства в 2000–2020 гг. обусловила быстрый рост числа институциональных инвесторов, а равно и их влияния на рынке ценных бумаг КНР. Если в 2003 г. им принадлежало лишь 1,4% общей капитализации рынка акций типа «А» и 4,6% капитализации торгуемых акций, то спустя всего пять лет эти показатели увеличились в восемь и девять раз соответственно, составив 11,8 и 42,9%. Еще через 10 лет, в 2018 г. институциональные инвесторы владели 18,7% совокупной рыночной капитализации А-акций и 47,5% капитализации акций, находившихся в свободном обращении. Тем самым, взятые вместе во всем их многообразии, институциональные инвесторы стали группой наиболее важных миноритарных акционеров Китая, инвестиционное поведение и инвестиционные приоритеты которых в значительной мере определяют общую динамику рынка ценных бумаг.

Реформирование фондового рынка

Развитие рынка ценных бумаг КНР в последние десятилетия характеризуется внушительным ростом его капитализации, диверсификацией инструментального ряда, увеличением числа и расширением спектра институциональных инвесторов, усложнением характера их операций и т.д. Вместе с тем, несмотря на эти и другие по преимуществу количественные параметры, рынок ценных бумаг Китая отмечен целым рядом системных проблем, первопричиной которых, по мнению китайских экономистов, является изначальная сегментация фондового рынка, длительное недопущение к свободному обращению примерно $^{2}/_{3}$ А-акций, составляющих основу акционерного капитала крупнейших компаний КНР. Порождая глубокие расхожде-

ния в экономических интересах, источниках доходов и моделях поведения различных групп акционеров и инвесторов, искусственное размежевание торгуемых и неторгуемых акций искажает мотивацию участников рынка, снижает эффективность действия рыночных механизмов, что негативно сказывается на выполнении фондовым рынком своих базовых функций.

Будучи составной частью национальной финансовой инфраструктуры, фондовый рынок занимает особую нишу в экономике. Его макроэкономическое предназначение состоит в мобилизации сбережений, формировании и эффективном распределении инвестиционных потоков в интересах стимулирования экономического роста, расширения масштабов и повышения эффективности хозяйственной деятельности. С учетом того, что реализация столь важных целей достигается при помощи выпуска и обращения ценных бумаг, важнейшую роль при этом играет циркулирующая на рынке ценовая информация о стоимости и конъюнктуре акций капиталоизбыточных и капиталодефицитных агентов рынка.

Согласно экономической теории, курс акций должен отражать базовую цену компании-эмитента, поскольку, используя возможности фондового рынка, владельцы акций могут зафиксировать стоимость будущих денежных потоков за счет получения дивидендов или же выручки от продажи фирмы. Тем самым действие рыночного механизма в конечном итоге обеспечивает адекватную оценку рисков в экономике, стимулирует эффективность работы менеджеров акционерных обществ, поддерживает баланс спроса и предложения на рынке капитала, равно как и оптимальное соотношение долгов и активов.

В Китае, однако, где контрольные или, как минимум, блокирующие пакеты акций основных акционерных компаний выведены с рынка и закреплены в мажоритарной собственности государства, действие этих экономических взаимосвязей нарушено. Держатели торгуемых акций в лице как индивидуальных, так и институциональных инвесторов не имеют возможности осуществить свои права на принятие каких-либо важных решений, включая изменения в дивидендной политике. В итоге фундаментальные инвестиционные подходы в их поведении подменяются игрой на изменениях курсовой стоимости акций. При всей строгости и доскональности административного и правового регулирования в КНР высокая спекулятивность китайского фондового рынка оказывается глубоко укорененной в специфике его институционального устроения.

Результатом этого является широкий спектр негативных явлений. Искажение курсов акций, резкое несоответствие рыночной цены активов их реальной балансовой стоимости и, как следствие, периодическое возникновение на рынке спекулятивных финансовых пузырей и внезапных обвалов — все это обусловливает общий отрыв биржевой конъюнктуры от экономической динамики, нарушение механизма распределения капитала, снижение эффективности корпоративного управления. Отсюда ощутимая нехватка на рынке высокоэффективных и конкурентоспособных компаний, способных привлечь интерес серьезных стратегических инвесторов. Сплошь и рядом вкладчики капитала не получают ожидавшейся отдачи на сделанные инвестиции. Все больше передовых компаний различных отраслей предпочитают размещать акции за границей. Таким образом, возможности фондового рынка

в КНР серьезно отстают от потребностей быстрорастущей и глубоко реформируемой национальной экономики. При этом по мере роста масштабов фондового рынка острота возникающих проблем становится все более ощутимой, определяя основные направления его реформирования.

Реформа рынка акций. Наиболее сложным и в то же время чрезвычайно ответственным направлением реформы, определившемся на рубеже 1990-х и 2000-х годов, является выведение на рынок ранее не допущенных к обращению акций государственных предприятий совокупной стоимостью свыше 2 трлн юаней, или примерно 250 млрд долл. Как показывает опыт, осуществление этой задачи сопряжено с серьезным риском. В 1999–2002 гг. правительство трижды пыталось осуществить частичную реализацию контролируемых государством А-акций и всякий раз неудачно.

Например, в октябре 2001 г. ККЦБ обязал компании, выходящие на рынок с публичным размещением акций, продавать сверх размеров IPO еще 10% своих А-акций. Полученные средства предполагалось направить на пополнение Национального фонда социального обеспечения. Это спровоцировало массовый сброс акций соответствующих компаний и обвал рынка А-акций на 30% в связи с опасениями индивидуальных инвесторов относительно возможного «размывания» капитала компаний-эмитентов и, соответственно, падения рыночной стоимости их акций[54]. Решение властей было отменено, но результатом этого продлившегося 10 дней эксперимента стала фактическая деградация китайского рынка акций с двукратным падением капитализации ШФБ в 2001–2005 гг. В этих условиях важнейшей задачей стало решение проблемы избыточного предложения неторгуемых акций, а также определение условий их гармоничной интеграции с активами free float. В частности, был предпринят более постепенный подход к выведению неторгуемых акций на рынок, к их покупке были допущены лицензированные иностранные инвесторы.

В феврале 2004 г. в программном документе Госсовета КНР «Несколько рекомендаций относительно продвижения реформы и стабильного развития рынка капитала» было заявлено о необходимости преодоления сегментации рынка акций. В апреле 2005 г. ККЦБ выпустил «Уведомление по вопросам экспериментальной реформы системы разделения акций зарегистрированных на рынке компаний», инициировавшее объединение неторгуемых и торгуемых акций государственных акционерных компаний, объявленное «самой важной институциональной реформой на фондовом рынке Китая» за время после его создания. Масштабы предстоящих изменений были весьма значительны. В ходе реформы намечалось реализовать ценные бумаги на сумму, в полтора раза превышающую размеры финансовых ресурсов, аккумулированных на китайском рынке акций в 1990–2005 гг. Соответственно, выводимые на рынок государственные акции получили название G-акций (от китайского *gaige* — реформа).

Объединение А-акций было объявлено обязательным для всех компаний, зарегистрированных на фондовых биржах Шанхая и Шэньчжэня. Было предусмотрено, что реализация G-акций индивидуальным и институциональным инвесторам должна происходить не на открытом рынке, а в порядке частного размещения по подписке на основании договорных цен. К приобретению G-акций допускались круп-

ные иностранные инвесторы, имеющие собственные активы в размере не менее 100 млн долл. либо активы в управлении на сумму не менее 500 млн долл.[55].

Было установлено, что пакет G-акций, предлагаемый к продаже той или иной компанией, должен составлять не менее 10% ее акционерного капитала. В интересах ослабления ценового давления на рынок конвертированные пакеты G-акций блокировались на определенный срок и в дальнейшем могли поступать в обращение ограниченными партиями. Осуществив приобретение пакета G-акций, инвестор был обязан не выставлять его на продажу в течение как минимум одного года, а при определенных обстоятельствах — трех лет (в частности, для иностранных инвесторов). При этом в течение года после окончания срока действия моратория могло быть продано не более 5%, а в течение первых двух лет — не более 10% акций компании-эмитента.

Помимо этого инвестору запрещалось приобретать и продавать на рынке любые ценные бумаги данной компании (за исключением B-акций). Одновременно в мае 2006 г. ККЦБ приостановил размещение новых эмиссий акций на фондовом рынке КНР до тех пор, пока капитализация G-акций не достигнет 60% совокупной рыночной стоимости акций типа «А». Все эти меры имели целью поддержание стабильности рынка в условиях крупного нового предложения ценных бумаг.

Для осуществления необходимых преобразований менеджмент акционерных компаний должен был заручиться поддержкой $^{2}/_{3}$ акционеров, владеющих неторгуемыми акциями типа «А», а также $^{2}/_{3}$ общего числа акционеров. Поскольку, как показала практика, продажа G-акций чревата снижением рыночной капитализации компаний-эмитентов, предусматривалось, что, предваряя продажу неторгуемых акций, их держатели должны компенсировать владельцам обращающихся на рынке A-акций их возможные потери посредством денежных выплат либо безвозмездной передачи им части G-акций. Размеры и характер компенсации в каждом конкретном случае определялись общим собранием акционеров компании. На практике владельцы торгуемых акций типа «А», как правило, дополнительно получили от компаний-эмитентов по 3–4 G-акции на каждые 10 акций своего инвестиционного портфеля[56]. В ряде случаев для компенсации использовались денежные выплаты и выпуск варрантов.

Чтобы стимулировать точное и своевременное проведение предусмотренных преобразований, ККЦБ установил, что: 1) все мероприятия реформы неторгуемых акций должны быть завершены до конца 2006 г.; 2) до завершения процесса объединения акционерного капитала ни одна компания не получит разрешения на привлечение новых средств на фондовом рынке; 3) компании-аутсайдеры, по каким-либо причинам не сумевшие в срок завершить намеченные преобразования, подлежат процедуре слияния или поглощения другими, более успешными компаниями.

Практическое осуществление реформы началось в июне 2005 г. на одной из крупнейших компаний страны — Баошаньском металлургическом комбинате, а к ноябрю 2005 г. процесс преобразований охватил уже 102 предприятия, представляющих 11% общей рыночной капитализации реформируемых компаний. К концу марта 2006 г. реформа шла на 768 предприятиях (63,5% рыночной капитализации A-акций), и это позволило ККЦБ в мае 2005 г. отменить запрет на проведение но-

вых IPO в Китае. В июле 2006 г. реформа охватывала уже 1092 предприятия (81%), в сентябре — 1169 предприятий. К этому времени определилось 174 аутсайдера реформы, большинство из которых оказались убыточными компаниями, которые не имели свободных денежных средств для выплаты компенсации держателям торгуемых акций, а их неторгуемые акции были заморожены по решениям арбитражных судов или находились в залоге у банков[57].

Ход преобразований продемонстрировал в целом хорошую подготовленность реформы. После первых психологически объяснимых недель паники индивидуальных инвесторов (в июне 2005 г. биржевой индекс ШФБ составил 998 пунктов против 1172 пунктов в марте 2005 г.) благодаря активности крупных институциональных инвесторов к концу года ситуация была стабилизирована. В дальнейшем, после того как в январе 2006 г. при условии покупки не менее 10%-ного пакета G-акций к их приобретению были допущены стратегические иностранные инвесторы, на фоне продолжающегося быстрого прогресса китайской экономики рынок отреагировал устойчивой тенденцией к повышению котировок. Лидерами роста явились бумаги энергетических, строительных, телекоммуникационных компаний и финансовых структур, а также металлургических предприятий, акции которых вступили в полосу роста, поддерживаемого благоприятной конъюнктурой международного рынка цветных металлов[58].

По словам председателя ККЦБ Шан Фулиня, в 2006 г. «по мере эффективного проведения различных мероприятий в области реформирования фондового рынка население более ясно осознало важность развития рынка капитала; восстановлена уверенность инвесторов; изменилась пассивная ситуация на рынке, державшаяся последние четыре года». В марте 2006 г. биржевой индекс Шанхайской фондовой биржи составил 1259 пунктов, а в конце декабря — 2675 пунктов, преодолев рекордный уровень июня 2001 г. (2245 пунктов). В декабре 2006 г. ККЦБ заявил об успешном завершении реформы. В дальнейшем, после начала мирового финансового кризиса, с целью поддержания фондового рынка Китая ККЦБ использовал налоговое стимулирование, включая освобождение от гербового сбора биржевых сделок на покупку ценных бумаг, а также исключение доходов, полученных на рынке ценных бумаг, из налогооблагаемой базы по налогу на доходы физических лиц и корпоративному налогу на прибыль.

В 2009 г. по истечении периода постпродажной блокировки пакетов G-акций и действия различных ограничений их вывода на рынок удельный вес акций, находящихся в свободном обращении, составил 62% общей капитализации рынка против 33% в 2005 г. Соответственно доля акций, контролируемых государством, снизилась с 67 до 38%. Эти усредненные данные не в полной мере отражают степень концентрации капитала, поскольку в крупнейших корпорациях КНР доля государства была значительно выше средних значений.

Впоследствии на реформированном рынке акций были предприняты важные нововведения. В 2010 г. в интересах повышения ликвидности рынка была разрешена маржинальная торговля (т.е. торговли взаймы), а также короткие продажи (т.е. продажи без покрытия) — классические инструменты биржевой игры, позволяющие инвесторам извлекать прибыль как при росте рынка, так и при его спаде. Одновре-

менно с целью стабилизации конъюнктуры трейдерам была предоставлена возможность торговать фьючерсами на фондовые индексы. Эти нововведения позволили институциональным инвесторам торговать более агрессивно и при этом лучше хеджировать свои риски. Доступ большинства индивидуальных инвесторов к новым биржевым инструментам был заблокирован при помощи строгих квалификационных требований, включая, в частности, внесение 500 тыс. юаней в качестве минимального депозита для открытия одного торгового счета[59].

После четырех лет подготовительной работы в декабре 2019 г. была принята и в марте 2020 г. вступила в силу новая редакция Закона КНР о ценных бумагах, привнесшая важные изменения в регулирование фондового рынка. В частности, был отменен разрешительный порядок публичного размещения акций на бирже, предусматривавший прохождение компаниями-кандидатами на листинг строгой финансовой проверки для последующего одобрения IPO со стороны ККЦБ.

Чрезмерный административный контроль за утверждением публичного размещения акций долгое время отличал китайскую нормативную базу от большинства развитых экономик мира. «Система IPO, основанная на одобрении», по распространенному мнению инвесторов, использовалась властями как инструмент негласного государственного регулирования в интересах отраслевого и регионального распределения IPO с учетом приоритетов национальной промышленной политики. К тому же эта система часто подвергалась критике за неэффективность и коррупциогенность. Практика показала, что жесткое административное вмешательство вовсе не гарантирует привлечения дополнительных средств наиболее сильными и качественными компаниями, вынуждая последних нередко искать возможности листинга за пределами КНР.

Прописанный в новой редакции Закона о ценных бумагах «режим IPO на основе регистрации» освобождает ККЦБ от избыточных полномочий в принятии решений, поскольку при соблюдении предварительно установленных правил и стандартов заявители получают биржевой листинг без дополнительных проверок и одобрений. Эта, уведомительная по своей сути, процедура основана на раскрытии информации и в большей степени ориентирована на рынок. В соответствии с Законом эмитенты должны обеспечивать подлинность, целостность и точность информации, включая раскрытие критических инцидентов, а также объяснение их причин и последствий.

Одновременно резко повышена ответственность участников рынка за нарушение закона и недобросовестные действия. Верхняя граница штрафа за нарушение требований раскрытия информации, например, повышена с 600 тыс. до 10 млн юаней; штраф за мошеннический выпуск ценных бумаг увеличен с 5 до 100% суммы привлеченных средств[60]. Новые масштабы штрафных санкций в большей мере соответствуют международной практике и тем самым выравнивают условия игры на китайских фондовых рынках с другими крупными фондовыми биржами мира. В целом все эти меры призваны повысить эффективность распределения ресурсов, сократить социальные и экономические издержки выпуска акций и ускорить оборот капитала.

В 2020 г. китайские компании привлекли на фондовом рынке в общей сложности 1,5 трлн юаней, в том числе почти 0,5 трлн юаней было получено посредством

первичного размещения акций и свыше 1 трлн юаней за счет последующих публичных размещений[61]. Основные импульсы развития современного рынка А-акций исходят от предприятий, представляющих традиционные отрасли промышленности (26–28% привлечения средств на рынке IPO в 2020–2021 гг.), а также от компаний высокотехнологичного сектора экономики (информационные технологии, медиа-бизнес, телекоммуникации — 26–33%), медицины, биотехнологии и т.п. (13–15%)[62]. К 2020 г. по мере проведения новых эмиссий и размещений акций доля их торгуемой части достигла 81% совокупной рыночной капитализации.

Открытие рынка ценных бумаг. В соответствии с обязательствами открытия финансового рынка, принятыми КНР при присоединении к ВТО, к осуществлению брокерских операций на китайском фондовом рынке, включая андеррайтинг А-акций, андеррайтинг и торговлю В- и Н-акциями, государственными и корпоративными облигациями, а также управление инвестиционными фондами, допущены брокерские и финансовые компании с участием иностранного капитала. При этом если первоначально предполагалось, что контрольный пакет таких компаний должен контролироваться китайской стороной, то в 2018 г. максимальная доля иностранных акционеров в компаниях по ценным бумагам, компаниях по управлению фондами и фьючерсных компаниях была увеличена до 51% с перспективой снятия всех ограничений через три года[63].

Вместе с тем, ввиду отсутствия полной конвертируемости юаня и действия ряда ограничений по счету операций с капиталом, фондовый рынок Китая долгое время оставался преимущественно закрытым для внешних инвестиций. В период Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. это помогло оградить Китай от сильных финансовых потрясений. В то же время, затрудняя приток иностранных портфельных инвестиций, такое положение ограничивает глубину фондового рынка и тем самым повышает его чувствительность к любым изменениям в экономике. В этих условиях, сочетая открытие внутреннего рынка и контроль за трансграничным движением капитала, правительство двинулось по пути контролируемой интернационализации рынка ценных бумаг.

Первым шагом явился запуск в 2002 г. Программы квалифицированных институциональных иностранных инвесторов (КИИИ). Это довольно громоздкая схема, позволяющая иностранным банкам, страховым и управляющим компаниям, компаниям по ценным бумагам, инвестиционным, пенсионным, благотворительным фондам и др., пройдя квалификацию в Комитете по контролю за ценными бумагами (ККЦБ) и получив в Государственном управлении валютного контроля (ГУВК) индивидуальную инвестиционную квоту, торговать в рамках этой квоты любыми акциями и облигациями, котирующимися на фондовых биржах КНР. Для этого КИИИ должны последовательно открыть в коммерческом банке КНР счет, конвертировать иностранную валюту в юани, провести с помощью китайского брокера биржевые операции в КНР, конвертировать полученную прибыль обратно из юаней в валюту и затем поэтапно (в месяц не более 20% от общей стоимости чистых активов на конец предыдущего года с интервалом в 1–3 месяца) перевести ее за рубеж.

С течением времени изначально установленные условия Программы неоднократно изменялись в пользу иностранных инвесторов. Так, в 2012 г. КИИИ были

допущены на китайский межбанковский рынок облигаций, а в 2020 г. — на внебиржевой рынок с соответствующим расширением спектра доступных для них ценных бумаг. В 2013 г. произошло облегчение правил репатриации прибыли, а в 2018 г. ежемесячный лимит на переводы был отменен. Все это вкупе с позитивным развитием ситуации на фондовом рынке страны способствовало популяризации Программы. Совокупная инвестиционная квота для всей схемы КИИИ, составив первоначально 4 млрд долл., впоследствии неоднократно увеличивалась и в 2019 г. достигла 300 млрд долл.[64].

В 2011 г., следуя курсу на интернационализацию юаня, ККЦБ открыл Программу квалифицированных институциональных иностранных инвесторов в юанях (КИИИЮ), позволив ее участникам, в отличие от КИИИ, использовать для инвестиций не иностранную валюту, а обращающиеся в Гонконге так называемые офшорные юани. В период с 2012 по 2019 г. общая квота для Программы КИИИЮ была постепенно расширена с 20 до 1570 млрд юаней, а действие самой Программы, помимо Гонконга, распространено еще на 18 стран, включая Великобританию, Сингапур, Францию, Германию, США, Канаду, Швейцарию, Таиланд, Малайзию, Венгрию, ОАЭ, Чили, Японию, Нидерланды и т.д.[65].

В 2020 г. ККЦБ объединил обе представленные выше схемы в единую Программу квалифицированных иностранных инвесторов (КИИ), облегчив при этом некоторые квалификационные требования к ее участникам. Для получения статуса КИИ компания должна: а) быть финансово устойчивой, иметь хорошую кредитоспособность и опыт инвестирования в ценные бумаги; б) иметь во главе своего бизнеса в Китае лицо, отвечающее установленным квалификационным требованиям в стране происхождения заявителя; в) иметь эффективную систему корпоративного управления и внутреннего контроля, включая наличие инспектора для надзора за соблюдением инвестиционного законодательства КНР; г) не подвергаться серьезному наказанию со стороны регулирующих органов как минимум в течение последних трех лет; д) ни при каких условиях не иметь возможности оказать существенное влияние на работу внутреннего рынка капитала в КНР.

Новые правила дополнительно расширили спектр финансовых продуктов, доступных для КИИ, а также отменили квотирование инвестиций[66]. К концу 2020 г. лицензию квалифицированного иностранного инвестора в Китае имело в общей сложности 535 иностранных компаний против 12 в 2002 г.

В интересах дальнейшего привлечения портфельных инвестиций Китай также использует различные трансграничные схемы биржевого подключения, получившие общее название *Stock Connect.* В настоящее время программы *Stock Connect* действуют между Шанхаем и Гонконгом (с 2014 г.), между Шэньчжэнем и Гонконгом (с 2016 г.), а также между Шанхаем и Лондоном (с 2019 г.) Речь идет о создании инвестиционных каналов, используя которые институциональные и розничные инвесторы из Гонконга и Лондона получают возможность дистанционного осуществления операций на китайских фондовых биржах за пределами КНР. В свою очередь китайские инвесторы могут выходить на биржи Гонконга («южный маршрут») и Лондона («западный маршрут»).

Масштабы перекрестных торгов в рамках программ *Stock Connect* подлежат квотированию. Так, годовая квота для инвестиций, поступающих из Гонконга в КНР («северный маршрут»), изначально составляла 600 млрд юаней, а для инвестиций из Китая в Гонконг («южный маршрут») — 500 млрд юаней, соответствующие ежедневные квоты — 26 и 21 млрд юаней. С 2016 г. годовое квотирование биржевых операций отменено, а размеры ежедневных квот в 2018 г. увеличены в 4 раза — до 104 и 82 млрд юаней соответственно[67].

Позволяя иностранцам торговать ценными бумагами Китая с использованием привычной для них торговой, клиринговой и расчетно-кассовой инфраструктуры, программы *Stock Connect* значительно упростили участие иностранных инвесторов в биржевых сделках с китайскими активами. При этом иностранцам не нужно беспокоиться о рисках репатриации прибыли, а для индивидуальных инвесторов не существует каких-либо специальных квалификационных требований. В результате, программы биржевых подключений стали наиболее распространенным способом выхода иностранных инвесторов на фондовые рынки Китая.

Спектр бумаг, торгуемых в рамках механизма биржевых подключений *Stock Connect*, охватывает лишь наиболее крупные китайские компании-эмитенты и в этом отношении заметно уступает возможностям в рамках Программы КИИ. В начале 2021 г. для трансграничного инвестирования по схеме *Stock Connect* были доступны лишь 574 из 1846 ценных бумаг, котирующихся на ШФБ, и 884 из 2361 ценной бумаги, зарегистрированной на ШЧФБ. Имеются и другие ограничения для иностранных инвесторов. Их совокупная доля в акционерном капитале любой китайской компании не должна превышать 30%, при этом один инвестор может иметь не более 10%. Когда уровень иностранного владения приближается к 26% акционерного капитала, ШФБ, например, указывает название соответствующей компании в особом списке, а с уровня в 28% прием заявок на ее акции прекращается.

Важную роль в открытии и либерализации фондового рынка КНР играет и политика НБК как основного регулятора рынка облигаций. В 2005 г. в КНР впервые были выпущены облигации *Panda* — номинированные в юанях облигации иностранных эмитентов. В силу крайне сложной процедуры эмиссии и использования полученных средств, этот «сигнальный» выпуск, произведенный Международной финансовой корпорацией и Азиатским банком развития на сумму в 4 млн юаней, не возымел большого эффекта. Чтобы облегчить развитие рынка, НБК совместно с Минфином, ГКРР и ККЦБ в 2010 г. инициировал изменение нормативной базы, позволившее снять ряд ограничений на эмиссию облигаций *Panda* и допустить к их выпуску иностранные компании и банки, а также международные финансовые организации (МФО), суверенные и квазисуверенные фонды. К концу 2017 г. общая сумма облигаций *Panda*, выпущенных на китайском межбанковском рынке приблизилась к 125 млрд юаней.

Тогда же, в 2010 г., объявив программу *China Interbank Bond Market Direct* (*CIBM Direct*), НБК предоставил МФО, центральным банкам и фондам национального благосостояния иностранных государств доступ к китайскому межбанковскому рынку облигаций в пределах квот, утвержденных Государственным управлением валютного контроля (ГУВК). Пятью годами позже, выполняя требования к юаню

как к валюте корзины СДР, НБК открыл центральным банкам широкий доступ к китайскому рынку облигаций, упростив открытие счетов, отменив инвестиционные квоты, перейдя от разрешительной к заявительной системе инвестиций и увеличив их диапазон за счет операций РЕПО, форвардных сделок, процентных свопов и т.д.[68].

В 2016 г. НБК включил в состав участников *CIBM Direct* коммерческие банки, страховые компании, компании по ценным бумагам, компании по управлению активами и инвестиционные фонды и тем самым открыл вторичный рынок облигаций практически для всех иностранных институциональных инвесторов[69]. В связи со значительным увеличением притока капитала в 2017 г. в КНР была запущена новая программа *Bond Connect*, открывшая удобный трансграничный канал инвестиционного сообщения между китайским рынком облигаций и Гонконгом. К концу 2020 г. программа *CIBM Direct* насчитывала 468, а программа *Bond Connect* — 625 иностранных участников.

Решительное расширение доступа иностранных инвесторов к фондовому рынку КНР наряду с увеличением доли акций в свободном обращении имело результатом быстрое нарастанием притока портфельных инвестиций из-за рубежа. Согласно гонконгским данным, среднесуточный объем средств, поступающих по «северному маршруту» через *Stock Connect* на фондовые биржи Шанхая и Шэньчжэня, в первом квартале 2020 г. достиг 85 млрд гонк. долл. против 5,9 млрд гонк. долл. в первом квартале 2017 г.[70]. Не меньшее значение имел и начавшийся выход Китая на глобальный фондовый рынок, простимулированный заметным ростом доступности, прозрачности и ликвидности рынка ценных бумаг КНР. Речь идет о прогрессирующем включении китайских акций и облигаций в мировые фондовые индексы с набором активов на сотни миллиардов, а подчас и на триллионы долларов.

Так, в марте 2018 г. информационное агентство *Bloomberg* объявило о плане поэтапного включения государственных облигаций и облигаций политических банков Китая в глобальный мультивалютный индекс казначейских, квазисуверенных, корпоративных и секьюритизированных облигаций с фиксированной процентной ставкой *Bloomberg Barclays Global Aggregate Index,* и в ноябре 2020 г. этот процесс был успешно завершен. В июне 2017 г. было объявлено о включении международной аналитической компанией *Morgan Stanley Capital International Group* 222 акций типа «А» в индекс развивающихся рынков — *MSCI EM*. В июне 2020 г. в расчете данного регионального индекса, а также глобального индекса *MSCI All Country World Index* фигурировало уже 710 акций типа «А», или 18% их зарегистрированной численности. В 2020 г. китайские государственные облигации были интегрированы в группу индексов развивающихся рынков *JPM GBI-EM*, составляемый инвестиционным банком *JPMorganChase*. В октябре 2021 г. началось поэтапное включение китайских государственных облигаций в принадлежащий Лондонской фондовой бирже глобальный индекс гособлигаций *FTSE Russell WGBI*[71].

Эти биржевые индексы используются большинством крупных институциональных инвесторов мира. Включение в их состав акций и облигаций КНР означает вынесение своеобразного вотума доверия фондовому рынку Китая, а также международное признание стоимости китайских активов, предполагающее потенциальный рост глобального спроса на них. По оценке МВФ, только включение китайских об-

лигаций в индексы *Bloomberg Barclays, JPM GBI-EM* и *FTSE Russell WGBI* способно дополнительно привлечь в экономику КНР от 220 до 310 млрд долл.[72]. В этом же направлении действует и открытие в Китае подразделений ведущих международных рейтинговых агентств, начало которому положено в 2018 г. агентством *Fitch Ratings.*

Вместе с тем по сравнению с развитыми странами и странами с формирующейся рыночной экономикой степень интернационализации китайского рынка капитала остается невысокой. По данным крупных международных банков *Goldman Sachs* и *Hongkong-Shanghai Banking Corporation*, к началу 2020-х годов на долю нерезидентов приходилось лишь 4,5% общей капитализации фондового рынка КНР (в 2010 г. — менее 2%), в том числе 8,2% капитализации государственных облигаций и 3,1% рынка акций. Аналогичные усредненные показатели по всем странам с формирующимися рынками составили 16,8 и 25%[73].

Создание многоуровневого рынка капитала. Руководствуясь идеей максимального охвата экономики процессами капиталообразования, идущими на рынке ценных бумаг, правительство КНР в течение двух последних десятилетий реализует курс на создание в стране эффективного многоуровневого фондового рынка с охватом как биржевых, так и внебиржевых специализированных торговых площадок. Начало было положено в 2004 г. с обособлением в рамках основной площадки ШЧФБ специальной секции для малых и средних предприятий (МСП). Многие МСП (и прежде всего стартапы) из-за слабости экономической базы не могут соответствовать требованиям основной торговой площадки к претендентам на листинг и IPO, поэтому создание такой секции вполне закономерно. Однако общие правила листинга не были адаптированы применительно к МСП, что сдерживало мобилизацию капитала и в конечном итоге (2021 г.) привело к структурному объединению секции МСП с основной торговой площадкой ШЧФБ.

С учетом этого опыта еще в октябре 2009 г. ШЧФБ учредила отдельную биржевую платформу *Growth Enterprise Market (GEM)* для листинга инновационных компаний-стартапов в новых быстрорастущих секторах экономики. Изначально новая площадка, известная также под альтернативным названием *ChiNext*, объединила 28 компаний, представлявших фармацевтику, биотехнологии, информационные технологии, энергосберегающие технологии, телекоммуникации, производство электроники и медицинского оборудования и др.

ChiNext создана по образцу американской технологической биржи *NASDAQ*, особенностью которой является реализация потенциала интеллектуальной собственности, под которую, собственно, и привлекают стартовый капитал молодые наукоемкие компании. Одновременно, предоставляя канал выхода из капиталов МСП для вложившихся в них венчурных фондов, *ChiNext* ускоряет обращение венчурного капитала и повышает его эффективность. В целом такие системы торговли являются основой роста венчурных инвестиций и новых высокотехнологичных компаний. По имеющимся оценкам, в 2010 г. средства венчурных фондов присутствовали в капитале 59% компаний, прошедших листинг на *ChiNext*.

ChiNext оперирует облегченными стандартами листинга. Так, если на главной площадке претенденты на IPO должны поддерживать непрерывную прибыльность

в течение трех последних лет и аккумулировать за это время не менее 30 млн юаней прибыли, то на *ChiNext* аналогичные требования составляют два года и 10 млн юаней соответственно. В 2020 г. ККЦБ разрешил регистрацию на *ChiNext* убыточных компаний[74]. На главной площадке ШЧФБ компания-эмитент должна иметь уставный капитал как минимум в 50 млн юаней, на *ChiNext* этот норматив сокращен до 30 млн юаней. Количество индивидуальных акционеров у компании на главной площадке должно быть не менее 1000, а на *ChiNext* — не менее 200 и т.д.[75]. Однако в интересах управления рисками *ChiNext* устанавливает более жесткие стандарты раскрытия информации, а также строгие операционные требования к компаниям-эмитентам в части их деловой активности, продажи акций и т.д.

В июле 2019 г. опыт Шэньчжэня был распространен на ШФБ, где по указанию Председателя КНР Си Цзиньпина была открыта фондовая площадка *Star Market*, предложившая высокотехнологичным предприятиям облегченные условия выхода на открытый рынок и объединившая на этой основе 25 компаний, бумаги которых ранее не могли быть размещены на бирже. Появление новой площадки, являющейся, как и *ChiNext*, аналогом американской биржи *NASDAQ*, стало реакцией КНР на разгоравшееся торгово-экономическое противостояние с США. По замыслу властей, в условиях нарастания антикитайских санкций в Америке это должно было побудить лучшие технологические компании КНР к размещению своих акций на родине, а не на *NASDAQ*.

Будучи ориентированным прежде всего на небольшие инновационные технологические компании, работающие в таких стратегически важных областях, как биофармацевтика, технологии 5G, производство полупроводников, новая энергетика и т.п., *Star Market* быстро стал важным двигателем рынка, обеспечивающим (как по числу, так и по стоимости) до $^{2}/_{3}$ новых размещений акций на ШФБ. В 2020 г. на этом сегменте произошло 145 IPO на сумму 222,6 млрд юаней, в 2021 г. — 158 IPO на 196,7 млрд юаней[76].

Считается, что высокотехнологичные биржевые площадки *STAR Market* и *ChiNext* не конкурируют, а скорее дополняют друг друга: если первая фокусируется на научно-технических компаниях, то вторая — на инновациях в целом. Для привлечения большего числа инвесторов, увеличения оборотов и ликвидности рынка как на *STAR Market*, так и на *ChiNext* диапазон допустимого дневного отклонения котировок от стартового уровня торгов расширен до 20% против 10% на основных площадках ШФБ и ШЧФБ. При достижении этих границ торговля временно приостанавливается.

В целом по состоянию на начало 2022 г. на основной платформе ШФБ котировались акции 1666 компаний с капитализацией в 44,2 трлн юаней, а на сегменте *STAR Market* — 391 компания с капитализацией в 5 трлн юаней. Аналогичные показатели по ШЧФБ составили 1491 и 1109 компаний с капитализацией в 23,9 трлн юаней и 12,3 трлн юаней соответственно.

Для финансирования тех публичных микро-, малых или средних компаний, которые даже с учетом льготного листингового режима, предлагаемого специальными биржевыми площадками, не могут зарегистрироваться на ШФБ и ШЧФБ, в Пекине с 2013 г. действует национальный рынок внебиржевой торговли ценными бумагами в лице компании *NEEQ* (*National Equities Exchange and Quotations*). По сути, это

система начального уровня для небольших нелистинговых компаний, своеобразная биржа стартапов, которая имеет еще менее строгие требования к капиталу, прибыльности и иным параметрам компаний-эмитентов.

В отличие Шанхая и Шэньчжэня, где для включения в листинг требуется получить разрешение биржи, на площадке *NEEQ* фактически действует уведомительная система регистрации. Компании, желающие зарегистрироваться, должны иметь: а) законный, зарегистрированный бизнес в течение, как минимум, двух лет; б) четкую структуру акционерного капитала и адекватную систему корпоративного управления; в) детальный бизнес-план. Кроме того, компания-претендент должна быть рекомендованной лицензированной брокерской фирмой и находиться под ее опекой и наблюдением, а также выпускать и передавать акции в соответствии с законом[77].

Для распределения ценных бумаг компаний с разной степенью развития на *NEEQ* выделены три торговые площадки: а) «элитный уровень» — для высококачественных инновационных компаний с высокой прибыльностью; б) «инновационный уровень» — для компаний, которые имеют хорошую систему корпоративного управления, но не дотягивают до требований «элитного уровня»; в) «базовый уровень» — для прочих компаний. Фондовый обмен производится посредством соглашений, колл-аукционов (аукционов по вызову) или маркетмейкинга с участием крупных компаний по ценным бумагам, составляющих рыночные котировки.

К концу 2021 г. на *NEEQ* были зарегистрированы и торговались акции почти 10 тыс. компаний, представлявших 15 основных отраслей, в том числе примерно 35% приходилось на обрабатывающую промышленность и около 30% — на ИТ-сектор. Рыночная капитализация *NEEQ* достигла 2 трлн юаней. Успешное масштабирование торговых операций в конечном итоге привело к преобразованию *NEEQ* в полноценную фондовую биржу, третью по счету на территории КНР.

Пекинская фондовая биржа (ПФБ) была учреждена в сентябре 2021 г. в качестве общества с ограниченной ответственностью (уставный капитал — 1 млрд юаней), единственным акционером и владельцем которой является *NEEQ*. Компании «элитного уровня» *NEEQ* (всего — 71 компания), соответствующие определенным требованиям к капитализации и иным финансовым стандартам, были зарегистрированы на ПФБ и провели публичное размещение акций. Компании «инновационного» и «базового» уровней остались на внебиржевом рынке *NEEQ*.

Приоритетом деятельности ПФБ является поддержка развития малого и среднего бизнеса с одновременным продвижением реализации национальной стратегии инновационного развития. Председатель КНР Си Цзиньпин, который инициировал создание ПФБ, назвал новую площадку «главным фронтом для обслуживания инновационных малых и средних предприятий». Учитывая что сектор малого и среднего предпринимательства сильнее других пострадал от последствий коронакризиса, это имеет большое значение в постковидный период.

Будучи основанной на «элитной» торговой площадке *NEEQ*, ПФБ унаследовала от нее некоторые правила листинга и торговли. В их числе отсутствие обязательного регулирования коэффициентов денежных дивидендов компании-эмитента, расширение до 30% диапазона допустимых дневных отклонений котировок от стартового

уровня торгов, минимальное публичное размещение 1 млн акций с целевой аудиторией в 100 человек и т.д. Одновременно, следуя требованиям новой редакции Закона КНР о ценных бумагах, ПФБ приняла к исполнению уведомительную процедуру листинга и IPO на основе надлежащего раскрытия информации.

Компании получают листинг на ПФБ в случае соответствия их количественных показателей одному из следующих четырех наборов стандартов, позволяющих надежно оценить их финансовое положение и инвестиционный потенциал: а) чистая прибыль/рыночная капитализация/средневзвешенная рентабельность собственного капитала (ROE); б) рыночная капитализация/операционная выручка/денежный поток; в) рыночная капитализация/операционная выручка/доля инвестиций в НИОКР; г) рыночная капитализация/инвестиции в НИОКР. Минимальные размеры требуемой рыночной капитализации компании-эмитента варьируются от 200 до 1500 млн юаней в соответствии с действующими в КНР отраслевыми критериями для малых и средних предприятий[78]. В целом, учитывая особенности МСП, стандарты листинга на ПФБ ниже, чем у специализированных биржевых площадок *STAR Market* и *ChiNext*.

Чтобы открыть брокерский счет и участвовать в торгах на ПФБ, индивидуальный инвестор должен располагать финансовыми средствами в размере не менее 500 тыс. юаней и двухлетним опытом работы на бирже. К сентябрю 2022 г. на ПФБ насчитывалось более 5 млн таких инвесторов, и котировались акции 110 компаний с общей рыночной стоимостью 200 млрд юаней (около 29 млрд долл.). Среди указанных предприятий 76% составили малые и средние предприятия, более 80% из них работают в новых стратегических секторах и инновационных производствах[79]. В отличие от ШФБ и ШЧФБ, на Пекинской бирже доминируют частные компании, составляющие до 90% их общего числа. Проведение IPO позволило этим компаниям привлечь более 23,5 млрд юаней. Тогда же на ПФБ появился и первый базовый индекс, включающий в себя данные 50 компаний.

* * *

Обладая второй по масштабам экономикой мира, Китай обеспечивает свыше 18% производства глобального ВВП. При этом китайские акции и облигации составляют лишь около 4 и 7% мировых фондовых индексов соответственно. Являясь прямым следствием политики прошлых лет с ее избыточной зарегулированностью, сложными требованиями к инвесторам, квотированием инвестиций и ограничением вывоза прибыли, все это оставляет немалое пространство для дальнейшего открытия и либерализации национального рынка ценных бумаг как одного из ключевых приоритетов 14-го пятилетнего плана экономического и социального развития КНР (2021–2025).

В частности, развивая свой рынок ценных бумаг, Китаю необходимо оптимизировать механизм сделок, совершенствовать процедуры аудита и расширять количество и типы обращающихся на рынке ценных бумаг, предоставляя больший выбор как отечественным, так и иностранным инвесторам. В интересах развития инноваций и венчурного инвестирования предстоит и далее ослаблять административные

ограничения и диверсифицировать условия работы на различных фондовых площадках. С переходом от разрешительного к регистрационному порядку листинга и IPO все очевиднее становится потребность в ясной, детально проработанной процедуре делистинга, чтобы акции и долговые бумаги низкоэффективных компаний не отвлекали ценные финансовые ресурсы. Все это должно увеличить долю акций и облигаций китайских эмитентов в международных индексах *MSCI*, способствуя международному признанию рынка ценных бумаг КНР.

Не меньшее значение имеет усиление надзора за акционерными компаниями и совершенствование правил и систем регулирования фондовых рынков с целью защиты законных прав и интересов инвесторов. Требуется разработать правила всестороннего раскрытия информации котирующимися на бирже компаниями с ориентацией на привлечение растущих объемов отечественного частного и иностранного капитала и стимулирование жизнеспособности биржевой торговли.

В целом, как отмечают китайские специалисты, совершенствование рынка капитала является одной из главных задач в ходе преобразования финансовой и экономической системы страны. В результате осуществления реформы фондовый рынок должен стать одним из основных инструментов распределения экономических ресурсов и важным источником финансирования инвестиционного процесса в рамках создаваемой в Китае регулируемой рыночной экономики.

Примечания

[1] Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России / Отв. ред. Л.В. Новоселова. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 62.

[2] Там же. С. 63.

[3] *Yiping Huang*, *Xun Wang*, *Anqian Huang*. Promoting High-Quality Growth Through Financial Reform in the People's Republic of China // Asian Development Bank East Asia Working Papers Series. No. 43. December 2021. Manila: ADB, 2021. P. 3, 12. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/760726/eawp-043-high-quality-growth-financial-reform-prc.pdf (accessed: 18.04.2023).

[4] Подсчитано по данным 2015–2019 гг. (см. табл. 16).

[5] *Sheng S*. How Market Reforms will Boost Appeal of Chinese Stocks and Bonds For Foreign Investors // South China Morning Post: [site]. 2021. November 12. URL: https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3155702/how-market-reforms-will-boost-appeal-chinese-stocks-and-bonds (accessed: 03.05.2023).

[6] China's Bond Market: «What, and Why, and When…» // Abrdn : [site]. 2018. November 30. URL: https://www.abrdn.com/de-ch/institutional/insights-thinking-aloud/article-page/chinas-bond-market (accessed: 10.06.2023).

[7] China's Capital Markets. The Changing Landscape. Hong Kong: KPMG, 2011. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2011/08/China-Capital-Markets-FTSE-201106.pdf (accessed: 10.06.2023).

[8] The Future of China's Bond Market / Ed. by A. Schipke, M. Rodlauer, Zhang Longmei. Washington. D.C.: International Monetary Fund, 2019. URL: https://www.imf.org/en/Publications/Books/Issues/2019/03/05/The-Future-of-China-s-Bond-Market-46144 (accessed: 06.05.2023).

[9] *Tobin D.*, *Volz U.* The Development and Transformation of the Financial System in the People's Republic of China: Asian Development Bank Institute Working Paper Series. No. 825. March 2018. P. 20. Manila: ADB Institute, 2018. URL: https://www.adb.org/publications/development-and-transformation-prc-financial-system (accessed: 09.03.2023).

[10] *Бажанов П.* Новые правила выпуска облигаций местных правительств // CNLegal: [site]. 08/04/2015. URL: http://cnlegal.ru/uncategorized/china_local_government_bonds_issue/#more-4098

[11] Statement by Zhengxin Zhang, Executive Director for People's Republic of China. January 10, 2024. P. 5 // People's Republic of China. 2023 Article IV Consultation: Press Release. Washington D.C.: 2023. URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2024/02/01/People-s-Republic-of-China-2023-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-544379 (accessed: 12.09.2024).

[12] *Лапшин В.А.*, *Ван Цзян*. Обзор рынка облигаций Китайской Народной Республики // ЭКО. 2013. № 12. С. 172. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-rynka-obligatsiy-kitayskoy-narodnoy-respubliki/viewer (дата обращения: 15.05.2023).

[13] The Future of China's Bond Market. Op. cit. P. 76–77.

[14] China's Bond Market: «What, and Why, and When…». Op. cit.

[15] Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России. Цит. соч. С. 66.

[16] Там же. С. 67.

[17] *Новоселова Л.* Фондовый рынок КНР в эпицентре экономических преобразований // Рос. эконом. журнал. 2007. № 1–2. С. 68–69.

[18] The Future of China's Bond Market. Op. cit. P. 13.

[19] Ibid. P. 107.

[20] *Yiping Huang*, *Xun Wang and Anqian Huang*. Op. cit. P. 3.

[21] Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России. Цит. соч. С. 68.

[22] Top 1000 Chinese Companies by Market Cap // DISFOLD : [site]. 2024. July 1. URL: https://disfold.com/china/companies/?page=1 (accessed: 27.01.2025).

[23] *Ду Вэйань*. Гуцюань фэньчжи гайгэ дэ чжиду шицзяо. Чэнду : Синань цайцзин дасюэ чубаньшэ, 2009. С. 38–39 (на кит. яз.). Цит. по: *Мозиас П.М.* Институциональные сдвиги на фондовом рынке Китая: Сводный реферат // Реферативный журнал. 2014. № 2. С. 100. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2014-04-020-022-institutsionalnye-sdvigi-na-fondovom-rynke-kitaya-svodnyy-referat/viewer (дата обращения: 09.07.2023).

[24] Emerging Issues in Finance Sector Inclusion, Deepening, and Development in the People's Republic of China. Manila: Asian Development Bank, 2014. P. 72. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/152488/emerging-issues-finance-sector-prc.pdf (accessed: 08.03.2023).

[25] China Financial Stability Report 2021. Beijing: China Financial Publishing House, 2021. P. 136. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688235/3688414/3710021/4387489/4387862/2021111218122982083.pdf (accessed: 15.04.2023).

[26] Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России. Цит. соч. С. 71–72.

[27] *Huld A.* China's Stock Markets — An Introductory Guide for Foreign Investors // China Briefing: [site]. 2021. September 24. URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-stock-markets-an-introductory-guide-for-foreign-investors/ (accessed: 12.07.2023).

[28] Подсчитано по: China Securities Regulatory Commission Annual Report 2008. Beijing: China Financial and Economic Publishing House, 2009. P. 13–14. URL: http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102063/c1372584/1372584/files/P020090701496625000834.pdf (accessed: 22.05.2023).

[29] Биржа по-китайски: как работает фондовый рынок, где почти нет иностранных инвесторов // ТБанк: [сайт]. URL: https://www.tinkoff.ru/invest/research/education/chinese-stock-market/ (дата обращения: 15.06.2023).

[30] Overview // China Securities Regulatory Commission: [site]. URL: http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102023/common_zcnr.shtml (accessed: 10.05.2023).

[31] *Shrivastava R.*, *Lee J.H.*, *Mussali G.D.* Factor Investing in the China A-Share Market: Revelations from a Contextual Alpha Model // Chartered Alternative Investment Analysis Association: [site]. 2019. Quarter 3. P. 38–39. URL: https://caia.org/sites/default/files/factor_investing_in_the_china_a-share_market.pdf (accessed: 07.07.2023).

[32] Shanghai Stock Exchange. Shanghai, 2005. P. 3–8.

[33] *Huld A.* Op. cit.

[34] Rules Governing the Listing of Shares on Shenzhen Stock Exchange (2018 Revision): Shen Zheng Shang [2018]. No. 556. Chapter V, Section 1 // Shenzhen Stock Exchange : [site]. URL: http://www.szse.cn/English/rules/siteRule/ P020190806407720871488.pdf (accessed : 14.04.2023).

[35] *Ду Вэйань*. Гуцюань фэньчжи гайгэ дэ чжиду шицзяо. Чэнду: Синань цайцзин дасюэ чубаньшэ, 2009. С. 51 (на кит. яз.). Цит. по: *Мозиас П.М.* Цит. соч. С. 104.

[36] Биржа по-китайски. Цит. соч.

[37] Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России. Цит. соч. С. 74.

[38] *Tsoi E.* Institutional Investors in Mainland China // Eurekahedge : [site]. 2004. March. URL: https://www.eurekahedge.com/NewsAndEvents/News/1058/ Institutional-Investors-in-Mainland-China (accessed: 12.07.2023).

[39] China Securities Regulatory Commission Annual Report 2020. Beijing: China Financial and Economic Publishing House, 2021. P. 39. URL: http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102063/c1606114/1606114/files/CSRC%20Annual%20Report%202020.pdf (accessed : 22.05.2023).

[40] *Акопян А.*, *Ванг Сичже*. Управление активами в Китае. М.: Кадерус Капитал, 2013. С. 7 // Caderus: [сайт]. URL: https://caderus.com/assets/research/2013-10-Caderus-Capital-research-Chinese-Asset-Management-Industry-RU.pdf (дата обращения: 12.05.2023).

[41] China Securities Regulatory Commission Annual Report 2010. Beijing: China Financial and Economic Publishing House, 2011. P. 21. URL: http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102063/c1372582/1372582/files/P020120315575855936801.pdf (accessed: 22.05.2023); *Ли Цин, Лю Хэйлин*. Национальные институциональные инвесторы в КНР: современное состояние и перспективы // Уральское востоковедение. 2011. Вып. 4. С. 105. Электронный научный архив Уральского федерального университета: [сайт]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4905/2/uv4-2011-09.pdf (дата обращения: 30.05.2023).

[42] Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России. Цит. соч. С. 76.

[43] *Акопян А.*, *Ванг Сичже*. Цит. соч. С. 8.

[44] China Securities Regulatory Commission Annual Report 2010. Op. cit. P. 21; *Lin Lin*, *Puchniak D.W.* Institutional Investors in China: Corporate Governance and Policy Channeling in the Market Within the State // Law Working Paper. 2021. No. 590. Brussels: European Corporate Governance Institute, 2021. P. 20. URL: https://www.ecgi.global/sites/default/files/working_papers/documents/ ssrnid3890620code16883672907.pdf (accessed: 13.07.2023).

[45] *Tsoi E.* Op. cit.

[46] Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России. Цит. соч. С. 76.

[47] *Lin Lin*, *Puchniak D.W.* Op. cit. P. 20.

[48] *Акопян А.*, *Ванг Сичже*. Цит. соч. С. 11.

[49] 2023 Investment Climate Statements: China // U.S. Department of State: [site]. 2023. URL: https://www.state.gov/reports/2023-investment-climate-statements/china/ (accessed: 30.12.2023).

[50] *Tsoi E*. Op. cit.

[51] *Lin Lin*, *Puchniak D.W*. Op. cit. P. 21–22.

[52] *Акопян А.*, *Ванг Сичже*. Цит. соч. С. 3, 12; *Tsoi E*. Op. cit.

[53] *Yang Misha*. Summary of PRC Laws and Regulations Token Offerings Could Implicate // Medium: [site]. 2018. July 26. URL: https://medium.com/@misha.yang/summary-of-prc-laws-and-regulations-token-offerings-could-implicate-89c80f31ecb1 (accessed: 22.04.2023).

[54] *Вахрушин И.В*. Фондовый рынок Китая. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 62.

[55] Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России. Цит. соч. С. 83.

[56] Там же. С. 84.

[57] Там же. С. 85.

[58] Там же.

[59] China's Capital Markets. Op. cit. P. 10.

[60] Securities Law of the People's Republic of China: Updated: December 28, 2019 // The National People's Congress of the People's Republic of China: [site]. 2019. December 28. Articles 181, 197. URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2019-12/28/c_674672.htm (accessed: 14.04.2023).

[61] China Securities Regulatory Commission Annual Report 2020. Op. cit. P. 25.

[62] Mainland China and Hong Kong IPO Markets. 2021 Review and 2022 Outlook. Hong Kong: KPMG, 2021. P. 10. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2021/12/china-hk-ipo-2021-review-and-outlook-for-2022.pdf (accessed: 10.04.2023).

[63] *Pang Chaoran*, *Zheng Nan*. China's Capital Market Reform and Opening-up Shows International Potential // China Focus: [site]. 2018. August 29. URL: http://www.cnfocus.com/chinas-capital-market-reform-and-opening-up-shows-international-potential/ (accessed: 12.05.2023).

[64] Foreign Institutional Investment in China. Various Access Channels: January 2021. Hong Kong: ASIFMA, 2021. P. 1. URL: https://www.asifma.org/wp-content/uploads/2021/01/accessing-chinas-capital-markets-20-january-2021.pdf (accessed: 11.06.2023).

[65] Подсчитано по: 2023 RMB Internationalization Report. Beijing: The People's Bank of China, 2023. P. 44–83. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3828468/4756463/5163932/2023120819545781941.pdf (accessed: 10.12.2023).

[66] *Huld A.* Op. cit.

[67] Указанные квоты в равных долях распределяются между биржами Шанхая и Шэньчжэня. См.: Foreign Institutional Investment in China. Op. cit. P. 9.

[68] *Wang Jun*. Spotlight on the Yuan // Beijing Review. 2015. № 43. Beijing Review: [site]. 2015. October 19. URL: http://www.bjreview.com/Business/201510/t20151019_800040545.html (accessed: 17.12.2023).

[69] The Future of China's Bond Market. Op. cit. P. 198–199.

[70] *Chanda N.S*. China A-Shares: All Investors Need to Know // Asia Fund Managers: [site]. 2023. July 12. URL: https://asiafundmanagers.com/china-a-shares-special/ (accessed: 29.07.2023).

[71] *Sheng S*. How Market Reforms will Boost Appeal of Chinese Stocks and Bonds For Foreign Investors. Op. cit.

[72] The Future of China's Bond Market. Op. cit. P. 17.

[73] China Capital Markets: Be Prepared to Seize the Investment Opportunities: Investor Guide. London: HSBC, 2019. P. 7, 10 // Readkong: [site]. URL: https://www.readkong.com/page/china-capital-markets-be-prepared-to-seize-the-investment-7683896 (accessed: 15.05.2023).

[74] *Huld A.* Op. cit.

[75] *Guo Haifeng*, *Fung Hung-Gay*. Growth Enterprise Board Initial Public Offerings: Characteristics, Volatility and the Initial Day Performance // China and World Economy. 2011. No. 1. P. 106–121. DOI:10.1111/j.1749-124X.2011.01229.x. ResearchGate: [site]. URL: https://

www.researchgate.net/publication/227371733_Growth_Enterprise_Board_Initial_Public_Offerings_Characteristics_Volatility_and_the_Initial-day_Performance (accessed: 17.05.2023).

[76] Mainland China and Hong Kong IPO Markets. 2021 Review and 2022 Outlook. Op. cit. P. 10.

[77] *Liddle J*. The NEEQ: A Stock Market for SMEs in China // China Briefing: [site]. 2017. June 8. URL: https://www.china-briefing.com/news/neeq-chinas-new-stock-market-smes/ (accessed: 09.06.2023).

[78] *Lerong Lu*, *Jiujing Ye*. Beijing Stock Exchange: How China Reforms Share Listing and Trading Rules to Promote SME Finance? // Sites@Duke Express: [site]. 2022. March 8. URL: https://sites.duke.edu/thefinregblog/2022/03/08/beijing-stock-exchange-how-china-reforms-share-listing-and-trading-rules-to-promote-sme-finance/ (accessed: 09.06.2023).

[79] Пекинская фондовая биржа провела 100 IPO за семь месяцев после открытия // РБК: [сайт]. 24 июня 2022. URL: https://quote.rbc.ru/news/article/62b5d3889a7947b4541dade8 (дата обращения: 20.06.2023).

Глава 4

Преобразование налогово-бюджетной системы

Значительные масштабы государственного бюджета, высокая динамика доходов и расходов государства, наблюдаемые в Китае в последние двадцать лет, концентрация финансовых ресурсов на важнейших направлениях социально-экономического развития страны обеспечили существенный рост народного благосостояния, быстрое развитие социальной и производственной инфраструктуры, активное обновление промышленной базы, исключительно высокие темпы народнохозяйственного роста и обретение КНР лидирующий позиций в мире по размерам ВВП. Достижение этих впечатляющих результатов сопровождалось, однако, выявлением и обострением ряда серьезных проблем в сфере государственных финансов.

Уже в начале 2010-х годов стало очевидно, что состояние налоговой системы и государственных расходов, равно как и характер финансовых взаимоотношений центрального и местных правительств, по сути дела, не отвечают не только возросшим социальным обязательствам правительства страны, но и задачам КНР в сфере совершенствования экономических отношений. Экономика КНР по уровню своего развития как бы «переросла» действующую систему государственных финансов.

Реформа государственных финансов: основные направления

Несмотря на высокие среднегодовые темпы прироста государственных доходов (в 2005–2014 гг. — 18,2%)[1], выявился растущий разрыв между финансовыми поступлениями и потребностями социально-экономического развития страны, находящий свое проявление в постоянном увеличении бюджетного дефицита, размеры которого в 2015 г. составили 2,4 трлн юаней (3,4% ВВП) против 1,1 трлн юаней (1,8%) в 2013 г. и 0,9 трлн юаней (1,6%) в 2012 г.[2].

В середине 2013 г. государственный (внутренний и внешний) долг КНР достиг 30,27 трлн юаней, или 51,8% ВВП. Еще в 2010 г. этот показатель составлял 43,5%, а в 2005 г. — 32,9%[3]. Тем самым Китай последовательно приближался к порогово-

му показателю в 60% ВВП, сигнализирующему, согласно методологии МВФ, об угрозе финансовой дестабилизации.

Ситуация осложнялась тем, что в обозримой перспективе не просматривалась возможность ограничения роста государственных расходов и сокращения их доли в ВВП. Наоборот, Китай стоял перед необходимостью изыскания огромных дополнительных ресурсов с учетом таких важнейших реалий современного Китая, как неизбежное долговременное замедление темпов экономического роста в сочетании с целым комплексом системных проблем, включая активное развитие урбанизации при прогрессирующем старении населения, деградацию окружающей среды, имущественную и социальную поляризацию общества. Только на цели урбанизации местные правительства, по оценке, должны были ежегодно привлекать на рынке капитала в среднем около 5 трлн юаней. Решение этой задачи было весьма проблематично без существенных изменений в финансовой сфере КНР[4].

Необходимость решения указанных проблем уже в первой половине 2010-х годов поставила в повестку дня глубокое реформирование бюджетно-налоговой системы КНР в интересах создания более действенного механизма управления финансовыми ресурсами, мобилизации всех возможных источников финансирования, а равно и повышения эффективности их использования. Приоритетность финансовой сферы была особо отмечена в решениях 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.), определившего основные направления нового раунда реформирования экономической системы страны.

Если прежде, начиная еще с 1992 г., в решениях партийных съездов и пленумов ЦК КПК неизменно указывалось, что в условиях создаваемой в КНР социалистической рыночной экономики, функционируя под государственным макроконтролем, рынок призван играть *основополагающую* роль в распределении ресурсов, то теперь роль рынка определена как *решающая*. Что касается органов государственного управления, то они должны эффективно работать в рыночной среде, а не подменять своими действиями функции рынка[5]. Указанное смещение акцентов прослеживается по всем направлениям заявленного на пленуме всестороннего реформирования экономических, политических, культурных, социальных институтов общества.

Одним из ключевых звеньев целого комплекса преобразований, составляющих своеобразную маршрутную карту нового витка системных изменений, является реформа финансовой сферы как ядра современной рыночной экономики. Как было отмечено на пленуме, финансы являются важной основой государственного управления, а научно обоснованная финансовая система и система налогообложения обеспечивают необходимые институциональные гарантии для оптимального размещения ресурсов, поддержания социальной справедливости и обеспечения долговременного мира и стабильности в стране[6].

Решение придать финансовой сфере более открытый, рыночно ориентированный характер, помимо прочего, нацелено на совершенствование бюджетного регулирования и рациональное перераспределение налоговой нагрузки в экономике, оптимизацию разделения налоговых и неналоговых поступлений между центральным и местными бюджетами при сохранении общей стабильности финансов центра и регионов в сочетании с реформой налоговой системы. В конечном итоге все это

призвано облегчить доступ субъектов рынка к финансовым ресурсам, повысить качество финансовых услуг, создать надежную систему управления рисками и, как результат, усилить роль финансовой системы в развитии реального сектора экономики.

Для дальнейшего усиления рыночных начал в экономической жизни государством была принята целая серия важных решений, определяющих основное содержание и важнейшие направления глубокой структурной реформы финансовой системы КНР. В частности, в июне 2014 г. Политбюро ЦК КПК своим решением утвердило «План углубления финансовой реформы», определивший содержание и последовательность преобразований налоговой системы, бюджетного механизма и межбюджетных отношений. Был обозначен и график реформы: первостепенные системные преобразования намечалось провести до конца 2016 г., завершив комплексную трансформацию финансовой системы не позднее 2020 г.[7].

В августе 2014 г. Постоянный комитет ВСНП одобрил новую редакцию Закона о бюджете КНР от 1994 г. Подготовка (2004–2010) и рассмотрение (2011–2014) обновленного закона заняли в общей сложности более десяти лет. В соответствии с внесенными поправками, в частности, был установлен механизм управления и контроля за долгами местных правительств, повышены требования к прозрачности бюджетного процесса, ограничены масштабы специальных финансовых трансфертов центрального правительства региональным властям, усилены контрольные функции и полномочия ВСНП в отношении формирования и исполнения бюджета, а также утверждены обязанности Народного банка Китая в качестве управляющего государственным казначейством.

Закон о бюджете в новой редакции вступил в силу 1 января 2015 г.[8]. Но еще в сентябре 2014 г. во исполнение его предписаний Госсовет КНР принял решение об углублении реформы управления бюджетной системой, предусматривающее, в частности:

— обеспечение прозрачности центрального и местных бюджетов: финансовым органам разных уровней предписано публиковать детальные финансовые планы и отчеты об их исполнении не позднее 20 дней после их утверждения законодательными собраниями[9];
— создание системы среднесрочного бюджетного планирования: составление бюджетов, рассчитанных на трехлетний период, с возможностью переноса дефицита (либо профицита) годового бюджета на последующие один-два года, что должно облегчить принятие экономических решений, выходящих за пределы текущего финансового года;
— совершенствование налогового администрирования: вводился запрет на использование местными правительствами целевых финансовых сборов, а также самостоятельное установление ими налоговых льгот, нарушающих собираемость налогов и развитие рыночной конкуренции. Вместо этого была предусмотрена возможность универсального применения стимулирующих налоговых льгот и преференций на всей территории страны в соответствии с законом общегосударственного действия;

— придание большей гибкости системе межбюджетных трансфертов. При этом уменьшение роли целевых финансовых трансфертов из центра на реализацию местными властями конкретных инвестиционных проектов сочетается с соответствующим увеличением так называемых общих трансфертов, передаваемых местным властям для самостоятельного расходования, исходя из потребностей регионального развития. Уже в 2014 г. было предусмотрено сокращение числа финансируемых из центра проектов с 220 до 150 и увеличение доли несвязанных трансфертов до свыше 60% общей суммы средств, перечисляемых из центрального в местные бюджеты (в 2013 г. — 56,7%)[10];
— усиление контроля за исполнением бюджетов всех уровней, предполагающее применение более жестких бюджетных правил и ограничений, улучшение работы казначейства и т.д. Установлено, в частности, что провинциальные финансовые управления отвечают за состояние финансов местных органов власти на уровне городов, уездов и волостей. При превышении пороговых значений фискальных рисков местные правительства верхнего уровня уполномочены реструктурировать задолженность властей нижнего уровня перед кредиторами и привлечь должностных лиц к ответственности[11].

Большое значение имел отказ от практиковавшейся в течение многих лет так называемой двухканальной системы распределения, в соответствии с которой государственные доходы и расходы делились на две части — в рамках госбюджета и вне этих рамок. Представляя собой различного рода неналоговые поступления (сборы, платежи, специальные надбавки к тарифам и т.п.), не охваченные обычным бюджетным менеджментом, внебюджетные доходы включают так называемые административные платежи, собираемые в установленном порядке министерствами, ведомствами и местными органами власти (аэродромные сборы, портовые сборы, платежи за оформление въездных виз и т.д.), а также операционные сборы, взимаемые за оказываемые услуги государственными учреждениями и предприятиями (учебные учреждения, учреждения науки и здравоохранения, объекты коммунального хозяйства и т.п.) Формируемые на этой основе внебюджетные фонды различного подчинения в 1995–2005 гг. в среднем составляли 3,8% ВВП КНР и 29% общей суммы государственных доходов[12].

Сбор и расходование внебюджетных финансовых ресурсов были децентрализованы и непосредственно контролировались местными органами власти, правительственными административными единицами и предприятиями. В основном они использовались для строительства и технического обслуживания городской инфраструктуры, содержания коммунальных служб, технической реконструкции государственных предприятий местного подчинения, строительства ирригационных и водоохранных сооружений в сельской местности и т.д. Значительная часть внебюджетных поступлений направлялась на выплату пособий и премий работникам государственных предприятий и учреждений.

С целью установления единого государственного контроля за формированием и расходованием непрозрачных и плохо управляемых внебюджетных доходов в соответствии с новой редакцией Закона о бюджете было предпринято объединение

в рамках интегрированного национального фонда доходов и расходов четырех отдельных составляющих государственных финансов. В опытном порядке такая методика была применена при составлении бюджета 2013 г. (т.е. еще до принятия новой редакции Закона о бюджете) и продолжена в дальнейшем. Уже в 2014 г. отчет об исполнении бюджета засвидетельствовал огромные масштабы внебюджетных средств, включаемых отныне в систему бюджетного контроля и регулирования.

При этом *обычный общественный бюджет* (т.е. государственный бюджет как таковой) формируется главным образом на основе налоговых доходов, составляющих 83–88% его доходной части. Общие размеры государственных доходов, поступающих в обычный общественный бюджет, в 2019 г. превысили 19 трлн юаней, что соответствует 19,2% ВВП. За счет этих средств финансируются расходы на решение экономических, социальных и административно-государственных задач.

Бюджет правительственных фондов складывается из двух с лишним десятков фондов разного характера, покрывающих расходы на реализацию ключевых национальных проектов и программ. Общие размеры этого бюджета в 2019 г. составили почти 8,5 трлн юаней, или 8,6% ВВП. Средства, собираемые и расходуемые в рамках бюджета правительственных фондов, на 85% представляют собой доходы правительств провинций, городов и уездов от продажи компаниям-девелоперам прав долгосрочного (40–70 лет) пользования государственными земельными участками на местах с целью их жилой и коммерческой застройки. Составляя почти 85% всей доходной части бюджета правительственных фондов (в 2019 г. — свыше 7 трлн юаней), эти средства «земельного финансирования» направляются на развитие городской инфраструктуры Китая. Помимо этого местные органы власти контролируют еще свыше десятка значительно менее крупных целевых фондов, включая фонд поддержки городской инфраструктуры (в 2019 г. — 275 млрд юаней), фонд развития сельскохозяйственных земель (19 млрд юаней), местный фонд для переселения из местностей, подлежащих затоплению (6 млрд юаней) и т.д. В целом местные органы власти распоряжаются свыше 90% бюджета правительственных фондов по всей стране.

Центральное правительство в лице Госсовета КНР контролирует десять общегосударственных и ведомственных фондов, имеющих целевой характер и составляющих в общей сложности до 5% бюджета правительственных фондов. В их числе, в частности, фонд развития гражданской авиации (43 млрд юаней), фонд железнодорожного строительства (54 млрд юаней), фонд развития туризма (1,6 млрд юаней), специальный государственный фонд управления долгом (63 млрд юаней), фонд утилизации отработавшего топлива атомных электростанций (2,4 млрд юаней), фонд утилизации отработанного электрического и электронного оборудования (87 млрд юаней) и т.д.

Наконец, пять фондов (примерно 2% бюджета правительственных фондов по всей стране) находятся в совместном ведении Госсовета КНР и местных органов власти. Среди них национальный фонд развития кинематографии (3 млрд юаней), фонд общественного благосостояния, формируемый за счет доходов от распространения лотерейных билетов (117 млрд юаней), фонд реализации ключевых государственных проектов ирригационного строительства (22 млрд юаней) и др.[13].

Бюджет операций с государственным капиталом формируется за счет направления в доход государства части доходов государственных компаний и корпораций центрального и местного подчинения, включая отчисления от их чистой прибыли, дивиденды по акциям, доходы от передачи собственности в аренду, ликвидационные доходы и другие виды доходов, связанных с использованием государственных средств. Установив такой порядок в 2007 г., Госсовет КНР дифференцировал госпредприятия центрального подчинения в зависимости от нормы отчислений от прибыли в государственную казну. По состоянию на 2016 г. этот норматив составлял 25% для предприятий табачной промышленности; 20% — для нефтяных, нефтехимических, угольных, электроэнергетических и иных энергетических предприятий; 15% — для металлургических компаний, торговых, транспортных, строительных предприятий и т.п.; 10% — для производителей военной техники, предприятий культуры и развлечений и др. Стратегические компании, включая, например, Китайскую корпорацию зернового резерва и Китайскую корпорацию по запасам хлопка (объединены в 2017 г.), освобождены от частичного перечисления прибыли в госбюджет. По планам правительства норма отчислений операционной прибыли для предприятий центрального подчинения подлежала дальнейшему увеличению (до 30% в 2020 г.).

Вместе с тем вследствие невысокой экономической эффективности госпредприятий общие размеры их доходов, перечисляемых в госбюджет, невелики и увеличиваются довольно медленно. В 2019 г. доходная часть бюджета операций с государственным капиталом составила около 400 млрд юаней (0,4% ВВП) против 171 млрд юаней (0,3% ВВП) в 2013 г. В рассматриваемый период удельный вес отчислений от прибыли снизился с 75 до 66% общей суммы доходов бюджета операций с государственным капиталом при одновременном увеличении доли дивидендов и доходов от аренды собственности с 7 и 8% до 14 и 13% соответственно. Аккумулируемые таким образом финансовые ресурсы направляются на решение вопросов реформы предприятий госсектора. В их числе сокращение избыточных производственных мощностей, трудоустройство уволенного персонала, субсидирование убыточных государственных компаний, структурная перестройка государственного сектора экономики (например, освобождение госпредприятий от содержания коммунальных служб с передачей соответствующих функций специализированным государственным организациям), реформирование предприятий коллективной собственности, создаваемых при государственных компаниях и т.п.[14]. Бюджет операций с государственным капиталом делится примерно поровну между центральным и местными органами власти.

Бюджет фондов социального страхования пополняется и расходуется за счет социальных взносов предприятий и учреждений-работодателей в рамках реализации государственных программ базового пенсионного страхования, страхования от безработицы, базового медицинского страхования, страхования от производственного травматизма и страхования по беременности и родам. Ответственность за реализацию этих программ, а равно за формирование и расходование данного бюджета возложена на местные органы власти. Первые десятилетия XXI в. отмечены быстрым ростом расходов КНР на создание и развитие общегосударственной сети соци-

ального обеспечения, составивших в 2019 г. 8,4 трлн юаней (8,4% ВВП) против 265 млрд юаней (2,6% ВВП) в 2000 г. Базовое пенсионное страхование и базовое медицинское страхование являются крупнейшими программами социального страхования в Китае. В 2010–2019 гг. взносы предприятий в рамках их реализации обеспечили 70 и 26% доходов бюджета фондов социального страхования, аналогичные показатели по страхованию от безработицы, страхованию от производственных травм и страхованию по беременности и родам составили 2,4%, 1,3 и менее 1% соответственно[15].

В целом доходная часть всех четырех компонентов государственного бюджета КНР соответствует примерно 37% ВВП (2019 г.), распределяясь практически в равных долях между обычным общественным бюджетом (19,2%) и тремя вместе взятыми новыми разделами бюджетной классификации, включая бюджет правительственных фондов (8,5%), бюджет фондов социального страхования (8,4%) и бюджет операций с государственным капиталом (0,4%). Это свидетельствует о весьма высоком уровне фискальной нагрузки, включая налоговые, социальные и иные обязательные платежи, на китайскую экономику. В 2008 г., согласно Индексу налоговых обременений журнала *Forbes*, Китай занимал пятое место в мире по этому показателю, уступая только Франции, Нидерландам, Бельгии и Швеции. В 2009 г. Китай переместился на вторую позицию сразу вслед за Францией[16].

Современная налогово-бюджетная система КНР

В Китае, как и в других странах мира, налоговые поступления являются важнейшей составляющей доходов государственного бюджета и, соответственно, основным источником финансирования всей государственной политики — как внутренней, так и внешней. Одновременно налоговая система активно используется властями как действенный инструмент макроэкономического регулирования и непосредственно влияет на процессы экономического и социального развития страны.

Формирование современной системы налогообложения в КНР относится к периоду 1980-х годов и связано с началом осуществления экономических реформ и политики открытости. Появление новых хозяйствующих субъектов (совместные и иностранные предприятия, частные компании и т.д.), а равно и возникновение новых экономических отношений потребовало существенной перестройки всей финансовой, и прежде всего налоговой, системы.

С того времени и вплоть до сегодняшних дней налоговая система КНР неизменно, хотя и с разной степенью интенсивности, находится в процессе преобразования и усовершенствования. При этом если на первом этапе важнейшей задачей являлось стимулирование притока иностранных инвестиций и регулирование отношений с иностранными предпринимателями, то по мере укрепления рыночных начал в китайской экономике все более актуальными становятся вопросы создания равных условий экономической деятельности для всех субъектов рынка, повышения роли рыночных механизмов в распределении ресурсов, упрощения и повышения эффективности самой налоговой системы в соответствии с международными стандартами.

Наиболее масштабная налоговая реформа состоялась вскоре после объявления в 1993 г. курса КПК на создание в стране социалистической рыночной экономики. В основу формирования новой налоговой системы, а равно и нового алгоритма взаимоотношений центрального правительства с местными органами власти были заложены такие руководящие принципы, как «единый налоговый закон, справедливое налоговое обложение, упрощенная налоговая система, раздельное направление налоговых потоков»[17].

В 1994 г. общее число налогов было уменьшено в полтора с лишним раза — с 37 до 23. Среди отмененных фигурировали такие налоги, как сельскохозяйственный налог, строительный налог, соляной налог, налог на забой скота, налог на банкеты и т.д. При этом была произведена унификация и облегчение налогообложения прибыли предприятий (кроме иностранных и совместных компаний). С распространением НДС на все виды промышленной продукции и установлением ряда новых косвенных налогов заметно расширилось налогообложение потребления.

Наконец, была создана действующая и поныне система разделения налоговых поступлений между бюджетами различного уровня, основанная на разграничении полномочий между центральными и местными органами исполнительной власти. Было установлено, в частности, что центр отвечает за безопасность государства, внешнеэкономическую деятельность, работу центральных органов государственного управления, урегулирование экономической структуры и упорядочение регионального развития. Сфера ответственности регионов охватывает финансирование экономического и социального развития соответствующих территорий.

Используемая для достижения указанных задач система разделения налогов призвана, с одной стороны, усилить роль центрального правительства в регулировании социально-экономических процессов, а с другой — обеспечить финансовые потребности местных органов власти, закрепив за ними конкретные статьи доходов. Одновременно была внедрена система налоговых трансфертов между центральным и местными бюджетами.

Оптимизация структуры налогообложения продолжалась и после 1994 г. Так, в 2005 г. были отменены специальный налог на отдельные виды продукции сельского и лесного хозяйства, а также налог на скот (животноводческий налог); в 2007 г. произошла унификация корпоративного подоходного налога с отечественных компаний и аналогичных налогов с совместных и полностью иностранных предприятий. К началу третьего десятилетия XXI в. налоговая система КНР была непосредственно приближена к международным стандартам. Она представлена 17 основными налогами, которые, исходя из их экономической природы, могут быть сгруппированы в три группы: с оборота; с доходов; с природных ресурсов, действий и имущества.

Налогообложение оборота

Налог на добавленную стоимость (1984 г.)[18] является косвенным налогом* и представляет собой форму изъятия в бюджет части вновь созданной стоимости

* Косвенные налоги — налоги на товары и услуги в виде надбавки к цене или тарифу. Предприятие, производящее товары или оказывающее услуги, продает их по цене, увеличенной с учетом надбавки, и выплачивает соответствующую сумму налога из выручки. По сути, оно выступает только сборщиком косвенного налога, а реальным его плательщиком является покупатель.

товаров (работ, услуг) после их реализации. Плательщиками НДС являются все юридические и физические лица, занимающиеся реализацией какой-либо продукции, предоставлением услуг по ее обработке, ремонту и замене, а равно и импортом товаров на территорию КНР. Ставка НДС в большинстве случаев составляет 13%, по отношению к ограниченному кругу товаров применяется ставка в 9%. Существует определяемый Госсоветом КНР перечень товаров, освобожденных от обложения НДС. Это, в частности, сельскохозяйственная продукция, произведенная и самостоятельно продаваемая крестьянами; медицинские товары; импортные инструменты и оборудование для научных исследований и обучения; материалы и оборудование, импортируемые в рамках контрактов по поручительской сборке и переработке; изделия, ввозимые из-за рубежа организациями инвалидов для использования инвалидами и т.п.

Малые предприятия с оборотом менее установленного законом уровня уплачивают НДС в размере 3% по упрощенной схеме расчета. Так называемые микропредприятия освобождены от уплаты налога. Экспортеры имеют право на полный или частичный возврат НДС при вывозе продукции за пределы таможенной территории КНР.

Потребительский налог (1994 г.) — это акциз, уплачиваемый в дополнение к НДС организациями и физическими лицами при реализации и импорте отдельных категорий потребительских товаров. В число подакцизных товаров в 1994 г. были включены табачные изделия, алкогольная продукция, парфюмерия и косметика, фейерверки, драгоценности, бензин, дизельное топливо, автопокрышки, мотоциклы и легковые автомобили. В 2006 г. этот список был расширен посредством включения в него таких товаров, как инвентарь для гольфа, наручные часы элитных марок, яхты, одноразовые деревянные палочки для еды и паркетная доска.

В зависимости от объекта налогообложения налог взимается с объема либо со стоимости реализованной продукции с использованием соответственно специфических (фиксированная сумма платежа на объем продукции) либо адвалорных (в процентах от стоимости продукции) ставок налога. Специфические ставки налогообложения варьируются в широких пределах, составляя от 1,52 юаня за литр бензина до 250 юаней за тонну пива. Адвалорные ставки составляют от 3% (мотоциклы) до 56% (сигареты) стоимости товаров, подлежащих налогообложению.

Налог на предпринимательскую деятельность (1993 г.) уплачивается организациями и физическими лицами, которые занимаются оказанием услуг и выполнением работ, не подпадающих под действие НДС. Это прежде всего налог на предприятия сферы услуг. Данный налог также уплачивается при продаже недвижимости (зданий, строений, помещений) и передаче прав на нематериальные активы. Ставка налога варьируется в зависимости от отраслевой принадлежности предприятий сферы услуг, составляя 3% (услуги в сфере транспорта, строительства, почты и телекоммуникаций, культуры, спорта), 5% (финансовые и страховые услуги) и от 5 до 20% (услуги в индустрии развлечений). От налогообложения освобождены социальные услуги, предоставляемые яслями, детскими садами, домами престарелых и учреждениями социального обеспечения; услуги, предоставляемые инвалидами; медицинские услуги; образовательные услуги и др. Налог по ставке в 5% уплачивается при передаче нематериальных активов и продаже недвижимости.

Налог на содержание и застройку городских территорий (1985 г.) уплачивается теми же плательщиками, что и НДС, потребительский налог и налог на предпринимательскую деятельность. Это местный добавочный налог, имеющий, как следует из его названия, строго целевой характер. Налоговая база для его исчисления определяется посредством суммирования фактических сумм налоговых платежей по трем упомянутым выше налогам за вычетом НДС и потребительского налога, уплаченных с импортных товаров. Ставки налогообложения различаются в зависимости от категории населенного пункта (в городах — 7%, в уездных центрах и поселках — 5%, в иных населенных пунктах — 1%).

Большая часть поступлений по данному налогу остается в распоряжении местных органов власти и используется для содержания жилищно-коммунальных служб, а также для строительства и обслуживания общественной инфраструктуры. В доход центрального правительства поступают платежи государственной корпорации «Китайские железные дороги», Народного банка Китая, «Большой четверки» государственных акционерных банков, а также крупных страховых компаний (далее — крупнейшие налогоплательщики).

Дополнительные сборы на образование (1986 г.), подобно налогу на содержание и застройку городских территорий, уплачиваются с суммы фактически уплаченного НДС, потребительского налога и налога на предпринимательскую деятельность. Основная часть дополнительных сборов поступает в местные бюджеты. Исключение составляют платежи упомянутых выше крупнейших налогоплательщиков, пополняющие центральный бюджет. Дополнительный сбор, поступающий в центральный бюджет, составляет 3%, местный сбор — 2%[19].

Налогообложение доходов

Налог на прибыль предприятий (корпоративный подоходный налог, 2007 г.) уплачивается как компаниями-налоговыми резидентами КНР, так и предприятиями, не имеющими этого статуса. В первом случае налогообложению подлежит вся сумма доходов от источников в КНР и за рубежом, а во втором — только доходы, полученные в Китае, в том числе доходы от деятельности представительств и так называемые пассивные доходы (дивиденды, проценты, роялти). Взимается по ставке в 25% с суммы доходов предприятия за вычетом расходов, включая себестоимость продукции, накладные расходы и убытки. Налоговые поступления распределяются между центральным и местными бюджетами в пропорции 60:40, за исключением платежей крупнейших налогоплательщиков, полностью поступающих в распоряжение центра. Не распространяется на индивидуальные частные предприятия и товарищества.

Налог на доходы физических лиц (личный подоходный налог, 1993 г.) уплачивается физическими лицами, индивидуальными торгово-промышленными хозяйствами, участниками товариществ.

Плательщиками налога являются китайские и иностранные граждане. Те из них, кто проживают в КНР постоянно (в течение одного года и более), уплачивают налог с доходов, полученных как в КНР, так и за рубежом. Проживающие в КНР менее

одного года уплачивают налог только с доходов, полученных в Китае. Налог взимается по отдельным доходным статьям в соответствии с установленными для них ставками.

Налогообложение природных ресурсов, имущества, действий

Ресурсный налог (налог на добычу природных ресурсов, 1993 г.) уплачивается предприятиями и лицами, ведущими в КНР добычу полезных ископаемых, включая сырую нефть, природный газ, уголь, железную руду, руды цветных металлов, неметаллические руды, а также каменную соль. Взимается с количества добытого сырья либо с его стоимости по специфическим либо адвалорным ставкам соответственно. Размеры ставок варьируются в зависимости от степени распространения, качества и местоположения облагаемых налогом полезных ископаемых. Налоговые платежи компаний, входящих в группу Китайской государственной шельфовой нефтяной корпорации, поступают в центральный бюджет КНР, все прочие платежи — в местные бюджеты.

Налог на недвижимость (1986 г.) уплачивается предприятиями и лицами, обладающими правом собственности или правом использования строений в городской местности, если недвижимость используется для ведения предпринимательской деятельности. Для владельцев городской недвижимости ставка налога составляет 1,2% от остаточной стоимости строения после вычета из его первоначальной стоимости от 10 до 30% ее величины. При сдаче недвижимости в аренду базой для исчисления налога служит доход от арендной платы, налог составляет 12% от ее величины. При сдаче в аренду жилого помещения, находящегося в личной собственности граждан, ставка налога составляет 4%. Налог не взимается с домов или квартир для личного пользования, а также со строений, используемых государственными и общественными организациями, бюджетными учреждениями, воинскими частями, религиозными организациями, городскими парками и т.п.

Налог на прирост стоимости земли (1993 г.) уплачивается организацией или физическим лицом при передаче (переуступке) ими права пользования земельным участком, находящимся в общественной собственности. Этот налог используется государством для распределения дохода от увеличения стоимости земли и общего регулирования рыночных операций с землей и недвижимостью. Налоговой базой является разница между доходом, полученным от передачи права пользования землей, и расходами, понесенными в связи с приобретением данного права и освоением земельного участка. Налог взимается по прогрессивной четырехступенчатой ставке в размере от 30 до 60%.

Налог на использование земельных участков в городах (1988 г.) уплачивается один раз в год организациями и гражданами, получившими право использования государственной земли в городах. Рассчитывается по ставкам от 0,6 до 30 юаней за квадратный метр занимаемой площади. Размер ставки варьируется в зависимости от административного статуса города (крупные, средние и малые города, а также уездные центры и промышленные районы)

Налог на отчуждение пахотных земель (1987 г.) уплачивается однократно учреждениями и отдельными лицами, использующими сельскохозяйственные земли для возведения строений и иного несельскохозяйственного строительства. Ставка налога зависит от средней обеспеченности земельными ресурсами в регионе и составляет от 5 до 50 юаней за квадратный метр отчуждаемой площади.

Налог на сделки (1950 г.) уплачивается лицами, приобретающими права пользования земельными участками или права собственности на здания, строения, сооружения, помещения, по ставке от 3 до 5% стоимости передаваемого имущества.

Налог на транспортные средства (1986 г.) ежегодно уплачивается владельцами сухопутных и водных транспортных средств (пассажирский и грузовой автотранспорт, спецтранспорт, мотоциклы, сельскохозяйственные транспортные средства, водные суда, яхты). Ставка налога варьируется в зависимости от вида и размеров транспортного средства и составляет: для автотранспорта — от 36 до 5400 юаней в расчете на единицу, для водных судов — от 3 до 60 юаней за тонну дедвейта, для яхт — от 600 до 2000 юаней за каждый метр длины.

Налог на приобретение автотранспорта (2000 г.) уплачивается физическими лицами и организациями, которые покупают, а также получают в дар или в качестве награды новые автотранспортные средства, включая автомобили, мотоциклы, трейлеры и сельскохозяйственную транспортную технику. Ставка налога составляет 10%, налоговой базой служит цена транспортного средства без учета НДС (при импорте — цена плюс импортный тариф и потребительский налог). Исключение представляют как отечественные, так и импортные автомобили на новых источниках энергии (электромобили, гибридные авто, автомобили на водородных топливных элементах), приобретение которых с 2018 г. освобождено от уплаты данного налога. При покупке любого автомобиля на вторичном рынке налог не взимается.

Налог на табачный лист (2006 г.) взимается с организаций и лиц, осуществляющих закупки табачного листа. Ставка налога составляет 20% от стоимости приобретенного табачного листа.

Гербовый сбор (1988 г.) уплачивается гражданами и организациями при заключении хозяйственных договоров. Рассчитывается исходя из суммы сделки по ставкам в 0,05%, 0,3, 0,5% или 1% в зависимости от предмета договора (купля-продажа, подряд, аренда и т.д.) Уплачивается также при выдаче государственных свидетельств, разрешений, лицензий и т.п. из расчета 5 юаней за документ. Гербовые сборы формируют налоговые доходы местных органов власти, за исключением сборов со сделок с ценными бумагами, которые с 2017 г. полностью поступают в центральный бюджет КНР.

Администрированием налогообложения и сбором налогов занимается имеющее статус министерства Государственное налоговое управление КНР (далее — ГНУ КНР) совместно с учрежденными в 1994–1995 гг. региональными налоговыми службами, находящимися в двойном подчинении ГНУ КНР и местных правительств провинциального уровня. Таблица 17 дает представление о роли различных налогов в формировании доходов центрального и местных бюджетов.

Таблица 17

Налоговые доходы КНР, 2014 г.

Наименование доходов	Всего		Центральный бюджет		Местные бюджеты	
	млрд. юаней	%	млрд. юаней	%	млрд. юаней	%
Налоговые доходы, всего	**11917,5**	**100,0**	**6003,5**	**100,0**	**5914,0**	**100,0**
В том числе:						
Косвенные налоги	**6864,0**	**57, 6**	**3682,1**	**61, 3**	**3181,9**	**53,8**
НДС (внутренний)	3085,5	25,9	2110,3	35,2	975,2	16,5
Потребительский налог (внутренний)	890,7	7,5	890,7	14,8	–	–
НДС и потребительский налог на импорт*	306,9	2,6	306,9	5,1	–	–
Налог на предпринимательскую деятельность	1778,2	14,9	6,9	0,1	1771,3	30,0
Налог на содержание и застройку городских территорий	364,4	3,0	18,3	0,3	346,1	5,8
Гербовый сбор	154,0	1,3	64,7	1,1	89,3	1,5
Таможенные тарифы	284,3	2,4	284,3	4,7	–	–
Прямые налоги	**5053,5**	**42,4**	**2321,4**	**38,7**	**2732,1**	**46,2**
Налог на прибыль предприятий	2464,2	20,7	1581,3	26,3	882,9	14,9
Налог на доходы физ. лиц	737,7	6,2	442,6	7,4	295,1	5,0
Ресурсный налог	108,4	0,9	4,5	0,1	103,9	1,8
Налог на недвижимость	185,2	1,5	–	–	185,2	3,1
Налог на прирост стоимости земли	391,5	3,3	–	–	391,5	6,6
Налог на использование земельных участков в городах	199,3	1,7	–	–	199,3	3,4
Налог на отчуждение пахотных земель	205,9	1,7	–	–	205,9	3,5
Налог на сделки	400,1	3,4	–	–	400,1	6,8
Налог на транспортные средства	54,1	0,5	–	–	54,1	0,9
Налог на приобретение автотранспорта	288,5	2,4	288,5	4,8	–	–
Налог на табачный лист	14,1	0,1	–	–	14,1	0,2
Прочие налоговые доходы	4,5	–	4,5	0,1	–	–

* За вычетом экспортного возмещения.

Рассчитано по: China Statistical Yearbook 2015. Beijing : China Statistics Press, 2015. Table 7-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2015/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023).

Таким образом, к середине 2010-х годов почти 60% налоговых доходов бюджетной системы КНР формировалось за счет косвенных налогов. По итогам 2014 г. только на долю НДС пришлось 25,9% общей суммы налоговых доходов, еще 7,5 и 14,9% соответственно принесли потребительский налог и налог на предпринимательскую деятельность. Прямые налоги* обеспечивали примерно 40% налоговых поступлений в бюджет, не менее половины из которых — налог на прибыль предприятий. Личный подоходный налог не играл существенной роли в качестве источника бюджетных поступлений, составляя немногим более 6% налоговых доходов государства.

По сравнению с большинством экономически развитых стран налоговая система КНР характеризуется сильной зависимостью от сбора косвенных налогов. Это обеспечивает высокую собираемость налогов, но одновременно ослабляет регулятивные функции налогообложения. Ведь в отличие от обезличенной налоговой нагрузки, включенной в цену товара и в равной мере распространяющейся на любого его потребителя, прямые налоги, адресно обращенные к каждому конкретному налогоплательщику, гораздо сильнее влияют на характер и мотивацию его экономического поведения. Поэтому преобладание косвенных налогов делает налоговую систему в целом менее инструментальной, ограничивает возможности государства в макроэкономическом регулировании деловой активности и распределении доходов.

Важной характеристикой налоговой системы КНР является практически равное соотношение налоговых поступлений в бюджеты центрального и местных правительств. Это свидетельствует о политике финансовой децентрализации, проводимой властями КНР, несмотря на унитарный характер китайского государства. В этой связи следует отметить нормативное разделение налогов на три группы: 1) налоги, поступающие исключительно в центральный бюджет; 2) налоги, подлежащие разделу между центром и местами; 3) местные налоги. Принадлежность основных налогов к той или иной группе, а также пропорции распределения налоговых поступлений представлены в таблице 18.

Таблица 18

Распределение основных налогов

Категория	Наименование	Центральный бюджет	Местные бюджеты
Центральные налоги	Потребительский налог	100%	–
	Таможенные тарифы	100%	–

* Прямые налоги — налоги, адресно взимаемые с доходов или имущества налогоплательщика. В отличие от обложения косвенным налогом юридический и фактический плательщики налога при этом совпадают.

Совместные налоги	Налог на добавленную стоимость*	100% НДС на импортные товары; 50% (до 2016 г. — 75%) НДС на товары отечественного производства	50% (до 2016 г. -25%) НДС на товары отечественного производства
	Налог на предпринимательскую деятельность*	100% налога на ж/д транспорт и головные офисы банков и страховых компаний	100% налога из прочих источников
	Гербовый сбор	100% сборов с операций с ценными бумагами	100% сборов с прочих хозяйственных договоров и сборов за оформление документов
	Налог на доходы физических лиц	60%	40%
	Налог на прибыль предприятий	100% налога на ж/д транспорт и головные офисы банков и страховых компаний, предприятия центрального подчинения; 60% налога из прочих источников	40% налога из прочих источников
	Ресурсный налог	100% налога на морские проекты	100% налога на проекты на суше
	Налог на содержание и застройку городских территорий	100% налога на ж/д транспорт и головные офисы банков и страховых компаний	100% налога из прочих источников
	Дополнительный сбор на образование	100% налога на ж/д транспорт и головные офисы банков и страховых компаний	100% налога из прочих источников
Местные налоги	Налог на использование земельных участков в городах	–	100%
	Налог на недвижимость	–	100%
	Налог на транспортные средства	–	100%
	Налог на прирост стоимости земли	–	100%

	Налог на сделки	–	100%
	Налог на отчуждение пахотных земель	–	100%

* В 2016 г. налог на предпринимательскую деятельность заменен налогом на добавленную стоимость с изменением пропорции раздела НДС между центральным и местными бюджетами. Подробнее см. раздел «Основные направления реформы налогообложения»

Источник: данные Министерства финансов КНР. Приводятся по: Money Matters. Local Government Finance in the People's Republic of China. Manila: Asian Development Bank, 2014. P. 109 (Appendix 2). URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/151515/money-matters-local-government-finance-peoples-republic-china.pdf (accessed: 10.07.2023).

В целом, несмотря на многообразие и дифференцированность налоговых поступлений, в КНР выделяются пять важнейших, системообразующих налогов, включая НДС, потребительский налог, налог на предпринимательскую деятельность, налог на прибыль предприятий и личный подоходный налог. Указанные налоги обеспечивают наполнение центрального и местных бюджетов на 90% и 70% соответственно.

Особенностью налоговой системы КНР является и большое разнообразие налоговых льгот. В их числе так называемые налоговые каникулы, применение сниженной ставки налога и дополнительных вычетов из налогооблагаемого дохода, зачет тех или иных расходов в счет уплаты налога, ускоренная амортизация и даже возможность полного освобождения от налога на определенный период[20]. Большинство льгот имеет разрешительный характер и поставлено в зависимость от отраслевой принадлежности и территориального размещения объекта налогообложения, масштабов производства, его технического уровня, степени квалификации производственного персонала и т.п. При этом помимо централизованно установленных преференций имеется и множество локальных инициатив, применяемых властями на местном уровне с целью привлечения дополнительных национальных и иностранных инвестиций.

Использование налоговых льгот имеет определенный практический эффект с точки зрения реализации проводимой властями КНР промышленной и региональной политики, но одновременно и создает проблемы. Обилие и подчас произвольный характер объявленных льгот не только сужают базу налогообложения, но и ведут к искажению рыночной среды. По мере усиления системы рынков в Китае это все больше вступает в конфликт со стратегией и основными принципами экономического развития страны, требуя соответствующих изменений финансовой системы.

Основные направления реформы налогообложения

В контексте рыночного реформирования китайской экономики налоговая система КНР как один из важнейших инструментов перераспределения ВВП и макроэко-

номического регулирования в целом претерпевает постоянные изменения. При этом правительство не только демонстрирует настойчивое стремление к созданию системы налогообложения, наиболее адекватной национальным условиям, но и прибегает к ситуативному реагированию на те или иные перемены в общей экономической ситуации в стране. Наиболее важные из предпринимаемых мер можно систематизировать для рассмотрения и анализа в рамках следующих основных направлений реформы.

От производственного к потребительскому типу НДС

Применяемый с 1984 г. НДС распространяется на реализацию любых товаров, работ и услуг на территории КНР и генерирует гораздо больше бюджетных поступлений, чем любой другой налог в Китае. Первоначально стандартная ставка НДС была установлена в размере 17% для большинства видов продукции и 13% для ограниченного круга товаров, включая сельскохозяйственную продукцию, отдельные товары первой необходимости (продовольственное зерно, растительное масло), сельскохозяйственную технику, удобрения, корма, пищевую соль, а также водопроводную воду, отопление, каменный или древесный уголь для бытового использования, газ. В интересах стимулирования экономической активности субъектов рынка в 2017–2019 гг. решениями Минфина и ГНУ КНР ставки НДС по указанным выше категориям товаров шаг за шагом были последовательно понижены до 13 и 9% соответственно.

НДС рассчитывался на основании общего дохода от продаж и администрировался при помощи выставления счетов-фактур. При этом с самого начала конструкция налога допускала возможность зачета входящего НДС, т.е. той части налога, которая уже уплачена с товаров, приобретенных для производства конечного продукта. Однако данное правило относилось только к стоимости сырья и материалов и не распространялось на основные средства.

Таким образом, в КНР действовал НДС производственного типа, характерной особенностью которого являлось многократное повторное налогообложение отдельных элементов стоимости товара на различных стадиях его производства и продвижения к потребителю. В результате сумма НДС, фактически оплачиваемая конечным потребителем в цене товара, значительно превышала сумму налога, которая соответствует установленной ставке НДС. Такая схема налогообложения, ориентированная на максимизацию налоговых поступлений, одновременно бьет по производителям и поставщикам готовой продукции, увеличивая их издержки и, соответственно, ограничивая капиталообразование и снижая конкурентоспособность. Это препятствует структурной перестройке экономики, являющейся одной из главных целей экономической политики правительства.

С 2004 г. в центральных районах и на северо-востоке КНР в качестве пилотного проекта апробировался зачет входящего НДС не только на сырье и материалы, но и в отношении инвестиций в основные фонды. С 2009 г. эта практика была распространена на всю территорию страны. Тем самым в соответствии с требованиями ВТО и лучшими международными практиками обеспечено выведение из-под по-

вторного налогообложения инвестиционных товаров и реальное применение НДС только к добавленной, т.е. вновь созданной, стоимости. В результате в Китае произведен переход от производственного к потребительскому типу НДС.

По оценке правительства, это позволило предприятиям сохранить в своем обороте до 120 млрд юаней, обеспечив тем самым дополнительные условия для модернизации своей производственной базы, оживления производства и в конечном итоге повышения доходов государства. В краткосрочном периоде, однако, учитывая сужение базы налогообложения, Китай временно испытал относительное сокращение поступлений от НДС. С 2005 по 2010 г. они выросли с 1,1 трлн юаней до 2,1 трлн, однако при этом доля НДС в общей сумме налоговых доходов КНР снизилась с 37,5 до 28,8%. В дальнейшем ситуация стабилизировалась, и уже в 2019 г., непосредственно перед началом пандемии коронавируса COVID-19, аналогичные показатели составили 6,2 трлн юаней и 39,5% соответственно[21].

От налога на предпринимательскую деятельность к НДС

До недавнего времени НДС распространялся лишь на отрасли материального производства. В отличие от этого сфера услуг подлежала обложению налогом на предпринимательскую деятельность. Это ставило предприятия сферы услуг в невыгодное положение по сравнению с производителями материальных благ: если входящий НДС для производственных предприятий может быть предъявлен к вычету, то для налога на предпринимательскую деятельность такой возможности нет. Для уменьшения дублирующего налогообложения предприятиям в ряде случаев приходилось идти на искусственное вертикальное слияние с поставщиками деловых услуг (дизайн, маркетинг, НИОКР и т.п.), ограничивая тем самым возможности налаживания специализированной, а значит и более конкурентоспособной деловой активности.

К тому же в отличие от НДС налог на предпринимательскую деятельность весьма удобен для обхода и уклонения. Для этого при продаже мяса и овощей в рестораны, например, поставщикам продовольствия достаточно просто занизить отчетные данные о продажах. Применение НДС в аналогичной ситуации решает этот вопрос, ибо рестораторы обязательно запросят официальные счета на такие поставки, чтобы самим получить в дальнейшем налоговый вычет. В этом смысле НДС как бы сам себя администрирует.

Эксперимент по замене предпринимательского налога на НДС был начат в Шанхае в феврале 2012 г., продолжен в Пекине, а впоследствии (август 2012 г.) распространен еще на 10 провинций и городов. В результате уменьшение налоговой нагрузки получили примерно 1 млн компаний[22].

С августа 2013 г. значительная часть сферы услуг по всей стране (включая логистику, экспертизу и консалтинг, услуги в сфере информационных технологий и др.) перешла с уплаты налога на предпринимательскую деятельность на уплату НДС. В 2014 г. к ним добавились почтовые услуги, железнодорожное сообщение и телекоммуникации.

В ходе реформы выявились и некоторые проблемы. Так, применение НДС, особенно в его потребительском формате, к сфере финансовых операций оказалось

технически непростой задачей, поскольку плата за финансовые (особенно брокерские и иные посреднические) услуги зачастую имеет неочевидный характер и учитывается в составе других, более формализованных платежей (банковские проценты, дивиденды, регулярные денежные взносы и т.п.) В этой связи рассматривалась возможность применения здесь упрощенной схемы налогообложения по типу производственного НДС. Вот почему финансовый сектор дольше других оставался вне сферы действия НДС.

Кроме того, если налог на предпринимательскую деятельность практически целиком направлялся в доходы местных правительств, то НДС подлежит разделу между провинциями и центром. Рассматривались разные варианты сохранения финансовой базы местных властей при переходе от налога на предпринимательскую деятельность к НДС, включая направление в местные бюджеты 100% поступлений НДС в сфере услуг, а также централизованный сбор НДС с новых отраслей с последующим частичным возвратом средств на субнациональный уровень посредством бюджетных трансфертов.

В мае 2016 г. НДС был полностью распространен на все отрасли сферы услуг. Стандартная налоговая ставка составила 6%. Ставка налога для транспорта, почтовых и телекоммуникационных услуг, строительства и риелторских услуг, а также для передачи прав землепользования была определена в 11%. Лизинговые и финансовые услуги при сдаче в аренду имущества облагались НДС в размере 17%. Таким образом, при общем уменьшении базы налогообложения налоговая ставка была заметно увеличена — с 5 до 6, 11 и даже 17%. Пропорция раздела доходов от НДС между центральным и местными бюджетами была изменена в пользу последних — с 75 : 25 на 50 : 50.

В 2019 г. в рамках общего снижения ставок НДС произошло и их частичное уменьшение для ряда отраслей, подлежавших ранее обложению предпринимательским налогом. Для транспорта, почты и телекоммуникаций, строительных услуг, радио-, кино- и телевизионных услуг, а также для продажи недвижимого имущества НДС был снижен с 11 до 9%. Для лизинга и финансовых услуг в отношении движимого материального имущества ставка была уменьшена с 17 до 13%. В целом объединение с налогом на предпринимательскую деятельность заметно расширило налоговую базу и сборы НДС, увеличило его долю в налоговых доходах государства.

Развитие имущественного налогообложения

В Китае действует пять имущественных налогов, включая налог на недвижимость, налог на использование земельных участков в городах, налог на прирост стоимости земли, налог на отчуждение пахотных земель и налог на сделки. Все это местные налоги, обеспечивающие наполняемость бюджетов на уровне провинций, городов и уездов. В 2022 г. указанные налоги суммарно обеспечили 11,5% налоговых доходов государства против 3,5% в 2000 г.

Тем не менее при сопоставлении с другими странами эти показатели не выглядят высокими. Основные причины этого заключаются в следующем:

— обложение налогом не столько владения имуществом, сколько сделок с ним облегчает уход от налогообложения посредством занижения официальной стоимости сделок;
— несмотря на то что 85% домохозяйств в КНР владеют собственным жильем, суммарная рыночная стоимость которого в два с лишним раза превышает размеры ВВП, в отличие от других стран, жилая недвижимость физических лиц, не используемая в хозяйственных целях, исключена из базы налогообложения;
— расчет налогов ведется на основе первоначальной, а не фактической рыночной цены имущества;
— ввиду отсутствия соответствующих национальных стандартов качество оценки имущества для целей налогообложения является низким.

В 2011 г. в порядке эксперимента начато налогообложение жилой недвижимости в Шанхае и Чунцине, двух крупных городах центрального подчинения. В Чунцине основной акцент сделан на налогообложении элитной недвижимости (частные дома и дорогостоящие квартиры), в Шанхае — на приобретении обычного, так называемого некатегорийного жилья в многоквартирных домах.

В обоих случаях установлены низкие налоговые ставки — от 0,4 до 0,6% стоимости приобретенного жилья в Шанхае и от 0,5 до 1,2% в Чунцине. Кроме этого, применяются значительные изъятия из налогооблагаемой базы, составляющие, например, в Чунцине от 100 кв. м (квартира) до 180 кв. м (жилой дом). В Шанхае изъятия из налогообложения определяются из расчета в 60 кв. м жилой площади на каждого члена семьи, при этом налоговая база составляет 70% от стоимости жилья[23].

Эксперимент, связанный с налогообложением недвижимости, имеет еще одну особенность, связанную с действующей в КНР системой *хукоу* — регистрации (а точнее — жесткой административной привязки) домохозяйств по месту проживания. Население страны распределено на категории сельских и городских жителей (резидентов). Горожане, в свою очередь, подразделяются на резидентов малых и больших городов. Переход из одной административной категории в другую сопряжен с большими трудностями. При этом резиденты эксклюзивно пользуются различными социально-экономическими льготами и преимуществами по месту своей регистрации.

В этих условиях в Чунцине для резидентов предусмотрено освобождение от налога; налогообложение жилой недвижимости распространяется только на нерезидентов, не имеющих здесь работы и не связанных профессионально с какой-либо местной компанией. Резиденты Шанхая освобождены от налога на первую собственную квартиру и уплачивают его только начиная со второго приобретенного в собственность жилого помещения. Что касается нерезидентов, то они платят налог в любом случае.

В результате в Чунцине под налогообложение попало менее 1% жилого фонда (8,8 тыс. единиц жилья в 2011 г. и 11 тыс. единиц в 2012 г.), что обеспечило прирост доходов городского бюджета также менее чем на 1%. В Шанхае в 2013 г. количество объектов налогообложения составило 110 тыс. против 20 тыс. в 2011 г.

Однако и здесь удельный вес поступлений от нового налога в доходах городского правительств не превысил 1% в 2013 г. и 2% в 2019 г.[24].

По ходу эксперимента выявился ряд факторов, затрудняющих взимание налога на имущество в обозначенном выше формате. Прежде всего определение базы налогообложения затруднено в связи с отсутствием у муниципальных властей сведений о количестве жилых помещений, принадлежащих каждой семье. Кроме того, в 2010-е годы в условиях бума на рынке недвижимости цены на жилье в крупных городах взлетели до уровня, делающего уплату налога недоступной для некоторых категорий граждан. Наконец, поскольку первое собственное жилье освобождено от налогообложения, домохозяйства нередко уклоняются от налога, всякий раз регистрируя вновь приобретаемую недвижимость на другого члена семьи.

Главное, однако, заключается в том, что, владея крупной и многочисленной недвижимостью, привилегированные социальные группы (партийные функционеры, чиновники, предприниматели, академическая элита) сопротивляются введению налога на имущество физических лиц и, соответственно, раскрытию информации о своих доходах[25]. С ними солидаризируются и более широкие слои населения, считающие, что и без того уплатили чрезмерную цену за приобретение в собственность своих квартир, тем более что судьба этой недвижимости после истечения срока пользования государственными земельными участками не является пока вполне определенной.

В решении 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (2013 г.) ускорение принятия законодательства о налоге на недвижимость было обозначено в качестве важной составляющей экономической реформы. Однако, вплоть до начала 2020-х годов закон о налоге на имущество так и не был принят, хотя еще в августе 2015 г. он был включен в план законотворческой деятельности ВСНП 12-го созыва и планировался к принятию до конца 2017 г.[26]. Единая регистрация недвижимости, являющаяся необходимым условием для введения налога на имущество, была завершена лишь в апреле 2023 г.[27].

Тем не менее, несмотря на ограниченные масштабы и многие препятствия, реализуемые пилотные программы прокладывают путь кардинальным изменениям в системе имущественного налогообложения в КНР. Налогообложение жилой недвижимости является решающим фактором успеха этих преобразований, необходимых не только для поддержания устойчивости финансовой системы КНР, особенно на местном уровне, но и для рационального регулирования конъюнктуры на китайском рынке недвижимости.

Расширение акцизного налогообложения

Отнесение той или иной продукции к разряду подакцизной может быть связано с различными обстоятельствами. В частности, товары с низким коэффициентом эластичности, спрос на которые устойчив и слабо реагирует на ценовые колебания, являются идеальными с точки зрения наращивания налоговых сборов. В других случаях взимание акциза призвано компенсировать негативные последствия, связанные с производством или потреблением какой-либо продукции — истощение

природных ресурсов, нанесение вреда окружающей среде или здоровью граждан. Наконец, дополнительное налогообложение предметов роскоши способствует смягчению социального неравенства, обеспечивая возможность целевого финансирования специальных услуг или денежных компенсаций социально незащищенным группам населения.

В КНР прослеживается стремление властей использовать акцизное налогообложение для решения широкого круга задач. С целью защиты природных ресурсов, например, в 2009 г. потребительский налог был распространен на весьма популярные в Китае одноразовые деревянные палочки для еды и деревянные полы. В 2015 г. введен потребительский налог на экологически вредные ртутно-кадмиевые аккумуляторы и красители с высоким содержанием летучих органических соединений, в два с лишним раза увеличена ставка налогообложения на оптовые поставки сигарет[28].

Одновременно происходит расширение номенклатуры подакцизных нефтепродуктов, ставка налога на которые последовательно повышается. В конце 2014 г. — начале 2015 г. на фоне падения цен на нефть и нефтепродукты Китай трижды повышал налог на потребление нефтепродуктов. Ставка налога на бензин, сырую нефть и смазочные материалы при этом достигла 1,52 юаня за литр, а на дизельное топливо и авиационный керосин — 1,2 юаня за литр. В результате увеличение налоговых доходов государства было обеспечено при общем снижении оптовых и розничных цен на наиболее ходовые нефтепродукты[29].

С течением времени в зависимости от потребностей экономического развития, роста жизненного уровня населения, изменения окружающей среды и т.п. правительство корректирует ставки потребительского налога в сторону не только повышения, но и понижения. В 2018 г., например, ставка налога на автомобильные покрышки была снижена с 10 до 3%, а налог на косметические средства, составлявший 17%, был отменен. Кроме того, отдельные виды налогооблагаемой продукции (например, нефтепродукты) подразделяются на большее количество категорий налогообложения с различным уровнем налоговой нагрузки.

Вместе с тем, по мнению ряда международных экспертов, налоговая база потребительского налога в КНР, равно как и уровень налогообложения, недостаточны для эффективного выполнения фискальных и социальных функций. В частности, обсуждается дополнительное распространения акциза на ряд товаров, использование которых способствует потреблению большого количество энергии или вызывает значительное загрязнение окружающей среды. Среди них моющие средства на основе фосфора, одноразовая тара для напитков, продукты, разрушающие озоновый слой в атмосфере. В этот же ряд можно было бы поместить и такие товары, как уголь, кокс и термальная энергия.

Совершенствование природоохранного налогообложения

Начиная с 1989 г. в КНР действовал ряд платежей и штрафов, взимаемых с предприятий, производящих загрязняющие выбросы. Плата за сброс сточных вод, например, применялась к более 100 различным загрязняющим веществам, а посту-

пления из этого источника шли на финансирование специальных природоохранных мероприятий.

Однако небольшие размеры таких сборов в сочетании с их полудобровольным характером обусловили низкую эффективность этого финансового инструментария. К тому же в погоне за валовыми показателями экономического роста местные власти часто освобождали предприятия-загрязнители от природоохранных платежей. В результате нередко было выгоднее продолжать загрязнение окружающей среды, нежели обеспечивать ее защиту.

Наиболее простым способом усиления экологического налогообложения является более широкое применение потребительского, а также ряда других действующих налогов в отношении товаров, производство и потребление которых наносит ущерб окружающей среде. Еще в 1994 г., например, Китай ввел налог на потребление ряда энергоресурсов и вредных для экологии товаров. С 2012 г. к крупногабаритным автомобилям с мощными двигателями применяется повышенная ставка налога на транспортные средства.

Более действенным средством является установление специального природоохранного налога, взимаемого со всех учреждений, предприятий и предпринимателей, создающих при ведении своей деятельности загрязнение окружающей среды. Закон об экологическом налоге в июне 2015 г был обнародован в виде законопроекта для открытого обсуждения, принят в декабре 2016 г. и вступил в силу с 1 января 2018 г., заменив прежние сборы за загрязнение окружающей среды.

Исходя из количественных параметров загрязнения окружающей среды, Закон КНР «Об экологическом налоге» предусматривает взимание фиксированной платы за сверхнормативный выброс взвешенных веществ, загрязняющих воздух (от 1,2 до 12 юаней за единицу экологического загрязнения) и воду (от 1,4 до 14 юаней за единицу экологического загрязнения); за сброс твердых отходов (от 5 до 1000 юаней за тонну в зависимости от опасности материала); за произведение строительного и промышленного шума (от 350 до 11 200 юаней в зависимости от превышения допустимого уровня шума). Экологический налог исчисляется ежемесячно и уплачивается ежеквартально[30].

В пределах границ, установленных новым законом, местные власти вправе самостоятельно определять применимые ставки налога, ориентируясь на фактическое состояние окружающей среды и уровень экономического развития региона. Например, в Пекине действуют максимальные ставки налогообложения в 12 и 14 юаней за загрязнение воздуха и водных ресурсов соответственно. В провинции Гуандун аналогичные ставки составляют 1,8 и 2,8 юаня.

Единица экологического загрязнения устанавливается в зависимости от вида вредных веществ и способа загрязнения. Так, при загрязнении воды всеми формами ртути единицей является 0,5 грамма элементарной (чистой) ртути, а при загрязнении свинцом — 25 граммов свинца. Таким образом, применение экологического налога требует от плательщиков налога установки специального измерительного оборудования, при отсутствии которого объемы загрязняющих выбросов определяются Министерством экологии и окружающей среды КНР в соответствии с принятыми им способами исчисления либо по данным мониторинга.

В конечном итоге, позволяя непосредственно увязать масштабы наносимого природе ущерба с размерами денежной компенсации, адресный характер налога призван повысить эффективность природоохранного налогообложения. Основными плательщиками «налога на загрязнение» являются предприятия черной и цветной металлургии, цементные заводы, угледобывающие и химические компании. В связи с принятием закона об экологическом налоге их издержки производства, по оценке, увеличились на 2–5%.

Реформа налога на природные ресурсы

Ресурсный налог, представляющий собой плату за право добычи невозобновляемых полезных ископаемых, еще не так давно взимался исключительно по специфическим ставкам с количества добытого сырья. Наряду с этим горнодобывающие предприятия традиционно уплачивают в центральный и местные бюджеты десятки различных административных платежей и сборов, включая роялти за добычу, налог на избыточную прибыль в нефтедобыче, компенсационные платежи за минеральные ресурсы, регулирующий сбор на добычу угля и др.

Поступления по ресурсному налогу изначально не отличались большими размерами и в 1990-е и 2000-е годы с учетом неизменности налоговых ставок на фоне роста сырьевых цен имели тенденцию к относительному снижению. В 2009 г. эти поступления составили 33,8 млрд юаней или 0,5% совокупных государственных доходов. С учетом других административных платежей и сборов удельный вес доходов от нефте- и газодобычи в общей сумме государственных доходов составил 3,2%. Отметим, что в других странах с богатыми запасами углеводородного сырья этот показатель достигает 20% и выше[31].

В июне 2010 г. в качестве первого шага в реформировании ресурсного налога по отношению к сырой нефти и природному газу введена адвалорная ставка налогообложения, взимаемая не с объема, а со стоимости добываемого сырья, в размере от 5 до 10%. В порядке эксперимента первоначально она действовала на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района — основного производителя нефти и газа в КНР. В декабре 2010 г. использование адвалорной ставки в отношении нефти и газа было распространено на 12 провинций Западного Китая, а в ноябре 2011 г. — на всю территорию страны[32]. Одновременно был отменен сбор, взимаемый при разработке нефтяных месторождений на континентальном шельфе, и в несколько раз повышены твердые ставки налогообложения на коксующийся уголь и руды редкоземельных металлов.

Однако уровень поступлений по ресурсному налогу остается невысоким, составляя менее 1% налоговых доходов государства (в 2014 г. — 0,9%), хотя потребности в поступлениях такого рода весьма велики. В настоящее время 44 города КНР отнесены к разряду территорий с истощенными природными ресурсами. Здесь отмечается повышенный (в ряде случаев до 80%) уровень безработицы, высокий спрос на новые рабочие места и стимулирование альтернативной занятости.

Требуется, таким образом, дальнейшее совершенствование ресурсного налога в интересах повышения его финансовой отдачи, поддержания экологического ба-

ланса и сохранения запасов ценных природных ресурсов. Основным направлением реформирования является последовательное применение адвалорной ставки по отношению ко всем видам полезных ископаемых в сочетании с оптимизацией налоговой нагрузки и отменой неналоговых платежей и сборов с горнодобывающих компаний. Поскольку львиная доля доходов от ресурсного налога поступает в местные бюджеты, важным аспектом реформы выступает наделение правительств провинций полномочиями самостоятельно устанавливать применяемые налоговые ставки с окончательного одобрения Министерства финансов и ГНУ КНР.

Так, начиная с декабря 2014 г., наряду с отменой административных сборов с угледобывающих предприятий адвалорная ставка налогообложения в диапазоне от 2 до 10% применяется в отношении добычи каменного угля[33]. При этом в отличие от ставок на добычу нефти и газа, устанавливаемых Минфином КНР, конкретное значение ставки по углю определяется получателями и распорядителями данного налога в лице местных органов власти

С мая 2015 г. в связи с тем, что по требованию ВТО была отменена экспортная таможенная пошлина на редкоземельные металлы, вольфрам и молибден, по отношению к ним также стала применяться адвалорная ставка ресурсного налога[34]. В 2017 г. в провинции Хэбэй запущена пилотная программа по налогообложению использования как поверхностных, так и подземных водных ресурсов. Налоговые ставки являются прогрессивными и предусматривают наказание за чрезмерное использование воды.

В целом в 2020 г. в рамках ресурсного налогообложения в отношении добычи различных видов полезных ископаемых применялось в общей сложности 26 налоговых ставок, включая 22 адвалорные и 4 комбинированные (на выбор — адвалорные либо специфические) ставки. При этом только семь ставок являлись фиксированными, в то время как 19 определяли лишь диапазон налогообложения, предоставляя возможность его конкретизации местным органам власти[35].

Совершенствование налогообложения доходов

Корпоративный подоходный налог (налог на прибыль предприятий) обеспечивает более четверти налоговых доходов государственного бюджета КНР (2022 г.), уступая в этом отношении только налогу на добавленную стоимость. До 2008 г. этот налог имел двухуровневую конструкцию, предполагавшую применение различных налоговых режимов и ставок налогообложения к собственно китайским компаниям и к зарегистрированным в КНР иностранным и совместным предприятиям. При этом в соответствии с политикой поощрения прямых иностранных инвестиций последние платили налог по сниженным ставкам, а также пользовались целым рядом дополнительных преференций.

С 2008 г. в соответствии с требованиями ВТО на предприятия с участием иностранного капитала распространен национальный налоговый режим. Новым Законом «О налоге на прибыль предприятий» для китайских и иностранных компаний установлена отвечающая международным стандартам единая 25%-ная ставка корпоративного подоходного налога.

Законом предусмотрена возможность применения пониженных ставок налогообложения в зависимости от размера, отраслевой принадлежности и территориального размещения предприятий. В частности, ключевые производители программного обеспечения, опытно-конструкторские бюро, а также предприятия, не являющиеся налоговыми резидентами КНР, уплачивают налог по ставке 10%, предприятия новых и высоких технологий, предприятия в экономически отсталых западных и центральных регионах КНР, а также в национальных автономиях платят налог из расчета 15%, а малые низкорентабельные предприятия — 20%.

При этом как для национальных, так и для иностранных компаний сохранены льготы в сельском хозяйстве, лесной промышленности и рыболовстве, а также при реализации поддержанных государством инфраструктурных проектов и при инвестировании в безопасность труда, защиту окружающей среды, сокращение потребления энергетических и водных ресурсов. С 2010 г. возможность двукратного снижения налога предусмотрена для части малых и микропредприятий.

Осуществленные преобразования позитивно сказались на динамике поступлений от корпоративного подоходного налога, составивших в 2012 г. 3,7% ВВП КНР против 3,2% в 2006 г. Это предопределило дальнейшее изменение системы корпоративного подоходного налога с упором на выборочное применение налоговых стимулов, льгот и послаблений для конкретных предприятий и отраслей в соответствии с приоритетами экономической политики государства.

Прежде всего следует отметить изменение регламентации налоговых льгот в интересах выравнивания условий хозяйствования. В 2014 г., например, Госсовет КНР запретил практику установления налоговых льгот местными правительствами. Вместо этого предусмотрена возможность единообразного применения стимулирующих налоговых льгот и преференций на всей территории страны в соответствии с общегосударственными нормативными актами.

Так, в 2014 г. правительство объявило, что предприятия, участвующие в сооружении общественной инфраструктуры (порты, причалы, терминалы, взлетно-посадочные полосы, автотрассы, энергогенерирующие мощности) полностью освобождаются от уплаты корпоративного подоходного налога в течение трех лет, а затем в течение еще трех лет уплачивают его в половинном размере. Разнообразные льготные налоговые режимы впоследствии были распространены также на компании, учредителями которых являются студенты-выпускники текущего года, на бизнес-ориентированные объекты культуры, на предприятия, использующие труд ветеранов, и т.д.

Предельная конкретизация критериев таких льгот с целью максимального ограничения коррупционной емкости разрешительных процедур является важным направлением совершенствования налогового регулирования в КНР[36]. Характерным примером является выпущенный в марте 2015 г. циркуляр Министерства финансов и ГНУ КНР, регламентирующий предоставление налоговых каникул для разработчиков и производителей интегральных схем при условии:

— использования собственных технологических разработок в производственном процессе;

— направления на опытно-конструкторские работы средств в размере не менее 3,5% годового оборота с расходованием по меньшей мере 60% этой суммы в Китае;
— получения не менее 60% годового дохода от деятельности по разработке и производству интегральных схем;
— наличия в общей численности производственного персонала не менее 40% лиц с высшим и незаконченным высшим образованием и не менее 20% работников, непосредственно занятых в опытно-конструкторских работах.

Соблюдение всех этих требований позволяет предприятию претендовать на полное освобождение от корпоративного подоходного налога в первые два года прибыльной деятельности с двукратным сокращением налога в последующие три года[37].

В условиях общего замедления темпов роста экономики, характерного для КНР во втором десятилетии XXI в., льготная налоговая политика концентрируется на поощрении малых и микропредприятий, на которые возложены особые надежды государства в плане оживления деловой активности и обеспечения занятости. В этой связи правительство последовательно расширяет круг объектов, пользующихся льготным снижением подоходного налога.

В 2014 г. такая льгота была распространена на предприятия с размерами годового дохода до 100 тыс. юаней (ранее — до 60 тыс. юаней), в 2015 г. — до 200 тыс. юаней, в 2016 г. — до 300 тыс. юаней, а в 2017 г. — до 500 тыс. юаней. Этим предприятиям предоставлялась возможность уменьшения налогооблагаемого дохода на 50% с уплатой корпоративного подоходного налога по ставке в 20%. Уже в первом квартале 2015 г. льготное налогообложение охватило более 2,16 млн малых и микропредприятий (свыше 90% их числа), а снижение налоговой нагрузки на них составило 5,1 млрд юаней в расчете на год[38].

Действие этой льготы ограничено по времени и первоначально распространялось лишь на 2014–2016 гг. Затем она была продлена еще на три года — с 2017 по 2019 г. В 2019 г. правительство объявило, что в период до конца 2021 г. для малых, низкорентабельных предприятий с годовым доходом до 1 млн юаней налогооблагаемый доход подлежит снижению на 75%, а для предприятий с доходом от 1 до 3 млн юаней — на 50% с уплатой корпоративного подоходного налога по ставке в 20%. Тем самым для предприятий с доходом до 1 млн юаней эффективная налоговая ставка была снижена до 5%[39].

В целом практика уменьшения базы налогообложения получила весьма широкое распространение. Так, в 2017 г. в Закон «О налоге на прибыль предприятий» были внесены поправки, увеличивающие налоговые вычеты с социальных пожертвований в адрес образовательных фондов, фондов общественного благосостояния и т.д. В 2019 г. Минфин и ГНУ КНР разрешили в течение ближайших четырех лет (2019–2022) уменьшать налогооблагаемый доход на сумму корпоративных пожертвований в поддержку развития бедных регионов страны при условии осуществления этих пожертвований через поддерживаемые правительством общественные организации или местные органы власти на уровне провинций, городов и уездов.

В этом же направлении действует и повсеместное использование ускоренной амортизации активов. В 2014 г. правительство предоставило предприятиям шести отраслей возможность сокращения сроков амортизации вновь приобретенных основных средств с применением повышающих коэффициентов списания затрат. В число приоритетных отраслей вошли, в частности, биофармацевтика; производство специального оборудования; производство железнодорожного, судоходного, авиационного, аэрокосмического и иного транспортного оборудования; производство компьютеров, средств связи и другого электронного оборудования; производство приборов; а также услуги в сфере передачи информации, программного обеспечения и информационных технологий. При этом низкорентабельные малые предприятия указанных отраслей получили право вычета из базы подоходного налога полной стоимости вновь приобретенного оборудования ценою до 1 млн юаней. В 2015 г. в состав отраслей льготного налогообложения были добавлены легкая промышленность, текстильная промышленность, общее машиностроение и автомобилестроение, а в 2019 г. — все прочие отрасли промышленности КНР.

Что касается физических лиц, то для целей налогообложения законодательство КНР классифицирует одиннадцать различных видов получаемого ими дохода. В зависимости от вида дохода применяются разные ставки НДФЛ и различные способы определения налоговой базы. Наиболее распространенным является доход от работы по найму — заработная плата, премии, бонусы, субсидии, компенсации и т.д. По мере роста благосостояния граждан КНР, а также с учетом темпа инфляции размеры необлагаемого минимума по этим доходам многократно повышались — с 400 юаней в месяц (1987 г.) до 800 юаней (1994 г.), 1600 юаней (2006 г.), 2000 юаней (2008 г.). В 2011 г. налогооблагаемый минимум был повышен до 3500 юаней в месяц. К доходу сверх этой суммы применяется семиступенчатая прогрессивная ставка налогообложения в размере от 3% (с превышения необлагаемого минимума в размере до 1,5 тыс. юаней в месяц) до 45% (с превышения в размере 80 тыс. юаней и более). Максимальная ставка налога на доходы физических лиц в Китае выше, чем в большинстве стран мира.

К доходам от производственной и коммерческой деятельности единоличных промышленников и торговцев, а также к доходам от коммерческой деятельности лиц, заключивших с производственными и непроизводственными единицами договоры о ведении хозяйственной деятельности на основе подряда и аренды, применяется пятиступенчатая ставка от 5 до 35%. Налоговой базой является сумма дохода за вычетом убытков, расходов на ведение деятельности и необлагаемого минимума (42 тыс. юаней в расчете на год). Прочие виды личного дохода, имеющие преимущественно единовременный характер (вознаграждение за частные услуги, авторское вознаграждение, доходы в виде роялти, процентов и дивидендов, доход от сдачи имущества в аренду; доход от передачи имущества, случайные, нерегулярные доходы, плата за получения доступа к интеллектуальной собственности и др.), облагаются налогом по пропорциональной ставке в размере 20%.

Основная часть поступлений от НДФЛ формируется за счет налогообложения доходов в виде оплаты труда по найму. Почти двукратное повышение в сентябре 2011 г. необлагаемого минимума по этой категории доходов облегчило налоговую

нагрузку для граждан с низким и средним уровнем дохода и одновременно повысило удельный вес налогов, собираемых с наиболее обеспеченных слоев населения. Отвечая задаче смягчения социального неравенства, это решение вместе с тем на начальном этапе сократило число плательщиков НДФЛ и обусловило тем самым общее сужение его налоговой базы. Число физических лиц, уплачивающих подоходный налог, по оценкам, сократилось с 84 до 24 млн человек, а их доля в общей численности наемных работников уменьшилась с 28% до всего лишь 7,7%. В результате отношение доходов от НДФЛ к ВВП в 2012–2013 гг. составило 1,1% против 1,2% в 2011 г.

Вместе с тем с учетом курса социальной политики, реализуемого руководством КНР, наряду с пополнением казны государства не менее важной функцией НДФЛ является ограничение имущественного неравенства граждан. При этом фискальный потенциал НДФЛ в Китае объективно ограничен вследствие невысокого уровня трудового дохода, составляющего с учетом всех доплат, компенсаций и неформальных вознаграждений, лишь 35% валового национального дохода КНР, в то время как в США, например, этот показатель превышает 60%. К тому же плательщиками НДФЛ в Китае являются исключительно городские рабочие и служащие. Доходы свыше 300 млн крестьян и ненамного меньшего числа сельских мигрантов, работающих в городах КНР, не охвачены НДФЛ. Причиной этого в первом случае является специфика налогового законодательства КНР, тогда как во втором сказывается элементарная слабость налогового администрирования.

В этих условиях повышение экономической и социальной эффективности НДФЛ связано с более детальной дифференциацией основных категорий доходов и налогоплательщиков, а также с дальнейшим совершенствованием налогообложения таких видов личного дохода, как дивиденды, проценты, доходы от продажи имущества, сдачи его в аренду и т.п. Если поступления НДФЛ в части налогообложения заработной платы по итогам 2012 г. сократились на 8%, то налоговые доходы, взимаемые с банковских процентов, дивидендов и бонусов, наоборот, выросли на 14,7%[40].

В 2012 г. совместным решением Министерства финансов, ГНУ КНР и Комитета по контролю за ценными бумагами при Госсовете КНР изменен порядок налогообложения дивидендов по акциям, обращающимся на фондовых биржах. Если ранее к ним применялась стандартная ставка НДФЛ в 20%, то с января 2013 г. введена прогрессивная налоговая ставка, изменяющаяся в зависимости от срока владения акциями в диапазоне от 25% (срок владения свыше 1 года) до 50% (от 1 месяца до 1 года) и даже 100% (менее 1 месяца).

В феврале 2013 г. отменено освобождение от НДФЛ дивидендов, получаемых иностранными гражданами от деятельности предприятий с иностранным капиталом. Происходит последовательное распространение налогообложения на все новые виды доходов физических лиц, включая, например, доходы по сделкам слияний и поглощений (2013 г.), доходы от инвестиций в нематериальные активы (2015 г.) и т.д.[41]. В результате в 2018 г. бюджетные поступления от сбора НДФЛ составили 1,4 трлн юаней против 0,6 трлн в 2012 г., а их доля в общей сумме налоговых поступлений в бюджет КНР повысилась с 5,8 до 8,9%.

Это позволило правительству перейти к следующему этапу реформирования НДФЛ, связанному с принятием в октябре 2018 г. новой редакции закона КНР о личном подоходном налоге. Размеры необлагаемого минимума были увеличены с 3500 до 5000 юаней в месяц, в результате чего, по сведениям Минфина КНР, число плательщиков НДФЛ уменьшилось более чем на 90 млн человек.

Одновременно при расчете налога впервые была предусмотрена возможность оформления налоговых вычетов с благотворительных взносов и пожертвований (в размере до 30% налогооблагаемого дохода), со взносов на социальное страхование и платежей в жилищные фонды, с расходов на образование как самого налогоплательщика, так и его детей (12 тыс. юаней в год на одного ребенка), с процентов по ипотечным кредитам на приобретение первого жилья (12 тыс. юаней в год), с уплаченной арендной платы (до 14,4 тыс. юаней в год), а также с невозмещенных медицинских расходов (до 60 тыс. юаней в год). Уменьшение размеров налогооблагаемого дохода позволило заметно облегчить фискальную нагрузку на семьи с низким уровнем доходов.

При этом некоторые специальные доходы граждан (вознаграждение за частные услуги, авторские гонорары, плата за использование патентов, торговых марок, авторских прав и т.д.) стали включаться в общий доход от оплаты труда по найму и в результате подпадать под обложение по прогрессивной шкале НДФЛ от 3 до 45%. Тем самым правительство пытается ограничить возможности ухода от налогообложения. Ведь чтобы избежать попадания под максимальную ставку НДФЛ, многие владельцы китайских компаний, а равно и представители их топ-менеджмента практиковали установление себе заниженной заработной платы и одновременно в качестве альтернативы оформляли на свое имя высокие вознаграждения за частные услуги и иные специальные выплаты, подлежащие обложению налогом по фиксированной ставке в 20%.

Поступления в виде процентов, дивидендов, бонусов, доходы от передачи имущества и сдачи его в аренду, а также нерегулярные личные доходы, как и ранее, облагаются налогом по ставке в 20%. В результате всего этого в 2018–2019 гг. доля поступлений от НДФЛ в общей сумме налоговых доходов государств сократилась с 8,9 до 6,6%, а их отношение к ВВП снизилось с 1,5 до 1,1%, продублировав тем самым ситуацию 2011–2012 гг.

Таблица 19

Динамика и состав налоговых поступлений
в обычный общественный бюджет КНР, 2000–2019 гг.

Налоговые поступления	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2019 г.
Всего, млрд юаней	1258,2	2877,9	7321,1	12492,2	15800,1
В том числе, %:					
НДС (внутренний)	36,2	37,5	28,3	24,9	39,5
Потребительский налог (внутренний)	6,8	5,7	8,3	8,4	7,9

НДС и потребительский налог с импортной продукции	…	14,6	14,3	10,0	10,0
Возврат НДС и потребительского налога при экспорте	-8,4	-14,1	-10,0	-10,3	-10,4
Налог на предпринимательскую деятельность	14,9	14,7	15,2	15,5	–
Налог на прибыль предприятий	7,9	18,6	17,5	21,7	23,6
Налог на доходы физических лиц	5,2	7,3	6,6	6,9	6,6
Ресурсный налог	0,5	0,5	0,6	0,8	1,2
Налог на содержание и застройку городских территорий	2,8	2,8	2,6	3,1	3,1
Дополнительный сбор на образование	1,2	1,2	1,3	1,1	…
Налог на недвижимость	1,7	1,5	1,2	1,6	1,9
Гербовый сбор	0,8	0,2	1,4	2,8	1,6
Налог на использование земельных участков в городах	0,5	0,5	1,4	1,7	1,4
Налог на прирост стоимости земли	…	0,5	1,8	3,1	4,1
Налог на транспортные средства	…	0,1	0,3	0,5	0,6
Налог на приобретение автотранспорта	…	0,1	0,5	0,4	0,3
Налог на отчуждение пахотных земель	0,3	0,5	1,2	1,7	0,9
Налог на сделки	1,0	2,6	3,4	3,1	3,9
Налог на табачный лист	…	…	0,1	0,1	0,1
Прочие налоговые доходы	23,8	0,8	…	–	0,3

Источник: данные ГСУ КНР. Приводятся по: *Lin Shuanglin*. China's Public Finance. Reforms, Challenges, and Options. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. P. 30, 87–88. DOI: 10.1017/9781009099028 (accessed: 10.04.2023).

Обращаясь к общей оценке основных результатов реформы налогообложения, можно оценить всю сложность и объемность осуществляемых Китаем изменений. Уже в 2014 г. зачет входного НДС на основные средства обеспечил сокращение налоговой нагрузки на предприятия на 102 млрд юаней. Сравнимые результаты показал и переход от налога на предпринимательскую деятельность к НДС. К концу

2014 г. насчитывалось свыше 4 млн предприятий, затронутых этим процессом. Более 95% из них отметили ощутимое снижение налоговой нагрузки, составившее в сумме около 90 млрд юаней.

Полученный эффект был усилен решением Министерства финансов и ГНУ КНР (август 2013 г.) о временном освобождении от НДС и налога на предпринимательскую деятельность микропредприятий с ежемесячным доходом до 20 тыс. юаней (с сентября 2014 г. — до 30 тыс. юаней)[42]. В 2015 г. облегчение налоговой нагрузки позволило дополнительно оставлять в распоряжении хозяйствующих субъектов до 300 млрд юаней в расчете на год. В целом различные меры, связанные с реформированием НДС, позволили владельцам бизнеса в КНР к середине 2017 г. сэкономить 1,6 трлн юаней, в том числе в период с мая 2016 г. по июнь 2017 г. сокращение налогового бремени на предпринимателей составило 850 млрд юаней[43].

Следствием предпринятых мер явилось заметное расширение деловой активности. За годы 13-й пятилетки (2016–2020), по данным ГНУ КНР, в Китае в общей сложности было зарегистрировано 58,7 млн новых предприятий-налогоплательщиков, что на 87,2% превысило аналогичный показатель предыдущей, 12-й пятилетки (31,4 млн). Общие размеры выручки от продаж, полученной новыми субъектами рынка, в 2020 г. достигли 253,3 трлн юаней против 101,4 трлн юаней в 2016 г., а уплаченные ими налоги обеспечили 42% прироста налоговых поступлений КНР в 2016–2020 гг. по сравнению с 2011–2015 гг.[44].

Наиболее оперативную реакцию демонстрируют отрасли сферы услуг с быстрым оборотом экономических ресурсов. Если общий прирост налоговых поступлений государства за 2014 г. составил 7,8%, то аналогичные показатели по услугам в сфере информационных технологий, программного обеспечения и передачи информации, по бизнес-услугам и лизингу, а также по кинематографу, теле- и радиовещанию достигли 11,7%, 20,4 и 13,4% соответственно[45]. В целом в 2016–2020 гг. фискальные платежи новых компаний-налогоплательщиков обеспечили свыше 30% общей суммы налоговых доходов, полученных в указанных отраслях сферы услуг[46].

В результате, по данным Министерства финансов КНР, в 2017 г. впервые после 2012 г. было зафиксировано ускорение темпов роста финансовых доходов КНР. При общем увеличении доходной части центрального и местных бюджетов страны на 7,1 и 7,7% соответственно бюджетные доходы от сбора налогов выросли на 10,7%. Наиболее быстрыми темпами увеличивались поступления от налога на доходы физических лиц (18,6%), корпоративного подоходного налога (11,3%) и налога на добавленную стоимость (8%)[47]. Таким образом, во второй половине 2010-х годов налоговая реформа стала приносить ощутимые финансовые результаты.

В целом по ходу реструктуризации налоговой системы китайская экономика в краткосрочном периоде испытала общее замедление динамики налоговых поступлений. Если рассматривать изменение ситуации на более протяженном временно́м отрезке, то можно отметить следующее. Во-первых, замедление налоговых поступлений коррелирует с общей понижательной тенденцией экономического развития Китая в 2010-е годы. Если в 2001–2010 гг. взятые в текущих ценах среднегодовые темпы увеличения ВВП КНР составляли 15,2%, то в 2011–2019 гг. — 10,2%; динамика роста налоговых поступлений в эти периоды времени составила соответствен-

но 19,2 и 8,9% в среднегодовом исчислении[48]. При этом отношение суммы налоговых доходов к ВВП в 2019 г. составило 15,9% против 17,8% в 2010 г. и 12,5% в 2000 г.

Во-вторых, как свидетельствует табл. 19, замедление динамики налоговых платежей в бюджет сопровождается серьезными сдвигами в их структуре. Если в 2000 г. свыше 67% налоговых поступлений обеспечивали косвенные налоги (включая таможенные тарифы), то в 2019 г. их доля составила лишь около 54%. Одновременно произошло соответствующее повышение роли прямых налогов, абсолютным лидером среди которых является корпоративный подоходный налог, удельный вес которого в суммарных налоговых доходах увеличился с 7,9% в 2000 г. и 18,6% в 2010 г. до 23,6% в 2019 г. За неполные 20 лет значение этого налога в финансовой системе КНР увеличилось в несколько раз.

Исходя из этого, по мнению китайских экспертов, дальнейшая трансформация налоговой системы КНР неизбежно связана с оптимизацией прямого налогообложения, и прежде всего с совершенствованием корпоративного подоходного налога как «локомотива» бюджетных доходов КНР. Предлагается, в частности, сузить круг избыточных финансовых льгот и преференций при взимании этого налога, а также по примеру НДФЛ придать ему прогрессивный характер с пошаговым нарастанием налоговой ставки по мере увеличения размеров компаний-налогоплательщиков.

Тем самым можно решить целый комплекс назревших вопросов. Будет не только расширена база налогообложения, но и сам налог приобретет более справедливый, рыночный характер, обеспечивая объективное распределение налогового бремени между различными субъектами рынка. Упростится и станет более эффективной система налогового администрирования и, как следствие, будут перекрыты каналы ухода от налогообложения и реализации коррупционных схем[49]. Все это указывает на то, что реформа налоговой системы КНР пока еще далека от завершения.

Реформа межбюджетных отношений

В документах, регламентирующих вопросы финансовой реформы, особое внимание фокусируется на вопросах укрепления финансового положения местных органов власти и урегулирования долгов местных правительств. В этой связи особое значение приобретают характер и масштабы бюджетных взаимоотношений между центральным правительством и местными органами власти.

Несмотря на элементы финансовой децентрализации, бюджетная система Китая в целом остается унитарной. Центральное правительство ежегодно определяет целевые показатели поступлений и расходов для центрального и местных обычных общественных бюджетов. Оно же устанавливает показатели доходов и расходов для управляемых местными органами власти бюджета социального страхования и бюджета правительственных фондов, а равно и для бюджета операций с государственным капиталом, который находится в совместном ведении центра и мест. В целом доходы консолидированного общественного бюджета примерно поровну распределяются между центральным правительством и местными органами власти.

Главной статьей расходов центрального правительства является национальная оборона, на долю которой в 2019 г. пришлось 33,9% расходов центрального общественного бюджета, а также наука и технологии (10%), общественные услуги (5,7%), образование (5,3%), общественная безопасность (5,2%) и транспорт (4,1%). В целом центральное правительство расходует 15% ассигнований консолидированного общественного бюджета

Расходная часть местных бюджетов значительно масштабней и разнообразнее. Именно они финансируют подавляющую часть затрат на социальную и производственную инфраструктуру Китая. Из года в год в этих расходах доминирует образование, на долю которого приходится свыше 16% общей суммы обычных бюджетных расходов (2019 г.), за ним следуют социальное обеспечение и занятость (14%), дела городских и сельских общин (12%), сельское, лесное и водное хозяйство (11%), общие государственные услуги (9%) и здравоохранение (8%). При этом помимо обычных общественных бюджетов местных правительств львиная доля социальных расходов (пенсионное обеспечение, страхование от безработицы, здравоохранение) проходит и по отдельному бюджету социального страхования, который также находится в ведении местных органов власти. В конечном итоге, получая около 50% бюджетных доходов, местные органы власти реализуют 85% расходов общественного бюджета по всей стране и свыше 90% общей суммы государственных расходов Китая[50].

Следствием такого финансового дисбаланса является весьма сложное положение местных правительств. В 2019 г. совокупный дефицит местных бюджетов составил 10,3 трлн юаней, при том что центральный бюджет был исполнен с профицитом в 5,4 трлн юаней. Уровень самодостаточности местных органов власти (отношение получаемых ими доходов к расходам) составляет лишь около 50%, в результате чего благополучие провинций находится в сильной зависимости от трансфертов из центрального бюджета. Со своей стороны центральное правительство использует бюджетные трансферты для осуществления контроля и оказания влияния на местные органы власти, обеспечивая их лояльность и исполнительность. О действенности этого финансового инструмента свидетельствует уже тот факт, что в 2019 г., например, трансферты составили почти 68% общего объема бюджетных расходов центрального правительства и почти 43% суммарных бюджетных доходов местных органов власти.

В целом гигантские бюджетные трансферты позволяют местным органам власти в соответствии с требованиями закона сводить бездефицитный годовой бюджет. Однако это прежде всего относится к провинциям, которые в силу своего положения во властной иерархии находятся ближе к разделу «бюджетного пирога». Что касается территориальных единиц более низкого административного уровня (города, уезды, волости), в значительной мере ответственных за расходы на общественные нужды, то ситуация здесь нередко намного сложнее. Тем более что города находятся в финансовой зависимости от провинций, которые распределяют бюджетные средства между городами и уездами.

Использование трансфертов местными властями управляется и контролируется из центра. Часть трансфертов (специальные трансферты) выделяется строго на реа-

лизацию утвержденных проектов развития. Другая часть (общие трансферты) номинально имеют несвязанный характер, однако на практике по большей части также должны расходоваться только на конкретные, согласованные с центром цели — поддержка правоохранительных органов, обязательное среднее образование, социальное обеспечение, медицинское обслуживание и здравоохранение и т.п. В 2015 г., например, удельный вес таких «профильных» расходов составил 56% суммы общих трансфертов. Все это, безусловно, сдерживает экономическую инициативу и ограничивает финансовые возможности местных органов власти.

Правительство КНР выделяет большой объем средств на экономическое развитие в рамках консолидированного общественного бюджета. В 2016 г., например, такие расходы составили 25,1% совокупных расходов центрального и местных бюджетов, что является одним из самых высоких показателей в мире. Результатом стало стремительное возникновение в Китае в начале XXI в. разветвленной сети скоростных авто- и железнодорожных магистралей, сооружение новых мостов, современных морских портов, аэродромов, электрических сетей и сетей газо- и водоснабжения, школ и госпиталей и т.д.

Имеется, однако, целый ряд факторов, которые подталкивают местные власти к тому, чтобы инициировать больше строительных проектов на своей территории. Среди них, в частности, слабость и изношенность региональной социальной и производственной инфраструктуры, ставшие особенно заметными на фоне отмеченных выше общегосударственных достижений. Не меньшее значение имеет и действие принятой в КНР системы оценки эффективности государственных управленческих кадров, главным критерием которой долгое время являлись темпы экономического роста в рамках вверенных административно-территориальных единиц. Отсюда активный поиск местными органами власти дополнительных средств за пределами бюджетных отношений и, как результат, быстрое нарастание их финансовых долгов[51].

В первой половине 2010-х годов на долю местных органов власти приходилось почти $^{2}/_{3}$ государственного долга Китая. По данным Государственного ревизионного управления КНР, всего лишь за четыре года — с конца 2010 г. по конец 2014 г. — долги местных правительств выросли с 10,7 трлн до 25,3 трлн юаней, т.е. в 2,4 раза[52]. Отношение местных долгов к ВВП КНР увеличилось с 3,3% в 1996 г. до 17,4% в 2007 г. и 39,5% в 2014 г.[53]. При этом в конце 2013 г. долги центрального правительства, включая кредиторскую задолженность госкорпорации «Китайские железные дороги», составляли примерно 20% ВВП. Общий государственный долг КНР достигал, таким образом, порогового значения в 60% ВВП, используемого на международном уровне для оценки устойчивости долгового положения страны.

Острота долговой проблемы заметно варьировалась в административно-территориальном измерении, причем, как правило, чем менее развитым являлся регион, тем выше был уровень его долговой нагрузки. Размеры государственного долга в 2013 г. составляли от 15–30% (провинции Шаньдун, Гуандун, Аньхой, Хэбэй и др.) до 30–50% (города Шанхай, Пекин, Тяньцзинь, провинции Цзилинь, Хубэй, Сычуань и др.) и даже до 50–85% (город Чунцин, провинции Цинхай, Юньнань, Гуй-

чжоу) регионального внутреннего продукта. По отношению к доходной части местного бюджета размеры провинциального долга составляли 569% в провинции Гуйчжоу, 525% в провинции Ганьсу, 515% в провинции Цинхай, 405% в провинции Хунань, 386% в провинции Цзилинь, 382% в провинции Хубэй и т.д.[54]. В целом, если ориентироваться на международные стандарты, к середине 2010-х годов китайская экономика достигла предельного уровня допустимой долговой нагрузки, масштабы которой, по оценке МВФ, в период до 2024 г. грозили превысить 101% ВВП, тормозя развитие экономики и подавляя динамику экономического роста.

В апреле 2013 г. международное рейтинговое агентство *Fitch* впервые с 1999 г. понизило кредитный рейтинг КНР с «АА-» до «А+» по причине напряженности местных финансов и огромной «кредитной экспансии»[55]. Тем самым быстрое накопление местных долгов не только явилось одной из центральных проблем развития на региональном уровне, но и начало представлять определенную угрозу стабильности социально-экономического развития КНР в целом.

Ситуация усугублялась ввиду ее общей запутанности и непрозрачности. Как уже отмечалось, на региональные власти были возложены основные обязанности по социально-экономическому развитию территорий при законодательном требовании поддержания сбалансированности местных бюджетов. Одновременно в соответствии с Законом о бюджете КНР в редакции 1994 г. местным властям было запрещено прямое привлечение средств с рынка капиталов в виде как облигационных займов, так и банковских кредитов. В этих условиях местные правительства использовали различного рода неформальные механизмы и внебюджетные источники финансирования для нужд развития, а также в качестве антициклического фискального инструмента для достижения целевых показателей роста.

В частности, еще в 1990-е годы правительства на уровне провинций, городов и уездов начали активно создавать местные инвестиционные и инвестиционно-строительные корпорации, целью которых являлась главным образом реализация конкретных инвестиционных проектов (городское строительство, промышленные парки, железные и автомобильные дороги и т.п.). В качестве первоначального взноса в капитал таких корпораций местные правительства обычно передавали им денежные средства, землю или акции государственных компаний местного подчинения. Первая такая компания была учреждена еще в 1992 г. в Шанхае, в дальнейшем они распространились в приморских районах, а затем — и по всей стране.

Вплоть до 2010 г. создание таких государственных компаний не вызывало возражений Госсовета КНР и даже стимулировалось им. Это особенно проявилось в период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., когда центральное правительство инициировало пакет стимулирующих мер в размере 4 трлн юаней, потребовав, чтобы местные органы власти обеспечили подбор проектов развития и финансирование $^{2}/_{3}$ затрат на их реализацию. В результате в конце 2010 г. в стране насчитывалось без малого 13 тыс. таких структур, в том числе 6576 — на уровне провинций, 1648 — на муниципальном уровне и 4763 — на уровне уездов[56].

Представляя собой формально независимые юридические лица, такие компании имели право осуществлять заимствования на рынке капитала — в виде банковских кредитов (около 60% общей суммы привлеченных средств), в форме корпоратив-

ных облигационных займов (10%) и т.д. Средства, как правило, привлекались у региональных банков и страховых компаний. Нередко источником заимствований становился и теневой кредитный рынок, обеспечивавший в 2013 г. до 13% заимствований[57]. Погашение обычно производилось за счет дохода от реализации проекта, привлечения новых банковских кредитов или продажи права землепользования местными органами власти и их субсидий. О высокой динамике таких операций свидетельствуют следующие данные Азиатского банка развития: с 2002 по 2009 г. сумма облигационных займов, выпущенных местными инвестиционно-строительными компаниями, выросла в долларовом эквиваленте с 10 до 60 млрд долл.

Привлечение средств осуществлялось под гласные и негласные гарантии соответствующих органов власти, которые тем самым фактически принимали на себя солидарную ответственность за обслуживание и погашение долга. Наибольшей активностью в этом смысле отличались правительства городов (44% задолженности местных правительств в 2013 г.) и уездов (36%), которые, как уже отмечалось, по сравнению с провинциями имеют гораздо меньшие финансовые возможности при большей бюджетной нагрузке. К тому же контроль за их деятельностью со стороны центра значительно слабее.

Заимствование осуществлялось преимущественно на краткосрочной основе и по высокой процентной ставке. Сроки погашения банковских кредитов составляли, как правило, от трех до пяти лет, а сроки теневых заимствований не превышали одного года. При этом полученные финансовые ресурсы направлялись главным образом в инфраструктурные объекты с длительными сроками окупаемости и таким образом не создавали источников своевременного погашения привлеченных ресурсов*.

В результате местные правительства были вынуждены брать на себя издержки бурной деятельности ими же созданных инвестиционно-строительных компаний, которые постоянно генерировали серьезные финансовые риски. Ведь, по сути дела, эти квазикоммерческие структуры не были ни полноценными рыночными субъектами, полагающимися на собственные возможности и компетенции, ни обычными государственными предприятиями, находящимися под бдительным контролем органов госуправления.

В 2013 г. задолженность этих компаний составляла почти 40% общей суммы долгов местных органов власти, около половины этой задолженности подлежало погашению в ближайшие два-три года. И это при том, что, озаботившись сложившейся ситуацией, правительство КНР в предыдущие годы приняло целый ряд решений, ограничивающих деятельность местных инвесткомпаний.

Постепенно отходя от практики обременения местных бюджетов результатами деятельности подведомственных инвестиционных компаний, центральное правительство осознавало необходимость использования новых альтернативных источников доходов на местном уровне. Уже в 2009 г., реагируя на вызовы мирового финансового кризиса, Минфин КНР приступил к выпуску специальных облигационных займов, средства от размещения которых предназначались для балансирования

* По состоянию на середину 2013 г. 35% долговых обязательств местных правительств приходилось на объекты городского строительства, 24% — на транспорт, 7% — на строительство доступного жилья и т.д. (данные Государственного ревизионного управления КНР, 2013 г.).

бюджетов провинций. В 2009–2011 гг. объем привлеченных таким образом средств составлял 200 млрд юаней ежегодно, в 2012 г. он достиг 250, а в 2013 г. — даже 350 млрд юаней.

Распределение собранных средств между провинциями осуществлялось центром, исходя из целого ряда критериев. В их числе степень потребности в развитии местной инфраструктуры, оценка общего финансового положения провинции, соотношения ее доходов и долгов, перспектива увеличения доходной части местного бюджета за счет собственных финансовых источников и т.д. Средства от таких облигационных займов направлялись в доходную часть бюджетов провинций, на которые и возлагалась ответственность за их обслуживание и погашение. Вместе с тем в случае дефицита местного бюджета эта ответственность полностью или частично переходила на центральное правительство, под гарантию которого, собственно, и осуществлялся выпуск бондов. В результате размывание дебиторской ответственности не способствовало улучшению ситуации с нарастанием местных долгов.

В 2011 г. китайским правительством была предпринята новая попытка оптимизации управления долгами региональных органов власти в рамках объявленного Минфином КНР экспериментального проекта самостоятельного выпуска облигационных займов правительствами городов Пекин, Шанхай и Шэньчжэнь, а также провинции Чжэцзян[58]. В рамках утвержденных Госсоветом КНР квот (от 2,2 млрд юаней для Шэньчжэня до 8,9 млрд юаней для провинции Чжэцзян) местные правительства-эмитенты сами определяли круг подписчиков на бонды и размер купона. В 2013 г. к указанным четырем административно-территориальным единицам присоединилась и провинция Шаньдун. Погашение и обслуживание долга по этим облигациям являлось ответственностью Минфина КНР, однако производилось оно за счет соответствующего уменьшения финансовых трансфертов из центрального бюджета, что явилось важным шагом на пути обретения местными властями большей экономической самостоятельности и ответственности за собственные доходы, расходы и долги.

Следующим шагом в том же направлении была одобренная в мае 2014 г. пилотная программа Минфина КНР, предусматривавшая в рамках утвержденных Госсоветом квот самостоятельный выпуск, обслуживание и погашение облигационных займов десятью специально отобранными территориями с наиболее устойчивым финансовым положением. В их числе города Пекин, Шанхай и Шэньчжэнь, провинции Цзянсу, Цзянси, Шаньдун, Циндао, Чжэцзян, а также Нинся-Хуэйский автономный район.

Программа предполагала возможность выпуска по рыночным процентным ставкам местных бондов сроком на пять, семь и десять лет, что в большей мере, чем прежде, соответствовало срокам реализации осуществляемых инфраструктурных проектов. Входящим в пилотную программу территориям были выделены квоты для выпуска в период до конца 2014 г. облигационных займов на общую сумму в 110 млрд юаней, в том числе не более 15 млрд юаней в расчете на одну провинцию[59].

Законодательным оформлением этой новой финансовой политики явилось принятие в августе 2014 г. новой редакции Закона о бюджете КНР, установившей легальную возможность прямого привлечения местными властями финансовых

средств на рынке капитала под собственную ответственность при одновременном ограничении внебюджетных заимствований местных правительств и других нерегулируемых источников. В октябре 2014 г. в контексте положений новой редакции Закона о бюджете Госсовет КНР выпустил «Предложения по усилению системы управления долгами местных органов власти», а также «Решение об углублении реформы управления бюджетной системой», регламентирующие механизм выпуска местных облигационных займов, а также систему контроля и ответственности за их обслуживание и погашение. Тем самым была начата реализация финансовой стратегии, предполагающей развитие рынка облигаций субнациональных правительств («открытие парадной двери») при одновременном сокращении их внебюджетных заимствований («закрытие задней двери»)

Новые директивы позволяют местным органам власти выпускать облигации под обеспечение доходами от застройки земель и эксплуатации платных дорог. С целью уменьшения финансовых рисков установлено, что право выпуска облигационных займов предоставляется только правительствам провинций, а также приравненных к ним административно-территориальных образований. Регламентируются правила выпуска и использования облигационных займов с использованием как административных рычагов, так и рыночных механизмов. Установлено, в частности, что размещение местных бондов должно проводиться в пределах годовых квот, выделяемых Госсоветом КНР и утверждаемых Всекитайским собранием народных представителей.

Полученные от выпуска облигаций финансовые средства разрешается использовать исключительно на цели инфраструктурного строительства, расходование их на финансирование текущей деятельности местных властей запрещено. Средства, необходимые для обслуживания и погашения займов, включаются в расходную часть бюджетов провинций и подлежат контролю со стороны местного законодательного собрания.

Возможные риски каждого облигационного займа должны оцениваться центральным правительством. Было объявлено о создании системы раннего предупреждения и руководящих принципов управления субнациональными финансовыми рисками и их мониторинга. В случае превышения местными правительствами критериев допустимых рисков будут выпускаться соответствующие предупреждения, игнорирование которых подлежит персональной ответственности и дисциплинарному наказанию[60]. Меры воздействия включают также лишение местных администраций финансовых полномочий, выходящих за рамки поддержания минимального уровня обслуживания населения.

В этой связи во взаимоотношениях местных правительств и инвестиционно-строительных компаний произошли существенные изменения. Прежде всего законодательно установлено, что отныне провинциальные власти не имеют права выдавать гарантии и привлекать заемные ресурсы при посредничестве инвестиционных компаний, а сами эти компании должны быть реструктурированы в соответствии со следующей схемой.

Те из них, которые являются конкурентоспособными предприятиями и реализуют коммерчески окупаемые проекты (например, строительство коммерческого жи-

лья), должны стать полноценными рыночными агентами, самостоятельно отвечающими за прибыли, убытки и долги без какого-либо участия местных правительств.

Компании, имеющие стабильные доходы и оперирующие в секторе общественных услуг (электро- и газоснабжение, водоснабжение, защита окружающей среды, здравоохранение и т.д.) могут быть преобразованы в государственно-частные партнерства с четким разграничением ответственности государственных органов и коммерческих структур.

Компании, не имеющие стабильных доходов, подлежат переводу в разряд государственных предприятий местного подчинения, для финансирования которых могут использоваться средства, полученные от размещения облигационных займов местными правительствами[61].

Эти преобразования были призваны если не уменьшить масштабы накопленных провинциальных, городских и уездных долгов, то, во всяком случае, предотвратить их дальнейшее нарастание, повысить их прозрачность и в итоге поставить под неусыпный контроль власти, на которую, в свою очередь, возложена задача текущего мониторинга индикаторов задолженности (размеры вновь привлеченных заимствований и просроченных долгов, отношение долга к ВВП и т.д.). При этом было установлено, что впредь эффективность работы местных властей будет оцениваться центром в первую очередь в зависимости от состояния долгового положения подведомственных территорий.

Реализация принятых решений была начата незамедлительно. В 2014 г провинциям была выделена квота выпуска облигационных займов в размере 400 млрд юаней, которая уже в январе 2015 г. была увеличена еще в полтора раза. Однако быстро выяснилось, что этих средств недостаточно для продолжения финансирования регионального развития вкупе с погашением и обслуживанием накопившихся ранее долгов.

В результате, чтобы облегчить переходный период уже в марте 2015 г., Министерство финансов КНР утвердило специальную программу обмена долговых обязательств, предполагающую реструктуризацию старых провинциальных долгов, подлежащих оплате в текущем году, посредством их обмена на низкопроцентные облигации местных правительств с более длительными сроками погашения. При этом банкам-кредиторам, по сути, вменялось в обязанность принимать к обмену выпущенные облигации, которые, в свою очередь, могут быть использованы ими в качестве залога при осуществлении сделок РЕПО и других операций по привлечению ликвидности с Народным банком Китая[62].

В результате двухступенчатого повышения размеры программы, первоначально определенной на 2015 г. в 1 трлн юаней, в конечном итоге достигли 3,2 трлн юаней. В целом реализация программы «долги в обмен на облигации» продлилась до 2018 г., а ее общие размеры составили 18 трлн юаней, или 25% ВВП[63]. Замена высокопроцентных (6% годовых и выше) и краткосрочных (как правило, однолетних) долговых обязательств местных инвестиционно-строительных компаний облигациями правительств провинций с процентными ставками в 2,9–3,6% годовых и сроками погашения в 3–7, а то и до 20 лет позволила КНР реструктурировать внебюджетные долги местных органов государственной власти и тем самым затормо-

зить раздувание финансовых пузырей на рынках инфраструктурного и жилищного строительства[64].

Около 90% официального долга местных органов власти в настоящее время имеет форму долговых ценных бумаг. Объем выпуска местных облигаций существенно различается в разных провинциях. Более развитые прибрежные территории выпускают больше облигаций, но их долговое бремя меньше, чем у менее развитых провинций, размеры задолженности которых в среднем превышают 40% регионального внутреннего продукта и 80% бюджетных доходов. Средневзвешенная доходность по облигациям местных правительств в 2017 г. составила 4,3%, что примерно на 140 базисных пунктов ниже средней ставки банковского кредитования. Кредитные рейтинги облигаций местных органов власти не различаются по провинциям, большинство из них получают рейтинги AAA[65]. В целом программа обмена долговых обязательств помогла местным органам власти продлить сроки погашения долга, снизить процентные расходы и стандартизировать свои долговые инструменты.

Таким образом, несмотря на заявленное повышение финансовой самостоятельности и ответственности провинций, центральное правительство, пусть и в неявной, косвенной форме, подстраховало местные органы власти в решении их финансовых проблем. Вместе с тем предпринятые меры, при всей их объемности и многосторонности, имеют по преимуществу временный характер. Свидетельством тому является продолжение опережающего роста местных долгов после завершения программы обмена долговых обязательств и выборочного преобразования местных инвестиционно-строительных корпораций в государственно-частные партнерства (ГЧП).

Как показывает практика, в стремлении поддержать их деловую активность многие местные правительства предоставляют гарантии по банковским заимствованиям частных компаний-участников ГЧП, принимая на себя солидарную ответственность за их погашение и тем самым, по сути, воспроизводя лишь недавно разрешившуюся ситуацию с так называемым неявным долгом по операциям местных государственных инвестиционных компаний. В результате в конце 2017 г. инвестиции в проекты, реализуемые в рамках ГЧП, составили 18,2 трлн юаней против 8,1 трлн юаней годом ранее, а макроэкономический коэффициент кредитного плеча (отношение долга местных правительств к ВВП КНР) с 20,5% в 2016 г. повысился до 25,3% в 2020 г. и 32,3% в 2023 г.[66].

По оценке экспертов Национального института финансов и развития (г. Пекин), в 2018 г. общая сумма скрытых обязательств местных правительств по операциям подконтрольных им «финансовых платформ» — государственных инвестиционно-строительных компаний — варьировалась в диапазоне от 15 до 50 трлн юаней. Таким образом, с учетом неявного долга местных органов власти макрокоэффициент их кредитного плеча составлял от 40 до 75% ВВП[67]. В итоге Госсовету КНР пришлось повторно проводить частичную реструктуризацию неявных долгов местных органов власти посредством их обмена на специальные облигации рефинансирования. В 2023 г. такие облигации на сумму свыше 1 трлн юаней были выпущены 24 провинциями и городами центрального подчинения[68].

Для долговременного системного ограничения финансовых рисков государства требуются структурные бюджетные реформы, направленные на дальнейшее ограничение внебюджетных заимствований и устранение межбюджетных дисбалансов между расходами и доходами в центре и на местах. В этой связи представляется вполне обоснованным и назревшим увеличение доходной части местных бюджетов за счет изменения в их пользу пропорций раздела некоторых налогов (например, НДС) между центральным и субнациональными правительствами, а также посредством установления налога на имущество как потенциально важнейшего местного налога. Кроме этого, мог бы быть расширен перечень государственных расходов, закрепленных за центральным общественным бюджетом и соответственно уменьшена расходная часть провинциальных бюджетов. В частности, принимая во внимание довольно высокую мобильность трудоспособного населения КНР, центральное правительство могло бы расширить свое участие в реализации ряда общенациональных социальных программ.

Это лишь наиболее очевидные направления дальнейшего реформирования системы государственных финансов КНР, связанные с частичным перераспределением финансовых возможностей и компетенций между центром и местами. Не менее важное значение имеют и меры, позволяющие повысить прозрачность местных бюджетов, а равно и эффективность расходования их средств. В данном случае изменение ситуации в лучшую сторону связано с определенной перестройкой общей системы государственного управления в КНР и, следовательно, ставит в повестку дня более масштабные вопросы конституционной и политической реформы. Речь, в частности, идет об усилении элементов бюджетного федерализма, вплоть до самостоятельного установления местных налогов на уровне провинций, о внедрении выборности местных органов власти, развитии местного самоуправления и т.п.[69].

* * *

Таким образом, реформа государственных финансов КНР в последние годы получила серьезное развитие с точки зрения как законодательного оформления важнейших преобразований, так и осуществления конкретных организационно-хозяйственных мер. Адаптируясь к новым условиям и вызовам экономического развития, Китай настойчиво ищет возможности для долговременного решения своих финансовых проблем.

В частности, делаются последовательные шаги в области совершенствования налоговой базы, оптимизации уровня налогообложения, улучшения налогового администрирования и т.д. Все это существенно преображает налоговую систему КНР, делает ее более прозрачной, инструментальной и ориентированной на восприятие сигналов рынка.

Особое значение имеет рациональное перераспределение налоговой нагрузки на различные виды и субъекты хозяйственной деятельности путем установления новых, а равно и пересмотра имеющихся налогов. Происходящие в этой связи изменения отражают современные приоритеты государственной политики КНР, ориентированной на создание новой модели экономического роста на основе развития

высокотехнологичных, экологически чистых производств, энергосберегающих технологий, социальной защищенности населения. Меры по совершенствованию межбюджетных отношений и ликвидации долгового навеса также направлены на решение этих задач.

В результате, не отказываясь от сохранения государственного контроля в экономике, Китай демонстрирует стремление перейти от преимущественно административных к преимущественно нормативным методам регулирования, основанным на действенных общественных институтах и законе. Практика показывает, что это весьма долгий и непростой путь, дополнительно осложняемый неизбежным в условиях структурной перестройки замедлением роста ВВП и вялой конъюнктурой мирового рынка. Эта макроэкономическая ситуация сопровождается понижением динамики бюджетных доходов, а вместе с ними — ограничением возможностей быстрой и эффективной перестройки социально-экономической структуры общества.

В этих условиях налицо сохранение элементов государственного патернализма в КНР — от направления в бюджет отчислений от прибыли госпредприятий до готовности центрального правительства фактически списать часть накопленных местными властями долгов. Тем самым, постепенно продвигаясь по пути рыночной трансформации экономики, руководство КНР продолжает сложную политику балансирования — между реформой и развитием, между экономическими и административными методами управления, между современными и традиционными подходами к стимулированию деловой активности.

Примечания

[1] Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2016. Beijing: China Statistics Press, 2016. Table 7-1. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2016/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023).

[2] *Lin Shuanglin*. China's Public Finance. Reforms, Challenges, and Options. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. P. 336–337. DOI: 10.1017/9781009099028 (accessed: 10.04.2023).

[3] Money Matters. Local Government Finance in the People's Republic of China. Manila: Asian Development Bank, 2014. P. 8. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/151515/money-matters-local-government-finance-peoples-republic-china.pdf (accessed: 10.07.2023); *Perkowski J*. China's Debt. How Serious Is It? // Forbes: [site]. 2014. January 21. URL: http://www.forbes.com/sites/jackperkowski/2014/01/21/chinas-debt-how-serious-is-it/ (accessed: 12.04.2020).

[4] *Wang Jun*. Local Governments Out of Pocket? // Beijing Review. 2014. № 32. Beijing Review.com.cn: [site]. 2014. December 17. URL: http://www.bjreview.com.cn/quotes/txt/2014-12/17/content_633504.htm (accessed: 30.07.2023).

[5] Жэньминь жибао. 14.11.2013.

[6] *Новоселова Л.В*. Финансовая сфера КНР на новом этапе рыночных преобразований // 3-й Пленум ЦК КПК 18-го созыва: горизонты реформ. Ч. 2. Информ. материалы. Серия Ж: Соц.-эконом. положение современного Китая. Вып. 5. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 6.

[7] *Новоселова Л*. Новейшие преобразования налогово-бюджетной системы КНР в интересах соц.-эконом. развития страны // Рос. эконом. журнал. 2016. № 1. С. 66–67.

[8] China: Fiscal and Tax Reform since the Third Plenum. Research and Analysis / Foreign and Commonwealth Office // GOV.UK: [site]. 2014. September 15. P. 2. URL: https://www.gov.uk/government/publications/china-economy-fiscal-and-tax-reform-since-the-third-plenum/china-economy-fiscal-and-tax-reform-since-the-third-plenum (accessed: 10.05.2016).

[9] China Economic Update. Beijing: The World Bank Office, 2014. October. P. 25. URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/7b7ff0fc-ddae-5bd3-bb5b-661f619d30ed/content (accessed: 17.01.2016).

[10] *Новоселова Л.В*. Китайский вариант решения финансовых проблем // Азия и Африка сегодня. 2015. № 9. С. 24.

[11] Там же. С. 23–24; The Future of China's Bond Market / Ed. by A. Schipke, M. Rodlauer, Zhang Longme. Washington D.C.: IMF, 2019. P. 128. URL: https://www.imf.org/en/Publications/Books/Issues/2019/03/05/The-Future-of-China-s-Bond-Market-46144 (accessed: 06.05.2023).

[12] Подсчитано по: *Lin Shuanglin*. Op. cit. P. 40–41.

[13] Ibid. P. 45.

[14] *Муромцева З.А*. Реформирование государственных предприятий КНР во втором десятилетии XXI века // Итоги 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) и перспективы развития экономики КНР до 2020 г. / Отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 194.

[15] Подсчитано по: *Lin Shuanglin*. Op. cit. P. 51.

[16] 2009 Tax Misery & Reform Index // Forbes: [site]. 2009. April 13. URL: https://www.forbes.com/global/2009/0413/034-tax-misery-reform-index.html?sh =17a510e643b3 (accessed: 02.02.2016).

[17] *Кондрашова Л.И.* Региональный аспект бюджетной системы КНР // Вестник науч. информации Ин-та экономики РАН. 2008. № 2. С. 15.

[18] Здесь и далее указан год выпуска нормативного акта (закон, положение, временное положение, правила) о соответствующем виде налога. С течением времени в ходе экономической реформы отдельные нормативные акты подвергались корректировкам с выпуском в новой редакции.

[19] Money Matters. Op. cit. P. 101–104; *Шевель И.Б*. Реформирование личного подоходного налога в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 53–56.

[20] Налог на доходы предприятий // Pavel.Bazhanov.pro: [сайт]. 2015. February 4. URL: http://pavel.bazhanov.pro/chinatax/enterprise_income_tax/ (accessed: 12.03.2016).

[21] Данные ГСУ КНР. Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2020. Beijing: China Statistics Press, 2020. Table 7-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2020/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022); *Lin Shuanglin.* Op. cit. P. 30, 356.

[22] *Новоселова Л*. Реформирование налоговой системы КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 39.

[23] Property Taxation in the People's Republic of China: Observations and Suggestions. No. 2014-1. Manila: Asian Development Bank, 2014. P. 7. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/42372/property-taxation-peoples-republic-china.pdf (accessed: 07.07.2023).

[24] Ibid.; *Lin Shuanglin*. Op. cit. P. 346.

[25] Налогообложение имущества в Китае. Ускорение введения налога на имущество // Новости Китая [сайт]. 02.06.2021. URL: https://prc.today/nalogooblozhenie-imushhestva-v-kitae/?ysclid=ljyurf51md302131334 (accessed: 25.07.2023).

[26] China to Make Law to Get Tax from Property // Greenpost.se: [site]. 2015. August 12. URL: https://www.greenpost.se /2015/08/12/ china-to-make-law-to-get-tax-from-property (accessed: 25.07.2023).

[27] *Bradsher K.* Why China Doesn't Have a Property Tax? // The New York Times: [site]. 2023. May 10. URL: https/www.nytimes.com/2023/05/10/business/china-property-tax.html (accessed: 25.07.2023).

[28] Batteries and Paints Now Subject to Increased Consumption Tax in China // PRLOG Press Release Distribution: [site]. 2015. April 16. URL: https://www.prlog.org/12446509-batteries-and-paints-now-subject-to-increased-consumption-tax-in-china.html (accessed: 25.07.2023).

[29] *Новоселова Л.В.* Новейшие преобразования налогово-бюджетной системы КНР. Цит. соч. С. 77.

[30] *Бажанов П.* Экологический налог в Китае: что необходимо знать о новом налоге // CNLegal.ru: [сайт]. 2017. Декабрь 13. URL: 13/12/2017; https://cnlegal.ru/china_taxation/china_ecology_tax_2017 /?ysclid=ljy7w35ylb402464098

[31] Natural Resource Taxation in the PRC: Observations & Suggestions. No. 2011-1. Manila: Asian Development Bank, 2011. P. 4. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29914/os-natural-resource-taxation.pdf (accessed: 10.07.2023).

[32] Money Matters. Op. cit. P. 102.

[33] China Economic Update. 2014. October. Op. cit. P. 27.

[34] *Новоселова Л.В.* Новейшие преобразования налогово-бюджетной системы КНР. Цит. соч. С. 79.

[35] Подсчитано по: *Lin Shuanglin*. Op. cit. P. 84.

[36] Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2014 г. и проекте плана на 2015 г.: представлен 5 марта 2015 г. на 3-й сессии ВСНП 12-го созыва // Синьхуа Новости: [сайт]. 2015. 18 марта. URL: http://russian,news.cn/china/2015-03/18/c_134075466.htm (дата обращения: 15.07.2023).

[37] *Новоселова Л.В.* Новейшие преобразования налогово-бюджетной системы КНР. Цит. соч. С. 81.

[38] *Новоселова Л.* Реформирование налоговой системы КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 39.

[39] *Lin Shuanglin*. Op. cit. P. 135.

[40] *Новоселова Л.В.* Новейшие преобразования налогово-бюджетной системы КНР. Цит. соч. С. 82.

[41] *Новоселова Л.* Реформирование налоговой системы КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 44.

[42] Агентство Синьхуа. 05.05.2015.

[43] Китай намерен продолжать реформу НДС для стимулирования экономики // Russian.china.org.cn: [сайт]. 2017. Август 19. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2017-08/19/content_41436932.htm

[44] A Look at China's New Tax-Paying Market Entities // The PRC Ministry of Ecology and Environment: [site]. 2021. November 1. URL: http://english.mee.gov.cn/News_service/news_release/202111/t20211101_958522.shtml (accessed: 21.04.2023).

[45] *Новоселова Л.* Реформирование налоговой системы КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 39.

[46] A Look at China's New Tax-Paying Market Entities. Op. cit.

[47] В 2017 году финансовые доходы Китая выросли на 7,4 проц. // Russian.china.org.cn: [сайт]. 01-02-2018. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2018-02/01/content_50376403.htm (дата обращения: 28.07.2024).

[48] Подсчитано по: *Lin Shuanglin*. Op. cit. P. 87–88, 312–313.

[49] См., в частности: *Lin Shuanglin*. Op. cit. P. 159–160.

[50] Доклад об исполнении центрального и местных бюджетов за 2019 г. и проекте центрального и местных бюджетов на 2020 г.: одобрен 28 мая 2020 г. на 3-й сессии ВСНП 13-го созыва / Минфин КНР // Russian.people.cn.: [сайт]. 2020. 5 июня. URL: http://russian.peopledaily.com.cn/n3/2020/0605/c95181-9697779.html (дата обращения: 01.08.2023).

[51] China Statistical Yearbook 2014 / National Bureau of Statistics of China. Beijing : China Statistics Press, 2014. Table 7-1. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2014/indexeh.htm (accessed: 01.08.2023).

[52] Money Matters. Op. cit. P. 8.

[53] *Lin Shuanglin*. Op. cit. P. 312.

[54] Ibid. P. 325–326.

[55] Money Matters. Op. cit. P. 10.

[56] Ibid. P. 15.

[57] *Новоселова Л.В.* Новейшие преобразования налогово-бюджетной системы КНР. Цит. соч. С. 84.

[58] *Liu Lili*, *Qiao Baoyun.* Transition from Direct Central Government Onlending to Subnational Market Access in China // Until Debt Do Us Part. Subnational Debt, Insolvency, and Markets / Ed. by O. Canuto, Liu Lili. Washington D.C.: The World Bank, 2013. P. 394. URL: https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/c0d0ee8c-4f83-5c36-89aa-305940cad68f/full (accessed: 15.08.2023).

[59] *Wang Jun*. Op. cit.

[60] *Новоселова Л.В*. Новейшие преобразования налогово-бюджетной системы КНР. Цит. соч. С. 87.

[61] China Economic Update. 2014. October. Op. cit. P. 26.

[62] China Economic Update. [s.l.]: The World Bank, 2015. June. P. 11. URL: https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/EAP/China/ceu_06_15_en.pdf (accessed: 19.11.2015).

[63] China to Strengthen Risk Control on Local Gov't Debts // China.org.cn: [site]. 2016. January 11. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-01/11/content_37550930.htm (accessed: 23.01.2016).

[64] *Орлик Т.* Китай: пузырь, который никогда не лопнет? / Пер. с англ. Т.Ю. Адаменко. М. [и др.]: Директмедиа Паблишинг, 2022. С. 170–171; China Economic Update. 2015. June. Op. cit. P. 11.

[65] The Future of China's Bond Market. Op. cit. P. 126.

[66] China's Macro Leverage Ratio // National Institution for Finance and Development: [site]. URL: http://www.nifd.cn/Research?categoryGuide=3333d2af-91d6-429b-be83-28b92f31bd7 (accessed: 01.09.2024); *Lin Shuanglin*. Op. cit. P. 314–315.

[67] *Xiaojing Zhang*. China's Leverage Ratio Likely to Increase in 2020 // National Institution for Finance and Development: [site]. 2020-04-01. URL: http://www.nifd.cn /Report/Details/1780 (accessed: 01.09.2024).

[68] *Yin Jianfeng*, *Wang Jiangjiang*. NIFD Quarterly Report. Fiscal Tightening and Debt Reduction Accelerated — 2023 Q3 Local and Regional Fiscal // National Institution for Finance and Development: [site]. 2023. November 11. URL: http://www.nifd.cn/SeriesReport/Details/4036 (accessed: 01.09.2024).

[69] См., например, The New Journey of China's Economic and Social Development / Ed. by Fuzhan Xie [et al.]; transl. by Yisheng Wu [et al.]. Beijing [et al.]: China Social Sciences Press [et al.], 2023. P. 239, 248–249. DOI: 10.1007/978-981-19-7915-6 (accessed: 23.06.2023).

Глава 5

Формирование и развитие национальной инновационной системы

Начальный этап рыночной трансформации китайской экономики был ознаменован ставкой на приоритетное развитие экспортно ориентированного промышленного производства, следствием чего стал впечатляющий рост китайского экспорта высокотехнологичной продукции, доля которой в общем объеме товарного вывоза КНР увеличилась с 5% в начале 1990-х годов до свыше 30% в 2005 г.[1]. Этот экспорт в значительной степени был представлен двумя товарными группами: офисной техники и телекоммуникационного оборудования. К середине 2010-х годов Китай уже имел статус главного производителя и экспортера такой продукции, а экспортная квота страны в 2000–2010 гг. увеличилась с 20,5 до 26% ВВП, демонстрируя очевидное усиление зависимости китайской экономики от внешнего рынка.

При этом, однако, Китай так и не стал в полном смысле современной индустриальной державой, опирающейся на высокотехнологичное и эффективное производство. В ключевых секторах промышленности страна не могла продемонстрировать каких-либо технологических достижений, опираясь главным образом на импорт иностранного капитала, технологий и материалов.

Как и на заре экономической реформы, бóльшая часть ориентированной на экспорт обрабатывающей промышленности Китая была занята переработкой и сборкой. Конкурентоспособность экспорта опиралась преимущественно на дешевизну и обилие местной рабочей силы, а свыше половины его общей стоимости (в том числе 88% экспорта высокотехнологичных товаров) приходилось на долю совместных или полностью иностранных предприятий, выступавших одновременно и основным каналом импорта технологий и высокотехнологичной продукции (полупроводники, микропроцессоры и т.п.). Доля добавленной стоимости при этом, как правило, невелика. Не обладая достаточным количеством собственных промышленных брендов с устоявшейся репутацией, а равно и основными производственными технологиями, Китай получал лишь небольшую часть прибыли от экспорта технологи-

чески сложной продукции, основная часть этой прибыли доставалась иностранным разработчикам и производителям комплектующих*.

Фрагментация производственных процессов иностранными партнерами, стремившимися сохранить контроль над основными технологиями и инновациями, определяла низкую эффективность сложившейся системы технологического трансферта в контексте потребностей экономического развития КНР. Это особенно ярко проявилось в период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., когда Китаю помимо прочего пришлось столкнуться с резким падением внешнего спроса на свою экспортную продукцию.

Между тем в рассматриваемый период современный мир вступил в эпоху кардинальных технологических сдвигов в рамках так называемой четвертой промышленной революции. Симбиоз самых различных инноваций и технологий из области физики, биологии и цифровых реалий открыл совершенно новые, непредставимые доселе возможности в области экономического, общественного и интеллектуального развития человечества. Определение своего места и роли в новой, еще только формирующейся глобальной «системе координат» потребовало от КНР не только глубокого осмысления происходящих фундаментальных изменений, но и активного включения в процессы мирового технологического развития.

В результате еще в середине первого десятилетия XXI в. Китай определил для себя весьма амбициозную задачу: стать в течение трех-четырех десятилетий ведущей инновационной державой мира. Необходимость соответствующего изменения модели экономического роста была подтверждена и дополнительно обоснована на XVIII съезде КПК в ноябре 2012 г. Именно тогда было объявлено, что инновации являются главной движущей силой развития Китая.

Реформа системы управления научно-технической деятельностью

Задуманный в КНР переход от статуса «мастерской мира» к статусу «творческой лаборатории мира» предполагает всестороннее развитие в стране научных исследований и инновационной базы и, как следствие, не только увеличение доли Китая в производстве и экспорте высокотехнологичной продукции, но и кардинальное изменение характера этого производства. Формирование научно-технической политики, организация и управление национальной инновационной системой возложены на Госсовет КНР и целый ряд непосредственно подчиненных ему министерств и ведомств.

* Так, при сборке в КНР тайваньской компанией *Foxconn* планшетов iPad и смартфонов iPhone, принадлежащих американской компании *Apple*, в самом Китае в виде заработной платы рабочих-сборщиков оседает лишь 1,6% от их продажной цены, в то время как прибыль компании-разработчика *Apple* составляет 58,8%. См.: China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative Society. Washington D.C.: The World Bank, 2013. P. 179. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/781101468239669951/pdf/China-2030-building-a-modern-harmonious-and-creative-society.pdf (accessed: 11.01.2022).

Главным государственным институтом в сфере науки, технологий и инноваций является Министерство науки и технологий (далее — МНТ), выполняющее целый ряд ключевых управленческих функций. Совместно с Комиссией Госсовета КНР по науке и технологиям МНТ определяет государственную научно-техническую политику и осуществляет ее долгосрочное стратегическое планирование. Помимо этого МНТ разрабатывает кратко- и среднесрочные (пятилетние) планы развития, осуществляет финансирование и руководит реализацией национальных инновационных программ в области фундаментальных и прикладных исследований, курирует ключевые национальные проекты и управляет зонами высоких технологий[2].

Отдельные направления разработки и реализации научно-технической и инновационной политики входят в компетенцию Государственного комитета по делам развития и реформ, Министерства образования, Министерства финансов, Министерства коммерции, Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения, Министерства промышленности и информационных технологий, Министерства сельского хозяйства и сельских дел, Государственного управления по интеллектуальной собственности, Академии наук Китая, Инженерной академии Китая и др. Результатом совместной работы этих организаций стали основополагающие программные документы правительства, задающие общий курс национальной научно-технической и инновационной политики, определяющие ее приоритеты, отраслевые, региональные и иные аспекты.

Принятая в 2006 г. «Государственная программа развития науки и технологий на средне- и долгосрочную перспективу (2006–2020 гг.)» была направлена на достижение следующих стратегических целей:

— укрепление технологического потенциала КНР и создание экономики, основанной на «национальных инновациях». Была поставлена задача увеличения вклада научно-технического прогресса в экономический рост Китая до более 60% со снижением его зависимости от импортных технологий до уровня не свыше 30% и вхождением КНР в число ведущих стран мира по числу регистрируемых патентов и цитируемых научных публикаций[3];
— повышение инновационного потенциала китайских компаний и создание инновационной системы с центром тяжести не на традиционных государственных НИИ, а на производственных предприятиях;
— осуществление крупных прорывов и опережение иностранных конкурентов на стратегических направлениях технологического развития и фундаментальных исследований с потенциально значительным воздействием на социальный прогресс и экономическое развитие; реализация 16 мегапроектов в таких приоритетных высокотехнологичных областях, как производство микропроцессоров, широкополосная связь, альтернативная и ядерная энергетика, аэрокосмические технологии, биотехнологии, производство новых материалов, здравоохранение[4].

Для выполнения поставленных задач был разработан комплексный пакет мер экономической политики. Предусматривалось значительное (с 1,5 до 2,5% ВВП)

увеличение расходов из бюджетных и внебюджетных источников на исследования и разработки, а также широкое использование таких мер промышленной политики и господдержки НИОКР, как государственные экспортные субсидии и субсидии на освоение импортных технологий, государственные закупки, налоговые и таможенные льготы, программы льготного банковского кредитования и т.д.

Планировалось также улучшение рамочных условий развития инновационной деятельности. В их числе усиление защиты прав интеллектуальной собственности, активное участие КНР в формировании международных технологических стандартов, а также совершенствование инфраструктуры исследований и разработок, включая создание ключевых лабораторий, научных парков, технологических и производственных бизнес-инкубаторов и т.д. Наконец, важная роль отводилась развитию кадрового потенциала в научно-технической сфере посредством реформирования системы высшего образования, воспитания научных лидеров и привлечения иностранных специалистов, в том числе зарубежных китайцев[5].

В дальнейшем эта программа неоднократно дополнялась и конкретизировалась правительством по отдельным аспектам научно-технического и промышленного развития. Так, Государственное управление по интеллектуальной собственности разработало Национальную стратегию развития патентного дела на 2011–2020 гг. В 2015 г. Госсовет КНР опубликовал «План повышения глобальной конкурентоспособности высшего образования», нацеленный на поэтапное создание в Китае к 2050 г. передовой системы высшего образования.

Тогда же, в 2015 г. правительством была обнародована долгосрочная программа промышленного развития «Сделано в Китае – 2025», ориентированная на увеличение производственных мощностей и внедрение технологических инноваций в ключевых секторах промышленности. Рассматривая инновации как способ реформирования всей производственной системы, программа определила целевую модель китайской промышленности по состоянию на 2020 и 2025 гг. с указанием количественных параметров повышения эффективности производства. Важными целями программы выступают развитие местных инноваций, продвижение отечественных брендов и национальных стандартов, развитие отечественных «корпоративных чемпионов» с перспективой становления таких компаний лидерами мирового рынка. В этой связи в программе определены целевые показатели продаж и доли рынка для китайских товаров, поддерживаемых направлением государственных средств.

В частности, программа «Сделано в Китае – 2025» предусматривает:

— создание к 2020 г. 15, а к 2025 г. — 40 национальных инновационных центров обрабатывающей промышленности;
— совершение технологического прорыва в десяти ключевых отраслях промышленности, включая ИТ-индустрию нового поколения, биофармацевтику, производство станков с цифровым управлением и робототехники, авиационно-космического оборудования, морского инженерного оборудования и высокотехнологичных судов, силового энергетического оборудования, новых материалов, медицинской техники с высокими характеристиками и т.д.;

— прогрессирующее внедрение в ключевых отраслях интеллектуального оборудования и сокращение на этой основе издержек производства, а равно и выпуска некачественной продукции к 2020 г. на 30%, а к 2025 г. — на 50%, формирование в общих чертах системы «зеленого» производства в обрабатывающей промышленности к 2025 г.;
— самостоятельное изготовление к 2020 г. не менее 40%, а к 2025 г. — не менее 70% ключевых комплектующих и материалов для производства средств авиационно-космической связи, крупных энергоблоков, инженерного и железнодорожного оборудования, бытовой техники и т.д.;
— налаживание к 2020 г. отечественного производства широкофюзеляжных самолетов, современных авиационных двигателей и газовых турбин, интеллектуальных «зеленых» поездных составов, оборудования для АЭС, высокотехнологичного диагностического оборудования и т.д.;
— значительное повышение к 2025 г. доли КНР в обладании правами интеллектуальной собственности на упомянутую выше высокотехнологичную продукцию с выходом страны на передовой мировой уровень в данной сфере.

Наглядным проявлением амбициозности поставленных задач, а равно и их масштабности явилось создание в Китае в общей сложности более 900 государственных целевых инвестиционных фондов, ориентированных на привлечение 347 млрд долл. для софинансирования корпоративных НИОКР, осуществляемых китайскими промышленными и технологическими компаниями в рамках программы «Сделано в Китае – 2025». В интересах дополнительного поощрения инвестиций в НИОКР участникам программы были предоставлены специальные налоговые льготы[6].

Ориентиры Госсовета КНР в сфере всесторонней модернизации промышленной базы были подхвачены на местах. Руководствуясь национальными приоритетами и стремясь занять свою нишу в индустрии будущего, уже через год не менее 70 территориально-административных единиц (провинций, городов и уездов) обнародовали собственные планы развития, подкрепленные местными льготами и преференциями, включая низкопроцентные банковские кредиты, субсидии из местных бюджетов и т.д. Административный центр южнокитайской провинции Гуандун, город Гуанчжоу, например, предложил 20%-ную субсидию компаниям–покупателям промышленных роботов местного производства[7].

Большое значение придается и повсеместному распространению современных интернет-технологий, реализации проектов, направленных на обеспечение интеграции производственного сектора и интернета. Интернет призван стать эффективным драйвером развития китайской экономики. Принятая в 2015 г. программа Госсовета КНР «Интернет Плюс» предусматривает приоритетное распространение интернет-технологий в таких сферах экономической деятельности и отраслях, как малый бизнес и предпринимательство; промышленность; сельское хозяйство; транспорт; финансовые услуги и инвестирование; общественные услуги (включая образование, здравоохранение, социальное обеспечение и т.д.); логистика; электронная торговля; защита окружающей среды; использование искусственного ин-

теллекта и др. В целом, данная программа ориентирована на становление КНР как ведущей интернет-державы на основе широкого внедрения в жизнь мобильных и облачных интернет-технологий, развития интернета вещей и обработки больших массивов данных[8].

В 2016 г. Госсовет КНР утвердил «Государственную программу научно-технических инноваций на 13-ю пятилетку (2016–2020 гг.)», явившуюся своего рода развитием долгосрочной программы 2006 г. с учетом новых реалий мировой науки и актуальных потребностей китайской экономики. Приоритетными направлениями развития научного знания и технологий объявлены пять крупных областей: электроника, информатика и передовое производство; энергоресурсы и экология; биология и здравоохранение; исследование Мирового океана; исследование небесного пространства. При этом особое внимание уделяется реализации междисциплинарных проектов в сферах квантовой связи, квантового компьютера, наук о мозге, а также в области церебрологических исследований[9]. Намечается, что, войдя в 2020 г. в число инновационных стран, Китай к 2030 г. станет одним из лидеров инновационного развития, а к 2050 г. — ведущей инновационной державой мира.

В дополнение к этому в 2017 г. под эгидой МНТ на межведомственной основе был разработан «Специальный план по национальным фундаментальным исследованиям в годы 13-й пятилетки (2016–2020 гг.)» Были определены 16 проектов, воплощающих основные тенденции научно-технического развития, которые касаются информатики, биологии и других стратегических отраслей. Планом предусмотрено масштабное проектное финансирование наиболее перспективных тем и разработок с концентрацией на их выполнении сил и возможностей ведущих научно-исследовательских центров страны.

В целом приоритеты научно-технической политики КНР с течением времени расширяются, уточняются и конкретизируются, отражая как общий прогресс мировой науки, так и возрастающие потребности и задачи национального социально-экономического развития. В 2006–2010 гг. в соответствии с 11-м пятилетним планом приоритетные направления научных исследований и технологических разработок, по сути, отражали список приоритетных высокотехнологичных областей, поименованных в упомянутой выше «Государственной программе развития науки и технологий на средне- и долгосрочную перспективу» — микропроцессоры и программное обеспечение, технология нового поколения информационных сетей, передовые ЭВМ, биофармацевтика, гражданская авиация, использование спутников и космические исследования, производство новых материалов.

В период 12-го пятилетнего плана (2011–2015) перечень научно-технологических приоритетов пополнился квантовой связью и квантовыми компьютерами, глубоководными исследованиями и морской инженерией, регенеративной медициной, инновационными сельскохозяйственными технологиями, химическими технологиями, а также исследованием климатических изменений. Годы 13-й пятилетки (2016–2020) ознаменованы включением в перечень приоритетов производства автомобилей на новых источниках энергии, высококачественной робототехники, оборудования для скоростных железнодорожных перевозок и современ-

ного медицинского оборудования. Наконец, 14-й пятилетний план социального и экономического развития КНР (2021–2025), помимо уже упомянутых областей высоких технологий, дополнительно акцентирует необходимость развития искусственного интеллекта, облачных вычислений, индустрии больших данных и природоохранных технологий[10].

Для выполнения поставленных задач были сформированы многочисленные государственные целевые программы, число которых с течением времени постоянно увеличивалось. К середине 2010-х годов в Китае насчитывалось свыше 100 таких научно-технических программ[11]. Чтобы улучшить их координацию, правительство в декабре 2014 г. инициировало реформу управления научно-техническими программами и проектами центрального финансирования, коренным образом изменившую национальную систему финансирования науки, технологий и инноваций (далее — НТИ).

В 2014–2016 гг. Госсовет КНР провел систематизацию и структурную консолидацию всех ранее существовавших национальных программ финансирования НТИ по следующим пяти магистральным направлениям:

— *Национальный фонд естественных наук* (*НФЕН*): предоставление на конкурсной основе грантов на фундаментальные и прикладные исследования в естественных науках, и прежде всего в таких областях, как физика, математика, химия, науки о жизни и о Земле, инженерия и материаловедение, информационные науки. Управление НФЕН осуществляется Фондом естественных наук Китая, крупнейшим китайским агентством по финансированию исследований в области естественных наук, находящимся в прямом подчинении Госсовету КНР;
— *Крупные национальные научно-технические проекты* (*«Мегапроекты»*): масштабные бюджетные инвестиции в разработку передовых технологий и продуктов, имеющих стратегическое значение для развития китайской экономики и повышения ее международной конкурентоспособности. Это, в частности, такие амбициозные средне- и долгосрочные проекты, как создание отечественного широкофюзеляжного дальнемагистрального пассажирского самолета и ядерного реактора третьего поколения, коммерциализация мобильной связи 5G и технологии производства вакцин, исследование Луны, наблюдение за поверхностью Земли и т.д.;
— *Ключевые национальные исследования и разработки*: среднесрочное (3–5 лет) финансирование НИОКР в социально значимых областях, связанных с жизнеобеспечением населения страны (сельское хозяйство, энергетика, здравоохранение, защита окружающей среды и др.). В рамках данного направления консолидирован целый ряд прежних научно-технических программ. В их числе, в частности, ориентированная на поддержку фундаментальных исследований «Программа 973», а также «Программа 863», направленная на стимулирование развития высоких технологий в различных областях исследований и разработок. Это наиболее масштабный канал государственного финансирования, объединяющий в общей сложности около 50 ключевых научно-

технических программ, каждая из которых в свою очередь обеспечивает финансирование десятков конкретных проектов;

— *Фонд содействия технологическим инновациям* (*ФСТИ*): стимулирование трансферта технологий и их коммерциализации, финансирование корпоративных внедренческих программ, поддержка технологических стартапов, а также малых и средних предприятий. ФСТИ объединяет три крупных фонда, возникших в ходе структурной реорганизации и слияния ранее существовавших ведомственных фондов. В свою очередь, каждый из этих трех национальных фондов структурирован в несколько субфондов, инвестирующих в приоритетные и стратегические области через фонды венчурного капитала, фонды прямых инвестиций и др.;

— *Программа «Базы и таланты»*: оптимизация размещения научно-технических ресурсов, а также поддержка ведущих научных коллективов и научных школ, осуществляемая посредством государственных субсидий, налоговых вычетов и льгот при импорте научно-исследовательского оборудования, приоритетного одобрения заявок на национальные и местные проекты в области НТИ. Данное направление объединяет несколько научно-технических программ, существовавших ранее под эгидой МНТ (государственные ключевые лаборатории, национальные инженерные исследовательские центры, программа поощрения инновационных талантов) и ГКРР (национальные инженерные центры, корпоративные центры внедрения технологий, технопарки, зоны высоких технологий, технологические бизнес-инкубаторы и т.д.).

Определение размеров финансирования, координация ведомственных интересов и предотвращение дублирования поручено вновь созданному *Объединенному межведомственному совету*, возглавляемому генеральным координатором в лице МНТ. Объединенный совет представляет собой высший орган национальной системы финансирования НТИ, он объединяет представителей свыше 30 министерств, ведомств и других государственных структур, участвующих в разработке и реализации научно-технической политики КНР. Совет отвечает за утверждение общей стратегии финансирования НТИ из средств центрального правительства, а также за определение основных задач конкретных программ финансирования, схем их реализации и правил контроля и управления[12].

Выстроенной иерархии целей и задач научно-технической политики КНР соответствует аналогичная иерархия ответственности за их реализацию. Из центрального бюджета финансируется инновационное развитие стратегических отраслей экономики, деятельность ведущих отечественных НИИ и университетов, а также создание центров международного научно-технического сотрудничества. Правительства провинций и уездов финансируют местный научно-технический сектор, обеспечивают благоприятные условия для возникновения и развития инновационных кластеров.

В организации НИОКР важная роль принадлежит Академии наук Китая, в сферу ответственности которой входит проведение фундаментальных, стратегических,

прогностических и иных инновационных научных исследований, а также руководство государственными учреждениями науки. Совместно с Инженерной академией Китая, Китайской Академией общественных наук и Ассоциацией науки и техники Китая Академия наук отвечает за создание и деятельность независимой системы научно-технической экспертизы и оценки планов и проектов в области НТИ. Реализация конкретных научных проектов возложена на университеты, НИИ, отраслевые исследовательские центры, предприятия и компании.

Реализация научно-технической политики

Стимулируя научно-технологическое развитие страны, инвестиции в исследования и разработки в государственном и частном секторах экономики КНР растут опережающими темпами. Как свидетельствует табл. 20, в 2010–2020 гг. расходы на НИОКР выросли в 3,5 раза, а их доля в ВВП страны увеличилась с 1,7 до 2,4%. В 2021 г. соответствующий показатель достиг 2,44% ВВП, а в 2022 г. — превысил 2,5%.

Начиная с 2009 г., по масштабам затрат на НИОКР Китай уступает только США, и разрыв между ними быстро сокращается: если в 2010 г. соотношение расходов США и КНР составляло 2 : 1, то в 2018 г. — 1,2 : 1. Китай вкладывает в развитие науки такой же объем средств, как идущие непосредственно вслед за ним Япония, Германия, Республика Корея и Франция вместе взятые. В целом расходы Китая на НИОКР составляют почти четверть соответствующего общемирового показателя[13]. Поставленная в 14-м пятилетнем плане социального и экономического развития КНР задача обеспечения в 2021–2025 гг. среднегодовых темпов прироста инвестиций в НИОКР в 7% открывает перспективу становления Китая как мирового лидера в области финансирования исследований и разработок.

Расходы КНР на эти цели складываются из расходов государственных НИИ, финансируемых за счет бюджетных ассигнований (15–17% всех затрат на НИОКР), расходов университетов (около 7%) и вложений предпринимательского сектора (около 80%). Еще в начале 2000-х годов удельный вес государственных НИИ в общей сумме затрат на исследования и разработки составлял примерно 25%, доля университетов и бизнеса — 10–15% и 60–65% соответственно[14].

Таким образом, институциональный профиль инновационной системы КНР претерпел фундаментальные изменения в результате осуществляемой реформы. При относительном сокращении прямого финансирования НИОКР со стороны государства позиции бизнес-сектора в инновационной системе КНР заметно укрепились и в 2020-е годы примерно соответствуют уровню США, Германии и других стран с развитой рыночной экономикой, лидирующих в инновационном развитии[15]. Бизнес стал доминирующим субъектом НИОКР в Китае. Для сравнения отметим, что в России бюджетное финансирование обеспечивает свыше $^{2}/_{3}$ внутренних затрат на исследования и разработки (2017 г.).

Таблица 20

Основные показатели развития инновационной системы КНР, 2010–2020 гг.

Показатель	2010 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.
Расходы на НИОКР:				
сумма (млрд юаней)	706,3	1567,7	1967,8	2439,3
доля в ВВП (%)	1,7	2,1	2,14	2,4
Источники расходов на НИОКР (млрд юаней):				
государственные фонды	169,6	314,1	397,9	482,6
фонды компаний	506,3	1192,4	1507,9	1889,5
Распределение расходов на НИОКР (млрд юаней):				
фундаментальные исследования	32,5	82,3	109,0	146,7
прикладные исследования	89,4	161,1	219,1	275,7
экспериментальные исследования	584,4	1224,1	1640,0	2016,9
Оборот рынка технологий (млрд юаней)	390,7	1140,1	1769,7	2825,2
Внешняя торговля высокотехнологичной продукцией:				
экспорт (млрд долл.)	4924	6036	7468	7763
импорт (млрд долл.)	4127	5236	6717	6821
Выданные патенты (тыс. ед.)	814,8	3464,8	4322,1	5194,2
Студенты, выехавшие на обучение за границу (тыс. человек)	284,7	544,5	662,1	703,5*
Студенты, вернувшиеся в КНР после обучения за границей (тыс. человек)	134,8	432,5	519,4	580,3*

* Данные за 2019 г.

Источники: China Statistical Yearbook 2015. Beijing: China Statistics Press, 2015. Table 20-1. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2015/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023); China Statistical Yearbook 2021. Beijing: China Statistics Press, 2021. Table 20-1. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022).

Впрочем, при оценке приведенных выше данных требуются оговорки. В конце 1990-х — начале 2000-х годов быстрый рост НИОКР в деловом секторе был в определенной мере связан с административно-правовым преобразованием ряда НИИ в коммерческие структуры. В 1998–2003 гг. 1050 государственных научно-исследовательских институтов прошли подобную процедуру. Такие преобразования нередко носили формальный характер и не сопровождались созданием условий для того,

чтобы прежние НИИ реально стали коммерческими структурами, ориентированными на инновации. Начиная с 13-й пятилетки (2016–2020), всемерно поощряется создание и развитие «новых научно-исследовательских институтов, ориентированных на рынок». К 2019 г. по всей стране была создана одна тыс. таких НИИ нового типа[16].

К тому же участие китайского правительства в финансировании НИОКР не ограничивается лишь государственными НИИ. Расходы университетов, например, почти на 50% обеспечиваются за счет бюджетных ресурсов. Около 25% НИОКР предприятий и компаний также субсидируется государством, причем $^{1}/_{3}$ поступающих в бизнес-сектор государственных средств приходится на центральное правительство и $^{2}/_{3}$ — на провинциальные, городские и уездные органы власти.

Денежные субсидии государства предоставляются коммерческим структурам на реализацию крупных научно-исследовательских проектов, на разработку и тестирование новых продуктов, на коммерциализацию новых технологий, для оплаты расходов на патентование и т.д.[17]. Впрочем, прямые бюджетные субсидии составляют лишь 45% государственной поддержки, предоставляемой бизнес-структурам для стимулирования НИОКР (2017 г.)[18].

Косвенная поддержка компаний-участников инновационной деятельности со стороны государства в виде различного рода налоговых преференций достигает примерно 55% общего размера государственной помощи. Так, при ставке корпоративного подоходного налога в 25% компании, имеющие статус предприятий новых и высоких технологий либо технологически передовых сервисных компаний, могут уплачивать его в размере 15%.

Статус предприятий новых и высоких технологий предоставляется сроком на три года, и получившие этот статус компании высокотехнологичных отраслей промышленности и сферы услуг (электронная промышленность, авиастроение, производство новых материалов, биофармацевтика, охрана окружающей среды, чистая энергетика и др.) должны ежегодно проходить проверку на соответствие определенным критериям. Для этого на их корпоративные расходы на НИОКР должен приходиться определенный процент годовой выручки от продаж: 5% — если выручка до 50 млн юаней, 4% — если выручка составляет от 50 до 200 млн юаней, и 3% — если выручка превышает 200 млн юаней. В случае, когда предприятие новых и высоких технологий к тому же входит в разряд малых и средних предприятий, ставка налогообложения уменьшается до 10%[19]. В 2020 г. в КНР насчитывалось 277 тыс. высокотехнологичных предприятий против 104 тыс. в 2016 г.

Следует отметить и дополнительное уменьшение налогооблагаемой базы для предприятий новых и высоких технологий, а также малых и средних научно-технологических предприятий в соотношении к их фактическим затратам на НИОКР. До 2019 г. размеры такого дополнительного (т.е. применяемого сверх обычного уменьшения дохода на сумму производственных затрат) налогового вычета соответствовали 50% корпоративных расходов на НИОКР для крупных предприятий и 75% для малых и средних предприятий. В 2019 г. налоговый вычет для крупных предприятий был увеличен с 50 до 75%, а в 2021 г. для предприятий обрабатывающей промышленности его размеры были повышены до 100% затрат на НИОКР[20].

В результате всех этих мер уменьшение налогового бремени по корпоративному подоходному налогу в 2021 г. достигло 440 млрд юаней (0,4% ВВП) против 360 млрд юаней в 2020 г. (0,3% ВВП) и 190 млрд юаней в 2019 г. (0,2% ВВП)[21]. В 2023 г. размеры дополнительного налогового вычета были в очередной раз повышены — до 120% для производителей интегральных схем и промышленных матричных станков и до 100% для крупных предприятий новых и высоких технологий[22].

В целом число компаний новых и высоких технологий, пользующихся налоговыми послаблениями со стороны государства, в 2010-е годы увеличилось почти в 14 раз, составив в 2019 г. 52,7 тыс. или около $^1/_3$ всех высокотехнологичных предприятий страны[23]. С учетом малых и средних научно-технологических предприятий за годы 13-й пятилетки (2016–2020) различными налоговыми преференциями воспользовались 1,27 млн китайских предприятий с совокупными расходами на НИОКР в размере 7,5 трлн юаней, что в 6,3 и 2,7 раза соответственно превысило аналогичные показатели 12-й пятилетки (2011–2015)[24]. Среди получателей налоговых льгот превалируют малые и средние предприятия, на долю которых приходится 89% общего числа компаний-бенефициаров и 54% стоимости налоговых стимулов. Аналогичные показатели для крупных компаний составляют 11 и 46% соответственно (2017 г.)

К этому следует добавить широкий круг прочих финансовых, административных и иных преференций для высокотехнологичных компаний, включая налоговые (в части НДС) и тарифные льготы при импорте специального научно-исследовательского оборудования, ускоренную амортизацию основного оборудования, низкопроцентные или беспроцентные ссуды госбанков, бесплатную аренду земельных участков и помещений в технопарках и зонах высоких технологий и т.д.[25]. Взятые в совокупности, в стоимостном выражении прямые и косвенные затраты правительства на НИОКР в КНР больше, чем в любой другой стране мира. Тем самым правительство последовательно поощряет научно-исследовательские работы предприятий, стимулирует инновации в бизнесе, продвигает модернизацию промышленного производства.

Результаты такой государственной политики впечатляют. Если в 2009 г. лишь 8,5% китайских компаний направляли часть своей выручки на проведение исследований и разработок, то в 2020 г. удельный вес таких компаний вырос до 36,7%[26]. Около $^2/_3$ корпоративных затрат на НИОКР финансируется предприятиями госсектора и компаниями со смешанной формой собственности, $^1/_3$ — частными компаниями.

Наиболее активные в плане осуществления НИОКР китайские компании нередко «ведут родословную» от организаций государственного исследовательского сектора. Это относится, в частности, к трем ведущим китайским производителям персональных компьютеров, цифрового оборудования и программного обеспечения. Так, корпорация *Legend Holdings*, отдел персональных компьютеров которой был впоследствии преобразован в акционерную компанию *Lenovo*, была взращена в Институте вычислительной техники Академии наук Китая, компания *Founder Electronics* является дочерним предприятием Пекинского университета, а компания *Цинхуа Тунфан* — «дочкой» Университета Цинхуа.

Крупнейшие госкомпании формируют мощные собственные инновационные системы. Вот лишь один пример, касающийся *China Energy Investment Corporation*, которая занимает 108-е место в списке 500 крупнейших компаний мира с активами в 1,8 трлн юаней и числом занятых в 350 тыс. человек. Являясь крупнейшим в мире производителем угля, термальной и ветровой энергии, жидкого угольного топлива, а также химических продуктов, эта государственная холдинговая компания управляет двенадцатью исследовательскими платформами общенационального уровня: три ключевых государственных лаборатории, два национальных инженерных центра, корпоративный технологический центр, шесть ведомственных центров НИОКР. Кроме того, в инновационную систему *China Energy* входят четыре отраслевых НИИ, непосредственно подчиненных этой компании. Осуществляемые разработки охватывают такие актуальные и перспективные направления исследований, как использование и охрана водных ресурсов при угледобыче, производство электроэнергии на угле и борьба с загрязнителями, производство и эксплуатация ветроэнергетического оборудования, прямое сжижение угля, технология переработки и утилизации чистого угля, моделирование атмосферной среды и борьба с загрязнением, новые энергетические технологии и т.д.[27].

Одновременно наблюдается быстрый рост частных инвестиций, удельный вес которых в корпоративных НИОКР удвоился за последние десять лет. В этой сфере существуют безусловные лидеры, как, например, крупнейшая частная технологическая корпорация *Huawei*, направляющая в последние годы более 10% своих доходов на исследования и разработки. В 2019 г. такие затраты корпорации *Huawei* достигли 19,3 млрд долл., составляя около 6% общенационального бюджета НИОКР и превышая соответствующие расходы в 25 из 31 провинций Китая[28].

Становление предприятий в качестве главного действующего лица инновационной системы определяет целевое распределение затрат на НИОКР. Свыше 80% средств приходится на экспериментальные работы (т.е. на адаптацию технологических решений к запросам рынка) с акцентом на производство электроники — компьютеров, телекоммуникационного оборудования и т.п. Немногим более 10% направляется в прикладные разработки. Доля фундаментальных исследований, финансируемых исключительно государством, составляет порядка 6%.

Средства, аккумулируемые из всех источников для финансирования НИОКР, направляются на расширение исследований и разработок, стимулирование и мотивирование научной деятельности, импорт высокотехнологичного оборудования, патентов и лицензий. Как показано в табл. 21, в 2010–2020 гг. общее количество занятых в сфере НИОКР увеличилось с 2,5 до 5,5 млн человек. При этом по размерам внутренних расходов в расчете на одну полную ставку исследователя в последние годы КНР входит в первую пятерку стран мира. В современном Китае профессии научного сотрудника и инженера наряду с маркетологами, ИТ-специалистами и работниками финансово-кредитной сферы входят в разряд наиболее высокооплачиваемых и престижных[29].

Большую роль играет и привлечение высококвалифицированных экспертов из других стран, включая специалистов из числа зарубежных китайцев. Не случайно в течение последних десяти лет в крупнейших городах Китая (городах «первой ли-

нии» — Пекине, Шанхае, Гуанчжоу и Шэньчжэне) среднегодовые темпы увеличения заработной платы инженерного состава, по оценке, превышали 10%[30]. К 2018 г. Китай выпустил в общей сложности 336 тыс. разрешений на работу для иностранных специалистов; 2212 экспертов работали в международных неправительственных научных и технологических организациях, действующих на территории КНР[31]. Основная часть иностранных специалистов концентрируется в таких стратегических секторах, как производство новых материалов, микропроцессоров и вычислительной техники, авиастроение, биотехнологии, искусственный интеллект и робототехника[32].

Таблица 21

Участники инновационной деятельности: основные характеристики

	2010 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.
Участники НИОКР, всего (ед.)	42437	93098	110798	152538
В том числе:				
научно-исследовательские институты	3692	3611	3306	3109
университеты и колледжи	2358	2596	2663	2738
промышленные предприятия*	36387**	86891	104820	146691
Расходы на НИОКР, всего (млрд юаней)	555,9	1427,7	1710,5	2056,3
В том числе:				
научно-исследовательские институты	118,6	226,0	269,2	340,9
университеты и колледжи	59,7	107,2	145,8	188,3
промышленные предприятия	377,6**	1094,5	1295,5	1527,1
Занятые в сфере НИОКР, всего (тыс. человек)	2486	4226	4631	5512
В том числе:				
научно-исследовательские институты	342	450	464	519
университеты и колледжи	594	852	984	1274
промышленные предприятия	1550**	2924	3183	3719
Проекты НИОКР, всего (тыс. ед.)	809,2	1356,2	1667,1	2133,2
В том числе:				
научно-исследовательские институты	67,1	100,9	117,9	130,1
университеты и колледжи	547,7	894,3	1076,9	1233,6
промышленные предприятия	194,4**	361,0	472,3	714,5
Заявки на патенты, всего (тыс. ед.)	357,7	1031,4	1339,5	1658,9
В том числе:				
научно-исследовательские институты	19,2	52,3	61,4	74,6
университеты и колледжи	72,7	263,7	320,8	340,4
промышленные предприятия	265,8**	715,4	957,3	1243,9
Опубликованные научные статьи, всего (тыс. ед.)	1203,3	1443,1	1565,9	1697,4
В том числе:				

научно-исследовательские институты	140,8	175,2	176,0	193,9
университеты и колледжи	1062,5	1267,9	1389,9	1503,5
Научные статьи, опубликованные в заграничных изданиях, всего (тыс. ед.)	209,4	405,5	517,9	672,5
В том числе:				
научно-исследовательские институты	26,9	50,0	58,4	77,4
университеты и колледжи	182,5	355,5	459,5	595,1

* Здесь и далее в таблице приводятся данные по сверхлимитным промышленным предприятиям, без учета малых и средних предприятий. До 2010 г. к разряду сверхлимитных промышленных предприятий относились компании с годовым доходом более 5 млн юаней; начиная с 2011 г. — более 20 млн юаней.

** Данные за 2009 г.

Источники: China Statistical Yearbook 2015. Beijing : China Statistics Press, 2015. Table 20-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2015/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023); China Statistical Yearbook 2017. Beijing: China Statistics Press, 2017. Table 20-4. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2017/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023); China Statistical Yearbook 2019. Beijing : China Statistics Press, 2019. Table 20-4. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2019/indexeh.htm (accessed: 10.02.2023); China Statistical Yearbook 2021. Beijing: China Statistics Press, 2021. Table 20-2, 20-4. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022).

В целом в Китае убеждены, что достижение высокого уровня развития технологий невозможно вне тесного и всестороннего взаимодействия с ведущими мировыми инновационными центрами, являющимися главными генераторами научно-технического прогресса[33]. В этом контексте вполне обоснованным выглядит появление и быстрое распространение в КНР иностранных научно-исследовательских структур.

Если в 2004 г. в Китае насчитывалось около 600 лабораторий, дизайнерских и конструкторских бюро, основанных многонациональными корпорациями, то в 2016 г. — уже более 2400[34]. Многие из них созданы в сотрудничестве с китайскими университетами и НИИ, масштабы и значение их деятельности за последние годы заметно возросли[35].

Иностранные инвестиции обеспечивают 25–30% общего объема коммерческих НИОКР в Китае, концентрируясь в отраслях информационных и коммуникационных технологий, в биотехнологии, фармацевтике и автомобилестроении. Поощряя исследования и разработки иностранных корпораций, китайские власти рассматривают их как эффективный способ совершенствования отечественных технологий и производственных навыков за счет привлечения и освоения иностранных ноу-хау.

Такую же цель преследует аналогичная практика крупных китайских компаний, оперирующих на международном рынке. Корпорация *Huawei*, например, создала и укомплектовала местными специалистами целую сеть научно-исследовательских центров в различных странах мира. Во второй половине 2010-х годов, например, только в десяти странах Европы насчитывалось 18 научно-исследовательских цен-

тров *Huawei*, в которых работало 1200 исследователей[36]. Компания *Haier*, ведущий производитель бытовой техники и электроники, имеет широкую сеть дизайнерских и конструкторских бюро в США, Японии, Республике Корея, Италии, Нидерландах и Германии. Автомобилестроительные компании из КНР локализуют свои технические изыскания и разработки в Турине, поблизости от расположения итальянского автогиганта *FIAT*.

Более радикальным способом получения доступа к иностранным нематериальным активам и ноу-хау является приобретение высокотехнологичных зарубежных компаний на основе сделок слияния и поглощения, особенно с участием государственных китайских корпораций[37]. Среди таких приобретений фигурируют весьма известные компании, включая *GE Appliances* и *Motorola Mobility* (США), *Volvo* и *SAAB* (Швеция), *Rover* (Великобритания), *Pirelli* (Италия), *Nokia* (Финляндия), *Phillips* (Нидерланды) и т.д. За последние десять лет больше всего компаний китайцы приобрели в Европе, включая Германию (188 компаний), Великобританию (117) и Францию (80), в таких отраслях, как машиностроение (83), энергетика (80), производство потребительских товаров (77), автомобилестроение (71), здравоохранение (62), информационные технологии (60), электронная промышленность (59) и т.д.

Развитие международного сотрудничества, безусловно, способствует освоению новых технологий и повышению инновационного уровня китайской промышленности. Однако, само по себе это вряд ли способно вывести ее за рамки так называемого догоняющего развития, особенно с учетом тех регулятивных механизмов сдерживания, усиления контроля и ограничений, которые нередко используются иностранными партнерами для защиты своего технологического приоритета.

Лидирующее развитие, к чему реально стремится Китай, невозможно без собственных технологических достижений, которые, в свою очередь, требуют крупных рисковых вложений венчурного капитала. По сравнению с обычными корпоративными инвесторами действия венчурных компаний в большей степени проактивны и ориентированы на будущее посредством поддержки и развития перспективных стартапов. Современный Китай демонстрирует высокую готовность к переходу на новую ступень инновационного развития, предоставляя специальные налоговые льготы индустрии венчурного капитала. Венчурная компания или индивидуальный инвестор могут вычесть 70% суммы, вложенной в технологическую компанию-стартап, из налогооблагаемого дохода от данной инвестиции. Для получения такой льготы первоначально вложенные средства должны работать в составе активов компании-реципиента в течение не менее двух лет[38].

В последнее десятилетие в КНР возникла мощная генерация высокоинновационных отечественных компаний, имеющих глобальный охват и генерирующих растущий поток венчурных инвестиций и патентов в ключевых областях цифровых технологий. Это такие лидеры рынка, как упомянутая выше корпорация *Huawei*, а также компании *Xiaomi* и *ZTE* (телекоммуникации); *Tencent* и *Baidu* (интернет-технологии); *Alibaba* (электронная торговля), *DJI* (беспилотные летательные аппараты), *Geely* (автомобилестроение) и др. Благодаря деятельности этих и других подобных компаний китайский рынок венчурного капитала стремительно развивается.

Три крупнейших и наиболее агрессивных цифровых гиганта Китая — компании *Baidu*, *Alibaba* и *Tencent* (или *BAT*, как их называют совместно) — финансируют каждый третий стартап в стране, обеспечивая свыше 40% всех венчурных инвестиций[39]. Вместе с другими технологическими компаниями они создают быстрорастущую многоотраслевую цифровую экосистему, которая затрагивает различные аспекты жизни потребителей. Переводя в цифровой режим неэффективные, фрагментированные и некачественные офлайн-рынки, они быстро повышают технические параметры обслуживания и формируют новые стандарты международного уровня. Тем самым создаются условия не только для прогрессирующего освоения все новых сегментов внутреннего рынка, но и для выхода за рубеж.

Только в 2011–2016 гг. масштабы венчурного инвестирования в китайскую экономику увеличились с 12 до 77 млрд долл., а доля КНР в общемировом объеме венчурных инвестиций возросла с 6 до 19%[40]. Основная часть венчурных инвестиций приходится на цифровые технологии, включая большие данные, искусственный интеллект, финансовые технологии и т.д.

Развитие и перспективы науки и технологий непосредственно зависят от состояния, уровня и качества системы подготовки кадров и прежде всего от высшего образования. Будучи ключевым звеном инфраструктуры знаний и важным элементом в системе взаимоотношений между промышленностью и наукой, университеты и колледжи играют все более заметную роль и как самостоятельные исполнители научных исследований. Из практически 3000 имеющихся в Китае высших учебных заведений по меньшей мере 700 зарегистрированы в качестве активных участников НИОКР и пользуются соответствующей государственной поддержкой.

Университетские научно-технические парки и инкубаторы играют активную роль в распространении и коммерциализации технологий. На долю университетов приходится примерно 10% контрактов, заключаемых на рынке технологий, и около 20% патентов, выдаваемых Государственным управлением по интеллектуальной собственности КНР. В годы 13-й пятилетки (2016–2020) китайские колледжи и университеты выполнили более 60% всех фундаментальных исследований в стране, поддержали создание 60% ключевых государственных лабораторий и получили более 60% национальных наград в области науки и техники[41].

Реформа высшего образования имеет следствием опережающий рост частных колледжей и университетов, составляющих в настоящее время около 15% всех вузов в стране. Быстро развивается сотрудничество высшей школы с деловым миром. В целях повышения качества и актуальности своих учебных программ ведущие университеты активно расширяют связи с промышленностью, свыше 40% расходов на НИОКР в секторе высшего образования финансируется бизнесом.

Все большее распространение получают корпоративные университеты, подобные принадлежащему компании *Alibaba* Университету Таобао, предлагающего бизнес-образование, помимо очного учебного курса, в перспективе более чем миллиону онлайн-студентов. В этих условиях почти 40% китайских вузов составляют политехнические университеты с сильной ориентацией на прикладные исследования, а удельный вес студентов, изучающих естественнонаучные и инженерные дисциплины, превышает средний показатель по странам ОЭСР. В целом, позволяя осу-

ществлять обоюдовыгодное взаимодействие между некоммерческими исследованиями и рыночно ориентированными инновациями, отношения «промышленность-наука» в Китае, как и во многих других странах, лежит в основе большинства инновационных сетей и кластеров.

Валовой коэффициент охвата высшим образованием (доля общего числа студентов в пятилетней возрастной группе после окончания школы) составил в КНР в 2019 г. 51,6% против 40% в 2015 г. и 2,7% в 1978 г., а общая численность студентов в 2020 г. составила 40,7 млн человек против 27,7 млн человек в 2010 г. и 20 млн человек в 2005 г.[42]. Около 1,5 млн студентов из Китая проходят обучение за границей, в странах, традиционно занимающих верхние строчки в международных инновационных рейтингах — в США (410 тыс. человек), Австралии и Новой Зеландии (280 тыс.), Канаде (230 тыс.), Великобритании (220 тыс.), Южной Корее (180 тыс.), Германии и Франции (110 тыс.) Китай превосходит все другие страны по числу студентов, обучающихся за рубежом, обеспечивая 14% их общей численности в мире. При этом в последние годы 70–80% китайских выпускников иностранных вузов по завершении учебы возвращаются на родину по сравнению примерно с 30% в конце первого — начале второго десятилетия XXI в.

Это является непосредственным результатом реализации специальных государственных мотивационных программ, таких как программа Академии наук Китая «Тысяча талантов», а также аналогичная инициатива Национального фонда естественных наук. Кроме этого, начиная с 2000 г., правительство предприняло целый ряд мер нормативного регулирования, с тем чтобы облегчить возвращение на родину путем предоставления студентам-выпускникам специальных разрешений на въезд и выезд из страны, позволяющих им после возвращения домой продолжать работать за границей. Подобно работающим в Китае зарубежным специалистам, репатриантам может быть разрешено после уплаты налогов переводить свои доходы за границу. Наконец, для вернувшихся из-за рубежа дипломированных специалистов создаются особые парки развития и бизнес-инкубаторы, им предоставляется финансирование, а также специальные налоговые льготы при организации компаний-стартапов и т.д.[43].

Следствием реформы научно-технической системы КНР является возникновение и развитие национального рынка технологий, охватывающего различные организации, созданные для облегчения сделок по передаче технологии и оказанию технологических услуг между их продавцами и покупателями. Первый рынок технологий имел локальный характер и был создан в Ухане в 1984 г. Он состоял примерно из 60 технологических офисов в местных НИИ, университетах и компаниях. С тех пор рынок технологий постоянно развивается и диверсифицируется, пополняясь различными бизнес-структурами, включая технологические инкубаторы, бизнес-акселераторы, научно-технологические парки, демонстрационные базы предпринимательства и инноваций и т.д.

Как свидетельствует практика, масштабы технологических сделок также быстро расширяются. В 2004 г. китайские компании потратили на рынке технологий сумму, эквивалентную 85% их общих расходов на НИОКР. В 2015 г. национальный рынок технологий оценивался в 983,5 млрд юаней, при этом 80% передачи технологий происходило на корпоративном уровне, между различными компаниями.

В 2019 г. на рынке было заключено в общей сложности 484 тыс. технологических контрактов на общую сумму в 2239,8 млрд юаней, что соответственно на 57,7 и 127,7% больше, чем в 2014 г.[44]. Покупка технологий позволяет многим предприятиям создать собственный технологический потенциал, необходимый для их дальнейшего развития.

Достижения и проблемы

Доля КНР в мировом объеме НИОКР превышает сегодня 20%, страна располагает одним из крупнейших научно-технических комплексов в мире. В Китае насчитывается 533 ключевые государственные лаборатории и 191 национальный инженерный исследовательский центр, проводящие перспективные фундаментальные и прикладные исследования. Более 1600 корпоративных технологических центров заняты внедрением и коммерциализацией результатов НИОКР. В стране действуют более 360 зон высоких технологий и зон экономического развития, свыше 130 технопарков и 1287 технологических бизнес-инкубаторов[45].

Если еще в 2005 г. согласно Академическому рейтингу университетов мира в число 500 лучших университетов входило 8 китайских вузов, то в 2017 г. их число выросло до 45, а в 2022 г. — до 83. В этом отношении среди всех стран мира Китай уступает только США, имеющим 127 таких университетов[46]. В Пекине, Шанхае и в районе «Большого залива» Гуандун–Гонконг–Макао создаются международные инновационные центры для тесного и всестороннего взаимодействия с ведущими мировыми зонами инноваций.

Повсеместное совершенствование инфраструктуры научных исследований и увеличение их финансирования вкупе с другими факторами развития НИОКР позволили Китаю в короткие сроки войти в ряд ведущих научных и инновационных держав мира. В период с 2012 по 2022 г. Китай переместился с 34-го на 11-е место в Глобальном инновационном индексе, дающем сравнительную оценку по 131 стране мира[47]. Вот лишь несколько аспектов этого впечатляющего прогресса.

Начиная с последнего десятилетия XX в. число публикаций китайских авторов из года в год нарастает быстрыми темпами, обеспечивая убедительное увеличение доли Китая в мировой научной продукции. Если в 1995 г. такие статьи не превышали 2% общего числа публикаций в десяти наиболее цитируемых научных изданиях мира, то в 2005 г. — 6,5%, а в 2016 — 14%. Это позволило Китаю перейти с пятого на второе место в международном Индексе научного цитирования, уступая сегодня только США с их 25% публикаций[48]. Причем в отдельных дисциплинах (например, в нанотехнологиях) Китай уже вплотную приблизился к США.

После присоединения КНР к ВТО в стране отмечается стремительный рост заявок на патенты и выдачи патентов на изобретения отечественным заявителям. Только за шесть лет — с 2015 по 2020 г. — страна поднялась с четвертого на первое место в глобальной таблице лидеров по количеству регистраций патентов[49]. Характерно при этом, что наиболее быстрый рост наблюдается на тех направлениях развития науки и технологий, которые были выделены как приоритетные в программе «Сделано в Китае – 2025». В настоящее время Китай является мировым лидером по

подаче заявок на патенты, на его долю приходится 40% от их общего мирового объема. Это более чем в два раза превосходит уровень США и в четыре раза — уровень Японии[50].

Результатом предпринимаемых усилий выступают успехи страны во многих областях научно-технического прогресса. Среди них, в частности, прорывные достижения в фундаментальных науках, включая квантовую механику, нанотехнологии, использование стволовых клеток, секвенирование генома человека и т.д. Китай добился значительного прогресса на таких стратегических направлениях развития наукоемких технологий, как пилотируемые космические полеты, квантовая связь, пилотируемые глубоководные погружения, исследование высоких слоев атмосферы. Следует также особо отметить создание Китаем собственной навигационной спутниковой системы «Бэйдоу», транспортных средств на новых источниках энергии, высокоскоростного железнодорожного транспорта, мобильной связи 5G[51]. Обладая третьим и четвертым по мощности суперкомпьютерами в мире, Китай уже к 2030 г. планирует стать мировым лидером в области искусственного интеллекта.

В середине 2021 г. в КНР действовало 960 тыс. базовых станций 5G с 365 млн подключений. При наличии свыше 1 млрд пользователей интернета распространение широкополосной фиксированной связи достигло 96%, а мобильной связи — 108%. Расширяется интеграция производства и интернета. КНР занимает одно из лидирующих мест в мире в области внедрения цифровых технологий, которые проникли практически во все сферы экономической и социальной деятельности.

Анализ большого массива данных и густая сеть онлайн-каналов, облегчая управление рисками и снижая транзакционные издержки, способствуют развитию конкурентной среды в экономике, эффективному размещению ресурсов и в конечном итоге — повышению качества экономического роста. На долю Китая сегодня приходится 27% мирового производства высокотехнологичной информационно-коммуникационной продукции и 32% ее мирового экспорта. В этих условиях, как утверждают в КНР, достижения в области науки и техники более чем на 60% обеспечивают экономический рост страны, соответствуя целевым ориентирам упоминавшейся ранее «Государственной программы развития науки и технологий на средне- и долгосрочную перспективу».

Все это имеет своим следствием быстрое развитие в Китае цифровой экономики, представляющей собой совокупность отраслей и видов деятельности, в рамках которых оцифрованные данные и информация являются важнейшими производственными факторами, цифровые технологии выступают в качестве основного драйвера развития, а современные информационные сети — в качестве ключевого носителя.

По данным Китайской академии информационных и коммуникационных технологий (Пекин), в период с 2008 по 2022 г. удельный вес отраслей цифровой экономики в ВВП КНР увеличился с 15,2 до 41,5%[52]. Опубликованные Госсоветом КНР в декабре 2021 г. плановые показатели развития цифровой экономики в рамках 14-го пятилетнего плана предусматривают дальнейшее развитие промышленной цифровизации. В 2021–2025 гг. масштабы подключения китайских промышленных предприятий к интернет-платформам должны увеличиться втрое — с 14,7 до 45%[53].

Китай уже сегодня располагает самым обширным рынком электронной торговли, на долю которого приходится свыше 40% общей стоимости транзакций электронной коммерции в мире против менее 1% около десяти лет назад. Более $^{2}/_{3}$ китайских интернет-пользователей совершают мобильные цифровые платежи (в США — примерно 15%), а стоимостные параметры этих платежей в 11 раз превышают соответствующий американский показатель[54]. В 2015–2019 гг. среднегодовые темпы прироста оборота электронной торговли составили 34,5%. Впоследствии в наиболее сложный пандемийный период широкого распространения локаутов и нарушения сложившихся логистических цепочек (2020–2021) электронная торговля в Китае получила дополнительные импульсы роста. Согласно планам правительства в 2021–2025 гг. годовой оборот электронной торговли возрастет с 37,2 до 46 трлн юаней.

Активно развивается интернет вещей — на долю КНР приходится 44% мировых подписок на межмашинные (M2M) сим-карты, что в три раза превышает уровень, достигнутый в США. Начиная с 2016 г. в Китае работает больше промышленных роботов, чем в любой другой стране мира.

В стране развивается наиболее динамичная экосистема цифровых инвестиций и стартапов в мире. Китай входит в тройку мировых лидеров по венчурным инвестициям в целом ряде передовых технологических сегментов, включая трехмерную печать, беспилотные автомобили и летательные аппараты, робототехнику, виртуальную и дополненную реальность, искусственный интеллект[55].

При этом благодаря коммерческому успеху на нишевых рынках отдача от этих вложений нередко весьма высока. Китайская компания *DJI*, например, контролирует свыше 70% мирового потребительского рынка беспилотных летательных аппаратов. Компания *Hangzhou Hikvision Digital Technology* контролирует более 20% мирового рынка средств видеонаблюдения, предлагая продукты с функцией распознавания лиц, которые могут идентифицировать известных людей, а также оценивать возраст, этническую принадлежность и пол неизвестных лиц[56]. В целом на долю Китая приходится 43% общемировой стоимости так называемых единорогов — стартапов рыночной стоимостью более 1 млрд долл. Таким образом, цифровая экономика КНР, вслед за китайской экономикой в целом, становится ведущей глобальной силой.

Все это, однако, не отменяет необходимости дальнейшего развития и совершенствования инновационной системы КНР. Достигнутые Китаем высокие количественные показатели развития науки и технологий нередко определяются огромными размерами экономики и населения страны. При рассмотрении удельных показателей и качественных аспектов инновационного процесса картина подчас выглядит скромнее.

Китаю, например, удалось создать внушительный корпус научных и инженерных работников. Однако в соотношении с общим числом занятых кадровая укомплектованность сектора НИОКР не производит столь же убедительного впечатления. Численность исследователей (в эквиваленте полной занятости) в расчете на 10 тыс. занятых в экономике составляет в КНР только 22 человека, отставая от аналогичного показателя в США, Германии, Великобритании, Франции, Японии, Республике Корея и др. в 4–6 и более раз[57].

Качественные характеристики профессиональной деятельности китайских ученых и специалистов, в свою очередь, также нуждаются в повышении. В области фундаментальных исследований основным критерием эффективности, как известно, является количество научных публикаций в расчете на тысячу исследователей, в области прикладных и экспериментальных разработок — число патентных заявок, взятое также в расчете на тысячу специалистов. По этим показателям Китай заметно отстает от стран с развитой экономикой.

К тому же не более $^1/_3$ подаваемых в Китае патентных заявок соответствуют международным стандартам и могут считаться новыми изобретениями[58]. Не случайно китайские изобретения сравнительно редко патентуются за рубежом. Особенно мало у КНР так называемых триадических патентов. Выдаваемые совместно патентными ведомствами США, ЕС и Японии, такие патенты являются наиболее ценными, они обеспечивают их обладателям наивысшую степень защиты интеллектуальной собственности и гарантируют высокий уровень дохода на мировом технологическом рынке. В первой половине 2010-х годов китайские заявители получали такого рода патенты в среднем в 6–7 раз реже, чем их коллеги из Японии и США. В 2016 г. китайские изобретатели получили 3890 триадических патентов против 87 в 2000 г., однако их число все еще в четыре раза отставало от уровня США (14 220 патентов)[59].

Определенной проблемой для развития инновационной сферы в КНР является и не слишком эффективная система защиты прав интеллектуальной собственности. После присоединения к ВТО в Китае предпринимаются усилия по юридическому и административному решению этой задачи. В последнее десятилетие вступили в силу обновленные редакции Патентного закона КНР, законов о товарных знаках, об авторском праве, о недобросовестной конкуренции. Учреждены Государственное управление по интеллектуальной собственности и Государственное управление по авторским правам, а также аналогичные властные структуры на уровне провинций, городов и уездов. В 2014 г. в Пекине, Шанхае и Гуанчжоу созданы специализированные суды по правам интеллектуальной собственности, полномочия которых не ограничиваются административными границами тех или иных регионов.

Тем не менее правоприменение в этой важной сфере, особенно на местах, остается слабым. Лишь каждое десятое нарушение прав интеллектуальной собственности преследуется по закону, да и то, как правило, в щадящем, облегченном режиме. В результате такие правонарушения по-прежнему имеют в КНР весьма широкое распространение. Это, разумеется, ни в коей мере не способствует получению из-за рубежа технологически наполненных инвестиций, тормозит коммерциализацию отечественных технологий и к тому же ставит под сомнение добросовестность китайских партнеров в рамках международного технологического сотрудничества.

К тому же преобладающая в Китае ставка на корпоративные НИОКР, стимулируя высокую активность инновационного процесса, не всегда способствует обеспечению его высокого качества. Предприятия малого и среднего бизнеса, генерирующие 65% патентов и 80% инновационных продуктов, концентрируют свою инновационную деятельность на товарах из нижней части цепочки создания стоимости[60].

Доля новых технологий, находящих промышленное применение, составляет лишь 15%, в два раза отставая от уровня стран-лидеров инноваций.

В Китае по-прежнему наблюдается очевидное отставание фундаментальной науки. Составляя лишь 5–6% внутренних затрат на НИОКР, инвестиции КНР в фундаментальные исследования заметно ниже среднего уровня (15–20%) ведущих инновационных стран мира. Отсюда характерная для КНР недостаточность оригинального инновационного потенциала. Будучи крупнейшим поставщиком смартфонов 4G и персональных компьютеров, Китай продолжает испытывать критическую (от 70 до 90%) зависимость от получения из-за рубежа программного обеспечения, интегральных схем и микропроцессоров, необходимых для их производства[61].

Не случайно, выступая на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.), Председатель КНР Си Цзиньпин призвал усилить фундаментальную составляющую научных исследований. «Ориентируясь на передовые мировые рубежи научно-технического развития, — подчеркнул Си Цзиньпин, — необходимо интенсифицировать фундаментальные исследования, совершить существенный прорыв в фундаментальных исследованиях перспективного характера и результатах оригинальных исследований направляющего характера»[62]. Планом социального и экономического развития КНР на 14-ю пятилетку (2021–2025) предусматривается, что при среднегодовых темпах прироста затрат на НИОКР в размере 7% аналогичный показатель по расходам центрального правительства на фундаментальные исследования составит 10,4%[63].

Большое значение имеет и дальнейшее расширение источников венчурного капитала. Правительство намерено усилить ориентацию финансовых структур на предоставление инновационным компаниям полного комплекса услуг, синхронизированных с жизненным циклом технологических инноваций. В этой связи, в частности, расширяются возможности специализированных высокотехнологичных площадок биржевой и внебиржевой торговли ценными бумагами (*STAR Market*, *ChiNext*, *NEEQ*), с тем чтобы оптимизировать рыночные каналы выхода венчурных фондов из капитала инновационных стартапов на завершающем этапе инвестиционного цикла. Все это призвано способствовать расширению действующей в КНР сети профессиональных рыночных институтов венчурного инвестирования.

Перспективы развития инновационной системы КНР в годы 14-й пятилетки представлены в табл. 22, составленной на основании прогноза, выполненного в Институте количественных и технико-экономических исследований Китайской академии общественных наук.

Таблица 22

Прогнозные показатели развития инновационной системы КНР, 2019–2025 гг.

Фактор развития	Цель развития	Показатель развития	2019 г.	2025 г.
Уровень экономического развития	Уровень производительности труда	Средняя производительность труда (тыс. юаней/человек)	115	172–185
	Масштабы урбанизации	Уровень урбанизации (%)	60,6	64–67

	Ресурсопотребление и экология	Потребление энергии в расчете на производство единицы ВВП (кг в нефтяном эквиваленте)	1,73	1,18
Инновационная среда	Социальная основа	Количество пользователей интернета на 100 человек	54,3	63–66
		Валовой коэффициент охвата высшим образованием (%)	51,6	55–60
Инвестиции в инновации	Расходы на НИОКР	Удельный вес в ВВП (%)	2,19	2,3–2,4
		Доля фундаментальных исследований в расходах на НИОКР (%)	5,56	8,00
	Затраты рабочей силы	Численность научно-исследовательского персонала на 1000 занятых (человек/1000 человек)	2,24	3,30
Инновационный результат	Приращение знаний	Общемировая доля триадических патентов (%)	7,86	13–14,5
		Число научных работ на 1 миллион человек (статей/миллион человек)	309,11	435,00
	Инновационная выгода	Оборот технологических транзакций (трлн юаней)	2,24	5,4–6,2
		Удельный вес дохода от новых продуктов в общей сумме продаж промышленных предприятий (%)	19,3	24,7–27,7
		Доля высокотехнологичной продукции в экспорте промышленных товаров (%)	30,9	29–32
		Доля добавленной стоимости наукоемких производств (%)	21	25–26

Источник: The New Journey of China's Economic and Social Development / Ed. by Fuzhan Xie [et al.]; transl. by Yisheng Wu [et al.]. Beijing [et al.]: China Social Sciences Press [et al.], 2023. P. 390. DOI: 10.1007/978-981-19-7915-6 (accessed: 23.06.2023).

Таким образом, по расчетам китайских экономистов, к 2025 г. абсолютные размеры внутренних расходов на НИОКР, равно как и выпуск высокотехнологичной

продукции, заметно увеличатся. Расходы на НИОКР составят 2,3–2,4% ВВП, в том числе на фундаментальные исследования будет приходиться 8% их общей суммы. Удельная численность научно-исследовательского персонала в расчете на 1000 человек занятого населения увеличится в полтора раза. Доля КНР в общем числе триадических патентов, выданных по всему миру, достигнет 13–14,5%, а количество выпущенных китайскими учеными научных работ достигнет 435 в расчете на один миллион человек. Оборот национального рынка технологий увеличится в два с лишним раза, а выручка промышленных предприятий от реализации новой продукции составит 24,7–27,7% от их основного дохода. Удельный вес высокотехнологичной продукции в экспорте КНР составит 29–32%, а добавленная стоимость наукоемких производств возрастет до уровня 25–26% ВВП. Все это свидетельствует о том, что дальнейшему совершенствованию национальной инновационной системы отводится ключевая роль в развитии китайской экономики.

* * *

В целом, отвечая на вызовы времени относительно перспектив международной конкурентоспособности Китая в будущей глобальной экономике знаний, реформа научно-технической системы КНР усилила ее экономическую ориентацию за счет введения элементов конкуренции и рыночной дисциплины. Помимо создания целого ряда финансируемых государством программ НИОКР, институциональные инновации были сконцентрированы на осуществлении перехода от традиционной системы исследований и разработок, ориентированной на НИИ, к инновационной системе, основанной на инициативе и активности рыночных агентов в лице как государственных, так и негосударственных предприятий с параллельным укреплением инновационного потенциала компаний и коммерциализацией технологий.

Отсюда появление рынков технологий и негосударственных технологических предприятий, а равно и возросшая зависимость государственных исследовательских организаций от негосударственного финансирования и растущая доля НИОКР, выполняемых предпринимательским сектором. В сочетании со всесторонней финансовой, правовой и административной поддержкой со стороны государства все это позволило Китаю в короткие сроки заметно продвинуться по пути эндогенного инновационного развития и снижения технологической зависимости, войти в группу ведущих инновационных держав мира.

Вместе с тем продвижение к постиндустриальному обществу знаний осложняется общей асимметрией развития Китая. Здесь и незавершенность процессов индустриализации и урбанизации в этой огромной стране, и общая диспропорциональность ее пространственного развития, и глубокие разрывы в уровнях жизни и благосостоянии различных социальных страт. С учетом всех этих непростых обстоятельств наличие целого ряда трудностей и нерешенных проблем ни в коей мере не умаляет значения пройденного Китаем пути и масштабов проделанной работы. Более того, все это в значительной степени предопределяет главный вектор предстоящего стране движения в будущее и формирует его общие очертания.

Примечания

[1] China: Synthesis Report: OECD Reviews of Innovation Policy. Paris: OECD, 2007. P. 12. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2007/08/oecd-reviews-of-innovation-policy-china_g1gh855b/9789264039643-en.pdf (accessed: 15.08.2023).

[2] *Беляков Г.П.*, *Беляков С.А.*, *Шпак А.С.* Опыт КНР по реформированию системы стратегического планирования и управления научно-технологическим развитием // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3. С. 1580. DOI: 10.18334/eo.9.3.40857.

[3] Chinese Innovation. China's Technology Future and What It Means for Silicon Valley. San Francisco: Bay Area Council Economic Institute, 2017. P. 30. URL: http://www.bayareaeconomy.org/files/pdf/ChineseInnovationNov2017Web.pdf (accessed: 12.08.2023).

[4] *Орлик Т.* Китай: пузырь, который никогда не лопнет? / Пер. с англ. Т. Ю. Адаменко. М. [и др.]: Директмедиа Паблишинг, 2022. С. 179–180.

[5] China: Synthesis Report. Op. cit. P. 48.

[6] Is China a Global Leader in Research and Development? // China Power: [site]. 2018. January 31. Updated 2021, January 28. URL: https://chinapower.csis.org/china-research-and-development-rnd/ (accessed: 29.08.2023).

[7] *Орлик Т.* Цит. соч. С. 184.

[8] *Wei Jigang*. China's Industrial Policy: Evolution and Experience. Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2020. P. 24. URL: https://www.unctad.org/system/files/official-document/BRI-Project_RP11_en.pdf (accessed: 13.01.2024).

[9] *Островский А.В.*, *Афонасьева А.В.*, *Каменнов П.Б.* Перспективы развития науки, техники и инноваций в КНР // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 11.

[10] Там же. С. 10; How China Creates the Strongest Innovation System // BMI.Lab: [site]. 2017. December 6. URL: https://bmilab.com/blog/2017/11/29/how-china-creates-the-strongest-innovation-system (accessed: 14.08.2023); Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР / ИДВ. М.: Форум, 2014. С. 183–184; *Исаков Д.* 14-я «пятилетка» Китая: обзор новой замкнутой модели экономики // MegaTrends: [site]. URL: https://megatrends.su/blog/china-s-economic-plan/ (accessed: 14.08.2023); The New Journey of China's Economic and Social Development / Ed. by Fuzhan Xie [et al.]; transl. by Yisheng Wu [et al.]. Beijing [et al.]: China Social Sciences Press [et al.], 2023. P. 393. DOI: 10.1007/978-981-19-7915-6 (accessed: 23.06.2023).

[11] *Иванов С.А.* Научно-техническая политика Китая: приоритеты догоняющего развития и результаты // Известия Восточного института. 2018. № 2 (38). С. 14. DOI: dx.doi.org/10/24866/2542-1611/2018-2/6-23.

[12] Advance EU Access to Financial Incentives for Innovation in China: Guide for EU Stakeholders on Chinese National STI Funding Programmes // European Union External Action: [site]. 2018. January. P. 12. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/1.pdf (accessed: 10.08.2023).

[13] Is China a Global Leader in Research and Development? Op. cit.

[14] China: Synthesis Report. Op. cit. P. 29.

[15] Is China a Global Leader in Research and Development? Op. cit.

[16] The New Journey of China's Economic and Social Development. Op. cit. P. 381.

[17] *Atkinson R.D.*, *Foote C.* To Understand Chinese Innovation Success, Look No Further Than Government R&D Subsidies // Information Technology and Innovation Foundation: [site]. 2019. October 23. URL: https://itif.org/publications/2019/10/23/understand-chinese-innovation-success-look-no-further-government-rd (accessed: 10.08.2023).

[18] R&D Tax Incentives: China, 2021; Design of R&D Tax Relief Provisions // OECD: [site]. 2021. December. URL: https://www.oecd.org/sti/rd-tax-rd-tax-stats-china.pdf (accessed: 03.08.2022).

[19] Ibid.

[20] China. Survey of Global Investment and Innovation Incentives: Information Current as of October 2020 // Deloitte: [site]. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Tax/dttl-tax-survey-of-global-investment-and-innovation-incentives-china-2020.pdf?ysclid=l6j4m0u8n9885124610 (accessed: 10.06.2022).

[21] Подсчитано по: China Raises Pre-Tax Additional Deductions for R&D Expenses of Manufacturing Firms // China Briefing: [site]. 2021. April 15. URL: https://www.china-briefing.com/news/china-raises-pre-tax-additional-deductions-for-rd-expenses-of-manufacturing-firms/ (accessed: 04.07.2022).

[22] Доклад об исполнении центрального и местных бюджетов за 2023 год и проекте центрального и местных бюджетов на 2024 год: одобрен 11 марта 2024 года на 2-й сессии ВСНП 14-го созыва // Синьхуа Новости: [сайт]. 2024. 13 марта. URL: https://russian.news.cn/20240313/81ff4638aaf9499992e7f4bf1add1277/c.html (дата обращения: 27.09.2024).

[23] Подсчитано по: R&D Tax Incentives: China, 2021. Op. cit.; The New Journey of China's Economic and Social Development. Op. cit.

[24] A Look at China's New Tax-Paying Market Entities // The PRC Ministry of Ecology and Environment: [site]. 2021. November 1. URL: http://english.mee.gov.cn/News_service/news_release/202111/t20211101_ 958522.shtml (accessed: 21.04.2023).

[25] R&D Tax Incentives: China, 2021. Op. cit.

[26] China Statistical Yearbook 2011. Beijing: China Statistics Press, 2011. Table 20-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2011/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023); China Statistical Yearbook 2015. Beijing: China Statistics Press, 2015. Table 20-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2015/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023); China Statistical Yearbook 2021. Beijing: China Statistics Press, 2021. Table 20-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022).

[27] Innovation System // CHN Energy: [site]. URL: https://www.ceic.com/ginyjtwwEn/kjcg/chnkjcg.shml (accessed: 20.08.2022).

[28] Is China a Global Leader in Research and Development? Op. cit.

[29] *Новоселова Л.В*. Формирование и развитие инновационной системы КНР // Рос. эконом. журнал. 2022. № 6. С. 54. DOI: 10.33983/0130 – 9757 – 2022 – 6 – 47 – 63.

[30] *Berteletti E.*, *Thierry C.*, *Hui P*. China's Digital R&D Imperative // McKinsey&Company: [site]. 2021. August 16. URL: https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/chinas-digital-r-and-d-imperative (accessed: 10.08.2023).

[31] The New Journey of China's Economic and Social Development. Op. cit. P. 384.

[32] *Li Yanfei*. Understanding China's Technological Rise // The Diplomat: [site]. 2018. August 3. URL: https://thediplomat.com/2018/08/understanding-chinas-technological-rise/ (accessed: 29.08.2023).

[33] China's Epic Journey from Poverty to Prosperity: White Paper. Beijing: s.n., 2021 // The State Council of the PRC: [site]. 2021. September 28. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202109/28/content_WS61528550c6d0df57f98e0ffa.html (accessed: 10.05.2024).

[34] Global Top 500 Firms Invest Big in China // China.org.cn: [site]. 2016. January 15. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-01/15/content_37585168.htm (accessed: 12.08.2023).

[35] China's Innovation Ecosystem: White Paper. Geneva: World Economic Forum, 2016. P. 13. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GAC_On_China_Innovation_WhitePaper_2016.pdf (accessed: 19.08.2023).

[36] Analysis of China's Foreign Direct Investments. 2021. URL: https://ukdiss.com/examples/foreign-direct-investments-china.php?vref=1 (accessed: 12.04.2023).

[37] *Abrami R.M.*, *Kirby W.C.*, *McFarlan F.W.* Why China Can't Innovate // Harvard Business Review: [site]. 2014. March. URL: https://hbr.org/2014/03/why-china-cant-innovate (accessed: 16.08.2023).

[38] China. Survey of Global Investment and Innovation Incentives. Op. cit. P. 69.

[39] China's R&D Strategy // European Commission: [site]. 2020. 17 February. URL: https://knowledge4policy.ec.europa.eu/foresight/topic/expanding-influence-east-south/industry-science-innovation_en (accessed: 15.08.2023).

[40] How China Creates the Strongest Innovation System. Op. cit.

[41] The New Journey of China's Economic and Social Development. Op. cit. P. 381.

[42] *Lin Shuanglin*. Op. cit. P. 347; China Statistical Yearbook 2006. Beijing: China Statistics Press, 2006. Table 21-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2006/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023); China Statistical Yearbook 2011. Op. cit. Table 20-2.; China Statistical Yearbook 2021. Op. cit. Table 21-2.

[43] China: Synthesis Report. Op. cit. P. 29.

[44] The New Journey of China's Economic and Social Development. Op. cit. P. 381.

[45] Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2021 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2022. February 28. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202202/t20220227_1827963.html (accessed: 10.02.2023).

[46] Shanghai Ranking's Academic Ranking of World Universities 2022 Press Release // Shanghai Ranking: [site]. 2022. August 15. URL: https://www.shanghairanking.com/news/arwu/2022 (accessed: 20.08.2023).

[47] Highlights of China's Economic Development in Past Decade // The PRC National Development and Reform Commission: [site]. 2022. May 31. URL: https://en.ndrc.gov.cn/netcoo/achievements/202205/t20220531_1326924.html (accessed: 07.11.2024); 2023 Investment Climate Statements: China // U.S. Department of State: [site]. 2023. URL: https://www.state.gov/reports/2023-investment-climate-statements/china/ (accessed: 30.12.2023).

[48] China's R&D Strategy. Op. cit.

[49] *Berteletti E.*, *Thierry C.*, *Hui P.* Op. cit.

[50] *Новоселова Л.В.* Цит. соч. С. 59.

[51] The New Journey of China's Economic and Social Development. Op. cit. P. 381.

[52] China in Numbers (2023): Issue Brief. [Beijing]: United Nations Development Programme China, 2024. P. 6 // UNDP China: [site]. 2024. March 13. URL: https://www.undp.org/china/publications/china-numbers-2023 (accessed: 10.07.2024).

[53] The 14th Five-Year Plan for the Development of the Digital Economy: Guofa [2021]. No. 29 // The State Council of the People's Republic of China: [site]. 2022. January 12. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2022-01/12/content_5667817.htm (accessed: 19.08.2023).

[54] *Новоселова Л.В.* Цит. соч. С. 60.

[55] How China Creates the Strongest Innovation System. Op. cit.

[56] Is China a Global Leader in Research and Development? Op. cit.

[57] Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфра-

структуры, достаточности мотивационных мер, обеспечения привлекательности работы ученых». М., 2020. С. 11 // FGOSVO: [сайт]. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/Work_ materials_disscusion / p.pdf?ysclid=l7ynmfzreo874415815 (дата обращения: 05.09.2022).

[58] *Бергер Я.М.* Становление Китая как глобальной инновационной державы // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 16.

[59] *Орлик Т.* Цит. соч. С. 185.

[60] China's Innovation Ecosystem. Op. cit. P. 6, 13.

[61] Ibid. P. 6.

[62] *Си Цзиньпин.* О государственном управлении. Т. III. 1-е изд. Пекин: Изд-во литературы на ин. языках, 2021. С. 40.

[63] *Kharpal Arjun.* China Spending on Research and Development to Rise 7% Per Year in Push for Major Tech Breakthroughs // CNBC: [site]. 04.03.2021. URL: https://www.cnbc.com/ 2021/03/05/china-to-boost-research-and-develop ment-spend-in-push-for-tech- breakthroughs.html (accessed: 19.08.2023).

Глава 6

Реформа и развитие рынка недвижимости

Сфера недвижимости является важнейшим фактором экономического развития в современном Китае. По оценке китайских специалистов, инвестиции в недвижимость обеспечивают более 10% роста экономики, а их удельный вес в формировании ВВП КНР составляет сегодня примерно 15% против 4% в 1997 г.

При этом особенно стремительный рост наблюдается в жилищном строительстве, на долю которого приходится около 15% валовых инвестиций и 15% численности занятых в городах Китая[1]. Неудивительно, что жилищное строительство, прошедшее в последние десятилетия через ряд последовательных глубоких трансформаций, является одним из основных драйверов феноменального взлета китайской экономики в XXI в.

Жилищная реформа

До начала экономических реформ, в рамках административно-плановой экономики городское жилищное строительство в КНР представляло собой финансируемую и управляемую государством систему общественного жилья. Земля в городах Китая находилась в государственной собственности. Соответственно, любые операции с земельными участками, определяемыми под жилую застройку, находились в исключительном ведении органов государственного управления. Все жилые здания и помещения подразделялись на две категории, включая собственно государственное жилье, распределяемое муниципалитетами и другими местными органами власти, а также ведомственное жилье, строящееся, распределяемое и управляемое государственными предприятиями и учреждениями для своих сотрудников и их семей. Распределение жилья в натуральной форме производилось бесплатно и зависело от должности и трудового стажа работника, остроты его жилищных проблем, состава семьи, состояния здоровья и других социальных факторов.

Таким образом, единственным собственником жилого фонда, а равно и единственным инвестором в городское жилищное строительство являлось государство,

действовавшее как напрямую, так и через подконтрольные ему предприятия, учреждения и организации. В этих условиях предложение жилья, условия его аренды и эксплуатации зависели от размера государственных бюджетных ассигнований на жилищное строительство либо от финансового положения тех или иных государственных производственных единиц и организаций.

Арендная плата за городское жилье имела символическое значение, не покрывая не только капитальные затраты на его сооружение, но и текущие эксплуатационные расходы. Платежи за аренду жилой площади не превышали 1–3% от общего дохода большинства городских домохозяйств и в среднем составляли лишь 6,5% от полной стоимости аренды[2]. Отсюда недостаточность финансовых средств и низкий уровень инвестиций в жилищное строительство, неудовлетворительное качество жилья, его хроническая нехватка. К концу 1970-х годов ввод общей жилой площади по всей стране составлял лишь 37,5 млн кв. м. Значительная часть городского жилищного фонда не имела основного санитарно-технического и инженерного оборудования.

Отсюда плохие и крайне стесненные жилищные условия для большинства городских семей. Как правило, после семи-восьми лет проживания в общежитии работнику предоставлялось помещение из двух небольших комнат (примерно 30 кв. м жилой площади) с общими для нескольких семей кухней и санузлом. Нередко в одной комнате совместно проживали представители трех поколений. В 1978 г. средняя площадь жилья, приходящаяся на одного человека в городах Китая, составляла лишь 3,6 кв. м против 4,5 кв. м в 1952 г.[3]. При этом, как отмечает Я.М. Бергер, степень остроты жилищной проблемы красноречиво отражала иерархический характер китайского общества — жилищные условия «у кадровых работников… были лучше, чем у рабочих, у членов партии — лучше, чем у беспартийных, в центральных ведомствах — лучше, чем в местных»[4].

К этому следует добавить широкое распространение коррупции и злоупотреблений со стороны работников государственного аппарата, что, как показывает практика, неизбежно при административной монополии на распределение любых дефицитных ресурсов, включая жилье. В конечном итоге острая нехватка и нерациональное распределение городского жилищного фонда приобрели характер серьезной социальной проблемы. Все это уже к началу 1980-х годов поставило в политическую повестку дня глубокое преобразование системы городского жилищного строительства, предполагающее его коммерциализацию с широким привлечением финансовых средств населения и, как следствие, частную собственность на жилье с возможностью купли-продажи, аренды и залога объектов жилой недвижимости.

На рубеже 1970-х и 1980-х годов в КНР стартовала жилищная реформа. **На первом этапе (1979–1988)** ее мероприятия осуществлялись на выборочной, экспериментальной основе. Первая попытка продажи государственного жилья по цене, равной его себестоимости, была предпринята в 1979 г. в городах Сиань и Наньнин. С учетом чрезвычайно высокой цены выставленных на продажу квартир на фоне сохранения крайне низкой квартплаты за арендуемое жилье этот опыт не имел успеха. В 1982–1985 гг. в городах Чанчжоу, Сыпин, Шаши и Чжэнчжоу прошла вторая волна экспериментов, предусматривавшая продажу нового жилья домохозяйствам за одну треть от стоимости его сооружения (в том числе в рассрочку) при опла-

те оставшихся двух третей в равных долях местными органами власти и предприятиями-работодателями (так называемая трехдольная кооперация). При этом, однако, чрезмерно возросла финансовая нагрузка на государственные предприятия, работа которых и без того не отличалась высокой экономической эффективностью.

Наконец, в 1986–1988 гг. в г. Яньтае (пров. Шаньдун) под руководством созданной при Госсовете КНР Руководящей группы по жилищной реформе был реализован пилотный проект по приватизации государственного жилья, направленный на его продажу квартиросъемщикам по сниженной цене при одновременном сокращении разницы в расходах домохозяйств на покупку жилья и его аренду. Для выдачи низкопроцентных кредитов на приобретение жилья в собственность в городе был учрежден ипотечный банк. Приобретение жилья в рассрочку предполагало внесение первого взноса в размере от 20 до 30% его общей стоимости. Одновременно была существенно (с 0,18 до 1,28 юаней за 1 кв. м) повышена квартирная плата за государственное жилье[5].

С учетом накопленного в Яньтае практического опыта Госсовет КНР с 1988 г. распространил мероприятия жилищной реформы в общенациональном масштабе. Помимо прочего, приватизация жилья должна была перенаправить денежный спрос населения с рынка потребительских товаров на формирующийся рынок жилья, что имело большое значение в рамках антиинфляционной политики правительства при проведении реформы цен и экономических реформ в целом.

В этой связи в 1988 г. в статью 10 Конституции КНР, а также в текст Закона КНР о землепользовании были внесены поправки, разрешающие обладателям права землепользователя передавать это право другим лицам в установленном законом порядке. Речь, в частности, шла о платной и ограниченной по времени передаче права пользования государственной землей компаниям и физическим лицам. Передача права собственности на землю законодательством КНР не допускается[6].

Основными направлениями **второго этапа реформы (1988–1992)** были: а) выкуп работниками предприятий занимаемых ими государственных и ведомственных жилых помещений по цене, равной либо ниже себестоимости; б) значительное поэтапное повышение квартплаты с одновременной выплатой государственных жилищных субсидий для минимизации социальных издержек реформы.

Приватизированное жилье могло свободно продаваться или сдаваться в аренду после истечения пяти лет с момента его приватизации, до этого жилье могло быть продано только обратно его прежнему владельцу. Приватизация жилья, как и последующее владение им, было выведено из-под налогообложения. Содействие коммерциализации жилищного строительства и приватизации государственного жилищного фонда было поручено недавно созданной Китайской государственной корпорации жилищного строительства и недвижимости.

Вырученные от приватизации денежные средства поступали в специальные внебюджетные фонды прежних владельцев жилья — районных и уездных правительств, городских управлений недвижимости, государственных предприятий и организаций, которые, в свою очередь, использовали их для ведения жилищного строительства, реконструкции городских районов старой застройки, ремонта и эксплуатации жилого фонда. В Шанхае, например, 30% этих средств направлялось на

решение жилищных проблем работников районных правительств, 30% — на улучшение жилищных условий наиболее нуждающихся граждан, строительство жилья и коммунальных объектов, 40% — на реконструкцию старых городских районов[7].

Одновременно была начата и продажа коммерческого жилья по рыночным ценам, однако лишь небольшая часть населения (не более 10%) имела средства для его приобретения. Прежде всего это были владельцы частных предприятий, высокопоставленные государственные служащие, зажиточные крестьяне, иностранные предприниматели, а также лица, имеющие состоятельных родственников за границей. В 1988 г. на рынке было реализовано 28,3% построенного коммерческого жилья, однако затраты на его сооружение составили лишь 7,2% общего объема инвестиций в капитальное строительство. Главным препятствием на пути развития рынка жилья явился недостаточный уровень доходов населения, не позволявший большинству граждан КНР приобрести недвижимость даже с учетом рассрочки платежа. К тому же предпринятые преобразования во многом противоречили интересам представителей государственного аппарата, занимавшихся административным распределением жилья.

На **третьем этапе реформы (1993–1997)** при дальнейшей маркетизации распределяемого жилья и коммерциализации жилищного строительства правительство особо акцентировало внимание на совершенствовании системы его финансирования, а равно распределения и эксплуатации недвижимости. Концепция этого этапа реформы была разработана специально созданной при Госсовете КНР Канцелярией по жилищной реформе с использованием опыта пилотного проекта, реализовавшегося еще с 1991 г. в Шанхае. Правовые основы национального рынка жилья были определены принятым в июле 1994 г. Законом КНР об управлении городской недвижимостью.

Приступая к развитию национального рынка жилья, правительство стремилось обеспечить его доступность не только для зажиточных слоев населения, но и для семей со средним и даже ниже среднего уровнем дохода в рамках «многоуровневой городской жилищной системы». Так, в 1995 г. был инициирован Национальный проект доступного жилья, ориентированный в первую очередь на семьи с низким уровнем доходов и малыми (до 4 кв. м) размерами жилья в расчете на одного человека. В рамках реализации проекта компании-застройщики были обязаны передавать государству 20% квартир в возводимых ими жилых зданиях. Гражданам с высокими доходами для решения своих жилищных проблем предлагалось обращаться к услугам жилищного рынка, стимулируя тем самым его развитие.

Важнейшим направлением реформирования стало создание местными правительствами сначала в Шанхае, а затем и в других городах страны общественных фондов жилищных накоплений (далее — ФЖН), главная цель которых состоит в поддержке приобретения жилья работниками государственных предприятий со средними и низкими доходами. При разработке юридической основы деятельности фондов как инструмента обязательных долгосрочных сбережений был использован опыт Сингапура.

Будучи освобождены от уплаты подоходного налога, эти фонды формировались за счет отчислений на персонифицированные накопительные счета средств государ-

ственных предприятий и их работников. Индивидуальные взносы определялись местными властями с учетом занимаемой работником должности в размере не менее 5% заработной платы. Предприятие-работодатель должно вносить в фонд сумму, равную взносу работника[8]. На средства, размещенные на накопительных счетах ФЖН, начисляются проценты в размере 0,35–1,35% годовых. Работник расходует накопленные в фонде средства на жилищные цели, а в случае увольнения или выхода на пенсию может получить имеющиеся сбережения на руки. Помимо этого для формирования средств ФЖН используется и выпуск специальных облигаций жилищного строительства.

Сфера деятельности ФЖН не распространялась на работников госпредприятий без постоянной городской прописки, а также на работников негосударственных (коллективных, частных, совместных и полностью иностранных) компаний. Тем не менее фонды эти позволили привлечь в сферу жилищного строительства значительные финансовые ресурсы. В Шанхае, например, в 1991–1996 гг. системой ФЖН было охвачено 98% рабочих государственных предприятий и служащих, а собранные ими средства за вычетом сумм возврата составили 10,9 млрд юаней (1,3 млрд долл.). Аккумулируемые фондами средства стали использоваться для предоставления пайщикам ФЖН низкопроцентных (из расчета 2,75–3,25% годовых) кредитов на цели приобретения либо ремонта жилья и ежемесячных субсидий на оплату его аренды (для физических лиц), а также на цели жилищного строительства и реконструкции жилого фонда (для юридических лиц)[9]. Сроки погашения кредитов варьировались от одного года до 15 лет.

Приватизация квартиросъемщиками занимаемых ими квартир могла быть произведена один раз и носила добровольный характер. При этом с целью оживления рынка недвижимости в 1996 г. было отменено запрещение продавать приватизированное жилье на рынке ранее пяти лет с момента его выкупа. Стоимость приватизируемого жилья составляла от нескольких сотен до нескольких тысяч долларов США. При нормативной оценке занимаемой жилой площади, установленной правительством Шанхая в размере 902 юаня (108 долл.) за 1 кв. м, фактическая величина оплаты варьировалась в зависимости от ряда факторов. В их числе размеры квартиры, наличие излишков жилой площади (излишки оплачивались по рыночной цене), время постройки жилья и годовая норма его амортизации (2%), район, этаж, имеющиеся в квартире удобства. Наряду со всем этим в расчет принимались и величина трудового стажа членов семьи, занимаемые ими должности, размеры накоплений в ФЖН и т.п. В целом за счет доходов от приватизации и средств ФЖН обеспечивалась примерно половина капитальных вложений в строительство некоммерческого жилья.

Чтобы стимулировать приватизацию и одновременно улучшить финансирование эксплуатации и ремонта жилых зданий была поставлена задача сблизить квартплату за государственные и ведомственные квартиры с уровнем оплаты за эксплуатацию коммерческого жилья. По планам правительства к 2000 г. размеры квартплаты должны были повыситься до 15% доходов средней семьи, в которую входят двое рабочих и служащих. При этом с целью ограничения социальных издержек предприятия приступили к выплате целевых жилищных субсидий семьям рабочих и слу-

жащих, а в случае если уровень квартплаты превышал 5% семейного дохода, ее размеры могли быть уменьшены. Повышение квартплаты не затронуло семьи с самыми низкими доходами, а также пенсионеров из числа бывших работников партийно-государственного аппарата и их вдов. Размеры квартирной платы были дифференцированы в зависимости от района, имеющихся удобств, наличия излишков жилой площади и т.п. Тем самым жители городов поощрялись к переезду из перенаселенных центральных городских районов в окраинные.

Наряду с государственными предприятиями в жилищное строительство были допущены частные строительные фирмы и компании-застройщики, действующие на рыночной основе. В 1993 г. по всей стране насчитывалось 505 таких строительных компаний[10]. Появились также разнообразные риелторские фирмы, управляющие компании и другие коммерческие структуры по обслуживанию недвижимости. Одновременно в рамках коммерциализации системы содержания жилого фонда вместо прежних жилищно-эксплуатационных контор, подчиненных соответствующим городским управлениям, стали формироваться эксплуатационные комитеты владельцев жилья, действующие на началах самоуправления и обеспечивающие содержание и ремонт жилого фонда, включая наем компаний по эксплуатации недвижимости, которые заменили традиционные городские жилищно-эксплуатационные конторы. После приватизации владельцы квартир должны самостоятельно обеспечивать их ремонт, а также совместно оплачивать ремонт и эксплуатацию здания пропорционально площади занимаемых помещений. Все это создало условия для реальной коммерциализации системы эксплуатации недвижимости, хотя на деле изменения еще нередко носили формальный характер.

В целом, однако, несмотря на очевидное развитие рыночных отношений в сфере недвижимости, ведущая роль все еще принадлежала традиционной системе общественного распределения квартир. В 1997 г. лишь $^{1}/_{3}$ от общего количества построенного за год жилья была приобретена на коммерческих условиях. Остальные $^{2}/_{3}$ были выкуплены государственными предприятиями и организациями для своих работников в целях дальнейшего распределения[11]. Не случайно в 1991–1996 гг. для выдачи рабочим и служащим кредитов на покупку квартир было направлено лишь 18% расходов ФЖН Шанхая. Основные цели расходования этих средств включали предоставление кредитов на ведение жилищного строительства предприятиями (51% общей суммы расходов), а также городскими, районными и уездными правительствами (15%); кредитование реконструкции старых районов, капитального ремонта аварийного жилья и строительства важнейших объектов городского коммунального хозяйства (15%)[12].

Ближе к концу 1990-х годов, принимая во внимание значительное увеличение финансовых средств, поступавших в сферу недвижимости, правительство стало рассматривать ее в качестве важного инструмента стимулирования экономического роста и преодоления последствий Азиатского финансового кризиса (1997–1998). В июле 1998 г. Госсовет КНР выпустил «Уведомление о дальнейшем углублении реформы городской жилищной системы и ускорении жилищного строительства» (Документ № 23), ознаменовавшее переход к **четвертому этапу реформы**, целью которого было объявлено прекращение системы общественного распределения жи-

лья с постепенной монетизацией этого процесса и использованием доступного жилья в качестве основы для развития многоуровневой системы городского жилищного обеспечения. Бесплатное предоставление жилья в натуральной форме было прекращено и введены денежные дотации на приобретение жилья, в том числе для лиц, вновь прибывших на работу в городах[13]. В 1999 г. Министерство строительства дополнительно разъяснило, что все государственное и ведомственное жилье должно быть реализовано квартиросъемщикам, которые готовы его приобрести.

Тогда же Госсоветом КНР было выпущено «Положение об управлении Фондом жилищных накоплений», распространившее деятельность ФЖН на территорию всей страны и на предприятия всех форм собственности, включая совместные и иностранные компании. Работой ФЖН руководят городские правительства. В соответствии с требованиями законодательства участниками фондов должны являться все работники и все работодатели в стране, а средства ФЖН стали использоваться исключительно для льготного кредитования и субсидирования индивидуальных пайщиков. Одновременно Промышленно-торговый банк Китая, Строительный банк Китая, Сельскохозяйственный банк Китая и Банк Китая приступили к активному развитию ипотечного кредитования. Все эти изменения в конечном счете привели к переводу системы обеспечения жильем на рыночную основу.

При этом в условиях развития рыночной среды государство рассчитывало активно влиять на состояние сектора недвижимости, сохраняя за собой функции его регулирования и контроля. Местным властям предписывалось уделять первостепенное внимание возведению экономичных квартир для семей со средним и низким доходом. Согласно планам правительства, удельный вес такого жилья должен был составлять 60–70% площади новой жилой застройки.

В интересах приведения жилищных услуг в соответствие с финансовыми возможностями домохозяйств правительство концептуально разделило систему жилищного обеспечения на несколько уровней. Семьи с высоким достатком должны быть ориентированы на приобретение коммерческого жилья по свободным рыночным ценам с использованием ипотечного кредитования. Домохозяйства со средним и низким доходом наделяются правом на приобретение «доступного жилья» небольшого размера по ценам ниже рыночных (так называемая стандартная цена или цена полной себестоимости) с использованием жилищной дотации предприятия-работодателя. Наконец, потребности беднейших слоев городского населения должны удовлетворяться за счет использования арендного жилья с низкой квартирной платой[14].

В 2003 г. Госсовет КНР выпустил «Уведомление о содействии устойчивому и здоровому развитию рынка недвижимости» (Документ № 18). В соответствии с этой директивой правительство поставило своей целью создание условий, при которых в конечном счете большинство городских семей приобретали бы в собственность либо арендовали коммерческое жилье. Было объявлено, что семьи с низким доходом должны получить возможность покупки жилья по доступным ценам; беднейшим семьям предлагалось ориентироваться на аренду жилья с пониженной арендной платой. В результате в стране началось активное развитие рынка городского жилья с массовой коммерциализацией его строительства и эксплуатации, сопровождаемое быстрым подорожанием жилой площади.

В 1998–2007 гг. среднегодовые темпы прироста ипотечного кредитования достигли 62%, его абсолютные размеры возросли с 43 млрд юаней до 3314 млрд юаней, а доля в ВВП увеличилась с 0,5 до 12,9%[15]. Среднегодовая динамика инвестиций в недвижимость составила 22,1%, более чем вдвое превысив аналогичный показатель по ВВП (9,4%). В 2002–2006 гг. число новых проектов жилищного строительства, площадь незавершенного строительства, площадь сданного в эксплуатацию жилья и площадь переданных под жилую застройку земельных участков ежегодно возрастали на 16,9%, 20,3, 14,3 и 24,5% соответственно. В результате к концу 2005 г. жилье, построенное в течение последних девяти лет, достигло 62,9% всего жилого фонда КНР[16]. При этом цена одного квадратного метра жилой застройки в 2000–2006 гг., продемонстрировав среднегодовые темпы прироста в 7%, увеличилась в полтора с лишним раза (с 1948 до 3119 юаней), доступность жилья для населения сократилась.

В этих условиях в 2006 г. правительство установило, что в рамках любого проекта по сооружению рыночного жилья не менее 70% всей площади должно отводиться под строительство небольших (площадью до 90 кв. м) квартир, в том числе доступной ценовой категории («политика 90-70»). В 2007 г., продолжая поиск путей к решению проблемы обеспечения жильем семей с низким уровнем доходов, Госсовет КНР выпустил «Заключения по решению жилищных проблем малообеспеченных городских семей» (Документ № 24). При этом, акцентируя ответственность местных органов власти за эффективную работу системы жилищного обеспечения, правительство отмечало необходимость ускорения реализации программы доступного жилья и повышения эффективности фондов жилищных накоплений[17]. Как показывает практика, сегодня, спустя почти два десятилетия поставленная Госсоветом КНР задача обеспечения «адекватного жилья для всех» все еще не утратила актуальности.

Рынок жилья

В начале XXI в. бурное развитие рынка жилья происходило на фоне стремительного роста экономики. В 1999–2010 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП КНР в постоянных ценах составляли примерно 10%, столь же высокую динамику показывали размеры располагаемого дохода городских домашних хозяйств. Важным фактором развития рынка городского жилья явилась и быстрая урбанизация — с середины 1980-х до середины 2010-х годов численность городского населения КНР увеличилась с 260 до 800 млн человек, в 2019 г. городские жители составили более 57% населения страны против 45% в 2007 г. и 20% в начале 1980-х годов. К началу 2020-х годов общее число жителей китайских городов достигло уже 848 млн, а их доля в населении страны превысила 60%[18]. Прогрессирующая урбанизация стимулирует высокий спрос на жилье и, соответственно, быстрый рост инвестиций в недвижимость.

В 2000–2015 гг. среднегодовые темпы прироста капиталовложений в недвижимость превысили 16%, а их абсолютные размеры увеличились с 498,4 млрд юаней в 2000 г. до 4825,9 млрд юаней в 2010 г. и 9597,9 млрд юаней в 2015 г. (см. табл. 23). Если в 2000 г. на долю сектора недвижимости приходилось 15% валовых капитальных вложений в основные фонды КНР, а их абсолютные размеры соответствовали

5% ВВП страны, то в 2015 г. аналогичные показатели составили 24 и 14% соответственно. В 2021 г. инвестиции в недвижимость возросли до 14,8 трлн юаней, а их удельный вес достиг 27% валовых капиталовложений. При этом на протяжении всего рассматриваемого периода от $^{2}/_{3}$ до $^{3}/_{4}$ инвестиций в недвижимость осваивалось в секторе жилищного строительства.

В течение двух десятилетий — с начала XXI в. и вплоть до 2020-х годов — в стране наблюдался затяжной строительный бум. Строительный сектор Китая еще в начале 2010-х годов стал крупнейшим в мире. Ежегодно в Китае сдавалось в эксплуатацию свыше 2 млрд кв. м готовых строительных площадей, что составляло почти половину от общемирового показателя. Около 50% общего ввода строительных площадей обеспечивали объекты недвижимости, в том числе примерно $^{3}/_{4}$ приходилось на долю жилья и $^{1}/_{4}$ — на офисные и торгово-развлекательные центры, гостиницы и другую коммерческую недвижимость.

Таблица 23

Основные показатели развития сектора недвижимости и жилищного строительства в КНР (2000–2021)

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.
Инвестиции (млрд юаней)	3291,8	8099,4	21883,4	40592,8	52727,0	55288,4
В том числе:						
инвестиции в недвижимость	498,4	1590,9	4825,9	9597,9	14144,3	14760,2
в том числе в жилищное строительство	331,2	1086,1	3402,8	6459,5	10444,6	11117,3
Доля жилищного строительства (%)	10,1	13,4	15,5	15,9	19,8	20,1
Приобретение компаниями–застройщиками земли под застройку						
В том числе:						
площадь участков (млн кв. м)	169,0	382,5	399,5	228,1	255,4	215,9
цена приобретения (млрд юаней)	…	326,9	820,7	762,1	1726,6	1775,6
Общая площадь недвижимости в стадии строительства (млн кв.м)	…	…	4055,4	7356,9	9267,6	9753,9
В том числе жилищное строительство	…	…	3140,4	5115,7	6555,6	6903,2
Доля жилищного строительства (%)	…	…	77,4	69,5	70,7	70,7

Ввод объектов недвижимости (млн кв. м)	…	487,9	759,6	1000,4	912,2	1014,1
В том числе жилищное строительство	…	390,2*	612,2	737,8	659,1	730,2
Доля жилищного строительства (%)	…	80,6*	80,6	73,8	72,3	72,0
Площадь продаж коммерческой застройки (млн кв.м)	186,4	554,9	1047,6	1285,0	1760,9	1794,3
В том числе жилищное строительство	165,7	495,6	933,8	1124,1	1548,8	1565,3
Доля жилищного строительства (%)	88,9	89,3	89,2	87,5	88,0	87,2
Продажи коммерческой застройки (млрд юаней)	393,5	1757,6	5527,2	8728,1	17361,2	18193,0
В том числе жилищное строительство	322,9	1456,3	4412,1	7277,0	15456,7	16272,9
Доля жилищного строительства (%)	82,1	82,9	79,8	83,4	89,0	89,4
Количество квартир в жилых домах (тыс. ед.)						
В том числе:						
завершено строительством	2139,7	3682,5	6019,8	7050,2	5976,6	6468,7
реализовано застройщиками	…	4235,6	8817,5	10578,9	13555,9	13690,7
Средняя рыночная цена 1 кв. м жилых помещений (юани)	1948	2937	4725	6473	9980	10396
В том числе:						
г. Пекин	…	...	...	22300	42684	46941
провинция Гуандун	…	…	…	5012	15385	16453
провинция Хунань	…	…	…	3974	6141	6481

* Оценка.

Источники: Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2005 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2006. February 28. URL: https://www.stats.gov.cn/english/NewsEvents/200603/t20060302_25737.html (accessed: 10.10.2023); Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2010 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2011. February 28. URL: https://www.stats.gov.cn/english/NewsEvents/201102/t20110228_26426.html / (accessed: 10.10.2023); China Statistical Yearbook 2016. Beijing: China Statistics Press, 2016. Table 19-12. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2016/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023); China Statisti-

cal Yearbook 2017. Beijing: China Statistics Press, 2017. Tables 19-6, 19-10, 19-11, 19-12. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2017/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023); China Statistical Yearbook 2021. Beijing: China Statistics Press, 2021. Tables 19-10, 19-11, 19-12. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022); China Statistical Yearbook 2022. Beijing: China Statistics Press, 2022. Tables 10-1, 19-4, 19-10, 19-11, 19-12, 19-16; URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022); National Real Estate Development and Sales from January to December 2020. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202101/t20210119_1812512.html (accessed: 15.08.2022); National Real Estate Development and Sales in 2021. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202201/t20220118_1826502.html (accessed: 15.08.2022).

Площадь продаж городской жилой застройки в 2021 г. составила 1565 млн кв. м против 496 млн кв. м в 2005 г. и 166 млн кв. м в 2000 г. При этом 10% этих площадей реализуется в четырех крупнейших городах Китая (городах «первой линии» — Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Шэньчжэне); еще почти 50% приходится на провинциальные центры и другие крупные города (города «второй линии»). Средние и малые городские поселения (города «третьей и четвертой линий») обеспечивают оставшиеся более 40% продаж[19].

Наиболее активное развитие строительства наблюдается в Восточном Китае, на долю которого приходится свыше 85% строительной активности, постепенно увеличивается доля Западного Китая на строительном рынке. Одновременно эпицентр строительной активности постепенно сдвигается из городов «первой линии» (например, Пекин, Шанхай) в города «второй линии» (Чэнду, Чунцин и т.д.)[20]. К началу 2010-х годов с учетом прошедшей приватизации жилья 84,3% китайских семей, проживающих в городах, имели в своей собственности квартиру. Согласно исследованию, проведенному экспертами Гарвардского университета (США), в зависимости от местоположения жилья эта цифра заметно варьировалась. Среди 265 обследованных китайских городов удельный вес собственников жилья варьировался от 34,8 до 97,8% общего числа домохозяйств, но в большинстве городов уровень владения жильем превышал общенациональный показатель[21]. При этом в среднем 12% городских семей владели несколькими квартирами*.

В рамках действующей в Китае многоуровневой системы жилищного обеспечения городское жилье делится на несколько категорий, исходя из условий его приобретения и эксплуатации.

Так называемое *реформенное жилье* представляет собой квартиры, полученные по контролируемо низким ценам в ходе приватизации государственного и ведомственного жилья. За два с лишним десятилетия после начала приватизации общая площадь таких жилых помещений достигла 4,5 млрд кв. м, или примерно 80% прежней площади общественного жилья. Это жилье, составлявшее к началу 2010-х годов 28,8% жилого фонда КНР, не подлежит сдаче в аренду, а 30% дохода от его продажи на рынке перечисляется в доход государства.

* В 2011 г. в среднем на одну городскую семью приходилось 1,22 квартиры (см.: *Новоселова Л.В.* Жилищный вопрос в Китае: проблемы и решения // Азия и Африка сегодня. 2019. № 1. С. 48, 53. DOI: 10.31857/S032150750003343–9.

К категории *коммерческого жилья* относятся вновь построенные квартиры и индивидуальные дома, свободно обращающиеся (покупка, продажа, аренда, залог) на рынке по рыночным ценам и составляющие в общей сложности примерно 40% жилого фонда. Основная часть коммерческой недвижимости (почти 85%) находится в собственности ее пользователей, остальное приходится на долю арендного жилья[22]. Помимо граждан КНР (включая жителей Гонконга и Макао) такое жилье для собственного проживания (т.е. без права сдачи в аренду) может приобретаться и иностранцами, которые работают или учатся в Китае не менее одного года.

Так называемое *доступное жилье* приобретается нуждающимися в жилье семьями с доходами ниже средних по ценам на 20–25% ниже рынка. Контролируемый уровень цен обеспечивается посредством прямого бюджетного финансирования строительства, а также за счет предоставления строительным компаниям-подрядчикам со стороны государства существенных налоговых льгот, льгот по сооружению инфраструктуры, по приобретению земельных участков и др. Размеры таких квартир ограничены площадью в 60–80 кв. м, их цена только на 10% выше себестоимости, требования к отделке ниже, чем у коммерческого жилья. Продажа таких квартир возможна, но цена продажи при этом не должна превышать цену приобретения.

Государственное арендное жилье ориентировано на лиц с низкими доходами. Оно сооружается на бюджетные средства как центральными, так и местными органами власти и используется для сдачи в аренду по рыночным ставкам с возможностью получения арендаторами ежемесячной жилищной субсидии, размеры которой также определяются местными властями.

Наконец, для беднейших городских семей, имеющих менее 5 кв. м жилой площади на человека, государство строит *социальное жилье*, передаваемое в пользование за крайне низкую арендную плату, размеры которой с учетом разнообразных государственных субсидий могут опускаться до 5% от рыночного уровня. Площадь такого жилья варьируется от 35 (однокомнатная квартира) до 55 (трехкомнатная квартира) кв. м[23]. В 2014 г. государственное арендное жилье и социальное жилье с низкой арендной платой были объединены в рамках единой системы управления государственным арендным жильем.

Общее соотношение рыночного и субсидируемого государством жилья, включая выкупленные в рамках приватизации квартиры, составляет примерно 40 : 60[24]. Таким образом, государство продолжает играть ведущую роль в организации системы жилищного обеспечения КНР. Правительство разрабатывает стандарты жилья, а также нормативы и правила его строительства; руководит сооружением доступного жилья и обеспечивает его финансирование; определяет критерии доступности, гарантирует, что только семьям с низкими доходами предоставляется доступ к получению и использованию субсидированного жилья с контролируемыми ценами.

Строительство отнесено в КНР к лицензируемым видам деятельности, и для получения лицензии компания должна подтвердить наличие соответствующего профессионального опыта и компетенций. Выдача лицензий относится к ведению Министерства жилищного, городского и сельского строительства. Оно же отвечает за управление и надзор за деятельностью строительных организаций, включая норма-

тивное регулирование их деятельности, контроль за соблюдением строительных правил и нормативов, объявление и проведение конкурентных торгов и т.д. Кроме этого, государственное регулирование в сфере строительства осуществляют Государственный комитет по делам развития и реформ (макроэкономическое планирование в строительном секторе), Министерство экологии и окружающей среды (экологический надзор) и Министерство по управлению в чрезвычайных ситуациях (обеспечение безопасности труда).

К середине 2010-х годов городской жилищный фонд Китая насчитывал 261 млн жилых единиц (квартир и частных домов) общей площадью 20,9 млрд кв. м. В 2015–2021 гг. было завершено строительство и сдано в эксплуатацию еще 46,6 млн жилых единиц общей площадью почти в 5 млрд кв. м[25]. Коэффициент владения городским жильем в Китае составляет около 90%, являясь одним из самых высоких показателей в мире и опережая уровень таких стран, как США (64,2%, 2017 г.), Япония (61,9%), Бразилия (72,5%) и ЮАР (69%)[26]. Примерно 10% городского жилья используется на правах аренды.

Средняя площадь городской квартиры превышает 90 кв. м. Увеличившись за последние 40 лет без малого в 10 раз, среднедушевая обеспеченность жильем в городах Китая (32,9 кв. м в 2012 г.) в основном соответствует уровню стран с формирующимися рынками, а в некоторых городах даже превосходит его, приближаясь к показателям развитых стран. Особенно быстрый рост этого показателя приходится на конец первого десятилетия XXI в., когда сооружение недвижимости было резко ускорено в рамках пакета специальных стимулирующих мер правительства по преодолению последствий мирового финансового кризиса (подробнее см. главу 1 в разделе II). В 2019 г. жилая недвижимость составляла почти 70% общей стоимости активов городских домохозяйств Китая[27].

Имеются, однако, и существенные нюансы. Так, дома и квартиры могут находиться в частной собственности, но земельные участки под жилыми зданиями предоставляются городскими властями в аренду на срок в 70 лет, хотя и с возможностью последующего продления. К тому же за пределами городского среднего класса жилищная ситуация порой выглядит не столь благополучно. Если среднедушевую обеспеченность жилой площадью в секторе коммерческого жилья принять за 100%, то в секторе жилья экономкласса и в секторе общественного жилья она составляет 70–75%, а в секторе арендного жилья (коммерческого и общественного) — 40–50%[28].

К концу первого десятилетия XXI в. 20% городских и сельских семей проживало в помещениях, находившихся в плохом или очень плохом состоянии; 34% жилых домов не имело кухонь и санузлов; 28% семей проживало в квартирах без водопровода. Даже в городе (не говоря уже о поселках или деревнях) примерно 15% семей не имело бытовых удобств в виде душа или ванной комнаты[29]. Таким образом, несмотря на внушительный рост ввода жилья, жилищная проблема во многом сохраняет свою остроту, подстегивая тем самым спрос, предъявляемый на рынке жилой недвижимости.

В 2000–2021 гг. общее количество компаний по строительству жилой недвижимости увеличилось с 27,3 до 105,4 тыс., а численность их персонала — с менее

1 млн до почти 3 млн человек (см. табл. 24). Особенно быстрой динамикой роста отличаются частные китайские фирмы. Заметно потеснив строительные организации других форм собственности, они уже в середине первого десятилетия XXI в. заняли доминирующее положение на рынке жилья в КНР. К началу 2020-х годов доминирование частного капитала приобрело, по сути, абсолютный характер. На его долю, по оценке, приходится около 80% общего объема инвестиций в жилищное строительство, а численность частных девелоперов достигает 95% всех китайских девелоперов. Одновременно удельный вес государственных застройщиков снизился с 24 до 1%, иностранных и совместных компаний — с 15 до 4%, а строительные организации коллективной собственности были практически вытеснены с рынка. При этом интересы компаний иностранного капитала сосредоточены на сегменте дорогого коммерческого жилья крупных городов, а государственные строительные предприятия специализируются преимущественно на сооружении низкорентабельных объектов городской инфраструктуры[30].

Таблица 24

Ключевые характеристики основных участников рынка жилья в КНР (2000–2021)

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.
Количество компаний-застройщиков (тыс. ед.),	27,3	56,3	85,2	93,4	103,2	105,4
В том числе:						
государственных	6,6	4,1	3,7	1,3	1,1	1,2
частных	13,2	45,1	74,6	87,1	97,7	99,9
коллективных	3,5	1,8	1,2	0,4	0,2	0,2
иностранных и совместных	4,0	5,3	5,7	4,6	4,2	4,1
Численность персонала (тыс. человек)	971,9	1516,2	2091,1	2738,5	2901,3	2801,6
Оплаченный капитал (млрд юаней)	530,3	1392,7	2091,1	2738,5	11665,2	12727,2
Источники финансирования, всего (млрд юаней)	599,8	2139,7	7294,4	12520,3	19311,5	20113,2
В том числе:						
банковский кредит	138,5	391,8	1256,4	2021,4	2667,6	2329,6
иностранные инвестиции	16,9	25,8	79,1	29,7	19,2	10,7
собственные средства компаний-застройщиков	161,4	700,0	2663,7	4903,8	6337,7	6542,8

предоплата покупателей жилья	…	695,4	1927,5	3252,0	6564,7	7394,6
индивидуальные ипотечные кредиты	…	134,1	952,4	1666,2	2997,6	3238,8
Показатели операционной статистики компаний-застройщиков						
В том числе:	451,6	1476,9	4299,6	7017,4	11858,2	13434,2
доходы от основной деятельности (млрд юаней)	…	…	…	641,3	692,5	672,4
налоги и иные платежи (млрд юаней)	7,3	110,9	611,1	614,3	1402,3	1183,4
прибыль (млрд юаней)	75,6	72,7	74,5	77,7	80,7	80,3
отношение «долги/активы» (%)						

Источники: China Statistical Yearbook 2022. Beijing: China Statistics Press, 2022. Tables 19-2, 19-3, 19-7, 19-13, 19-14. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022).

Обеспечивая примерно $^1/_3$ всего объема инвестиций компаний-застройщиков, их собственные средства формируются главным образом посредством выпуска корпоративных облигаций. Основную же часть финансирования застройщики привлекают в виде банковских кредитов (12–17%), а также за счет средств приобретателей жилья (45–55%). Последние, в свою очередь, представлены предоплатой (30–40%) и ипотечными кредитами государственных банков (примерно 15%).

Аналогичным образом финансируется и приобретение жилья на рынке, цены которого постоянно растут. Предоставление льготных кредитов фондами жилищных накоплений носит ограниченный характер, поскольку, как показывает практика, компании-работодатели всячески стремятся минимизировать и даже обнулить свои взносы в капитал ФЖН, рассматривая их как дополнительную финансовую нагрузку, уменьшающую конкурентоспособность предприятий[31]. Как правило, кредиты ФЖН используются для выплаты авансового платежа за жилье, а их общие размеры составляют лишь примерно 10% индивидуального жилищного кредитования.

Ипотечное банковское кредитование развивается с конца 1990-х годов, и уже в середине 2010-х годов его участниками являлись 18% китайских семей. Основными кредиторами выступает четверка крупных государственных акционерных банков, на долю которых приходится около 90% всех выданных ипотечных кредитов[32]. Соответственно, условия получения кредита также определяются государством в лице НБК.

Установлено, в частности, что размер ипотечного кредита не должен превышать 70% общей стоимости приобретаемого жилья, площадь которого, в свою очередь,

не должна выходить за пределы 100 кв. м. Размер первоначального взноса, как правило, соответствует 20–30% стоимости недвижимости при приобретении первого жилья и 40–60% для второго жилья. Срок жилищной ссуды может достигать 20 и даже 30 лет, но в среднем составляет 17 лет. Процентная ставка определяется уровнем базовой учетной ставки НБК, а с 2019 г. — премиальной кредитной ставкой (LPR*)* по кредитам сроком на пять лет. Во второй половине 2010-х годов, например, процентная ставка по ипотечным кредитам в среднем составляла от 4,4% до 6,7% годовых, примерно на 0,5–1,0 процентного пункта отставая от средней ставки по обычным банковским кредитам предприятиям реального сектора экономики[33]. Платежи в погашение кредита не должны превышать 30–50% дохода заемщика[34]. В целом, к середине 2010-х годов задолженность по ипотечным кредитам в Китае составляла 10,6 трлн юаней (1,6 трлн долл.) при размере просроченной (на 90 дней и более) задолженности менее 1% этой суммы[35].

В целом, с учетом как корпоративных, так и индивидуальных заимствований (включая ипотеку), на долю жилищного строительства приходится около 20% суммы всех выданных банковских кредитов, в том числе ипотечные кредиты на покупку жилья физическими лицами составляют почти 12%, а кредиты строительным компаниям и девелоперам — примерно 8% общей суммы банковских кредитов[36]. Таким образом, состояние банковского сектора КНР, а следовательно, и всей китайской экономики находится в ощутимой зависимости от конъюнктуры рынка жилой недвижимости.

Как правило, жилье в КНР приобретается за год и более до фактической сдачи в эксплуатацию. С течением времени, по мере увеличения доступности и масштабов ипотечного кредитования такая практика имеет тенденцию к расширению. Если в 2005 г. количество проданных за год квартир и домов превышало численность сданных в эксплуатацию единиц жилья на 14%, то в середине 2010-х годов — уже в полтора раза, а в начале 2020-х годов — более чем вдвое[37]. В результате в последние годы удельный вес нового жилья, приобретаемого на стадии строительства, увеличился примерно с 80 до 90% общего объема продаж[38]. Все это дополнительно подстегивает конъюнктуру рынка жилья, повышая его привлекательность для спекулятивных операций.

Во избежание спекулятивного перегрева строительного рынка и экономики в целом, а также при необходимости борьбы с эффектом ценового «мыльного пузыря» власти КНР применяют целый комплекс преимущественно административных мер в области кредитования, землепользования, социальной политики и т.д. В их числе такие инструменты регулирования рынка недвижимости, как ограничение выдачи банковских кредитов застройщикам; повышение процентных ставок по государственной ипотеке, а также ужесточение других условий ее получения, включая увеличение первоначального взноса при приобретении жилья; сокращение площади земельных участков, передаваемых девелоперам под жилую застройку, и повышение платы за их аренду; нормативное увеличение доли доступного жилья в реализуемых проектах; ограничение количества квартир, приобретаемых «в одни руки», увеличение необходимого для приобретения квартиры срока постоянного проживания и уплаты налогов на данной территории и т.д.

На вторичном рынке жилья для сдерживания спекулятивных тенденций используются временны́е ограничения на перепродажу вновь приобретенной недвижимости, а также меры налоговой политики. В частности, при перепродаже квартир с разницы между стоимостью их приобретения и продажи уплачивается подоходный налог в размере 20%; взимаются налог на сделки, гербовый сбор, государственная пошлина и т.д.

Если же на определенном этапе экономического цикла требуется взбодрить хозяйственную конъюнктуру (как, например, во время мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.), государство прибегает к смягчению действующих на рынке недвижимости административных мер, а также к упрощению условий доступа к жилищному строительству для иностранного капитала.

Проблемы и решения

В 2014 г. Госсовет КНР принял «Национальный план урбанизации нового типа (2014–2020 гг.)», представленный Председателем КНР Си Цзиньпином. Будучи ориентированным на обеспечение устойчивого и качественного экономического роста с учетом потребностей как городского, так и сельского населения КНР, план выдвигает задачу лучшего распределения земли, трудовых ресурсов и капитала. В числе приоритетных направлений новой, «ориентированной на человека» урбанизации указаны несколько ключевых областей, включая облегчение мобильности населения из сельских районов в городские, оптимизацию планировки и структуры застройки городов, повышение устойчивости городского развития, содействие интеграции городов и сельской местности, обеспечение реализации планов городского развития и совершенствование его механизмов.

В соответствии с планом к 2020 г. было намечено решение трех главных задач, каждая из которых затрагивает примерно 100 млн граждан КНР, а именно: увеличение числа жителей в городах Центрального и Западного Китае на 100 млн человек с доведением общей доли горожан до 60% населения страны; наделение постоянной городской пропиской 100 млн мигрантов из сельской местности; реновация жилого фонда с расселением 100 млн жителей из городских трущоб и ветхих аварийных зданий.

В 2015–2019 гг. коэффициент урбанизации в КНР (доля горожан в общем населении страны) в среднем возрастал на 1,2 процентных пункта в год, а численность городского населения в среднем увеличивалась на 19,3 млн человек ежегодно. По прогнозу китайских специалистов, в период с 2020 по 2025 г. уровень урбанизации продолжит ежегодное поступательное повышение в среднем на 0,8–0,85 процентных пункта[39]. В этой связи в период до 2030 гг. потребность в новом жилье оценивается в 175 млн жилых единиц, включая 50 млн единиц социального жилья. Все это открыло поистине грандиозные перспективы перед сектором жилищного строительства.

Вместе с тем, несмотря на усилия государства по регулированию сферы недвижимости, ситуация на рынке далека от равновесной и подвергается серьезным системным искажениям. Со стороны спроса сказывается приобретение зажиточной

частью населения жилья впрок. С учетом высокой волатильности китайского фондового рынка и низких ставок по банковским депозитам недвижимость рассматривается состоятельными гражданами КНР в качестве привлекательного инвестиционного инструмента для сохранения и приумножения своих сбережений, размеры которых достигают 80% ВВП. В результате среди домохозяйств, имеющих собственное городское жилье, 58,4% владеют одним объектом недвижимости, 31% — двумя и 10,5% — тремя и более объектами недвижимости[40]. После приобретения около трети подобной «инвестиционной недвижимости» вскоре вновь выбрасывается на рынок, свыше 20% сдается в аренду и почти половина простаивает незаселенной в ожидании улучшения рыночной конъюнктуры[41]. В этих условиях порядка 10–16% имеющегося жилья в Китае, по оценке, является условно-избыточным.

Со стороны предложения действует такой мощный фактор, как постоянное повышение местными администрациями цен на участки земли, выделяемые под строительство. Заинтересованность муниципалитетов очевидна, ведь средства, получаемые ими от продажи прав на пользование земельными участками, формируют около половины доходной части местных бюджетов, используемой для развития вверенной территории[42]. Расходование этих средств предусматривает определенные обременения, связанные с необходимостью предварительного инфраструктурного обустройства участков под застройку, а также с обеспечением квартирами граждан, лишившихся жилья в ходе реновации ветхого и аварийного жилья. Прогрессирующее исчерпание в крупнейших городах свободной земли, пригодной для застройки, стимулирует увеличение ее стоимости.

Если в 1998 г. доходы местных органов власти от продажи прав землепользования составляли 6,7 млрд юаней, то уже в 2003 г. они подскочили до 910 млрд юаней. Рост цен на землю в конечном итоге является одним из главных факторов роста цен на жилую недвижимость в Китае. Это делает местные органы власти активными и весьма влиятельными игроками на рынке недвижимости, интересы и мотивация которых в сфере жилищного строительства нередко не совпадают с директивами центрального правительства.

Как первое, так и второе обстоятельство способствует появлению серьезных дисбалансов в развитии сектора недвижимости. В частности, по мнению некоторых экономистов цены на жилье в стране в среднем завышены на 20–30%, а в городах «первой линии», где спрос на жилье растет особенно быстро, — на 50% и более.

Только с начала века к 2022 г. цены на жилье выросли почти в пять с половиной раз. Если в 1991 г., исходя из данных ГСУ КНР, средняя цена 1 кв. м городского коммерческого жилья составляла 796 юаней, то в 2000 г. — 1948 юаней, в 2015 г. — 6473 юаней, а в 2021 г. — 10 396 юаней, что превышает 1600 долл. Увеличение доходов населения, особенно в больших городах, не успевает за ростом цен на коммерческое жилье. В результате, по оценке иностранных экспертов, более 70% нуждающихся в улучшении жилищных условий жителей городов не имеют средств, необходимых для покупки коммерческого жилья.

Что касается субсидируемого государством доступного жилья экономического класса, то вследствие низкой (3%) маржи оно является малопривлекательным для частных застройщиков. По опыту компании «Ванькэ», одного из крупнейших за-

стройщиков в Китае, при сооружении доступного городского жилья один квадратный метр готовой жилой площади приносит лишь 200 юаней прибыли против 17 тыс. юаней, получаемых при строительстве многоквартирных коммерческих домов и 37 тыс. юаней при возведении жилых домов на одну семью площадью в 280–480 кв. м.

В этих условиях частные компании-девелоперы идут на всевозможные ухищрения, чтобы обойти нормативы упомянутой выше политики «90-70». Для этого они прибегают к объединению нескольких квартир экономкласса в одну с перепланировкой под элитные апартаменты, возводят дома с огромными террасами, включаемыми в состав жилой площади по половинному коэффициенту и т.п. Нередко, огородив задешево полученные земельные участки для возведения жилья экономкласса, застройщики надолго оставляют их без движения, рассчитывая со временем так или иначе добиться пересмотра условий использования земли[43]. Формирование у крупных компаний-девелоперов солидных запасов неиспользуемой земли ограничивает ее предложение на рынке и тем самым дополнительно стимулирует вздувание цен на землю и жилье.

При этом застройщики нередко пользуются поддержкой со стороны местных властей, заинтересованных в максимизации своих поступлений от передачи прав пользования земельными участками под застройку. О степени этой заинтересованности свидетельствуют данные Азиатского банка развития, согласно которым в провинции Гуандун, например, себестоимость строительства нового коммерческого жилья составляет лишь 20% его рыночной цены, 40% цены составляет прибыль компании-застройщика и еще столько же — доходы местных органов власти.

Если в 1997–2003 гг., на начальном этапе реализации программы доступного жилья, его доля в среднем достигала почти 20% площади начатой в течение года новой жилой застройки, то к концу 2000-х годов этот показатель снизился без малого в четыре раза[44]. В результате, несмотря на все усилия правительства, предложение такого жилья весьма ограниченно и к тому же концентрируется главным образом в крупных мегаполисах, имеющих большие финансовые возможности. В начале 2010-х годов доступное жилье, находящееся в собственности его владельцев, составляло лишь 3,4% жилого фонда КНР, а субсидируемое государством арендное жилье — 5,8%[45].

В мае 2018 г. по сведениям шанхайской исследовательской фирмы *E-House China R&D Institute*, собранным по 100 основным городам Китая, средние цены за квадратный метр превысили 1880 долл. При этом в городах «первой линии» соответствующий показатель составил 6500 долл., в городах «второй линии» — 2060 долл., в городах «третьей» и «четвертой» линий — 1620 долл. Самые высокие цены на жилье демонстрировал город Шэньчжэнь (провинция Гуандун), где стоимость квадратного метра составляла 8720 долл., тогда как город Цзиньмэнь (провинция Хубэй) имел самый низкий показатель, равный 690 долл.[46].

Результатом всего этого является крайне низкий уровень доступности жилья в Китае. По данному показателю, рассчитываемому как отношение медианной стоимости жилья к медианному располагаемому доходу домохозяйства за год, Китай находится в конце мировой «табели о рангах», уступая сразу девяти десяткам стран.

В соответствии с международной практикой и нормативами Всемирного банка жилье считается доступным, если цена средней квартиры соответствует семейным доходам за 2–5 лет. В Китае этот показатель уже в 2006 г. составлял 11 лет. К концу 2010-х годов ситуация дополнительно обострилась — для того чтобы купить жилье, обычной китайской семье требовалось откладывать все свои доходы уже в течение без малого 26 лет[47]. Таким образом, платежеспособный спрос все более отстает от предложения.

Отсюда активное увеличение банковского кредитования сектора недвижимости, сопровождаемое ростом задолженности домохозяйств по ипотечным кредитам. В 2010–2017 гг. доля займов на строительство и приобретение недвижимости в общей сумме вновь выданных банковских кредитов повысилась с 25,4 до 41,7%, а размеры непогашенной кредитной задолженности домохозяйств в 2018 г. составили 53,6 трлн юаней против 5 трлн юаней в 2007 г. при среднегодовых темпах прироста в 24,1%. Главной причиной всего этого, по свидетельству Председателя НБК И Гана, явился опережающий рост ипотечного кредитования[48].

Если в 2006 г. заимствования граждан по ипотеке соответствовали 10,3% ВВП, то в 2016 г. — 24,1%[49]. Абсолютные размеры ипотечной задолженности в 2018 г. достигли 23,2 трлн юаней (3,5 трлн долл.) против 13 трлн юаней (2,1 трлн долл.) в 2015 г.[50]. На ипотеку пришлось порядка 60% всей задолженности граждан КНР перед банками. При этом, по данным обследований, у трети заемщиков выплаты по кредиту превышают половину месячного дохода, выходя тем самым за пределы установленного государством норматива.

Одновременно с ростом закредитованности населения происходило и быстрое нарастание запасов нереализованного коммерческого жилья. В период с декабря 2011 по февраль 2016 г. размеры готового, но не проданного коммерческого жилья увеличились почти в три раза — с 272 до 739 млн кв. м[51]. По данным ГСУ КНР, в 2014 г. по всей стране размеры непроданного нового жилья соответствовали уровню продаж за четыре месяца, а в 2016 г. — за шесть месяцев. С учетом более полных данных, собираемых местными органами власти, на практике этот показатель мог быть значительно выше, достигая, по оценке МВФ, 24 месяцев. Значительные масштабы жилья в стадии строительства (5,8 млрд кв. м, или 420% годовых продаж) открывали перспективу дальнейшего ухудшения рыночной конъюнктуры.

Особенно заметно фонд нераспроданных площадей увеличивался в регионах с низким уровнем дохода и в городах «третьей» и «четвертой» линий, население которых в поисках лучшей оплаты труда и условий жизни мигрирует в более крупные городские центры. Ведь процесс урбанизации предполагает не только переезд сельского населения в города, но и его концентрацию в наиболее успешных агломерациях.

В целом во второй половине 2010-х годов незаселенной в Китае оставалось 25–30% площади новостроек, а общие размеры пустующего жилья достигали 65 млн жилых единиц, включая как нераспроданные площади новостроек, так и неиспользуемые владельцами «инвестиционные» дома и квартиры, купленные в расчете на последующую прибыльную перепродажу[52]. В 2015 г., по оценке китайских экспертов, площадь пустующей недвижимости достигала 1 млрд кв. м[53].

Это привело к появлению целых городских районов, невостребованных покупателями недвижимости — так называемых городов-призраков, фактическое заселение которых в ряде случаев требует десяти и более лет. Как показывает практика, сокращение масштабов незаселенного жилья идет небыстро. По данным исследовательского центра «Бэйкэ», в 2022 г. в Китае продолжало пустовать примерно 50 млн жилых единиц, удельный вес неиспользуемой жилой недвижимости составлял 12% национального жилого фонда[54].

Опережающий рост цен на жилую недвижимость в крупных и средних городах ведет к тому, что все большая часть национального богатства в виде денежных средств и основных фондов концентрируется в районах с развитой производственной базой и благоприятной средой проживания, у малочисленной группы лиц с высокими доходами. В отличие от этого спрос, предъявляемый на рынке недвижимости со стороны малоимущих граждан, отстает от роста цен на жилье, все больше людей фактически лишаются доступа к рынку жилья. В конечном итоге высокая динамика цен на жилую недвижимость в Китае оборачивается растущим разрывом между богатыми и бедными регионами страны, а также между зажиточными и низкодоходными слоями населения. С учетом высокой чувствительности жилищного вопроса для китайского (как, впрочем, и любого другого) общества все это стимулирует нарастание социальной напряженности, препятствующей дальнейшему продвижению экономических реформ.

Перед государством, таким образом, стоит двоякая задача: необходимо ограничить рост цен — а значит и снизить спрос — на жилую недвижимость в крупнейших городах и одновременно — «подогреть» конъюнктуру рынка и тем самым стимулировать продажи жилья в небольших городских центрах. Следствием такого положения является регионализация государственной жилищной политики и рынка жилья, все большая диверсификация предпринимаемых мер с ориентацией на местные особенности.

В 2016–2017 гг., чтобы «охладить» перегретый спекулятивными сделками рынок недвижимости, в крупнейших городах минимальный первоначальный взнос был увеличен до 50% цены недвижимости при приобретении первого жилья, а при покупке второго — даже до 70%. В больших городах введен запрет на приобретение новых квартир одинокими и разведенными гражданами, имеющими жилплощадь и прописку. В городах «второй линии» с двузначными темпами роста цен на жилье введены административные ограничения на сделки с недвижимостью. Гражданам, желающим приобрести жилье, не имея при этом городской прописки, предписано вносить налоговые и социальные платежи по месту фактического пребывания в течение пяти, а не трех лет, как было установлено ранее. При перепродаже купленного ранее жилья нормативный срок минимального владения им увеличен до двух-пяти лет в зависимости от региона совершения операций.

Однако любые административные ограничения, при всей их строгости, способны дать лишь временный эффект, ибо в конечном итоге всякий раз находятся неформальные способы для их обхода. Так, имея избыток свободной ликвидности, спекулянты недвижимостью вступают в сговор с лицами, не подпадающими под введенные ограничения, приобретают на их имя жилье и делят прибыль от его по-

следующей перепродажи на вторичном рынке. Что касается увеличения авансового платежа за недвижимость, то, как показывает практика, его реальный уровень для покупателя может быть эффективно снижен вплоть до 5% стоимости жилья за счет привлечения заемных средств у компаний-девелоперов, различных агентств недвижимости, трастовых компаний, других небанковских финансовых институтов и т.п.[55]. Запрещение банковского кредитования застройщиков с высоким уровнем накопленной задолженности с лихвой компенсируется ростом финансовых услуг, предоставляемых тем же конечным заемщикам со стороны теневого банкинга и т.д. В результате после определенного замедления или даже отката назад цены на недвижимость вновь идут вверх, переизбыток предложения на рынке жилья нарастает, создавая эффект «мыльного пузыря». В целом развитие рынка недвижимости приобретает выраженный циклический характер, чреватый внезапным схлопыванием ценового «пузыря», обрушением рыночной конъюнктуры и, соответственно, снижением ВВП.

С замедлением динамики роста китайской экономики при переходе к новой модели экономического развития указанные риски возрастают, любые непредвиденные затруднения могут стать причиной серьезных кризисных явлений. Так, в 2019–2023 гг. негативное влияние торговой войны с США и последовавшей сразу вслед за ней пандемии коронавируса COVID-19 способствовали ухудшению ситуации на рынке жилой недвижимости. Уже в феврале 2019 г., по данным 100 крупнейших застройщиков, количество новых контрактов на продажу жилья упало на 11% по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. Отсюда уменьшение продаж участков земли под застройку (с 2019 г.), сокращение площади новостроек (с 2020 г.), заметное нарастание нереализованного жилья (с 2021 г.), а равно и торможение ценовой динамики. Согласно данным ГСУ КНР, прирост цен на коммерческое жилье в 2021 г. составил лишь 4,2% против 7,5% в 2020 г., 8,6% в 2019 г. и 12,3% в 2018 г.[56].

Следствием всего этого явился возникший у компаний-девелоперов дефицит ликвидности. Некоторые из них во главе с крупнейшей на тот момент компанией-застройщиком *Evergrande Group*, оказавшись не в состоянии своевременно произвести выплаты по облигационным и банковским кредитам, в начале 2020-х годов были вынуждены приостановить реализацию строительных проектов. Со своей стороны, столкнувшись с задержкой в сдаче уже оплаченного жилья, население в ряде случаев перестало обслуживать ипотеку, а у некоторых банков-кредиторов возникли трудности при возврате кредитных ресурсов, полученных от НБК.

Пытаясь остановить сползание ситуации к полномасштабному экономическому кризису, Госсовет КНР в рамках кампании по снижению долговой нагрузки в экономике еще в 2020 г. установил предельно допустимые размеры ключевых показателей финансового состояния компаний-застройщиков, включая соотношение их долга и собственного капитала (не более 100%), активов (не более 70%) и имеющихся денежных средств (не более 100% для краткосрочной задолженности)[57]. Во избежание прекращения доступа к дальнейшему банковскому кредитованию правительство призвало строительные компании не позднее 2023 г. реструктурировать свои корпоративные финансы, ориентируясь на безусловное соблюдение указанных «трех красных линий». В дальнейшем, исходя из реалий рынка, сроки дедлайна пришлось продлевать.

Одновременно НБК продлил и срок, в течение которого банкам было предписано уменьшить долю непогашенных ипотечных кредитов и займов на строительство недвижимости в общем кредитном портфеле, а также снизил процентные ставки по ипотечным кредитам. В 2022 г., пренебрегая всеми законами рынка, власти в центре и на местах были вынуждены прибегнуть не только к выкупу готового жилья у некоторых попавших в предбанкротное положение застройщиков, но и к нормативному ограничению арендной платы, а в отдельных случаях — к административному уменьшению цен на новое жилье[58]. Тем не менее снижение инвестиций в недвижимость, сокращение площади строительных участков и продаж жилья продолжилось. Согласно данным по 100 крупнейшим застройщикам, продажи жилья в 2022 г. упали на 49,1%[59].

Дальнейшее развитие событий привело к так называемой консолидации рынка жилья. По состоянию на конец 2023 г. более половины компаний-застройщиков не выполнили в срок долговые обязательства по банковским и облигационным кредитам либо провели их реструктуризацию. Продажи жилья, равно как и число новостроек, сократились вдвое по сравнению с 2021 г. При этом, однако, инвестиции в недвижимость упали лишь на 20%, что позволило перенаправить основную часть средств на завершение ранее начатых проектов, площадь сданных объектов жилой недвижимости в 2023 г. увеличилась на 17%. В результате если в 2021 г. соотношение площади вновь начатых новостроек и завершенных строительством жилых домов составляло 2 : 1, то в 2022 г. оно сократилось до 1,4 : 1, а в 2023 г. пришло к паритету, составив 0,95 : 1[60]. Все это в целом свидетельствовало о прохождении пика кризиса и начале стабилизации рынка жилья.

Вместе с тем предпринимаемые правительством «пожарные меры» подчеркивают необходимость создания институционального механизма управления рисками, способного урегулировать дисбаланс спроса и предложения на китайском рынке недвижимости и тем самым стабилизировать его развитие в соответствии с установочной формулировкой Си Цзиньпина, гласящей, что «жилье предназначено для проживания, а не для спекуляции»[61]. Как показывает практика, решение этого вопроса, поставленного еще в середине 2010-х годов, требует комплексного и эффективного применения государством административных, юридических, финансовых, налоговых и других экономических инструментов.

Исходя из политических установок руководства страны в сфере жилищной политики и содержания ведущихся в КНР дискуссий, а также принимая во внимание практические действия китайских властей по изменению архитектуры рынка недвижимости, основные компоненты перспективной, более устойчивой бизнес-модели в секторе жилой недвижимости выглядят следующим образом.

1. *Совершенствование жилищного законодательства*. Законом КНР об управлении городской недвижимостью (в ред. 2019 г.) установлено, что пользователь земельного участка по истечении срока действия права землепользования должен обратиться к правительству с просьбой о продлении срока. С одобрения правительства ему необходимо повторно внести плату за право землепользования и получить его продление. В случае, если земельный участок использован под жилищное строительство, продление права землепользования может быть произведено автоматиче-

ски, без заявления пользователя земельного участка[62]. Однако юридическая процедура продления права пользования землей вплоть до начала 2020-х годов оставалась неразработанной, что затрудняло оценку рисков со стороны компаний-инвесторов, а равно и покупателей жилья. Не ясно было, в частности, носит ли эта процедура платный или бесплатный характер. Практика продления срока пользования землей также пока отсутствует. Столь долгое сохранение неопределенности в столь важном вопросе негативно влияет на доверие инвесторов и потребителей, а значит — и на уровень рыночных цен на жилье. В этой связи важно как можно скорее и более точно определить все нюансы данной правовой процедуры.

Кроме того, действующие в КНР нормативно-правовые акты регулируют в основном отношения, складывающиеся в связи с эксплуатацией жилого фонда, и оставляют в стороне разнообразные формы приобретения жилья в собственность, а также вопросы регулирования жилищных отношений в частном и других секторах. Таким образом, имеющаяся юридическая база не в полной мере соответствует потребностям развития жилищного рынка. В этой связи китайские специалисты указывают на необходимость совершенствования правового регулирования отношений в жилищной сфере и, в частности, введения в законодательство новой нормы, предусматривающей обязательное предоставление минимального набора жилищных услуг в населенных пунктах КНР и гарантирующей стандартный уровень жизнеобеспечения граждан. Номенклатура жилищных услуг должна в обязательном порядке включать предоставление электроэнергии, питьевой воды, тепловой энергии или энергоносителей любому пользователю услуг жилищного хозяйства во всех населенных пунктах на территории КНР в заданный срок, с установленным качеством и по доступной цене. Тем самым, следуя партийным установкам, жилая недвижимость должна рассматриваться не просто как товар на рынке, но как жилище, наличие которого является жизненно важной потребностью для любого человеческого существа.

2. *Развитие экологически безопасного* (*«зеленого»*) *строительства*. В середине 2010-х годов более 80% строящихся в Китае зданий не относилось к разряду энергосберегающих. В 2015 г. Министерство жилищного, городского и сельского строительства выпустило Национальный стандарт оценки «зеленых» зданий, с тем чтобы способствовать повышению качества строительства на основе внедрения экологически чистых технологий, управленческих инноваций и т.д. Национальный план урбанизации нового типа (2014–2020) предполагал поддержку строительства энергоэффективных, экологически безопасных зданий. Уже в начале 2020-х годов их общая площадь должна была более чем в пять раз превысить уровень 2013 г., составив 5 млн кв. м совокупной рыночной стоимостью в 122 трлн юаней[63].

Согласно 14-му пятилетнему плану по энергосбережению и «зеленому» строительству в городах, к 2025 г. всё новое строительство жилых зданий в городских районах Китая должно стать «зелеными». В период с 2021 по 2025 г. план предусматривает повышение энергоэффективности более 350 млн кв. м уже имеющейся городской застройки, строительство 50 млн кв. м новых зданий со сверхнизким энергопотреблением, а также увеличение площади быстровозводимых зданий до 30% нового городского строительства[64].

3. *Расширение строительства жилья экономкласса.* В соответствии с Национальным планом урбанизации нового типа основной акцент делался на строительство доступного жилья за счет средств государственного бюджета. Одновременно предусматривалась возможность предоставления малообеспеченным семьям дополнительных льгот при покупке первого жилья (уменьшение авансового платежа до 20% от цены жилья, выдача кредита на срок в 30 лет, снижение процентных ставок по ипотеке). Согласно плану, в начале 2020-х годов доля доступного жилья в общем жилом фонде должна быть увеличена почти в два раза, достигнув 23%[65].

Разумеется, все это требует расходования значительных государственных средств. Только в 2014 г., например, на указанные цели из бюджетов всех уровней было направлено 560 млрд юаней, в том числе 198 млрд юаней было выделено центральным правительством. Это значительно больше, чем когда-либо прежде. В некоторых регионах для жителей с недостаточной покупательной способностью используется система «жилья общей собственности», при которой, получая особо крупные государственные субсидии, частные лица пользуются правами собственности на жилье совместно с местными органами власти[66].

Активизируются и другие меры повышения спроса на рынке недвижимости. Речь, в частности, идет о выкупе властями несостоятельных проектов у находящихся в предбанкротном состоянии компаний-девелоперов с последующим включением этой простаивающей недвижимости в программу доступного жилья, а также в масштабную программу реновации кварталов барачной застройки и расселения городских трущоб. В результате при сохранении прежнего объема предложения недвижимости происходит стимулирование платежеспособного спроса на жилье за счет применения государством различного рода компенсаций, бюджетных субсидий и других льготных схем финансирования.

Масштабы этих операций весьма значительны. В годы 12-й пятилетки (2011–2015) программа доступного жилья, выдвинутая Госсоветом КНР, предусматривала строительство 36 млн квартир экономкласса. Это больше, чем размеры продаж коммерческого жилья за предыдущие пять лет. Сооружение еще 11 млн жилых единиц в рамках программы реновации и расселения трущобных поселений было запланировано Министерством жилищного, городского и сельского строительства на 2015–2020 гг. В 2015–2017 гг. НБК предоставил на эти цели низкопроцентные кредиты Банку развития Китая в размере примерно 2 трлн юаней. В результате общая сумма кредитов Банка развития Китая на цели реновации городского жилого фонда в 2019 г. составила около 3 трлн юаней, или 25,5% его кредитного портфеля[67].

Используя взятые в долг средства, местные правительства выплачивают компенсации бывшим обитателям бараков и городских трущоб и в конечном итоге получают в свое распоряжение новые участки земли, свободной от проблемного обременения. Жители снесенных бараков, аварийных и иных малопригодных для жизни строений используют полученные средства для внесения платежа за новую квартиру. Девелоперы за счет прибыли от продажи доступного жилья, покупают больше земли под застройку и тем самым предоставляют местным властям средства, необходимые для погашения кредитов Банка развития Китая[68]. В итоге за один только

2017 г. размеры нереализованной коммерческой недвижимости удалось сократить на 106,2 млн кв. м[69].

Следует добавить, что участники такой санации освобождаются от уплаты городских административных сборов, а также пользуются вычетами или освобождениями по корпоративному подоходному налогу, налогу на использование земельных участков в городах, налогу на добавленную стоимость, гербовому сбору, налогу на прирост стоимости земли и др.[70]. В итоге все стороны получают желаемое при одновременном «рассасывании» переизбытка предложения на рынке недвижимости, а равно и общем снижении долговой нагрузки и кредитных рисков в экономике.

4. *Развитие рынка арендного жилья.* В Китае только каждый пятый городской житель арендует жилье для проживания, в то время как в странах с развитой рыночной экономикой удельный вес арендаторов составляет до трети всех горожан, а то и выше, как, например, в Германии, Швейцарии, Франции и др. Сегодня арендный рынок КНР ориентирован на жильцов с низким уровнем дохода, главным образом из числа сельских мигрантов. Качество арендного жилья весьма низкое, из-за чего оно не дает большого дохода, а сам арендный сегмент рынка не имеет существенного развития. В декабре 2017 г. на Центральном рабочем совещании по проблемам экономики в качестве одного из приоритетов экономической политики был выдвинут курс на развитие рынка аренды жилья, особенно долгосрочной, с защитой законных прав и интересов заинтересованных сторон[71].

В этой связи весьма перспективно выглядит развитие аренды качественного жилья по примеру Гонконга. Чтобы стимулировать строительство недвижимости, предназначенной для сдачи в аренду, государство предоставляет земельные участки для таких проектов с большими скидками, гарантируя тем самым солидные прибыли девелоперам. В некоторых крупных городах, испытывающих нехватку квалифицированной рабочей силы для развития высокотехнологичных производств (как, например, в Шэньчжэне), такие льготные участки занимают до четверти выделяемых под жилую застройку площадей[72].

Одновременно в условиях прогрессирующего старения населения государство активно инвестирует в строительство недорогих съемных квартир, ориентированных на удовлетворение спроса со стороны новых молодых семей. В 2021–2025 гг. в 40 городах Китая было намечено сдать в эксплуатацию 6,5 млн единиц дешевого арендного жилья для 13 млн молодых людей. Еще без малого 2 млн квартир предполагалось построить в мегаполисах Пекине и Шанхае. При этом правительство обещало предоставить арендаторам, не имеющим постоянной прописки в городе, такие же социальные права и возможности, как и у владельцев собственной городской недвижимости.

5. *Совершенствование системы финансовой поддержки городского строительства.* В Китае подчеркивают необходимость постоянного мониторинга финансирования рынка недвижимости, совершенствования антициклического макропруденциального управления в этой сфере и его дифференциации с учетом особенностей положения в различных городах и регионах в части уровня доходов домохозяйств и их долговой нагрузки, концентрации ипотечного кредитования и т.д.

Состояние жилищной сферы КНР во многом зависит от взаимоотношений местных органов власти и компаний-застройщиков по поводу передачи права пользования земельными участками, выделяемыми под городское строительство. Именно здесь, как показывает практика, кроется эпицентр ценовой лихорадки, долгое время не отпускающей рынок городского жилья КНР. В интересах решения этой проблемы предпринимается попытка поставить систему так называемого земельного финансирования под координирующее воздействие центрального правительства. В соответствии с новой редакцией Закона КНР о землепользовании (2019 г., ст. 55), начиная с 2020 г., взимаемая с застройщиков плата за землепользование распределяется между центральным и местными правительствами в соотношении 30:70[73]. В результате Госсовет КНР получает в свои руки инструмент перераспределения средств «земельного финансирования» в пользу менее зажиточных территорий и менее крупных городов, сглаживая тем самым региональные дисбалансы и противоречия идущей урбанизации.

Кроме того, продолжается подготовка к реформе налогообложения недвижимости. Как известно, опираясь на международный опыт, в течение многих лет правительство заявляет о целесообразности введения налога на жилую недвижимость, рассчитываемого исходя из ее рыночной стоимости. При этом, в интересах ограничения массового строительства дорогой недвижимости, предлагается предусмотреть установление повышенных налоговых ставок на элитную недвижимость в крупных городах, где цены на жилье показывают наиболее быстрый рост. Это должно побудить владельцев «инвестиционных» квартир к тому, чтобы продавать или, как минимум, сдавать в аренду пустующее жилье. Кроме того, введение налога на жилую недвижимость могло бы стать альтернативой повторной оплате права землепользования при его продлении, а местные правительства получили бы дополнительный источник дохода, что, по идее, должно было уменьшить их финансовую заинтересованность в постоянном повышении платы за аренду земли[74].

В более долгосрочной перспективе по мере дальнейшей региональной диверсификации жилищной политики требуется определенное изменение межбюджетных отношений в сторону их общей децентрализации с наделением местных правительств дополнительными компетенциями и источниками финансирования, с тем чтобы снизить их зависимость от «земельного финансирования»[75].

Наконец, с целью облегчения финансовой нагрузки на государство предусматривается дальнейшее привлечение частного капитала к участию в городском жилищном строительстве посредством развития государственно-частного партнерства, а также поощрения иностранного и совместного предпринимательства в этой сфере[76].

6. *Реформирование системы постоянной регистрации* (*хукоу*). Массовый переток населения из сельской местности в городские центры является мощным драйвером идущего в КНР процесса урбанизации. В настоящее время количество переселившихся в города внутренних мигрантов, приезжающих преимущественно из сельской местности, превышает 270 млн человек. Это означает, что, как минимум, каждый третий житель китайских городов пребывает здесь без местной прописки, что в соответствии с правилами *хукоу* ограничивает его доступ к приобретению недвижимости, получению ипотеки и социальному обеспечению (образование, здра-

воохранение, государственные услуги и др.). Эта унаследованная от прежних времен практика, возможно, сохраняет определенный смысл в перенаселенных мегаполисах, позволяя в той или иной мере регулировать нагрузку на их социальную инфраструктуру. Однако, еще в середине 2010-х годов стало очевидно, что в малых и средних городах административные барьеры *хукоу* должны быть сняты, с тем чтобы допустить новых горожан к свободной покупке накопившейся здесь избыточной недвижимости[77].

В 2016 г. в рамках начавшейся реформы *хукоу* для сельских мигрантов веден внутренний вид на жительство как промежуточный этап к получению постоянной городской прописки. При этом по всей стране, за вычетом ряда крупнейших городов, требования к заявителям на получение *хукоу* были заметно смягчены. Это, например, наличие стабильного и легального места работы, легальное место проживания, наличие и уровень образования, продолжительность и сумма уплаты подоходного налога по месту проживания, отсутствие правонарушений и т.д. В наиболее крупных городах введена балльная система, в рамках которой в случае соответствия указанным требованиям семьи мигрантов с течением времени набирают определенное число баллов и, достигнув установленного уровня, получают постоянную городскую прописку по месту жительства[78]. Применение балльной системы не предусмотрено, если население города составляет менее трех миллионов человек.

В целом в 2015–2019 гг. 119 млн сельских мигрантов получили постоянную городскую прописку, а общее число городских жителей, имеющих *хукоу*, возросло с 491 до 621 млн человек[79]. В перспективе процедура получения *хукоу* будет дополнительно облегчена, балльную систему намечается упразднить во всех городах за исключением наиболее густонаселенных Пекина и Шанхая.

7. *Усиление государственного контроля на рынке земли*. Оптимизация предложения земельных участков является важнейшим условием уравновешивания спроса и предложения на рынке жилья и, следовательно, залогом стабильного и устойчивого развития сектора недвижимости.

Поскольку городская земля в Китае находится в государственной собственности и не может являться предметом купли-продажи, объектом рыночной сделки выступает право землепользования. Помимо использования земли для хозяйственных и иных нужд право землепользования предполагает возможность ее аренды и залога. Юридическими лицами, уполномоченными пускать государственную землю в хозяйственный оборот, являются местные органы исполнительной власти в лице городских правительств. Таким образом, наиболее актуальные проблемы на земельном рынке, связанные с быстрым ростом стоимости земли и ее иррациональной эксплуатацией, имеют непосредственное отношение к их деятельности.

О характере этих проблем свидетельствует набор административных мер, обсуждаемых в Китае в контексте нормализации обстановки на рынке земли. Предлагается, в частности:

— возвращать в ведение муниципалитетов землю, не используемую застройщиками в течение двух лет после приобретения права землепользования;
— запретить продажу земли под точечную застройку;

— застройку в официальных планировочных зонах вести в строгом соответствии с генеральными планами развития городов;
— утверждать в официальных органах, отвечающих за городское планирование, заявки на ведение застройки в планировочных зонах;
— осуществлять текущий контроль и мониторинг за использованием земель, за ходом строительства и завершением работ;
— разрешить местным органам власти в городах «первой линии» и других районах со значительным дефицитом жилья осуществлять сверхнормативный перевод сельскохозяйственных угодий под городское жилищное строительство[80].

По меньшей мере часть этих вопросов может найти практическое решение в рамках новой редакции Закона КНР о землепользовании (2019 г.), определяющей, в частности, возможность возврата городскими властями прав на использование земельных участков, переданных ранее компаниям-застройщикам, в случае если эта земля требуется для реновации старой городской застройки «в соответствии с городским планированием и другими общественными нуждами» (ст. 58).

* * *

Таким образом, бурное развитие жилищного строительства способствовало достижению рекордных темпов роста ВВП КНР и повышению жизненного уровня и качества жизни населения страны. Вместе с тем чрезмерное предложение коммерческого жилья в последние десятилетия привело к появлению на рынке недвижимости огромных запасов нереализованных площадей. Наряду с этим произошло нарастание избытка производственных мощностей в тесно связанных со строительством отраслях промышленности (черная металлургия, производство цемента и других стройматериалов). Растет социальное неравенство, обостряется ситуация в сельской местности в связи с прогрессирующим изъятием пахотных земель под строительство. Все это дополнительно подтверждает исчерпание ресурса экономической модели, основанной, помимо прочего, на постоянном стимулировании инвестиций и жилищного строительства.

В последнее десятилетие руководство КНР стремится осуществить переход от экстенсивного, экспортно ориентированного роста, подстегиваемого опережающей динамикой инвестиций, к новой модели развития, основанной на инновациях, потреблении и услугах, реализовать реструктуризацию экономики в интересах поддержания как экономического процветания, так и социальной гармонии в обществе.

Устойчивое развитие сектора недвижимости имеет огромное социально-экономическое значение. Представляя собой основную часть собственности городских домохозяйств, жилая недвижимость тесно связана с их финансовыми активами, а любые изменения и флуктуации на рынке недвижимости быстро сказываются на уровне общественного благосостояния и развитии других секторов экономики. В этих условиях, как отмечают китайские экономисты, обеспечение стабильности на рынке недвижимости, включая стабилизацию цен на землю, жилье и ожиданий

рынка, является важнейшим приоритетом при разработке любых направлений экономических реформ, направленных на дальнейший рост и развитие национальной экономики.

В этой связи, опираясь на возможности государственного регулирования, а равно и на последовательное распространение рыночных механизмов в решении земельных, финансовых, налоговых и других вопросов, жилищному строительству предстоит претерпеть серьезные сущностные изменения, став не только и не столько драйвером экономического роста как такового, сколько инструментом решения сложных социально-экономических проблем стремительно урбанизирующегося общества.

Примечания

[1] Understanding Residential Real Estate in China: IMF Working Paper, WP/15/84. Washington D.C.: International Monetary Fund, 2015. P. 3. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Understanding-Residential-Real-Estate-in-China-42873 (accessed: 12.10.2023).

[2] *Lu Gao*. Achievements and Challenges. 30 Years of Housing Reforms in the People's Republic of China: Asian Development Bank Economics Working Paper Series. No. 198. April 2010. Manila: Asian Development Bank, 2010. P. 2. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28408/economics-wp198.pdf (accessed: 07.10.2023).

[3] Данные ГСУ КНР. Приводится по: *Zhou Zhihua*. China is Once Again at the Crossroads of Housing Development // IPP Review.com: [site]. 2017. September 6. URL: https://ippreview.com/index.php/Blog/single/id/544.htm (accessed: 10.2023).

[4] *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая / ИДВ РАН. М.: Форум, 2009. С. 424.

[5] *Кучук О.В.* Жилищная реформа и современное состояние рынка жилья в Китае // КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. С. 2 (87). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhilischnaya-reforma-i-sovremennoe-sostoyanie-rynka-zhilya-v-kitae (дата обращения: 01.10.2023).

[6] Современное право Китайской Народной Республики (Обзор законодательства 1978–2010 гг.): Ч. 1. 1978–2001 гг. / Ред. Л.М. Гудошников, П.В. Трощинский. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 35.

[7] *Шаринов Д.О.* О жилищной реформе в КНР (на примере Шанхая) // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5. С. 85.

[8] *Новоселова Л.В.* Жилищный вопрос в Китае: проблемы и решения // Азия и Африка сегодня. 2019. № 1. С. 47. DOI: 10.31857/S032150750003343–9.

[9] Обзор жилищного сектора Китая. М.: Агентство ипотечного жилищного кредитования, [2016?]. С. 7 // Readkong: [сайт]. URL: https://ru.readkong.com/page/obzor-zhilixhnogo-sektora-kitaya-9263115 (дата обращения: 21.09.2023).

[10] Is China's Housing Market in Trouble? // Peoples Dispatch: [site]. 2023. May 30. URL: https://peoplesdispatch.org/2023/05/30/is-chinas-housing-market-in-trouble/ (accessed: 10.10.2023).

[11] *Лю Сяньюнь*. Как решают жилищный вопрос в Китае // КПРФ: [сайт]. 28.05.2013. URL: https://kprf.ru/international/new-world/118956.html/print (дата обращения: 21.09.2023).

[12] Подсчитано по: *Шаринов Д.О.* Цит. соч. С. 84–85.

[13] China's Housing Reform and Outcomes / Ed. by Joyce Yanyun Man. Cambridge, Massachusetts: Lincoln Institute, 2011. P. 3–4.

[14] *Lu Gao*. Op. cit. P. 4.

[15] China's Housing Reform and Outcomes. Op. cit. P. 122.

[16] *Hung-Gay Fung*, *Jau-Liang Jeng*, *Qingfeng "Wilson" Liu*. China's Real Estate Market Development. [s.l.: s.n.], 2009. P. 5, 10. // ResearchGate: [site]. URL: https://www.researchgate.net/publication/46509750_Development_of_China's_Real_Estate_Market (accessed: 07.10.2023).

[17] Challenges and Reforms in Urban Governance. Insights from the Development Experience of China and Singapore. Singapore: [s.n.], 2016. P. 171. URL: https://www.clc.gov.sg/research-publications/publications/books/view/challenges-and-reforms-in-urban- -governance-insights-from-the-development-experience-of-china-and-singapore (accessed: 03.10.2023).

[18] The New Journey of China's Economic and Social Development / Ed. by Fuzhan Xie [et al.]; transl. by Yisheng Wu [et al.]. Beijing [et al.]: China Social Sciences Press [et al.], 2023. P. 460. DOI: 10.1007/978-981-19-7915-6 (accessed: 23.06.2023).

[19] Understanding Residential Real Estate in China. Op. cit. P. 4.

[20] The Construction Sector in China (2015 Update): Sector Report // EU SME Centre: [site]. 2015. July 5. P. 10. URL: https://www.eusmecentre.org.cn/publications/the-construction-sector-in-china-2015-update/ (accessed: 26.08.2023).

[21] China's Housing Reform and Outcomes. Op. cit. P. 6.

[22] Ibid. P. 9.

[23] *Хейфец Е.Е.* Жилищные реформы и реновация жилого фонда в Китае. Опыт для России // Имущественные отношения в РФ. 2019. № 2 (209). С. 21. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhilischnye-reformy-i-renovatsiya-zhilogo-fonda-v-kitae-opyt-dlya-rossii?ysclid=lnrswwxe5w3661181 (дата обращения: 17.09.2023); Challenges and Reforms in Urban Governance. Op. cit. P. 174.

[24] *Новоселова Л.В.* Возможности использования китайского опыта и капитала в решении жилищного вопроса в России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 455.

[25] Подсчитано по данным ГСУ КНР о масштабах строительства и продаж жилой недвижимости в 2015–-2021 гг.: China Statistical Yearbook 2022. Beijing: China Statistics Press, 2022. Table 19-16 URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023); National Real Estate Development and Sales in 2015 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2016. January. 20. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201601/t20160120_1307100.html (accessed: 15.08.2023); National Real Estate Development and Sales in 2016 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2017. January 22. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201701/t20170122_1456808.html (accessed: 15.08.2023); National Real Estate Development and Sales in 2017 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2018. January 25. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201801/t20180126_1577671.html (accessed: 15.08.2023); National Real Estate Development and Sales in the First Twelve Months of 2018 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2019. January 24. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201901/t20190124_1646610.html (accessed: 15.08.2023); National Real Estate Development and Sales in 2019 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2020. January 19. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202001/t20200119_1723643.html (accessed: 15.08.2023); National Real Estate Development and Sales from January to December 2020 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2021. January 19. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202101/t20210119_1812512.html (accessed: 15.08.2023); National Real Estate Development and Sales in 2021 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2022. January. 18. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202201/t20220118_1826502.html (accessed: 15.08.2023).

[26] Is China's Housing Market in Trouble? Op. cit.

[27] *Yi Gang*. Revisit China's Financial Asset Structure and Its Policy Implications // The People's Bank of China: [site]. Policy Research. 2020. December 11. P. 32. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3935690/3935759/4142444/2020121115320657194.pdf (accessed: 10.11. 2023).

[28] Подсчитано по: China's Housing Reform and Outcomes. Op. cit. P. 77.

[29] *Чжоу Е.* Пути решения жилищных проблем в Китае // Экономическое возрождение России. 2010. № 1(23). КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/puti-resheniya-zhilischnyh-problem-v-kitae/viewer (дата обращения: 07.09.2023).

[30] The Construction Sector in China. Op. cit. P. 14.

[31] Housing Provident Fund in China // Fair Labor: [site]. May 2015. URL: http://www.fairlabor.org/sites/default/files/documents/reports/may-2015-housing-provident-fund-in-china.pdf (accessed: 06.10.2023).

[32] China's Housing Reform and Outcomes. Op. cit. P. 130.

[33] Данные ежеквартальных отчетов НБК о денежной политике за 2015–2018 гг. См., например: China Monetary Policy Report. Quarter Three, 2015. P. 6–7 // The People' Bank of China: [site]. 2015. November 7. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688229/3688353/3688356/3706396/3706901/index.html (accessed: 23.09.2023); China Monetary Policy Report. Quarter Four, 2016. P. 13 // The People' Bank of China: [site]. 2017. February 17. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688229/3688353/3688356/3706393/3706943/index.html (accessed: 23.09.2023); China Monetary Policy Report. Quarter Four, 2017. P. 9 // The People' Bank of China: [site]. 2018. February 14. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688229/3688353/3688356/3706390/index.html (accessed: 23.09.2023); China Monetary Policy Report. Quarter Four, 2018. P. 12 // The People' Bank of China: [site]. 2019. February 21. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/resource/cms/2019/03/2019032115562784220.pdf. (accessed: 23.09.2023) и др.

[34] Обзор жилищного сектора Китая. Цит. соч. С. 10.

[35] Там же. С. 7.

[36] *Кучук О.В.* Цит. соч. С. 8 (93).

[37] Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2022. Op. cit.

[38] *Коныгин С.*, *Вахрамеев С.*, *Фомина И.* Макроэкономика: Китай — жилищный кризис как серьезный вызов экономике // Информационный бюллетень инвестиционного банка Синара. 2023. 12 октября. СИНАРА: [сайт]. URL: https://sinara-finance.ru/upload/iblock/d44/w6wc2vr9bcoe8rmu5szp156y6moiym6r/Sinara-Bank-_-China-Real-Estate_121023_RUS.pdf (дата обращения: 10.11.2023).

[39] The New Journey of China's Economic and Social Development. Op. cit. P. 468.

[40] Is China's Housing Market in Trouble? Op. cit.

[41] *Кучук О.В.* Цит. соч. С. 11 (96).

[42] Fiscal Revenue and Expenditure in 2016 // Ministry of Finance of the People's Republic of China: [site]. 2017. January 23. URL: http://gks.mof.gov.cn/zhengfuxinxi/tongjishuju/201701/t20170123_2526014.html (accessed: 15.10.2023).

[43] *Lu Gao*. Op. cit. P. 9–10.

[44] Ibid. P. 9.

[45] China's Housing Reform and Outcomes. Op. cit. P. 9.

[46] *Любинайте М.* В Китае дорожает квадратный метр // Prian.ru: [сайт]. 2018. 13 июня. URL: https://prian.ru/news/36747.html (дата обращения: 15.09.2023).

[47] *Новоселова Л.В.* Возможности использования китайского опыта и капитала. Цит. соч. С. 456.

[48] *Yi Gang*. Op. cit. P. 18, 32.

[49] China's Housing Market is Cooling // Global Property Guide: [site]. https://www.globalpropertyguide.com/Asia/China/Price-History (accessed: 17.09.2023).

[50] *Цегоев В.* Ипотечная ловушка: угрожает ли экономике Китая пузырь на рынке недвижимости // RT на русском: [сайт]. 5 марта 2019 г. URL: https://russian.rt.com/business/article/608194-ritaj-nedvizhimost-ekonomika (дата обращения: 17.09.2023).

[51] National Real Estate Investment and Market Performance in 2011 // National Bureau of Statistics of China: [site]. January 17. 2012. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201201/t20120117_12778.html (accessed: 22.09.2023); National Real Estate Investment and Market Performance: January-February 2016 // National Bureau of Statistics of China: [site]. March 12. 2016. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201603/t20160312_1330121.html (accessed: 22.09.2023).

[52] Загадка китайских городов-призраков // Fishki.net: [сайт]. 28 апреля 2012 г. URL: https://fishki.net/42737-zagadka-kitajskih-gorodov-prizrakov-12-foto.html/ (дата обращения: 17.09.2023).

[53] *Орлик Т.* Китай: пузырь, который никогда не лопнет? / Пер. с англ. Т.Ю. Адаменко. М. [и др.]: Директмедиа Паблишинг, 2022. С. 160.

[54] Is China's Housing Market in Trouble? Op. cit.

[55] *Zhou Zhihua*. China's Latest Housing Boom: A Resurrection of the Old Development Model? // IPP Review.com: [site]. 2016. March 29. URL: http://ippreview.com/index.php/blog/single/id/84.html (accessed: 10.10.2023).

[56] China Statistical Yearbook 2022. Op. cit. Tables 19-4, 19-9, 19-12; *Zhou Zhihua*. Op. cit.

[57] *Hsu S.* Evergrande Is a Symptom, Not Cause, of China's Debt Woes // The Diplomat: [site]. 2021. September 20. URL: https://thediplomat.com/2021/09/evergrande-is-a-symptom-not-cause-of-chinas-debt-woes/ (accessed: 12.10.2023).

[58] Is China's Housing Market in Trouble? Op. cit.

[59] 2023 Investment Climate Statements: China // U.S. Department of State: [site]. 2023. URL: https://www.state.gov/reports/2023-investment-climate-statements/china/ (accessed: 30.12.2023).

[60] *Lardy N.R.* Housing Turns the Corner in China, But Challenges Remain // Petersen Institute for International Economics: [site]. 2024. January 26. URL: https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/2024/housing-turns-corner-china-challenges-remain (accessed: 07.09.2024).

[61] China is Trying New Ways of Skimming Housing-Market Froth. The Party Wants People to Rent // The Economist: [site]. 2018. February 15. URL: https://www.economist.com/china/2018/02/15/china-is-trying-new-ways-of-skimming-housing-market-froth (accessed: 12.09.2024).

[62] Urban Real Estate Administration Law (2019) // China Laws Portal — CJO: [site]. URL: https://www.ru.chinajusticeobserver.com/law/x/urban-real-estate-administration-law-20190826 (accessed: 10.10.2023).

[63] The Construction Sector in China. Op. cit. P. 11.

[64] Boosting Consumption and Investment for a Stable and High-Quality Economy // The People's Bank of China: [site]. 2022. May 30. P. 5. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3935690/3935759/4596128/2022070610162770122.pdf (accessed: 19.08.2024).

[65] The Construction Sector in China. Op. cit. P. 7.

[66] Challenges and Reforms in Urban Governance. Op. cit. P. 178.

[67] *Lin Shuanglin*. Op. cit. P. 209.

[68] *Орлик Т.* Китай: пузырь, который никогда не лопнет? Цит. соч. С. 163.

[69] National Economy Maintained the Momentum of Stable and Sound Development and Exceeded the Expectation // National Bureau of Statistics of China: [site]. 18.01. 2018.

URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201801/t20180118_1574943.html (accessed: 12.09.2023).

[70] Challenges and Reforms in Urban Governance. Op. cit. P. 176.

[71] *Чун Яту*. Трехлетний штурм твердыни // Китай. 2018. № 1 (147). С. 44.

[72] China is Trying New Ways of Skimming Housing-Market Froth. Op. cit.

[73] Land Administration Law of the People's Republic of China: Promulgating Date: 2019. August 26 // ADB Knowledge Events: [site]. 2020. January 1. URL: https://events.development.asia/system/files/materials/2020/01/202001-prc-land-administration-law-peoples-republic-china.pdf (accessed: 10.10.2023).

[74] *Новоселова Л.* Новейшие преобразования налогово-бюджетной системы КНР в интересах социально-экономического развития страны // Рос. эконом. журнал. 2016. № 1. С. 76–77.

[75] *Zhou Zhihua*. China's Latest Housing Boom. Op. cit.

[76] The New Journey of China's Economic and Social Development. Op. cit. P. 476.

[77] *Новоселова Л.В.* Строительство жилья в КНР: потребности и реальность // 40 лет экономической реформы в КНР / Отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 31.

[78] China Faces its Future of Urbanization // Stanford: [site]. 2017. May 1. URL: https://fsi.stanford.edu/news/china-faces-its-future-urbanization (accessed: 07.10.2023).

[79] The New Journey of China's Economic and Social Development. Op. cit. P. 462.

[80] *Чжоу Е*. Цит. соч.

Глава 7

Экономическая открытость нового типа

Являясь крупнейшим производителем промышленной продукции и главной торговой державой мира, занимая лидирующие позиции в мировой иерархии международных инвесторов, а также в перечне основных реципиентов иностранного капитала, КНР оказывает существенное влияние на характер международного разделения труда и формирование глобальных цепочек создания стоимости. Основные принципы «новой парадигмы глобализации», провозглашаемой руководством Китая, декларируют мирное сотрудничество, открытость и инклюзивность делового взаимодействия, обоюдное обучение и взаимную выгоду и тем самым в перспективе предполагают преодоление проблем и противоречий современной модели глобализации, основанной на традиционном балансе сил. Воплощение этих принципов в жизнь, равно как и в целом их практическая осуществимость во многом зависят от намерений и действий самого Китая как важнейшего игрока на международном рынке капитала.

Задуманный в КНР переход от статуса «мастерской мира» к статусу «творческой лаборатории мира» предполагает, в частности, увеличение доли страны в общемировом производстве высокотехнологичной и инновационной продукции. Выполнение этой задачи тесно связано с привлечением из-за рубежа инвестиций и передовых технологий, а значит — с продолжением и дальнейшим совершенствованием политики экономической открытости. Вот одно из многих высказываний лидера КНР Си Цзиньпина по этому поводу: «Открытость ведет к прогрессу, а замкнутость — к отсталости, — заметил он, выступая в октябре 2017 г. на XIX съезде КПК, обозначившем направление развития Китая на следующие тридцать с лишним лет. — Открытые двери Китая не закроются, они будут распахиваться все шире»[1]. В этой связи перед страной поставлена задача «формирования новой архитектоники всесторонней открытости».

Привлечение иностранного капитала

За 40 с лишним лет осуществления глубоких рыночных преобразований экономики привлечение иностранных инвестиций приобрело важное значение в эконо-

мическом и социальном развитии Китая, являясь неотъемлемым компонентом инвестиционной стратегии страны. Базовые, исходные предпосылки привлекательности КНР как реципиента иностранного капитала хорошо известны. Это поддержание в стране высокого уровня социально-экономической и политической стабильности, наличие емкого внутреннего рынка, а также дешевой и обильной рабочей силы. К концу 2021 г. в КНР учреждено около 1,1 млн совместных и полностью иностранных предприятий, а размеры накопленных иностранных инвестиций превысили 2,6 трлн долл. В условиях нынешней мировой турбулентности экономика Китая сохраняет привлекательность для иностранных вкладчиков капитала, принимая примерно 10% общего объема трансграничных инвестиций в мире.

Правовая основа. Право иностранных компаний и предпринимателей совершать капиталовложения в китайскую экономику закреплено в принятой в 1982 г. Конституции КНР (ст. 18) и изначально было регламентировано тремя так называемыми иностранными законами — Законом о совместных предприятиях с участием китайского и иностранного капитала (1979 г.), Законом об иностранных предприятиях (1986 г.) и Законом о кооперационных предприятиях с участием иностранного капитала (1988 г.)[2].

На этой основе к началу второго десятилетия XXI в. Всекитайским собранием народных представителей (далее — ВСНП), Госсоветом КНР, центральными министерствами, а также местными органами законодательной и исполнительной власти принято в общей сложности свыше тысячи нормативных актов, всесторонне регулирующих деятельность иностранных предпринимателей. В КНР запрещена национализация иностранных активов, за исключением особых случаев, связанных с национальной безопасностью либо реализацией крупных инженерно-строительных объектов в общественных интересах. При этом предусматривается выплата иностранному инвестору соответствующей компенсации.

Порядок применения режима наибольшего благоприятствования, разрешения споров, разногласий и т.п. дополнительно конкретизирован в многочисленных международных договорах. Это прежде всего двусторонние инвестиционные соглашения КНР со 145 зарубежными странами и территориями, включая, в частности, Великобританию, Канаду, Францию, Германию, Японию, Мексику, Республику Корея, Иран, Израиль, Турцию, а также Российскую Федерацию, Украину, Беларусь, Грузию, Эстонию, Армению, Азербайджан, Узбекистан и т.д. Особым случаем является двустороннее соглашение о поощрении и защите инвестиций между КНР и Тайванем, заключенное в контексте наблюдавшегося с 2008 г. улучшения отношений между ними.

Основная цель этих соглашений состоит в том, чтобы в соответствии с международным правом гарантировать иностранным инвесторам защиту в случаях, когда им приходится сталкиваться с такими проблемами, как экспроприация, дискриминация, несправедливое обращение, убытки в результате конфликтов, войн и раздоров или ограничения в трансграничном переводе средств, связанных с инвестициями. По общему числу таких документов Китай опережает все прочие страны мира.

В XXI в. Китай следует общемировой практике, расширяя заключение более детализированных «преференциальных торговых и инвестиционных соглашений»,

таких как соглашения о свободной торговле, в текст которых включен раздел об инвестициях. По состоянию на начало 2023 г. Китай имел 16 таких международных соглашений с АСЕАН, Австралией, Сингапуром, Швейцарией, Новой Зеландией, Эквадором, Пакистаном и т.д. Еще 10 соглашений (с Японией, Шри-Ланкой, Норвегией, Молдовой и др.) находились в процессе переговоров[3].

После присоединения к ВТО Китай предпринимает постоянные усилия для поддержания интереса иностранных инвесторов к своей экономике. В марте 2002 г. Госсовет КНР выпустил указание, регламентирующее дальнейшее развитие сотрудничества КНР с иностранными инвесторами. На этом основании, в частности, были внесены изменения в закон о совместных предприятиях с участием китайского и иностранного капитала и закон о кооперационных предприятиях с участием иностранного капитала, отменяющих целый ряд эксклюзивных требований, применявшихся к ним ранее. В числе отмененных правил такие чувствительные для иностранных инвесторов моменты, как самостоятельное обеспечение баланса платежей и поступлений в иностранной валюте, приоритетное использование китайского сырья при производстве готовой продукции, обязательное информирование соответствующих госорганов о своей производственной программе и т.д.

С 2004 г. существенно расширены возможности иностранных предпринимателей в розничной и оптовой торговле КНР, куда они прежде допускались исключительно на правах миноритарных акционеров. Снимая это ограничение, а также существенно снижая требования к размерам уставного капитала иностранных предприятий торговли, Китай, помимо прочего, открыл для них экспортно-импортные операции, агентскую, комиссионную, брокерскую, дистрибьюторскую и аукционную деятельность. В 2003–2005 гг. иностранные компании были поэтапно допущены ко всем направлениям страхового бизнеса на территории КНР, включая операции по страхованию жизни. В 2004–2006 гг. был значительно смягчен операционный режим для иностранных кредитно-финансовых учреждений касательно процедур утверждения и государственной регистрации, требований к размерам операционного капитала для проведения сделок в юанях, расширения филиальной сети и т.д. Все это отражало обязательства, принятые КНР при присоединении к ВТО[4].

Одновременно Китай провел значительную либерализацию законодательства, регламентирующего деятельность иностранных инвесторов на внутреннем рынке капитала. В 2006 г. под эгидой Министерства коммерции КНР, Комитета Госсовета по контролю и управлению государственным имуществом, Государственного управления промышленности и торговли, Комитета по контролю за ценными бумагами и Государственного управления валютного контроля взамен действовавших ранее временных правил вышло Положение о слияниях и поглощениях между китайскими и иностранными компаниями.

Тем самым зарегистрированные в КНР компании иностранного капитала получили легальную возможность осуществлять сделки слияния и поглощения (*англ.* Mergers and Acquisitions, M&A) с китайскими предприятиями любой формы собственности, полностью или частично выкупив их акционерный капитал либо активы. Разрешены также трансграничные M&A-сделки посредством обмена акциями между китайскими и иностранными партнерами. При этом особое внимание уделяется

обеспечению справедливой цены сделок. Оценка бизнеса и активов китайских компаний должна производиться профессиональными оценщиками, а передача активов по цене «существенно ниже» оценочной стоимости не допускается. Доля участия иностранного инвестора в капитале предприятия, создаваемого на основе M&A-сделки, как правило, не должна быть ниже 25%[5].

Ряд статей Положения обусловлены опасениями китайской стороны относительно получения компаниями, возникающими в результате трансграничных M&A-сделок, чрезмерной власти на рынке. Результатом этого, как известно, бывает установление монопольно высоких цен, распространение ограничительной деловой практики, применение «недружественных» поглощений, а равно и других «силовых» способов устранения конкурентов. Необходимость усиления государственного регулирования и контроля трансграничных M&A-сделок с целью недопущения монополизации отдельных секторов внутреннего рынка крупными транснациональными корпорациями и обеспечения экономической безопасности страны была подчеркнута на IV сессии ВСНП 10-го созыва (март 2006 г.) В этой связи в КНР трансграничные M&A-сделки подлежат специальному административному контролю в тех случаях, когда: а) какая-либо из сторон сделки имеет годовой оборот свыше 1,5 млрд юаней; б) компания–участник сделки в течение года поглотила более 10 предприятий аналогичного профиля; в) участник сделки контролирует 20% китайского рынка, а также если сделка ведет к появлению компании, контролирующей по меньшей мере 25% соответствующего рынка в Китае[6].

В таких случаях Министерство коммерции и Государственное управление промышленности и торговли (с 2018 г. — Главное государственное управление по регулированию рыночной деятельности) могут инициировать антимонопольное расследование и отменить совершение сделки при выявлении фактов чрезмерной монополизации рынка, несправедливой конкуренции и нарушения прав потребителей. Впрочем, в порядке исключения совершение таких сделок допускается, если их результатом является реорганизация убыточного предприятия и сохранение рабочих мест; внедрение передовой технологии и повышение международной конкурентоспособности предприятия; улучшение окружающей среды[7].

Каждая M&A-сделка между китайским и иностранным предприятиями подлежит одобрению Министерством коммерции КНР либо его местным отделением и предполагает наличие у иностранного инвестора удовлетворительного для китайских властей плана трудоустройства (переподготовки) персонала поглощаемого китайского предприятия либо выплаты высвобождаемым работникам соответствующей компенсации. Адресный государственный контроль (вплоть до запрета соответствующих операций) установлен за сделками слияний и поглощений в случаях, если они осуществляются в ключевых отраслях китайской экономики, влияют на экономическую безопасность страны либо затрагивают права собственности на известные китайские бренды[8].

В целом вышеупомянутое Положение регламентирует, придает прозрачность и тем самым существенно облегчает приток в КНР иностранных инвестиций посредством приобретения и реструктуризации действующих китайских предприятий, что намного дешевле и проще, чем начинать новый бизнес «с нуля». На практике

это не возбранялось и ранее, но в силу многочисленных «правовых пустот», открывавших возможность для произвольных манипуляций собственностью, иностранные инвесторы отдавали предпочтение созданию новых компаний. В 2001–2002 гг. трансграничные M&A-сделки по своим размерам соответствовали лишь 6% валового притока прямых иностранных инвестиций в Китай[9]. В итоге, нивелируя обособленность сектора иностранного предпринимательства на китайском рынке капитала, Положение о слияниях и поглощениях придало дополнительный импульс притоку иностранных инвестиций в Китай, направляя их в приоритетные для китайской стороны проекты реструктуризации и оживления многочисленных государственных предприятий.

В документах 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.), содержащих программу всестороннего рыночного реформирования китайской экономики на обозримую перспективу, помимо прочего, была поставлена задача унификации правового положения предприятий иностранного капитала с собственно китайскими компаниями. Декларируется намерение распространить национальный режим не только на деловую активность совместных и иностранных предприятий, но и на сам процесс их создания с обеспечением равного с китайскими компаниями «доступа к рынку», включая участие в акционировании государственных предприятий.

В соответствии с этими планами в марте 2019 г. после десяти лет законотворческой работы на II сессии ВСНП 13-го созыва был принят Закон КНР об иностранных инвестициях, вступивший в силу с 1 января 2020 г. и заменивший три упомянутых выше «иностранных» закона, принятых на начальном этапе политики открытости. Уделяя основное внимание не столько правовому регулированию иностранных капиталовложений как таковых, сколько детальной регламентации деятельности конкретных предприятий, указанные законы устанавливали различные правила и нормы, касающиеся создания, организации, управления, функционирования и закрытия предприятий иностранного капитала, которые, в свою очередь, варьировались от одного типа предприятий к другому. В целом по сравнению с собственно китайскими компаниями иностранным инвесторам предоставлялась меньшая степень хозяйственной самостоятельности.

Со временем по мере укрепления рыночных основ китайской экономики, развития и совершенствования правовой системы страны содержание этих законов было во многом «перекрыто» положениями других нормативных актов КНР (Закон о компаниях, Закон о товариществах, общие принципы гражданского законодательства и т.д.), а в ряде случаев эти положения даже вступили в противоречие с «иностранными» законами[10]. В этих условиях китайский Закон об иностранных инвестициях (далее — Закон) призван гармонизировать правовой статус различных предприятий иностранного капитала, а также систему корпоративного управления ими с развитием национального законодательства.

Являясь базовым правовым актом, определяющим общие основы управления и стимулирования иностранных инвестиций, новый закон не рассматривает организационную форму и корпоративную структуру предприятий в качестве основного предмета своего нормативного содержания. Это унифицирует порядок работы

предприятий иностранного капитала и является важным шагом в распространении на них национального режима.

Закон предусматривает существенные изменения по целому ряду аспектов политики привлечения иностранного капитала. Прежде всего расширяется перечень деловых операций, рассматриваемых в качестве иностранных инвестиций. Иностранные физические и юридические лица имеют право создавать в Китае принадлежащие им предприятия и реализовывать инвестиционные проекты. В соответствии с действующим законодательством такие предприятия могут учреждаться в форме акционерного общества и компании с ограниченной ответственностью, а также в форме полного товарищества и товарищества с ограниченной ответственностью. Помимо создания предприятий в состав иностранной инвестиционной деятельности включено приобретение иностранными физическими и юридическими лицами акций, собственности или «других аналогичных прав и интересов» на предприятиях КНР[11]. Тем самым статус иностранных инвестиций распространяется не только на сделки слияний и поглощений, но и на осуществление иностранным инвестором эффективного контроля над китайским предприятием посредством обременения его определенными контрактными обязательствами или трастовыми соглашениями. Соответственно расширяется и круг зарубежных инвесторов.

Рассматриваемый Закон имеет рамочный характер и предполагает последующую конкретизацию подзаконными актами, многие из которых, включая изданное Госсоветом КНР «Положение о применении Закона об иностранных инвестициях», также вступили в силу с начала 2020 г. Содержание этих юридических документов ориентировано на формирование в Китае справедливой конкурентной рыночной среды, в рамках которой иностранные инвесторы обладали бы такими же, как и их китайские коллеги, возможностями с точки зрения доступа на рынки, поощрения и защиты инвестиций, а также управления ими.

В этой связи Закон придает большое значение стимулированию иностранных инвестиций. Установлено, в частности, что меры государственной поддержки, направленные на развитие в стране деловой активности и предпринимательства отныне должны в равной степени распространяться как на собственно китайские предприятия, так и на компании с иностранным участием. Таким образом иностранные инвесторы теперь могут рассчитывать на участие в государственных программах льготного кредитования, получение государственных субсидий, дополнительных налоговых послаблений и т.д.

Предприятиям с иностранными инвестициями наравне с национальными компаниями разрешается участие в работе государственных органов по совершенствованию технического регулирования в промышленности и установлению отраслевых стандартов. Тем самым иностранные компании допускаются к формированию требований государства к техническому уровню и качественным параметрам выпускаемой ими продукции. Товары и услуги предприятий с иностранными инвестициями, произведенные в КНР, допускаются к участию в тендерах, проводимых в рамках осуществления закупок для государственных нужд. Все это создает возможность дальнейшего укрепления позиций иностранных предпринимателей на китайском рынке и расширяет сбытовые каналы для их продукции.

Наконец, в соответствии с Законом иностранные компании впервые получили право осуществлять публичное размещение своих ценных бумаг (акции, корпоративные облигации и иные финансовые инструменты) на фондовом рынке Китая, тем самым непосредственно подключаясь к использованию его инвестиционного потенциала[12].

Одновременно положения Закона призваны содействовать решению целого ряда чувствительных вопросов, долгое время вызывавших беспокойство и озабоченность зарубежных вкладчиков капитала и связанных прежде всего с юридической защитой их собственности, прав и интересов.

В частности Закон и Положение о его применении подтверждают, что Китай может экспроприировать иностранные инвестиции только при особых обстоятельствах и в целях общественного интереса. Экспроприация осуществляется в соответствии с юридическими процедурами на недискриминационной основе и предполагает своевременную выплату иностранному инвестору справедливой компенсации, основанной на рыночной стоимости его активов.

Закон гарантирует что капиталовложения иностранных инвесторов, полученная ими прибыль, прирост капитала, доходы от продажи активов, поступления от передачи прав интеллектуальной собственности, компенсации или возмещение, полученные в соответствии с китайским законодательством, могут свободно переводиться как в пределах КНР, так и за границу в юанях или в иностранной валюте.

В соответствии с Законом права интеллектуальной собственности, принадлежащие иностранным инвесторам и компаниям, подлежат защите со стороны государства. Административным органам КНР и их сотрудникам предписывается не разглашать и не делиться с третьими лицами полученной при исполнении служебных обязанностей конфиденциальной коммерческой информацией, имеющей отношение к иностранным инвесторам и их предприятиям.

Установлено также, что органы государственного управления не должны применять средства административного воздействия к иностранным компаниям для принуждения последних к передаче технологии[13]. Стимулируя расширение притока иностранного капитала в Китай, юридическое закрепление запрета на принудительный трансферт технологии призвано способствовать привлечению в страну компаний и инвесторов, оперирующих в высокотехнологичных отраслях экономики и делающих акцент на инновациях и их практическом применении.

Государство учреждает институциональный механизм для приема и рассмотрения жалоб и апелляций, подаваемых предприятиями с иностранными инвестициями в связи с нарушением их законных прав и интересов.

Уравнивая юридический статус предприятий иностранного капитала с положением собственно китайских компаний, нормы Закона в конечном итоге должны заметно облегчить для зарубежных инвесторов прохождение различных административных процедур, связанных с работой на рынке КНР.

Вместе с тем предприятия, созданные ранее в соответствии с уже утратившими силу тремя «иностранными» законами, должны осуществить преобразование своей организационной формы, корпоративного управления и стандартов деловой активности, приведя их в соответствие с требованиями закона КНР о компаниях или за-

кона КНР о товариществах. При этом совместным предприятиям прежнего образца придется столкнуться с весьма серьезными задачами, включая внесение изменений в учредительные документы, модификацию существующих органов управления и надзора, расширение их полномочий, корректировку правил и процедур голосования и т.д. На решение этих вопросов законодательством КНР отводится максимум пять лет с момента вступления нового Закона в силу[14].

В целом, свидетельствуя о стремлении руководства КНР выйти на новый уровень институциональной открытости экономики с созданием в ней бизнес-среды мирового класса, Закон об иностранных инвестициях предоставляет предприятиям иностранного капитала национальный статус на всех стадиях инвестиционного процесса и тем самым открывает перспективу еще более тесного делового взаимодействия Китая с внешним миром.

Инвестиционное администрирование. С самого начала реформы экономической системы в Китае действовал разрешительный порядок создания совместных и иностранных предприятий, при котором любой инвестиционный проект обретал «право на жизнь» лишь после одобрения его соответствующим государственным органом. Тем самым, руководствуясь приоритетами промышленной (структурной) политики, правительство определяло как наиболее предпочтительные, так и подлежащие ограничению сферы приложения иностранного капитала. В зависимости от размера инвестиций одобрение инвестиционного проекта государством происходило в центре либо на местах, требовало прохождения в общей сложности семи административных инстанций и, соответственно, немалых затрат времени (от одного до трех месяцев и более)[15]. При этом общей тенденцией, особенно после присоединения КНР к ВТО, являлась последовательная децентрализация управления инвестициями с передачей все более широких полномочий местным органам власти.

Так, в рамках циркуляра Госсовета об углублении реформы инвестиционной системы (июль 2004 г.) полномочия провинциальных властей по утверждению проектов, предусматривающие привлечение иностранных инвестиций, были увеличены с 30 до 100 млн долл.[16]. В ноябре 2014 г. в 23 из 50 укрупненных секторов экономики полномочия ГКРР в части утверждения проектов с иностранным капиталом были переданы с центрального на местный уровень. Одновременно правительства провинций получили право самостоятельно рассматривать и утверждать инвестиционные проекты с долей иностранного участия до 300 млн долл.[17]. Принятые меры, по оценке ГКРР, позволили на 76% уменьшить количество инвестиционных проектов, требующих утверждения на центральном уровне.

В целом по состоянию на начало второго десятилетия XXI в. проекты с иностранными инвестициями в размере до 300 млн долл. подлежали утверждению провинциальными отделениями ГКРР, проекты от 300 млн долл. до 2 млрд долл. утверждались ГКРР, а проекты в 2 и более млрд долл. помимо этого требовали одобрения Госсовета КНР[18].

В апреле 2002 г. Министерство коммерции КНР (тогда — Министерство внешнеэкономических связей и внешней торговли) совместно с ГКРР (тогда — Госплан КНР) приступили к изданию обновляемого каждые два года «Каталога отраслей для управления иностранными инвестициями», который заменил действовавшее

с 1997 г. «Временное руководство по отраслям, открытым для иностранных инвестиций»[19]. Являясь важным инструментом национальной структурной политики, указанный каталог содержит детализированный перечень отраслей и видов хозяйственной деятельности, иностранные инвестиции в которых разрешаются, поощряются, ограничиваются или запрещаются государством.

При этом государственному регулированию подлежит не только сам перечень отраслей, но и ряд более частных параметров, включая форму приложения иностранного капитала, наличие китайских партнеров в числе акционеров предприятия, ограничение доли иностранного участия в его капитале уровнем до 50% и т.п. Компании иностранного капитала, оперирующие в отраслях, подлежащих поощрению со стороны государства, могут претендовать на получение определенных льгот и преференций, например, на освобождение от таможенных пошлин при импорте производственного оборудования[20].

Отражая обязательства КНР при вступлении в ВТО, первая же редакция упомянутого Каталога внесла кардинальные изменения в состав и соотношение отраслей различных категорий. Число поощряемых отраслей было увеличено с 86 до 262, а число отраслей, где приложение иностранного капитала подлежит ограничению, сокращено со 112 до 75[21]. Согласно новому Каталогу, был впервые открыт доступ для зарубежных инвесторов к таким прежде закрытым для них отраслям, как телекоммуникации, городское газоснабжение, теплоснабжение, водоснабжение и др. Кроме того, был расширен доступ для зарубежных предпринимателей к таким сферам, как банковские операции, операции на фондовом рынке, страхование, торговля, туризм, транспорт и т.д. Наконец, был предусмотрен специальный режим поощрения для инвестиций в приоритетные для КНР отрасли Западных районов страны. Производство обычной промышленной продукции отнесено к числу сфер, где разрешено вложение иностранного капитала.

К числу поощряемых были отнесены инвестиции в такие сферы, как:

— преобразование традиционных отраслей сельского хозяйства, развитие современных отраслей сельского хозяйства, агропромышленный комплекс;
— транспорт, энергетика, инфраструктурное строительство;
— электроника, информатика, биотехнологии, производство новых материалов, авиационно-космическая промышленность и другие отрасли высоких технологий;
— техническая реконструкция предприятий машиностроения, легкой и текстильной промышленности;
— проекты комплексного использования природных ресурсов, промышленных отходов, проекты по охране окружающей среды, городское строительство;
— развитие экспорта[22].

Во второй половине 2010-х годов к числу поощряемых относился широкий круг современных стратегических отраслей (энергосбережение и развитие альтернативной энергетики, природоохранные технологии, информационные технологии нового поколения, биотехнологии, производство передового технологического оборудова-

ния, новых материалов и т.д.), а также сфера услуг, привлекающая повышенное внимание государства в связи с общей ориентацией на повышение емкости внутреннего рынка. В этой связи особый акцент делается на развитии образования, туризма, бухгалтерского учета и аудита, строительного дизайна, банковских, страховых, пенсионных и брокерских услуг и т.д.

В поощряемых отраслях правительство стремится не только получить максимальный эффект от использования иностранного капитала и технологий, но и распространить его на экономически отстающие регионы. С этой целью дополнительно издается и регулярно обновляется «Каталог приоритетных отраслей для приложения иностранного капитала в Центральных и Западных районах КНР».

Китай прибегает к ограничению, а подчас и к запрету иностранных инвестиций в отраслях, развитие которых связано с национальной безопасностью, а также «не соответствует общественным интересам» либо приоритетам промышленной политики. Приток иностранного капитала ограничивается в тех секторах и отраслях экономики, где Китай стремится преобразовать перспективные отечественные предприятия в конкурентоспособные на международном рынке транснациональные компании, а также в секторах, традиционно развивающихся на основе государственной монополии. Ограничиваются и вложения иностранного капитала в энерго- и ресурсоемкие отрасли промышленности, наносящие ущерб окружающей среде[23].

Учреждение полностью иностранных компаний в указанных отраслях исключено, иностранные инвестиции допускаются только при создании предприятий совместно с китайскими партнерами. В некоторых отраслях (сооружение и эксплуатация АЭС и гражданских аэропортов, внутренний водный транспорт и т.д.) данное ограничение дополнительно усиливается требованием обеспечения контроля китайского партнера над деятельностью таких предприятий за счет наличия у него контрольного пакета акций, превалирующего паевого взноса в капитал предприятия и др. В ряде других отраслей (автомобилестроение, страхование, торговля ценными бумагами и др.) ограничению подлежит максимальная доля иностранного участия в капитале совместного предприятия[24].

С выпуском каждой новой редакции Каталога круг полностью или частично «закрытых» отраслей, в той или иной степени сокращался, все шире открывая рынок КНР для иностранных инвесторов. Осуществляемая в этой сфере политика китайского руководства предусматривает, в частности, перспективу «неуклонного открытия» для зарубежных инвесторов банковского сектора, страхования, телекоммуникаций, топливной промышленности, а также «постепенное открытие» сферы образования, здравоохранения, культуры, туризма[25]. В марте 2015 г. в соответствии с очередной обновленной редакцией отраслевого инвестиционного каталога число отраслей с ограниченным доступом зарубежных инвесторов сокращено с 79 до 38, а число отраслей, предполагающих обязательное наличие контрольного пакета у китайского партнера в СП, — с 44 до 35[26]. При этом если в 2015 г. к числу «закрытых» для иностранного капитала относилось 33% классифицируемых в КНР отраслей и видов хозяйственной деятельности, то в 2017 г. — лишь 10%.

Начиная с 2019 г. логическим развитием этой тенденции стал переход Китая к управлению иностранными инвестициями на основе так называемого негативного

списка, содержащего исчерпывающий перечень отраслей и видов хозяйственной деятельности, доступ к которым для иностранных инвесторов подлежит запрету, ограничению или же обусловлен выполнением некоторых особых требований. Юридический статус «негативного списка» получил закрепление в распоряжении Госсовета КНР «Специальные административные меры для допуска иностранных инвестиций» (июнь 2019 г.), а также в новом законе об иностранных инвестициях.

Главным нововведением при этом является применение в непоименованных в «негативном списке» сферах экономики уведомительного порядка создания компаний иностранного капитала[27]. Тем самым подавляющему числу иностранных вкладчиков капитала был предоставлен национальный режим на предынвестиционной стадии инвестиционного цикла. Это означает регистрацию создаваемых в Китае иностранных компаний без предварительного одобрения со стороны государства в отраслях и сферах экономической деятельности, открытых для частного предпринимательства. При этом необходимо представить в органы государственного управления стандартный набор документов.

Регистрация компаний осуществляется созданным в 2018 г. Главным государственным управлением по регулированию рыночной деятельности (ранее — Государственное управление промышленности и торговли) на основе представления устава и бизнес-плана компании, а также сведений о названии компании, ее учредителях, уставном капитале и объеме предполагаемых инвестиций, юридическом адресе, избранных сферах деятельности, предполагаемом количестве работников. В целях ускорения и упрощения процедуры регистрации компаний иностранного капитала предусмотрена возможность ее прохождения в режиме онлайн, при этом по опыту ряда китайских городов затраты времени сокращаются до одной недели[28]. На основании полученного разрешения на ведение коммерческой деятельности в Китае происходит открытие банковских счетов, регистрация в налоговой и таможенной службах, органах валютного контроля, Государственном статистическом управлении.

Предприятиям, создаваемым в отраслях вне «негативного списка» на инвестиционных площадках, не обеспеченных инфраструктурой (так называемые гринфилд-проекты), для регистрации помимо обычного набора документов необходимо заблаговременно запастись разрешениями Министерства природных ресурсов и Министерства экологии и окружающей среды. Кроме этого, в ряде случаев (например, при осуществлении экспортно-импортных операций) требуется получение соответствующих отраслевых бизнес-лицензий.

Что касается самого «негативного списка» для допуска иностранных инвестиций, т.е. ежегодно составляемого и обновляемого ГКРР и Министерством коммерции перечня отраслей, где приложение иностранного капитала запрещено либо ограничено и где для создания иностранных компаний по-прежнему требуется предварительное разрешение ГКРР или Госсовета КНР, то этот перечень продолжает сокращаться, составив в 2019 г. лишь 40 наименований против 166 в 2015 г.*.

* В сфере услуг, в частности, для иностранных инвесторов с 2017 г. открыты: автомобильные пассажироперевозки, погрузочно-разгрузочные работы, рейтинговые услуги и оценка кредитоспособности, бухгалтерский учет и аудит, строительство и эксплуатация сельскохозяйственных оптовых рынков; в обрабатывающей промышленности — производство железнодорожного обо-

В частности, продолжает действовать запрет на вложение иностранного капитала в добычу и обогащение редкоземельных металлов и радиоактивных минералов, производство препаратов традиционной китайской медицины, оптовую и розничную торговлю табаком и табачными изделиями, почтовую и курьерскую связь, книгоиздание, создание радио- и телевизионных компаний и программ, информационных агентств, средств массовой информации (включая интернет), кинокомпаний, исследовательских институтов в области гуманитарных и общественных наук, проведение социальных опросов и т.д.[29].

Различного рода административным ограничениям и, соответственно, государственному утверждению инвестиционных проектов подлежит деятельность иностранных инвесторов в сфере телекоммуникаций, авиационного транспорта и строительства гражданских аэропортов, сооружении атомных электростанций, управлении коммунальными сетями, создании судоходных компаний, маркетинга, здравоохранения и т.д.

В целом из 50 укрупненных отраслей экономики больше половины общего числа мер специального административного регулирования приходится на четыре основные сферы: транспорт и связь, обрабатывающую промышленность, финансовый сектор, а также культуру и спорт. Таким образом, государственный контроль распространяется прежде всего на стратегические отрасли, важные с точки зрения обеспечения национальной безопасности, включая и ее идеологическую составляющую.

В 2020–2022 гг. в рамках противодействия экономическому спаду, явившемуся следствием распространения коронавирусной инфекции, Китай предпринял дальнейшие шаги по открытию своей экономики с целью активизации притока иностранных инвестиций. Количество отраслей, включенных в «негативный список», было уменьшено до 33, а затем и до 31 позиции.[30] Снятие или смягчение инвестиционных ограничений затронули торговлю ценными бумагами, управление инвестиционными фондами, производство пассажирского автотранспорта, семеноводство, отдельные сегменты коммунального хозяйства и традиционной китайской медицины, внешкольное образование и др.[31].

Сокращение сферы действия разрешительного порядка создания иностранных компаний, формирование более удобной, эффективной и прозрачной системы управления инвестициями означает для иностранных инвесторов бóльшую определенность и предсказуемость бизнес-процессов с меньшим количеством рисков и неожиданных сбоев.

Одновременно с переходом к регулированию притока иностранных инвестиций на основе «негативного списка» ГКРР и Министерством коммерции КНР приступи-

рудования, морского инженерного оборудования, судовых дизельных двигателей, разработка и производство спутников, электромобилей и т.д.; в добывающей промышленности — добыча сланцевой нефти и газа, драгоценных металлов, редкоземельных элементов и т.п. См.: China Outlook 2016. Beijing: KPMG, 2016. P. 48. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2016/03/china-outlook-2016.pdf (accessed: 07.03.2024); New China Negative List for Foreign Investment Modifies Sectoral Restrictions // China Tax Alert. 2017. June. Issue 21. P. 2–3. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2017/06/china-tax-alert-21.pdf (accessed: 12.11.2023).

ли к изданию регулярно обновляемого «Каталога отраслей, поощряемых к привлечению иностранных инвестиций» (далее — Каталог), заменившего издававшиеся в прежние годы «Каталог отраслей для управления иностранными инвестициями» и «Каталог приоритетных отраслей для приложения иностранного капитала в Центральных и Западных районах КНР». Содержание нового Каталога согласуется с планами Китая по привлечению иностранных инвестиций в высокотехнологичное промышленное производство, бизнес-ориентированные отрасли сферы услуг, а также с ускоренным развитием передовых отраслей в Центральном, Западном и Северо-Восточном регионах страны. Хорошие возможности для развития иностранного предпринимательства создаются также в отраслях, связанных с развитием сельского хозяйства, промышленной, транспортной, торговой и социальной инфраструктуры в сельских районах, охраной окружающей среды, здравоохранением, уходом за людьми старшего возраста, спортом и профессиональным образованием.

О степени детализированности бизнес-среды для иностранных вкладчиков капитала свидетельствует тот факт, что в каталоге, изданном в конце 2022 г., фигурирует 1474 позиции, включая 519 отраслевых и 955 региональных приоритетов инвестирования. Общее число отраслей и видов производства, поощряемых к привлечению иностранных инвестиций, увеличилось на 19% по сравнению с 2020 г. и на 49% по сравнению с 2017 г.[32]. Отражая усилия правительства по выравниванию уровней развития различных регионов страны, в последнее время особенно быстро растет число региональных приоритетов иностранного предпринимательства.

Вместе с тем процесс либерализации инвестиционного климата для иностранных вкладчиков капитала осуществляется весьма осмотрительно, поэтапно, с сохранением как прямых, так и косвенных инструментов страхования интересов государства в данной сфере. В этой связи заслуживает внимания деятельность ГКРР, который в соответствии с принятым в 2008 г. Антимонопольным законом получил полномочия на проведение расследований в области манипулирования ценами. Известно, в частности, что в середине 2010-х годов 78% расследований ГКРР в отношении так называемых вертикальных ценовых сговоров по цепочке «производитель — оптовый продавец — розничный продавец — покупатель» затрагивало деятельность совместных и полностью иностранных предприятий. Этот период времени был ознаменован масштабными расследованиями ГКРР в отношении ценовых сговоров и картельных соглашений, объектами которых стали иностранные компании, работающие главным образом в автомобилестроении, фармацевтической промышленности, производстве медицинского оборудования и сфере высоких технологий.

В результате в сентябре 2014 г. 12 японских производителей запасных частей и автомобилей, включая такие известные компании, как *Hitachi*, *Mitsubishi Electric*, *Sumitomo* и др., были оштрафованы в общей сложности на 1,24 млрд юаней (201,7 млн долл.) за фиксирование цен и нарушение антимонопольного законодательства[33]. Компания *Volkswagen* была оштрафована на 250 млн юаней за «нарушение конкурентной среды и нанесение ущерба потребителям» посредством фиксирования цен на автомобили и их техническое обслуживание с использованием обширной дилерской сети в провинции Хубэй[34]. Крупный производитель микросхем, аме-

риканская компания *Qualcom* в феврале 2015 г. подверглась штрафу в 6 млрд юаней (975 млн долл.) за взимание «несправедливо высоких» лицензионных платежей[35].

Подобная практика вызвала озабоченность у действующих в КНР Американской и Европейской торговых палат, отметивших в своих официальных заявлениях «выборочное и субъективное применение» китайского антимонопольного законодательства с целью оградить отечественные компании от иностранной конкуренции. В Китае, однако, подчеркивают, что иностранное предпринимательство будет и впредь развиваться в строгом соответствии с китайскими законами, основанными на международных принципах справедливой конкуренции и борьбы с коррупцией, что ни в коей мере не противоречит политике совершенствования инвестиционного климата и создания благоприятных условий для ведения бизнеса.

В этой связи новый Закон об иностранных инвестициях предусматривает выполнение предприятиями иностранного капитала ряда дополнительных требований в области раскрытия информации. В их числе направление иностранными компаниями в Министерство коммерции КНР первоначального информационного отчета (при регистрации компании), актуализированного информационного отчета (при любых изменениях инвестиционного проекта) и, наконец, регулярных годовых отчетов о своей операционной деятельности и кредитоспособности[36].

Кроме этого, в соответствии с Законом (ст. 35) государство устанавливает систему проверки безопасности таких иностранных инвестиций, которые могут оказать влияние на состояние национальной безопасности. Согласно «Мерам по обзору безопасности иностранных инвестиций», утвержденным Госсоветом КНР в декабре 2020 г., проверке на предмет безопасности подлежат: (1) инвестиции в оборонную промышленность и поддерживающие ее отрасли, а также инвестиции, реализуемые на территориях, окружающих военные объекты и объекты оборонной промышленности; (2) инвестиции в производство важных сельскохозяйственных продуктов, природных ресурсов и энергоносителей[37]. Реализация этих мер приобретает особое значение в условиях наблюдающегося в последние годы усиления глобальной геополитической напряженности и нарастания торгово-экономических трений между Китаем и его основными деловыми партнерами, и прежде всего США.

Наконец, Закон об иностранных инвестициях предусматривает защиту прав и интересов работников иностранных компаний посредством создания ими профсоюзных организаций, а местные органы управления настоятельно, пусть и неформально, рекомендуют иностранным инвесторам не противодействовать желанию персонала организовать там первичные ячейки КПК.

Стимулирование иностранных инвестиций. Для привлечения инвестиций из-за рубежа в КНР долгие годы используется система инвестиционных преференций, охватывающая широкий круг налоговых, таможенных, административных, финансовых, тарифных и иных льгот. В их числе снижение уровня налогообложения, уменьшение платежей за землеотвод и пользование ресурсами, освобождение от таможенных пошлин, особый режим получения базовых инфраструктурных услуг, субсидирование НИОКР, финансовая поддержка стартапов и т.д.

Вместе с тем в последнее десятилетие Китаю пришлось столкнуться с определенным уменьшением привлекательности своей экономики для иностранных инве-

сторов. Причины этого разнообразны. Это и общее снижение уровня деловой активности в КНР, и увеличение стоимости рабочей силы, и медленные темпы преобразований в государственном секторе китайской экономики, и распространение так называемых безлюдных производственных технологий в странах-инвесторах, и, наконец, растущая конкуренция — как со стороны местных компаний-производителей, так и со стороны соседних стран-реципиентов иностранного капитала. В начале 2020-х годов к этому добавилась проводимая правительством КНР жесткая политика «нулевой терпимости» к распространению пандемии коронавируса COVID-19 с широким распространение карантинных мероприятий, локаутов и т.п.

С учетом вышеизложенного еще в конце 2010-х годов многие иностранные компании, в том числе такие известные, как *Microsoft*, *Sony*, *Panasonic*, *Sharp*, *Revlon*, *Metro AG* т.д., начали переводить свои предприятия из Китая в другие страны Азии — Вьетнам, Индонезию, Малайзию, Камбоджу, Мьянму и др. Как показал опрос, проведенный в Шанхае Американской торговой палатой, несмотря на то что более половины из 307 опрошенных американских компаний сохраняли оптимизм в отношении среднесрочных перспектив своего бизнеса в Китае, 19% компаний-респондентов сократили свои китайские инвестиции в 2022 г. против 10% в 2021 г.[38].

При этом, начиная еще с первого десятилетия XXI в., Китай отдает приоритет качественным показателям иностранных инвестиций по сравнению с их количественными параметрами. В отличие от прежних лет, когда основной упор делался на максимизацию масштабов внешнего инвестирования как такового, основными целями и задачами привлечения иностранного капитала в XXI в. все более становятся освоение передовых технологий и современного управленческого опыта, подготовка отечественных специалистов международного уровня, перенос отраслевых акцентов иностранного предпринимательства с традиционных трудоемких и энергоемких отраслей обрабатывающей промышленности с высоким уровнем загрязнения окружающей среды на современные технологически емкие, энергосберегающие и экологически чистые отрасли (электроника, биотехнологии, телекоммуникации, фармацевтика и т.п.), а также сферу услуг. В этой связи в новом Законе об иностранных инвестициях (ст. 14) закреплено право иностранных инвесторов и предприятий с иностранными инвестициями, оперирующих в определенных отраслях и регионах КНР, пользоваться преференциальным режимом деловой активности «в соответствии с положениями законов, административных правил или постановлений Госсовета».

На общенациональном уровне наиболее привлекательные условия предлагаются иностранным инвесторам в свободных экономических зонах, в приоритетных для государства высокотехнологичных отраслях промышленности и сферы услуг, а также в отстающих по уровню развития районах Центрального и Западного Китая[39]. Кроме того, исходя из особенностей развития отдельных территорий, органы местного самоуправления уровня уезда и выше также предлагают иностранным инвесторам пакеты экономических льгот в рамках собственной компетенции. Эти полномочия местных органов власти также нашли отражение в тексте нового Закона (ст. 18). При этом для получения таких преференций иностранные компании, как правило, должны соответствовать определенным требованиям китайской стороны

в части расширения экспорта, обеспечения заданного уровня локализации производства, передачи современной технологии и т.д.

Наглядным примером применения преференциальной политики в отношении иностранных инвестиций может служить практика налогового стимулирования. С самого начала осуществления экономических реформ и политики открытости появление новых хозяйствующих субъектов в лице совместных и полностью иностранных предприятий потребовало внесения существенных изменений в налоговую систему страны. Именно тогда начали применяться многие элементы гибкой налоговой политики.

С тех пор вплоть до настоящего времени налоговая система КНР постоянно находится в процессе преобразования и усовершенствования. При этом если на первом этапе политики экономической открытости важнейшей задачей являлось максимальное наращивание притока иностранного капитала и продление сроков его размещения на территории КНР, то по мере укрепления рыночных начал в китайской экономике все более актуальными становились вопросы создания равных условий экономической деятельности для всех субъектов рынка, повышения роли рыночных механизмов в распределении ресурсов наряду с упрощением и повышением эффективности самой налоговой системы.

В соответствии с обязательствами КНР при присоединении к ВТО с 2008 г. на предприятия с участием иностранного капитала распространен национальный налоговый режим. Новой редакцией Закона КНР о налоге на прибыль предприятий для китайских и иностранных компаний установлена единая ставка корпоративного подоходного налога в 25% (ранее — 33% для совместных предприятий и от 30 до 50% для полностью иностранных компаний).

Особенностью налогообложения иностранных компаний в КНР является большое разнообразие налоговых преференций. В их числе так называемые налоговые каникулы, применение сниженной ставки налога и дополнительных вычетов из налоговой базы, зачет оговоренных видов расходов в счет уплаты налога, ускоренная амортизация, сокращение налогообложения реинвестируемой прибыли и даже возможность ее полного освобождения от налога на определенный период времени.

Большинство льгот имеет разрешительный характер и их применение зависит от отраслевой принадлежности и территориального размещения объекта налогообложения, масштабов и технологического уровня производства, квалификации производственного персонала и т.п. В частности, ключевые производители программного обеспечения и опытно-конструкторских работ уплачивают налог по ставке 10%; компании новых и высоких технологий, предприятия в экономически отсталых районах Западного и Центрального Китая, а также в национальных автономиях платят корпоративный подоходный налог по ставке в 15%, а низкорентабельные малые предприятия — 20%.

При этом как национальным, так и иностранным компаниям предоставляются налоговые льготы в сельском хозяйстве, лесной промышленности и рыболовстве; это касается и корпораций, реализующих поддержанные государством инфраструктурные проекты (строительство портов, доков, железных дорог, аэропортов, скоростных автомагистралей), а также инвестирующих в охрану труда, защиту окружаю-

щей среды и в мероприятия по энерго- и водосбережению. С 2010 г. возможность двукратного снижения налога распространена на часть малых и микропредприятий[40]. К мерам выборочного стимулирования зарубежных инвесторов относится и предпринятое в декабре 2017 г. временное освобождение от корпоративного подоходного налога реинвестиций иностранных инвесторов при условии их размещения в поощряемых государством проектах (в сфере высококачественного производства, современных наукоемких и интеллектуальных услуг, индустриального дизайна, защиты окружающей среды, энергосбережения и т.д.)[41].

Характерной особенностью налогового регулирования в КНР является максимальная конкретизация критериев инвестиционных льгот с целью ограничения коррупционной емкости разрешительных процедур, о чем подробно говорилось в главе 4. Реализация этого права зависит от решения соответствующих государственных органов[42].

Тем не менее с учетом общего ухудшения бизнес-среды в условиях пандемии коронавируса многие аналитики придерживаются того мнения, что для восстановления доверия иностранных предпринимателей в Китае недостаточно одних лишь традиционных инвестиционных послаблений. В этой связи в октябре 2022 г ГКРР выпустил документ под названием «Несколько мер по стабилизации объема иностранных инвестиций и стимулированию их качества и количества с акцентом на производственный сектор». Помимо налоговых льгот, финансовой поддержки, упрощения землепользования и улучшения деловой среды, в числе этих мер фигурируют ослабление визовых ограничений для въезжающих в Китай руководителей иностранных компаний и членов их семей, устранение связанных с COVID-19 логистических проблем, а также поддержка листинга иностранных компаний на фондовых биржах Китая[43].

В целом изменения, происходящие в юридическом статусе, управлении и стимулировании иностранных инвестиций в КНР, обеспечивают соответствующее продвижение Китая в международном рейтинге благоприятности деловой среды. Эта своеобразная табель о рангах ежегодно составляется Всемирным банком на основе оценки и сопоставления информации о национальных нормах, регулирующих открытие, ведение и ликвидацию бизнеса, по 190 странам мира. Если в 2017 г. Китай занимал в этой международной иерархии 78-ю строчку, то в 2019 г. он обосновался уже на 31-м месте[44]. Все это имеет целью дальнейшее усиление международной конкурентоспособности КНР как страны-реципиента иностранного капитала.

Территории льготного инвестирования. Ключевым инструментом привлечения иностранного капитала в рамках китайской политики открытости является многоуровневая система свободных экономических зон. Первым опытом такого рода явилось создание в 1980 г. в приморских провинциях Китая четырех особых экономических зон (далее — ОЭЗ) с многоотраслевой экономикой и экспортной специализацией. Предоставив иностранным инвесторам многочисленные налоговые, таможенные, валютные, регуляторные и иные льготы и преференции, а также используя мощный деловой потенциал зарубежных китайских общин, ОЭЗ смогли в короткие сроки эффективно развернуть международные потоки капитала в сторону КНР.

За этим последовало расширение круга ОЭЗ, а также повсеместное учреждение разнообразных зон экономического развития. В их числе 14 открытых приморских городов и созданные вокруг них специализированные зоны технико-экономического развития (1984 г.), открытые приморские экономические районы в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян (1985 г.), зоны высоких технологий и технопарки (1988 г.), зоны беспошлинной торговли (1991 г.), зоны приграничного экономического сотрудничества (1992 г.) и т.д. В ноябре 2013 г. на 3-м Пленуме ЦК КПК 18-го созыва были обнародованы планы китайского руководства относительно создания в стране зон льготного инвестирования нового поколения.

Из года в год расширяя географический и территориальный охват районов льготного инвестирования, политика зонирования формирует привлекательную для иностранных инвесторов интернационализированную бизнес-среду. В общей сложности в КНР насчитывается свыше 500 общенациональных свободных экономических зон, а также около 1,2 тыс. зон провинциального подчинения, являющихся, помимо прочего, удобной площадкой для институциональных экспериментов и испытания эффективности новых экономических инструментов и условий сотрудничества с иностранным капиталом[45].

Что касается последнего поколения свободных экономических зон, то оно представлено более чем двумя десятками экспериментальных зон свободной торговли (далее — ЗСТ), первая из которых была учреждена в Шанхае в сентябре 2013 г. В дальнейшем решениями Госсовета КНР были последовательно открыты еще 20 аналогичных территорий льготного инвестирования в провинциях Гуандун (2015 г.), Фуцзянь (2015 г.), Хэнань (2016 г.), Хубэй (2016 г.), Ляонин (2016 г.), Шэньси (2016 г.), Сычуань (2016 г.), Чжэцзян (2016 г.), Хайнань (2018 г., с 2020 г. — порт свободной торговли), Хэйлунцзян (2019 г.), Шаньдун (2019 г.), Цзянсу (2019 г.), Хэбэй (2019 г.), Юньнань (2019 г.), Гуанси-Чжуанский автономный район (2019 г.), а также в трех городах центрального подчинения, включая Тяньцзинь (2015 г.), Чунцин (2016 г.) и Пекин (2020 г.)[46]. Площадь каждой ЗСТ составляет, как правило, 100–120 кв. км. Взятые в совокупности, они занимают 0,4% территории КНР[47].

С учетом особенностей географического положения и экономической специализации того или иного региона каждая ЗСТ имеет собственную целевую модель и стратегию развития. Так, главное назначение ЗСТ в Тяньцзине, одном из четырех городов центрального подчинения на побережье Восточно-Китайского моря, состоит в углублении межрегиональной интеграции в Северо-Восточном Китае в соответствии с «Планом скоординированного развития Пекин–Тяньцзинь–Хэбэй». Речь идет о развитии кластера мегаполисов путем усиления делового взаимодействия предприятий высокотехнологичной промышленности Пекина с транспортной инфраструктурой морского порта Тяньцзиня и традиционными отраслями промышленности провинции Хэбэй.

Ориентированная на усиление интеграции с Гонконгом и Макао Гуандунская ЗСТ объединяет один из городских районов Гуанчжоу, главного города этой приморской провинции в Южном Китае, с промышленным парком Шэкоу в ОЭЗ Шэньчжэнь и районом Хэнцин в ОЭЗ Чжухай. Гуандунская ЗСТ фокусируется на разви-

тии сферы услуг, финансовых рынков, морской международной торговли и таможенного обслуживания.

Основной целью ЗСТ провинции Фуцзянь, расположенной на берегу Тайваньского пролива, является укрепление сотрудничества КНР с Тайванем посредством развития здесь трансграничной электронной торговли, производства высокотехнологичной промышленной продукции, создания совместных финансовых организаций и т.д.[48].

ЗСТ во внутренних провинциях Китая (Хэнань, Хубэй, Шэньси, Сычуань, Юньнань и др.) призваны способствовать подключению этих территорий к выполнению инициированной Си Цзиньпином обширной интеграционной программы «Один пояс, один путь». Здесь делается упор на реализацию инфраструктурных проектов, развитие транспорта, логистики, международной торговли, а также размещение избыточных промышленных мощностей, переносимых сюда из прибрежных районов страны.

ЗСТ в провинции Хэйлунцзян предназначена для качественного улучшения делового взаимодействия с Россией и странами Северо-Восточной Азии на основе развития как традиционных (энергетика, лесное хозяйство, туризм), так и современных наукоемких направлений сотрудничества (производство новых материалов, биотехнологии, экологически чистое промышленное производство)[49].

На основе инвестиционных, торговых, финансовых и регуляторных реформ в ЗСТ создана особо комфортная среда инвестирования и предпринимательства, позволившая уже к началу 2020 г. привлечь свыше 40 тыс. иностранных компаний. Импортируемые в КНР товары могут здесь храниться, обрабатываться и реэкспортироваться без уплаты таможенных платежей. Ставка корпоративного подоходного налога снижена до уровня Гонконга и составляет 16,5%. Именно в ЗСТ было впервые апробировано применение «негативного списка» для иностранных инвестиций, при этом число включенных в него отраслей примерно на 10% меньше, чем на остальной территории Китая.

В ЗСТ облегчены административные процедуры ведения трансграничной торговли на основе «принципа одного окна», сняты ограничения на иностранные инвестиции в банковскую деятельность, страхование, лизинг, некоторые виды телекоммуникационных услуг, образование, медицинские услуги, обеспечен открытый доступ в интернет, разрешена частичная конвертируемость юаня по капитальным операциям, допущено обращение так называемого офшорного юаня и т.д. Все эти нововведения ориентированы на последующее распространение в общенациональном масштабе и тем самым позволяют с большой вероятностью судить об основных направлениях дальнейшего развития политики экономической открытости в целом.

Таким образом, иностранные компании могут заниматься в ЗСТ деятельностью, которая недоступна для них в других частях страны. В частности, с 2022 г. для иностранных инвесторов в ЗСТ открыты все без исключения отрасли обрабатывающей промышленности. Иностранцы даже допущены здесь к проведению социологических исследований при том, однако, условии, что их доля в стоимости основных средств социологических компаний не должна превышать 33%[50].

В июне 2023 г. в ЗСТ Шанхая, Пекина, Тяньцзиня, приморских провинций Гуандун и Фуцзянь, а также на территории порта свободной торговли Хайнань в экспе-

риментальном порядке предпринято дальнейшее смягчение целого ряда условий ведения международного бизнеса, включая таможенное обложение и таможенное регулирование, либерализацию порядка учреждения и операционного режима для иностранных финансовых организаций, поощрение трансграничной электронной торговли, усиление защиты интеллектуальной собственности и т.д.[51].

В конечном итоге апробирование на ограниченной территории ЗСТ «инновационных мер» либерализации торгового и инвестиционного режима должно вывести китайскую экономику на новый, отвечающий современным международным стандартам уровень открытости. Как отмечают в Китае, дальнейшее расширение сети ЗСТ призвано содействовать заключению КНР соглашений о свободной торговле и региональных торговых соглашений со все бóльшим числом зарубежных стран. Этому придается немаловажное значение с учетом неизбежных уже в недалеком будущем изменений, связанных с «перерастанием» китайской экономикой статуса развивающейся страны и, соответственно, с утратой КНР преференциального режима доступа на внешние рынки, полагающегося данной категории государств в рамках системы ВТО.

В аналогичном направлении действует и выпущенный Госсоветом КНР в феврале 2019 г. «План развития района „Большого залива“ Гуандун–Гонконг–Макао», охватывающий девять городов и агломераций в провинции Гуандун и два специальных административных района в дельте реки Чжуцзян. В период до 2035 г. предусматривается глубокая промышленная трансформация и модернизации городского хозяйства на всей этой территории с населением в 70 млн человек и совокупным размером ВВП, приближающимся к уровню современной России.

Посредством гармонизации нормативно-правовой базы предполагается укрепить кооперационные связи между вовлеченными в этот проект городами, облегчить ведение международного бизнеса, усилить инновационную составляющую экономического роста. Взамен традиционных для приморских районов Китая трудоемких производств предпочтение будет отдано ускоренному развитию информационных технологий нового поколения, искусственного интеллекта, биомедицины, возобновляемых источников энергии, производства новых материалов и других современных отраслей промышленности.

Таким образом, абсорбировав накопленный опыт преобразований и экономические результаты разнообразных районов льготного инвестирования, густо сконцентрированных на рассматриваемой территории, этот весьма впечатляющий план должен обеспечить превращение ареала Гуандун–Гонконг–Макао в современный, внутренне интегрированный высокоразвитый городской кластер мирового класса. Наряду с реализацией аналогичных программ и проектов пространственного развития и открытости в других районах страны (дельта реки Янцзы, «тругольник» Пекин–Тяньцзинь–Хэбэй) все это, как отмечают китайские экономисты, призвано содействовать созданию в КНР «прибрежного экономического пояса с более сильным международным влиянием» как важного фактора экономической открытости нового типа[52].

В целом изменения, происходящие в 2010–2020-х годах в сфере привлечения иностранного капитала в китайскую экономику, свидетельствуют о последователь-

ной ориентации КНР на полноправное включение сектора иностранного предпринимательства в общенациональный рынок капитала с установлением единых правил и условий конкуренции для всех участников инвестиционного процесса независимо от формы собственности и страновой принадлежности. Тем самым закладываются фундаментальные и долговременные основы эффективного функционирования рыночной экономической системы в КНР.

Политика «выхода за рубеж»

В период реформы хозяйственной системы растущий потенциал китайской экономики вкупе с быстро прогрессирующей экономической глобализацией стимулировали компании КНР к переносу своей инвестиционной активности за территориальные пределы страны. В 1997 г. в результате Азиатского финансового кризиса в окружающих КНР странах произошло заметное удешевление промышленных и иных хозяйственных активов, и в Китае была выдвинута идея новой экономической открытости, сочетающей функции КНР как реципиента и одновременно донора трансграничных инвестиций[53].

Дополнительные возможности для этого возникли в 2001 г. с присоединением Китая к ВТО. В материалах XVI съезда КПК (ноябрь 2002 г.) в связи с вопросами трансграничного движения капитала содержится установка высшего партийного органа: «придерживаться сочетания заимствования извне и выхода вовне, с тем чтобы всесторонне повысить уровень открытости внешнему миру»[54]. Тогда же правительство КНР разработало и одобрило «стратегию выхода за рубеж», предусматривающую поощрение вывоза китайского капитала в соответствии с задачами и приоритетами национального экономического развития.

В короткие сроки зарубежные инвестиции КНР достигли значительного количественного и качественного прогресса. В 2002–2010 гг. среднегодовые темпы их прироста составили 50%. Если первоначально основными экспортерами китайского капитала выступали крупные государственные предприятия, то с середины первого десятилетия XXI в., отвечая на поощрительные меры правительства, к ним стали активно присоединяться компании негосударственных секторов экономики. В 2014 г. зарубежные инвестиции КНР превысили 120 млрд долл. против всего лишь 2,9 млрд долл. одиннадцатью годами раньше и практически сравнялись с масштабами притока прямых иностранных инвестиций в китайскую экономику, а на следующий год Китай впервые стал нетто-экспортером капитала.

В этих условиях логическим развитием «стратегии выхода за рубеж» и одновременно мощным драйвером ее дальнейшего продвижения явилось провозглашение Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. масштабной инициативы международной пространственной интеграции «Один пояс, один путь», продиктованной, как отмечают официальные китайские источники, стремлением КНР «содействовать упорядоченному и свободному движению факторов экономического развития, высокоэффективному распределению ресурсов и глубокой интеграции рынков посредством улучшения взаимосвязанности Азиатского, Европейского и Африканского континентов и прилегающих к ним морей»[55].

Не случайно в материалах 3-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) содержится призыв к компаниям и гражданам КНР, исходя из собственных конкурентных преимуществ, активно осуществлять прямые инвестиции за рубежом. При этом подчеркнуто, что «во всех странах и регионах предприятия и частные лица могут принимать на себя риски для реализации инвестиционных проектов или проектов трудового сотрудничества, использовать инновационные методы для осуществления зарубежной экспансии, включая инвестиции в новые проекты, слияния и поглощения, инвестиции в ценные бумаги, инвестиции в совместные предприятия и т.п.».

К концу второго десятилетия XXI в., опередив Японию, Китай вышел на второе после США место в списке крупнейших международных инвесторов. При этом, по данным ЮНКТАД, Китай является крупнейшим иностранным вкладчиком капитала в беднейших странах мира, а также в целом в развивающихся странах Азии[56].

Государственное регулирование. Зарубежная инвестиционная деятельность компаний КНР осуществляется в рамках довольно сложной многоуровневой системы административного контроля и управления. По подсчетам иностранных экспертов, с большей или меньшей степенью вовлеченности участниками этой системы являются свыше двух десятков министерств, ведомств и организаций, входящих в состав Госсовета КНР либо находящихся в его подчинении, а также местные органы власти на уровне провинций. Ключевая роль в организации «выхода за рубеж» отведена Министерству коммерции КНР, на долю которого приходится разработка и выпуск около 40% нормативных документов, регламентирующих этот процесс[57].

Как и в области привлечения инвестиций из-за рубежа, в сфере вывоза капитала за границу изначально действовал весьма консервативный разрешительный порядок инвестирования. Для создания за пределами КНР нового предприятия, проведения сделки слияния или поглощения и т.п. китайский инвестор должен был предварительно получить одобрение Министерства коммерции КНР. Реализация проектов в промышленности с использованием особо крупных сумм иностранной валюты подлежала также одобрению со стороны ГКРР.

Помимо этого инвестиционная деятельность государственных предприятий центрального подчинения регулируется Комитетом Госсовета КНР по управлению государственным имуществом, а зарубежные инвестиционные операции финансовых учреждений в зависимости от вида последних (банки, страховые компании, инвестиционные фонды и т.п.) подлежат одобрению со стороны профильных государственных регуляторов в лице НБК, Комитета по регулированию банковской деятельности и страхования и Комитета по контролю за ценными бумагами соответственно. Получив разрешение на реализацию инвестиционного проекта за рубежом, китайский инвестор должен пройти процедуру оформления перевода за границу денежных средств в иностранной валюте в Государственном управлении валютного контроля (ГУВК), осуществляющем в КНР функции валютного контроля и валютного регулирования[58].

Посредством изменения нормативной базы государство обеспечивает оптимизацию условий «выхода за рубеж» для китайских инвесторов, увеличивая тем самым число участников инвестиционного процесса и стимулируя активность их деятельности за рубежом. Либерализация государственного регулирования операций по

вывозу прямых инвестиций способствует наращиванию масштабов заграничного инвестирования.

В частности, с течением времени происходит постепенная консолидация административных функций в сфере разрешения «выхода за рубеж» с прогрессирующей передачей из центра на места полномочий по рассмотрению и утверждению проектов экспорта капитала. Так, начиная с 1985 г., к сфере компетенции Министерства коммерции КНР были отнесены инвестиционные проекты стоимостью свыше 1 млн долл., проектные предложения меньшего размера подлежали утверждению управлениями коммерции провинциального уровня. В 2003 г. уровень компетенции территориальных управлений был повышен до 3 млн долл., а в 2009 г. — до 100 млн долл.

Проекты, превышающие указанные выше предельные значения, как правило, передавались на утверждение в центральный аппарат Министерства коммерции. Исключение составляли инвестиции в добычу полезных ископаемых и энергоресурсов. Горнодобывающие и энергетические проекты стоимостью до 200 млн долл. требовали одобрения со стороны ГКРР, а более крупные проектные предложения направлялись на рассмотрение Госсовета КНР[59]. При утверждении таких инвестиций дополнительно требуется рекомендация дипломатического представительства КНР в стране-реципиенте.

В 2014 г. в нормативную базу КНР были внесены очередные изменения, согласно которым наряду с разрешительным начал применяться и уведомительный порядок утверждения и регистрации инвестиционных проектов за рубежом[60]. Решениями ГКРР (май 2014 г.) и Министерства коммерции КНР (октябрь 2014 г.) установлено, что разрешительный порядок регистрации зарубежных инвестиций должен применяться в тех случаях, когда:

— стоимость инвестиционного проекта превышает 1 млрд долл. (проекты с инвестициями более 2 млрд долл. подлежат утверждению Госсоветом КНР на основе рекомендаций ГКРР);
— инвестиции осуществляются в «чувствительных» с точки зрения национальной безопасности отраслях, включая производство и ремонт вооружения, освоение и использование трансграничных водных ресурсов, телекоммуникации, электроэнергетику, средства массовой информации;
— реципиентами инвестиций являются «проблемные» с точки зрения внешнеполитической стратегии КНР страны. К разряду таких стран относятся государства, не имеющие с КНР дипломатических отношений*; страны, находящиеся в состоянии войны либо испытывающие внутренние беспорядки, а также государства и территории, отношения с которыми ограничены двусторонними или многосторонними международными договорами или соглашениями, участником коих является Китай[61].

* Большинство этих стран поддерживают дипломатические отношения с Китайской Республикой (Тайванем), что исключает возможность одновременного наличия дипотношений с КНР. В настоящее время дипломатических отношений с КНР не имеют около 30 государств и территорий, в основном расположенных в Африке, Океании и Центральной Америке.

Как и в случае с энергетическими и горнодобывающими проектами, для утверждения подобного рода инвестиций необходимо получить рекомендацию дипломатического представительства КНР в стране-реципиенте.

Во всех прочих случаях применяется уведомительный способ регистрации, и инвестиционные проекты утверждаются в упрощенном порядке, предусматривающем подачу в Минкоммерции заявки на регистрацию инвестиционного проекта и ее последующее удовлетворение в течение нескольких рабочих дней. По имеющимся оценкам, начиная с 2014 г. уведомительный порядок регистрации используется при реализации примерно 98% от общего числа китайских инвестиционных проектов за рубежом[62]. Таким образом, существенно облегчив административные процедуры зарубежного инвестирования и расширив его возможности для негосударственных компаний и предприятий малого бизнеса, новая регистрационная система стала основным инструментом государства для мониторинга и управления процессом вывоза капитала.

Дальнейшие модификации данного регулятивного механизма отражают стремление китайских властей ограничить использование исходящих инвестиционных потоков для прикрытия вывода средств из страны, а также плотнее «вписать» зарубежное инвестирование в общий контекст национальной структурной и промышленной политики. Подтверждая важную роль зарубежного инвестирования, ряд последующих решений правительства акцентирует внимание и на связанных с этим рисках и вызовах.

В этой связи межведомственный циркуляр «Временные меры для регистрации/предварительного одобрения исходящих инвестиций» (февраль 2018 г.) устанавливает строгую обязательность раскрытия информации о конечных объектах инвестиций при подаче китайскими инвесторами документов для регистрации/одобрения зарубежных проектов. Одновременно формируется система инспекторского надзора за реализацией важных инвестиционных проектов за рубежом на основе ежегодных выездных проверок. В частности, периодические проверки со стороны государственных регуляторов предусмотрены для инвестиционных проектов с суммой китайского участия не менее 300 млн долл.; для предприятий, создаваемых на «проблемных» территориях либо в «чувствительных» отраслях экономики; для проектов, генерирующих крупные убытки, а также связанных с нарушениями местного законодательства, инцидентами в области безопасности и т.д.[63].

Межведомственные «Руководящие мнения относительно дальнейшего направления и регулирования зарубежных инвестиций» (август 2017 г.) вкупе с «Каталогом чувствительных отраслей для зарубежного инвестирования» (ГКРР, февраль 2018 г.) подразделяют отраслевые и географические направления китайского «выхода за рубеж» на три различные категории — поощряемые, подлежащие ограничению и запрещенные.

В составе поощряемых инвестиций обозначена реализация инфраструктурных проектов в странах «Пояса и пути»; проектов, способствующих экспорту современных промышленных мощностей, оборудования, технических стандартов; проектов сотрудничества с иностранными высокотехнологичными предприятиями и создания зарубежных центров исследований и разработок; проектов добычи шельфовой неф-

ти и газа, других природных и энергетических ресурсов; проектов в торговле, культуре, логистике и других отраслях сферы услуг, создание квалифицированных финансовых учреждений. Поощряемые направления зарубежных капиталовложений соответствуют приоритетам национального развития и потому поддерживаются государством.

Категория подлежащих ограничению зарубежных инвестиций охватывает капиталовложения в уже упомянутые «проблемные» страны и «чувствительные» отрасли, а также в иные виды деятельности, подлежащие законодательному и регуляторному государственному контролю в части размещения зарубежных инвестиций, перечень которых при необходимости может дополняться и уточняться ГКРР. Здесь же фигурируют инвестиции в строительство жилой недвижимости, отелей, киностудий, объектов индустрии развлечений и приобретение спортивных клубов; создание для работы на зарубежных рынках инвестиционных фондов и платформ без привязки к реализации конкретных проектов; использование устаревшего производственного оборудования, не отвечающего техническим стандартам страны-реципиента; сооружение иных объектов, деятельность которых нарушает местные требования в области безопасности, энергосбережения и охраны окружающей среды. Такие проектные предложения подлежат «углубленному рассмотрению» государственными регуляторами, для части из них подтвержден либо заново установлен разрешительный порядок размещения капитала.

Наконец, наложен прямой запрет на ряд зарубежных инвестиций, осуществление которых фактически или потенциально ставит под угрозу национальные интересы или национальную безопасность страны. В их числе проекты, связанные с использованием запрещенных к экспорту технологий, методик и продуктов либо предполагающие экспорт основных технологий и продукции военной промышленности без соответствующего разрешения правительства; проекты в сфере игорного бизнеса, сексуальных услуг и порнографии; проекты, реализация которых запрещена международными договорами КНР и т.д. Несоблюдение установленных запретов и ограничений чревато занесением компании-нарушителя в «черный список зарубежного инвестирования» с перекрытием каналов ее инвестиционной активности за пределами КНР[64].

Поддержка зарубежного инвестирования. Министерство коммерции обеспечивает активную экспертную и информационно-аналитическую поддержку политики «выхода за рубеж». С этой целью, начиная с 2009 г., министерство осуществляет публикацию страновых справочников по осуществлению инвестиций и сотрудничества, а также каталога-руководства отраслей зарубежных государств для размещения инвестиций.

К середине 2010-х годов были опубликованы справочники об инвестиционном климате в более чем 160 странах и территориях мира, представляющих интерес с точки зрения потенциального размещения китайских инвестиций. В них содержится общая информация о политической системе страны-реципиента, ее социально-экономическом положении, развитии инфраструктуры, размере внутреннего рынка, операционных затратах на ведение производства и т.д. В разделе о нормативно-правовом регулировании инвестиционной деятельности содержатся сведения

о регулировании внешнеэкономических операций, таможенном регулировании, налогообложении, природоохранном законодательстве, трудовом законодательстве и условиях найма производственного персонала из числа иностранных граждан.

Каталог-руководство отраслей для размещения инвестиций содержит перечни приоритетных отраслей и видов деятельности, обладающих теми или иными сравнительными преимуществами для размещения китайских инвестиций. Для каждого из иностранных государств Министерство коммерции вместе с МИД КНР определяют свой перечень отраслевых приоритетов. При направлении средств в рекомендуемые Каталогом приоритетные отрасли стран-реципиентов китайские инвесторы получают организационную поддержку и содействие со стороны органов государственного управления КНР, а также приобретают приоритетное право на получение определенных льгот и преференций в сфере кредитования, валютного регулирования, налогообложения, страхования, таможенного оформления и т.д.[65].

В КНР применяется специальная стимулирующая политика, предусматривающая возможность использования китайскими инвесторами разнообразных государственных льгот. В частности, с 1999 г. в соответствии с решениями Госсовета КНР, Минкоммерции КНР и Минфина КНР китайские предприятия, осуществляющие за рубежом поручительскую сборку и переработку, освобождаются от налогообложения в течение первых пяти лет прибыльной деятельности, к ним применяются пониженные ставки таможенных пошлин, они пользуются льготными, субсидируемыми государством процентными ставками по банковским кредитам в иностранной валюте и т.д.

В соответствии с решениями ГУВК с 2002 г. зарубежным предприятиям КНР разрешено в полном объеме, без каких-либо изъятий использовать получаемую ими прибыль для реинвестиций и расширения производства в стране-реципиенте, а с 2006 г. отменено выделение квот на закупку китайскими инвесторами иностранной валюты для осуществления инвестиций за рубежом. С 2005 г. Минфин КНР полностью компенсирует затраты на предпроектные работы компаниям, осуществляющим инвестиции за рубежом, а с 2006 г. субсидирует процентные ставки по привлекаемым ими банковским кредитам. С 2010 г. решением Государственного налогового управления компании, осуществляющие инвестиции за границей, полностью или частично освобождаются от налогообложения прибыли и т.д.[66].

Перечисленные меры стимулирования инвестиционной деятельности играют важную роль в развитии деловой активности китайских компаний за пределами Китая. Вместе с тем главным инструментом государственной поддержки предприятий КНР в рамках политики «выхода за рубеж» является прямое долгосрочное финансирование зарубежных капиталовложений с использованием различных финансовых институтов.

Речь прежде всего идет о действующих в КНР государственных политических банках, включая Экспортно-импортный банк Китая (Эксимбанк) и Банк развития Китая (БРК). В отличие от коммерческих кредитных учреждений указанные институты развития не занимаются привлечением вкладов населения и фондируются главным образом посредством размещения на рынке своих финансовых облигаций, а также за счет периодических вливаний в их капитал крупных ассигнований из го-

сударственного бюджета (например, в 2015 г. — 48 и 45 млрд долл. соответственно). БРК и Эксимбанк имеют различную финансовую специализацию. Если первый традиционно является крупным универсальным кредитором, оперирующим как внутри страны, так и на международном рынке, то второй концентрируется исключительно на поддержке внешней торговли и международного экономического сотрудничества Китая.

В 2004 г. Эксимбанк совместно с ГКРР выпустил циркуляр «О приоритетной поддержке зарубежных инвестиций, имеющих важное (народнохозяйственное) значение». К числу таких инвестиций были отнесены зарубежные проекты по разведке и добыче дефицитных в КНР природных ресурсов; производственные и инфраструктурные проекты, стимулирующие экспорт отечественной продукции, технологий, оборудования и трудовых услуг; создание за рубежом центров исследований и разработок, имеющих доступ к использованию передовых международных технологий, интеллектуальной собственности и управленческого опыта; проекты слияний и поглощений, способные повысить международную конкурентоспособность Китая и расширить его экспортные рынки. Циркуляр предусматривал ежегодное выделение на указанные цели определенной суммы денежных средств из плана экспортного кредитования Эксимбанка. Тем самым в КНР была институционализирована система кредитной поддержки зарубежного инвестирования. Еще через год к ней присоединился и БРК, выпустивший совместно с ГКРР циркуляр аналогичного содержания[67].

С учетом обновления приоритетов социально-экономического развития КНР кредитная поддержка зарубежного инвестирования также подвергается определенным изменениям. Так, Эксимбанк одним из первых финансовых институтов Китая перешел на принципы «зеленого» финансирования, еще в 2007 г. введя в действие «Инструкцию по оценке экологических и социальных последствий кредитных проектов». Чтобы лучше контролировать экологические и социальные риски при реализации своей кредитной программы, в 2015 г. Эксимбанк дополнительно актуализировал руководящие принципы в области «зеленого» кредитования и распространил их на другие виды финансовых услуг, включая консалтинг, инвестиционные фонды и т.п.

В целом к концу второго десятилетия XXI в. Эксимбанк профинансировал более 1,8 тыс. зарубежных инвестиционных проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» на общую сумму свыше 143 млрд долл. Около 70% его кредитного портфеля занимают инфраструктурные проекты, направленные на улучшение торгово-транспортных и иных связей Китая с соседними странами.

Вслед за Эксимбанком БРК также разработал корпоративную систему определения экологических и социальных рисков, показатели которой используются Банком при оценке потенциальных заемщиков. Мониторинг окружающей среды, контроль социальных рисков и регулярная отчетность заемщиков по этим вопросам являются стандартными пунктами договоров БРК о финансировании зарубежных инвестиционных проектов. В июне 2017 г. БРК подписал с ГКРР соглашение о сотрудничестве, предусматривающее направление банком не менее 214 млрд долл. кредитной поддержки на развитие как в Китае, так и за рубежом стратегически важных новей-

ших отраслей, включая информационные технологии нового поколения, производство высокотехнологичного оборудования, энергоэффективные и экологичные производственные технологии, производство энергосберегающих транспортных средств и транспортных средств на новых источниках энергии, производство новых материалов, развитие экологически чистой энергетики, биотехнологии. К концу второго десятилетия XXI в. кредиты БРК на реализацию инвестиционных проектов в странах «Пояса и пути» в общей сложности превысили 170 млрд долл.[68].

Помимо всего этого с 2007 г. БРК финансирует операции созданного по решению Госсовета КНР Китайско-Африканского фонда развития (КАФР), имеющего целью поддержку экономики африканских стран и их сотрудничества с Китаем. КАФР специализируется на портфельных инвестициях, осуществляя, помимо прочего, капиталовложения в покупку долей в акционерном капитале китайских компаний, реализующих инвестиционные проекты в Африке. При этом, основываясь на принципах рыночной экономики, КАФР самостоятельно несет риски и принимает полную ответственность за прибыли и убытки. Таким образом, деятельность фонда не только обеспечивает финансовую поддержку инвестиций КНР в Африке, но и способствует частичному уменьшению инвестиционных рисков китайских инвесторов на Африканском континенте. Если в 2007 г. инвестиционный портфель КАФР состоял из 35 проектов общей стоимостью в 4 млрд долл., то в 2020 г. его размеры увеличились до 10 млрд долл.[69].

В декабре 2014 г. для привлечения инвестиций в страны «Пояса и пути» в Китае зарегистрирован Фонд Шелкового пути (ФШП). Учрежденный как общество с ограниченной ответственностью, ФШП имеет объявленный капитал в 40 млрд долл., который изначально полностью сформирован из государственных финансовых источников, включая золотовалютные резервы КНР (65%), а также средства Китайской инвестиционной корпорации (15%), Эксимбанка (15%) и БРК (5%). Впрочем, это не исключает в дальнейшем возможное участие в формировании средств фонда заинтересованных частных и акционерных компаний, международных финансовых организаций и т.д.[70].

ФШП осуществляет инвестиции в акционерный капитал крупных компаний и ориентирован на реализацию проектов, которые предполагают наращивание сбыта китайской продукции и возврат вложенных средств в средне- и долгосрочной перспективе. Средства фонда направляются на сооружение объектов региональной инфраструктуры, в разработку природных ресурсов, в развитие многостороннего сотрудничества, в сферу промышленности и финансов. К концу 2022 г. инвестиции фонда в более чем 60 стран и территорий в соответствии с заключенными контрактами превысили 20 млрд долл.[71].

Наконец, со второй половины 2010-х годов дополнительным каналом финансирования инвестиционной активности китайских компаний в странах «Пояса и пути» выступает Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Создание такого банка в целях развития экономической интеграции в Азиатском регионе было инициировано Си Цзиньпином в октябре 2013 г. во время визита в Индонезию. Спустя два года состоялось официальное учреждение АБИИ как международной финансовой организации со штаб-квартирой в Пекине и уставным капиталом в 100 млрд долл.

По состоянию на 2022 г. членами АБИИ были 89 стран Азии, Европы, Африки, Океании и Южной Америки, в том числе 57 государств являлись учредителями Банка, включая четыре страны–участницы «Группы семи» и 14 стран–участниц «Большой двадцатки». По размерам ВВП и вкладу в капитал банка Китай занимает доминирующее положение в АБИИ, имея самую высокую долю голосов среди всех стран-участниц и обладая фактическим правом вето при принятии важнейших решений. Доля КНР в уставном капитале АБИИ составляет 29,8%, далее с большим отрывом следуют Индия (8,4%), Россия (6,5%), Германия (4,5%), Республика Корея (3,7%), Австралия (3,7%), Франция (3,4%), Индонезия (3,4%) и т.д.

АБИИ финансирует проекты международного сотрудничества, способствующие развитию Азиатского региона. Максимизация прибыли не является определяющей целью деятельности АБИИ как международного финансового института. Тем не менее для обеспечения устойчивости Банка в качестве учреждения-кредитора поддерживаемые им инвестиционные проекты должны быть прибыльными. Отраслевые приоритеты деятельности АБИИ включают инфраструктуру, энергетику, транспорт, городское строительство, водоснабжение, логистику, а также образование и здравоохранение[72]. К концу 2019 г. сумма предоставленных АБИИ кредитов превысила 12 млрд долл., а география поддерживаемых им проектов охватывала такие страны, как Индия, Пакистан, Индонезия, Бангладеш, Шри-Ланка, Азербайджан, Турция и Филиппины[73].

В целом политика «выхода за рубеж» призвана повысить международную конкурентоспособность экономики КНР, расширить возможности ее развития в глобальном контексте и тем самым обеспечить условия для устойчивого экономического роста страны. Зарубежное инвестирование не только помогает китайским государственным и частным компаниям в освоении новых сегментов мирового рынка и расширении товарного экспорта, но и способствует повышению их позиций в глобальных цепочках создания стоимости, укрепляет их авторитет и влияние в международном масштабе. Это, как подчеркивают китайские ученые-экономисты, имеет большое значение для роста влияния КНР на глобальный экономический порядок и структуру международной торговли и в конечном итоге способствует реализации поставленной руководством страны задачи «превращения Китая из крупной экономики в мощную».

Интернационализация юаня

Важным направлением современного этапа китайской политики экономической открытости является стратегия поэтапного превращения китайского юаня в международную валюту — сначала в региональную, а затем и в мировую. Исходным пунктом этого курса явилось присоединение КНР в 1996 г. к ст. VIII Устава МВФ с принятием обязательства об обеспечении свободной конвертируемости национальной валюты по счету текущих операций платежного баланса.

Интернационализация юаня характеризует процесс расширения использования его в международных торговых, кредитных, инвестиционных и других операциях. По мнению китайских специалистов, процесс интернационализации юаня должен

пройти через несколько стадий. Первоначально на основе конвертируемости по текущим статьям стоит задача превращения юаня в расчетную валюту в международной торговле. Затем, расширив и активизировав взаимодействие между китайскими и зарубежными инвесторами, предстоит сделать юань глобальной инвестиционной валютой. Конечным результатом запрограммированных преобразований является полная интернационализация юаня с превращением его в свободно конвертируемую резервную валюту.

Выдвижение руководством КНР столь сложных и амбициозных задач имеет определенные основания. Уже в начале 2010-х годов многолетнее динамичное развитие позволило КНР занять прочные позиции в иерархии мирохозяйственных лидеров. В 2010 г. КНР стала второй после США экономикой в мире по объему ВВП. Китай вышел на первое место по масштабам промышленного производства, оттеснив США, которые в течение всего последнего века уверенно сохраняли за собой глобальное первенство. Очевидные достижения были налицо и во внешнеэкономической сфере. В 2013 г. объем внешнеторгового оборота Китая составил 4,16 трлн долл., превзойдя американский показатель. Китайский экспорт, долгие годы являвшийся одним из главных катализаторов экономического роста страны, достиг 2,21 трлн долл., занимая первое место в мире и обеспечивая 10,4% мирового экспорта[74]. Китай занял позицию крупнейшего торгового партнера для 120 стран мира.

Немаловажное значение имела и возрастающая роль Китая в международных потоках капитала. С середины 1990-х годов КНР постоянно являлась крупнейшим реципиентом иностранного капитала среди развивающихся стран, а с начала XXI в. из года в год укрепляла свои позиции в качестве международного инвестора. В 2013 г. поступление прямых иностранных инвестиций в экономику Китая составило 117,6 млрд долл. Со своей стороны китайские инвесторы вложили 90,2 млрд долл. в 5090 компаний из 156 стран и регионов мира. По данным ЮНКТАД, в 2013 г. КНР стала третьим по величине глобальным инвестором, уступая лишь США и Японии. При этом межстрановые исследования структур и механизмов стимулирования капиталовложений различных стран-инвесторов, подтверждая высокий инвестиционный потенциал КНР, позволяли считать китайскую экономику наиболее перспективным источником прямых иностранных инвестиций в мире[75].

В ноябре 2010 г., ссылаясь на недостаточное распространение юаня в международных операциях, МВФ отклонил запрос Китая на включение его национальной валюты в корзину специальных прав заимствования*. Тем не менее впечатляющее наращивание экономической мощи Китая, как и в целом его влияния в мире, сформировало серьезные макроэкономические и политические предпосылки для выдвижения в КНР курса на интернационализацию национальной валюты. В этих условиях, начиная с 12-й пятилетки (2011–2015), мероприятия по превращению юаня в мировую валюту постоянно включаются в планы экономического развития КНР[76]. Этот многоаспектный и многоуровневый процесс развивается по нескольким взаимосвязанным направлениям.

* Специальные права заимствования (СДР) — условное расчетное средство, действующее в рамках МВФ.

Международные расчеты и перечисления. Еще в начале нынешнего столетия были осуществлены первые шаги по использованию национальных валют для расчетов в приграничной торговле Китая с соседними странами, включая Россию. При этом применялись специальные соглашения, разрешающие подобную торговлю на четко обозначенной территории и со значительным количеством ограничений, связанных с действовавшим валютно-финансовым законодательством КНР.

В конце 2008 г. в экспериментальном порядке Госсовет КНР разрешил предприятиям, расположенным в дельтах рек Чжуцзян и Янцзы, вести торговые расчеты в юанях с их контрагентами в соседних Гонконге и Макао. Аналогичное разрешение в торговле со странами АСЕАН получили провинция Юньнань и Гуанси-Чжуанский автономный район.

Дальнейшее продвижение проекта интернационализации юаня состоялось еще через полгода. В середине 2009 г. с одобрения китайского правительства НБК, Минфин и Минкоммерции совместно с Главным таможенным управлением, Государственным налоговым управлением и Комитетом по регулированию банковской деятельности выпустили «Административные правила пилотной программы расчетов в юанях для трансграничных торговых операций» (см. табл. 25).

Пилотная программа распространялось на пять приморских городов (Шанхай, Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Чжухай и Дунгуань), доля которых во внешнеторговом обороте страны в 2008 г. составляла 45%. Сфера действия пилотной программы, однако, была не столь масштабна — расчеты в юанях были разрешены только для 365 специально отобранных предприятий и исключительно при экспортно-импортных операциях с компаниями Гонконга, Макао и стран АСЕАН. Одновременно, прорабатывая правовую основу для изменения торгового режима, НБК подписал с Управлением денежного обращения Гонконга меморандум о сотрудничестве по пилотной программе расчетов в юанях, а также соглашение с гонконгским филиалом Банка Китая о клиринговых операциях в юанях. С целью мониторинга и контроля реализации пилотной программы в КНР была создана специальная информационная система управления трансграничными платежами в юанях (RCPMIS).

Таблица 25

Политика интернационализации валюты КНР:
трансграничные расчеты и перечисления

Месяц, год	Мероприятия
12.2008 г.	Предприятиям КНР в дельтах рек Чжуцзян и Янцзы разрешено вести торговые расчеты в юанях с компаниями Гонконга и Макао, а предприятиям в пров. Юньнань и Гуанси-Чжуанском АР — с компаниями стран АСЕАН.
07.2009 г.	В Шанхае и в четырех городах пров. Гуандун начата реализация пилотного проекта использования юаня для расчетов во внешней торговле с Гонконгом, Макао и странами АСЕАН. Сформирована группа участников проекта из 365 уполномоченных предприятий.

07.2009 г.	НБК и Банк Китая (Гонконг) подписали соглашение о клиринге в юанях, направленное на поддержку пилотного проекта расчетов в юанях по трансграничным торговым операциям.
07.2009 г.	Введена в эксплуатацию информационная система управления трансграничными платежами в юанях (RCPMIS).
06.2010 г.	Реализация пилотного проекта распространена на 20 административных единиц КНР и на торговлю со всеми странами мира; число предприятий-участников проекта увеличено до 67,4 тыс.
07.2011 г.	Использование юаня для расчетов во внешней торговле распространено на всю территорию КНР.
02.2012 г.	НБК, Минфин, Минкоммерции и др. совместно выпустили Уведомление по вопросам, касающимся расчетов в юанях за экспорт товаров отечественными предприятиями.
07.2015 г.	Зарубежным компаниям в КНР разрешено участвовать в биржевой торговле внутренними фьючерсами на сырую нефть с расчетами в юанях.
09.2015 г.	Облегчены условия консолидации и централизованного управления трансграничными фондами в юанях («кэш-пулинг») для работающих в КНР транснациональных корпораций.
10.2015 г.	В КНР запущена китайская трансграничная межбанковская платежная система CIPS.
05.2017 г.	НБК выпустил Уведомление об улучшении процедур представления информации о межбанковских транзакциях в информационной системе управления трансграничными платежами в юанях.
05.2018 г.	Запуск второго поколения трансграничной межбанковской платежной системы CIPS.
12.2021 г.	Начало опытной эксплуатации информационной системы управления трансграничными платежами и поступлениями в юанях.
06.2022 г.	НБК выпустил Уведомление о поддержке трансграничных расчетов в юанях для новых форм внешней торговли.
05.2023 г.	В Пекине, Шэньчжэне и пров.Гуандун инициирована пилотная программа, предусматривающая распространение «кэш-пулинга» на трансграничные фонды ТНК в юанях и иностранной валюте.

Источники: 2016 RMB Internationalization Report. Beijing: China Financial Publishing House, 2016. P. 44–45. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3828468/3828488/3828529/2019051614575641366.pdf (accessed: 07.11.2023); 2023 RMB Internationalization Report. Beijing: China Financial Publishing House, 2023. P. 44–83 URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3828468/4756463/5163932/20231208195457 81941.pdf (accessed: 10.12.2023).

С учетом полученных результатов использования юаня в трансграничной торговле уже в середине 2010 г. руководство КНР распространило действие пилотной

программы на большую часть Китая, включив в нее 67,4 тыс. предприятий, расположенных в 20 территориально-административных единицах страны. В их число вошли четыре города центрального подчинения (Пекин, Тяньцзинь, Чунцин, Шанхай), 12 провинций (Ляонин, Цзянсу, Чжецзян, Фуцзянь, Шаньдун, Хубэй, Хайнань, Юньнань, Сычуань, Цзилинь, Хэйлунцзян, Гуандун) и четыре автономных района (Гуанси-Чжуанский, Внутренняя Монголия, Синьцзян-Уйгурский, Тибет).

Китайские предприятия с экспортно-импортной лицензией получили право торговать за юани с любой страной мира. Для реализации этого права компаниям-импортерам не требовалось получения дополнительных разрешений или прохождения иных процедур. Экспортерам отечественной продукции надлежало предварительно пройти регистрацию в местных налоговых органах, что было связано с возвратом НДС при экспорте.

Наконец, в середине 2011 г., т.е. через два года после начала выборочного применения юаней во внешнеторговой сфере КНР, действие нового порядка расчетов было распространено на всю территорию страны. В феврале 2012 г. экспортеры отечественной продукции были уравнены с компаниями-импортерами в праве использования вырученных средств в юанях, и программа использования национальной валюты КНР для трансграничных расчетов по текущим статьям окончательно приобрела нормативный характер.

Распространение практики использования юаня во внешнеторговых расчетах привело к быстрому нарастанию масштабов подобных операций. По информации Банка международных расчетов в 2010 г. операции в юанях составляли около 2% внешнеторгового оборота Китая. Но уже через год, в конце 2011 г. доля внешнеторговых расчетов в юанях в экспортно-импортных операциях КНР достигла 9,6%, а в 2013 г. — 14,4%. При этом общий объем расчетов в юанях по текущим статьям платежного баланса вырос с 500 млрд юаней в 2010 г. до 3,64 трлн юаней в 2013 г. и до 7,23 трлн юаней в 2015 г.[77]. В 2014 г. уже 174 страны или района мира осуществляли внешнеторговые расчеты с применением юаня[78].

30 ноября 2015 г. МВФ принял решение включить юань в корзину валют специальных прав заимствования. Удельный вес юаня в корзине СДР был установлен в 10,92%, в то время как удельный вес доллара США составил 41,73%, евро — 30,93%, японской иены — 8,33% и британского фунта стерлингов — 8,09%. Новая корзина СДР вступила в силу 1 октября 2016 г. Признание международного статуса юаня повысило доверие рынка к китайской валюте.

Дальнейшее расширение масштабов трансграничных расчетов и перечислений в юанях связано с действием целого ряда факторов. Отметим в первую очередь постоянное совершенствование институциональной инфраструктуры для трансграничных расчетов в юанях. В октябре 2015 г. в КНР была запущена первая фаза совместимой с международной системой SWIFT национальной межбанковской платежной системы CIPS (China International Payment System), напрямую связавшая китайских и зарубежных участников международных расчетов в юанях по торговле товарами и услугами, прямым инвестициям, кредитованию, а также по личным денежным переводам.

На первом этапе работы системы CIPS НБК одобрил прямое участие в ней 19 банков, включая 11 китайских банков и восемь банков из других стран и терри-

торий. Еще 38 китайских банков и 138 банков из стран Азии, Европы, Океании и Африки были одобрены в качестве косвенных участников системы, которым разрешено пользоваться услугами CIPS через посредничество одного или нескольких прямых участников[79].

В мае 2018 г. введена в эксплуатацию вторая фаза трансграничной платежной системы CIPS, существенно расширившая круг ее участников, а также сократившая операционные издержки и время, необходимое для обработки платежей в юанях. В результате к концу 2022 г. в работе CIPS принимали прямое и косвенное участие в общей сложности 1360 китайских и зарубежных банков. В 2022 г. платежная система CIPS обработала 4,4 млн трансграничных транзакций на 96,7 трлн юаней, превысив уровень предыдущего года на 31,7 и 21,5% соответственно[80].

Особые усилия предпринимаются китайским руководством по стимулированию использования юаня в операциях с сырьевыми товарами, что не только обеспечивает китайским производителям поддержку производства продукции с высокой добавленной стоимостью, но и дает возможность укрепить свое экономическое влияние в сырьевых секторах мировой экономики. В 2013 г. Китай стал самым крупным импортером нефти в мире. При этом поставляемую на его рынок нефть из России, Ирана, Венесуэлы и Индонезии он частично оплачивает в юанях[81]. Подобная тенденция характерна для многих сырьевых товаров.

В 2015 г. зарубежные нефтяные компании, трейдеры сырой нефтью, инвестиционные банки и т.д. были допущены в Китае к биржевой торговле внутренними фьючерсами на сырую нефть с расчетами в юанях. В 2018 г. номинированные в юанях нефтяные фьючерсы прошли листинг на Шанхайской международной энергетической бирже. Тогда же иностранные трейдеры были допущены к торговле фьючерсами на железную руду на Даляньской товарной бирже, а также фьючерсами на очищенную терефталевую кислоту и т.д.

В целом в 2022 г. на товарных биржах Китая котировались 23 разновидности международных стандартизированных фьючерсных и опционных продуктов. Объем фьючерсов на сырую нефть на Шанхайской бирже составил 53,6 млн лотов, что сделало их третьими по величине фьючерсами на сырую нефть в мире после американских фьючерсов *WTI* и британских фьючерсов на нефть марки Brent. Продвигая юань в качестве валюты ценообразования и расчетов, торговля номинированными в юанях фьючерсами на биржевые товары играет важную роль в повышении открытости китайского рынка и расширении использования китайской валюты в мировой торговле[82].

Тогда же, в 2015 г. в Китае были облегчены условия проведения так называемого кэш-пулинга для работающих в КНР крупных международных корпораций. Представляя собой консолидацию и централизованное управление юаневыми банковскими счетами дочерних и зависимых компаний, трансграничный «кэш-пулинг» позволяет многонациональным корпорациям корректировать профицит и дефицит юаней в рамках собственных бизнес-империй. Масштабы таких операций весьма существенны. Так, в 2022 г. в КНР в общей сложности насчитывалось свыше 3,5 тыс. трансграничных юаневых пулов, а расчеты в рамках «кэш-пулинга» составили 4,6 трлн юаней, увеличившись на 20,8% в годовом исчислении[83].

С тем чтобы дополнительно облегчить комплексное размещение средств транснациональными корпорациями в Китае и за рубежом, в 2023 г. НБК и ГУВК инициировали реализацию в Пекине, Шэньчжэне и провинции Гуандун пилотной программы, предусматривающей распространение операций «кэш-пулинга» на трансграничные фонды ТНК не только в юанях, но и в иностранной валюте. Укрепляя финансовую устойчивость как отдельных звеньев, входящих в состав ТНК, так и этих крупных наднациональных бизнес-конгломератов в целом, «кэш-пулинг» способствует динамичному развитию международных товарных рынков и рынков капитала и одновременно повышает роль и влияние КНР в мировой экономике.

В последние годы, реагируя на рост внутреннего и внешнего спроса на трансграничные платежи и взаиморасчеты в юанях, НБК совместно с ГУВК уделяют повышенное внимание поддержке новых форм внешней торговли, включая офшорную международную торговлю, трансграничную электронную коммерцию, транзитную торговлю, глобальный аутсорсинг, зарубежное контрактное производство, зарубежные закупки по контрактам на строительство и т.д. В 2022 г. трансграничные расчеты в юанях по текущим статьям платежного баланса составили 10,5 трлн юаней, обеспечив 20,7% общего объема соответствующих расчетов Китая. В том числе расчеты по торговле товарами достигли 7,9 трлн юаней, или 18,2% общего объема расчетов по торговле товарами, а расчеты по торговле услугами — 1,2 трлн юаней, или 25,7% международной торговли услугами[84]. Все это свидетельствует об укреплении позиций юаня как валюты торгового обмена.

Валютная биржа и рынок офшорных юаней. Прогрессирующая интернационализация национальной валюты КНР тесно связана с заключением между НБК и центральными банками стран–торговых партнеров КНР соглашений о взаимных валютных свопах в национальных валютах стран-контрагентов*. К заключению таких соглашений Китай приступил еще в начале первого десятилетия XXI в. При этом КНР осуществляла исполнение соглашений о свопе не только с использованием национальных валют, но и, в отдельных случаях, доллара США. В этот период были заключены своп-сделки с Филиппинами, Республикой Корея, Японией, Малайзией, Индонезией и Таиландом.

Реализация в КНР пилотного проекта использования юаня для трансграничных расчетов заметно активизировала практику заключения НБК соглашений о взаимных валютных свопах с центральными банками зарубежных стран и территорий, Заключив соглашение с НБК об обмене национальной валюты на юани, зарубежные центральные банки получили возможность продавать юани местным компаниям-импортерам для оплаты их закупок в Китае. Тем самым двусторонние соглашения НБК о валютном свопе с иностранными центральными банками непосредственно поддерживают расширение международного использования юаня.

Крупные валютные свопы были подписаны в 2009 г. с Гонконгом (на сумму в 200 млрд юаней), затем с Беларусью (20 млрд юаней), Индонезией (100 млрд юаней), Республикой Корея (180 млрд юаней) и т.д. В дальнейшем эта практика получила активное развитие (см. табл. 26).

* Валютный своп — операция по обмену национальной валюты на иностранную с обязательством обратного обмена через определенный период времени.

Таблица 26

Соглашения НБК с центральными банками зарубежных стран
о валютных свопах (2009–2022)

Год	Число соглашений, ед.	Сумма свопов, млрд юаней	Страны, территории
2009	5	570	Гонконг, Беларусь, Индонезия, Аргентина, Р.Корея
2010	2	154	Исландия, Сингапур
2011	8	628	Гонконг*, Таиланд, Пакистан, Новая Зеландия, Узбекистан, Монголия, Казахстан, Р.Корея*
2012	6	450	ОАЭ, Малайзия, Турция, Монголия**, Австралия, Украина
2013	8	1156	Сингапур*, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Исландия*, Албания, Индонезия*, ЕС
2014	13	1502	Новая Зеландия*, Аргентина*, Швейцария, Монголия*, Шри-Ланка, Р.Корея*, Россия, Катар, Канада, Гонконг*, Таиланд*, Пакистан*
2015	13	856	Суринам, Армения, Австралия*, ЮАР, Малайзия*, Беларусь*, Украина*, Чили, Таджикистан, Турция*, Грузия, Великобритания*, ОАЭ*
2016	7	693	Сингапур*, Магриб, Сербия, Венгрия*, ЕС**, Египет, Исландия*
2017	10	1475	Новая Зеландия*, Монголия*, Аргентина*, Швейцария*, Р.Корея*, Канада*, Гонконг*, Россия*, Таиланд*
2018	13	1248	Австралия*, Албания*, ЮАР*, Нигерия, Беларусь**, Пакистан*, Чили*, Казахстан*, Малайзия*, Великобритания*, Япония, Индонезия*, Украина*
2019	6	713	Суринам*, Сингапур*, Турция*, ЕС*, Макао, Венгрия*
2020	13	1438	Египет*, Лаос, Пакистан*, Монголия*, Аргентина**, Новая Зеландия*, Венгрия**, Р.Корея**, Исландия*, Россия*, Гонконг**, Таиланд*
2021	12	1335	Катар*, Канада*, Шри-Ланка*, Турция**, Нигерия*, Австралия*, Малайзия*, Пакистан*, Чили*, ЮАР*, Япония*, Великобритания*
2022	8	1007	Индонезия*, Албания*, Турция*, Гонконг**, Сингапур*, ЕС*, Макао*, Венгрия*

* Обновление, продление.
** Дополнение, расширение, пересмотр.

Источник: 2023 RMB Internationalization Report. Beijing: China Financial Publishing House, 2023. P. 44-83 URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3828468/4756463/5163932/2023120819545781941.pdf (accessed: 10.12.2023).

В зависимости от стран–контрагентов КНР, масштабов и уровня их делового взаимодействия с Китаем размеры валютных свопов варьируются от 0,7–1 млрд юаней (Узбекистан, Армения, Суринам) до 350–400 млрд юаней и больше (Гонконг, Макао, Сингапур, Республика Корея, Великобритания, Европейский центральный банк). Сделки валютного свопа имеют срочный характер и периодически нуждаются в обновлении, продлении, уточнении и т.п. Единственным исключением является не требующее регулярного возобновления постоянное соглашение НБК с Управлением денежного обращения Гонконга о свопе в размере 800 млрд юаней (2022 г.). В этих условиях число заключаемых КНР двусторонних соглашений о валютном свопе имеет тенденцию к увеличению.

В 2015 г. НБК имел двусторонние соглашения о валютном свопе с 33 зарубежными центральными банками и органами денежно-кредитной власти на общую сумму в 3,3 трлн юаней[85]. К началу 2023 г. число зарубежных контрагентов НБК по сделкам валютного свопа возросло до 40, а сумма действующих соглашений превысила 4 трлн юаней. В общей сложности, включая многочисленные пролонгации, пополнения и обновления и т.п., в 2009–2022 гг. НБК подписал свыше 120 международных соглашений о взаимных валютных свопах на общую сумму в 13,2 трлн юаней. В целом подписание двусторонних соглашений о валютном свопе способствует увеличению скорости оборота капитала в юанях, снижению себестоимости торговых операций, сокращению убытков от риска изменения валютного курса.

Нестабильность обменных курсов основных торговых валют мира после международного финансового кризиса 2008–2009 гг., вызывая рост расходов по конверсии, стимулировала в ряде стран с формирующимися рынками повышение спроса на прямые обменные операции между их национальными валютами и юанем. Реагируя на усиление международных позиций китайской валюты, отдельные страны с развитой рыночной экономикой также стали проявлять интерес к тому, чтобы их валюты напрямую торговались с юанем.

В этих условиях, используя возможности валютных свопов, НБК открыл на межбанковском валютном рынке КНР прямую торговлю валютными парами с участием юаня и других, отличных от доллара США, валют. В 2010 г. на межбанковском валютном рынке КНР была начата биржевая торговля валютными парами «юань/малазийский ринггит» и «юань/российский рубль», а с середины 2012 г. открыты торги между юанем и японской иеной. В следующие пять лет были запущены торги по еще двум десяткам валют, включая новозеландский доллар, австралийский доллар, евро, шведскую крону, южноафриканский рэнд, венгерский форинт, мексиканское песо и т.д. На региональном уровне ведется прямая торговля юаня с валютами близлежащих стран, включая казахстанский тенге, монгольский тугрик и камбоджийский риэль[86].

В целом в 2022 г на валютном рынке КНР в общей сложности оперировали 782 участника, включая как банковские, так и небанковские финансовые учрежде-

ния. В число китайских банков, участвующих в торгах, входят не только национальные коммерческие банки с широким охватом бизнеса, но и местные региональные банки в районах с активной приграничной торговлей. С 2015 г. после принятия соответствующего решения денежными властями КНР к ним присоединилась и группа иностранных центральных банков. В дальнейшем круг иностранных участников был расширен за счет зарубежных коммерческих банков, уполномоченных осуществлять международные расчеты в юанях, а также иностранных небанковских финансовых учреждений. В 2022 г. на межбанковском рынке валюты действовало 197 зарубежных участников, на долю которых приходилось 7% общего объема транзакций.

Прямая торговля той или иной валютной парой позволяет участникам торгов, не прибегая к расчету и сопоставлению кросс-курсов национальных валют к доллару США, перейти к формированию прямого паритетного обменного курса на основе котировок маркет-мейкеров, которые, в свою очередь, определяются соотношением спроса и предложения при двусторонних расчетах в местной валюте и на международном валютном рынке. Как показывает практика, это позволяет компаниям-экспортерам сократить расходы по конверсии выручки в среднем на 12,5%, а также упрощает ее администрирование.

Тем не менее расчеты во внешней торговле КНР по-прежнему осуществляются преимущественно в долларах США, поэтому масштабы прямых торгов между юанями и валютами, отличными от доллара США, остаются незначительными. В 2017 г., увеличившись в годовом исчислении на 12,2% и превысив 1,4 трлн юаней, они составили лишь 3,3% общего объема операций «spot» на межбанковском валютном рынке КНР[87].

Расширение географии и масштабов заключаемых НБК валютных свопов способствовало появлению за пределами КНР крупных денежных средств в национальной валюте КНР. В этом же направлении действовало и постоянное увеличение трансграничных расчетов и перечислений в юанях. Далеко не вся экспортная выручка торговых партнеров Китая направлялась ими на последующие закупки товаров в Китае с использованием тех же юаней. К тому же, как было отмечено выше, в начале 2010-х годов китайские компании-экспортеры сталкивались с определенными ограничениями в области получения экспортной выручки в юанях. В этих условиях до 80% расчетов в юанях приходилось на импорт Китая и лишь 20% — на оплату китайского экспорта.

В результате на счетах гонконгских банков скапливались значительные юаневые средства. За первые два года реализации в Китае пилотной программы использования юаня во внешнеторговых расчетах общий объем юаневых депозитов на счетах в гонконгских банках увеличился в пять раз, достигнув к концу 2010 г. 315 млрд юаней (почти 48 млрд долл.)[88]. Спустя еще три года масса юаней, осевших на счетах за пределами КНР, превысила 1,5 трлн юаней (примерно 250 млрд долл.), а их доля в сумме всех вкладов в банковской системе Гонконга составила около 12% против 1% в 2008 г.[89]. Это не только тормозило оборот внешней торговли КНР, но и в известной мере подрывало доверие бизнес-сообщества к проекту интернационализации юаня.

В целях расширения сферы трансграничного использования юаня китайское руководство предприняло меры по разблокированию таких счетов и облегчению использования юаней в международных деловых операциях. В частности, в начале 2011 г. компаниям КНР из числа участников пилотной программы внешнеторговых расчетов в национальной валюте было предоставлено право использовать юани для прямых и портфельных инвестиций за рубежом и репатриировать в Китай полученную прибыль в юанях. Китайским банкам разрешалось выдавать кредиты на осуществление таких операций.

В 2010 г. между НБК и гонконгским филиалом Банка Китая было подписано Соглашение о расчетах в юанях. Помимо прочего, данное соглашение предоставило небанковским финансовым институтам в Гонконге право без ограничений открывать счета в юанях, а все частные и корпоративные держатели юаней получили возможность свободно переводить средства между счетами в банках Гонконга на любые цели. В конце 2011 г. на базе местного отделения Банка Китая в Гонконге был создан специальный расчетно-клиринговый центр по юаням.

В 2012–2013 гг. в рамках мероприятий по совершенствованию инфраструктуры обращения юаня на внешнем рынке подобные расчетно-клиринговые центры с предварительным подписанием соглашений о расчетах в юанях создаются на Тайване и в Сингапуре. В дальнейшем, следуя аналогичной процедуре, НБК открыл офшорные юаневые центры еще в 26 странах мира, включая Великобританию, Германию, Францию, Люксембург, Республику Корея, Катар, Канаду, Малайзию, Австралию, ЮАР, Замбию, США, Россию и т.д. Наличие этих специализированных клиринговых структур, осуществляющих расчеты круглосуточно во всех часовых поясах мира, позволяет сократить операционные издержки и тем самым облегчает трансграничное использование китайской валюты.

Таким образом, в 2010-е — начале 2020-х годов оформился и получил развитие масштабный рынок офшорных юаней с глобальным центром в Гонконге и региональными зонами деловой активности в Лондоне, на Тайване, в Сингапуре, в Австралии, в странах ЕС и Юго-Восточной Азии. Одновременно со стороны КНР была проделана большая работа по созданию новых финансовых инструментов в юанях, открытию дополнительных возможностей для вывоза за границу активов, номинированных в юанях, а также для инвестирования офшорных юаней как в Китае, так и за рубежом. Следствием всего этого является рост доверия агентов рынка к офшорным юаням, а равно и возрастание их готовности к формированию юаневых активов.

Юань активно выдвигается в разряд востребованных международных валют. По данным Банка международных расчетов, в 2022 г. доля операций с китайской валютой на мировом валютном рынке выросла до 7% против 4% в 2016 г. и 2% в 2013 г. В результате в 2019–2022 гг. юань стал самой быстрорастущей валютой, поднявшись с восьмого на пятое место в рейтинге наиболее активно используемых валют[90]. Об этом же говорят и данные международной платежной системы SWIFT. По стоимости операций “spot” юань находится на шестой позиции после доллара США, евро, фунта стерлингов, японской иены и канадского доллара. Примерно 70% стоимости офшорных валютных операций с участием юаня приходится на четырех контрагентов: Великобританию (в 2022 г. — 38,1%), США (15,2%), Гонконг (8,5%)

и Швейцарию (7,2%). При этом 95% общего объема этих операций составляют сделки с валютной парой «юань/доллар США»[91].

Растут и объемы различных финансовых активов в странах и регионах с клиринговыми механизмами в юанях. К концу 2022 г. сумма офшорных банковских депозитов в юанях составила свыше 1,5 трлн юаней против 1,1 трлн юаней в 2017 г.[92]. За этот же период времени непогашенный остаток офшорных юаневых облигаций вырос с 252 млрд до 447 млрд юаней, а выпуск за пределами КНР новых облигаций, номинированных в юанях, увеличился с 42 млрд до 484 млрд юаней. Сумма непогашенных займов в юанях на основных офшорных рынках достигла 595,6 млрд юаней, в том числе в Гонконге — 196,7 млрд юаней[93].

Трансграничные инвестиционные транзакции. Внедрение юаня в сферу трансграничных инвестиционных операций в первую очередь потребовало создания и распространения соответствующих инвестиционных инструментов. Начальные шаги в этом направлении связаны с выпуском за пределами Китая выраженных в юанях облигационных займов китайских эмитентов — так называемых *dim sum bonds*. Первый заем такого рода на сумму 5 млрд юаней под 2% годовых был выпущен Банком развития Китая в 2007 г. в Гонконге.

Впоследствии помимо банковских структур в числе эмитентов выпускаемых в Гонконге облигаций *dim sum* стали фигурировать государственные органы КНР, а также гонконгские и китайские компании. В 2007–2011 гг. 92 эмитентами было выпущено 293 *dim sum bonds* на общую сумму 212,7 млрд юаней[94]. Эмитентами примерно 30% облигаций *dim sum* выступают гонконгские нефинансовые учреждения, многие из которых специально учреждаются компаниями КНР для работы на облигационном рынке Гонконга. Еще 20% приходится на китайские компании-девелоперы[95].

В середине 2010-х годов НБК приступил к выпуску за пределами КНР номинированных в юанях векселей центрального банка сроком от трех месяцев до одного года. Первый выпуск в размере 5 млрд юаней состоялся в Лондоне осенью 2015 г. В дальнейшем такая практика приобрела регулярный характер. В 2022 г. НБК осуществил в Гонконге 12 выпусков номинированных в юанях векселей центрального банка на общую сумму в 120 млрд юаней. Спрос на эти ценные бумаги весьма высок — по каждой эмиссии уровень переподписки превысил 1,9 раза при максимуме в 4,6 раза. Основные инвесторы — банки и компании Гонконга, Макао, Тайваня, стран АТР, Европы и Африки. Одновременно с участием гонконгского филиала Банка Китая происходит и быстрое расширение масштабов операций РЕПО для номинированных в юанях векселей НБК в Гонконге[96].

В дополнение к этому в 2015–2016 гг. на межбанковский рынок КНР были допущены так называемые облигации *Panda* — номинированные в юанях облигации некитайских эмитентов, включая правительственные организации, агентства международного развития, финансовые учреждения и нефинансовые предприятия. В 2022 г. 88% сделок, проведенных зарубежными банками на межбанковском валютном рынке КНР, были связаны с инвестициями в облигации.

Диверсификация и обогащение финансовых продуктов способствуют стабильному развитию офшорного рынка облигаций и в целом денежного рынка в валюте

КНР, стимулируют устойчивое расширение деловых операций в юанях, осуществляемых на офшорных рынках китайскими и зарубежными бизнес-структурами, включая международные финансовые организации, центральные банки, коммерческие банки, инвестиционные фонды и страховые компании.

Таблица 27

Политика интернационализации валюты КНР:
трансграничная инвестиционная и финансовая деятельность

Месяц, год	Мероприятия
09.2009 г.	Выпуск в Гонконге первых суверенных облигаций КНР, номинированных в юанях.
08.2010 г.	Открытие для зарубежных центральных банков, а также для зарубежных банков–участников в трансграничных расчетах в юанях доступа на межбанковский рынок облигаций КНР.
01.2011 г	Отечественным предприятиям из числа участников пилотного проекта внешнеторговых расчетов в юанях разрешено использовать юань для осуществления прямых инвестиций за рубежом, а банкам КНР — для их кредитования. Разрешена репатриация в Китай прибыли от зарубежных инвестиций таких китайских компаний в юанях.
12.2011 г.	Гонконгским компаниям–участникам программы КИИИЮ разрешено использовать офшорные юани для инвестиций на рынке ценных бумаг КНР в рамках квоты в 20 млрд юаней.
04.2012 г.	Увеличение квоты участников программы КИИИЮ для инвестиций на рынке ценных бумаг КНР до 50 млрд юаней.
11.2012 г.	Увеличение квоты участников программы КИИИЮ для инвестиций на рынке ценных бумаг КНР до 200 млрд юаней. В дальнейшем действие программы КИИИЮ распространено на компании из Великобритании, Сингапура, Франции, Р. Корея, Германии, Катара, Канады, США, Венгрии и других стран с соответствующим увеличением общей квоты инвестирования.
03.2013 г.	Допуск участников программы КИИИ к торгам на межбанковском рынке облигаций КНР.
11.2014 г.	Начало перекрестных трансграничных биржевых торгов на фондовых биржах Шанхая и Гонконга (*Shanghai-Hongkong Stock Connect*). В дальнейшем аналогичная система трансграничного взаимодействия распространена на фондовые биржи Шэньчжэня и Гонконга (2016 г.), а также на биржи Шанхая и Лондона (2019 г.).
09.2015 г.	Иностранные коммерческие банки (*Hongkong-Shanghai Banking Corporation* и гонконгский филиал Банка Китая) впервые получили разрешение на выпуск номинированных в юанях облигаций (облигации *Panda*) на межбанковском рынке КНР.
10.2015 г.	НБК впервые выпустил за пределами КНР номинированные в юанях векселя центрального банка (Лондон, 5 млрд юаней, срок— один год, купонная ставка — 3,1%).

10.2015 г., 11.2015 г.	Одобрена регистрация выпуска на межбанковском рынке КНР номинированных в юанях квазисуверенных и суверенных облигаций канадской провинции Британская Колумбия и Республики Корея соответственно.
05.2016 г.	НБК установил правила макропруденциального управления трансграничным финансированием с учетом рисков, рассчитываемых на основе капитала или чистых активов организаций-заемщиков. Предприятия КНР (кроме местных финансовых платформ и компаний-девелоперов) получили право по собственному усмотрению привлекать из-за рубежа финансирование в офшорных юанях или в иностранной валюте в пределах верхней границы непогашенной суммы.
08.2016 г.	НБК одобрил выпуск на межбанковском рынке облигаций КНР суверенных облигаций Польши, номинированных в юанях (облигации *Panda*).
05.2018 г	Четырехкратное увеличение инвестиционных квот для перекрестных биржевых торгов на фондовых биржах Шанхая и Гонконга, а также Шэньчжэня и Гонконга.
09.2021 г.	Провинция Гуандун, Гонконг и Макао обнародовали меры по внедрению пилотной схемы трансграничного управления активами в районе «Большого залива» Гуандун–Гонконг–Макао.
05.2023 г.	Официально запущен взаимный доступ между рынками процентных свопов КНР и Гонконга (*Swap Connect*) с целью хеджирования процентных рисков для зарубежных инвесторов, работающих в юанях на внутреннем рынке КНР.

Источники: 2016 RMB Internationalization Report. Beijing: China Financial Publishing House, 2016. P. 44–45. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3828468/3828488/3828529/20190516145756413 66.pdf (accessed: 07.11.2023); 2023 RMB Internationalization Report. Beijing: China Financial Publishing House, 2023. P. 44–83 URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3828468/4756463/5163932/20231208195457 81941.pdf (accessed: 10.12.2023).

Следующий шаг предполагал расширение круга инвесторов, допущенных к деловым операциям с использованием офшорных юаней на внутреннем рынке КНР, а следовательно — принятие более радикальных мер в области либерализации контроля по статьям движения капитала. В этой связи в 2010 г. НБК разрешил зарубежным центральным банкам, а также банкам–участникам трансграничных расчетов в юанях использовать офшорные юани для осуществления инвестиций на межбанковском рынке облигаций КНР. Порядок инвестирования предполагал предварительное обращение офшорных инвесторов к денежным властям КНР для получения соответствующей инвестиционной квоты.

В дальнейшем (2016 г.) вторичный рынок облигаций был открыт практически для всех иностранных институциональных инвесторов, включая коммерческие банки, страховые компании, компании по ценным бумагам, компании по управлению активами и инвестиционные фонды[97]. А запущенная на следующий год программа *Bond Connect* открыла для них удобный трансграничный канал инвестиционного

сообщения между китайским рынком облигаций и Гонконгом. В целом по состоянию на конец 2022 г. на межбанковском рынке облигаций Китая действовало без малого 1,1 тыс. иностранных инвесторов.

Здесь же следует отметить запуск КНР в 2011 г. Программы квалифицированных иностранных институциональных инвесторов в юанях (КИИИЮ). Указанная программа позволяла иностранным юридическим лицам использовать законно полученные за границей юаневые средства для инвестиций на рынке ценных бумаг КНР. В рамках установленной НБК квоты в 20 млрд юаней такие инвестиции были позволены двум десяткам зарегистрированных в Гонконге дочерних структур китайских компаний по ценным бумагам[98].

Высокий спрос со стороны компаний-инвесторов впоследствии стимулировал китайское руководство неоднократно увеличивать размеры инвестиционной квоты. Кроме того, в конце 2012 г. Комитет по контролю за ценными бумагами Китая (ККЦБ) совместно с 20 китайскими компаниями по ценным бумагам внес в соответствующие государственные органы предложение расширить список квалифицированных институциональных инвесторов, включив в него новые инвестиционные компании и другие финансовые структуры, а также провести частичное дерегулирование доступа иностранных инвесторов на китайский фондовый рынок, ослабив правило преимущественного (до 80%) инвестирования в облигационные займы[99].

В результате уже в 2013 г. инвестиционная квота квалифицированных инвесторов достигла 370 млрд юаней, в 18 с лишним раз перекрыв уровень 2011 г.[100]. К началу 2020 г. помимо представителей Гонконга в состав участников Программы КИИИЮ были включены компании еще 18 зарубежных стран, а их совокупная инвестиционная квота выросла почти до 1,6 трлн юаней. Естественным развитием этих событий стала отмена количественного ограничения деловых операций квалифицированных инвесторов на китайском рынке (2020 г.).

Наконец, в интересах повышения ликвидности, а равно и стабильности офшорного рынка требовалось добиться максимального масштабирования и наращивания трансграничных инвестиционных потоков с использованием юаня. Отсюда прогрессирующая институциональная открытость фондового рынка КНР. В частности, в 2014 г. в рамках программы *Shanghai-Hongkong Stock Connect* на фондовых биржах Шанхая и Гонконга были открыты перекрестные трансграничные биржевые торги, подлежащие контролю и квотированию со стороны денежных властей КНР. В дальнейшем аналогичная система трансграничного инвестиционного взаимодействия была распространена на фондовые биржи Шэньчжэня и Гонконга (2016 г.), а также Шанхая и Лондона (2019 г.)[101]. В 2018 г. под давлением как внешнего, так и внутреннего инвестиционного спроса квоты для перекрестных биржевых торгов «Шанхай–Гонконг» и «Шэньчжэнь–Гонконг» были одномоментно увеличены в четыре раза.

В свою очередь, рост биржевой открытости и расширение масштабов операций в юанях повышают потребность участников рынка в инструментах управления инвестиционными рисками. В этой связи в 2023 г. НБК вместе с Управлением денежного обращения Гонконга и местной Комиссией по ценным бумагам и фьючерсам приступила к реализации совместной программы *Swap Connect*, открывающей вза-

имный доступ между рынками процентных свопов КНР и Гонконга*. Используя механизм *Swap Connect*, китайские и зарубежные инвесторы могут, не покидая своего рабочего места, в привычном режиме совершать операции по обмену процентными ставками в юанях и вести соответствующие расчеты через прямое соединение между расчетно-клиринговыми учреждениями в материковой части Китая и в Гонконге.

Создание *Swap Connect*, как и других подобных программ трансграничного делового взаимодействия, помогает иностранным инвесторам хеджировать процентные и иные инвестиционные риски, стимулирует участие зарубежных учреждений в операциях на рынке ценных бумаг КНР и тем самым способствует дальнейшей интернационализации юаня. В целом в 2022 г. трансграничные расчеты иностранных инвесторов по инвестиционным сделкам достигли 23 трлн юаней, в том числе 77% этой суммы пришлось на межбанковский рынок облигаций, 16% — на расчеты по контрактам квалифицированных иностранных инвесторов и 7% — на инвестиционные операции в рамках перекрестных биржевых торгов на фондовых биржах Шанхая, Шэньчжэня и Гонконга[102].

Таким образом, благодаря последовательной либерализации контроля за капитальными операциями, китайские и иностранные банки и компании в последние полтора десятилетия получили возможность использовать юани в самых разных областях, включая международный кредит, межбанковские заимствования, прямые и портфельные инвестиции, операции с ценными бумагами и т.д. В целом в 2022 г. оборот средств по статьям движения капитала достиг 31,7 трлн юаней против 1,7 трлн юаней в 2007 г. и 0,2 трлн юаней в 2002 г.

Совершенствование трансграничных схем биржевого сопряжения, создание специальных каналов сообщения между китайским и международным рынками облигаций — все это способствует углублению и активизации рынка офшорных юаней, формирует систему двусторонних связей между офшорным и оншорным сегментами рынка китайской валюты. Отсюда наблюдаемое в течение последнего десятилетия увеличение роли юаня в международной финансовой системе.

* * *

Повышение международного влияния китайской валюты проявляется, в частности, в расширении использования юаня в качестве резервной валюты. Ориентируясь на снижение валютных рисков за счет диверсификации инвестиций, все больше стран стремятся хранить свои сбережения в китайской валюте. В 2007–2018 гг. среднегодовые темпы прироста китайских финансовых активов, принадлежащих зарубежным экономическим субъектам, составили 12,5%[103]. Юаневая корзина в настоящее время присутствует в золотовалютных запасах центральных банков более

* Процентный своп — производный финансовый инструмент в форме договора сторон об обмене процентными платежами с определенной, заранее оговоренной суммы. При этом один контрагент платит по плавающей процентной ставке (например, в привязке к LIBOR), а другой — по фиксированной; либо происходит обмен фиксированными платежами, выраженными в разных валютах, и т.д.

80 стран и территорий мира, в числе которых, в частности, такие крупные игроки, как центральные банки Японии, Австралии, Франции и Германии, а также Европейский центральный банк, вложивший в 2017 г. 500 млрд евро в юаневые активы.

В результате, по данным МВФ, в 2022 г. объем резервов в юанях, хранящихся центральными банками зарубежных стран, оценивался суммой в 298,4 млрд долл., что соответствует 2,69% мировых валютных резервов против 1,07% в 2016 г. Все это позволяет юаню занимать пятое место в глобальном рейтинге резервных валют[104].

В соответствии с разработками зарубежных специалистов повышение доли страны в мировом ВВП на 1% влечет за собой увеличение удельного веса валюты этой страны в золотовалютных резервах других стран на 0,1% в краткосрочной перспективе и до 2,2% в долгосрочных прогнозах. Таким образом, нынешнее восхождение юаня в качестве новой резервной валюты отражает возрастающую роль экономики КНР в мире.

Вместе с тем, несмотря на огромные усилия и заметные успехи КНР в продвижении своей валюты на мировой рынок, масштабы использования юаня в международных операциях не соответствуют роли Китая в глобальном экономическом развитии. По подсчетам НБК, произведенным в соответствии с методологией МВФ, сводный индекс интернационализации юаня в 2022 г. составил 3,16 против 1,5 в 2016 г. и 0,2 в 2009 г.*. При этом аналогичный показатель для американского доллара составляет 58,3, для евро — 22,18, для британского фунта стерлингов — 7,73, для японской иены — 5,24. На фоне основных международных валют достижения юаня выглядят не столь впечатляюще[105].

Причины этого разнообразны. Здесь и избранная Китаем тактика «малых шагов» в постепенном, поэтапном продвижении экономических преобразований, включая неспешный ход реформы государственного сектора; и ограниченная конвертируемость юаня в условиях поддержания контроля над капитальными операциями; и сохранение регулируемого валютного курса китайской валюты и т.д. Главная причина, однако, кроется в особой сложности и масштабности самого проекта интернационализации юаня. Речь, по сути дела, идет о намерении Китая осуществить серьезный передел глобального денежного рынка, основные сегменты которого заняты и культивируются весьма сильными и влиятельными конкурентами. И разумеется, никто из них не готов идти на сокращение собственной «сферы влияния», обеспечивающей получение экономических и иных выгод и преимуществ.

Этим, в частности, объясняется гипертрофированная роль Гонконга в процессе интернационализации юаня, особенно на его начальной стадии. Достаточно сказать, что в начале 2010-х годов этот своеобразный форпост глобального продвижения юаня обеспечивал 75% внешнеторговых расчетов КНР[106]. С течением времени, по мере развертывания международного рынка юаней география деловых операций

* Индекс интернационализации юаня рассчитывается на основе сопоставительного анализа с аналогичными индексами других валют с использованием таких индикаторов, как доля иностранных валютных активов в банковской системе Китая; доля международных торговых операций, осуществляемых в юанях; доля облигационных займов, выпущенных в юанях за границей; удельный вес юаня в золотовалютных резервах зарубежных стран и др.

с участием китайской валюты постепенно расширяется. Тем не менее в 2022 г. на долю Гонконга пришлось свыше половины суммы трансграничных расчетов Китая и общей стоимости офшорных депозитов в юанях, а также $^{1}/_{3}$ суммы непогашенных займов в юанях на основных офшорных рынках[107].

Анализируя возможности дальнейшего развития страны, в Китае акцентируют необходимость ускорения интернационализации юаня. Как отмечают ведущие китайские экономисты, необходимо и далее совершенствовать политику трансграничного использования юаня для ценообразования и расчетов в экономике, в торговле, в инвестициях. При этом особо подчеркивается важность инвестиций в инфраструктуру и создание промышленных парков в странах, расположенных вдоль «Пояса и пути», с расширением реального спроса этих стран на китайскую валюту. В интересах усиления ценового влияния юаня и повышения его международного статуса должна быть в полной мере реализована роль юаня в ценообразовании на мировом рынке сырья, включая золото, сырую нефть и железную руду. Китай придает большое значение привлечению всех основных производителей этих важнейших биржевых товаров к торговле за юани.

Предполагается и дальнейшее повышение открытости финансового сектора Китая. Зарубежные финансовые учреждения и фонды будут и впредь поощряться к выходу на финансовый рынок КНР, с тем чтобы еще более расширить типы и масштаб активов в юанях, доступных для зарубежных институциональных инвесторов, ускорить внедрение международных финансовых продуктов, которые номинированы, торгуются и рассчитываются в юанях[108]. Продолжая поддерживать развитие офшорного рынка юаня в Гонконге, Китай подчеркивает важность формирования взаимосвязи финансовых рынков в районе «Большого залива» Гуандун–Гонконг–Макао[109].

Таким образом, в средне- и долгосрочной перспективе правительству и денежным властям КНР предстоит большая и целенаправленная работа по всем основным направлениям интернационализации юаня при одновременном сохранении макропруденциального управления трансграничным движением ресурсов, с тем чтобы процесс интернационализации развивался «устойчивым и разумным образом».

Примечания

[1] *Си Цзиньпин*. О государственном управлении. Т. III. 1-е изд. Пекин: Изд-во литературы на ин. языках, 2021. С. 45.

[2] *Манежев С.А*. Иностранный капитал в экономике КНР / ИДВ АН СССР. М.: Наука, 1990. С. 109–110.

[3] 2023 Investment Climate Statements: China // U.S. Department of State: [site]. 2023. URL: https://www.state.gov/reports/2023-investment-climate-statements/china/ (accessed: 30.12.2023).

[4] Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России / Отв. ред. Л.В. Новоселова. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 137–141.

[5] *Новоселова Л.* Развитие иностранного предпринимательства в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 3. С. 103.

[6] *Новоселова Л.* Политика привлечения иностранного капитала в Китае // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 2. С. 79.

[7] *Новоселова Л.* Развитие иностранного предпринимательства в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 3. С. 104.

[8] Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России. Цит. соч. С. 150.

[9] *Новоселова Л.* Развитие иностранного предпринимательства в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 3. С. 104.

[10] China Economic Monitor. Q2 2019. Beijing: KPMG, August 2019. P. 46. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2019/05/china-economic-monitor-q2-2019.pdf (accessed: 14.11.2023).

[11] Law of the People's Republic of China on Foreign Investment // The PRC Ministry of Justice: [site]. Art. 2. URL: http://en.moj.gov.cn/2021-06/22/c_634956.htm (accessed: 07.11.2023).

[12] Ibid. Art. 15–17.

[13] Ibid. Art. 21–23.

[14] China Welcomes Investors with New Foreign Investment Law: News Flash / PwC China // pwc: [site]. 2020. February. URL: https://www.pwccn.com/en/tax/publications/china-foreign-investment-law-feb2020-en.pdf (accessed: 10.11.2023).

[15] *Shen Wei*. China's Foreign Investment Law in the New Normal. Framing the Trajectory and Dynamics. London [et al.]: Routledge, 2023. P. 61–62. DOI: 10.4324/9781003130499. (accessed: 15.11.2023).

[16] Жэньминь жибао. 28.07.2004.

[17] China Outlook 2015. Beijing: KPMG, 2015. P. 33. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2015/02/China-Outlook-2015-201501-v1.pdf (accessed: 29.02.2024).

[18] Trade Policy Review: China. Geneva: WTO, 2018. P. 42. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/tpr_e/s375_e.pdf (accessed: 18.07.2024).

[19] Жэньминь жибао. 19.03.2002.

[20] Trade Policy Review: China. Op. cit. P. 37.

[21] Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России. Цит. соч. С. 137.

[22] Там же. С. 138.

[23] *Новоселова Л.В.* Привлечение иностранных инвестиций в китайскую экономику: новейшие законообеспеченные подходы // Рос. эконом. журнал. 2020. № 4. С. 93. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-4-88-102.

[24] 2019 Investment Climate Statements: China // U.S. Department of State: [site]. 2019. URL: https://www.state.gov/reports/2019-investment-climate-statements/china/ (accessed: 30.12.2023).

[25] China. Investment Climate Statement 2015 / U.S. Department of State // U.S. Department of State : [site]. 2015, P. 8. URL: https://2009-2017.state.gov/documents/organization/241728.pdf (accessed: 30.12.2023).

[26] Ibid. P. 8, 11.

[27] Law of the People's Republic of China on Foreign Investment. Op. cit. Art. 4, 28.

[28] *Shen Wei*. Op. cit. P. 64.

[29] China's Negative List for Foreign Investment Access (New Edition): English Version Available // China Briefing: [site]. 2021. December 28. URL: http://www.china-briefing.com/news/chinas-foreign-investment-negative-list-2021-edition-english-version/ (accessed: 12.11.2023).

[30] Ibid.

[31] China Releases New Negative lists for Foreign Investment // en.people.cn: [site]. 2020. June 25. URL: http://en.people.cn/n3/2020/0625/c90000-9703958.html (accessed: 25.11.2023).

[32] *Qian Zhou*. China Further Expands the Encouraged Catalogue to Boost Foreign Investment // China Briefing: [site]. 2022. November 1. URL: https://www.china-briefing.com/news/china-2022-encouraged-catalogue-updated-implementation-from-january-1-2023/ (accessed: 25.11.2023).

[33] China Punishes Japanese Firms // DW: [site]. 2014. August 20. URL: http://www.dw.com/en/china-fines-japanese-auto-parts-suppliers-for-monopoly/a-17864649 (accessed: 19.11.2023).

[34] China Fines Volkswagen and Chrysler for Antitrust Violations // The New York Times: [site]. 2014. Septtmber 11. URL: https://www.nytimes.com/2014/09/12/business/chinese-regulators-fine-volkswagen-and-chrysler-on-antitrust-charges.html (accessed: 19.11.2023).

[35] China Fines Shipping Firms $63 Million for Price Collusion // Bloomberg: [site]. 2015. December 28. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2015-12-28/china-fines-eight-shipping-lines-63-million-for-price-collusion (accessed: 19.11.2023).

[36] Foreign Investment Guide of the People's Republic of China. Beijing: Ministry of Commerce, 2022. P. 54. URL: http://images.mofcom.gov.cn/wzs/202301/20230104194307105.pdf (accessed: 10.12.2023).

[37] Ibid.

[38] *Qian Zhou*. Op. cit.

[39] 2019 Investment Climate Statements: China. Op. cit. P. 2.

[40] См.: *Новоселова Л.* Новейшие преобразования налогово-бюджетной системы КНР в интересах социально-экономического развития страны // Рос. эконом. журнал. 2016. № 1. С. 80.

[41] WHT Deferral Incentive for Profit Reinvestment in China // China Tax Alert. Issue 35. December 2017. Assets.kpmg.com: [site]. URL: https://home.kpmg.com/cn/en/home/insights/2017/12/china-tax-alert-35.html (accessed: 10.11.2023).

[42] См.: *Новоселова Л.* Новейшие преобразования налогово-бюджетной системы. Цит. соч. С. 81.

[43] *Qian Zhou*. Op. cit.

[44] China: Foreign Investment // Santander: [site]. URL: https://santandertrade.com/en/portal/establish-overseas/china/foreign-investment (accessed: 25.12.2023).

[45] См.: *Мозиас П.М.* Свободные экономические зоны в Китае: достижения и проблемы: Обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. 2020. №1. С. 109. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnye-ekonomicheskie-zony-v-kitae-dostizheniya-i-perspektivy-obzor/viewer (дата обращения: 02.12.2023).

[46] *Interesse G*. China Releases New Measures to Further Open-Up its Free Trade Zones // China Briefing: [site]. 2023. July 6. URL: http://www.china-briefing.com/news/china-releases-new-measures-to-further-open-up -six-ftzs-ftps/ (accessed: 25.12.2023).

[47] Foreign Investment Guide of the People's Republic of China … 2022 Edition. Beijing, 2022. P. 4. URL: http://images.mofcom.gov.cn/wzs/202301/20230104194307105.pdf (accessed: 10.12.2023).

[48] China Outlook 2016 / KPMG Global China Practice. Beijing: KPMG, 2016. P. 49. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2016/03/china-outlook-2016.pdf (accessed: 07.03.2024).

[49] Investing in China's Free Trade Zones // China Briefing: [site]. 2017. September 21. URL: https://www.china-briefing.com/news/investing-in-chinas-free-trade-zones/ (accessed: 25.12.2023).

[50] China's 2022 Negative List // RsA asia: [site]. URL: https://www.rsa-tax.com/single-post/china-s-2022-negative-list (accessed: 20.12.2023).

[51] *Interesse G*. Op. cit.

[52] The New Journey of China's Economic and Social Development / Ed. by Fuzhan Xie [et al.]; transl. by Yisheng Wu [et al.]. Beijing [et al.]: China Social Sciences Press [et al.], 2023. P. 336. DOI: 10.1007/978-981-19-7915-6 (accessed: 23.06.2023).

[53] *Shen Wei*. Op. cit. P. 111.

[54] *Wei Jigang*. China's Industrial Policy: Evolution and Experience. Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2020. P. 16. URL: https://www.unctad.org/system/files/official-document/BRI-Project_RP11_en.pdf (accessed: 13.01.2024).

[55] Агентство Синьхуа, 2015 г. Цит. по: *Gallagher K.S.*, *Qi Qi*. Chinese Overseas Investment Policy: Implications for Climate Change // Global Policy. 2021. Vol. 12. Issue 3. P. 261. DOI: 101111/1758-5899.12952. Wiley Online Library: [site]. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/1758-5899.12952 (accessed: 20.01.2024).

[56] Ibid.

[57] *Huang W., Wilkes A.* Analysis of China's Overseas Investment Policies: Working Paper. Bogor, Indonesia: Center for International Forestry Research, 2011. P. 3. URL: https://www.cifor-icraf.org/publications/pdf_files/WPapers/WP-79CIFOR.pdf (accessed: 11.01.2024).

[58] Ibid. P. 3–5.

[59] Ibid. P. 25, 28–29.

[60] *Бажанов П.* Упрощены правила инвестирования за рубежом для китайских предприятий // CNLegal: [site]. 21.09.2014. URL: http://cnlegal.ru/china_economic_law/chinese_foreign_investments_regulations_2014 (дата обращения: 12.01.2024).

[61] *Новоселова Л.В.*, *Терентьева Т.Г.* Китай на мировом рынке капитала // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 95.

[62] *Gallagher K.S.*, *Qi Qi.* Op. cit. P. 262.

[63] Enhanced Supervision Rules for Outbound Investment // China Tax Weekly Update. 2018. Issue 5. Assets.kpmg.com: [site]. February 2018. P. 2. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2018/02/china-tax-weekly-update-05.pdf (accessed: 27.12.2023).

[64] China Publishes Official Guidelines on Overseas Investments // Client Memorandum. Paul Weiss: [site]. 2017. August 24. P. 3–4. URL: https://www.paulweiss.com/practices/transactional/publications/china-publishes-official-guidelines-on-overseas-investments?id=24745 (accessed: 25.12.2023).

[65] Правовое регулирование инвестиционной деятельности китайских предприятий за рубежом // China Window: [сайт]. http://chinawindow.ru/china/legal-information-china/business-faq/china-company-investment/?ysclid=m6m385f2mn881865095 (дата обращения: 20.12.2023).

[66] *Huang W.*, *Wilkes A.* Op. cit. P. 26–31.

[67] Ibid. P. 13, 30, 31.

[68] *Gallagher K.S.*, *Qi Qi*. Op. cit. P. 267.

[69] 2023 Investment Climate Statements: China. Op. cit.; *Huang W.*, *Wilkes A.* Op. cit. P. 13–14.

[70] *У Бо*. Фонд Шелкового Пути: основные направления и результаты деятельности // Экономика и бизнес: теория и практика. Вып. 5-2 (39). С. 135. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fond-shelkovogo-puti-osnovnye-napravleniya-i-rezultaty-deyatelnosti (дата обращения: 23.11.2023).

[71] 2023 Investment Climate Statements: China. Op. cit.

[72] *Yuan Yuan*. The Tale of a Bank // Beijing Review. 2016. No. 4. Beijing Review: [site]. 2016. January 28. URL: http://www.bjreview.com/Business/201601/t20160122_800047488.html (accessed: 04.01.2024).

[73] *Lin Shuanglin*. China's Public Finance. Reforms, Challenges, and Options. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. XXIV. P. 222. DOI: 10.1017/9781009099028 (accessed: 10.04.2023).

[74] China Statistical Yearbook 2014. Beijing: China Statistics Press, 2014. Table 11-1. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2014/indexeh.htm (accessed: 01.08.2023); Invest in China: [site]. http://www.fdi.gov.cn/1800000121_37_42765_0_7.html (accessed: 01.08.2023).

[75] *Новоселова Л.* Новый этап экономической реформы в КНР: финансовые аспекты // Рос. эконом. журнал. 2014. № 2. С. 63.

[76] Там же. С. 64.

[77] 2016 RMB Internationalization Report. Beijing: China Financial Publishing House, 2016. P. 4. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3828468/3828488/3828529/2019051614575641366.pdf (accessed: 07.11.2023).

[78] Интернационализация юаня. Перспективы стоят ожиданий — Синьхуа // БЕЗФОРМАТА: [site]. 27.11.2014. URL: https://ulanude.bezformata.com/listnews/internatcionalizatciya-yuanya/26813579/ (дата обращения: 12.01.2024).

[79] *Wang Jun*. Spotlight on the Yuan // Beijing Review. 2015. № 43. Beijing Review: [site]. 2015. Oct. 19. URL: http://www.bjreview.com/Business/201510/t20151019_800040545.html (accessed: 17.12.2023).

[80] 2023 RMB Internationalization Report. Beijing: China Financial Publishing House, 2023. P. 20. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3828468/4756463/5163932/2023120819545781941.pdf (accessed: 10.12.2023).

[81] Интернационализация юаня: нефтеюань и роль золота // Золотой запас: [site]. 09.01.2023; https://www.zolotoy-zapas.ru/news/market-analytics/internatsionalizatsiya-yuanya-nefteyuan-i-rol-zolota/ (дата обращения: 29.12.2023).

[82] 2023 RMB Internationalization Report. Op. cit. P. 18.

[83] Ibid. P. 13.

[84] Ibid. P. 10.

[85] 2016 RMB Internationalization Report. Op. cit. P. 42.

[86] 2018 RMB Internationalization Report. Beijing: China Financial Publishing House, 2018. P. 86. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3828468/3828482/3828519/2019051614562045273.pdf (accessed: 12.11.2023).

[87] Ibid. P. 88.

[88] *Андреев В.П.* Юань на пути к мировой валюте // Азия и Африка сегодня. 2012. № 10. С. 5.

[89] *Катасонов В.Ю.* Интернационализация юаня // Русская народная линия: [сайт]. 2014. 31 октября. URL: http://ruskline.ru/analitika/2014/10/31/internacionalizaciya_yuanya (дата обращения: 01.12.2023).

[90] 2023 RMB Internationalization Report. Op. cit. P. 38.

[91] Ibid. P. 38; 2018 RMB Internationalization Report... Beijing, 2018. P.93. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3828468/3828482/3828519/2019051614562045273.pdf (accessed: 12.11.2023).

[92] 2023 RMB Internationalization Report. Op. cit. P. 35.

[93] Ibid. P. 36; 2018 RMB Internationalization Report. Op. cit. P. 93.

[94] *Fung Hung-Gay*, *Yau Jot*. Chinese Offshore RMB Currency and Bond Markets: The Role of Hong Kong // China and World Economy. 2012. Vol. 20. No. 3. P. 117.

[95] The Future of China's Bond Market / Ed. by A. Schipke, M. Rodlauer, Zhang Longmei. Washington. D.C.: International Monetary Fund, 2019. P. 29. URL: https://www.imf.org/en/Publications/Books/Issues/2019/03/05/The-Future-of-China-s-Bond-Market-46144 (accessed: 06.05.2023).

[96] 2023 RMB Internationalization Report. Op. cit. P. 37.

[97] The Future of China's Bond Market. Op. cit. P. 198–199.

[98] China daily. 16.01.2012.

[99] *Lan Xinzhen*. Larger Quotas // Beijing Review. 2013. № 11. Beijing Review.com.cn: [site]. 2013. March 14. URL: http://www.bjreview.com.cn/business/txt/2013-03/11/content_525906.htm (accessed: 26.01.2024).

[100] Ibid.

[101] *Yi Gang*. Revisit China's Financial Asset Structure and Its Policy Implications // The People's Bank of China: [site]. Policy Research. 2020. December 11. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3935690/3935759/4142444/2020121115320657194.pdf (accessed: 10.11. 2023).

[102] Подсчитано по: 2023 RMB Internationalization Report. Op. cit. P. 17.

[103] *Yi Gang*. Op. cit.

[104] 2023 RMB Internationalization Report. Op. cit. P. 20.

[105] Ibid. P. 6, 7.

[106] *Fung Hung-Gay*, *Yau Jot*. Op. cit. P. 113.

[107] 2023 RMB Internationalization Report. Op. cit. P. 35, 36.

[108] The New Journey of China's Economic and Social Development. Op. cit. P. 366.

[109] *Chen Yulu*. The New Development of Dual Circulation and Financial Reform and Opening-Up // The People's Bank of China: [site]. 2021. January 20. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3935690/3935759/4190270/2021020915295369347.pdf (accessed: 12.01.2024).

Раздел II

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Глава 1

Преодоление последствий мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.

Глобализация стимулирует хозяйственное взаимодействие между государствами, способствует их динамичному развитию, облегчает обмен передовыми достижениями в производстве, равно как и в научно-технической и интеллектуальной сферах. При этом, однако, глобализация сопровождается и нарастанием факторов риска. Локальные экономические сбои получают небывалые прежде возможности для распространения по миру, нарушают сложившиеся торговые и инвестиционные потоки, дестабилизируют воспроизводственный процесс в целом. В конечном итоге, как показывает практика, все это чревато возникновением общемировых финансовых катаклизмов и кризисов, не оставляющих в стороне ни одну из сколько-нибудь заметных национальных экономик.

Вместе с тем степень влияния кризиса на те или иные страны, равно как и динамика последующего выхода этих стран на траекторию дальнейшего роста тесно связаны с моделью их социально-экономического развития, масштабами вовлеченности в мирохозяйственные связи и не в последнюю очередь с характером национальной экономической политики. Это наглядно подтверждается опытом современного Китая.

Международный кризис и циклические колебания китайской экономики

Развитие кризисных явлений в мировой экономике началось «под занавес» первого десятилетия XXI в. с широкого распространения ипотеки, сопровождаемого перекредитованностью заемщиков с последующим возникновением проблемы их неплатежеспособности в США и Великобритании. В сентябре 2008 г. банкротство *Lehman Brothers*, одного из крупнейших и наиболее авторитетных инвестиционных банков США, привело к обвалу на фондовом рынке и спустило лавину глобального финансового кризиса. На международном денежном рынке последовал своеобраз-

ный «эффект домино». Крупные банковские институты во многих странах резко ограничили предоставление кредитов и одновременно обратились к правительствам за получением средств господдержки. Экономический кризис быстро распространился по миру.

В конце 2008 г. началось прогрессирующее распространение кризисных явлений с финансового на реальный сектор экономики. В четвертом квартале 2008 г. объем производства в США сократился на 8,4%, уровень безработицы достиг 10%. Вслед за США экономический спад начался в странах Европы и Японии. В октябре–декабре 2008 г. мировое промышленное производство сократилось на 4,5% год к году, мировой ВВП — на 5%.

Все это не могло не отразиться на ситуации в Китае. Страна только что отметила тридцатую годовщину проведения политики внешнеэкономической открытости и в связи с присоединением к ВТО выполнила широкий круг обязательств по либерализации и прогрессирующему открытию национальной экономики. Беспрецедентный экономический рост КНР с начала XXI в. был непосредственно связан с быстрым увеличением экспорта и иностранных инвестиций.

При фонде накопления, устойчиво составляющем свыше 40% ВВП (в среднем по миру — примерно 20%) и соответствующем ограничении масштабов внутреннего потребления, Китай долгое время проводил политику форсированного экономического роста с ориентацией на внешние рынки сбыта. За предыдущие десять лет при среднегодовых темпах прироста ВВП в 10,9% оборот внешней торговли в среднем возрастал на 20,9% ежегодно. В результате размеры внешнеторгового оборота в 2007 г. достигли 61,8% ВВП против 33,8% в 1997 г.[1].

К началу кризиса Китай уже не первый год являлся основным реципиентом иностранного капитала среди развивающихся стран: здесь было создано свыше 632 тыс. предприятий с общим объемом накопленных иностранных инвестиций в 760 млрд долл.[2]. На долю компаний, созданных с участием зарубежных инвесторов, приходилось 29% общего объема добавленной стоимости и 11% занятых в промышленности КНР, а также 57% экспорта[3]. Из года в год нарастали китайские инвестиции за рубежом. В начале 2008 г. накопленные инвестиции компаний КНР в 172 странах и регионах мира составляли около 120 млрд долл.

Наконец, накопив крупнейшие золотовалютные запасы (в 2008 г. — 1,9 трлн долл.), Китай активно вкладывал их в казначейские обязательства США и во второй половине первого десятилетия XXI в. опередил Японию и Великобританию в качестве их главного держателя (в 2008 г. — 652, 9 млрд долл., или 21,5% государственного долга США). Еще 370 млрд долл. из международных резервов Китая было размещено в ценных бумагах частных американских корпораций, включая облигации ведущих ипотечных компаний *Fannie Mae* и *Freddie Mac*, подвергшиеся разрушительному воздействию финансового кризиса.

Налицо, таким образом, наличие разнообразных системных связей китайской экономики с мировыми товарными и финансовыми рынками. Получив благодаря этому безусловные преимущества в динамике и качестве экономического роста, Китай опередил Германию и в 2008 г. вышел на третье место в мире по размерам ВВП (в 2000 г. — шестое место), уступая на тот момент только США и Японии.

Однако глубокая вовлеченность в мировое хозяйство со всей присущей ему цикличностью, дисбалансами и неравномерностью развития обернулась и немалыми проблемами.

В ноябре 2008 г. на фоне разрастающегося мирового экономического кризиса, сокращения платежеспособного спроса в США и Западной Европе впервые с 2001 г. экспорт КНР снизился на 2,2% по сравнению с тем же периодом предыдущего года, а в декабре 2008 г. — еще на 2,8%. Торговля с США, вторым после ЕС торговым партнером КНР, после быстрого роста в первой половине года испытала резкое сокращение во втором полугодии, спровоцировав общее замедление динамики двустороннего торгового обмена. В 2008 г. торговля Китая с США выросла на 10,5%, в то время как общий прирост внешнеторгового оборота КНР составил 17,8%. Китайский экспорт в США за год увеличился на 8,4%, отстав без малого вдвое от общего прироста экспорта КНР[4].

За бесстрастными цифрами кроется резкое торможение китайского экспорта бытовой электротехники, готовой одежды, а также игрушек, по выпуску которых КНР стабильно удерживала первое место в мире. В провинции Гуандун, обеспечивающей львиную долю китайского экспорта и производства игрушек, в 2008 г. закрылось каждое третье предприятие отрасли, годовой прирост экспорта игрушек составил лишь 3,6% против 19% годом ранее[5]. В целом в 2008 г., сокращение экспортных заказов обернулось закрытием 670 тыс. предприятий малого бизнеса[6].

Перед лицом глобальной экономической рецессии, при повсеместно ужесточающихся условиях кредитования, падении корпоративных доходов и неясных перспективах оживления мировой экономики многие крупные международные компании объявили о сокращении производства и инвестиционных программ. В 2008 г. общие размеры прямых иностранных инвестиций в мире, согласно подсчетам ЮНКТАД, сократились на 21%. Не стал исключением и Китай. Если в январе–октябре 2008 г. приток иностранных инвестиций в КНР увеличился на 35%, то в январе–ноябре — уже на 26,3%, а в целом за год — на 23,6%, составив в годовом исчислении 92,4 млрд. долл. Предвещая дальнейшее замедление динамики иностранных инвестиций, в декабре 2008 г. в Китае было учреждено 2562 предприятия с участием иностранного капитала или на 25,78% меньше по сравнению с тем же периодом предыдущего года[7].

Изменение политики иностранных вкладчиков капитала привнесло дестабилизирующие моменты в состояние финансового сектора КНР. Стратегические инвесторы, три года назад вошедшие в акционерный капитал крупнейших государственных коммерческих банков КНР, под влиянием списания масштабных убытков были вынуждены срочно избавляться от своих пакетов акций. В январе 2009 г. швейцарский банк *UBS AG* продал пакет акций Банка Китая стоимостью в 900 млн долл. За ним последовал британский *Royal Bank of Scotland*, который ввиду убытков 2008 г. в 7 млрд фунтов стерлингов вынужден был срочно избавиться от принадлежавшего ему пакета акций того же Банка Китая размером в 2,3 млрд долл. по цене на 8,4% ниже рыночной. *Bank of America* (США) продал еще более крупный (2,8 млрд долл.) пакет акций Строительного банка Китая. Американский инвестиционный банк *Goldman Sachs* вышел из акционерного капитала Промышленно-

торгового банка Китая[8]. Прямым результатом этих действий стало уменьшение капитализации «Большой четверки» китайских банков, а косвенным следствием — снижение их международной конкурентоспособности.

Дополнительная сложность была обусловлена тем, что кризисные явления на международном рынке «вошли в резонанс» с осложнением ситуации на инвестиционном рынке самого Китая, где уже несколько лет набирали динамику тенденции перегрева экономики. Только за первые четыре месяца 2007 г. прирост валовых инвестиций в экономику КНР составил 25,5% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года (за весь 2006 г. — 23,9%), число начатых новостроек выросло на 21 тыс., а сумма вновь предоставленных банковских кредитов (1,8 трлн юаней) превысила полугодовой показатель 2006 г. Опережающими темпами (27,4%) росли капиталовложения в недвижимость, которые, в свою очередь, стимулировали инвестиционный спрос в других отраслях экономики: инвестиции в производство строительных материалов увеличились на 48,3%, а в черную металлургию — на 47,2%[9].

Инвестиционный бум сопровождался бурным развитием фондового рынка КНР. Ежедневный объем операций на Шанхайской и Шэньчжэньской фондовых биржах в январе–июне 2007 г. в среднем составил 202,7 млрд юаней, увеличившись относительно первого полугодия 2006 г. в 5,4 раза. Это вывело фондовый рынок КНР в разряд одного из наиболее быстрорастущих в мире. Прохождение листинга на фондовой бирже с последующим размещением акций стало важным источником формирования собственных инвестиционных ресурсов китайских компаний. Отношение капитализации фондового рынка к ВВП в 2007 г достигло 140%. По этому показателю Китай вышел на третье место в мире и на первое место среди стран с нарождающимися рынками[10].

Как свидетельствует мировая практика, так называемый рынок быка (период устойчиво восходящей биржевой конъюнктуры), как правило, продолжается от 17 до 24 месяцев, в то время как в Китае к началу 2008 г. его длительность достигла двух с половиной лет (начиная с июня 2005 г.), поставив своеобразный мировой рекорд[11]. При этом подавляющая часть биржевых операций, помимо квалифицированных институциональных игроков, приходилась и на розничных инвесторов из числа студентов, пенсионеров и других представителей наименее защищенных слоев населения.

Итогом всего этого явился заметный рост цен. В 2007 г. денежный агрегат M_2 (денежная масса в широком понимании — наличные деньги, чеки, вклады до востребования, срочные банковские депозиты) увеличился на 16,7%. Индекс потребительских цен по сравнению с предыдущим годом вырос на 4,8%, при этом цены на продукты питания подскочили на 12,3%, что стало наивысшим показателем с 1998 г. В попытке сохранить имеющиеся накопления население с удвоенной энергией принялось инвестировать свободные средства в строительство и приобретение жилья, раздувая ажиотаж и взвинчивая цены на рынке недвижимости (в январе–октябре 2007 г. — на 9,5%). Уже в первом полугодии 2008 г. прирост инвестиций в городах составил 26,8%, а в третьем квартале — 27,6% против 25,8% в 2007 г. В феврале 2008 г. индекс потребительских цен подскочил до 8,7%.

Все это еще в 2007 г. вызывало серьезную обеспокоенность правительства и НБК и в конце концов привело к решительному ужесточению денежной политики во избежание всплеска инфляции, избыточного использования кредитных средств на фондовом рынке, необеспеченного материальными ресурсами роста инвестиций и в итоге общего перегрева экономики.

Стремясь охладить ажиотажные тенденции на инвестиционном рынке посредством ограничения доступа инвесторов к кредитным ресурсам, НБК в течение полутора лет (январь 2007 — июнь 2008 г.) шестнадцать раз повышал норму обязательного резервирования средств коммерческих банков, доведя ее с 9% до рекордных 17,5%, в то время как за предыдущие шесть лет (2001–2006) норма обязательного резервирования повышалась только пять раз. Одновременно производилось многократное повышение базовой ставки по кредитам: в одном только 2007 г. процентная ставка увеличивалась шесть раз против трех раз в течение шестилетнего периода 2001–2006 гг.[12].

В результате в 2007 г. ставки по кредитам сроком на один год возросли с 6,12 до 7,47%, ставки по банковским депозитам — с 2,52 до 4,14% годовых, а норма обязательного резервирования средств коммерческих банков достигла наивысшего с 1998 г. уровня в 14,5% против 9% в начале года. Как правило, единовременное повышение нормы резервирования в 2007 г. составляло 0,5%, что давало возможность увести с денежного рынка ликвидные средства на 150–160 млрд юаней.

Ужесточение денежной политики обусловило прогрессирующее сжатие денежной массы во второй половине 2008 г. В ноябре прирост денежного агрегата M_1 (денежная масса в узком понимании — наличные деньги, чеки, вклады до востребования) сократился до самой низкой за последние годы отметки, составив всего 6,8%.

Следствием этого явилось замедление роста индекса потребительских цен с рекордных 8,7% в феврале до 6,3% в июле и до 2,4% в ноябре 2008 г. Впервые, начиная с 2005 г., пошли вниз цены на городское жилье: к концу 2008 г. в крупных городах они упали на 25% по сравнению с началом года. Сводный индекс Шанхайской фондовой биржи в 2008 г. обрушился на 70% — с 6124 до 1850 пунктов, откатившись на уровень трехлетней давности. Лидерами падения стали акции металлургических, угле- и газодобывающих, а также электроэнергетических компаний, пользовавшиеся ажиотажным спросом в предыдущие несколько лет, когда под влиянием экспортной экспансии КНР биржевые индексы росли с небывалой скоростью.

Прекращение роста капиталовложений в недвижимость оказало угнетающее воздействие на состояние целого ряда отраслей экономики, производящих основные строительные материалы (сталь, стекло цемент, алюминий), а также бытовые товары длительного пользования. Производство стали сократилось на 12%. Увеличение продаж бытовых электроприборов в октябре составило лишь 0,8% по сравнению с почти 20% в начале года, а продажи автомобилей возросли на 19% по сравнению с 34% в июне. В соответствующих отраслях обнаружились избыточные производственные мощности, началось быстрое накопление складских запасов.

Жесткая денежная политика проводилась вплоть до осени 2008 г. Приведя к охлаждению рыночной конъюнктуры и ослаблению инфляционных всплесков, она

в то же время явилась одним из факторов общего ухудшения условий предпринимательской деятельности. Ежеквартальный опрос 19,5 тыс. китайских компаний показал резкое падение индекса делового климата во втором полугодии 2008 г.: до 107 пунктов в четвертом квартале против 128,6 пунктов в третьем квартале, 137,4 во втором и 136,2 в первом квартале. В промышленности КНР индекс делового климата в четвертом квартале 2008 г. опустился ниже отметки в 100 пунктов, обозначающей водораздел между экономическим ростом и депрессией.

В целом совпадение острой фазы мирового финансового кризиса с циклическим торможением роста национальной экономики обусловило тревожные результаты экономического развития КНР в 2008 г. Если в 2007 г. прирост ВВП КНР в постоянных ценах составил 14,2%, то в 2008 г. — 9,7%, в том числе в первом полугодии — 10,4%, а в третьем и четвертом кварталах — 9 и 6,8% соответственно. Прирост производства промышленной продукции сократился с 16% в июне до самого низкого за последние 10 лет уровня в 5,4% в ноябре. В результате падения энтузиазма инвесторов в условиях финансового кризиса размеры первичных размещений акций китайских компаний на фондовых биржах Шанхая и Шэньчжэня упали на 78%, снижая возможности эффективного развития бизнеса.

В связи с замедлением роста экономики и падением корпоративных прибылей со второй половины 2008 г. началось и сокращение бюджетных доходов. В октябре 2008 г. впервые за последние 12 лет произошло уменьшение (на 0,3%) налоговых поступлений в государственный бюджет КНР по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. В ноябре падение составило уже 3,1%. По итогам 2008 г. динамика финансовых поступлений государства замедлилась в полтора с лишним раза, годовой прирост бюджетных доходов составил 19,5% против 32,4% в 2007 г.[13]. Наконец, впервые с 1998 г. произошло замедление роста международных резервов КНР — в 2008 г. их увеличение составило 417,8 млрд долл., что было на 44,1 млрд долл. меньше, чем в 2007 г.

Сохранение негативных тенденций, обозначившихся в развитии китайской экономики, начиная со второй половины 2008 г. грозило обернуться осложнением социально-экономической обстановки в стране. Согласно официальной статистике, к началу 2009 г. количество лиц, потерявших работу, составляло в КНР 8,9 млн человек, а коэффициент безработицы — 4,2%. Многие безработные, особенно из приморских городов, возвращались в сельскую местность, которую они прежде покинули в надежде обрести более привлекательные условия жизни.

По оценке международных экспертов, с сентября 2008 г. по апрель 2009 г. около 17% трудовых мигрантов (45 млн человек) потеряли работу или отложили переезд из сельской местности на заработки в города[14]. Почти 1,5 млн выпускников вузов за год не смогли трудоустроиться и в итоге пополнили ряды безработных. Все это дало основания Китайской академии общественных наук в конце 2008 г. оценить фактический уровень безработицы в 9,4%[15]. Ситуация выглядит тем более неблагоприятной, что развитие мирового кризиса продолжилось в 2009 г., за первые пять месяцев которого ВВП в США сократился на 5,7%, а в ЕС и Японии — на 9,7 и 14,2% соответственно.

Антикризисная программа КНР

В самый острый кризисный период, подобно большинству стран мира, Китай направил огромные ресурсы на поддержание национальной экономики. Уже в последние месяцы 2008 г. Госсовет КНР приступил к реализации объявленного 9 ноября 2008 г. и рассчитанного на 2009–2010 гг. пакета антикризисных мер размером в 4 трлн юаней (586 млрд долл.), что соответствовало чуть менее 15% ВВП[16].

Мобилизуемые как центральным правительством (30%), так и по линии провинциальных властей, а также из внебюджетных источников (70%), эти средства были ориентированы на финансирование следующих приоритетных инвестиционных программ:

- 1,5 трлн юаней — реконструкция городских электросетей и строительство инфраструктурных объектов (железные и автомобильные дороги, аэропорты, ирригационные сооружения);
- 1 трлн юаней — восстановление районов провинции Сычуань, пострадавших от землетрясения в мае 2008 г.;
- 400 млрд юаней — строительство доступного бюджетного жилья для малообеспеченных семей;
- 370 млрд юаней — реализация проектов, связанных с улучшением жизни сельского населения (электро- и водоснабжение, сельские дороги);
- 370 млрд юаней — инновации и структурная перестройка (поддержка НИОКР, развитие высоких технологий, совершенствование сферы услуг);
- 210 млрд юаней — охрана окружающей среды, включая энергосбережение, уменьшение выбросов загрязняющих веществ, строительство очистных сооружений;
- 150 млрд юаней — образование и здравоохранение (строительство и реконструкция школ и больниц, особенно в относительно плохо развитых внутренних провинциях)[17].

Внутренний платежеспособный спрос был дополнительно простимулирован с помощью масштабных целевых ассигнований государственного бюджета. Речь, в частности, идет о субсидировании цен на зерно и увеличении финансовой помощи сельскому населению. В 2008 г. ассигнования центрального бюджета на субсидии крестьянским дворам составили 102,77 млрд юаней, в два с лишним раза превысив уровень 2007 г.[18]. Следует отметить и субсидирование продаж бытовой техники. Начатая в нескольких пилотных регионах еще в декабре 2007 г., эта программа в 2009 г. была распространена на половину территории страны. Размер бюджетных субсидий на приобретение гражданами бытовой техники в 2009 г. составил 15 млрд юаней против 9 млрд юаней в 2008 г.

В этом же направлении действовал принятый в декабре 2008 г. пакет мер Госсовета КНР по стимулированию рынка недвижимости, а также фискальные льготы в рамках так называемой проактивной финансовой политики. Изменения в налоговой системе поощряли компании к наращиванию инвестиций в развитие производства.

С начала 2009 г. предприятия освобождались от уплаты НДС при приобретении технологического оборудования для реализации инвестиционных программ[19]. Снижение ставки НДС для малых и индивидуальных предприятий, равно как и уменьшения налога на прибыль для компаний с уровнем годового дохода меньше 300 тыс. юаней, снизив налоговую нагрузку китайских предприятий, дополнительно расширило их инвестиционные возможности*.

Всестороннее взбадривание инвестиционного и потребительского спроса подкреплялось мерами по улучшению предложения на внутреннем рынке товаров и услуг. С этой целью в ГКРР в декабре 2008 — феврале 2009 г. были разработаны программы реструктурирования и модернизации десяти ключевых отраслей промышленности КНР, обеспечивающих производство более 30% ВВП и 30% общей численности занятых в городах. В их числе автомобиле- и судостроение, нефтехимия, легкая и текстильная промышленность, машиностроение, черная и цветная металлургия, информационные технологии[20]. Система отраслевой поддержки предполагала применение целого комплекса мер — от расширения и совершенствования производственных мощностей до целевого субсидирования спроса в соответствующих сегментах рынка, предоставления налоговых льгот, снижения тарифов на электроэнергию и т.д.

Чтобы привести в действие описанный выше механизм государственного стимулирования экономики, требовалось ее постоянное насыщение финансовыми ресурсами. Для увеличения денежного предложения в ноябре 2008 г. НБК перешел к проведению так называемой умеренно мягкой денежной политики, предполагающей, в частности, увеличение финансовой самостоятельности банков и расширение доступа к кредитным ресурсам для заемщиков. В этой связи прежде всего было отменено директивное квотирование кредитов, разрешенных к выдаче кредитно-финансовыми учреждениями страны в течение года.

Был предпринят решительный разворот в политике процентных ставок. Если еще недавно НБК настойчиво ужесточал денежную политику и, соответственно, раз за разом поднимал базовые процентные ставки по кредитам и депозитам, то уже в сентябре–декабре 2008 г. с целью стимулирования кредитования реального сектора экономики он неоднократно прибегал к мерам противоположной направленности, а именно — к снижению уровня процентных ставок, в том числе три раза в сентябре–октябре (каждый раз на 0,27%), один раз в ноябре (на 1,08%), а также в декабре 2008 г. (0,27%). В результате за короткое время базовая ставка по кредитам сроком в один год была понижена с 7,47 до 5,31% годовых, а по депозитам на один год — с 4,41 до 2,25%[21]. Ставки по ипотечным кредитам снизились с 8,2% до 3,7% во второй половине 2008 г.[22].

Осуществлялось и снижение нормы обязательного резервирования средств коммерческих банков. К концу 2008 г. в результате четырех последовательный сокра-

* Если прежде малые предприятия и индивидуальные предприниматели в сфере торговли уплачивали НДС по ставке в 4%, а промышленные предприятия платили 6%, то теперь для тех и других независимо от отраслевой принадлежности была установлена единая ставка НДС в размере 3%. Для предприятий с уровнем годового дохода меньше 300 тыс. юаней ставка налога на прибыль была уменьшена с 25 до 20%.

щений ее уровень был уменьшен с 17,5 до 14,5%. В октябре 2008 г. власти ослабили нормативные требования для получения ипотечных кредитов[23]. Для поддержки малого бизнеса, не имеющего широкого доступа к банковскому кредитованию и при этом особо чувствительного к колебаниям рыночной конъюнктуры, были смягчены нормативы кредитных операций для мелких и средних коммерческим банков, со стороны КРБД коммерческим банкам было рекомендовано усилить кредитную поддержку малых предприятий и аграрного сектора[24]. В марте 2009 г. Министерство финансов выделило 1 млрд юаней на поддержку банковского кредитования малого бизнеса[25].

С этой же целью с января 2009 г. китайским компаниям было разрешено размещать на межбанковском рынке корпоративные облигации на сумму менее 500 млн юаней. Это означало существенное смягчение установленных ранее требований к минимальным размерам корпоративных заимствований на фондовом рынке.

В целом, являясь основной ставкой китайских властей в противостоянии мировому экономическому кризису, политика кредитной и финансовой экспансии характеризовалась решительностью и масштабностью. В 2009 г. размеры вновь выданных банковских кредитов составили 9,6 трлн юаней против 4,9 трлн юаней годом ранее. Банки «Большой четверки» рапортовали об активной финансовой поддержке малого бизнеса, на долю которого пришлось от 42% (Строительный банк Китая) до 61% (Промышленно-торговый банк Китая) прироста их кредитной активности в январе–мае 2009 г.[26]. Во второй половине 2009 г. ипотечное кредитование возросло в пять раз впервые после четвертого квартала 2008 г. возобновился рост внешнего долга КНР, составивший по состоянию на конец сентября 2009 г. 386,77 млрд долл. против 360,58 млрд долл. в конце июня 2009 г. Это на 12,11 млрд долл., или 3,23% больше, чем в конце 2008 г.

Послужив непосредственным катализатором хозяйственной деятельности, активная кредитная политика оказала заметное воздействие на денежный рынок страны, после длительного сокращения денежной массы был отмечен ее возвратный рост. В конце декабря 2009 г. денежный агрегат M_1 составил 22,0 трлн юаней, увеличившись по сравнению с тем же периодом 2008 г. на 32,4%. Денежный агрегат M_2 увеличился на 27,7% — до 61 трлн юаней[27].

Pro et Contra антикризисной политики

Все это позволило КНР в сжатые сроки развернуть небывалую инвестиционную активность (см. табл. 28). В 2009 г., достигнув 22,5 трлн юаней, валовые инвестиции в экономику КНР показали годовой прирост в 30% против 25,9% в 2008 г. и 24,8% в 2007 г. При этом в январе–мае 2009 г. (прирост на 38,9% по сравнению с тем же периодом 2008 г.) зафиксирован абсолютный рекорд инвестиционной активности начиная с 2004 г.

Основной движущей силой инвестиционного процесса стала финансовая поддержка государства. Несмотря на то что в конце первого десятилетия XXI в. 60% ВВП КНР производилось на негосударственных предприятиях, обеспечивавших к тому же 70% городской занятости, динамика государственных капиталовложений

в рассматриваемый период в полтора-два раза превосходила рост негосударственных инвестиций. В этом — коренное отличие 2009 г. от предкризисных лет, когда рост негосударственных инвестиций заметно опережал динамику капитальных затрат государства. Так, в 2007 г. темпы прироста государственных и негосударственных вложений в основные фонды составили 16,7 и 34,2% соответственно, в 2008 г. аналогичные показатели были 22,8 и 28,7%. По оценке китайских специалистов, экономический рост КНР в самый сложный кризисный период с января по июнь 2009 г. был на 80% профинансирован за счет государственных инвестиций[28].

Таблица 28

Инвестиции в экономику КНР, 2009 г.

	I кв.		I–II кв.		I–III кв.		I–IV кв.	
	млрд юаней	прирост (%)*	млрд юаней	прирост (%)	млрд юаней	прирост (%)	млрд юаней	прирост (%)
Инвестиции, всего	2810,0	28,8	–	–	–	–	22484,6	30,1
В том числе: инвестиции в городские районы	2356,2	28,6	7809,8	33,6	13317,7	33,3	19413,9	30,5
в том числе: в первичный сектор	33,2	85,0	142,8	68,9	236,5	54,8	337,3	49,9
во вторичный сектор	1018,0	26,8	3395,6	29,0	5704,4	26,9	8227,7	26,8
в третичный сектор	1305,0	29,1	4271,4	36,6	7376,8	38,1	10848,9	33,0
(в том числе недвижимость)	(394,2)	(6,2)	(1207,3)	(10,1)	(2092,5)	(15,4)	(3623,2)	(16,1)

* Прирост к аналогичному периоду 2008 г.

Источники: Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2009 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2010. February 25. URL: https://www.stats.gov.cn/english/NewsEvents/201002/t20100226_26295.html (accessed: 10.01.2024); Investment in fixed assets (2009.01-03) // National Bureau of Statistics of China: [site]. 29.03.2009. URL: https://

www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/MonthlyData/200904/t20090429_28571.html (accessed: 10.01.2024); Investment in fixed assets (2009.01-06) // National Bureau of Statistics of China: [site]. 29.06.2009. URL: https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/MonthlyData/200907/t20090729_28633.html (accessed: 10.01.2024); Investment in fixed assets (2009.01-09) // National Bureau of Statistics of China: [site]. 30.09.2009. URL: https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/MonthlyData/200910/t20091030_28683.html (accessed: 10.01.2024).

В соответствии с антикризисной политикой правительства основная часть средств, предопределившая общую динамику инвестиционного процесса, направлялась в третичный сектор экономики и прежде всего в объекты производственной и социальной инфраструктуры. С использованием средств государственного антикризисного пакета в КНР было развернуто массовое строительство новых аэропортов, автомобильных дорог, речных и морских портов, а также широкая реконструкция линий железнодорожного сообщения. Началось активное распространение системы государственного медицинского страхования на сельские районы страны.

Быстрое и массированное привлечение в экономику КНР огромных инвестиционных ресурсов сыграло свою роль. С середины 2009 г. началось восстановление динамики экономического роста в КНР. Если в январе–марте 2009 г. прирост ВВП КНР равнялся 6,1%, что означало продолжение начавшейся во второй половине предыдущего года тенденции к замедлению экономического роста, то уже в апреле–июне этот показатель увеличился до 7,9%, а в целом за 2009 г. годовой прирост ВВП составил 9,4% против 9,7% в 2008 г. Это дало основания говорить о прохождении Китаем нижней точки экономического кризиса.

Основные импульсы роста исходили от промышленного производства: прирост добавленной стоимости во вторичном секторе экономики, включающем, согласно официальной статистике КНР, добывающую и обрабатывающую промышленность, а также строительство, составил 10,8% против 4,0% в первичном секторе (сельское хозяйство, рыболовство, лесное хозяйство) и 9,6% в третичном секторе (сфера услуг, транспорт, недвижимость, образование)[29]. При этом нарастающая динамика промышленного роста резко контрастировала с поквартальным затуханием производственной активности в предыдущем году. Добавленная стоимость в промышленности увеличилась на 5,1% в первом квартале, на 9,1% во втором квартале, на 12,4% в третьем квартале и даже на 18% в четвертом квартале 2009 г.*

Как известно, в докризисный период, характеризовавшийся двузначными показателями роста экономики КНР, одной из основных движущих сил ее развития являлась внешняя торговля и прежде всего экспорт промышленной продукции. Однако мировой экономический кризис привел к существенному падению спроса на китайские товары со стороны основных торговых партнеров Китая. В этих условиях, учитывая широкий ассортимент производимой в стране готовой промышленной

* Данные по состоящим на государственном статистическом учете промышленным предприятиям с уровнем годового дохода от основной деятельности свыше 5 млн юаней.

продукции, а также активное государственное стимулирование внутреннего платежеспособного спроса, происходила все более заметная переориентация производства на внутренний рынок.

Годовой располагаемый доход в расчете на одного городского жителя в 2009 г. составил 17,2 тыс. юаней, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 8,8%, а с учетом индекса розничных цен — на 9,8%; аналогичный показатель на селе составил 5,2 тыс. юаней (прирост на 8,2 и 8,5% соответственно). В результате в 2009 г. размеры розничных продаж в КНР достигли 12,5 трлн юаней, увеличившись на 16,9% по сравнению с 2008 г. При этом реализация обуви и одежды выросла на 18,8%, мебели — на 35,5%, автомобилей — на рекордные 46,2%. В течение года в КНР было продано почти 13,5 млн автомобилей, в результате чего, обогнав США, страна превратилась в крупнейший автомобильный рынок мира. Опережающими темпами развивались и такие отрасли, как производство строительных материалов (цемент, стекло и т.д.), жилищное строительство, химическая промышленность, цветная металлургия и др.[30]. Налоговые поступления КНР в 2009 г. повысились на 11,7%, составив 6,85 трлн юаней.

Вопреки общемировой тенденции к сжатию спроса и предложения в кризисный период результатом политики экономического стимулирования явился заметный рост деловой активности субъектов рынка в Китае. Так, только на предприятиях частного сектора в течение года было создано 11,4 млн новых рабочих мест, или свыше 90% новых рабочих мест в городах. В целом количество частных предприятий в КНР за год увеличилось более чем на 10%, а число занятых на них — на 8,4%.

В четвертом квартале 2009 г. индекс деловой активности предприятий Китая (основной инструмент оценки макроэкономических перспектив, рассчитываемый с 1998 г.) составил 130,6 пункта против 124,4 пункта в третьем квартале. Если учесть, что значения данного индекса, превышающие 100 пунктов, указывают на перспективу роста экономики, то достигнутые в Китае показатели свидетельствуют о выраженной тенденции динамичного экономического развития. Укрепление макроэкономической стабильности подтверждается и данными социологических обследований, согласно которым в четвертом квартале 2009 г. 79% китайских потребителей (в третьем квартале 2009 г. — 43%) позитивно оценивали состояние экономической ситуации в стране и имели оптимистичные ожидания относительно перспектив личной занятости и доходов.

Результаты внешнеэкономической деятельности Китая были непосредственно связаны с охватившей международные рынки депрессией. По данным Государственного таможенного управления в 2009 г. впервые за многие годы внешнеторговый оборот КНР сократился, показав уменьшение на 13,9%. При этом китайский экспорт упал на 16%, а импорт — на 11,2%. Положительное сальдо торгового баланса составило 196,1 млрд долл., сократившись на 34,4% по сравнению с 2008 г.

Таблица 29

Динамика внешней торговли КНР, 2009–2010 гг. (%)*

	2009 г.											2010 г.	
	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль
Экспорт	-25,7	-7,1	-22,6	-26,4	-21,4	-22,0	-22,2	21,3	20	18,8	17,7	21,0	45,7
Импорт	-24,1	-25	-23,0	25,2	-13,2	-23,6	-22,7	20,4	-19	15,8	55,9	85,5	42,7
Сальдо (+) торгового баланса	4,8	18,6	13,1	13,4	8,3	10,5	15,7	12,9	24,0	19,1	18,4	14,2	7,6

* Прирост/падение к аналогичному периоду предыдущего года.

Источник: Total Value of Imports and Exports, Growth Rate (%)// National Data: [site]. URL: https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=A01 (accessed: 15.01.2024).

Однако в конце 2009 г. и здесь произошел перелом, подтверждающий общие тенденции восстановления и дальнейшего развития китайской экономики. В декабре 2009 г. оборот внешней торговли достиг 243 млрд долл., увеличившись на 16,7% по сравнению с предыдущим месяцем и на 32,7% по сравнению с декабрем 2008 г. При этом экспорт составил 130,7 млрд долл. (прирост на 17,7% по отношению к декабрю 2008 г.), а импорт — 112,3 млрд долл. (55,9%), показав рекордный результат за месяц. Как свидетельствует табл. 29, отмеченная тенденция получила дальнейшее развитие с самого начала 2010 г. В конечном итоге в условиях сжатия мировой торговли и падения торговой активности ведущих стран мира Китай сумел укрепить свои позиции на международном рынке, оттеснив Германию со второй позиции в списке крупнейших стран-экспортеров[31].

Сходная ситуация наблюдалась и в сфере движения капиталов. На фоне глобального сокращения трансграничных инвестиций почти на 40% приток иностранного предпринимательского капитала в экономику КНР в 2009 г. составил 90,03 млрд долл., сократившись по сравнению с предыдущим годом на 2,6%, а число утвержденных к созданию предприятий иностранного капитала (23 435 ед.) уменьшилось на 14,8%. При этом, однако, объем прямых инвестиций, поступающих из-за рубежа, в декабре 2009 г. в пятый раз подряд показал прирост по отношению к предыдущему месяцу и, составив 12,1 млрд долл., повысился на 103% по сравнению с декабрем 2008 г. Одновременно, используя свои валютные резервы, Китай активизировал инвестиционную деятельность на внешних рынках. В 2009 г. инвестиции КНР в подешевевшие зарубежные активы составили 43,3 млрд долл., показав годовой прирост в 6,5%. При этом 40,4% этой суммы, или 17,5 млрд долл., было направлено на трансграничные операции по слиянию и поглощению, передаче технологий и др.[32].

В целом в 2009 г. сложилась своеобразная картина распределения динамики экономического развития Китая по основным факторам роста. По данным ГСУ КНР, рост внутреннего потребления фактически компенсировал негативное влияние, оказанное на китайскую экономику депрессией на внешних товарных рынках и соответствующим сокращением экспорта. В свою очередь, всплеск инвестиционной активности обеспечил 90% результирующей динамики экономического роста. Для сравнения, в 2007 г. аналогичный показатель составил менее 40%[33].

Таким образом, в результате реализации антикризисной программы правительства уже в середине 2009 г. экономика КНР, в отличие от большинства стран мира, начала демонстрировать относительно комплексные признаки оживления. Но целый ряд обстоятельств свидетельствовал о том, что реальный выход Китая на траекторию устойчивого экономического роста требовал дальнейших усилий.

Сделав главную ставку в оживлении экономики на накачку ее инвестициями, подавляющую их часть правительство направляло в государственный сектор. Однако эффективность этих затрат не столь велика. Так, в январе–августе 2009 г. при увеличении добавленной стоимости в промышленности на 8,1% соответствующий показатель на частных предприятиях составил 17,4%, в акционерных компаниях — 10,5%, а на государственных предприятиях — лишь 3,3%. При этом развернутое инфраструктурное строительство с длительным инвестиционным циклом требовало

все новых вливаний государственных финансовых и материальных ресурсов для завершения начатых проектов и получения соответствующей отдачи на вложенный капитал.

Кроме того, использование административных каналов для лавинообразного вливания инвестиционных средств в экономику чревато нарушением рыночных механизмов межотраслевого перераспределения ресурсов. Статистика показывает, что ряд промышленных отраслей, где еще до кризиса накопились избыточные производственные мощности (производство цемента, цветная металлургия и др.), в первом полугодии 2009 г. имели темпы прироста более 20%. Это вынудило Госсовет КНР издать распоряжение об ограничении их инвестиционной активности. С другой стороны, такая ключевая для развития промышленности и экономики в целом отрасль, как электроэнергетика, в этот же период характеризовалась сокращением производства на 3,5%. Стимулируя нарастание дисбаланса совокупного спроса и предложения, сохранение такой ситуаций грозило обернуться своеобразными «технологическими тромбами» в реальном секторе экономики и серьезными воспроизводственными проблемами.

Определенные опасения вызывало и состояние банковского сектора. Зафиксированное в 2009 г. двукратное наращивание потока кредитных ресурсов, к тому же направляемых в экономику в экстренном порядке и потому подчас без необходимой оценки рисков, было чревато разрастанием так называемых плохих долгов, с которыми долго и тяжело справлялся Китай, реформируя свою банковскую систему в начале XXI в.

В 2009 г. примерно 60% банковских кредитов были направлены на финансирование проектов, сооружаемых при поддержке местных органов власти различного уровня, экономическая активность которых зачастую выходила из-под регулирующего воздействия центра. В прошлом это не раз создавало ситуацию массового невозврата заемных средств. При этом многие кредиты, привлеченные созданными при местных правительствах коммерческими структурами, имели синдицированный характер. Таким образом, невозврат заемных средств угрожал ударом по банковской системе страны в целом.

Непростая ситуация возникала и на фондовом рынке. В нарушение целевого характера кредитования часть вновь выданных банковских кредитов, минуя реальный сектор экономики, поступила на фондовый рынок КНР. Это способствовало довольно бурному его развитию. В 2009 г. объем сделок на Шанхайской фондовой бирже вырос на 85,1% и достиг 39,3 трлн юаней, а общая стоимость торгуемых здесь акций выросла на 89,9%, составив 18,5 трлн юаней. В результате сводный индекс Шанхайской фондовой биржи рос почти в четыре раза быстрее по сравнению с американским биржевым индексом *Standard&Poors 500*[34].

В условиях повсеместного кризисного падения либо замедления производства китайский фондовый рынок явился весьма привлекательным местом приложения свободных финансовых ресурсов, в том числе зарубежных. По оценке известного китайского экономиста, советника НБК Фань Гана, в декабре 2009 г. из общей суммы прироста валютных резервов КНР в 39 млрд долл. до 16 млрд долл. мог составить приток так называемых горячих денег, поступающих в страну в обход валют-

ного законодательства посредством реализации фиктивных контрактов на размещение прямых иностранных инвестиций, завышения реальной стоимости экспортных поставок и др.[35].

В целом размеры притока «горячих денег» в экономику КНР в 2009 г. можно приблизительно оценить в 120–140 млрд долл.*. Не случайно, по сведениям информационного агентства *Bloomberg* (США), 62% американских инвесторов полагали, что на китайском фондовом рынке имелись спекулятивные «пузыри», каждый третий из опрошенных считал, что по сравнению с другими странами в Китае наблюдался максимальный риск внезапного обрушения рынка.

Признаки перегрева проявлялись и на рынке недвижимости. Наряду с автомобилестроением он послужил своеобразным локомотивом экономического роста в период мирового кризиса. Сюда были направлены значительные финансовые средства: удельный вес капитальных вложений в объекты недвижимости в 2009 г. составил 22% валовых инвестиций в городах, пятая часть всех вновь выданных банковских кредитов также была направлена на финансирование строительства и покупки жилья[36].

Одновременно еще в конце 2008 г. в рамках антикризисного пакета правительственных мер участникам рынка — как покупателям, так и продавцам — были предоставлены существенные экономические льготы. В их числе 30%-ное уменьшение ставок по ипотечным кредитам, снижение гербового сбора при покупке жилья для тех, кто впервые покупает жилье площадью до 90 кв. м, сокращение первоначального взноса при приобретении жилья с 30 до 20% его стоимости. Граждане КНР были освобождены от уплаты налогов при продаже жилья в случае, если к моменту реализации оно находилось в их собственности не менее двух (ранее — не менее пяти) лет. Для активизации покупок недвижимости гражданам, имеющим жилую площадь размером «меньше среднего» (количественные критерии устанавливались на местах), было разрешено покупать второе жилье с использованием льготного ипотечного кредитования и т.д.[37].

Наряду с повышением деловой активности на рынке недвижимости результатом стимулирующих мер явился и ощутимый рост цен на жилье, ставший особенно заметным на фоне общего снижения цен. По данным ГСУ КНР, цены на недвижимость в 70 крупных и средних городах Китая в декабре 2009 г. выросли на 7,8% по сравнению с уровнем годичной давности. В январе 2010 г. этот показатель составил уже 9,5%, поставив своеобразный рекорд ценовой динамики на рынке жилья за последние полтора с лишним года. В некоторых наиболее крупных городских центрах (Пекин, Шанхай) в 2009 г. цены на жилье выросли более чем на 50%. Отсюда — высокая доходность операций с недвижимостью в китайских городах. Например, чистая прибыль крупнейшей китайской девелоперской компании «Ванькэ» в 2009 г. увеличилась почти на 30%.

* Подсчитано как разность между приростом валютных резервов КНР в 2009 г., с одной стороны, и профицитом торгового баланса и суммой притока иностранных инвестиций, с другой стороны, с поправкой на сальдо по балансу услуг, на приток валютных средств по частным вкладам на кредитном и фондовом рынках КНР, внешним заимствованиям, доходам от размещения валютных резервов, а также с учетом курсовой разницы (China Economic Review. 20.01.2010).

Таблица 30

Динамика цен, 2009–2010 гг. (%)*

	2009 г.											2010 г.	
	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль
Индекс розничных цен	-1,6	-1,2	-1,5	-1,4	-1,7	-1,8	-1,2	-0,8	-0,5	0,6	1,9.	1,5	2,7
Индекс оптовых цен	-4,5	-6,0	-6,6	-7,2	-7,8	-8,2	-7,9	-7,0	-5,6	-2,1	1,7	4,3	5,4

* Прирост/падение к аналогичному месяцу предыдущего года.

Источник: Price Index // National Data: [site]. URL: https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=A01 (accessed: 20.01.2024).

Развитие этих тенденций таило угрозу инфляционных всплесков, чреватых негативными социальными последствиями. Если в январе–октябре 2009 г. средний уровень розничных цен из месяца в месяц уменьшался, то в ноябре он вырос на 0,6%, а в декабре — еще на 1,9% (табл. 30), причем цены на продовольствие повысились сразу на 5,3%. Обозначившаяся в начале 2010 г. тенденция к опережающему росту оптовых цен по сравнению с розничными позволяла предполагать высокую вероятность дальнейшего роста потребительских цен в Китае.

Таким образом, будучи более благоприятной, чем в других странах, экономическая ситуация в КНР тем не менее сохраняла очевидные очаги нестабильности. Окончательное преодоление КНР последствий мирового финансового и экономического кризиса во многом зависело от возможности перенесения стимулирующего эффекта государственных инвестиций на динамику частных капиталовложений и вложений за счет собственных средств предприятий, а также от благоприятных изменений конъюнктуры международного рынка.

Примечания

[1] Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2019. Beijing : China Statistics Press, 2019. Tables 3-4, 11-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2019/indexeh.htm (accessed: 10.02.2023).

[2] China Statistical Abstract-2008 (Чжунго тунцзи чжайяо-2008). Beijing: China Statistics Press, 2008. P. 174.

[3] *Новоселова Л.В.* КНР: инвестиции в преодоление кризиса (о концепции и направлениях реализации китайской антикризисной политики) // Рос. эконом. журнал. 2009. № 1–2. С. 62.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] *Schüller M.*, *Yun Schüler-Zhou*. China's Economic Policy in the Time of the Global Financial Crisis: Which Way Out? // China aktuell. Journal of Current Chinese Affairs. 2009. No. 3. P. 168. URL: https://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jcca/article/download/65/65-65-1-PB.pdf (accessed: 15.01.2024).

[7] *Новоселова Л.В.* Политика антикризисного регулирования в КНР // Влияние мирового фин. кризиса на экономику Китая. М.: ИДВ РАН, 2010. С. 54.

[8] *Новоселова Л.В.* КНР: инвестиции в преодоление кризиса. Цит. соч. С. 63.

[9] China Daily. 18.05.2007.

[10] Данные ККЦБ. Приводится по: China Quarterly Update. Beijing: World Bank Office, 2008. February. P. 16. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/207321468023451662/pdf/427940WP0CHA0Q1Box0327331B01PUBLIC1.pdf (accessed: 23.01.2024).

[11] *Новоселова Л.В.* КНР: инвестиции в преодоление кризиса. Цит. соч. С. 63.

[12] *Новоселова Л.В.* Политика антикризисного регулирования в КНР. Цит. соч. С. 56.

[13] Подсчитано по: *Lin Shuanglin*. China's Public Finance. Reforms, Challenges, and Options. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. P. 336. DOI: 10.1017/9781009099028 (accessed: 10.04.2023).

[14] *Орлик Т.* Китай: пузырь, который никогда не лопнет? / Пер. с англ. Т.Ю. Адаменко. М.[и др.] : Директмедиа Паблишинг, 2022. С. 121.

[15] *Schüller M.*, *Yun Schüler-Zhou*. Op. cit. P. 168.

[16] Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2009. Beijing: China Statistics Press, 2009. Table 1-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2009/indexeh.htm (accessed: 25.01.2024).

[17] China Quarterly Update. Beijing: World Bank Office, 2008. December. P. 14–15. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/378231468221672173/pdf/473910WP0P11191mber020080Box334131B.pdf (date of request: 23.01.2024).

[18] *Новоселова Л.В*. КНР: инвестиции в преодоление кризиса. Цит. соч. С. 68.

[19] China Quarterly Update. Op. cit. P. 15.

[20] Агентство Синьхуа. 13.01.2009.

[21] China Daily. 15.12.2008.

[22] *Орлик Т*. Цит. соч. С. 119.

[23] *Новоселова Л.В*. Политика антикризисного регулирования. Цит. соч. С. 59.

[24] China Daily. 15.12.2008.

[25] *Schüller M., Yun Schüler-Zhou*. Op. cit. P. 175.

[26] Ibid. P. 171.

[27] Данные ГСУ КНР. См.: Money Supply // National Data: [site]. URL: https://data.stats.gov.cn/english/ easyquery.htm?cn=A01 (accessed: 22.02.2024).

[28] *Новоселова Л.* Сможет ли Китай стать локомотивом глобального экономического роста? (По поводу достижений и проблем реализации антикризисной политики в КНР) // Рос. эконом. журнал. 2010. № 1. С. 72.

[29] China Statistical Yearbook 2019. Op. cit. Table 3-4.

[30] *Новоселова Л.В*. Антикризисная политика КНР: предварительные итоги // Азия и Африка сегодня. 2010. № 2. С. 13.

[31] Shanghai Daily. 26.01.2010.

[32] *Новоселова Л.В.* Актуальные аспекты антикризисной политики // Экономика КНР: меры по преодолению влияния мирового финансового кризиса. М.: ИДВ РАН, 2010. С. 38.

[33] Там же. С. 41.

[34] China Daily. 30.11.2009.

[35] *Новоселова Л.В*. Сможет ли Китай стать локомотивом глобального экономического роста? Цит. соч. С. 73.

[36] China Daily. 14.01.2010.

[37] *Lu Gao.* Achievements and Challenges. 30 Years of Housing Reforms in the People's Republic of China // Asian Development Bank Economics Working Paper Series. No. 198. April 2010. P. 20. Manila: Asian Development Bank, 2010. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28408/economics-wp198.pdf (accessed: 07.10.2023).

Глава 2

Посткризисная макроэкономика, 2010–2013 гг.

Китай активно применяет инструменты макроэкономического регулирования, сочетая их при необходимости с прямым административным воздействием на экономические процессы. Стратегия постепенной рыночной трансформации позволяет КНР использовать сохраняющиеся элементы мобилизационной экономики, с тем чтобы оперативно аккумулировать и распределять гигантские материальные и финансовые ресурсы, стимулируя инвестиционную и производственную активность хозяйствующих субъектов, внутренний инвестиционный и потребительский спрос. Это способствовало преодолению негативного влияния мирового финансово-экономического кризиса на Китай, равно как и поддержанию положительной динамики экономического развития страны.

Вместе с тем, опираясь на использование огромных материальных и финансовых средств, преодоление последствий кризиса происходило в основном в рамках традиционной для Китая модели экстенсивного ресурсоемкого развития. Доля инвестиций в ВВП в 2012 г. повысилась до 69,7% против 53,8% в 2008 г. Характеризуя чрезвычайно высокий уровень накопления и масштабность инвестиционного процесса, это одновременно демонстрирует ограниченные возможности расширения внутреннего спроса и потребления, усиливает и без того высокую зависимость экономики КНР от внешних рынков сбыта. Таким образом, достижения антикризисной политики актуализировали необходимость решения наиболее существенных задач китайской экономики, выявленных еще в предкризисные годы и демонстрирующих исчерпанность привычной модели экономического роста.

В поисках «мягкой посадки»

С завершением использования государственного антикризисного пакета, резко взбодрившего деловую активность субъектов рынка, важным направлением экономической политики КНР стало упорядочение действий в кредитно-финансовой

сфере во избежание развития инфляции и спекулятивного перегрева рынка недвижимости. Причины этого были вполне очевидны. В октябре 2010 г. индекс потребительских цен вырос на 4,4%, продемонстрировав самую высокую динамику с октября 2008 г. и в конечном итоге опрокинув целевой уровень инфляции в 3%, установленный правительством на 2010 г. В дальнейшем под воздействием роста стоимости жилья, а также повышения цен на продукты питания и топливо инфляция достигла трехлетнего максимума в 6,5% в июле 2011 г.[1].

На фоне растущих опасений по поводу инфляции еще в конце 2010 г. правительство перешло от проведения «достаточно мягкой» к «осмотрительной» денежно-кредитной политике. При общей ориентации на сдерживание кредитной экспансии ужесточение денежной политики осуществлялось весьма осторожно, сочетаясь с определенными изъятиями, дабы не нарушить возникшее оживление экономики. Еще в начале 2010 г. правительство объявило, что в расчете на год объем новых банковских кредитов не должен превысить 7,5 трлн юаней. Это заметно меньше результатов 2009 г., когда вновь предоставленные кредиты составили 10,5 трлн юаней, но в полтора с лишним раза выше предкризисного уровня (2008 г. — 5,1 трлн юаней). Не случайно в начале января 2010 г. Комитет по регулированию банковской деятельности (КРБД) обратился к крупнейшим коммерческим банкам с рекомендацией приостановить до конца месяца выдачу новых кредитов[2]. Для обеспечения контроля за масштабами кредитования в практику банковского регулирования были введены ежемесячные кредитные квоты[3].

В феврале 2010 г. КРБД выпустил директивные указания, направленные на усиление государственного контроля за размерами и целевой направленностью кредитов коммерческих банков. В частности, было запрещено предоставлять финансовые кредиты (т.е. кредиты без установленной цели использования); запрещено использовать кредиты, полученные для пополнения оборотных средств, в целях финансирования капитальных вложений и приобретения ценных бумаг; отменена практика продления сроков погашения ранее выданных кредитов и т.д.

Особое внимание банковского регулятора было направлено на займы, выданные под инвестиционные проекты провинциальных и городских правительств. В 2008–2009 гг. именно на местные органы власти, юридически не уполномоченные привлекать заемные средства с рынка, была возложена ответственность за реализацию основной части государственного антикризисного пакета. В этих условиях провинциальные и городские правительства прибегли к созданию обходных забалансовых механизмов для получения кредитов. По всей стране на уровне провинций, городов и т.д. было создано в общей сложности 3,8 тыс. различных инвестиционно-коммерческих структур (так называемых финансовых платформ), активно прибегающих к банковским кредитам для реализации порученных им проектов развития, главным образом в области инфраструктуры. Прирост инвестиций в развитие транспортной сети в 2009 г. составил 48,3% против 19,7% в 2008 г.[4].

По подсчетам КРБД, в начале 2010 г. из 8 трлн. юаней общего долга местных органов власти 7,4 трлн юаней приходилось на долю указанных квазикоммерческих организаций. Помимо абсолютных размеров кредитного плеча обеспокоенность правительства была связана с несоответствием между кратко- и среднесрочным ха-

рактером привлеченных кредитов (более 50% долга подлежало погашению в ближайшие три года) и длительными сроками реализации и окупаемости большинства инфраструктурных проектов, реализуемых в рамках программы экономического стимулирования.

В целом примерно пятая часть долга «финансовых платформ» расценивалась банковским регулятором как проблемная с точки зрения своевременного погашения[5]. В 2010 г. Госсовет КНР дважды выпускал обращенные к местным властям указания усилить контроль за деятельностью «финансовых платформ», прекратить выдачу гарантий по привлекаемым ими кредитам, а равно и обеспечение таких кредитов доходами местных бюджетов. Соответствующие требования правительства были обращены и к самим коммерческим банкам. Вместе с тем в октябре 2011 г. Министерство финансов объявило об экспериментальной программе, позволяющей четырем местным правительствам, включая городские власти Шанхая и Шэньчжэня, выпускать и напрямую продавать облигации, с тем чтобы облегчить погашение ими банковских кредитов на сумму более 1 трлн долл.[6].

С целью изъятия с денежного рынка избыточной ликвидности и замедления инфляции в 2010–2011 гг. НБК двенадцать раз (по шесть раз в 2010 г. и в первой половине 2011 г.) повышал норму обязательного резервирования средств коммерческих банков, остававшуюся доселе неизменной в течение полутора лет. Всякий раз норма резервирования повышалась на 0,5% и в итоге к середине 2011 г. достигла рекордного уровня в 21,5%, что и позволило стерилизовать денежную массу более чем на 3 трлн юаней[7]. При этом, исходя из необходимости поддержки сезонных работ в сельском хозяйстве, данная мера не затронула сельские кредитные кооперативы.

Наряду с этим, начиная с октября 2010 г. и до середины 2011 г. НБК шаг за шагом четыре раза повышал базовые процентные ставки по кредитам и депозитам на один год. Каждый раз ставки повышались на 0,25 процентного пункта и в итоге достигли 6,31 и 3,25% годовых соответственно. Процентные ставки по прочим депозитам и кредитам (двух-, трех-, пятилетним и т.д.) также подверглись соответствующей корректировке[8]. В конце декабря 2010 г. НБК на 0,52 процентного пункта повысил ставку рефинансирования, которая в результате составила 3,85% годовых, а также учетную ставку (с 1,8 до 2,25% годовых).

Одновременно предпринимались усилия по рациональному регулированию структуры инвестиционного кредитования. Особо пристальное внимание было обращено на сферу недвижимости, привлекавшую около половины всех банковских кредитов. В январе–июне 2010 г. число новых проектов жилищного строительства на 87% превзошло аналогичный показатель годичной давности, наблюдался активный рост цен на жилье, при этом более трети рыночного спроса имело спекулятивный характер. В этой связи правительство отказалось от ряда льгот в сфере строительства объектов недвижимости, введенных во время активной фазы кризиса, и даже прибегло к новым ограничениям.

С апреля 2010 г. было возобновлено взимание налога при продаже недвижимости, находящейся в собственности владельца менее пяти лет; минимальный размер первоначального взноса при покупке жилья увеличен до 50% его цены; максималь-

ный размер скидки с первоначального взноса для покупателей первого жилья сокращен с 30 до 15%; отменены скидки с процентных ставок по ипотеке; для покупателей второго жилья процентные ставки по ипотечным кредитам повышены в два с лишним раза, а для покупателей третьего жилья закрыт доступ к ипотечному кредитованию; прекращена практика выплаты банками комиссионных вознаграждений посредникам за подбор клиентов по ипотечному кредитованию и т.д.[9]. Застройщики, умышленно затягивающие реализацию проектов в ожидании дальнейшего роста цен на жилье, лишались финансирования. Для выполнения принятых решений во все провинции были направлены группы инспекторов, контроль цен на жилье был включен в набор показателей эффективности для аттестации местных чиновников-управленцев.

Под воздействием принятых мер произошло охлаждение рынка недвижимости. Цены на жилье пошли вниз, в Пекине и Шанхае их снижение достигло 70%. За ними последовало падение котировок ценных бумаг компаний-застройщиков, распространившееся по цепочке на эмитентов из числа вовлеченных в сферу недвижимости банков-кредиторов, а также компаний-поставщиков строительных материалов, металлоконструкций, мебели, оборудования и т.д. В течение нескольких месяцев индекс Шанхайской фондовой биржи потерял 25%, составив в июле 2010 г. 2363 пункта против 3166 пунктов в апреле того же года[10]. В октябре 2010 г. количество сделок с недвижимостью упало на 25% по сравнению с предыдущим месяцем. Еще через два месяца НБК зафиксировал снижение инвестиций в недвижимость, объемов сделок с землей и цен на пользование земельными участками[11].

В этих условиях постоянный государственный мониторинг экономических процессов и своевременно принятые меры позволили заметно притормозить динамику денежного предложения, поддержав его тем не менее на уровне, достаточном для обеспечения активности инвестиционного процесса. В конце 2010 г. денежная масса в узком понимании (агрегат M_1) составила 26,7 трлн юаней, увеличившись по сравнению с тем же периодом 2009 г. на 21,2% (в 2009 г. аналогичный прирост составил 32,4%). Что касается денежной массы в широком понимании (агрегат M_2), то за 2010 г. она возросла на 19,7% (в 2009 г. — на 27,7%), составив 72,6 трлн. юаней (см. табл. 31)[12]. Снижение динамики денежного предложения в сочетании с административным регулированием банковской деятельности позволили снизить сумму вновь выданных кредитов (в юанях и иностранной валюте) с 10,5 трлн юаней в 2009 г. до 8,4 трлн юаней в 2010 г. и 8 трлн юаней в 2011 г.[13].

Экономический рост КНР в целом сохранял устойчивость. Более того, экономика страны на короткий срок вернулась к двузначным темпам роста. Увеличение ВВП в 2010 г. составило 10,6% против 9,4% годом ранее. Во втором квартале Китай обогнал Японию, вяло оживавшую после кризиса, и стал второй по величине экономикой в мире после США. В третьем квартале экономический рост замедлился до 9,6% в годовом исчислении после роста на 11,9% в первом квартале и на 10,3% во втором. Впрочем, с учетом прогрессирующего исчерпания антикризисного финансового пакета и ужесточения денежной политики правительства такое замедление не было неожиданным[14]. Основным драйвером роста стал вторичный сектор экономики и прежде всего главные бенефициары стимулирующих мер государства —

обрабатывающая промышленность и транспорт. Удельный вес китайской экономики в производстве мирового ВВП в 2010 г. составил 9,5% против 6,3% в 2007 г.[15].

В этих условиях на сессии ВСНП в марте 2011 г. был принят 12-й пятилетний план, определивший стратегию экономического развития на 2011–2015 гг. План акцентировал внимание на поддержании стабильного и относительно быстрого роста экономики при осуществлении структурных изменений, предусматривающих переориентацию основных факторов роста с инвестиций на потребление и с промышленности на сферу услуг. Рост внутреннего спроса и расширение потребления предполагалось обеспечить на основе повышения жизненного уровня населения и комплексного развития системы социальной защиты в сочетании с прогрессирующей урбанизацией и сокращением региональных различий в уровне экономического развития. Усилия правительства по строительству миллионов единиц доступного жилья были призваны компенсировать замедление инвестиций в недвижимость со стороны частного сектора.

Большое внимание уделялось повышению экономической эффективности посредством модернизации традиционных отраслей промышленности, развития новых стратегических производств, стимулирования инноваций и повышения роли частного сектора экономики. По сути, речь шла об изменении модели экономического роста. С учетом сложности поставленных задач, а также с поправкой на медленные темпы восстановления спроса на товары китайского экспорта со стороны основных торговых партнеров Китая в лице США и стран ЕС среднегодовые темпы прироста ВВП на предстоящую пятилетку были с осторожностью определены в размере 7% при темпах прироста располагаемых доходов городского и сельского населения свыше этого.

Таблица 31

Динамика основных показателей экономического развития КНР, 2010–2013 гг., (%)

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
ВВП, всего	10,6	9,6	7,9	7,8
В том числе:				
первичный сектор	4,3	4,2	4,5	3,8
вторичный сектор	12,7	10,7	8,4	8,0
третичный сектор	9,7	9,5	8,0	8,3
Подушевые располагаемые доходы в городах	12,6	14,1	12,6	9,7
Подушевые располагаемые доходы на селе	14,9	17,9	13,5	12,4
Инвестиции в основные фонды	20,4	20,1	17,9	16,9
Розничный товарооборот	18,3	17,1	14,3	13,1
Денежный агрегат M_2	19,7	13,6	13,8	13,6
Инфляция	3,3	5,4	2,6	2,6

Оборот внешней торговли	34,7	22,5	6,1	7,5
В том числе:				
экспорт	31,1	20,3	10,8	7,8
импорт	38,8	24,9	4,3	7,2

Источники: China Statistical Yearbook 2014. Beijing: China Statistics Press, 2014. Table 1-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2014/indexeh.htm (accessed: 01.08.2023); China Statistical Yearbook 2019. Beijing: China Statistics Press, 2019. Tables 3-4, 6-1, 5-1, 10-1, 11-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2019/indexeh.htm (accessed: 10.02.2023); China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Table 10-1. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024); Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2010 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2011. February 28. URL: https://www.stats.gov.cn/english/NewsEvents/201102/t20110228_26426.html / (accessed: 12.10.2023); Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2011 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2012. February 22. URL: https://www.stats.gov.cn/english/NewsEvents/201202/t20120222_26575.html/ (accessed: 12.10.2023); Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2012 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2013. February 22. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201302/t20130222_72261.html/ (accessed: 15.10.2023); Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2013 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2013. February 22. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201302/t20130222_72261.html/ (accessed: 15.10.2023).

Таким образом, экономическая политика посткризисного периода была ориентирована на решение широкого круга задач, имеющих зачастую разнонаправленный характер. Необходимость модернизации и реструктуризации производственной базы, а равно и сохранение социальной стабильности, связанной с поддержанием устойчивой динамики экономического роста и созданием соответствующего числа новых рабочих мест, предполагали активный рост инвестиций в национальную экономику. В этом же направлении действовал высокий инвестиционный спрос, подстегиваемый строительными объектами, начатыми в рамках антикризисной политики государства. Одновременно потребность повышения уровня жизни и социальной защищенности населения требовала ограничения роста цен, существенного расширения фонда потребления и, как следствие, относительного замедления инвестиционного процесса.

Возврат к экономическому стимулированию

Ужесточение внутренней денежно-кредитной политики вкупе с сохранением низкого внешнего спроса на китайскую экспортную продукцию обусловил последовательное торможение экономической динамики в течение всего 2011 и большей

части 2012 г. В третьем квартале 2012 г. прирост ВВП составил лишь 7,3% против 9,7% в первом квартале 2011 г.[16]. Ограничение и удорожание банковского кредитования сильнее всего ударило по малым и средним предприятиям частного сектора, производящим львиную долю ВВП, но не имеющим достаточного доступа к кредитному рынку. В соответствии с данными выборочного обследования, проведенного в 2011 г. Всекитайской федерацией промышленности и торговли, более 90% частных компаний не имели возможности самостоятельно привлечь кредиты в банках[17]. Ответом на все эти сложные вызовы явились многоразличные меры макроэкономической политики правительства.

Денежно-кредитная политика. Невзирая на уровень инфляции, превышающий заданный правительством целевой показатель в 4%, в декабре 2011 г. было объявлено о смещении акцента в экономической политике КНР со сдерживания инфляции на поддержание стабильного и относительно быстрого экономического роста, управление инфляционными ожиданиями и изменение структуры экономики в соответствии с основными направлениями 12-го пятилетнего плана[18]. В декабре 2011 — мае 2012 г. после трехлетней паузы НБК трижды снижал норму обязательного резервирования средств коммерческих банков, всякий раз пополняя ликвидность в банковском секторе на 400 млрд юаней. В июне 2012 г. также впервые за три года НБК снизил базовые процентные ставки по банковским депозитам и кредитам. Ставки были понижены на 0,25 процентного пункта, а их абсолютные размеры составили 3,25% по годовым депозитам и 6,31% — по кредитам сроком на один год. Общее смягчение денежной политики и удешевление банковских кредитов было нацелено на расширение инвестиционных возможностей хозяйствующих субъектов и повышение их производственной активности. Вновь выданные кредиты в 2012 г. составили 9,1 трлн юаней, а в 2013 г. — 9,5 трлн юаней против 8 трлн юаней в 2011 г.[19].

Структурная политика. Правительство усилило деятельность по утверждению объектов капитального строительства, сооружаемых с использованием государственных средств. Были детально определены приоритеты инвестиционного процесса — это инфраструктурное строительство, сельское хозяйство, отрасли высоких технологий, а также сфера услуг. Из общего количества одобренных ГКРР на 2012 г. инвестиционных проектов 78,8% относилось к инфраструктуре и городскому хозяйству (водо-, газо-, энергоснабжение, связь и др.) и 11,3% — к сфере информационных технологий[20]. Были повышены требования к строительным объектам, определен более четкий порядок их финансирования, контроля и мониторинга их возведения. Официально был оставлен в силе прежний курс на ограничение деловой активности в секторе недвижимости[21].

Налогово-бюджетная политика. В апреле 2012 г. введены льготные условия налогообложения для поддержки малого и среднего бизнеса — повышены пороговые значения годового дохода для взимания НДС и налога на прибыль предприятий для малого и микробизнеса, что облегчило финансовое положение более чем 6 млн компаний-налогоплательщиков. По всей стране запущен пилотный проект по замене налога на предпринимательскую деятельность на НДС для предприятий транспорта и сферы услуг. В 2013 г. это позволило снизить налоговую нагрузку на эко-

номику более чем на 140 млрд юаней. Продолжалась последовательная отмена административных сборов с компаний частного сектора .[22] Дефицит государственного бюджета в 2013 г. составил 1,85% ВВП против 1,1% в 2010 г.[23].

Расширение платежеспособного спроса. Министерство финансов КНР в 2012 г. выделило бюджетные средства в размере 36,3 млрд юаней для предоставления гражданам целевых субсидий при покупке энергосберегающей бытовой техники и осветительных приборов, автомобилей с низким удельным расходом топлива, высокоэффективных электроприборов и т.д. С июня 2012 г. по май 2013 г. каждому покупателю были предоставлены такие дотации на сумму от 180 до 400 юаней[24].

Продолжалось стимулирование потребителей на автомобильном рынке. Каждому покупателю автомобиля с объемом двигателя до 1,6 л, или с удельным расходом топлива на 20% меньше стандартного уровня предоставлялась государственная дотация в 3 тыс. юаней. Став крупнейшим в мире автомобильным рынком в 2009 г., Китай в 2012 г. дополнительно упрочил свое положение мирового лидера, продав 18 млн автомобилей против 15,6 млн в США. Предоставленные бюджетные субсидии были призваны обеспечить увеличение размеров потребления на 450 млрд юаней в расчете на год.

Особое внимание уделялось жителям сельских районов: расширялся их охват системой пенсионного обеспечения, повышались закупочные цены на сельхозпродукцию, возрастали государственные субсидии, а также затраты на обучение трудовых мигрантов. Ежегодные подушевые субсидии на медицинское обслуживание крестьян были увеличены с 200 до 240 юаней[25]. В 2012 г. дотационные выплаты крестьянам достигли 192 млрд юаней против 64 млрд юаней в 2007 г. Быстрое увеличение подушевых доходов в городах и сельской местности способствовало росту потребления. Объем розничных продаж потребительских товаров в 2012 г. вырос на 14,5% и на 13,1% в 2013 г.

Развитие негосударственных секторов экономики. Окончательное преодоление КНР последствий мирового финансового кризиса во многом зависело от перенесения стимулирующего эффекта государственных инвестиций на динамику частных капиталовложений и вложений за счет собственных средств предприятий. В этой связи еще в 2010 г. Госсовет КНР снял ограничения для частных инвесторов в отношении вложения капиталов и создания компаний в целом ряде ранее закрытых для них секторов экономики. В их числе водное хозяйство, электроэнергетика, добывающая промышленность (в том числе добыча нефти и газа), транспорт и логистика, образование, социальное страхование, телекоммуникации, жилищно-коммунальное хозяйство, НИОКР в оборонной промышленности, строительство бюджетного жилья, финансовые услуги и др. Было объявлено о допуске частных компаний к реструктуризации предприятий госсектора, об облегчении доступа частных компаний к финансовым и кредитным ресурсам, об упрощении административных процедур учреждения частного бизнеса и т.д.[26].

В 2011–2012 гг. в качестве практических мер поддержки частного бизнеса наряду с уже упоминавшимся снижением налогового бремени для малых и средних предприятий следует отметить заметный рост государственных средств, направляемых на оказание этим предприятиям поддержки в технологическом и инноваци-

онном совершенствовании, повышении качества продукции, энергосбережении и сокращении вредных выбросов в атмосферу, расширении рынков сбыта и т.д.

В 2013 г. при учреждении частных компаний были отменены требования к минимальному размеру их уставного капитала, результатом чего стало быстрое расширение масштабов частного сектора китайской экономики. В 2014 г. в Китае насчитывалось 7,3 млн зарегистрированных частных компаний против 4,7 млн в 2010 г. Аналогичные показатели по контролируемым частными лицами компаниям с ограниченной ответственностью составили 1,8 млн и 0,4 млн соответственно. В целом по итогам 2013 г. доля негосударственных предприятий в общем объеме инвестиций достигла 57,9% против 51,1% в 2010 г. и 48,1% в 2009 г.[27]. Удельный вес негосударственных инвестиций в обрабатывающей промышленности поднимался в 2012 г. до 74%[28]. Учитывая высокий уровень рентабельности частных компаний, все это способствовало повышению эффективности китайской экономики.

В целом возвращение к политике экономического стимулирования ближе к концу посткризисного периода позволило стабилизировать поквартальные показатели роста китайской экономики на уровне 7,5–7,8% в годовом исчислении, остановив понижательные тенденции 2011 — середины 2012 г. При этом, по данным ГСУ КНР, наблюдалась следующая картина распределения динамики экономического развития КНР по основным факторам роста. Если в 2010 г. 54% годового прироста ВВП было обеспечено на основе роста инвестиций и 38% — за счет конечного потребления и, соответственно, внутреннего спроса, то в 2012 г. удельный вес конечного потребления в приросте ВВП превысил 50%, а в 2011 г. — даже 60% при соответствующем уменьшении роли инвестиционного фактора. Для сравнения напомним, что в 2009 г., когда была использована основная часть государственного антикризисного финансового пакета, инвестиции в основные фонды обеспечили примерно 90% прироста ВВП, а в предкризисный 2007 г. — менее 40%[29].

Началось, пусть и медленное, но последовательное изменение характера и структуры экономического роста Китая — от экономики, основанной на производстве, к экономике, основанной на услугах. Согласно третьей национальной экономической переписи, в конце 2013 г. на долю сферы услуг приходилось 74,7% из почти 11 млн юридических лиц, оперирующих во вторичном (промышленность и строительство) и третичном (сфера услуг, транспорт и связь) секторах экономики, что на 5,7 процентных пункта выше по сравнению с концом 2008 г.[30]. В 2013 г. сфера услуг обеспечила производство 44,5% ВВП КНР, между тем как доля промышленности составила лишь 42,4%. Если в 2009 г. вклад третичного сектора в увеличение ВВП составлял 43,7%, то в 2013 г. — уже 47,2%. Одновременно доля вторичного сектора уменьшилась с 52,3 до 48,5%[31].

Важным фактором изменения макроэкономических пропорций явилась инвестиционная политика. При средних темпах прироста ВВП в 8,9% в 2010–2013 гг. валовые инвестиции в экономику КНР в среднем увеличивались на 21,8% ежегодно, составив в 2013 г. 30,9 трлн юаней против 21,9 трлн юаней в 2010 г. В отраслевом разрезе (табл. 32) основные потоки инвестиций в целом сохраняли стабильность, распределяясь между высокорентабельными экспортно ориентированными отраслями обрабатывающей промышленности (электроника, текстильная промыш-

ленность, производство мебели и т.д.), капиталоемкими промышленными отраслями с ориентацией как на внешний, так и на внутренний рынок (машиностроение, металлургия, химическая промышленность), инфраструктурой (транспорт и связь), а также сферами хозяйственной деятельности с гарантированным высоким спросом на внутреннем рынке (прежде всего недвижимость). Около $^{1}/_{3}$ всех инвестиций, как и прежде, потребляла обрабатывающая промышленность. Важной тенденцией, отражающей неблагополучие окружающей среды, явилось снижение доли добывающей промышленности и рост инвестиций в экологические проекты.

Во вторичном секторе экономики опережающими темпами росли инвестиции в производство оборудования специального назначения (среднегодовые темпы прироста — 34,1%), в общее машиностроение (24,4%), в производство телекоммуникационного оборудования, компьютерной и иной электронной техники (22,7%), электрических машин и оборудования (22,7%), а также в транспортное машиностроение (22,5%) и химическую промышленность (24,4%)[32].

Таблица 32

Отраслевая структура инвестиций, 2011–2013 гг. (%)

Отрасль	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:				
сельское и лесное хозяйство	2,8	2,8	2.9	3,0
добывающая промышленность	4,4	3,8	3,5	3,3
обрабатывающая промышленность	32,8	32,9	33,2	33,1
транспорт и связь	9,8	9,1	8,4	8,2
недвижимость	23,4	26,2	26,5	26,6
экология, водное хозяйство	5,8	8,0	6,5	6,6
образование, наука	1,3	1,3	1,0	1,0
здравоохранение	0,5	0,7	0,6	0,6
культура, спорт	0,7	0,7	0,8	0,9

Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2018. Beijing : China Statistics Press, 2018, table 10-6. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2018/indexeh.htm (accessed: 10.02.2023).

В третичном секторе лидировали такие крупные игроки инвестиционного рынка, как сектор недвижимости (среднегодовые темпы прироста — 22,4%) и экология (14,2%), а также стартовавшие с низкого исходного уровня НИОКР и научно-технические услуги (35,1%), лизинг и бизнес-услуги (33,2%), культура и спорт (21,5%). С исчерпанием антикризисного пакета правительства резко замедлились инвестиции в транспорт и связь: в 2011–2013 гг. среднегодовые темпы их прироста составили лишь 7% против 29,4% в 2008–2010 гг.[33]. В результате удельный вес отрасли в валовых инвестициях снизился с 11,1% в 2009 г. до 8,2% в 2013 г.

В целом поквартальный экономический рост КНР в посткризисный период имел колебательный, волнообразный характер, варьируясь в диапазоне от 7,4 до 7,9% прироста ВВП в годовом исчислении. Приливы и отливы экономической динамики отражали общую реакцию рынка на стимулирующие и ограничительные меры макроэкономического регулирования правительства. При этом с течением времени ответная реакция рынка становилась все менее выраженной, а периоды экономического оживления и торможения — более краткосрочными. Продолжение экономического роста заданными темпами требовало постоянной кредитной подпитки, имея при этом слабо выраженную тенденцию к затуханию.

При стабилизации динамики денежного предложения и ограничении кредитной экспансии со стороны государства, банки нашли обходные пути для наращивания кредитов при посредничестве так называемого теневого банкинга — небанковских финансовых учреждений, действующих вне официальных каналов кредитования реального сектора. Кредитные продукты теневого банкинга демонстрировали быстрое и устойчивое развитие в посткризисный период. При увеличении совокупного финансирования реального сектора экономики в среднем на 7,2% ежегодно, среднегодовые темпы прироста общей суммы небанковских кредитов в 2010–2013 гг. составили 34,6%. Если в 2009 г. соотношение заемных средств теневого банкинга и официальных банковских кредитов составляло менее 1 : 6, то в 2013 г. — уже более 1 : 2[34].

Основная часть небанковских кредитов направлялась в сферу недвижимости, а также поступала в распоряжение «финансовых платформ», увеличивая долговые риски местных правительств, финансовое положение которых и без того осложнилось ввиду охлаждения рынка недвижимости, сокращения числа сделок с землей и уменьшения их стоимости. В соответствии с данными Государственного ревизионного управления в 2010–2013 гг. долговые обязательства местных органов власти по кредитам, привлеченным «финансовыми платформами», возросли с 10,7 до 17,9 трлн юаней, или с 28,6 до 31,3% ВВП КНР[35].

Теневая банковская деятельность имела целый «букет» негативных последствий. Нарушая макроэкономический контроль правительства, осуществляемый при помощи регулирования процентных ставок, объемов денежного предложения и кредитования, теневой банкинг ухудшал долговое положение Китая. Отношение непогашенных кредитов к ВВП в 2008–2012 гг., по оценке международных экспертов, увеличилось со 123 до 180%[36]. Растущий уровень закредитованности экономики ослаблял конкурентоспособность КНР на международном рынке капитала. Не случайно в апреле 2013 г. международное рейтинговое агентство *Fitch* понизило долгосрочный кредитный рейтинг КНР с AA- до A+. Капитализация фондового рынка продолжала снижаться (в 2012 г. — на 11%), конъюнктура рынка А-акций была одной из худших в мире[37].

Кроме того, с учетом краткосрочного характера теневого финансирования значительная часть новых кредитов, поступавших в инвестиционную сферу, использовалась для рефинансирования старых долговых обязательств. Рост кредитной массы не сопровождался адекватной активизацией динамики инвестиций и производства. Если для увеличения ВВП на 1% до экономического кризиса требовалось расширить кредитную поддержку реального сектора также на 1% , то в новых условиях —

уже на 3%[38]. В результате структурная политика правительства пробуксовывала — в промышленности росли избыточные, невостребованные рынком производственные мощности, сектор недвижимости продолжал получать импульсы роста, не подкрепленные реальным спросом, отраслевая структура инвестиций, а с ней и структура всей экономики менялась крайне медленно, с отступлениями и откатами. Так, ввиду ослабления внутреннего спроса в 2013 г. конечное потребление внесло меньший вклад в рост ВВП, чем инвестиции и валовое накопление капитала, что явилось шагом назад по сравнению с 2011 и 2012 гг.[39].

В конечном итоге завершение посткризисного периода ознаменовалось очередной отменой политики экономического стимулирования с повторным выдвижением курса на сдерживание кредитной экспансии. В мае 2013 г. Госсовет КНР объявил, что ключевыми приоритетами макроэкономической политики являются стабилизация экономического роста, контроль над инфляцией, предотвращение и снижение рисков. Таким образом, стала очевидной неэффективность краткосрочного кредитного взбадривания экономики, а равно и необходимость глубоких системных реформ и структурных преобразований рынка для выведения китайской экономики на траекторию устойчивого долгосрочного роста. Количественные показатели должны были уступить место интегрированной модели более качественного экономического развития.

Примечания

[1] Asian Development Outlook 2012. Confronting Rising Inequality in Asia. Manila: Asian Development Bank, 2012. P. 132. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29704/ado2012.pdf (accessed: 17.02.2024).

[2] *Новоселова Л.В.* Посткризисная политика Китая в инвестиционной сфере // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации. К 100-летию Синьхайской революции. Доклады XIX Междунар. науч. конф. «Китай, кит. цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 19–21 октября 2011 г. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 121.

[3] China Quarterly Update. Beijing: World Bank Office, 2010. June. P. 20. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/126261468021847068/pdf/551310NEWS0Qua10Box349441B01PUBLIC1.pdf (accessed: 05.01.2011).

[4] *Орлик Т.* Китай: пузырь, который никогда не лопнет? / Пер. с англ. Т.Ю. Адаменко. М. [и др.] : Директмедиа Паблишинг, 2022. С. 118.

[5] China Quarterly Update. Beijing: World Bank Office, 2010. November. P. 15. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/665921468018624661/pdf/576320Revised01PUBLIC10cqu1Nov12010.pdf (accessed: 05.01.2011); China Economic Review. 14.01.2010.

[6] Asian Development Outlook 2012. Op. cit. P. 134.

[7] *Новоселова Л.В.* Посткризисная политика Китая в инвестиционной сфере. Цит. соч. С. 121.

[8] Там же. С. 122.

[9] *Новоселова Л.* Сможет ли Китай стать локомотивом глобального экономического роста? (По поводу достижений и проблем реализации антикризисной политики в КНР) // Рос. эконом. журнал. 2010. № 1. С. 76–77.

[10] *Орлик Т.* Цит. соч. С. 124–126.

[11] China: Biannual Economic Report — December 2011 / Embassy of Switzerland in the PRC. Beijing, December 2011. P. 2–3 // SinOptic: [site]. 2011. December 1. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20111201_China_Annual_economic_report.pdf (accessed: 05.02.2024).

[12] Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2010 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2011. February 28. URL: https://www.stats.gov.cn/english/NewsEvents/201102/t20110228_26426.html / (accessed: 12.10.2023).

[13] China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Table 18-3. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024).

[14] China: Annual Economic Report — November 2010 / Embassy of Switzerland in the PRC. Beijing, 2011. 14 [6] p. // SinOptic: [site]. 2010. Dec ember 1. P. 1. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20101201_China_Annual.economic.report.pdf (accessed: 07.02.2024).

[15] China Quarterly Update. Beijing: World Bank Office, 2011. April. P. 7. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/211591468019748730/pdf/614000Replacem1Quarterly1April12011.pdf (accessed: 06.02.2024).

[16] China Outlook 2015. Beijing: KPMG, 2015. P. 2. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2015/02/China-Outlook-2015-201501-v1.pdf (accessed: 29.02.2024).

[17] Beijing Review. 2012. № 16.

[18] Asian Development Outlook 2012. Op. cit. P. 133.

[19] China Statistical Yearbook 2023. Op. cit. Table 18-3.

[20] Beijing Review. 2012. № 25. P. 13.

[21] *Орлик Т.* Цит. соч. С. 129.

[22] China Economic Update. Beijing: World Bank Office, 2014. June. P. 7. URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/7acf53bb-7f82-59fa-9bfd-d29ac90fbcda/content (accessed: 10.02.2024).

[23] *Lin Shuanglin*. China's Public Finance. Reforms, Challenges, and Options. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. P. 336-337. DOI: 10.1017/9781009099028 (accessed: 10.04.2023).

[24] Beijing Review. 2012. № 25. P. 11.

[25] Beijing Review. 2012. №11. P. 17.

[26] *Новоселова Л.В.* Посткризисная политика Китая в инвестиционной сфере. Цит. соч. С. 125.

[27] China Statistical Yearbook 2021. Beijing: China Statistics Press, 2021. Table 10-3. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022).

[28] *Lardy N*. The Changing Role of the Private Sector in China // Annual Conference. 2016. P. 44. Conference Volume. 2016. Reserve Bank of Australia: [site]. URL: https://www.rba.gov.au/publications/confs/2016/pdf/rba-conference-volume-2016-lardy.pdf (accessed: 07.03.2023).

[29] *Новоселова Л.В.* Посткризисная политика Китая в инвестиционной сфере. Цит. соч. С. 129.

[30] China Outlook 2015. Beijing: KPMG, 2015. P. 4. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2015/02/China-Outlook-2015-201501-v1.pdf (accessed: 29.02.2024).

[31] China Statistical Yearbook 2019. Beijing: China Statistics Press, 2019. Table 3-7. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2019/indexeh.htm (accessed: 10.02.2023).

[32] Ibid.

[33] Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2011. Beijing, 2011. Table 5-14; China Statistical Yearbook 2014. Beijing, 2014. Table 10-10; China Statistical Yearbook 2016. Beijing, 2016.

Table 10-10; China Statistical Yearbook 2018. Beijing, 2018. Tables 10-6, 10-10, 10-13; Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2010 National Economic and Social Development. Op. cit.

[34] Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2023. Op. cit. Table 18-3.

[35] China Economic Update. Op. cit. P. 8.

[36] Economic Report 2013: China / Embassy of Switzerland in Beijing // SinOptic: [site]. 2013. June 2. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20130702_China_Annual.economic.report.pdf (accessed: 15.02.2024).

[37] China Economic Update. Op. cit. P. 7.

[38] *Hofman B.* Navigating Policies for the New Norma // China Daily. January 14, 2015. Цит. по: World Bank Group: [site]. 2015. Jan uary 14. URL: https://www.worldbank.org/en/news/opinion/2015/01/14/navigating-policies-for-the-new-normal (accessed: 28.02.2024).

[39] China in Numbers (2023): Issue Brief. [Beijing]: United Nations Development Programme China, 2024. P. 4. // United Nations Development Programme China: [site]. 2024. March 13. URL: https://www.undp.org/china/publications/china-numbers-2023 (accessed: 10.07.2024).

Глава 3

«Новая нормальность» экономики, 2014–2018 гг.

К началу 2010-х годов традиционная экономическая модель КНР, по сути, исчерпала свои возможности. Это объясняется главным образом экстенсивным характером развития экономики; стремительным увеличением потребления дефицитных природных ресурсов и электроэнергии; обострением экологической ситуации в условиях увеличения производства «грязных» отраслей промышленности, в особенности химии и металлургии; дисбалансом между экономическим и социальным развитием; повышенной внешнеторговой квотой и, как следствие, избыточной зависимостью национальной экономики от экспорта. Все это, вместе взятое, ограничивает возможности дальнейшего устойчивого развития страны, что стало особенно очевидным в условиях длительного спада конъюнктуры международного рынка в конце 2000-х — начале 2010-х годов.

Смена экономической парадигмы

В период после мирового экономического кризиса Китай столкнулся с заметным замедлением экономического роста по сравнению со сверхвысокими его темпами, характерными для трех предыдущих десятилетий. В 2010–2013 гг. эта тенденция сопровождалась замедлением динамики промышленного производства, затуханием инвестиционной активности, внутреннего потребления, а также увеличением бюджетного дефицита, внутреннего и внешнего долга, повышением уровня безработицы и т.д. В этой связи руководством страны поставлена задача изменения концепции развития с использованием новых факторов роста.

Очевидной причиной замедления роста китайской экономики в 2010-е годы является эффект высокой базы: достижение такого уровня развития в более ранний период неизбежно ведет к последующему снижению динамических показателей. Дело, однако, не ограничивается только статистикой.

В краткосрочном плане переход КНР от сверхвысоких темпов роста к более умеренной экономической динамике в не меньшей, если не в большей мере объяснялся рядом особенностей текущей экономической политики. Речь прежде всего идет об ослаблении с течением времени влияния ранее принятых стимулирующих антикризисных мер, а равно и о поиске способов «мягкой посадки» китайской экономики после инвестиционного бума 2009–2010 гг. В их числе, в частности, ограничение со стороны государственных регуляторов кредитной экспансии, включая деятельность теневых кредитно-финансовых структур, сдерживание инвестиционной активности местных органов власти, а также начавшаяся ликвидация избыточных производственных мощностей в промышленности. Помимо всего этого следует отметить снижение внешнего спроса на товары китайского экспорта в связи с затянувшимся восстановлением ведущих экономик мира от последствий глобального кризиса 2008–2009 гг., а также ввиду нарастания новых кризисных явлений в государственных финансах стран ЕС в рамках так называемого европейского долгового кризиса 2010–2013 гг.

В более долгосрочной перспективе замедление темпов роста обусловлено постепенным переходом Китая к новой стратегии экономического развития, курс на которую вырабатывался в течение ряда лет и в завершенном виде был сформулирован на XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.). Главными особенностями вновь принятой экономической модели являются интенсивный характер развития экономики и качественное изменение движущих сил экономического роста. Характерными чертами новой экономической стратегии служат сбалансированность внутреннего развития и внешней открытости; экономической и социальной сфер; развитие человека и природы; приморских и внутренних регионов страны; города и деревни; а также повышение уровня внутреннего потребления; увеличение производительности труда, эффективности производства и уровня инноваций в экономике. Перед страной поставлены задачи принципиального повышения качества жизни народа, создания благоприятной экологической среды и обеспечения созидательной открытости внешнему миру.

Таким образом, интенсивная модель означает концентрацию на качественных параметрах экономического роста взамен превалировавших ранее количественных ориентиров, при этом основные стимулы развития переориентируется с экспорта и инвестиций на внутренний рынок и потребление, а дальнейшее повышение технологического развития в возрастающей степени должно обеспечиваться за счет собственного инновационного потенциала. В конечном итоге это должно привести к снижению зависимости экономического развития страны от конъюнктуры международного рынка, колебаний внешнего спроса, а равно и от динамики притока зарубежных инвестиций и технологий. Последнее приобретает особую актуальность в условиях мировой экономической волатильности и роста геополитической напряженности.

Поставленная задача, как представляется, относится к разряду крайне сложных. Обозначенные направления развития взаимообусловлены и требуют системного комплексного подхода. Так, для улучшения экологической ситуации необходимы изменение структуры производства и сокращение мощностей в ряде отрас-

лей промышленности, а также освоение новых ресурсо- и энергосберегающих технологий. Появление последних, в свою очередь, требует развития собственных инноваций. Одновременно повышение технической и технологической емкости производства влечет за собой сокращение избыточной рабочей силы, ставит задачу ее переобучения и трудоустройства. Ключевое значение в экономических реформах приобретает социальный фактор, поскольку без этого невозможно переключение на внутреннее потребление, провозглашенное одним из ключевых направлений новой стратегии. Комплексное решение вышеизложенных задач требует немалого времени, сил и средств.

Ориентация на более низкие, чем прежде, количественные показатели роста определяется в КНР понятием *«новая нормальность экономики»*, о наступлении которой было официально объявлено в мае 2014 г. Согласно определению Си Цзиньпина, период «новой нормальности» — это время, «когда „три этапа накладываются один на другой“, это этап переключения скоростей роста, чувствительный этап структурного регулирования и этап „усвоения и переваривания“ прежних стимулирующих мер…»[1].

В Китае выделяют несколько характерных черт периода «новой нормальности», включая следующие важные изменения.

1. Вместо роста экономики высокими темпами (7,5% прироста ВВП в год и более) развитие страны стабилизируется на основе так называемых средневысоких темпов (от 6,5 до 7% прироста ВВП в год), достигаемых главным образом за счет удовлетворения растущего потребительского спроса, расширения масштабов внутреннего рынка и потребления. Экстенсивный рост, ориентированный на масштабы и темпы, замещается интенсивным ростом, ориентированным на эффективность, а снижение динамики экономического развития компенсируется повышением его качества. При этом, невзирая на столь глубокие содержательные изменения, Китай продолжает развиваться, опережая другие ведущие экономики мира, не утрачивая роли лидера мировой экономики. В перспективе, как отмечают китайские экономисты, высококачественное развитие Китая позволит повысить качество развития всей мировой экономики, обеспечит ее мощный и устойчивый рост[2].

2. Происходит целенаправленное изменение структуры китайской экономики. Взамен доминировавших ранее традиционных отраслей вторичного сектора (промышленность, энергетика, строительство) на передний план выступает третичный сектор (сфера услуг, транспорт, здравоохранение, образование). На этой основе смягчаются диспропорции в развитии различных регионов, а равно и различия между городом и деревней, сокращается дифференциация доходов, экономическое развитие приобретает инклюзивный характер, а круг его бенефициаров охватывает все более широкие слои населения.

3. Главной движущей силой роста китайской экономики вместо прежней ставки на дешевую рабочую силу, инвестиции и ресурсы становятся инновации. Это имеет особое значение, поскольку, помимо повышения уровня развития производительных сил, эффективности производства, внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий, инновационный фактор формирует стратегическую конкурентоспособ-

ность страны, позволяет китайской экономике подняться вверх в глобальной цепочке создания стоимости[3]. В целом, опираясь на новые драйверы роста, развитие экономики приобретает долговременную устойчивость, снижается ее зависимость от внешних факторов.

Целевые индикативные значения основных показателей развития КНР в условиях «новой нормы» получили отражение в принятом на 4-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2016 г.) Плане социально-экономического развития на 13-ю пятилетку (2016–2020). В частности, среднегодовые темпы прироста ВВП определены как минимум в 6,5%, ежегодный рост потребительских цен — примерно 3%, количество новых рабочих мест — не менее 10 млн в расчете на год, уровень зарегистрированной безработицы городского населения — в пределах 4,5%, ежегодное увеличение денежного агрегата M_2 — 13%, дефицит консолидированного государственного бюджета — не более 3% ВВП, снижение выбросов вредных веществ, эмиссии углекислого газа, а также потребления воды и энергии в расчете на единицу ВВП на 23%, 15 и 18% накопленным итогом соответственно.

Для достижения указанных ориентиров (которые, впрочем, не носят директивного, обязательного характера) китайское руководство наметило проведение в экономике и социальной сфере широкого комплекса реформ, призванных значительно изменить и усовершенствовать взаимоотношения между государством, рынком и обществом. В соответствии с постановлением 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (2013 г.) рынок приобретает решающую роль в распределении ресурсов, а правительство концентрируется на улучшении государственного управления. Чтобы «расчистить рыночное пространство и высвободить ресурсы», в 2015 г. были инициированы структурные реформы в сфере предложения, направленные на дальнейшее сокращение излишних производственных мощностей, уменьшение избытка предложения (прежде всего жилой недвижимости), реструктуризацию долгов, снижение издержек и «укрепление слабых мест» (борьба с бедностью, экология, совершенствование инфраструктуры и т.д.).

При этом, подчеркивают китайские политики и экономисты, «новая нормальность» не должна вести к сжатию экономики, сохраняется важная направляющая роль государственных капиталовложений на основе соблюдения приоритетов инвестиционной политики (вложения в защиту окружающей среды, строительство железных дорог в центральных и западных районах страны, расширение сети медицинского и пенсионного обслуживания). В итоге широкомасштабное экономическое стимулирование уступает место последовательной и стабильной макроэкономической политике. Инвестиционная политика и макроконтроль приобретают новое качество, взамен масштабного государственного инвестирования в форме так называемого полива большой водой все шире используются выборочные, адресные меры поддержки и поощрения по типу «капельного орошения»[4].

Таким образом, уделяя особое внимание роли внутреннего потребительского спроса как важнейшего фактора экономического развития, новая экономическая стратегия предполагает исправление сложившегося дисбаланса между накоплением и потреблением, а также переориентацию экономических ресурсов в пользу отраслей экономики, повышающих качество жизни. Не случайно наряду с удвоением

ВВП по сравнению с 2010 г. в плане развития на 13-ю пятилетку впервые была поставлена цель одновременного удвоения ВВП на душу населения к 2020 г. Устойчивое развитие в рамках «новой нормальности», как отмечалось в ноябре 2017 г. на XIX съезде КПК, призвано обеспечить ликвидацию в КНР бедности к 2020 г. и построение к столетию создания КПК в 2021 г. так называемого среднезажиточного общества в соответствии с решениями предыдущих партийных съездов.

Политика «новой нормальности»

Общим лейтмотивом экономической политики КНР в рамках новой стратегии развития было объявлено «стремление к росту в условиях стабильности»[5]. С этой целью в условиях понижающейся динамики экономического развития во второй половине 2010-х годов правительством были предприняты разнообразные меры, направленные на поддержание деловой активности и ориентированные на конкретные отрасли и субъекты рынка (инфраструктура, малые и средние предприятия и т.п.). Как правило, меры господдержки одновременно способствовали как росту экономики, так и ее структурным изменениям. В основном они имели ограниченный, адресный характер, в силу чего не угрожали возникновением спекулятивных рыночных пузырей и развитием инфляционных тенденций в экономике. Наконец, многие из этих мер имели непосредственное отношение к обеспечению народного благосостояния.

Денежно-кредитная политика. Ключевым инструментом насыщения экономики финансовыми ресурсами и создания условий для их эффективного использования явилась денежно-кредитная политика. В течение одного года, с ноября 2014 г. по ноябрь 2015 г. НБК пять раз последовательно понижал норму обязательного резервирования средств коммерческих банков, обеспечив высвобождение около 700 млрд юаней для финансирования экономики[6]. Одновременно центральный банк шестикратно понижал базовые процентные ставки по банковским депозитам и кредитам. В целом в 2014–2018 гг. средняя ставка по кредитам снизилась с 7,18 до 5,63% годовых[7]. Это заметно сократило стоимость финансирования для предприятий реального сектора.

Помимо этого НБК стал широко применять специальные кредитные инструменты макроэкономического регулирования. В частности, НБК по каналам политических банков финансировал инвестиции в приоритетные государственные проекты под поручительство органов государственного управления (*программа дополнительного обеспеченного кредитования*), выборочно поддерживал ликвидность крупных, а также средних и малых кредитных институтов с помощью кратко- и среднесрочных низкопроцентных кредитов (*программа среднесрочного кредитования, открытые кредитные линии*) Для сглаживания волатильности на денежном рынке использовались *краткосрочные операции с ликвидностью*, предусматривающие прямые денежные вливания в балансы банков, а также о*перации на открытом рынке*, дающие возможность на срок от одного дня до одного года эффективно варьировать размеры денежного предложения[8]. Так, используя операции на открытом рынке, только в сентябре 2014 г. НБК увеличил ликвидные ресурсы пяти

крупнейших банков на 500 млрд юаней и дополнительно нарастил их еще на 200 млрд юаней в октябре того же года[9].

Во второй половине 2015 г. произошла существенная либерализация банковского сектора КНР. Было отменено предусмотренное законом обязательное соотношение кредитов и депозитов коммерческих банков на уровне 75% (август 2015 г.), а также объявлено о дерегулировании процентных ставок по депозитам (ноябрь 2015 г.). До этого они были привязаны к базовой ставке НБК, отклоняясь от нее максимум на 50%. На фоне введения НБК системы страхования банковских вкладов размером до 500 тыс. юаней (май 2015 г.) все это обусловило заметное повышение деловой активности кредитно-финансовых институтов.

При этом НБК не снижал административного воздействия на банковские структуры — от стимулирования кредитования малых и средних предприятий до ограничения поддержки закредитованных и обремененных избыточными мощностями отраслей. Все это позволяло НБК оперативно регулировать объем монетарного предложения, избегая инфляционных всплесков, а равно и оказывать определенное влияние на отраслевое и территориальное распределение финансовых потоков. Общими тенденциями политики НБК являлись постепенное удешевление и удлинение сроков кредитования банковских структур, переход к ежедневному мониторингу конъюнктуры денежного рынка при помощи операций РЕПО, а также повышение требований к финансовой прозрачности и устойчивости банков-заемщиков.

В целом монетарная политика правительства и НБК имела весьма осмотрительный, почти нейтральный характер, уравновешивая смягчение общих условий кредитования усилением банковского надзора и контроля[10]. Одним из основных системных рисков развития китайской экономики, как уже отмечалось, являлся высокий уровень отношения заемных средств к собственным средствам предприятий, а также быстрый рост долгов местных органов власти, накопленных в кризисные и первые посткризисные годы. По оценке Банка международных расчетов (г. Базель), в первом полугодии 2017 г. общий долг Китая, включая обязательства центрального и местных правительств, а также компаний и домохозяйств, составил 255% ВВП против 147% в 2008 г.[11].

В этой связи НБК в 2017 г. усилил макропруденциальное регулирование деятельности банков на основе оценки ключевых показателей их регулярной отчетности. Кредитование отраслей с высоким уровнем риска, доля краткосрочных источников финансирования, достаточность резервов для покрытия убытков, рациональность процентной политики, взаимоотношения с теневым банкингом — все это стало определять уровень результирующей оценки каждого банка по шкале НБК, а с нею — получение со стороны государственного регулятора поощрения (повышение ставки по резервным депозитам, предоставление большей свободы в расширении бизнеса) либо наказания (снижение ставки по депозитам, регуляторные ограничения деловой активности и др.)[12].

Тогда же НБК и Комитет по регулированию банковской и страховой деятельности выпустили совместные правила в сфере управления капиталом, призванные ограничить внебалансовые кредитные операции[13]. В соответствии с правилами для

всех типов финансовых учреждений были установлены предельные значения кредитного плеча для продуктов управления капиталом (WMP). Размеры штрафных санкций, наложенных на банковские структуры за нарушение установленных нормативов, сокрытие «плохих долгов» и т.п., в 2017 г. составили 3 млрд юаней[14]. Если в 2016 г. объем финансирования за счет WMP увеличился на 86,2%, то в 2017 г. рост кредитной активности теневого банкинга был остановлен.

Финансовая политика. «Государственные финансы являются основой и важнейшим столпом государственного управления, — отмечалось в решении 3-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва. — Научно обоснованный налогово-бюджетный режим обеспечивает оптимизацию распределения ресурсов, унификацию рынка, социальное равенство, долгосрочную безопасность и мир в стране». В этой связи правительство перешло к проведению активной финансовой политики, допускающей разумный рост бюджетного дефицита с соответствующим увеличением государственных расходов и государственного долга. Управление финансовыми рисками было возложено на созданный при Госсовете КНР Комитет по финансовой стабильности и развитию (2017 г.) — орган финансового надзора и регулирования, объединивший в своем составе высокопоставленных представителей правительства, НБК, Минфина, ГКРР, ГУВК, а также государственных регуляторов различных сегментов финансового рынка.

Важной задачей финансовой политики было уменьшение фискального бремени в экономике, сокращение издержек производства и развитие конкурентной деловой среды. С этой целью в 2013–2017 гг. были на 30% сокращены правительственные фонды, административные сборы центрального правительства с предприятий уменьшены на 60%[15]. К этому следует добавить выборочное снижения НДС для отдельных отраслей (2014 г.), предоставление налоговых льгот для малых и средних предприятий (2014 г.), расширения круга получателей этих льгот (2014 г., 2015 г.), отсрочку уплаты корпоративного подоходного налога с реинвестиций компаний иностранного капитала (2017 г.), повышение необлагаемого минимума личных доходов граждан (2018 г.), распространение практики налоговых вычетов (2018 г.) и т.п. В 2017–2018 гг. размеры сокращения налоговой нагрузки на предприятия и физические лица. в расчете на год достигали 1 трлн юаней, т.е. 1,1–1,2% ВВП[16]. Все это позволило китайским предприятиям значительно снизить операционные издержки и тем самым стимулировало рост производства в реальном секторе экономики.

С точки зрения исполнения расходной части государственного бюджета большое значение имел и рост ассигнований на социальные нужды, связанный, в частности, с проведенной в 2014–2015 гг. унификацией системы пенсионного обеспечения. Пенсионная программа для сельских жителей была объединена с аналогичной программой для неработающих жителей городов, а программа пенсий для государственных служащих — с пенсионным обеспечением работников городских предприятий, в результате чего жизненные условия последних существенно улучшились. В 2014–2018 гг. средняя пенсия работника городского предприятия увеличилась в полтора раза — с 25,3 до 37,8 тыс юаней в расчете на год[17]. В целом в 2018 г. дефицит государственного бюджета КНР составил 3,75 трлн юаней против 1,1 трлн юаней в 2013 г., отношение бюджетного дефицита к ВВП увеличилось с 1,9 до 4,1%[18].

В этих условиях постоянное внимание правительства уделялось снижению финансовых рисков. В 2015 г. Министерство финансов ужесточило правила работы контролируемых местными органами власти финансовых и инвестиционно-строительных компаний, что способствовало направлению больших объемов долгового финансирования в строительные объекты дорожной, транспортной, энергетической, водной и жилищной инфраструктуры, развернутые после мирового финансового кризиса с целью преодоления его последствий и оживления китайской экономики. Одновременно Госсовет КНР регламентировал порядок выпуска местных облигационных займов, а также систему ответственности территориальных властей за их обслуживание и погашение.

Использование этих долгосрочных низкопроцентных облигаций для реструктуризации в 2015–2018 гг. долговых обязательств местных инвестиционно-строительных компаний в размере 18 трлн юаней улучшило долговое положение КНР. В 2016 г., например, платежи по обслуживанию долга упомянутых компаний были сокращены на 400 млрд юаней. Если в 2009–2015 гг. отношение кредитной задолженности к собственным средствам предприятий реального сектора увеличивалось в среднем на 8,3% в год, то в 2016 г. — динамика этого показателя снизилась до 4,9%, а в первой половине 2017 г. — даже до 1,6% год к году[19]. Реструктуризация корпоративных долгов, накопленных под гарантии местных правительств, стимулировала новые инвестиции в инфраструктуру и государственные услуги, а также способствовала снижению зависимости реального сектора экономики КНР от теневой банковской системы.

Осуществлялось и системное реформирование налоговой системы КНР. Начиная с 2014 г. производились оптимизация базы и ставок налогообложения, улучшение налогового администрирования и т.д. Это делало налоговую систему КНР более прозрачной, инструментальной и чувствительной к сигналам рынка[20]. Особое значение имело перераспределение фискальной нагрузки между различными видами и субъектами хозяйственной деятельности путем установления новых и пересмотра имеющихся налогов. Предпринятые изменения отражали стратегические приоритеты КНР, ориентированные на создание новой модели экономического роста на основе опережающего развития высокотехнологичных, экологически чистых производств, энергосберегающих технологий, повышение социальной защищенности населения, сокращение имущественного неравенства, развитие частного бизнеса, включая малое и среднее предпринимательство.

В сочетании со снижением налоговой нагрузки на экономику все это стимулировало деловую активность и рост прибылей как частного бизнеса, так и государственных предприятий. В результате в 2017 г. впервые за пять лет был зафиксирован рост финансовых доходов государства, достигнутый исключительно за счет увеличения налоговых платежей (прирост на 10,7%)[21].

Структурная политика. Перенесение центра тяжести на внутренние факторы развития предопределяло особую важность нового этапа реформирования государственного сектора китайской экономики, начатого в 2015 г. после того как ЦК КПК и Госсовет КНР совместно опубликовали «Руководящие принципы углубления реформы государственных предприятий». Даже если сделать скидку на выполнение

социальных обязательств, обременяющих госпредприятия, экономические результаты их деятельности заметно уступали частным компаниям, что уменьшало общий уровень экономической эффективности.

Реформа госсектора предполагала все большее распространение процесса акционирования на крупнейшие предприятия центрального подчинения с целью превращения их в юридически самостоятельные компании с развитой системой корпоративного управления, развивающиеся на основе самофинансирования и полной ответственности за результаты хозяйственной деятельности. Одновременно поощрялось участие частного капитала в деятельности государственных предприятий. Стимулировалось развитие смешанных форм собственности и реализация проектов на основе государственно-частного партнерства в таких ранее закрытых для частного капитала отраслях, как нефтегазовая отрасль, электроэнергетика, железнодорожное строительство, авиационное сообщение, телекоммуникации, добыча полезных ископаемых, коммунальное хозяйство и др. В частности, в июне 2017 г. ГКРР издал циркуляр, предусматривающий привлечение частного капитала в форме смешанной собственности к реализации государственными предприятиями 165 ключевых проектов в сфере электроэнергетики, транспорта, информации, разведки и добычи нефти и газа[22].

В этом контексте следует рассматривать и меры по дальнейшему развитию частного предпринимательства. В числе инструментов поощрения негосударственной деловой активности были определены: допуск частных компаний к реструктуризации предприятий госсектора на основе сделок по слиянию и поглощению, государственная поддержка независимой инновационной деятельности, облегчение доступа частных компаний к финансовым и кредитным ресурсам и т.д.

С целью разрешения финансовых проблем частных малых и микропредприятий в 2018 г. Министерством финансов совместно с заинтересованными финансовыми структурами учрежден бесприбыльный Государственный фонд финансовых гарантий для выдачи поручительств и перепоручительств по банковским кредитам частному (в том числе мелкому) бизнесу. Размеры фонда при его создании составили 60 млрд юаней. При коэффициенте покрытия кредитной гарантии в размере 80% предполагалось, что деятельность фонда в течение трех первых лет работы обеспечит кредитную поддержку частного бизнеса в размере 500 млрд юаней[23]. Поощрялось и развитие негосударственных (в том числе сельских коммерческих) банков, активно участвующих в программе инклюзивного кредитования малых и средних предприятий.

Здесь же следует отметить меры по частичному дерегулированию деятельности субъектов рынка.: в 2013–2017 гг. число вопросов, требующих утверждения со стороны органов государственного управления, сократилось на 44%, значительно уменьшилось количество требуемых лицензий и сертификатов для подтверждения профессиональной квалификации[24]. В результате среднее число вновь регистрируемых компаний в 2018 г. составило 18,4 тыс. в день против 6 тыс. в день в 2014 г.[25].

Вследствие льготного и более доступного финансирования в условиях действовавшей ранее установки на максимально высокий экономический рост в государст-

венном секторе год за годом накапливались излишние, невостребованные рынком производственные мощности. Избыточные мощности и огромные запасы не находящей сбыта продукции были сосредоточены главным образом в десяти отраслях: угледобыче, черной металлургии, производстве цемента, листового стекла, алюминия, химических продуктов, бумаги, солнечных батарей, в судостроении и тепловых электростанциях на угле. Все это наносило ощутимый ущерб китайской экономике, отягощая ее рост в среднесрочной перспективе, негативно влияя на финансовую стабильность и состояние окружающей среды.

В этих условиях в начале 2016 г. правительство приняло решение, предписывающее производителям угля и стали в период до 2020 г. сократить мощности по добыче угля на 500 млн т, реструктурировать угледобывающие мощности еще на 500 млн т, а также ликвидировать производственные мощности по выплавке стали от 100 до 150 млн т. Были выпущены дополнительные рекомендации, призванные стимулировать ликвидацию неэффективных мощностей в цветной металлургии и в ряде других промышленных отраслей[26]. В 2013–2017 гг. занятость в угольной промышленности и черной металлургии была сокращена на 20–30%[27]. Свыше 1,1 млн человек были повторно трудоустроены с использованием целевых бюджетных субсидий в размере 100 млрд юаней[28].

При этом в качестве одного из важнейших условий дальнейшего развития страны рассматривается перевод экономики на принципиально новый технологический уровень. Ведь в начале 2010-х годов даже с учетом значительных экономических успехов Китая выпуск продукции в расчете на одного рабочего соответствовал уровню, достигнутому Республикой Корея в 1990-е годы. На 10 тыс. рабочих в обрабатывающей промышленности КНР в 2017 г. приходилось 68 промышленных роботов против 74 в среднем по миру, 303 в Японии, 309 в Германии и 631 в Республике Корея. Это демонстрирует огромное значение выдвинутой в Китае программы инновационного обновления страны[29].

В мае 2015 г. была одобрена государственная программа «Сделано в Китае–2025», направленная на превращение КНР из массового производителя и экспортера недорогих промышленных товаров в конкурентоспособный центр производства инновационной и высококачественной продукции, включая информационные технологии, оборудование для экологически чистой электрогенерации, сельскохозяйственное оборудование, медицинские изделия и биофармацевтику, передовые технологии в области здравоохранения, современное аэрокосмическое, морское, железнодорожное и другое транспортное оборудование, робототехнику, а также новые материалы.

Важная роль была отведена и широкому внедрению в жизнь современных интернет-технологий. В июле 2015 г. был объявлен план действий «Интернет-плюс», делающий главный акцент на разработке ИТ-решений (включая облачные вычисления, электронную коммерцию и большие данные), а также на интеграции интернет-технологий и более традиционных отраслей с получением соответствующего мультипликативного эффекта. Реализация этих стратегических инициатив государства подкреплялась соответствующим ростом бюджетных расходов на исследования и

разработки, размеры которых в 2017 г. увеличились на 11,6%, достигнув 1,75 трлн юаней (в 2015 г. — 1,43 трлн юаней), или 2,12% ВВП[30].

В контексте новой экономической стратегии специальное внимание уделялось вопросам увеличения внутреннего спроса и масштабов внутреннего рынка, расширения потребления как стимулятора роста экономики, повышения доходов населения и совершенствования системы социального обеспечения граждан. Приоритетное значение придавалось стимулированию продаж автомобилей на новых энергоносителях, модернизации туристического потребления, культивированию потребления в сфере индустрии здоровья и обеспечения достойной старости, интенсивному развитию потребления в сфере физкультуры и спорта, а также зеленого потребления[31].

Инвестиционная политика. Чтобы стабилизировать замедляющийся экономический рост и придать ему требуемые отраслевые и качественные характеристики, правительство предпринимало разнообразные меры инвестиционного стимулирования. В частности, высвобождая инвестиционный потенциал предприятий, в 2013–2017 гг. правительство на 90% сократило число инвестиционных проектов, подлежащих утверждению со стороны органов государственного управления центрального уровня[32]. Помимо поощрения государственно-частных партнерств как нового способа финансирования инфраструктуры предпринимались попытки более активного использованию политических банков. Кроме того, в апреле 2015 г. правительство расширило сферу использования средств Национального фонда социального обеспечения (НФСО), позволив ему инвестировать до 20% своего портфеля в долговые обязательства местных правительств и корпоративные облигации (ранее НФСО мог инвестировать до 10% портфеля в корпоративные облигации)[33].

Применялись и испытанные методы государственного регулирования в инвестиционной сфере. Так, в 2014 г. в интересах взбадривания внутреннего спроса китайские власти смягчили политику ипотечного кредитования в секторе недвижимости, а также понизили требования к первоначальному взносу для покупателей второго жилья. Одновременно Госсовет объявил об ускорении реконструкции городского жилого фонда, и Банк развития Китая приступил к выпуску облигаций для финансирования государственной программы строительства доступного жилья. Тогда же для ускорения развития национальной железнодорожной системы были выпущены казначейские облигации на сумму около 150 млрд юаней для строительства железных дорог в менее развитых центральных и западных регионах страны[34]. В 2016–2017 гг. во избежание инвестиционного перегрева меры макроконтроля на рынке городского жилья были вновь усилены.

При помощи новых механизмов финансирования в соответствии с программой «Сделано в Китае–2025» стимулировалось развитие современных высокотехнологичных производств. Так, в 2014 г. правительство учредило Государственный инвестиционный фонд индустрии интегральных микросхем (так называемый Большой фонд), призванный посредством «инвестирования в производство микросхем, стимулирования промышленного производства и содействия слияниям и поглощениям» способствовать достижению самодостаточности КНР в полупроводниковой

промышленности. В рамках первого раунда пополнения капитала (2014–2019) «Большой фонд» собрал 45 млрд долл. на поддержку национальной полупроводниковой промышленности[35]. Управление фондом поручено дочерней структуре политического Банка развития Китая, который наряду с Минфином КНР, банками «Большой четверки» и целым рядом ведущих государственных компаний (*China Tobacco*, *China Mobile*, *China Electronics Technology Group Corporation* и др.) входит в состав крупнейших акционеров фонда.

В 2016 г. по инициативе ГКРР, Министерства финансов и Министерства промышленности и информационных технологий в Пекине был учрежден Фонд инвестирования передовой обрабатывающей промышленности, собравший на первом этапе пополнения капитала 20 млрд юаней, включая 6 млрд юаней, выделенных из бюджетных средств. В создании фонда приняли участие Китайская государственная корпорация развития и инвестиций (SDIC), Промышленно-торговый банк Китая и другие инвесторы[36].

Тогда же правительство одобрило создание Китайского государственного венчурного инвестиционного фонда размером в 30 млрд долл. (примерно 200 млрд юаней) с учредителями в лице крупнейшей государственной инвестиционной холдинговой корпорации *Guoxin Holdings Co Ltd* (учредительный взнос — 100 млрд юаней), Строительного банка Китая, Почтово-сберегательного банка и Шэньчжэньской инвестиционной холдинговой компании[37]. Задачей фонда является ориентирование отраслевых потоков венчурных капиталовложений с использованием механизма государственно-частного партнерства, инвестирование в инновационные технологии и приоритетные для страны проекты по модернизации промышленности и техническому обновлению государственных предприятий.

Результаты и перспективы

Переход НБК к ежедневному мониторингу и контролю ситуации на денежном рынке, а также меры по ограничению теневого банкинга позволили заметно снизить динамику денежного предложения. Среднегодовые темпы прироста монетарного агрегата M_2 (наличные деньги, чеки, вклады до востребования, срочные банковские депозиты) в 2014–2018 гг. составили 10,6% против 16,1% в 2010–2013 гг., снизившись в полтора с лишним раза. Однако рост кредитной поддержки экономики со стороны банковского сектора оставался на высоком уровне, составив в среднегодовом исчислении 12% при стабилизации сроков и стоимости кредитования. К концу 2018 г. агрегат M_2 составил 182,7 трлн юаней против 122,8 трлн юаней в 2013 г., а сумма выданных в течение года банковских кредитов достигла рекордных 15,7 трлн юаней против 8,9 трлн юаней в 2013[38].

Основные макроэкономические показатели свидетельствуют, что в 2016–2018 гг. после нескольких лет последовательного торможения динамики ВВП началась постепенная адаптация КНР к новым условиям экономического развития на основе «средневысоких» темпов роста.

Таблица 33

Динамика основных показателей экономического развития КНР, 2014–2018 гг. (%)

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
ВВП, всего	7,4	7,0	6,8	6,9	6,7
В том числе:					
первичный сектор	4,1	3,9	3,3	4,0	3,5
вторичный сектор	7,4	6,2	6,3	5,9	5,8
третичный сектор	7,8	8,2	7,7	7,9	7,6
Среднедушевой ВВП	9,0	6,5	7,3	10,6	8,3
Среднедушевые располагаемые доходы	10,1	8,9	8,4	9,0	8,7
Инвестиции в основные фонды	13,4	8,6	7,0	6,2	5,9
В том числе:					
государственные*	11.4	10,9	18,7	10,1	1,9
частные	18,1	10,1	3,2	6,0	8,8
иностранные	1,7	5.6	-0,2	3,9	3,0
Розничный товарооборот	12,0	10,7	10,4	10,2	9,0
Денежный агрегат M_2	12,2	13,3	11,3	8,1	8,1
Инфляция	2,0	1,4	2,0	1,6	2,1
Оборот внешней торговли	3,4	-8,1	-6,8	11,4	12,5
В том числе:					
экспорт	6,0	-2,9	-7,7	7,9	9,9
импорт	0,5	-14,3	-5,5	16,1	15,8

* Инвестиции государственных предприятий, акционерных и холдинговых компаний с долей государственного участия, а также учреждений и организаций.

Источники: China Statistical Yearbook 2015. Beijing: China Statistics Press, 2015. Table 1-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2015/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023); China Statistical Yearbook 2017. Beijing: China Statistics Press, 2017. Table 1-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2017/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023); China Statistical Yearbook 2019. Beijing: China Statistics Press, 2019. Tables 3-4, 6-1, 5-1, 10-1, 10-2, 10-11, 11-3, 11-13. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2019/indexeh.htm (accessed: 10.02.2023); China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Tables 3-4, 10-1. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024); Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2018 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2019. February 28. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201902/t20190228_1651335.html (accessed: 10.01.2024); National Economy Maintained the Mo-

mentum of Stable and Sound Development and Exceeded the Expectation // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2018. January 18. URL: 18.01.2018; https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201801/t20180118_1574943.html (accessed: 10.01.2024).

Как свидетельствует табл. 33, в 2017 г. китайская экономика выросла на 6,9% против 6,8% в 2016 г. и 7,4% в 2014 г. В целом в 2014–2018 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП составили 7% против 9% в 2010–2013 гг. При этом в течение 2016–2017 гг. постепенно стала проявляться тенденция к поквартальной стабилизации динамики роста[39]. В этом определенное отличие от предыдущего периода, когда, начиная с 2010 г., наблюдалась колебательная экономическая динамика с поквартальным затуханием количественных показателей[40].

Следует отметить, что, несмотря на более скромные показатели роста китайской экономики по сравнению с десятилетиями экономической экспансии, страна тем не менее продолжала развиваться опережающими темпами, выступая своего рода локомотивом мировой экономики. Это особенно наглядно при сопоставлении с США, другим экономическим гигантом современности, во второй половине 2010-х годов в три с лишним раза уступавшим набранной в Китае скорости экономического роста. По оценке МВФ, в 2012–2017 гг. глобальный экономический рост не превышал 4% в год и в 2017 г. составил 3,6%[41].

В структуре ВВП происходили существенные сдвиги, связанные прежде всего с повышением внутреннего спроса и конечного потребления как основных драйверов роста. Это обусловлено прогрессирующим действием целого ряда факторов, включая увеличение заработной платы, создание новых рабочих мест, снижение безработицы, уменьшение численности населения, живущего за чертой бедности. Следствием этого явилось устойчивое повышение среднедушевых располагаемых доходов, темпы роста которых, в отличие от практики предыдущих лет, как правило, опережали динамику ВВП, а также ВВП в расчете на душу населения.

Вот лишь некоторые данные, характеризующие уровень и качество жизни в Китае в рассматриваемый период. В 2015–2018 гг. в городах в среднем ежегодно создавалось 10 млн новых рабочих мест, а коэффициент зарегистрированной безработицы колебался в пределах от 3,8 до 4,05%. Количество жителей, находящихся за чертой бедности, в 2016 г. сократилось на 12,4 млн человек, а в 2017 г. — еще на 12,9 млн человек.

В 2014–2018 гг. среднегодовые темпы прироста заработной платы в государственных учреждениях и на предприятиях госсектора составили 10,2%, а абсолютные размеры средней заработной платы увеличились с 57,3 до 89,5 тыс. юаней. Аналогичные показатели на частных предприятиях составили 8,7%, 36,4 и 49,6 тыс. юаней. В целом по стране среднедушевой располагаемый доход ежегодно увеличивался на 9,1% и в 2018 г. достиг 28,2 тыс. юаней против 20,2 тыс. юаней в 2014 г.[42].

В итоге доля конечного потребления в формировании ВВП выросла с 51,4% в 2013 г. до 55,3% в 2018 г. при сокращении удельного веса валового капиталообразования с 46,1 до 44% соответственно (табл. 34). Налицо, таким образом, постепенное продвижение страны к переходу на новые факторы развития.

Таблица 34

Вклад потребления и инвестиций в формирование ВВП КНР, 2013–2018 гг. (%)

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Расходы на конечное потребление	51,4	52,3	53,7	55,1	55,1	55,3
Валовое капиталообразование	46,1	45,6	43,0	42,7	43,2	44,0

Источники: China Statistical Yearbook 2020. Beijing: China Statistics Press, 2020. Table 3-10. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2020/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022).

В условиях контролируемой, стабильно низкой инфляции устойчиво высокими темпами расширялся розничный товарооборот, причем рост его масштабов в сельской местности (в 2017 г. — 11,8%) опережал соответствующий показатель по городам (10%), в которых в конце 2010-х годов проживало уже около 60% населения страны. Заслуживает внимания и особо быстрый рост продаж дорогостоящих потребительских товаров высокого качества, что отражает общее повышение жизненного уровня и качества потребления в КНР. В 2017 г., например, продажи спортивного инвентаря и товаров для отдыха и развлечений увеличились на 15,6% по сравнению с 2016 г., косметических средств — на 13,5%, а телекоммуникационного оборудования — на 11,7%[43].

В короткие сроки одним из значимых драйверов развития китайской экономики стала электронная торговля, стремительный рост которой способствовал повышению потребительского спроса, снижению барьеров для выхода частного бизнеса на рынок, интенсификации здоровой конкуренции, сокращению операционных издержек и ограничению роста цен. В 2017 г. оборот электронной торговли за год увеличился почти на $^1/_3$ и достиг 7,2 трлн юаней против 2,8 трлн юаней в 2014 г.

Ярким проявлением новой экономической действительности явилось опережающее развитие сферы услуг, включая такие жизненно важные области, как здравоохранение и образование. Расходы государственного бюджета на эти цели в 2017 г. увеличились на 7,8 и 9,3% соответственно. Однако особенно быстро увеличиваются объемы современных наукоемких и интеллектуальных услуг, ставших главной движущей силой развития третичного сектора китайской экономики. В частности, стоимость так называемых стратегических новых услуг (инженерные услуги в технических областях, услуги в области энергосбережения и защиты окружающей среды, биотехнологии, в производстве высококачественного оборудования, новых материалов и автомобилей на новых источниках энергии, ИТ-услуги нового поколения), инжиниринговых услуг, а также услуг в области научных исследований и разработок за 2017 г. увеличилась на 18%, 15% и 15,1% соответственно[44].

Наблюдалось и постепенное оживление промышленного роста. Общие размеры прибыли промышленных предприятий в 2017 г. выросли на 23,5% против 8,4%

в 2016 г., показав наивысшие темпы прироста начиная с 2012 г. В целом добавленная стоимость, созданная в этом секторе экономики, увеличилась на 6,4%.

При этом производство в традиционных трудоемких и ресурсозатратных отраслях китайской промышленности, по сути дела, стояло на месте либо увеличивалось крайне медленно, показывая годовые приросты от 0,3% (черная металлургия) до 4% (текстильная промышленность). В то же время аналогичный показатель по высокотехнологичным отраслям составил 13,4%, в том числе по производству промышленного оборудования — 11,3%. За 2017 г. производство промышленных роботов увеличилось на 81%, энергосберегающих автомобилей на новых источниках энергии — на 51,2%, беспилотных летательных аппаратов — на 67%[45]. Таким образом, развитие китайской промышленности приобрело разновекторный характер, предопределяя перспективу дальнейших существенных сдвигов в индустриальной структуре страны. Вклад научно-технического прогресса в экономический рост КНР в 2017 г. составил 57,5% против 56,2% годом ранее[46].

При этом, несмотря на заявления китайских экспертов о приоритетном значении рыночных механизмов макро- и микроэкономического регулирования, поддержание инвестиционной активности в стране по-прежнему остается важной задачей государства, показателем чего является опережающая динамика капитальных вложений в предприятия госсектора в 2014–2017 гг. (см. табл. 33). Направляя ресурсы прежде всего на развитие инфраструктуры и высокотехнологичных отраслей экономики, а также в провинции Центрального и Западного Китая, правительство стремилось придать государственным капиталовложениям структурообразующий характер в рамках общего инвестиционного процесса.

Расширялась и практика государственно-частного партнерства как инструмента стимулирования инвестиционной активности частного капитала. Прирост частных инвестиций в 2018 г. составил 8,8% против 3,2% двумя годами ранее, свидетельствуя о постепенном укреплении уверенности частных предпринимателей в перспективах национальной экономики. В целом доля негосударственных секторов в валовых инвестициях в экономику КНР колебалась в диапазоне от 56,3% (2016 г.) до 58,9% (2014 г.)[47].

Все эти позитивные структурные изменения происходили на фоне продолжающегося торможения инвестиционного процесса. В 2018 г. прирост инвестиций в основные фонды составил 5,9% против 7% в 2016 г. и 8,6% в 2015 г., а в целом в 2014–2018 гг. среднегодовые темпы прироста инвестиций в основные фонды составили 8,2% против 14,1% в 2010–2013 гг. Это новая для КНР ситуация, ведь в период сверхбыстрого развития китайской экономики рост инвестиций из года в год в два с лишним раза опережал динамику ВВП. Неудивительно, что в 2018 г. удельный вес инвестиционных расходов в формировании ВВП составил 44,8% против 46,8% в 2013 г.

Снижение инвестиционной динамики обусловлено целым рядом обстоятельств. Прежде всего следует отметить ускоренную реализацию программы правительства по сокращению избыточных производственных мощностей. В 2013–2017 гг. из эксплуатации было выведено оборудование мощностью по выплавке более 170 млн т стали и добыче 800 млн т угля. Предпринятые меры сопровождались выводом из

эксплуатации угольных электростанций, а также остановкой и отсрочкой строительства новых энергоблоков совокупной генерирующей мощностью свыше 50 ГВт. Тем самым целевые показатели 13-й пятилетки были достигнуты на два года раньше срока. В 2016–2017 гг. ограничение роста инвестиций коснулось недвижимости (при этом сократился спрос на строительные материалы), производства цемента, стали, стекла и цветных металлов. Коэффициент загрузки производственных мощностей в промышленности в 2017 г. достиг 77%, что явилось наивысшим показателем за последние пять лет[48].

Свою роль в торможении инвестиционного процесса сыграло и то обстоятельство, что по мере стабилизации экономической ситуации происходило уменьшение инвестиций в складские запасы[49]. Если в 2014 г. прирост складских запасов сырья, материалов и нереализованной продукции составил 1,3 трлн юаней против 0,5 трлн юаней в 2009 г., а среднегодовые темпы его увеличения в 2010–2013 гг. достигли 20%, то в 2014–2018 гг. этот показатель составил -4,7%, а абсолютные размеры годового прироста запасов в 2018 г. сократились до 0,9 трлн юаней. В целом удельный вес складских запасов в валовом капиталообразовании снизился с 6% в 2011 г. до 4,3% в 2014 г. и 2,7% в 2018 г.[50].

Наконец, свою роль играло и общее изменение отраслевой структуры инвестиций, связанное с уменьшением доли вложений в капиталоемкие отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности, а также в недвижимость и с повышением удельного веса инвестиций сферу услуг и отрасли цифровой экономики. Указанные изменения в целом находились в русле актуальных приоритетов экономической политики государств и были особенно наглядны в 2017 г., непосредственно предварявшим начало торговой войны Китая с США. Если инвестиции во вторичный сектор экономики (промышленность, энергетика, строительство) в 2017 г. увеличились на 2,7%, то вложения в третичный сектор — на 10%. Исключительно высокие темпы прироста показывали инвестиции в защиту окружающей среды (21,2%), в коммунальные услуги (23,4%), в инфраструктуру (19%), а также в высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности (17%)[51].

Таблица 35

Отраслевая структура инвестиций, 2014–2018 гг. (%)

Отрасль	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:					
сельское и лесное хозяйство	3,2	3,7	4,1	4,2	4,6
добывающая промышленность	2,8	2,3	1,7	1,4	1,5
обрабатывающая промышленность	32,6	32,1	31,0	30,2	32,9
транспорт и связь	8,4	8,8	8,9	9,6	9,8

недвижимость	25,7	23,9	23,5	22,8	24,5
экология, водное хозяйство	9,0	9,9	11,3	12,8	13,1
образование, наука	1,3	1,4	1,5	1,7	1,8
здравоохранение	0,8	0,9	1,0	1,1	1,2
культура, спорт	1,2	1,2	1,3	1,4	1,6

Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2018. Beijing: China Statistics Press, 2018. Table 10-6. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2018/indexeh.htm (accessed: 10.02.2023); China Statistical Yearbook 2019. Beijing: China Statistics Press, 2019. Tables 10-1, 10-3. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2019/indexeh.htm (accessed: 10.02.2023).

Учитывая размеры китайской экономики и инерционность инвестиционного процесса, общее изменение отраслевой структуры капитальных затрат имеет менее выраженный характер (табл. 35). Однако и здесь в 2014–2018 гг. видны тенденции к уменьшению удельного веса инвестиций в традиционную промышленность (особенно в добывающую), а также попытки ограничения вложений в сектор недвижимости при одновременном увеличении доли сельского хозяйства и защиты окружающей среды, а также производственной (транспорт и связь) и социальной (образование, здравоохранение и т.д.) инфраструктуры.

В 2014–2018 гг. среднегодовые темпы прироста инвестиций в транспорт и связь составили 11,8% (в том числе в автодорожное строительство — 16,3%), в защиту окружающей среды — 23,2%, образование и науку — 20,9%, здравоохранение — 24,9%, культуру и спорт — 19,9%. Опережающими темпами росли и инвестиции в такие современные виды услуг, как лизинг и бизнес-услуги (21%), ИТ-услуги и передача информации (18,8%), услуги в области научных исследований и разработок (16,6%)[52].

В 2018 г. удельный вес капиталовложений во вторичный сектор экономики в валовых инвестициях в экономику КНР составил 30,1% против 33,6% в 2014 г. Одновременно доля третичного сектора возросла с 64,1 до 67,5%. В результате доля вторичного сектора в годовом приросте ВВП снизилась с 47,9 до 36,1%, а доля сферы услуг и других отраслей третичного сектора, наоборот, увеличилась с 47 до 59,7%[53]. Таким образом, основные результаты развития КНР в первую пятилетку «новой нормальности» позволяют говорить о формировании ряда фундаментальных тенденций, способных, в случае их закрепления, заметно изменить китайскую экономику и в целом облик Китая в будущем. Тем самым положено начало постепенному продвижению китайского общества к гуманизированной, ориентирующейся на насущные потребности человека модели развития.

В этих условиях на фоне общего оживления ситуации в экономике страны происходило восстановление и рост масштабов внешней торговли. В 2018 г. внешнеторговый оборот Китая достиг 4,6 трлн долл., увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 12,5%, в том числе прирост китайского экспорта составил 9,9%, а импорта — 15,8%[54]. Динамично развивалась торговля со странами, входящими в зону «Пояса и пути», а также с государствами БРИКС, включая Бразилию (при-

рост китайского экспорта — 16,3%), Индию (12,7%), ЮАР (9,7%) и Россию (12%). В результате в 2017–2018 гг. удалось преодолеть сложившуюся в предыдущие годы тенденцию к сокращению внешней торговли. Удельный вес чистого экспорта (экспорт минус импорт) в формировании ВВП увеличился с 2,4% в 2013 г. до 9,1% в 2017 г.

При этом, учитывая происходящее формирование нового технологического уклада в мировой экономике, а равно и попытки Китая вписаться в эти новые реалии, страна сделала решительные шаги в переходе от экспорта товаров первичной переработки (сырье и материалы) к преимущественному вывозу машинно-технической продукции. Экспорт технически сложных изделий машиностроительной и электронной промышленности с высокой добавленной стоимостью в 2017 г. увеличился на 12,1%, обеспечив 58,4% общей стоимости товарного вывоза КНР[55]. Экспортные поставки китайских автомобилей увеличились за год на 27,2%, компьютеров — на 16,6%, мобильных телефонов — на 11,3%.

Быстрый рост внешней торговли КНР способствовал улучшению платежного баланса страны, увеличению ее золотовалютных резервов и, как результат, поддержанию стабильного курса юаня и укреплению его международных позиций как резервной валюты.

* * *

Таким образом, во второй половине 2010-х годов после многих лет ориентированной на внешние рынки экономической экспансии и последующего преодоления последствий мирового финансового кризиса Китай вступил в весьма ответственный период. Исчерпание потенциала предыдущей экономической модели сопровождаемое затуханием прежней инерции социально-экономического развития поставило в повестку дня кардинальное изменение приоритетов национального развития, смену драйверов экономического роста и выдвижение на передний план новых социальных ориентиров. Ситуация осложняется наличием геополитических рисков и сохраняющейся волатильностью мировой экономики.

Действия КНР в этих обстоятельствах продемонстрировали весьма квалифицированную работу правительства в качестве своеобразного институционального кризис-менеджера. Несмотря на влияние многочисленных сдерживающих факторов как внутри страны, так и за ее пределами, руководству КНР удалось обеспечить рост китайской экономики в условиях «новой нормальности» и тем самым заметно продвинуть реализацию ключевых национальных проектов и программ развития, включая создание современной инфраструктуры, преодоление абсолютной бедности, оздоровление окружающей среды. Отсюда сохранение общей социальной стабильности в стране, укрепление ее позиций на международном рынке и, как следствие, лидирующей роли Китая в посткризисном восстановлении мировой экономики и торговли. По оценке МВФ, в 2017 г. развитие экономики КНР обеспечило свыше 30% роста мировой экономики в целом, превысив соответствующий показатель по США, странам ЕС и Японии, вместе взятым[56]. Обширный опыт экономического балансирования в сочетании с накопленным за десятилетия реформ запасом проч-

ности и четко выраженной политической волей к серьезному переустройству социально-экономического порядка в стране, определяет перспективу реализации новой экономической стратегии КНР.

Примечания

[1] *Си Цзиньпин*. О государственном управлении . Т. III. 1-е изд. Пекин: Изд-во литературы на ин. языках, 2021. С. 348.

[2] В фокусе внимания Китая. Первое после 19-го съезда КПК Центральное совещание по экономической работе раскрыло всему миру важную информацию // Синьхуа Новости: [сайт] 21.12.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-12/21/c_136843168.htm (дата обращения: 01.03.2024).

[3] Си Цзиньпин способствует трем большим трансформациям в китайской экономике // China.org.cn: [site]. 26.12.2017. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-12/26/content_50165807.htm (дата обращения: 01.03.2024).

[4] *Борох О.Н*. «Новая нормальность» в экономической политике Си Цзиньпина // Китай на новом этапе экономической реформы / ИДВ РАН. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 35–36.

[5] *Чун Ятю*. Трехлетний штурм твердыни // Китай. 2018. № 1 (147). С. 45.

[6] Beijing Review. 2015, No. 45. P. 34.

[7] Данные НБК. Приводятся по: China Monetary Policy Report за 2014–2018 гг. См.: The People's Bank of China: [site]. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688229/3688353/3688356/index.html (accessed: 15.03.2024).

[8] *Ganguly R*. China's Toolkit to Manage Monetary Policy: QuickTake Scorecard // Bloomberg: [site]. 2017. February 7. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-02-07/the-pboc-s-tools-to-manage-monetary-policy-quicktake-scorecard (accessed: 17.02.2023).

[9] Economic report: China / Embassy of Switzerland in Beijing // SinOptic: [site]. 2014. December 18. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20141218_China_Annual.economic.report.pdf (accessed: 15.02.2024).

[10] *Чун Ятю*. Цит. соч. С. 45.

[11] China 2018 Outlook — Striving for a New Growth Model // Deutche Bank: [site]. 2017. 12 December. P. 3. URL: https://www.db.com/news/detail/20171212-china-2018-outlook-striving-for-a-new-growth-model?language_id=1 (accessed: 29.02.2024).

[12] *Орлик Т*. Китай: пузырь, который никогда не лопнет? / Пер. с англ. Т.Ю. Адаменко. М. [и др.]: Директмедиа Паблишинг, 2022. С. 167–169.

[13] *Новоселова Л.В.* Новый экономический курс КНР: игра на опережение // Рос. эконом. журнал. 2018. № 2. С. 55.

[14] Stepping up Risk Prevention. China's Oversight in the Banking Sector is to be Tightened // Beijing Review. 2017. No. 52. Beijing Review: [site]. 2018. January 29. URL: http://www.bjreview.com./Business/201801/t20180129_80011577.html (accessed: 15.03.2024).

[15] Ли Кэцян: за пять лет в Китае ускорилась оптимизация и модернизация экономической структуры // Синьхуа Новости: [site]. 05.03.2018. URL: http://russian.news.cn/2018-03/05/c_137017673.htm (дата обращения: 01.03.2024).

[16] *Deng Yaqing*. Good Omens. New Technologies and Business Models Provide Impetus for Economic Development // Beijing Review. 2018. No. 05. Beijing Review: [site]. 2018. January 28. URL: http://www.bjreview.com/Business/201801/20180126_80011564.html (accessed: 05.03.2024).

[17] *Lin Shuanglin*. China's Public Finance. Reforms, Challenges, and Options. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. P. 243–244. DOI: 10.1017/9781009099028 (accessed: 10.04.2023).

[18] Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Tables 3-1, 7-1. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024).

[19] China Outlook 2018. A New Era, a New Paradigm of Globalization. Beijing: KPMG, 2018. P. 17. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2018/04/china-outlook-2018.pdf (accessed: 09.03.2023).

[20] См. подробнее: *Новоселова Л.* Новейшие преобразования налогово-бюджетной системы КНР в интересах социально-экономического развития страны // Рос. эконом. журнал. 2016. № 1. С. 66–89.

[21] *Новоселова Л.В.* Новый экономический курс КНР: игра на опережение // Рос. эконом. журнал. 2018. № 2. С. 55.

[22] Там же. С. 56.

[23] Китай создает государственный фонд для предоставления финансовых гарантий // CGTN: [сайт]. 31.03.2018. URL: https://russian.cri.cn/news/homeList/380/20180331/110645.html (дата обращения: 05.03.2024).

[24] Ли Кэцян: за пять лет в Китае ускорилась оптимизация. Цит. соч.

[25] People's Republic of China. 2017 Article IV Consultation — Press Release; Staff Report, and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China. Washington D.C.: International Monetary Fund, 2017. P. 5. URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2017/08/15/People-s-Republic-of-China-2017-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-45170 (accessed: 21.04.2023); Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2018 г. и проекте плана на 2019 г.: представлен 15 марта 2019 г. на 2-й сессии ВСНП 13-го созыва // Russian.china.org.cn: [сайт]. 2019. 15 марта. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2019-03/18/ content_74583651.htm (дата обращения: 15.08.2024).

[26] China Outlook 2018. A New Era. Op. cit. P. 16.

[27] People's Republic of China. 2017. Op. cit. P. 18.

[28] Ли Кэцян: за пять лет в Китае ускорилась оптимизация. Цит. соч.

[29] China 2018 Outlook … // Deutche Bank : [site]. 2017. 12 December. P. 12. URL: https://www.db.com/news/detail/20171212-china-2018-outlook-striving-for-a-new-growth-model?language_id=1 (accessed: 29.02.2024).

[30] Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2017 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2018. February 28. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201802/t20180228_1585666.html (accessed: 10.03.2024).

[31] Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2018 г. Цит. соч.

[32] Ли Кэцян: за пять лет в Китае ускорилась оптимизация. Цит. соч.

[33] China Economic Update. The World Bank, 2015. June. P. 6. URL: https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/EAP/China/ceu_06_15_en.pdf (accessed: 10.03.2024).

[34] Ibid. P. 8.

[35] *Разин А.* Китайский «Большой фонд» привлек рекордные $47,5 на борьбу с санкциями США в полупроводниковой сфере // 3DNews: [сайт]. 27.05.2024. URL: https://3dnews.ru/1105454/vlasti-knr-uchredili-fond-poddergki-natsionalnoy-poluprovodnikovoy-otrasli-kotoriy-privlyo-475-mlrd?ysclid=lx6likr88 (дата обращения: 30.07.2024).

[36] В Пекине учрежден Фонд инвестирования передовой обрабатывающей промышленности // Russian.china.org.cn: [сайт]. 08.06.2016. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2016-06/08/content_38631023.htm (дата обращения: 23.03.2024).

[37] China's New Venture Capital Fund Unlikely to Change State-Owned 'Zombie' Enterprises // Seeking Alpha: [site]. 2016. August 22. URL: https://seekingalpha.com/article/4001349-chinas-new-venture-capital-fund- unlikely-to-change-state-owned-zombie-enterprises (accessed: 10.03.2024).

[38] China Statistical Yearbook 2023. Op. cit. Tables 18-1, 18-3. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024).

[39] См.: Preliminary Accounting Results of GDP for the Third Quarter of 2019 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2020. January 20. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202001/t20200120_1724023.html (accessed: 20.03.2024).

[40] People's Republic of China. 2017. Op. cit. P. 4.

[41] *Новоселова Л.В.* Новый экономический курс КНР: игра на опережение. Цит. соч. С. 60.

[42] Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2020. Beijing: China Statistics Press, 2020. Table 6-1. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2020/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022); China Statistical Yearbook 2023. Op. cit. Tables14-10, 4-13, 6-1. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024).

[43] National Economy Maintained the Momentum of Stable and Sound Development and Exceeded the Expectation // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2018. January 18. URL: 18.01.2018; https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201801/t20180118_1574943.html (accessed: 10.01.2024).

[44] Ibid.

[45] Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2017 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2018. February 28. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201802/t20180228_1585666.html (accessed: 10.03.2024).

[46] Modernity Awaits // Beijing Review. 2018. No. 8. Beijing Review: [site]. 2018. February 11. URL: http://www.bjreview.com/Business/201802/t20180211_800117685.html (accessed: 17.03.2024).

[47] China Statistical Yearbook 2021 / National Bureau of Statistics of China. Beijing: China Statistics Press, 2021. Table 10-3. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022).

[48] *Deng Yaqing*. Op. cit.

[49] Manufacturing Activity Holds Steady. China's Factory Activity Still Stood Well Above the Boom-Bust Line, Bolstering Evidence of a Stable Broader Economy. Beijing Review. 2017. No. 52 // Beijing Review: [site]. 2018. February 8. URL: http://bjrevew.com/Business/201802/t20180208_800117123.html (accessed: 15.03.2024).

[50] Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2023. Op. cit. Table 3-11.

[51] *Deng Yaqing*. Op. cit.

[52] Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2014. Beijing: China Statistics Press, 2014. Table 1-11. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2014/indexeh.htm (accessed: 01.08.2023).

[53] China Statistical Yearbook 2019. Beijing: China Statistics Press, 2019. Table 3-7. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2019/indexeh.htm (accessed: 10.02.2023).

[54] Ibid. Tables 11-2, 11-5.

[55] National Economy Maintained the Momentum of Stable and Sound Development. Op. cit.

[56] Создаем человеческое сообщество с единой судьбой, поднимаем мировую экономику // Russian.china.org.cn: [site]. 03.02.2018. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-02/03/content_50398451.htm (дата обращения: 29.03.2024).

Глава 4

Создание современной инфраструктуры. Дорожное строительство

Стремительный прорыв в будущее, демонстрируемый экономикой Китая и вносящий серьезные изменения в экономическую географию современного мира, имеет различные измерения. Как правило, в этой связи упоминаются рекордная динамика ВВП и промышленного производства, быстрый рост внешней торговли, ввоза и вывоза капитала, кардинальное повышение жизненного уровня и т.д. Наряду с этим следует отметить и впечатляющие достижения КНР в создании в короткие сроки огромного по масштабам и передового по техническому уровню дорожного хозяйства, представляющего собой важнейший компонент национальной производственной и социальной инфраструктуры.

В течение трех десятилетий после образования КНР, развиваясь в рамках командной экономической системы и политики «опоры на собственные силы», транспорт страны, как и вся ее экономика, пребывал в весьма архаичном состоянии. Центральное правительство отвечало только за несколько стратегически важных магистралей общенационального значения. На местах дорожное строительство осуществлялось в значительной мере на основе трудовой повинности и финансировалось за счет выделения безвозмездных ассигнований из центрального бюджета. И хотя владельцы транспортных средств ежемесячно уплачивали сбор на содержание дорог в исправности, хроническая нехватка средств и отсутствие стимулов развития обусловливали весьма медленное расширение дорожной сети.

Немногочисленные автомагистрали (в основном — бывшие военные дороги) были сконцентрированы в прибрежных районах страны, связывая отдельные крупнейшие города с близлежащими морскими портами. Одновременно без доступа к путям сообщения оставались более 2 тыс. китайских городов и 190 тыс. деревень. Будучи, помимо автомобилей, перегружены самыми разными транспортными средствами (трактора, велосипеды, гужевые повозки и т.д.) эти дороги обеспечивали среднюю скорость передвижения в 30–40 км/час, более 60% из них нуждались

в капитальном ремонте[1]. Лишь 25% дорог имели асфальтовое либо бетонное покрытие. Неудивительно, что свыше половины всех грузоперевозок осуществлялось по железным дорогам, доля автомобильного транспорта составляла лишь 2,8%.

Приоритеты политики государства

Ситуация коренным образом изменилась с переходом КНР к проведению политики рыночных реформ и открытости по отношению к внешнему миру. Ведь автомобильные грузо- и пассажироперевозки отличаются большей гибкостью и оперативностью по сравнению с другими видами транспорта и тем самым лучше адаптированы к потребностям рыночной экономики. К тому же подстегиваемые быстрым развитием промышленного производства и экспорта темпы роста китайской экономики пошли резко вверх, в 1990-е годы Китай вступил в эпоху автомобилизации. В этих условиях, обеспечивая доступ к рынкам товаров и услуг, автомобильный транспорт приобрел стратегическое значение, а дорожное строительство, все больше опираясь на рыночные стимулы и механизмы, заметно ускорилось.

Ключевым фактором активизации дорожного строительства явилась его децентрализация при расширении как хозяйственных функций, так и финансовой самостоятельности провинциальных и иных местных органов власти. Начиная с 1980 г. ассигнования центрального бюджета на строительство дорог были переведены на возвратную и платную основу, а обслуживание и погашение этого долга возложены на местные органы власти. С целью расширения источников финансирования дорожного строительства введены новые платежи и сборы. В их числе, в частности, дополнительный сбор за приобретение автотранспортных средств в размере 10% от стоимости приобретаемого автомобиля либо иного транспортного средства, преобразованный позднее в соответствующий налог[2]. Поступления от него собираются центральным правительством и передаются на места посредством целевых бюджетных трансфертов.

В 1988 г. на шоссе Шэньян–Далянь был открыт первый участок скоростной автодороги длиной в 23 км, после чего власти страны приступили к реализации масштабной долгосрочной программы строительства скоростных автотрасс, разработав при этом необходимые стандарты качества. Автомобильные дороги классифицируются в Китае по административному признаку и уровню управления (национальные, провинциальные, уездные, волостные, деревенские, особого назначения) либо по техническим характеристикам — ширине дорожного полотна и пропускной способности. Скоростные магистрали (ширина — 28 м) имеют пропускную способность в 120–150 тыс. автомобилей в день, автодороги I класса (25,5 м) — 10–20 тыс., II класса (12 м) — 5–10 тыс., III класса (8,5 м) — 2–5 тыс. и IV класса (7 м) — менее 2 тыс. автомобилей[3].

В 1992 г. Госсовет КНР выпустил *Национальную программу развития дорожной сети* (см. табл. 36). Программа предусматривала строительство пяти меридиональных (направлением «Север–Юг») и семи широтных (направлением «Восток–Запад») национальных автомагистралей высокого уровня протяженностью в 35 тыс. км, призванных соединить Пекин и Шанхай с административными центрами всех

провинций и связать автодорожным сообщением все города с населением свыше 500 тыс. человек («Программа 5–7»). В соответствии с планом примерно 70% протяженности новых магистралей должно было быть представлено высокоскоростными автострадами.

Таблица 36

Планирование развития автодорожной сети в КНР, 1991–2022 гг.

Год	Название документа	Период планирования	Основное содержание
1992	Национальная программа развития дорожной сети	1991–2010 гг.	Сооружение 5 меридиональных и 7 широтных национальных автомагистралей протяженностью в 35 тыс. км, в том числе 25 тыс. км высокоскоростных автодорог
2005	Национальный план развития сети скоростных дорог	2005–2020 гг.	Строительство 60 тыс. км скоростных автодорог, включая 7 радиальных, 9(11) меридиональных, 18 широтных, 5 региональных кольцевых и более 30 соединительных скоростных автотрасс
2009	Программа развития сельских дорог	2009–2020 гг.	Строительство сельских автодорог протяженностью 300 тыс. км
2013	План развития национальных автомобильных дорог	2013–2030 гг.	Строительство 160 тыс. км обычных и 50 тыс. км скоростных автодорог
2022	План развития национальных автомобильных дорог	2013–2035 гг.	Дополнительное строительство 17 тыс. км обычных и 44 тыс. км скоростных автодорог

Составлено по: *Makoto O*. Private Sector Participation in the Road Sector in China // Transport and Communications Bulletin for Asia and the Pacific. 2003. No. 73. P. 2–3. ESCAP: [site]. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/bulletin73_ch1.pdf (accessed: 06.06.2024); *Xiaohong Yang, Lee J.* People's Republic of China. Toll Roads Corporatization Strategy: Toward Better Governance. Manila: Asian Development Bank, 2008. P. 4. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28017/roads-corporatization.pdf (accessed: 21.06.2024); *China's National Highway Network Plan Issued* // Seetao:[site]. 2022. July 12. URL: https://seetao.com/details/169455.html (accessed: 15.06.2024).

Технические требования к скоростным автотрассам были разработаны с учетом стандартов Национальной системы межштатных автомагистралей США, технологии строительства также были заимствованы из опыта США, Японии и стран Европы[4]. Освоению новых технологий способствовало осуществление ряда проектов автодорожного строительства при участии международных финансовых организаций — Всемирного банка и Азиатского банка развития.

Реализация «Программы 5–7», рассчитанной на срок до 2010 г., получила необходимое правовое обоснование с принятием в 1998 г. Закона КНР «О дорогах», направленного на усиление государственного регулирования в области сооружения и развития инфраструктуры автомобильных дорог. Регламентируя проектирование, строительство, эксплуатацию и техническое обслуживание дорог, а также предусматривая возможность взимания платы за проезд и, соответственно, строительства платных автодорог, положения закона существенно расширили и разнообразили финансовый инструментарий дорожного строительства, включая банковский кредит, выпуск ценных бумаг и т.д.

Все это позволило решить проблему финансирования дорожного строительства и способствовало досрочному выполнению «Программы 5–7», результатом чего явилось создание основных «несущих конструкций» современного транспортного каркаса страны. В итоге уже к концу 1990-х годов удельный вес автомобильного транспорта в грузоперевозках увеличился до 13,8%, а в пассажироперевозках — до 53,3% при сокращении соответствующих показателей для железных дорог до 34,4 и 35,4% соответственно.

«Программа 5–7» была выполнена досрочно, и в 2005 г. на смену ей пришел *Национальный план развития сети скоростных дорог* (или «Программа 7-9-18»). В соответствии с этим документом к концу 2020 г. протяженность скоростной автотранспортной сети должна была достичь 85 тыс. км в результате сооружения семи радиальных, расходящихся от Пекина линий, девяти линий с направлением «Север–Юг», 18 линий «Восток–Запад»; пяти региональных кольцевых автомагистралей и более 30 соединительных дорог[5]. Целью этого масштабного проекта автодорожного строительства было соединение в рамках современной интегрированной транспортной системы столицы страны, всех без исключения административных центров провинций, а также крупных и средних городов с населением свыше 200 тыс. человек.

Развитие автодорожного строительства явилось важнейшим компонентом государственного экономического стимулирования в рамках преодоления последствий мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. При этом, помимо сооружения национальных автомагистралей, большое внимание уделялось и развитию сельских дорог, на долю которых приходится $^{3}/_{4}$ всей дорожной сети в Китае. Государственная *Программа развития сельских дорог* предусматривает, что к каждой крупной деревне должна подходить по меньшей мере одна дорога с бетонным покрытием шириной не менее 4 метров и толщиной дорожного полотна в 20 см[6]. В 2009 г. правительство объявило о планах строительства в сельских районах дорог общей протяженностью в 300 тыс. км, что должно было сделать автодорожную сеть Китая одной из наиболее протяженных в мире.

Цели «Программы 7–9–18» были достигнуты в 2011 г. — на девять лет раньше запланированного срока окончания работ, а в 2013 г. число предусмотренных ею автомагистралей «Север–Юг» было увеличено с 9 до 11 за счет двух дополнительных скоростных автотрасс в Западном Китае. Одновременно Министерством транспорта совместно с ГКРР был принят *План развития национальных автомобильных дорог*, предусматривавший значительное расширение всей автодорожной

сети в период до 2030 г. В числе основных задач этого плана — общая рационализация автодорожного сообщения в масштабах всей страны с акцентом на подключение дорог для сельских районов к общей транспортной сети, а также на развитие современных скоростных магистралей в отдаленных и экономически менее развитых районах Западного Китая, значение которых дополнительно возросло в связи с выдвижением в КНР идеи создания нового Шелкового пути в рамках интеграционной инициативы «Один пояс, один путь».

План предусматривал строительство в 2013–2030 гг. 50 тыс. км скоростных автотрасс и 160 тыс. км обычных автомагистралей. Целью расширения автотранспортной сети было объявлено соединение всех уездов Китая системой национальных автомагистралей, а всех городов с населением более 200 тыс. человек — скоростными автотрассами. На момент публикации плана в стране насчитывалось 18 крупных и средних городов без прямого доступа к скоростным трассам и более 900 уездов, не имеющих доступа к обычному автодорожному сообщению.

Согласно *Плану развития национальных автомобильных дорог* в период с 2013 по 2030 г. инвестиции в дорожное строительство должны в общей сложности составить 4,7 трлн юаней (761,8 млрд долл.). При этом 2,2 трлн юаней должно быть затрачено на строительство и реконструкцию обычных шоссейных дорог, а еще 2,5 трлн юаней использовано для сооружения скоростных автотрасс. Общая протяженность автодорожной сети КНР к 2030 г. должна возрасти до 5,8 млн км, включая 400 тыс. км национальных автомагистралей (в том числе 118 тыс. км скоростных дорог).

В июле 2022 г. Министерство транспорта и ГКРР опубликовали новую редакцию *Плана развития национальных автомобильных дорог,* продленного до 2035 г. По сравнению с редакцией 2013 г. новой версией плана предусмотрено дополнительное сооружение 17 тыс. км обычных и 44 тыс. км скоростных автотрасс. Согласно плану, общая протяженность национальных автомагистралей в 2035 г. будет увеличена до 461 тыс. км. При этом сеть обычных национальных автомагистралей должна быть расширена до 299 тыс. км, включая 12 радиальных автотрасс, 47 линий «Север–Юг», 60 линий «Восток–Запад» и 182 соединительные линии. Сеть скоростных автотрасс расширится до 162 тыс. км и будет включать в себя 7 радиальных линий, 11 линий «Север–Юг», 18 линий «Восток–Запад», 6 региональных кольцевых линий, 42 кольцевые городские автодороги, 31 параллельную и 163 соединительные автодороги. Охват прямого доступа сети скоростных автодорог будет распространен на города и уезды с численностью населения свыше 100 тыс. человек[7].

В целом приоритетами современной политики автодорожного строительства являются опережающее развитие сети скоростных дорог, соединяющих основные центры экономического роста в стране, создание транспортных коридоров для развития межрегионального и международного экономического сотрудничества, поддержка процесса урбанизации, преодоление бедности за счет ликвидации транспортной и экономической изоляции бедных сельских районов, усиления их связей с соседними уездами, городскими центрами и т.д.[8].

Организация и управление

Организация автодорожного строительства основана на принципе «единое руководство и многоуровневое управление» с распределением соответствующих полномочий и ответственности по всей управленческой цепочке. Государственная стратегия и планы развития автодорожной сети, а также конкретные проекты строительства национальных автотрасс утверждаются Госсоветом КНР по представлению Министерства транспорта, которое, в свою очередь, отвечает за разработку, осуществление и контроль за реализацией этой стратегии, а равно и за технико-экономическое обоснование проектов строительства национальных автодорог.

Транспортные управления провинций, автономных районов и городов центрального подчинения отвечают за проектирование и подготовку технико-экономических обоснований для провинциальных дорог, а также за строительство, содержание и управление на своей территории как провинциальных, так и национальных автомагистралей. Аналогичные функции в отношении уездных и волостных дорог возложены на транспортные отделы муниципалитетов, уездных и волостных органов власти[9].

Отвечая за строительство скоростных магистралей, правительства провинций и автономных районов еще в 1990-е годы с целью осуществления дорожных проектов сформировали подконтрольные им группы государственных компаний. Аналогичные строительные команды меньшего масштаба созданы в муниципалитетах и уездах. Работая на коммерческой основе, предприятия, подконтрольные провинциальным органам власти, как правило, группируются в одну или несколько корпораций, действующих в виде публичных акционерных компаний, прошедших листинг на фондовой бирже в Шанхае, Шэньчжэне или Гонконге.

Состав и структура акционерного капитала автодорожных корпораций являются весьма сложными и диверсифицированными. Так, например, 54,4% акционерного капитала корпорации скоростного автодорожного строительства провинции Цзянсу принадлежит Транспортному холдингу Цзянсу — государственному предприятию, полностью подконтрольному местному правительству. Пакетом акций в 11,8% владеет одна из крупнейших государственных компаний Китая — *China Merchants Group* через посредство своей специализированной дочерней структуры *Huajian Transportation Economic Development Center*, в акционерном капитале которой, в свою очередь, участвуют правительства Пекина, Тяньцзиня и провинции Хэбэй. Еще восемь акционеров представлены такими известными международными инвесторами, как *J.P. Morgan Chase & Co* (США), *HSBC Halbis Partners Ltd* (Великобритания), *UBS AG* (Швейцария), *Sumitomo Mitsui Asset Management Ltd* (Япония), *Schroder Investment Management Ltd* (Германия) и др.[10].

В общей сложности, используя бизнес-структуры, подчиненные местным транспортным управлениям, провинциальные правительства держат свыше 40% совокупного акционерного капитала автодорожных корпораций. Еще более 20% контролируется государственной компанией *China Merchants Group*. Прочие крупные акционеры представлены страховыми компаниями и фондами управления активами.

Автодорожные корпорации планируют, организуют, направляют и координируют деятельность дочерних и зависимых компаний, используя их в качестве специализированных субподрядчиков. В числе последних можно найти и небольшие частные «дочки» государственных предприятий. В целом, имея влиятельных частных акционеров, государственные автодорожные корпорации, как правило, оперируют в соответствии с теми же рыночными принципами, что и обычные частные предприятия.

Все лицензированные Минтрансом организации по строительству автомобильных дорог разбиты на три основные категории: а) генеральные подрядные предприятия; б) специализированные подрядные предприятия (сооружение мостов, туннелей и т.п.); в) трудовые субподрядные предприятия, различаемые по типу выполняемых работ. В свою очередь, генеральные подрядные предприятия подразделяются на контракторов по производству земляных работ, по сооружению дорожного покрытия и по обустройству автодорог. В общей сложности в Китае насчитывается около 1000 таких строительных организаций и 400 проектных институтов, в которых занято около 2,2 млн человек. Из них около 500 фирм допущены к строительству скоростных дорог и дорог I класса[11].

В дополнение к этому как в городских, так и в сельских районах действуют многочисленные коллективные строительные предприятия, находящиеся под управлением муниципальных, районных и поселковых органов власти, а также сельских комитетов. Всего в КНР насчитывается около 25 тыс. городских коллективных строительных предприятий и 50 тыс. сельских строительных бригад. Обычно им передается на исполнение небольшая и относительно несложная работа. В целом, по некоторым оценкам, взятые в своей совокупности, мощности китайской индустрии автодорожного строительства в три раза превышают реальный внутренний спрос, представляя собой внушительный экспортный ресурс.

Общая организация строительного процесса возложена на Министерство транспорта. Обязательным условием при строительстве автодорог является прохождение конкурсных процедур, включая как национальные, так и международные конкурсные торги. Нормативные документы детально регламентируют весь тендерный процесс — от публичного объявления конкурса и подачи заявок до вскрытия конкурсных предложений, их оценки и присуждения контракта.

С присуждением контракта генеральный подрядчик имеет возможность передать часть работ на исполнение субподрядчикам при том, однако, условии, что масштабы субподрядных работ не должны превышать 30% общей стоимости проекта. Все это, по информации Министерства транспорта, позволяет снизить стоимость строительства в среднем на 20% по сравнению с первоначальной сметой[12]. По имеющимся оценкам, стоимость сооружения в Китае одного километра дорожного полотна с учетом мостов, туннелей и т.п. в среднем составляет 6,47 млн долл., а средняя стоимость одной полосы автодороги высшего класса колеблется от 0,8 до 1,8 млн долл.[13].

Вопросы предстроительного этапа и землеотвода строго регламентируются государством — для их решения требуется получить в общей сложности 12 согласований в центральных и местных органах управления[14]. Все разрешения, как правило,

оформляются властями провинции заранее, еще до присуждения контракта на строительство. Земля, находящаяся по законодательству КНР в коллективной собственности, изымается у крестьянских общин для общественных нужд с предоставлением пострадавшим домохозяйствам соответствующей компенсации за понесенный ущерб, включая денежные выплаты, новое жилье, перераспределение общинных пахотных земель в их пользу и т.д. На долю самих строительных компаний приходится не более 5% затрат, связанных с решением этих непростых вопросов.

Строительство дорог осуществляется на основе проектного принципа управления. Для этого под эгидой провинциального правительства либо соответствующей автодорожной корпорации создаются специальные управленческие структуры. Прежде всего это Группа реализации проекта, которая объединяет в своем составе профессиональных инженеров и менеджеров (50–60 человек). Обладая большой самостоятельностью в вопросах осуществления проекта, это подразделение отвечает за его своевременное и качественное завершение, обеспечивая закупку товаров и услуг, проектно-конструкторский надзор, проведение предпроектных работ, а также заключение контрактов на строительство и управление ими.

Контрольные функции на всех этапах строительства помимо Группы реализации проекта выполняются также специальной Группой надзора (до 150 сотрудников), уполномоченной принимать решения на месте и давать обязательные для исполнения указания подрядчикам. Периодические проверки проводятся также Министерством транспорта и так называемой общественной инспекцией, состоящей из представителей местного населения. В общей координации, управлении и мониторинге реализации проекта ключевую роль играет также финансовое управление в правительстве соответствующей провинции.

В результате сроки и стоимость строительства дорог, как правило, соответствуют условиям контракта. Нарушение этих условий для компании-подрядчика чревато потерей позиций в профессиональном рейтинге Министерства транспорта. С учетом созданной в КНР специальной системы распространения профессиональной информации это вызывает серьезный репутационный ущерб для компании-подрядчика и, как следствие, потенциальные финансовые потери[15]. При этом гарантийный срок эксплуатации дорог установлен в 25 лет, поэтому подрядчик кровно заинтересован в обеспечении высокого качества строительства[16].

Вопросы финансирования

В соответствии с Законом КНР «О дорогах» (ст. 21) финансирование строительства и реконструкции дорог может осуществляться за счет использования разнообразных государственных и коммерческих источников:

— ассигнований, предоставляемых властями различного уровня, включая средства специальных бюджетных фондов, собранных посредством налогообложения;
— кредитов отечественных и иностранных банков, а также иностранных правительств;

— инвестиций, осуществляемых отечественными или зарубежными экономическими организациями;
— средств, привлеченных на добровольной основе от предприятий и частных лиц для строительства автомагистралей;
— средств, привлеченных иными законными способами в соответствии с действующим законодательством[17].

Ассигнования центрального бюджета в среднем по всей стране обеспечивают 15–20% инвестиций в дорожное строительство, поднимаясь до 50% общего объема инвестиций и даже выше в малонаселенных и отстающих в экономическом развитии отдаленных районах Центрального и Западного Китая. С этой целью используются, в частности, доходы от налога на приобретение автотранспорта (автомобили, мотоциклы, электромобили, трактора и т.д.), поступления от которого в 2016–2020 гг. в общей сложности составили 1,6 трлн юаней[18]. Подавляющая часть этих средств (до 90%) передается из центрального бюджета в провинции в виде целевых трансфертов на дорожное строительство[19].

В основном средства центрального бюджета используются для субсидирования строительства национальных и провинциальных автомагистралей, а также дорог, связанных с обороной страны либо с осуществлением государственной программы преодоления бедности. Строительство некоторых междугородных трасс полностью финансируется из центрального бюджета.

Важным источником инвестиций в дорожное строительство (от 25 до 45% их общей суммы в различные годы) являются долгосрочные (до 20 лет) банковские кредиты, привлекаемые субъектами автодорожного строительства, включая дорожные корпорации. Такие кредиты, как правило, предоставляются крупнейшими государственными (как коммерческими, так и политическими) банками под обеспечение государственными гарантиями либо будущими доходами от взимания платы за проезд. В 2012–2019 гг., например, кредиты на дорожное строительство составляли 16–18% кредитного портфеля Банка развития Китая. В 2019 г. абсолютные размеры кредитов, предоставленных Банком развития Китая на сооружение автомобильных дорог, превысили 2 трлн юаней[20]. Иностранные кредиты представлены средствами, поступающими от Всемирного банка, Азиатского банка развития, а также от японского Фонда международного экономического сотрудничества, однако доля их незначительна.

Еще около 30–35% автодорожных инвестиций формируется на уровне правительств провинций и муниципалитетов. С этой целью, во-первых, используются ассигнования местных бюджетов. Их источником являются финансовые поступления местных правительств, формируемые в значительной мере за счет платной передачи прав пользования земельными участками под коммерческую застройку. Кроме того, это средства, поступающие от эксплуатации государственных платных дорог (включая как плату за проезд, так и плату за передачу права управления дорогой другому инвестору), а также пожертвования крестьянских хозяйств на сельские дороги. Помимо этого долгое время стабильным источником инвестиций в поддержание дорог являлся и ряд собираемых на местном уровне целевых плате-

жей и сборов (за содержание дорог в исправности, за грузовые и пассажирские перевозки и др.). С 2009 г. они отменены, вместо этого для финансирования строительства автодорог стали использоваться поступающие в центральный бюджет доходы от акциза на бензин и дизельное топливо, ставки которого с этой целью были существенно повышены[21].

Аналогичным образом используются и средства, которые правительства провинций и городов центрального подчинения получают от выпуска целевых облигационных займов в рамках ежегодных квот, выделяемых центральными властями. С 2014 г. такие облигации размещаются местными правительствами на межбанковском рынке облигаций и фондовых биржах, а с 2019 г. в целях расширения источников финансирования разрешена их реализация непосредственно в коммерческих банках индивидуальным инвесторам с годовым доходом не менее 500 тыс. юаней[22].

Во-вторых, крупным источником местного финансирования являются собственные средства подконтрольных провинциям и муниципалитетам автодорожных корпораций и других государственных бизнес-структур. В этом случае, как показывает практика, имеются самые разные финансовые возможности. В их числе привлечение банковских кредитов, выпуск и размещение акций на бирже, секьюритизация будущей выручки от платной эксплуатации дорог, прибыльное использование земельных участков в полосе отвода и в придорожной полосе автодорог, плата за проезд по коммерческим платным дорогам и т.д.

Так, например, правительство г. Чжухай зарегистрировало на Каймановых островах городскую компанию скоростного автодорожного строительства *Zhuhai City Expressway Co* и использовало ее в качестве финансовой платформы для выпуска в США облигаций на сумму в 200 млн долл. под обеспечение будущими доходами от взимания платы за проезд. Привлеченные средства были направлены на строительство скоростной автодороги и железнодорожной ветки Чжухай–Гуанчжоу[23].

Оставшиеся 5–7% автодорожных инвестиций приходятся на долю коллективных капиталовложений, а также частных (в том числе иностранных) инвестиций, направляемых главным образом на строительство платных дорог, а также на реконструкцию дорожной сети в прибрежных провинциях на юго-востоке страны.

В целом в той или иной форме государство обеспечивает 93–95% затрат на дорожное строительство, львиную долю которых (40–45%) устойчиво составляют внебюджетные средства, самостоятельно привлекаемые на провинциальном и ином местном уровне[24]. Налицо, таким образом, своего рода «финансовый федерализм», наблюдаемый в унитарном, согласно букве закона, Китае.

Развитие автодорожной сети

Строительство автомобильных дорог рассматривается в Китае в качестве ключа к ускоренному развитию всего комплекса современной инфраструктуры. Статистика свидетельствует о быстром росте автодорожных инвестиций, среднегодовые темпы прироста которых в 2010–2022 гг. превысили 22,6%. В 2022 г. автодорожные инвестиции составили без малого 5 трлн юаней против примерно 1 трлн юаней

в 2009 г. и 0,6 трлн юаней в 2005 г., а их доля в общей сумме капиталовложений в развитие всех видов китайского транспорта повысилась с $^{2}/_{3}$ до $^{4}/_{5}$ (см. табл. 37). Начиная с 2015 г., размеры капитальных вложений в сооружение автомобильных дорог стабильно превышают 4% ВВП Китая по сравнению с примерно 0,5–1,5% в 1990-е годы и 0,16% в 1978 г. Следствием всего этого является стремительное развитие автодорожной сети КНР, демонстрируемое в приводимой ниже таблице.

Таблица 37

Развитие автодорожной сети КНР, 1995–2023 гг.

	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2009 г.	2020 г.	2023 г.
1. Инвестиции в строительство автодорог						
Всего (млрд юаней)	37,2	131,8	558,1	1055,8	4838,9	4957,7*
Удельный вес в инвестициях в транспорт (%)	28,9	45,8	67,0	49,0	82,3	81,3*
Удельный вес в ВВП (%)	0,6	1,3	3,0	3,0	4,8	4,1*
2. Общая протяженность автодорожной сети						
Всего (тыс. км)	1 157,0	1 403,0	1 931,0	3 861,0	5 198,1	5 436,8
В том числе:						
скоростные автодороги	2,1	16,3	41,0	65,1	161,1	184,9
автодороги I класса	9,6	20,1	38,0	59,5	124,8	141,4
автодороги II класса	84,9	152,7	246,0	300,7	415,8	440,4
автодороги III класса	207,2	276,7	344,0	379,0	457,4	494,7
автодороги IV класса	606,8	750,3	921,0	2 252,0	3784,2	4012,4
бесклассные дороги	246,3	186,7	338,0	804,6	254,7	168,5
3. Техническая классификация автодорожной сети						
Всего (%)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:						
скоростные автодороги	0,2	1,2	2,1	1,7	3,1	3,4
автодороги I класса	0,9	1,4	2,0	1,6	2,4	2,6
автодороги II класса	7,3	10,9	12,7	7,8	8,0	8,1

автодороги III класса	17,9	19,7	17,8	9,8	8,8	9,1
автодороги IV класса	52,4	53,5	47,8	58,3	72,8	73,8
бесклассные дороги	21,3	13,3	17,6	20,8	4,9	3,1
4. Плотность автодорожной сети						
Всего (км/100 кв. км)	12,0	14,6	20,1	40,2	54,2	56,6

*Данные за 2022 г.

Составлено по: Financing Road Construction and Maintenance after the Fuel Tax Reform. Manila: Asian Development Bank, 2012. P. 4. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/30067/financing-road-construction-maintenance.pdf (accessed: 07.07.2024); Statistical Communiqué on the Development of the Transportation Industry in 2020 // 中华人民共和国交通运输部: [site]. 2021. May 19. URL: https://xxgk.mot.gov.cn/2020/jigou/zhghs/202105/t20210517_3593412.html (accessed: 10.07.2024); Statistical Communiqué on the Development of the Transportation Industry in 2023 // 中华人民共和国交通运输部: [site]. 2024. June 18. URL: https://xxgk.mot.gov.cn/2020/jigou/zhghs/202406/t20240614_4142419.html (accessed: 10.07.2024); *Lin Shuanglin.* China's Public Finance. Reforms, Challenges, and Options. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. P. 213. DOI: 10.1017/9781009099028 (accessed: 10.04.2023); China Statistical Yearbook 1996. Beijing: China Statistical Publishing House, 1996. Table 5-7 (P. 147); China Statistical Yearbook 2001. Beijing: China Statistics Press, 2001. Table 6-9. URL: https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/yearlydata/YB2001e/ml/indexE.htm (accessed: 15.07.2024); China Statistical Yearbook 2021. Beijing: China Statistics Press, 2021. Table 10-13. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022); China Statistical Yearbook 2022. Beijing: China Statistics Press, 2022. Table 10-13. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023); China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Table 10-13. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024).

Совокупная протяженность автомобильных дорог общего пользования в 2023 г. составила почти 5,5 млн км против 890 тыс. км в 1978 г. Это третья по протяженности автодорожная сеть в мире. С 2000 по 2023 г. протяженность первоклассных дорог увеличилась почти в 15 раз, достигнув 141,4 тыс. км. Ни одной стране мира не удавалось за такой короткий срок добиться столь масштабного расширения автодорожной сети при резком улучшении ее качества и увеличении пропускной способности.

Особенно быстро развиваются полностью отсутствовавшие до 1988 г. современные скоростные автодороги высшего класса. Начиная с 2000 г. их длина увеличивается в среднем на 20% ежегодно и в 2023 г. составила около 185 тыс. км. Сеть скоростных автодорог Китая является крупнейшей в мире. Приоритет, отдаваемый

в Китае строительству скоростных магистралей, имеет вполне рациональное объяснение. Как показывает практика, скоростные автодороги позволяют в зависимости от вида транспортного средства сократить время в пути на 45–50% при одновременном уменьшении числа дорожно-транспортных происшествий на 50–75%[25]. В целом пропускная способность скоростных автомагистралей в 5–10 раз превышает возможности обычных дорог при увеличении расхода материальных и земельных ресурсов на их прокладку лишь в три раза[26].

Большое внимание уделяется и качественному дорожному строительству на селе, особенно активизировавшемуся с переходом КНР к реализации адресной стратегии борьбы с бедностью. Объем инвестиций в строительство сельских автомобильных дорог в период с 2016 по 2020 г. в 13 раз превысил аналогичный показатель 2001–2005 гг. Отсюда постоянное как абсолютное, так и относительное сокращение наименее качественных проселочных дорог, не имеющих классной категории (см. табл. 37). По состоянию на конец 2023 г. свыше 97% протяженности автодорожной сети КНР составляли дороги с твердым покрытием против 80% в конце первого — начале второго десятилетия XXI в.

Сооружая мосты, путепроводы, дорожные развязки и туннели, Китай создает весь комплекс современной дорожной инфраструктуры, По состоянию на конец 2023 г. в стране насчитывалось более миллиона автомобильных мостов, а их общая протяженность превышала 95 тыс. км. В их числе 177,7 тыс. крупных мостов протяженностью почти 50 тыс. км и свыше 10 тыс. особо крупных мостов, совокупная длина которых составляет 18,7 тыс. км[27]. Многие мостовые сооружения имеют уникальный характер, возводятся на глубоководном фундаменте, имеют большую длину пролета и т.д. Так, протяженность моста, соединившего через морской залив Гонконг и Макао, составляет 55 км, включая 7 км подводного туннеля. Возведение этого единственного в своем роде моста было завершено в декабре 2017 г., это самый длинный мост в мире. По всей стране действует 27,3 тыс. автомобильных туннелей протяженностью 30 с лишним тыс. км, включая 7,6 тыс. длинных туннелей (13,2 тыс. км) и свыше 2 тыс. туннелей сверхдлинной протяженности, общая длина которых превышает 9 тыс. км[28].

С точки зрения административной подчиненности и уровня управления в 2023 г. примерно 7% автодорожной сети КНР (384 тыс. км) составляли национальные автотрассы, 7,5% (404 тыс. км) — провинциальные магистрали, 12,8% (696,7 тыс. км) — уездные, 23% (1 242,8 тыс. км) — волостные и 48,9% (2 659,1 тыс. км) — деревенские автомобильные дороги.

Осуществляемое с опережением планового графика строительство скоростных магистралей, а также прочих дорог высокого класса повысило технический уровень дорожного строительства в Китае, позволило преодолеть отсталое состояние отрасли и сократить разрыв с развитыми странами. По протяженности скоростных автодорог Китай еще в 2013 г. обогнал США, выйдя на первое место в мире[29]. Плотность дорожной сети за последние 30 лет увеличилась в 4,7 раза.

В целом в Китае сложилась охватывающая всю территорию страны сеть автомобильных дорог, состоящая из рационально расположенных и соединенных воедино магистральных и вспомогательных дорог различной классности. Уже к началу

2010-х годов все волостные центры страны, а также 99,5% крупных деревень, расположенных в Восточном и 97,2% — в Западном Китае имели доступ к национальной автодорожной системе[30]. В результате постоянной реновации и реконструкции дорожной сети из года в год повышается качество автодорожного сообщения. В 2020 г. все поселки и административные деревни в Китае были связаны асфальтированными либо цементно-бетонными дорогами; 97,6% городов и уездов имели дороги II класса и выше, прямым доступом к скоростным автотрассам располагали 99% городов с населением более 200 тыс. человек, а также все административные единицы на уровне провинции[31].

Развернутое автодорожное строительство позволяет в короткие сроки существенно повысить динамику экономического развития соответствующих территорий. Так, после сооружения в 1999–2002 гг. скоростной автотрассы Чанчунь–Харбин в прилегающих районах провинции Хэйлунцзян темпы прироста местного ВВП увеличились более чем в 1,4 раза в годовом исчислении, темпы прироста экспорта — в 6,2 раза, иностранных инвестиций — в 1,5 раза. Почти в три раза ускорился рост доходов местных крестьянских хозяйств, снизился уровень сельской бедности. В провинции Цзилинь отток прямых иностранных инвестиций сменился их активным (на 32,3% в год) наращиванием[32]. Аналогичная ситуация наблюдается и в других районах страны.

При этом, однако, плотность автомобильных дорог сильно различается в зависимости от их географического расположения. Так, если в экономически развитых районах на востоке страны (Шанхай, провинции Цзянсу, Шаньдун и др.) она превышает 100 км в расчете на 100 кв. км территории, то в центральной части страны составляет 77,4 км, а в Западном Китае — только 21,8 км[33]. В этих условиях основным драйвером развития автодорожного строительства в КНР в настоящее время являются Синьцзян-Уйгурский автономный район, Тибет, провинция Ганьсу и некоторые другие центральные и западные провинции страны.

Платные автодороги

В соответствии с законом автомобильные дороги в КНР находятся в собственности государства. В основном по ним можно передвигаться бесплатно, платные дороги составляют около 5% общей протяженности автодорожной сети (в 1996 г. — 1,3%). К категории платных относятся лучшие автодороги страны. В их числе практически все скоростные магистрали, около половины дорог I класса, а также некоторая часть дорог II класса. Далеко не все они имеют бесплатную альтернативу. И хотя современной политикой государства предусматривается, что автодороги II класса должны постепенно освобождаться от платы за проезд, в настоящее время Китай обладает самой протяженной сетью платных автодорог, составляющей 70% общей длины платных автодорог в мире[34]. Инвестиции в сооружение платных автотрасс составляют 22–25% общей суммы капитальных затрат на автодорожное строительство.

Право на взимание платы за проезд возникает, если дорога построена с использованием не только бюджетных, но и внебюджетных средств и при этом

удовлетворяет определенным техническим требованиям. В соответствии с законодательством китайские платные дороги подразделяются на два основных вида: государственные и коммерческие. К разряду государственных относится большинство платных дорог Китая, составляющее примерно $^{2}/_{3}$ их общей протяженности. Это дороги, построенные местными властями выше уездного уровня с привлечением банковских кредитов или иного долевого финансирования, полученного от компаний и физических лиц. Операторами таких дорог являются дорожные управления провинций и муниципалитетов, а взимание дорожной платы имеет целью не извлечения прибыли, а погашение заемного финансирования и содержание дороги.

Коммерческими считаются дороги, построенные автодорожными корпорациями-подрядчиками за счет собственных (не менее 30% общей суммы затрат) и привлеченных средств. Строительство таких дорог нередко осуществляется на основе государственно-частного партнерства в форме концессионных соглашений типа BOT (аббревиатура от англ. Build Operate Transfer), в рамках которых концессионер (автодорожная корпорация) осуществляет строительство, обслуживание и эксплуатацию дороги и после истечения определенного времени передает ее государству. Такой подход позволяет снизить риски нарушения стандартов качества строительства и иных недобросовестных действий со стороны подрядчиков. К тому же срок действия концессионных соглашений обычно охватывает как строительный период, так и период эксплуатации дорог, что, в свою очередь, побуждает подрядчиков максимально укладываться в проектные сроки строительства.

К коммерческим отнесены и те государственные дороги, которые на определенный срок (как правило, примерно 20 лет) передаются в управление автодорожным корпорациям или иным частным инвесторам с предоставлением им права сбора платежей за проезд на основе соглашений типа TOT (Transfer–Operate–Transfer). Перевод государственной платной дороги в коммерческую производится с санкции Министерства транспорта по цене, в значительной мере возмещающей государству затраты на ее сооружение. Все это имеет целью мобилизацию местными властями финансовых ресурсов для новых проектов дорожного строительства, не дожидаясь возмещения ранее произведенных инвестиций за счет эксплуатации построенной дороги[35].

Нормативная длительность периода взимания платы регулируется Госсоветом КНР и в настоящее время составляет не более 15 лет для государственных и не более 25 лет для коммерческих дорог. В экономически слаборазвитых районах Центрального и Западного Китая этот период может быть продлен еще на 5 лет. В каждом конкретном случае длительность платного периода определяется местным транспортным управлением.

Оно же совместно с провинциальным органом ценового регулирования определяет размер платы за проезд. Для государственных дорог размер этой платы должен обеспечивать погашение кредитов, привлеченных для их строительства, для коммерческих — полную окупаемость произведенных капитальных затрат с получением инвестором «разумной прибыли». Таким образом, проезд по государственной дороге, как правило, обходится дешевле, чем по коммерческой.

Устройство пунктов взимания платы за проезд должно быть одобрено правительством провинции либо властями нескольких провинций, если дорога последовательно пересекает их территории. При возникновении разногласий вопрос решает Министерство транспорта, исходя из принципа унификации платы за проезд и ее пропорционального распределения[36].

Примерно соответствуя уровню развитых стран, стоимость проезда по платным дорогам КНР составляет для легкового автотранспорта в среднем около 0,5 юаня (0,08 долл.) за километр пути, но не менее 5 юаней за любой отрезок пути. Это не дешево, ведь по отношению к среднедушевому доходу размеры платы за проезд в Китае в 7–10 раз выше, чем в США, и в 4 раза выше, чем в большинстве других развитых стран[37]. В этих условиях дорожная плата достигает 30–40% транспортных расходов владельцев автомобилей. Впрочем, размеры платы за проезд по дороге I класса ниже, чем по скоростной автостраде, бесплатным является проезд по высококлассным магистралям в городской черте. В целом выручка от платной эксплуатации дорог в 2010-е годы возрастала в среднем на 5–7% в год и в 2016 г. составила 68,9 млрд долл. К 2020 г. прогнозировался ее дальнейший рост до 85,9 млрд долл.[38].

Тесная связь с государственными регуляторами автодорожной деятельности играет важную роль в деловой активности корпораций–операторов платных дорог. Само создание проектных автодорожных корпораций требует получения 18 согласований на различных уровнях государственного управления[39]. В дальнейшем от государства зависит принятие многих важных решений, непосредственно влияющих на их коммерческие результаты. В числе таких решений, принимаемых как на уровне провинции, так и в центре, можно, в частности, указать продление срока взимания платы за проезд сверх нормативных ограничений (при передаче права на управление дорогой либо при ее реконструкции и повышении в классе; получение налоговых льгот в связи с инвестированием в объекты ключевой базовой инфраструктуры; оптимизация условий концессионного соглашения; получение государственных гарантий под привлекаемое заемное финансирование; одобрение размещения акций на фондовой бирже и, наконец, получение новых заказов на строительство скоростных дорог.

Уроки и задачи

Тактика автодорожного строительства с расчетом «на вырост», т.е. с некоторым опережением по отношению к фактическому спросу на перевозки, стимулирует быстрое развитие китайской экономики, но при этом сопровождается появлением ряда проблем.

Серьезные вопросы возникают, в частности, в связи с накоплением в сфере автодорожного строительства огромной кредитной задолженности, чреватой большими финансовыми рисками как для самих дорожных корпораций, так и для банков-кредиторов. К концу второго десятилетия XXI в. почти 40% протяженности скоростных автомагистралей в Китае было построено в период между 2010 и 2015 гг. с использованием инвестиций в 3,32 трлн юаней, из которых около 2,23 трлн юаней составили банковские кредиты. Размеры общей кредитной задол-

женности операторов скоростных дорог к концу 2015 г. достигли 4,45 трлн юаней. Неудивительно, что почти 80% расходов автодорожных корпораций составляли платежи по кредитам, еще 14% направлялось на управленческие нужды, а также налоговые платежи и лишь 6,7% тратилось на ремонт и содержание дорог[40].

К тому же многие платные дороги, особенно в центральных и западных регионах, пока еще не имеют достаточного объема трафика, чтобы обеспечить окупаемость инвестиций в нормативные сроки[41]. В 2015 г., например, совокупная кредитная задолженность операторов платных автодорог выросла на 15,7%, в три с лишним раза опередив динамику роста их доходов (4,6%)[42].

Возникающие финансовые проблемы решаются главным образом посредством рефинансирования банковских кредитов, привлеченных ранее местными правительствами и автодорожными корпорациями. Тем не менее большинство дорог испытывают явную нехватку средств на текущий ремонт и обслуживание. Техническое состояние 4,6 тыс. автомобильных мостов также вызывает опасение. Потребность в обслуживании только основных дорог оценивается примерно в 120 млрд юаней в год, но реально на эти цели расходуется не более 50 млрд юаней. Общее отставание в обслуживании автодорог ежегодно составляет 150–200 млрд юаней[43]. Если учесть, что некоторые дороги начинают постепенно переходить в бесплатный статус (платные дороги II класса, а также коммерческие дороги с истекающими сроками концессионных соглашений), все это в перспективе может привести к обострению проблемы ремонта и содержания автодорожной сети.

Принимая во внимание все более проявляющийся дефицит средств на развитие и содержание дорожной сети, государство стимулирует определенные изменения в структуре источников финансирования дорожного строительства. В 2003–2019 гг., например, доля средств центрального бюджета увеличилась с 9,5 до 21,3%, а удельный вес банковского кредитования, наоборот, снизился с 42,5 до 24,8%.

Одновременно правительство стремится шире привлекать в эту сферу частные инвестиции. В 2014 г. Госсовет КНР запустил пилотные программы развития государственно-частного партнерства (ГЧП) в Харбине и Лояне и одновременно объявил о запуске 80 новых инфраструктурных проектов, предполагающих привлечение частных инвестиций. Годом позже было принято решение о строительстве в пяти провинциях Китая одиннадцати высокоскоростных автотрасс на основе ГЧП, являющегося с точки зрения государства эффективным способом смягчения финансового давления. Для реализации этих и других инфраструктурных проектов в 2016 г. при участии Министерства финансов в КНР создан Всекитайский фонд финансовой поддержки государственно-частного партнерства в размере 180 млрд юаней[44].

Инвестиции в проекты ГЧП, реализуемые во всех отраслях китайской экономики, в 2019 г. составили 15,1 трлн юаней против 6,6 трлн юаней в 2015 г., продемонстрировав за указанный период среднегодовые темпы прироста в 23,1%. Однако динамика этого инвестиционного потока неустойчива, годовые приросты капиталовложений варьировались в диапазоне от 102,1% (2015 г.) до 14,5% (2019 г.), а в 2017 г. даже было зафиксировано их абсолютное сокращение на 20%[45]. Это свидетельствует о наличии определенных препятствий на пути развития ГЧП, характер которых зависит от сферы приложения смешанных государственно-частных ресурсов.

В этой связи, возвращаясь к дорожному строительству, прежде всего следует отметить медленную окупаемость инвестиций в сооружение скоростных автодорог, вследствие чего финансовые результаты их эксплуатации часто не достигают проектных показателей. Это снижает коммерческую привлекательность строительства и эксплуатации автодорог. Между тем частный инвестор традиционно рассматривает ГЧП прежде всего как способ извлечения прибыли на ранее недоступном для него сегменте рынка, монополизированном предприятиями госсектора.

Частных инвесторов настораживает и низкий уровень хозяйственной самостоятельности автодорожных корпораций в качестве возможных партнеров по ГЧП. Ведь несмотря на определенную оперативную самостоятельность, автодорожные корпорации остаются в постоянной финансовой зависимости от правительств соответствующих регионов. Например, *Northeast Expressway Company Ltd*, действующая в провинции Цзилинь, обязана регулярно перечислять провинциальному управлению транспорта всю чистую прибыль от эксплуатации местных скоростных автотрасс, периодически получая взамен финансовую помощь на их содержание и ремонт[46].

Наконец, негативную роль играет сильная бюрократизация и непрозрачность бизнес-процессов и решений в сфере строительства и эксплуатации автодорог. При утверждении проекта строительства на основе ГЧП, например, сначала утверждаются проектное предложение и технико-экономическое обоснование. Это может происходить на уровне провинции (при сумме инвестиций до 240 млн юаней), ГКРР (от 240 до 800 млн юаней) либо Госсовета КНР (свыше 800 млн юаней). При использовании иностранного финансирования, помимо прочего, требуются и согласования в Государственном управлении валютного контроля, а также в китайском банке-кредиторе. Затем тендерный комитет провинции проводит конкурсный отбор компании-подрядчика. После этого подрядчик должен получить одобрение на производство работ в уполномоченных государственных органах, включая ГКРР, а также различные министерства, управления, агентства и комиссии, ведающие вопросами безопасности, планирования, землепользования, защиты окружающей среды и т.д. С учетом большого числа согласующих сторон, имеющих подчас разнонаправленные интересы и пересекающиеся зоны ответственности, весь процесс занимает от полутора до трех лет[47].

Зачастую с выходом проекта на операционный уровень местные органы власти не предоставляют частным предприятиям благоприятную среду для безопасного ведения бизнеса, предпочитая оказывать поддержку государственным структурам. В частности, известны случаи, когда после завершения строительства скоростных автотрасс на основе ГЧП местные власти, используя административный ресурс, выдают тысячи специальных пропусков, освобождающих их владельцев от платы за проезд под предлогом служебной необходимости. Результатом этого являются десятки миллионов юаней упущенной прибыли дорожных компаний-операторов. Государственные банки также предпочитают кредитовать не столько частные, сколько государственные предприятия[48]. Все это не способствует формированию благоприятной бизнес-среды для частных инвесторов.

В целом, как показывает международный опыт, ГЧП является весьма сложной формой инвестирования. Не случайно даже в странах с развитой рыночной эконо-

микой проекты, реализуемые на основе ГЧП, обеспечивают лишь небольшую часть финансирования инфраструктуры. Для успешного развития ГЧП помимо упрощения и децентрализации процесса утверждения инвестиций требуется множество других условий, снижающих обеспокоенность частных инвесторов по поводу политических и инвестиционных рисков, а также обеспечивающих тщательную оценку последних и их надлежащее распределение.

К числу таких рисков, обусловленных доминирующей ролью государства в дорожном строительстве, следует отнести и широкое распространение криминальных, коррупционных проявлений. Среди них не только банальные мздоимство и взяточничество, но и злоупотребление служебными полномочиями, непотизм, раскрытие конфиденциальной информации. Ведь, несмотря на формальное соблюдение предписываемых законодательством конкурсных процедур, руководители провинциальных управлений транспорта имеют возможность активно вмешиваться в присуждение контрактов на строительство автодорог. Следствием этого является нарушение основ конкуренции и так называемый отрицательный отбор, когда победителем тендера становиться не наиболее достойный его участник, а компания (как правило, государственная), имеющая тесные неформальные связи с организаторами конкурсного отбора.

Точно так же по своему усмотрению крупные государственные администраторы на местах определяют условия концессионных соглашений с инвесторами, а также соглашений о передаче права управления автодорогами, регулируют размеры платы за проезд и сроки ее применения. Кроме того, контролируя крупные денежные средства в рамках провинциальных фондов дорожного строительства, они вправе по своей воле определять в каких объемах и по каким направлениям передавать их на нижестоящие уровни государственного управления.

В этих условиях только в 1997–2008 гг. за коррупцию были осуждены 20 руководителей провинциальных управлений транспорта. В провинции Хэнань, например, сменяя друг друга, один за другим были осуждены три начальника местного транспортного управления. При этом пять из 20 упомянутых приговоров, в соответствии с законодательством КНР, предполагали применение смертной казни[49]. Однако, как показывает практика, соблазн «высокоскоростного» обогащения слишком велик.

Своеобразной формой коррупции является и необоснованное продвижение инвестиционных проектов, обеспечивающих не столько общественное благо, сколько повышение административного рейтинга регионального руководства за счет искусственного раздувания показателей реализованных инвестиций и регионального валового продукта (так называемые проекты тщеславия). Ведь вплоть до недавнего времени именно от состояния упомянутых выше показателей непосредственно зависела оценка успешности любого местного руководителя, а следовательно, и его дальнейший карьерный рост. При продвижении таких политически мотивированных «проектов тщеславия» издержки, связанные с их сооружением, намеренно занижаются, а извлекаемая выгода, наоборот, преувеличивается.

В конечном итоге коррупция наносит серьезный ущерб развитию автодорожной сети КНР, негативно сказываясь на сроках и качестве строительства дорожной ин-

фраструктуры. В частности, известны случаи обрушения только что построенных автодорожных мостов еще до начала их реальной эксплуатации. К сказанному следует добавить и сверхнормативные финансовые затраты, включая непредвиденные расходы на ремонт и содержание автодорог. Результатом всего этого является все та же низкая окупаемость произведенных инвестиций вкупе с дальнейшим нарастанием «долгового навеса» в китайской экономике.

Рассмотренные проблемы приобретают особую актуальность в связи с переходом Китая от прежней экономической модели, основанной на огромных инвестициях и беспрецедентных темпах экономического роста, к более умеренной динамике развития, структурным преобразованиям экономики и формированию комфортной социальной среды. Наряду с прекращением коррупционных практик все это требует более рачительного подхода к инвестированию, дальнейшего улучшения строительных технологий, повышения стандартов качества, а равно и эффективности капитальных затрат, использования новых, более рыночно ориентированных методов и источников финансирования.

* * *

В целом масштабное, быстрое и качественное автодорожное строительство является мощным двигателем экономического, социального и других видов развития Китая, как и любого современного государства. В Китае говорят: «Если хочешь разбогатеть, сначала нужно построить дороги». Ведь вовлекая в экономический оборот все новые территории, природные и трудовые ресурсы, повышая мобильность населения, улучшая уровень его жизни и общественные настроения в целом, расширение транспортных артерий способствует дальнейшему развитию китайской экономики, повышению ее международной конкурентоспособности и общему укреплению позиций Китая в мире.

Вместе с тем проблемы, накопленные в предыдущий период и связанные прежде всего с постепенным исчерпанием возможностей государства в финансировании дальнейшего развития и содержания дорожной сети, требуют рационального реформирования системы автодорожного строительства. При этом, оставляя за собой координирующие и контрольные функции, государству, по всей видимости, предстоит существенно сократить свое присутствие в собственно инвестиционном процессе и особенно в содержании и эксплуатации автодорог. С этой целью в сфере автодорожного строительства, как и во всей экономике, должны быть созданы более благоприятные условия для эффективной работы частного капитала, на деле гарантирующие инвестору не только возврат вложенных средств, но и получение разумной прибыли.

Одновременно, чтобы минимизировать принятие госорганами искажающих структуру рынка решений, процедуры государственного регулирования должны стать более ясными и прозрачными. Именно так в конечном итоге могут быть обеспечены общественные интересы, а равно и необходимое для этого устойчивое взаимовыгодное сотрудничество частного сектора с государством.

Примечания

[1] *Waters Harry J*. China's Economic Development Strategies for the 21st Century. Westport: Quorum Books, 1997. P. 127.

[2] *Zhigang Li*. Infrastructure and Urbanization in the People's Republic of China: Asian Development Bank Institute Working Paper Series. No. 632. January 2017. P. 10. Manila: Asian Development Bank Institute, 2017. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/221431/adbi-wp632.pdf (accessed: 21.06.2024).

[3] *Новоселова Л.В*. Китайские дороги: путь в будущее // Рос. эконом. журнал. 2019. № 1. С. 60.

[4] *Новоселова Л.В*. Автомобильная сеть как важный фактор модернизации экономики КНР // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 839.

[5] В чем секрет «китайского дорожного чуда» // ДорТехнологии: [сайт]. URL: http://www.dortec.ru/statji/sekret-kitayskogo-dorozhnogo-chuda.html (дата обращения: 07.06.2024).

[6] China Study Tour by New Delhi Office Transport Team / The World Bank. Washington D.C.: The World Bank, 2007. October. P. 6. // Scribd: [site]. URL: https://www.scribd.com/document/455427230/China-Study-Tour-Report-Rev3 (accessed: 15.08.2018).

[7] China's National Highway Network Plan Issued // Seetao:[site]. 2022. July 12. URL: https://seetao.com/details/169455.html (date of request: 15.06.2024).

[8] *Новоселова Л.В*. Китайские дороги: путь в будущее. Цит. соч. С. 61.

[9] Financing Road Construction and Maintenance after the Fuel Tax Reform. Manila: Asian Development Bank, 2012. P. 7. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/30067/financing-road-construction-maintenance.pdf (accessed: 07.07.2024).

[10] *Chong-En Bai*, *Yingyi Qian*. Infrastructure Development in China: The Cases of Electricity, Highways, and Railways // Journal of Comparative Economics. 2010. Vol. 38. Issue 1. P. 44. ScienceDirect: [site]. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S014759670900081X (accessed: 18.06.2024).

[11] China Study Tour. Op. cit. P. 9.

[12] Ibid.

[13] Платные дороги Китая — тупик стоимостью $1 трлн. Ч. 2 // InfraNews: [сайт]. 2017. 11 января. URL: https://www.infranews.ru/novosti/vazhnoe/46933-platnye-dorogi-kitaya-tupik-stoimostyu-vvp-ssha-chast-2/ (дата обращения: 25.06.2024).

[14] *Makoto O*. Private Sector Participation in the Road Sector in China // Transport and Communications Bulletin for Asia and the Pacific. 2003. No. 73. P. 17. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/bulletin73_ch1.pdf (accessed: 06.06.2024).

[15] China Study Tour. Op. cit. P. 11.

[16] В чем секрет «китайского дорожного чуда». Цит. соч.

[17] Highway Law of the People's Republic of China // The PRC Ministry of Ecology and Environment: [site]. URL: https://english.mee.gov.cn/Resources/laws/envir_elatedlaws/200710/t20071009_109951.shtml (accessed: 10.05.2024).

[18] The Experience of Highway Construction, Investment and Financing in China // United Nations: [site]. URL: https://www.un.org/ohrlls/sites/www.un.org.ohrlls/files/session_4_3experiences_of_china_-_ms._shao_jie_transport_planning_and_research_institute_ministry_of_transport_of_china.pdf (accessed: 10.07.2024).

[19] China Statistical Yearbook 2017. Beijing: China Statistics Press, 2017. Table 7-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2017/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023); Financing Road Construction and Maintenance. Op. cit. P. 9.

[20] *Lin Shuanglin*. China's Public Finance. Reforms, Challenges, and Options. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. P. 209–211. DOI: 10.1017/9781009099028 (accessed: 10.04.2023).

[21] *Zhang L*. People's Republic of China. Washington D.C.: The Law Library of Congress, 2014. P. 26. URL: https://loc.gov/storage-services/service/ll/llglrd/2014427598/2014427598.pdf (accessed: 14.04.2024).

[22] *Сазонов С.Л.* К вопросу о финансировании автодорожного строительства в Китае // Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016–2020). М.: ИДВ РАН, 2020. С. 132–133.

[23] *Chong-En Bai*, *Yingyi Qian*. Op. cit. P. 44.

[24] *Lin Shuanglin*. Op. cit. P. 214–215.

[25] *Makoto O.* Op. cit. P. 7.

[26] *Сазонов С.Л.* Транспорт КНР: место и роль в развитии национальной экономики. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 81.

[27] Statistical Communiqué on the Development of the Transportation Industry in 2023 // 中华人民共和国交通运输部: [site]. 2024. June 18. URL: https://xxgk.mot.gov.cn/2020/jigou/zhghs/202406/t20240614_4142419.html (accessed: 10.07.2024).

[28] Ibid.

[29] *Сазонов С.Л.* Транспорт КНР. Цит. соч. С. 83–84.

[30] Financing Road Construction and Maintenance. Op. cit. P. 7.

[31] The Experience of Highway Construction, Investment and Financing in China. Op. cit. P. 4, 5.

[32] People's Republic of China: Changchun-Harbin Expressway Project: Performance Evaluation Report. Manila: Asian Development Bank, 2006. P. 21. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/evaluation-document/35114/files/30389-prc-pper.pdf (accessed: 07.07.2024).

[33] Financing Road Construction and Maintenance. Op. cit. P. 5.

[34] *Zhang L*. Op. cit. P. 30; Toll Roads in China. Speeding Up Growth. BRIC Spotlight Report. 2011. June. P. 1. URL: http://www.thomaswhite.com/explore-the-world/BRIC-spotlight/2010/china-toll-roads-expressways.aspx (accessed: 15.06.2019).

[35] *Chong-En Bai*, *Yingyi Qian*. Op. cit. P. 43.

[36] Financing Road Construction and Maintenance. Op. cit. P. 10.

[37] *Новоселова Л.В.* Китайские дороги: путь в будущее. Цит. соч. С. 68.

[38] Платные дороги Китая. Цит. соч.

[39] *Makoto O*. Op. cit. P. 17.

[40] China Chalks up $667-Billion Debt Pile Over Toll Roads // Reuters: [site]. 2016. September 21. URL: https://www.reuters.com/article/us-china-roads-debt/china-chalks-up-667-billion-debt-pile-over-toll-roads-idUSKCN11R0NX (accessed: 07.07.2024); Платные дороги Китая. Цит. соч.

[41] *Xiaohong Yang*, *Lee J*. People's Republic of China. Toll Roads Corporatization Strategy: Toward Better Governance. Manila: Asian Development Bank, 2008. P. 4. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28017/roads-corporatization.pdf (accessed: 21.06.2024).

[42] China Chalks up $667-Billion. Op. cit.

[43] China Study Tour. Op. cit. P. 7.

[44] *Сазонов С.Л.* Транспорт КНР. Цит. соч. С. 22.

[45] *Lin Shuanglin*. Op. cit. P. 212.

[46] People's Republic of China: Changchun-Harbin Expressway Project. Op. cit.

[47] *Rui Mu.* Public-Private Partnership and the Management of Expressways in China: An Agency Theory Approach: Master Dissertation. Delft: TUDelft, 2008. P. 18–19. URL: https://ru.scribd.com/document/234457323/Mu-R (accessed: 10.06.2018).

[48] Ibid. P. 120.

[49] *Chong-En Bai*, *Yingyi Qian*. Op. cit. P. 45.

Глава 5

Ликвидация бедности и построение общества среднего достатка

Повышение внутреннего платежеспособного спроса и расширение границ внутреннего рынка, выступающие сердцевиной новой модели экономического развития, предполагают существенный рост жизненного уровня населения КНР, и прежде всего жителей сельских районов, традиционно отстающих по размерам доходов и потребления. Это явилось одним из важных факторов формирования современного курса в борьбе с бедностью, которая — наряду с предупреждением системных экономических рисков и решением экологических проблем — рассматривается руководством страны как одна из «трех великих битв», бросающих вызов китайской экономике.

Адресная стратегия борьбы с бедностью

Приступая к реформе экономической системы, в конце 1970-х годов КНР являла собой одну из беднейших стран мира, обладающую огромным 800-миллионным крестьянским населением. Бедность была нормой сельской жизни, почти половина провинций и автономных районов испытывала нехватку или острую нехватку продовольствия[1]. Тем самым на КНР приходилась львиная доля малоимущих в общепланетарном масштабе. В этих условиях руководство страны уделяло большое внимание вопросам сокращения бедности и нищеты, расценивая эту работу в качестве важного направления политической консолидации общества и социальной защиты населения.

Правительством была утверждена так называемая черта бедности, рассчитанная исходя из минимальных потребностей человека в одежде и питании и зафиксировавшая нижний предел годового дохода в расчете на душу населения. Это позволило выявить наличие в стране 730 млн человек, пребывающих в состоянии нищеты и бедности[2]. Одновременно была поставлена задача к концу века увеличить средне-

душевой ВВП до 800–1000 долл., что по представлениям того времени соответствовало уровню общества средней зажиточности (*сяокан*).

В последующие годы Китай предпринимал активные меры в рамках политики борьбы с бедностью, которая с течением времени претерпела заметные изменения. Так, в 1980-е годы борьба с бедностью была в основном ориентирована на безвозмездное оказание крестьянам чрезвычайной и специальной помощи при неурожае, стихийных бедствиях и т.п., между тем как рост доходов крестьянских хозяйств в этот период являлся прежде всего результатом роспуска народных коммун и общих рыночных преобразований.

Начиная со второй половины 1980-х годов по мере постепенного исчерпания социального потенциала начальных экономических реформ в борьбе с бедностью наметился переход от политики оказания беднякам социальной помощи к мерам, стимулирующим их экономические возможности как средство преодоления бедности. Чтобы «обеспечить согласованность большого числа инициатив по сокращению бедности», в 1986 г была создана Руководящая группа Госсовета КНР по делам оказания помощи в развитии бедных районов (далее — Руководящая группа Госсовета КНР) — главный специализированный институт государства по борьбе с бедностью[3].

Определив перечень из 592 бедных уездов, правительство сосредоточилось на создании в депрессивных регионах новых рабочих мест и объектов прибыльной деятельности. Целый комплекс усилий был направлен на региональное развитие, включая поддержку мелкого местного бизнеса, подготовку кадров и т.д. Тем самым политика борьбы с бедностью приобрела территориальный характер, определивший ход ее дальнейшего развития до начала XXI в. Со временем «центр тяжести» принимаемых мер сместился с ключевых уездов на уровень бедных деревень, общее число коих было определено примерно в 150 тыс.[4].

В середине первого десятилетия XXI в. территориальный подход к проведению политики борьбы с бедностью был частично дополнен мерами социальной поддержки в виде программы гарантирования минимального дохода (*дибао*). Будучи ориентированной на наиболее обнищавших жителей китайской деревни, программа *дибао* предусматривала выплату этой категории беднейших граждан пособий для поддержания прожиточного минимума. К 2010 г. число бенефициаров *дибао* достигло 52 млн человек; численность обнищавшего сельского населения в рамках действовавшего на тот момент национального стандарта бедности сократилась до 26,9 млн человек, уровень бедности снизился до 2,8% населения сельских районов.

Вместе с тем по мере уменьшения общего уровня бедности происходило и географическое рассредоточение малоимущих граждан, ограничивающее эффективность территориального подхода к борьбе с бедностью. В 2010 г. доля бедных, проживающих в неблагополучных уездах и деревнях, составила 62–63% их общего числа против примерно 75–76% в 2001 г.[5]. Результатом этого стала дальнейшая эволюция политики борьбы с бедностью.

В 2011 г. Госсовет КНР и ЦК КПК утвердили «План действий по борьбе с бедностью и развитию сельских районов (2011–2020 гг.)», ориентированный на карди-

нальное улучшение условий существования малоимущих жителей китайской деревни. Для этого прежде всего был определен новый национальный стандарт бедности, рассчитанный на основе более широкого, чем прежде, набора жизненных потребностей, включая не только питание и одежду, но и гарантированный доступ к обязательному среднему образованию, базовым медицинским услугам, безопасному жилью и безопасному снабжению питьевой водой.

Тем самым в дополнение к сельской индустриализации в повестку дня борьбы с бедностью были включены вопросы развития сельской медицины и общественного здравоохранения, улучшения социальной инфраструктуры и жилищных условий на селе. Минимальные прожиточные требования были монетизированы с последующим объединением полученных результатов по всем категориям потребностей. В итоге национальный стандарт бедности был повышен в два с лишним раза и составил 2300 юаней на человека в год в ценах 2010 г. К разряду бедных были отнесены уезды со среднедушевым ВВП до 2700 юаней.

В пересчете по паритету покупательной способности официальная черта бедности, утвержденная правительством КНР, составила примерно 2,3 доллара на человека в день. Это несколько превышало стандарт бедности, установленный Всемирным банком в размере 1,9 доллара в день в соответствии с пороговыми значениями бедности в некоторых беднейших странах мира[6]. Что касается КНР, то в 2015 г. указанный выше норматив бедности составлял лишь 12% от медианного дохода китайских домохозяйств. Таким образом, речь шла о крайней, или абсолютной, бедности, не позволяющей удовлетворять даже базовые потребности в пропитании, жилье, одежде, тепле либо восполняющей только самые минимальные нужды для физиологического выживания индивида[7]. Исходя из этого, в 2011 г. Китае было определено 832 бедных уезда и 128 тыс. деревень, а численность обнищавшего сельского населения, подлежащего выводу из состояния нищеты, составила 122 млн человек[8].

Заметная активизация борьбы с бедностью произошла вскоре после XVIII съезда КПК (2012 г.), сопровождавшегося кардинальными кадровыми изменениями в составе руководства КНР. В ноябре 2013 г. в ходе инспекционной поездки в провинцию Хунань Си Цзиньпин, избранный на пост генерального секретаря компартии Китая, а равно и Председателя КНР, выдвинул новую идею организации максимально адаптированной к местным условиям адресной помощи бедным[9]. «Адресность, — подчеркивал в одном из выступлений Си Цзиньпин, — является сутью интенсивной ликвидации бедности»[10]. При этом, в отличие от практики предыдущих лет, объектами новой стратегии сокращения нищеты стали не территориально-административные единицы в виде уездов и деревень, а конкретные малообеспеченные домохозяйства и физические лица.

Адресная стратегия полностью охватывает весь процесс борьбы с бедностью — от выявления самого факта нищеты того или иного домохозяйства до подтверждения его выхода из этого состояния. Это означает не только установление конкретных объектов государственной помощи, но и выявление причин их бедственного положения, выработку подходящих для каждой конкретной ситуации адресных мер поддержки, определение объемов требуемого финансирования, а равно и назначе-

ние должностных лиц, несущих персональную ответственность за своевременное доведение этих выплат до адресатов. Тем самым ставка была сделана на максимальную концентрацию организационных усилий для достижения решительного прорыва в борьбе с бедностью и нищетой.

Определение размеров и конфигурации необходимой помощи требует точных представлений о степени и характере нищеты с учетом особенностей крестьянского быта и конкретных условий хозяйствования. В этой связи в соответствии с установочным документом ЦК КПК и Госсовета КНР под названием «Мнения об инновационных механизмах, способствующих сокращению бедности и развитию в сельских районах» (январь 2014 г.) в Китае создан национальный механизм борьбы с бедностью, сочетающий организационные и правовые возможности государства с применением количественной оценки проблем и различных способов оказания помощи.

Управление. Инициированная руководством КНР кампания по борьбе с бедностью вызвала общесистемную аппаратную мобилизацию на всех уровнях государственного управления. Повсеместно были созданы специальные штабы по борьбе с бедностью. Тем самым была сформирована охватившая все бедные районы административная сеть, в рамках которой центральное правительство отвечает за планирование и координацию борьбы с бедностью, правительства провинций несут общую ответственность за ход процесса, а городские и уездные власти, получившие широкие полномочия по утверждению проектов помощи, отвечают за конкретную реализацию программы и достижение поставленных целей. Для улучшения межведомственной координации состав Руководящей группы Госсовета КНР был расширен за счет включения всех министерств и ведомств, входящих в правительство[11].

Партийные комитеты всех уровней взяли на себя политическое руководство, обеспечив назначение начальствующих должностных лиц, отвечающих за вопросы искоренения нищеты. В ноябре 2015 г. в ходе Центральной рабочей конференции по борьбе с бедностью и развитию партийные и государственные руководители 22 провинций и приравненных к ним административных единиц Центрального и Западного Китая подписали письменные обязательства перед ЦК КПК за борьбу с бедностью, органы государственного и партийного руководства на пяти административных уровнях (провинция, город, уезд, волость, деревня) приняли на себя ответственность за достижение единой стратегической цели вплоть до выхода подведомственных территорий из состояния бедности.

Рабочие бригады. Ключевым элементом национального механизма борьбы с бедностью стали рабочие бригады по поддержке бедных, сформированные во всех без исключения бедных деревнях с участием командированных из города кадровых работников партийного и государственного аппарата, а также сельских должностных лиц (учителей, врачей, полицейских и др.). В 2013–2020 гг. для создания в общей сложности 255 тыс. рабочих бригад было мобилизовано 10 млн человек, включая 3 млн партийных работников, направленных в деревню в качестве первых секретарей местных партийных ячеек. Участники рабочих бригад обеспечивали идентификацию бедных домохозяйств, выяснение причин их бедности, определение

потребности в помощи и т.д. Они не должны были покидать свои рабочие места, пока их деревни, равно как и закрепленные за ними домохозяйства, не будут соответствовать критериям ликвидации бедности[12].

Выявление бедности. В Китае разработан набор стандартов и процедур для выявления состояния бедности. Бедные домохозяйства определяются на основе их доходов с учетом целого ряда дополнительных факторов, включая качество жилья, наличие автомобиля или оборудования для коммерческого использования, соблюдение законов и наличие судимости, соблюдение политики планирования рождаемости, участие в общественно полезной деятельности и др.[13]. При определении статуса деревень учитываются общий уровень бедности, чистый душевой доход деревенских жителей, а также доходы местных поселково-волостных предприятий.

Применение различного рода количественных и качественных индикаторов призвано максимально объективизировать распределение государственной помощи на местах. Однако, как показывает практика, роль человеческого фактора невозможно устранить полностью, особенно в тех ситуациях, где задействованы крупные денежные ресурсы.

Регистрация. Физические лица и деревни, соответствующие всем критериям бедности, прошедшие отбор путем общественного голосования, а также проверку на поселковом и уездном уровнях, подлежат регистрации в специализированной информационной системе[14]. С этой целью в 2014 г. создан ежегодно обновляемый национальный реестр малоимущих домохозяйств, позволяющий в режиме реального времени получать актуальные данные о каждом бедствующем человеке, домохозяйстве и сельском поселении, о причинах постигшей их бедности и потребности в государственной помощи.

Система также регистрирует типы проектов по борьбе с бедностью, даты их начала и окончания, а также число бенефициаров. Одновременно можно проверить распределение и выплату различных субсидий каждому малоимущему домохозяйству. Вся эта информация используется при принятии решений по развитию промышленности, трудоустройству, миграции и переселению, а равно и предоставлению других видов помощи, адаптированной к семейным условиям. Каждый человек, включенный в реестр бедности, получает специальное удостоверение, за каждым домохозяйством закрепляется сотрудник по связям с общественностью[15].

Меры поддержки. Инструментарий программы искоренения бедности сформирован с учетом международной практики и, в частности, опыта сотрудничества КНР со Всемирным банком по комплексному развитию сельских районов на юго-западе страны в 1990-е годы[16]. Он включает как стимулирование роста местной экономики в интересах повышения доходов и обеспечения большего числа рабочих мест, так и индивидуальную помощь целевым домохозяйствам в таких ключевых областях, как жилье, образование, повышение квалификации, здравоохранение, поиск работы и при необходимости получение социальных трансфертов. Отдельно следует обозначить переселение бедных жителей из отдаленных и экологически неблагополучных районов застойной бедности, а также компенсацию экономиче-

ских потерь в связи с мерами против экологического ущерба. Командированные в деревню кадровые работники и другие участники рабочих бригад служат «каналом», по которому государственная помощь распределяется между малоимущими домохозяйствами методом «капельного орошения».

Исключение из реестра. В соответствии с действующими в КНР правилами для исключения из реестра бедных домохозяйств сельская семья должна иметь надежный среднедушевой доход, стабильно превышающий порог бедности, достаточное количество продуктов питания и одежды, а также доступ к среднему образованию, медицинским услугам и безопасному жилью. Что касается сельского поселения, то его исключение из категории бедных деревень осуществляется исходя из уровня бедности с учетом в общей сложности 13 показателей, включая состояние деревенской инфраструктуры, уровень получаемых государственных услуг, степень развития местной промышленности и т.д. Для сельских уездов выход из числа территорий, охваченных бедностью, в основном обусловлен уровнем региональной бедности, который, в свою очередь, определяется исходя из 15 количественных показателей[17].

«Льготный период». В течение пяти лет после ликвидации состояния нищеты властями проводится постоянный мониторинг в отношении районов, домохозяйств и индивидов, сумевших освободиться от бедности, продолжается оказание им государственной помощи и применение других мер поддержки. Регулярные проверки и оперативное управление помощью позволяют выявить наличие возможных проблем непосредственно по факту их появления. Попавшим в затруднительное положение домохозяйствам оказывается дополнительная помощь с целью предотвращения эффекта возвратной бедности[18].

Система ответственности. Подобно другим приоритетным направлениям экономической политики, реализация адресной стратегии борьбы с бедностью опирается на систему поощрений и подотчетности должностных лиц в рамках личной ответственности за достижение политических целей. Выполнение целевых показателей сокращения бедности входит в число главных критериев аттестации местных руководителей, включая губернатора, секретаря провинциального комитета КПК и других партийных функционеров и государственных должностных лиц. Количественная оценка их деятельности охватывает такие показатели, как эффективность борьбы с бедностью, выделение на эти цели дополнительных средств из местного бюджета, эффективность надзора за их использованием и т.д.[19]. Результаты оценки, ежегодно проводимой вышестоящими административными структурами, во многом определяют дальнейшие карьерные перспективы ответственных работников партийно-государственного аппарата.

Контроль и надзор. Использование средств, выделяемых государством для борьбы с бедностью, как в центре, так и на местах подлежит мониторингу и регулярным проверкам со стороны целого ряда контрольных органов, включая Центральную комиссию КПК по проверке дисциплины (далее — Центральная комиссия), Канцелярию Рабочей группы Госсовета КНР по борьбе с бедностью и развитию, а также Государственное ревизионное управление КНР. В 2016–2020 гг. выездные инспекции Центральной комиссии в рамках усилий по борьбе с бедностью

выявили 337 тыс. случаев коррупции и неправомерных действий, включая взяточничество, мошенничество, фальсификацию и растрату. Только в 2018 г., например, Центральной комиссии удалось вернуть государству незаконно присвоенных средств для борьбы с бедностью в размере 730 млн юаней[20]. В период с 2013 по 2020 г. следствием всех этих действий явилось сокращение нецелевого использования средств господдержки с 36,3 до 1,5% общего объема средств, проверенных Государственным ревизионным управлением КНР[21]. Доля числа серьезных финансовых нарушений, таких как растрата, снизилась до 0,19%[22].

В целом успешное осуществление политики борьбы с бедностью уже в 2015 г. позволило участникам 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва выдвинуть цель ликвидации абсолютной бедности в деревне к 2020 г. в качестве первого этапа построения в Китае общества средней зажиточности. Выполнение соответствующей задачи было предусмотрено в 13-м пятилетнем плане социально-экономического развития КНР (2016–2020) и получило отражение в локальных стратегиях экономического и социального развития ряда провинций и автономных районов Центрального и Западного Китая. Таким образом, искоренение бедности на селе было в приоритетном порядке инкорпорировано в институциональную систему реализации экономической политики КНР, что обеспечило максимальное внимание к этой проблеме на всех уровнях государственного управления.

Система финансирования

Реализация китайской программы борьбы с бедностью опирается на весьма сложную систему финансирования, обеспечивающую как растущее поступление денежных средств в широкий круг проектов повышения уровня и качества жизни низкодоходных слоев населения, так и соответствующее распределение затрат, доходов и рисков для самых разных участников данного процесса. В рамках этой разветвленной многоуровневой и многовекторной системы финансовые ресурсы предоставляются различными заинтересованными сторонами, включая Госсовет КНР, местные правительства, государственные и частные предприятия, кредитно-финансовые институты, а также частные лица, негосударственные организации и другие общественные структуры.

Финансовые источники программы борьбы с бедностью можно разделить на четыре основные категории: бюджетные средства, ведомственные фонды, кредитные ресурсы и общественные фонды финансирования. С течением времени при сохранении основополагающего значения институтов государства в финансовом обеспечении мер ликвидации бедности все более заметной становится и роль негосударственных источников финансирования.

Бюджетные источники финансирования. Бюджетные средства, выделяемые государством на борьбу с бедностью, включают расходы как центральных, так и местных органов власти, при этом почти $^{4}/_{5}$ их общей суммы приходится на финансовые фонды развития, формируемые на центральном и провинциальном уровнях (см. табл. 38).

Таблица 38

Бюджетные источники финансирования программы борьбы с бедностью

Целевые бюджетные фонды	**Распорядители средств**	**Направления использования средств**
Финансовые фонды развития	Руководящая группа Госсовета КНР, ГКРР, правительства провинций	Улучшение условий ведения сельского хозяйства и животноводства в бедных районах; диверсификация сельской экономики; сельское дорожное и водохозяйственное строительство; расширение обязательного образования и ликвидация неграмотности; предотвращение и лечение эндемических заболеваний, прямая помощь бедным домохозяйствам
Специальные фонды развития сельского хозяйства	Руководящая группа Госсовета КНР	Обеспечение продовольствием и одеждой жителей районов крайней нищеты, улучшение условий сельскохозяйственного производства и повышение доходов крестьян, развитие поселково-волостных предприятий, обеспечение безопасности питьевой воды
Фонды общественных работ	ГКРР	Строительство местных дорог, в том числе в рамках реализации в сельских районах проектов по борьбе с бедностью; расширение сельскохозяйственных угодий, строительство ирригационных сооружений; обеспечение безопасности питьевой воды
Фонды развития национальных меньшинств	Государственный комитет по делам национальностей	Обеспечение социальной стабильности, экономического роста и развития в национальных автономных округах и других бедных районах с высокой концентрацией национальных меньшинств
Фонды кредитного субсидирования	Сельскохозяйственный банк Китая	Использование бюджетных средств для субсидирования банковских процентов по кредитам на развитие сельского хозяйства и агробизнеса для заемщиков из бедных районов

Источники: Report on Sustainable Financing for Poverty Alleviation in China. Beijing: UNDP, 2016.P. 11–12. URL: https://www.undp.org/china/publications/sustainable-financing-poverty-alleviation-china (accessed: 10.05.2024); Where is China's Poverty Financing from, and How It Works? // China Global Television Network: [site]. 2020. August 14. URL: https://news.cgtn.com/news/2020-08-14/Where-is-China-s-poverty-financing-from-and-how-it-works--SXaxalpxhm/index.html (accessed:12.05.2024); *Хаожань Цинь.* Борьба с бедностью в Китае: социальный и экономический опыт реформ в сельских районах // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 10.

С. 74. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-bednostyu-v-kitae-sotsialnyy-i-ekonomicheskiy-opyt-reform-v-selskih-rayonah/viewer (дата обращения: 10.05.2024).

Распределение средств центрального бюджета по провинциям осуществляется Госсоветом КНР с учетом таких факторов, как масштаб и доля объектов борьбы с бедностью, чистый доход крестьян на душу населения, местные финансовые ресурсы на душу населения, численность бедного населения, корреляции ранее выделенных средств с темпами роста местной экономики и динамикой сокращения бедности. Провинции и автономные районы пользуются большой самостоятельностью в использовании поступающих из центра финансовых ресурсов и, как правило, с учетом особенностей экономического положения на местах распределяют их между бедными уездами, отдавая приоритет финансированию наиболее перспективных проектов борьбы с бедностью и местного развития. Утверждение этих проектов также является прерогативой местных властей.

В целом, по данным Минфина КНР, средства финансовых фондов развития используются главным образом для экономического стимулирования посредством сооружения проектов сельской инфраструктуры, включая ирригационные сооружения, дороги, водопроводы и др. (от 28,7 до 46,7% годовых ассигнований в 2012–2020 гг.), расширения производственных мощностей местной промышленности (17,6–22,5%) и т.д.[23]. Определенная часть бюджетных ресурсов в качестве прямой безвозмездной помощи распределяется между низкодоходными сельскими дворами[24].

Наряду с этим, начиная с 2014 г., особую важность приобрело регламентируемое из центра межрегиональное сотрудничество между Востоком и Западом Китая с целью объединения усилий богатых и бедных территорий в борьбе с бедностью. При этом размеры финансовых фондов развития, формируемых на уровне провинций, варьируются в зависимости от их географического положения и состояния экономики. Если в провинциях Восточного Китая они должны составлять более 200% относительно бюджетных трансфертов центрального правительства, то в менее развитых провинциях Центрального и Западного Китая — 40 и 30% соответственно[25].

Межрегиональный дисбаланс в размерах финансовых фондов развития подпитывает шефскую помощь девяти экономически развитых провинций Восточного региона по отношению к отстающим в развитии четырнадцати провинциям и автономным районам Центра и Запада страны и тем самым содействует выравниванию уровней экономического и социального развития регионов. Вот лишь один из примеров такой системной работы. Приморская провинция Фуцзянь шефствует над не имеющим выхода к морю Нинся-Хуэйским автономным районом (НХАР), ежегодно направляя в его адрес крупные бюджетные трансферты, сопровождаемые аналогичными переводами средств от предприятий и округов. Размеры этих трансфертов, используемых в НХАР для строительства инфраструктуры, поддержки бедных домохозяйств, профессионального обучения и т.д., в 2020 г. составили 61,6 млн юаней против 5 млн юаней в 2012 г.

Пакеты финансовой помощи сопровождаются мерами социальной мобилизации, включая направление для работы на вахтовой основе в НХАР квалифицированного управленческого и технического персонала, учителей и врачей из Фуцзяни, профессиональное обучение местной молодежи с последующим предоставлением рабочих мест на предприятиях в провинции Фуцзянь, а также поощрение инвестиций фуцзяньских компаний в экономику НХАР[26]. В целом охваченные бедностью уезды Западного Китая ежегодно получают крупные субсидии, размеры которых нередко в несколько раз превышают доходную часть бюджета уезда–получателя помощи.

Таким образом, программа борьбы с бедностью щедро финансируется правительством КНР. С 2013 по 2020 г. оно из года в год активно наращивало объем бюджетных средств, выделяемых на решение этой задачи. За указанный период среднегодовые темпы прироста ассигнований центрального и местных бюджетов на цели борьбы с бедностью составили 23,9%, а их общий объем достиг почти 1,6 трлн юаней, в том числе 660,1 млрд юаней пришлось на средства центрального бюджета. В 2020 г. расходы госбюджета КНР на борьбу с бедностью составили 0,49% ВВП и 2% общей суммы финансовых расходов государства против 0,19 и 0,8% соответственно в 2013 г.[27]. Эти цифры показывают, что правительства всех уровней направляют все большую долю своих доходов на борьбу с бедностью. В расчете на душу населения темпы прироста бюджетных ассигнований в бедных районах в 2013–2020 гг. были на семь процентных пунктов выше, чем в среднем по стране.

Ведомственные фонды. Сопоставимые по размерам средства поступают в бедные районы по линии специальных фондов отраслевых министерств, а также крупнейших государственных корпораций. Отраслевые министерства и ведомства, входящие в состав Госсовета КНР, имеют в своем оперативном распоряжении весьма значительные объемы бюджетных ресурсов, используемых прежде всего для осуществления крупных инвестиционных проектов. Определенная часть этих средств направляется на реализацию общественно значимых проектов в области производственной и социальной инфраструктуры в бедных регионах, представляя собой, по сути, централизованные государственные инвестиции (см. табл. 39).

Таблица 39

Ведомственные фонды финансирования борьбы с бедностью

Целевое назначение расходов	**Распорядители средств**	**Использование средств**
Дорожное строительство	Министерство транспорта	Решение транспортных проблем в регионах с высоким уровнем бедности посредством сооружения скоростных автомагистралей, шоссейных дорог национального и провинциального уровня, сельских дорог и мостов

Безопасное водоснабжение	ГКРР, Министерство водного хозяйства	Обеспечение безопасности питьевой воды для жителей бедных сельских районов, включая учителей и учащихся сельских школ
Электроснабжение	Государственное управление по делам энергетики	Устранение дефицита электроэнергии в бедных сельских районах и районах проживания национальных меньшинств посредством модернизация сетей электропередачи
Реновация ветхого жилья	Министерство жилищного, городского и сельского строительства, ГКРР, Министерство финансов	Выплата крестьянам, живущим ниже уровня бедности, субсидий на ремонт и обновление жилых домов, пребывающих в стадии разрушения
Увеличение доходов от развития отраслей сельской экономики	Министерство сельского хозяйства и сельских дел, Управление лесного хозяйства и пастбищ, Министерство коммерции, ГКРР, Министерство науки и технологий	Поддержка развития в бедных районах ведущих отраслей местной промышленности, а также использование новых драйверов развития в лице новых производственных технологий и новых форм бизнеса
Развитие сельского туризма	ГКРР, Министерство культуры и туризма, Министерство экологии и окружающей среды, Министерство жилищного, городского и сельского строительства, Министерство сельского хозяйства и сельских дел	Поддержка местных органов власти в развитии внутреннего сельского туризма в интересах борьбы с бедностью
Развитие образования	Министерство образования, Министерство здравоохранения	Реализация государственной Программы детского развития в бедных районах (2014–2020)

Источники: Report on Sustainable Financing for Poverty Alleviation in China. Beijing: UNDP, 2016.P. 12–13. URL: https://www.undp.org/china/publications/sustainable-financing-poverty-alleviation-china (accessed: 10.05.2024); Where is China's Poverty Financing from, and How It Works? // China Global Television Network: [site]. 2020. August 14. URL: https://news.cgtn.com/news/2020-08-14/Where-is-China-s-poverty-financing-from-and-how-it-works--SXaxalpxhm/index.html (accessed: 12.05.2024) .

Так, Министерство транспорта КНР в 2013–2020 гг. направило более 155 млрд юаней на поддержку 14 районов страны в сооружении 21,7 тыс. км скоростных автомагистралей и обычных шоссейных дорог национальной и провинциальной категории, а также 96 тыс. км сельских дорог для 105 тыс. деревень. Министерство жилищного, городского и сельского строительства выделило 23 млрд юаней на реконструкцию и восстановление ветхих домов 3 млн обедневших крестьян в 832 целевых бедных уездах и тем самым увеличило размер государственной дотации на ремонт с 7500 до 8500 юаней в расчете на одну семью. Министерство финансов совместно с другими заинтересованными ведомствами создало интернет-платформу для стимулирования государственных закупок сельскохозяйственной продукции у бедных крестьянских хозяйств. Масштабы таких закупок в 2019–2020 гг. составили не менее 500 млрд юаней[28].

Помимо этого средства ведомственных внебюджетных фондов в качестве финансовых трансфертов используются для оказания адресной финансовой поддержки бедному населению в повышении производительности труда и улучшении условий жизни.

Кредитные ресурсы. Серьезной проблемой для бедных домохозяйств являются трудности, связанные с получением банковских кредитов. Начиная со второй половины 2010-х годов кредитное финансирование, реализуемое при участии и под патронажем Руководящей группы Госсовета КНР, играет все более важную роль в реализации усилий страны по борьбе с бедностью посредством содействия развитию производства и местной экономики в целом.

Свыше 90% банковских кредитов направляется в сферу борьбы с бедностью по каналам политических, а также крупнейших государственных коммерческих банков, главную роль среди которых играет Сельскохозяйственный банк Китая (54% кредитов на цели борьбы с бедностью, 2011–2015). Помимо этого заметную кредитную активность проявляют Банк развития сельского хозяйства Китая (28%), Банк развития Китая (18%) и Почтово-сберегательный банк Китая (4%).

Значительная часть средств Сельскохозяйственного банка Китая доводится до конечных заемщиков в бедных регионах посредством перекредитования через местные отделения банка, а также через сельские коммерческие банки и кредитные кооперативы. Эти кредиты используются главным образом для реализации инфраструктурных проектов (36% общей суммы кредитов в годы 12-й пятилетки), развития малого бизнеса (17%), микрокредитования крестьянских хозяйств (7%), поддержки сельскохозяйственных стартапов (5%) и др. Банк развития сельского хозяйства Китая, средства которого на 80% формируются за счет ликвидности, поступающей от НБК, помимо прочего кредитует проекты переселения сельских жителей из отдаленных и экологически неблагополучных районов[29].

Таблица 40

Кредитное финансирование борьбы с бедностью

Виды кредитных ресурсов	**Основные кредиторы**	**Главные направления использования средств**
Кредиты на цели борьбы с бедностью	Руководящая группа Госсовета КНР, Банк развития Китая, Банк развития сельского хозяйства Китая, Сельскохозяйственный банк Китая	Предоставление бедным уездам кредитов на развитие инфраструктуры, микрокредитование крестьян, развитие малого предпринимательства, поддержку сельскохозяйственных стартапов, переселение жителей из районов застойной бедности и т.д.
Низкопроцентные кредиты на цели борьбы с бедностью	Руководящая группа Госсовета КНР, Банк развития сельского хозяйства Китая	Предоставление ведущим предприятиям местной промышленности, сельскохозяйственным кооперативам и бедным крестьянским дворам кредитов из расчета 3–5% годовых на осуществление природоохранных, инфраструктурных и иных проектов развития, в том числе на основе государственно-частного партнерства
Финансовые микрокредиты	Сельскохозяйственный банк Китая, Почтово-сберегательный банк Китая, сельские кредитные кооперативы, сельские коммерческие банки	Предоставление низкодоходным крестьянским дворам и сельским микропредприятиям льготных кредитов в размере до 50 тыс. юаней для удовлетворения их финансовых потребностей
Целевые микрокредиты	Сельские фонды взаимопомощи	Предоставление участникам фондов взаимопомощи из бедных крестьянских дворов беспроцентных микрокредитов на цели расширения производства

Источники: Report on Sustainable Financing for Poverty Alleviation in China. Beijing: UNDP, 2016.P. 14–18. URL: https://www.undp.org/china/publications/sustainable-financing-poverty-alleviation-china (accessed: 10.05.2024); Where is China's Poverty Financing from, and How It Works? / China Global Television Network // CGTN: [site]. 2020. Aug. 14. URL: https://news.cgtn.com/news/2020-08-14/Where-is-China-s-poverty-financing-from-and-how-it-works--SXaxalpxhm/index.html (accessed:12.05.2024).

С 2014 г. при поддержке НБК и Госсовета КНР после двух десятилетий пилотного апробирования происходит быстрое развитие микрокредитного бизнеса банков. Микрокредиты предоставляются крестьянским дворам и сельским микропредприятиям без каких-либо залогов и других гарантий возврата в размере до 50 тыс. юаней сроком до трех лет по субсидированным процентным ставкам. Фонды компенсации рисков по таким заимствованиям создаются властными структурами на уровне уездов.

В короткие сроки банковские микрокредиты стали важным каналом поступления финансовых средств в сельскую экономику. В 2014–2020 гг. заемщиками по таким кредитным операциям Сельскохозяйственного банка Китая, Почтово-сберегательного банка Китая и сельских коммерческих банков выступили 15 млн бедных домохозяйств, а общая сумма микрокредитов по состоянию на 2020 г. достигла 710 млрд юаней[30].

Частичной альтернативой банковскому капиталу являются микроссуды, предоставляемые обедневшим крестьянским дворам фондами взаимопомощи бедных деревень, объединяющими средства финансовых субсидий государства с индивидуальными взносами крестьян-участников. Создаваемые с 2006 г. под патронажем Руководящей группы Госсовета КНР и Министерства финансов, такие бесприбыльные финансовые структуры работают в закрытом режиме, они принадлежат, используются и управляются самими участниками фондов взаимопомощи под руководством и надзором местных органов власти.

К концу 2011 г. фонды взаимопомощи действовали в 16,3 тыс. деревень и свыше 1,1 тыс. уездов 28 провинций Китая, объединяя 27,3% местных сельских домохозяйств и 43,6% бедных домохозяйств. Общая сумма предоставленных ими микрокредитов составляла 5 млрд юаней, в том числе 2 млрд юаней пришлось на долю семей, оказавшихся в бедственном положении[31]. При относительно небольших масштабах этих операций фонды взаимопомощи смягчают финансовые ограничения роста сельской экономики, предоставляя крестьянским семьям беспроцентные микрокредиты для расширения производства.

В целом в рамках реализации «Плана действий по борьбе с бедностью и развитию сельских районов (2011–2020 гг.)» кредитные средства составили 10,6 трлн юаней, или свыше $^{3}/_{4}$ всего финансирования этой программы, отражая доминирующую в Китае идею борьбы с нищетой через развитие производства[32]. В том числе примерно 500 млрд юаней, по оценке, составили субсидируемые государством низкопроцентные кредиты Сельскохозяйственного банка Китая.

Общественные фонды финансирования. В ходе рыночной трансформации экономики в КНР сложилась довольно многочисленная группа общественных, полуобщественных и квазиобщественных структур, обладающих как определенным экономическим потенциалом, так и некоторым влиянием в обществе. В 2020 г. в Китае насчитывалось в общей сложности 757 тыс. общественных организаций[33]. Будучи формально независимыми от правительства, эти структуры наряду с частными и государственными компаниями используются руководством страны для привлечения к борьбе против бедности всех общественных групп и сообществ, способных оказать подшефным предприятиям, деревням и уездам помощь.

Эта деятельность имеет институционализированный характер, а ее содержание охватывает широкий круг действий, включая инвестиции в основные фонды, финансовые и материальные пожертвования, передачу технологий, технических и управленческих компетенций, образовательные и медицинские услуги, обмен информацией и знаниями, кадровый обмен и т.д. Реализацией всей этой разнообразной помощи занимаются различного рода общественные фонды финансирования (см. табл. 41).

Таблица 41

Общественные фонды финансирования борьбы с бедностью

Виды общественных фондов	**Доноры и распорядители средств**	**Направления использования средств**
Фонды точечной поддержки борьбы с бедностью	Партийные комитеты КПК, центральные комитеты демократических партий, государственные и общественные учреждения, крупные государственные предприятия и финансовые институты, университеты, НИИ	Направление для работы в подшефных бедных уездах квалифицированных специалистов, участие в развитии местной инфраструктуры и оздоровлении окружающей среды, образование и профессиональная подготовка местной рабочей силы, внедрение новых производственных технологий, медицинские услуги, помощь при стихийных бедствиях и т.п.
Фонды межрегионального сотрудничества «Восток–Запад»	Государственные предприятия девяти наиболее развитых провинций Восточного Китая	Инвестиции в развитие кадрового, производственного и экологического потенциала подшефных предприятий-реципиентов в 14 менее развитых провинциях Центрального и Западного Китая, передача компаниями-донорами управленческих компетенций, производственных технологий, рабочей силы и услуг.
Фонды негосударственных организаций по борьбе с бедностью	Бесприбыльные благотворительные общественные организации	Реализация общегосударственных и местных программ и проектов борьбы с бедностью, персонализированная помощь малоимущим лицам, инвалидам, жертвам стихийных бедствий и представителям других социально незащищенных групп населения.
Корпоративные фонды по борьбе с бедностью	Частные предприятия, компании иностранного капитала	Добровольные пожертвования и другие формы участия в общегосударственных и местных инициативах по борьбе с бедностью в рамках корпоративных программ социальной ответственности

Частные фонды по борьбе с бедностью	Волонтеры, доноры добровольных пожертвований и иные граждане, активно участвующие в борьбе с бедностью	Индивидуальные пожертвования в адрес органов государственного управления и общественных организаций в сфере социального обеспечения и борьбы с бедностью

Источники: Report on Sustainable Financing for Poverty Alleviation in China. Beijing: UNDP, 2016.P. 18-24. URL: https://www.undp.org/china/publications/sustainable-financing-poverty-alleviation-china (accessed: 10.05.2024); Where is China's Poverty Financing from, and How It Works? // China Global Television Network: [site]. 2020. August 14. URL: https://news.cgtn.com/news/2020-08-14/Where-is-China-s-poverty-financing-from-and-how-it-works--SXaxalpxhm/index.html (accessed:12.05.2024).

В 2013–2020 гг. фонды точечной поддержки и фонды негосударственных организаций направили свыше 100,5 млрд юаней на оказание шефской помощи охваченным бедностью уездам из провинций Западного Китая. Одновременно фонды межрегионального сотрудничества «Восток—Запад» инвестировали в подшефные предприятия Западного региона 1,1 трлн юаней[34]. Донорами значительных финансовых и кадровых ресурсов в рамках общественной помощи являются десятки тысяч государственных предприятий, а также многочисленные государственные учреждения и финансовые институты, университеты и НИИ, партийные комитеты и объединения неполитической направленности (всекитайские федерации женщин, инвалидов, благотворителей и т.д.). Все они участвуют в общенациональной кампании по сокращению бедности в соответствии с указаниями и разнарядками, поступающими от вышестоящих партийных и государственных структур и надзорных органов.

Иначе обстоит дело с частными компаниями и предприятиями иностранного капитала, получающими от властей за свою донорскую активность ряд существенных преимуществ, и прежде всего облегчение доступа к кредитам государственных банков. Как подсчитал американский исследователь Чжан Кэвэй (Бостонский университет), в среднем на каждый юань, потраченный в рамках программы борьбы с бедностью, во второй половине 2010-х годов компании получали 78,5 юаней в виде новых займов при снижении процентной ставки по новым заимствованиям на 0,06% годовых и сохранении прежнего срока погашения. Отсюда повышение оценки стоимости компаний-доноров, рост их продаж и прибыли[35].

В этих условиях в 2015–2020 гг. 127 тыс. частных фирм ассигновали из собственных средств свыше 107 млрд юаней на обучение представителей бедных домохозяйств предпринимательству, на их профессиональное образование и переподготовку с последующим предоставлением рабочих мест, на микрофинансирование и т.д. Тем самым они оказали поддержку более чем 18 млн граждан, живущим в условиях крайней нищеты, предоставили профессиональное образование более чем 1,2 млн человек и создали около 200 тыс. рабочих мест[36]. Суммарные расходы общественных фондов финансирования имеют тенденцию к быстрому росту, составив в 2021 г. , по оценке Всемирного банка, 0,5% ВВП КНР[37].

В целом в 2013–2020 гг. общий объем бюджетных и внебюджетных ресурсов, выделенных в КНР для выполнения национальной программы борьбы с бедностью, можно оценить по меньшей мере в 15,5 трлн юаней, что соответствует 2,4% совокупного объема ВВП за указанный период.

Эффективность новой стратегии

Общие результаты адресной борьбы с бедностью подтверждают эффективность новой стратегии китайского руководства. Отдаленные бедные районы Центрального и Западного Китая, ранее хронически страдавшие от неразвитости инфраструктуры, недостаточности государственных услуг и застарелой отсталости в развитии, за неполные десять лет (2012–2020) сумели преодолеть физическую изолированность от социальной и экономической жизни страны и избавиться от целого ряда проблем, препятствующих росту местной экономики. Как свидетельствует Белая книга правительства КНР о борьбе с нищетой (2021 г.), облик большого числа этих сельских районов заметно преобразился, качество жизни в них существенно возросло[38].

Выделение крупных бюджетных ассигнований позволило резко повысить уровень базовых государственных услуг для малоимущих сельских жителей. Значительно улучшился их доступ к образованию, наличие которого, как известно, помогает разорвать замкнутый круг нужды, передаваемой из поколения в поколение. В 2013–2020 гг. в бедных районах реконструировано и обновлено свыше 100 тыс. средних школ, корпус сельских учителей пополнился без малого миллионом выпускников колледжей. В результате в 2020 г. обязательное обучение в средней школе проходили 98,8% детей школьного возраста в бедных районах[39]. Показатель завершения обязательного девятилетнего среднего образования достиг 94,8%, более 13 млн выпускников средней школы из бедных семей получили последующее профессионально-техническое либо высшее образование.

Кардинально расширился доступ лиц, живущих за чертой бедности, к медицинскому обслуживанию. Это имеет большое значение, ведь болезни, утрата трудоспособности — одни из главных причин бедности. Благодаря совершенствованию трехзвенной системы медицинского обслуживания на уровне деревень, волостей и уездов, жители бедных районов получили возможность проходить лечение в близлежащих медицинских учреждениях. К началу 2020-х годов 99,8% бедного сельского населения были обеспечены базовым медицинским страхованием, позволяющим за вычетом обязательной франшизы в размере от 100 до 2500 юаней компенсировать от 50 до 95% затрат на госпитализацию и лечение хронических и особо сложных заболеваний в зависимости от провинции, типа и статуса лечебного учреждения[40].

Наконец, в 2012–2020 гг. в бедных районах была развернута комплексная система социального обеспечения. Около 19,4 млн малоимущих граждан были охвачены субсидиями бюджетных фондов борьбы с бедностью и пособиями *дибао*. Средний размер последних увеличился на 188,3%, составив в 2020 г. 5962 юаня в расчете на год против 2 068 юаней в 2012 г. Еще почти 61 млн человек были включены в базо-

вую пенсионную программу для городских и сельских жителей, а сами пенсии, выплачиваемые по достижении 60 лет, были повышены. Это относится и к субсидиям на медицинское страхование для малоимущих граждан старшего возраста. Была введена в действие система ухода за пожилыми людьми, взрослые дети которых переехали в город на заработки. Был усилен уход за малоимущими возрастными жителями, которые утратили способность самостоятельно заботиться о себе. Все это позволило практически полностью охватить бедное население мерами социальной заботы и поддержки.

Неменьшее значение имело и быстрое развитие в районах крайней бедности транспортных и энергетических сетей, средств связи и других элементов инфраструктуры, создающей условия для расширения деловой активности. К концу 2020 г. в бедных районах было построено и реконструировано 1,1 млн км автодорог с твердым покрытием и 35 тыс. км новых железнодорожных линий, обеспечивших доступность бедных сельских поселений для почтовой связи и регулярного транспортного сообщения с другими территориями страны.

Благодаря проектам по строительству и модернизации местных электросетей и каналов передачи электроэнергии заметно улучшился доступ бедных районов к электричеству. К концу 2020 г. все сельские поселения были подключены к магистральным электрическим сетям, надежность электроснабжения достигла 99,8%. Была расширена инфраструктура современной связи. Более 98% бедных деревень получили доступ к оптоволоконной связи и широкополосному интернету, а с ним — к дистанционному образованию, электронной коммерции, телемедицине и другим элементам современной рыночной среды. Примерно 80% деревень имеют пункты информационного обслуживания, связанные с сельским хозяйством и агробизнесом. Услуги телемедицины охватили все бедные уезды. В целом информационные технологии получили широкое развитие в бедных районах Китая.

Необходимо отметить и улучшение других элементов сельской инфраструктуры. С 2015 по 2020 г. охват жителей бедных уездов централизованным водоснабжением увеличился с 70 до 83%, причем 62,6% сельских домохозяйств обеспечены очищенной водопроводной водой. Площадь орошаемых сельскохозяйственных угодий возросла более чем на 5,35 млн га, а объем водоснабжения увеличился на 18,1 млрд кубометров. Таким образом, модернизация системы водоснабжения не только способствует повышению качества жизни в бедных районах, но и оказывает существенную поддержку развитию сельского хозяйства и местной экономики в целом.

В 2013–2020 гг., используя целевые государственные субсидии, свыше 57% бедных сельских домохозяйств отремонтировали свои ветхие глинобитные жилища либо получили новое жилье в рамках программы переселения[41]. Это позволило улучшить жилищные условия в общей сложности 35,2 млн малоимущих граждан. В 2017 г. средние размеры государственной жилищной субсидии в расчете на одну семью были увеличены с 8500 до 14 000 юаней. В настоящее время 46,2% сельских домохозяйств используют для бытовых нужд природный либо сжиженный газ, а 68% их жилищ оборудованы канализацией. Более 90% деревень имеют доступ к средствам сбора и утилизации бытовых отходов, более четверти обеспечивают эффективную очистку бытовых сточных вод[42].

Важной вехой в борьбе с нищетой стало переселение 9,6 млн жителей депрессивных районов, страдающих от суровых погодных условий и стихийных бедствий. В новых местах проживания для них было построено 35 тыс. поселений и 2,66 млн единиц жилья, созданы рабочие места (вспомогательные объекты, промышленные парки, мастерские), обеспечивающие переселенцам стабильный доход и равный доступ к использованию социальной инфраструктуры (детские сады, школы, больницы, дома престарелых и т.д.). После переезда были трудоустроены представители 94,1% переселенных семей, члены которых обладают трудоспособностью, и 73,7% общего числа переселенцев. Все они в итоге избавились от нищеты и существенно улучшили свои жизненные условия.

Главное, однако, заключается в том, что в ходе общенациональной кампании по борьбе с бедностью были дополнительно выявлены сравнительные преимущества бедных районов, произошла определенная диверсификация их экономики вкупе с высвобождением созидательного потенциала и повышением деловой мотивации местных жителей. В этом основное содержание проводимой руководителями КНР политики борьбы с бедностью через развитие производства. «Повышение доходов благодаря развитию промышленности, — отмечал Си Цзиньпин, — является главным и долгосрочным планом в деле ликвидации бедности»[43].

Опираясь на сотрудничество между восточными и западными регионами, правительство стимулировало перенос с востока на запад страны предприятий пищевой, швейной и других трудоемких отраслей промышленности. На этой основе в депрессивных районах Центрального и Западного Китая было организовано более 300 тыс. баз индустриального развития с большим потенциалом повышения занятости населения и роста местной экономики.

От 25 до свыше 40% ассигнований местных бюджетов на борьбу с бедностью используется для развития сельского предпринимательства. Предлагая местным предпринимателям государственные субсидии, банковские кредиты и инвестиции, уездные власти обусловливают получение этих средств открытием нового дела либо расширением уже имеющегося бизнеса с созданием новых рабочих мест для трудоустройства представителей бедных домохозяйств. Принимая указанное обязательство, предприятия, помимо безвозмездных вливаний государственного капитала, получают и щедрые налоговые льготы. С этой целью, в частности, в ряде местностей были созданы специальные «парки предпринимательства для вернувшихся трудовых мигрантов». В конечном итоге посредством создания так называемых баз занятости и использования эффекта «финансового просачивания» частные бизнес-проекты были встроены в национальную кампанию борьбы с бедностью[44].

Альтернативная схема предполагает выдачу самим бедным домохозяйствам целевых бюджетных субсидий для внесения в качестве пая в создаваемый сельский кооператив с последующим получением фиксированного годового дохода от его деятельности. Наконец, бедные крестьянские хозяйства также поощряются к развитию собственного производства при помощи финансовой поддержки в виде бюджетных субсидий и инклюзивных банковских микрокредитов.

В результате в 2012–2020 гг. учреждено свыше 14 тыс. крупных промышленных объектов уровня провинции, создано 719 тыс. сельских кооперативов, зарегистри-

ровано 12 тыс. новых перспективных брендов агропродукции. Почти $^{3}/_{4}$ бедных крестьянских дворов установили кооперационные связи с современными предприятиями агробизнеса, развивая коллективные формы хозяйствования. Использование новых транспортных и коммуникационных возможностей способствует развитию экологического туризма и сопутствующих услуг, приносящих дополнительные доходы жителям многих отдаленных уездов центральных и западных регионов страны.

Значительный прогресс в развитии местной экономики во многом обусловлен научно-техническим сотрудничеством. Почти 300 тыс. технических специалистов участвовали в запуске 37,6 тыс. различных высокотехнологичных программ и внедрили в производство более 50 тыс. передовых производственных технологий и новых сортов сельскохозяйственной продукции. В общей сложности в бедных районах страны было создано 1290 инновационных платформ и бизнес-стартапов, консультациями специалистов в области новых технологий воспользовались 77 тыс. сельских жителей.

Особо следует остановиться на электронной торговле. В 2014 г. Китай запустил Национальный демонстрационный проект по внедрению электронной коммерции в сельских районах с участием всех 832 бедных уездов и инвестировал в эту инициативу почти 25 млрд юаней. Работающие на платформах электронной коммерции компании (*Alibaba*, *JD.com* и др.) создали и внедрили инклюзивные бизнес-модели и благотворительные программы для расширения доступа бедных районов к рынкам. В результате в 2019 г. розничные онлайн-продажи сельскохозяйственной и ремесленной продукции жителями бедных уездов достигли 239,2 млрд юаней. В целом к началу 2020-х годов благодаря развитию онлайн-торговли в сельских районах создано свыше 28 млн рабочих мест, повышены доходы более 3 млн малообеспеченных домохозяйств[45].

Показательным примером является и сооружение правительством в бедных деревнях небольших фотовольтаических электростанций, которые после ввода в строй передаются в коллективную собственность местных жителей. При этом учреждаются акционерные общества или товарищества, участниками которых становятся жители бедной деревни. По состоянию на конец 2020 г., общая мощность таких фотовольтаических систем, установленных в 100 тыс. деревень, составила 18,65 млн кВт, а средний годовой доход от их эксплуатации достиг 200 тыс. юаней в расчете на одну деревню. Полученный доход распределяется между пайщиками, а также используется для открытия новых вакансий в сфере социального обеспечения на местном уровне, для финансирования локальных социальных инициатив, предоставления точечных субсидий наиболее нуждающимся и т.д.

Таким образом, политика сокращения бедности в Китае прежде всего направлена на искоренение причин этого явления, на оказание бедным слоям населения содействия в достижении экономической самостоятельности. Это требует от государства и общества более крупных и долговременных инвестиций и более сложных организационных усилий, чем распределение единовременной денежной помощи. Чтобы принимаемые правительством меры были эффективными, необходимы также мотивация к развитию, предприимчивость и трудолюбие самих получателей по-

мощи. В ходе адресной борьбы с бедностью органы государственного управления налаживают контакты обедневших объектов государственной помощи с рынком, создают благоприятные условия для развития их деловой активности и бесперебойной работы рыночных механизмов, предоставляют соответствующие услуги. Придание новой динамики процессам роста и развития местной экономики генерирует дополнительные доходы крестьянских хозяйств и тем самым препятствует возвращению сельской бедности. Предполагается, что с течением времени, по мере стабилизации работы новых субъектов рынка и укрепления их экономических взаимосвязей, мобилизационная составляющая политики борьбы с бедностью будет отходить на второй план, уступая место естественному действию рыночных сил.

Таблица 42

Сельская бедность в КНР: динамика 2013–2020 гг.

Год	Расходы госбюджета на борьбу с бедностью (млрд юаней)	Бедное население сельских районов (млн чел.)	Коэффициент сельской бедности (%)*	Среднедушевой располагаемый доход бедного сельского населения (юаней)	Коэффициент дохода (%)**
2012	…	98,99	10,2	…	…
2013	111,1	82,49	8,5	6079	64,5
2014	129,9	70,17	7,2	6852	65,3
2015	146,5	55,75	5,7	7653	67,0
2016	236,5	43,35	4,5	8452	68,4
2017	308,5	30,46	3,1	9377	69,8
2018	384,5	16,60	1,7	10 371	71,0
2019	442,5	5,51	0,6	11 567	72,2
2020	498,5	0	0	12 588	73,5

* Удельный вес зарегистрированного бедного населения в сельских районах.

** Отношение среднего располагаемого дохода бедного сельского населения к общему располагаемому доходу жителей сельских районов.

Источники: Poverty Alleviation. China’s Experience and Contribution. Beijing: Foreign Language Press, 2021. P. 13, 15, 147 // The State Council of the PRC: [site]. 2021. April 6. URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202104/06/content_WS606bc77ec6d0719374afc1b9.html (accessed: 10.05.2024); *Sicular T.* Will China Eliminate Poverty in 2020? // CLM China Leadership Monitor: [site]. 2020. Issue 66. December 1. P. 11. URL: https://www.prcleader.org/post/will-china-eliminate-poverty-in-2020 (accessed: 12.05.2024); China Statistical Yearbook 2021. Beijing: China Statistics Press, 2021. Tables 6-11, 6-36. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022).

Как свидетельствует табл. 42, в 2013–2020 гг. душевой располагаемый доход сельского населения в бедных районах Китая увеличился в два с лишним раза — с 6079 до 12 588 юаней, а среднегодовые темпы его прироста составили 11,6% против 9,3% в целом по всем сельским районам страны. Если в 2013 г. размеры среднедушевого располагаемого дохода бедного населения соответствовали примерно $^{2}/_{3}$ аналогичного показателя для всех жителей сельских районов КНР, то в 2020 г. указанное соотношение выросло почти до $^{3}/_{4}$. В 2013–2020 гг. из состояния бедности в общей сложности вышли около 100 млн человек, в среднем более чем по 12 млн человек ежегодно.

В результате опережающего роста благосостояния жителей бедных районов к концу 2020 г. из состояния абсолютной бедности был выведен не только последний целевой уезд, но и последнее крестьянское домохозяйство, коэффициент сельской бедности снизился до нуля против 10,2% в 2012 г. В этих условиях на сессии ВСНП в марте 2021 г. было объявлено о достигнутой в КНР окончательной победе над абсолютной бедностью. Естественным результатом этого является наблюдаемое в последние годы неуклонное сокращение разрыва в доходах городского и сельского населения Китая. Если в 2010 г. соотношение среднедушевых располагаемых доходов в городе и деревне составляло 3 : 1, то в 2020 г. — уже 2,56 : 1[46].

Вместе с тем полноценное развитие внутреннего рынка наряду с ростом доходов населения требует и создания комфортных условий для их использования на потребительские нужды. Это тем более справедливо для жителей Китая, в традиции которых заложено сбережение значительной части текущих доходов на медицинское обслуживание, образование детей, обеспечение собственной старости, возможные непредвиденные расходы. Для того чтобы подтолкнуть население к более активному использованию имеющихся средств на нужды потребления, требуется укрепить уверенность людей в защищенности их жизни.

В этих условиях в КНР взят курс на полный охват системой социального обеспечения всех слоев китайского общества. В Китае создана крупнейшая в мире всеобъемлющая многоуровневая система социального обеспечения, гарантирующая основные жизненные потребности населения. В 2021 г. базовое медицинское страхование охватывало более 1,3 млрд человек, базовое накопительное страхование по старости — 1 млрд жителей КНР, страхование по безработице — 222 млн человек, страхование от производственного травматизма — 274 млн человек[47]. В 2021 г. средняя продолжительность жизни в Китае достигла 77,9 года, увеличившись на 2,5 года за период с начала 2010-х годов[48].

Все это происходит на фоне устойчивого роста среднедушевого ВВП и доходов населения в целом, стимулируемых политикой государства, направленной на увеличение заработной платы и социальных выплат, повышение закупочных цен в сельском хозяйстве, снижение налоговой нагрузки и т.п. В 2020 г. среднедушевые располагаемые доходы населения достигли 32 189 юаней, в 2,6 раза превысив уровень 2010 г. Отсюда прогрессирующее повышение качества жизни в КНР: за второе десятилетие XXI в. коэффициент Энгеля (средняя доля семейных расходов на приобретение пищи) снизился в городах с 31,9 до 29,2%, и с 37,9 до 32,7% — в деревне[49].

Тип потребления, основанного на прожиточном минимуме, последовательно уступает место модели, направленной на большую самореализацию и комфорт. Потребление таких услуг, как общественное питание, платная медицина, высшее образование, туризм, культура и развлечения составляют сегодня примерно половину потребительских расходов граждан Китая. Люди стремятся к покупке и оборудованию современного жилья, к приобретению автомобилей и других транспортных средств и т.д. Все это свидетельствует о формировании в КНР среднего класса, являющегося по своим количественным параметрам крупнейшим в мире и составляющим по данным ГСУ КНР более 400 млн человек*. Масштабы и динамика происходящих в обществе изменений позволили Компартии Китая к своему столетнему юбилею в 2021 г., как и было в 2012 г. намечено на XVIII партийном съезде, объявить о выполнении задачи столетия — всестороннем построении среднезажиточного общества.

Вместе с тем, несмотря на все успехи и достижения, ситуация не является статичной. Как и повсюду в мире, ликвидация абсолютной бедности в текущем режиме еще не означает окончательного искоренения этого общественного явления в Китае. Стихийные бедствия, неурожаи, болезни и нетрудоспособность, внезапные спады рыночной конъюнктуры, срочная потребность в экстраординарных расходах и т.д. — все эти непредсказуемые и подчас непреодолимые обстоятельства нередко являются важным фактором возвратной бедности, когда отдельные семьи или даже целые поселения после преодоления своего бедственного положения вновь попадают в него. По оценке китайских специалистов, в 2019 г., например, в КНР насчитывалось примерно 5 млн человек, подвергнутых риску возвратной либо первичной бедности. Сохранялись и проблемы с жизнеобеспечением определенной части из почти 10 млн малоимущих, переселенных из районов с суровыми физико-географическими условиями[50].

Таким образом, меры адресной борьбы с бедностью сохранили свою актуальность и после 2020 г. В частности, в 2022 г. государство продолжало оказывать помощь малоимущим гражданам в трудоустройстве, более развитые восточные регионы страны по-прежнему патронировали провинции и автономные районы Западного Китая.

Кроме того, как и во многих странах со средним и высоким уровнем дохода, после преодоления абсолютной нищеты на авансцену общественного развития в Китае выходит так называемая относительная бедность. По своему содержанию она является частью не менее сложной проблемы социального неравенства и наряду с чисто имущественными различиями отражает неравномерность развития отдельных регионов страны, равно как и перепады в уровне жизни между городскими и сельскими поселениями. К тому же относительная бедность — явление многомерное, определение которого, помимо прочего, требует учета таких разноплановых аспектов, как качество образования и здравоохранения, характер занятости,

* В начале 2020-х годов к разряду лиц со средним уровнем дохода статистика КНР относила семьи из трех человек с годовым доходом в размере от 100 до 500 тыс. юаней (от 15,2 до 76 тыс. долл.).

участие в общественной и политической жизни, социальный статус и т.д.[51]. В отличие от абсолютной бедности, здесь намного сильнее выражен субъективный, оценочный характер явления. Пороговое значение относительной бедности, как правило, устанавливается в определенном соотношении со среднедушевым располагаемым доходом и, таким образом, изменяется по мере роста жизненного уровня, отражая сопутствующие перемены в обществе.

По мнению представителей Китайской академии общественных наук, стандарт относительной бедности в КНР целесообразно установить в размере 50% от медианного значения располагаемого дохода на душу населения, что соответствует аналогичному показателю в странах ОЭСР, но на 10 процентных пунктов ниже, чем принято в ЕС[52]. В этом случае по состоянию на конец 2010-х годов национальный стандарт относительной бедности составил бы 9890 юаней, а численность бедных по всей стране — 280 млн человек, или 20% ее населения. Из общего числа бедных около 40 млн человек проживают в городах, остальные — в сельской местности при уровне бедности в 5% и 42% соответственно[53]. Все это свидетельствует о том, что в обозримой перспективе борьба с бедностью должна выйти на новый уровень, приобретая более сложный, разносторонний и сбалансированный характер.

Как отмечают китайские экономисты, после 2020 г. цели и задачи борьбы с бедностью станут неотъемлемой частью национальной стратегии развития, а организация указанной борьбы, освободившись от характерных признаков массовой кампании, будет интегрирована в единую систему социальной защиты и тем самым приобретет целостный, долгосрочный характер. Дальнейшее повышение уровня жизни бедных слоев населения предполагает совершенствование правовой базы, выравнивание базовых услуг государства в городах и сельской местности, а также расширение роли общественных организаций. Результатом всего этого в период до 2035 г. должно стать снижение разницы в доходах между различными социальными слоями, сокращение региональных разрывов в развитии, смягчение перепадов в уровне жизни городского и сельского населения и в конечном итоге «общее процветание всех граждан КНР»[54].

Примечания

[1] *Сунь Фаньси*, *Александрова М.В.* Бедность в КНР: критерии и возможные причины возврата к бедности. С. 95. DOI: 10.24412/2071-6435-2023-2-92-116. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-v-knr-kriterii-i-vozmozhnye-prichiny-vozvrata-k-bednosti/viewer (дата обращения: 10.05.2024).

[2] *Diallo F.* China's Anti-Poverty Efforts: Problems and Progress Focus Asia. 2019. March. P. 4 // Institute for Security & Development Policy: [site]. URL: https://isdp.eu/wp-content/uploads/2019/03/Chinas-Anti-Poverty-Efforts-FA-FINAL.pdf (accessed: 16.05.2024).

[3] *Мэй Чуньцай*. Опыт Китая в искоренении бедности // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 3. С. 21. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-3-19-25. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-kitaya-v-iskorenenii-bednosti/viewer (дата обращения: 20.05.2024).

[4] Poverty Alleviation. China's Experience and Contribution. Beijing: Foreign Language Press, 2021. P. 8 // The State Council of the PRC: [site]. 2021. April 6. URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202104/06/content_WS606bc77ec6d0719374afc1b9.html (accessed: 10.05.2024).

[5] Four Decades of Poverty Reduction in China. Drivers, Insights for the World, and the Way Ahead. Washington D.C.: The World Bank, 2022. P. 39. URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/e9a5bc3c-718d-57d8-9558-ce325407f737/content (accessed: 10.05.2024).

[6] *Sicular T.* Will China Eliminate Poverty in 2020? // CLM China Leadership Monitor: [site]. 2020. Issue 66. December 1. P. 4–5. URL: https://www.prcleader.org/post/will-china-eliminate-poverty-in-2020 (accessed: 12.05.2024).

[7] *Сунь Фаньси*, *Александрова М.В.* Цит. соч. С. 94.

[8] Poverty Alleviation. China's Experience and Contribution. Op. cit. P. 9.

[9] *Бони Л.Д.* Ликвидация бедности в Китае. Ч. 1 // Азия и Африка сегодня. 2020. № 8. С. 10. DOI: 10.31857/S032150750010444-0.

[10] *Си Цзиньпин*. О государственном управлении. Т. III. 1-е изд. Пекин: Изд-во литературы на ин. языках, 2021. С. 223.

[11] Four Decades of Poverty Reduction in China. Op. cit. P. 55.

[12] Chinese Poverty Alleviation Studies: A Political Economy Perspective. Beijing: New China Research, 2021. P. 25. URL: http://www.xinhuanet.com/english/special/2021jpxbg.pdf (accessed: 12.05.2024).

[13] История десяти деревень: путь адресной помощи бедным / Под ред. Лю Вэй [и др.]; пер. с кит. Ф.М. Долгачева [и др.]. Чанша: Просвещение, пров. Хунань, 2021. С. 038.

[14] Там же.

[15] *Sicular T.* Op. cit. P. 5.

[16] *Xu Dawei*. China's Anti-Poverty Methodology // Teller Report: [site]. 2020. October 11. URL: https://www.tellerreport.com/news/2020-10-11-china-s-anti-poverty-methodology.SJSFt6CyDD.html (accessed: 17.05.2024).

[17] Ibid.

[18] China's Epic Journey from Poverty to Prosperity: White Paper. Beijing: s.n., 2021. P. 36 // The State Council of the PRC: [site]. 2021. September 28. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202109/28/content_WS61528550c6d0df57f98e0ffa.html (accessed: 10.05.2024).

[19] Four Decades of Poverty Reduction in China. Op. cit. P. 44, 55.

[20] *Diallo F.* Op. cit. P. 4.

[21] Poverty Alleviation. China's Experience and Contribution. Op. cit. P. 35.

[22] Chinese Poverty Alleviation Studies. Op. cit. P. 31.

[23] *Tongwei Qiu*, *Xinjie Shi*, *Yifei Li*, *Biliang Luo*. Economic Performance of Fiscal anti-Poverty Funds in China // The Journal of Development Studies. 2023. Vol. 60. Issue 5. P. 4. DOI: 10.1080/00220388.2023.2284662. ResearchGate: [site]. URL: https://www.researchgate.net/publication/376015814_Economic_Performance_of_Fiscal_anti-Poverty_Funds_in_China (accessed: 15.05.2024).

[24] *Boullenois C.* Poverty Alleviation in China: The Rise of State-Sponsored Corporate Paternalism // China Perspectives. 2020. No 3. P. 51. DOI: https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.10456. Open Edition Journals: [site]. URL: https://journals.openedition.org/chinaperspectives/10456 (accessed: 14.05.2024).

[25] *Tongwei Qiu*, *Xinjie Shi*, *Yifei Li*, *Biliang Luo*. Op. cit.

[26] Four Decades of Poverty Reduction in China. Op. cit. P. 55.

[27] Подсчитано по: Poverty Alleviation. China's Experience and Contribution. Op. cit. P. 47.

[28] Chinese Poverty Alleviation Studies. Op. cit. P. 29.

[29] Report on Sustainable Financing for Poverty Alleviation in China. Beijing: UNDP, 2016. P. 14–15. URL: https://www.undp.org/china/publications/sustainable-financing-poverty-alleviation-china (accessed: 10.05.2024).

[30] Poverty Alleviation. China's Experience and Contribution. Op. cit. P. 37.

[31] Report on Sustainable Financing for Poverty Alleviation in China. Op. cit. P. 18.

[32] Poverty Alleviation. China's Experience and Contribution. Op. cit. P. 48.

[33] *Xu Dawei*. Op. cit.

[34] Poverty Alleviation. China's Experience and Contribution. Op. cit. P. 53.

[35] How Participation in China's Poverty Alleviation Campaign Affected Firm Performance and Access to Credit // Stanford University: [site]. Updated September 15, 2023. URL: https://sccei.fsi.stanford.edu/china-briefs/how-participation-chinas-poverty-alleviation-campaign-affected-firm-performance-and (accessed: 05.05.2024); Poverty Alleviation. China's Experience and Contribution. Op. cit. P. 54.

[36] *Kewei Zhang*. Finding Credit at the Bottom of the Pyramid: Chinese State Lending and Corporate Investment in Impoverished Areas: Working Paper. Boston: Department of Economics Boston University. 2021. November 12. P. 9. URL: https://f3cbf37b-1b5c-4db6-baa7-07d4e64ebd52.filesusr.com/ugd/76bc0e_515afb73dc4d4566834b749c1c2a7761.pdf (accessed: 25.05.2024).

[37] Four Decades of Poverty Reduction in China. Op. cit. P. 45.

[38] Дальнейшие сведения о результатах борьбы с бедностью в 2012–2020 гг., если не указано иное, почерпнуты из Белой книги Госсовета КНР от 06.04.2021: Poverty Alleviation. China's Experience and Contribution. Op. cit. P. 12–22, 35–44.

[39] Данные ГСУ КНР и Руководящей группы Госсовета КНР по делам оказания помощи в развитии бедных районов. Приводятся по: Four Decades of Poverty Reduction in China. Op. cit. P. 49.

[40] *Lin Shuanglin*. China's Public Finance. Reforms, Challenges, and Options. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. P. 272. DOI: 10.1017/9781009099028 (accessed: 10.04.2023).

[41] Данные ГСУ КНР и Руководящей группы Госсовета КНР по делам оказания помощи в развитии бедных районов. Приводятся по: Four Decades of Poverty Reduction in China. Op. cit. P. 49.

[42] China's Epic Journey from Poverty to Prosperity: White Paper. Op. cit. P. 40.

[43] *Си Цзиньпин*. Цит. соч. С. 230.

[44] *Boullenois C.* Op. cit. P. 50, 53–54.

[45] Four Decades of Poverty Reduction in China. Op. cit. P. 47.

[46] China's Epic Journey from Poverty to Prosperity. Op. cit. Chart 4.

[47] Ibid.

[48] *Новоселова Л.В*. Современный Китай: смена экономической парадигмы // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 10. С. 27. DOI: 10.20542/0131 – 2227 – 2022 – 66 – 10 – 24 – 33.

[49] Там же.

[50] *Sicular T*. Op. cit. P. 10.

[51] *Сунь Фаньси*, *Александрова М.В*. Цит. соч. С. 99.

[52] The New Journey of China's Economic and Social Development / Ed. by Fuzhan Xie [et al.]; transl. by Yisheng Wu [et al.]. Beijing [et al.]: China Social Sciences Press [et al.], 2023. P. 175. DOI: 10.1007/978-981-19-7915-6 (accessed: 23.06.2023).

[53] *Sicular T*. Op. cit. P. 11.

[54] The New Journey of China's Economic and Social Development. Op. cit. P. 158–161.

Глава 6

Создание «экологической цивилизации»

Форсированный экономический рост на основе экстенсивной энерго- и ресурсозатратной модели развития привел к серьезному нарушению и истощению природной среды в КНР в начале нынешнего столетия. Ситуация дополнительно осложнялась стремительными темпами урбанизации. Повышение роли городов и опережающий рост городского населения связаны с появлением новых индустриальных центров, потребляющих огромное количество энергии. В свою очередь, сооружение этих производственных комплексов, равно как и собственно возведение городского жилья, требует все новых строительных материалов, производство которых отличается высокой энергоемкостью. Немаловажным фактором негативного воздействия на окружающую среду явилась и быстрая автомобилизация страны. В 2018 г. в личной собственности граждан КНР находилось 240 млн автомобилей против примерно 27 млн в 2004 г.

Экологические проблемы и цели экологической политики

Львиная доля (до $^{2}/_{3}$) энергетического баланса страны традиционно приходится на уголь, по выпуску которого Китай уже давно занимает первое место в мире. При этом Китай имеет крупнейшие производственные мощности по ряду ключевых видов промышленной продукции с высокой энергоемкостью (сталь, алюминий, цемент, пластмассы, метанол, аммиак и др.), обеспечивая в ряде случаев более 50% их мирового производства. Энергопотребление этих производств составляет около 60% валового конечного энергопотребления страны[1]. В этих условиях КНР использует больше угля, чем весь остальной мир в целом. Высокая углеродоемкость промышленного производства и электрогенерации обусловила многие экологические проблемы Китая.

Прежде всего следует сказать об огромных выбросах загрязняющих веществ в атмосферу. Обойдя США, Китай стал главным источником таких выбросов еще

в 2005 г. В 2010-е годы, обеспечивая около 30% глобального выброса парниковых газов, КНР ежегодно «поставляла» в атмосферу диоксид углерода, диоксид серы, диоксид азота и метан в бóльших масштабах, чем любая другая страна мира. В результате состояние воздушной среды в крупных городах Китая не отвечало стандартам Всемирной организации здравоохранения. Уровень загрязненности воздуха в 80% крупных городов Китая представлял опасность для здоровья и жизни человека, провоцируя распространение респираторных, сердечно-сосудистых и цереброваскулярных заболеваний, а семь китайских мегаполисов вошли в десятку наиболее загрязненных городов мира. По имеющимся оценкам, загрязнение воздуха в Китае ежегодно приводит к 1,1 млн преждевременных смертей.

Качество воздушной среды тесно связано с состоянием водных ресурсов. В Китае, имеющем около 20% населения нашей планеты и только 7% ее источников пресной воды, этот вопрос приобретает особое значение. К тому же в ходе форсированного роста экономики лишь 20% промышленных стоков подвергались очистке. В результате от сильного загрязнения страдали 75% рек и озер Китая, а также 90% его грунтовых вод. Во многих густонаселенных районах страны качество воды не отвечает минимальным требованиям безопасности[2].

Из-за водного кризиса, небрежной практики земледелия и животноводства, а также негативных климатических изменений более четверти пахотных земель КНР имели признаки опустынивания и каменистого опустынивания, включая эрозию почв. В начале 2010-х годов 20% сельхозугодий и 16% почвы были загрязнены тяжелыми металлами, мышьяком, пестицидами, химическими удобрениями и другими промышленными и сельскохозяйственными отходами. Превращение сельскохозяйственных земель в непригодные для культивации территории наносит ущерб экономическому развитию отдельных сельских районов, продуцирует бедность, вызывает нехватку продовольствия и в конечном итоге негативно отражается как на продовольственной безопасности страны, так и на международной конкурентоспособности ее сельскохозяйственного экспорта. В 2010-е годы США, Япония и ряд других стран, ссылаясь на национальные экологические стандарты, приступили к ограничению импорта сельскохозяйственной продукции из Китая[3].

В целом, по оценке Министерства экологии и окружающей среды КНР, общая стоимость рукотворного ущерба, наносимого природе, в 2010 г. составила 1,5 трлн юаней, или примерно 3,5% ВВП[4]. При этом, как и во многих других странах, деградация окружающей среды в Китае по мере своего усиления становится серьезным фактором роста общественного недовольства и усиления социальной напряженности. Так, в 2013 г. в КНР было зафиксировано свыше 712 акций протеста, связанных с экологией, против 544 годом ранее. Количество обращений и петиций граждан, обусловленных экологическими проблемами, в 2011–2015 гг. увеличилось с 1,05 до 1,77 миллиона[5]. Все это свидетельствует о постепенном превращении экологии в реальную политическую проблему.

В этих условиях в 2012 г. экологическая проблематика остро прозвучала на XVIII съезде КПК, в партийный устав было включено положение о создании в КНР «экологической цивилизации». На очередном, XIX съезде партии (октябрь 2017 г.) это положение получило дальнейшее развитие в виде своеобразной программы за-

щиты окружающей среды и ресурсосбережения в рамках провозглашенного Си Цзиньпином курса на «великое возрождение китайской нации» и построение «прекрасного Китая».

Предложенное Си Цзиньпином «форсирование реформы системы экологической цивилизации», в частности, предусматривает стимулирование «зеленого» развития на базе новых технологий и экологически чистых производств. Одновременно предполагается концентрация усилий на решении наиболее острых экологических проблем посредством борьбы с атмосферным загрязнением, обеззараживания и рекультивации почвы и воды, утилизации мусора, твердых отходов и т.д. Планируется усилить охрану окружающей среды, повысив административную и экономическую ответственность руководящих кадров за ее загрязнение, ограничить изъятие сельхозугодий на цели урбанизации, обеспечить восстановление потенциала лесов, рек и озер. Специальное внимание уделено реформе экологического контроля и мониторинга, созданию системы управления окружающей средой, в том числе на глобальном уровне[6].

Впоследствии, выступая в мае 2018 г. на Всекитайском совещании по охране окружающей среды, Си Цзиньпин провозгласил защиту и улучшение экологии «ключевой составляющей государственной политики» и детально конкретизировал план действий в сфере экоохраны и ресурсопользования. При этом была подчеркнута необходимость «совместно планировать и реализовывать строительство экологической цивилизации в глобальном масштабе»[7].

Последнее связано с присоединением Китая в 2016 г. к Парижскому соглашению по климату, объединяющему обязательства практически всех стран мира в области сокращения выбросов парниковых газов и предотвращения негативных климатических сдвигов. С учетом особенностей китайской экономики правительство КНР определило вклад страны в достижение долгосрочных целей Парижского соглашения. В сентябре 2016 г. соглашение было ратифицировано Постоянным комитетом ВСНП, а в сентябре 2020 г. Китай дополнительно повысил свои обязательства в ходе 75-й сессии Генеральной ассамблеи ООН.

Обязательства Китая предусматривают прекращение роста выбросов углекислого газа к 2030 г. и достижение к 2060 г. «углеродной нейтральности», в рамках которой все выбросы будут нейтрализованы с помощью очистных технологий, перехода на менее токсичные материалы и высадки деревьев, поглощающих CO_2 из атмосферы. Указанная «двойная цель по декарбонизации» является основой современной экологической политики КНР. Не случайно 14-й пятилетний план экономического и социального развития КНР на 2021–2025 гг. в качестве обязательного показателя предусматривает снижение углеродоемкости китайской экономики (объема выброса двуокиси углерода на единицу ВВП) на 18%. Провинции Китая также включили целевые параметры «зеленого» и низкоуглеродного развития в планы на 14-ю пятилетку с учетом собственных целей и задач[8].

В целом к 2030 г. углеродоемкость экономики КНР должна быть снижена на 65% по сравнению с уровнем 2005 г. Одновременно лесной фонд КНР должен быть увеличен на 6 тыс. куб. м и распространится на четверть территории страны. При этом к 2030 г. общая установленная мощность ветро- и гелиоэнергетики должна

превысить 1,2 млрд кВт, а доля генерации на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ) возрастет до 25% потребления первичных энергоресурсов[9].

Взятые в совокупности, все эти показатели составляют определенный самим Китаем вклад КНР в выполнение задач Парижского соглашения по климату (nationally determined contribution, NDC). По мнению ряда экспертов, некоторые из обязательств КНР не в полной мере согласуются с Парижским соглашением. Для этого, например, Китаю надо было бы достичь пика выбросов CO_2 не к 2030 г., а на пять лет раньше указанного срока. Однако, как отмечают в Китае, работа по снижению углеродного следа «не должна подрывать национальную энергетическую и продовольственную безопасность, а также стабильность производственных и логистических цепочек».

К 2060 г. правительство КНР намерено обеспечить создание в стране чистой, низкоуглеродной, безопасной и эффективной энергетической системы, повысить эффективность использования энергии до международного уровня и увеличить долю неископаемых видов топлива в потреблении первичных энергоресурсов до более 80%.

Для того чтобы выполнить все эти задачи, размеры природоохранных инвестиций Китая должны быть увеличены в среднем до 6% ВВП против примерно 1,8% в конце 2010-х годов[10]. К 2050 г. только инвестиции в развитие «зеленых» технологий могут составить более 2% ВВП Китая, а оценки общих затрат КНР на выполнение NDC в течение следующих трех-четырех десятилетий колеблются в размере от 100 до 500 трлн юаней[11].

Организационно-правовой инструментарий экологической политики

Отправным пунктом нового курса экологической политики КНР является совершенствование нормативной базы природоохранной деятельности. За годы реформ в Китае сформировано весьма солидное экологическое законодательство, включая базовый Закон КНР о защите окружающей среды (1989 г., с изменениями от 2014 г.), десятки общегосударственных законов, положений и стандартов по различным аспектам природоохранной деятельности, а также сотни местных правил и нормативов. Однако в условиях приоритета высоких темпов экономического роста и ориентированной на экспорт масштабной индустриализации вся эта многоярусная нормативная база во многом носила формальный характер.

Создание экологической цивилизации, таким образом, требует не только пересмотра и уточнения многих положений действующих юридических документов, но и принятия новых, более совершенных законов и, что не менее важно, значительного усиления мер правоприменения, мониторинга и контроля. В 2015–2021 гг. были приняты или изменены такие важные нормативные акты, как Закон о предотвращении и контроле загрязнения атмосферы (2015 г.), Закон о предотвращении и контроле загрязнения воды (2017 г.), Закон о предотвращении загрязнения почвы и борьбе с ним (2018 г.), Закон о предотвращении и контроле загрязнения твердыми отходами (2015, 2020 гг.), Закон о защите и контроле шумового

загрязнения окружающей среды (2021 г.), а также большое число подзаконных актов.

Одновременно в действующее законодательство КНР вносятся поправки, приводящие их в соответствие с курсом правительства на снижение углеродного следа и достижение углеродной нейтральности. Результатом всего этого является формирование в КНР современной правовой системы охраны окружающей среды, охватывающей все ключевые области, все виды ресурсов и все экологические факторы.

В интересах усиления правоприменения деятельность местных природоохранных органов передана под непосредственное руководство аналогичных административных структур вышестоящего (вплоть до провинциального) уровня управления. Налажена координация между системой уголовного правосудия (прокуратура, суды, органы общественной безопасности) и государственными ведомствами, ответственными за координацию природоохранной деятельности. Это улучшило взаимодействие всех этих органов государственного управления и тем самым позволило обеспечить необходимые правовые гарантии экологически чистого развития.

В области охраны окружающей среды действует множество обязательных стандартов, нарушение которых влечет юридическую ответственность. В их числе базовые экологические стандарты, нормативы содержания вредных веществ в сбрасываемых отходах, стандарты по отбору проб и методам анализа и т.д. По состоянию на 2022 г. в КНР были утверждены 57 государственных стандартов измерения, связанных с выбросами углекислого газа, и 229 аналогичных стандартов по отношению к замеру сопутствующих вредных химических веществ; обновлено большое число национальных стандартов в области энергосбережения, предельно допустимых загрязняющих выбросов или экологической «красной черты», защиты и восстановления природной среды.

В целом в 2012–2021 гг. было разработано или изменено более 3 тыс. стандартов экологически чистого развития в ключевых отраслях и сферах деятельности[12]. Общенациональные и местные природоохранные стандарты активно используются правительством для создания системы экологических стимулов и ограничений и тем самым выполняют важные регуляторные функции в области охраны окружающей среды.

В частности, используя стандарты низкоуглеродного развития, в начале 2020-х годов правительство повысило требования экологической экспертизы, прохождение которой необходимо для запуска новых промышленных объектов и получения доступа к банковскому кредитованию. Тем самым правительство усилило контроль за реализацией инвестиционных проектов в энергоемких отраслях, увеличило потенциал действующих предприятий в области энергосбережения и в конечном итоге способствовало более экологичным технологическим преобразованиям в промышленности. В 2021 г. количество инвестиционных проектов, получивших по результатам экологической экспертизы одобрение со стороны Министерства экологии и окружающей среды КНР, а равно и местных органов власти, сократилось более чем на 30% по сравнению с предыдущим годом, обусловив сокращение дополнительного спроса на энергию на 270 млн тонн в стандартном угольном эквиваленте[13].

Кроме того, гармонизируя и объединяя новые и уже имеющиеся экологические нормы и стандарты, Китай формирует основу национальной системы сертификации экологически чистого производства, включая «зеленые» заводы, «зеленые» продукты, «зеленые» промышленные парки и «зеленые» цепочки поставок.

В 2021 г. критериям «зеленой» производственной системы соответствовало 170 промышленных парков, более 2,1 тыс. предприятий (главным образом в машиностроении, электронной промышленности, легкой промышленности и производстве строительных материалов), а также почти 20 тыс. товаров, представляющих примерно 90 товарных групп, включая строительные и упаковочные материалы, электротехнические и электронные товары, изделия из пластика, моющие средства и т.д.[14]. К середине 2020-х годов в Китае рассчитывали завершить разработку полного спектра критериев чистого производства и обеспечить окончательное внедрение национальной системы сертификации, определяющей перспективы и характер развития «зеленой» промышленности[15].

Концепция экологической «красной черты» и нормативы предельно допустимых загрязняющих выбросов были использованы Китаем при разработке и внедрении в 2016 г. так называемого механизма двойного контроля (контроль за интенсивностью энергопотребления и энергоемкостью производства). Это предполагает установление центральным правительством бюджетов энергопотребления для провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Последние, в свою очередь, распределяют выделенные лимиты между приоритетными потребителями энергии, включая ЖКХ, современные отрасли сферы услуг, высокотехнологичные отрасли промышленности и передовую обрабатывающую промышленность, и одновременно обеспечивают контроль потребления угля и другого ископаемого топлива. Для предприятий, обеспечивающих установленные показатели экономии энергоресурсов, действует система государственных субсидий, размеры которых определяются в расчете на 1 т экономии в угольном эквиваленте.

Применение этого механизма на практике оказалось достаточно эффективным с точки зрения «двууглеродных» целей Китая — достижения пикового выброса CO_2 к 2030 г. и углеродной нейтральности к 2060 г. Однако выявились и недостатки. В частности, как показала практика, акцент на снижении энергопотребления и энергоемкости неизбежно ограничивает и спрос на чистую энергию, не связанную с использованием ископаемых видов топлива. Это не только затрудняет предусмотренный Парижским соглашением по климату рост чистой энергетики (гидроэнергетика, атомная энергетика и ВИЭ), но и негативно сказывается на производстве сырья с неэластичным спросом на энергоресурсы. Нормирование энергопотребления создает серьезные трудности для этих, хотя и энергоемких, но необходимых для развития всей экономики, отраслей промышленности.

Жесткий контроль энергопотребления вплоть до веерных отключений электроэнергии, помимо прочего, явился важным фактором кризисных явлений, затронувших электроэнергетику и в целом экономику КНР во второй половине 2021 г. В этой связи в 2023 г. руководством КНР было принято решение о постепенном переходе страны от контроля за потреблением энергии к контролю за выбросами углекислого газа. В перспективе новый механизм контроля будет стимулировать

развитие чистых угольных технологий и альтернативной энергетики, работающей на неископаемых видах топлива. При этом он потребует дальнейшего совершенствования статистического учета выбросов углерода, а равно и систем управления этими выбросами[16].

Одновременно в интересах усиления общественного надзора властями была повышена доступность и прозрачность экологической информации, и, как следствие, усилилась осведомленность общественности о состоянии окружающей среды, проблемах ее защиты и восстановления. В результате свыше 500 неправительственных экологических организаций и фондов вносят свой вклад в экологическое оздоровление страны, участвуя в принятии решений в области ресурсосбережения и природоохраны, контролируя выполнение экологических стандартов и нормативов, информируя правительство и общественность о нарушениях в этой важной сфере[17].

В работу аппарата управления всех уровней активно внедряется система экологической ответственности. В условиях «новой нормальности» экономики, в отличие от периода безоглядного экономического роста, при государственной аттестации руководителей различных территориальных и производственных единиц в качестве ключевых показателей эффективности (KPI) стали применяться такие критерии, как достижение целевых показателей энергоэффективности и сокращения выбросов CO_2, внедрение ресурсосберегающих и безотходных технологий, соблюдение пределов допустимой нагрузки на природные объекты и т.д. Именно эти требования имеют приоритет, их выполнение ведет к получению дополнительных преференций и служебному росту[18].

Наконец, снижение нормативов предельно допустимых загрязняющих выбросов и усиление санкций за их нарушение позволяют правительствам разного уровня в интересах оздоровления окружающей среды, помимо прочего, широко применять всевозможные административные меры. Жестко, вплоть до полного запрета, ограничивается импорт вторсырья и твердых отходов, включая пластик. Одновременно сокращается внутреннее производство и использование пластмасс, а с 2026 г. власти планируют полностью отказаться от токсичной пластмассы, перейдя на новые, подлежащие переработке полимерные материалы.

Проводится временная приостановка работы и даже закрытие угольных шахт, а также устаревших производств с высоким уровнем углеродного следа, включая металлургические и цементные заводы, тепловые электростанции на угле и др. Количество угольных шахт, закрытых или приостановленных в годы 13-й пятилетки (2016–2020), составило 5,5 тыс.[19]. Впрочем, уже в конце 2021 г. после упомянутых выше веерных отключений электроэнергии часть этих шахт пришлось срочно расконсервировать, а сама добыча угля была увеличена до рекордно высокого уровня. В целом, для того чтобы добиться «углеродной нейтральности» к 2060 г., КНР предстоит закрыть около 600 своих угольных электростанций[20]. Все это требует значительного повышения эффективности использования энергии в КНР и одновременно выдвигает масштабные задачи перед чистой энергетикой Китая.

Экономические меры и стимулы

Помимо вышеизложенного, механизм экологических стимулов и ограничений предусматривает широкое использование налоговых, финансовых, тарифных и иных экономических мер поддержки «зеленого» развития и ресурсосбережения. Так, предприятия, реализующие проекты по охране окружающей среды, энерго- и водосбережению, полностью либо частично освобождаются от уплаты корпоративного подоходного налога[21]. Повышается косвенное и прямое налогообложение товаров, производство и использование которых наносит ущерб окружающей среде (ртутно-кадмиевые аккумуляторы, ряд красителей, моющие средства с содержанием фосфора, крупногабаритные автомобили с мощными двигателями и т.д.)[22]. И наоборот, закупки в рамках проектов по управлению энергопотреблением освобождаются от НДС, а автомобили на новых источниках энергии — от налога на приобретение автотранспорта и налога на транспортные средства[23]. К этому следует добавить введение правительством льготных тарифов для потребителей энергии фотовольтаических электростанций.

С 2018 г. взимается специальный экологический налог, уплачиваемый предприятиями и учреждениями, деятельность которых связана с загрязнением воздуха и воды, сбросом твердых отходов, продуцированием промышленного и строительного шума. При этом, если концентрация загрязняющих веществ не превышает 75% от установленных стандартов предельного загрязнения, сумма налогового платежа уменьшается на 25%, а при концентрации загрязнений менее 50% от стандарта — на 50%[24]. Основные плательщики экологического налога — предприятия черной и цветной металлургии, цементные заводы, угледобывающие и химические компании, понуждаемые тем самым к технологическому обновлению, установке или модернизации очистного оборудования.

Средства, получаемые от экологического налога, а также от уплаты штрафов за загрязнение окружающей среды, аккумулируются в доходной части государственного бюджета и в конечном итоге выступают одним из источников финансового обеспечения экологических амбиций Китая. В 2010–2020-е годы ассигнования на защиту окружающей среды стабильно соответствовали 2,4–2,7% расходной части государственного бюджета, а их абсолютные размеры в 2022 г., составив 541,3 млрд юаней, в два с лишим раза превысили уровень 2010 г.[25].

Одновременно происходит и быстрый рост так называемого зеленого финансирования, поступающего в сферу защиты окружающей среды из различного рода внебюджетных источников. Выпущенные в 2016 г. под эгидой НБК и еще шести министерств и ведомств «Руководящие принципы зеленого финансирования» определяют порядок использования этих средств, круг и характер участников транзакций, а также набор основных финансовых инструментов.

Основополагающая роль в организации «зеленого» денежного потока, как и в целом в финансировании китайской экономики, отведена банкам. «Зеленый» кредит представляет собой банковское кредитование инвестиционных проектов, соответствующих национальным стандартам «зеленого» финансирования. При этом банки увязывают предоставление кредита с оценкой энергоэффективности бизнес-

деятельности заемщика и ее воздействия на окружающую среду. Ориентируясь на выпускаемый ГКРР каталог «зеленой» промышленности, банки осуществляют выбор проектов для кредитования, реализуют надзор и оценку их экологических показателей и могут приостанавливать и даже прекращать предоставление заемных средств, если в ходе кредитного цикла обнаруживаются серьезные экологические угрозы[26].

Начиная с 2017 г. показатели «зеленого» кредитования используются НБК в рамках общей системы макропруденциальной оценки деятельности национальных кредитно-финансовых институтов. Это побуждает широкий круг кредиторов к активному участию в природоохранном кредитном бизнесе[27].

Актуальным стимулом «зеленого» кредитования являются и реализуемые НБК программы перекредитования. В частности, запущенная в ноябре 2021 г. программа сокращения выбросов углерода позволяет более чем двум десяткам уполномоченных финансовых учреждений предоставлять конечным заемщикам льготные кредиты, которые на 60% рефинансируются НБК, исходя из 1,75% годовых, т.е. менее половины премиальной кредитной ставки (LPR). Верхний предел этой программы не определен, а ее целью является поддержка инвестиционных проектов, связанных с сокращением выбросов углекислого газа, развитием чистой энергетики и энергосбережения в приоритетных с точки зрения экологического оздоровления отраслях промышленности. Всего лишь за год сумма таких кредитов превысила 400 млрд юаней (включая 240 млрд юаней, предоставленных НБК), а реализация профинансированных с их помощью проектов обеспечила сокращение выбросов углерода более чем на 80 млн т. Одновременно НБК запустил еще одну целевую программу перекредитования для поддержки экологически чистого и эффективного использования угля в размере 200 млрд юаней.

Благодаря строгим мерам по соблюдению государственных экономических и природоохранных нормативов «зеленые» проекты имеют более высокое кредитное качество и более низкий риск дефолта, чем проекты в других отраслях экономики. Коэффициент невозврата «зеленых» кредитов в 2019 г. составил всего 0,75%, что на 1,54 процентных пункта ниже, чем в среднем по кредитам корпоративным заемщикам, и на 1,13 процентных пункта ниже в сравнении с операциями на межбанковском кредитном рынке[28].

Динамика и общие размеры «зеленого» кредитования весьма внушительны. В 2019 г., например, «зеленые» кредиты, предоставленные одним только Банком развития Китая, составляли свыше 2 трлн юаней, или 17,2% его кредитного портфеля[29]. Эти кредиты в последние годы обеспечивали около 25% всех инвестиций в гидроэнергетике и свыше $^{1}/_{3}$ инвестиций в ветровой, солнечной и биоэнергетике. В целом к концу 2021 г. остаток непогашенных «зеленых» банковских кредитов достигал 15,9 трлн юаней при годовом приросте в 33%[30]. В 2022 г. подлежащий погашению остаток «зеленых» кредитов вырос до 20,9 трлн юаней, а их доля на кредитном рынке Китая составила 10% против 4% в 2016 г.[31].

Более 80% общей стоимости «зеленых» кредитов идет на финансирование инфраструктурных проектов, включая генерацию на ВИЭ и другие проекты в экологически чистой энергетике (43%), транспорт (25%) и др.[32]. По состоянию на начало

2020-х годов реализация программы «зеленого» кредитования, по оценке правительства, обеспечивала ежегодную экономию более 400 млн т угля и сокращение выбросов CO_2 на 700 млн т в год[33].

Одновременно на фондовом рынке КНР расширяются выпуск и обращение «зеленых» облигаций, средства от размещения которых предназначены для проектов, связанных с повышением энергоэффективности, управлением отходами, разработкой или установкой источников возобновляемой энергии, экологически чистым транспортом, водоочисткой, рекультивацией почвы, озеленением и т.д.

В 2015 г. Китайским финансовым и банковским обществом, пекинской организацией, действующей под руководством НБК, был выпущен каталог проектов, одобряемых для поддержки «зелеными» облигациями, сроки погашения которых варьируются от одного года до 15 и более лет[34]. Верификация проектов на соответствие предъявляемым требованиям осуществляется специальными аудиторскими компаниями и рейтинговыми агентствами. Эмитентам и держателям «зеленых» облигаций предоставляются налоговые послабления в виде субсидирования купонных выплат, освобождения купонного дохода от налогообложения и т.п. Среди эмитентов преобладают государственные финансовые и нефинансовые предприятия, на долю которых приходится 97% общего числа эмиссий «зеленых» облигаций в КНР и 99% их суммы.

Приоритетные направления использования средств, получаемых от размещения «зеленых» облигаций, включают предотвращение загрязнений (14% в 2016–2018 гг.), чистый транспорт (14%), чистая энергетика (12%), защита окружающей среды и адаптация к изменению климата (10%), энергоэффективность (8%), эффективное ресурсопользование и рециклинг (8%), рефинансирование операционных расходов (5%), рефинансирование долгов и банковских кредитов (3%) и др.[35].

Распространение «зеленых» облигаций, равно как и других инновационных практик «зеленого» финансирования, осуществляется посредством их апробирования на территории специально выделенных пилотных зон «зеленого» финансирования (города Пекин, Шэньчжэнь, Чунцин, Хучжоу, провинции Гуандун, Цзянси, Фуцзянь, Гуйчжоу, Синьцзян-Уйгурский автономный район) с последующим масштабированием в общегосударственном масштабе. В 2016–2022 гг. в КНР проведено 590 выпусков «зеленых» облигаций, а общая сумма их эмиссии достигла 744,6 млрд юаней[36]. С учетом зарубежных размещений Китай создал один из крупнейших в мире рынков «зеленых» облигаций, обеспечивающий 25–30% их глобальной эмиссии.

В 2021 г. НБК, ГКРР и Комитет по контролю за ценными бумагами Китая совместно выпустили новую версию каталога проектов, одобряемых для поддержки «зелеными» облигациями, приблизив его содержание к требованиям Международной ассоциации рынков капитала. В частности, из категории «приемлемых зеленых проектов» были исключены так называемые чистые угольные технологии и использование сжиженного природного газа; доля средств, идущих на «зеленое» финансирование, повышена с 50–70% до 100% выручки от размещения облигаций[37]. Расширяя возможности выпуска «зеленых» облигаций КНР за рубежом, это ведет к повышению их значимости в рамках долгового «зеленого» финансирования.

Важную роль в организации акционерного финансирования экологических проектов играют «зеленые» инвестиционные фонды. Крупнейшим из них является Национальный зеленый фонд развития с капиталом в 88,5 млрд юаней, учрежденный в 2020 г. Министерством финансов, Министерством экологии и окружающей среды и народным правительством Шанхая. Средства для организации фонда выделены Министерством финансов КНР (10 млрд юаней) и еще 26 акционерами, включая НБК, Банк развития Китая, Строительный банк Китая, Торгово-промышленный банк Китая, Сельскохозяйственный банк Китая (каждый — по 8 млрд юаней), Банк Китая (7,5 млрд юаней), а также правительства 12 провинций и городов, расположенных вдоль экономического пояса реки Янцзы[38]. Инвестиции фонда направляются в проекты по охране окружающей среды, в развитие экологически чистых отраслей промышленности, в исследования и разработки в области экологически чистых технологий и т.д.[39]. Аналогичные государственные инвестиционные фонды «зеленого» развития создаются на уровне отдельных городов и провинций, включая Пекин (фонд «зеленой» инфраструктуры, 4,5 млрд юаней), провинции Шаньдун («зеленый» климатический фонд, 10 млрд юаней), Ляонин (фонд охраны окружающей среды, 3 млрд юаней), Чжэцзян (фонд развития экологически чистых производств, 6 млрд юаней) и т.д.

В целом, по данным Ассоциации управления активами Китая, в 2021 г. в стране насчитывалось 1178 инвестиционных фондов, ориентированных на поддержку устойчивой, экологически позитивной коммерческой деятельности (ESG-инвестиции), с общим объемом инвестиционных средств в 882 млрд юаней. В их числе 242 государственных фонда с капиталом более 442 млрд юаней и 936 частных фондов прямых инвестиций с капиталом более 400 млрд юаней[40]. Деятельность этих инвестиционных структур способствует привлечению частного капитала и развитию государственно-частных партнерств в сфере защиты окружающей среды и ресурсосбережения. В 2017 г. в КНР насчитывалось 1176 «зеленых» проектов государственно-частного партнерства общей стоимостью 1,3 млрд юаней[41].

Значимым источником финансирования процесса декарбонизации китайской экономики призван стать и открывшийся в середине 2021 г. после десяти лет пилотного внедрения общенациональный углеродный рынок, обеспечивающий торговлю правами на выброс CO_2. В рамках национальной схемы торговли углеродом правительство ежегодно выделяет каждой компании определенную квоту на выброс CO_2. Если компания завершает год с недобором углеродных выбросов до установленного лимита, она может продать этот излишек своей квоты на рынке. И наоборот, если компания превышает свой лимит выбросов, ей необходимо приобрести дополнительную квоту на выброс CO_2 для компенсации возникшего разрыва. Тем самым организуется платное перераспределение права на эмиссию от компаний, выбросы которых находятся ниже установленного властями потолка, к предприятиям, выходящим за разрешенные пределы.

В целом углеродный рынок нацелен на сокращение выбросов, предлагая финансовые вознаграждения и наказания в виде квот, которые можно покупать и продавать на рынке. В перспективе сокращение выбросов достигается как вследствие последовательного понижения верхнего предела эмиссии по стране в целом, так и в

результате неизбежного роста цен на корпоративные квоты. По имеющимся прогнозам, к 2030 г. средняя цена углеродных выбросов может приблизиться к 140–200 юаням за тонну против 40–60 юаней в начале 2020-х годов[42].

Китайский углеродный рынок функционирует под контролем Министерства экологии и окружающей среды и является крупнейшим в мире. На момент запуска рынок охватывал более 2,2 тыс. энергетических компаний и электростанций, работающих на угле и газе, с общим годовым объемом выбросов около 4,5 млрд т CO_2 (около 40% всей углеродной эмиссии в КНР). В 2022 г. совокупный объем торговли углеродными квотами на Шанхайской бирже окружающей среды и энергетики превысил 200 млн тонн при обороте свыше 8,8 млрд юаней. В дальнейшем по мере присоединения к рынку компаний нефтегазового, химического, металлургического и строительного секторов, а также авиакомпаний объемы и оборот торговли углеродными квотами существенно возрастут. В перспективе ожидается интеграция КНР в глобальную трансграничную систему торговли углеродными выбросами. Все это свидетельствует о серьезности планов китайского руководства относительно выполнения грандиозного проекта создания в стране экологической цивилизации.

Промежуточный результат и долгосрочные перспективы

Результаты предпринимаемых Китаем усилий заслуживают внимания. В целом уменьшению энергоемкости китайской экономики способствует общее изменение ее структуры в пользу третичного сектора и, в частности, повышение доли отраслей сферы услуг, потребляющих, как известно, меньшие объемы энергоресурсов по сравнению с промышленностью и строительством.

Одновременно наблюдаются и заметные сдвиги в производстве электроэнергии. Так, бросается в глаза стремительный рост установленной мощности на объектах альтернативной электроэнергетики в КНР. В 2005–2020 гг. она выросла в 3000 раз на фотовольтаических электростанциях и в 200 раз — на ветровых[43]. К концу 2021 г. мощность электрогенерации на ВИЭ составила почти 1,1 млрд кВт, или 44,8% всей установленной мощности электроэнергетики КНР. Генерирующие мощности гидроэнергетических, ветровых и фотовольтаических электростанций превысили 300 млн кВт каждая, а мощности объектов, работающих набиотопливе, достигли без малого 38 млн кВт. К этому следует добавить, что КНР является мировым лидером в области приливной электроэнергетики.

Годовое производство электроэнергии на ветровых, фотовольтаических и биоэнергетических электростанциях в 2021 г. увеличилось на 40,5%, 25,1 и 23,6% соответственно. В результате генерация на ВИЭ достигла 2,48 трлн кВтч, обеспечив 29,8% общего потребления электроэнергии против 20,5% в 2017 г. и 14,5% в 2012 г.[44]. В целом, обладая более чем одной третью установленных ветровых и солнечных генерирующих мощностей в мире, Китай является крупнейшим глобальным рынком экологически чистой энергии[45]. В результате доля угля в национальном энергопотреблении с 72,4% в 2005 г. снизилась до 69,5% в 2012 г. и 56% в 2021 г. В дальнейшем, по оценке специалистов из Института изменения климата и

устойчивого развития Университета Цинхуа, она должна снизиться до 51% в 2025 г. и до 45% в 2030 г.[46].

Наряду с сооружением новых энергетических мощностей КНР уделяет большое внимание реструктуризации и модернизации имеющейся производственной базы. В частности, принимаются меры по рациональному ограничению роста ресурсоемких отраслей промышленности с высоким углеродным следом. За период 13-й пятилетки (2016–2020) в черной металлургии, цементной и алюминиевой промышленности были почти полностью ликвидированы устаревшие и избыточные производства, мощности закрытых предприятий составили 150 млн т стали и 300 млн т цемента.

Одновременно были заметно активизированы научные исследования и разработки в области экологии. В 2011–2020 гг. патентные заявки, поданные в КНР на изобретения в области технологий, связанных с охраной окружающей среды, составили почти 60% общемирового их числа. В результате к концу 2021 г. китайским заявителям было выдано 49 тыс. патентов на изобретения в сфере энергосбережения и охраны окружающей среды и 60 тыс. патентов в отрасли новой энергетики, что в 1,6 и 1,7 раза выше аналогичных показателей 2017 г. Все это позволяет считать Китай наиболее активной страной в области экологических инноваций[47].

Внедряя передовое оборудование и технологии, позволяющие снизить углеродные выбросы при производстве тепла и электроэнергии, к концу 2021 г. Китай провел модернизацию угольных электростанций общей установленной мощностью в 900 млн кВт, что соответствовало без малого 70% всей генерирующей мощности китайских ТЭС[48]. Проведенное в 2012–2021 гг. техническое переоснащение предприятий базовых отраслей промышленности позволило снизить энергоемкость производства стали на 9%, алюминия — на 4,7 и этилена — на 4,9%. В целом в 2012–2021 гг. в расчете на единицу ВВП потребление энергии снизилось на 26,4%[49].

В этом же направлении действует и быстрое развитие «зеленого» транспорта. Китай занимает первое место в мире по производству и продажам так называемых новых энергетических транспортных средств (НЭТС)[50]. К концу 2022 г. в Китае насчитывалось свыше 10 млн электромобилей и других НЭТС, что соответствовало без малого половине их общей численности в мире. И, судя по всему, это только начало. В 2021 г. годовые продажи НЭТС выросли вдвое и достигли в общей сложности 3,5 млн ед. против 13 тыс. ед. в 2012 г., а их доля на автомобильном рынке Китая составила 13,4%. На автобусы, работающие на новых источниках энергии, приходится 71,7% автобусного парка страны, а длина электрифицированных железных дорог достигает почти $^{3}/_{4}$ всей железнодорожной сети Китая (в 2012 г. — 52,3%)[51].

Большое внимание уделяется строительству экологически чистых, энергоэффективных зданий, эксплуатация которых связана с низким уровнем выбросов углекислого газа, а также соответствующей реконструкции существующих городских строений. В 2015–2021 гг. удельный вес «зеленого» строительства в площади новой городской застройки повысился с 20 до 84%.

Все это способствует уменьшению загрязняющих атмосферу выбросов. В 2019–2021 гг. выбросы диоксида серы, диоксида азота и вредных аэрозолей $PM_{2.5}$ были

сокращены на 3,67 млн т, 2,1 млн т и 1,25 млн т соответственно. Одновременно выбросы CO_2 сократились на 510 млн т. Углеродоемкость экономики КНР в 2021 г. снизилась более чем на $^1/_3$ по сравнению с 2012 г. и более чем на $^1/_2$ по сравнению с 2005 г.[52].

Стремясь к достижению «углеродной нейтральности», Китай проявляет повышенное внимание к развитию природных и искусственных систем, которые поглощают углекислый газ из воздуха. В этой связи лесоразведение и озеленение приобрели в КНР статус поистине общенациональной идеи. В стране наблюдаются самые высокие темпы прироста лесных ресурсов, из года в год уменьшается площадь лесных пожаров, а также площадь поврежденных лесов и пастбищ.

Искусственные лесопосадки получили повсеместное распространение и занимают свыше 79 млн га, в том числе в 2012–2021 гг. их площадь возросла на 64 млн га. Сегодня Китай располагает самой большой площадью искусственных лесов в мире. Соответствуя примерно четверти всех покрытых лесом земель на планете, общая площадь лесов в Китае достигает 24% территории страны против 12% в 80-х годах прошлого века, а размеры лесного фонда КНР составляют 19,5 млрд куб. м[53]. К 2030 г. коэффициент лесистости должен быть увеличен до 25%.

Расширяется и площадь «зеленых» пространств в районах городской застройки. В движении за озеленение принимают участие 468 городов Китая. Результатом этого в 2012–2021 гг. стало увеличение площади зеленых насаждений с 39 до 42% городских территорий, а средней площади городских парков в расчете на душу населения — с 11,8 до 14,8 кв. м[54]. Не собираясь останавливаться на достигнутом, в 2022 г. Китай объявил о планах в течение 10 ближайших лет посадить, сберечь и восстановить еще 70 млрд деревьев[55].

Кроме того, Китай создал систему зон охраны окружающей среды, защищающих биоразнообразие с помощью природных заповедников разного уровня и различных типов, которые в настоящее время занимают 18% территории страны. С 2012 по 2021 г. проведены мероприятия по предотвращению опустынивания и борьбе с ним на площади более 18,5 млн га, при помощи травосеяния повышено качество 40 млн га земельных угодий, площадь восстановления и расширения водно-болотных угодий составила 0,8 млн га[56].

Все это имеет следствием определенное оздоровление экологической обстановки. В городах, воздушная среда которых ранее не отвечала минимальным требованиям национальных стандартов, в 2021 г. концентрация мелкодисперсных воздушных загрязнений $PM_{2.5}$ в среднем сократилась на 34,8% по сравнению с 2015 г. Доля поверхностных вод не ниже третьей категории по пятиразрядной шкале качества достигла 84,9%[57]. До 94,5% источников питьевой воды, обслуживающих городские поселения, достигли требуемых стандартов. Примерно 90% загрязненных сельскохозяйственных угодий и более 93% загрязненных земельных участков были приведены в безопасное для дальнейшего использования состояние[58].

Впрочем, несмотря на все это, экологическая ситуация в целом остается проблемной. Состояние грунтовых вод, например, по-прежнему не соответствует государственным стандартам, причем более 80% из них классифицируются как плохие или очень плохие[59]. Это ставит под определенное сомнение упомянутые выше офи-

циальные оценки качества водных ресурсов, которые к тому же нередко грешат противоречивостью. По данным Министерства экологии и окружающей среды, например, в 2019 г. свыше 25% воды из поверхностных источников были непригодны для питья[60].

Неоднозначно идет и процесс декарбонизации китайской экономики. В 2018 г., после истечения двухлетнего моратория на строительство новых угольных электростанций, их сооружение вновь ускорилось, особенно в период замедления экономического роста после пандемии коронавируса. Согласно данным аналитического центра *Global Energy Monitor* (США), в начале 2024 г. сооружаемые Китаем новые мощности энергогенерации на угле более чем вдвое превосходили аналогичный показатель для всего остального мира[61]. Доля угля в энергобалансе Китая, несмотря на достигнутое сокращение, более чем в два раза выше, чем в среднем по миру.

Аналогичным образом обстоит дело и с выбросами CO_2. Составляя около одной метрической тонны в расчете на каждые 1000 долл. ВВП, они примерно в 2,5 раза превышают среднемировой показатель и остаются одними из самых высоких в мире[62]. В конце 2010-х — начале 2020-х годов на фоне ускорения нового строительства ТЭС зафиксирован и возвратный рост углеродных выбросов в КНР. К тому же, как отмечают эксперты, львиная доля электроэнергии, необходимой для выпуска электромобилей и солнечных панелей, также имеет своим источником ископаемое топливо. В результате, несмотря на известное улучшение, качество воздуха в стране оставляет желать лучшего. В 2023 г. из 339 китайских городов окружного значения и выше в 136 городах качество воздушной среды было ниже установленных нормативов[63]. Среднегодовой уровень воздушных загрязнений $PM_{2.5}$ в пять-шесть раз превышает рекомендации ВОЗ[64].

Таким образом, переход от угля к альтернативным источникам энергии играет ключевую роль в снижении углеродного следа в экономике КНР и достижении страной углеродной нейтральности. Китай уже добился здесь определенных успехов, но в целом процесс требует времени. В соответствии с долгосрочными планами социально-экономического развития в период 14-й пятилетки (2021–2025) Китай намерен «максимально сдерживать» потребления угля, а начиная с 15-й пятилетки (2026–2030) начнет его «постепенное сокращение» с вытеснением этого топлива неископаемыми источниками энергии.

При этом, как известно, для солнечной, приливной и ветроэнергетики характерна прерывистая генерация, что само по себе чревато рисками для развития крупной современной энергетической системы. Для решения этой проблемы потребуются как технологические, так и институциональные изменения, необходима разумная диверсификация энергосистемы и придание ей бóльшей гибкости за счет диспетчеризуемой генерации, обеспечивающей базовую нагрузку в сети. В этой связи к опережающему росту ВИЭ должен быть добавлен прогресс на традиционных направлениях чистой энергетики (включая гидроэнергетику и атомную энергетику), а возможно и в газовой генерации. Не случайно, в начале 2020-х годов в КНР в стадии строительства находилось семнадцать ядерных реакторов. Одновременно повышается значение систем аккумуляции электроэнергии, улавливания и хранения угле-

рода. Значимая роль по-прежнему будет отводиться энергосбережению и управлению спросом на электроэнергию с помощью дифференциации тарифов[65].

Решение всех этих задач требует широкого международного сотрудничества в борьбе с изменениями климата и в построении низкоуглеродной экономики. «…Чтобы защитить экологическую окружающую среду и реагировать на изменения климата, — подчеркнул Си Цзиньпин, выступая на Всекитайском совещании по охране окружающей среды (май 2018 г.), — всем странам нужно сплотиться перед лицом угрозы и объединить свои силы; нет страны, которая могла бы оставаться в стороне и заботиться лишь о своих интересах»[66]. В этой связи в ноябре 2021 г. Си Цзиньпин заявил о том, что Китай прекращает строительство угольных ТЭС за рубежом и будет помогать развивающимся странам в подъеме «зеленой» энергетики. В целом, подчеркивая готовность делиться успехами в развитии «зеленой» энергетики и защите окружающей среды, Китай обеспечивает высокую открытость собственного рынка для импорта природоохранных услуг и современных энергосберегающих технологий.

Примечания

[1] *Гао Лэй*. О проблемах и перспективах перехода КНР к низкоуглеродной экономике // Российско-китайские исследования. 2022. Т. 6. № 3 (18). С. 166. DOI: 10.17150/2587-7445.2022.6(3).

[2] *Новоселова Л.В*. Современный Китай: смена экономической парадигмы // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 10. С. 29. DOI: 10.20542/0131 – 2227 – 2022 – 66 – 10 – 24 – 33.

[3] The New Journey of China's Economic and Social Development / Ed. by Fuzhan Xie [et al.]; transl. by Yisheng Wu [et al.]. Beijing [et al.]: China Social Sciences Press [et al.], 2023. P. 505. DOI: 10.1007/978-981-19-7915-6 (accessed: 23.06.2023).

[4] *Maizland L*. China's Fight Against Climate Change and Environmental Degradation // Council on Foreign Relations: [site]. 2021. May 19. URL: www.cfr.org/backgrounder/china-climate-change-policies-environmental-degradation (accessed: 11.01.2024).

[5] Ibid.

[6] *Си Цзиньпин*. О государственном управлении. Т. III. 1-е изд. Пекин: Изд-во литературы на ин. языках, 2021. С. 67–71.

[7] Там же. С. 545.

[8] China's Policies and Actions Addressing Climate Change (2022) // The PRC Ministry of Ecology and Environment: [site]. 2022. P. 4. URL: http://english.mee.gov.cn/Resources/Reports/reports/202211/P020221110605466439270.pdf/ (accessed: 12.01.2024).

[9] *Maizland L*. Op. cit.

[10] Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2019. Beijing: China Statistics Press, 2019. Tables 3-1, 8-36, 8-37, 8-38. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2019/indexeh.htm (accessed: 10.02.2023).

[11] Research on Green Finance Roadmap under Carbon Neutral Vision. Beijing: [s.n.], 2021. URL: http://www.greenfinance.org.cn/upfile/file/20211204222634_82821_73556.pdf (accessed: 13.01.2024).

[12] China's Green Development in the New Era: White Paper. Beijing: Foreign Languages Press, 2023. P. 38 // The State Council of the PRC: [site]. 2023. January 19. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202301/19/content_WS63c8c053c6d0a757729e5db7.html (accessed: 12.01.2024).

[13] China's Policies and Actions Addressing Climate Change (2022). Op. cit. P. 9.

[14] Ibid. P. 8.

[15] *Holzmann A.*, *Grunberg N.* "Greening" China. An Analysis of Beijing's Sustainable Development Strategies // Mercator Institute for China Studies: [site]. URL: https://merics.org/sites/default/files/2021-03/MERICSChinaMonitor%20GreeningChina%20 (accessed: 05.01.2024).

[16] *Huld A.* China's Pivot from Energy Consumption to Carbon Emissions Controls: Impact on Companies // China Briefing: [site]. 2023. October 5. URL: https://www.china-briefing.com/news/china-carbon-emissions-reduction-dual-control-explained (accessed: 10.01.2024).

[17] *Holzmann A., Grunberg N.* Op. cit. P. 11.

[18] *Новоселова Л.В.* Цит. соч. С. 29.

[19] Энергетический кризис — политика, припорошенная угольной пылью // Нефть и капитал: [сайт]. 2021. 17 ноября. URL: https://oilcapital.ru/article/general/17-11-2021/energeticheskiy-krizis-politika-priporoshennaya-ugolnoy-pylyu (дата обращения: 21.01.2024).

[20] Началось с Китая: мир погружается в глобальный энергетический кризис // Новые известия [сайт]. 2021. 28 сентября. URL: https://newizv.ru/article/general/28-09-2021/nachalos-s-kitaya-mir-pogruzhaetsya-v-globalnyy-energeticheskiy-krizis (дата обращения: 21.01.2024).

[21] China's Policies and Actions Addressing Climate Change (2022). Op. cit. P. 42.

[22] *Новоселова Л.* Новейшие преобразования налогово-бюджетной системы КНР в интересах социально-экономического развития страны // Рос. эконом. журнал. 2016. № 1. С. 77–78.

[23] China's Policies and Actions Addressing Climate Change (2022). Op. cit. P. 42.

[24] *Бажанов П.* Экологический налог в Китае: что необходимо знать о новом налоге // CNLegal: [сайт]. 2017. 13 декабря. URL: https://cnlegal.ru/china_taxation/china_ecology_tax_2017/ (дата обращения: 15.01.2024).

[25] China Statistical Yearbook 2011. Beijing: China Statistics Press, 2011. Table 8-5. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2011/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023); China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Table 7-3. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024).

[26] Emerging Sustainability Frameworks. Washington D.C.: Friends of the Earth US, 2016. P. 14. URL: https://foe.org/wp-content/uploads/wpallimport/files/archive/emerging-sustainability-frameworks-CDB-ChinaExim.pdf (accessed: 05.01.2024).

[27] *Yiping Huang*, *Xun Wang*, *Anqian Huang*. Promoting High-Quality Growth Through Financial Reform in the People's Republic of China: Asian Development Bank East Asia Working Papers Series. No. 43. December 2021. Manila: Asian Development Bank, 2021. P. 22. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/760726/eawp-043-high-quality-growth-financial-reform-prc.pdf (accessed: 18.04.2023).

[28] Ibid. P. 21.

[29] *Lin Shuanglin*. China's Public Finance. Reforms, Challenges, and Options. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. P. 209. DOI: 10.1017/9781009099028 (accessed: 10.04.2023).

[30] China's Policies and Actions Addressing Climate Change (2022) . Op. cit. P. 41.

[31] *Nedopil C.*, *Song Ziying*. China Green Finance Status and Trends 2022-23. Shanghai: Green Finance & Development Center [et al.], 2023. P. 20. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1710615804&tld=ru&lang=en&name=Nedopil-Song-2023_China-Green-Finance-Trends-and-Opportunities.pdf&text=green%20bonds%20in%20china&url (accessed: 08.01.2024).

[32] *Yiping Huang*, *Xun Wang*, *Anqian Huang*. Op. cit. P. 21.

[33] *Nedopil C.*, *Song Ziying*. Op. cit. P. 14, 21.

[34] The Future of China's Bond Market / Ed. by A. Schipke, M. Rodlauer, Zhang Longmei. Washington. D.C.: International Monetary Fund, 2019. P. 14. URL: https://www.imf.org/en/Publications/Books/Issues/2019/03/05/The-Future-of-China-s-Bond-Market-46144 (accessed: 06.05.2023).

[35] Ibid. P. 160.

[36] *Nedopil C.*, *Song Ziying*. Op. cit. P. 21.

[37] China's Green Finance — Key Recent Developments // Conventus Law: [site]. 2022. July 8. URL: https://conventuslaw.com/report/chinas-green-finance-key-recent-developments/ (accessed: 16.01.2024).

[38] *Yiping Huang*, *Xun Wang*, *Anqian Huang*. Op. cit. P. 26.

[39] Launching of the National Green Development Fund // International Energy Agency: [site]. 2022. April 5. URL: https://www.iea.org/policies/12360-launching-of-the-national-green-development-fund (accessed: 18.01.2024).

[40] *Nedopil C.*, *Song Ziying*. Op. cit. P. 22.

[41] *Yiping Huang*, *Xun Wang*, *Anqian Huang*. Op. cit. P. 25.

[42] *Chipman K.A.* China Launches Carbon Trading Market as Urgency to Cut Emissions Grows // China Briefing: [site]. 2021. July 26. URL: https://www.china-briefing.com/news/china-launches-carbon-trading-market-as-urgency-to-cut-emissions-grows/ (accessed: 21.01.2024); *Nedopil C.*, *Song Ziying*. Op. cit. P. 25.

[43] Highlights of China's Economic Development in Past Decade // The PRC National Development and Reform Commission: [site]. 2022. May 31. URL: https://en.ndrc.gov.cn/netcoo/achievements/202205/t20220531_1326924.html (accessed: 07.11.2024).

[44] China's Policies and Actions Addressing Climate Change (2022). Op. cit. P. 9; China's Green Development in the New Era: White Paper. Op. cit. P. 28.

[45] Глобальный климатический толчок Китая // Forbes Kazakhstan: [site]. 2020. 01 декабрь. URL: https://forbes.kz/life/opinion/globalnyiy_klimaticheskiy_tolchok_kitaya (дата обращения: 21.01.2024).

[46] *Гао Лэй*. Цит. соч. С. 166.

[47] China's Green Development in the New Era: White Paper. Op. cit. P. 21.

[48] Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2022. Beijing: China Statistics Press, 2022. Table 9-16. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023).

[49] China's Green Development in the New Era: White Paper. Op. cit. P. 33.

[50] Highlights of China's Economic Development in Past Decade. Op. cit.

[51] China's Policies and Actions Addressing Climate Change (2022). Op. cit. P. 16.

[52] Ibid. P. 2, 9, 26–27.

[53] Highlights of China's Economic Development in Past Decade. Op. cit.

[54] China's Green Development in the New Era: White Paper Op. cit. P. 16–17.

[55] China's Policies and Actions Addressing Climate Change (2022). Op. cit. P. 24.

[56] China's Green Development in the New Era: White Paper. Op. cit. P. 11.

[57] Ibid.

[58] China's Epic Journey from Poverty to Prosperity: White Paper. Beijing: [s.n.], 2021. P. 31 // The State Council of the PRC: [site]. 2021. Sepember 28. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202109/28/content_WS61528550c6d0df57f98e0ffa.html (accessed: 10.05.2024).

[59] *Maizland L.* Op. cit.

[60] The New Journey of China's Economic and Social Development. Op. cit. P. 503.

[61] Coal Plant by Country (MW) // Global Coal Plant Tracker: [site]. January 2024. URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1_6AkrRZOn3ZXhSV9O6tZnX-m7aJsfG9HiQ_iEqBkbW8/edit?pli=1#gid=1228809590 (accessed: 23.01.2024).

[62] *Baiping Chen*, *Fæste L.*, *Jacobsen R.* [et al.]. How China Can Achieve Carbon Neutrality by 2060 // Boston Consultancy Group: [site]. 2020. December 14. URL: https://www.bcg.com/publications/2020/how-china-can-achieve-carbon-neutrality-by-2060 (accessed: 30.01.2024).

[63] Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2023 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2024. February 29. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202402/t20240228_1947918.html (accessed: 10.03.2024).

[64] *Shi Jiangtao*. It Could Be a Watershed Year for China's Climate Change Fight. Public Participation is Crucial // South China Morning Post: [site]. 19 March 2024. URL: https://www.scmp.com/comment/article/3255922/it-could-be-watershed-year-chinas-climate-change-fight-public-participation-crucial (accessed: 21.03.2024).

[65] *Епихина Р.* Энергетический кризис в Китае // Российский совет по международным делам: [сайт]. 19 ноября 2021. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/energeticheskiy-krizis-v-kitae/ (дата обращения: 25.01.2024).

[66] *Си Цзиньпин*. Цит. соч. С. 545–546.

Глава 7

Реципиент иностранных инвестиций

В 1980–1990-е годы массовый приток иностранных инвестиций, как известно, сыграл важную роль в развитии и модернизации экономики КНР. Стремясь привлечь все новых зарубежных инвесторов, Китай постоянно развивал свое законодательство, совершенствовал инвестиционный климат, облегчая доступ иностранного капитала на китайский рынок и, обеспечивая все больше прав и гарантий иностранным предпринимателям, предоставлял существенные льготы и преференции зарубежным вкладчикам капитала, сохранив часть из них и после присоединения к ВТО.

Следствием такой политики стало активное развитие иностранного сектора китайской экономики. В начале нынешнего века, как и в предыдущие 20 с лишним лет, Китай привлекал зарубежных инвесторов прежде всего дешевизной и обильностью рабочей силы, не слишком высокими требованиями природоохранного законодательства, щедрыми налоговыми и другими экономическими льготами и преференциями. В этих условиях львиная доля притока прямых иностранных инвестиций в китайскую экономику долгое время концентрировалась в обрабатывающей промышленности, где особенно велика доля живого труда. В последние 10–15 лет, однако, положение изменяется.

Содержание сравнительных преимуществ

По мере развития китайской экономики сокращение численности населения трудоспособного возраста, сопровождаемое замедлением притока в города трудовых мигрантов из сельских районов, ведет к общему росту затрат на рабочую силу. В 2008–2016 гг. среднегодовые темпы прироста заработной платы работников государственных и частных предприятий в городах составили 11%, превышая динамику ВВП и корпоративных прибылей за тот же период.

Впрочем, одновременно наблюдается и ощутимое повышение уровня образования, квалификации и других качественных характеристик человеческих ресурсов. Если в 2006 г. средняя производительность труда в расчете на одного занятого

в КНР составляла лишь 10% от уровня США (в 1978 г. — 2,5%), то в 2018 г. этот показатель превысил 25%[1]. Свидетельствуя о существенном повышении качества китайской рабочей силы, это обусловливает и отход Китая от традиционных сравнительных преимуществ развивающихся стран в виде простого труда и низкой заработной платы.

Начиная с 2013–2014 гг. на рынок труда в КНР ежегодно выходит свыше 7 млн выпускников высшей школы, включая более 6,5 млн молодых специалистов, подготовленных по программам бакалавриата, и более 0,5 млн по программам магистратуры. Оба эти показателя являются наивысшими в мире. В результате в 2015–2020 гг. доля лиц с высшим образованием в общей численности граждан КНР трудоспособного возраста повысилась с 30 до 36,6%[2]. Несмотря на то что это пока еще меньше, чем в большинстве стран со средним уровнем дохода, согласно ежегодному докладу Всемирного экономического форума о глобальном человеческом капитале в 2017 г., Китай занял 34-е место по качеству человеческих ресурсов среди 130 стран мира. Положение Китая в глобальном рейтинге человеческого капитала выглядит даже более прочным и продвинутым при сравнении более молодых групп населения[3]. Все это определяет перспективу дальнейшего роста ресурсов человеческого капитала, необходимых для развития инноваций и использования новых факторов развития в КНР. В 2022 г. рынок труда в КНР пополнили около 10,8 млн выпускников высших учебных заведений[4].

По сравнению с развитыми экономиками рынок труда в Китае предлагает инвесторам более выгодное соотношение цены и качества. Начальная заработная плата среднестатистического работника высокотехнологичной отрасли в Китае, по неофициальным оценкам, составляет в среднем 8–9 тыс. юаней, или 1,2–1,3 тыс. долл. в месяц против 20 тыс. юаней (примерно 3 тыс. долл.) в Гонконге и 40–50 тыс. юаней (6–7,5 тыс. долл.) в США[5]. С учетом описанных выше изменений человеческих ресурсов преимуществом Китая как реципиента иностранных инвестиций постепенно становится все более высокое качество человеческого капитала.

Сходным образом трансформируется ситуация в области охраны окружающей среды, а также энерго- и ресурсопотребления. Учитывая большое значение, придаваемое созданию «экологической цивилизации», а равно и идее «зеленого» развития китайской экономики в решениях последних съездов КПК, правительство шаг за шагом повышает требования к охране окружающей среды и сбережению ресурсов, что увеличивает операционные расходы иностранных компаний в Китае.

При этом, однако, наблюдаются и обратные тенденции. Заметно повысилось качество транспортной инфраструктуры и интернет-сетей Китая, а их абсолютный охват в ряде областей достиг беспрецедентного по международным меркам уровня. Постоянно совершенствуется инфраструктура индустриальных парков, обеспечивающая оптимальные условия для формирования и развития современных бизнес-кластеров. К концу 2015 г., располагая 520 индустриальными парками национального уровня, Китай был безусловным мировым лидером по их масштабам и разнообразию.

Наконец, полным ходом идут широкая диверсификация и модернизация китайской промышленности. Еще в 2010 г., располагая возможностью производить

500 основных категорий промышленной продукции и занимая первое место по производству 220 из этих товарных категорий, Китай обогнал США и стал крупнейшим в мире производителем промышленных товаров[6]. При этом, по данным Всемирного банка, в 2017 г. доля высокотехнологичных изделий в экспорте продукции обрабатывающей промышленности Китая достигла 31% против 20% в США, 18% в Японии, 16% в Германии и 7% в Индии[7].

Все это, вместе взятое, означает, что Китай располагает одной из наиболее всеобъемлющих производственных экосистем и связанной с этим вспомогательной сервисной и технической инфраструктурой[8]. Тем самым, вкладывая средства в КНР, международные инвесторы получают доступ к широкому набору экономических, инструментальных и иных преимуществ, позволяющих эффективно снизить эксплуатационные и производственные расходы своих компаний. Не случайно в 2014 г., например, 85% работающих в КНР американских компаний отчитались о получении прибылей, годом позже этот показатель составил 90%[9].

Что касается инвестиционных льгот и преференций, которые щедро предоставлялись иностранным инвесторам властями на центральном и особенно на местном уровнях в 1980-е и 1990-е годы, то в условиях преимущественно административной экономической системы они сыграли важную роль в привлечении иностранного капитала и, соответственно, в обеспечении быстрого роста Китая на начальном этапе политики реформ и открытости. Вместе с тем провозглашенный в 2013 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва курс на всестороннее углубление реформы предусматривает отказ от практики бесконтрольной раздачи преференций в пользу инвестиционного управления, основанного на предоставлении иностранным предпринимателям национального режима на всех стадиях инвестиционного процесса и на всех направлениях их деловой активности. При этом, как уже отмечалось, инвестиционные льготы и стимулы в КНР не отменяются как таковые, но приобретают строго целевой, регламентируемый центральным правительством характер. Тем самым правительство стремится культивировать позитивную рыночную среду с равными условиями ведения бизнеса как для иностранных, так и для отечественных компаний.

Этому способствует целый ряд важных направлений экономической политики КНР. В их числе, в частности, ускорение реформы ценообразования, позволяющей рыночным факторам определять сегодня цены на 97% товаров и услуг. Здесь же следует отметить прогрессирующее реформирование государственного сектора экономики с демонополизацией и допуском частного капитала в такие ключевые сектора, как электроэнергетика, газо- и нефтедобыча, транспорт, телекоммуникации и даже отдельные сегменты оборонной промышленности. Наконец, используя антимонопольные меры и регулярный мониторинг добросовестной конкуренции, китайские власти стремятся предотвратить формирование административных монополий и обеспечить работу как иностранных, так и отечественных компаний в условиях открытого и упорядоченного конкурентного рынка.

Оценивая привлекательность современной китайской экономики в качестве объекта для размещения иностранных инвестиций, к вышеизложенному следует добавить еще одно важное обстоятельство. Устойчивый рост доходов домашних хо-

зяйств и быстрые темпы урбанизации, наблюдаемые в КНР в десятилетия экономической реформы, обусловили возникновение, а равно и постоянное расширение среднего класса. Динамика этих процессов стала особенно заметной в последние 20–25 лет. Согласно «Финансовому обзору домохозяйств Китая», выпускаемому исследовательским центром при Юго-Западном университете финансов и экономики (г. Чэнду, провинция Сычуань), еще в 2015 г. средний класс КНР насчитывал свыше 200 млн человек, а контролируемое им имущество в общей сложности превышало 28 трлн юаней (4,5 трлн долл.), что делало его крупнейшей социальной группой такого рода среди всех стран мира, включая США и Японию.

Отсюда серьезные сдвиги в структуре потребления населения КНР, переход от преимущественного удовлетворения базовых потребностей (расходы на продовольствие, жилье и одежду) в сторону личностного развития и досуга (расходы на бытовую технику и другие потребительские товары и услуги, на образование и культуру, туризм, транспорт, связь, здравоохранение). В результате Китай становится крупнейшим в мире рынком потребительских товаров среднего и высокого класса, что является еще одним важным преимуществом Китая с точки зрения размещения здесь прямых иностранных инвестиций. Все это, вместе взятое, оказывает определяющее влияние на динамику, структуру и качественное наполнение поступающих в КНР зарубежных инвестиций.

Динамика и географическое распределение иностранных инвестиций

Несмотря на резкое сокращение общего объема трансграничных инвестиций в мировой экономике в начале XXI в. (2001 г. — падение на 40%)[10], а также длительный экономический застой в большинстве развитых стран, в КНР к этому времени были открыты предприятия и филиалы 480 из 500 крупнейших транснациональных компаний, включая, в частности, все ведущие автомобилестроительные корпорации мира, а также 90 из 100 важнейших производителей информационных технологий.

В конце первого и в начале второго десятилетия XXI в. ставка на привлечение максимально возможного объема средств из-за рубежа сменилась политикой, ориентированной на качественное наполнение иностранного капитала высокотехнологичным содержанием, современными ноу-хау, передовыми технологиями. К тому же под влиянием мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. общая динамика трансграничного движения капитала резко замедлилась. По подсчетам международной аудит-консалтинговой корпорации *KPMG*, если в период с 2000 по 2007 г. глобальные потоки прямых иностранных инвестиций (ПИИ) увеличивались в среднем на 12,36%, в год, в то в 2008–2016 гг. аналогичный показатель составил лишь 0,45%[11]. Все это, вместе взятое, обусловило уменьшение доли поступающего в КНР иностранного капитала в общем объеме инвестиций в китайскую экономику с 10–12% в 1990-е годы до 4–5% в середине 2000-х годов и до 2,2–2,5% в конце второго и начале третьего десятилетия XXI в.[12].

Тем не менее современный Китай сохраняет прочные позиции на международном рынке капитала. За последние два с лишним десятилетия приток прямых зару-

бежных инвестиций в экономику КНР увеличился в четыре раза, составив в 2023 г. 163,3 млрд долл. против 40,7 млрд долл. в 2000 г.[13]. Начиная с середины первого десятилетия XXI в. КНР ежегодно привлекает примерно 10–12% и более всех трансграничных инвестиций в мире против менее 3% в 2000 г. Это позволяет Китаю, пусть и с большим разрывом, сохранять за собой второе вслед за США место в списке основных стран–получателей иностранного капитала, а в 2014 и в 2020 гг. на фоне глобального сокращения трансграничных потоков ПИИ даже выводило его на место лидера[14]. При этом более двух десятилетий Китай является главным получателем иностранных инвестиций в развивающемся мире, привлекая сегодня около 20% их поступления во все развивающиеся страны[15].

В табл. 43 представлены расчетные данные, характеризующие динамику поступления прямых иностранных инвестиций в экономику КНР в начале XXI в. по ходу выполнения пришедшихся на этот период четырех пятилетних планов экономического и социального развития КНР, а также трех первых лет очередной, 14-й по счету пятилетки. Прежде всего отметим неуклонный рост среднегодовых размеров притока иностранных инвестиций, обусловливающий укрепление позиций Китая на международном рынке капитала в течение всего рассматриваемого периода. При этом, однако, наблюдалось заметное колебание динамики инвестиционного процесса, связанное, помимо прогрессирующего исчерпания «фактора низкой базы», с целым рядом обстоятельств более общего характера.

Таблица 43

Прямые иностранные инвестиции в экономику КНР, 2001–2023 гг.*

	2001–2005 гг.	2006–2010 гг.	2011–2015 гг.	2016–2020 гг.	2021–2023 гг.
Прямые иностранные инвестиции за период (млрд долл.)	274,0	428,5	590,9	674,3	525,8
Среднегодовые размеры инвестиций (млрд долл.)	54,8	85,7	118,2	134,9	175,3
Среднегодовые темпы прироста инвестиций (%)	8,2	11,9	3,6	2,7	3,0
Количество новых предприятий в расчете на год (тыс. ед.)	37,8	31,6	25,2	40,7	46,7
Средний размер инвестиционного проекта (млн долл.)	1,4	2,7	4,7	3,3	3,7

* Здесь и далее: в 2001–2021 гг. — нефинансовые инвестиции, т.е. капиталовложения в основной капитал без учета финансовых операций, включая портфельные инвестиции, покупку финансовых инструментов, банковские кредиты и депозиты, приобретение дебиторской задолженности и т.п.; с 2022 г. — полная сумма иностранных капиталовложений, включая как нефинансовые, так и финансовые инвестиции.

Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2022. Beijing: China Statistics Press, 2022. Table 11-13. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023); China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Table 11-13. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024); Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2023 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2024. February 29. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202202/t20220227_1827963.html (accessed: 10.03.2024).

Так, высокие среднегодовые темпы прироста иностранных инвестиций в годы 10-й (2001–2005) и 11-й (2006–2010) пятилеток во многом обусловлены присоединением КНР к ВТО и последующим открытием для зарубежного капитала целого ряда важных секторов китайского рынка. Затухающая динамика иностранных капиталовложений в годы 12-й (2011–2015) и 13-й (2016–2020) пятилеток, помимо эффекта высокой базы, обусловлена изменением акцентов в китайской политике привлечения иностранного капитала, переходом КНР от курса на максимальное наращивание иностранных капиталовложений к повышению качества и технологической наполненности привлекаемых из-за рубежа ресурсов. Свою роль сыграла и отмена значительной части экономических льгот и преференций для иностранных инвесторов с постепенным выравниванием режима их деловой активности и условий хозяйствования для отечественных компаний.

Следует отметить еще одно существенное обстоятельство. В 2000–2020 гг. среднестатистические размеры одного инвестиционного проекта находились в обратной зависимости от числа вновь создаваемых предприятий с иностранными инвестициями. Так, в 2001–2015 гг. уменьшение числа таких инвестиционных проектов сопровождалось их укрупнением. Причиной этого, как представляется, было изменение отраслевых приоритетов как китайской стороны, так и иностранных инвесторов с переходом к более капиталоемким видам производства и, соответственно, к более сложным видам инвестиционного сотрудничества.

И наоборот, в 2016–2020 гг. на фоне затухающей инвестиционной динамики увеличению количества новых объектов инвестирования сопутствовало размельчение последних. В данном случае можно говорить о проявлении осторожности зарубежными вкладчиками капитала, а равно и об их стремлении снизить инвестиционные риски в условиях неоднозначных изменений китайской политики открытости, когда постепенное ослабление ограничений выхода на рынок для иностранных компаний сочеталось с отменой для них целого ряда действовавших ранее экономических стимулов, льгот и преференций. Как показало Исследование деловой уверенности, проведенное Торговой палатой ЕС в Китае, в 2016 г. представители 49% зарегистрированных в КНР европейских компаний ощущали определенное снижение заинтересованности в их деятельности на китайском рынке со стороны местных властей. Одновременно 71% компаний-респондентов сообщили об отсутствии у них уверенности в устойчивости получаемой в КНР прибыли[16].

В этих условиях, после того как в январе и августе 2017 г. Госсовет КНР дважды выпускал решения, посвященные стимулированию и активному использованию иностранных инвестиций, власти КНР приступили к практической реализации ряда

стратегий и мер по улучшению бизнес-среды для иностранных компаний. В их числе открытие для иностранного капитала все новых отраслей экономики, усиление финансовой и налоговой поддержки иностранных инвесторов, развитие платформ для китайско-иностранного сотрудничества, совершенствование правовых основ иностранного инвестирования и защиты прав интеллектуальной собственности, повышение качества обслуживания иностранных инвестиций и т.д. В 2020 г. вступил в силу новый Закон КНР об иностранных инвестициях, декларировавший усиление защиты законных прав иностранных предпринимателей и установивший для них национальный правовой режим на всех стадиях инвестиционного процесса.

В 2022 г. 66% опрошенных американских и 71% немецких компаний, зарегистрированных на территории КНР, заявили о намерении и впредь наращивать свои капиталовложения в Китае; 92,8% действующих на китайском рынке японских компаний-инвесторов сообщили об отсутствии у них планов сокращения деловой активности либо перемещения активов за пределы Китая. Уступив только странам «большой семерки», а также Испании и Швейцарии, Китай переместился с 12-й на 10-ю позицию в глобальном индексе уверенности для прямых иностранных инвестиций, ежегодно составляемом американской глобальной консалтинговой компанией *Kearney*[17].

В результате начало 14-й пятилетки (2021–2023) было отмечено не только очевидным оживлением динамики иностранного инвестирования и увеличением числа вновь учреждаемых предприятий иностранного капитала, но и параллельным укрупнением их средних размеров. В 2019–2021 гг. число реализуемых в КНР проектов международного инвестиционного сотрудничества стоимостью свыше 100 млн долл. возросло с 834 до 1177. За один только 2021 г. количество проектов с иностранными инвестициями свыше 100 млн долл. увеличилось на 25,5%[18]. Реализация крупных проектов является фактором устойчивости динамики иностранного инвестирования. В 2022 г. на их долю пришлось 53% суммы освоенных ПИИ, позволяя рассчитывать на дальнейшее развитие инвестиционной деятельности иностранных предпринимателей[19].

Однако со второй половины 2022 г. резкое повышение процентных ставок Федеральной резервной системой США уменьшило привлекательность Китая и других развивающихся стран для международных инвесторов. Вкупе с курсом администрации США на технологическое разъединение с Китаем, а равно и с ответными мерами КНР и общим усилением геополитической напряженности в мире (подробнее см. главу 11 в разделе II) это внесло серьезные коррективы в динамику ПИИ. В 2023 г. приток иностранных инвестиций в китайскую экономику сократился на 13,8%, составив 163,3 млрд долл. против 189,1 млрд долл. в 2022 г. При этом количество новых инвестиционных проектов увеличилось с 38,5 тыс. до 53,8 тыс., а их средние размеры сократились с 4,9 до 3 млн долл.[20].

Среди крупнейших стран-инвесторов традиционно лидирует Гонконг, доля которого в инвестиционных потоках, поступающих из-за рубежа в китайскую экономику, в последние два с лишним десятилетия колебалась от 30 до 70% и более. Далее с большим отрывом следуют страны АСЕАН, в числе которых прежде всего выделяется Сингапур; страны ЕС, возглавляемые инвесторами из Германии и Нидерландов;

Таблица 44

Распределение прямых иностранных инвестиций в КНР
по основным капиталоэкспортирующим странам, регионам и территориям,
2000–2022 гг.

Инвесторы	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2022 г.
Всего (млрд долл.) В том числе (%):	40,7	60,3	105,7	126,3	144,4	189,1
Гонконг	38,0	29,9	57,3	68,1	73,3	72,6
Япония	7,1	10,7	3,9	2,5	2,4	2,4
АСЕАН (Сингапур)	6,9 (5,4)	5,1 (3,6)	6,0 (5,1)	6,0 (5,4)	5,5 (5,3)	6,3 (5,6)
Республика Корея	3,7	8,6	2,6	3,2	2,5	3,5
Тайвань	5,7	3,6	2,4	1,2	0,7	0,4
ЕС (Германия) (Нидерланды)	10,8 (2,5) (2,0)	8,1 (2,5) (1,7)	4,9 (0,9) (0,9)	4,6 (1,3) (0,6)	4,3 (1,0) (1,8)	6,0 (2,4) (1,4)
США	10,8	5,1	2,8	1,7	1,6	1,2
Британские Виргинские о-ва	9,3	14,9	9,9	5,8	3,6	3,5
Каймановы о-ва	1,5	3,2	2,4	1,1	1,9	1,3
Самоа	0,7	2,3	1,6	1,6	0,6	0,4

Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2001. Beijing: China Statistics Press, 2001. Table 17-15. URL: https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/yearlydata/YB2001e/ml/indexE.htm (accessed: 15.07.2024); China Statistical Yearbook 2006. Beijing: China Statistics Press, 2006. Table 18-16. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2006/indexeh.htm (accessed: 25.01.2024); China Statistical Yearbook 2011. Beijing: China Statistics Press, 2011. Table 6-14. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2011/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023); China Statistical Yearbook 2016. Beijing: China Statistics Press, 2016. Table 11-14. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2016/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023); China Statistical Yearbook 2021. Beijing: China Statistics Press, 2021. Table 11-14. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022); China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Table 11-14. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024).

Республика Корея, Япония, США, и т.д. (см. табл. 44). Необходимо отметить и особую роль зарубежной китайской диаспоры, инвестиции которой по сей день играют важную роль в составе иностранного капитала в КНР. Как показывает практика,

прочность позиций этих традиционных для Китая поставщиков иностранного капитала особенно отчетливо проявляется на фоне обмеления инвестиционных потоков из развитых стран Запада во время кризисов и в иные периоды глобальной экономической турбулентности.

Вместе с тем приведенные выше данные официальной китайской статистики требуют комментария. Являясь, как известно, бывшим колониальным владением Великобритании, в 1997 г. Гонконг был возвращен под юрисдикцию Китая и с тех пор имеет особый статус специального административного района КНР. Согласно совместной китайско-британской декларации, а также своему Основному закону, Гонконг в течение как минимум 50 лет после передачи суверенитета обладает высокой степенью автономии, что позволяет сохранять здесь капиталистическую рыночную экономику, собственное, отличное от китайского, законодательство, независимую исполнительную, законодательную и судебную власть. Гонконг остается свободным портом, здесь продолжает обращаться свободно конвертируемый гонконгский доллар, привязанный к доллару США, и т.д.

В этих условиях капиталовложения, поступающие из Гонконга в китайскую экономику, продолжают рассматриваться статистикой КНР в качестве иностранных инвестиций. Основания для такого подхода не исчерпываются вышеприведенными обстоятельствами. Дело в том, что являясь крупнейшим торговым и финансовым центром Азии и всего мира, Гонконг обладает солидной юридической базой, а также хорошо отлаженной финансовой системой и инвестиционными механизмами, которые в той или иной мере используются многими международными инвесторами для выхода на китайский рынок. В результате, помимо капиталовложений собственно местных компаний, под эгидой Гонконга в КНР поступают средства инвесторов из стран ЕС, США, Канады, Австралии и т.д., а равно и инвестиции представителей разбросанных по всему миру зарубежных китайских общин.

Полный учет данного обстоятельства, как представляется, мог бы заметно видоизменить соотношение различных источников прямых иностранных инвестиций в китайскую экономику. Так, согласно данным исследовательской фирмы *Rhodium Group* (США), в 2010-е годы США в общей сложности разместили в КНР прямых инвестиций на 120 млрд долл.[21]. При этом ГСУ КНР оценивает соответствующие операции в четыре раза меньшей суммой средств[22]. Это означает, что лишь 20–25% американских инвестиций направляется в Китай непосредственно из США, остальные поступают на китайский рынок через различного рода обезличивающие офшорные схемы, и прежде всего через Гонконг.

Еще одним фактором, требующим отдельного разъяснения, являются так называемые возвратные инвестиции, имеющие своим источником прибыли компаний КНР, оседающие на зарубежных банковских счетах, в том числе и в обход действующего законодательства. Возвращая эти средства на родину под видом иностранных инвестиций, китайские компании долгое время сокращали свои налоговые издержки за счет использования действовавшего в Китае преференциального налогового режима для иностранных предпринимателей.

Традиционно такие финансовые операции осуществлялись через банковскую систему Гонконга. Однако, после того как в 1997 г. Гонконг перешел под юрисдик-

цию КНР, многие китайские компании сочли за лучшее перенести их в заморские офшорные центры, подальше от контролирующего воздействия китайских властей. Только на Британских Виргинских островах, например, в 2001–2005 гг. было зарегистрировано 10 тыс. компаний из КНР. Отсюда наблюдавшееся в первое десятилетие XXI в. снижение удельного веса Гонконга в общем объеме иностранных инвестиций с более чем 50% до примерно 30%. Одновременно на авансцену иностранного предпринимательства в Китае вышли такие известные офшорные финансовые центры, как Британские Виргинские острова, Каймановы острова, Маврикий, Самоа и т.д., совокупная доля которых в первое десятилетие XXI в. достигала 20% притока иностранных инвестиций в КНР и даже более того.

При этом с течением времени размеры «возвратных инвестиций» имели тенденцию к росту. Если до середины 1990-х годов они, по оценке, обеспечивали 15–25% притока иностранного предпринимательского капитала в КНР, то в середине следующего десятилетия — уже 20–30%[23]. По оценке группы исследователей Китайской академии общественных наук и Нанкайского университета, примерно такой же уровень «возвратных инвестиций» сохранился вплоть до начала 2020-х годов[24]. Это вызывает определенную озабоченность китайских властей, ведь ничуть не увеличивая общий инвестиционный и технологический потенциал страны, «возвратные инвестиции» не только искажают реальную картину притока иностранного капитала в экономику КНР, но в ряде случаев снижают налоговые доходы государства.

Впрочем, в 2020-е годы по мере реформирования налоговой системы Китая и выравнивания условий деловой активности для китайских и иностранных инвесторов удельный вес заморских офшоров в годовом притоке прямых иностранных инвестиций в КНР снизился до примерно 5% при соответствующем увеличении доли Гонконга.

Структурная эволюция

Долгое время иностранные инвесторы в Китае стремились прежде всего воспользоваться преимуществами низких издержек производства, концентрируя львиную долю своих капиталовложений в обрабатывающей промышленности, на поручительской сборке и переработке экспортной продукции, расположенной на нижнем уровне промышленной цепочки создания стоимости. Наивысший удельный вес вложений в обрабатывающую промышленность зафиксирован в 2004–2005 гг., когда они достигали 70–71% годового притока прямых иностранных инвестиций.

Вместе с тем в последние полтора-два десятилетия по мере развития китайской экономики под влиянием новых факторов роста отраслевая структура прямых иностранных инвестиций подвергается заметной трансформации. В целом содержание этих структурных сдвигов коррелирует с настойчивыми усилиями властей по модернизации промышленной структуры Китая и стимулированию его перехода к производству товаров с высокой добавленной стоимостью, к экономике, развитие

которой в большей мере зависит от внутреннего потребления, и в частности от сферы услуг.

Как показывает практика, приток иностранного предпринимательского капитала в Китай по своим структурным параметрам согласуется с приоритетами национальной экономической политики. Более того, из-за ограниченных масштабов иностранных инвестиций сдвиги в основных направлениях их потоков носят более выраженный характер и тем самым дополнительно стимулируют отраслевую переориентацию внутренних инвестиций. Налицо прогрессирующее перераспределение прямых иностранных инвестиций в пользу третичного сектора экономики (сфера услуг, сектор недвижимости, транспорт, торговля) при одновременном снижении роли традиционной промышленности.

Поворотный пункт в этом процессе пришелся на годы 12-й пятилетки (2011–2015) Именно в этот период прогрессирующее затухание роста иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность сменилось длительным периодом их отрицательного среднегодового прироста (-4,7% в 2011–2020 гг.). Параллельно шел активный, с двузначными средними темпами прироста (12,8% в 2008–2016 гг.) наплыв иностранных инвестиций в отрасли третичного сектора китайской экономики.

Данные ГСУ КНР показывают, что в 2006 г. на обрабатывающую промышленность и сферу услуг приходилось 63,6 и 31,1% общего притока прямых иностранных инвестиций соответственно. В 2010 г. сфера услуг практически сравнялась, а в 2011 г. превзошла обрабатывающую промышленность в качестве крупнейшего объекта приложения прямых иностранных инвестиций.

В 2012–2014 гг. правительство Китая приняло ряд решений, снижающих инвестиционные барьеры для иностранных компаний на рынке финансовых услуг, в сфере здравоохранения, включая создание лечебных центров и других медицинских учреждений, и т.д. Открытие экспериментальных зон свободной торговли, начиная с 2013 г., способствовало реализации этих решений правительства на практике. В результате уже в 2016 г. инвестиции в сферу услуг составили 66,6% общего притока иностранного предпринимательского капитала в Китай, в то время как инвестиции в обрабатывающую промышленность — лишь 31,9%.

Помимо смены стратегических приоритетов национальной экономической политики за этим стоит целый ряд факторов, включая замедление роста китайского экспорта, усилия правительства по сокращению избыточных мощностей в ряде отраслей промышленности (черная металлургия, производство цемента, судостроение), ужесточение экологических требований к производственным предприятиям и, наконец, повышение заработной платы в промышленности КНР, увеличивающее себестоимость ее продукции и тем самым делающее ее менее конкурентоспособной по сравнению с близлежащими развивающимися странами Юго-Восточной Азии. К началу третьего десятилетия XXI в., как свидетельствуют данные табл. 45, доля обрабатывающей промышленности снизилась до 21,5%.

Таблица 45

Отраслевая структура прямых иностранных инвестиций в экономику КНР, 2000–2022 гг.

Отрасли	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2022 г.
Прямые иностранные инвестиции, всего (млрд долл.)	40,7	60,3	105,7	126,3	144,4	189,1
Общая сумма ПИИ (%)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:						
1. Сельское и лесное хозяйство, животноводство (млрд долл.)	0,7	0,7	1,9	1,5	5,8	1,2
Доля в общей сумме ПИИ (%)	1,7	1,1	1,8	1,2	4,0	0,6
2. Обрабатывающая промышленность (млрд долл.)	25,8	42,5	49,6	39,5	31,0	49,7
Доля в общей сумме ПИИ (%)	65,8	70,5	46,9	31,3	21,5	26,2
3. Транспорт, логистика, связь (млрд долл.)	1,0	1,8	2,2	2,2	5,0	5,3
Доля в общей сумме ПИИ (%)	2,5	3,0	1,9	1,7	3,5	2,8
4. Передача информации, ИТ-услуги, программное обеспечение (млрд долл.)	…	1,0	2,5	3,8	16,4	23,9
Доля в общей сумме ПИИ (%)	…	1,7	2,4	3,0	11,4	12,6
5. Оптовая и розничная торговля (млрд долл.)	0,9	1,0	6,6	12,0	11,8	14,6
Доля в общей сумме ПИИ (%)	2,2	1,7	6,2	9,5	8,2	7,7
6. Недвижимость (млрд долл.)	4,7	5,4	24,0	29,0	20,3	14,2
Доля в общей сумме ПИИ (%)	11,5	9,0	22,7	22,9	14,1	7,5
7. Лизинг, бизнес-услуги (млрд долл.)	…	3,7	7,1	10,0	26,6	33,1
Доля в общей сумме ПИИ (%)	…	6,1	6,7	7,9	18,4	17,5

8. НИОКР и технические услуги (млрд долл.)	…	0,3	2,0	4,5	17,9	30,2
Доля в общей сумме ПИИ (%)	…	05	1,9	3,6	12,4	16,0
9. Финансовый сектор (млрд долл.)	0,1	0,2	1,1	15,0	6,5	6,9
Доля в общей сумме ПИИ (%)	0,2	0,3	1,0	11,9	4,5	3,6

Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2001. Beijing: China Statistics Press, 2001. Table 17-18 URL: https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/yearlydata/YB2001e/ml/indexE.htm (accessed: 15.07.2024); China Statistical Yearbook 2002 / National Bureau of Statistics of China. Beijing: China Statistics Press, 2002. Table 17-18. URL: https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/yearlydata/YB2002e/ml/indexE.htm (accessed: 15.07.2024; China Statistical Yearbook 2006. Beijing: China Statistics Press, 2006. Table 18-17. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2006/indexeh.htm (accessed: 25.01.2024); China Statistical Yearbook 2011. Beijing: China Statistics Press, 2011. Table 6-16. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2011/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023); China Statistical Yearbook 2016. Beijing: China Statistics Press, 2016. Table 11-16. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2016/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023); China Statistical Yearbook 2021. Beijing: China Statistics Press, 2021. Table 11-15. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022); China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Table 11-15. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024).

Обеспечивая опережающие темпы привлечения иностранных инвестиций, различные отрасли сферы услуг и в целом третичного сектора в последние полтора-два десятилетия попеременно исполняют роль главных драйверов растущей открытости китайской экономики. Так, по ходу 11-й пятилетки (2006–2010) в этом качестве выступала оптовая и розничная торговля (среднегодовые темпы прироста ПИИ — 45,9%) и недвижимость (33,7%). В годы 12-й пятилетки (2011–2015) на передовые позиции вырвался финансовый сектор (68,7%), отчасти сохранила свое значение и торговля (12,7%). Не случайно в 2016 г. Пекин и Шанхай вошли в десятку крупнейших международных финансовых центров наряду с такими столпами глобальной финансово-экономической архитектоники, как Лондон, Нью-Йорк, Париж, Франкфурт, Токио и т.д.

В 2016–2020 гг., в период реализации 13-го пятилетнего плана громко заявили о себе информационные и компьютерные услуги (среднегодовые темпы прироста ПИИ — 34%), научные исследования и разработки (31,8%), а также лизинг и бизнес-услуги (21,6%). Они же в целом продолжили быстрый рост и в первые годы текущей, 14-й пятилетки. В 2021–2022 гг. среднегодовые темпы прироста ПИИ в научные исследования и разработки составили 29,9%, а в информационные и компьютерные услуги — 21,5%[25].

Растущий приток иностранного капитала в отрасли сферы услуг свидетельствует о том, что международные инвесторы все больше рассматривают Китай не как источник дешевой рабочей силы, а как рынок конечного потребления. В 2022 г. удельный вес третичного сектора экономики в создании ВВП КНР составил 52,8% против 50,8% в 2015 г.[26]. Если учесть, что в странах ОЭСР этот показатель в среднем достигает 70%, то следует признать, что Китай все еще находится на ранней стадии перехода к экономике, основанной на услугах[27].

Таким образом, возможности дальнейшего развития сферы услуг, а равно и ее потенциал в привлечении поступающих из-за рубежа инвестиционных ресурсов, далеко не исчерпаны. Помимо упомянутых выше финансового сектора и сферы здравоохранения хорошие перспективы в этом отношении имеют логистика, электронная коммерция, образование, а также сектор высокотехнологичных услуг, включая коммерциализацию новых технологий, научные исследования и разработки, проектирование, информационные и компьютерные услуги, программное обеспечение, мониторинг состояния окружающей среды и т.д.

Что касается иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность КНР, то в течение двух последних пятилеток их размеры сократились почти на 40%, составив в 2020 г. 31 млрд долл. против 49,6 млрд долл. в 2010 г. В высокотехнологичном производстве, однако, складывается иная ситуация. В 2014 г. с целью поощрения иностранных инвестиций в сектор высоких технологий Госсовет КНР выпустил решения об ускорении преобразований и инновационного развития общегосударственных зон экономического и технологического развития, а также об ускорении развития научно-технических услуг. Аналогичные решения, обеспечивающие благоприятный режим для иностранных компаний, инвестирующих в строительство высокотехнологичных индустриальных парков или создающих научно-исследовательские центры, были изданы целым рядом провинциальных правительств[28].

Со своей стороны, иностранные компании-производители отходят от производства дешевой экспортной продукции и все чаще переключаются на выпуск товаров более высокого качества, разработанных специально для удовлетворения потребностей китайского потребителя. На этом фоне наглядно проявляется тенденция к совершенствованию внутренней структуры и технологического содержания инвестиций в промышленность. В 2015 г., например, при абсолютном сокращении иностранных инвестиций в отрасли обрабатывающей промышленности на 13% капиталовложения в технологически емкое промышленное производство увеличились на 9,5%, составив 9,4 млрд долл. Впоследствии тренд на опережающий рост иностранных инвестиций в высокотехнологичное производство получил дальнейшее развитие. В 2017–2022 гг. темпы прироста инвестиций в высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности варьировались от 11 до 43%[29].

Быстрый рост ПИИ наблюдается в автомобилестроении, а также в фармацевтике, электронной промышленности и производстве телекоммуникационного оборудования, компьютеров, современного офисного и медицинского оборудования и инструмента. По данным Министерства коммерции КНР, на долю высокотехнологичных производств в 2015 г. пришлось почти 23,8%, а в 2021 г. — 28,8% всех по-

ступлений иностранных инвестиций в промышленность КНР[30]. Аналогичный показатель для отраслей обрабатывающий промышленности в 2017–2021 гг. увеличился с 29,5 до 35,8%[31]. Абсолютные размеры прямых иностранных инвестиций в высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности в 2022 г. составили 18,2 млрд долл. против 9,9 млрд долл. в 2017 г.[32].

В 2021 г. иностранные инвестиции, использованные в двадцати с лишним экспериментальных зонах свободной торговли, достигли 32,3 млрд долл., обеспечив 18,6% общего притока прямых иностранных инвестиций[33]. Еще 30,4 млрд долл. (16,7% ПИИ) привлекли 230 зон технико-экономического развития общегосударственного уровня[34]. В числе наиболее дорогостоящих и знаковых инвестиционных проектов в секторе высоких технологий можно отметить, например, приобретение за 1,5 млрд долл. корпорацией *Intel Corporation* (США) 20%-ного пакета акций китайских компаний *Spreadtrum Communications* и *RDA Microelectronics*, являющихся крупными производителями микросхем для мобильных телефонов и портативных устройств (2014 г.), инвестирование 7,5 млрд долл. американской компанией *Tesla* для строительства завода электромобилей в Шанхае (2019 г.) и т.д.[35].

Реализация подобного рода инвестиционных проектов, ориентированных в том числе и на внутренний рынок Китая, заметно меняет характер иностранных инвестиций в промышленность КНР. Наблюдаемый с 2021 г. подъем иностранного предпринимательства в обрабатывающей промышленности КНР (среднегодовые темпы прироста ПИИ — 26,6%) происходит на новом, более высоком технологическом уровне, а сама обрабатывающая промышленность вновь возвращает себе статус одного из главных драйверов иностранного инвестирования.

Чтобы способствовать более сбалансированному национальному развитию, китайские власти с начала нынешнего столетия направили значительные ресурсы на развитие не имеющих выхода к морю центральных и западных районов страны. Однако долгое время эти усилия не давали результата с точки зрения размещения иностранных инвестиций, традиционно концентрировавшихся в более развитых приморских районах на востоке страны.

С переносом акцента в развитии китайской экономики на внутренний рынок иностранные инвесторы шаг за шагом пробуют наращивать деловую активность во внутренних районах страны. Дешевая рабочая сила и низкие расценки на аренду земли при наличии относительно развитой производственной и социальной инфраструктуры — все это повышает экономические преимущества от ведения бизнеса в этих регионах. К тому же в рамках интеграционной программы «Один пояс, один путь» Китай инициирует все больше крупных инвестиционных проектов в западном регионе.

В результате при стабилизации, а иногда и относительном сокращении вложений в наиболее продвинутые и освоенные международным бизнесом районы Восточного Китая в последние годы намечаются признаки возможной перегруппировки иностранных инвестиций в пользу менее развитых внутренних районов прежде всего за счет активизации притока иностранных средств в экономику Центрального Китая (табл. 46). Эти тенденции еще слабо выражены и противоречивы, ведь иностранный капитал все чаще ищет возможности инвестирования в сферу высокотех-

нологичных производств и услуг, а эти отрасли преимущественно находятся в Восточном Китае. Таким образом, в среднесрочной перспективе ПИИ могут по-прежнему концентрироваться на востоке с последующим постепенным перемещением в центральные и западные районы страны.

Таблица 46

Региональная структура иностранных инвестиций в КНР, 2017–2022 гг.*

	2017 г.		2018 г.		2019 г.		2021 г.		2022 г.	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Прямые иностранные инвестиции, всего	131,0	100,0	134,9	100,0	138,1	100,0	173,4	100,0	189,1	100,0
В том числе:										
Восточные районы	114,6	87,5	115,4	85,4	119,1	86,2	152,7	88,0	164,4	86,9
Центральные районы	8,3	6,3	9,8	7,3	9,7	7,0	8,8	6,4	13,8	7,3
Западные районы	8,1	6,2	9,8	7,3	9,3	6,8	9,6	5,6	10,9	5,8

* Восточные районы включают города Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и провинции Хэбэй, Ляонин, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Шаньдун, Гуандун, Хайнань.

Центральные районы включают провинции Шаньси, Аньхой, Цзянси, Хэнань, Хубэй, Хунань, Цзилинь, Хэйлунцзян.

Западные районы включают город Чунцин, Гуанси-Чжуанский автономный район, Нинся-Хуэйский автономный район, Синцзян-Уйгурский автономный район, Тибетский автономный район, а также провинции Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Шэньси, Ганьсу, Цинхай.

Подсчитано по: Report on Foreign Investment in China 2022. Beijing: The PRC Ministry of Commerce, 2022. P. 13. URL: http://images.mofcom.gov.cn/wzs/202301/20230104194942451.pdf (accessed: 14.03.2024); Statistical Bulletin of FDI in China 2023. Beijing: The PRC Ministry of Commerce, 2023. P. 4 // Invest in China : [site]. URL: https://fdi.mofcom.gov.cn/resource/pdf/2024/03/14/564085296c88430c98e426696f3751e1.pdf (accessed: 14.03.2024).

Развитие внутреннего рынка КНР сопровождается повышением технических возможностей китайской экономики, усилением ее вовлеченности в глобальную кооперацию, а равно и все большим перемещением интереса иностранных партнеров Китая с нижних на верхние звенья производственных цепочек создания стоимости. Результатом всего этого является расширение практики трансграничных

слияний и поглощений в КНР. Еще в 2013 г., по оценкам британских экспертов, Китай поднялся до десятой строчки рейтинга наиболее привлекательных рынков слияний и поглощений, а по объему таких сделок вышел на четвертое место в мире[36].

В странах с развитой рыночной экономикой трансграничные слияния и поглощения обеспечивают до 80% притока прямых иностранных инвестиций, а подчас и больше. В Китае, согласно данным международной аудит-консалтинговой корпорации *KPMG*, в период с 2010 по 2016 г. масштабы M&A-сделок с участием зарубежных инвесторов соответствовали в среднем 17,2% общего притока ПИИ, что почти на 10 процентных пунктов превысило средний уровень предыдущих семи лет (2003–2009)[37]. В период пандемии коронавируса COVID-19 общая стоимость этих сделок заметно сократилась, однако впоследствии отыграла утраченные позиции и в 2023 г. составила 21,4 млрд долл., обеспечив 13,1% годового притока ПИИ[38].

ГСУ КНР не дает агрегированных сведений о трансграничных M&A-сделках на китайском рынке. В этих условиях приходится оперировать информацией, получаемой от иностранных участников этих инвестиционных операций. Данные, представленные в табл. 47, на примере 2015 г. позволяют получить представление о размерах, отраслевом распределении и количестве таких сделок на китайском рынке.

Таблица 47

Отраслевое распределение трансграничных сделок слияния и поглощения в КНР, 2015 г.

Сфера деловой активности, отрасль	Размер объявленных сделок		Сфера деловой активности, отрасль	Число объявленных сделок	
	млрд долл.	%		ед.	%
Всего	25,2	100,0	Всего	202	100,0
В том числе:			В том числе:		
холдинги, бизнес-конгломераты	10,4	41,3	производство компьютеров и электронная промышленность	33	16,3
нефтяная и газовая промышленность	5,0	19,8	бизнес-услуги	16	7,9
коммерческая недвижимость	2,1	8,3	агробизнес и пищевая промышленность	15	7,4
финансовые услуги, страхование	1,7	6,7	коммерческая недвижимость	14	6,9
транспорт	1,1	4,4	здравоохранение	14	6,9
производство компьютеров и электронная промышленность	1,1	4,4	энергообеспечение, ЖКХ	13	6,4

агробизнес и пищевая промышленность	0,88	3,5	транспорт	12	5,9
энергообеспечение, ЖКХ	0,72	2,9	автомобильная промышленность	11	5,4
розничная торговля	0,64	2,5	металлургия	11	5,4
строительство	0,35	1,4	финансовые услуги, страхование	10	5,0

Источник: China Outlook 2016. Beijing: KPMG, 2016. P. 45. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2016/03/china-outlook-2016.pdf (accessed: 07.03.2024).

В 2015 г. компании из 26 различных стран и регионов объявили о проведении в материковом Китае в общей сложности 202 сделок по слияниям и поглощениям совокупной стоимостью в 25,2 млрд долл., что соответствовало 18,6% годового притока ПИИ. Средняя величина десяти крупнейших сделок при этом составила 1,97 млрд долл. (1,18 млрд долл. в 2014 г. и 0,89 млрд долл. в 2013 г.)[39]. Средние размеры прочих операций, не входящих в десятку крупнейших, составили 28,6 млн долл., в 5,6 раза превышая стоимость среднего проекта привлечения прямых иностранных инвестиций. Таким образом, на рынке слияний и поглощений в КНР доминируют крупные и мегакрупные иностранные инвесторы. Это такие гиганты международного бизнеса, как *ITOCHU Corporation* (Япония), *Manhattan Resources Ltd* (Сингапур), *Mozido Inc.* (США), *Jardine Matheson Holdings Ltd* (Гонконг), *Danon* (Франция), *Morgan Stanley* (США), *Wal-Mart Stores* (США), *Delta Air Lines* (США), *The Coca Cola Company* (США) и т.д. M&A-сделки с участием перечисленных и иных, подобных им транснациональных инвесторов являются высокоэффективным инструментом привлечения иностранного капитала.

В целом на долю компаний из развитых стран пришлось свыше 94% числа объявленных сделок и более 78% их общей стоимости. В том числе компаниями из Японии, США, Сингапура, Катара и Тайваня было объявлено о 143 M&A-сделках на 22 млрд долл., что составило 87,4% от их общей стоимости. Оставшаяся часть операций была проведена инвесторами из Австралии, Канады, Республики Корея, Франции, Германии, Великобритании, Швеции, Бельгии и т.д.[40].

Сегодня экономику Китая трудно представить без участия крупнейших транснациональных компаний, обладающих известнейшими мировыми брендами и современными технологиями. Поэтому даже в условиях нынешнего акцента на развитие собственных высокотехнологичных инновационных производств Китай не собирается отказываться от взаимовыгодного сотрудничества с иностранными партнерами.

К концу 2022 г. в Китае было создано свыше 1,1 млн предприятий с участием иностранного капитала, а накопленный объем иностранных инвестиций превысил 2,8 трлн долл.[41]. Несмотря на относительно небольшую долю иностранных инвестиций в общем массиве китайского инвестиционного фонда, эффективность использования этих средств весьма высока. Составляя лишь около 2% общего числа предприятий в Китае, компании с участием иностранного капитала обеспечивают сегодня $^{1}/_{3}$ китайского импорта и экспорта (в том числе 75–80% экспорта высоко-

технологичной продукции), более $^1/_6$ налоговых поступлений, $^1/_5$ добавленной стоимости в промышленности, почти $^1/_4$ прибыли промышленных предприятий и около $^1/_{10}$ городской занятости[42].

По мере дальнейшей экономической трансформации Китая будет возрастать и его потребность в иностранных инвестициях в виде финансовых ресурсов, передовых технологий, управленческого опыта и высококачественных продуктов для содействия модернизации промышленной структуры страны, а равно и для удовлетворения растущих потребностей китайских потребителей и поддержки перехода КНР к ориентированной на потребление инновационно-интенсивной экономике. Таким образом, иностранные инвестиции являются важным фактором дальнейших экономических преобразований в современном Китае.

Примечания

[1] The New Journey of China's Economic and Social Development / Ed. by Fuzhan Xie [et al.]; transl. by Yisheng Wu [et al.]. Beijing [et al.]: China Social Sciences Press [et al.], 2023. P. 72. DOI: 10.1007/978-981-19-7915-6 (accessed: 23.06.2023).

[2] China is Improving Its Human capital. Gradually // The Economist: [site]. 2022. July 2. URL: https://www.economist.com/china/2022/06/30/china-is-improving-its-human-capital-gradually (accessed: 12.03.2024).

[3] The Global Human Capital Report 2017. Preparing People for the Future of Work. Geneva: World Economic Forum, 2017. P. 80. URL: https://www.weforum.org/publications/the-global-human-capital-report-2017/ (accessed: 04.11.2023).

[4] Navigating Uncertainty. China's Economy in 2023: China Economic Update. December 2022. Washington D.C.: The World Bank, 2022. P. 36. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099062002232318248/pdf/P1757970fbdcf3053096ae006cda0a3e01a.pdf (accessed: 12.03.2024).

[5] China Outlook 2018. A New Era, a New Paradigm of Globalization. Beijing: KPMG, 2018. P. 50. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2018/04/china-outlook-2018.pdf (accessed: 09.03.2023).

[6] Ibid. P. 52.

[7] The New Journey of China's Economic and Social Development. Op. cit. P. 74.

[8] *Huld A.* China 2022 FDI Roundup: Stronger Policies Aim to Maintain Growth Momentum // China Briefing: [site]. 2022. September 22. URL: https://www.china-briefing.com/news/foreign-investment-in-china-august-2022-round-up/ (accessed: 08.09.2024).

[9] China Paves Way for More Foreign Investment // China.org.cn: [site]. 2016. October 9. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-10/09/content_39451229.htm (accessed: 08.04.2024).

[10] См.: *Новоселова Л.* Развитие иностранного предпринимательства в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 3. С. 93.

[11] China Outlook 2018. Op. cit. P. 32.

[12] World Investment Report 2024. Investment Facilitation and Digital Government: Country Fact Sheet: China. Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2024. URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/ wir_fs_cn.pdf (accessed: 10.08.2024).

[13] China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Table 11-13. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024).

[14] World Investment Report 2024. Op. cit.; Statistical Bulletin of FDI in China 2023. Beijing: The PRC Ministry of Commerce, 2023. P. 19-20 // Invest in China: [site]. URL: https://fdi.mofcom.gov.cn/resource/pdf/2024/03/14/564085296c88430c98e426696f3751e1.pdf (accessed: 14.03.2024).

[15] *Yang Ziman*. China Needs to Further Open Up to Foreign Capital // ChinaDaily.com.cn: [site]. 2016. December 09. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-12/09/content_27625638.htm (accessed: 10.04.2024).

[16] China Outlook 2018. P. 42, 48.

[17] Report on Foreign Investment in China 2022. Beijing: The PRC Ministry of Commerce, 2022. P. 16-17. URL: http://images.mofcom.gov.cn/wzs/202301/20230104194942451.pdf (accessed: 14.03.2024).

[18] Ibid. P. 13.

[19] China's FDI up 8% in 2022, Continuing Upward Trend for Three Consecutive Years // Global Times: [site]. 2023. January 18. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202301/1284004.shtml (accessed: 12.04.2024).

[20] Подсчитано по: Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2023 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2024. February 29. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202202/t20220227_1827963.html (accessed: 10.03.2024); Statistical Bulletin of FDI in China 2023. Op. cit. P. 2.

[21] America's Plan to Vet Investments into China // The Economist: [site]. 2023. June 22. URL: https://www.economist.com/business/2023/06/22/americas-plan-to-vet-investments-into-china (accessed: 13.04.2024).

[22] Подсчитано по: China Statistical Yearbook за 2011–2023 гг.

[23] *Новоселова Л.* Политика привлечения иностранного капитала в Китае // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 2. С. 73.

[24] *Orange Wang*. How Much is China's Foreign Direct Investment and is It Still a Good Destination for Overseas Investors? // South China Morning Post: [site]. 2022. June 10. URL: https://www.scmp.com/economy/economic-indicators/article/3181037/how-much-chinas-foreign-direct-investment-and-it-still (accessed: 13.04.2024).

[25] Подсчитано по данным China Statistical Yearbook за соответствующие годы (см. источники к табл. 45).

[26] China Statistical Yearbook 2023. Op. cit. Table 3-2.

[27] China Outlook 2016. Beijing: KPMG, 2016. P. 38. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2016/03/china-outlook-2016.pdf (accessed: 07.03.2024).

[28] China Outlook 2015. Beijing: KPMG, 2015. P. 32. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2015/02/China-Outlook-2015-201501-v1.pdf (accessed: 29.02.2024).

[29] *Новоселова Л.В*. Инвестиционная политика // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017–2018 / ИДВ РАН. М.: Форум, 2018. С. 127–128; *Huld A*. Op. cit.

[30] Foreign Investment Guide of the People's Republic of China. 2022 Edition. Beijing: The PRC Ministry of Commerce, 2022. P. 4. URL: http://images.mofcom.gov.cn/wzs/202301/20230104194307105.pdf (accessed: 10.12.2023).

[31] Report on Foreign Investment in China 2022. Op. cit. P. 13.

[32] Statistical Bulletin of FDI in China 2023. Op. cit. P. 3; Report on Foreign Investment in China 2022. Op. cit. P. 13.

[33] Foreign Investment Guide. Op. cit. P. 4.

[34] Report on Foreign Investment in China 2022. Op. cit. P. 15.

[35] *Orange Wang*. Op. cit.

[36] *Новоселова Л.В.*, *Терентьева Т.Г.* Китай на мировом рынке капитала // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 92.

[37] China Outlook 2018. Op. cit. P. 58.

[38] World Investment Report 2024. Op. cit.

[39] China Outlook 2015. Op. cit. P. 29.

[40] China Outlook 2016. Op. cit. P. 43–45.

[41] Statistical Bulletin of FDI in China 2023. Op. cit. P. 35.

[42] Foreign Investment Guide. Op. cit. P. 4; Statistical Bulletin of FDI in China 2023. Op. cit. P. 50, 51, 53.

Глава 8

Влиятельный международный инвестор

С присоединением к ВТО Китай приступил ко все более активному и уверенному сочетанию привлечения иностранных инвестиций с экспортом собственного капитала, используя с этой целью громадные валютные резервы, накопленные за десятилетия опережающего роста китайского экспорта. Как известно, обеспечивая свыше 10% оборота мировой торговли, в 2013 г. КНР стала главной торговой державой мира. В 2008–2013 гг. валютные резервы Китая практически удвоились, увеличившись с 1,95 до 3,8 трлн долл.[1].

Осуществляя зарубежные капиталовложения, Китай ориентируется на получение устойчивого доступа к широкому кругу факторов производства, необходимых для развития национальной экономики. В их числе не только дефицитные природные ресурсы (нефть, газ, минеральное сырье), но и передовые зарубежные технологии и управленческий опыт в ряде современных отраслей стратегической важности (производство компьютеров и программного обеспечения, биомедицина, производство новых материалов, «зеленая» энергетика и т.д.). Неменьшее значение имеет проникновение китайских компаний-инвесторов на новые сегменты зарубежных рынков для увеличения собственных продаж, а также для продвижения вверх по глобальным цепочкам создания стоимости. Пытаясь поставить под свой контроль как восходящие, так и нисходящие звенья этих сложных цепочек, китайские компании стремятся перейти от участия к доминированию в них.

Наконец, Китай, безусловно, рассчитывает и на усиление своего экономического и политического влияния в отдельных регионах, а равно и в общемировом масштабе. Расширение зарубежной инвестиционной экспансии рассматривается в КНР в качестве важнейшего инструмента реализации «китайской мечты» о возрождении величия Китая.

Стратегии и инициативы

Начало XXI в. было отмечено рядом событий и обстоятельств, способствовавших быстрому становлению КНР как влиятельного международного инвестора.

Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. и последовавший за ним долговой кризис в Европе (2010–2013) оказали значительное воздействие на состояние экономики развитых стран, обусловив обеднение их кредитных ресурсов, удешевление местных активов и, как следствие, весьма благожелательное отношение деловых и политических кругов к поступающему извне иностранному капиталу, в том числе и в связи с осуществлением программ приватизации государственной собственности в ряде отраслей национальной экономики.

Все это благоприятствовало формированию рынка покупателя в сфере трансграничных слияний и поглощений во многих развитых странах. Не случайно, выступая на 3-й сессии ВСНП 11-го созыва (март 2010 г.), тогдашний премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил о необходимости всемерно поддерживать осуществление стратегии «выхода за рубеж», содействуя предприятиям, ведущим инвестиционную деятельность за рубежом. В 2009–2015 гг., как свидетельствуют данные ГСУ КНР, среднегодовые размеры китайских инвестиций в Европе (7 млрд долл.) в 10 раз превысили уровень 2004–2008 гг.

Одновременно китайское правительство объявило амбициозную программу масштабных инвестиций в целый ряд азиатских, африканских и европейских стран, объявив о плане развития экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI в. Экономический пояс нового Шелкового пути соединяет Китай и Западную Европу через транспортную сеть Центральной и Западной Азии и Восточной Европы. Морской Шелковый путь проходит от восточного побережья КНР до Великобритании по нескольким маршрутам: через Индийский океан, Африку и Средиземное море; через Океанию и Тихий океан, а также через Северный Ледовитый океан. Выдвинутая в 2013 г. китайская инициатива «Один пояс, один путь» предполагает создание крупной инфраструктурной сети и преодоление узких мест в развитии глобальной инфраструктуры, с тем чтобы стимулировать соединение рынков, развитие международной интеграции и устойчивый инклюзивный рост в десятках развивающихся стран и в странах с формирующейся рыночной экономикой. Пространство, затрагиваемое инициативой «Один пояс, один путь», охватывает страны с населением в 4,4 млрд человек, или 62,55% населения мира, и производством почти 30% мирового ВВП[2].

Сходное целеполагание характеризует и обнародованную в мае 2015 г. инициативу правительства Китая «Международное сотрудничество в области производственных мощностей и оборудования», направленную на гармонизацию промышленных мощностей КНР с имеющимся международным спросом. В данном случае акцентируется сотрудничество Китая с развивающимися странами, экономика которых по мере своего развития приобретает все более капиталоемкий характер и тем самым требует все больших инвестиционных затрат.

Находясь на начальной стадии индустриализации, такие страны как объект инвестирования представляют реальный интерес для компаний традиционных отраслей китайской промышленности, испытывающих в связи с перестройкой ее структуры определенную нехватку инвестиционного спроса на внутреннем рынке. Перенос части избыточных мощностей в страны, где такой спрос высок, призван смягчить эти проблемы. В документах правительства определены 45 приоритетных

стран для развития сотрудничества в области производственных мощностей в таких отраслях, как черная и цветная металлургия, производство строительных материалов, электроэнергетика, химическая промышленность, легкая и текстильная промышленность, производство строительной техники, автомобильная промышленность и т.д.[3].

Тогда же, продвигая парадигму взаимовыгодной глобализации, Китай обратился к зарубежным деловым партнерам с развитой экономикой с предложениями о расширении инвестиционного сотрудничества на рынках третьих стран. Суть этих предложений КНР как крупнейшей промышленной державы мира заключается в объединении избыточных производственных мощностей Китая, его финансовых возможностей и иных сравнительных преимуществ с передовыми технологиями и оборудованием развитых стран для совместного освоения рынков и развития экономики в развивающихся странах. В 2015–2016 гг. Китаем были подписаны межправительственные документы с Францией, Великобританией, Германией, Республикой Корея о сотрудничестве на рынках третьих стран в таких областях, как инфраструктура, энергетика, инновации, здравоохранение, фармацевтика, охрана окружающей среды, высокотехнологичные исследования и разработки и т.д., заключены соответствующие контракты с компаниями Португалии, США, ОАЭ и др.[4].

Стратегические инициативы КНР в рамках реализации политики «выхода за рубеж» подкрепляются практическими действиями правительства. В их числе облегчение порядка выдачи разрешений на зарубежную инвестиционную деятельность, совершенствование системы таможенных пошлин, развитие финансовых услуг, либерализация валютного регулирования, упрощение порядка въезда и выезда из Китая. Для финансирования зарубежных инвестиций в одном только 2015 году крупнейшим политическим банкам КНР в лице Банка развития Китая и Экспортно-импортного банка Китая было предоставлено свыше 100 млрд долл. из государственных валютных резервов[5]. Еще через год около 15 млрд долл. было дополнительно выделено Фонду Шелкового пути для поддержки «выхода за рубеж» частных предприятий.

За последние два десятилетия объем зарубежных инвестиций Китая продемонстрировал уверенный и устойчивый рост, составив в 2022 г. 163,1 млрд долл. по сравнению со скромными 2,7 млрд долл. в 2002 г. Следствием этого явилось кардинальное изменение ситуации на международном рынке капитала. В течение нескольких лет (2002–2009) взрывной рост инвестиционной активности китайских компаний позволил КНР переместиться из третьей десятки в первую пятерку крупнейших игроков на международном рынке прямых иностранных инвестиций. Китай является крупнейшим инвестором в экономику наименее развитых стран мира, а также развивающихся стран Азии.

С 2015 г. КНР уверенно занимает позицию второго крупнейшего экспортера предпринимательского капитала в мире, генерируя 10–15% глобального потока трансграничных инвестиций[6]. Проявлением этого наряду с последовательным нарастанием объемов зарубежных инвестиций КНР являются расширение круга и более сбалансированный состав их источников, диверсификация отраслевой структуры и географического распределения инвестиционных транзакций, повышение эффективности капиталовложений и т.д.

Аспекты инвестиционной динамики

По мере развития национальной экономики, увеличения размеров душевого ВВП, повышения конкурентоспособности отечественных компаний, их технологических и управленческих компетенций в последние полтора-два десятилетия китайский бизнес заметно расширил свои возможности в инвестиционной деятельности за рубежом. Если в 2007 г. в КНР насчитывалось примерно 10 тыс. предприятий, реализующих инвестиционные проекты за пределами страны, то в 2010 г. число таких компаний-инвесторов превысило 13 тыс., а к концу 2022 г. — 29 тыс. Одновременно количество стран и территорий, принимающих инвестиции КНР, увеличилось со 178 в 2010 г. до свыше 190 в 2022 г., а число компаний, созданных в этих странах при участии китайских инвесторов, возросло с 16 тыс. до 47 тыс. Более 60% этих предприятий расположены в Азии, 13% — в Северной Америке, и примерно 10% — в Европе. Следует отметить, что около 16 тыс. таких компаний, или свыше $^{1}/_{3}$ их общего числа, созданы в странах «Пояса и пути»[7]. В 2010–2022 гг. численность занятых на зарубежных предприятиях Китая увеличилась с 1,1 до 4,1 млн человек, в том числе количество иностранных работников возросло с 0,8 до 2,5 млн человек[8].

Среди десятков тысяч корпоративных китайских инвесторов 172 предприятия (0,6% общего числа) представляют собой крупные государственные компании центрального подчинения. Остальные 99,4% китайских инвесторов — предприятия местного (провинциального и ниже) уровня, концентрирующиеся преимущественно на территории Восточного Китая: в провинциях Гуандун (7 тыс. компаний), Чжэцзян (3,3 тыс.), Цзянсу, Шаньдун, Фуцзянь и Ляонин, а также в городах Шанхай (3,6 тыс.), Пекин и Тяньцзинь.

С точки зрения отраслевой принадлежности более 30% китайских компаний-инвесторов представляют обрабатывающую промышленность (производство компьютеров и телекоммуникационного оборудования, общее и специальное машиностроение, фармацевтическая, химическая, швейная и текстильная промышленность, автомобилестроение, включая производство электромобилей). Еще 22,3% компаний-инвесторов работают в оптовой и розничной торговле, 14,1% — в лизинге и бизнес-услугах, 9,4% — в компьютерных услугах, 4,8% — в сфере проектирования, научных исследований и разработок[9].

Изначально главными субъектами зарубежной инвестиционной активности являлись крупные китайские государственные компании. В конце первого десятилетия XXI в. государственные предприятия центрального подчинения обеспечивали 70–80% экспорта китайского капитала. Именно им доверено осуществление наиболее масштабных и капиталоемких сырьевых и энергетических проектов за рубежом.

Опора на государственные средства определяет важные особенности зарубежной инвестиционной активности КНР. Инвестиции Китая в зарубежных странах являются частью экономической стратегии государства и уже в силу этого отличаются от ориентированных на максимизацию прибыли проектов ведущих международных инвесторов из числа частных или акционерных компаний и корпораций. Не

случайно Китай является единственной в мире страной, компании которой осуществляют в Африке и Латинской Америке инвестиции в низкоприбыльные инфраструктурные проекты (электростанции, аэропорты, морские порты, автомобильные и железные дороги), получая в обмен льготный доступ к местным природным ресурсам и рынкам сбыта в рамках более общих межгосударственных договоренностей.

Такой подход открывает путь к быстрому расширению как числа инвестиционных проектов за рубежом, так и их стоимостных параметров. В 2002–2010 гг. среднегодовые темпы прироста прямых зарубежных инвестиций КНР составили 50%. Обратной стороной этого, однако, является параллельное нарастание политических рисков, и в начале 2010-х годов Китаю пришлось реально столкнуться с этой проблемой в странах Северной Африки в период так называемой Арабской весны. В одной только Ливии, например, в этот период осуществлялось более 50 инвестиционных проектов с участием компаний из КНР на общую сумму почти 19 млрд долл. Большинство этих проектов было прекращено и заброшено вслед за отстранением М. Каддафи от власти и последовавшей гражданской войной. По оценке исследовательского Центра по Китаю и глобализации (г. Пекин), в 2005–2014 гг. причиной провала 25% не оправдавших себя зарубежных инвестиционных проектов Китая явились обстоятельства политического характера, включая противодействие местных политических партий, изменение состава правительства, а также антиправительственные протесты, восстания и т.п.[10].

Кроме того, спецификой государственного бизнеса, как известно, является так называемое мягкое бюджетное ограничение экономических агентов, предполагающее, в частности, возможность использования ими финансовых ресурсов государства независимо от хозяйственных результатов собственной деятельности. На практике эта характерная особенность госкомпаний нередко сочетается с нехваткой квалифицированных кадров и компетенций, необходимых для оценки инвестиционных рисков и эффективной работы с зарубежными активами. Отсюда слабая отдача (а подчас и убыточность) целого ряда крупных инвестиционных проектов и, как следствие, невысокая эффективность зарубежных инвестиций КНР в целом, особенно на начальном этапе политики «выхода за рубеж».

Например, в 2006 г. при реализации Китайской международной инвестиционно-трастовой корпорацией (*CITIC*) проекта разработки железорудного месторождения в Австралии не был учтен целый комплекс необходимых затрат. В их числе строительство нескольких обогатительных комбинатов, электростанции, завода по опреснению морской воды, закупка природоохранного оборудования, затраты на социальный пакет и обучение персонала, строительство в соответствии с требованиями австралийского законодательства современного жилого комплекса для рабочих. В результате расходы китайской стороны по проекту возросли в три с лишним раза, составив 10 млрд долл. вместо изначально запланированных 3 млрд долл. По оценкам аналитиков, в 2014 г., в первый год эксплуатации рудника, убытки компании *CITIC Pacific* составили несколько сот миллионов долларов[11].

Сходная ситуация возникла при разработке государственными компаниями *Sinohydro Corp* и *China Railway Group Limited* медно-кобальтового рудника в Демо-

кратической Республике Конго (2007 г.), при эксплуатации китайской нефтехимической корпорацией *Sinopec Group* нефтяных месторождений в Анголе (2008–2013) и Венесуэле, при приобретении Китайской национальной морской нефтяной корпорацией (*CNOOC Ltd.*) нефтегазовых активов в Канаде (2010–2012). Практически не востребованным оказался построенный в Шри-Ланке международный аэропорт с пропускной способностью в 1 млн пассажиров в год и т.д.[12].

Согласно свидетельству одного из руководителей Китайской ассоциации горнорудной промышленности, в 2013 г. до 80% заграничных проектов предприятий отрасли расценивались как неудачные. В 2017 г., по оценке экспертов ООН, как минимум четверть китайских предприятий за рубежом были убыточными, компенсируя низкую эффективность своей работы дешевыми государственными кредитами[13]. Аналогичное заключение позволяют сделать и результаты многочисленных проверок заграничных инвестиционных проектов со стороны Государственного ревизионного управления КНР.

Преодоление этих негативных тенденций потребовало применения комплекса административных и экономических мер. Одной из таких мер является проводимый Китаем с 2006 г. курс на территориальную концентрацию своих инвестиционных проектов посредством создания зарубежных зон торгово-экономического сотрудничества (ЗТЭС). При этом в принимающей стране на основе соглашения между правительством Китая и властями страны-реципиента выделяется специальная территория, в границах которой для китайских компаний создается преференциальный режим предпринимательской деятельности (снижение тарифов, налогов и арендной платы, финансовое и налоговое обслуживание по принципу «одного окна» и т.д.), а также обеспечиваются необходимые инженерные коммуникации вместе с относительно развитой производственной и социальной инфраструктурой. Со своей стороны власти КНР также предоставляют китайским инвесторам в ЗТЭС определенную финансовую поддержку и политические гарантии.

Китай создает различные виды ЗТЭС, включая зоны экспортной переработки, особые экономические зоны, зоны свободной торговли, научно-технические парки и логистические хабы. При этом кластерный тип ЗТЭС предоставляет определенные преимущества по сравнению с традиционной реализацией инвестиционных проектов с нулевого цикла. Модель коллективного инвестирования снижает риски и затраты зарубежного инвестирования, позволяя китайским компаниям избежать столкновения один на один с возможными трудностями и проблемами. К тому же формирование полных цепочек производства в условиях территориальной обособленности ЗТЭС позволяет инвесторам получить хорошую отдачу от реализации эффекта экономии на масштабе.

Создание китайских ЗТЭС ускорилось после провозглашения инициативы «Один пояс, один путь». Если в 2015 г. Китай имел 69 таких зон в 33 зарубежных странах, то уже в 2018 г. число стран-партнеров увеличилось до 46, а количество ЗТЭС возросло до 113. География ЗТЭС охватывает Юго-Восточную Азию, Африку, Латинскую Америку и Восточную Европу. Более 80% зарубежных зон экономического и торгового сотрудничества Китая расположены в развивающихся странах. К концу 2021 г. в ЗТЭС были освоены зарубежные инвестиции КНР в 50,7 млрд

долл., уплачены налоговые платежи размере 6,6 млрд долл. и создано 392 тыс. новых рабочих мест[14].

С точки зрения повышения отдачи от экспорта капитала важное значение имеет и предпринимаемое с конца первого десятилетия XXI в. поощрение «выхода за рубеж» негосударственных компаний, отличающихся более высокой прибыльностью и производительностью по сравнению с предприятиями госсектора. С 2009 г. в КНР реализуется стимулирующая политика государства, предусматривающая налоговые, страховые, валютно-обменные, пограничные и другие послабления для отечественных компаний-инвесторов, прекращена проверка источника средств, используемых для инвестирования за рубежом.

В результате, если в 2006 г. соотношение между капиталовложениями государственных и негосударственных компаний в общем потоке зарубежных инвестиций КНР составляло 81 : 19, то в 2010 г. оно изменилось до 66 : 34 и даже до 46 : 54 в 2020 г. В целом к концу 2022 г. на долю государственных предприятий пришлось 52,4% накопленных прямых нефинансовых инвестиций Китая за рубежом. Еще 47,6% обеспечили инвесторы из негосударственных секторов экономики, включая частные и индивидуальные предприятия (11,5%), акционерные компании (11%), общества с ограниченной ответственностью (10%), предприятия с иностранным капиталом (4,7%) и др.[15].

Кроме того, в 2016 г. с целью более полного учета рисков и рационализации зарубежных инвестиций в соответствии с целями социально-экономического развития страны правительство прибегло к избирательному усилению регулятивного надзора за экспортом капитала. Частичный отказ от уведомительного порядка и возврат к разрешительному режиму зарубежного инвестирования затронули такие операции, как: 1) сверхкрупные приобретения активов в размере 10 млрд долл. или выше; 2) инвестиции государственных компаний в недвижимость на сумму более 1 млрд долл.; 3) инвестиции любой отечественной компании объемом свыше 1 млрд долл., если объект их приложения (например, в сфере развлечений или недвижимости) не связан с профильным бизнесом компании-инвестора и расценивается как «нерациональный»[16].

На фоне общего торможения вывоза капитала такой подход, помимо прочего, позволил частично скорректировать характер инвестиционной активности КНР, поменяв соотношение между различными видами инвестирования. Удельный вес затрат, направленных на создание новых производств и новых предприятий, снизился, уступая место растущим масштабам слияний и поглощений, предполагающих покупку целостных промышленных и иных имущественных комплексов с готовыми бизнес-моделями. Исходя из данных табл. 48, в 2016–2020 гг. удельный вес слияний и поглощений в общей сумме зарубежных инвестиций составил в среднем 49% против 41% в 2006–2010 гг. В 2022 г. китайские компании совершили в 56 зарубежных странах 483 M&A-сделки на общую сумму в 20,1 млрд долл. В том числе 118 сделок совокупной стоимостью в 5,5 млрд долл. (27,5% общей суммы) пришлись на Аргентину, Сингапур, Зимбабве, Республику Корея, Индонезию, Казахстан и другие страны «Пояса и пути»[17].

Таблица 48

Зарубежные инвестиции КНР, 2001–2022 гг.

	2001–2005 гг.	2006–2010 гг.	2011–2015 гг.	2016–2020 гг.	2021–2022 гг.
1. Зарубежные инвестиции*					
Накопленные, всего на конец периода (млрд долл.)	57,2	317,2	1097,9	2580,7	2754,8
Приток, всего за период (млрд долл.)	30,3	228,9	539,0	788,1	341,9
Приток, среднегодовые размеры (млрд долл.)	6,1	45,8	107,8	157,6	171,0
Приток, среднегодовые темпы прироста (%)	65,2	41,0	16,2	1,1	3,0
2. Зарубежные нефинансовые инвестиции					
Приток, всего за период (млрд долл.)	30,3	192,3	465,6	693,1	291,2
Приток, среднегодовые размеры (млрд долл.)	6,1	38,5	93,1	138,6	145,6
Приток, среднегодовые темпы прироста (%)	65,2	37,4	15,0	2,0	2,5
3. Зарубежные сделки слияния и поглощения					
Всего за период (млрд долл.)	…	93,7	234,8	391,9	51,9
Среднегодовые размеры (млрд долл.)	…	18,7	46,9	78,4	26,0
Среднегодовые темпы прироста/снижения (%)	…	35,5	12,8	-12,3	-15,6

* Здесь и далее: 2001–2005 гг. — нефинансовые инвестиции, т.е. капиталовложения в основной капитал без учета финансовых операций, включая портфельные инвестиции, приобретение финансовых инструментов, банковские кредиты и депозиты, приобретение дебиторской задолженности и т.п.; 2006–2022 гг. — полная сумма зарубежных капиталовложений, включая как нефинансовые, так и финансовые инвестиции.

Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Table 11-18. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024); 2022 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment // 北京: 中国商务出版社 [běijīng: zhōngguó shāngwù chūbǎnshè], 2023. P. 10, 22. URL: http://images.mofcom.gov.cn/fec/202310/20231030091915777.pdf (accessed: 12.04.2024).

Предпринятые меры, судя по всему, позитивно сказались на эффективности политики «выхода за рубеж». В 2022 г. деятельность 70% заграничных компаний, полностью или частично принадлежащих КНР, приносила прибыль или, по меньшей мере, была безубыточной. Отсюда заметное повышение роли реинвестиций как источника прямых зарубежных инвестиций. Если в 2006 г. реинвестиции прибыли составляли 6,7 млрд долл., то в 2010 г. — 24, а в 2022 г. — свыше 80 млрд долл. Доля реинвестиций в общей сумме зарубежных капиталовложений в 2022 г. составила 49,3% против 31,4% в 2006 г.[18].

В 2022 г. зарубежные предприятия КНР выплатили в бюджеты стран-реципиентов налоги в размере 75 млрд долл., что на 35,1% превысило уровень предыдущего года. Деятельность этих компаний стимулировала рост внешнеторгового оборота КНР на общую сумму в 256,6 млрд долл. Наконец, выручка от продаж, полученная зарубежными предприятиями КНР в реальном секторе экономики, составила 3,5 трлн долл., увеличившись за год на 14,4%[19]. Все это подтверждает устойчивость финансового положения инвестиционных проектов КНР за рубежом.

Это позволяет Китаю занимать прочные позиции на международном рынке капитала. Несмотря на торговую войну с США, пандемию коронавируса COVID-19 и другие неблагоприятные обстоятельства, в конце 2010-х — начале 2020-х годов Китай сохранил положительную динамику своих зарубежных капиталовложений и в 2020 г. даже сумел ситуативно вырваться на первое место в мировой иерархии международных инвесторов, опередив своего главного глобального конкурента в лице США. К концу 2022 г. накопленные зарубежные инвестиции КНР составили 2,8 трлн долл., или 6,9% общемирового показателя, занимая третье место в мире после США (8,5 трлн долл.) и Нидерландов (3,2 трлн долл.).

Географическое распределение и отраслевые приоритеты

Данные китайской статистики о географическом распределении инвестиций КНР по основным странам-реципиентам свидетельствуют об их растущей территориальной «плотности». Если в целом по состоянию на конец 2022 гг. на пяти главных направлениях инвестиционной активности китайских компаний было сконцентрировано 71,1% накопленных зарубежных инвестиций КНР, то за 2022 г. доля этих страновых приоритетов возросла до 81,6% реализованных в течение года капиталовложений. При этом соответствующие показатели по Гонконгу составили 57,6 и 59,8%, по странам АСЕАН — 5,6 и 11,4%, по ЕС — 3,7 и 6,9%, по США — 2,9 и 4,5%, по Австралии — 1,3 и 1,7%[20].

В числе инвестиционных предпочтений КНР доминируют развивающиеся страны Азии (1,8 трлн долл., или 66,5% накопленных капиталовложений), среди которых особенно выделяется Гонконг, на долю которого приходится 86,7% всех азиатских инвестиций.

В странах Латинской Америки также накоплены крупные китайские капиталовложения, составляющие в совокупности примерно 0,6 трлн долл. (21,6% общего объема). Перечень этих стран довольно внушителен и включает Бразилию, Перу,

Аргентину, Мексику, Чили, Ямайку, Венесуэлу, Эквадор и т.д. Однако 97,7% латиноамериканских инвестиций КНР сконцентрированы в офшорных юрисдикциях на Каймановых и Британских Виргинских островах.

Далее по степени приоритетности следуют Европа (5,1%) и Северная Америка (3,8%), представленные такими развитыми экономиками, как Великобритания, Германия, Франция, Италия, Испания, Швеция, Нидерланды, Люксембург, а также США и Канада.

Наконец, примерно по 1,5% (около 41 млрд долл.) накопленных зарубежных инвестиций КНР приходится на Океанию и Африку. В первом случае речь главным образом идет о таких развитых странах, как Австралия и Новая Зеландия. Что касается Африканского континента, то он представлен россыпью различных развивающихся государств, многие из которых не отличаются стабильностью общественно-политической обстановки (ЮАР, ДР Конго, Эфиопия, Нигерия, Нигер, Замбия, Ангола, Кения, Алжир, Зимбабве, Танзания, Мозамбик, Гана и др.)[21].

В целом примерно 90% инвестиций КНР приходится на развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. При этом с течением времени наблюдается растущая концентрация капиталовложений КНР в странах «Пояса и пути», доля которых в общей сумме нефинансовых зарубежных инвестиций Китая в 2023 г. увеличилась до 24% против 12,5% в 2015 г.[22]. Отсюда, в частности, заметное повышение удельного веса расположенных поблизости от Китая стран АСЕАН.

Кроме того, по мере переноса «центра тяжести» экономической стратегии КНР с «высоких темпов роста» на «высококачественное развитие» инвестиционные предпочтения китайских компаний постепенно смещаются от богатых природными ресурсами развивающихся стран с высокой степенью инвестиционного риска к развитым экономикам, обладающим передовыми технологиями, признанными брендами, обширным отраслевым опытом и доступом к глобальным сбытовым сетям (см. табл. 49).

Таблица 49

Географическое распределение зарубежных инвестиций КНР, 2005–2022 гг.

	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2022 г.
Всего (млрд долл.). В том числе (%):	**12,3**	**68,8**	**145,6**	**153,7**	**163,1**
Азия	**35,8**	**65,3**	**74,5**	**73,1**	**76,2**
Гонконг	27,6	55,9	61,7	58,0	59,8
Макао	–	0,1	0,7	0,5	1,3
Индонезия	–	0,3	1,0	1,4	2,8
Сингапур	–	1,6	7,2	3,8	5,1
Таиланд	–	1,0	0,3	1,2	0,8
Малайзия	…	…	…	…	1,0
Вьетнам	–	0,4	0,4	1,2	1,0

Камбоджа	…	…	…	…	0,4
Республика Корея	4,9	–	8,9	–	…
Европа	**4,1**	**9,9**	**4,9**	**8,3**	**6,9**
Великобритания	-	0,4	1,3	0,6	1,7
Германия	0,8	0,6	0,3	0,9	1,2
Люксембург	…	…	…	…	2,0
Швеция	…	…	…	…	1,1
Северная Америка	**2,4**	**3,8**	**7,3**	**4,1**	**4,5**
США	1,6	1,9	5,5	3,9	4,5
Океания и Австралия	**1,6**	**2,8**	**2,7**	**0,9**	**1,9**
Австралия	1,6	2,5	2,3	0,8	1,7
Африка	**3,3**	**3,1**	**2,0**	**2,7**	**1,1**
ЮАР	–	0,6	0,1	0,3	0,4
Нигер	…	…	…	…	0,3
Латинская Америка	**52,8**	**15,3**	**8,7**	**10,9**	**10,1**
Британские Виргинские острова	9,8	8,9	1,2	4,6	5,6
Каймановы острова	42,2	5,1	7,0	5,6	3,5

Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2006. Beijing: China Statistics Press, 2006. Table 18-20. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2006/indexeh.htm (accessed: 25.01.2024); China Statistical Yearbook 2011. Beijing: China Statistics Press, 2011. Table 6-19. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2011/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023); China Statistical Yearbook 2016. Beijing: China Statistics Press, 2016. Table 11-19. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2016/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023); China Statistical Yearbook 2021. Beijing: China Statistics Press, 2021. Table 11-19. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022); China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Table 11-19. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024); 2022 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment // 北京: 中国商务出版社 [běijīng: zhōngguó shāngwù chūbǎnshè], 2023. P. 16. URL: http://images.mofcom.gov.cn/fec/202310/20231030091915777.pdf (accessed: 12.04.2024).

Как представляется, официальная китайская статистика не дает точного представления о масштабах и динамике этих структурных сдвигов, рассматривая Гонконг, Каймановы острова и другие офшорные зоны в качестве самодостаточных объектов приложения зарубежных инвестиций наравне с другими странами и территориями. Хорошо известно, однако, что указанные юрисдикции зачастую выполняют посреднические функции, принимая поступающие из КНР и других стран-инвесторов средства и перенаправляя их по маршрутам конечного назначения[23].

О важности этой посреднической роли свидетельствует, в частности, исключительно высокий удельный вес лизинга и бизнес-услуг в структуре китайских капиталовложений в Гонконге, где на их долю приходится без малого половина (47,7%)

накопленных инвестиций КНР. Такая же картина наблюдается и в Латинской Америке, где среди реципиентов китайских инвестиций безраздельно доминируют офшорные зоны Карибского бассейна. Доля лизинга и бизнес-услуг составляет здесь 44,2% накопленных китайских инвестиций. Для сравнения отметим, что в Африке, США и странах ЕС лизинг и бизнес-услуги обеспечивают соответственно лишь 5,3, 8,8 и 8,7% накопленных китайских инвестиций[24].

Сопоставление китайских данных о размерах инвестиций КНР в отдельных странах с аналогичными сведениями, поступающими от самих принимающих стран, позволяет считать, что в различные годы от 40 до 70% зарубежных инвестиций Китая направляется в страны ЕС и США не напрямую, а через посредников в лице Гонконга и других офшорных юрисдикций[25]. Если сделать поправку на это обстоятельство, вынеся за скобки львиную долю китайских инвестиций в Гонконге, на Каймановых островах, Британских Виргинских островах и т.п., зарубежные инвестиции Китая окажутся более равномерно распределены между рынками развитых и развивающихся стран.

Эти средства существенно различаются по ряду характеристик. В Африке, например, без малого 60% накопленных китайских инвестиций концентрируется в строительстве и горнодобывающей промышленности, а в развитых странах Европы и Северной Америки свыше половины поступающих из Китая средств направляется в современные высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности, финансовый сектор, телекоммуникации, медицинские услуги.

В Европе китайские компании проявляют особую заинтересованность в приобретениях в автомобилестроении, производстве оборудования для железнодорожного транспорта, аэрокосмической и авиационной промышленности, а также в высокоточном машиностроении. В США повышенный интерес китайских инвесторов привлекают информационные технологии, телекоммуникации, фармацевтическая промышленность и производство новых материалов. В любом случае, однако, речь главным образом идет о стратегических инвестициях, т.е. о капиталовложениях, направленных на владение вновь создаваемыми или приобретаемыми активами (предприятиями, производствами и т.д.) или на эффективный контроль над ними. Финансовые инвестиции, ориентированные преимущественно на извлечение дохода, составляют лишь 5–15% экспортируемого из КНР капитала.

В этих условиях прогрессирующий наплыв крупных китайских капиталовложений, особенно в форме сделок слияния и поглощения, вызывает обеспокоенность в странах Запада. Ситуация особенно обострилась с середины 2010-х годов на фоне нарастающей геополитической напряженности, в рамках которой Китай рассматривается странами Запада как потенциальный противник.

В США в этой связи ставится вопрос о негативном влиянии китайских инвестиций на национальную безопасность, понимаемую не только в контексте охраны сведений о современных системах вооружения, защиты от терроризма и т.п., но и как защищенность долгосрочного технологического прогресса страны, ее экономического и финансового благополучия, а также как гарантированное поддержание конфиденциальности финансовых, медицинских и иных персональных данных граждан. Специальному изучению и одобрению государственных регуляторов подле-

жат и транзакции, связанные с «критически важной инфраструктурой и критически важными технологиями»[26].

В странах Европы, где масштабы национальной экономики значительно меньше, чем в США, помимо сказанного, обращают внимание на потенциальное искажение сигналов рынка и возможное нарушение макроэкономической стабильности, провоцируемые масштабным притоком государственных, т.е. лишенных обычной экономической мотивации, инвестиционных ресурсов из КНР.

При этом западные эксперты подчеркивают, что в самом Китае современные отрасли экономики, магнитом притягивающие китайских инвесторов в странах ЕС и США, зачастую не являются в полной мере открытыми и, как правило, подвержены ограничениям для размещения иностранных инвестиций[27]. Наиболее важное из этих ограничений касается доли, которую иностранный инвестор может иметь в капитале отечественного предприятия. Такая асимметрия и отсутствие взаимности создают дополнительные трения во взаимоотношениях Китая с его западными партнерами, стимулирует ужесточение инвестиционного законодательства в странах ЕС и США, а также введение местными надзорными органами различных запретов и ограничений по отношению к зарубежным инвестициям КНР, и прежде всего к сделкам слияния и поглощения с участием китайским компаний.

Не случайно в последние годы в США все более расширяются полномочия влиятельного межведомственного Комитета по иностранным инвестициям, задача которого состоит в том, чтобы минимизировать угрозы для безопасности страны, препятствовать нарушению антимонопольного законодательства и законов, направленных на защиту интеллектуальной собственности. В Австралии аналогичные функции выполняет Австралийский наблюдательный совет за иностранными инвестициями. Защитные меры усиливаются и в европейских странах: в 18 из 27 стран ЕС действуют специальные ограничительные правила, охватывающие все более разнообразный список «стратегических секторов» экономики[28].

В результате в 2015 г., когда компаниями КНР были заключены зарубежные сделки слияния и поглощения на 54,4 млрд долл., размеры сорвавшихся транзакций, по оценке, составили от 40 до 75 млрд долл. Главными причинами этого явились запреты местных регуляторов, а также вынужденный отказ инвесторов от первоначальных планов[29]. В этих условиях, начиная со второй половины 2010-х годов наблюдается сокращение заключаемых Китаем сделок слияния и поглощения, в 2016–2022 гг. их сумма уменьшилась со 135,3 до 20,1 млрд долл.

В 2022 г. из-за ограничительной политики западных стран, и прежде всего США, Китаю, судя по всему, пришлось отказаться от продолжения участия в ряде инвестиционных проектов за рубежом, выйдя из акционерного капитала приобретенных ранее компаний. Зарубежные M&A-сделки Китая в Северной Америки упали до исторического минимума как по числу, так и по стоимости. Отсюда, как свидетельствует статистика, некоторое сокращение накопленных зарубежных капиталовложений КНР — с 2785,2 до 2754,8 млрд долл.[30]. Уход китайских компаний с рынка США способствует нарастанию в последние годы экономической разобщенности двух стран, особенно в высокотехнологичных областях (телекоммуникационное оборудование, полупроводники, экологически чистые технологии и т.п.), где действует строгий нормативный и политический надзор.

Тем не менее китайское правительство в целом сохраняет контроль за экспортом капитала. Появление новых вызовов и ужесточение внешней среды для зарубежных капиталовложений сопровождается определенной перегруппировкой движущих сил китайской инвестиционной экспансии за рубеж. Что касается развитых стран Запада, и прежде всего Европы, то здесь в притоке прямых китайских инвестиций наблюдается растущее преобладание частных инвесторов, встречающих по сравнению с крупными государственными корпорациями более лояльное отношение со стороны местных властей и регуляторов. При этом с течением времени, пользуясь поддержкой государства и набирая экономический «вес», частные компании КНР становятся более амбициозными и совершают более крупные сделки.

Инвесторы из числа государственных предприятий все более концентрируются на реализации энергетических и инфраструктурных проектов в странах «Пояса и пути»[31]. Снижение китайских инвестиций в США компенсируется их ростом в Австралии, странах Азии и Латинской Америки. Уменьшение стоимости сделок слияния и поглощения восполняется ростом инвестиций в новые проекты. В результате зарубежные инвестиции китайских компаний, несмотря на все запреты и отказы западных партнеров, сохраняют общую положительную динамику роста и поддерживают отраслевые приоритеты политики «выхода за рубеж».

Таблица 50

Отраслевая структура зарубежных инвестиций КНР,
2003–2022 гг.

Отрасли	2003 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2022 г.
Зарубежные инвестиции, всего (млрд долл.)	2,9	12,3	68,8	145,6	153,7	163,1
Общая сумма (%)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:						
1. Сельское, лесное хозяйство, животноводство (млрд долл.)	0,1	0,1	0,5	0,3	1,1	0,5
Доля в общей сумме (%)	3,4	0,8	0,7	0,2	0,7	0,3
2. Добывающая промышленность (млрд долл.)	1,4	1,7	5,7	11,2	6,1	15,1
Доля в общей сумме (%)	48,3	3,8	8,3	7,7	4,0	9,3
3. Обрабатывающая промышленность (млрд долл.)	0,6	2,3	4,7	20,0	25,8	27,2
Доля в общей сумме (%)	20,7	18,7	6,8	13,7	16,8	16,6
4. Электро-, газо- , тепло- и водоснабжение (млрд долл.)	–	–	1,0	2,1	5,8	5,5
Доля в общей сумме (%)	–	–	1,5	1,4	3,8	3,3

5. Строительство (млрд долл.)	–	–	1,6	3,7	8,1	1,9
Доля в общей сумме (%)	–	–	2,3	2,5	5,3	0,9
6. Оптовая и розничная торговля (млрд долл.)	0,4	2,3	6,7	19,2	23,0	21,2
Доля в общей сумме (%)	13,8	18,7	9,7	13,2	15,0	13,0
7. Транспорт, логистика, связь (млрд долл.)	–	–	5,7	2,7	6,2	15,0
Доля в общей сумме (%)	–	–	8,3	1,9	4,0	9,2
8. Передача информации, ИТ-услуги, программное обеспечение (млрд долл.)	–	–	–	6,8	9,2	1,7
Доля в общей сумме (%)	–	–	–	4,7	6,0	1,0
9. Финансовый сектор (млрд долл.)	–	–	8,6	24,2	19,7	22,1
Доля в общей сумме (%)	–	–	12,5	16,6	12,8	13,6
10. Недвижимость (млрд долл.)	–	0,1	1,6	7,8	5,2	2,2
Доля в общей сумме (%)	–	0,8	2,3	5,4	3,4	1,4
11. Лизинг и бизнес-услуги (млрд долл.)	0,3	4,9	30,3	36,3	38,7	43,5
Доля в общей сумме (%)	10,3	39,8	44,0	24,9	25,2	26,7
12. НИОКР и технические услуги (млрд долл.)	–	–	1,0	3,3	3,7	4,8
Доля в общей сумме (%)	–	–	1,5	2,3	2,4	3,0
13. Культура, спорт, развлечения (млрд долл.)	–	–	–	1,7	–	1,5
Доля в общей сумме (%)	–	–	–	1,2	–	0,9

Подсчитано по: China Statistical Yearbook 2005. Beijing: China Statistics Press, 2005. Table 18-20. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2005/indexeh.htm (accessed: 25.01.2024); China Statistical Yearbook 2006. Beijing : China Statistics Press, 2006. Table 18-21. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2006/indexeh.htm (accessed: 25.01.2024);China Statistical Yearbook 2011. Beijing: China Statistics Press, 2011. Table 6-20. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2011/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023); *China Statistical Yearbook 2016*. Beijing: China Statistics Press, 2016. Table 11-20. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2016/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023); China Statistical Yearbook 2021. Beijing: China Statistics Press, 2021. Table 11-20. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022); China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Table 11-20. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024); 2022 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment // 北京: 中国商务出版社 [běijīng:

zhōngguó shāngwù chūbǎnshè], 2023. P. 11. URL: http://images.mofcom.gov.cn/fec/202310/20231030091915777.pdf (accessed: 12.04.2024).

Как следует из данных китайской статистики (табл. 50), в начальный период осуществления этой политики крупнейшими получателями инвестиций КНР были отрасли добывающей промышленности, поскольку китайские компании-инвесторы были в первую очередь сосредоточены на приобретении энергоносителей и природных ресурсов для поддержки ориентированного на экспорт внутреннего производства. Позже, и особенно после XVIII съезда КПК (2012 г.), в ходе которого была акцентирована краеугольная роль технологических и производственных инноваций в стратегии развития Китая, эта тенденция была изменена, и все больше китайских компаний стали «выходить за рубеж» с целью получения доступа к современным технологиям и высококачественным операционным ресурсам, необходимым для модернизации промышленности КНР, создания комфортной бизнес-среды, повышения национального инновационного потенциала и в конечном итоге для повышения потребления и качества жизни в КНР.

Проявлением этого могут служить проникновение китайских корпоративных инвесторов во все новые секторы международного рынка, прогрессирующая диверсификация отраслевой структуры зарубежных капиталовложений КНР. По состоянию на конец 2022 г., 78,6% накопленных зарубежных инвестиций (2163,7 млрд долл.) пришлось на сферу услуг и другие отрасли третичного сектора экономики, включая, в частности, лизинг и бизнес-услуги (39%), оптовую и розничную торговлю (13,1%), финансовые услуги (11%), ИТ-услуги и программное обеспечение (5%), транспорт, логистику, связь (3,5%), недвижимость (3%) и др.

На долю вторичного сектора экономики приходится 21% накопленных за рубежом инвестиций Китая, или 579,4 млрд долл. В том числе 46,2% вложений во вторичный сектор (267,8 млрд долл.) приходятся на отрасли обрабатывающей промышленности, представленные в основном автомобилестроением (63,2 млрд долл., или 23,5% инвестиций в обрабатывающую промышленность), производством компьютеров и телекоммуникационного оборудования, машиностроением и фармацевтической промышленностью.

Горнодобывающая промышленность обеспечивает 35,5% (205,5 млрд долл.) инвестиций во вторичный сектор. Это главным образом затраты на добычу угля, нефти и газа, добычу и обогащение руд цветных и черных металлов и т.д. Наконец, 9,9% капиталовложений во вторичный сектор составляют инвестиции в электро-, газо-, тепло- и водоснабжение, еще 8,8% — инвестиции в строительство. Накопленные инвестиции в первичный сектор экономики (сельское, лесное и водное хозяйство, животноводство и рыболовство) составляют лишь 11,8 млрд долл., или 0,4% общей суммы зарубежных капиталовложений КНР[32].

Перспективными направлениями дальнейшей диверсификации отраслевой структуры зарубежных инвестиций КНР являются технологии, медиа- и телекоммуникации, индустрия развлечений и медицинские услуги, а также комплекс наук о жизни, включая биохимию, биофизику, биотехнологии, экологию и т.д. На указанные сферы деятельности, по оценке компании *Ernst&Young*, в 2022 г. пришлось свыше 40% стоимости заключенных компаниями КНР трансграничных сделок

слияния и поглощения[33]. Это означает, что зарубежные инвестиции являются для компаний КНР эффективной стратегией модернизации, рыночной трансформации и повышения конкурентоспособности. В результате, несмотря на все сложности в двусторонних отношениях, Китай сохраняет высокую стратегическую заинтересованность в рынках развитых стран Запада.

Таким образом, эффективное развитие политики «выхода за рубеж» требует дальнейших усилий правительства по либерализации и расширению открытости китайской экономики в соответствии с основополагающим принципом взаимности, имеющим фундаментальное значение в сфере международных отношений и международного сотрудничества. Прогрессирующее снятие инвестиционных ограничений и решение проблем иностранных вкладчиков капитала в собственной экономике являются необходимой предпосылкой продуктивной работы китайских инвесторов на рынках зарубежных стран без административных запретов и иных внеэкономических проблем.

Это, в свою очередь, ставит в повестку дня многие вопросы экономической реформы. Среди них, в частности, ускорение преобразований в государственном секторе экономики, дальнейшая реформа госпредприятий, развитие частного предпринимательства и частных инвестиций, использование механизмов государственно-частного партнерства в рамках политики «выхода за рубеж» и т.д. В целом, формируя основу синергетического роста прямых зарубежных инвестиций КНР в средне- и долгосрочной перспективе, продвижение рыночной трансформации китайской экономики выступает важным фактором дальнейшего развития политики «выхода за рубеж».

Примечания

[1] *Huiyao Wang*, *Lu Miao*. China Goes Global. How China's Overseas Investment is Transforming Its Business Enterprises. Beijing [et al.]: Palgrave Macmillan, 2016. P. 15. DOI:10.1007/978-1-137-57813-6. URL: https://www.researchgate.net/publication/319872058_China_Goes_Global_How_China's_Overseas_Investment_is_Transforming_its_Business_Enterprises (accessed: 20.04.2024).

[2] Belt and Road Initiative has the Potential to Reinvent Globalization // Xinhuanet: [site]. 2017. July 31. URL: http://news.xinhuanet.com/silkroad/2017-07/31/c_129668458.htm (accessed: 30.04.2024).

[3] China Outlook 2016. Beijing: KPMG, 2016. P. 26. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2016/03/china-outlook-2016.pdf (accessed: 07.03.2024).

[4] Ibid. P. 27; China Outlook 2018. A New Era, a New Paradigm of Globalization. Beijing: KPMG, 2018. P. 79. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2018/04/china-outlook-2018.pdf (accessed: 09.03.2023).

[5] *Gallagher K.S.*, *Qi Qi*. Chinese Overseas Investment Policy: Implications for Climate Change // Global Policy. 2021. Vol. 12. Issue 3. DOI: 101111/1758-5899.12952. Wiley Online Library: [site]. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/1758-5899.12952 (accessed: 20.01.2024).

[6] 2022 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment // 北京: 中国商务出版社 [běijīng: zhōngguó shāngwù chūbǎnshè], 2023. P. 8. URL: http://images.mofcom.gov.cn/fec/202310/20231030091915777.pdf (accessed: 12.04.2024).

[7] *Yi Wu*. China's Outbound Investment: Recent Developments, Opportunities, and Challenges // China Briefing: [site]. 2023. November 13. URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-outbound-investment-odi-recent-developments-opportunities-and-challenges/ (accessed: 14.04.2024).

[8] Ibid.

[9] 2022 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment. Op. cit. P. 28.

[10] *Huiyao Wang, Lu Miao*. Op. cit. P. 44.

[11] *Лянь Хуа*. Многие китайские инвестиции за границей убыточны // Великая Эпоха: [сайт]. 13.09.2014. URL: http://www.epochtimes.ru/mnogie-kitajskie-investitsii-za-granitsej-ubytochny-98938861/ (дата обращения: 02.05.2024).

[12] *Lin Shuanglin.* China's Public Finance. Reforms, Challenges, and Options. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. P. 224 (accessed: 10.04.2023).

[13] Китай сократил свои иностранные инвестиции на 40% // Независимая: [сайт]. 19.10.2017. DOI: 10.1017/9781009099028. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-10-19/4_7098_china.html (дата обращения: 02.05.2024).

[14] Foreign Investment Guide of the People's Republic of China. 2022 Edition. Beijing: The PRC Ministry of Commerce, 2022. P. 4. URL: http://images.mofcom.gov.cn/wzs/202301/20230104194307105.pdf (accessed: 10.12.2023).

[15] 2022 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment. Op. cit. P. 40.

[16] *Катасонов В.Ю.* Международная инвестиционная политика Китая: неожиданные повороты // Русское эконом. общество им. С. Ф. Шарапова: [сайт]. 2017. 1 февраля. URL: https://reosh.ru/mezhdunarodnaya-investicionnaya-politika-kitaya-neozhidannye-povoroty.html (дата обращения: 21.11.2023).

[17] 2022 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment**.** Op. cit. P. 12.

[18] Ibid.

[19] *Yi Wu*. Op. cit.

[20] 2022 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment**.** Op. cit. P. 31.

[21] Ibid. P. 21.

[22] *Yi Wu*. Op. cit.

[23] *Катасонов В.Ю.* Цит. соч.

[24] 2022 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment**.** Op. cit. P. 27, 32, 37.

[25] Подсчитано по: *Huiyao Wang*, *Lu Miao*. Op. cit. P. 157; *Moran T.H*. Chinese Investment and CFIUS: Time for an Updated (and Revised) Perspective Policy // Petersen Institute for International Economics Policy Brief 15-17. 2015. September. Petersen Institute for International Economics: [site]. URL: https://www.piie.com/publications/policy-briefs/chinese-investment-and-cfius-time-updated-and-revised-perspective (accessed: 12.05.2024); Analysis of China's Foreign Direct Investments. 2021. URL: https://ukdiss.com/examples/foreign-direct-investments-china.php?vref=1 (accessed: 12.04.2023); China Inc's New Inconspicuous Expansion: Chinese Companies are Adapting to a More Hostile Global Climate—and Thriving // The Economist: [site]. 2021. July 17. URL: https://www.economist.com/business/2021/07/17/china-incs-new-inconspicuous-expansion (accessed: 22.04.2024); China Statistical Yearbook 2017. Beijing: China Statistics Press, 2017. Table 11-19. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2017/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023).

[26] *Moran T.H*. Op. cit.

[27] *Kuo M.A.* CFIUS Scrutiny on Chinese Investment // The Diplomat: [site]. 2018. January 8. URL: https://thediplomat.com/2018/01/cfius-scrutiny-on-chinese-investment/ (accessed: 12.05.2024).

[28] America's Plan to Vet Investments into China // The Economist: [site]. 2023. June 22. URL: https://www.economist.com/business/2023/06/22/americas-plan-to-vet-investments-into-china (accessed: 20.05.2024).

[29] $1,5 трлн за 10 лет: чего ждать от международной бизнес-экспансии Китая // РБК: [сайт]. 2017. 9 августа. URL: https://www.rbc.ru/economics/09/08/2017/5989e5799a79479bd60d2f6a/ (дата обращения: 21.05.2024).

[30] 2022 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment. Op. cit. P. 10.

[31] *Chunlai Chen, Findlay C.* China's Foreign Direct Investment Flows. The Role of Foreign Spending in China's Pandemic Rebound. Policy Forum: [site]. 2020. June 10. URL: https://www.policyforum.net/chinas-foreign-direct-investment-flows/ (дата обращения: 21.05.2024).

[32] 2022 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment. Op. cit. P. 23, 28.

[33] Overview of China Outbound Investment of 2022. Outward Direct Investment Was Generally Stable Whilst Overseas M&As Continue to Decrease with Pick-Up in Some Regions and Sectors: 16 February 2023 // Ernst & Young China Overseas Investment Network. [s.l.], 2023. URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_cn/topics/coin/ey-overview_of_china_outbound_investment_of_2022-bilingual.pdf (accessed: 14.04.2024).

Глава 9

Торговая война с США, 2018–2019 гг.

Следствием комплексных реформ и поступательного развития китайской экономики, последовавшим за присоединением к ВТО, явилось быстрое выдвижение КНР на одну из лидирующих позиций в современном мире. Особенно очевидным это стало после преодоления страной последствий мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Сохраняя потенциал и влияние крупнейшей в мире страны-экспортера, КНР приступила к поставкам на внешние рынки уже не только трудоемких промышленных товаров с невысокой добавленной стоимостью, но и разнообразной высокотехнологичной инновационной продукции современных отраслей промышленности. Неменьшее значение имело и обретение китайским рынком качеств важного источника финального спроса в общем контексте глобальной экономики. С учетом всего этого в середине второго десятилетия XXI в. Китай генерировал не менее 30% роста мировой экономики и примерно $^{2}/_{3}$ экономического роста в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В результате даже не самые глубокие колебания китайской экономики нередко отзываются проявлениями волатильности на различных секторах мирового рынка, привлекая пристальное внимание внешнего мира. При этом, однако, глубокая вовлеченность в мирохозяйственные связи оборачивается не только усилением международного влияния КНР, но и повышением чувствительности экономических процессов в самом Китае к действию внешних факторов.

Фактор риска

Главные направления экономической политики Китая определяются рядом обстоятельств, оказывающих непосредственное влияние на состояние его экономики, которая, как и любая развивающаяся система, несвободна от сопутствующих рисков и проблем роста. Прежде всего следует отметить общее замедление экономического роста КНР в рассматриваемый период. Если в первое десятилетие XXI в.

среднегодовые темпы прироста ВВП достигали рекордных 10%, то в 2018 г. они снизились до 6,7 %, а в 2019 г. до 6,1%. Как уже отмечалось, это явление имеет долговременный характер, поскольку обусловлено главным образом идущей в стране кардинальной сменой модели развития и соответствующим изменением отраслевой структуры экономики. От прежней, ориентированной на экспорт, капиталоемкой, трудо- и энергозатратной экстенсивной экономической системы Китай настойчиво стремится перейти к более эффективной экономике, опирающейся преимущественно на внутренние рынок и потребление с широким использованием современных экологически чистых технологий и инноваций.

Понижающее воздействие структурных преобразований на экономическую динамику КНР время от времени дополняется циклическими колебаниями инвестиционного и потребительского спроса как в собственной, так и в мировой экономике. В частности, в конце 2010-х годов спекулятивный рост цен на городское жилье и связанная с этим высокая закредитованность населения КНР обусловили ужесточение государственного финансового надзора и ограничение заемной активности бизнеса и местных властей. В результате темпы прироста инвестиций в инфраструктуру в начале 2018 г. составили лишь 3% против наблюдавшегося еще несколько лет назад среднегодового показателя в 20%[1]. К тому же в 2019 г. платежеспособный потребительский спрос в Китае испытал и негативное воздействие прокатившейся по миру африканской свиной чумы, спровоцировавшей резкий (на 21% в первом полугодии) рост цен на свинину, а равно и общее подорожание продовольственных товаров. Однако важнейшим фактором, определяющим настроения участников рынка в рассматриваемый период, стал торговый конфликт между Китаем и США, вызвавший острую реакцию во многих отраслях экономики и на различных товарных рынках по всему миру.

Американо-китайские разногласия в торгово-экономической сфере имеют глубокие корни и довольно длительную историю. Уже в начале XXI в. активное развитие двустороннего делового взаимодействия позволило США уверенно обосноваться на позиции главного торгового партнера Китая. В 2002–2018 гг., по данным китайской статистики, среднегодовые темпы прироста американо-китайского торгового обмена составили 12,9%, а его абсолютные размеры в 2018 г. достигли 633,5 млрд долл., обеспечив 13,7% оборота внешней торговли КНР, против 80,5 млрд долл. (15,8%) в 2001 г. (см. табл. 51). Основными статьями импорта США были компьютеры, мобильные телефоны и одежда, львиную долю американского экспорта в Китай составляли самолеты, соевые бобы и транспортные средства.

Вместе с тем нарастание двусторонней торговли шло весьма неравномерно, динамика китайского экспорта из года в год заметно опережала рост импортных поставок из США. Причины этого не в последнюю очередь связаны с охватившей мир глобализацией производственных и сбытовых процессов, активным включением КНР в глобальные цепочки создания стоимости, переносом многими американскими компаниями финальных стадий производства в Китай с последующей обратной закупкой готовой продукции для сбыта как в самих США, так и на других зарубежных рынках.

Стоимостные разрывы в масштабах товарного вывоза КНР в США и американского экспорта в Китай стали особенно заметными с переходом китайских компаний к массовому производству дорогостоящей высокотехнологичной и инновационной продукции. Как бы то ни было, среднегодовые темпы прироста китайского экспорта в США в 2002–2018 гг. достигли 13,7%, в 1,3 раза превышая аналогичный показатель, характеризующий динамику американских поставок в Китай. Отсюда постоянное нарастание отрицательного сальдо США в торговле с КНР, размеры которого в 2018 г. составили 323,3 млрд долл. против 28,1 млрд долл. в 2001 г. В соответствии с данными американской статистики, в 2018 г. почти 50% общего дефицита торгового баланса США пришлось на долю торговли с Китаем[2]. Наличие столь крупного торгового дефицита осложняет состояние платежного баланса США, ухудшает долговое положение страны, способствует утрате рабочих мест в экономике и т.д.

Таблица 51

Внешняя торговля КНР с США, 2001–2018 гг. (млрд долл.)

Показатель	2001 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.
Оборот	80,5	385,4	557,0	583,6	633,5
Экспорт	54,3	283,3	409,2	429,7	478,4
Импорт	26,2	102,1	147,8	153,9	155,1
Сальдо	28,1	181,2	261,4	275,8	323,3

Составлено по: China Statistical Yearbook 2002. Beijing: China Statistics Press, 2002. Table 17-17. URL: https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/yearlydata/YB2002e/ml/indexE.htm (accessed: 15.07.2024); China Statistical Yearbook 2011. Beijing: China Statistics Press, 2011. Table 6-7. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2011/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023); China Statistical Yearbook 2016. Beijing: China Statistics Press, 2016. Table 11-6. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2016/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023); China Statistical Yearbook 2018. Beijing: China Statistics Press, 2018. Table 11-5. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2018/indexeh.htm (accessed: 10.02.2023); China Statistical Yearbook 2019. Beijing: China Statistics Press, 2019. Table 11-5. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2019/indexeh.htm (accessed: 10.02.2023).

Причины постоянно нарастающего дисбаланса в американо-китайской торговле имеют системный характер и в конечном итоге обусловлены принципиальными различиями в идеологических установках и политико-экономических моделях сотрудничающих сторон, обретающими все больший вес по мере усложнения характера и расширения масштабов их делового взаимодействия. Если в Пекине, не слишком углубляясь, относят хроническую несбалансированность двусторонней торговли на счет особенностей внутренней экономической политики США, то встречные претензии Вашингтона имеют более развернутый и артикулированный характер.

Указывая на хроническую несбалансированность двусторонних товарных потоков, американцы уже не первый год обвиняют Китай в применении на международном рынке методов недобросовестной конкуренции. Среди них, в частности, использование искусственно заниженного валютного курса юаня, государственное субсидирование промышленного производства и экспорта, ограничение доступа американских и других иностранных компаний к внутреннему рынку КНР и, наконец, нарушение их прав интеллектуальной собственности, включая принуждение к передаче технологий, производство контрафактной продукции, промышленный шпионаж и т.п. Одно только незаконное присвоение американских технологий, по оценке экспертов, ежегодно наносит США ущерб, измеряемый сотнями миллиардов долларов.

В целом, как отмечают в США, поддерживая экспортную экспансию Китая, указанные выше действия КНР помимо очевидных экономических потерь американской стороны и подрыва ее технологического лидерства создают и угрозы в сфере национальной безопасности, связанные с растущими инвестициями Китая в американскую экономику, деятельностью телекоммуникационных компаний КНР на американском рынке, кибершпионажем, раскрытием чувствительной информации и т.п.[3]. Различные американские администрации в течение многих лет пытались найти взаимоприемлемое решение этих вопросов, используя созданные совместно с КНР многочисленные диалоговые механизмы в самых разных областях. Впрочем, без особого успеха.

С нарастанием экономической мощи, а равно и глобальных амбиций Китая ко всему вышеизложенному добавилось и соперничество двух крупнейших экономик мира за лидерство в различных регионах и на различных направлениях мирового развития. Ситуация особенно осложнилась в конце второго десятилетия XXI в. с приходом к власти администрации президента Д. Трампа, объявившего Китай главным стратегическим противником США, стоящим на пути возрождения «былого величия Америки». В этих условиях накопленные недовольства и противоречия послужили «питательной средой» для обострения традиционных американо-китайских экономических трений и попыток их практического разрешения с применением разнообразного арсенала торговой политики, включая таможенные тарифы, санкции и экспортный контроль.

Непосредственным импульсом, запустившим механизм взаимного обмена ударами, стал зафиксированный по итогам 2017 г. рекордный дефицит американо-китайской торговли, составивший, согласно таможенной статистике США, свыше 375 млрд долл. (включая торговлю услугами) при годовом приросте в 28 млрд долл. В результате, подписав в марте 2018 г. меморандум «О борьбе с экономической агрессией Китая», президент США Д. Трамп перешел к политике открытого протекционизма, последовательно вводя на товары китайского экспорта повышенные таможенные пошлины. Со своей стороны Китай, отвергая американские обвинения и полагая, что США пытаются ограничить его рост как мировой экономической державы, отвечал зеркальными мерами на каждый такой недружественный шаг американской администрации, и конфликт быстро приобрел характер полномасштабной торговой войны.

Как свидетельствует табл. 52, за полтора года, начиная с июля 2018 г., в американо-китайской торговле было зафиксировано несколько «приливных волн» взаимного повышения таможенных тарифов, идущих по нарастающей. Результатом стало увеличение среднего уровня американских таможенных тарифов на импорт из КНР до 19,3%, а среднего уровня китайских тарифов на импорт из США — до 21,1%. К осени 2019 г. более 66% китайского экспорта и 58% экспорта США попали под обложение повышенными пошлинами, а к концу года эта участь грозила практически всей двусторонней торговле[4].

Таблица 52

Хронология американо-китайского торгового конфликта, 2018–2019 гг.

Месяц, год	Предпринятые меры	Примечания
Июль 2018	**США**: введение импортного тарифа в размере 25% на корзину товаров китайского экспорта общей стоимостью 34 млрд долл. в годовом исчислении	Продукция «индустриально значимых технологий», включая автомобили, жесткие диски для компьютеров, авиазапчасти и др.
	КНР: введение импортного тарифа в размере 25% на 545 товарных позиций американского экспорта общей стоимостью 34 млрд долл.	Автомобили, сельскохозяйственная продукция, продукция аквакультуры и др.
Август 2018	**США**: введение тарифа в размере 25% на китайский экспорт общей стоимостью 16 млрд долл.	Металлоизделия, электрическое оборудование, железнодорожная продукция, приборы и аппаратура и др.
	КНР: введение тарифа в размере 25% на американский экспорт общей стоимостью 16 млрд долл.	Мотоциклы «Харлей-Дэвидсон», виски бурбон, апельсиновый сок и др.
Сентябрь 2018	**США**: введение на китайский экспорт общей стоимостью 200 млрд долл. тарифа в размере 10% с объявленной эскалацией до 25%, начиная с 1 декабря 2018 г.	
	КНР: введение тарифов в размере 5% и 10% на американский экспорт общей стоимостью 60 млрд долл.	Распространяется на 5200 товарных позиций.

Декабрь 2018 — январь 2019	**США**: приостановка намеченной с 1 декабря 2018 г. эскалации таможенных тарифов, начало торговых переговоров с КНР	Договоренность о начале переговоров достигнута Д. Трампом и Си Цзиньпином в ходе личной встречи 1 декабря 2018 г. «на полях» саммита G20 в Аргентине
	КНР: приостановка действия тарифов на импорт американских автомобилей и автозапчастей сроком на три месяца, возобновление закупок соевых бобов в США, согласие на увеличение закупок сельскохозяйственной продукции и энергоресурсов	
Май 2019	Прекращение торговых переговоров, инициированное США со ссылкой на «невыполнение китайской стороной ранее принятых обязательств»	
Май 2019	**США**: повышение с 10 до 25% тарифов на китайский экспорт общей стоимостью 200 млрд долл. Внесение компании *Huawei* в список организаций, деятельность которых подлежит административным ограничениям в рамках экспортного контроля	Проработка повышения до 25% тарифа на оставшуюся часть экспорта КНР в размере 300 млрд долл.
	КНР: объявление о предстоящем с 1 июня 2019 г. повышении до 20–25% тарифов на американские товары из объявленной в сентябре 2018 г. товарной корзины в 60 млрд долл. Власти КНР приступают к составлению собственного перечня «ненадежных организаций»	Самолеты, автомобили, соевые бобы и т.д.
Июнь 2019	**КНР**: введение в силу повышенных тарифов на товары американского экспорта в 60 млрд долл.	
Июнь 2019	**США**: приостановка ограничений деловой активности компании *Huawei* сроком на три месяца с возможностью дальнейшего регулярного продления; приостановка работы над эскалацией тарифов на китайский экспорт в 300 млрд долл.	Договоренность Д. Трампа и Си Цзиньпина о приостановке взаимной эскалации таможенных тарифов достигнута 28 июня 2019 г. в ходе личной встречи «на полях» саммита G20 в Японии
	КНР: подтверждение ранее взятых обязательств по увеличению закупок товаров американского экспорта	

Июнь 2019	Возобновление торговых переговоров	
Август 2019	**США**: уведомление о введении тарифа в 10% на экспорт КНР в 300 млрд долл. с 1 сентября 2019 г.	
	КНР: снижение НБК валютного курса юаня к доллару до уровня ниже 7 : 1	
Август 2019	**США**: объявление о частичной приостановке либо отмене введения с 1 сентября 2019 г. 10%-ного тарифа на китайские товары из корзины в 300 млрд долл.; введение 10%-ного тарифа на китайские товары стоимостью 155 млрд долл. (телефоны, портативные компьютеры, игровые приставки и т.п.) с 15 декабря 2019 г.	
	КНР: объявление о введении с 1 сентября и 15 декабря 2019 г. соответственно таможенных тарифов в 5% и 10% на американские товары общей стоимостью 75 млрд долл. Возобновление взимания 25%-ного тарифа на импорт американских автомобилей и автозапчастей с 15 декабря 2019 г.	
Сентябрь 2019	**США**: введение тарифа в 15% на китайский экспорт стоимостью свыше 125 млрд долл. из товарной корзины в 300 млрд долл. Предупреждение, что в случае отсутствия к 15 декабря 2019 г. торговой сделки США–КНР тарифы на оставшуюся часть этой корзины будут повышены с 10% до 15%	
	КНР: объявление об отмене предпринятого ранее повышения таможенных тарифов для 16 видов американского экспорта, включая пестициды, корма для животных, смазочные материалы, лекарства от онкологических заболеваний и др.	
Сентябрь 2019	**США**: перенос с 1 на 15 октября 2019 г. введения в силу тарифов в 25–30% на китайские товары стоимостью 250 млрд долл. в качестве жеста доброй воли	

	в связи с празднованием 70-летия образования КНР	
	КНР: объявление об исключении из взаимной эскалации таможенных тарифов американских соевых бобов, свинины и другой сельскохозяйственной продукции	
Октябрь 2019	**США:** объявление о дальнейшей отсрочке запланированного на 15 октября 2019 г. повышения до 25–30% тарифов на китайские товары стоимостью 250 млрд долл. по результатам торговых переговоров в Вашингтоне	
	КНР: согласие на увеличение закупок сельскохозяйственной продукции в США	
Декабрь 2019	Объявление сторон о предстоящем заключении межправительственного соглашения по первой фазе торговой сделки	.

Источники: *Yu W.*, *Nickelsburg J.* U.S.–China Annual Economic Report 2019: Third Quarter Update. The Trade War Deepens. Los Angeles: Cathay Bank, 2019. P. 2. URL: https://www.anderson.ucla.edu/documents/areas/ctr/forecast/CathayBank/CathayBank_Q3Update_2019_v1.pdf (accessed: 09.07.2024); *Mullen A. US–China Relations: Is There Still a Trade War nder Joe Biden's Presidency?* // South China Morning Post: [site]. 2023. May 23. URL: https://www.scmp.com/economy/global-economy/article/3134191/us-china-relations-there-still-trade-war-under-joe-bidens?module=inline&pgtype=article (accessed: 05.07.2024).

Повышение таможенных тарифов оказывает негативное влияние на экономический рост в силу целого ряда обстоятельств. Прежде всего, нарушая торговые потоки, тарифы повышают стоимость импортируемых товаров для местных потребителей и предприятий и тем самым снижают внутренний платежеспособный спрос, выступающий ключевым фактором развития экономики. Кроме того, повышение тарифов чревато снижением экономической активности ввиду сокращения торговли и сбоев в цепочках поставок. При этом предприятия сталкиваются с более высокими издержками, что приводит к снижению их экономической эффективности, сокращению инвестиций, сдерживанию инноваций и потенциальной потере рабочих мест. Наконец, неопределенность, связанная с конфликтной торговой политикой, подрывает доверие бизнеса и потребителей, необходимое для устойчивого поступательного развития воспроизводственного процесса.

К этому следует прибавить и негативный эффект от специальных мер торговой политики. В частности, в ходе эскалации американо-китайского конфликта Китай,

являющийся крупнейшим в мире потребителем сои, оказал давление на американский электорат, в частности на фермеров, сыгравших немалую роль при избрании Д. Трампа президентом США. По некоторым данным, китайские власти дали государственным компаниям КНР указание прекратить закупки сельскохозяйственной продукции в США[5]. В январе–мае 2019 г. китайские закупки сои в США сократились втрое по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. На последней стадии конфликта КНР и вовсе отказалась от импорта американских сельскохозяйственных товаров[6].

К тому же ситуация стала неизбежно выходить за рамки торговой сферы. Под влиянием роста американских таможенных тарифов, например, к концу 2018 г. индекс Шанхайской фондовой биржи снизился на 24,6%. Кроме того, в мае 2019 г., обвинив телекоммуникационную компанию *Huawei* в передаче данных пользователей ее продукции спецслужбам КНР, Министерство торговли США внесло *Huawei* в список иностранных компаний, подлежащих экспортному контролю. Усиливая давление на Китай, США запретили этой крупнейшей китайской компании торговать на американском рынке и поставили под строгий административный контроль ее коммерческие контакты с американскими производителями программного обеспечения, компонентов и комплектующих.

Экономические санкции и ограничения со стороны США затронули и другие компании КНР, некоторые из них были заподозрены в краже американской интеллектуальной собственности. В их числе такие производители телекоммуникационного оборудования и другой высокотехнологичной продукции, как *ZTE*, *Hytera Communications Corporation*, *Hangzhou Hickvision Digital Technology*, *Dahua Technology*, *Fujian Jinhua* и др.[7].

В ответ Китай объявил о составлении собственного списка иностранных компаний, подрывающих законные интересы граждан и предприятий КНР, для дальнейшего «регулирования их деятельности»[8]. Со своей стороны Д. Трамп заявлял о намерении вывести все американские компании с китайского рынка, стимулируя тем самым распространение в политических и экспертных кругах США идеи так называемого декаплинга (разъединения), предполагающей демонтаж сформировавшейся за предыдущие сорок лет глубокой взаимозависимости двух крупнейших экономик мира. Вызывая понятную настороженность инвесторов и других экономических агентов, действующих на китайском рынке, все это только усилило понижающую тенденцию в экономике КНР.

Антициклическая политика

Пытаясь противодействовать понижающейся динамике экономического развития в условиях новых внешних вызовов, китайское правительство прибегло к инструментарию так называемого антициклического регулирования.

Денежная и финансовая политика. В период со второй половины 2018 г. до конца 2019 г. проводимая властями денежная политика с учетом текущих экономических результатов была преобразована из «нейтрально-жесткого» в «нейтрально-мягкий» вариант. За это время Народный банк Китая не менее восьми раз объявлял

о снижении нормы резервирования средств для коммерческих банков, высвободив тем самым значительную ликвидность для межбанковского рынка[9].

В интересах дополнительного стимулирования деловой активности Госсовет КНР увеличил квоты для выпуска целевых облигационных займов местными властями с 1,39 трлн юаней в 2018 г. до 2,15 трлн юаней в 2019 г.[10]. Уже в первом квартале 2019 г. было освоено более половины этой суммы, использованной главным образом для реализации политически значимых крупных инфраструктурных проектов. Этому способствовало утверждение в октябре 2018 г. нового порядка одобрения инвестиционных проектов, требующего меньших затрат времени.

В целях поддержания динамики инвестиционного и потребительского спроса правительство в очередной раз прибегло к снижению налогового бремени для экономических агентов, обратившись к важнейшему компоненту налоговой системы Китая — налогу на добавленную стоимость (НДС). В 2018 г. его ставка была снижена с 17 до 16% для обрабатывающей и ряда других отраслей промышленности и с 11 до 10% для транспорта, строительства, сельского хозяйства и телекоммуникаций[11]. При взимании индивидуального подоходного налога необлагаемый минимум месячного дохода был повышен с 3,5 тыс. до 5 тыс. юаней.

Снижение налоговой нагрузки на бизнес получило дальнейшее развитие в 2019 г. Продолжилось уменьшение ставок НДС — с 16 до 13% для обрабатывающей промышленности и других отраслей и с 10 до 9% для транспортных перевозок, строительной индустрии и др.[12]. К тому же для малых налогоплательщиков произведено повышение необлагаемого минимума при уплате НДС — с 30 тыс. до 100 тыс. юаней ежемесячного объема продаж. В целом в 2019 г. сокращение налогового бремени в экономике составило 2,36 трлн юаней (2,4% ВВП) против 1,3 трлн юаней (1,4% ВВП) в 2018 г.[13]. Отсюда увеличение дефицита государственного бюджета КНР до 4,89%% ВВП в 2019 г. против 3,06% в 2018 г.[14].

Результатом принятых мер стало существенное увеличение денежной массы в обращении. В январе–сентябре 2019 г. так называемое совокупное общественное финансирование, включающее все виды финансовых ресурсов, которые поступают в реальный сектор экономики из внутренних источников, достигло 18,7 трлн юаней, увеличившись на 21% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. В том числе 13,9 трлн юаней составили вновь выданные банковские кредиты, 4,6 трлн юаней — облигации местных правительств и корпораций и т.д.[15].

Вместе с тем по итогам трех кварталов было зафиксировано и уменьшение удельного веса средне- и долгосрочного кредитования предприятий (с 39 до 35% всех выданных банками кредитов), равно как и сокращение средств, привлекаемых компаниями посредством выпуска акций. Это свидетельствовало о сохранении определенной неуверенности хозяйствующих субъектов и их осторожном подходе к инвестированию в расширение производства.

Новые инструменты экономического стимулирования. Особое внимание уделялось оживлению деловой активности средних и мелких частных предприятий, создающих более 60% ВВП. В конце 2018 г. НБК разрешил частным компаниям выпуск корпоративных облигаций под государственные гарантии. Размеры бан-

ковского кредита, доступного мелкому бизнесу, в январе 2019 г. были увеличены вдвое — с 5 до 10 млн юаней.

В декабре 2018 г. арсенал активных операций НБК пополнился Программой целевого среднесрочного кредитования, предназначенной для финансовой поддержки банков, выполняющих установленные нормативы кредитования мелких и средних предприятий[16]. Для крупных банков норматив определен в размере $^{1}/_{3}$, а для небольших — $^{2}/_{3}$ вновь выдаваемых кредитов. При этом предусматривалось, что к 2022 г. 50% всех новых банковских кредитов должно поступать в распоряжение частных компаний[17].

Предпринимались усилия по развитию государственно-частного партнерства (ГЧП) при сооружении крупных инфраструктурных объектов стратегического значения (национальные железные дороги, высокоскоростные автомагистрали, морские и речные порты и т.д.). В 2019 г. принято решение об использовании в рамках ГЧП средств целевых облигационных займов местных правительств при условии, что вложения частного инвестора составят не менее 20–25% общей стоимости проекта[18]. В первом квартале 2019 г. размеры инвестиций в рамках ГЧП соответствовали более 5% ВВП и тем самым впервые (и при этом значительно — в два с лишним раза) превысили бюджетные ассигнования на реализацию инвестиционных проектов в инфраструктуре[19].

Расширялись источники онлайнового и офлайнового потребления, включая опережающее развитие электронной торговли, доля которой в общем объеме розничных продаж физических товаров в 2019 г. превысила 20%. Посредством введения целевых налоговых вычетов при расчете индивидуального подоходного налога наращивалась государственная поддержка потребления услуг, включая уход за малолетними детьми, школьное обучение и последующее образование, дорогостоящее лечение, уплату процентов по ипотеке, аренду жилья, обеспечение достойной старости.

Для активации новых драйверов развития в начале 2019 г. на Шанхайской фондовой бирже была открыта площадка для высокотехнологичных компаний. Это явилось важным шагом в создании многоуровневого рынка капитала и стимулирования развития предприятий с инновационным потенциалом. Применяемые на этой площадке стандарты облегчили выход на фондовый рынок современных инновационных компаний, имеющих небольшие размеры и невысокую прибыльность. Уже в середине года на этой специализированной платформе оперировало около ста компаний, работающих в области производства компьютерной техники, телекоммуникационных систем и другого цифрового оборудования, медицинской техники, а также в биотехнологии и фармацевтике[20].

Большое внимание уделялось повышению конкурентоспособности китайской промышленности. В этой связи в рамках продолжающейся реформы электроэнергетики предусматривались дальнейшая коммерциализация работы энергетических компаний и развитие конкуренции на рынке электроэнергии. В соответствии с планами правительства это призвано способствовать сокращению тарифов на электроэнергию и, как следствие, заметному улучшению условий хозяйствования. В 2019 г. благодаря снижению тарифов на электроснабжение для корпоративных потребите-

лей (в среднем на 10%), а также вследствие расширения масштабов прямых сделок в сфере электроэнергетики затраты предприятий промышленности и торговли на электроэнергию в общей сложности были уменьшены более чем на 160 млрд юаней.

Дальнейшее открытие экономики. Обострение американо-китайского торгового конфликта не означало снижения роли внешних факторов в экономическом развитии Китая. Скорее наоборот. В марте 2019 г. на сессии ВСНП был принят Закон КНР об иностранных инвестициях, вступивший в силу с 2020 г. Заменив собою три действовавших ранее закона (о паевых совместных предприятиях китайского и иностранного капитала, о полностью иностранных предприятиях, о контрактных совместных предприятиях), он был призван гармонизировать правовое регулирование иностранного предпринимательства с современными реалиями и национальным законодательством.

В соответствии с новым документом иностранные компании получили национальный статус на всех стадиях инвестиционного цикла. За исключением ограниченного перечня отраслей, связанных с национальной безопасностью и в этой связи закрытых для иностранного инвестирования (так называемый негативный список), закон обеспечивает равные права для иностранного и национального капитала. В результате иностранные компании наравне с собственно китайскими предприятиями получили доступ к использованию средств государственной поддержки бизнеса, определению национальных промышленных стандартов, участию в государственных закупках, размещению ценных бумаг на китайском фондовом рынке. Закон усилил правовую защищенность иностранных предпринимателей, обеспечивая охрану их интеллектуальной собственности, недопущение принудительной передачи технологий, создание специального механизма обжалования неправомерных административных действий в их отношении.

Рамочный характер закона предполагал дальнейшую конкретизацию его положений подзаконными актами. Тем не менее само принятие этого нового нормативного акта способствовало созданию в Китае интернационализированной бизнес-среды, необходимой для активизации притока технологий и инноваций. В феврале 2019 г., практически одновременно с принятием нового закона Госсовет КНР выпустил рассчитанный до 2035 г. план развития района «Большого залива» Гуандун–Гонконг–Макао, являющийся масштабным продолжением системы свободных экономических зон и ориентированный на всемерное облегчение условий для международного бизнеса, расширения трансграничных бизнес-потоков и иностранных инвестиций.

Не оставляя усилий, связанных с развитием международной интеграции и укреплением позиций Китая на мировом рынке, руководство КНР использовало с этой целью и международные соглашения о зонах свободной торговли. В 2019 г. были обновлены либо впервые подписаны такие соглашения, предполагающие беспошлинный торговый обмен, с ЕС, Чили, Пакистаном, Перу, Израилем, Панамой, Палестинской автономией, Японией, Республикой Корея и т.д. С учетом стремительного ухудшения условий торговли Китая с США своевременность принятия таких мер не вызывала сомнений.

Динамика экономического развития

Статистические данные за 2019 г. свидетельствуют об осложнении ситуации в экономике КНР. Несмотря на усилия правительства, большинство важнейших социально-экономических показателей продемонстрировали продолжение понижательной тенденции предыдущих лет (табл. 53).

Таблица 53

Динамика основных показателей экономического развития КНР, 2017–2019 гг. (%)

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.
ВВП, всего	6,9	6,7	6,1
В том числе:			
первичный сектор	4,0	3,5	3,1
вторичный сектор	5,9	5,8	4,9
третичный сектор	7,9	7,6	7,2
Среднедушевые располагаемые доходы	9,0	8,7	8,6
Инвестиции в основные фонды	6,2	5,9	5,1
В том числе:			
государственные	10,1	1,9	6,8
частные	6,0	8,8	4,7
иностранные	3,9	3,0	2,1
Розничный товарооборот	10,2	9,0	5,8
Инфляция	1,6	2,1	2,9
Оборот внешней торговли	11,4	12,5	-1,0
В том числе:			
экспорт	7,9	9,9	0,5
импорт	15,9	15,8	-2,7

Источники: China Statistical Yearbook 2020. Beijing: China Statistics Press, 2020. Tables 11-13, 15-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2020/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022); China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Tables 3-4, 5-1, 6-1, 6-6, 6-11, 10-1, 10-3, 11-1. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024); Investment in Fixed Assets from January to December 2019 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 19.01.2020. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202001/t20200119_1723624.html (accessed: 10.07.2024).

Прирост ВВП, опускаясь из квартала в квартал, составил в 2019 г. лишь 6,1%. Это самый низкий показатель за два предыдущих десятилетия. Основной причиной

этого явилось замедление развития обрабатывающей промышленности, а также сферы недвижимости, особенно заметное при анализе поквартальных показателей. Так, если во втором квартале 2018 г. прирост добавленной стоимости в промышленности составил 6,4% в годовом исчислении, то в третьем квартале 2019 г. — лишь 5%. Аналогичные показатели в обрабатывающей промышленности составили 6,6 и 4,8%, обнаруживая еще более неблагоприятную тенденцию[21].

Смягчение денежно-кредитной политики привело к заметному увеличению темпов накопления долга и, соответственно, к усилению долговой нагрузки на экономику. Если в 2017–2018 гг. кредитная задолженность нефинансового сектора ежегодно увеличивалась в среднем на 3,5 процентных пункта от ВВП, то только в январе–марте 2019 г. соответствующий показатель составил 4%, при этом размеры долга домашних хозяйств и корпораций выросли на один и три процентных пункта ВВП соответственно. В целом общий долг нефинансового сектора (включая госдолг КНР) превысил 260% ВВП[22]. На фоне роста бюджетного дефицита ускорилась инфляция, темпы роста розничных цен вплотную приблизились к 3% — предельно допустимому уровню, установленному Народным банком Китая.

Имелись, впрочем, и положительные явления. В частности, опережающими темпами (7,2%) росла сфера услуг, являющаяся приоритетным направлением и локомотивом структурной перестройки в Китае. При этом особенно активно развивались такие прогрессивные отрасли, как информационные технологии и программное обеспечение (18,7%), лизинг и бизнес-услуги (8,7%), финансовое посредничество (7,2%), транспорт, почтовые и складские услуги (7,1%)[23].

Сходная картина наблюдалась и в промышленности. Замедление развития таких отраслей, как черная и цветная металлургия, металлообработка, производство оборудования общего назначения, специального и транспортного оборудования сопровождалось опережающим ростом современных, технологически емких отраслей и видов производства. В их числе так называемые новые стратегические отрасли (8,4%), а также высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности (8,8%), включая производство солнечных батарей (25,1%), электромобилей (21,4%) и т.д.

Тем не менее и здесь, в приоритетном для Китая сегменте реального сектора экономики поквартальные данные свидетельствовали о нарастании негативных тенденций. Так, если прирост добавленной стоимости в секторе компьютерных услуг, информационных технологий и программного обеспечения в третьем квартале 2018 г. составлял 32,8% год к году, то годом позже, в третьем квартале 2019 г. он сократился без малого вдвое, составив 18%[24].

Основным драйвером развития оставались расходы на конечное потребление, обеспечившие в 2019 г. 55,4% прироста ВВП, доля валового капиталообразования составила 43,1%[25]. При этом сельские районы начали генерировать более активный рост внутреннего спроса (прирост розничного товарооборота на селе — 9%) по сравнению с городами (7,9%). Это стало результатом проводимой уже не первый год политики государства, направленной на сближение уровня жизни в городе и деревне, а также на сокращение разрыва в доходах различных групп населения. Характерно, что, хотя доходы сельских жителей все еще существенно (в среднем

в 2,6 раза) отставали от доходов горожан, увеличение реальных располагаемых доходов на селе происходило опережающими темпами. В целом в условиях торможения роста экономики и возросшей инфляции динамика реальных доходов населения замедлилась.

В сфере капитального строительства сохранялась осторожная, выжидательная позиция инвесторов. В 2019 г. это стало особенно очевидным в отношении частных вкладчиков капитала, более чутких к изменениям рыночной конъюнктуры. Для поддержания динамики инвестиционного процесса правительству пришлось снова вернуться к взбадриванию экономики посредством вливания бюджетных инвестиций и кредитов государственных банков. А ведь это именно то, от чего руководство КНР категорически зарекалось с учетом опасных финансовых пузырей, сопровождавших реализацию антикризисной программы 2008–2009 гг.[26].

Впрочем, и здесь определенный оптимизм внушала отраслевая структура капитальных затрат, демонстрирующая быстрый рост вложений в наукоемкие сферы экономики, включая высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности (годовой прирост инвестиций — 17,7%) и высокотехнологичные услуги (16,5%)[27]. Речь идет о производстве медицинского, электронного и телекоммуникационного оборудования, компьютерной и офисной техники, а также о фармацевтической промышленности. В целом, как и в предыдущие годы, позитивные структурные сдвиги в экономике в известной мере смягчали последствия замедления экономического роста КНР.

Внешняя торговля по сравнению с другими отраслями экономики понесла наиболее ощутимые потери. В 2019 г. внешнеторговый оборот КНР составил 4,57 трлн долл., сократившись на 1%; экспорт составил 2,5 трлн долл. (+0,5%), импорт — 2,07 трлн долл. (-2,7%). Такое положение свидетельствовало об экстраординарной ситуации в экономике, для которой традиционно был характерен опережающий рост внешней торговли по сравнению с ВВП и другими макроэкономическими показателями. Среди причин этого можно назвать структурную перестройку экономики КНР, уменьшение спроса в странах-партнерах, некоторые циклические колебания развития. Однако основную роль, безусловно, сыграли весьма болезненные последствия торговой войны с США.

Существенным фактором торможения экспорта КНР стало резкое снижение вывоза смартфонов. Ощутимое уменьшение поставок отмечалось и по таким товарным позициям, как одежда, сталь, оборудование для автоматизированной обработки данных, продукция судостроения. В импорте наблюдалось обвальное падение закупок интегральных схем, а также других полуфабрикатов и комплектующих для производства важнейших товаров китайского экспорта. На долю таких промежуточных товаров пришлось примерно $^{2}/_{3}$ падения импорта КНР. Импортный спрос в данном случае сжимался в ожидании будущего снижения экспорта. Свой вклад внесло и сокращение китайских закупок в США соевых бобов, меди и ряда других товаров[28].

Одновременно шла активная перегруппировка в составе основных торговых партнеров Китая. Уже в первом полугодии 2019 г. китайский импорт из США сократился почти на 30%, а экспорт в США уменьшился на 8,1%. Экспорт КНР

в страны ЕС и государства Юго-Восточной Азии, наоборот, вырос на 6 и 7,9% соответственно. В результате удельный вес США в экспорте КНР снизился до 17% против 19,2% в 2018 г., а доля ЕС возросла с 16,4 до 17,3%. В короткие сроки Америка переместилась на третью позицию в перечне основных рынков сбыта китайского экспорта, пропустив вперед страны ЕС и АСЕАН[29]. Наблюдавшийся рост товарного вывоза КНР во Вьетнам, Таиланд, Камбоджу и Мексику свидетельствовал не только о поиске компаниями КНР новых направлений сбыта своей продукции взамен США, но и о попытках проникнуть на американский рынок в обход тарифных ограничений.

Выгоду от торговой войны США и Китая в той или иной мере получили либо рассчитывали получить не менее двух десятков стран. В числе бенефициаров сложившейся ситуации следует упомянуть таких крупных поставщиков сои и сельскохозяйственной продукции, как Аргентина и Бразилия, а также Канаду, Швейцарию, Австралию и Саудовскую Аравию. Россия также увеличила товарооборот с Китаем, отчасти заместив рухнувшие поставки американского топлива, зерновых, соевых бобов, пищевых жиров и растительных масел[30].

Китай прилагал немалые усилия для сохранения своих позиций на международном рынке капитала. В 2019 г. приток прямых иностранных инвестиций в страну составил 138,1 млрд долл., увеличившись на 2,3% год к году. Это позволило КНР остаться на втором месте в списке основных реципиентов прямых иностранных инвестиций (примерно 10% их общемирового потока). Около 30% этой суммы представлены вложениями зарубежных инвесторов в высокотехнологичные отрасли китайской экономики, а абсолютные размеры этих инвестиций выросли почти на 22%. Сокращение американских капиталовложений компенсировалось ростом инвестиций из Республики Корея, Нидерландов и Сингапура. За год в стране было учреждено свыше 40 тыс. новых предприятий с участием иностранного капитала[31].

Более сложная ситуация наблюдалась в связи с реализацией политики «выхода за рубеж». Нефинансовые инвестиции китайских компаний за рубежом, отражающие общий уровень деловой активности в стране, составили 110,6 млрд долл., сократившись на 8,2% по сравнению с 2018 г.[32]. При этом лишь 15 млрд долл. было направлено на осуществление китайской программы международной интеграции «Один пояс, один путь», что на 3,8% меньше, чем в предыдущем году. В основном это инвестиции в сфере лизинга, обрабатывающей промышленности, оптовой и розничной торговли в таких странах, как Сингапур, Вьетнам, Лаос, Индонезия, Пакистан, Камбоджа, Казахстан и т.д.[33].

Торговая сделка и ее результаты

Как Китай, так и США несли экономические потери в результате взаимного применения торговых санкций. По оценкам, при реальном введении всех анонсированных Д. Трампом антикитайских мер темпы роста ВВП КНР могли дополнительно уменьшиться на 0,5%, а в долгосрочном периоде с учетом мультипликативного эффекта по цепочке «сокращение экспорта — производства — инвестиций» — даже на 3,5%[34]. Американская экономика также сталкивалась с проблемами ввиду

масштабов китайского экспорта, а также того обстоятельства, что 40% его стоимости — не что иное, как детали и комплектующие для изготовления конечного продукта в США.

В этих условиях в 2018–2019 гг. конфликтующие стороны не раз заключали временное перемирие, приостанавливали действие своих санкций и приступали к обсуждению возможного компромисса. Всего к концу 2019 г. было проведено 13 раундов переговоров. Однако продвижение вперед шло весьма сложно и медленно.

После серии взаимных ударов в январе 2019 г. Китай согласился сократить дисбаланс в двусторонней торговле, нарастив закупки американской сельскохозяйственной продукции в обмен на ослабление торговых санкций США. Выяснилось, однако, что на практике американская сторона не торопится конкретизировать количественные параметры снижения пошлин. КНР же, в свою очередь, всеми силами стремилась избежать конкретики в определении объемов наращивания импорта из США. Всё это свидетельства дефицита взаимного доверия у партнеров по переговорному процессу[35].

Следствием этого в 2019 г. неоднократно являлось новое взвинчивание тарифов, сопровождаемое (прежде всего со стороны США) недружественными выпадами, шантажом и угрозами. Так, в мае 2019 г. Д. Трамп пригрозил вывести все американские компании с китайского рынка. Со своей стороны в августе 2019 г. НБК привел в действие «валютный рычаг», впервые за прошедшие десять лет снизив курс юаня к доллару до уровня менее 7 : 1, после чего Китай был обвинен американцами в валютном манипулировании, что предполагало возможность введения дополнительных компенсационных пошлин на экспортную продукцию КНР[36].

Во второй половине 2019 г. стало очевидно, что практикуемое сторонами тарифное противоборство со взаимным встречным повышением ставок импортных пошлин не имеет конструктивной перспективы. Чтобы выйти из переговорного тупика, каждая из сторон должна была в чем-то пойти на уступки. Президент Д. Трамп, однако, заявлял, что компромисс по формуле «50 на 50» не является справедливым, поскольку-де за последние десятилетия Китай «накопленным итогом» получил непропорционально большие преимущества от двусторонней торговли. Пекин же неоднократно декларировал, что не пойдет на заключение «неравноправного договора», напоминая контрагентам из США о событиях XIX в., когда, потерпев поражение в Опиумных войнах и оказавшись в сильнейшей зависимости от Запада, Китай в течение 100 с лишним лет не только испытывал национальное унижение, но и нес реальные экономические потери[37].

Две крупнейшие экономики мира, производящие 40% общемирового ВВП, могли бы еще долго выяснять, чья историческая ущемленность серьезнее и чья переговорная позиция сильнее, если бы не нарастающие с каждым днем взаимные потери сторон. В этих условиях важно, для какой стороны в конечном итоге урон будет болезненнее и чей запас прочности окажется надежнее. Учитывая, что в конце 2019 г. размеры китайской продукции, подпадавшей под американские санкции, оценивались в 3,8% ВВП КНР, в то время как соответствующий показатель для США не достигал и 1%, положение Китая теоретически выглядело более уязвимым.

На практике, однако, ситуация была не столь очевидной. Правительство КНР в самом деле стояло перед возможностью снижения эффективности своей экономической политики и дальнейшего замедления динамики роста до уровня ниже приемлемого. В средне- и долгосрочной перспективе это, безусловно, ослабляло позицию Китая в конфликте с США. Однако администрация США в 2019 г. уже успела столкнуться с недовольством терпящих убытки американских фермеров и выплатой им многомиллиардной финансовой помощи из государственного бюджета[38]. К тому же в 2020 г. предстояли очередные выборы президента США, и в рамках предвыборной кампании Д. Трампу требовалось предъявить практический результат начатой им торговой войны с Китаем. В краткосрочном периоде это заметно повышало заинтересованность США в быстром нахождении взаимоприемлемого решения конфликта и тем самым практически уравнивало переговорные возможности сторон. В результате 15 января 2020 г. в Вашингтоне было подписано американо-китайское межправительственное торгово-экономическое соглашение, оставившее, по сути, в стороне многие острые аспекты американо-китайского делового взаимодействия.

Подписание Соглашения завершило оформление первой фазы американо-китайской торговой сделки, охватившей лишь часть торгово-экономических противоречий между КНР и США, причем не самую сложную часть этих противоречий. Оно содержит, в частности, положения, регламентирующие защиту торговых секретов, конфиденциальной деловой информации, патентов и иных видов интеллектуальной собственности, а равно и наказание за нарушение их безопасности, в том числе с использованием административного ресурса. Большое внимание было уделено борьбе с промышленным пиратством, производством и сбытом контрафактной продукции. Раздел Соглашения, посвященный технологическому трансферту, направлен на то, чтобы полностью исключить из практики двусторонних отношений возможность принудительной передачи технологии на нерыночной основе.

Обязательства КНР подробно детализированы и нередко подкреплены перечнями необходимых мероприятий со сроками выполнения. Так, в главе «Интеллектуальная собственность» предусматривается, что в течение 30 рабочих дней после вступления Соглашения в силу Китай обнародует национальный план действий по усилению защиты интеллектуальной собственности с указанием сроков реализации каждой обозначенной в нем меры. В частности, Китаю предстояло принять дополнительные нормативные акты, регламентирующие противодействие различным способам незаконного присвоения коммерческой тайны, включая электронные вторжения, нарушение обязанности неразглашения секретной или конфиденциальной информации, а также несанкционированное разглашение или использование коммерческой тайны после ее приобретения. В указанных случаях, равно как и при присвоении коммерческой тайны посредством кражи и мошенничества, законодательством КНР должны предусматриваться уголовные процедуры и наказания.

Особое внимание уделено защите коммерческой тайны и конфиденциальной деловой информации от несанкционированного разглашения государственными органами. В связи с этим в рамках любого уголовного, гражданского, административного или регулирующего производства, проводимого на центральном или местном

уровне управления, Китай должен запретить несанкционированное раскрытие закрытой информации государственными служащими, сторонними экспертами или консультантами под угрозой уголовного, гражданского или административного наказания, включая денежные штрафы, приостановление или прекращение трудовой деятельности, а также лишение свободы.

Раздел «Торговля продовольствием и сельскохозяйственной продукцией» регламентирует порядок устранения технических барьеров в торговле по таким товарным позициям, как мясопродукты, свинина, говядина, мясо птицы, молочная продукция, детское питание, рис, морепродукты, живой скот, корм для животных, пищевые добавки и т.д.[39]. Здесь также зафиксированы многочисленные обязательства Китая. В их числе установление упрощенной процедуры оценки безопасности для утверждения импорта пищевых ингредиентов, полученных из генетически модифицированных микроорганизмов, отмена требования сертификации при ввозе из США пищевых продуктов с низким риском, включая все американские продукты с высокой степенью обработки, считающиеся устойчивыми к хранению, и т.д.

Что касается американской стороны, то Соглашение констатирует, что действующие в США нормы и правила в полной мере обеспечивают выполнение условий торговой сделки. К тому же в Соглашении оговорено, что оно ни в коей мере не ограничивает права Соединенных Штатов при предъявлении в рамках норм ВТО претензий к Китаю в связи с применением им мер внутренней поддержки экономики.

Аналогичным образом раздел «Финансовые услуги» содержит обязательства китайской стороны по допуску на национальный финансовый рынок американских брокерских, трастовых и страховых компаний, рейтинговых агентств и компаний–операторов платежных систем. В связи с этим, в частности, упоминаются своевременная (с обозначением предельных сроков) выдача китайских лицензий, смягчение применяемых к американским компаниям квалификационных требований, ограничений доли участия в капитале компаний финансового сектора и т.п. В ответ американская сторона признает наличие соответствующих запросов со стороны аналогичных китайских учреждений и подтверждает готовность рассмотреть их «в ближайшее время» и в «недискриминационном порядке»[40].

Впрочем, что касается защиты интеллектуальной собственности, технологического трансферта и открытия финансового рынка, то следует признать, что многие зафиксированные в Соглашении обязательства китайской стороны имели избыточный характер. К моменту подписания Соглашения, по сути, они уже были выполнены в связи с принятием в 2019 г. нового Закона КНР об иностранных инвестициях, созданием в 2018 г. Апелляционного суда по правам интеллектуальной собственности, с начавшимся тогда же поэтапным снятием ограничений на долю иностранных инвесторов в капитале компаний финансового сектора, внесением соответствующих изменений в китайские законы об административном лицензировании, недобросовестной конкуренции, товарных знаках и др. В этих условиях подписание Соглашения в этой части во многом являлось своего рода формальностью.

В отдельном разделе Соглашения закреплены взаимные обязательства сторон придерживаться регулируемых рынком курсовых соотношений и избегать манипу-

лирования курсами национальных валют в целях получения недобросовестных конкурентных преимуществ. Фактически эти положения повторяли обязанности КНР и США как государств–членов Международного валютного фонда, ссылка на Устав которого содержится в тексте Соглашения.

Содержательной сердцевиной Соглашения является раздел «Расширение торговли», где зафиксировано обязательство КНР в период с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2021 г. увеличить закупки американской продукции по сравнению с уровнем 2017 г. в общей сложности на 200 млрд долл., в том числе в 2020 г. — на 76,7 млрд долл. и в 2021 г. — на 123,3 млрд долл. Предполагалось, что, способствуя сокращению отрицательного сальдо американо-китайской торговли, рост китайских закупок в США продолжится и в последующие годы.

При этом в 2020–2021 гг. среднегодовые размеры китайского импорта готовой промышленной продукции (самолеты, автомобили, фармацевтическая продукция, промышленное оборудование и т.д.) должны были увеличиться на 58% по сравнению с базовым уровнем; закупки сельскохозяйственной продукции (мясо, зерновые, хлопок и др.) — на 65%; энергоресурсов (сжиженный природный газ, нефть, уголь и др.) — на 323%; услуг (туризм, финансовые услуги, страхование, интернет-услуги) — на 34% (см. табл. 54).

Таблица 54

Обязательства КНР по увеличение импорта из США,
2020–2021 гг. (млрд долл.)

	Импорт КНР из США, 2017 г.*	Импорт КНР из США, 2018 г.*	2020 г.: увеличение импорта из США (к уровню 2017 г.)	2021 г.: увеличение импорта из США (к уровню 2017 г.)	2020–2021 гг.: суммарное увеличение импорта из США
Всего	152,9	143,9	76,7	123,3	200,0
В том числе:					
промышленные товары	66,9	67,6	32,9	44,8	77,7
сельскохозяйственные товары	22,3	11,3	12,5	19,5	32,0
энергоресурсы	8,1	8,3	18,5	33,9	52,4
услуги	55,6	56,7	12,8	25,1	37,9

* Данные таможенной статистики США.

Источники: Economic and Trade Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the United States of America // The PRC Ministry of Finance: [site]. 2020. January 15. Art. 6.2. URL: http://www.mof.gov.cn/en/

Cooperation/bdd/202011/P020201104655581070665.pdf (accessed: 16.03.2020); China Economic Monitor. Q1 2020. Beijing: KPMG, April 2020. P. 26. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2020/02/china-economic-monitor-q1-2020.pdf (accessed: 10.07.2024).

Заслуживает внимания, что содержащийся в Соглашении перечень товаров и услуг для наращивания американского экспорта в Китай включает целый ряд товарных позиций, которые ранее попали в США под ограничения или даже были заблокированы, исходя из соображений национальной безопасности. Это, в частности, услуги по запуску космических аппаратов, спутники, компьютерные чипы и электронные платы. Соглашение (ст. 6.2.4) требует от США принятия «конструктивных мер» для обеспечения доступности для экспорта в Китай всех поименованных в перечне товаров, включая упомянутую выше чувствительную продукцию. В противном случае КНР может инициировать проведение консультаций с США, расценивая это как нарушение условий торговой сделки. Кроме того, Соглашение (ст. 6.2.5) предусматривает поставку американских товаров на конкурентной рыночной основе по ценам, не превышающим предложения других поставщиков.

В целях эффективной реализации достигнутых договоренностей, а также во избежание эскалации экономических и торговых споров Соглашением предусмотрено создание специального механизма двусторонней оценки и разрешения споров. В рамках этого механизма, в частности, стороны формируют Рамочную группу по торговым вопросам, возглавляемую совместно торговым представителем США и уполномоченным вице-премьером Госсовета КНР. Собираясь каждые шесть месяцев, эта группа призвана осуществлять мониторинг реализации Соглашения и решение связанных с этим проблем.

Если по каким-либо нарушениям или спорным вопросам не будет достигнуто согласие сторон, то в интересах «поддержания нормальных двусторонних торговых отношений» пострадавшая сторона вправе приостановить свои обязательства по Соглашению или прибегнуть к иным «соразмерным мерам по исправлению положения». В случае возникновения споров, связанных с политикой валютного курса, стороны вправе обратиться с соответствующим запросом в Международный валютный фонд в соответствии с его мандатом. Кроме того, было установлено, что со вступлением Соглашения в силу стороны возобновляют регулярное проведение на высоком государственном уровне макроэкономических совещаний, посвященных рассмотрению и решению общих экономических вопросов.

В связи с достижением договоренности по заключению торговой сделки как США, так и Китай приостановили объявленное на 15 декабря 2019 г. повышение импортных пошлин на товары взаимной торговли. Кроме того, после вступления Соглашения в силу США вдвое (с 15 до 7,5%) сократили введенные ранее пошлины на экспортную продукцию КНР стоимостью 110 млрд долл. Со своей стороны Китай также вдвое уменьшил установленные в 2019 г. тарифы на американскую сельскохозяйственную продукцию стоимостью 75 млрд долл. и отменил запрет на импорт из США продуктов из мяса птицы[41]. В дальнейшем Китай по меньшей мере дважды (в мае и сентябре 2020 г.) снимал торговые запреты и отменял введенные

в ходе торговой войны таможенные тарифы на импорт в общей сложности примерно 100 видов американской продукции (сельскохозяйственные товары, руды, химические продукты, медицинские товары и т.п.).

Что касается США, то они оставили в силе 25%-ные пошлины на китайские товары общей стоимостью около 200 млрд долл. в качестве своего рода залога, обеспечивающего выполнение Китаем принятых на себя обязательств[42]. Возможность полной отмены высоких таможенных тарифов увязывалась американской стороной с итогами второй фазы торговой сделки, отнесенной сторонами на ближайшее будущее и призванной урегулировать более сложные вопросы двустороннего делового взаимодействия, включая, в частности, субсидирование правительством государственных компаний Китая, а равно и применение правительством КНР других инструментов промышленной политики.

Однако эти планы практически сразу же после подписания Соглашения были опрокинуты быстрым распространением в Китае, а затем и в других странах мира пандемии нового коронавируса COVID-19. Вызывая приостановку производства, прекращение транспортного сообщения, изоляцию ряда административных территорий в КНР, другие карантинные мероприятия и связанные со всем этим значительные затраты финансовых ресурсов, данное обстоятельство с самого начала затруднило выполнение Китаем обязательств по расширению торговли в рамках торгово-экономического соглашения с США. В результате этого, а также поражения на президентских выборах 2020 г. Д. Трампа как главного протагониста торговой сделки перспективы ее второй фазы, по сути, повисли в воздухе. К тому же результаты первой фазы торговой сделки оказались далеки от ожиданий.

Речь прежде всего идет о реализации политики регулируемой торговли в соответствии с американо-китайским торгово-экономическим соглашением. В 2020 г. импорт Китаем американских товаров увеличился на 13%, однако этого было недостаточно для выполнения графика расширения торговли. Так, импорт промышленных товаров составил лишь 57% от целевого показателя на год; в том числе импорт автомобилей и автозапчастей достиг лишь 40%, а импорт самолетов, авиадвигателей и компонентов — 18%. Закупки КНР продукции сельского хозяйства США недобрали 18% до зафиксированного в Соглашении уровня, а импорт американских энергоресурсов составил лишь 37% от установленных ориентиров вследствие падения цен мирового рынка, а также вялых закупок Китаем угля (14% от целевого показателя) и нефти (45%). С опережением графика развивался китайский импорт из США полупроводников и оборудования для их производства (127% от целевого показателя), а также возросший вследствие пандемии импорт медицинских товаров (111%)[43].

В 2021 г. поставки товаров и услуг из США в Китай составили 194 млрд долл. И хотя это был рекордный уровень американского экспорта в КНР (особенно в части сельхозпродукции), он обеспечил лишь 62% от целевых показателей межправительственного соглашения. Помимо форс-мажора, обусловленного пандемией COVID-19, важной причиной этого, по мнению ряда американских экспертов, оказалась неготовность экономики США обеспечить предусмотренный Соглашением взрывной рост американского экспорта в Китай, ведь по условиям торговой

сделки среднегодовые темпы его прироста в 2020–2021 гг. должны были составить свыше 40%[44].

Между тем спрос на китайские товары в США оставался высоким, в том числе и благодаря логистике международной торговли. За годы тесного делового взаимодействия Китай с участием американских производителей и импортеров выстроил беспрецедентно крупную и эффективную цепочку поставок, включая вспомогательную инфраструктуру в портах, автомобильном и железнодорожном сообщении. Достаточно сказать, что семь из десяти наиболее загруженных контейнерных портов в мире расположены в Китае. Морские порты в странах Юго-Восточной и Южной Азии не в состоянии справиться с объемом грузов, поступающих в США в рамках американо-китайского торгового обмена[45]. В этих условиях сохранение высокого уровня ввозных пошлин на китайские товары, по признанию представителей администрации США, наносило ущерб американской экономике[46]. В 2020–2021 гг. размеры таможенных платежей при импорте китайской продукции в США превысили 110 млрд долл.[47]. По итогам 2021 г., отрицательное сальдо США в торговле с Китаем составило 354 млрд долл., превысив уровень 2019 и 2020 гг.[48].

Несмотря на продолжение властями США политики ограничений делового взаимодействия американского бизнеса с предприятиями КНР, инвестиционная активность компаний США на китайском рынке в целом не снижалась. Согласно опросу Американо-китайской торговой палаты, на пике торгового конфликта в 2019 г. свыше 60% американских инвесторов не планировали переносить производственные мощности за пределы Китая[49]. В начале 2020 г. доля компаний США, ориентирующихся на дальнейшее развитие своего бизнеса в Китае, превысила 80%[50].

Одновременно стартовали новые масштабные проекты. В 2019 г., например, корпорации *ExxonMobil* и *BASF* создали в КНР свои дочерние компании, реализовав прямые инвестиции в размере 10 млрд долл. каждая[51]. Компания *Tesla*, один из флагманов промышленности США, учредила завод электромобилей в Шанхае. При этом *Tesla* получила от группы китайских банков кредит в 10 млрд юаней (свыше 1,4 млрд долл.) на развитие производства. В итоге, по свидетельству главы *Tesla* И. Маска, этот завод обошелся на 65% дешевле, чем если бы его строили в США[52]. В этих условиях обещания Д. Трампа «вернуть американский бизнес на родину» выглядели далекими от реальности.

В этом же направлении действовало и снятие ограничений для деятельности иностранных компаний на финансовом рынке КНР, осуществляемое, кстати, в точном соответствии с американо-китайским торгово-экономическим соглашением. В результате в 2020 г. на китайском финансовом рынке впервые появилась целая группа компаний по ценным бумагам, инвестиционных фондов и рейтинговых агентств, полностью принадлежащих американским инвесторам, включая такие крупные финансовые структуры, как *Morgan Stanley*, *Goldman Sachs*, *JP Morgan*, *Black Rock*, *Citibank*, *S&P Global*, *Fitch* и т.д. Следствием этого стало быстрое нарастание масштабов размещения средств американских инвесторов в китайские ценные бумаги, и прежде всего в казначейские облигации правительства КНР, доходность которых в среднем более чем на 2 процентных пункта превышала аналогичный показатель по долговым обязательствам США[53].

Средства, размещенные американскими портфельными инвесторами на рынке ценных бумаг КНР, в 2016–2020 гг. составили в общей сложности 780 млрд долл.[54]. В первой половине 2021 г. инвестиции США в акции китайских компаний и казначейские облигации КНР составили 110 млрд долл., увеличившись на 50% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.[55]. Все это дополнительно усиливало взаимную зависимость и взаимное влияние двух крупнейших экономик современного мира, особенно если учесть, что Китай уже не первый год является крупнейшим держателем американского внешнего долга, а совокупная стоимость казначейских облигаций США в инвестиционном портфеле китайских компаний и банков к началу 2020-х годов достигала 1,12 трлн долл.

* * *

Экономическое развитие КНР в рассматриваемый период позволяет сделать ряд заключений. При сохранении общего тренда к замедлению динамики роста после мирового финансового кризиса в ходе торговой войны с США китайская экономика тем не менее проявила определенную стрессоустойчивость и сопротивляемость по отношению к внешним рискам, опираясь на последовательное продолжение системных преобразований, рациональное изменение отраслевой структуры и макроэкономических пропорций. С присоединением к ВТО Китай совершил серьезную эволюцию, пройдя стадию односторонней экономической и технологической зависимости от промышленно развитых стран и выйдя на новый уровень развития, предполагающий наличие конкурентной взаимозависимости с Западом.

Степень этой взаимной зависимости пока еще далеко не равнозначна. Согласно оценке МВФ, например, удельный вес иностранной составляющей (материалы, компоненты, технология, оборудование) в общей стоимости экспорта КНР превышает 15% против менее 10% в странах ОЭСР. В случае с экспортом высокотехнологичной продукции (компьютеры, электроника, электронное оборудование) разрыв увеличивается и аналогичные показатели составляют уже примерно 28 и 15%. В результате реализация идеи декаплинга с полным отделением друг от друга экономических систем Китая и США в долгосрочной перспективе может обернуться снижением реального ВВП этих стран на 1,8 и 1,1% соответственно[56].

Очевидно, тем не менее, что в сложившейся ситуации торгово-экономические санкции, инициированные со стороны США, имели преимущественно поверхностный характер, не затрагивая фундаментальных основ китайской экономики и ее позиционирования в мировом хозяйстве. Эскалация таможенных тарифов, меры экспортного контроля и иные нетарифные ограничения оказались недостаточны для реального переформатирования сложной системы производственно-сбытовых и логистических цепочек, инвестиционных, финансовых и технологических связей, формирующих американо-китайское экономическое взаимодействие. Отсюда противоречивые, неубедительные результаты первой фазы торговой сделки с Китаем, реализованной под нажимом американской администрации.

Что касается анонсированной Д. Трампом второй фазы торговой сделки, связанной с претензиями США относительно промышленной политики Китая и работы

государственных предприятий КНР, то ее перспективы изначально выглядели проблематично. Ведь активная роль государства — это ключевая составляющая китайских реформ, во многом обеспечившая их успех и достижение КНР высоких позиций в мировой табели о рангах. В интересах повышения эффективности факторов производства и усиления конкурентоспособности национальной экономики власти КНР уже много лет осуществляют акционирование, реструктурирование и коммерциализацию госпредприятий, стимулируют развитие государственно-частного партнерства, смешанных форм собственности, частного предпринимательства и т.д. Постепенность китайской модели экономического реформирования не предполагает радикального ускорения этих сложных преобразований, связанных, помимо прочего, и с изменением системы государственного управления. Таким образом, стороны стоят перед непростой и, скорее всего, длительной перспективой сохранения торгово-экономических противоречий и обострения глобального соперничества в сферах технологического лидерства, экономического и геополитического влияния.

Примечания

[1] China Economic Monitor. Q1 2019. Beijing: KPMG, February 2019. P. 2. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2019/02/china-economic-monitor-q1-2019.pdf (accessed: 10.07.2024).

[2] *Yu W.*, *Nickelsburg J.* U.S.–China Annual Economic Report 2021. Status Quo for U.S.–China Relations. Looking Ahead: the Economy Under the Biden Administration. Los Angeles: Cathay Bank, 2021. P. 5. URL: https://www.anderson.ucla.edu/documents/areas/ctr/forecast/CathayBank/CathayBank_AnnualReport_2021_v2.pdf (accessed: 09.07.2024).

[3] The China USA War: The Trade War of the Century // Tactical Investor: [site]. 2023. October 7. URL: https://tacticalinvestor.com/the-trade-war-of-the-century/ (accessed: 03.07.2024).

[4] World Trade Report 2023. Re-Globalization for a Secure, Inclusive and Sustainable Future. Geneva: World Trade Organization, 2023. P. 27, 32. DOI: 10.30875/9789287074102. URL: https://www.wto-ilibrary.org/content/books/9789287074102/read (accessed: 18.07.2024); *Yu W.*, *Nickelsburg J.* Op. cit. P. 1.

[5] China: More Economic Tensions and Heightened Uncertainty Ahead of Trade Deal. URL: http://www2.deloitte.com/content/dam/insights/us/articles/CN22085_China-economic-outlook/DI_China-economic-outlook.pdf (accessed: 07.07.2024).

[6] *Стаханова А.* Взаимная вражда. США и Китай едва не обрушили мировую экономику. Кто остался в выигрыше? // Lenta.ru: [сайт]. 2019. 19 августа. URL: https://lenta.ru/articles/2019/08/19/china_vs_us/ (дата обращения: 23.07.2024).

[7] *Лексютина Я.В.* Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 90. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93.

[8] China 2019 Economic Report / Embassy of Switzerland in the PRC. Beijing. June 2019 // SinOptic: [site]. 2019. June 28. P. 8. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20190628_China_Annual.economic.report.pdf (accessed: 15.07.2024).

[9] *Новоселова Л.* Экономика КНР в условиях торговой войны // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 78. DOI: 10.20542/0131 – 2227 – 2020 – 64 – 6 – 76 – 84.

[10] China Economic Monitor. Q2 2019. Beijing: KPMG, August 2019. P. 13. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2019/05/china-economic-monitor-q2-2019.pdf (accessed: 14.11.2023).

[11] China Economic Monitor. Q1 2019. Beijing: KPMG, February 2019. P. 10. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2019/02/china-economic-monitor-q1-2019.pdf (accessed: 10.07.2024).

[12] Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2019 год и проекте плана на 2020 год : представлен 22 мая 2020 г. на 3-й сессии ВСНП 13-го созыва // Синьхуа Новости: [сайт]. 2020. 30 мая. URL: https://russian.news.cn/2020-05/30/c_139101134.htm_(дата обращения: 15.08.2024).

[13] Там же.

[14] *Lin Shuanglin*. China's Public Finance. Reforms, Challenges, and Options. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. P. 337. DOI: 10.1017/9781009099028 (accessed: 10.04.2023).

[15] China Economic Monitor. Q4 2019. Beijing: KPMG, December 2019. P. 20. URL: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2019/12/china-economic-monitor-q4-2019.pdf (accessed: 12.07.2024).

[16] People's Republic of China. 2019 Article IV Consultation — Press Release; Staff Report, and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China. Washington D.C.: International Monetary Fund, 2019. P. 77. URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2019/08/08/Peoples-Republic-of-China-2019-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-Staff-48576 (accessed: 21.07.2024).

[17] China Economic Monitor. Q1 2019. Op. cit. P. 13.

[18] *Новоселова Л.* Цит. соч. С. 79.

[19] People's Republic of China. 2019 Article IV Consultation. Op. cit. P. 45.

[20] China Economic Monitor Q2 2019. Op. cit. P. 25–26.

[21] National Data // National Bureau of Statistics of China: [site]. URL: http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=B01 (accessed: 25.07.2024).

[22] People's Republic of China. 2019 Article IV Consultation. Op. cit. P. 7.

[23] National Economy was Generally Stable in 2019 with Main Projected Targets for Development Achieved / National Bureau of Statistics of China // NBS: [site]. 2020. January 17. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202001/t20200117_1723398.html (accessed: 10.07.2024).

[24] National Data. Op. cit.

[25] China Statistical Yearbook 2020. Beijing: China Statistics Press, 2020. Table 3-10. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2020/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022).

[26] *Новоселова Л.* Цит. соч. С. 79.

[27] National Economy was Generally Stable in 2019. Op. cit.

[28] China Economic Monitor. Q4 2019. Op. cit. P. 22.

[29] China Economic Monitor. Q1 2020. Beijing: KPMG, April 2020. P. 24. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2020/02/china-economic-monitor-q1-2020.pdf (accessed: 10.07.2024).

[30] Китайско-российское торгово-экономическое взаимодействие улучшается благодаря более прочным двусторонним отношениям // Russian.china.org.cn: [site]. 05.06.2029. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2019-06/05/content_74857269.htm (дата обращения: 18.07.2024).

[31] China Remains Second Largest FDI Recipient in 2019: UNCTAD // Ecns.cn: [site]. 21.01.2020. URL: https://www.ecns.cn/news/2020-01-21/detail-ifzsuknk2869053.shtml (accessed: 18.07.2024).

[32] Brief Statistics on China's Direct Investment Overseas in 2019 // The PRC Ministry of Commerce: [site]. 12.05.2020. URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/foreigntradecooperation/202002/20200202933533.shtml (accessed: 20.07.2024).

[33] Investment and Cooperation with Countries along Belt and Road Routes in 2019 // The PRC Ministry of Commerce: [site]. URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/foreigntradecooperation/202002/20200202933510.shtml (accessed: 20.07.2024).

[34] Managing Higher Uncertainty: China Economic Update. May 2019. [The World Bank], 2019. P. 11–12. URL: http://pubdocs.worldbank.org/en/392571559199605819/CEU-May-2019-EN.pdf (accessed: 25.07.2024).

[35] WSJ: Китай не желает брать на себя обязательства по поставкам из США на $50 // ТАСС: [сайт]. 14 ноября 2019. URL: https://tass.ru/ekonomika/7112109 (дата обращения: 25.07.2024).

[36] *Xu Sitao*. China. More Economic Tensions and Heightened Uncertainty ahead of Trade Deal // Deloitte Insights. 27 August 2019. URL: https://www2.deloitte.com/us/en/insights/economy/asia-pacific/china-economic-outlook-08-2019.html (accessed: 27.07.2024).

[37] *Yu W.*, *Nickelsburg J.* U.S.–China Annual Economic Report 2019: Third Quarter Update The Trade War Deepens. Los Angeles: Cathay Bank, 2019. P. 1. URL: https://www.anderson.ucla.edu/documents/areas/ctr/forecast/CathayBank/CathayBank_Q3Update_2019_v1.pdf (accessed: 09.07.2024).

[38] *Стаханова А*. Цит. соч.

[39] Economic and Trade Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the United States of America // Ministry of Finance of the PRC: [site] 2020. January 15. Chapter 3. Art. 3-1. Annexes 1-17. URL: http://www.mof.gov.cn/en/Cooperation/bdd/202011/P020201104655581070665.pdf (accessed: 16.03.2020).

[40] Ibid. Chapter 4. Art. 4-7.

[41] *Mullen A.* US–China Relations: Is There Still a Trade War under Joe Biden's Presidency? // South China Morning Post: [site]. 2023. May 23. URL: https://www.scmp.com/economy/global-economy/article/3134191/us-china-relations-there-still-trade-war-under-joe-bidens?module=inline&pgtype=article (accessed: 05.07.2024).

[42] Reflections on the Phase One Agreement // The China Business Review: [site]. 2022. January 20. URL: https://www.chinabusinessreview.com/reflections-on-the-phase-one-agreement/ (accessed: 27.07.2024).

[43] *Mullen A.* Op. cit.

[44] Reflections on the Phase One Agreement. Op. cit.

[45] *Yu W.*, *Nickelsburg J.* Op. cit. P. 7.

[46] *Mullen A.* Op. cit.

[47] Reflections on the Phase One Agreement. Op. cit.

[48] *Yu W.*, *Nickelsburg J.* Op. cit. P. 10.

[49] China: More Economic Tensions… Op. cit.

[50] *Lardy N.R.*, *Huang Tianlei.* Despite the Rhetoric, US–China Financial Decoupling Is Not Happening // Petersen Institute for International Economics: [site]. 2020. July 2. URL: https://www.piie.com/blogs/china-economic-watch/despite-rhetoric-us-china-financial-decoupling-not-happening (accessed: 12.07.2024).

[51] *Lardy N.R.* Are Foreign Companies Really Leaving China in Droves? // Petersen Institute for International Economics: [site]. 2019. September 10. URL: https://www.piie.com/blogs/china-economic-watch/are-foreign-companies-really-leaving-china-droves (accessed: 13.07.2024).

[52] *Лесных А*. «Остановить кровотечение»: что означает торговая сделка США с Китаем // РИА Новости: [сайт]. 15.01.2020. URL: https://ria.ru/20200115/1563404890.html

?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 30.07.2024).

[53] *Lardy N.R.*, *Huang Tianlei*. China's Financial Opening Accelerates // Petersen Institute for International Economics: [site]. 2020. December. P. 2. URL: https://www.piie.com/publications/policy-briefs/chinas-financial-opening-accelerates (accessed: 12.07.2024).

[54] Reflections on the Phase One Agreement. Op, cit.

[55] *Lardy N.R.* Foreign Investments into China Are Accelerating Despite Global Economic Tensions and Restriction // Petersen Institute for International Economics: [site]. 2021. July 22. URL: https://www.piie.com/blogs/china-economic-watch/foreign-investments-china-are-accelerating-despite-global-economic (accessed: 07.09.2024).

[56] People's Republic of China. 2020 Article IV Consultation — Press Release; Staff Report, and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China. Washington D.C.: International Monetary Fund, 2020. P. 43. URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2021/01/06/Peoples-Republic-of-China-2020-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-49992 (accessed: 25.07.2024).

Глава 10

Борьба с «коронакризисом», 2019–2020 гг.

Начиная с 2020 г., столкнувшись с эпидемией коронавируса COVID-19, Китай быстро ощутил болезненные последствия этого явления. Первый случай заболевания пневмонией неизвестного происхождения, характеризующейся целым комплексом тяжелых респираторных и легочных проявлений, а также различными (вплоть до летального исхода) осложнениями, был отмечен еще в начале декабря 2019 г. в г. Ухань (провинция Хубэй). 31 декабря наличие эпидемии было официально признано городским правительством Уханя. Как эпицентр распространения смертельно опасного вируса уже через три недели город был изолирован от внешнего мира, и в нем была приостановлена практически любая хозяйственная и общественная деятельность. Тем не менее в январе 2020 г. распространение инфекции было отмечено по всей территории КНР, а в феврале вышло далеко за ее пределы, охватив 25 зарубежных стран. В начале марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о начале глобальной пандемии коронавируса COVID-19[1].

Вспышка эпидемии

Стремительное ухудшение эпидемиологической обстановки обусловило оперативное создание в ЦК КПК Руководящей группы по борьбе с эпидемией COVID-19, обеспечившей незамедлительное и всестороннее использование мобилизационного ресурса китайской системы государственного управления. Объявив наивысший уровень опасности в области общественного здравоохранения, все провинции, автономные районы и города центрального подчинения направили в местные административные единицы группы партийных функционеров для развертывания на местах противоэпидемиологической работы с привлечением разнообразных общественных организаций, социальных работников и волонтеров.

Среди предпринятых в КНР карантинных мер следует отметить многочисленные локальные остановки производства, изоляцию ряда территориальных единиц, прекращение транспортного сообщения, замораживание международных экономиче-

ских контактов и т.д. Повсеместно применялись массовое тестирование граждан на COVID-19, отслеживание опасных контактов, оперативное изолирование заболевших в медицинских учреждениях, различные кластерные и спорадические ограничения (вплоть до закрытия дошкольных и образовательных учреждений, запрета для граждан покидать места проживания и т.д.), другие меры социального контроля. Именно тогда в Китае сложился применявшийся впоследствии повсеместно инструментарий политики «нулевой терпимости» к коронавирусу COVID-19. При малейших признаках коллективного инфицирования зараженная территория изолируется от внешнего мира, расположенные здесь предприятия и организации закрываются, все жители временно переводятся на домашний режим.

В апреле 2020 г. Политбюро ЦК КПК сформулировало концепцию «Шести приоритетов», определяющую основные направления работы правительства в период борьбы с пандемией и преодоления ее последствий. В их числе стабилизация занятости населения, сохранение базового уровня народного благосостояния, поддержка деятельности субъектов рынка, обеспечение продовольственной и энергетической безопасности, поддержание стабильности производственных и сбытовых цепочек, бесперебойное функционирование местных органов власти. В соответствии с этим Госсовет КНР разработал систему мер поддержки населения и бизнеса в возникших форсмажорных обстоятельствах.

Особая роль в решении поставленных задач была отведена финансовой политике. Государство полностью взяло на себя расходы граждан на лечение от коронавирусной инфекции, а также выделило из бюджета необходимые субсидии для ускоренного возведения и ввода в эксплуатацию специализированных инфекционных госпиталей. Медицинский и вспомогательный персонал получил существенную доплату за работу с больными COVID-19. В среднем по стране размеры таких выплат составили 200–300 юаней в день, а в провинции Хубэй — вдвое больше. При работе медперсонала в «красной зоне» количество подлежащих оплате рабочих дней было увеличено в полтора раза[2].

Производители средств противоэпидемиологической защиты и соответствующего медицинского оборудования были полностью или частично освобождены от уплаты налогов и сборов, а также получили финансовую поддержку государства в виде субсидирования процентных ставок по кредиту. Для обеспечения непрерывности снабжения необходимыми медицинскими средствами и препаратами был активно задействован механизм их госзакупок. Результатом всего этого стало быстрое нарастание выпуска различных противоэпидемиологических средств. Производство защитных масок, например, уже в конце апреля увеличилось до более 1 млрд шт. в день против 200 млн шт. в марте и 100 млн шт. в феврале. Следует отметить и значительную активизацию научных изысканий в иммунологии и вирусологии, что позволило КНР развернуть создание пяти из 88 вакцин от COVID-19, проходивших клинические испытания в различных странах мира[3].

С целью поддержания жизненного уровня наиболее уязвимых слоев населения и обеспечения эффективной работы органов государственного управления на местах в 2020 г. были существенно увеличены трансфертные платежи из центрального в местные бюджеты, а также почти на три месяца сокращены сроки их доведения до

конечных потребителей. Предприятиям, в случае сохранения ими производственного и управленческого персонала на период пандемии, из фонда социального страхования возвращались уплаченные ими ранее взносы по страхованию от безработицы.

Реализация столь масштабных мер, препятствующих распространению вирусной инфекции, была связана с расходованием значительных средств со стороны государства. Так, только расходы на развитие здравоохранения, организацию противоэпидемиологического контроля и сооружения инфекционных госпиталей превысили 400 млрд юаней. Еще почти 900 млрд юаней было направлено на адресную материальную помощь беднейшим категориям граждан и поддержание работы государственного аппарата на местах. Общие размеры бюджетных ассигнований, непосредственно связанных с борьбой против новой инфекции, составили 2 трлн юаней[4]. Эти средства были аккумулированы за счет выпуска специальных целевых государственных казначейских облигаций и увеличения дефицита госбюджета (см. табл. 55).

Таблица 55

Меры экономической политики КНР по борьбе с пандемией и поддержке деловой активности, 2020 г.

Борьба с COVID-19 и помощь населению		Поддержка развития экономики	
Перечень мер	млрд юаней	Перечень мер	млрд юаней
		I. Налогово-бюджетная политика	**4200**
		увеличение выпуска целевых облигаций местных правительств	1600
		снижение фискальной нагрузки предприятий	2600
Налогово-бюджетная политика	**2000**	**II. Денежно-кредитная политика**	**9000**
		снижение нормы резервирования	1750
увеличение дефицита госбюджета	1000	инклюзивное банковское кредитование малых и микропредприятий	3900
выпуск специальных государственных казначейских облигаций	1000	прочие меры (оценка)*	3350
		III. Снижение издержек производства	>8
		уменьшение тарифов на газ	8
		уменьшение тарифов на электроэнергию	…
		уменьшение транспортных издержек	…

* Включая снижение процентных ставок по кредитам, отсрочку погашения и обслуживания банковских кредитов, операции НБК на открытом рынке, рефинансирование и др.

Составлено по: Доклад об исполнении центрального и местных бюджетов за 2020 год и проекте центрального и местных бюджетов на 2021 год: одобрен 11 марта 2021 года на 4-й сессии ВСНП 13-го созыва // Синьхуа Новости: [сайт]. 2021. 16 марта. URL: http://russian.news.cn/2021-03/16/c_139814110.htm (дата обращения: 14.09.2024); Доклад о работе правительства: представлен 5 марта 2021 г. на 4-й сессии ВСНП 13-го созыва и одобрен 11 марта // Синьхуа Новости: [сайт]. 2021. 15 марта. URL: http://russian.news.cn/2021-03/15/c_139812271.htm (дата обращения: 10.09.2024); Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2019 год и проекте плана на 2020 год: представлен 22 мая 2020 года на 3-й сессии ВСНП 13-го созыва // Синьхуа Новости: [сайт]. 2020. 30 мая. URL: https://russian.news.cn/2020-05/30/c_139101134.htm_ (дата обращения: 15.08.2024); Financial Statistics Report (2020) // The People's Bank of China: [site]. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688247/3688978/3709137/4162079/index.html (accessed: 19.08.2024); Report on Aggregate Financing to the Real Economy (Flow) (2020) // The People's Bank of China: [site]. 2021. January 13. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688247/3688978/3709140/4162104/index.html (accessed: 08.08.2024); Statistical Report on Credit Structure of Financial Institutions (2020) // The People's Bank of China: [site]. 2021. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688247/3688978/3709143/4185603/2021020214483547560.pdf (accessed: 05.08.2024); 12 RRR Cuts Since 2018 Help Bolster the Real Economy // The People's Bank of China: [site]. 2020. May 26. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688229/3688335/3730270/4028850/index.html (accessed: 08.08.2024).

Практика свидетельствует о достаточно высокой эффективности использования сформированного Китаем пакета мер борьбы с эпидемией. Уже в апреле 2020 г. количество выявляемых за сутки новых случаев заражения коронавирусной инфекцией удалось снизить до менее 1 тыс. против зафиксированного в феврале максимального значения данного показателя в 78,6 тыс. К концу 2020 г. были завершены клинические испытания большинства китайских вакцин, и в стране началась массовая вакцинация. В ноябре 2021 г. доля полностью вакцинированного населения КНР достигла 80%, а число ежедневных заражений не достигало полусотни случаев. Несмотря на возникающие время от времени локальные вспышки инфекции, это позволило КНР без ущерба для состояния здоровья населения сравнительно быстро вернуться к нормальному режиму трудовой и бизнес-активности. При этом вплоть до конца 2022 г. власти КНР сохраняли приверженность жесткой политике «нулевой терпимости» к коронавирусу.

В короткие сроки Китай стал крупнейшим производителем и поставщиком противоэпидемиологических средств в мире. В рамках Глобального плана ООН по гуманитарному реагированию на пандемию Китай направил группы медицинских экспертов в 34 страны, нуждавшиеся в помощи, оказал поддержку в борьбе с пандемией 150 странам и 13 международным организациям. В течение 2020 г. КНР поставила в 200 с лишним стран 220 млрд масок, 2,3 млрд защитных костюмов и 1 млрд наборов реагентов для выявления смертельно опасного патогена[5]. Все

это способствовало укреплению позиций Китая как одного из лидеров современного мира.

Экстренная поддержка экономики

Пандемия коронавируса и связанное с нею повсеместное нарушение хозяйственной жизни нанесли существенный урон экономике КНР. Наиболее разрушительные последствия проявили себя в первом квартале 2020 г. В результате прокатившейся по стране волны локдаунов и других карантинных ограничений за первые три месяца 2020 г. в КНР было зафиксировано банкротство без малого 5 тыс. компаний, что вдвое превысило уровень аналогичного периода предыдущего года.

Отсюда нарастание напряженности на рынке труда. В феврале безработица в городах составила 6,2% против 5,3% месяцем ранее. К концу марта почти 26 млн горожан потеряли работу, 76 млн занятых (17% городской рабочей силы) пребывали в вынужденном простое. Особенно бедственным было положение сельских мигрантов, составляющих почти треть городской рабочей силы и занятых преимущественно в строительстве и других отраслях, испытавших наиболее сильный удар пандемии[6].

В первом квартале 2020 г. ВВП КНР сократился на 6,8% год к году. При этом добавленная стоимость в промышленности упала на 8,5%, в сфере услуг — на 5,2% и в сельском хозяйстве — на 3,8%. Особенно сильно пострадали такие отрасли, как гостиничные услуги и общественное питание (-35%), автомобильная промышленность (-26%), торговля (-18%), строительство (-18%), транспорт (-14%), производство компьютеров (-14%) и т.д. Резко (на 15 и 24% соответственно) снизилась инвестиционная активность в государственном и частном секторах экономики. Экспорт страны уменьшился на 13%, а импорт — на 3%[7].

Пытаясь остановить падение и вернуть экономику к устойчивому развитию, китайское правительство в январе 2020 г. начало применять целый арсенал инструментов макроэкономического стимулирования. Некоторые из них использовались Китаем ранее (в том числе в начале 2000-х годов при борьбе с эпидемиями атипичной пневмонии и птичьего гриппа), другие апробировались впервые.

Столкнувшийся с беспрецедентными проблемами Китай стремился оперировать прежде всего целенаправленными адресными мерами, чтобы сохранить рабочие места, помочь компаниям и предпринимателям не только пережить трудный период, но и собрать силы для дальнейшей инвестиционной деятельности. При этом основной упор был сделан на оказание помощи мелкому бизнесу, играющему важную роль в развитии КНР и, в отличие от крупных компаний, не имеющему необходимых резервов и потому особо чувствительному к циклическим, а равно и к форсмажорным колебаниям в экономике.

В частности, *в налогово-бюджетной сфере* для поддержания динамики инвестиционного и потребительского спроса правительство резко усилило политику сокращения фискальной нагрузки для экономических агентов. Начиная с марта 2020 г., в провинции Хубэй, сильнее других пострадавшей от распространения коронавирусной инфекции, малые предприятия были полностью освобождены от

уплаты НДС в течение трех месяцев, в других районах страны ставка НДС для этой категории налогоплательщиков была снижена до 1%.

В феврале 2020 г. все организации провинции Хубэй на срок до пяти месяцев были освобождены от уплаты взносов на обязательное пенсионное страхование, страхование от безработицы и страхование от производственного травматизма. В других регионах такая же льгота была предоставлена средним, малым и микропредприятиям, для крупных компаний предусмотрено двукратное снижение суммы соответствующих взносов в течение трех месяцев. Кроме того, в марте 2020 г. по всей стране работодатели получили право в течение пяти месяцев вдвое сократить уплачиваемые ими взносы на обязательное медицинское страхование[8].

Среди других стимулирующих мер можно отметить продление для компаний-налогоплательщиков периода переноса убытков на будущее (с пяти до восьми лет), снижение платежей при аренде имущества и помещений за счет уменьшения налоговой нагрузки для арендодателей, повышение ставок возмещения НДС при экспорте и т.д. В общей сложности за год в практику фискальных органов КНР было внедрено 28 различных налоговых и тарифных льгот. Эти меры обеспечили поддержку более 100 млн субъектов рынка. За 2020 г. их фискальная нагрузка была снижена примерно на 2,6 трлн юаней, в том числе только эффект от сокращения страховых взносов составил 1,7 трлн юаней.

С целью дополнительного стимулирования деловой и инвестиционной активности Госсовет КНР увеличил квоты выпуска местными правительствами целевых облигационных займов для развития инфраструктуры и здравоохранения. Размеры увеличения составили 1,6 трлн юаней, а сферы использования этих средств были расширены. Помимо традиционного финансирования инфраструктурных и иных инвестиций с длительным сроком окупаемости часть средств, полученных от размещения целевых облигаций, была использована в качестве уставного капитала вновь создаваемых компаний[9].

В области *денежно-кредитной политики* был использован обширный арсенал мер экономического стимулирования. В частности, в январе–апреле 2020 г. НБК трижды объявлял о снижении норматива обязательного резервирования средств для коммерческих банков, доведя его до 9,4% — наиболее низкого уровня со времени мирового финансового кризиса и высвободив тем самым для финансирования реального сектора экономики дополнительную ликвидность в размере 1,75 трлн юаней[10].

Помимо этого, посредством уменьшения процентных ставок по операциям РЕПО, а также по кредитам коммерческим банкам НБК ориентировал банковский сектор на удешевление заемных средств для реального сектора экономики. В течение 2020 г. премиальная кредитная ставка (LPR) снижалась дважды, общие размеры снижения составили 30 базисных пунктов. В результате в конце 2020 г. средневзвешенная ставка по банковским кредитам предприятиям нефинансового сектора составила 4,61% годовых, снизившись за год на 51 базисный пункт[11].

Все это позволило банкам существенно нарастить масштабы своей кредитной экспансии. Прежде всего речь идет о быстром расширении так называемого инклюзивного кредитования малых и микропредприятий, осуществляемого без соответст-

вующего обеспечения и по льготным процентным ставкам. Средний размер таких кредитов в расчете на одного заемщика составляет около полумиллиона юаней. В 2020 г. в рамках Программы НБК по поддержке расширения инклюзивного кредитования малый бизнес КНР получил в общей сложности 3,9 трлн юаней против менее 2,6 трлн юаней годом ранее, а в целом сумма непогашенных кредитов МСП в сентябре 2020 г. достигла максимума с момента появления статистических данных, составив 14,6 трлн юаней и увеличившись на 29,6% в годовом исчислении. Бенефициарами этой активной кредитной деятельности стали 31,3 млн малых и микропредприятий[12].

Дополнительное стимулирование экономики осуществлялось с использованием таких инструментов денежно-кредитной политики, как рефинансирование банковской задолженности компаний, отсрочка (до весны 2021 г.) погашения и обслуживания невыплаченных кредитов для малых и средних предприятий, уменьшение либо отмена гарантийных взносов МСП по кредитам и т.д. Все это позволило за счет определенного уменьшения прибыли банковской сферы перераспределить в пользу реального сектора экономики денежные средства в размере 1,5 трлн юаней[13].

Результатом такой макроэкономической политики стало заметное увеличение денежной массы в экономике. К концу 2020 г. денежный агрегат M_2 (наличные деньги в обращении, текущие банковские счета и краткосрочные вклады) составил 218,68 трлн юаней, что на 10,1% больше аналогичного показателя предыдущего года. Об основных драйверах растущей монетизации китайской экономики свидетельствуют следующие данные НБК (см. табл. 56).

Таблица 56

Совокупное финансирование реального сектора экономики КНР

	2019 г.		2020 г.		Прирост (%)
	Сумма (трлн юаней)	Удельный вес (%)	Сумма (трлн юаней)	Удельный вес (%)	
Всего	25,67	100	34,86	100	35,8
В том числе:					
банковские кредиты*	16,88	66	20,03	58	18,7
государственные облигационные займы	4,72	19	8,34	24	76,7
корпоративные облигации	3,34	13	4,45	13	33,2
акции	0,35	1	0,89	3	154,3

* Кредиты банков КНР, деноминированные в юанях.

Рассчитано по: Report on Aggregate Financing to the Real Economy (Flow) (2020) // The People's Bank of China: [site]. 2021. January 13. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4162104/index.html (accessed: 08.08.2024).

Совокупное финансирование реального сектора, включающее все виды финансовых ресурсов, которые поступают в корпоративный сектор и домохозяйства, достигло в 2020 г. 34,9 трлн юаней, увеличившись на 35,8% по сравнению с 2019 г.[14]. В том числе 20 трлн юаней — это вновь выданные банковские кредиты (прирост на 18,7% год к году), 8,3 трлн юаней — облигации государственных займов (76,7%), 4,5 трлн юаней — корпоративные облигации (33,2%) и т.д. Таким образом, при сохранении в целом ведущей роли банковского кредита в структуре совокупного общественного финансирования произошло заметное увеличение роли облигационных заимствований центральных и местных органов власти.

Одновременно для производственных предприятий были снижены тарифы на потребляемый природный газ и электроэнергию, а также уменьшены их транспортные расходы посредством таких мер, как отмена взносов в фонд развития гражданской авиации, отчислений в портовые фонды и сборов в портах, снижение или отмена оплаты при проезде по платным автотрассам, удешевление страхования грузов на железных дорогах и т.п. Все эти временные (до конца 2020 г.) финансово-экономические послабления способствовали предприятиям в восстановлении производства и инвестиций и открывали дополнительные возможности для прибыльной работы.

Таким образом, несмотря на заявления руководства КНР об отказе от массированной накачки экономики деньгами по типу «полива большой водой», купирование наиболее острой фазы кризиса недешево обошлось экономике Китая. В частности, по оценке экспертов ООН, китайский пакет антикризисной помощи в 2020 г. соответствовал 7,5% ВВП, или примерно 7,6 трлн юаней[15]. Сами руководители КНР оценивают затраты на борьбу с пандемией и поддержку экономики в 15,2 трлн юаней (15% ВВП), что получило отражение в материалах очередной сессии ВСНП в марте 2021 г.

Вместе с тем данные, приводимые китайскими руководителями, судя по всему, не свободны от элементов повторного счета. В частности, как представляется, к ним следует отнести 400 млрд юаней, полученных центральным правительством в рамках выпуска государственных казначейских облигаций для борьбы с пандемией и использованных для финансирования возросшего бюджетного дефицита. Кроме того, в составе антикризисного пакета следовало бы учитывать не полную сумму инклюзивного финансирования за год (3900 млрд юаней), а лишь его прирост по отношению к предыдущему году (1300 млрд юаней). Именно такой подход использован китайскими экспертами при включении в антикризисный пакет целевых облигаций, выпущенных в 2020 г. местными правительствами.

Можно выделить несколько характерных черт китайской программы «антивирусного» стимулирования экономики.

1. *Существенные масштабы помощи.* Устранение повторного счета позволяет оценить китайский антикризисный пакет примерно в 12,2 трлн юаней, или 12% ВВП.

Это в несколько раз превосходит антикризисные пакеты развивающихся стран (в среднем 4,1% ВВП) и приближается к уровню развитых экономик мира (15,8%)[16].

2. *Комплексный характер стимулирования.* В той или иной мере Китай использовал едва ли не весь арсенал макроэкономических мер поддержки, известных по опыту других стран мира[17]. Спецификой КНР явилось и применение на микроэкономическом уровне стимулирующих мер, связанных со снижением издержек производства для предприятий реального сектора экономики.

3. *Целевое применение стимулирующих мер*. Меры поддержки были сконцентрированы на наиболее важных, чувствительных и перспективных направлениях развития экономики. Особенностью Китая стала нацеленность этих адресных мер на расширение инвестиционного потенциала компаний, т.е. на создание условий для дальнейшего роста производства.

4. *Главенствующая роль государственных финансов.* В 2020 г. с учетом динамики и структуры совокупного общественного финансирования соотношение бюджетной и кредитной составляющих в антикризисном пакете КНР, по оценке, составило примерно 50:50 против 40:60 в среднем по миру. Таким образом, по сравнению со среднемировыми тенденциями в Китае наблюдалось более активное использование ресурсов государственного бюджета в общем пакете помощи[18]. Дефицит государственного бюджета КНР в 2020 г. составил 6,3 трлн юаней (6,18% ВВП) против 4,8 трлн юаней (4,89%) в 2019 г. и 2,8 трлн юаней (3,06%) в 2018 г.[19].

Худшее позади?

Принятые правительством меры принесли ощутимые результаты. Китай сумел в короткие сроки обуздать опасную инфекцию и начал возвращение к поступательному развитию экономики. ВВП КНР вслед за существенным сокращением в начале 2020 г., начиная со второго квартала стал все быстрее расти, увеличившись в октябре–декабре на 6,5% (см. табл. 57). За год в стране было создано без малого 12 млн новых рабочих мест, безработица в городах снизилась до обычного уровня в 5,2%.

В 2020 г. ВВП составил 101,6 трлн юаней, на 2,3% превысив уровень предыдущего года. Это позволило Китаю стать единственной крупной страной, показавшей по итогам 2020 г. положительную динамику роста на фоне глобального экономического спада на 4,3%[20]. В результате, как следует из статистических данных ООН, удельный вес КНР в мировой экономике составил 17,4% против 16,5% годом ранее.

Таблица 57

Динамика роста экономики КНР в 2020 г. (%)*

	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.
ВВП	-6,8	3,2	4,9	6,5
Доходы госбюджета	-14,3	-7,4	4,7	5,5
Добавленная стоимость в промышленности	-8,5	4,1	5,6	6,9

Транспорт	-14,0	1,7	3,9	7,6
Инвестиции в основные фонды	-16,1	-3,1	0,8	2,9
В том числе:				
государственные	-12,8	2,1	4,0	5,3
частные	-18,8	-7,3	-1,5	1,0
Оптовая и розничная торговля	-17,5	1,2	3,2	6,3
Гостиничные услуги и общественное питание	-35,3	-18,0	-5,1	2,7
Программное обеспечение и компьютерные услуги	13,2	15,7	18,8	19,7
Недвижимость	-6,1	4,1	6,3	6,7
Инфляция	4,9	3,8	3,3	2,5
Среднедушевые располагаемые доходы	-3,9	-1,3	0,6	2,1
В том числе:				
городские жители	-3,9	-2,0	-0,3	1,2
сельские жители	-4,7	-1,0	1,6	3,8

* Расчет показателей в таблице осуществлен по отношению к аналогичному периоду предыдущего года, за исключением инвестиций в основные фонды, реальных доходов населения и инфляции, рассчитанных нарастающим итогом по следующим периодам: I кв. — январь–март; II кв. — январь–июнь; III кв. — январь–сентябрь; IV кв. — январь–декабрь.

Составлено по материалам Государственного статистического управления КНР, Министерства коммерции КНР, Главного таможенного управления КНР. Приводится по: *Новоселова Л.В.* Государственная антивирусная политика: поучительная китайская практика // Рос. эконом. журнал. 2021. № 2. С. 85. DOI: 10.33983/0130-9757-2021-2-77-90.

Главной опорой экономического восстановления стали отрасли промышленности, загрузка производственных мощностей в которых в октябре–декабре достигла 78% против 67% в январе–марте. В результате уже в четвертом квартале темпы развития промышленности превысили уровень соответствующего периода до начала пандемии. При общем увеличении созданной здесь за год добавленной стоимости на 2,4% все более набирал силу опережающий рост современных, технологически емких отраслей и видов производства. Это высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности (7,1%) и производство машинно-технической продукции (6,6%), включая выпуск электромобилей и других «новых энергетических транспортных средств» (17,3%), интегральных схем (29,6%), экскаваторного оборудования, промышленных роботов и т.д.[21].

Сфера услуг, являющаяся приоритетным направлением структурной перестройки в Китае, понесла наиболее ощутимые потери в период пандемии, ее восстановление происходило весьма неравномерно. В 2020 г. добавленная стоимость, создан-

ная в этой сфере, в целом увеличилась на 2,1% по сравнению с предыдущим годом. При этом, несмотря на карантинные ограничения (а в некоторых случаях и благодаря им), активно развивались бесконтактные направления сервисного бизнеса — компьютерные услуги и программное обеспечение (16,9%), финансовые услуги (7%) и электронная торговля.

Сложнее шло восстановление в отраслях, ориентированных на межличностные контакты и мобильность населения, включая гостиничные услуги, туризм, общественное питание, розничную торговлю, индустрию развлечений, пассажирские перевозки и т.п. Эти отрасли испытали наиболее глубокое падение в начале пандемии. Только в самом конце 2020 г. они продемонстрировали небольшую положительную динамику, но в целом оставались далеки от своего докризисного состояния. В результате доля третичного сектора экономики в росте ВВП с 63,5% в 2019 г. снизилась до 46,3%. Одновременно доля вторичного сектора возросла с 32,6 до 43,3%[22].

В сфере капитального строительства негативные тенденции были преодолены в третьем квартале, в результате чего общий прирост инвестиций в 2020 г. составил 2,9%. В условиях тяжелого экономического положения частных вкладчиков капитала, острее прочих ощутивших последствия всеобщего экономического спада, правительство прибегло к уже не раз апробированным способам взбадривания экономики в виде бюджетных инвестиций и кредитов государственных банков. При увеличении частных инвестиций на 1% капиталовложения в госсекторе возросли на 5,3%.

Отраслевая структура капитальных затрат на фоне общего замедления инвестиционного процесса демонстрировала значительный рост вложений в наукоемкие сферы экономики, включая высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности (годовой прирост инвестиций — 10,6%) и высокотехнологичные услуги (8,3%). Прежде всего речь идет о фармацевтической промышленности (28,4%), производстве телекоммуникационного оборудования, компьютеров и другого электронного оборудования (12,5%), лизинге и бизнес-услугах (5%), электронной торговле, а также коммерциализации результатов НИОКР. В условиях пандемии происходил быстрый рост инвестиций в социальную сферу, включая здравоохранение (26,8%) и образование (12,3%). Определенную роль в восстановлении динамики инвестиционного процесса традиционно сыграл и рост капиталовложений в недвижимость (5%)[23].

В третьем квартале возобновился и рост реальных располагаемых доходов населения. Если в первом полугодии среднедушевые доходы были все еще ниже, чем в 2019 г., то по итогам за январь–сентябрь 2020 г. обозначился их постепенный рост. За год располагаемые среднедушевые доходы населения в Китае выросли на 2,1%, составив 32 189 юаней (примерно 4665 долл.). При этом доходы жителей городов, непосредственно пострадавших от последствий локдауна, увеличились лишь на 1,2%, в то время как доходы сельских жителей выросли на 3,8%, в том числе за счет целевых социальных трансфертов из бюджета. В условиях пандемии такой результат, казалось бы, выглядит неплохо, и все же нельзя не отметить, что в целом динамика роста благосостояния граждан существенно замедлилась.

С целью стимулирования внутреннего спроса в ряде наиболее пострадавших регионов местные органы власти для приобретения потребительских товаров распро-

страняли специальные талоны, использование которых было возможно при одновременном расходовании определенной суммы личных средств. Однако данная мера не возымела большого эффекта, и население Китая продемонстрировало весьма осмотрительный подход к приобретению товаров и услуг в условиях замедления динамики доходов и общей экономической неопределенности. Среднедушевые расходы на потребление в 2020 г. составили лишь 21 210 юаней (3075 долл.), сократившись на 4% год к году. При этом в городах, где формируется наиболее емкий потребительский рынок, среднедушевые расходы сократились на 6%[24]. Бережливость и осмотрительность традиционно считаются характерными чертами китайской нации и в условиях кризиса эти качества проявились особенно ярко.

Такое положение вещей не могло не сказаться на развитии внутреннего рынка, испытавшего мощный удар пандемии в начале 2020 г., когда внутренний товарооборот сократился почти на $^1/_5$ по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. С апреля началось постепенное восстановление торговли, чему способствовало, в частности, активное (почти на 11% по итогам года) расширение дистанционных продаж и покупок. В 2020 г. $^1/_4$ розничного товарооборота приходилась на электронную торговлю[25]. Все это, однако, не смогло в полной мере компенсировать отмечавшееся в первом квартале резкое сжатие внутреннего спроса. В целом оборот розничной торговли товарами и услугами в КНР сократился на 3,9%.

В отличие от этого, внешняя торговля Китая в 2020 г. смогла избежать глубокого спада и даже показала расширение товарооборота на 1,4%, прежде всего за счет экспорта. Рост товарного вывоза, увеличившегося за год на 3,6%, был в значительной мере обусловлен высоким внешним спросом на лекарственные препараты, медицинскую технику, средства индивидуальной защиты, а также необходимые для дистанционной работы компьютеры, мобильные телефоны, интегральные схемы и другое оборудование и компоненты для автоматической обработки данных. В третьем квартале 2020 г. продукция электронной промышленности составила 58,7% общей стоимости товарного вывоза Китая. По данным ВТО, за январь–сентябрь 2020 г. темпы прироста китайского экспорта на 9,6% превышали среднемировой показатель[26].

Вслед за восстановлением в стране деловой активности и внутреннего спроса импортные закупки также стали постепенно увеличиваться. Однако из-за снижения мировых цен на энергоносители, являющиеся важной товарной группой импорта КНР, динамика этого процесса оказалась недостаточной после сильного спада торговли в первом квартале. В результате по итогам 2020 г. импорт КНР сократился на 0,6%. Внешнеторговый оборот составил 4,66 трлн долл., положительное сальдо торгового баланса Китая достигло 535 млрд долл.[27]. На фоне глобального спада деловой активности удельный вес экспортно-импортных операций КНР в мировой внешней торговле, по оценке, увеличился с 11,6 до 12,3%, что способствовало укреплению позиций КНР как ведущей торговой державы мира[28].

Крупнейшим контрагентом КНР стали страны АСЕАН, товарооборот с которыми увеличился на 7% и составил 687 млрд долл. (14,8% всей внешней торговли Китая). Страны ЕС, лишившись вследствие «Брекзита» такого традиционно влиятельного участника торгового обмена с Китаем, как Великобритания, отошли на второе

место в списке основных торговых партнеров КНР. Третья позиция осталась за США, на долю которых в конце 2020 г. пришлось 13,7% оборота китайской внешней торговли. После подписания межправительственного соглашения по первой фазе торговой сделки КНР–США (январь 2020 г.) американо-китайская торговля начала восстановление, увеличившись в течение года на 8,8%[29].

Являясь единственной крупной страной с положительной экономической динамикой, в условиях сжатия мировой экономики КНР, как магнит, притягивала к себе высвобождающиеся глобальные потоки капитала. В 2020 г. при сокращении трансграничных инвестиций в мире на 42% приток иностранных капиталовложений в Китай увеличился на 4,5%, достигнув рекордного уровня в 149,3 млрд долл. Тем самым, обойдя США, в 2020 г. Китай стал крупнейшим реципиентом иностранных инвестиций.

Одновременно китайские компании сумели сохранить размеры своих инвестиций за рубежом (110,2 млрд долл.) практически на уровне предыдущего года. Поддержание достаточно масштабного «выхода за рубеж» удалось обеспечить прежде всего за счет реализации проектов в рамках продвигаемой Китаем программы международной интеграции «Один пояс, один путь», инвестиции в которые возросли почти на 20%. В основном это капиталовложения в инфраструктуру, лизинг, оптовую и розничную торговлю в странах Южной, Юго-Восточной и Центральной Азии[30].

Платежный баланс страны в основном оставался сбалансированным, ее валютные резервы возросли на 3,5%, превысив 3,2 трлн долл.[31]. Валютный курс юаня к концу года отыграл снижение, наблюдавшееся в первом квартале 2020 г., и составил 6,8974 юаня за 1 доллар в среднегодовом исчислении[32]. В целом результаты развития КНР в 2020 г. давали основания международным экспертам оптимистично прогнозировать дальнейший рост китайской экономики.

Примечания

[1] China Economic Monitor. Q1 2020. Beijing: KPMG, April 2020. P. 6. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2020/02/china-economic-monitor-q1-2020.pdf (accessed: 10.07.2024).

[2] China Economic Monitor. Q2 2020. Beijing: KPMG, August 2020. P. 4. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2020/05/china-economic-monitor-q2-2020.pdf (accessed: 10.09.2024).

[3] China Economic Monitor. Issue 2021 Q2. Beijing: KPMG. May 2021. P. 4. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2021/05/china-economic-monitor-q2-2021.pdf (accessed: 12.09.2024).

[4] Доклад об исполнении центрального и местных бюджетов за 2020 год и проекте центрального и местных бюджетов на 2021 год: одобрен 11 марта 2021 года на 4-й сессии ВСНП 13-го созыва // Синьхуа Новости: [сайт]. 2021. 16 марта. URL: http://russian.news.cn/2021-03/16/c_139814110.htm (дата обращения: 14.09.2024).

[5] Там же.

[6] Leaning Forward. COVID-19 and China's Reform Agenda: China Economic Update. July 2020. Washington D.C.: The World Bank. 2020. P. 27–28. URL: https://documents1.worldbank.org/

curated/en/860161596170690657/pdf/China-Economic-Update-Leaning-Forward-COVID-19-and-China-s-Reform-Agenda.pdf (accessed: 19.08.2024).

[7] Ibid. P. 15–17.

[8] China Economic Monitor. Q2 2020. Op. cit. P. 4.

[9] Доклад об исполнении центрального и местных бюджетов за 2020 год. Op. cit.

[10] China Economic Monitor. Q2 2020. Op. cit. P. 4; 12 RRR Cuts Since 2018 Help Bolster the Real Economy // The People's Bank of China: [site]. 2020. May 26. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688229/3688335/3730270/4028850/index.html (accessed: 08.08.2024).

[11] China Economic Monitor. Issue 2021 Q1. Beijing: KPMG. February 2021. P. 16. URL: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2021/02/china-economic-monitor-q1-2021.pdf (accessed: 10.09.2024).

[12] *Liu S.*, *Suan Yong Foo*, *Xianguo* (*Jerry*) *Huang*. Financing Micro and Small Enterprises. China's Approach and Increasing Role of the Credit Guarantee System: Analytical Note, January 25, 2021. Singapore: ASEAN+3 Macroeconomic Research Office, 2021. P. 13 // AMRO: [site]. 2021. January 26. URL: https://www.amro-asia.org/wp-content/uploads/2021/01/Financing-Micro-and-Small-Enterprises-China.pdf (accessed: 20.08.2024).

[13] Statistical Report on Credit Structure of Financial Institutions (2020) // The People's Bank of China: [site]. [2021]. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688247/3688978/3709143/4185603/2021020214483547560.pdf (accessed: 05.08.2024).

[14] China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Tables 18-3, 18-4. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024).

[15] World Economic Situation and Prospects 2021. New York: United Nations, 2021. P. 17. URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP2021_FullReport.pdf (accessed: 10.08.2024).

[16] Ibid.

[17] Trade and Development Report 2020. From Global Pandemic to Prosperity for All. Avoiding Another Lost Decade. Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2020. P. 13–14. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2020_en.pdf (accessed: 18.07.2024).

[18] Доклад о торговле и развитии за 2020 год. От глобальной пандемии к процветанию для всех. Не допустить еще одного потерянного десятилетия: Обзор. Женева: Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию. 2020. С. 11. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2020overview_ru.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

[19] *Lin Shuanglin*. China's Public Finance. Reforms, Challenges, and Options. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. P. 337 (accessed: 10.04.2023). DOI: 10.1017/9781009099028.

[20] World Economic Situation and Prospects 2021. Op. cit. P. 5.

[21] Statistical Communiqué of the People s Republic of China on the 2020 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2021. February 28. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202102/t20210228_1814177.html (accessed: 30.08.2024).

[22] China in Numbers (2023): Issue Brief. [Beijing]: United Nations Development Programme China, 2024. P. 3 // UNDP China: [site]. 2024. March 13. URL: https://www.undp.org/china/publications/china-numbers-2023 (accessed: 10.07.2024).

[23] Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2020 National Economic and Social Development. Op. cit.

[24] *Новоселова Л.В.* Государственная антивирусная политика: поучительная китайская практика // Рос. эконом. журнал. 2021. № 2. С. 87. DOI: 10.33983/0130-9757-2021-2-77-90.

[25] China Economic Monitor. Issue 2021 Q1**.** Op. cit. P. 9.

[26] Officials from the Department of Foreign Trade Gives an Overview of China's Foreign Trade in 2020 // The PRC Ministry of Commerce: [site] URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/policyreleasing/202101/20210103032259.shtml (accessed: 10.09.2024).

[27] Statistical Communiqué of the People s Republic of China on the 2020 National Economic and Social Development. Op. cit.

[28] Рассчитано по: China Statistical Yearbook 2019. Beijing: China Statistics Press, 2019. Appendix I-II. Total Import and Export. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2019/indexeh.htm (date of request: 10.02.2023); World Economic Situation and Prospects 2021. Op. cit. P. 152.

[29] China Economic Monitor. Issue 2021 Q1. Op. cit. P. 13.

[30] Regular Press Conference of MOFCOM (January 21, 2021) // The PRC Ministry of Commerce: [site]. URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/202101/20210103034674.shtml (accessed: 10.09.2024).

[31] Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2020 год и проекте плана экономического и социального развития на 2021 год : представлен 11 марта 2021 года на 4-й сессии ВСНП 13-го созыва // Синьхуа Новости: [сайт]. 2021. 16 марта. URL: http://russian.news.cn/2021-03/16/c_139814098.htm (дата обращения: 05.09.2024).

[32] Statistical Communiqué of the People s Republic of China on the 2020 National Economic and Social Development. Op. cit.

Глава 11

Зона экономической турбулентности, 2021–2023 гг.

В 2021 г. две китайские вакцины получили одобрение ВОЗ, и в стране развернулась широкая кампания вакцинации. В октябре 2021 г. на долю Китая приходилось 33% (2,2 млрд доз) общего числа прививок, сделанных по всему миру. При этом власти КНР сохранили приверженность жесткой политике «нулевой терпимости» к коронавирусу. В ноябре 2021 г. доля полностью вакцинированного населения КНР достигла 80%, а число заражений резко снизилось, не достигая и полусотни случаев в день. Несмотря на возникающие время от времени локальные вспышки инфекции, все это в целом определяло общую тенденцию к улучшению эпидемиологической обстановки.

Второй год ремиссии: возвращаясь в прошлое

Опираясь на зафиксированную в конце 2020 г. динамику восстановительного развития промышленности и внешней торговли, тенденции экономического роста продолжились с начала 2021 г. С учетом низкой базы предыдущего года на сессии ВСНП в марте 2021 г. был утвержден целевой индикативный показатель годового прироста ВВП в размере не менее 6%. В январе–марте прирост ВВП год к году составил 18,3% против 6,5% в четвертом квартале 2020 г. Прирост промышленного производства достиг 24%, причем выпуск высокотехнологичной продукции увеличился на 31,2%.

Все это явилось результатом крупных кредитных вливаний в экономику, существенных инвестиций, а также опережающего роста экспортного производства. В 2020 г. валовое капиталообразование обеспечило 81,5% годового прироста ВВП КНР по сравнению с 30–45% во второй половине 2010-х годов[1]. К середине 2021 г. инвестиции в промышленность возросли на 29,8%, а ее задолженность по банковским кредитам — на 41,6%. Экспорт КНР вырос на 49%, а профицит торгового баланса — на 61,1%[2].

Вместе с тем с точки зрения качества экономического роста меры экстренного восстановления экономики все отчетливее стали уводить Китай от принятой в начале прошлого десятилетия концепции экономического развития, достигаемого за счет инноваций, экологически чистого производства и расширения внутреннего рынка, возвращая страну к прежней капиталоемкой экспортно ориентированной модели экстенсивного экономического роста со всеми ее издержками и рисками. С учетом текущей нормализации положения в экономике, восстановления хозяйственных связей, увеличения загрузки производственных мощностей и т.п. было инициировано постепенное возвращение страны к обычным, наработанным годами инструментам макроэкономической политики с частичной отменой или смягчением многих экстраординарных мер, сопровождавших борьбу с COVID-19 и его последствиями в 2020 г.

В частности, в первой половине 2021 г. в рамках так называемой финансовой консолидации происходил поэтапный отказ правительства от введенных ранее налоговых льгот, были возобновлены выплаты компаний в фонды социального страхования. На фоне роста производства в январе–мае 2021 г. это позволило увеличить бюджетные доходы на 24,5% в годовом выражении, вернувшись к допандемическим значениям. Был прекращен выпуск специальных госзаймов на борьбу с эпидемией, несколько сокращены квоты для выпуска целевых облигаций местных правительств (с 3,75 трлн юаней в 2020 г. до 3,65 трлн юаней в 2021 г.), а их практическая реализация существенно замедлилась. Со своей стороны НБК перешел от мягкой денежной политики к ее нейтральному варианту, предусматривающему поддержание неизменного уровня процентных ставок по кредитам, а равно и нормы обязательного резервирования средств коммерческих банков.

Параллельно с этим в интересах сокращения корпоративной задолженности и в целом долговой нагрузки в экономике правительство и НБК перешли к избирательному ограничению банковского кредитования. Адресатом ограничительных мер стал рынок недвижимости, на долю которого вместе с отраслями-смежниками приходится до 30% ВВП КНР и который в то же время представляет собой один из наиболее проблемных секторов экономики с точки зрения разгона инфляции и накопления «плохих долгов».

В связи с этим в интересах «предотвращения беспорядочной экспансии капитала» был установлен строгий контроль за выполнением введенного несколькими месяцами ранее «правила трех красных линий», означающего необходимость соблюдения компаниями-девелоперами трех ключевых соотношений: между привлеченными кредитами и собственными средствами (1 : 1), наличными средствами и краткосрочной кредитной задолженностью (1 : 1), общей кредитной задолженностью и активами (0,7 : 1). Нарушение любого из этих требований серьезно ограничивало возможности застройщика в привлечении новых заемных средств. К тому же со стороны НБК коммерческим банкам была предписана особая осмотрительность при кредитовании участников рынка недвижимости, включая как застройщиков, так и покупателей коммерческого жилья, особенно второго или третьего. Принимались и другие ограничительные меры, в том числе повышение процентных ставок по ипотеке, увеличение первоначального взноса за жилье и затруднение его перепродажи[3].

При этом был отчасти приглушен, хотя и оставлен в силе, такой приоритет кредитной политики, как поддержка малого и среднего бизнеса, особенно сильно пострадавшего в острый период эпидемии. НБК продолжил на 2021 г. реализацию программы поощрения коммерческих банков к выдаче необеспеченных инклюзивных кредитов данной категории заемщиков. Если в 2020 г. размеры банковского кредитования средних, малых и микропредприятий увеличились на 50%, то на 2021 г. аналогичный показатель был определен в размере 30%. В результате только в январе–феврале 2021 г. кредитная задолженность малых и средних компаний в рамках инклюзивного финансирования увеличилась на 35,5%, а прирост общей задолженности предприятий обрабатывающей промышленности составил 38,8%. В этих условиях в марте 2021 г. НБК продлил до конца года действие отсрочки погашения и обслуживания кредитов, предоставленных малым и средним предприятиям в рамках инклюзивного финансирования.

В целом, если в январе–феврале 2021 г. совокупное финансирование реального сектора экономики продолжало нарастать по сравнению с тем же периодом предыдущего года, то с марта началось определенное сдерживание этого процесса, осуществляемое прежде всего за счет уменьшения выпуска государственных облигационных займов на центральном и местном уровнях с восстановлением докризисной роли банковского кредита в общем объеме поступающих в экономику денежных ресурсов. Предпринятая корректировка экономической политики отражала стремление властей избежать нарастания опасного и труднопреодолимого финансового «навеса» в экономике, резервируя при этом возможность использования макроэкономического инструментария для хеджирования рисков, связанных с рецидивами эпидемии. Целесообразность такого подхода получила подтверждение во второй половине года, выявившей неустойчивость и противоречивость тенденций экономического восстановления.

Причины этого выходят за пределы чисто статистического эффекта, связанного с экстраординарными колебаниями базы расчетов в предыдущем, 2020 году. Отметим, в частности, прокатившиеся, начиная с середины 2021 г., по различным регионам (г. Пекин, провинции Хэбэй, Сычуань, Ляонин, Хунань, Цзянсу, Гуандун и т.д.) новые всплески пандемии коронавируса, связанные с более контагиозным штаммом Delta. Осенью 2021 г., с учетом жесткости антивирусной политики «нулевой терпимости», это вызвало нарушение производственных, транспортно-логистических и сбытовых цепочек в промышленности, включая перебои в работе морских портов страны. Дополнительные осложнения в этой сфере были вызваны ухудшением осенью 2021 г. эпидемиологической обстановки в некоторых зарубежных странах–поставщиках сырья и материалов для китайской промышленности.

Следует отметить и прокатившийся по стране дефицит электроэнергии, вызвавший начиная с августа 2021 г. введение нормированного энергопотребления по меньшей мере в 20 из 31 административно-территориальной единицы КНР. Причины этого связаны с незавершенностью реформы ценообразования в угольной электроэнергетике КНР, а также с чрезмерно энергичной активизацией кампании за оздоровление окружающей среды и переход к «зеленой» экономике и, как следствие, с многочисленными закрытиями угольных шахт — крупнейшего в Китае ис-

точника загрязнения природной среды. В сочетании с упомянутой выше финансовой консолидацией и избирательным ограничением кредитной активности банков все это уже в третьем квартале 2021 г. обусловило торможение инвестиционной динамики в КНР, а также снижение темпов прироста ВВП до 4,9% против 7,9% во втором и 18,3% в первом квартале.

Таким образом, уже первые, весьма осторожные попытки правительства возвратиться к допандемической модели развития экономики столкнулись с препятствиями. В результате Министерство финансов ситуативно возобновило меры по отсрочке уплаты налогов и сборов. В состав бенефициаров этих фискальных мер помимо средних, малых и микропредприятий обрабатывающей промышленности вошли и предприятия тепловой энергетики. В целом по итогам года налоговая нагрузка субъектов рынка была уменьшена более чем на 1 трлн юаней.

Денежные власти вновь прибегли к так называемым противоциклическим мерам взбадривания экономики. В июле и декабре 2021 г. НБК дважды уменьшал норму резервирования средств коммерческих банков (каждый раз на 0,5%), доведя ее до наиболее низкого за годы экономической реформы уровня в 8,4%. Это обеспечило дополнительное поступление в экономику ликвидности в размере 2,2 трлн юаней.

В сентябре и ноябре со стороны НБК коммерческим банкам были предоставлены целевые транши в рамках программ структурного кредитования (на 300 и 200 млрд юаней соответственно) для финансирования мелких и средних предприятий, а также проектов декарбонизации экономики. Наконец, в декабре НБК на 0,25% понизил процентную ставку по программе перекредитования сельских предприятий, а также малого и среднего бизнеса[4].

Представителями денежных властей КНР денежная политика 2021 г. оценивалась как «гибкая, аккуратная и умеренная». Размеры совокупного финансирования реального сектора экономики составили 31,34 трлн юаней, сократившись за год на 9,9%. Это произошло главным образом за счет уменьшения выпуска государственных и корпоративных облигаций (на 1,31 и 1,09 трлн юаней соответственно). Банковские кредиты, являющиеся основной частью совокупного финансирования реального сектора экономики, составили 19,9 трлн юаней, оставшись практически на уровне предыдущего года[5].

На фоне кредитной стабилизации началось заметное изменение структуры ориентированных на увеличение инвестиций средне- и долгосрочных заимствований в пользу таких приоритетных отраслей, как высокотехнологичная обрабатывающая промышленность (годовой прирост — 32,8%), сфера услуг (15,4%) и инфраструктура (15,3%)[6].

Несмотря на сложности и неровный характер восстановительного роста, посредством оперативной корректировки макроэкономического регулирования Китай сумел превысить целевой индикативный показатель годового прироста ВВП в 6%, утвержденный в марте 2021 г. на ежегодной сессии ВСНП. При увеличении общемирового ВВП на 6,1% соответствующий показатель в КНР составил 8,4%. Рост производства сопровождался снижением долговой нагрузки. Коэффициент кредитного плеча в экономике, исчисляемый как отношение кредитной задолженности к ВВП, составил по итогам года 272,5%, сократившись на 7,7 процентных пункта.

С учетом одновременного сокращения бюджетного дефицита (до 3,1% ВВП против 3,7% годом ранее) это расширило возможности для финансового маневра государства, развития социальной сферы, повышения располагаемых доходов населения, поддержки технических инноваций и экологически чистых производств.

Добавленная стоимость в промышленности за год выросла на 9,6%. При этом в соответствии с системой национальных экономических приоритетов была продолжена поддержка развития отраслей и сфер экономики, определяющих научно-технический прогресс и позволяющих стране закрепиться в верхнем эшелоне глобальных цепочек добавленной стоимости. На фоне ускорившегося восстановления мировой экономики свою роль сыграло и повышение внешнего спроса на продукцию КНР. Отсюда быстрый рост высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности (18,2%) и производства машинно-технической продукции (12,%), включая выпуск электромобилей и других «новых энергетических транспортных средств» (145,6%), промышленных роботов (44,9%), интегральных схем (33,3%%), микропроцессоров (22,3%) и т.д.

Подъем экономической активности сопровождался активным ростом внешней торговли КНР, а равно и уровня располагаемых доходов населения и внутреннего потребительского спроса. После абсолютного сокращения в 2020 г. розничный товарооборот увеличился на 12,5%.

Ускорилось оздоровление сферы услуг, испытавшей наиболее ощутимые потери в острый период пандемии. Добавленная стоимость, созданная в этой сфере, увеличилась на 8,2% по сравнению с предыдущим годом. Здесь также быстрее других развивались современные высокотехнологичные отрасли. В их числе передача информации (17,2%), информационные технологии и программное обеспечение (14,5%), электронная торговля (14,1%) и т.д.[7]. На этой основе началось восстановление вклада третичного сектора экономики в формирование ВВП, его удельный вес повысился с 46,3 до 54,7%, хотя все еще не достигал допандемийного уровня.

Политика выхода из пандемии

Экономические итоги 2021 г. показали, что последствия пандемии COVID-19 имеют затяжной, многоплановый характер. Как признавали позднее китайские руководители, по мере развития эпидемии в экономике КНР ускоренными темпами проявлялись накопившиеся прежде противоречия и проблемы[8]. Отсюда неустойчивость и неравномерность восстановительного роста экономики КНР. К тому же принятая властями тактика постковидного восстановления плохо сочеталась с преобразованием модели экономического роста, тормозила переход страны на новые цели и источники развития. Ситуативный возврат правительства к прежним, исчерпавшим себя драйверам экстенсивного роста дополнительно осложнял и пролонгировал этот процесс, делая его более уязвимым по отношению к потенциальным факторам волатильности. В этой связи экономический курс КНР был в первую очередь сориентирован на стабилизацию экономики, рассматриваемую в качестве базы для поддержания устойчивого восстановительного роста и продолжения поступа-

тельного движения вперед. Для достижения поставленной цели были определены следующие приоритеты экономической политики.

В соответствии с установками правительства прежде всего требовалось преодолеть недостаточность внутреннего спроса, ослабленного такими последствиями пандемии, как периодические остановки производства и пресечение социальной активности, нарушение производственных и логистических цепочек, ограничение мобильности населения, нестабильность доходов и рост сберегательных настроений в обществе. Расширение внутреннего спроса предполагало соответствующий рост доходов населения, синхронизацию их динамики с общим ростом экономики. На практике увеличение масштабов потребления и восстановление его фундаментальной роли в обороте экономических ресурсов увязывались с поддержкой потребительской активности низкодоходных групп населения, развитием «нового потребления» на основе бесконтактных интернет-технологий, развитием здравоохранения, индустрии ухода за детьми и престарелыми, расширением пригородного и сельского потребления[9].

Ключевая роль в экономической политике отводилась и росту эффективных инвестиций в рамках «новой формы индустриализации», включая такие приоритетные направления производства и инвестирования, как развитие информационных технологий, цифровая и платформенная экономика, «зеленая» экономика, современная обрабатывающая промышленность, модернизация сельского хозяйства, новая инфраструктура, урбанизация и др. Наряду с усилением инвестиционного спроса рост капиталовложений на приоритетных направлениях призван усовершенствовать структуру предложения и повысить его уровень, способствуя тем самым качественному экономическому росту. При этом, по расчетам властей, государственные инвестиции и стимулирующие меры должны индуцировать деловую активность всего общества, способствовать росту частных инвестиций в реализацию важнейших национальных проектов[10].

Наконец, подобно тому, как надежность корпоративного бизнеса требует эффективного риск-менеджмента, поддержание стабильности национальной экономической системы подразумевает необходимость эффективного предотвращения и устранения крупных финансово-экономических рисков. Реализация властями масштабных программ финансовой поддержки экономики в острый период пандемии дополнительно актуализировала эту важную составляющую макроэкономической политики Китая.

Применительно к реальной ситуации, сложившейся в экономике КНР в начале 2020-х годов, речь шла прежде всего о нормализации развития рынка жилой недвижимости и облегчении долговой нагрузки ведущих девелоперских компаний. В 2018–2021 гг. рынок был перегрет, среднегодовые размеры продаж жилой недвижимости составляли 1,5–1,6 млрд кв. м, притом что львиная доля покупок (от 30 до 50% площади реализованного жилья) была спекулятивной и не обосновывалась фундаментальными факторами рыночного спроса. В результате соотношение объемов предпродажи жилья и размеров его реального ввода в эксплуатацию достигло в среднем 2 : 1 по сравнению с примерно 1 : 1 в 2005–2015 гг., сигнализируя о постоянном росте незавершенного строительства[11]. К концу 2021 г. размеры строящейся жилой недвижимости в десять раз превышали площадь завершенной застройки.

Высокая неопределенность, связанная с COVID, негативно сказалась на состоянии спроса в секторе недвижимости, темпы продаж жилья сократились. Одновременно ужесточение нормативно-правовой базы, предпринятое властями с целью охлаждения рынка, привело к резкому замедлению кредитования сектора недвижимости. Все это заметно ограничило доступность средств для завершения строительства многих предварительно проданных проектов. В первом полугодии 2021 г. дефолт компаний-застройщиков по долговым обязательствам составил рекордные 10 млрд долл. Это не только подрывало финансовое положение компаний-застройщиков и ограничивало их инвестиционные возможности, но и угрожало значительными потерями для домохозяйств и банков, финансировавших покупку жилья посредством ипотечного кредитования. К тому же уменьшение продаж участков земли под застройку в связи со сжатием спроса на рынке жилья вело к сокращению бюджетных доходов органов власти городов и провинций и тем самым повышало риски, связанные с погашением долгов, накопившихся по облигационным займам местных правительств.

С целью реализации основных направлений экономического курса правительства Госсовет КНР и НБК использовали обширный арсенал средств макроэкономического регулирования. В 2022–2023 гг. состав этих средств пополнился новыми инструментами инвестиционной и монетарно-структурной политики, а также дополнительными мерами административного воздействия государства на деятельность субъектов рынка.

Денежная политика сохраняла предусмотрительный, умеренно мягкий характер, обеспечивая по мере необходимости стабильный приток ликвидности в экономику. В 2022 г. НБК дважды снижал норму обязательного резервирования и дополнительно повторил аналогичный маневр годом позже. В общей сложности за два года средняя норма резервирования сократилась на один процентный пункт (с 8,4% до 7,4%), что позволило высвободить для нужд развития экономики долгосрочные ликвидные средства в размере свыше 2 трлн юаней. Дополнительная ликвидность поступала в финансовый сектор и по другим каналам НБК, включая механизм среднесрочного кредитования и операции на открытом рынке. В результате совокупное финансирование реального сектора увеличилось в 2022 г. на 10,9% и еще на 9% в 2023 г. Финансовая подпитка экономики осуществлялась главным образом за счет кредитования предприятий госсектора банками «Большой четверки», а также в результате предоставления инклюзивных кредитов малым и микропредприятиям[12].

В интересах поддержки экономики правительство и НБК ориентировали финансовые учреждения на увеличение объемов и удешевление кредитования реального сектора. Снижение процентных ставок по кредиту играет важную роль в стимулировании экономики. По оценке экспертов Национального института финансов и развития, с учетом текущих размеров долга реального сектора экономики уменьшение кредитных ставок на 1 процентный пункт сокращает процентные выплаты почти на 4 трлн юаней, что эквивалентно увеличению дефицита государственного бюджета в соотношении с ВВП более чем на 3 процентных пункта[13].

В 2022 г. процентная ставка по программе среднесрочного кредитования НБК была поэтапно снижена с 2,95 до 2,75% и далее до 2,5% годовых в 2023 г. В резуль-

тате уровень премиальной кредитной ставки (LPR) по годовым кредитам уменьшился с 3,8 до 3,65%. На этом фоне в сентябре 2022 г. средняя банковская ставка по корпоративным заимствованиям сократилась на 0,59 процентных пункта год к году, опустившись до рекордно низкого уровня в 4% годовых. На один процентный пункт были уменьшены ставки по программе инклюзивного кредитования малых и средних предприятий. Умеренное (от 0,1 до 0,25 процентных пункта по различным кредитным продуктам) снижение цены денег наблюдалось и в 2023 г.[14]. Средняя ставка по корпоративным кредитам сократилась до исторического минимума в 3,7%. Однако более высокие процентные ставки в США и других развитых странах ограничивали возможности удешевления кредитов в Китае из-за нарастания оттока капитала и снижения валютного курса юаня[15].

В этих условиях денежные власти прибегли к более активному использованию административных и квазирыночных мер. Пострадавшим от пандемии средним, малым и микропредприятиям, индивидуальным предпринимателям, а также предприятиям общественного питания, туризма, транспортным компаниям и пр. была предоставлена отсрочка погашения и обслуживания кредитной задолженности[16]. Кроме того, была усилена роль гибридных, монетарно-структурных инструментов денежно-кредитной политики. В 2022 г. было пролонгировано действие и значительно расширено финансирование программы инклюзивного кредитования малых и микропредприятий. НБК пополнил на 100 млрд юаней программу структурного кредитования проектов экологически чистого использования угля, а также ввел в действие новые инструменты структурной монетарной политики, включая программы предоставления финансовым учреждениям целевых кредитов для поддержки научно-технических инноваций (200 млрд юаней, 1,75% годовых), для развития индустрии ухода за пожилыми людьми, для улучшения транспорта и логистики.

В 2023 г. была на 235 млрд юаней пополнена программа НБК по структурному кредитованию сельского хозяйства и малого бизнеса, увеличены предельные размеры инклюзивных кредитов для индивидуальных предпринимателей (с 200 до 300 тыс. юаней), а также для малых и микропредприятий (с 3 до 4 млн юаней)[17]. Продлены сроки действия программ структурного кредитования НБК в поддержку сокращения выбросов углерода, в поддержку экологически чистого и высококачественного использования угля, а также целевых кредитов для развития транспорта и логистики.

В налогово-бюджетной сфере был усилен акцент на снижение фискальной нагрузки в экономике как важнейшего направления *активной финансовой политики* правительства, позволяющего расширить внутренний инвестиционный и потребительский спрос. В 2022 г. были временно освобождены от НДС малые налогоплательщики, а также компании в сфере общественного транспорта и экспресс-доставки. Кроме того, были вдвое сокращены ставки налогообложения по шести налогам: ресурсному налогу, налогу на содержание и застройку городских территорий, налогу на недвижимость, налогу на использование земельных участков в городах, гербовому сбору (кроме операций с ценными бумагами), налогу на отчуждение пахотных земель, а также по двум видам административных сборов (центральные и местные дополнительные сборы на образование). Сумма этих фискальных льгот

превысила 1 трлн юаней, а их бенефициарами стали малые и микропредприятия и отчасти транспортные и логистические компании.

Кроме того, Минфин провел частичный возврат ранее уплаченного НДС в связи с компенсацией превышения входящего НДС над исходящим — явления, тесно связанного с нарушением воспроизводственного процесса в ходе пандемии. В сферу применения этой меры попали малые и микропредприятия, а также компании обрабатывающей промышленности, оптовой и розничной торговли и еще примерно десяти отраслей реального сектора экономики. В целом, включая вышеуказанное возмещение переплаты по НДС (более 2,4 трлн юаней), а также с учетом отсрочки по уплате налогов и сборов для средних, малых и микропредприятий обрабатывающей промышленности и индивидуального бизнеса (свыше 750 млрд юаней) сокращение фискальной нагрузки в 2022 г. превысило 4,2 трлн юаней (3,5% ВВП). Осуществление столь масштабных стимулирующих мер потребовало целевого перевода из центрального в местные бюджеты почти 900 млрд юаней. Использование этих средств помогло снизить фискальную нагрузку для 1,5 млн субъектов рынка и свыше 7,7 млн физических лиц[18].

Курс на уменьшение налоговой нагрузки получил дальнейшее развитие. В 2023 г. в дополнение к продлению упомянутых выше фискальных льгот были введены новые налоговые послабления. Так, для поддержки национального фондового рынка была вдвое сокращена ставка гербового сбора по операциям с ценными бумагами. Кроме того, были выборочно увеличены размеры налогового вычета при уплате НДФЛ. Увеличение налогового вычета предусмотрено применительно к расходам на содержание пожилых родителей, на уход за малолетними детьми, на образование детей и направлено на повышение уровня потребления низкодоходных слоев населения. Наконец, посредством увеличения дополнительного налогового вычета по корпоративному подоходному налогу была в очередной раз уменьшена налогооблагаемая база предприятий новых и высоких технологий. Размеры налогового вычета были повышены со 100 до 120% расходов на НИОКР для производителей интегральных схем и промышленных матричных станков и с 75 до 100% для других предприятий передовой обрабатывающей промышленности[19].

К этому следует добавить дополнительный вычет по НДС для предприятий передовой обрабатывающей промышленности, снижение ставок взносов на страхование по безработице и страхование от производственного травматизма, повышение нормы возврата взносов на страхование по безработице при сохранении предприятиями рабочих мест и т.д. В целом в 2023 г. было применено более 20 различных фискальных льгот на общую сумму свыше 2,2 трлн юаней. Помимо оживления внутреннего спроса и экономической активности *per se* адресное снижение налогов для малого бизнеса и высокотехнологичных компаний тесно связано с ориентирами перехода страны к более качественному росту, основанному на повышении эффективности производства, растущем потреблении и инновациях.

Аналогичным образом работали и другие институциональные механизмы активной финансовой политики. В их числе были Государственный фонд финансовых гарантий, направляющий бюджетные средства на разрешение финансовых проблем микропредприятий и сельского бизнеса, и Китайский государственный венчурный

инвестиционный фонд, концентрирующий усилия в сфере высоких технологий. В период выхода из пандемии деятельность этих квазиполитических финансовых структур была резко активизирована.

В 2022 г., например, общая сумма поручительств и перепоручительств, выданных Государственным фондом финансовых гарантий, увеличилась на 60%, составив 1,2 трлн юаней, а выгодоприобретателями от этих операций стали 1,4 млн средних, малых и микропредприятий — почти вдвое больше, чем год назад[20]. С опережением других отраслей росла гарантийная поддержка столкнувшихся с наиболее серьезными трудностями предприятий в сфере транспорта, общественного питания, гостиничных услуг, туризма и т.д. В первой половине 2023 г. портфель кредитных гарантий фонда увеличился еще на 33,6% в годовом исчислении[21]. Коэффициент покрытия кредитной гарантии в 2022–2023 гг. снизился до 67 и 65% соответственно против 80% в 2020 г.

В интересах поддержки частного бизнеса и оживления внутреннего спроса были значительно расширены государственные закупки с соответствующим увеличением бюджетного финансирования и привлечением в качестве поставщиков малых и микропредприятий, для которых в соответствии с установленным нормативом резервировалось не менее 40% общей стоимости закупок продукции для государственных нужд[22].

Одновременно был ускорен и расширен выпуск специальных облигаций местных правительств. В 2022 г. при годовой квоте в 3,65 трлн юаней долговые обязательства на 1,46 трлн юаней были эмитированы заблаговременно, в декабре 2021 г., а фактический выпуск облигаций за год превысил 4 трлн юаней за счет использования невыбранных остатков квоты прежних лет[23]. В 2023 г. размеры санкционированного сессией ВСНП выпуска специальных облигаций местных правительств составили 3,8 трлн юаней — немного выше квоты 2022 г. и одновременно чуть ниже фактического уровня прошлогодней эмиссии.

В дополнение к этому в конце 2023 г. правительство вновь, как и в 2020 г., прибегло к выпуску специальных государственных казначейских облигаций в размере 1 трлн юаней с использованием половины этой суммы до конца года[24]. Эмиссия носила целевой характер, поступившие в государственный бюджет дополнительные средства были использованы для поддержки местных органов власти в восстановлении экономики после прошедших в последние годы стихийных бедствий и предотвращении ущерба от подобных катаклизмов в будущем. Дефицит государственного бюджета в 2023 г. составил 3,8% ВВП, превысив как плановый показатель (3%), так и уровень предыдущего года (2,8%).

Вместе с тем правительство предпринимало постоянные усилия по контролю рисков, связанных с официальным и скрытым долгом местных органов государственного управления. Регионы с повышенным долговым бременем подлежали усиленному административному надзору за ходом реализации новых проектов развития, новыми заимствованиями и инвестициями. Несанкционированные центром заимствования строго пресекались. Чтобы снизить долговые риски и эффективно контролировать размеры долга, внедрялись механизмы динамического мониторинга бюджетных операций и раннего предупреждения о рисках на всех уровнях госу-

дарственного управления[25]. Для обеспечения своевременного погашения долгов местным правительствам рекомендовалось усилить управление активами, вплоть до их возможной продажи в случае необходимости.

Ужесточение финансовой дисциплины являлось ключевым инструментом правительства в области контроля и урегулирования финансового положения местных органов власти. При этом не исключалась и возможность предоставления регионам с повышенным долговым бременем экстренной кредитной поддержки для стабилизации финансового положения, и прежде всего для реструктуризации обязательств местных властей по операциям подконтрольных им «финансовых платформ» — государственных инвестиционно-строительных компаний[26]. Во второй половине 2023 г. в соответствии с решением Политбюро ЦК КПК была проведена частичная реструктуризация местных долгов в размере 1 трлн юаней посредством их обмена на специальные облигации рефинансирования, выпущенные правительствами 24 провинций и городов центрального подчинения[27].

Инвестиционная политика. Ослаблению внутреннего спроса вследствие повторных вспышек пандемии в 2022 г. были противопоставлены меры, направленные на увеличение инвестиций и конечного потребления. Не дожидаясь наступления плановых сроков, было начато сооружение ряда важных проектов 14-й пятилетки. Расширение отраслевой структуры расходования средств, полученных от размещения целевых облигаций, позволило использовать их при сооружении 30 тыс. объектов важного экономического и социального значения. К ранее одобренным проектам транспортной и энергетической инфраструктуры были добавлены объекты «зеленой» энергетики, объекты по интегрированному использованию и мобильной связи пятого поколения, инфраструктура национальных промышленных парков, строительство доступного и социального жилья, реновация городских районов барачной застройки («внутригородские деревни»), проекты теплоснабжения, газоснабжения и др.

При этом приветствовалось участие частных инвесторов в реализации ключевых строительных объектов в сфере транспорта, гидротехники, энергетики и т.п. В 2023 г. при участии ГКРР была открыта специальная онлайн-платформа для презентации предлагаемых для частного инвестирования приоритетных проектов развития, где было представлено свыше 6 тыс. инвестиционных проектов с общей суммой капиталовложений в 5,97 трлн юаней[28].

Факторы волатильности

Прошедший в октябре 2022 г. XX съезд КПК наметил общие ориентиры развития Китая на долгосрочную перспективу, включая значительное увеличение масштабов экономики страны, совершенствование ее научно-технического потенциала и укрепление общей национальной мощи, с тем чтобы к 2035 г. по размерам ВВП на душу населения КНР смогла войти в состав стран со средним уровнем развития. Реализацию этих перспективных планов предстояло начинать с экономической стабилизации и преодоления нисходящего тренда в экономике, разбалансированной в результате пандемии коронавируса, а равно и с экстренных мер по ее преодоле-

нию. В этих условиях результаты экономической политики во многом определяются масштабом и характером ответных мер правительства на действие целого ряда факторов волатильности.

1. *Повторные вспышки пандемии*. На весенней сессии ВСНП (март 2022 г.) индикативный показатель экономического роста на год был определен в размере «приблизительно 5,5%», что соответствовало как целям 14-й пятилетки, так и реалиям «новой нормальности», сложившимся до пандемии. Однако мутация вируса и повторные вспышки новой, более контагиозной его разновидности в апреле–мае обернулись нарастающей волной локаутов и других санитарных мер изоляции в соответствии с антивирусной политикой «нулевой терпимости». Все это сразу же негативно отразилось на экономической активности. Во втором квартале 2022 г. прирост ВВП снизился до 0,4% в годовом исчислении, тем самым планы правительства относительно темпов экономического роста уже в середине года были практически перечеркнуты. Очередной всплеск заболеваемости в конце 2022 г. спровоцировал новые масштабные сбои в деловой активности. В ноябре вспышки COVID-19 затронули 170 городов, обеспечивающих производство 72% ВВП Китая[29].

В целом, несмотря на смягчение государством условий кредитования, связанные с COVID факторы неопределенности подавляли потребительские расходы. Розничный товарооборот за год снизился на 0,2%, добавленная стоимость в таких отраслях сферы услуг, как транспорт и гостиничный бизнес, снизилась на 0,8 и 2,3% соответственно. Отсюда сохранение повышенного уровня сбережений домашних хозяйств. В период с сентября 2021 г. по сентябрь 2022 г. в среднем он составил 32%, оставаясь выше соответствующих показателей до пандемии[30]. Ухудшение конъюнктуры на рынке недвижимости и слабое доверие инвесторов сдерживали частные инвестиции.

В этих условиях правительство сделало ставку на государственные капиталовложения. В июне 2022 г., используя так называемые обновленные инструменты директивного кредитования, НБК открыл политическим банкам кредитную линию в 800 млрд юаней для целевой поддержки строительства проектов инфраструктуры. Освоение этих средств за год составило 740 млрд юаней, с их помощью было начато строительство более 2,7 тыс. важных объектов[31].

В целом прирост государственных инвестиций в 2022 г. составил 10,1% против 2,9% годом ранее, а связанный с этим резкий рост совокупного дефицита обычного общественного бюджета и бюджета правительственных фондов (5,2% ВВП в январе–октябре 2022 г. против 3,2% годом ранее) был возмещен переводом неналоговых поступлений из бюджета операций с госкапиталом, т.е. фактически за счет отчислений от прибыли предприятий госсектора[32]. Доля валового капиталообразования в обеспечении прироста ВВП в 2022 г. составила 46,8% против 19,8% в 2021 г., удельный вес конечного потребления снизился с 58,3 до 39,4%[33].

Тем самым в интересах поддержания экономической динамики правительству пришлось не только отступить от принципов рыночной трансформации экономики, но и сделать шаг назад в рамках транзита к новой модели экономического роста. В январе 2023 г. с учетом появления менее болезнетворного штамма COVID-19

и охвата вакцинацией более 90% населения власти КНР отказались от политики «нулевой терпимости» к коронавирусу, результатом чего явилось незамедлительное ускорение экономического роста. Уже в первом квартале 2023 г. прирост ВВП в годовом исчислении составил 4,5%, а в первом полугодии — даже 5,5% против 2,9% в четвертом квартале 2022 г.[34].

2. *Затяжной спад на рынке недвижимости*. В условиях ослабления внутреннего спроса и замедления роста экономики компании-девелоперы столкнулись со снижением выручки от продаж и трудностями в привлечении нового финансирования. В ноябре 2022 г. инвестиции в недвижимость сократились на 20% по сравнению с уровнем годичной давности, что привело к приостановке или замедлению реализации целого ряда предварительно проданных проектов городского жилья. При этом 38% рынка жилой недвижимости приходилось на долю застройщиков, которые либо уже объявили дефолт по выпущенным корпоративным облигациям, либо находились на грани дефолта с учетом более чем двукратного уменьшения рыночной стоимости их долговых обязательств по сравнению с номиналом.

Наличие большого числа проблемных проектов было чревато огромными потерями для покупателей жилья и, соответственно, ростом социальной напряженности и экономических проблем в стране. О масштабе этих проблем свидетельствовало уже то обстоятельство, что на кредиты, связанные с недвижимостью, приходилось около 23% всех непогашенных банковских кредитов, из которых примерно 80% представляли собой ипотечные кредиты для физических лиц и около 20% — кредиты для застройщиков[35]. Общие затраты на завершение проблемными застройщиками заблаговременно проданных проектов жилой недвижимости, по оценке, составляли около 5% ВВП[36].

Реагируя на указанные проблемы, центральные и местные органы власти предпринимали большие усилия, с тем чтобы сбалансировать спрос и предложение на рынке жилья, стабилизировать операционные денежные потоки, снизить риски, связанные с отраслями-смежниками и в конечном итоге способствовать постепенному преобразованию сектора недвижимости без резкой коррекции рыночной конъюнктуры. В частности, для стимулирования покупательского спроса в 2022 г. были ослаблены административные требования к покупателям жилья, снижены процентные ставки по ипотечному кредитованию, введен мораторий на погашение ипотеки в случае задержки сдачи застройщиками купленного жилья, отдельным категориям покупателей предоставлены налоговые льготы[37].

Для усиления стабилизирующего эффекта и поддержания инвестиционного спроса на жилье годом позже на рынок были выведены крупные государственные средства. В 2023 г. при посредничестве коммерческих банков НБК приступил к выдаче местным правительствам льготных кредитов для выкупа у застройщиков нераспроданной жилой недвижимости с целью последующей сдачи ее в аренду в качестве социального либо доступного жилья[38]. Одновременно было упрощено рефинансирование ранее выданных ипотечных кредитов, размеры первоначального взноса при покупке первого жилья были снижены с 30 до 20% его стоимости, а банковская ставка по ипотеке снижена на 0,5 процентных пункта, обеспечивая приобретателям жилой недвижимости итоговую экономию в 200 млрд юаней[39].

Со стороны рыночного предложения власти предприняли расширение «разумного финансирования» девелоперского сектора, фактически отменившее политику «трех красных линий». С этой целью, начиная с середины 2022 г., использовались такие меры, как выдача государственных гарантий по облигациям компаний-застройщиков и отсрочка погашения ими ранее полученных банковских кредитов. Посредством уменьшения премиальной кредитной ставки (LPR) по пятилетним кредитам денежные власти снизили ставку по ипотеке и обязали банки увеличить кредитование сектора недвижимости, доведя до них индикативный список кредитоспособных компаний-застройщиков. Здесь также были пущены в ход немалые государственные средства в виде специальных кредитов политических банков, предоставляемых проблемным компаниям-застройщикам с целью гарантированной сдачи в эксплуатацию уже проданных жилищных проектов[40]. В 2022 г. при сокращении частных инвестиций в жилую недвижимость на 11,5% соответствующие инвестиционные затраты государства выросли на 4,6%[41]. Общая сумма кредитов, предоставленных проблемным застройщикам государственными политическими банками, в 2023 г. составила 500 млрд юаней[42].

Предпринимаемые меры позволили снять наиболее острые риски посредством расширения финансирования и улучшения его структуры. В этом же направлении действовала и набиравшая ход реструктуризация нежизнеспособных девелоперов. В декабре 2022 г., например, с участием крупных компаний-застройщиков было проведено 48 сделок по слиянию и поглощению на общую сумму 53 млрд юаней[43]. После двух лет отчаянной борьбы за выживание в январе 2024 г. началась процедура банкротства корпорации *Evergrande Group*, крупнейшего застройщика с долговыми обязательствами в 300 млрд долл., открывшая перспективу переформатирования рынка недвижимости в размере нескольких триллионов юаней[44].

Тем не менее вследствие оттока частного капитала в 2022–2023 гг. инвестиции в жилищное строительство продолжили сокращение (в среднем на 9,4% в год). При этом, однако, девелоперы резко ограничили количество новых проектов, направив большую часть своих сил и средств на завершение строительства уже проданного жилья. Если в 2022 г. сдача готового жилья уменьшилась на 14,3%, то в 2023 г., напротив, был зафиксирован ее рост на 17,2%[45]. Впервые за все время жилищной реформы объем ввода в эксплуатацию жилой недвижимости превысил масштабы начатых новостроек. Отсюда четырехкратное замедление отрицательных темпов роста добавленной стоимости в секторе недвижимости, составивших в 2023 г. 1,3% против 5,1% в 2022 г. В перспективе сохранение указанных тенденций, как представляется, будет способствовать устранению диспропорций на рынке городского жилья и реализации сценария «мягкой посадки» с перспективой более устойчивого развития сектора недвижимости и китайской экономики в целом.

3. *Неспокойная внешняя среда*. С середины 2021 г., вслед за восстановлением производства после первой волны пандемии, мировая экономика столкнулась с новыми вызовами, и прежде всего с резким ускорением глобальной инфляции. Наряду с недавней антикризисной накачкой экономики деньгами основными факторами роста цен явились удорожание сырья, сбои в трансграничных цепочках поставок, колебания складских запасов и появление множества узких мест в производстве,

повышение транспортных расходов. В мае 2022 г. инфляция в США выросла до 8,5% против 1,5% в январе 2019 г. Аналогичные показатели в странах ЕС составили 8,8 и 1,4% соответственно, в развивающихся странах уровень инфляции был еще выше[46].

Между тем доходы населения, как правило, все еще были ниже, чем в период до пандемии. Рост стоимости жизни нанес удар по большинству домохозяйств в развитых и развивающихся странах. При этом в качестве основного инструмента ограничения инфляционного давления и «мягкой посадки» экономики повсеместно использовалась ограничительная денежно-кредитная политика. Результатом стало ослабление потребительского спроса на товары длительного пользования, замедление развития мировой экономики и торговли в целом. В 2022–2023 гг. средние темпы прироста глобального ВВП упали до 2,7% против 6,1% в 2021 г., динамика мировой торговли товарами и услугами снизилась с 9,4 до 1%, а рост торговли товарами на протяжении 2023 г. завис в отрицательной зоне[47]. Для Китая как крупнейшего в мире производителя и экспортера промышленных товаров это означало заметное уменьшение внешнего спроса на продукцию его промышленного производства.

К тому же в силу ряда обстоятельств внешняя торговля КНР имеет повышенную чувствительность к различного рода глобальным катаклизмам. По оценкам экономистов ВТО, Китай является крупнейшим в мире поставщиком так называемых товаров узкого доступа (*bottleneck products*) — ключевых комплектующих, изделий и материалов, экспортируемых в среднем только четырьмя странами. В период с 2000 по 2021 г. удельный вес такой продукции в общем количестве торгуемых на международном рынке товаров увеличился с 14 до 20%, а ее доля в стоимостном объеме мировой торговли возросла с 9 до 19%. Этот рост был достигнут главным образом за счет электротехнического оборудования (мобильные телефоны, полупроводники и т.п.), доля которого в поставках «товаров узкого доступа» возросла с 20 до 47%. Китай поставляет на мировой рынок 36% всей номенклатуры этой влиятельной товарной группы; на долю второго по значимости поставщика в лице США приходится примерно 6%. Между тем, как показывает опыт, в периоды экономических кризисов, политических потрясений и т.п. экспорт «товаров узкого доступа» сокращается быстрее, нежели мировая торговля в целом[48].

Помимо прочего, ужесточение денежной политики в развитых странах имело следствием уменьшение избыточной доходности прямых иностранных инвестиций, показывающей, насколько норма прибыли в странах-реципиентах превышает доходность безрискового актива. В роли последнего чаще всего выступают государственные облигации США, долгосрочная процентная ставка по которым с 0% в 2021 г. была повышена до 2% в 2022 г. и 5,25% в 2023 г.[49]. Увеличение доходности купонных облигаций Казначейства США, одно из наиболее значимых за последние 40 лет, снизило склонность международного бизнеса к риску и его мотивацию к экспорту капитала. В результате в 2022 г. суммарный приток иностранных инвестиций по всем странам мира сократился на 16,4%, а в 2023 г. — еще на 2%. Поступление зарубежного предпринимательского капитала в развивающиеся страны, включая Китай, в 2023 г. снизилось на 7%[50]. Не случайно в ходе ежегод-

ных консультаций с МВФ представители правительства КНР выделили внешние факторы в качестве ключевых рисков для перспектив развития китайской экономики[51].

Важнейшим внешним фактором риска не только для китайской, но и для всей мировой экономики является дальнейшее нарастание торговых и экономических противоречий между КНР и США. В 2020-е годы оборот американо-китайской торговли растет медленнее, нежели торговля КНР и США с третьими странами. Тем не менее в 2022 г. американо-китайский торговый обмен, включая торговлю товарами и услугами, достиг рекордного уровня в 690,6 млрд долл., в том числе экспорт КНР увеличился до 564 млрд долл. Нарастание взаимных торговых потоков идет преимущественно в обход товарных позиций, затронутых обоюдным повышением таможенных тарифов в 2018–2019 гг., а также по линии двусторонней торговли услугами[52]. Таким образом, американо-китайская торговая сделка, заключенная в 2020 г. под нажимом президента США Д. Трампа, по сути, не смогла решить ни одного крупного вопроса двусторонних отношений.

В этих условиях наблюдается постоянное расширение перечня китайских организаций, включенных властями США в специальный список субъектов, подлежащих экспортному контролю в отношении поставок американских технологий и товаров. В марте 2023 г. в этом, по сути, запретительном списке фигурировали уже 665 компаний КНР. В ответ еще в сентябре 2020 г. Китай составил собственный список ненадежных юридических лиц, включив в него две американские аэрокосмические и оборонные компании и тем самым запретив им торговать с Китаем и инвестировать в его экономику[53]. В конечном итоге все это вылилось в инициированную американской стороной вторую волну антикитайских экономических санкций, так называемую политику снижения рисков, отражающую стремление США противостоять ускоряющемуся развитию инновационного потенциала Китая в сфере высоких технологий.

В октябре 2022 г., ссылаясь на проблемы национальной безопасности и внешнеполитические интересы, администрация США ввела меры экспортного контроля, ограничивающие доступ Китая (включая Гонконг и Макао) к высокопроизводительным компьютерным и полупроводниковым изделиям последнего поколения, оборудованию и технологиям для их производства, а также блокирующие возможности Китая самостоятельно разрабатывать соответствующие изделия, технологии и оборудование. Помимо собственно американских производителей указанные рестрикции были распространены на все компании, использующие американские полупроводниковые технологии в любой стране мира, а также запрещали гражданам и постоянным жителям США работать в китайских компаниях-производителях полупроводников[54]. Под воздействием США правительства Японии и Нидерландов приняли аналогичные решения, стимулирующие их технологическое разъединение с Китаем.

В дальнейшем (ноябрь 2023 г.) перечень запрещенных к экспорту в Китай товаров был дополнительно расширен, а географический охват экспортных ограничений во избежание возможного обхода санкций через третьи страны был распространен еще на четыре с лишним десятка государств[55]. Кроме того, в августе 2023 г.

администрация президента Дж. Байдена выпустила распоряжение, предписывающее создание Казначейством США специальной программы для контроля, регулирования и ограничения инвестиций американских компаний в КНР вплоть до их полного запрета в наиболее чувствительных секторах экономики КНР, включая информационные технологии, искусственный интеллект и т.д.[56]. По оценке ряда экспертов, все это вместе взятое серьезно изменило содержание американской политики в отношении КНР. Вместо прежнего курса, направленного на сохранение определенного уровня технологического отставания Китая, США перешли к попыткам ослабить его реальный технологический и военный потенциал[57].

Негативная реакция китайской стороны была весьма острой. В марте 2023 г. Си Цзиньпин обвинил США в том, что они «развернули широкомасштабную кампанию по сдерживанию, окружению и подавлению нашей страны, создавая тем самым беспрецедентно серьезные проблемы»[58]. Ответные действия КНР носят разносторонний характер.

Прежде всего, как и пять лет назад, Китай прибег к применению контрсанкций. В июле 2023 г. в КНР были введены меры экспортного контроля при поставке за рубеж галлия и германия, редкоземельных металлов, используемых в глобальных цепочках поставок при производстве полупроводников и другой электроники[59]. В условиях общего нарастания геополитической напряженности к разряду асимметричных ответных мер можно отнести и принятие в апреле 2023 г. поправок к Закону о борьбе со шпионажем. Наряду с передачей иностранным организациям разведданных и сведений, составляющих государственную тайну, определение шпионажа было распространено и на «другие документы, сведения, материалы или предметы, имеющие отношение к национальной безопасности». На этом основании китайские правоохранители в 2023 г. провели серию громких рейдов, сопровождаемых задержаниями и штрафами, в отношении иностранных консалтинговых компаний, в функции которых, помимо прочего, входит стандартная оценка деловой предусмотрительности (*due diligence*) китайских компаний-партнеров, в том числе и с использованием корпоративной информации ограниченного распространения. Все это моментально вызвало обеспокоенность у иностранных инвесторов и работающих в Китае иностранных торговых палат[60].

Кроме того, с учетом сокращения внешних каналов притока современных знаний и технологий правительство еще более повысило внимание к развитию науки и техники, а равно и отечественной полупроводниковой промышленности. Расходы государственного бюджета на НИОКР в 2022 г. впервые превысили 3 трлн юаней, составив 2,55% ВВП и увеличившись до 2,64% ВВП в 2023 г.[61]. Одновременно было проведено очередное, третье по счету пополнение Государственного инвестиционного фонда индустрии интегральных схем («Большой фонд»), позволившее аккумулировать рекордный объем средств для развития отечественной полупроводниковой промышленности в период 2024–2029 гг.[62]. В числе доноров фонда, направивших в его капитал в общей сложности 344 млрд юаней (47,5 млрд долл.), помимо Министерства финансов КНР фигурируют крупнейшие государственные банки — Сельскохозяйственный банк Китая, Строительный банк, Банк Китая, Банк коммуникаций, Почтово-сберегательный банк Китая.

Наконец, в стремлении уменьшить уязвимость к нажиму со стороны США и их союзников Китай деятельно усиливает региональные аспекты своей внешнеторговой политики. Большие надежды, в частности, связываются с участием КНР во Всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), крупнейшем многостороннем соглашении о свободной торговле, вступившем в силу в 2022 г. Объединяя десять стран-участниц АСЕАН и еще шесть стран, с которыми у АСЕАН имеются соглашения о свободной торговле (Китай, Индия, Республика Корея, Япония, Австралия, Новая Зеландия), ВРЭП увеличивает возможности китайских компаний для расширения и диверсификации своих цепочек поставок в страны Южной и Юго-Восточной Азии. В 2021 г. Китай подал заявку на присоединение к Соглашению о всеобъемлющем и прогрессивном транстихоокеанском партнерстве, регулирующему свободное трансграничное движение товаров и услуг на территории одиннадцати государств АТР, включая Японию, Сингапур, Малайзию, Канаду, Мексику, Австралию и т.д. Кроме того, в 2023 г. были заключены соглашения КНР о свободной торговле с Эквадором, Никарагуа и Сербией, подписан протокол об обновлении аналогичного соглашения с Сингапуром.

Асинхронность восстановительного роста

После трех лет пандемии COVID-19 2023 год стал первым годом, свободным от применения санитарных ограничений в отношении деловой и социальной активности населения, следствием чего явился целый ряд позитивных изменений. В 2023 г. в Китае было создано 32,7 млн новых хозяйствующих субъектов, в среднем ежедневно регистрировалось 27 тыс. новых предприятий. В декабре 2023 г., соответствуя планам правительства, безработица в городах составила 5,2% по сравнению с 5,6% годом ранее. ВВП КНР увеличился на 5,2%, превысив целевой показатель правительства («около 5 процентов»), причем прирост ВВП в расчете на душу населения составил даже 5,4%. Ускорение экономического роста было особенно заметно в силу эффекта низкой базы на фоне слабой экономической динамики предыдущего года, когда увеличение ВВП составило лишь 3%.

В результате прирост среднедушевых располагаемых доходов населения составил 6,1% против 2,9% в 2022 г. Одновременно сбережения домашних хозяйств снизились до уровня, существовавшего до пандемии. Все это обусловило соответствующий рост внутреннего платежеспособного спроса и потребления. Компенсируя негативный эффект от сокращения внешнего спроса и сжатия внешней торговли, расходы на конечное потребление обусловили 82,5% годового прироста ВВП против 39,4% годом ранее. Удельный вес валового капиталообразования снизился с 46,8 до 28,9%, что соответствовало переходу страны к менее капиталоемкой модели качественного экономического роста (см. табл. 58).

При этом сохранялся весьма внушительный потенциал дальнейшего роста потребления. По оценке Всемирного банка, в 2022 г. потребление домашних хозяйств в КНР составило 37,2% ВВП по сравнению с 45,5% в странах верхнего сегмента среднего уровня дохода, к разряду которых в настоящее время относится и Китай[63].

Не случайно в 2023 г. Китай обеспечил 28% от общего объема мировых сбережений, что лишь немногим меньше 33%-ной доли США и ЕС вместе взятых[64].

Таблица 58

Факторы годового прироста ВВП КНР, 2018–2023 гг. (%)

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Расходы на конечное потребление	64,0	58,6	-6,8	58,3	39,4	82,5
Валовое капиталообразование	43,2	28,9	81,5	19,8	46,8	28,9
Чистый экспорт товаров и услуг	-7,2	12,6	25,3	21,9	13,8	-11,4

Источник: National Accounts. Contribution Share and Contribution of the Three Components of GDP to the Growth of GDP // National Data: [site]. URL: https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01 (accessed: 30.09.2024).

Заметный подъем потребления вызвал оживление в сфере услуг, особенно сильно пострадавшей от ограничений, связанных с пандемией COVID. Отсюда опережающие темпы роста ВВП в третичном секторе экономики (см. табл. 59). Прирост добавленной стоимости в оптовой и розничной торговле составил 6,2%, в сфере транспорта, логистики и почтовой связи — 8%, в сфере гостиничного бизнеса и общественного питания — 14,5%, в секторе передачи информации, программного обеспечения и IT-услуг — 11,9%, объем лизинга и бизнес-услуг вырос на 9,3%[65].

При сохранении в целом ценовой стабильности общий объем продаж потребительских товаров вырос на 7,2%, а размеры розничных онлайн-продаж — на 11%. Объем реализации услуг в денежном выражении увеличился на 20%. В результате в 2023 г., несмотря на снижение стоимости операций с недвижимостью (на 1,3%), доля третичного сектора в росте ВВП повысилась до 60,2% против 55,3% в 2022 г., вернувшись на доковидный уровень. Доля вторичного сектора уменьшилась с 38,9% в 2021 г. до 33,9% в 2022–2023 гг.[66].

Таблица 59

Динамика основных показателей экономического развития КНР, 2019–2023 гг. (%)

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
ВВП, всего	6,0	2,2	8,4	3,0	5,2
В том числе:					
первичный сектор	3,1	3,1	7,1	4,1	4,1
вторичный сектор	4,9	2,5	8,7	3,8	4,7
третичный сектор	7,2	1,9	8,5	2,3	5,8

Среднедушевые располагаемые доходы	5,8	2,1	8,1	2,9	6,1
В том числе:					
городские жители	5,0	1,2	7,1	1,9	5,1
сельские жители	6,2	3,8	9,7	4,2	7,7
Инвестиции в основные фонды	5,1	2,9	4,9	5,1	3,0
В том числе:					
государственные	6,8	5,3	2,9	10,1	10,0
частные	4,7	1,0	7,0	0,9	-0,4
иностранные	2,1	5,7	21,2	4,5	-13,8
Розничный товарооборот	8,0	-3,9	12,5	-0,2	7,2
Денежный агрегат M_2	8,7	10,1	9,0	11,8	9,7
Совокупное финансирование реального сектора экономики	10,7	13,3	11,6	10,9	9,5
Инфляция	2,9	2,5	0,9	2,0	0,2
Оборот внешней торговли*	-1,0	1,7	28,8	4,6	-5,5
В том числе:					
экспорт	0,5	3,6	28,0	7,3	-5,3
импорт	-2,7	-0,6	28,8	1,1	-5,8

* Прирост оборота внешней торговли, экспорта и импорта в 2023 г. рассчитан, исходя из показателей в долларах США, полученных с использованием среднегодового валютного курса юаня.

Источники**:** Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2023 год и проекте плана на 2024 год : представлен 11 марта 2024 года на 2-й сессии ВСНП 14-го созыва // Russian.china.org.cn: [сайт]. 2024. 14 марта. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2024-03/14/ content_117060204.htm (дата обращения: 15.09.2024); China Statistical Yearbook 2022. Beijing: China Statistics Press, 2022. Tables 10-16, 11-1. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023); China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Tables 3-4, 5-1, 6-6, 6-11, 6-16, 10-1, 10-3, 10-16, 11-1, 15-12, 18-2, 18-3. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024); Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2023 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2024. February 29. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202202/t20220227_1827963.html (accessed: 10.03.2024); China in Numbers (2023): Issue Brief. Beijing: United Nations Development Programme China, 2024. P. 7 // UNDP China: [site]. 2024. March 13. URL: https://www.undp.org/china/publications/china-numbers-2023 (accessed: 10.07.2024); People's Republic of China. 2023 Article IV Consultation — Press Release; Staff Report, and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China / Washington D.C.: International Monetary Fund, 2023. P. 7. URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2024/02/01/People-s-Republic-of-China-2023-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-544379 (accessed: 12.09.2024).

Структурная перестройка китайской экономики с появлением новых перспективных драйверов роста прослеживается и при рассмотрении промышленного производства. На фоне прироста в 2023 г. добавленной стоимости в промышленности на 4,2% аналогичный показатель в машиностроении составил 6,8%. Производство электромобилей и других «новых энергетических транспортных средств» выросло на 30,3%, солнечных панелей (фотовольтаических элементов) — на 54%, сервисных роботов — на 23,3%, 3D-принтеров — на 36,2%. В целом высокотехнологичная обрабатывающая промышленность обеспечила 15,7% добавленной стоимости в промышленности[67].

Такие же тенденции характерны и для сферы капитального строительства. Замедление динамики инвестиций по сравнению с 2021–2022 гг. объясняется главным образом сохранением проблем в секторе недвижимости и отраслях-смежниках (производство стройматериалов, металлоконструкций и т.п.). Вместе с тем при приросте в 2023 г. валовых инвестиций на 3% капиталовложения в высокотехнологичные отрасли и развитие инфраструктуры увеличились на 10,5 и 6,3% соответственно[68]. Наиболее быстрыми темпами нарастали инвестиции в электро-, тепло-, газо- и водоснабжение (годовой прирост 23%), строительство (22,5%), НИОКР и инженерные услуги (15,8%), передачу информации, программное обеспечение и IT-услуги (13,8%), транспорт и связь (10,5%). Тем самым было частично компенсировано сокращение инвестиций в недвижимость (-9,4%).

Главные импульсы инвестиционной активности в 2023 г. исходили от государственного сектора экономики — годовой прирост государственных инвестиций второй год подряд составлял 10%. Частные инвестиции сократились на 0,4%. Этот факт, помимо прочего, отражает негативные тенденции на рынке жилой недвижимости, где превалируют частные компании-застройщики. За пределами сектора недвижимости частные инвестиции выросли на 9,1%. В том числе капиталовложения в обрабатывающую промышленность увеличились на 9,4%, в автомобилестроение — на 19,3%, в производство электротехнического оборудования — на 33,6%, в строительную отрасль — на 29,6%, в инфраструктуру — на 14,2%[69].

В целом, однако, за период пандемии произошло очевидное замедление инвестиционной активности негосударственных компаний. В 2023 г. частные предприятия обеспечили немногим более 50% валовых инвестиций в китайскую экономику против почти 57% в 2019 г. и около 60% в 2014–2015 гг.[70]. Отсюда общее ослабление негосударственного сектора. В 2023 г. при увеличении добавленной стоимости, созданной на государственных промышленных предприятиях, на 5% аналогичный показатель для частных компаний составил лишь 3,1%. Восстановление деловой активности в частном секторе китайской экономики заметно отстает от предприятий госсектора, продуцируя структурные дисбалансы в экономике и, как следствие, шаткость ее восстановительного роста.

Речь, в частности, идет об усилении финансовых рисков и осложнении долгового положения КНР. В 2023 г. значительный объем выпуска государственных облигаций способствовал росту кредитной активности финансового сектора. За год денежный агрегат M_2 и совокупное финансирование реального сектора экономики выросли на 9,7 и 9,5% соответственно. Кредиты в национальной валюте составили

22,75 трлн юаней против 20,9 трлн юаней в 2022 г., их годовой прирост составил 8,8% по сравнению с 4,9% годом ранее[71].

При этом примерно 70% кредитной задолженности корпоративного нефинансового сектора составляют долги государственных предприятий, рентабельность которых, как известно, в полтора-два раза ниже, чем у частных компаний. Более того, львиная доля непогашенных кредитов госпредприятий представлена неявным долгом местных органов власти, т.е., по сути, задолженностью работающих под их патронажем провинциальных и городских инвестиционно-строительных компаний[72]. Между тем высокая доля накопленного долга подрывает роль этих «финансовых платформ» в стимулировании местной экономики. Почти 80% финансирования, привлеченного ими в январе–сентябре 2023 г., направлялось не на реализацию инвестиционных проектов, а на погашение существующей задолженности[73]. Это подтверждает заключение как международных, так и китайских экспертов о том, что, начиная с определенного уровня коэффициента кредитного плеча, дальнейшее накопление государственного долга начинает сдерживать темпы экономического развития.

Отсюда прогрессирующее опережение роста кредитования по сравнению с динамикой ВВП КНР. В последние годы нарастание корпоративной задолженности вкупе с долгом местных органов власти (как официальным, так и скрытым) на 75–85% определяет повышение общего макроэкономического коэффициента кредитного плеча в китайской экономике, являясь наряду с кризисными явлениями на рынке недвижимости важнейшим фактором замедления экономической динамики и нарастания финансовых рисков[74]. В период с 2019 по 2023 г. размеры кредитной задолженности реального сектора повысились с 246,6 до 288% ВВП КНР, заметно превосходя аналогичный показатель для стран верхнего сегмента среднего уровня дохода и даже стран с высоким уровнем дохода (см. табл. 60).

Таблица 60

Китай: макроэкономический коэффициент кредитного плеча, 2016–2023 гг. (% ВВП)

	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Государственный долг	36,6	36,0	36,3	38,6	45,9	46,8	50,6	56,1
В том числе:								
центральное правительство	16,1	16,2	16,3	17,0	20,6	20,3	21,5	23,8
местные правительства	20,5	19,8	20,0	21,6	25,3	26,5	29,1	32,3
Домохозяйства	44,7	48,7	52,1	56,1	62,3	61,9	62,2	63,5
Нефинансовый корпоративный сектор	157,3	156,5	150,5	151,9	162,7	154,1	161,5	168,4
Общий коэффициент кредитного плеча	238,6	241,2	238,9	246,6	270,9	262,8	274,3	288,0

Источник: China's macro leverage ratio // National Institution for Finance and Development: [site]. URL: http://www.nifd.cn/Research?categoryGuide=3333d2af-91d6-429b-be83-28b92f31bd7 (accessed: 27.09.2024).

Финансовая ситуация дополнительно осложняется в связи с сокращением доходов местных правительств от передачи компаниям-застройщикам права пользования государственными земельными участками. В 2023 г. в условиях затянувшегося спада на рынке жилой недвижимости поступления от этих операций, формирующие львиную долю доходной части местных бюджетов, сократились на 13,2%, в результате чего уменьшилась возможность использования этих средств для погашения задолженности «финансовых платформ» и, соответственно, повысилась вероятность неплатежей в ее погашение. В сочетании с общим смягчением денежно-кредитной политики, низким спросом на ипотечные кредиты и политическими рекомендациями по сокращению ставок по ним данное обстоятельство способствовало снижению качества банковских активов и, соответственно, уменьшению процентных доходов банков. В третьем квартале 2023 г. рентабельность активов небольших банков упала до рекордно низкого уровня в 0,8%[75].

Высокий рост цен и стоимости жизни на ключевых зарубежных рынках обусловили снижение внешнего спроса на товары китайского экспорта и одновременно привели к удорожанию импортной продукции, а равно и к уменьшению ее привлекательности на внутреннем рынке КНР. В результате оборот внешней торговли Китая в 2023 г. составил 5925,7 млрд долл., снизившись за год на 5,5%[*]. При этом китайский экспорт сократился на 5,3%, а импорт — на 5,8%, составив 3373,5 млрд долл. и 2552,1 млрд долл. соответственно. Профицит торгового баланса КНР сложился в размере 821,4 млрд долл., показав уменьшение на 3,5%. Крупнейшими торговыми партнерами Китая оставались государства АСЕАН, страны ЕС и США.

Сокращение китайского экспорта сильнее всего сказалось на товарном вывозе в США (-13,1%) и в страны ЕС (-10,2%), в той или иной мере коснувшись едва ли не всех торговых партнеров Китая. Исключением явилась Российская Федерация, заметно активизировавшая сотрудничество с Китаем в условиях западных санкций. Начиная с 2022 г., по мере ухода из России западных производителей товаров и услуг, китайские компании активно осваивали российский рынок, поставляя в Россию автомобили и иную машинно-техническую продукцию и получая необходимые сырьевые товары и природные ресурсы. В 2023 г. товарооборот двусторонней торговли достиг 240 млрд долл., увеличившись за год на 26,2%. В результате, обойдя Германию и Австралию, Россия вышла на шестую позицию в списке крупнейших торговых партнеров Китая.

Что касается структуры товарного вывоза, то сокращение экспорта затронуло практически все товарные группы, сильнее всего сказавшись на вывозе высокотехнологичной промышленной продукции, за исключением автомобилей. При этом

[*] Показатели внешней торговли КНР в 2023 г. рассчитаны на основе данных ГСУ КНР о торговле товарами с использованием среднегодового курса юаня к доллару США. См.: Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2023 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2024. February 29. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202202/t20220227_1827963.html (accessed: 10.03.2024).

Китай сохраняет мировое лидерство в производстве и экспорте электроники (компьютеры, телевизоры, смартфоны и т.п.). В 2023 г. на продукцию электронной промышленности и машиностроения, включая экологически чистые энергетические технологии, пришлось 58,6% стоимости экспортной корзины Китая. Суммарные продажи электромобилей, литий-ионных аккумуляторов и солнечных панелей превысили отметку в один триллион юаней (148,7 млрд долл.), что на 29,9% больше, чем в 2022 г.[76]. В целом, однако, сокращение экспорта на фоне сжатия внешнего спроса и усиления протекционизма ограничивает возможности восстановительного роста китайской экономики.

Растущий разрыв в уровне процентных ставок с другими крупными странами, обострение геополитической напряженности и сохранение неопределенности в деловой сфере обусловили сокращение притока иностранного капитала в Китай. По сравнению с 2022 г. абсолютные размеры прямых иностранных инвестиций (ПИИ) снизились на 13,8%, их отношение к ВВП сократилось с 1,1 до 0,9%, а доля в валовом капиталообразовании уменьшилась с 2,5 до 2,2%. Замедление инвестиционной динамики, наиболее существенное за весь период реформ, в основном отражало сокращение реинвестиций прибыли многонациональных корпораций и других иностранных предприятий, оперирующих в КНР. Инвестиции в новые проекты, а равно и объявленная стоимость трансграничных сделок слияния и поглощения продолжали расти, увеличившись за год на 71,8 и 41,3% соответственно[77].

Торможение притока ПИИ негативно сказалось на инвестициях в сферу услуг, сократившихся на 15,9%, и при этом не исключало выборочного роста капиталовложений по отдельным направлениям деловой активности. В их числе, в частности, высокотехнологичное промышленное производство (годовой прирост ПИИ — 9,5%), включая производство медицинского оборудования (34,6%) и электротехнического и коммуникационного оборудования (14,8%), а также НИОКР и инженерные услуги (15,9%)[78].

В целом в отраслях, где китайская промышленность достигла хорошего уровня развития, размеры ПИИ могут не столь ощутимо влиять на динамику инвестиционного процесса и дальнейший технический прогресс. Однако в новых, прорывных стратегических отраслях высокий уровень технологического наполнения ПИИ и специфика бизнес-компетенций иностранных инвесторов подчас имеют ключевое значение.

В связи с этим обращает на себя внимание снижение активности ориентированных на Китай иностранных венчурных фондов и фондов прямых инвестиций, совокупные размеры которых с 50 млрд долл. в 2021 г. снизились до 20 млрд долл. в 2022 г. и примерно 5 млрд долл. в 2023 г.[79]. К тому же масштабная репатриация прибылей иностранных компаний, а также отток иностранного капитала с фондового рынка КНР оказали понижающее давление на китайский юань, среднегодовой курс которого по отношению к доллару США снизился на 4,7%.

* * *

Таким образом, восстановление поступательного развития китайской экономики после срывов и отступлений, вызванных пандемией коронавируса, характеризуется

рядом позитивных тенденций. В их числе, в частности, определенное ускорение динамики ВВП, оживление внутреннего спроса и потребления, продолжение позитивных структурных сдвигов в экономике, повышение роли новых, высокотехнологичных драйверов роста, постепенное восстановление рынка труда, сохранение ценовой стабильности и т.д. Налицо, однако, и такие негативные явления, как усиление асимметрии между государственным и частным секторами экономики, нарастание финансовых рисков и дисбалансов, снижение экспорта, сокращение притока иностранных инвестиций и технологий, продолжение спада на рынке недвижимости и др. Сочетание перечисленных факторов обусловливает противоречивость и неустойчивость восстановительного роста экономики КНР.

Реагируя на рост финансовых рисков, власти КНР провели масштабную реорганизацию системы надзора и регулирования в финансовой сфере. В 2023 г. в составе Госсовета КНР образовано Государственное управление по финансовому регулированию (ГУФР), заменившее Комитет по регулированию банковской деятельности и страхования и получившее ряд дополнительных функций по защите инвесторов и потребителей финансовых услуг. Кроме того, в рамках ЦК КПК создано два новых партийных органа — Комитет ЦК по финансовой работе (курирует партийную и кадровую работу в финансовых учреждениях) и Комитет ЦК по финансам (координирует работу государственных регуляторов финансовых рынков, включая ГУФР, НБК и Комитет по контролю за ценными бумагами).

В ответ на вялое восстановление частного сектора и сокращение иностранных инвестиций правительство активизировало усилия по улучшению бизнес-среды и инвестиционного климата. Опубликованный в середине 2023 г. комплекс из 40 с лишним мер по стимулированию частных и иностранных инвестиций предусматривает привлечение частного капитала к крупным национальным проектам, предоставление частным инвесторам финансовой и ресурсной поддержки, усиление защиты прав интеллектуальной собственности иностранных инвесторов, расширение их доступа к высокотехнологичному и финансовому секторам китайской экономики, упрощение трансграничного обмена данными, административные улучшения для проживающих в КНР иностранных граждан и др.[80]. В марте 2024 г. премьер Госсовета КНР Ли Цян заявил о предстоящем сокращении «негативного списка» для иностранных инвестиций с полной отменой ограничений их доступа к обрабатывающей промышленности Китая[81]. При всей своевременности заявленных изменений следует признать преимущественно оперативно-тактический характер этих мер.

С точки зрения экономической стратегии для достижения долгосрочных целей КНР в области развития необходимо активизировать структурные реформы, приостановленные или даже повернутые вспять в условиях борьбы с пандемией. В частности, назрел новый этап реформы финансовой системы, позволяющий повысить финансовую устойчивость местных органов власти посредством расширения их полномочий в области налогового администрирования и корректировки межбюджетных отношений, включая оптимизацию распределения полномочий и ответственности в части бюджетных расходов между центральным и местными правительствами.

Неменьшее значение имеют дальнейшая реформа предприятий госсектора, прогрессирующее открытие финансовых рынков, создание равных условий кон-

куренции и доступа к рынку для предприятий государственного сектора и частных компаний отечественного и иностранного капитала, укрепление системы социального обеспечения и, как следствие, усиление ориентации общества на потребление, стимулирование перехода к более экологичному росту с помощью большего количества рыночных инструментов и инвестиций в инфраструктуру и т.д. Предстоит и далее совершенствовать институциональную систему макроэкономического регулирования и базовые институты рыночной экономики, продолжать стимулировать реформы за счет расширения открытости. Решение о «дальнейшем всестороннем углублении реформ для продвижения китайской модернизации» принято на 3-м пленуме ЦК КПК 20-го созыва в июле 2024 г.

Примечания

[1] См.: National Accounts > Contribution Share and Contribution of the Three Components of GDP to the Growth of GDP // National Data: [site]. URL: https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01 (accessed: 15.09.2024).

[2] China Economic Monitor. Issue: 2021 Q2. Beijing: KPMG. May 2021. P. 6, 11, 12. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2021/05/china-economic-monitor-q2-2021.pdf (accessed: 12.09.2024).

[3] Rebalancing Act. From Recovery to High-Quality Growth: China Economic Update. December 2021. Washington D.C.: The World Bank, 2021. P. 23–24. URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/f3520c5a-d96d-5a46-8988-a64b24758646/content (accessed: 15.09.2024).

[4] SCIO Press Conference on China's Financial Statistics in 2021 //The State Council Information Office. The People's Republic of China: [site]. January 21, 2022. URL: http://english.scio.gov.cn/m/pressroom/2022-01/21/content_78004381_10.htm (accessed: 15.09.2024).

[5] China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. Table18-3. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024).

[6] *Новоселова Л.В.* Китай: второй год ремиссии // Китай в год проведения XX съезда КПК. Материалы ежегодной всерос. конференции «Современное китайское государство». Москва, 16 и 18 марта 2022 г. / Отв. ред. А.В. Виноградов, П.В. Трощинский М.: ИКСА РАН, 2022. С. 75. DOI: 10.48647/ICCA.2022.36.10.008.

[7] National Economy Continued to Recover with Expected Development Targets Well Achieved in 2021 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 17 January, 2022. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202202/t20220227_1827963.html (accessed: 07.09.2024).

[8] Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2023 год и проекте плана на 2024 год: представлен 11 марта 2024 г. на 2-й сессии ВСНП 14-го созыва // Russian.china.org.cn: [сайт]. 2024. 14 марта. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2024-03/14/ content_117060204.htm (дата обращения: 15.09.2024).

[9] Boosting Consumption and Investment for a Stable and High-Quality Economy // The People's Bank of China: [site]. 2022. May 30. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3935690/3935759/4596128/2022070610162770122.pdf (accessed: 19.08.2024).

[10] Доклад о работе правительства: представлен 5 марта 2023 г. на 1-й сессии ВСНП 14-го созыва и одобрен 13 марта // Russian.people.com.cn: [сайт]. 2023. 15 марта. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0315/c31521-10222624.html (дата обращения: 20.09.2024).

[11] Staff Report for the 2022 Article IV Consultation. P. 30 // People's Republic of China. 2022 Article IV Consultation — Press Release; Staff Report, and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China. Washington D.C.: International Monetary Fund, 2023. URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2023/02/02/Peoples-Republic-of-China-2022-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-529067) (accessed: 05.09.2024).

[12] Staff Report for the 2023 Article IV Consultation. P. 12 // People's Republic of China. 2023 Article IV Consultation — Press Release; Staff Report, and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China. Washington D.C.: International Monetary Fund, 2024. URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2024/02/01/People-s-Republic-of-China-2023-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-544379 (accessed: 12.09.2024).

[13] *Zhang Xiaojing*, *Liu Lei*. National Institution for Finance and Development Quarterly Report. Balance Sheet Recession or Balance Sheet Repair? — Macro Leverage Ratio in Q2 2023. Series Report 0657 // NIFD: [site]. July 25, 2023. URL: http://www.nifd.cn/SeriesReport/ Details/3903 (accessed: 15.09.2024).

[14] Staff Report for the 2023. Op. cit. P. 85–94.

[15] Which Way Forward? Navigating China's Post-Pandemic Growth Path: China Economic Update. December 2023. Washington D.C.: World Bank Group, 2023. P. 25. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099558301102431321/pdf/IDU15f4627e615ee214d211b2e116f327def61a4.pdf (accessed: 23.09.2024).

[16] Доклад о работе правительства. Op. cit.

[17] Statement by Zhengxin Zhang, Executive Director for People's Republic of China, January 10, 2024. P. 3 // Staff Report for the 2023 Article IV Consultation. Op. cit. P. 91.

[18] Report on the Implementation of China's Fiscal Policy in 2022 // The PRC Ministry of Finance: [site]. P. 30. URL: https://www.mof.gov.cn/en/reports/202311/P020231129560054568458.pdf (accessed: 12.03.2023).

[19] Доклад об исполнении центрального и местных бюджетов за 2023 год и проекте центрального и местных бюджетов на 2024 год: одобрен 11 марта 2024 года на 2-й сессии ВСНП 14-го созыва // Синьхуа Новости: [сайт]. 2024. 13 марта. URL: https://russian.news.cn/20240313/81ff4638aaf9499992e7f4bf1add1277/c.html (дата обращения: 27.09.2024).

[20] Report on the Implementation of China's Fiscal Policy in 2022. Op. cit. P. 20.

[21] Report on the Implementation of China's Fiscal Policy in the first half of 2023. [s.l.]: [s.n.], 2023 // The PRC Ministry of Finance : [site]. P. 3. URL: http://www.mof.gov.cn/en/reports/202311/P020231129565240759289.pdf (accessed: 12.09.2024).

[22] Ibid. P.17.

[23] Report on the Implementation of China's Fiscal Policy in 2022. Op. cit. P. 21.

[24] Statement by Zhengxin Zhang. Op. cit. P. 3.

[25] Ibid. P. 4–6.

[26] Ibid. P. 6.

[27] *Yin Jianfeng*, *Wang Jiangjiang*. National Institution for Finance and Development Quarterly Report. Fiscal Tightening and Debt Reduction Accelerated — 2023 Q3 Local and Regional Fiscal. Series Report 0703 // NIFD: [site]. November 11, 2023. URL: http://www.nifd.cn/SeriesReport/ Details/4036 (accessed: 23.09.2024).

[28] Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2023 год и проекте плана на 2024 год. Цит. соч.

[29] Navigating Uncertainty. China's Economy in 2023: China Economic Update. December 2022. Washington D.C.: The World Bank, 2022. P. 12. URL: https://documents1.worldbank.org/

curated/en/099062002232318248/pdf/P1757970fbdcf3053096ae006cda0a3e01a.pdf (accessed: 12.03.2024).

[30] Staff Report for the 2022 Article IV Consultation. Op. cit. P. 5.

[31] Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2022 год и проекте плана на 2023 год: представлен 13 марта 2023 года на 1-й сессии ВСНП 14-го созыва // Синьхуа Новости: [сайт]. 2023. 16 марта. URL: https://russian.news.cn/20230316/8053c82e4fe546689b88e052a16da7c7/c.html (дата обращения: 10.09.2024).

[32] Navigating Uncertainty. China's Economy in 2023. Op. cit. P. 21; Доклад об исполнении центрального и местных бюджетов за 2022 год. Цит. соч.

[33] National Accounts > Contribution Share and Contribution of the Three Components of GDP to the Growth of GDP. Op. cit.

[34] National Accounts>Gross Domestic Product Growth Ratr (Preceding Quarter = 100) // National Data: [site]. URL: https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=B01 (accessed: 15.09.2024).

[35] Statement by Zhengxin Zhang. Op. cit. P. 6.

[36] Staff Report for the 2022 Article IV Consultation. Op. cit. P. 9, 30.

[37] Navigating Uncertainty. China's Economy in 2023. Op. cit.

[38] Economic Report 2024: China / Embassy of Switzerland in China // SinOptic: [site]. June 10. 2024. P. 4. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20240610_China.Annual.economic.report.pdf (accessed: 17.10.2024).

[39] *Minxin Pei*. How China Responded to Its Economic Slowdown in 2023 // CLM China Leadership Monitor: [site]. 2023. Issue 78. November 30. P. 11. URL: https://www.prcleader.org/post/how-china-responded-to-its-econimic-slowdown-in-2023 (accessed: 12.09.2024).

[40] Staff Report for the 2022 Article IV Consultation. Op. cit. P. 9–10.

[41] China Statistical Yearbook 2023. Op. cit. Table10-16.

[42] Which Way Forward? Op. cit. P. 15.

[43] Statement by Zhengxin Zhang. Op. cit.

[44] *Hartman M*. With Chinese Developer Evergrande Set to Liquidate, Impact May Spread beyond Investors // Marketplace: [site]. 2024. January 29. URL: https://www.marketplace.org/2024/01/29/with-chinese-developer-evergrande-set-to-liquidate-impact-may-spread-beyond-investors/ (accessed: (22.09.2024).

[45] Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2022 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2023. February 28. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/ 202302/t20230227_1918979.html (accessed: 10.09.2024); Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2023 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2024. February 29. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202202/t20220227_1827963.html (accessed: 10.03.2024).

[46] Доклад о торговле и развитии за 2022 год. Перспективы развития в мире разделительных линий: глобальный беспорядок и региональные ответы: Обзор. Женева: Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, 2023. С. 19. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2022_u.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

[47] Trade and Development Report 2023. Growth, Debt, and Climate. Realigning the Global Financial Architecture. Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2024. P. XIX, 6. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2023_en.pdf (accessed: 18.07.2024); Trade and Development Report Update. Global Trends and Prospects: April 2023. Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2023. P. 6–7. URL:

https://intosairussia.org/images/reports/trade_and_development_report_update.pdf. (accessed: 18.07.2024).

[48] World Trade Report 2023. Re-Globalization for a Secure, Inclusive and Sustainable Future. Geneva: World Trade Organization, 2023. P. 33. DOI: 10.30875/9789287074102. URL: https://www.wto-ilibrary.org/content/books/9789287074102/read (accessed: 18.07.2024).

[49] *Chi Lo*. Explaining the Plunge in China's Foreign Direct Investment // Viewpoint: [site]. 2023. December 8. URL: https://viewpoint.bnpparibas-am.com/explaining-the-plunge-in-chinas-foreign-direct-investment/(accessed: 03.10.2024).

[50] World Investment Report 2024. Investment Facilitation and Digital Government / UNCTAD. Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2024. P. 3, 156. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ wir2024_annex-1_en.pdf (accessed: 10.08.2024).

[51] Staff Report for the 2023 Article IV Consultation. Op. cit.

[52] World Trade Report 2023. Op. cit. P. 32; Доклад о торговле и развитии. 2023 год. Рост, долг и климат: перестройка глобальной финансовой архитектуры: Обзор. Женева: Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, 2024. С. 8. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr 2023_ru.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

[53] *Lardy N.R.*, *Huang Tianlei*. Is US–China Decoupling Heading in a Dangerous Direction? // East Asia Forum Quarterly. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 38. ANU Press: [site]. URL: https://press-files.anu.edu.au/downloads/press/n11104/pdf/book.pdf#page=36 (accessed: 12.07.2024).

[54] *Bluhm M*. Biden's Hugely Consequential High-Tech Export Ban on China, Explained by an Expert // Vox [site]. 2022. November 5. URL: https://www.vox.com/world/2022/11/5/23440525/biden-administration-semiconductor-export-ban-china (accessed: 17.07.2024).

[55] Public Information on Export Controls Imposed on Advanced Computing and Semiconductor Manufacturing Items to the People's Republic of China in 2022 and 2023 // Bureau of Industry and Security: [site]. 2023. Nov ember 6. URL: https://www.bis.doc.gov/index.php/about-bis/newsroom/2082 (accessed: 07.07.2024).

[56] *Devonshire-Ellis C.*, *Tillman H.* US 2023 Foreign Investment into China — Data Analysis on Deals, Values, M&A and Investments // China Briefing: [site]. 2023. December 4. URL: https://www.china-briefing.com/news/us-2023-foreign-investment-into-china-data-analysis-on-deals-values-ma-and-investments/ (accessed: 24.07.2024).

[57] *Reinsch W.A.*, *Benson E.* Chipping Away at Global Semiconductor Supply Chains // East Asia Forum Quarterly. 2023. Vol. 15. No. 2. ANU-Press: [site]. URL: https://press-files.anu.edu.au/downloads/press/n11104/pdf/book.pdf (accessed: 19.07.2024).

[58] *Minxin Pei*. Op. cit. P. 4.

[59] *Mullen A*. US–China Relations: Is there Still a Trade War under Joe Biden's Presidency? // South TChina Morning Post: [site]. 2023. May 23. URL: https://www.scmp.com/economy/global-economy/article/3134191/us-china-relations-there-still-trade-war-under-joe-bidens?module=inline&pgtype=article (accessed: 05.07.2024).

[60] 2024 Investment Climate Statements: China // U.S. Department of State: [site]. 2024. URL: https://www.state.gov/reports/2024-investment-climate-statements/china (accessed: 30.12.2023).

[61] Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2023 год и проекте плана на 2024 год. Цит. соч.

[62] *Heim A*. China's $47B Semiconductor Fund Puts Chip Sovereignty Front and Center // TC TechCrunch: [site]. 2024. May 28. URL: https://techcrunch.com/2024/05/28/chinas-47b-semiconductor-fund-puts-chip-sovereignty-front-and-center/?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cH (accessed: 05.10.2024).

[63] Which Way Forward? Op. cit. P. 42.

[64] Economic Report 2024: China. Op. cit. P. 4.

[65] Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2023 National Economic and Social Development. Op. cit.

[66] China in Numbers (2023): Issue Brief // United Nations Development Programme China: [site]. 2024. March 13. P. 3. URL: https://www.undp.org/china/publications/china-numbers-2023 (accessed: 10.07.2024).

[67] Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2023 National Economic and Social Development. Op. cit.

[68] Statement by Zhengxin Zhang. Op. cit. P. 1; *Hofman B. C*hina's Economy in 2023: How Far will the Shift from Politics to Pragmatism Go? // Lee Kuan You: [site]. 2023. January 30. URL: https://lkyspp.nus.edu.sg/gia/article/china-s-economy-in-2023-how-far-will-the-shift-from-politics-to-pragmatism-go (accessed: 17.09.2024)

[69] Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2023 National Economic and Social Development. Op. cit.; Hofman B. Op. cit.

[70] China Statistical Yearbook 2021. Beijing: China Statistics Press, 2021. Table 10-3. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022).

[71] Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2023 год и проекте плана на 2024 год. Цит. соч.

[72] *Zhang Xiaojing*. China's Leverage Ratio Likely to Increase in 2020 // National Institution for Finance and Development: [site]. 2020. April 1. URL: http://www.nifd.cn /Report/Details/1780 (accessed: 21.09.2024).

[73] Which Way Forward? Op. cit. P. 23.

[74] *Lin Shuanglin*. China's Public Finance. Reforms, Challenges, and Options. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. P. 331, 334. DOI: 10.1017/9781009099028 (accessed: 10.04.2023).

[75] Staff Report for the 2023 Article IV Consultation. Op. cit. P. 12.

[76] Economic Report 2024: China. Op. cit. P. 7.

[77] World Investment Report 2024. Op. cit.

[78] *Huld A*. China's Economy in 2023 — A Year of Growth and Recovery // China Briefing: [site]. 2023. Dectmber 18. URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-economy-in-2023-growth-recovery/ (accessed: 12.08.2024).

[79] *Lardy N.R*. Foreign Direct Investment is Exiting China, New Data Show // Petersen Institute for International Economics: [site]. 2023. November 17. URL: https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/foreign-direct-investment-exiting-china-new-data-show (accessed: 07.09.2024).

[80] *Huld A*. Op. cit.

[81] Economic Report 2024: China. Op. cit. P. 9.

Заключение

XXI век: новые координаты развития китайской экономики

Начало XXI века ознаменовалось весьма динамичным развитием китайской экономики. Присоединение Китая к ВТО (2001 г.) заметно ускорило рыночную трансформацию его экономической системы, в последующие десять лет среднегодовые темпы прироста ВВП КНР в постоянных ценах превышали 10%. Бурный экономический рост сопровождался устойчивым расширением масштабов экономики Китая, быстрым развитием инфраструктуры, активным наращиванием промышленного потенциала, улучшением жизни населения, углубляющейся интеграцией страны в мирохозяйственные связи. В результате Китай, еще недавно входивший в число самых бедных и отсталых стран мира, выдвинулся в ряд глобальных лидеров, уступая только США по масштабам национальной экономики. При этом путь Китая к вершинам мировой иерархии не был свободен от ряда социально-экономических проблем, тесно связанных с ростом китайской экономики, а то и непосредственно обусловленных этим феноменальным ростом.

Прежде всего следует отметить экстенсивный, крайне затратный характер развития страны, достигаемого за счет мобилизации огромных инвестиционных ресурсов и дешевой рабочей силы. С течением времени поддержание высоких темпов роста требовало все больше инвестиций — их доля в ВВП быстро повышалась (с 33,2% в 2000 г. до 72,1% в 2012 г.), а эффективность падала. Если в начале века для обеспечения одного юаня прироста ВВП требовалось 3,5 юаня инвестиций, то в 2012 г. — уже 7,9 юаня. Одновременно обострялась и проблема ресурсного обеспечения экономики. Затраты сырья и энергии на производство единицы ВВП в Китае были в 4–6 раз больше, чем в развитых странах.

Вследствие постоянного нарастания и без того высокой нормы накопления удельный вес частного потребления в Китае даже по меркам развивающихся стран был крайне низок. Доходы населения постоянно увеличивались, но при этом их рост заметно отставал от динамики ВВП, а сами эти доходы распределялись крайне неравномерно. Коэффициент Джини, характеризующий степень неравенства дохо-

дов в обществе, составлял в Китае 0,47 — один из самых высоких показателей в мире. Ограничивая развитие социальной сферы, все это подавляло динамику уровня и качества жизни широких слоев китайского общества и тем самым подпитывало потенциал социальной напряженности.

Что касается отраслевых приоритетов развития, то с целью подстегивания экономического роста основной упор был сделан на экспортно ориентированное промышленное производство. В 2000–2010 гг. экспортная квота КНР увеличилась с 20,5 до 26%, демонстрируя очевидное усиление зависимости отечественного производства от внешних рынков сбыта. Негативные аспекты этого проявились в ходе мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., вызвавшего резкое падение глобального спроса на товары китайского экспорта.

При этом, будучи крупнейшим поставщиком промышленных товаров, Китай так и не стал в полном смысле современной индустриальной державой, обладающей эффективным высокотехнологичным производством. В ключевых отраслях страна не имела каких-либо технологических достижений, полагаясь в основном на импорт иностранного капитала, технологий и основных компонентов технологически сложной продукции. Не располагая собственными промышленными брендами с устоявшейся репутацией, Китай поставлял на мировой рынок товары, качество и надежность которых, как правило, отставали от передовых стандартов.

Таким образом, цена «китайского экономического чуда» оказалась весьма высока. В числе издержек и вызовов, порожденных форсированным экстенсивным ростом экономики КНР, такие негативные явления, как низкая экономическая эффективность, расточительное расходование и истощение национальных экономических ресурсов, загрязнение и деградация окружающей среды, чрезмерная зависимость производства от внешних рынков сбыта, нарастание избыточных производственных мощностей и макроэкономических диспропорций, имущественная и социальная поляризация общества и т.д.

Прогрессирующее обострение указанных выше проблем свидетельствовало о тупиковом характере экспортно ориентированной модели догоняющего развития, особенно заметном на фоне вступления мира в эпоху кардинальных технологических сдвигов, именуемых четвертой промышленной революцией. В этих условиях в политических и экспертных кругах КНР еще в первом десятилетии XXI в. велась последовательная разработка основных направлений и задач новой национальной экономической стратегии с ориентацией на более гармоничное и устойчивое развитие экономики и общества. Неотложная необходимость соответствующих изменений была провозглашена в ноябре 2012 г. на XVIII съезде КПК с приходом на высшие партийные и государственные посты нового поколения руководителей КНР во главе с Си Цзиньпином.

Современная стратегия социально-экономического развития КНР предусматривает в результате ряда последовательных шагов превращение Китая в середине текущего столетия в «модернизированную социалистическую державу» и выход его в число экономически развитых стран мира. При этом, в отличие от прежних лет, достижение обозначенных рубежей должно быть обеспечено не путем количественного наращивания производственных мощностей, а прежде всего за счет увели-

чения эффективности общественного производства, основанного на резком ускорении научно-технического прогресса с превращением науки в непосредственную производительную силу. Перед страной поставлены задачи принципиального повышения качества жизни населения, решительного сокращения разрыва в уровнях развития между городом и деревней, создания благоприятной экологической среды и обеспечения созидательной открытости внешнему миру при опережающем развитии внутреннего рынка и внутреннего потребления.

Таким образом, нынешний этап экономических реформ тесно связан с изменением парадигмы экономического развития КНР. Перенос центра тяжести на повышение экономической эффективности и внутренние факторы роста определяет общую ориентацию реформенного процесса в КНР на дальнейшее укрепление рыночных начал в экономике по ряду ключевых направлений, получивших обоснование в решении 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.).

Так, увеличение инвестиционных возможностей предприятий, маркетизация банковского сектора, либерализация и открытие вовне общенационального рынка ценных бумаг способствуют появлению нового для Китая контингента институциональных инвесторов в лице многочисленных государственных и частных инвестиционных фондов, включая фонды содействия промышленному развитию, венчурные фонды, фонды прямых и портфельных инвестиций, инвестиционные фонды недвижимости, пенсионные, страховые, благотворительные фонды, брокерские фонды, «зеленые» инвестиционные фонды, фонды управления коллективными финансами и т.д. Открывая множественные каналы вертикального и горизонтального перемещения финансовых потоков и инвестиций в зависимости от их сравнительной эффективности, все это создает основу национального рынка капитала как действенного механизма распределения экономических ресурсов и важного источника финансирования в рамках создаваемой в Китае регулируемой рыночной экономики. Немаловажно, что указанные институциональные сдвиги находят свое проявление и на микроуровне, побуждая компании реального сектора экономики модифицировать свое хозяйственное поведение в соответствии с требованиями конкурентной рыночной среды.

Шаг за шагом продвигается и реформа государственного сектора экономики, являющегося проводником экономической политики правительства и обеспечивающего производство 40–50% ВВП КНР. В рамках экстенсивной модели развития здесь из года в год накапливались не востребованные рынком избыточные производственные мощности. Следствием этого стал курс на массовое закрытие таких предприятий, и прежде всего энергозатратных, технологически отсталых и экологически вредных производств. Расширение акционирования и частичная приватизация государственных предприятий сопровождаются их активным выходом на фондовый рынок. Совершенствуется система корпоративного менеджмента предприятий госсектора, отделяющая владение государственными активами от хозяйственного управления ими. Развитие смешанных форм собственности предполагает использование «интегрированных активов со значительной долей частного капитала», а также государственно-частного партнерства.

Активизируется поддержка негосударственной деловой активности со стороны правительства посредством устранения административных барьеров для доступа

частных компаний на рынки, привлечения их к реализации крупных национальных проектов и к реструктуризации предприятий госсектора, субсидирования независимой инновационной деятельности, облегчения доступа частных компаний к финансовым ресурсам, поощрения экспорта частного капитала и т.д. Развитие всех этих процессов сопровождается дальнейшей диверсификацией отношений собственности, появлением между государственным и частным секторами китайской экономики разнообразных промежуточных, пограничных зон с расширением многообразных деловых связей между ними.

Выдвижение новых стратегических приоритетов потребовало формирования новых макроэкономических пропорций и реализации серьезных сдвигов в отраслевой структуре экономики. Отсюда соответствующие изменения институциональной среды. Реформа государственных финансов позволила КНР перейти к политике таргетируемого бюджетного дефицита с соответствующим увеличением кредитного плеча. Целью этого является снижение фискального бремени в экономике и расширение масштабов структурной (промышленной) политики государства посредством селективного субсидирования, а также налогового и иного стимулирования приоритетных отраслей и сфер экономической деятельности. Согласно оценке международных экспертов, стоимостное выражение разнообразных мер промышленной политики, реализуемых правительством, соответствует от 1,7 до 5% ВВП КНР[1].

Реформа налогообложения, перераспределяя налоговую нагрузку между различными видами хозяйственной деятельности и субъектами рынка, направлена на поддержку высокотехнологичных, экологически чистых производств, энергосберегающих технологий, а также на повышение доходов и социальной защищенности населения. Жилищная реформа и бурное развитие рынка городской недвижимости, стимулируя процесс урбанизации, способствовали быстрому расширению внутреннего рынка, повышению роли внутреннего спроса и внутреннего потребления как ключевых факторов экономического роста.

Что касается международной конкурентоспособности страны в формирующейся глобальной экономике знаний, то, отвечая на вызовы времени, реформа научно-технической системы позволила КНР в короткие сроки заметно продвинуться по пути эндогенного инновационного развития и снижения технологической зависимости от внешнего мира. Институциональные инновации были сконцентрированы на осуществлении перехода от традиционной системы исследований и разработок, ориентированной на НИИ, к инновационной системе, основанной на инициативе и активности рыночных агентов в лице как государственных, так и негосударственных предприятий с параллельным укреплением инновационного потенциала компаний реального сектора экономики и коммерциализацией технологий. Отсюда появление рынков технологий и негосударственных технологических предприятий, а также возросшая зависимость исследовательских организаций и университетов от негосударственного финансирования и растущая доля НИОКР, выполняемых предпринимательским сектором. В сочетании со всесторонней финансовой, правовой

[1] China’s Industrial Policy: Roundtable Summary Report // Asia Society: [site]. 2022. January 1. P. 2. URL: https://asiasociety.org/sites/default/files/2023-01/ASPI_SCCEI_China%20Industrial%20Policy_%20Roundtable%20%20Summary%20Report_Final.pdf (accessed: 10.01.2024).

и административной поддержкой со стороны государства все это уже к началу 2020-х годов позволило КНР войти в группу ведущих инновационных держав мира.

Укрепление инновационного блока требует и освоения передовых зарубежных технологий, а значит — дальнейшего усиления внешней открытости. С 2020 г. в КНР действует новый Закон об иностранных инвестициях, который усилил защиту прав иностранных вкладчиков капитала, расширил их доступ к китайской экономике, предоставил им национальный статус на всех стадиях инвестиционного процесса. В целом изменения в сфере привлечения иностранного капитала демонстрируют общую ориентацию КНР на полноправное включение сектора иностранного предпринимательства в общенациональный рынок капитала с установлением единых правил и условий конкуренции для всех участников воспроизводственного процесса независимо от формы собственности и страновой принадлежности. Тем самым закладываются фундаментальные основы рыночной экономической системы. Не случайно за последние 10 лет Китай поднялся на 60 позиций (с 91-го на 31-е место) в составляемом Всемирным банком глобальном рейтинге благоприятности деловой среды.

Действуя в соответствии с партийными установками, правительство пытается сочетать распространение рыночных отношений и рыночной среды с усилением мер государственного контроля и регулирования[2]. Особо акцентируются усиление промышленной и научно-технической политики, расширение социальных гарантий, укрепление экономической безопасности, противодействие коррупции, ограничение антиконкурентных и офшорных практик и т.д.

При этом Китай демонстрирует стремление перейти от преимущественно административных к преимущественно нормативным методам государственного макрорегулирования, основанным на действенных общественных институтах и законе. В 2020-е годы в КНР приняты законы об электронной торговле, о кибербезопасности, о защите персональных данных, об экспортном контроле и др. Регулирующие органы стремятся держать в поле зрения деятельность компаний, которые работают в секторах, связанных с интернетом и технологиями. Таким образом, воплощая упоминавшуюся ранее дуальность китайских реформ, государство стремится удержать, а подчас и усилить контроль над стратегическими секторами экономики.

В целом современная экономическая стратегия КНР ориентирована на решение широкого круга задач, имеющих зачастую разнонаправленный характер. Необходимость глубокой структурной перестройки экономики при сохранении социально-экономической стабильности, связанной с поддержанием динамики экономического роста и созданием соответствующего числа новых рабочих мест, предполагает активный рост инвестиций в национальную экономику. Одновременно настоятельная потребность расширения внутреннего спроса на основе повышения уровня жизни и социальной защищенности населения требует существенного увеличения фонда потребления и относительного замедления инвестиционного процесса в сочетании со значительным ростом эффективности капиталовложений. В итоге результативность экономических реформ в КНР и успешность ее экономической по-

[2] Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва: принято 12 ноября 2013 г. // Russian.china.org.cn: [сайт]. 2014. 15 января. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-01/15/content_31202916.htm (дата обращения: 05.03.2024).

литики зависят от нахождения баланса между текущими и долговременными целями, между внешними и внутренними факторами роста, между государственным регулированием и развитием рыночных механизмов.

Стихийный динамизм рынка и государственный контроль — эти разнонаправленные начала, выполняя свойственные им функции, сопряжены в рамках единой экономической системы КНР. Рынок стимулирует частную хозяйственную инициативу, повышает деловую активность хозяйствующих субъектов и обеспечивает оптимальное распределение ресурсов, а макрорегулирование государства упорядочивает экономическую среду и предупреждает сбои в работе рынка. Осуществляемый на этой основе постоянный поиск оптимального разрешения проблем и противоречий, свойственных реальной экономике, обусловливает формирование в Китае своеобразной экономической модели управляемого рынка, заставляющей вспомнить о получившей широкое распространение во второй половине XX в. теории конвергенции.

Сохранение элементов государственного патернализма, периодически проявляющийся конфликт интересов, ситуативное искажение экономических стимулов и мотиваций — эти и другие характерные черты гибридной планово-рыночной экономической системы в ряде случаев оборачиваются неполнотой, а то и поверхностным характером формирующихся в КНР рыночных отношений. Ограниченная эффективность рыночных механизмов является, таким образом, своего рода платой китайского общества за сохранение стабильности и сравнительной управляемости социально-экономической ситуации в ходе хозяйственной реформы. В этих условиях в соответствии с классической максимой «практика — критерий истины» принципиальное значение имеет поддержание положительного соотношения между преимуществами и издержками управляемого рынка. Если судить по результатам экономического развития страны, такой подход в наибольшей мере отвечает национальным особенностям и интересам КНР в настоящее время.

Современное состояние китайской экономики свидетельствует о прогрессирующем переходе КНР к новой модели экономического роста. Основные показатели китайской статистики, представленные в табл. 61, позволяют оценить эффективность экономической политики КНР последнего десятилетия (2011–2020).

Во втором десятилетии XXI в. среднегодовые темпы прироста ВВП КНР составили 6,8%, а если исключить влияние пандемийного 2020 года — 7,3%. Это заметно ниже, чем в предыдущие 10 лет, но вполне соответствует провозглашенной Си Цзиньпином «новой нормальности» экономики. Поддерживая стабильное развитие страны, такой рост дает возможность обеспечения занятости и осуществления необходимых структурных изменений. При этом заметно повышается качество роста, который более чем на 60% обеспечивается теперь достижениями в области науки и техники.

Вместо превалировавшего прежде вторичного сектора экономики (промышленность и строительство) на передний план выходит третичный сектор (сфера услуг, транспорт, здравоохранение, образование и наука**),** ориентированный на удовлетворение не только материальных, но и общегуманитарных, духовных и социальных потребностей населения. Если в 2011 г. доли вторичного и третичного секторов в производстве ВВП составляли соответственно 46,5 и 44,3%, то в 2020 г. — 37,8 и 54,5%.

При этом, в отличие от 1990-х годов, когда подавляющая часть средств направлялась на развитие ориентированных на экспорт трудоемких и энергозатратных отраслей обрабатывающей промышленности с высоким уровнем загрязнения окружающей среды, отраслевые акценты современной экономической политики КНР, несмотря на периодические всплески инерционных тенденций, все больше переносятся на технологически емкие, энергосберегающие и экологически чистые отрасли промышленного производства, а также на сферу услуг и виды деятельности, обеспечивающие повышение качества жизни населения. Опережающими темпами развиваются современные высокотехнологичные отрасли промышленности и сферы услуг, выступающие главными драйверами качественного роста. Среди них производство электромобилей, солнечных батарей, электронного и высокотехнологичного оборудования, промышленных роботов, а также информационные технологии нового поколения и программное обеспечение, биотехнологии, «зеленые» технологии, финансовые услуги, лизинг и др.

Таблица 61

Основные макроэкономические показатели КНР, 2011–2020 гг.

Показатель	2011 г.		2015 г.		2019 г.		2020 г.	
	итог	%	итог	%	итог	%	итог	%
ВВП (млрд юаней)	41211,9	100,0	68885,8	100,0	98651,5	100,0	101598,6	100,0
В том числе:								
первичный сектор	3791,5	9,2	5786,4	8,4	7004,3	7,1	7823,1	7,7
вторичный сектор	19163,5	46,5	28105,4	40,8	38079,5	38,6	38404,3	37,8
третичный сектор	18256,9	44,3	34994,0	50,8	53567,8	54,3	55371,2	54,5
Инвестиции (млрд юаней)	23878,2	100,0	40592,8	100,0	51360,8	100,0	52727,0	100,0
В том числе:								
негосударственные	…	…	23264,4	58,8	28640,0	56,8	28926,4	55,7
ВВП на душу населения (юаней)	35181	–	49992	–	70078	–	72000	–
Среднедушевые располагаемые доходы (юаней)	18310,8*	–	21966,2	–	30732,8	–	32188,8	–
В том числе:								
в городе	21810,0*	–	31194,8	–	42358,8	–	43833,8	–
в деревне	6977,0*	–	11421,7	–	16020,7	–	17131,5	–

Розничный товарооборот (млрд юаней)	18391,9	–	…	–	40801,7	–	39198,1	–
Инфляция (индекс потребительских цен, цепной)	–	5,4	–	1,4	–	2,9	–	2,5
Социальное обеспечение	…		…		…		…	
В том числе:								
пенсионное страхование (млн человек)	283,9	–	858,3	–	967,5	–	998,0	–
страхование по безработице (млн человек)	143,2	–	173,3	–	205,4	–	216,9	–
медицинское страхование (млн человек)	252,3	–	665,8	–	1354,0	–	1361,3	–
Коэффициент Джини	0,474**	–	0,462	–	0,465	–	0,468	–
НИОКР								
В том числе:								
расходы на НИОКР (млрд юаней)	868,7	–	1417,0	–	2214,4	–	2439,3	–
выданные патенты (ед.)	…	–	359000	–	452804	–	530127	–
Оборот внешней торговли (млрд долл.)	3641,9	100,0	3953,0	100,0	4577,9	100,0	4655,9	100,0
В том числе:	1898,4	52,1	2273,5	57,5	2499,5	54,6	2590,0	55,6
экспорт	1743,5	47,9	1679,6	42,5	2078,4	45,4	2066,0	44,4
импорт								
Иностранные инвестиции (млрд долл.)	116,0	–	126,3	–	138,1	–	144,4	–
Инвестиции КНР за рубежом (млрд долл.)	74,7	–	145,7	–	136,9	–	153,7	–

* Данные за 2013 г.
** Данные за 2012 г.

Источники: China Statistical Yearbook 2013. Beijing: China Statistics Press, 2013. Tables 1-2, 6-1, 11-1. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2013/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023);

China Statistical Yearbook 2016. Beijing: China Statistics Press, 2016. Tables 1-2, 11-2, 20-1. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2016/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023); China Statistical Yearbook 2021. Beijing: China Statistics Press, 2021. Tables 3-1, 3-7, 5-1, 6-1, 6-6, 6-11, 10-1, 10-3, 11-13, 11-18, 15-12, 20-2. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022).

Изменяются значимость и соотношение различных факторов развития. Все больше уходит в прошлое рост, основанный на дешевизне рабочей силы, массированных инвестициях и экспорте продукции традиционных отраслей промышленности. Удельный вес инвестиций в ВВП снизился с 57,9 до 51,9%, а размеры экспортной квоты КНР — с 29,9 до 17,6%. Одновременно повышается роль внутреннего рынка и потребления. Под влиянием таких факторов, как рост доходов населения, создание новых рабочих мест, повышение квалификации рабочей силы, расширение сети социального обеспечения, доля конечного потребления в ВВП выросла с 50,6 до 54,3%[3].

Темпы роста ВВП КНР по-прежнему заметно превышают среднемировой показатель. Отсюда дальнейшее укрепление позиций Китая в мире. В 2012–2021 гг. его удельный вес в производстве глобального ВВП повысился с 11,4 до 18%, а в мировом экспорте — с 11,1 до 15%[4]. Оставаясь одним из наиболее привлекательных рынков для приложения иностранных инвестиций, КНР проявляет себя и в качестве крупного международного инвестора. После выдвижения в 2013 г. широкомасштабной программы международной пространственной интеграции «Один пояс, один путь» китайская политика «выхода за рубеж» набирает все большие обороты, а объемы привлекаемого и экспортируемого капитала мало отличаются друг от друга.

В повседневную жизнь широко внедряются современные информационные технологии, расширяется интеграция производства и интернета. В середине 2021 г. в стране действовало 960 тыс. базовых станций пятого поколения мобильной связи (5G) с 365 млн подключений. При наличии свыше 1 млрд пользователей интернета распространение широкополосной фиксированной связи достигло 96%, а мобильной связи — 108%. Обработка больших массивов данных и разветвленные онлайн-каналы, облегчая управление рисками и снижая транзакционные издержки, способствуют развитию конкурентной среды и эффективному размещению ресурсов.

Заметно повысился уровень жизни. Традиционный тип потребления, основанный на прожиточном минимуме, уступает место модели, направленной на больший комфорт и самореализацию. Затраты на содержание жилья, на потребление таких услуг, как общественное питание, медицина, высшее образование, туризм, культура, транспорт и телекоммуникации, составляют сегодня почти $^{2}/_{3}$ потребительских расходов китайских граждан. Важным фактором этих изменений является быстрая

[3] China Statistical Yearbook 2021. Beijing: China Statistics Press, 2021. Table 3-10. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022).

[4] Highlights of China's Economic Development in Past Decade // The PRC National Development and Reform Commission: [site]. 2022. May 31. URL: https://en.ndrc.gov.cn/netcoo/achievements/202205/t20220531_1326924.html (accessed: 07.11.2024).

урбанизация. Доля городского населения в 2021 г. увеличилась до 64,7% по сравнению с 52% в 2011 г. Наряду с традиционными появились новые формы занятости.

Развитие китайской экономики приобретает все более инклюзивный характер, результаты экономического роста становятся доступными для самых различных слоев населения. Ежегодно в Китае сдается свыше 2 млрд кв. м готовых строительных площадей, что составляет почти половину от общемирового показателя. Во втором десятилетии XXI в. страна построила свыше 80 млн единиц субсидируемого правительством жилья, что позволило улучшить жилищные условия более чем 200 млн человек. Количество автомобилей в расчете на 100 домохозяйств в 2020 г. составило 37,1 против 13,1 в 2010 г. Это говорит о появлении в стране масштабного среднего класса, составляющего около 500 млн человек. Прогрессирующее расширение этого социального слоя формирует самый емкий и быстрорастущий потребительский рынок в мире.

Свидетельствуя о распространении действия рыночных сил и механизмов в китайской экономике и формировании более сбалансированного типа экономического развития, все эти процессы и явления отражают новые взгляды китайского руководства на широкий круг вопросов экономической стратегии, включая характер и качество экономического роста, формирование инновационной экономики, стимулирование ресурсосберегающего и щадящего по отношению к окружающей среде производства, расширение внутреннего спроса как основы динамичного устойчивого развития и т.д. Как следствие, за короткое время страна сумела кардинально изменить свой облик к лучшему, продемонстрировав, сколь многого можно добиться при наличии политической воли, продуманных долгосрочных социально-экономических программ, необходимых организационных и финансовых ресурсов, а главное — ясного видения национальных стратегических приоритетов.

Ориентируясь на это, все большее число развивающихся стран рассматривают китайский опыт как эталон ускоренного перехода от нищеты к процветанию и своего рода пример для подражания. Не случайно, выступая на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.), председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что «непрерывное развитие пути, теории, строя и культуры социализма с китайской спецификой открыло развивающимся странам новые пути к модернизации, предоставило совершенно новые альтернативы странам и нациям, стремящимся ускорить свое развитие и желающим сохранить собственную независимость. Таким образом, Китай привнес китайскую мудрость и китайские варианты для решения проблем человечества»[5]. И это тоже важный результат экономических реформ и экономической политики, осуществляемых КНР.

Китаю предстоит долго еще решать целый комплекс проблем, связанных с несбалансированностью отраслевого и регионального развития, глубоким социальным неравенством, преодолением технологической зависимости, экологическим оздоровлением, сокращением «долгового навеса» в экономике и т.д. Не следует недооценивать и новых, подчас неожиданных вызовов, таких как, к примеру, пандемия COVID-19 или торговая война с США.

[5] *Си Цзиньпин*. О государственном управлении. Т. III. 1-е изд. Пекин: Изд-во литературы на ин. языках, 2021. С. 14.

В настоящее время на фоне очевидного нарастания конфликтов и конфронтации в международном сообществе последнее обстоятельство представляется особенно актуальным. Как показывает практика, глобальная конкуренция и экономические трения Китая с США, а равно и с другими промышленно развитыми странами Запада, усиливаются вне зависимости от динамики взаимных торговых потоков. Эпицентром разворачивающейся борьбы за лидерство выступают коммуникационные и квантовые технологии, искусственный интеллект, робототехника, биоинженерия и другие виды цифровых технологий и передовых производств. При этом, стремясь сохранить контроль над ключевыми технологиями и сдержать технологический прогресс КНР, Запад применяет все новые меры экспортного контроля, инвестиционные и технологические ограничения в отношении Китая и тем самым осложняет его развитие. В этих условиях дальнейшее продвижение Китая в иерархии мировых лидеров, обретение им передовых технологий и компетенций требует существенного повышения эффективности китайской экономики, а следовательно — продолжения глубоких социально-экономических преобразований.

Перестройка китайской экономической системы носит комплексный, многосторонний и перманентный характер, затрагивая широкий круг экономических отношений. Целый ряд рыночных реформ еще не завершен, другие пока разворачиваются, третьи еще только намечены и ожидают своего часа. Решение 3-го пленума ЦК КПК 20-го созыва (июль 2024 г.) содержит детально артикулированный план дальнейшего преобразования китайской экономики, предусматривающий реализацию трехсот различных реформенных мероприятий в течение ближайших пяти лет.

В их числе, в частности, устранение институциональной асимметрии между государственным и частным секторами экономики, улучшение бизнес-среды для частных компаний и облегчение их доступа на рынки, формирование единого общенационального рынка посредством искоренения местного протекционизма, ликвидации отраслевых монополий и предотвращения сегментации рыночного пространства, совершенствование рыночного ценообразования в отношении факторов производства (труд, капитал, земля, знания, технологии, менеджмент), реформирование прямого налогообложения с учетом новых форм ведения бизнеса, увеличение налоговых поступлений в местные бюджеты и наделение местных правительств дополнительными полномочиями в сфере налогового администрирования, снятие ограничений на иностранные инвестиции в обрабатывающую промышленность, углубление реформы научно-технической системы и т.д.[6].

В рамках дихотомии «рынок–государство» расширение поля для действия рыночных сил сочетается с развитием структурной (промышленной) политики правительства, определяющей приоритеты экономического роста. В этой связи большое значение придается формированию «производительных сил нового качества» на основе прорывов в разработке высоких технологий, а также посредством создания новых передовых производств и всемерного стимулирования инноваций. Как считают в руководстве КНР, производительные силы нового качества способны значи-

[6] *Huld A.* China's Third Plenum — Key Takeaways for Foreign Investors // China Briefing: [site]. 2024. July 25. URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-third-plenum-key-takeaways-for-foreign-investors/ (accessed: 27.09.2024).

тельно повысить эффективность китайской экономики, обеспечив ей лидирующие позиции в глобальном экономическом соперничестве[7].

Принимая во внимание набранный страной ход и накопленный опыт преодоления трудностей, все это дает основания полагать, что, несмотря на проблемы, риски и вызовы современной эпохи, Китай продолжит свой макроэкономический транзит к модернизированной экономике и более гармоничному, социально ориентированному, благоприятному по отношению к окружающей среде обществу.

[7] *Борох О.Н.*, *Ломанов А.В.* Производительные силы и китайские отношения. Си Цзиньпин обновил стратегию реформ // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5(129). С. 122–124. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-5-120-141.

Послесловие

И.В. Вахрушин[1]

Памяти Любови Владимировны Новоселовой (1951—2023)

20 января 2023 года на 72-м году жизни скончалась Любовь Владимировна Новоселова. Мы, ее коллеги, как и все российское китаеведение, понесли огромную утрату.

Любовь Владимировна, несомненно, занимает достойное место в ряду авторитетных ученых-китаистов отечественной школы. Она безупречный образец ученого, преданного последовательному служению своему делу, интересам российской науки. Вся научная и профессиональная жизнь Любови Владимировны, становление ее в качестве ученого были неразрывно связаны с Институтом Дальнего Востока РАН (ныне — Институт Китая и современной Азии РАН), в котором на протяжении почти 50 лет она прошла путь от аспиранта до доктора экономических наук, главного научного сотрудника Центра социально-экономических исследований. Проработав на протяжении нескольких лет в этом Центре с Любовью Владимировной, могу определенно утверждать, что она была одним из самых компетентных, авторитетных и почитаемых сотрудников института.

Фундаментальное экономическое образование, полученное на экономическом факультете МГУ в его золотую пору (так, лекции по политэкономии ей читал знаменитый профессор Н.А. Цаголов), позволило Любови Владимировне глубоко проникать и всесторонне исследовать сложные экономические процессы современного Китая.

Как и для всех представителей академической науки, в переломные для страны 1990-е годы, когда институт с трудом выживал и был фактически не в состоянии выплачивать зарплату ученым, перед Любовью Владимировной стоял нелегкий выбор — и она осталась в институте.

Если при поверхностном знакомстве и формальном общении в глаза бросались присущие ей неизменная принципиальность, чувство собственного достоинства, врожденный аристократизм, безупречность манер, то на более короткой дистанции уже отчетливо проступали доброта, отзывчивость, умение войти в положение, искреннее желание помочь, подсказать, посоветовать. Оно было тем сильнее, чем больше она видела в человеке ответственность, заинтересованность, вовлеченность. В коллегах она в равной мере ценила как личные качества, так и отношение к делу.

[1] Вахрушин Иван Владимирович, к.э.н., старший научный сотрудник ИМЭМО РАН.

Такой подход в полной мере характеризует и ее работу с аспирантами. Любовь Владимировна тщательно подходила к набору своих подопечных, никогда не стремилась в этом вопросе к количественным показателям. Поэтому все диссертации, написанные и защищенные под ее руководством, отличались неизменно высоким качеством. В то же время, невзирая на чины и звания, она была последовательным критиком недобросовестных работ, которые, к сожалению, иногда встречаются в нашей среде.

Несмотря на то что ее главным научным интересом всегда была необъятная инвестиционная сфера Китая, пытливый взгляд настоящего ученого всегда был на острие текущего экономического момента. С усложнением социально-экономических процессов в Китае, появлением новых отраслей, внедрением инноваций, пандемией неизменно расширялись и круг ее интересов, тематика научных работ. Так, за последние годы были опубликованы статьи, посвященные строительству жилья и решению жилищной проблемы в КНР, развитию автомобильной сети как важного фактора экономической модернизации Китая, функционированию китайской экономики в условиях торговой войны с США, формированию и развитию инновационной системы КНР, государственной системе антикризисных мер, направленных на борьбу с социально-экономическими последствиями пандемии COVID-19, территориям опережающего развития (ТОР) на Дальнем Востоке России и их инвестиционным связям с Северо-Востоком Китая.

На протяжении всей жизни неизменным спутником, помощником и вдохновителем Любови Владимировны был ее супруг Сергей Александрович Манежев, также видный ученый-китаист, доктор экономических наук, до начала 1990-х годов — главный научный сотрудник ИДВ РАН. Несомненно, возможность обмена мыслями и идеями в семейном кругу с равным партнером и единомышленником способствовала успешной и плодотворной научной работе Любови Владимировны. Как исчерпывающе на прощании Сергей Александрович подвел итог их совместной жизни: «Несмотря на все преходящие обстоятельства, ни разу в жизни у меня не было сомнения, что это мой человек, именно тот человек, который мне нужен». Очевидно, то же самое могла бы сказать Любовь Владимировна в отношении мужа.

Еще до начала работы в ИДВ РАН и знакомства с Любовью Владимировной большое впечатление на меня произвела ее статья о фондовом рынке Китая[2] — одна из первых российских публикаций академического уровня на данную тему. Эта и другие ее работы стали мне большим подспорьем в написании кандидатской диссертации, а также в значительной мере послужили стимулом к последующему приходу в институт уже в качестве сотрудника. В дальнейшем неоценимую поддержку и помощь я получил при работе над монографией «Фондовый рынок КНР»[3], где Любовь Владимировна участвовала в качестве ответственного редактора. Тогда я смог в полной мере оценить широту ее научного кругозора, развитость структурно-логического мышления, позволившие вывести исследование на более высокий уровень.

[2] *Новоселова Л.В.* Фондовый рынок КНР в эпицентре экономических преобразований // Российский экономический журнал. 2007. № 1–2. С. 66–80.

[3] *Вахрушин И.В.* Фондовый рынок КНР. М.: ИДВ РАН. 2013. 335 с.

Этими качествами определялся и стиль изложения — выверенный, емкий, лапидарный, что в сочетании с безупречным, четким и вместе с тем доступным, живым слогом всегда выделяло ее работы. А выступления на конференциях были в числе наиболее интересных и приковывавших пристальное внимание аудитории.

Научные взгляды Любови Владимировны главным образом определялись убежденностью в правильности исторического пути, избранного Китаем в 1979 г., — политики открытости и реформ. Ее твердая уверенность в необходимости планомерных, поступательных экономических преобразований для Китая поддерживалась самими ее исследованиями, доказывавшими эффективность такого подхода. И напротив, с недоумением и крайне сдержанно она воспринимала отдельные решения и практики, противоречившие провозглашенному курсу.

Со взвешенным, продуманным экономическим курсом Китая резко контрастировала политика «шоковой терапии» и форсированной приватизации, реализованная в России в начале 1990-х годов. И именно на ее исходе, в 1996 г., вышла в свет четвертая монография Любови Владимировны «Инвестиционная политика и экономическая реформа в КНР». Осознавая всю пагубность резких, непродуманных реформ для российской экономики, Любовь Владимировна одной из первых рассмотрела в китайском опыте как теоретическую ценность, так и потенциал практического применения отдельных его элементов в российских условиях. В частности, в указанной монографии она отмечала: «Характерной чертой китайской модели рыночных преобразований является политика гибкого сочетания институциональных преобразований хозяйственной системы с активным государственным регулированием экономической ситуации на макро- и микроуровне посредством широкого использования традиционных административных рычагов, набирающих силу рыночных регуляторов деловой активности, а также юридического обеспечения реформаторского процесса. Именно в этом, на наш взгляд, состоит коренное отличие китайской реформы от избранной российским руководством схемы ускоренной макроэкономической стабилизации со ставкой на самозарождение и саморегулирование рыночных отношений... Российский вариант рыночной трансформации оказался, пожалуй, наиболее тяжелым»[4].

Всестороннее изучение китайской экономической модели «необходимо для оценки роли „китайского фактора“ при формировании концепции национально-государственных интересов России, соответствующей реалиям современного этапа мирового развития»[5].

Общий взгляд Любови Владимировны на сущность китайской экономической модели может быть выражен с следующей цитате: «Безусловно, путь к рынку будет долгим, противоречивым и болезненным, особенно если учитывать такие объективные ограничители, как жесткое демографическое давление, низкий жизненный уровень населения, ресурсная дефицитность экономики, неравномерность развития и размещения производительных сил и т.д. Однако только в этом случае возможно достижение сбалансированного и динамичного экономического роста, основанного

[4] Здесь и далее: *Новоселова Л.В.* Инвестиционная политика и экономическая реформа в КНР. М.: Восточная литература, 1996. 310 с.

[5] Там же. С. 5.

на рациональной инвестиционной политике, адекватной реальным потребностям общества. В целом, несмотря на незавершенность экономической реформы в КНР и несовершенство создаваемого в Китае механизма государственного регулирования экономики в интересах продвижения к рынку, сам подход к созданию в этой стране переходной экономической модели, направленной на сочетание реформы и стабильности, представляется в наибольшей степени соответствующим социально-экономическим реалиям Китая»[6].

А вот и рецепт для Китая, актуальный по сей день: «Выход китайской экономики из порочного круга структурной несбалансированности, низкой эффективности и затратного характера воспроизводства предполагает последовательное и комплексное осуществление рыночных преобразований, пронизывающих всю пирамиду хозяйствующих субъектов — от центральных ведомств до отдельных предприятий — и охватывающих все области экономической деятельности»[7].

В своих последних работах Любовь Владимировна сконцентрировалась на детальном анализе антикризисной политики китайского правительства в рамках борьбы с пандемией COVID-19 и преодоления последствий «коронакризиса». Несомненную ценность и новизну представляет ее собственная экспертная оценка масштабов китайского антикризисного пакета финансовой помощи экономике (12,2 трлн юаней, или 12% ВВП), отличная как от официальных китайских данных (15,2 трлн юаней, или 15% ВВП), так и от оценки ООН (7,6 трлн юаней, или 7,5% ВВП)[8]. По мнению Любови Владимировны, официальные данные КНР включали отдельные элементы повторного счета, в результате чего были существенно завышены.

Важный вывод также был сделан относительно неочевидных последствий пандемии для китайской экономики: «Предпринятые китайским руководством стимулирующие экономику меры обеспечили в целом положительные итоги развития в 2020 г. и начале 2021 г. Вместе с тем, будучи достигнут прежде всего за счет крупных кредитных вливаний в экономику, существенных инвестиций и опережающего развития экспорта, [этот локальный успех. — *И.В.*], по сути дела, возвращал Китай к традиционной и уже изжившей себя модели экономического роста, от которой руководство страны стремилось избавиться все последнее десятилетие. [Таким образом. — *И.В.*], очевидно, что „коронакризис“ заметно осложнит и задержит декларируемый властями переход китайской экономики к более эффективному развитию на основе инноваций, „зеленого производства“ и повышающегося внутреннего спроса»[9].

---

[6] Там же. С. 292.

[7] Там же. С. 291–292.

[8] *Новоселова Л.В.* Китайский пакет антикризисных мер // Социально-экономические итоги 13-й пятилетки КНР (2016–2020) и задачи 14-й пятилетки (2021–2025): Статьи ежегодной научной конференции ЦЭСИК ИДВ РАН, Москва, 21 апреля 2021 года. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 55–69.

[9] *Новоселова Л.В.* Китай: второй год ремиссии // Китай в год проведения XX съезда КПК. Материалы ежегодной всероссийской научной конференции «Современное китайское государство». Москва, 16 и 18 марта 2022 года / Отв. ред. А.В. Виноградов, П.В. Трощинский. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 68. DOI: 10.48647/ICCA.2022.36.10.008.

Очевидно, и многие другие работы Любови Владимировны имеют теоретическую ценность, а также содержат важные выводы прикладного характера. Ее научное наследие еще предстоит систематизировать и оценить в полной мере.

Нет никаких сомнений, что долгая память о Любови Владимировне будет жить как в наших сердцах, так и в ее многочисленных трудах, которые продолжат служить делу китаеведения.

Российское китаеведение. 2023. № 1(*2*). *С. 253–257*

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Официальные издания и документальные материалы

Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2014 год и проекте плана на 2015 год: представлен 5 марта 2015 года на 3-й сессии ВСНП 12-го созыва // Синьхуа Новости: [сайт]. 2015. 18 марта. URL: http://russian,news.cn/china/2015-03/18/c_134075466.htm (дата обращения: 15.07.2023).

Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2018 год и проекте плана на 2019 год: представлен 15 марта 2019 года на 2-й сессии ВСНП 13-го созыва // Russian.china.org.cn: [сайт]. 2019. 15 марта. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2019-03/18/ content_74583651.htm (дата обращения: 15.08.2024).

Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2019 год и проекте плана на 2020 год: представлен 22 мая 2020 года на 3-й сессии ВСНП 13-го созыва // Синьхуа Новости: [сайт]. 2020. 30 мая. URL: https://russian.news.cn/2020-05/30/c_139101134.htm_ (дата обращения: 15.08.2024).

Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2020 год и проекте плана экономического и социального развития на 2021 год: представлен 11 марта 2021 года на 4-й сессии ВСНП 13-го созыва // Синьхуа Новости: [сайт]. 2021. 16 марта. URL: http://russian.news.cn/2021-03/16/c_139814098.htm (дата обращения: 05.09.2024).

Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2022 год и проекте плана на 2023 год: представлен 13 марта 2023 года на 1-й сессии ВСНП 14-го созыва // Синьхуа Новости: [сайт]. 2023. 16 марта. URL: https://russian.news.cn/20230316/8053c82e4fe546689b88e052a16da7c7/c.html (дата обращения: 10.09.2024).

Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2023 год и проекте плана на 2024 год: представлен 11 марта 2024 года на 2-й сессии ВСНП 14-го созыва // Russian.china.org.cn: [сайт]. 2024. 14 марта. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2024-03/14/ content_117060204.htm (дата обращения: 15.09.2024).

Доклад о работе правительства: представлен 5 марта 2021 года на 4-й сессии ВСНП 13-го созыва и одобрен 11 марта // Синьхуа Новости: [сайт]. 2021. 15 марта. URL: http://russian.news.cn/2021-03/15/c_139812271.htm (дата обращения: 10.09.2024).

Доклад о работе правительства: представлен 5 марта 2023 года на 1-й сессии ВСНП 14-го созыва и одобрен 13 марта // Russian.people.com.cn: [сайт]. 2023. 15 марта. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0315/c31521-10222624.html (дата обращения: 20.09.2024).

Доклад об исполнении центрального и местных бюджетов за 2019 год и проекте центрального и местных бюджетов на 2020 год: одобрен 28 мая 2020 года на 3-й сессии ВСНП 13-го созыва // Russian.people.cn.: [сайт]. 2020. 05 июня. URL: http://russian.peopledaily.com.cn/n3/2020/0605/c95181-9697779.html (дата обращения: 01.08.2023).

Доклад об исполнении центрального и местных бюджетов за 2020 год и проекте центрального и местных бюджетов на 2021 год: одобрен 11 марта 2021 года на 4-й сес-

сии ВСНП 13-го созыва // Синьхуа Новости: [сайт]. 2021. 16 марта. URL: http://russian.news.cn/2021-03/16/c_139814110.htm (дата обращения: 14.09.2024).

Доклад об исполнении центрального и местных бюджетов за 2022 год и проекте центрального и местных бюджетов на 2023 год: одобрен 13 марта 2023 года на 1-й сессии ВСНП 14-го созыва // Синьхуа Новости: [сайт]. 2023. 16 марта. URL: https://russian.news.cn/20230316/c9bc06e2906a4afea803b57b41a4a5cf/c.html (дата обращения: 25.09.2024).

Доклад об исполнении центрального и местных бюджетов за 2023 год и проекте центрального и местных бюджетов на 2024 год: одобрен 11 марта 2024 года на 2-й сессии ВСНП 14-го созыва // Синьхуа Новости: [сайт]. 2024. 13 марта. URL: https://russian.news.cn/20240313/81ff4638aaf9499992e7f4bf1add1277/c.html (дата обращения: 27.09.2024).

Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва: принято 12 ноября 2013 г. // Russian.china.org.cn: [сайт]. 2014. 15 января. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-01/15/content_31202916.htm (дата обращения: 05.03.2024).

Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. III. 1-е изд. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2021. 838 с.

China's Epic Journey from Poverty to Prosperity: White Paper. [Beijing]: [s.n.], 2021. 74 p. // The State Council of the People's Republic of China: [site]. 2021. September 28. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202109/28/content_WS61528550c6d0df57f98e0ffa.html (accessed: 10.05.2024).

China's Green Development in the New Era: White Paper. Beijing: Foreign Languages Press, 2023. 47 p. // The State Council of the People's Republic of China: [site]. 2023. January 19. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202301/19/content_WS63c8c053c6d0a757729e5db7.html (accessed: 12.01.2024).

Economic and Trade Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the United States of America // Ministry of Finance of the People's Republic of China: [site]. 2020. January 15. [85] p. URL: http://www.mof.gov.cn/en/Cooperation/bdd/202011/P020201104655581070665.pdf (accessed: 16.03.2020).

Highway Law of the People's Republic of China // The PRC Ministry of Ecology and Environment: [site]. URL: https://english.mee.gov.cn/Resources/laws/envir_elatedlaws/200710/t20071009_109951.shtml (accessed: 10.05.2024).

Land Administration Law of the People's Republic of China: Promulgating Date: 2019. August 26 // ADB Knowledge Events: [site]. 2020. January 1. URL: https://events.development.asia/system/files/materials/2020/01/202001-prc-land-administration-law-peoples-republic-china.pdf (accessed: 10.10.2023).

Law of the People's Republic of China on Banking Regulation and Supervision: Adopted at the Sixth Session of the Standing Committee of the Tenth National People's Congress on December 27, 2003 // The People's Bank of China: [site]. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688253/3689003/3709958/index.html (accessed: 05.03.2023).

Law of the People's Republic of China on Commercial Banks: Adopted by the Standing Committee of the Eighth National People's Congress in 1995: Promulgation Date: 1995. October 10 // The People's Bank of China: [site]. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688253/3689003/3709970/index.html (accessed: 05.03.2023).

Law of the People's Republic of China on Foreign Investment // Ministry of Justice of the People's Republic of China: [site]. URL: http://en.moj.gov.cn/2021-06/22/c_634956.htm (accessed: 07.11.2023).

Law of the People's Republic of China on The People's Bank of China: Adopted at the Third Session of the Eighth National People's Congress on 18 March 1995 // The People's Bank of China: [site]. URL: http://www.pbc.gov.cn/english/130733/2941519/2015082610501049304.pdf (accessed: 05.03.2023).

A Look at China's New Tax-Paying Market Entities // Ministry of Ecology and Environment. The People's Republic of China: [site]. News Release. 2021. November 1. URL: http://english.mee.gov.cn/News_service/news_release/202111/t20211101_ 958522.shtml (accessed: 21.04.2023).

Poverty Alleviation. China's Experience and Contribution. Beijing: Foreign Language Press, 2021. 69 p. // The State Council of the People's Republic of China: [site]. 2021. April 6. URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202104/06/content_WS606bc77ec6d0719374afc1b9.html (accessed: 10.05.2024).

Public Information on Export Controls Imposed on Advanced Computing and Semiconductor Manufacturing Items to the People's Republic of China (PRC) in 2022 and 2023 // Bureau of Industry and Security: [site]. 2023. November 6. URL: https://www.bis.doc.gov/index.php/about-bis/newsroom/2082 (accessed: 07.07.2024).

Rules Governing the Listing of Shares on Shenzhen Stock Exchange (2018 Revision): Shen Zheng Shang. [2018]. No. 556 // Shenzhen Stock Exchange: [site]. URL: http://www.szse.cn/English/rules/siteRule/ P020190806407720871488.pdf (accessed: 14.04.2023).

Securities Law of the People's Republic of China: Updated: December 28, 2019 // The National People's Congress of the People's Republic of China: [site]. 2019. December 28. URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2019-12/28/c_674672.htm (accessed: 14.04.2023).

The 14th Five-Year Plan for the Development of the Digital Economy: Guofa [2021]. No. 29 // The State Council of the People's Republic of China: [site]. 2022. January 12. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2022-01/12/content_5667817.htm (accessed: 19.08.2023).

Urban Real Estate Administration Law (2019) // China Laws Portal – CJO: [site]. URL: https://www.ru.chinajusticeobserver.com/law/x/urban-real-estate-administration-law-20190826 (accessed: 10.10.2023).

Urban Real Estate Management Law of the People's Republic of China // Wikisource: [site]. URL: https://zh.wikisource.org/wiki/中华人民共和国城市房地产管理法 (accessed: 10.10.2023).

Ежегодники, справочники, ведомственные отчеты

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР / ИДВ РАН. М.: Форум, 2014. 479 с.

Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточности мотивационных мер, обеспечения привлекательности работы ученых». [М.: б.и.], 2020. 52 с. // FGOSVO: [сайт]. Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/Work_materials_disscusion / p.pdf?ysclid=l7ynmfzreo874415815 (дата обращения: 05.09.2022).

Современное право Китайской Народной Республики (Обзор законодательства 1978–2010 гг.): Ч. 1. 1978–2001 гг. / Ред. Л.М. Гудошников, П.В. Трощинский. М.: ИДВ РАН, 2012. 199 с.

Современное право Китайской Народной Республики (Обзор законодательства 1978–2010 гг.): Ч. 2. 2002–2010 гг. / Ред. Л.М. Гудошников, П.В. Трощинский. М.: ИДВ РАН, 2012. 192 с.

China Financial Stability Report 2012. [Beijing]: China Financial Publishing House, 2012. 223 p. URL: https://pbc.gov.cn/eportal/fileDir/image_public/UserFiles/english/upload/File/China Financial Stability Report(1).pdf (accessed: 15.04.2023).

China Financial Stability Report 2013. [Beijing]: China Financial Publishing House, 2013. 250 p. URL: https://centerforfinancialstability.org/fsr/chn_fsr_201308.pdf (accessed: 15.04.2023).

China Financial Stability Report 2014. [Beijing]: China Financial Publishing House, 2014. 226 p. URL: https://centerforfinancialstability.org/fsr/chn_fsr_201407.pdf (accessed: 15.04.2023).

China Financial Stability Report 2017. [Beijing]: China Financial Publishing House, 2017. 182 p. URL: http://www.pbc.gov.cn/english/130736/3662317/2018111217233241155.pdf (accessed: 15.04.2023).

China Financial Stability Report 2019. [Beijing]: China Financial Publishing House, 2019. 168 p. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688235/3688414/3710021/3830459/3950366/2019122716070568304.pdf (accessed: 18.04.2023).

China Financial Stability Report 2020. [Beijing]: China Financial Publishing House, 2021. 156 p. URL: https://centerforfinancialstability.org/fsr/chn_fsr_202012.pdf (accessed: 15.04.2023).

China Financial Stability Report 2021. [Beijing]: China Financial Publishing House, 2021. 144 p. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688235/3688414/3710021/4387489/4387862/2021111218122982083.pdf (accessed: 15.04.2023).

China Financial Stability Report 2022. [Beijing]: China Financial Publishing House, 2023. 136 p. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688235/3688414/3710021/4601747/4888329/2023051915355796296.pdf (accessed: 15.04.2023).

China Monetary Policy Report. Quarter Three, 2015 // The People' Bank of China: [site]. 2015. November 7. [54 p.] URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688229/3688353/3688356/3706396/3706901/index.html (accessed: 23.09.2023).

China Monetary Policy Report. Quarter Four, 2016 // The People' Bank of China: [site]. 2017. February 17. 64 p. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688229/3688353/3688356/3706393/3706943/index.html (accessed: 23.09.2023).

China Monetary Policy Report. Quarter Four, 2017 // The People' Bank of China: [site]. 2018. February 14. 59 p. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688229/3688353/3688356/3706390/index.html (accessed: 23.09.2023).

China Monetary Policy Report. Quarter Four, 2018 // The People' Bank of China: [site]. 2019. February 21. 89 p. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/resource/cms/2019/03/2019032115562784220.pdf. (accessed: 23.09.2023).

China Monetary Policy Report: Q4 2022 // The People's Bank of China: [site]. 2023. February 24. 60 p. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688229/3688353/3688356/4583781/4849961/2023090113491468715.pdf (accessed: 15.04.2023).

China Securities Regulatory Commission Annual Report 2007. Beijing: China Financial and Economic Publishing House, 2008. 86 p. URL: http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102062/c1372570/1372570/files/P020090225568828752524.pdf (accessed: 22.05.2023).

China Securities Regulatory Commission Annual Report 2008. Beijing: China Financial and Economic Publishing House, 2009. 98 p. URL: http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102063/c1372584/1372584/files/P020090701496625000834.pdf (accessed: 22.05.2023).

China Securities Regulatory Commission Annual Report 2010. Beijing: China Financial and Economic Publishing House, 2011. 139 p. URL: http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102063/c1372582/1372582/files/P020120315575855936801.pdf (accessed: 22.05.2023).

China Securities Regulatory Commission Annual Report 2019. Beijing: China Financial and Economic Publishing House, 2020. 149 p. URL: http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102063/c1606308/1606308/files/CSRC%20Annual%20Report%202019.pdf (accessed: 22.05.2023).

China Securities Regulatory Commission Annual Report 2020. Beijing: China Financial and Economic Publishing House, 2021. 158 p. URL: http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102063/c1606114/1606114/files/CSRC%20Annual%20Report%202020.pdf (accessed: 22.05.2023).

China's Policies and Actions Addressing Climate Change (2022) // The PRC Ministry of Ecology and Environment: [site]. 2022. 68 p. URL: http://english.mee.gov.cn/Resources/Reports/reports/202211/P020221110605466439270.pdf/ (accessed: 12.01.2024).

Foreign Investment Guide of the People's Republic of China. Beijing: The PRC Ministry of Commerce, 2022. 191 p. URL: http://images.mofcom.gov.cn/wzs/202301/20230104194307105.pdf (accessed: 10.12.2023).

Foreign Investment Guide of the People's Republic of China. Beijing: The PRC Ministry of Commerce, 2023. 127 p. URL: https://fdi.mofcom.gov.cn/resource/pdf/wx/2023 EN.pdf (accessed: 07.09.2024).

Latest Developments in China's Banking Reform, Opening-up and Supervision // China.org.cn: [site]. 2005. December 5. 12 p. URL: https://www.china.org.cn/e-news/news051205.htm (accessed: 03.03.2006).

Report on Aggregate Financing to the Real Economy (Flow) (2020) // The People's Bank of China: [site]. 2021. January 13. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4162104/index.html (accessed: 08.08.2024).

Report on Foreign Investment in China 2022. Beijing:The PRC Ministry of Commerce, 2022. 108 p. URL: http://images.mofcom.gov.cn/wzs/202301/20230104194942451.pdf (accessed: 14.03.2024).

Report on the Implementation of China's Fiscal Policy in 2022 // The PRC Ministry of Finance: [site]. 77 p. URL: http://www.mof.gov.cn/en/reports/202311/P020231129560054568458.pdf (accessed: 12.03.2023).

Report on the Implementation of China's Fiscal Policy in the First Half of 2023 // The PRC Ministry of Finance: [site]. 60 p. URL: http://www.mof.gov.cn/en/reports/202311/P020231129565240759289.pdf (accessed: 12.09.2024).

The Experience of Highway Construction, Investment and Financing in China // United Nations: [site]. URL: https://www.un.org/ohrlls/sites/www.un.org.ohrlls/files/session_4_3experiences_of_china_-_ms._shao_jie_transport_planning_and_research_institute_ministry_of_transport_of_china.pdf (accessed: 10.07.2024).

2016 RMB Internationalization Report. Beijing: China Financial Publishing House, 2016. 95 p. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3828468/3828488/3828529/2019051614575641366.pdf (accessed: 07.11.2023).

2018 RMB Internationalization Report. Beijing: China Financial Publishing House, 2018. 131 p. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3828468/3828482/3828519/2019051614562045273.pdf (accessed: 12.11.2023).

2023 RMB Internationalization Report. Beijing: China Financial Publishing House, 2023. 83 p. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688241/3688636/3828468/4756463/5163932/2023120819545781941.pdf (accessed: 10.12.2023).

Статистика

China in Numbers (2023): Issue Brief. [Beijing]: UNDP China, 2024. 14 p. // United Nations Development Programme China: [site]. 2024. March 13. URL: https://www.undp.org/china/publications/china-numbers-2023 (accessed: 10.07.2024).

China Statistical Abstract-2008 (Чжунго тунцзи чжайяо-2008). Beijing: China Statistics Press, 2008. 244 p.

China Statistical Yearbook 1996. Beijing: China Statistical Publishing House, 1996. 830 p.

China Statistical Yearbook 2001. Beijing: China Statistics Press, 2001. URL: https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/yearlydata/YB2001e/ml/indexE.htm (accessed: 15.07.2024).

China Statistical Yearbook 2002. Beijing: China Statistics Press, 2002. URL: https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/yearlydata/YB2002e/ml/indexE.htm (accessed: 15.07.2024).

China Statistical Yearbook 2005. Beijing: China Statistics Press, 2005. Table 20-11. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2005/indexeh.htm (accessed: 25.01.2024).

China Statistical Yearbook 2006. Beijing: China Statistics Press, 2006. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2006/indexeh.htm (accessed: 25.01.2024).

China Statistical Yearbook 2009. Beijing: China Statistics Press, 2009. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2009/indexeh.htm (accessed: 25.01.2024).

China Statistical Yearbook 2011. Beijing: China Statistics Press, 2011. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2011/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023).

China Statistical Yearbook 2013. Beijing: China Statistics Press, 2013. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2013/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023).

China Statistical Yearbook 2014. Beijing: China Statistics Press, 2014. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2014/indexeh.htm (accessed: 01.08.2023).

China Statistical Yearbook 2015. Beijing: China Statistics Press, 2015. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2015/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023).

China Statistical Yearbook 2016. Beijing: China Statistics Press, 2016. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2016/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023).

China Statistical Yearbook 2017. Beijing: China Statistics Press, 2017. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2017/indexeh.htm (accessed: 12.07.2023).

China Statistical Yearbook 2018. Beijing: China Statistics Press, 2018. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2018/indexeh.htm (accessed: 10.02.2023).

China Statistical Yearbook 2019. Beijing: China Statistics Press, 2019. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2019/indexeh.htm (accessed: 10.02.2023).

China Statistical Yearbook 2020. Beijing: China Statistics Press, 2020. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2020/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022).

China Statistical Yearbook 2021. Beijing: China Statistics Press, 2021. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/indexeh.htm (accessed: 15.08.2022).

China Statistical Yearbook 2022. Beijing: China Statistics Press, 2022. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexeh.htm (accessed: 15.02.2023).

China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm (accessed: 05.07.2024).

Coal Plant by Country (MW) // Global Energy Monitor: [site]. Global Coal Plant Tracker. January 2024. URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1_6AkrRZOn3ZXhSV9O6tZnX-m7aJsfG9HiQ_iEqBkbW8/edit?pli=1#gid=1228809590 (accessed: 23.01.2024).

Financial Statistics Report (2020) // The People's Bank of China: [site]. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688247/3688978/3709137/4162079/index.html (accessed: 19.08.2024).

Investment in Fixed Assets (2009.01–03) // National Bureau of Statistics of China: [site]. 29.03.2009. URL: https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/MonthlyData/200904/t20090429_28571.html (accessed: 10.01.2024).

Investment in Fixed Assets (2009.01–06) // National Bureau of Statistics of China: [site]. 29.06.2009. URL: https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/MonthlyData/200907/t20090729_28633.html (accessed: 10.01.2024).

Investment in Fixed Assets (2009.01–09) // National Bureau of Statistics of China: [site]. 30.09.2009. URL: https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/MonthlyData/200910/t20091030_28683.html (accessed: 10.01.2024).

Investment in Fixed Assets from January to December 2019 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 19.01.2020. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202001/t20200119_1723624.html (accessed: 10.07.2024).

National Economy Continued to Recover with Expected Development Targets Well Achieved in 2021 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 17.01.2022. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202202/t20220227_1827963.html (accessed: 07.09.2024).

National Economy Maintained the Momentum of Stable and Sound Development and Exceeded the Expectation // National Bureau of Statistics of China: [site]. 18.01.2018. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201801/t20180118_1574943.html (accessed: 12.09.2023); National Economy Maintained the Momentum of Stable and Sound Development and Exceeded the Expectation // National Bureau of Statistics of China: [site]. 18.01.2018. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201801/t20180118_1574943.html (accessed: 12.09.2023).

National Economy was Generally Stable in 2019 with Main Projected Targets for Development Achieved // National Bureau of Statistics of China: [site]. 17.01.2020. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202001/t20200117_1723398.html (accessed: 10.07.2024).

National Real Estate Development and Sales in 2015 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 20.01.2016. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201601/t20160120_1307100.html (accessed: 15.08.2023).

National Real Estate Development and Sales in 2016 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 22.01.2017. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201701/t20170122_1456808.html (accessed: 15.08.2023).

National Real Estate Development and Sales in 2017 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 25.01.2018. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201801/t20180126_1577671.html (accessed: 15.08.2023).

National Real Estate Development and Sales in the First Twelve Months of 2018 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 24.01.2019. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201901/t20190124_1646610.html (accessed: 15.08.2023).

National Real Estate Development and Sales in 2019 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 19.01.2020. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202001/t20200119_1723643.html (accessed: 15.08.2023).

National Real Estate Development and Sales from January to December 2020 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 19.01.2021. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202101/t20210119_1812512.html (accessed: 15.08.2023).

National Real Estate Development and Sales in 2021 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 18.01.2022. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202201/t20220118_1826502.html (accessed: 15.08.2023).

National Real Estate Investment and Market Performance in 2011 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 17.01. 2012. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201201/t20120117_12778.html (accessed: 22.09.2023).

National Real Estate Investment and Market Performance: January-February 2016 // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2016. March 12. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201603/t20160312_1330121.html (accessed: 22.09.2023).

Statistical Bulletin of FDI in China 2023. Beijing: PRC Ministry of Commerce, 2023. 55 p. // Invest in China: [site]. URL: https://fdi.mofcom.gov.cn/resource/pdf/2024/03/14/564085296c88430c98e426696f3751e1.pdf (accessed: 14.03.2024).

Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2005 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2006. February 28. URL: https://www.stats.gov.cn/english/NewsEvents/200603/t20060302_25737.html (accessed: 10.10.2023).

Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2009 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2010. February 25. URL: https://www.stats.gov.cn/english/NewsEvents/201002/t20100226_26295.html (accessed: 10.01.2024).

Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2010 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2011. February 28. URL: https://www.stats.gov.cn/english/NewsEvents/201102/t20110228_26426.html / (accessed: 12.10.2023).

Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2011 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2012. February 22. URL: https://www.stats.gov.cn/english/NewsEvents/201202/t20120222_26575.html/ (accessed: 15.10.2023).

Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2012 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2014. February 24. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201402/t20140224_515103.html/ (accessed: 15.10.2023).

Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2013 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2013. February 22. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201302/t20130222_72261.html/ (accessed: 10.10.2023).

Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2017 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2018. February 28. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201802/t20180228_1585666.html (accessed: 10.03.2024).

Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2018 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2019. February 28. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201902/t20190228_1651335.html (accessed: 10.01.2024).

Statistical Communiqué of the People s Republic of China on the 2020 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2021. February 28. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202102/t20210228_1814177.html (accessed: 30.08.2024).

Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2021 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2022. February 28. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202202/t20220227_1827963.html (accessed: 10.02.2023).

Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2022 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2023. February 28. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202202/t20220227_1827963.html (accessed: 10.09.2024).

Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2023 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China: [site]. 2024. February 29. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202202/t20220227_1827963.html (accessed: 10.03.2024).

Statistical Communiqué on the Development of the Transportation Industry in 2020 // 中华人民共和国交通运输部 [zhōnghuá rénmín gònghéguó jiāotōng yùnshūbù]: [site]. 2021. May 19. URL: https://xxgk.mot.gov.cn/2020/jigou/zhghs/202105/t20210517 _3593412.html (accessed: 10.07.2024).

Statistical Communiqué on the Development of the Transportation Industry in 2023 // 中华人民共和国交通运输部 [zhōnghuá rénmín gònghéguó jiāotōng yùnshūbù]: [site]. 2024. June 18. URL: https://xxgk.mot.gov.cn/2020/jigou/zhghs/202406/t20240614_4142419.html (accessed: 10.07.2024).

Statistical Report on Credit Structure of Financial Institutions (2020) // The People's Bank of China: [site]. 2021. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688247/3688978/3709143/4185603/2021020214483547560.pdf (accessed: 05.08.2024).

2022 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment // 北京: 中国商务出版社 [běijīng: zhōngguó shāngwù chūbǎnshè], 2023. 158 p. URL: http://images.mofcom.gov.cn/fec/202310/20231030091915777.pdf (accessed: 12.04.2024).

Издания и рабочие документы международных организаций

Доклад о торговле и развитии за 2020 год. От глобальной пандемии к процветанию для всех. Не допустить еще одного потерянного десятилетия: Обзор. Женева: Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, 2020. 32 с. URL:

https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2020overview_ru.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

Доклад о торговле и развитии за 2022 год. Перспективы развития в мире разделительных линий: глобальный беспорядок и региональные ответы: Обзор. Женева: Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, 2023. 26 с. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2022_ u.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

Доклад о торговле и развитии. 2023 год. Рост, долг и климат: перестройка глобальной финансовой архитектуры: Обзор. Женева: Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, 2024. 27 с. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr 2023_ru.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

Advance EU Access to Financial Incentives for Innovation in China: Guide for EU Stakeholders on Chinese national STI funding programmes // European Union External Action: [site]. 2018. January. 129 p. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/1.pdf (accessed: 10.08.2023).

Asian Development Outlook 2012. Confronting Rising Inequality in Asia. Manila: Asian Development Bank, 2012. 272 p. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29704/ado2012.pdf (accessed: 17.02.2024).

Cerutti E., *Obstfeld M.* China's Bond Market and Global Financial Markets: IMF Working Paper WP/18/253. Washington D.C.: IMF, 2018. 16 p. URL: mf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/12/07/China-s-Bond-Market-and-Global-Financial-Markets-46252 (accessed: 20.01.2023).

China Economic Update. Beijing: World Bank Office, 2014. June. 31 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/7acf53bb-7f82-59fa-9bfd-d29ac90fbcda/content (accessed: 10.02.2024).

China Economic Update. Beijing: The World Bank Office, 2014. October. 28 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/7b7ff0fc-ddae-5bd3-bb5b-661f619d30ed/content (accessed: 17.01.2016).

China Economic Update. (s.l.): [The World Bank], 2015. June. 28 p. URL: https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/EAP/China/ceu_06_15_en.pdf (accessed: 14.03.2024).

China. Financial Sector Assessment: November 2011. [Washington D.C.]: The World Bank, 2011. 28 p. // World Bank Group: [site]. URL: https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/WB-Chinas-Financial-Sector-Assessment-Report.pdf (accessed: 14.04.2023).

China. Financial Sector Assessment: November 2017. Washington D.C.: IMF–World Bank, 2017. 53 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/361891512597572360/pdf/121926-revised-PUBLIC.pdf (accessed: 14.04.2023).

China Quarterly Update. Beijing: World Bank Office, 2005. August. 15 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/987591468024565549/pdf/344590ENGLISH0rev0CHA0update008105.pdf (accessed: 12.03.2023).

China Quarterly Update. Beijing: World Bank Office, 2006. August. 20 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/457361468024850214/pdf/377390CHA0cqu0810601PUBLIC1.pdf (accessed: 12.03.2023).

China Quarterly Update. Beijing: World Bank Office, 2008. February. 29 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/207321468023451662/pdf/427940WP0CHA0Q1Box0327331B01PUBLIC1.pdf (accessed: 23.01.2024).

China Quarterly Update. Beijing: World Bank Office, 2008. December. 22 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/378231468221672173/pdf/473910WP0P11191mber020080Box334131B.pdf (accessed: 23.01.2024).

China Quarterly Update. Beijing: World Bank Office, 2010. June. 22 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/126261468021847068/pdf/551310NEWS0Qua10Box349441B01PUBLIC1.pdf (accessed: 05.01.2011).

China Quarterly Update. Beijing: World Bank Office, 2010. November. 22 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/665921468018624661/pdf/576320Revised01PUBLIC10cqu1Nov12010.pdf (accessed: 05.01.2011).

China Quarterly Update. Beijing: World Bank Office, 2011. April. 21 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/211591468019748730/pdf/614000Replacem1Quarterly1April12011.pdf (accessed: 06.02.2024).

China's R&D Strategy // European Commission: [site]. 2020. 17 February. URL: https://knowledge4policy.ec.europa.eu/foresight/topic/expanding-influence-east-south/industry-science-innovation_en (accessed: 15.08.2023).

China: Synthesis Report, OECD Reviews of Innovation Policy. Paris: OECD, 2007. 68 p. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2007/08/oecd-reviews-of-innovation-policy-china_g1gh855b/9789264039643-en.pdf (accessed: 15.08.2023).

China Study Tour by New Delhi Office Transport Team. Washington D.C.: The World Bank, 2007. October // Scribd: [site]. URL: https://www.scribd.com/document/455427230/China-Study-Tour-Report-Rev3 (accessed: 15.08.2018).

China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative Society. Washington D.C.: The World Bank, 2013. 449 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/781101468239669951/pdf/China-2030-building-a-modern-harmonious-and-creative-society.pdf (accessed: 11.01.2022).

China's Innovation Ecosystem: White Paper. Geneva: / World Economic Forum, 2016. 22 p. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GAC_On_China_Innovation_WhitePaper_2016.pdf (accessed: 19.08.2023).

Emerging Issues in Finance Sector Inclusion, Deepening, and Development in the People's Republic of China. Manila: Asian Development Bank, 2014. 105 p. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/152488/emerging-issues-finance-sector-prc.pdf (accessed: 08.03.2023).

Financing Road Construction and Maintenance after the Fuel Tax Reform. Manila: Asian Development Bank, 2012. 73 p. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/30067/financing-road-construction-maintenance.pdf (accessed: 07.07.2024).

Fiscal Decentralization in the PRC: Observations and Suggestions, No. 2015-1. Manila: Asian Development Bank, 2015. 14 p. URL: https://www.adb.org/publications/fiscal-decentralizaton-prc (accessed: 25.07.2023).

Four Decades of Poverty Reduction in China. Drivers, Insights for the World, and the Way Ahead. Washington, D.C.: The World Bank, 2022. 70 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/e9a5bc3c-718d-57d8-9558-ce325407f737/content (accessed: 10.05.2024).

Huang W., Wilkes A. Analysis of China's Overseas Investment Policies: Working Paper. Bogor, Indonesia: Center for International Forestry Research, 2011. 32 p. URL: https://www.cifor-icraf.org/publications/pdf_files/WPapers/WP-79CIFOR.pdf (accessed: 11.01.2024).

Juzhong Zhuang, *Li Shi*. Understanding Recent Trends in Income Inequality in the People's Republic of China // Asian Development Bank Economics Working Paper Series. No. 489. July 2016. Manila: Asian Development Bank, 2016. 17 p. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/186143/ewp-489.pdf (accessed: 10.05.2024).

Launching of the National Green Development Fund // International Energy Agency: [site]. 2022. April 5. URL: https://www.iea.org/policies/12360-launching-of-the-national-green-development-fund (accessed: 18.01.2024).

Leaning Forward. COVID-19 and China's Reform Agenda: China Economic Update. July 2020. Washington D.C.: The World Bank, 2020. 68 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/860161596170690657/pdf/China-Economic-Update-Leaning-Forward-COVID-19-and-China-s-Reform-Agenda.pdf (accessed: 19.08.2024).

Liu S., *Suan Yong Foo*, *Xianguo* (*Jerry*) *Huang*. Financing Micro and Small Enterprises. China's Approach and Increasing Role of the Credit Guarantee System: Analytical Note, January 25, 2021. Singapore: ASEAN+3 Macroeconomic Research Office, 2021. 16 p. // AMRO: [site]. 2021. January 26. URL: https://www.amro-asia.org/wp-content/uploads/2021/01/Financing-Micro- and-Small-Enterprises-China.pdf (accessed: 20.08.2024).

Low Carbon Transition and Green & Sustainable Finance. Summary Note of Capacity Building and Knowledge Sharing Workshop: Summary Note No. 3, December 2023. Beijing: UNDP, 2023. 23 p. URL: https://www.undp.org/china/publications/summary-note-capacity-building-and-knowledge-sharing-workshop-low-carbon-transition-and-green-sustainable-finance (accessed: 10.01.2024).

Lu Gao. Achievements and Challenges. 30 Years of Housing Reforms in the People's Republic of China // Asian Development Bank Economics Working Paper Series. No. 198. April 2010. Manila: Asian Development Bank, 2010. 37 p. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28408/economics-wp198.pdf (accessed: 07.10.2023).

Makoto O. Private Sector Participation in the Road Sector in China // Transport and Communications Bulletin for Asia and the Pacific. 2003. No. 73. 25 p. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/bulletin73_ch1.pdf (accessed: 06.06.2024).

Managing Higher Uncertainty: China Economic Update. May 2019. (s.l.): [The World Bank], 2019. 21 p. URL: http://pubdocs.worldbank.org/en/392571559199605819/CEU-May-2019-EN.pdf (accessed: 25.07.2024).

Money Matters. Local Government Finance in the People's Republic of China. Manila: Asian Development Bank. 2014. 127 p. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/151515/money-matters-local-government-finance-peoples-republic-china.pdf (accessed: 10.07.2023).

Natural Resource Taxation in the PRC: Observations & Suggestions, No. 2011-1. Manila: Asian Development Bank, 2011. 14 p. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29914/os-natural-resource-taxation.pdf (accessed: 10.07.2023).

Navigating Uncertainty. China's Economy in 2023: China Economic Update. December 2022. Washington D.C.: The World Bank, 2022. 40 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099062002232318248/pdf/P1757970fbdcf3053096ae006cda0a3e01a.pdf (accessed: 12.03.2024).

People's Republic of China: Changchun-Harbin Expressway Project: Performance Evaluation Report. Manila: Asian Development Bank, 2006. 54, [2] p. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/evaluation-document/35114/files/30389-prc-pper.pdf (accessed: 07.07.2024).

People's Republic of China. 2017. Article IV Consultation – Press Release, Staff Report, and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China. Washington D.C.: International Monetary Fund, 2017. 92 p. URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2017/08/15/People-s-Republic-of-China-2017-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-45170 (accessed: 21.04.2023).

People's Republic of China. 2019. Article IV Consultation – Press Release, Staff Report, and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China. Washington D.C.: International Monetary Fund, 2019. 118 p. URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2019/08/08/Peoples-Republic-of-China-2019-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-Staff-48576 (accessed: 21.07.2024).

People's Republic of China. 2020. Article IV Consultation – Press Release, Staff Report, and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China. Washington D.C.: International Monetary Fund, 2020. 125 p. URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2021/01/06/Peoples-Republic-of-China-2020-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-49992 (accessed: 25.07.2024).

People's Republic of China. 2022. Article IV Consultation – Press Release, Staff Report, and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China. Washington D.C.: International Monetary Fund, 2023. 134 p. URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2023/02/02/Peoples-Republic-of-China-2022-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-529067 (accessed: 05.09.2024).

People's Republic of China. 2023. Article IV Consultation – Press Release, Staff Report, and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China. Washington D.C.: International Monetary Fund, 2024. 138 p. URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2024/02/01/People-s-Republic-of-China-2023-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-544379 (accessed: 12.09.2024).

People's Republic of China: Selected Issues. Washington D.C.: International Monetary Fund, 2024. 62 p. URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2024/08/29/Peoples-Republic-of-China-Selected-Issues-554232 (accessed: 12.11.2024).

Property Taxation in the People's Republic of China: Observations and Suggestions. No. 2014-1. Manila: Asian Development Bank, 2014. 14 p. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/42372/property-taxation-peoples-republic-china.pdf (accessed: 07.07.2023).

R&D Tax Incentives: China, 2021; Design of R&D Tax Relief Provisions // OECD: [site]. 2021. December. URL: https://www.oecd.org/sti/rd-tax-rd-tax-stats-china.pdf (accessed: 03.08.2022).

Rebalancing Act. From Recovery to High-Quality Growth: China Economic Update. December 2021. Washington D.C.: The World Bank, 2021. 65 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/f3520c5a-d96d-5a46-8988-a64b24758646/content (accessed: 15.09.2024).

Reforming China's Public Finances: Papers Presented at a Symposium Held in Shanghai, China, October 25-28, 1993. Washington D.C.: International Monetary Fund, 1995. 275 p.

Report on Sustainable Financing for Poverty Alleviation in China. Beijing: UNDP, 2016. 74 p. URL: https://www.undp.org/china/publications/sustainable-financing-poverty-alleviation-china (accessed: 10.05.2024).

State-Owned Enterprises in China. Reviewing the Evidence: Occasional Paper. Paris: OECD, 2009. URL: https://www.oecd.org/daf/ca/corporategovernanceofstate-ownedenterprises/42095493.pdf (accessed: 05.03.2023).

The Construction Sector in China (2015 Update): Sector Report // EU SME Centre: [site]. 2015. July 5. URL: https://www.eusmecentre.org.cn/publications/the-construction-sector-in-china-2015-update/ (accessed: 26.08.2023).

The Future of China's Bond Market / Ed. by A. Schipke, M. Rodlauer, Zhang Longmei. Washington D.C.: International Monetary Fund, 2019. 416 p. URL: https://www.imf.org/en/Publications/Books/Issues/2019/03/05/The-Future-of-China-s-Bond-Market-46144 (accessed: 06.05.2023).

The Global Human Capital Report 2017. Preparing People for the Future of Work. Geneva: World Economic Forum, 2017. 191 p. URL: https://www.weforum.org/publications/the-global-human-capital-report-2017/ (accessed: 04.11.2023).

The Reform of China's Rural Credit Unions: Policy Note. [Washington D.C.], The World Bank, 2009. June 12. 26 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/877201468019192020/pdf/ 703580PNT0p10800Policy0note0p108052.pdf (accessed: 10.11.2024).

Tobin D., *Volz U.* The Development and Transformation of the Financial System in the People's Republic of China // Asian Development Bank Institute Working Paper Series. No. 825, March 2018. Manila: Asian Development Bank Institute, 2018. 33 p. URL: https://www.adb.org/publications/development-and-transformation-prc-financial-system (accessed: 09.03.2023).

Toward Universal Financial Inclusion in China: Models, Challenges and Global Lessons. Washington D.C.: The World Bank, 2018. 86 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/3ab7018b-28ac-5435-ac36-b08c3059fe20/ content (accessed: 07.11.2024).

Trade and Development Report 2020. From Global Pandemic to Prosperity for All. Avoiding Another Lost Decade. Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2020. XII, 139 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2020_en.pdf (accessed: 18.07.2024).

Trade and Development Report 2023. Growth, Debt and Climate. Realigning the Global Financial Architecture. Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2024. XXXI, 174 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document /tdr2023_en.pdf (accessed: 18.07.2024).

Trade and Development Report Update. Global Trends and Prospects: April 2023. Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2023. IV, 37 p. URL: https://intosairussia.org/images/reports/TRADE_AND_DEVELOPMENT_REPORT_UPDAT_E.pdf (accessed: 18.07.2024).

Trade Policy Review: China. Geneva: WTO, 2018. 193 p. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/tpr_e/s375_e.pdf (accessed: 18.07.2024).

Understanding Residential Real Estate in China // IMF Working Paper, WP/15/84. Washington D.C.: International Monetary Fund, 2015. 24 p. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Understanding-Residential-Real-Estate-in-China-42873 (accessed: 12.10.2023).

Until Debt Do Us Part. Subnational Debt, Insolvency and Markets / Ed. by O. Canuto, Liu Lili. Washington D.C.: The World Bank, 2013. 616 p. URL: https://

openknowledge.worldbank.org/entities/publication/c0d0ee8c-4f83-5c36-89aa-305940cad68f/full (accessed: 15.08.2023).

Wei Jigang. China's Industrial Policy: Evolution and Experience. Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2020. 33 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/gdsinf2023d1_en.pdf (accessed: 13.01.2024).

Which Way Forward? Navigating China's Post-Pandemic Growth Path: China Economic Update. December 2023. Washington D.C.: World Bank Group, 2023. 57 p. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099558301102431321/pdf/IDU15f4627e615ee214d211b2e116f327def61a4.pdf (accessed: 23.09.2024).

World Economic Situation and Prospects 2021. New York: United Nations, 2021. XXIII, 172 p. URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP2021_FullReport.pdf (accessed: 10.08.2024).

World Investment Report 2024. Investment Facilitation and Digital Government. Country Fact Sheet — China. [Geneva]: United Nations Conference on Trade and Development, 2024. 2 p. URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/ wir_fs_cn.pdf (accessed: 10.08.2024).

World Investment Report 2024. Investment Facilitation and Digital Government. New York: United Nations, 2024. XVI, 164 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ wir2024_annex-1_en.pdf (accessed: 10.08.2024).

World Trade Report 2023. Re-Globalization for a Secure, Inclusive and Sustainable Future. Geneva: World Trade Organization, 2023. 130 p. DOI: 10.30875/9789287074102. URL: https://www.wto-ilibrary.org/content/books/9789287074102/read (accessed: 18.07.2024).

Xiaohong Yang, *Lee J.* People's Republic of China. Toll Roads Corporatization Strategy: Toward Better Governance. Manila: Asian Development Bank, 2008. 95 p. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28017/roads-corporatization.pdf (accessed: 21.06.2024).

Yiping Huang, *Xun Wang*, *Anqian Huang*. Promoting High-Quality Growth Through Financial Reform in the People's Republic of China // Asian Development Bank East Asia Working Papers Series. No. 43. December 2021. Manila: ADB, 2021. 32 p. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/760726/eawp-043-high-quality-growth-financial-reform-prc.pdf (accessed: 18.04.2023).

Yoon Je Cho. The Banking System of the People's Republic of China. Manila: Asian Development Bank, 2000. 64 p. // Asia Regional Integration Center: [site]. URL: https://aric.adb.org/pdf/aem/external/financial_market/Republic_of_China/china_bnk.pdf (accessed: 08.03.2023).

Zhigang Li. Infrastructure and Urbanization in the People's Republic of China // Asian Development Bank Institute Working Paper Series. No. 632, January 2017 Institute. Manila: Asian Development Bank Institute, 2017. 27 p. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/221431/adbi-wp632.pdf (accessed: 21.06.2024).

Корпоративные издания, материалы правительств зарубежных стран

Акопян А., *Ванг Сичже*. Управление активами в Китае М.: Кадерус Капитал, 2013. 22 с. // Caderus [сайт]. URL: https://caderus.com/assets/research/2013-10-Caderus-Capital-research-Chinese-Asset-Management-Industry-RU.pdf (дата обращения: 12.05.2023).

Венчурные инвестиции в КНР достигли исторического максимума // ED (Eurasia Development): [сайт]. 2022. 13 января. URL: https://chinahi.tech/perspectives/venchurnye_investicii_kitaya_2021 (дата обращения: 15.03.2023).

Вэй Шэн. Финансируемые китайским государством «большие фонды» управляют 60% капитала VC/PE Eurasia Development Corporate Group // ED (Eurasia Development): [сайт]. 2020. 10 июля. URL: https://chinahi.tech/perspectives/finansiruemye_gosudarstvom_fondy upravlyayut_vc_pe_capitalov (дата обращения: 15.03.2023).

Коныгин С., *Вахрамеев С.*, *Фомина И.* Макроэкономика: Китай — жилищный кризис как серьезный вызов экономике // Информационный бюллетень инвестиционного банка Синара. 2023. 12 октября. С. 1–3. СИНАРА [сайт]. URL: https://sinara-finance.ru/upload/iblock/d44/w6wc2vr9bcoe8rmu5szp156y6moiym6r/Sinara-Bank-_-China-Real-Estate_121023_RUS.pdf (дата обращения: 10.11.2023).

Новоселова Л. Все дороги ведут в… Пекин // Бизнес и выставки. 2018. № 5 (95). С. 16–20.

Новоселова Л. Жилье: китайский вариант // Бизнес и выставки. 2018. № 4 (94). С. 20–23.

Новоселова Л. Китай: благоденствие для всех // Бизнес и выставки. 2019. № 1 (97). С. 30–33.

Новоселова Л. Китай: возвращение на траекторию роста // Бизнес и выставки. 2021. № 1 (106). С. 28–31.

Новоселова Л. Китай: новое качество роста // Бизнес и выставки. 2017. № 1 (85). С. 26–29.

Новоселова Л. Китай: ремиссия продолжается // Бизнес и выставки. 2022. № 1 (108). С. 12–169.

Новоселова Л. «Новая нормальность» китайской экономики // Бизнес и выставки. 2018. № 1 (91). С. 24–26.

Обзор жилищного сектора Китая. [М.]: Агентство ипотечного жилищного кредитования, [2016?]. 10 с. // Readkong [сайт]. URL: https://ru.readkong.com/page/obzor-zhilixhnogo-sektora-kitaya-9263115 (дата обращения: 21.09.2023).

Правовое регулирование инвестиционной деятельности китайских предприятий за рубежом // China Window: [сайт]. URL: http://chinawindow.ru/china/legal-information-china/business-faq/china-company-investment/?ysclid=m6m385f2mn881865095 (дата обращения: 20.12.2023).

Berteletti E., *Thierry C.*, *Hui P.* China's Digital R&D Imperative // McKinsey&Company: [site]. 2021. August 16. 9 p. URL: https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/chinas-digital-r-and-d-imperative (accessed: 10.08.2023).

China: Annual Economic Report — November 2010 / Embassy of Switzerland in the PRC // SinOptic: [site]. 2010. December 1. 14, [8] p. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20101201_China_Annual.economic.report.pdf (accessed: 17.11.2024).

China: Biannual Economic Report — July 2011/ Embassy of Switzerland in the PRC // SinOptic: [site]. 2011. July 16. [27] p. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20110716_China_Annual.economic.report.pdf (accessed: 17.11.2024).

China: Biannual Economic Report — December 2011 / Embassy of Switzerland in the PRC // SinOptic: [site]. 2011. December 1. 10 p. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20111201_China_Annual.economic.report.pdf (accessed: 17.11.2024).

China Capital Markets: Be Prepared to Seize the Investment Opportunities: Investor Guide. [London]: HSBC Global Banking and Markets, 2019. 10 p. // Readkong: [site]. URL: https://www.readkong.com/page/china-capital-markets-be-prepared-to-seize-the-investment-7683896 (accessed: 15.05.2023).

China. Survey of Global Investment and Innovation Incentives: Information Current as of October 2020. P. 63–71 // Deloitte: [site]. 2020. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Tax/dttl-tax-survey-of-global-investment-and-innovation-incentives-china-2020.pdf?ysclid=l6j4m0u8n9885124610 (accessed: 10.06.2022).

China Economic Monitor. Q1 2019. Beijing: KPMG. February 2019. 46 p. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2019/02/china-economic-monitor-q1-2019.pdf (accessed: 10.07.2024).

China Economic Monitor. Q2 2019. Beijing: KPMG. August 2019. 51 p. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2019/05/china-economic-monitor-q2-2019.pdf (accessed: 14.11.2023).

China Economic Monitor. Q4 2019. Beijing: KPMG. December 2019. 54 p. URL: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2019/12/china-economic-monitor-q4-2019.pdf (accessed: 12.07.2024).

China Economic Monitor. Q1 2020. Beijing: KPMG. April 2020. 58 p. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2020/02/china-economic-monitor-q1-2020.pdf (accessed: 10.07.2024).

China Economic Monitor. Q2 2020. Beijing: KPMG. August 2020. 62 p. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2020/05/china-economic-monitor-q2-2020.pdf (accessed: 10.09.2024).

China Economic Monitor. Issue 2021 Q1. Beijing: KPMG. February 2021. 20 p. URL: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2021/02/china-economic-monitor-q1-2021.pdf (accessed: 10.09.2024).

China Economic Monitor. Issue: 2021 Q2. Beijing: KPMG. May 2021. 19 p. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2021/05/china-economic-monitor-q2-2021.pdf (accessed: 12.09.2024).

China: Fiscal and Tax Reform since the Third Plenum. Research and Analysis // GOV. UK: [site]. 2014. September 15. URL: https://www.gov.uk/government/publications/china-economy-fiscal-and-tax-reform-since-the-third-plenum/ (accessed: 10.05.2016).

China: Foreign Investment // Santander: [site]. URL: https://santandertrade.com/en/portal/establish-overseas/china/foreign-investment (accessed: 25.12.2023).

China. Investment Climate Statement 2015 // U. S. Department of State: [site]. 2015. May. 33 p. URL: https://2009-2017.state.gov/documents/organization/241728.pdf (accessed: 30.12.2023).

China Outlook 2015. Beijing: KPMG, 2015. 34 p. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2015/02/China-Outlook-2015-201501-v1.pdf (accessed: 29.02.2024).

China Outlook 2016. Beijing: KPMG, 2016. 58 p. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2016/03/china-outlook-2016.pdf (accessed: 07.03.2024).

China Outlook 2018. A New Era, a New Paradigm of Globalization. Beijing: KPMG, 2018. 93 p. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2018/04/china-outlook-2018.pdf (accessed: 09.03.2023).

China Private Equity and Venture Capital — Too Big to Ignore: Private Market Insights. New York: Mercer LLC, 2021. 47 p. URL: https://www.mercer.com/content/dam/mercer/attachments/global/gl-2021-6011825b-we-china-private-equity.pdf (accessed: 07.03.2024).

China Publishes Official Guidelines on Overseas Investments // Client Memorandum. Paul Weiss: [site]. 2017. August 24. 4 p. URL: https://www.paulweiss.com/practices/transactional/publications/china-publishes-official-guidelines-on-overseas-investments?id=24745 (accessed: 25.12.2023).

China 2015 Final Economic Report / Embassy of Switzerland in the PRC // SinOptic: [site]. 2015. December 18. 41 p. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20151218_China_Annual.economic.report.pdf (accessed: 20.03.2024).

China 2018 Outlook — Striving for a New Growth Model // Deutche Bank: [site]. 2017. December 12. URL: https://www.db.com/news/detail/20171212-china-2018-outlook-striving-for-a-new-growth-model?language_id=1 (accessed: 29.02.2024).

China 2019 Economic Report — June 2019 / Embassy of Switzerland in the PRC // SinOptic: [site]. 2019. June 28. [1], 20 p. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20190628_China_Annual.economic.report.pdf (accessed: 15.07.2024).

China's Bond Market: «What, and Why, and When…» // Abrdn: [site]. 2018. November 30. URL: https://www.abrdn.com/de-ch/institutional/insights-thinking-aloud/article-page/chinas-bond-market (accessed: 10.06.2023).

China's Capital Markets. The Changing Landscape. Hong Kong: KPMG, 2011. 36 p. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2011/08/China-Capital-Markets-FTSE-201106.pdf (accessed: 10.06.2023).

China's Green Finance — Key Recent Developments // Conventus Law: [site]. 2022. July 8. URL: https://conventuslaw.com/report/chinas-green-finance-key-recent-developments/ (accessed: 16.01.2024).

Economic Report: China — December 2012 / Embassy of Switzerland in Beijing // SinOptic: [site]. 2013. January 3. 10 p. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20130103_China_Annual.economic.report.pdf (accessed: 15.02.2024).

Economic Report: China — June 2013 / Embassy of Switzerland in Beijing // SinOptic: [site]. 2013. July 2. 43 p. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20130702_China_Annual.economic.report.pdf (accessed: 15.02.2024).

Economic Report: China — November 2014 / Embassy of Switzerland in Beijing // SinOptic: [site]. 2014. December 18. 21 p. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20141218_China_Annual.economic.report.pdf (accessed: 15.02.2024).

Economic Report 2023: China / Embassy of Switzerland in China // SinOptic: [site]. 2023. May 31. 16 p. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20230531_China.Annual.economic.report.pdf (accessed: 17.10.2024).

Economic Report 2024: China / Embassy of Switzerland in China // SinOptic: [site]. 2024. June 10. 16 p. URL: https://www.sinoptic.ch/embassy/textes/eco/20240610_China.Annual.economic.report.pdf (accessed: 17.10.2024).

Embrace the New Era with Ramped up Efforts in Quality Development. Chinese Banking Sector 2020 Review and 2021 Outlook. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/lu/Documents/financial-services/cn-fsi-chinese-banking-sector-2020-review-and-2021-outlook.pdf (accessed: 18.04.2023).

Emerging Sustainability Frameworks. Washington D.C.: Friends of the Earth, 2016. 53 p. URL: https://foe.org/wp-content/uploads/wpallimport/files/archive/emerging-sustainability-frameworks-CDB-ChinaExim.pdf (accessed: 05.01.2024).

Foreign Institutional Investment in China. Various Access Channels: January 2021. Hong Kong: ASIFMA, 2021. 18 p. URL: https://www.asifma.org/wp-content/uploads/2021/01/accessing-chinas-capital-markets-20-january-2021.pdf (accessed: 11.06.2023).

Holzmann A., *Grunberg N.* "Greening" China. An Analysis of Beijing's Sustainable Development Strategies // Mercator Institute for China Studies: [site]. China Monitor. 2021. January 7. URL: https://merics.org/sites/default/files/2021-03/MERICSChinaMonitor%20GreeningChina%20 (accessed: 05.01.2024).

Housing Provident Fund in China // Fair Labor Association. Issue Brief. Fair Labor: [site]. May 2015. 2 p. URL: http://www.fairlabor.org/sites/default/files/documents/reports/may-2015-housing-provident-fund-in-china.pdf (accessed: 06.10.2023).

Lardy N. The Changing Role of the Private Sector in China // Annual Conference. 2016. Conference Volume. 2016. P. 37–50. Reserve Bank of Australia: [site]. URL: https://www.rba.gov.au/publications/confs/2016/pdf/rba-conference-volume-2016-lardy.pdf (accessed: 07.03.2023).

Li C. China's Interest Rate Liberalization Reform // Asia Focus. 2014. May. [4 p.] URL: https://www.frbsf.org/wp-content/uploads/Asia-Focus-China-Interest-Rate-Liberalization.pdf (accessed: 21.03.2023).

Mainland China and Hong Kong IPO Markets. 2021 Review and 2022 Outlook. Hong Kong: KPMG, 2021. 20 p. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2021/12/china-hk-ipo-2021-review-and-outlook-for-2022.pdf (accessed: 10.04.2023).

Moving Intelligently Towards a Smarter Future. Mainland China Banking Survey 2021. Hong Kong: KPMG, 2022. 156 p. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2021/07/2021-mainland-china-banking-survey.pdf (accessed: 15.03.2023).

New China Negative List for Foreign Investment Modifies Sectoral Restrictions // China Tax Alert. 2017. June. Issue 21. [6 p.] URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2017/06/china-tax-alert-21.pdf (accessed: 12.11.2023).

Overview of China Outbound Investment of 2022. Outward Direct Investment Was Generally Stable Whilst Overseas M&As Continue to Decrease with Pick-Up in Some Regions and Sectors: 16 February 2023 // Ernst & Young China Overseas Investment Network. [s.l.], 2023. 33 p. URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_cn/topics/coin/ey-overview_of_china_outbound_investment_of_2022-bilingual.pdf (accessed: 14.04.2024).

Ping (*Evan*) *Zhan*, *James Yong Wang.* Venture Capital Investment in China: Market and Regulatory Overview // Han Kun: [site]. 2013. July 1. [24 p.] URL: https://www.hankunlaw.com/downloadfile/newsAndInsights/08d1d518df730a313b5ee0960b17ba5f.pdf (accessed: 07.02.2023).

PRC Financial Regulation 2021: Annual Report. [s.l.: s.n., 2021]. 79 p. URL: https://www.fangdalaw.com/wp-content/uploads/2021/02/PRC-Financial-Regulation-Annual-Report-2021.pdf (accessed: 20.04.2023).

Research on Green Finance Roadmap under Carbon Neutral Vision. Beijing: [s.n.], 2021. 202 p. URL: http://www.greenfinance.org.cn/upfile/file/20211204222634_82821_73556.pdf (accessed: 13.01.2024).

Survey of Global Investment and Innovation Incentives: China: Information Current as of October 2020 URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Tax/dttl-tax-survey-of-global-investment-and-innovation-incentives-china-2020.pdf?ysclid=l6j4m0u8n9885124610 (accessed: 10.06.2022).

Sutton M., *Taylor G*. Shadow Financing in China // Reserve Bank of Australia. Bulletin. 2020. December. P. 79–91. URL: https://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2020/dec/pdf/shadow-financing-in-china.pdfMaxwell (accessed: 24.04.2023).

Toll Roads in China. Speeding Up Growth // BRIC Spotlight Report. 2011. June. 11 p. URL: http://www.thomaswhite.com/explore-the-world/BRIC-spotlight/2010/china-toll-roads-expressways.aspx (accessed: 15.06.2019).

Trends and Spotlights of the Chinese Investment Landscape. Baker McKenzie: [site]. 2022. 11 p. URL: https://www.bakermckenzie.com/-/media/files/insight/publications/2022/02/fdi-china-report-2022-english.pdf?sc_lang=en&hash=054A2FD520CD9CB19224E661D8A777E8 (accessed: 01.04.2024).

2019 Investment Climate Statements: China // U. S. Department of State: [site]. 2019. URL: https://www.state.gov/reports/2019-investment-climate-statements/china/ (accessed: 30.12.2023).

2022 was a Mediocre Year for China's Banking Sector // The Bank of Finland Institute for Emerging Economies Weekly Review. 14/2023. BOFIT: [site]. 2023. April 6. URL: https://www.bofit.fi/en/monitoring/weekly/2023/vw202314_2/ (accessed: 12.11.2024).

2023 Investment Climate Statements: China // U. S. Department of State: [site]. 2023. URL: https://www.state.gov/reports/2023-investment-climate-statements/china/ (accessed: 30.12.2023).

2024 Investment Climate Statements: China // U. S. Department of State: [site]. 2024. URL: https://www.state.gov/reports/2024-investment-climate-statements/china (accessed: 30.12.2023).

WHT Deferral Incentive for Profit Reinvestment in China // China Tax Alert. Issue 35. December 2017. Assets.kpmg.com: [site]. URL: https://home.kpmg.com/cn/en/home/insights/2017/12/china-tax-alert-35.html (accessed: 10.11.2023).

Wilkins K., *Zurawsky A.* Infrastructure in China // Reserve Bank of Australia. Bulletin. 2024. June Quarter. P. 27–36. URL: https://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2014/jun/pdf/bu-0614-4.pdf (accessed: 05.07.2024).

Yu W., *Nickelsburg J.* U.S.–China Annual Economic Report 2019: Third Quarter Update. The Trade War Deepens. Los Angeles: Cathay Bank, 2019. 6 p. URL: https://www.anderson.ucla.edu/documents/areas/ctr/forecast/CathayBank/CathayBank_Q3Update_2019_v1.pdf (accessed: 09.07.2024).

Yu W., *Nickelsburg J.* U.S.–China Annual Economic Report 2020. The Pandemic and the Trade Agreement. Los Angeles: Cathay Bank, 2020. 11 p. URL: https://www.anderson.ucla.edu/documents/areas/ctr/forecast/CathayBank/CathayBank_AnnualReport_2020_v2.pdf (accessed: 09.07.2024).

Yu W., *Nickelsburg J.* U.S.–China Annual Economic Report 2021. Status Quo for U.S.–China Relations. Looking Ahead: The Economy Under the Biden Administration. Los Angeles: Cathay Bank, 2021. 11 p. URL: https://www.anderson.ucla.edu/documents/areas/ctr/forecast/CathayBank/CathayBank_AnnualReport_2021_v2.pdf (accessed: 09.07.2024).

Yu W., *Nickelsburg J.* U.S.–China Annual Economic Report 2022. Growth and Trade in Turbulent Times. Los Angeles: Cathay Bank, 2022. 13 p. URL: https://www.anderson.ucla.edu/

sites/default/files/document/2022-02/CathayBank_AnnualEconomicReport2022.pdf (accessed: 09.07.2024).

Zenglein M., *Gunter J.* The Party Knows Best. Aligning Economic Actors with China's Strategic Goals. Berlin: MERICS, 2023. 99 p. URL: https://merics.org/en/report/party-knows-best-aligning-economic-actors-chinas-strategic-goals (accessed: 09.07.2024).

Zhang L. People's Republic of China. [Washington D.C.]: The Law Library of Congress, 2014. P. 25-30.0 URL: https://loc.gov/storage-services/service/ll/llglrd/2014427598/2014427598.pdf (accessed: 14.06.2024).

Монографии, брошюры, сборники статей

Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая / ИДВ РАН. М.: Форум, 2009. 559 с.

Бони Л.Д. Китайская деревня на пути к рынку (1978–2002 гг.). М.: ИДВ РАН, 2005. 528 с.

Борох О.Н. Современная китайская экономическая мысль / ИДВ РАН. М.: Вост. лит., 1998. 293 с.

Вахрушин И.В. Фондовый рынок КНР. М.: ИДВ РАН, 2013. 333 с.

История десяти деревень: путь адресной помощи бедным / Под ред. Лю Вэй [и др.]; пер. с кит. Ф.М. Долгачева [и др.]. Чанша: Просвещение, пров. Хунань, 2021. 721 с.

Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России / Отв. ред. Л.В. Новоселова. М.: ИДВ РАН, 2008. 252 с.

Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. М.: ИДВ РАН, 2006. 316 с.

Кондрашова Л.И. Китай: к новой модели общественного развития / ИДВ РАН. М.: Форум, 2016. 334 с.

Манежев С.А. Иностранный капитал в экономике КНР / ИДВ АН СССР. М.: Наука, 1990. 271 с.

Международный опыт реструктуризации банковских систем. М.: Магистр Лтд, 1998. 179 с.

Муромцева З.А. Китайская Народная Республика: путь к индустриализации нового типа. М.: ИДВ РАН, 2009. 263 с.

Новоселова Л.В. Инвестиционная политика и экономическая реформа в КНР / ИДВ РАН. М.: Вост. лит. РАН, 1996. 309 с.

Новоселова Л.В. Инвестиционный фактор экономической реформы в КНР: Информационный бюллетень № 11. М.: ИДВ РАН, 1993. 217 с.

Новоселова Л.В. Капитальное строительство в процессе экономической реформы в КНР: Информационный бюллетень № 1. М.: ИДВ АН СССР, 1991. 83 с.

Орлик Т. Китай: пузырь, который никогда не лопнет? / Пер. с англ. Т.Ю. Адаменко. М. [и др.]: Директмедиа Паблишинг, 2022. 288 с.

Основные отрасли и сферы экономики современного Китая: В 2 книгах. Книга 1 / Отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2012. 446 с.

Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой / ИДВ РАН. М.: Форум, 2011. 351 с.

Сазонов С.Л. Транспорт КНР: место и роль в развитии национальной экономики. М.: ИДВ РАН, 2018. 343 с.

Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978–2002 гг.) / Отв. ред. Э.П. Пивоварова. М.: ИДВ РАН, 2004. 279 с.

Шевель И.Б. Реформа налоговой системы КНР: Информационный бюллетень № 4. М.: ИДВ РАН, 1993. 156 с.

Шепенко Р.А. Налоговое право Китая: взимание и ответственность. М.: Волтерс Клувер, 2005. 457 с.

Ahrens N. China's Industrial Policymaking Process. Washington D.C.: Center for Strategic and International Studies, 2013. 40, [IV] p. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/130124_Ahrens_ChinaPolicymaking_Web.pdf (accessed: 23.02.2023).

Analysis of China's Foreign Direct Investments. 2021. URL: https://ukdiss.com/examples/foreign-direct-investments-china.php?vref=1 (accessed: 12.04.2023).

Analysis of Current Venture Capital Market in China. 2019. URL: https://ukdiss.com/examples/market-china-foreign.php (accessed: 12.03.2023).

Challenges and Reforms in Urban Governance. Insights from the Development Experience of China and Singapore. Singapore: [s.n.], 2016. 300 p. URL: https://www.clc.gov.sg/research-publications/publications/books/view/challenges-and-reforms-in-urban- governance-insights-from-the-development-experience-of-china-and-singapore (accessed: 03.10.2023).

China's Housing Reform and Outcomes / Ed. by Joyce Yanyun Man. Cambridge, Massachusetts: Lincoln Institute, 2011. 261 p.

Chinese Innovation. China's Technology Future and What It Means for Silicon Valley. San Francisco: Bay Area Council Economic Institute, 2017. 54 p. URL: http://www.bayareaeconomy.org/files/pdf/ChineseInnovationNov2017Web.pdf (accessed: 12.08.2023).

Chinese Poverty Alleviation Studies: A Political Economy Perspective. Beijing: New China Research, 2021. 96 p. URL: http://www.xinhuanet.com/english/special/2021jpxbg.pdf (accessed: 12.05.2024).

Clashes and Balances — The Transition of the Economy and Society in Rural China. First Edition. Beijing: Foreign Languages Press, 2006. 172 p.

Elliott D. J., *Kai Yan*. The Chinese Financial System: An Introduction and Overview. Washington D.C.: Brookings Institution, 2013. 39 p. URL: https://pages.stern.nyu.edu/~jcarpen0/Chinaluncheon/chinese%20financial%20system%20elliott%20yan.pdf (accessed: 10.04.2023).

Huiyao Wang, *Lu Miao*. China Goes Global. How China's Overseas Investment is Transforming its Business Enterprises. Beijing, China; New York: Palgrave Macmillan, 2016. XVII, 340 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/319872058_China_Goes_Global_How_China's_Overseas_Investment_is_Transforming_its_Business_Enterprises. DOI: 10.1007/978-1-137-57813-6 (accessed: 20.04.2024).

Hung-Gay Fung, *Jau-Liang Jeng*, *Qingfeng "Wilson" Liu*. China's Real Estate Market Development [s.l., s.n.], 2009. 27 p. ResearchGate: [site]. URL: https://www.researchgate.net/publication/46509750_Development_of_China's_Real_Estate_Market (accessed: 07.10.2023).

Kewei Zhang. Finding Credit at the Bottom of the Pyramid: Chinese State Lending and Corporate Investment in Impoverished Areas. Working Paper. Boston: Department of Economics Boston University, 2021. 77 p. URL: https://f3cbf37b-1b5c-4db6-baa7-07d4e64ebd52.filesusr.com/ugd/76bc0e_515afb73dc4d4566834b749c1c2a7761.pdf (accessed: 25.05.2024).

Lin Lin, *Puchniak D.W.* Institutional Investors in China: Corporate Governance and Policy Channeling in the Market Within the State: Law Working Paper. No. 590/2021. [Brussels]:

European Corporate Governance Institute, 2021. 68 p. URL: https://www.ecgi.global/sites/default/files/working_papers/documents/ ssrnid3890620code16883672907.pdf (accessed: 13.07.2023).

Lin Shuanglin. China's Public Finance. Reforms, Challenges and Options. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2022. 450 p. DOI: 10.1017/9781009099028 (accessed: 10.04.2023).

Nedopil C., *Song Ziying.* China Green Finance Status and Trends 2022-23. Shanghai: Green Finance & Development Center [et al.], 2023. 47 p. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1710615804&tld=ru&lang=en&name=Nedopil-Song-2023_China-Green-Finance-Trends-and-Opportunities.pdf&text=green%20bonds%20in%20china&url (accessed: 08.01.2024).

Rui Mu. Public-Private Partnership and the Management of Expressways in China: An Agency Theory Approach: Master Dissertation. Delft University of Technology. [Delft]: TUDelft, 2008. URL: https://ru.scribd.com/document/234457323/Mu-R (accessed: 10.06.2018).

Shen Wei. China's Foreign Investment Law in the New Normal. Framing the Trajectory and Dynamics / With Contribution by Dr. Zhang Beibei. London [et al.]: Routledge, 2023. XVIII, 521 p. DOI: 10.4324/9781003130499 (accessed: 15.11.2023).

Shusong Ba. The New Cycle and New Finance in China / Transl. by Feng Yue, Yongzhong Qiu, Zhongwu Luo, Xiujuan Xie. Hong Kong, PRC: Xiamen University Press [et al.], 2022. XIX, 374 p. DOI: 10.1007/978-981-16-8209-4 (accessed: 20.11.2024).

The New Journey of China's Economic and Social Development / Ed. by Fuzhan Xie [et al.]; transl. by Yisheng Wu [et al.]. Beijing [et al.]: China Social Sciences Press [et al.], 2023. XIII, 757 p. DOI: 10.1007/978-981-19-7915-6 (accessed: 23.06.2023).

Huiyao Wang, *Lu Miao*. China Goes Global. How China's Overseas Investment is Transforming its Business Enterprises. Beijing, China; New York: Palgrave Macmillan, 2016. XVII, 340 p. DOI: 10.1007/978-1-137-57813-6. URL: https://www.researchgate.net/publication/319872058_China_Goes_Global_How_China's_Overseas_Investment_is_Transforming_its_Business_Enterprises (accessed: 20.04.2024).

Waters H.J. China's Economic Development Strategies for the 21st Century. Westport: Quorum Books, 1997. XVII, 212 p.

Zhiguo He, *Wei Wei*. China's Financial System and Economy: A Review // Working Paper. No. 2022-105. Chicago: BFI, University of Chicago, 2022. 48 p. URL: https://bfi.uchicago.edu/wp-content/uploads/2022/04/BFI_WP_2022-105.pdf (accessed: 21.06.2024).

Статьи

Андреев В.П. Интернационализация юаня: новые возможности // Деньги и кредит. 2012. № 5. С. 69–73.

Андреев В.П. Юань на пути к мировой валюте // Азия и Африка сегодня. 2012. № 10. С. 2–8.

Бажанов П. Новые правила выпуска облигаций местных правительств // CNLegal: [site]. 08/04/2015. URL: http://cnlegal.ru/uncategorized/china_local_government_bonds_issue/#more-4098

Беляков Г.П., *Беляков С.А.*, *Шпак А.С.* Опыт КНР по реформированию системы стратегического планирования и управления научно-технологическим развитием // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3. С. 1575–1585. DOI: 10.18334/eo.9.3.40857.

Бергер Я., *Михеев В.* Китай: социальные вызовы развитию // Общество и экономика. 2005. № 1. С. 96–136.

Бергер Я.М. Китайская модель: сущность и динамика // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко / Отв. ред. С.Г. Лузянин; ИДВ РАН. М.: Форум, 2014. С. 34–59.

Бергер Я.М. Становление Китая как глобальной инновационной державы // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 12–23.

Бергер Я.М., *Михеев В.В.* Фондовый рынок КНР // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 6. С. 65–74.

Бони Л. Ликвидация бедности в Китае. Ч. 1 // Азия и Африка сегодня. 2020. № 8. С. 4–12. DOI: 10.31857/S032150750010444-0.

Борох О.Н. «Новая нормальность» в экономической политике Си Цзиньпина // Китай на новом этапе экономической реформы / Отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов; ИДВ РАН. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 31–41.

Борох О., *Ломанов А.* Производительные силы и китайские отношения. Си Цзиньпин обновил стратегию реформ // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5(129). С. 120–141. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-5-120-141.

Борох О.Н. «Структурная реформа предложения» в Китае: экономический и политический контекст // Итоги 12-й пятилетки (2011–2015 годы) и перспективы развития экономики КНР до 2020 года / Отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 49–59.

Вахрушин И.В. Долговая нагрузка на экономику Китая как одна из ключевых проблем 13-й пятилетки // 13-я пятилетка (2016–2020 гг.) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан» / Отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 122–134.

Вахрушин И.В. Развитие фондового рынка КНР на новом этапе экономической реформы // Китай на новом этапе экономической реформы / Отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов; ИДВ РАН. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 218–226.

Вдовин А.Н. Банковский сектор Китая: цифровизация как катализатор развития и ответ на вызовы // Экономические отношения. 2022. Т. 12. № 4. С. 783–805. DOI: 10.18334/eo.12.4.116514.

Гао Лэй. О проблемах и перспективах перехода КНР к низкоуглеродной экономике // Российско-китайские исследования. 2022. Т. 6. № 3(18). С. 163–171. DOI: 10.17150/2587-7445.2022.6(3).

Епихина Р. Энергетический кризис в Китае // Российский совет по международным делам: [сайт]. 19 ноября 2021. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/energeticheskiy-krizis-v-kitae/ (дата обращения: 25.01.2024).

Иванов С.А. Научно-техническая политика Китая: приоритеты догоняющего развития и результаты // Известия Восточного института. 2018. № 2 (38). С. 6–23. DOI: dx.doi.org/10/24866/2542-1611/2018-2/6-23.

К 40-летию начала экономических реформ в Китайской Народной Республике // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 6. С. 4–41. DOI:10.31857/S013128120002800-1.

Катасонов В.Ю. Интернационализация юаня // Русская народная линия: [сайт]. 2014. 31 октября. URL: http://ruskline.ru/analitika/2014/10/31/internacionalizaciya_yuanya (дата обращения: 01.12.2023).

Катасонов В.Ю. Международная инвестиционная политика Китая: неожиданные повороты // Русское экономическое общество им. С.Ф. Шарапова: [сайт]. 2017. 1 февра-

ля. URL: https://reosh.ru/mezhdunarodnaya-investicionnaya-politika-kitaya-neozhidannye-povoroty.html (дата обращения: 21.11.2023).

Кондрашова Л.И. Региональный аспект бюджетной системы КНР // Вестник научной информации Института экономики РАН. 2008. № 2. С. 3–32.

Кузьмина З. Денежно-кредитная политика Китая: особенности, эффекты и конфликты // ЭКОНС: [сайт]. 2023. 18 декабря. URL: https://econs.online/articles/opinions/denezhno-kreditnaya-politika-kitaya-osobennosti-effekty-i-konflikty/?ysclid=m0d0ar6xwv110038256 (дата обращения: 12.09.2024).

Кучук О.В. Жилищная реформа и современное состояние рынка жилья в Китае // КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhilischnaya-reforma-i-sovremennoe-sostoyanie-rynka-zhilya-v-kitae (дата обращения: 01.10.2023).

Лапшин В.А., *Ван Цзян.* Обзор рынка облигаций Китайской Народной Республики // ЭКО. 2013. № 12. С. 162–174. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-rynka-obligatsiy-kitayskoy-narodnoy-respubliki/viewer (дата обращения: 15.05.2023).

Лексютина Я.В. Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93.

Ли Цин, *Лю Хэйлин*. Национальные институциональные инвесторы в КНР: современное состояние и перспективы // Уральское востоковедение. 2011. Вып. 4. С. 104–108. Электронный научный архив Уральского федерального университета: [сайт]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4905/2/uv4-2011-09.pdf (дата обращения: 30.05.2023).

Лин О.В. Банковский сектор и теневой банкинг в свете финансовой реформы в КНР // Китай на новом этапе экономической реформы / Отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов; ИДВ РАН. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 209–217.

Лин О.В. Роль Народного банка Китая в осуществлении денежно-кредитной политики КНР // 3-й Пленум ЦК КПК 18-го созыва: горизонты реформ. Ч. 2. Информационные материалы. Серия Ж: Социально-экономическое положение современного Китая. Вып. 5. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 21–29.

Мозиас П.М. Институциональные сдвиги на фондовом рынке Китая: Сводный реферат // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. 2014. № 2. С. 97–129. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2014-04-020-022-institutsionalnye-sdvigi-na-fondovom-rynke-kitaya-svodnyy-referat/viewer (дата обращения: 09.07.2023).

Мозиас П.М. Свободные экономические зоны в Китае: достижения и проблемы: Обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. 2020. № 1. С. 106–122. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svobodnye-ekonomicheskie-zony-v-kitae-dostizheniya-i-perspektivy-obzor/viewer (дата обращения: 02.12.2023).

Муромцева З.А. Реформирование государственных предприятий КНР во втором десятилетии XXI века // Итоги 12-й пятилетки (2011–2015 годы) и перспективы развития экономики КНР до 2020 года / Отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 188–196.

Муромцева З.А. «Современная система предприятий» КНР: преобразование финансового механизма // 13-я пятилетка (2016–2020 гг.) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан» / Отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 172–182.

Мэй Чуньцай. Опыт Китая в искоренении бедности // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 3. С. 19–25. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-3-19-25. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-kitaya-v-iskorenenii-bednosti/viewer (дата обращения: 20.05.2024).

Налогообложение имущества в Китае. Ускорение введения налога на имущество // Китай сегодня: [сайт]. 2021. 2 июня. URL: https://prc.today/nalogooblozhenie-imushhestva-v-kitae/?ysclid=ljyurf51md302131334 (дата обращения: 18.08.2023).

Новоселова Л. Банковская система КНР в XXI веке: десятилетие преобразований // Рос. эконом. журнал. 2012. № 2. С. 76–87.

Новоселова Л. Новейшие преобразования налогово-бюджетной системы КНР в интересах социально-экономического развития страны // Рос. эконом. журнал. 2016. № 1. С. 66–89.

Новоселова Л. Новейшие проблемы государственного регулирования инвестиционной сферы в КНР // Рос. эконом. журнал. 2007. № 11–12. С. 62–73.

Новоселова Л. О реализации инвестиционной составляющей стратегии экономического роста в КНР // Рос. эконом. журнал. 2006. № 4. С. 63–72.

Новоселова Л. Новый этап экономической реформы в КНР: финансовые аспекты // Рос. эконом. журнал. 2014. № 2. С. 58–69.

Новоселова Л. Политика привлечения иностранного капитала в Китае // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 2. С. 71–80.

Новоселова Л. Развитие иностранного предпринимательства в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 3. С. 93–105.

Новоселова Л. Реформирование налоговой системы КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 32–45.

Новоселова Л. Рынок капитала в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 5. С. 117–128.

Новоселова Л. Сможет ли Китай стать локомотивом глобального экономического роста? (По поводу достижений и проблем реализации антикризисной политики в КНР) // Рос. эконом. журнал. 2010. № 1. С. 66–78.

Новоселова Л. Фондовый рынок КНР в эпицентре экономических преобразований // Рос. эконом. журнал. 2007. № 1–2. С. 66–80.

Новоселова Л. Экономика КНР в условиях торговой войны // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 7684. DOI: 10.20542/0131 – 2227 – 2020 – 64 – 6 – 76 – 84.

Новоселова Л.В. Автомобильная сеть как важный фактор модернизации экономики КНР // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 839–842.

Новоселова Л.В. Актуальные аспекты антикризисной политики КНР // Экономика КНР: меры по преодолению влияния мирового финансового кризиса. М.: ИДВ РАН, 2010. С. 35–50.

Новоселова Л.В. Актуальные аспекты межбюджетных отношений на современном этапе экономических реформ в КНР // Китай на новом этапе экономической реформы /

Отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов; ИДВ РАН. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 42–50.

Новоселова Л.В. Антикризисная политика КНР: предварительные итоги // Азия и Африка сегодня. 2010. № 2. С. 9–14.

Новоселова Л.В. Возможности использования китайского опыта и капитала в решении жилищного вопроса в России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 453–457.

Новоселова Л.В. Государственная антивирусная политика: поучительная китайская практика // Рос. эконом. журнал. 2021. № 2. С. 77–90. DOI: 10.33983/0130-9757-2021-2-77-90.

Новоселова Л.В. Государственный менеджмент в инвестиционной сфере: опыт и проблемы Китая // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2008. № 1. С. 40–55.

Новоселова Л.В. Жилищный вопрос в Китае: проблемы и решения // Азия и Африка сегодня. 2019. № 1. С. 46–53. DOI: 10.31857/S032150750003343–9.

Новоселова Л.В. Инвестиционная политика // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017–2018 / ИДВ РАН. М.: Форум, 2018. С. 119–128.

Новоселова Л.В. Инвестиционная политика и экономический рост в КНР // Тезисы докладов на XXIII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 24–25 октября 2018 г. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 59–60.

Новоселова Л.В. Китай: второй год ремиссии // Китай в год проведения XX съезда КПК. Материалы ежегодной всероссийской научной конференции «Современное китайское государство». Москва, 16 и 18 марта 2022 года / Отв. ред. А.В. Виноградов, П.В. Трощинский. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 68–78. DOI: 10.48647/ICCA.2022.36.10.008.

Новоселова Л.В., *Терентьева Т.Г*. Китай на мировом рынке капитала // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 87–100.

Новоселова Л.В. Китайские дороги: путь в будущее // Рос. эконом. журнал. 2019. № 1. С. 58–74.

Новоселова Л.В. Китайский вариант решения финансовых проблем // Азия и Африка сегодня. 2015. № 9. С. 23–26.

Новоселова Л.В. КНР: инвестиции в преодоление кризиса (о концепции и направлениях реализации китайской антикризисной политики) // Рос. эконом. журнал. 2009. № 1–2. С. 61–73.

Новоселова Л.В. Новый экономический курс КНР: игра на опережение // Рос. эконом. журнал. 2018. № 2. С. 51–67.

Новоселова Л.В. Новые координаты развития китайской экономики // Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК / Отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 40–54.

Новоселова Л.В. Политика антикризисного регулирования в КНР // Влияние мирового финансового кризиса на экономику Китая. М.: ИДВ РАН, 2010. С. 52–66.

Новоселова Л.В. Посткризисная политика Китая в инвестиционной сфере // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации. К 100-летию Синьхайской революции. Доклады XIX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 19–21 октября 2011 г. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 119–130.

Новоселова Л.В. Привлечение иностранных инвестиций в китайскую экономику: новейшие законообеспеченные подходы // Рос. эконом. журнал. 2020. № 4. С. 88–102. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-4-88-102.

Новоселова Л.В. Роль инвестиционной политики в создании современного гармоничного общества в КНР // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко / ИДВ РАН. М.: Форум, 2014. С. 149–159.

Новоселова Л.В. Современные подходы в китайской политике привлечения иностранного капитала // Тезисы докладов на XXII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 12–13 октября 2016 г. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 40–46.

Новоселова Л.В. Современный Китай: смена экономической парадигмы // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 10. С. 24–33. DOI: 10.20542/0131 – 2227 – 2022 – 66 – 10 – 24 – 33.

Новоселова Л.В. Строительство жилья в КНР: потребности и реальность // 40 лет экономической реформы в КНР / Отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 22–33.

Новоселова Л.В. Финансовая реформа — ключевое звено 12-й пятилетки // Итоги 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) и перспективы развития экономики КНР до 2020 года / Отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 60–73.

Новоселова Л.В. Финансовая сфера КНР на новом этапе рыночных преобразований // 3-й Пленум ЦК КПК 18-го созыва: горизонты реформ. Ч. 2. Информационные материалы. Серия Ж: Социально-экономическое положение современного Китая. Вып. 5. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 5–20.

Новоселова Л.В. Формирование и развитие инновационной системы КНР // Рос. эконом. журнал. 2022. № 6. С. 47–63. DOI: 10.33983/0130 – 9757– 2022 – 6 – 47 – 63.

Основные особенности и итоги XVII съезда Компартии Китая (часть первая) // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1. С. 17–61.

Островский А.В., *Афонасьева А.В*., *Каменнов П.Б*. Перспективы развития науки, техники и инноваций в КНР // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 6–28.

Платные дороги Китая — тупик стоимостью $1 трлн. Ч. 2 // InfraNews: [сайт]. 2017. 11 января. URL: https://www.infranews.ru/novosti/vazhnoe/46933-platnye-dorogi-kitaya-tupik-stoimostyu-vvp-ssha-chast-2/ (дата обращения: 25.06.2024).

Рубцов Б.Е. Финансовый рынок КНР // Портфельный инвестор. 2008. № 10. URL: http://mirkin. ru/docs/finsistema_kitai.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

Рубцов Б.Е. Фондовый рынок КНР // Вестник НАУФОР. 2008. № 12; 2009. № 2. URL: http://mirkin. ru/docs/rubcov_kitai.pdf (дата обращения: 12.04.2023).

Савинский С. Процесс интернационализации валюты КНР: реалии и перспективы // Деньги и кредит. 2012. № 10. С. 12–16.

Савинский С. П., *Смахтин Д.А*. Иностранные банковские учреждения в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2. С. 101–114.

Савинский С.П. Регулирование трансграничных валютных операций в КНР // Китай в год проведения XX съезда КПК. Материалы ежегодной всероссийской научной конференции «Современное китайское государство», Москва, 16 и 18 марта 2022 года / Отв. ред. А.В. Виноградов, П.В. Трощинский. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 170–178. DOI:10.48647/ICCA.2022.68.34.017.

Сазонов С.Л. К вопросу о финансировании автодорожного строительства в Китае // Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016–2020). М.: ИДВ РАН, 2020. С. 128–140.

Се Пин. Четыре аспекта одной сессии. Названы главные направления развития КНР на этот год. Взят курс на построение среднезажиточного общества // Российская газета. 27.03.2015. № 64 (6635). Спецвыпуск «Дыхание Китая». Март 2015. № 2. С. 14–17.

Сербина Е.М. Некоторые аспекты деятельности «политических» банков КНР на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 111–124. DOI: 10.31857/S013128120018450-6.

Стаханова А. Взаимная вражда. США и Китай едва не обрушили мировую экономику. Кто остался в выигрыше? // Lenta.ru: [сайт]. 2019. 19 августа. URL: https://lenta.ru/articles/2019/08/19/china_vs_us/ (дата обращения: 23.07.2024).

Стрелков И.В. Валютная стратегия интернационализации китайского юаня // Вестник международного института экономики и права. 2021. № 1 (6). С. 20–26. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/valutnaya-strategiya-internatsionalizatsii-kitayskogo-yuanya (дата обращения: 19.12.2023).

Сунь Фаньси, *Александрова М.В.* Бедность в КНР: критерии и возможные причины возврата к бедности. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. DOI: 10.24412/2071-6435-2023-2-92-116. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-v-knr-kriterii-i-vozmozhnye-prichiny-vozvrata-k-bednosti/viewer (дата обращения: 10.05.2024).

Тянь Юань. Интернационализация юаня с точки зрения основных функций мировой резервной валюты // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2018. Vol. 8. Issue 7A. URL: https://www.publishing-vak.ru/file/archive-economy-2018-7/17-tyan-yuan.pdf (дата обращения: 09.12.2023).

У Бо. Фонд Шелкового Пути: основные направления и результаты деятельности // Экономика и бизнес: теория и практика. Вып. 5-2 (39). КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fond-shelkovogo-puti-osnovnye-napravleniya-i-rezultaty-deyatelnosti (дата обращения: 23.11.2023).

Хаожань Цинь. Борьба с бедностью в Китае: социальный и экономический опыт реформ в сельских районах // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 10. С. 71–76. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-bednostyu-v-kitae-sotsialnyy-i-ekonomicheskiy-opyt-reform-v-selskih-rayonah/viewer (дата обращения: 10.05.2024).

Хейфец Е.Е. Жилищные реформы и реновация жилого фонда в Китае: Опыт для России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 2 (209). С. 18–28. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhilischnye-reformy-i-renovatsiya-zhilogo-fonda-v-kitae-opyt-dlya-rossii?ysclid=lnrswwxe5w3661181 (дата обращения: 17.09.2023).

Цзян Цзюньцзин. Влияние китайско-американских экономических отношений на внешнюю политику КНР во время эпидемии COVID-19 // Китай в год проведения XX съезда КПК. Материалы ежегодной всероссийской научной конференции «Современное китайское государство», Москва, 16 и 18 марта 2022 года / Отв. ред. А.В. Виноградов, П.В. Трощинский. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 188–196. DOI: 10.48647/ICCA.2022.43.79.036.

Чжоу Е. Пути решения жилищных проблем в Китае // Экономическое возрождение России. 2010. № 1(23). С. 126–131. КиберЛенинка: [Научная электронная библиотека открытого доступа]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/puti-resheniya-zhilischnyh-problem-v-kitae/viewer (дата обращения: 07.09.2023).

Чубаров И. Проблемы и перспективы китайской урбанизации // Азия и Африка сегодня. 2017. № 7. С. 21–27.

Шаринов Д.О. О жилищной реформе в КНР (на примере Шанхая) // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5. С. 84–88.

Шарипов Ф.Ф., *Тимофеев О.А*. О реформировании предприятий государственного сектора экономики КНР // Китай в год проведения XX съезда КПК. Материалы ежегодной всероссийской научной конференции «Современное китайское государство», Москва, 16 и 18 марта 2022 года / Отв. ред. А.В. Виноградов, П.В. Трощинский. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 79–88. DOI:10.48647/ICCA.2022.85.64.009.

Шевель И.Б. Реформирование личного подоходного налога в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 51–59.

Abrami R.M., *Kirby W.C.*, *McFarlan F.W*. Why China Can't Innovate // Harvard Business Review: [site]. 2014. URL: https://hbr.org/2014/03/why-china-cant-innovate (accessed: 16.08.2023).

America's Plan to Vet investments into China // The Economist: [site]. 2023. June 22. URL: https://www.economist.com/business/2023/06/22/americas-plan-to-vet-investments-into-china (accessed: 20.05.2024).

As China Goes Global, Its Banks are Coming Out, Too: European Banks are Loosing Their Influence // The Economist: [site]. 2020. May 7. URL: https://www.economist.com/special-report/2020/05/07/as-china-goes-global-its-banks-are-coming-out-too (accessed: 14.04.2023).

Atkinson R.D., *Foote C*. To Understand Chinese Innovation Success, Look No Further Than Government R&D Subsidies // Information Technology and Innovation Foundation: [site]. 2019. October 23. URL: https://itif.org/publications/2019/10/23/understand-chinese-innovation-success-look-no-further-government-rd (accessed: 10.08.2023).

Baiping Chen, Fæste L., *Jacobsen R.* [et al.]. How China Can Achieve Carbon Neutrality by 2060 // Boston Consultancy Group: [site]. 2020. December 14. URL: https://www.bcg.com/publications/2020/how-china-can-achieve-carbon-neutrality-by-2060 (accessed: 30.01.2024).

Bluhm M. Biden's Hugely Consequential High-Tech Export Ban on China, Explained by an Expert // Vox [site]. 2022. November 5. URL: https://www.vox.com/world/2022/11/5/23440525/biden-administration-semiconductor-export-ban-china (accessed: 17.07.2024).

Boosting Consumption and Investment for a Stable and High-Quality Economy // The People's Bank of China: [site]. 2022. May 30. P. 1–6. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3935690/3935759/4596128/2022070610162770122.pdf (accessed: 19.08.2024).

Boullenois C. Poverty Alleviation in China: The Rise of State-Sponsored Corporate Paternalism // China Perspectives. 2020. No. 3. P. 47–56. DOI: https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.10456. Open Edition Journals: [site]. URL: https://journals.openedition.org/chinaperspectives/10456 (accessed: 14.05.2024).

Chanda N.S. China A-Shares: All Investors Need to Know // Asia Fund Managers: [site]. 2023. July 12. URL: https://asiafundmanagers.com/china-a-shares-special/ (accessed: 29.07.2023).

Chen Yulu. The New Development of Dual Circulation and Financial Reform and Opening-Up // The People's Bank of China: [site]. 2021. January 20. P. 1–9. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3935690/3935759/4190270/2021020915295369347.pdf (accessed: 12.08.2024).

Chi Lo. Explaining the Plunge in China's Foreign Direct Investment // Viewpoint: [site]. 2023. December 8. URL: https://viewpoint.bnpparibas-am.com/explaining-the-plunge-in-chinas-foreign-direct-investment/ (accessed: 03.10.2024).

China Faces Its Future of Urbanization // Stanford: [site]. 2017. May 1. URL: https://fsi.stanford.edu/news/china-faces-its-future-urbanization (accessed: 07.10.2023).

China Inc's New Inconspicuous Expansion: Chinese Companies are Adapting to a More Hostile Global Climate — and Thriving // The Economist: [site]. 2021. July 17. URL: https://www.economist.com/business/2021/07/17/china-incs-new-inconspicuous-expansion (accessed: 22.04.2024).

China is Improving Its Human Capital. Gradually // The Economist: [site]. 2022. July 2. URL: https://www.economist.com/china/2022/06/30/china-is-improving-its-human-capital-gradually (accessed: 12.03.2024).

China is Trying New Ways of Skimming Housing-Market Froth: The Party Wants People to Rent // The Economist: [site]. 2018. February 15. URL: https://www.economist.com/china/2018/02/15/china-is-trying-new-ways-of-skimming-housing-market-froth (accessed: 12.09.2024).

China's Industrial Policy: Roundtable Summary Report // Asia Society: [site]. 2022. January 1. P. 1–6. URL: https://asiasociety.org/sites/default/files/2023-01/ASPI_SCCEI_China%20Industrial%20Policy_%20Roundtable%20%20Summary%20Report_Final.pdf (accessed: 10.01.2024).

China Raises Pre-Tax Additional Deductions for R&D Expenses of Manufacturing Firms // China Briefing: [site]. 2021. April 15. URL: https://www.china-briefing.com/news/china-raises-pre-tax-additional-deductions-for-rd-expenses-of-manufacturing-firms/ (accessed: 04.07.2022).

China's Negative List for Foreign Investment Access (New Edition): English Version Available // China Briefing: [site]. 2021. December 28. URL: http://www.china-briefing.com/news/chinas-foreign-investment-negative-list-2021-edition-english-version/ (accessed: 12.11.2023).

China's 2022 Negative List for Market Access: Restrictions Cut, Financial Sector Opening // China Briefing: [site]. 2022. April 12. URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-2022-negative-list-for-market-access-restrictions-cut-financial-sector-opening/ (accessed: 17.02.2024).

Chipman K.A. China Launches Carbon Trading Market as Urgency to Cut Emissions Grows // China Briefing: [site]. 2021. July 26. URL: https://www.china-briefing.com/news/china-launches-carbon-trading-market-as-urgency-to-cut-emissions-grows/ (accessed: 21.01.2024).

Chong-En Bai, *Yingyi Qian*. Infrastructure Development in China: The Cases of Electricity, Highways and Railways // Journal of Comparative Economics. 2010. Vol. 38. Issue 1. P. 34–51. ScienceDirect: [site]. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S014759670900081X (accessed: 18.06.2024).

Chunlai Chen, *Findlay C.* China's Foreign Direct Investment Flows. The Role of Foreign Spending in China's Pandemic Rebound // Policy Forum: [site]. 2020. June 10. URL: https://www.policyforum.net/chinas-foreign-direct-investment-flows/(дата обращения: 21.05.2024).

Deng Yaqing. Good Omens. New Technologies and Business Models Provide Impetus for Economic Development // Beijing Review. 2018. No. 05. Beijing Review: [site]. 2018. January 28. URL: http://www.bjreview.com/Business/201801/20180126_80011564.html (accessed: 05.03.2024).

Devonshire-Ellis C., *Tillman H.* US 2023 Foreign Investment into China — Data Analysis on Deals, Values, M&A and Investments // China Briefing: [site]. 2023. December 4. URL: https://www.china-briefing.com/news/us-2023-foreign-investment-into-china-data-analysis-on-deals-values-ma-and-investments/ (accessed: 24.07.2024).

Diallo F. China's Anti-Poverty Efforts: Problems and Progress // Focus Asia. 2019. March. P. 1–4. Institute for Security & Development Policy: [site]. URL: https://isdp.eu/wp-content/uploads/2019/03/Chinas-Anti-Poverty-Efforts-FA-FINAL.pdf (accessed: 16.05.2024).

Do Rosario J., *Savage R.* China Development Loans to Emerging Economies Hit 13-year Low in 2021 — Study // Reuters: [site]. 2023. January 24. URL: https://www.reuters.com/markets/asia/china-development-loans-emerging-economies-hit-13-year-low-2021-study-2023-01-24/ (accessed: 15.10.2024).

Enhanced Supervision Rules for Outbound Investment // China Tax Weekly Update. 2018. Issue 5. Assets.kpmg.com: [site]. 2018. February. [7 p.]. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2018/02/china-tax-weekly-update-05.pdf (accessed: 27.12.2023).

Fan Gang, *Hope N.C.* The Role of State-Owned Enterprises in the Chinese Economy // US–China 2022: Economic Relations in the Next 10 Years. Chapter 16. // China–US Focus: [site]. 2013. P. 17. URL: https://www.chinausfocus.com/2022/wp-content/uploads/Part+02-Chapter+16.pdf (accessed: 12.02.2023).

Fukumoto T., *Muto I.* Rebalancing China's Economic Growth: Some Insights from Japan's Experience // China and World Economy. 2012. Vol. 20. No. 1. P. 62–82.

Fung Hung-Gay, *Yau Jot*. Chinese Offshore RMB Currency and Bond Markets: The Role of Hong Kong // China and World Economy. 2012. Vol. 20. No. 3. P. 107–122.

Gallagher K.S., *Qi Qi*. Chinese Overseas Investment Policy: Implications for Climate Change // Global Policy. 2021. Vol. 12. Issue 3. P. 260–272. DOI: 101111/1758-5899.12952. Wiley Online Library: [site]. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/1758-5899.12952 (accessed: 20.01.2024).

Ganguly R. China's Toolkit to Manage Monetary Policy: QuickTake Scorecard // Bloomberg: [site]. 2017. February 7. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-02-07/the-pboc-s-tools-to-manage-monetary-policy-quicktake-scorecard (accessed: 17.02.2023).

Guarino A. Banking Reform in China: Too Little, Too Late? // Global Risk Insights: [site]. 2017. July 10. URL: https://globalriskinsights.com/2017/07/banking-reform-china-little-late/ (accessed: 14.04.2023).

Guluzade A. The Role of China's State-Owned Companies Explained // World Economic Forum: [site]. 2019. May 7. URL: https://www.weforum.org/agenda/2019/05/why-chinas-state-owned-companies-still-have-a-key-role-to-play/ (accessed: 05.03.2023).

Guo Haifeng, *Fung Hung-Gay*. Growth Enterprise Board Initial Public Offerings: Characteristics, Volatility and the Initial Day Performance // China and World Economy. 2011. No 1. P. 106–121. DOI: 10.1111/j.1749-124X.2011.01229.x. ResearchGate: [site]. URL: https://www.researchgate.net/publication/227371733_Growth_Enterprise_Board_Initial_Public_Offerings_Characteristics_Volatility_and_the_Initial-day_Performance (accessed: 17.05.2023).

Han Seung-soo. Fintech — The First Financial Revolution // Central Banking: [site]. 2019. April 24. URL: https://www.centralbanking.com/central-banks/economics/4129866/fintech-the-first-financial-revolution (accessed: 16.02.2025).

Highlights of China's Economic Development in Past Decade // The PRC National Development and Reform Commission: [site]. 2022. May 31. URL: https://en.ndrc.gov.cn/netcoo/achievements/202205/t20220531_1326924.html (accessed: 07.11.2024).

Hofman B. China's Economy in 2023: How Far Will the Shift from Politics to Pragmatism Go? // Lee Kuan You School of Public Policy: [site]. 2023. January 30. URL: https://lkyspp.nus.edu.sg/gia/article/china-s-economy-in-2023-how-far-will-the-shift-from-politics-to-pragmatism-go (accessed: 17.09.2024).

How China Creates the Strongest Innovation System // BMI.Lab: [site]. 2017. December 6. URL: https://bmilab.com/blog/2017/11/29/how-china-creates-the-strongest-innovation-system (accessed: 14.08.2023).

How Participation in China's Poverty Alleviation Campaign Affected Firm Performance and Access to Credit // Stanford: [site]. Updated September 15, 2023. URL: https://sccei.fsi.stanford.edu/china-briefs/how-participation-chinas-poverty-alleviation-campaign-affected-firm-performance-and (accessed: 05.05.2024).

Hsu S. Evergrande Is a Symptom, Not Cause, of China's Debt Woes // The Diplomat: [site]. 2021. September 20. URL: https://thediplomat.com/2021/09/evergrande-is-a-symptom-not-cause-of-chinas-debt-woes/ (accessed: 12.10.2023).

Huld A. China 2022 FDI Roundup: Stronger Policies Aim to Maintain Growth Momentum // China Briefing: [site]. 2022. September 22. URL: https://www.china-briefing.com/news/foreign-investment-in-china-august-2022-round-up/ (accessed: 08.09.2024).

Huld A. China's Economy in 2023 — A Year of Growth and Recovery // China Briefing: [site]. 2023. December 18. URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas- economy-in-2023-growth-recovery/ (accessed: 12.08.2024).

Huld A. China's Pivot from Energy Consumption to Carbon Emissions Controls: Impact on Companies // China Briefing: [site]. 2023. October 5. URL: https://www.china-briefing.com/news/china-carbon-emissions-reduction-dual-control-explained (accessed: 10.01.2024).

Huld A. China's Stock Markets — An Introductory Guide for Foreign Investors // China Briefing: [site]. 2021. September 24. URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-stock-markets-an-introductory-guide-for-foreign-investors/ (accessed: 12.07.2023).

Huld A. China's Third Plenum — Key Takeaways for Foreign Investors // China Briefing: [site]. 2024. July 25. URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-third-plenum-key-takeaways-for-foreign-investors/ (accessed: 27.09.2024).

Interesse G. China Releases New Measures to Further Open-Up Its Free Trade Zones // China Briefing: [site]. 2023. July 6. URL: http://www.china-briefing.com/news/china-releases-new-measures-to-further-open-up-six-ftzs-ftps/ (accessed: 25.12.2023).

Introducing China's Banking Sector // Investor Insights Asia: [site]. 2023. October 12. URL: https://www.investorinsights.asia/post/introducing-china-s-banking-sector (accessed: 02.11.2024).

Investing in China's Free Trade Zones // China Briefing: [site]. 2017. September 21. URL: https://www.china-briefing.com/news/investing-in-chinas-free-trade-zones/ (accessed: 25.12.2023).

Is China a Global Leader in Research and Development? // China Power: [site]. 2018. January 31. Updated 2021. January 28. URL: https://chinapower.csis.org/china-research-and-development-rnd/ (accessed: 29.08.2023).

Is China's Housing Market in Trouble? // Peoples Dispatch: [site]. 2023. May 30. URL: https://peoplesdispatch.org/2023/05/30/is-chinas-housing-market-in-trouble/ (accessed: 10.10.2023).

Kennedy S. The Biggest But Not the Strongest: China's Place in the Fortune Global 500 // Csis.org: [site]. 2020. August 18. URL: https://www.csis.org/blogs (accessed: 05.03.2023).

Kuo M.A. CFIUS Scrutiny on Chinese Investment // The Diplomat: [site]. 2018. January 8. URL: https://thediplomat.com/2018/01/cfius-scrutiny-on-chinese-investment/ (accessed: 12.05.2024).

Lan Xinzhen. Larger Quotas // Beijing Review. 2013. № 11. Beijing Review.com.cn: [site]. 2013. March 14. URL: http://www.bjreview.com.cn/business/txt/2013-03/11/content_525906.htm (accessed: 26.01.2024).

Li Yanfei. Understanding China's Technological Rise // The Diplomat: [site]. 2018. August 3. URL: https://thediplomat.com/2018/08/understanding-chinas-technological-rise/ (accessed: 29.08.2023).

Lardy N.R. Are Foreign Companies Really Leaving China in Droves? // Petersen Institute for International Economics: [site]. 2019. September 10. URL: https://www.piie.com/blogs/china-economic-watch/are-foreign-companies-really-leaving-china-droves (accessed: 13.07.2024).

Lardy N.R. Foreign Direct Investment is Exiting China, New Data Show // Petersen Institute for International Economics: [site]. 2023. November 17. URL: https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/foreign-direct-investment-exiting-china-new-data-show (accessed: 07.09.2024).

Lardy N.R. Foreign Investments into China are Accelerating Despite Global Economic Tensions and Restriction // Petersen Institute for International Economics: [site]. 2021. July 22. URL: https://www.piie.com/blogs/china-economic-watch/foreign-investments-china-are-accelerating-despite-global-economic (accessed: 07.09.2024).

Lardy N.R. Household Consumption in China is Not as Low as Many Think // Petersen Institute for International Economics: [site]. 2024. April 9. URL: https://www.piie.com/research/piie-charts/2024/household-consumption-china-not-low-many-think (accessed: 07.09.2024).

Lardy N.R. Housing Turns the Corner in China, but Challenges Remain // Petersen Institute for International Economics: [site]. 2024. January 26. URL: https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/2024/housing-turns-corner-china-challenges-remain (accessed: 07.09.2024).

Lardy N.R., *Huang Tianlei*. China's Financial Opening Accelerates // Petersen Institute for International Economics: [site]. 2020. December. 11 p. URL: https://www.piie.com/publications/policy-briefs/chinas-financial-opening-accelerates (accessed: 12.07.2024).

Lardy N.R., *Huang Tianlei.* Despite the Rhetoric, US–China Financial Decoupling is Not Happening // Petersen Institute for International Economics: [site]. 2020. July 2. URL: https://www.piie.com/blogs/china-economic-watch/despite-rhetoric-us-china-financial-decoupling-not-happening (accessed: 12.07.2024).

Lardy N.R., *Huang Tianlei.* Is US–China Decoupling Heading in a Dangerous Direction? // East Asia Forum Quarterly. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 36–38. ANU Press: [site]. URL: https://press-files.anu.edu.au/downloads/press/n11104/pdf/book.pdf#page=36 (accessed: 12.07.2024).

Lerong Lu, *Jiujing Ye*. Beijing Stock Exchange: How China Reforms Share Listing and Trading Rules to Promote SME Finance? // Sites@Duke Express: [site]. 2022. March 8. URL:

https://sites.duke.edu/thefinregblog/2022/03/08/beijing-stock-exchange-how-china-reforms-share-listing-and-trading-rules-to-promote-sme-finance/ (accessed: 09.06.2023).

Lerong Lu. PRC Securities Law 2020: Promoting More Efficient and Transparent Capital Markets in China // Journal of International Banking and Financial Law. 2021. March. P. 237–239. ResearchGate: [site]. URL: https://www.researchgate.net/publication/350387119_PRC_Securities_Law_2020_Promoting_More_Efficient_and_Transparent_Capital_Markets_in_China_2021_36_Journal_of_International_Banking_and_Financial_Law_237-239 (accessed: 09.06.2023).

Li W. China's Shadow Banking in 2020–2022: An Empirical Study // Humanities & Social Sciences Communications: [site]. 2024. February 19. 14 p. URL: https://doi.org/10.1057/s41599-024-02733-y (accessed: 16.02.2025).

Liddle J. The NEEQ: A Stock Market for SMEs in China // China Briefing: [site]. 2017. January 8. URL: https://www.china-briefing.com/news/neeq-chinas-new-stock-market-smes/ (accessed: 09.06.2023).

Lin K.J., *Xiaoyan Lu*, *Junsheng Zhang*, *Ying Zheng*. State-Owned Enterprises in China: A Review of 40 Years of Research and Practice. DOI: https://doi.org/10.1016/j.cjar.2019.12.001. China Journal of Accounting Research. 2020. No. 13. P. 31–55 // ScienceDirect: [site]. 2020. February 15. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1755309119300437 (accessed: 05.03.2023).

Maizland L. China's Fight Against Climate Change and Environmental Degradation // Council on Foreign Relations: [site]. 2021. May 19. URL: www.cfr.org/backgrounder/china-climate-change-policies-environmental-degradation (accessed: 11.01.2024).

Makoto O. Private Sector Participation in the Road Sector in China // Transport and Communications Bulletin for Asia and the Pacific. 2003. No. 73. P. 1–25. Economic and Social Commission for Asia and the Pacific: [site]. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/bulletin73_ch1.pdf (accessed: 06.06.2024).

Minxin Pei. How China Responded to Its Economic Slowdown in 2023 // CLM China Leadership Monitor: [site]. 2023. Issue 78. November 30. URL: https://www.prcleader.org/post/how-china-responded-to-its-econimic-slowdown-in-2023 (accessed: 12.09.2024).

Modernity Awaits // Beijing Review. 2018. No. 8. Beijing Review: [site]. 2018. February 11. URL: http://www.bjreview.com/Business/201802/t20180211_800117685.html (accessed: 17.03.2024).

Moran T.H. Chinese Investment and CFIUS: Time for an Updated (and Revised) Perspective Policy // PIIE Policy Brief 15–17. 2015. September. Petersen Institute for International Economics: [site]. URL: https://www.piie.com/publications/policy-briefs/chinese-investment-and-cfius-time-updated-and-revised-perspective (accessed: 12.05.2024).

Mullen A. US–China Relations: Is There Still a Trade War under Joe Biden's Presidency? // South China Morning Post: [site]. 2023. May 23. URL: https://www.scmp.com/economy/global-economy/article/3134191/us-china-relations-there-still-trade-war-under-joe-bidens?module=inline&pgtype=article (accessed: 05.07.2024).

Pang Chaoran, *Zheng Nan*. China's Capital Market Reform and Opening-up Shows International Potential // China Focus: [site]. 2018. August 29. URL: http://www.cnfocus.com/chinas-capital-market-reform-and-opening-up-shows-international-potential/ (accessed: 12.05.2023).

Perkowski J. China's Debt. How Serious Is It? // Forbes : [site]. 2014. January 21. URL: http://www.forbes.com/sites/jackperkowski/2014/01/21/chinas-debt-how-serious-is-it/ (accessed: 12.04.2020).

Qian Zhou. China Further Expands the Encouraged Catalogue to Boost Foreign Investment // China Briefing: [site]. 2022. November 1. URL: https://www.china-briefing.com/news/china-2022-encouraged-catalogue-updated-implementation-from-january-1-2023/ (accessed: 25.11.2023).

Reflections on the Phase One Agreement // The China Business Review: [site]. 2022. January 20. URL: https://www.chinabusinessreview.com/reflections-on-the-phase-one-agreement/ (accessed: 27.07.2024).

Reinsch W.A., *Benson E.* Chipping Away at Global Semiconductor Supply Chains // East Asia Forum Quarterly. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 15–17. ANU-Press: [site]. URL: https://press-files.anu.edu.au/downloads/press/n11104/pdf/book.pdf (accessed: 19.07.2024).

Ruan Jianhong, *Liu Xi*. China Has Made Significant Progress in Stabilizing Leverage and Promoting Growth // People's Bank of China: [site]. Policy Research. 01.05.2021. URL: http://www.pbc.gov.cn/3935690/3935759/4514775/20220323195630806556.pdf (accessed: 23.09.2024).

Schüller M., *Yun Schüler-Zhou*. China's Economic Policy in the Time of the Global Financial Crisis: Which Way Out? // China Aktuell. Journal of Current Chinese Affairs. 2009. No. 3. P. 165–181. URL: https://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jcca/article/download/65/65-65-1-PB.pdf (accessed: 15.01.2024).

Shanshan Fu. Updates to China's 2023 Catalogue for Guiding Industry Restructuring // China Briefing: [site]. 2023. August 3. URL: https://www.china-briefing.com/news/updates-to-chinas-2023-catalogue-for-guiding-industry-restructuring/ (accessed: 15.01.2024).

Sheng S. How Market Reforms Will Boost Appeal Of Chinese Stocks and Bonds For Foreign Investors // South China Morning Post: [site]. 2021. November 12. URL: https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3155702/how-market-reforms-will-boost-appeal-chinese-stocks-and-bonds (date of request: 15.07.2023).

Shrivastava R., *Lee J.H.*, *Mussalli G.D.* Factor Investing in the China A-Share Market: Revelations from a Contextual Alpha Model // CAIA Association: [site]. 2019. Quarter 3. P. 37–45. URL: https://caia.org/sites/default/files/factor_investing_in_the _china_a-share_ market.pdf (accessed: 07.07.2023).

Sicular T. Will China Eliminate Poverty in 2020? // CLM China Leadership Monitor: [site]. 2020. Issue 66. December 1. URL: https://www.prcleader.org/post/will-china-eliminate-poverty-in-2020 (accessed: 12.05.2024).

Structural Monetary Policy Instruments Delivering Relief to Businesses and Boosting the Real Economy Through Targeted Efforts // People's Bank of China: [site]. Policy Research. 09.05.2022. P. 1–5. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3935690/3935759/4565584202205281137219 4389.pdf (accessed: 21.01.2024).

The Rise of China's VC-Industrial Complex. The State is Reshaping One of the World's Biggest Startup Scenes — Not Necessarily for the Better / The Economist Group // The Economist: [site]. 2022. June 27. URL: https://www.economist.com/business/2022/06/27/the-rise-of-chinas-vc-industrial-complex (accessed: 15.02.2023).

Tongwei Qiu, *Xinjie Shi*, *Yifei Li*, *Biliang Luo*. Economic Performance of Fiscal anti-Poverty Funds in China // The Journal of Development Studies. 2024. Vol. 60. Issue 6. P. 895–913. DOI: 10.1080/00220388.2023.2284662. URL: https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/00220388.2023.2284662 (accessed: 15.05.2024).

Tsoi E. Institutional Investors in Mainland China // Eurekahedge: [site]. 2004. March. URL: https://www.eurekahedge.com/NewsAndEvents/News/1058/ Institutional-Investors-in-Mainland-China (accessed: 12.07.2023).

US–China Relations in the Biden Era: A Timeline // China Briefing: [site]. 2024. July 30. URL: https://www.china-briefing.com/news/us-china-relations-in-the-biden-era-a-timeline/ (accessed: 07.07.2024).

Van Ostende R. Insights Into China's Industrial Policy Via The "Catalogue For Industry Restructuring" // Monarch Executive Institute: [site]. 2020. February 24. URL: https://umonarch-mei.ch/insights-into-chinas-industrial-policy-via-the-catalogue-for-industry-restructuring/china/ (accessed: 20.01.2024).

Wang Guogang. China's Monetary Policy Instruments (2001–2010): Paradox, Analysis and Suggestions // China Economist. 2012. Vol. 7. No. 5. URL: http://www.chinaeconomist.com/index.php/2016/07/21/chinas-monetary-policy-instruments-2001-2010-paradox-analysis-and-suggestions/ (accessed: 25.02.2023).

Wang Jun. Local Governments Out of Pocket? // Beijing Review. 2014. № 32. Beijing Review.com.cn: [site]. URL: http://www.bjreview.com.cn/quotes/txt/2014-12/17/content_633504.htm (accessed: 30.07.2023).

Wang Jun. Spotlight on the Yuan // Beijing Review. 2015. № 43. Beijing Review: [site]. 2015. October 19. URL: http://www.bjreview.com/Business/201510/t20151019_800040545.html (accessed: 17.12.2023).

Where is China's Poverty Financing from, and How It Works? // China Global Television Network: [site]. 2020. August 14. URL: https://news.cgtn.com/news/2020-08-14/Where-is-China-s-poverty-financing-from-and-how-it-works--SXaxalpxhm/index.html (accessed: 12.05.2024).

Xie N.Q., *He J*. China — Guiding Opinions On Asset Management Business — Key Provisions And Observations // Conventus Law: [site]. 2028. May 11. URL: https://conventuslaw.com/report/china-guiding-opinions-on-asset- management/ (accessed: 15.02.2025).

Xingyuan Feng, *Guangwen He*, *Ljungwall C.* Rural Financial Reform in China: Progress Made and the Path Forward // The Copenhagen Journal of Asian Studies. 2013. Vol. 31. Issue 1. P. 62–80. DOI: 10.22439/cjas.v31i1.4323. CBS Open Journals: [site]. URL: https://rauli.cbs.dk/index.php/cjas/article/view/4323/4752 (accessed: 02.11.2024).

Xu Dawei. China's Anti-Poverty Methodology // Teller Report: [site]. 2020. October 11. URL: https://www.tellerreport.com/news/2020-10-11-china-s-anti-poverty-methodology.SJSFt6CyDD.html (accessed: 17.05.2024).

Yan Liang. China's Banking Sector Faces Multiple Challenges After COVID-19 // The Diplomat: [site]. 2020. July 11. URL: https://thediplomat.com/2020/07/chinas-banking-sector-faces-multiple-challenges-after-covid-19/ (accessed: 02.11.2024).

Yi Gang. China's Interest Rate System and Market-Based Interest Rate Reform // Journal of Financial Research. 2021. No. 495 (9). P. 1–11. The People's Bank of China: [site]. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4364384/2021102014082914468.pdf (accessed: 07.04. 2023).

Yi Gang. Revisit China's Financial Asset Structure and Its Policy Implications // The People's Bank of China: [site]. Policy Research. 2020. December 11. P. 1–40. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3935690/3935759/4142444/2020121115320657194.pdf (accessed: 10.11. 2023).

Yi Wu. China's Outbound Investment: Recent Developments, Opportunities and Challenges // China Briefing: [site]. 2023. November 13. URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-outbound-investment-odi-recent-developments-opportunities-and-challenges/ (accessed: 14.04.2024).

Yin Jianfeng, *Wang Jiangjiang*. NIFD Quarterly Report. Fiscal Tightening and Debt Reduction Accelerated – 2023 Q3 Local and Regional Fiscal // National Institution for Finance and Development: [site]. 2023. November 11. URL: http://www.nifd.cn/SeriesReport/Details/4036 (accessed: 01.09.2024).

Yiping Huang, *Tingting Ge* Assessing China's Financial Reform: Changing Roles of the Repressive Financial Policies // Cato Journal. 2019. Vol. 39. No. 1. P. 65–85. Cato Institute: [site]. URL: https://www.cato.org/cato-journal/winter-2019/assessing-chinas-financial-reform-changing-roles-repressive-financial# (accessed: 14.03.2023).

Yuan Yuan. The Tale of a Bank // Beijing Review. 2016. No. 4. Beijing Review: [site]. 2016. January 28. URL: http://www.bjreview.com/Business/201601/t20160122_800047488.html (accessed: 04.01.2024).

Yuk-shing Cheng. China's Reform of Rural Credit Cooperatives: Progress and Limitations // The Chinese Economy. 2006. Vol. 39. Issue 4. P. 25–40. DOI 10.2753/CES1097-1475390402. ResearchGate: [site]. URL: https://www.researchgate.net/publication/5170829_China's_Reform_of_Rural_Credit_Cooperatives_Progress_and_Limitations (accessed: 20.11.2024).

Zhang Xiaojing. China's Leverage Ratio Likely to Increase in 2020 // National Institution for Finance and Development: [site]. 2020. April 1. URL: http://www.nifd.cn /Report/Details/1780 (accessed: 21.09.2024).

Zhang Xiaojing, *Liu Lei.* [NIFD Quarterly Report] Balance Sheet Recession or Balance Sheet Repair? — Macro Leverage Ratio in Q2 2023 Series Report 0657 // National Institution for Finance and Development: [site]. July 25, 2023 URL: http://www.nifd.cn/SeriesReport/Details/3903 (accessed: 15.09.2024).

Zhang Zoey. China's 2019 Catalogue for Guiding Industry Restructuring // China Briefing: [site]. 2019. November 26. URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-2019-catalogue-guiding-industry-restructuring/ (accessed: 15.01.2024).

Zhou Zhihua. China is Once Again at the Crossroads of Housing Development // IPP Review.com: [site]. 2017. September 6. URL: https://ippreview.com/index.php/Blog/single/id/544.htm (accessed: 10.10.2023).

Zhou Zhihua. China's Latest Housing Boom: A Resurrection of the Old Development Model? // IPP Review.com: [site]. 2016. March 29. URL: http://ippreview.com/index.php/blog/single/id/84.html (accessed: 10.10.2023).

Zinser S. The Global Reach of China's Venture Capital // The Diplomat: [site]. 2021. January 21. URL: https://thediplomat.com/2021/01/the-global-reach-of-chinas-venture-capital/ (accessed: 12.03.2023).

Периодические издания, интернет-сайты

Жэньминь жибао онлайн, http://russian.people.com.cn/

Синьхуа Новости, https://russian.news.cn/

Beijing Review, https://www.bjreview.com
China Banking News, https://www.chinabankingnews.com
China Briefing, https://www.china-briefing.com
China Daily, http://global.chinadaily.com.cn
China Daily, https://caijing.chinadaily.com.cn
China Daily.com.cn, http://www.chinadaily.com.cn/
China Economic Review. Hong Kong. 2010.
China Leadership Monitor (CLM), https://www.prcleader.org
China Securities Regulatory Commission, http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/
China.org.cn, https:|//www.china.org.cn
Global Times, https://www.globaltimes.cn
CNBC, https://www.cnbc.com.
CNLegal, http://cnlegal.ru
Forbes, http://www.forbes.com.
Ministry of Commerce. People's Republic of China, http://english.mofcom.gov.cn/
Ministry of Ecology and Environment of the People's Republic of China, https://english.mee.gov.cn/
Ministry of Finance of the People's Republic of China, http://www.mof.gov.cn/en/
Ministry of Transport of the People's Republic of China, https://xxgk.mot.gov.cn/
National Bureau of Statistics of China (NBS), https://www.stats.gov.cn/english/
National Data, https://data.stats.gov.cn/english/
National Development and Reform Commission (NDRC), https://en.ndrc.gov.cn/
National Financial Regulatory Administration, https://www.cbirc.gov.cn/en/
National Institution for Finance and Development (NIFD), http://www.nifd.cn/
Pavel.Bazhanov.pro, http://pavel.bazhanov.pro.
Postal Savings Bank of China, https://www.psbc.com/en/
Shanghai Ranking, https://www.shanghairanking.com.
Shanghai Stock Exchange, https://english.sse.com.cn/
South China Morning Post, https://www.scmp.com
State Taxation Administration of the People's Republic of China, http://chinatax.gov.cn/
The Diplomat, https://thediplomat.com/
The Economist, https://www.economist.com/
The New York Times, https/www.nytimes.com.
The People' Bank of China, http://www.pbc.gov.cn
The State Council of the People's Republic of China, http://www.gov.cn/
The State Council Information Office. The People's Republic of China, http://english.scio.gov.cn/index.htm

Основные использованные аббревиатуры

АБИИ – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций
БРК – Банк развития Китая
ВИЭ – возобновляемые источники энергии
ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения
ВРЭП – Всестороннее региональное экономическое партнерство
ВТО – Всемирная торговая организация
ГКО – государственные казначейские облигации (обязательства)
ГКРР – Государственный комитет по делам развития и реформы
ГНУ – Государственное налоговое управление
ГСУ – Государственное статистическое управление
ГУВК – Государственное управление валютного контроля
ГУФР – Государственное управление по финансовому регулированию
ГЧП – государственно-частное партнерство
ЗТЭС – зоны торгово-экономического сотрудничества
КАФР – Китайско-африканский фонд развития
КИИ – квалифицированные иностранные инвесторы
КИИИ – квалифицированные иностранные институциональные инвесторы
КИИИЮ – квалифицированные иностранные институциональные инвесторы в юанях
ККУГИ – Комитет по контролю и управлению государственным имуществом
ККЦБ – Комитет по контролю за ценными бумагами
КРБД – Комитет по регулированию банковской деятельности
КРБДС – Комитет по регулированию банковской деятельности и страхования
МНТ – Министерство науки и технологий
МСП – малые и средние предприятия
МФО – международные финансовые организации
НАИИФР – Национальная ассоциация институциональных инвесторов финансового рынка
НБК – Народный банк Китая
НТИ – наука, технологии, инновации
НФСО – Национальный фонд социального обеспечения
НФЕН – Национальный фонд естественных наук
НЭТС – новые энергетические транспортные средства
ПВКБ – поселково-волостные коммерческие банки
ПИИ – прямые иностранные инвестиции
ПСБК – Почтово-сберегательный банк Китая
ПФБ – Пекинская фондовая биржа
СКК – сельские кредитные кооперативы
ФЖН – фонды жилищных накоплений
ФСТИ – Фонд содействия технологическим инновациям
ФШП – Фонд Шелкового пути
ШФБ – Шанхайская фондовая биржа
ШЧФБ – Шэньчжэньская фондовая биржа

CIPS – China International Payment System (англ.), межбанковская платежная система Китая
LPR – loan prime rate (англ.), премиальная кредитная ставка
M&A – mergers and acquisitions (англ.), сделки слияния и поглощения
NDC – nationally determined contribution (англ.), вклад страны-участницы в выполнение задач Парижского соглашения по климату
NEEQ – National Equities Exchange and Quotations (англ.), национальный рынок внебиржевой торговли ценными бумагами
WMP – wealth management products (англ.), продукты управления капиталом

Предметный указатель

Автодорожное строительство 366, 368–373, 377, 378, 380
Автодорожные корпорации 370–372, 374, 380, 382
Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) 286, 287
Азиатский банк развития 93, 99, 139, 186, 243, 367, 373
Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. 9, 16, 107, 137, 230, 279
Академия наук Китая 198, 203, 204
Активы:
  банковские 61, 62, 71, 79, 81, 84–87, 89, 90, 95, 96, 537
  внебалансовые 96, 346
  государственных компаний 43, 44
  зарубежные 457, 459
  иностранные 71
  интегрированные 547
  нематериальные 211
  финансовые 98, 253, 302
  чистые 137
Акции:
  государства 19, 114
  юридических лиц 19, 114
  рыночные 19, 114
  типа «A» 115, 116, 127, 133, 134, 137, 140, 339
  типа «B» 115, 117, 118, 127, 137
  типа «H» 115, 118, 137
  типа «N» 116, 118
  «красные фишки» 116, 118
  «P-фишки» 116, 118
  G-акции 133–135
  торгуемые и неторгуемые 114, 132, 133
  free float 133, 135
Акционирование предприятий 19, 42–44, 65, 106, 351, 496, 547
Антимонопольное законодательство 271, 272

Базельский комитет по банковскому надзору 87
Банк Китая 59, 64–66, 83, 84, 93, 231, 312, 531
Банк коммуникаций 59, 65, 81, 531
Банк международных расчетов 95, 291, 297, 348
Банк развития Китая 59, 76, 80, 91, 110, 249, 284–286, 353, 373, 399, 421, 455
Банк развития сельского хозяйства Китая 59, 110, 398, 399
Банки:
  акционерные коммерческие 60, 70, 80–82, 84, 87, 373
  городские коммерческие 60, 82, 84, 87
  государственные акционерные 27, 59, 60, 62–64, 70, 80–84, 87, 90, 91, 239, 313, 318
  деревенские 70, 81, 82, 86, 399, 400
  малые и средние 79, 83, 86, 89
  политические 60, 79, 80, 82, 83, 91, 284, 347, 353, 373, 526, 528
  с иностранным капиталом 60, 70–72, 82–84, 86
  сельские коммерческие 60, 68, 70, 80–82, 86, 398
  частные 82, 83
Банки «Большой четверки» *см.* Банки государственные акционерные
Безнадежные долги *см.* «Плохие долги»
Биржевая торговля валютными парами 295–297
Биржевые специализированные платформы:
  ChiNext 49, 141, 142, 144, 218
  STAR Market 142, 144, 218, 482
«Большой фонд» *см.* Государственный инвестиционный фонд индустрии интегральных микросхем
БРИКС 87, 360
Бюджетные доходы 154–156, 181, 183, 315, 508, 516, 521
Бюджетные субсидии *см.* Государственные субсидии
Бюджетные трансферты 153, 183, 184, 187, 366, 373, 395, 501, 510, 523
Бюджетный дефицит 150, 183, 336, 343, 349, 485, 502, 507, 508, 519, 521, 524, 526, 548

Валовое капиталообразование 340, 356, 357, 485, 526, 532, 533
Валютные риски *см.* Финансовые риски
Валютные свопы 293–296
Векселя центрального банка (НБК) 27, 69, 298, 299

Внутренний долг *см.* Государственный долг
Возвратная бедность 392, 409
Всекитайский фонд финансовой поддержки государственно-частного партнерства 321
Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) 427, 500
Всемирная торговая организация (ВТО) 14, 62, 70, 71, 77, 137, 174, 214, 217, 261, 266, 274, 278, 279, 311, 432, 437, 453, 472, 490, 495, 529, 545
Всемирный банк 91, 244, 275, 367, 373, 391, 402, 434, 532, 549
Всемирный экономический форум 87, 433
Выбросы парниковых газов (углерода, CO_2) *см.* Деградация окружающей среды

Гербовый сбор 161, 162, 164, 240
«Города-призраки» 245
«Горячие деньги» 325
Госпредприятия *см.* Предприятия государственные
Государственная программа развития науки и технологий на средне- и долгосрочную перспективу (2006–2020 гг.) 198, 215
Государственно-частное партнерство (ГЧП) 44, 47, 189, 190, 251, 351, 353, 358, 379, 381–383, 423, 482, 496, 547
Государственные закупки *см.* Закупки для государственных нужд
Государственные институты развития *см.* Банки политические
Государственные комитеты КНР:
- по делам развития и реформ (ГКРР) 11, 23, 26, 37, 38, 45, 47, 109, 139, 198, 203, 237, 266, 269–271, 280, 281, 283, 285, 317, 335, 351, 354, 382, 421, 422
- по контролю и управлению государственным имуществом 42, 43, 261
- по контролю за ценными бумагами (ККЦБ) 28, 107, 109, 111, 119–121, 133–135, 139, 261, 280, 301, 422
- по регулированию банковской деятельности (КРБД) 28, 63,70, 71, 73, 80, 84,92, 96, 280, 289, 330
- по регулированию банковской деятельности и страхования (КРБДС) 80, 96, 97, 99, 109, 111, 348, 539
- по финансовой стабильности и развитию 96

Государственные компании по управлению активами 63, 64
Государственные программы финансирования науки и технологий 202
Государственные субсидии 25, 47, 48, 81, 199, 200, 206, 249, 316, 336, 404, 405, 418, 475, 493, 501
Государственные (Главные государственные) управления КНР:
- по регулированию рыночной деятельности 262, 269
- налоговое (ГНУ КНР) 161, 181, 284, 289
- ревизионное 92, 339, 392, 458
- статистическое (ГСУ КНР) 106, 244, 246, 269, 337, 409, 440, 441, 454
- таможенное 289, 321
- валютного контроля (ГУВК) 64, 137, 139, 261, 280, 382
- по интеллектуальной собственности 198, 199, 211, 217
- по финансовому регулированию 99, 539
- промышленности и торговли 261, 262, 269

Государственный бюджет:
- обычный общественный 154, 156, 526
- правительственных фондов 154, 156, 526
- операций с государственным капиталом 155, 156, 526
- фондов социального страхования 155, 156
- консолидированный 182
- центральный и местные 61, 154, 155, 157, 163, 165, 168, 181–184, 191, 373, 396, 405, 537, 555

Государственный долг 41, 150, 184, 185, 318, 348, 536
Государственный инвестиционный фонд индустрии интегральных
микросхем 353, 354, 531
Государственный кредитный план 61
Государственные фонды содействия промышленному развитию 49–52
Государственный фонд финансовых гарантий 47, 351, 523, 524

«**Д**вууглеродные» цели 415, 418
Девелоперы *см.* Компании по строительству жилой недвижимости
Деградация окружающей среды 34, 413–415, 425, 427, 546
Декаплинг *см.* Технологическое разъединение
Декарбонизация 415, 423, 427
Делистинг 145
Денежная (денежно-кредитная) политика 27, 39, 41, 61, 72, 93, 314, 317, 330, 335, 347–349, 481, 485, 489, 505, 518, 521, 522, 529, 537

Денежный агрегат M_2 313, 318, 332, 354, 355, 506, 534, 535
Депозиты 60, 61, 72, 73, 85, 87
Дефицит государственного бюджета *см.* Бюджетный дефицит
Дибао см. Программа гарантирования минимального дохода
Дивиденды 17, 155, 177–179
Долги местных правительств 35, 41, 152,184–190, 330, 536
Долговая нагрузка 41, 246, 250, 380, 381, 384, 485, 520, 524, 525, 554
Дополнительные сборы на образование 159, 164
Доступность жилья 243–245

Жилищное законодательство 247, 248
Жилищная политика 245, 251
Жилищная проблема 226, 237
Жилищная реформа 226–228, 230, 528, 548
Жилищное строительство 225, 226, 228, 233, 234, 241, 242, 247, 251
Жилищные субсидии 227, 228
Жилой фонд 225, 237, 245, 249, 353
Жилье:
- арендное 231, 236, 243, 250
- ведомственное 225, 236, 243, 250
- государственное 225, 227, 231
- доступное 231, 236, 240, 242, 243, 525, 527
- коммерческое 228, 231, 234, 236, 242, 244, 249, 250
- реформенное 235
- социальное 236, 241, 525, 527

Закон КНР об иностранных инвестициях 263–266, 272, 273, 483, 490, 549
Закупки для государственных нужд 26, 199, 264, 483, 524
Зарубежные капиталовложения (инвестиции) 279, 284, 285, 453, 455, 457–462, 466–468, 552
«Зеленое» производство 418, 525
«Зеленое» строительство 248, 425
«Зеленые» технологии 416, 538, 551
«Зеленый» транспорт 425
«Земельное финансирование» 154, 251
Землеотвод 25, 371
Золотовалютные запасы (резервы) 28, 29, 64, 286, 302, 303, 311, 323, 324, 361, 453
Зоны:
- «зеленого» финансирования 422
- особые экономические 26, 27, 273, 275, 276
- охраны окружающей среды 426
- свободной торговли 26, 27, 276–278, 441, 446
- торгово-экономического сотрудничества 458

Избыточные производственные мощности 42, 73, 89, 253, 314, 324, 344, 352, 358, 359, 425, 546, 547
Инвестиции:
- автодорожные 373–375
- бюджетные 16, 17, 486, 510
- в недвижимость 226, 229, 232, 233, 247, 253, 313, 314, 319, 325, 332, 359, 360, 510, 527, 528, 535
- венчурные 49, 50, 141, 211, 218
- «возвратные» 440, 441
- государственные 20, 23, 318, 319, 355, 484, 509, 510, 520, 526, 528, 534, 535
- иностранные 20, 21, 26, 94, 140, 156, 262, 263, 266, 312, 323, 355, 378, 432–438, 441–447, 449, 450, 453, 484, 487, 512, 529, 534, 538, 539, 552
- портфельные 140, 257
- природоохранные 416
- стратегические 464
- финансовые 464
- цифровые 216
- частные 46, 208, 336, 337, 355, 358, 381, 484, 509, 510, 520, 526, 528, 534, 535, 539

Инвестиционная квота 137, 138, 140, 300, 301
Инвестиционная политика 316, 353, 354, 525
«Инвестиционная недвижимость» 242, 244, 251
Инвестиционные льготы, стимулы и преференции *см.* Экономические льготы
Инвестиционный перегрев *см.* Перегрев экономики (рынка)
Инвесторы:
- индивидуальные (розничные) 123–125, 313
- иностранные 65, 137, 140, 261, 263, 437, 531, 538
- институциональные 107, 111, 123, 125, 131, 140, 301, 313, 546
- квалифицированные 96, 301, 313
- квалифицированные иностранные (КИИ) 138, 301
- квалифицированные иностранные институциональные (КИИИ) 137, 138, 299
- квалифицированные иностранные институциональные в юанях (КИИИЮ) 138, 299, 301
- портфельные 495

стратегические 65, 70, 83, 132
частные 45, 46, 130, 131, 382, 383, 466, 525, 539
Индустриальные парки 26, 433, 445, 525
Инновации 26, 192, 199, 213, 217–219, 265, 425, 433, 473, 479, 516, 519, 522, 523, 548, 555
Инновационные системы:
корпоративные 208, 210, 211, 217, 218
национальная 204, 205, 208, 214, 220
Иностранные банки *см.* Банки с иностранным капиталом
Иностранные научно-исследовательские структуры 210
Инструменты структурной денежной политики 40, 41, 421, 482, 518, 521, 522
Интернет-платформы *см.* Цифровые платформы
Инфляция 314, 325, 326, 330, 333, 355, 357, 484–486, 509, 528, 529, 534, 552

Капитал:
акционерный 64, 65, 71, 84, 261, 370
венчурный 48–51, 211
иностранный 20–22, 26, 137, 435, 440, 442, 445, 446, 449, 538
операционный 261
зарегистрированный 65
уставный 60, 63, 261, 505
Каталоги ГКРР и Министерства коммерции КНР:
для руководства реструктуризацией промышленности 23–25, 37–39
«зеленой» промышленности 420
отраслей для управления иностранными инвестициями 26, 266–268
отраслей, поощряемых к привлечению иностранных инвестиций 270
приоритетных отраслей для приложения иностранного капитала в Центральных и Западных районах КНР 268
чувствительных отраслей для зарубежного инвестирования 282, 283
Китайская академия общественных наук 11, 93, 204, 315, 410
Китайская инвестиционная корпорация 29
Китайский государственный венчурный инвестиционный фонд 354, 523
Китайско-африканский фонд развития 286
Классификация автомобильных дорог 366–369, 375–377
Компании:
акционерные 18, 20, 106, 323, 406
венчурные 49, 211
государственные (государственные акционерные) 94, 114, 457, 459
«единороги» 216
иностранные (иностранного капитала) 18, 261, 263, 267, 311, 445, 483, 538
микрокредитные 92, 99
по строительству жилой недвижимости 95, 230, 237, 238, 243, 246, 247, 251, 298, 300, 516, 520, 521, 527, 528, 535, 537
по ценным бумагам 13, 123, 124, 301
страховые 95, 97, 110, 113, 129, 299, 370
трастовые 130
управляющие 97, 110, 140
частные *см.* Предприятия частные
финтех *см.* Финтех-индустрия
Компания National Equities Exchange and Quotation (NEEQ) *см.* Национальный рынок внебиржевой торговли ценными бумагами
Конечное потребление 337, 340, 356, 357, 445, 485, 525, 526, 533, 553
Конкуренция:
ценовая 79
недобросовестная 262, 475, 490, 491
Короткие продажи 135
Корпоративное управление (менеджмент) 68–70, 132, 263, 265, 547
Корпоративный подоходный налог *см.* Налог на прибыль предприятий
Коррупция 226, 383, 384, 393, 549
Косвенные гарантии государства 73, 186, 190
Краткосрочные операции с ликвидностью 40, 347
Кредитная задолженность *см.* Долговая нагрузка
Кредитная политика 60, 75, 92
Кредитное плечо 330, 349, 518, 536, 548
Кредитные риски *см.* Финансовые риски
Кредиты (кредитование):
банковские 17, 27, 61, 66, 85, 89, 92, 244, 246, 313, 318, 324, 330, 332, 335, 354, 373, 398, 399, 405, 481, 507, 510
«зеленые» 420–422
одноранговые (P2P, *англ.*) 98, 99
теневые (внебалансовые) 79, 94, 96, 97
инвестиционные 25, 331
инклюзивные 41, 48, 97, 351, 405, 505, 506, 517, 522
ипотечные 77, 79, 231, 232, 239, 240, 244, 247, 250, 318, 332, 353, 521, 527, 537
«Кэш-пулинг» 290, 292, 293

Либерализация процентных ставок 73–79, 348
Листинг 119–122, 125, 136, 141, 143, 144
Личный подоходный налог *см.* Налог на доходы физических лиц

M&A-сделки *см.* Сделки слияния и поглощения
Маржинальная торговля 135
Межбанковская платежная система *CIPS* 290–292
Межбанковский рынок валюты 295, 296
Межбанковский рынок облигаций 102–109, 111, 138, 139, 299, 300, 301
Межбанковское кредитование 79, 87, 421
Международное технологическое сотрудничество 210, 217
Международный валютный фонд (МВФ) 140, 151, 185, 244, 287, 288, 291, 356, 361, 491, 492, 495, 530
Межправительственное торгово-экономическое соглашение между КНР и США 489–492, 494, 495, 511, 530
Микрокредиты банковские 399, 400, 405
Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. 9, 28, 41, 89, 92, 93, 135, 186, 197, 237, 310, 311, 318, 327, 329, 339, 343, 368, 454, 472, 546
Мировые фондовые индексы 140, 141, 145
Многоуровневая система жилищного обеспечения 228, 231, 235
Модель экономического развития (роста) 29–34, 197, 246, 253, 333, 343, 344, 345, 350, 361, 384, 473, 526, 547, 550
Монетарная политика *см.* Денежная (денежно-кредитная) политика
Монетарно-структурные инструменты *см.* Инструменты структурной денежной политики

Налоги:
- корпоративный подоходный *см.* Налог на прибыль предприятий
- на добавленную стоимость 22, 157, 158, 162, 164, 166–168, 179, 191, 291
- на доходы физических лиц 159, 160, 162, 164, 177–180, 240
- на использование земельных участков в городах 160, 162, 164, 168, 180
- на недвижимость 160, 162, 164, 168, 180, 331
- на отчуждение пахотных земель 161, 162, 165, 168, 180
- на предпринимательскую деятельность 158, 162, 164, 167, 168, 180
- на прибыль предприятий 69, 159, 162, 164, 174–177, 180, 274, 420
- на приобретение автотранспорта 161, 162, 164, 180, 373
- на прирост стоимости земли 160, 162, 164, 168, 180
- на сделки 161, 162, 165, 168, 180, 240
- на содержание и застройку городских территорий 159, 162, 164, 180
- на табачный лист 161, 162, 164, 180
- на транспортные средства 161, 162, 164, 180
- потребительский 159, 162, 164, 171, 179
- прямые и косвенные 162–163, 182
- ресурсный 160, 162, 164, 173–174, 180
- экологический 172–173, 420

Налоговая (Налогово-бюджетная) политика 335, 336, 504
Налоговое стимулирование 25, 47, 135, 166–168, 171, 180, 181, 206, 207, 317, 325, 335, 336, 349, 350, 422, 481, 502, 504, 505, 518, 522, 523, 548
Налоговые вычеты 179, 523
Налоговые льготы 165, 175–179, 181, 200, 206, 207
Налогообложение жилой недвижимости 169–170, 251
Народный банк Китая (НБК) 59–61, 63, 68, 69, 70, 72, 73, 78–80, 90, 96, 97, 99, 107, 110, 111, 119, 139, 140, 152, 189, 244, 247, 289, 290, 293, 295, 298–301, 303, 314, 335, 347, 348, 398, 400, 420–422, 480, 482, 485, 503, 506, 516–518, 521, 527
Научная концепция развития 33
Научно-технический комплекс КНР 199
Национальный механизм борьбы с бедностью 390–393
Национальный налоговый режим *см.* Стимулирование иностранных инвестиций
Национальные обязательства *см.* Парижское соглашение по климату
Национальный план урбанизации нового типа 241, 248, 249
Национальный рынок внебиржевой торговли ценными бумагами 142, 143, 218
Национальные стандарты:
- бедности 356, 387–389, 392, 403
- технологические 26
- экологические 248, 417–419, 421, 426

Национальный фонд естественных наук (НФЕН) 202, 213

Национальный фонд социального обеспечения (НФСО) 64, 130, 353
Негативный список для доступа на рынок 46–47
Негативный список (для иностранных инвестиций) 268–270, 539
Небанковские финансовые институты 60, 95, 111, 246, 295, 297
Норматив (норма, коэффициент) обязательного резервирования 27, 28, 39, 60, 61, 314, 317, 331, 335, 347, 481, 502, 505, 518, 521

Обзор безопасности иностранных инвестиций 272
Облигации:
государственные казначейские (ГКО) 16, 19, 76, 87, 107, 108, 137, 140, 353, 494, 495, 502, 507, 517, 518, 524, 535
«зеленые» 422
корпоративные 19, 64, 109, 112, 113, 137, 239, 318, 518, 527, 528
местных правительств 108–110, 187, 188, 190, 331, 350, 374, 502, 505, 507, 516, 517, 521, 524, 525
политических банков 108, 110, 140, 353
предприятий 108
dim sum 298
Panda 139, 298–300
Общество средней зажиточности 388, 393, 409
Объединенный межведомственный совет по НИОКР 203
«Один пояс, один путь» 90, 279, 282, 285, 286, 304, 360, 369, 446, 454, 456, 458, 462, 466, 487, 512, 553
«Оконное руководство» (в банковском секторе) 73
Операции на открытом рынке 40, 347, 521
Операции РЕПО 40, 87, 140, 189, 348, 505
Организации по строительству автомобильных дорог *см.* Автодорожные корпорации
Открытые кредитные линии 40
Офшорные зоны 441, 463, 464
Офшорные юани 293, 297, 298, 300
Охрана (защита) окружающей среды 416, 417, 420, 423, 426, 433

Пандемия COVID-19 14, 16, 90, 98, 246, 273, 275, 418, 461, 493, 500, 501, 504, 509, 510, 516, 519, 521, 524–526, 528, 532, 533, 535, 554
Парижское соглашение по климату 91, 415, 416
Первая фаза торговой сделки *см.* Межправительственное торгово-экономическое соглашение между КНР и США
Пенсионное обеспечение *см.* Система социального обеспечения
Перегрев экономики (рынка) 31, 93, 240, 245, 313, 325, 330, 353
Перекрестные трансграничные биржевые торги *см.* Трансграничное биржевое подключение
Перераспределение налоговой нагрузки 191, 350, 420, 548
Первичное публичное размещение ценных бумаг (IPO, *англ.*) 64, 65, 80, 121, 126, 136, 137, 141, 142, 144, 315
Платные автодороги 373, 374, 379, 381
«Плохие долги» 62, 69, 87, 89, 90, 96, 324, 349, 516
Поддержка зарубежного инвестирования *см.* Политика «выхода за рубеж»
Политика «выхода за рубеж» 279, 280, 284, 287, 454, 455, 459, 461, 466, 469, 487, 512, 553
Политика «нулевой терпимости» к COVID-19 501, 503, 517, 526, 527
Политика регулируемой торговли 493
Политика финансовой децентрализации *см.* Реформа межбюджетных отношений
Политика экономического стимулирования 317, 331, 334, 337, 340, 368, 481–483, 504–508
Поселково-волостные банки *см.* Банки деревенские
Почтово-сберегательный банк Китая (ПСБК) 80, 81, 398–400, 531
Права интеллектуальной собственности 26, 217, 265, 438, 475, 483, 489, 490, 539
Права пользования государственной землей 227, 242, 243, 247, 248, 251–253, 373, 537
Предприятия:
малые и микропредприятия 41, 48, 175, 176, 181, 275, 351, 502, 505, 506, 517, 522–524
государственные 30, 41–43, 155, 323, 351, 358, 370, 456, 459, 466, 496, 535, 536, 540, 547, 548
малые и средние (МСП) 48, 76, 93, 95, 99, 141, 142, 207, 318, 334, 335, 481, 506, 518, 522
новых и высоких технологий 206, 207, 274, 523
с иностранными инвестициями 157, 196, 312, 402, 449, 487

частные 18, 44, 45, 335–337, 351, 356, 402, 455, 535, 540, 548, 555
Приватизация государственного жилья 227, 229, 230, 235
Приоритеты научно-технической политики 198, 201, 202
Природоохранное налогообложение *см.* Налог экологический
Программа гарантирования минимального дохода 388, 403
Программа дополнительного обеспеченного кредитования (PSL, *англ.*) 40, 347
Программа доступного жилья 228, 232, 243, 249, 353
Программа «Интернет Плюс» 200, 201, 352
Программа квалифицированных отечественных институциональных инвесторов 28
Программа научно-технических инноваций на 13-ю пятилетку (2016–2020 гг.) 201
Программа реновации и расселения трущобных поселений 249
Программа преодоления бедности 373
Программа «Сделано в Китае – 2025» 199, 200, 214, 352, 353
Программа среднесрочного кредитования (MLF, *англ.*) 40, 78, 347, 521
Программа структурного кредитования 40, 41
Продукты управления капиталом (WMP, *англ.*) 94–98, 349
Промышленная политика *см.* Структурная политика
Промышленно-торговый банк Китая 59, 64–66, 84, 90, 231, 313
Промышленные парки *см.* Индустриальные парки
Процентная политика 73, 75, 317
Процентные ставки:
премиальная кредитная (LPR, *англ.*) 77–79, 90, 421, 505, 522, 528
базовые 27, 61, 73, 76, 77, 313, 317, 331, 335, 347
по кредитам 18, 27, 73–77, 240, 313, 317, 332, 335, 347, 503, 505, 521, 527
по депозитам 27, 73–77, 335
Процентные риски *см.* Финансовые риски
Пруденциальный (макро)контроль 61, 250, 348, 421

Район «Большого залива» Гуандун–Гонконг–Макао 278, 300, 304, 483
Расчетно-клиринговые центры 297, 298, 301
Рекапитализация 64, 65, 80
Рефинансирование банковских кредитов 90, 381, 422, 506, 527
Реформа межбюджетных отношений 151–154, 157, 163–165, 168, 174, 182–191
Реформа рынка акций 133–137
Реформирование предприятий госсектора 41–44
Руководящая группа Госсовета КНР по делам оказания помощи в развитии бедных районов 388, 390, 392, 394, 398–400
Риск-менеджмент *см.* Управление рисками
Рынок:
венчурного капитала 211, 261
жилья (недвижимости) 22, 227, 228, 231, 232, 240, 242, 246, 247, 251, 253, 313, 316, 325, 332, 516, 520, 521, 526–528, 537, 539, 548
капитала 106, 185, 263, 547
процентных свопов 300, 302
технологий 212–214, 220, 548
труда 433, 504
углеродный 423, 424
фондовый *см.* Рынок ценных бумаг
ценных бумаг 19, 105, 106, 301, 313, 339, 523, 547

Свободные экономические зоны *см.* Зоны свободные экономические
Сделки слияния и поглощения 20, 22, 47, 211, 261–263, 280, 448, 449, 459, 464–466, 468, 528, 538
СДР *см.* Специальные права заимствования
Сельская бедность 378, 387, 407, 408
Сельские банки *см.* Банки деревенские
Сельские кредитные кооперативы (СКК) 28, 60, 66–70, 80–82, 86, 331, 398, 399
Сельскохозяйственный банк Китая 59, 64–68, 231, 398–400, 531
Система подготовки кадров 211
Система постоянной регистрации (прописки) 169, 241, 251, 252
Система социального обеспечения 155, 156, 349, 403, 404, 406, 408, 540, 552, 553
Система экологической ответственности 419
Собственные средства предприятий 17, 18, 239, 348, 374, 516
Совместные китайско-иностранные банки *см.* Банки с иностранным капиталом
Совокупное общественное финансирование *см.* Совокупное финансирование реального сектора
Совокупное финансирование реального сектора 481, 506, 507, 508, 517, 518

Соглашения о зоне свободной торговли 261, 278, 483
Соглашения о поощрении и защите инвестиций 260
Сокращение (снижение) налоговой (фискальной) нагрузки *см.* Налоговое стимулирование
Социальная напряженность 35, 245, 253, 527, 546
Специальные права заимствования 288, 291
Сравнительные преимущества 432–435
Средний класс 409, 435, 554
Старение населения 34, 250
Стартапы 51, 97, 211, 216, 218, 398, 406
Стимулирование иностранных инвестиций 174, 264, 272–275, 548
Стратегия (политика) борьбы с бедностью 377, 388, 389, 398, 403, 405, 406, 409, 410
Страхование банковских вкладов 75, 348
Строительный банк Китая 59, 64–66, 84, 231, 312, 531
Строительный бум 233
Строительный рынок *см.* Рынок жилья
Структурная политика 9, 23, 26, 37–39, 60, 73, 266, 335, 340, 350–352, 493, 548, 549
Структурные реформы в сфере предложения 35
Сяокан см. Общество средней зажиточности

Таможенные тарифы 162, 174, 475–480, 488, 492–495
Теневой банкинг 92–98, 109, 186, 246, 339, 348, 350, 354
Технологическое разъединение 438, 480, 495
Трансграничное биржевое подключение:
  Программа *Bond Connect* 140, 300
  Программа *China Interbank Bond Market Direct* (*CIBM Direct*) 139, 140
  Программа *Stock Connect* 138–140, 299, 301
  Программа *Swap Connect* 300, 301
Трудовые мигранты 251, 315, 432, 504

Углеродная нейтральность 415, 417–419, 426, 427
Углеродоемкость 415, 426
Управление долгами региональных органов власти 152, 182, 187–189
Управление рисками 62, 70, 96, 247, 520
Урбанизация 34, 151, 218, 232, 241, 248, 249, 254, 548, 554
Ускоренная амортизация активов 18, 177, 274

Финансирование:
  акционерное 106, 423
  борьбы с бедностью 393–403
  долговое 106
  «зеленое» 47, 285, 420
  НИОКР 199, 200, 204, 205, 207, 208, 210, 212, 218–220, 352, 353, 531
  строительства и реконструкции дорог 366, 368, 372, 373, 381
Финансовая политика 39, 187, 316, 349, 350, 481, 501, 502, 522, 523
«Финансовые платформы» 92, 95, 97, 109, 110, 125, 186, 188–190, 300, 330, 331, 339, 350, 374, 525, 536, 537
Финансовые риски 60, 67, 84, 98, 99, 109, 186, 188, 191, 250, 300, 320, 535, 536, 539
Финтех-индустрия 92, 97–99
Фонд инвестирования передовой обрабатывающей промышленности 354
Фонд содействия технологическим инновациям (ФСТИ) 203
Фонд Шелкового пути (ФШП) 286, 455
Фондовые биржи:
  Гонконгская 64, 65, 80, 118, 301, 370
  Пекинская (ПФБ) 143
  Шанхайская (ШФБ) 64, 65, 80, 116, 117, 120–123, 139, 140, 142, 301, 313, 314, 324, 332, 370, 482
  Шэньчжэньская (ШЧФБ) 49, 80, 116, 117, 120, 123, 124, 139–142, 301, 313, 370
Фондовые площадки *см.* Биржевые специализированные платформы
Фонды:
  бюджетные целевые 394, 395
  венчурные 50–53, 98, 218, 547
  взаимопомощи 399, 400
  внебюджетные 19, 20, 153, 227, 392, 396, 397
  жилищных накоплений (ФЖН) 228–232, 239
  «зеленого» развития 423, 547
  инвестиционные 126–128, 299, 423, 547
  паевые инвестиционные 126, 127, 129
  пенсионные 129, 547
  «руководящие» *см.* Государственные фонды содействия промышленному развитию
  трастовые 95, 97, 110
  общественные 400, 401
  частные 130, 131, 402, 547

***Хукоу** см.* Система постоянной регистрации (прописки)

Центральная инвестиционная компания «Хуэйцзинь» 64
Цифровая экономика 215, 216, 359
Цифровые платформы 97

Частное потребление 31, 545
Черта (порог) бедности *см.* Национальный стандарт бедности

Экологическая политика 415, 416
Экологические стимулы и ограничения 417, 420
Экономические льготы 25, 26, 273, 284, 325, 331, 434, 437, 459
Экономические приоритеты 35, 36, 316, 361, 520
Экономический регионализм 30, 31
Экспериментальные зоны свободной торговли *см.* Зоны свободной торговли
Экспорт капитала 453, 459, 466, 548
Экспортная квота 33, 196, 546
Экспортно-импортный банк Китая 59, 91, 110, 284, 285, 455
Электронная торговля 97, 216, 293, 357, 406, 510
Энергетический баланс 413, 427
Энергоемкость 22, 43, 424, 425
Энергопотребление 413, 418, 424
Энергоэффективность 32, 248, 416, 419, 422
Эффективность инвестиций 32, 545

Список таблиц

1. Источники финансирования инвестиций.
2. Доля инвестиций в ВВП.
3. Эффективность инвестиций в КНР.
4. Венчурные инвестиции в КНР.
5. Крупнейшие банки мира, 1996/2019 гг.
6. Базовые процентные ставки Народного банка Китая, 2002–2015 гг.
7. Либерализация процентных ставок в Китае.
8. Институциональная структура банковского сектора КНР, 2005–2022 гг.
9. Некоторые показатели состояния банковского сектора КНР, 2005–2021 гг.
10. Распределение банковских активов по основным группам кредитных учреждений, 2011–2021 гг.
11. Индикаторы финансовой устойчивости банков КНР, 2005–2021 гг.
12. Крупнейшие страны-заемщики КНР, 2008–2021 гг.
13. Основные инструменты долгового финансирования.
14. Основные инструменты акционерного финансирования.
15. Китай в рейтинге фондовых рынков мира, 2020 г.
16. Развитие фондового рынка КНР (1995–2020)
17. Налоговые доходы КНР, 2014 г.
18. Распределение основных налогов.
19. Динамика и состав налоговых поступлений обычного общественного бюджета КНР, 2000–2019 гг.
20. Основные показатели развития инновационной системы КНР, 2010–2020 гг.
21. Участники инновационной деятельности: основные характеристики.
22. Прогнозные показатели развития инновационной системы КНР, 2019–2025 гг.
23. Основные показатели развития сектора недвижимости и жилищного строительства в КНР, 2000–2021 гг.
24. Ключевые характеристики основных участников рынка жилья в КНР, 2000–2021 гг.
25. Политика интернационализации валюты КНР: трансграничные расчеты и перечисления.
26. Соглашения НБК с центральными банками зарубежных стран о валютных свопах, 2009–2022 гг.
27. Политика интернационализации валюты КНР: трансграничная инвестиционная и финансовая деятельность.
28. Инвестиции в экономику КНР, 2009 г.
29. Динамика внешней торговли КНР, 2009–2010 гг.
30. Динамика цен, 2009–2010 гг.
31. Динамика основных показателей экономического развития КНР, 2010–2013 гг.
32. Отраслевая структура инвестиций, 2011–2013 гг.
33. Динамика основных показателей экономического развития КНР, 2014–2018 гг.
34. Вклад потребления и инвестиций в формирование ВВП КНР, 2013–2018 гг.

35. Отраслевая структура инвестиций, 2014–2018 гг.
36. Планирование развития автодорожной сети в КНР, 1991–2022 гг.
37. Развитие автодорожной сети КНР, 1995–2023 гг.
38. Бюджетные источники финансирования программы борьбы с бедностью.
39. Ведомственные фонды финансирования борьбы с бедностью.
40. Кредитное финансирование борьбы с бедностью.
41. Общественные фонды финансирования борьбы с бедностью.
42. Сельская бедность в КНР: динамика 2013–2020 гг.
43. Прямые иностранные инвестиции в экономику КНР, 2001–2023 гг.
44. Распределение прямых иностранных инвестиций в КНР по основным капиталоэкспортирующим странам, регионам и территориям, 2000–2022 гг.
45. Отраслевая структура прямых иностранных инвестиций в экономику КНР, 2000–2022 гг.
46. Региональная структура иностранных инвестиций в КНР, 2017–2022 гг.
47. Отраслевое распределение трансграничных сделок слияния и поглощения в КНР, 2015 г.
48. Зарубежные инвестиции КНР, 2001–2022 гг.
49. Географическое распределение зарубежных инвестиций КНР, 2005–2022 гг.
50. Отраслевая структура зарубежных инвестиций КНР, 2003–2022 гг.
51. Внешняя торговля КНР с США, 2001–2018 гг.
52. Хронология американо-китайского торгового конфликта, 2018–2019 гг.
53. Динамика основных показателей экономического развития КНР, 2017–2019 гг.
54. Обязательства КНР по увеличению импорта из США, 2020–2021 гг.
55. Меры экономической политики КНР по борьбе с пандемией и поддержке деловой активности, 2020 г.
56. Совокупное финансирование реального сектора экономики КНР.
57. Динамика роста экономики КНР в 2020 г.
58. Факторы годового прироста ВВП КНР, 2018–2023 гг.
59. Динамика основных показателей экономического развития КНР, 2019–2023 гг.
60. Основные макроэкономические показатели КНР, 2011-2020 гг.
61. Основные макроэкономические показатели КНР, 2011–2020 гг.

Приложение

В недалеком прошлом…

Л. Новоселова

Китай: есть ли жизнь после санкций?

(Актуальный ретровзгляд)

В последние несколько месяцев в связи с кризисом на Украине ряд зарубежных стран и международных организаций методично вводят все новые и новые санкции в отношении Российской Федерации. Представляя собой комплекс мер политического и экономического характера, они нацелены на подавление деловой активности в России, ограничение ее международных контактов и в конечном итоге — на ухудшение социально-экономической ситуации в нашей стране.

Применение различного рода запретов и ограничений как средства давления одних государств на другие с целью вынудить вторые пойти на уступки и внести коррективы в свою политику имеет широкое распространение в современном мире.

Сложившаяся ситуация соответственно актуализирует изучение опыта *преодоления* этих запретов и ограничений конкретными государствами, включая Китай. Обращая читателей к китайскому опыту четвертьвековой давности, настоящая статья содержит анализ целостной системы социально-экономических и политических мер (внешнего и особенно внутреннего характера), применение которых позволило КНР не только успешно выйти из международной изоляции, но и обрести в дальнейшем лидирующие мирохозяйственные позиции.

1. Программа антикитайских санкций в действии

Международное право рассматривает санкции как своеобразную форму ответственности государств за нарушение общепризнанных норм, весьма значимых для мирового сообщества; зарубежными исследователями (в том числе учеными Института международной экономики Петерсона, США) применительно к последнему столетию выявлено более 200 таких прецедентов.

В их ряду — санкции, введенные западными странами против КНР в качестве реакции на подавление массовых акций протеста на пекинской площади Тяньаньмэнь 3–4 июня 1989 г. В течение шести недель кряду протестующие требовали осуществления полити-

ческих реформ и искоренения коррупции, но, в конечном итоге, с помощью армейских подразделений протесты были подавлены властями. Эти события, сопряженные с многочисленными человеческими жертвами, расцениваются на Западе как «выступления за демократию», а китайские власти определяют их как попытку «антиправительственного мятежа». События вызвали волну международного осуждения руководства Китая, следствием чего стали различные санкции и другие меры в отношении Китая.

Инициатором этого международного давления выступили Соединенные Штаты, незамедлительно предпринявшие серию шагов по свертыванию сотрудничества с Китаем. В их числе: 1) приостановка политических контактов с КНР на высоком уровне (начиная с отмены запланированного на июль 1989 г. визита министра торговли США); 2) мораторий на экспорт в Китай продукции военного назначения (в том числе прекращение выполнения ранее заключенных контрактов на поставку свыше 300 единиц вооружения и военной техники общей стоимостью около 700 млн долл.); 3) запрет на закупку китайских военного снаряжения и боеприпасов; 4) прекращение выдачи новых кредитов международными финансовыми организациями (уже в июне 1989 г. Всемирный банк отложил рассмотрение новых «китайских» проектов на 780 млн. долл.; 5) приостановка деятельности в КНР таких организаций, как Агентство США по торговле и развитию (USTDA) и Корпорация частных иностранных инвестиций (OPIC), специализирующихся на финансовой поддержке и страховании американских инвесторов за рубежом от политических и коммерческих рисков; 6) прекращение выдачи экспортных лицензий на поставку в Китай продукции двойного назначения (включая спутники, спутниковое оборудование, высокоскоростные компьютеры и ядерные технологии), а также полицейского снаряжения. При этом американскому президенту было законодательно предоставлено право временно приостанавливать действие тех или иных санкций, руководствуясь «национальными интересами», или в качестве ответной реакции на улучшение ситуации с правами человека в Китае[1].

Далее к антикитайским санкциям присоединились другие страны западного мира и международные организации. Так, страны ЕС объявили о прекращении политических контактов с Поднебесной на высоком уровне, приостановке рассмотрения новых проектов двустороннего экономического сотрудничества, прекращении военного сотрудничества и запрете экспорта вооружений в КНР, а также о существенном ограничении программ культурного и научно-технического сотрудничества с КНР[2]. В рамках «Большой семерки» эту кампанию поддержали Канада, а также Япония, приостановившая переговоры по программе помощи Китаю в размере 810 млрд иен (5,5 млрд долл.), начало которой планировалось на апрель 1990 г. Одновременно на неопределенный срок были «заморожены» переговоры о присоединении Китая к ВТО[3].

Эти официальные запреты дополнялись инициативными шагами отдельных организаций содействия бизнесу и частных корпораций. Так, Эксимбанк США, а вслед за ним и экспортно-кредитные агентства других стран «Большой семерки» приостановили пре-

[1] См.: Business Week. 1989. 19 June; Washington Post. 1989. 6 June; 2 July; *Rennack D.E*. China: Economic Sanctions. Congressional Research Service. Report RL31910. Washington D.C., 2006 (February 1).

[2] См.: *Austin Greg*. The 1989 China Arms Ban: Putting Europe's Position to Congress. London, 2005 (April).

[3] См.: Financial Times. 1989. 21 June.

доставление кредитов и гарантий при товарных поставках в Китай. Некоторые действовавшие в стране зарубежные компании свернули деятельность, закрыв свои представительства. Заметно сократилось число зарубежных туристов.

Какова была степень воздействия всех этих мер на китайскую экономику? Следует иметь в виду, что в рассматриваемый период КНР являлась отсталой, слаборазвитой страной, относившейся к разряду беднейших государств мира, и масштабы ущерба, единовременно нанесенного ей введением международных санкций (примерно 7,5 млрд долл.), превышали общую сумму фактически использованных в 1989 г. иностранных кредитов. Объемы заключенных соглашений на привлечение новых кредитов в страну в 1989 г. сократились практически вдвое (на 48%), наблюдалось быстрое падение доходов от туризма (на 20% в 1989 г.), уменьшение прямых иностранных инвестиций (на 22% в первой половине 1990 г.), сокращение импорта (на 10% в 1990 г.). Понятно, что продолжение действия международных запретов и ограничений грозило дальнейшими существенными потерями (на страны-инициаторы санкций приходилось до 80% привлекаемых Китаем иностранных технологий и кредитов).[4] Ситуация осложнялась тем, что введение санкционного режима совпало по времени с объявленным китайским руководством периодом «урегулирования» народного хозяйства, т.е. сознательного замедления экономического роста после «перегрева» экономики в предшествующие годы.

2. Реакция китайских властей

Тяньаньмэньские события явились специфическим выражением противоречий, обострившихся в китайском обществе в начальный период проведения рыночных реформ. Введение санкций Запада лучше высветило социальные и экономические издержки, связанные с попытками имплантации ростков новой рыночной экономики в сохранявшуюся административно-распределительную систему. Китаю предстояло сделать принципиальный выбор дальнейшего пути развития.

В этих условиях, в начале 1990-х годов, несмотря на призывы сторонников жесткой линии остановить социально-экономические преобразования и вернуться к старой высокоцентрализованной замкнутой экономической системе, руководством страны было принято решение не уходить в самоизоляцию, продолжить политику реформ и открытости, нацеленную на создание в КНР «социалистической рыночной экономики». Именно в этом контексте и следует рассматривать предпринятые в ответ на западные санкции действия Китая как в международной сфере, так и во внутренней политике, включая, разумеется, реформирование социально-экономических отношений

2.1. Диверсификация внешней политики. Китай ответил на введение санкций прежде всего резкой отповедью. Обвиняя инициаторов санкционного режима в нарушении норм международного права, вмешательстве во внутренние дела суверенной страны и оскорблении национального достоинства китайского народа, руководители КНР подчеркивали, что «попытки изолировать такую огромную страну бесперспективны и наносят ущерб обеим сторонам». Тем не менее практические действия Китая на международной арене были лишены каких-либо признаков внешне акцентируемой агрессивности. Да и в соответствующей риторике руководителей страны доминировали

[4] Информационный бюллетень Института Дальнего Востока РАН. 1992. № 3. Ч . II. С. 82.

приверженность Поднебесной «пяти принципам мирного существования», ее позиционирование как миролюбивой державы.

Главные инициативы китайской дипломатии нацеливались на поиск альтернативных Западу «точек опоры» на мировой арене с целью выхода из международной изоляции и смягчения действия санкций. В рамках отношений с основными глобальными центрами силы доминирование связей по линии «Пекин-Вашингтон» уступило место многовекторной доктрине. После тридцатилетнего перерыва были нормализованы и получили быстрое развитие отношения Китая с СССР, а затем с РФ. В 1992 г. было возобновлено российско-китайское военно-техническое сотрудничество, в рамках которого поставки большого количества современной боевой техники из России сопровождались налаживанием лицензионного производства соответствующей продукции в КНР, а также участием наших специалистов в проектировании китайских образцов вооружений.

Одновременно Китай активизировал взаимодействие с развивающимися странами, делая особый акцент на страны Азиатско-Тихоокеанского региона и прежде всего на соседние государства (Индонезию, Сингапур, Индию, Монголию, Вьетнам и др.). Во многих из этих стран сохранились сильные экономические позиции зарубежных китайских общин, ставших важным источником внешних инвестиций в КНР. В целом, в 1990–1992 гг. Китай установил дипломатические отношения с 23 государствами мира, включая страны постсоветского пространства. Невзирая на политические разногласия было положено начало деловому взаимодействию с Тайванем.

В то же время Китай стремился продолжить диалог со странами Запада. С целью скорейшего выхода из-под санкций китайская сторона использовала свои связи в западных деловых и политических кругах, убеждая их в невыгодности для них же самих антикитайской активности. Идя время от времени на те или иные уступки, КНР, как правило, добивалась обусловливания их встречными шагами со стороны США в направлении смягчения санкционного режима. При этом в связи со статусом Китая как ядерной державы наибольший эффект достигался при решении отдельных вопросов международной безопасности (усиление контроля за передачей ракетной и ядерной технологий, присоединение к Договору о нераспространении ядерного оружия в 1991 г. и др.).

Важным инструментом укрепления международных позиций Китая явилась активизация его участия в многосторонней дипломатии. В 1991 г. страна была принята в Азиатско-Тихоокеанский экономический совет, началась работа по формированию партнерства с АСЕАН. В качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН, обладающего правом вето, КНР умело использовала преимущества своего положения, добиваясь в ряде случаев нужных политических компромиссов. Так, в 1990 г. в период кризиса в Персидском заливе, откликнувшись на просьбу американцев, китайский представитель воздержался от блокирования резолюции ООН, придававшей легитимность применению силы в отношении Ирака. Взамен Китай получил от американской администрации согласие на визит в Пекин госсекретаря Дж. Бейкера.

В ходе состоявшихся затем (ноябрь 1991 г.) переговоров был достигнут существенный прогресс по ряду спорных позиций. Китайские руководители подтвердили готовность создать эффективный механизм контроля за соблюдением прав иностранной интеллектуальной собственности, проявили гибкость в разрешении ряда важных вопросов в торговле текстилем, а также в сфере контроля за распространением ракетной и ядерной технологий. Со своей стороны администрация США сняла ограничения на продажу

КНР высокоскоростных компьютеров и спутникового оборудования. Эти события ознаменовали поворот к нормализации отношений и начало движения к отмене санкций[5].

2.2. Борьба за сохранение режима наибольшего благоприятствования в торговле с США и реакция на требования по поводу «прав человека». Введение санкций спровоцировало обострение вопроса о пролонгации для КНР режима наибольшего благоприятствования (РНБ) в двусторонней торговле с Америкой. Дело в том, что в качестве социалистической страны Китай подпадал под действие достопамятного закона Джексона-Веника, принятого еще в 1974 г. и предусматривавшего ежегодное возобновление РНБ американским президентом. Но если до 1989 г. рассмотрение этого вопроса носило формальный характер, то с введением антикитайских санкций зазвучали требования лишить КНР соответствующего статуса.

В результате пролонгация указанного торгового режима стала ежегодно обставляться со стороны США дополнительными специальными условиями. В их число наряду с базовым «прекращением практики нарушения прав человека» (включая обеспечение свободы эмиграции) в различные годы входили такие требования, как освобождение политзаключенных, расширение доступа американских товаров на китайский рынок, борьба с нарушением прав интеллектуальной собственности, нераспространение ракетных и ядерных технологий, прекращение экспорта в США товаров, производимых в китайских тюрьмах, допуск иностранного теле- и радиовещания, охрана религиозного и культурного наследия Тибета и др.[6].

При этом отмена РНБ имела бы своим следствием многократное увеличение в США импортных пошлин на львиную долю товаров китайского экспорта, снижение его конкурентоспособности и, в конечном итоге, ослабление позиций КНР на рынке, который (с учетом реэкспорта китайских товаров Гонконгом) устойчиво обеспечивал до 25% ее экспортной валютной выручки, необходимой для импорта критически значимых товаров и услуг[7].

Китайцы всегда крайне настороженно относились к стремлению поставить защиту прав человека во главу угла межгосударственных контактов, рассматривая попытки такого рода как деструктивные с точки зрения налаживания взаимодействия между различными странами. Выработанное в Китае собственное понимание проблемы прав человека является, по мнению руководства страны, более широким, чем западное, ибо, во-первых, наряду с защитой политических прав и свобод подразумевает и охрану прав граждан в экономической, социальной, культурной и других областях. Во-вторых, в КНР акцентируют внимание на том, что в разных странах в зависимости от их конкретных особенностей представления о правах человека различаются иерархией приоритетов (для Китая, как и для других развивающихся стран с большим населением, первостепенная задача — обеспечение права на выживание и развитие, без чего все другие права утрачивают значение). К тому же, по мнению китайских руководителей, данный вопрос — сугубо внутренний для той или иной страны, исключающий вмешательство извне[8].

[5] См.: Китайская Народная Республика в 1991 г. Политика, экономика, культура. М.: Наука, 1994. С. 159–161.

[6] См.: International Trade Reporter. 1994. 1 September.

[7] См.: *Котляров Н.* Попытки Китая преодолеть изоляцию // Обозреватель-Observer. 2002. № 3–4.

[8] См.: Китайская Народная Республика в 1992 г. Политика, экономика, культура. М.: Наука. 1994. С. 192.

Тем не менее, стремясь демпфировать разногласия с Западом в условиях действия санкций, китайцы в ряде случаев шли на определенное смягчение своей позиции и на уступки по некоторым вопросам. Так, в начале 1990 г. из тюрем были выпущены более 200 (из примерно 10 000) арестованных участников событий на площади Тяньаньмэнь[9]. Впоследствии власти КНР время от времени практиковали досрочное освобождение из заключения некоторых диссидентов и правозащитников и даже позволяли им эмигрировать. В 1992 г. Китай подписал с США соглашение о запрете использования труда заключенных при производстве экспортных товаров[10]. Наконец, в 1997 г. КНР вошла в Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (документ был ратифицирован в 2001 г.), а годом позже — в Международный пакт о гражданских и политических правах[11]. Объективности ради следует еще раз подчеркнуть: отмеченные шаги были обусловлены скорее прагматическими, нежели общегуманитарными соображениями (обычно все эти действия совершались либо процедуры продления РНБ, либо непосредственно перед важными международными мероприятиями и встречами).

Подобная тактика, надо признать, имела весьма положительные для КНР результаты. Несмотря на критику Конгресса, американские президенты из года в год регулярно продлевали РНБ, а уже в начале 1990-х годов были возобновлены переговоры о присоединении страны к ВТО. В 1999 г. Китай подписал с Соединенными Штатами двустороннее соглашение об условиях присоединения, а после своего официального вступления в эту международную организацию (в декабре 2001 г.) получил в США постоянно действующий режим «нормальных торговых отношений» в соответствии с упомянутым соглашением[12].

2.3. Продвижение рыночных реформ и их внешнеэкономической составляющей. Обусловленная потребностями дальнейшего социально-экономического развития, активизация рыночной трансформации экономики КНР, кроме прочего, была рассчитана на создание в стране благоприятного делового и инвестиционного климата для привлечения из-за рубежа новых бизнес-партнеров и преодоления искусственно созданной международной изоляции. В этой связи в Китае произошло сокращение функций государства по управлению предприятиями и расширение прав последних в принятии экономических решений, в короткие сроки были развернуты новые рыночные институты и инструменты хозяйствования. Китайский рынок приобретал все большую открытость, последовательно адаптируясь к международно-признанным стандартам ведения бизнеса.

В ряду ключевых мер экономической политики КНР, осуществленных в начале 1990-х годов в рамках «нового курса реформ», нельзя не отметить следующие.

1. Поэтапная либерализация госсектора экономики, сокращение номенклатуры продукции, подлежащей директивному государственному планированию и коммерциализация деятельности госпредприятий, уменьшение их финансовой господдержки и преобразования их в акционерные компании.

[9] См.: Far Eastern Economic Review. 1990. 3 May. P. 42.
[10] См.: Toronto Star. 1992. 9 August.
[11] См.: Washington Post. 1998. 6 October; New York Times. 2001. 1 March.
[12] Washington Post. 1999. 21 November.

2. Легитимизация частного сектора экономики как полноценной составляющей «социалистической рыночной экономики»[13].

3. Шаги в направлении либерализации ценообразования: сокращение круга товаров и услуг с твердыми государственными ценами, расширение сферы действия рыночных цен (распространение соответствующих механизмов с потребительских товаров и сельскохозяйственной продукции на средства производства и материальные активы[14].

4. Формирование национального фондового рынка - начало выпуска корпоративных ценных бумаг, зарождение вторичного рынка акций путем открытия фондовых бирж в Шанхае и Шэньчжэне (соответственно 1990 г. и 1991 г.)[15].

5. Создание рынка трудовых ресурсов и рынка недвижимости.

6. Коммерциализация банковского сектора, появление как частных, так и государственных коммерческих банков[16].

7. Осуществление реформы управления внешнеэкономическими связями с приближением его к нормам и правилам международной торговли (предоставление оперативной самостоятельности внешнеторговым компаниям, отмена госдотаций на экспорт продукции, развитие системы сертификации и контроля качества экспортных товаров).

8. Обеспечение условий для оживления внешней торговли и возобновления переговоров о присоединении Китая к ВТО: либерализация торговых режимов (снижение импортных пошлин, ослабление нетарифных ограничений) и последовательная девальвация национальной валюты в 1989–1992 гг. с постепенным переходом к гибкой политике управления обменным курсом юаня[17].

9. Частичное или полное открытие для иностранного предпринимательского капитала ранее закрытых отраслей и сфер хозяйствования, включая розничную торговлю, приграничную внешнюю торговлю, финансовый сектор, сферу услуг. В 1990–1991 гг. в Шанхае были официально учреждены банки и финансовые компании с участием иностранного капитала;

10. Расширение организационных форм привлечения иностранного капитала: размещение облигационных займов за рубежом, допуск иностранных инвесторов к акционированию госпредприятий[18].

11. Улучшение инвестиционного климата для зарубежных предпринимателей, предусматривающее, в частности, существенное уменьшение налоговой нагрузки на ино-

[13] Подробнее об этом см.: *Новоселова Л.В.* Инвестиционная политика и экономическая реформа в КНР. М.: Восточная литература, 1996. С.172–174 и др.; The Chinese Economy: Fighting Inflation, Deepening Reforms. Washington D.C.: The World Bank, 1996. P. viii, etc.

[14] См.: China Engaged: Integration with the Global Economy. Washington D.C. The World Bank, 1997. P. 7.

[15] См.: *Новоселова Л.* Фондовый рынок КНР в эпицентре экономических преобразований // Российский экономический журнал. 2007. № 1-2.

[16] См.: *Новоселова Л.* Рынок капитала в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 5; *она же*. Банковская система КНР в XXI веке: десятилетие преобразований // Российский экономический журнал. 2012. № 2.

[17] См.: China Engaged: Integration with the Global Economy. Washington D.C.: The World Bank, 1997. P. 14; Китайская Народная Республика в 1992 г. Политика, экономика, культура. М.: Наука, 1994. С. 93–94.

[18] См.: Китайская Народная Республика в 1991 г. Политика, экономика, культура. М.: Наука, 1994. С. 109.

странные и совместные компании (до одного из наиболее низких в мире уровней), расширение возможностей иностранных инвесторов в аренде земельных участков[19].

12. Шаги к интегрированию в международный рынок капитала: интернационализация фондового рынка КНР (создание иностранных инвестиционных фондов, появление портфельных иностранных инвестиций), размещение китайских инвестиций за рубежом[20].

13. Задействование (наряду с уже функционировавшими особыми экономическими зонами) многообразных новых форм «территориальной открытости» — разнообразных анклавов льготного зарубежного инвестирования, включая районы технико-экономического развития, зоны развития высоких технологий, зоны свободной торговли, районы приграничного экономического сотрудничества, открытые прибрежные города, районы привлечения тайваньских инвестиций и др.[21].

Предпринимались, кроме того, специальные адресные меры, подталкивающие США и Запад в целом к отмене санкций. К примеру, в июле 1997 г. отдельные предприятия оборонно-промышленного комплекса КНР получили разрешение на использование импортных материалов и комплектующих при производстве военной техники и вооружений. Следует упомянуть и о направлении в 1992–1993 гг. китайским правительством в Соединенные Штаты специальных закупочных миссий, результатом деятельности которых явилось размещение крупных (до 1 млрд долл.) госконтрактов на закупку современной гражданской авиатехники и автомобилей у компаний «Боинг», «Макдоннелл-Дуглас», «Форд», «Крайслер», «Дженерал моторз»[22].

3. Ослабление режима санкций

С самого начала санкции Запада не составляли некий монолит. Достаточно заметить, что уже в июле 1989 г., то есть всего через месяц после объявления санкций, американский президент использовал свое право их приостановки в «национальных интересах» и разрешил экспорт трех ранее запрещенных к продаже Китаю «Боингов» с навигационным оборудованием двойного назначения. В дальнейшем американцы нередко прибегали к подобной практике[23]. На этом фоне и другие страны, участвовавшие в бойкоте, пытались по мере возможности избежать собственных потерь и найти те или иные способы обхода запретов.

Главное же заключалось в том, что начала приносить плоды избранная Китаем стратегия глубоких системных преобразований: быстро оживлялся внутренний рынок, активизировались инвестиционная деятельность и внешнеэкономические связи. После упомянутого выше краткосрочного сознательного торможения экономического роста в 1989–1990 гг., выразившегося в почти трехкратном падении темпов прироста ВВП, в сокращении валовых капиталовложений (на 7,2% в 1989 г.), фактически использован-

[19] См.: Там же. С. 82–83.

[20] См.: China Engaged: Integration with the Global Economy. Washington D.C.: The World Bank, 1997. P. 26.

[21] См.: *Потапов М.А.* Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия. М., 1998. С. 271–272.

[22] См.: Financial Times. 1997. 14 July; International Trade Reporter. 1993. 5 May.

[23] См.: *Rennack D.E.* Op. cit.

ных иностранных займов (на 3,1% в 1989 г.) и товарного импорта (на 9,8% в 1990 г.), был дан старт стремительному рывку в динамике макроэкономических показателей. В 1992–1994 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП Китая составили свыше 13% при не менее впечатляющих результатах по экспорту (19%), импорту (22%) и другим параметрам (см. табл. 1)

Таблица 1

Динамика макроэкономических показателей КНР в 1987–1994 гг., годовые приросты

Показатель	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.
ВВП, %	11,6	11,3	4,1	3,8	9,2	14,2	14,0	13,1
Экспорт, %	27,5	20,5	10,6	18,1	15,8	18,1	8,0	31,9
Импорт, %	0,6	27,9	7,0	-9,8	19,6	26,3	29,0	11,2
Инвестиции, %	21,5	25,4	-7,2	2,4	23,9	44,4	61,8	30,4
Прямые иностранные инвестиции:								
млрд.	2,31	3,19	3,39	3,49	4,37	11,01	27,52	33,77
долл. %	23,5	38,0	6,2	2,7	25,2	152,1	150,0	22,7
Иностранные кредиты:								
млрд.	5,81	6,49	6,29	6,53	6,89	7,91	11,19	9,27
долл. %	15,8	11,7	-3,1	3,9	5,4	14,9	41,4	22,7

Источники: Чжунго тунцзи няньцзянь–1996. Пекин, 1996. С. 580 (табл. 16-3), с. 597 (табл. 16-13); Чжунго тунцзи няньцзянь–2006. Пекин, 2006. С. 734 (табл. 18-3), с. 752 (табл. 18-15); Чжунго тунцзи няньцзянь–2007. Пекин, 2007. С. 59 (табл. 3-3).

К концу 1992 г. Китай установил торгово-экономические связи с 221 контрагентами — странами и регионами мира — против 180 в 1990 г.[24] и уже в 1993 г. оказался лидером среди развивающихся стран по объемам привлекаемого иностранного капитала. На китайский рынок, показавший огромный внутренний потенциал, потянулись весьма серьезные игроки (Россия, Южная Корея, Тайвань и др.). Эти новые реальности не могли не вызвать озабоченности ведущих западных стран, оказавшихся перед перспективой утраты своих позиций в Китае. Отсюда и импульс к процессу последовательного

[24] См.: Китайская Народная Республика в 1992 г. Политика, экономика, культура. М.: Наука, 1994. С. 167.

ослабления режима санкций, основные вехи которого, начиная с упомянутого выше разрешения на продажу китайцам трех «Боингов» и заканчивая учреждением в Пекине представительства Международной финансовой корпорации (группа Всемирного банка) представлены в табл. 2.

Таблица 2

Ослабление санкций: хроника главных событий

Июль 1989 г.	США временно приостанавливают действие санкций и разрешают экспорт в КНР трех самолетов «Боинг».
Декабрь 1989 г.	Рабочая встреча в Женеве по возобновлению переговоров о присоединении Китая к ГАТТ/ВТО.
Декабрь 1989 г.	Совет Европы снимает запрет на предоставление Китаю экспортных кредитов странами ЕС.
Декабрь 1989 г.	Президент США в «национальных интересах» разрешает экспорт в КНР трех спутников и снимает ограничения на выдачу Эксимбанком экспортных кредитов Китаю.
Февраль 1990 г.	Предоставление КНР экспортных кредитов Италией (40 млн долл.) и США (33 млн долл.).
Февраль 1990 г.	Выделение КНР в «общегуманитарных целях» кредитов МБРР* на помощь пострадавшим от землетрясения (30 млн долл.) и на развитие сельского хозяйства (60 млн долл.).
Май 1990 г.	Выделение Китаю в «общегуманитарных целях» кредита МБРР на развитие лесного хозяйства (300 млн долл.).
Июль 1990 г.,	Япония возобновляет государственную программу помощи Китаю (5,5 млрд долл.).
Октябрь 1990 г.	Решение ЕС об отмене санкций (кроме запрета на экспорт в Китай вооружений и военной техники). Германия возобновляет финансовую помощь КНР.
Декабрь 1990 г.	Выделение Китаю кредита МБРР на цели развития (114 млн долл.).
Февраль 1991 г.	Визиты министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня в Португалию, Испанию, Грецию и на Мальту.
Апрель 1991 г.	Визит в КНР министра иностранных дел Франции Р. Дюма.
Август 1991 г.	Визит в КНР Премьер-министра Японии Т. Кайфу. Выделение нового государственного займа Китаю (1 млрд долл.).
Сентябрь 1991 г.	Визит в КНР Премьер-министра Великобритании Дж. Мейджора.
Сентябрь 1991 г.	Визит в КНР Председателя Совета Министров Италии Дж. Андреотти.

* МБРР — Международный банк реконструкции и развития.

Октябрь 1991 г.	Визит Цянь Цичэня в Австрию.
Ноябрь 1991 г.	Визит в КНР госсекретаря США Дж. Бейкера.
Январь 1992 г.	Визит Премьера Госсовета КНР Ли Пэна в Италию
Апрель 1992 г.	Визит Председателя КНР Цзян Цзэминя в Японию.
Октябрь 1992 г.	Учреждение в Пекине представительства Международной финансовой корпорации (группа Всемирного банка).

Источники: публикации газет “New York Times”, “Washington Post”, “Financial Times” и “International Trade Reporter”, агентства “Reuters”, журналов “Wall Street Journal” и “Journal of Commerce” за 1989–2002 гг., а также сборники «Китайская Народная Республика. Политика, экономика, культура» за 1990–1994 гг.

Уже 1991 год стал годом прекращения дипломатической изоляции КНР, восстановления контактов высокого уровня практически со всеми западными странами. Даже США, инициировавшие и наиболее активно защищавшие режим санкций, да и формально их не отменявшие, возобновили политический диалог с Китаем. Так, накануне своего визита в КНР в ноябре 1991 г. госсекретарь США Дж. Бейкер писал, что США должны прекратить резкие колебания в своей политике по отношению к Китаю — стране, в которой проживает четверть населения Земли, которая играет возрастающую роль в международных делах и которая в настоящее время находится в процессе трансформации. Хозяйственные контакты и РНБ в торговле становятся катализаторами развития всего комплекса двусторонних связей и способствуют созданию рыночной системы экономики Китая. Именно поэтому, отмечал Бэйкер, необходимо взаимодействовать с Поднебесной по вопросам, представляющим взаимный интерес[25]. Таким образом, на смену политике изоляции и сдерживания Китая пришла «политика вовлечения», реализуемая Западом вплоть до настоящего времени.

Юридически США сохраняют и сегодня в силе почти полный набор экономических и военно-технических санкций, принятых в 1989 г. Однако периодическая ситуативная приостановка американских рестрикций «в национальных интересах», придавая санкциям преимущественно формальный характер, превращала их во все менее значимые для КНР[26].

Малоощутимы и остаточные санкции со стороны ЕС. Предусматривая, как и прежде, эмбарго на экспорт оружия и военной техники, они, однако, уже давно оставляют возможность передачи Китаю технологий двойного и военного назначения в рамках механизмов экспортного контроля по специальным разрешениям[27].

4. «Уроки китайского»

Что касается самого Китая, то он неуклонно наращивает свою экономическую мощь и политическое влияние, последовательно осуществляя политику реформ и открытости и прагматично развивая деловое взаимодействие с широким кругом зарубежных парт-

[25] См.: *Котляров Н.* Указ. соч.
[26] См.: *Rennack D.E.* Op. cit.
[27] См.: *Austin Greg.* Op. cit.

неров. В настоящее время Китай занимает второе после США место в мире по номинальному ВВП (10,4% общемирового показателя) и первое — по ВВП, исчисленному по паритету покупательной способности (16,5%)[28]. Кроме того, КНР — крупнейший в мире производитель абсолютного большинства видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, включая уголь, сталь и стальные трубы, алюминий, цинк, олово, никель, телевизоры, радиоприемники, фотоаппараты, мобильные телефоны, автомобили, стиральные и швейные машины, часы, электроэнергию, цемент, химические удобрения, хлопчатобумажные и шелковые ткани, обувь, рис, пшеницу, картофель, мясо, хлопок, овощи и др. Вывозя на внешние рынки 20% валовой продукции промышленности и сельского хозяйства, Китай занимает первое место в мире по размерам товарного экспорта (см. табл. 3).

Таблица 3

Место КНР в мире по ключевым экономическим показателям, 1978–2012 гг.

Показатель	1978 г.	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
ВВП (номинальный)	10	11	6	5	2	2	2
ВВП на душу населения*	175 (188)	178 (200)	141 (207)	128 (208)	121 (215)	114 (214)	112 (214)
Внешнеторговый оборот	29	15	8	3	2	2	2
Экспорт	31	14	7	3	1	1	1
Импорт	29	17	8	3	2	2	2
Производство промышленной и сельскохозяйственной продукции. В том числе:							
стали	5	4	1	1	1	1	1
угля	3	1	1	1	1	1	1
нефти	8	5	5	5	4	4	4
электроэнергии	7	4	2	2	1	1	1
цемента	4	1	1	1	1	1	1
химических удобрений	3	3	1	1	1	1	1
хлопчатобумажных тканей	1	1	2	1	1	1	1

[28] По номинальному ВВП — данные Всемирного банка относительно 2011 г., по ВВП, исходя из ППС — предварительные данные МВФ на конец 2014 г. (см.: Financial Times. 2014. 5 May; 9 October).

зерновых	2	1	1	1	1	1	…
мяса	3	1	1	1	1	1	…
хлопка	2	1	1	1	1	1	…
чая	2	2	2	1	1	1	…
фруктов	9	4	1	1	1	1	…

* В скобках указаны сведения о количестве обследованных стран.

Источник*:* Чжунго тунцзи няньцзянь-2013. Пекин, 2013 [Appendix 2-14 — данные международных организаций, имеющие справочный характер].

Впечатляют и достижения КНР на международном рынке капитала. Привлекая 40% иностранных предпринимательских инвестиций, поступающих в развивающиеся страны, Китай является вторым после США реципиентом иностранных капиталовложений и одновременно — одним из ведущих международных инвесторов[29]. В Поднебесной созданы предприятия и филиалы 480 из 500 крупнейших ТНК мира.

Исходя из всего изложенного выше, можно утверждать, что введение четверть века назад западных санкций, подтолкнув КНР к переосмыслению своего места в системе международных координат, своих национальных интересов и приоритетов развития, явилось в конечном итоге импульсом к восхождению этой страны в число лидеров современного мира и своеобразным катализатором этого впечатляющего восхождения.

По сути дела, Китай сумел обыграть своих значительно более мощных в тот период оппонентов. Конечно, у него на руках имелись свои козыри — и статус ядерной державы, и положение постоянного члена Совета Безопасности ООН, и главное, — необычайно емкий внутренний рынок, традиционно притягивавший промышленно развитые страны и обещавший немалые прибыли удачливым бизнес-партнерам. Однако, чтобы выиграть сложную многоходовую партию у опытных и влиятельных контрагентов нужны были, кроме отмеченных предпосылок, прагматичные, точные и дальновидные действия.

В условиях объявленных против него санкций Китай избежал фронтального противостояния с западными странами, осознавая что именно промышленно развитый Запад обладает капиталами, знаниями и технологиями, необходимыми для модернизации китайской экономики. Более того, инициируя крупные государственные контракты с ведущими западными компаниями, руководство страны сумело сформировать влиятельное прокитайское лобби в США и ряде других развитых стран. В то же время КНР сумела быстро и эффективно диверсифицировать систему своих внешнеполитических и внешнеэкономических связей, что, как известно, всегда предпочтительнее зависимости от узкого круга партнеров.

Не вступая в прямой обмен ударами на международной арене, оставив в прошлом тактику «острием против острия», Китай тем не менее стремился сохранить принципиальные для руководства страны позиции как во внешнеполитической сфере, так и во внутренней политике. Совершаемые КНР время от времени тактические уступки всякий

[29] См.: China 2020: Development Challenges in the New Century. Washington D.C.: The World Bank, 1997. P. 90.

раз нацеливались на получение выгодных для китайского государства встречных действий Запада по принципу «шаг назад, два шага вперед». В результате, несмотря на серьезное давление своих оппонентов, руководство КНР сохранило основы политической системы страны, обеспечив необходимую социальную стабильность.

В свою очередь поддержание общественного спокойствия позволило приступить к новому этапу экономической реформы, сочетающему макрорегулирование и использование собственно рыночных механизмов. Все это усилило конкурентную среду, позволило расширить пространство за счет развития смешанной экономики и в конечном итоге создало дополнительные импульсы к быстрому народнохозяйственному росту.

Открытие китайской экономики внешнему миру, осуществлявшееся в ответ на попытки Запада изолировать КНР, происходило под постоянным контролем государства, в его интересах и в соответствии с национальными приоритетами развития. Созданный в Китае благоприятный инвестиционный климат способствовал привлечению в страну не только дополнительных инвестиций, но и передовых технологических возможностей и современного опыта управления.

Таким образом, в короткие исторические сроки КНР стала непросто крупным игроком на международной арене, но и серьезным конкурентом для самих инициаторов антикитайских санкций двадцатипятилетней давности. Опираясь на свой мощный экономический потенциал и высокие конкурентные позиции, Китай завоевал неоспоримый международный авторитет и, в конечном итоге, добился для себя безусловного права на проведение независимой самостоятельной политики, устойчивой к любым внешним влияниям.

Российский экономический журнал. 2014. № 5. С. 59–71

Л.В. Новоселова

Инвестиционные аспекты российско-китайского делового взаимодействия

Российско-китайское инвестиционное взаимодействие имеет, по сути дела, совсем недавнюю историю. В 1990-е годы взаимные инвестиции двух стран вследствие незначительности размеров не попадали даже в зону их статистического наблюдения. В первое десятилетие XXI в. годовые размеры инвестиций, хотя и показали некоторое увеличение, оставались на весьма невысоком уровне, особенно с учетом внушительных масштабов российской и тем более китайской экономики.

В составе взаимных потоков капитала львиную долю (90% и более) имели так называемые «прочие инвестиции», представляющие собой товарные и иные кредиты, обслуживающие текущий торговый обмен, банковские депозиты и т.п. Доля прямых инвестиций, предполагающих длительные и глубокие взаимные связи партнеров, была незначительна.

Следствием отсутствия серьезной заинтересованности и неглубоких представлений друг о друге являлось подчас взаимное недоверие и настороженность в деловом общении, что неизбежно сказалось на его практических результатах. Отсюда — незначительное количество крупных совместных проектов. К концу 2010 г. сумма накопленных прямых китайских инвестиций в экономику России составляла 2,8 млрд долл. Со своей стороны Россия вложила в экономику КНР в общей сложности 0,8 млрд долл. В результате в 2010 г. на инвестиции в Россию пришелся лишь 1% общего объема накопленных зарубежных капиталовложений Китая. Удельный вес России в общей сумме привлеченных КНР иностранных инвестиций составил менее 0,1%.

Наряду с этим в течение многих последних лет Китай демонстрирует быстрый и устойчивый экономический рост, результатом чего является значительное упрочение позиций этой страны в современном мире, превращение ее в локомотив мировой экономики. Россия в лице своего экспертного сообщества и управляющей элиты уже давно проявляет живой интерес к экономическим рекордам восточного соседа, обусловленный понятным желанием «…поймать „китайский ветер“ в „паруса“ нашей экономики»[1], используя всемерное развитие двустороннего делового сотрудничества.

[1] *Путин В.В.* Россия в меняющемся мире // Московские новости. 27.02.2012.

Российский «поворот на Восток»

Качественное изменение характера российско-китайского инвестиционного взаимодействия изначально предполагало заметную активизацию хозяйственного развития прилегающих к Китаю территорий, и прежде всего Дальнего Востока России. Необходимые предпосылки для этого связаны с высокой концентрацией там ценных природных ресурсов, пользующихся высоким спросом в Китае и России, а также с выгодным географическим положением региона.

Важный импульс сотрудничеству между российским Дальним Востоком и Северо-Востоком Китая был дан в марте 2007 г. на встрече Президента России Владимира Путина и тогдашнего Председателя КНР Ху Цзиньтао. Именно тогда был впервые поставлен вопрос о необходимости «совместных усилий по углублению координации» в осуществлении «подготовки сотрудничества в области возрождения старых промышленных баз Северо-Востока Китая и развития Дальнего Востока и Восточной Сибири». Двумя годами позже (сентябрь 2009 г.) главы двух государств подписали «Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг.».

В силу ряда объективных, а по большей части субъективных причин в течение нескольких последующих лет реализация этой программы не получила серьезного продвижения[2]. Выступая в конце 2013 г. с президентским посланием к Федеральному Собранию, В. Путин объявил ускоренное развитие Сибири и Дальнего Востока абсолютным приоритетом национальной экономической стратегии. Правительству было поручено обеспечить условия для создания в регионе точек опережающего экономического роста.

Вскоре после этого произошли события, обусловившие решительное усиление восточного вектора в российской политике. В 2014 г. разрастание вооруженного конфликта на востоке Украины, сопровождавшееся антироссийскими санкциями со стороны стран Запада и их усилиями по международной изоляции России, обусловило окончательное оформление ее «поворота на Восток».

Со своей стороны Китай обнародовал концепцию собственного продвижения на Запад посредством построения «Экономического пояса Шелкового пути» — масштабной зоны пространственной интеграции, простирающейся от Китая до Европы и захватывающей, помимо прочего, восточные регионы России. В рамках этих инициатив Россия и Китай установили всесторонние отношения стратегического взаимодействия и партнерства, а двусторонние политические обмены достигли самого высокого уровня в истории.

Для перехода к новому качеству двустороннего инвестиционного взаимодействия и региональной интеграции Россия и КНР намерены предпринять скоординированные и целенаправленные усилия для последовательного наращивания масштабов взаимных инвестиций, ускоренной реализации крупных совместных проектов в энергетике, горнодобывающей и лесной промышленности, в области транспортной инфраструктуры, а также в обрабатывающей промышленности и сфере услуг. В интересах практической

[2] Подробнее см.: *Новоселова Л.В.* Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: состояние и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2013. № 1. С 60–62.

реализации намеченных планов с российской стороны в последние годы предпринят целый комплекс важных шагов.

Создание точек экономического роста. Российский Дальний Восток охватывает Приморский край, Хабаровский край, Амурскую область и другие субъекты федерации, входящие в Дальневосточный федеральный округ (далее — ДФО). Территория региона (6,16 млн кв. км) составляет 36% общей площади Российской Федерации, а население (6,6 млн человек) — всего 5% общего числа жителей. Здесь добывается 98% российских алмазов, 80% олова, 50% золота, 40% рыбной и морской продукции. Месторождения угля, водные и лесные ресурсы составляют треть от общих запасов страны.

Богатые природные ресурсы, а также близость к азиатским рынкам являются наиболее очевидным активом и конкурентным преимуществом Дальнего Востока. Вместе с тем уровень его развития долгое время оставался ниже, чем у других регионов России. Помимо неразвитости инфраструктуры, удаленности от основных промышленных центров, малонаселенности, сложности климатических условий и т.д. важной причиной этого являлась и традиционная закрытость региона, значительная часть территории которого в советский период подпадала под особый режим пограничной зоны.

С целью оживления региональной экономики в декабре 2014 г. подписан и в марте 2015 г. вступил в силу федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (далее — ТОР).

Законом предусмотрено, что первоначально (в 2015–2017 гг.) ТОР создаются исключительно в ДФО (либо в моногородах со сложным социально-экономическим положением). Впоследствии они могут быть сформированы и в других регионах страны. Срок деятельности ТОР определен в 70 лет с возможностью продления, а их создание изначально ориентировано на конкретных якорных инвесторов, заключивших с государством индивидуальные соглашения относительно вида предполагаемой деятельности, объема инвестиций, количества создаваемых рабочих мест и т.д. В этом отличие ТОР от особых экономических зон и зон территориального развития.

Создание ТОР потребовало внесения изменений в Гражданский, Градостроительный, Трудовой, Земельный, Лесной кодексы России, а также в целый ряд федеральных законов (о законодательных и исполнительных органах власти субъектов федерации, о местном самоуправлении, о приватизации, об обязательном страховании, об иностранцах, о лицензировании, об экологической экспертизе, о таможенных отчислениях и др.)[3].

Установленный в ТОР специальный правовой режим ориентирован на создание здесь привлекательных условий для инвестирования и ведения хозяйственной деятельности. В их числе предоставление резидентам ТОР существенных налоговых льгот (снижение ставок налогов на прибыль, имущество, землю и добычу полезных ископаемых в сочетании с налоговыми каникулами от трех до десяти лет), ускоренный возврат «экспортного» НДС, пониженные арендные ставки и ставки страховых взносов, упрощенный доступ к строительству и электросетям, облегченный порядок привлечения иностранной рабочей силы, применение беспошлинного и безналогового режима свободной таможенной зоны и других элементов дерегулирования экономики[4].

В результате по сравнению с другими инвесторами в России резидент ТОР меньше платит налогов, меньше тратит времени на административные процедуры, проще про-

[3] URL: www.daokedao.ru.
[4] URL: http://erdc.ru/

ходит все согласования. Все это открывает широкие перспективы для развития деловой активности иностранных компаний, использующих иностранную рабочую силу.

Развитие ТОР основано на применении механизма государственно-частного партнерства, при этом строительство местных объектов инфраструктуры полностью финансируется из бюджетных средств[5]. Средства, выделенные из федерального бюджета на развитие ТОР в 2015–2017 гг. составляют 42 млрд руб.[6].

В 2015–2016 гг. российским Правительством приняты решения о создании 15 ТОР в Приморском, Хабаровском и Камчатском краях, Амурской и Сахалинской областях, Республике Саха-Якутия, Чукотском автономном округе и Еврейской автономной области. Масштабы и уровень предоставляемых инвесторам преференций обеспечивают конкурентоспособность ТОР по сравнению с аналогичными районами льготного инвестирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В интересах развития транспортной инфраструктуры Дальнего Востока, вовлечения его в трансграничный торговый обмен и глобальные транспортные сети, а также с целью привлечения инвестиций в создание несырьевых, ориентированных на экспорт производств в декабре 2014 г. в очередном Послании Президента Федеральному Собранию было предложено предоставить Владивостоку статус свободного порта с льготными режимами таможенного, налогового, инвестиционного и административного регулирования, и в июле 2015 г. был подписан соответствующий федеральный закон.

Льготы и преференции свободного порта, в основном аналогичные правовым нормам, действующим в ТОР, распространяются на все главные порты Приморья от Зарубино до Находки, а также на международный аэропорт Владивостока (всего — 15 муниципальных образований Приморского края). Таким образом, в зону действия свободного порта вошли перспективные международные транспортные коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2», активное использование которых способно дать ощутимую экономическую отдачу за счет переброски по железной дороге грузов из северо-восточных провинций КНР в порты Приморья с последующей отправкой морем в адрес получателей в Южном Китае, в странах АТР, Европы, а также в США.

Со вступлением в силу федерального закона «О свободном порте Владивосток» встал вопрос о распространении этого льготного режима на другие дальневосточные порты, что и было сделано в июле 2016 г. в отношении таких административных единиц, как Ванинский район (Хабаровский край), Корсаковский район (Сахалинская область), Певек (Чукотский автономный округ), Петропавловск-Камчатский (Камчатский край).

Создание основанных на лучших мировых практиках новых льготных режимов для ведения бизнеса начинает приносить первые результаты. По состоянию на март 2016 г. от частных (российских и иностранных) инвесторов поступило 110 заявок на реализацию инвестиционных проектов в ТОР на общую сумму свыше 440 млрд руб. Еще 45 заявок на 150 млрд руб. получено в связи с реализацией проектов в зоне действия режима свободного порта[7].

Формирование специальной системы управления и институтов развития Дальнего Востока. Разработка нормативной базы, предусматривающей радикальное улуч-

[5] URL: http://fondvostok.ru/toser/

[6] URL:http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=2839)

[7] URL: http://government.ru/info/27709/#) (http://tass.ru/info/2215388

шение инвестиционного климата на Дальнем Востоке, сопровождается созданием специальной системы институтов и механизмов ускоренного развития региона.

С 2012 г. в структуре исполнительной власти действует *М*инистерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока (далее — Минвостокразвития России), к сфере ведения которого отнесена координация выполнения государственных программ на территории ДФО, управление расположенным здесь федеральным имуществом, а также контроль деятельности дальневосточных субъектов Федерации.

На практике это выявило необходимость постоянного согласования действий федеральных и региональных органов власти. С этой целью в сентябре 2013 г. создана Правительственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока, которая рассматривает проекты программных документов и стратегий на федеральном и местном уровнях, а также формирует перечень реализуемых в регионе приоритетных инвестиционных проектов для оказания им государственной инфраструктурной поддержки[8]. Отбором приоритетных проектов и территорий опережающего развития по утвержденной Правительством методике занимается сформированная в декабре 2014 г. Подкомиссия по вопросам реализации инвестиционных проектов на Дальнем Востоке[9].

Создание ТОР поручено Минвостокразвития России, которое в связи с этим учредило компактные сервисные центры — Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке и Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта (см. рис. 1). Функции управляющей компании ТОР и Свободного порта выполняет принадлежащая государству «Корпорация развития Дальнего Востока» и ее представительства на местах. Работая по принципу «одного окна», Корпорация отвечает за обустройство площадок ТОР, формирование их инфраструктуры, предоставление резидентам таможенных, юридических и иных государственных услуг вплоть до судебной защиты их прав и интересов[10].

Важным элементом единой системы административного управления в ДФО является и дочерняя структура ГК Внешэкономбанк — Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона (ФРДВ). Основанный в 2011 г. с уставным капиталом в 17,1 млрд руб., вплоть до 2015 г. фонд фактически не мог приступить к работе вследствие несовершенства ряда внутренних процедур и правил отбора проектов для финансирования. С 2015 г., действуя на основе решений Подкомиссии по вопросам реализации инвестиционных проектов на Дальнем Востоке, фонд начал активные операции, осуществляя как инвестиции в акционерный капитал, так и предоставляя займы компаниям, реализующим инвестиционные проекты со значимым социально-экономическим эффектом для развития экономики Дальнего Востока[11].

В 2015 г. Правительством одобрено участие фонда в семи инвестиционных проектах общей стоимостью 87,8 млрд руб. с инвестициями ФРДВ в 11,3 млрд руб. В 2016 г. совокупные размеры 12 инвестиционных проектов, поддерживаемых ФРДВ, достигли уже 114 млрд руб. Средства господдержки предоставляются фондом на возвратной основе сроком до 10 и более лет из расчета 5% годовых[12].

[8] URL: https://rg.ru/2013/09/19/dv-komissia-site-dok.html
[9] URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=2839
[10] URL: http://erdc.ru
[11] URL: http://fondvostok.ru/ar2015/about/
[12] URL:http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4948

Рис. 1. Система управления развитием Дальнего Востока России

Источники: URL: https://rg.ru/2013/09/19/dv-komissia-site-dok.html; URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=2839; URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=3614; http://hcfe.ru/about/general-information/; URL: http://erdc.ru; URL: http://fondvostok.ru/ar2015/about/

Наконец, с 2015 г. во Владивостоке ежегодно проводится учрежденный указом Президента России Восточный экономический форум (ВЭФ). С участием высших представителей государства, российского и международного бизнеса здесь обсуждается современная дальневосточная повестка России, рассматриваются перспективные проекты, привлекаются иностранные инвесторы, подписываются соответствующие соглашения.

Основные задачи ВЭФ:

— укрепление связей международного инвестиционного сообщества, российского бизнеса, федеральных, региональных и местных органов власти;
— всесторонняя экспертная оценка экономического потенциала российского Дальнего Востока, а также повышение конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности региона как на российском, так и на международном уровне;
— презентация новых условий инвестирования и ведения бизнеса территорий опережающего развития, Свободного порта Владивосток, господдержки перспективных инвестпроектов. Авторы проектов выступают перед потенциальными инвесторами с подробными презентациями, содержащими экономические обоснования, необходимые для принятия решений. В 2016 г. на ВЭФ было заключено более 200 инвестиционных соглашений с объемом потенциальных инвестиций свыше 1,85 трлн руб.[13].

Кооперационный механизм российско-китайского сотрудничества. Отдельного рассмотрения заслуживают наблюдаемые в ходе российского «поворота на Восток» усложнение и диверсификация инструментария двустороннего российско-китайского делового взаимодействия.

В 2014 г. в рамках механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая образована Межправительственная российско-китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству. На своих ежегодных заседаниях комиссия утверждает и актуализирует перечень приоритетных проектов сотрудничества, контролирует их осуществление, разрабатывает предложения по улучшению инвестиционного климата двух стран.

К компетенции комиссии отнесены крупные проекты, сулящие наибольший экономический эффект. Это, например, освоение Быстринского месторождения золото-железо-медных руд и строительство Быстринского ГОК в Забайкальском крае (51,6 млрд руб., ПАО «ГМК «Норильский никель» и инвестиционный консорциум “Highland Fund”), создание масштабного (50 тыс. т в год) производства бутадиен-нитрильных каучуков в Шанхае (ПАО «СИБУР Холдинг» и “Sinopec Group”), создание сборочного производства тяжелых грузовиков в Тяньцзине (ПАО «КАМАЗ» и “Hawtai Motor”), сооружение высокотехнологичного комплекса предприятий по глубокой переработке алюминия в провинции Хэнань (3,4 млрд долл., группа компаний «Ви Холдинг» и «Чжунфу Индастриал») и т.д.

Отбор проектов и мониторинг их реализации, как и оперативное реагирование на возникающие у инвесторов проблемы, обеспечивает действующий в рамках комиссии Консультационный комитет предпринимателей. Если в 2014 г. комиссия курировала 32 проекта сотрудничества в таких отраслях как инфраструктура, добыча и переработка полезных ископаемых, высокотехнологичная промышленность, сельское хозяйство

[13] URL:http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4948

и др., то в 2016 г. — уже 66 проектов с общей суммой инвестиционных амбиций около 90 млрд долл.[14].

По похожей схеме строится и российско-китайское инвестиционное сотрудничества на межрегиональном уровне. Так, в 2013 г. начал работу Круглый стол руководителей регионов Приволжского федерального округа и провинций верхнего, среднего течения реки Янцзы. В 2016 г. он был повышен в статусе и преобразован в Совет по российско-китайскому межрегиональному сотрудничеству в формате «Волга–Янцзы». По состоянию на июль 2016 г. в рамках Совета, действующего на паритетной ежегодной основе, прорабатывалось 69 инвестиционных проектов, из которых 27 реализованы либо находились в стадии реализации[15].

В 2015 г. создан Совет сотрудничества между регионами российского Дальнего Востока и Северо-Востока КНР, годом позже преобразованный в российско-китайскую смешанную Межправительственную комиссию по развитию Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР**,** перед которой поставлены вполне конкретные задачи по укреплению российско-китайского экономического взаимодействия.

В обновленной в последние годы Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока, Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока КНР (2009–2018) на сегодняшний день остается 34 проекта, реализуемых либо намечаемых к реализации на территории нашей страны совместно с китайскими партнерами.

В числе наиболее успешных проектов можно отметить освоение Березовского железорудного и Нойон-Тологойского полиметаллического месторождений, а также создание лесопромышленного комплекса «Полярная» (Забайкальский край); строительство на р. Амур железнодорожного моста, соединяющего Россию и Китай; комплексная застройка жилых микрорайонов в Улан-Удэ и Забайкальске и т.д.[16]. Комиссия призвана способствовать повышению темпов реализации проектов двустороннего сотрудничества на Дальнем Востоке[17]. Если сегодня в указанном регионе реализуется в общей сложности 23 проекта с суммой инвестиций из КНР в 3 млрд долл., то в 2018 г. этот показатель предполагается увеличить до 16 млрд долл.

Одновременно получают все большее распространение двусторонние соглашения о сотрудничестве между отдельными российскими регионами и провинциями КНР. Только в 2014 г. такие соглашения подписаны между Республикой Башкортостан и провинцией Цзянси, между Пермским краем и провинцией Цзянси, между Республикой Татарстан и провинцией Хунань. Считается, что такие соглашения позволяют более эффективно вести привлечение китайского капитала в проекты малого и среднего бизнеса в субъектах Российской Федерации.

В интересах наполнения новых организационно-правовых форм российско-китайского сотрудничества реальным экономическим содержанием активно формируется соответствующая финансовая инфраструктура. Так, в 2012 г. Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) на паях с Китайской инвестиционной корпорацией (CIC)[18] учреди-

[14] URL: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depInvest/2016270604

[15] URL: http://pfo.gov.ru/press/events/100350/

[16] URL:http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/

[17] URL: www.petropavlovskkamchatskiy.ru/listnews/5151845

[18] РФПИ основан в 2011 г с капитализацией в размере 10 млрд долл., выделяемых российским правительством, для осуществления доходных инвестиций в капитал компаний на принципах

ли Российско-китайский инвестиционный фонд (РКИФ), внеся в его капитал по 1 млрд долл. и рассчитывая привлечь еще 2 млрд долл. от ведущих китайских инвесторов. Задачей РКИФ является развитие двусторонних экономических и инвестиционных отношений с высокой доходностью.

В 2016 г. профинансированные и одобренные РКИФ сделки достигли 4 млрд. долл. Приоритет в работе фонда отдается таким направлениям, как инфраструктура и логистика, агропромышленный комплекс, глубокая переработка природных ресурсов, высокотехнологичная обрабатывающая промышленность, сфера услуг, включая туризм и путешествия. Более 70% средств РКИФ инвестирует Россия, до 30% — КНР.

Одним из таких проектов стало создание РКИФ в ноябре 2016 г. совместно с китайской компанией "Tus-Holdings" (управляющая компания крупнейшего технопарка в мире) Российско-китайского венчурного фонда (РКВФ). Капитал фонда (100 млн долл.) в перспективе может быть пополнен, а его участниками могут стать и другие российские и китайские институциональные инвесторы. РКВФ планирует инвестировать в высокотехнологичные российские компании с потенциалом развития на рынке КНР[19].

В апреле 2016 г. в рамках договоренности между Минвостокразвития России и Госкомитетом по развитию и реформам КНР о совместном финансировании сельскохозяйственного производства на Дальнем Востоке создан Российско-китайский фонд агропромышленного развития (РКФАР). Учредителями фонда стали российский Фонд развития Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанский продовольственный фонд (КНР). В соответствии с акционерным соглашением российская сторона получила 51% в управляющей компании фонда. Общие размеры его капитала, вместе с уже выделенным первым траншем в 13 млрд руб., могут составить до 10 млрд долл.[20]. При этом 90% капитала формируется китайскими и 10% — российскими инвесторами.

Предусмотрено, что земля под совместные сельскохозяйственные проекты выделяется исключительно российским участникам при обязательном использовании ими современных аграрных технологий. Не менее 80% создаваемых рабочих мест должны занимать россияне. Российские поставщики товаров и услуг пользуются приоритетом при реализации проектов фонда.

Выступая своего рода катализатором инвестиционного процесса, РКФАР из собственных средств финансирует 10% стоимости проекта, еще 10% предоставляют его инициаторы, оставшиеся 80% привлекаются в кредит в российских или китайских банках-партнерах[21]. Участниками Соглашения о взаимодействии в рамках РКФАР являются крупнейшие банки, включая Сельскохозяйственный банк Китая, Строительный банк Китая и Торгово-промышленный банк Китая.

Первые контракты подписаны РКФАР в сентябре 2016 г. Партнерами фонда стали известные дальневосточные компании «Ратимир» (строительство в ТОР Приморского

соинвестирования. Управляющая компания Фонда является 100%-ным дочерним обществом Внешэкономбанка; CIC — Китайский суверенный фонд благосостояния, государственная компания, образованная в 2007 г. в целях диверсификации золотовалютных резервов Китая и обеспечения более высокой доходности инвестиций (www.rdif.ru).

[19] URL: http://rusvesna.su/economy/1478505784

[20] URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4587

[21] URL: http://fondvostok.ru/press-tsentr/publikatsii/podpisano-aktsionernoe-soglashenie-o-sozdanii-rossiysko-kitayskogo-fonda-agropromyshlennogo-razvitiya/

края свиноводческого комплекса стоимостью в 15 млрд руб.) и «Амур Агро Холдинг» (строительство в Амурской области заводов по глубокой переработке пшеницы и сои, 2,9 млрд руб.)[22].

Помимо использования двусторонних механизмов сотрудничества Россия развивает взаимодействие с КНР в многостороннем формате. В частности, в марте 2015 г. в Москве принято решение об участии в учреждении создаваемого по инициативе КНР Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ).

В конце 2015 г. АБИИ официально учрежден 57 странами в Пекине. Внушительные (100 млрд долл.) размеры уставного капитала обеспечивают банку статус крупной международной организации, ведущие роли в которой, как предполагается, будут играть КНР, Индия и Россия, располагающие соответственно первой (29,78%), второй (8,37%) и третьей (6,54%) по размеру долями в капитале АБИИ[23].

Ключевая цель АБИИ — преодоление инфраструктурных ограничений экономического развития в Азии посредством инвестирования в энергетику, электроэнергетику, транспорт и логистику, сельскую инфраструктуру, защиту окружающей среды[24]. И если для Китая создание АБИИ является частью стратегического плана формирования Экономического пояса Шелкового пути, то Россия видит в этом благоприятную возможность для привлечения дополнительных инвестиций в свои восточные регионы.

Фактор экономической дипломатии. Совпадение интересов у деловых партнеров, равно как и наличие рамочных условий межстранового экономического обмена не отменяют важности субъективного фактора и политической воли к преобразованию этих базовых предпосылок в динамично развивающийся процесс сотрудничества.

К тому же, как уже отмечалось, объявление США и странами ЕС экономических санкций в отношении России (2014 г.) стало дополнительным фактором форсирования российско-китайских отношений. В развитии сотрудничества с Китаем, обладающим второй по размеру экономикой в мире, российское руководство видит реальную возможность для того, чтобы преодолеть инициируемую Западом международную изоляцию России и в той или иной мере компенсировать ущерб, наносимый ей закрытием западных рынков капитала и другими экономическими рестрикциями. В этих условиях регулярные российско-китайские контакты на высшем и высоком уровнях стали в последние годы мощным двигателем экономических взаимоотношений России и Китая.

В мае 2014 г. в ходе визита в КНР большой российской делегации, возглавляемой Президентом России, было подписано беспрецедентное количество двусторонних документов, продемонстрировавших желание сторон перейти к новому качеству экономического сотрудничества. Заключенные контракты и соглашения (общим числом более сорока) ориентированы на реализацию долгосрочных совместных проектов в таких сферах и отраслях, как топливно-энергетический комплекс, транспорт и транспортное машиностроение, инфраструктура и производство строительных материалов, расширение межбанковской кооперации и финансовых связей, а также институциональной базы сотрудничества.

Подписанные документы можно разделить на три основные части. Наиболее многочисленными являются соглашения и меморандумы о сотрудничестве и взаимопонима-

[22] URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4587
[23] URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/investcoop/aiib
[24] URL: http://www.finmarket.ru/database/news/4456085

нии. Такие документы, по сути, фиксируют стремление сторон к бизнес-взаимодействию и определяют его рамочные условия. Это, к примеру, Рамочное соглашение между ПАО «Газпромбанк» и государственным Банком развития Китая о стратегическом сотрудничестве, Соглашение о кредитном сотрудничестве между Внешэкономбанком и Экспортно-импортным банком Китая, Соглашение о стратегическом сотрудничестве между ПАО «РусГидро» и компанией “PowerChina”, Соглашение о стратегическом сотрудничестве между ПАО «РЖД» и государственной корпорацией «Китайские железные дороги» («China Railways») и т.п. Для перехода к предметным коммерческим сделкам здесь еще потребуется серьезная дополнительная работа.

Следующий уровень договоренностей образуют соглашения о запуске крупных инвестиционных проектов. Так, российский холдинг «Евроцемент груп» подписал с китайскими партнерами серию контрактов на строительство новых производственных мощностей на своих предприятиях в семи российских регионах — от Архангельской области до Брянской. Нельзя обойти и трехстороннее соглашение между правительством Тульской области, местной корпорацией развития и китайской автомобилестроительной компанией “Great Wall” о сооружении автомобильного завода полного цикла (объем инвестиций — 500 млн долл.)[25].

И, наконец — долгосрочные контракты купли-продажи, предполагающие экспортные поставки товарной продукции. Прежде всего это эпохальный 30-летний контракт на поставку в Китай российского природного газа, заключенный между ПАО «Газпром» и «Китайской национальной нефтегазовой корпорацией» (CNPC) — крупнейшей нефтегазовой компанией КНР. Здесь же следует назвать и крупный контракт купли-продажи сжиженного газа в рамках проекта «Ямал СПГ» между ПАО «Новатек» и упомянутой выше CNPC, а также график поставок российской нефти для переработки на нефтеперерабатывающем заводе в Тяньцзине, подписанный ПАО «НК Роснефть» совместно с CNPC[26].

Большинство подписанных документов имеет выраженный инвестиционный компонент. Наиболее ярким примером является соглашение между Газпромом и CNPC, предполагающее наряду с поставками газа из России в КНР совместное финансирование и разработку двух обширных газовых месторождений в Восточной Сибири, строительство газопровода «Сила Сибири» (2,2 тыс. км), а также создание под Белогорском мощной смежной инфраструктуры, включая газохимическое производство, гелиевый завод и газоразделительные станции. Общий объем инвестиций в проект оценивается в 55 млрд долл.[27].

Аналогичным образом Соглашение о стратегическом сотрудничестве между ПАО «РусГидро» и “PowerChina” ориентировано на перспективу создания российско-китайского совместного предприятия по строительству в России малых ГЭС (общая сумма инвестиций — 3,5–5 млрд долл.) Подписанный «Роснефтью» перспективный график поставок сырой нефти в Тяньцзинь связан со строительством в КНР на паях с CNPC (российская часть — 49%) нефтеперерабатывающего завода стоимостью 5 млрд долл.[28]. Меморандум о взаимопонимании между ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация» и «Китайской корпорацией коммерческих самолетов» (COMAC) в конечном

[25] URL: https://regnum.ru/news/polit/1951907.html
[26] URL: http://expert-nii-kpu.ru/files/
[27] URL: http://www.polit-info.ru/images/data/gallery/0_8803__muhin_na_pechat_.pdf
[28] URL: https://regnum.ru/news/polit/1951907.html

итоге направлен на совместную разработку и производство широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета и т.д.

С течением времени усилия сторон по продвижению стратегического сотрудничества не ослабевают. В 2015–2016 гг. по итогам встреч на высшем уровне подписано в общей сложности свыше 60 новых соглашений в таких сферах, как вертолетостроение, железнодорожное сообщение, космос, привлечение инвестиций, финансовый сектор, нефть и газ, драгоценные металлы, гидроэнергетика, информационная безопасность[29].

Инвестиционное оживление 2014–2016 гг.: результаты и перспективы

Политические инициативы и организационные усилия последних лет, подкрепленные соответствующей активностью национальных компаний, привели к очевидному оживлению российско-китайского инвестиционного взаимодействия. С каждым годом появляется все больше новых совместных проектов, укрепляющих двустороннее сотрудничество.

Как свидетельствует табл. 1, в 2015 г. китайские инвестиции в Россию составили 3 млрд долл., увеличившись в 4,7 раза по сравнению с предыдущим годом. Накопленные инвестиции Китая превысили 14,5 млрд долл., позволив ему подняться на четвертую позицию в списке международных инвесторов в экономику России[30]. Доля России в экспорте китайского капитала в 2015 г. составила 2,4% против 0,5% годом ранее.

Таблица 1

Инвестиционное сотрудничество России и Китая, млн долл.

Инвестиции	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Накопленные инвестиции на конец 2015 г.
Прямые инвестиции России в Китай	35,0	31,0	29,9	22,1	40,9	13,1	946,9
Прямые инвестиции Китая в Россию	567,7	715,8	784,6	1022,2	633,6	2960,9	14566,7

Источники*:* Чжунго тунцзи няньцзянь — 2011. Пекин, 2011. Табл. 6-14, 6-19; Чжунго тунцзи няньцзянь — 2013. Пекин, 2013. Табл. 6-13, 6-18; Чжунго тунцзи няньцзянь — 2015, Пекин, 2015. Табл. 11-14, 11-19; Чжунго тунцзи няньцзянь — 2016. Пекин, 2016. Табл. 11-14, 11-19.

[29] URL: http://www.eastrussia.ru/news/sotrudnichestvo-dfo-i-severo-vostoka-kitaya-itogi-2015/
[30] URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/201701/20170102496126.shtml

Представляющиеся весьма существенными, эти успехи, однако, выглядят не столь впечатляюще на фоне глобальной инвестиционной экспансии Китая. Ведь современный Китай — это один из крупнейших международных инвесторов. В 2016 г., по данным Министерства коммерции КНР, прямые китайские инвестиции за рубежом превысили 170 млрд долл., а темпы их годового прироста составили 44,1%[31]. Все это говорит о пока еще скромных размерах российско-китайского инвестиционного сотрудничества и в то же время подчеркивает его поистине огромный потенциал, равно как и возможность многократного наращивания инвестиционного присутствия Китая в России.

Уже сегодня это находит воплощение на Дальнем Востоке России. В 2016 г. в ДФО сумма подписанных соглашений о реализации инвестиционных проектов с негосударственными вкладчиками капитала достигла 1,3 трлн. руб. При этом, согласно Минвостокразвития России, 22% общей суммы капиталовложений (или 4,8 млрд долл.) приходится на зарубежных инвесторов, среди которых уверенно лидируют компании КНР, обеспечивающие почти 2/3 притока иностранных инвестиций. В настоящее время на Дальнем Востоке реализуется в общей сложности 23 крупных проекта (энергетика, промышленность, транспорт и логистика, инфраструктура и туризм) с привлечением средств из КНР в 3 млрд долл.

Китайские инвесторы развивают бизнес в дальневосточных ТОР, где в 2016 г. на их долю пришлось 25% негосударственных инвестиций. Например, в ТОР «Михайловское» (Приморский край) они планируют построить животноводческий комплекс, а также предприятия по очистке зерна, переработке сои и производству комбикормов. В ТОР «Хабаровск» компания “Baoli Bitumina” намерена построить завод по производству современных битумных материалов. В ТОР «Кангалассы» (Якутия) китайские резиденты инвестируют в строительство двух предприятий по производству стройматериалов[32].

В отличие от этого капиталовложения российских компаний в КНР, характеризовавшиеся и ранее небольшими объемами, не показывают тенденции к росту. По состоянию на 2015 г. накопленные размеры этих инвестиций не достигали и 1 млрд долл., а их доля в общем притоке иностранного предпринимательского капитала в Китай осталась на уровне статистической погрешности (в 2015 г. — 0,01%).

Низкие показатели вложений российского капитала в КНР, судя по всему, помимо прочего связаны и с тем, что в ряде случаев финансовые ресурсы из России поступают в Китай не напрямую, а через Гонконг или другие юрисдикции с льготным налогообложением. Однако официальные данные о вывозе российского капитала в эти юрисдикции также не позволяют говорить о сколь-либо существенной инвестиционной активности России в Китае. В итоге с течением времени российско-китайское инвестиционное сотрудничество превратилось, по сути, в «улицу с односторонним движением»[33].

В соответствии с опросом, проведенным консалтинговой компанией “IPT Group” среди компаний КНР, работающих в России, наиболее важными факторами ее привлекательности для китайских инвесторов являются наличие богатых и разнообразных природных ресурсов (71% респондентов), а также степень развития инфраструктуры (43%) и доступ к высоким технологиям (43%)[34].

[31] URL: https://regnum.ru/news/economy/2227601.html
[32] URL: http://www.eastrussia.ru/news/sotrudnichestvo-dfo-i-severo-vostoka-kitaya-itogi-2015/
[33] URL:http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/
[34] URL: http://www.invest-rating.ru/russia-china/?id=5056

Наблюдаемый сегодня рост интереса китайской стороны к современным технологиям соответствует национальной экономической стратегии Китая с ее ставкой на инновации. Конкурируя с американскими и азиатскими компаниями, КНР сегодня стремительно сокращает отставание от них в целом ряде высокотехнологичных производств. По различным оценкам, за первое полугодие 2016 г. доля китайских смартфонов на российском рынке составила от 30 до 56%. В этих условиях производители технологических китайских брендов не только открывают дочерние компании в России, но и рассматривают возможность размещения здесь своего производства.

Китайских партнеров интересуют и российские достижения в таких областях, как медицинские и биотехнологии, микроэлектроника, светодиоды, робототехника, телекоммуникации, технологические решения в финансовом секторе и в области переработки отходов и т.д. В конце 2016 г. достигнута договоренность о сотрудничестве в области информационных, авиакосмических, «зеленых» технологий, а также в сфере систем спутниковой навигации[35].

Не менее важным с точки зрения активизации российско-китайского инвестиционного взаимодействия является и повышение жизненного уровня населения КНР с возрастанием интереса китайцев к здоровому образу жизни, включая потребление экологически чистых продуктов питания. В последнее время значительно увеличился экспорт российских овощей, фруктов и мясных продуктов в Китай. При активной государственной поддержке сотрудничество в сельскохозяйственном секторе все более переходит от чистой торговли к модели объединения инвестиций с технологическим сотрудничеством. Отсюда наблюдаемый рост китайских инвестиций в сельское хозяйство России.

Данное направление выглядит весьма многообещающим, ведь Россия сегодня является одним из ведущих мировых экспортеров сельскохозяйственной продукции и продуктов питания. К тому же перспективные с точки зрения агробизнеса земли Сибири и Дальнего Востока в настоящее время практически простаивают.

На территории Омской области, например, китайскими инвесторами создается агропромышленный кластер, продукция которого предназначена на экспорт в Китай. В Забайкальском крае китайские инвестиции (24 млрд руб.) будут направлены на развитие сельского хозяйства на неиспользуемых пахотных землях и пастбищах. В 2016 г. крупнейший в Китае производитель продуктов “China National Cereals, Oils and Foodstuffs Corporation” (COFCO) объявил об открытии филиала на Дальнем Востоке России. COFCO планирует выращивать и перерабатывать в Приморье соевые бобы, а также экспортировать отсюда мясо и воду[36].

Особенностью российско-китайского инвестиционного сотрудничества на современном этапе является также усиление деловой активности КНР в сфере недвижимости, международного туризма и индустрии развлечений. Здесь сказывается постоянное расширение потока китайских туристов, посещающих нашу страну в последние годы. К тому же создание объектов недвижимости является одним из важных направлений китайского экспорта капитала: зарубежные инвестиции КНР в недвижимость в 2015 г. составили 8,5 млрд долл. против 1 млрд долл. в 2009 г. Сегодня к крупным городам Австралии, США, Великобритании в списке приоритетов китайских инвесторов присоединяются и восточные территории России.

[35] URL: https://rg.ru/2016/05/25/kitajcy-sochli-rossiiu-privlekatelnoj-dlia-investicij.html
[36] URL: http://www.invest-rating.ru/russia-china-spheres/; http://www.chinapro.ru/rubrics/1/15010/

Среди крупнейших проектов такого рода следует отметить комплексную застройку жилых микрорайонов в Улан-Удэ и Забайкальске, участие корпорации «Говэй Цайфу» в строительстве игорной зоны «Приморье» (общая сумма инвестиций — 2,7 млрд долл.), а также обнародованный в конце 2016 г. мегапроект по созданию современного туристического кластера в байкальском регионе совместными усилиями дочерних структур Китайской международной инвестиционно-трастовой корпорации (CITIC), ПАО «Иркутскэнерго» и принадлежащей О. Дерипаске компании «ГОСТ Отель Менеджмент» (11 млрд долл.)[37]. В целом удельный вес туризма, индустрии развлечений и сектора высоких технологий в общем потоке китайских инвестиций в Россию в 2015–2016 гг. составил 46% против 17,4% в 2005–2014 гг.[38].

Сегодня, в условиях ограниченного доступа России к ресурсам международного финансового рынка и, соответственно, обострения у российского бизнеса проблемы ликвидности активизируется деятельность китайских инвесторов, связанная с приобретением заметных долей в акционерном капитале крупных российских корпораций, многие из которых работают в традиционно интересующих КНР сырьевых отраслях.

В 2015–2016 гг. крупнейшими сделками такого рода стали:

— покупка компанией CNPC и Фондом Шелкового пути соответственно 20 и 9,9% акций в ПАО «Ямал-СПГ», реализующем крупный проект по добыче, сжижению и поставке природного газа (сумма сделок оценивается свыше 1 млрд. долл.);
— покупка Китайской инвестиционной корпорацией 12,5% акций «Уралкалия» (2 млрд долл.) и 5,4% акций Московской биржи (100 млн долл.);
— приобретение 10% акций ПАО «Сибур Холдинг» (1,3 млрд долл.) корпорацией “Sinopec Group” и еще 10% — Фондом Шелкового пути;
— приобретение Строительным банком Китая 2% акций банка ВТБ (100 млн долл.);
— покупка инвестиционным консорциумом “Highland Fund” у ПАО «ГМК «Норильский никель» 13,3% в проекте «Быстринский ГОК»[39].

Приобретая данные активы, компании КНР получают доступ к необходимым им природным ресурсам и технологиям, а также дополнительные возможности влияния на перспективы развития ряда крупнейших российских предприятий и даже отраслей. Что касается российской стороны, то хотя она и не расширяет свои производственные мощности, однако ослабляет напряженность с ликвидностью и рассчитывает на укрепление связей с ведущими финансовыми институтами Китая.

Но, как показывает практика, далеко не всегда этим надеждам суждено сбыться. В условиях сохранения антироссийских санкций и нарастания связанных с Россией страновых рисков китайские банки проявляют большую осторожность и сдержанность при обслуживании и финансировании сделок с участием российских компаний. В этих условиях кредитные линии российским банкам все чаще предоставляет не «большая четверка» государственных коммерческих банков КНР, а так называемые политические

[37] URL: https://newsland.com/user/epochtimes/content/investory-kitaia-postroiat-v-primore-igornuiu-zonu/5597036

[38] URL: https://rg.ru/2016/05/25/kitajcy-sochli-rossiiu-privlekatelnoj-dlia-investicij.html

[39] URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/;http://www.investrating.ru/russia-china-spheres/

банки — Банк развития Китая и Экспортно-импортный банк, ресурсы которых не столь велики.

В целом задержки и срывы финансирования либо его несогласованное сокращение являются, пожалуй, главной претензией российского бизнеса в его взаимоотношениях с партнерами из КНР. Наиболее ярким, хотя и далеко не единственным, примером такого рода является отказ китайской стороны от участия в финансировании строительства газопровода «Сила Сибири», несмотря на попытки «Газпрома» получить на эти цели аванс в 25 млрд долл. В результате в 2016 г. инвестиционная программа российского газового монополиста была сокращена, и вместо ранее планировавшихся 800 км газопровода в течение года было построено лишь 400 км[40].

Что касается китайской стороны, то список ее неудовлетворенностей в сотрудничестве с Россией значительно шире.

Таблица 2

Основные препятствия для осуществления китайских инвестиций в России

	Содержание	**Удельный вес респондентов**
1	Нестабильная макроэкономическая ситуация	57%
2	Проблемы правоприменения	43%
3	Падение покупательной способности населения	29%
4	Коррупция	14%
5	Санкции и осложнение отношений с Западом	14%
6	Сложные процедуры регистрации собственности, торговых марок	14%

Источник*:* составлено на основании опроса участников рынка консалтинговой компанией “IPT Group” в 2016 г. См.: URL: http://www.invest-rating.ru/russia-china/?id=5056

Как свидетельствуют данные табл. 2, основным препятствием для осуществления китайских инвестиций в России, по мнению самих участников рынка, является нестабильная макроэкономическая ситуация в нашей стране. В этой связи специалисты Исследовательского центра Фуданьского университета подчеркивают, что российская экономика чрезмерно зависит от колебания мировых цен на энергоносители, а экономической политике России не хватает последовательности и определенности[41].

Большие вопросы у китайских партнеров вызывает и российская практика правоприменения. По их мнению, эффективность работы государственных структур в России падает, надзорные органы не в полной мере выполняют свои функции. Исполнение за-

[40] URL: http://www.rbc.ru/business/19/05/2016/573d779f9a79474b61282000

[41] URL: http://rusrand.ru/analytics/osnovnye-oblasti-i-napravleniya-rossiysko-kitayskih-ekonomicheskih-otnosheniy

конодательных актов, включая международные соглашения, носит избирательный характер. Ситуация усугубляется широким распространением правовых коллизий, а также отсутствием ясного разграничения полномочий между федеральными и местными органами власти. В результате непомерно возрастает значение административного ресурса, ширятся масштабы коррупции.

С точки зрения китайских инвесторов на инвестиционную привлекательность России негативно влияют и такие факторы, как высокие административные барьеры выхода на рынок, а также несовершенство системы технического регулирования. В то время как китайские компании у себя дома и за рубежом давно ориентируются на международные стандарты качества и сертификации, в России до сих пор применяются стандарты ГОСТ, нуждающиеся в гармонизации с современными международными практиками. Все это препятствует реализации совместных российско-китайских проектов сотрудничества[42].

Неудивительно, что основными субъектами экономических отношений в этих условиях выступают крупные государственные компании, обладающие серьезным административным и политическим ресурсом и опирающиеся, при необходимости, на бюджетное финансирование. Это может иметь известный положительный эффект, особенно на начальном этапе сотрудничества, позволяя придать ему сильный стартовый импульс. Очевидные недостатки такой модели сотрудничества связаны с бюрократизацией экономических отношений, низкой мобильностью принятия решений, слабым реагированием на сигналы рынка и, как следствие, низкой экономической эффективностью.

Между тем в последние 10–15 лет развитие российской экономики идет по пути прогрессирующего огосударствления и усиления монополистических тенденций. По данным Федеральной антимонопольной службы вклад государства (включая госкомпании, унитарные предприятия и т.д.) в ВВП России вырос с 35% в 2005 г. до 70% в 2015 г.[43].

В отличие от этого в Китае в рамках последовательной рыночной трансформации из года в год наблюдается все большее сокращение масштабов госсектора и его доли в экономике, сопровождаемое постоянным уменьшением числа государственных предприятий и увеличением удельного веса негосударственных инвестиций (с 35% валовых капиталовложений в 2006 г. до 64% в 2015 г.). Всемерно поощряется и экспорт капитала частными китайскими компаниями. В 2015 г. их доля в общем объеме зарубежных инвестиций КНР достигла 65%, а в сделках по слиянию и поглощению — даже 76%[44]. Развитие России и Китая, таким образом, находится в своеобразной противофазе, что вряд ли может способствовать их плодотворному экономическому и инвестиционному взаимодействию.

Если мы действительно хотим использовать высокую энергетику развития Китая в интересах подъема собственной экономики, то нашей стране следует озаботиться укреплением своих позиций в качестве полноценного делового партнера КНР, а не просто участника оживленного политического диалога на высоком уровне. В перспективе для поддержания нынешней активизации инвестиционных потоков необходимо модернизи-

[42] URL: http://rusrand.ru/analytics/osnovnye-oblasti-i-napravleniya-rossiysko-kitayskih-ekonomicheskih-otnosheniy

[43] Ведомости. 29.09.2016.

[44] URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/counselorsoffice /westernasiaandafricareport/201609/20160901400328.shtml

ровать и диверсифицировать российскую экономику, повысить степень ее коммерциализации и инновационный потенциал. При этом, сокращая уровень огосударствления и монополизации, стимулируя развитие конкурентной рыночной среды, важно развивать частный российский бизнес и поощрять его включение в международный экономический обмен. В противном случае Россия рискует остаться объектом одностороннего приложения китайских инвестиций в отраслях и регионах, представляющих стратегический интерес для нашего восточного соседа.

Современные российско-китайские отношения / Отв. ред. С.Г. Лузянин. М.: ДеЛи плюс, 2017. С. 82–102.

С.А. Манежев

Перспективы хозяйственной реформы и открытой внешнеэкономической политики КНР в оценках американских специалистов*

Реформа хозяйственной системы, проводимая в последние годы в Китае, рассматривается специалистами США как объективная потребность развития экономики КНР на современном этапе. При этом китайская реформа расценивается в США как беспрецедентная по размаху и глубине попытка на практике найти гармоничное сочетание «социальных приоритетов социалистической системы с динамизмом и гибкостью рыночной экономики» (д-р Чарльз Гарднер/*Charles S. Gardner*, Международный валютный фонд). В этой связи большие надежды возлагаются на стимулируемые реформой глубокие сдвиги в экономических отношениях в Китае и, в конечном итоге, на возможные системные изменения в социальном и политическом облике КНР как страны, играющей все более заметную роль в мировой экономике и международных отношениях.

Немалое значение придается и демонстрационному эффекту китайской реформы, ее возможному воздействию на ведущийся во многих социалистических странах, и особенно в СССР, поиск путей совершенствования социалистического хозяйственного механизма, ускорения социально-экономического развития. Однако, как отмечают американские эксперты, все это станет возможным лишь в случае ощутимого и долговременного экономического успеха, который должен на деле подтвердить жизнеспособность и реальные преимущества создаваемой в КНР новой хозяйственной системы.

В этих условиях оценка современного экономического положения, а также социальной ситуации в Китае играет заметную роль в рассуждениях американских специалистов по поводу дальнейших перспектив хозяйственной реформы. Большинство экспертов сходятся в том мнении, что мероприятия реформы оказывают противоречивое, смешанное воздействие на развитие народного хозяйства КНР, хотя в целом пози-

* Отчет для Президиума Академии наук СССР о результатах научной командировки автора в США (январь–февраль 1987 г.), программа которой, помимо сбора научных материалов, предусматривала встречи и консультации с ведущими китаеведами Соединенных Штатов, работающими в ряде крупных американских университетов, а также в национальных и международных исследовательских центрах, занимающихся изучением экономики, внешней и внутренней политики КНР.

тивные результаты реформы, безусловно, перевешивают вызываемые ею сложности и проблемы.

В числе достижений реформы единодушно отмечается весьма быстрый и устойчивый экономический рост КНР в последние годы. При этом, как отмечает специалист по китайской экономической статистике, д-р Алберт Кейдел (*Albert Keidel*, Университет Джорджа Вашингтона), если учесть различного рода сезонные колебания, а также результаты деятельности поселковых и волостных предприятий в сельской местности, реальный промышленный рост КНР даже несколько опережает и без того весьма высокие показатели официальной статистики. В этих условиях, по мнению А. Кейдела, следует ожидать намеченного в КНР учетверения валовой продукции промышленности и сельского хозяйства не к 2000 г., а уже к 1995 г.

Важным положительным результатом реформы, по мнению старшего исследователя Брукингского института, д-ра Гарри Гардинга (*Harry Harding*), выступает общее улучшение ситуации в отдельных отраслях народного хозяйства, особенно в сельскохозяйственном производстве. При этом, как считает Г. Гардинг, особое значение имеет тот факт, что в результате определенной структурной перестройки экономики высокие количественные показатели развития производства находят адекватное отражение в сфере потребления, результатом чего выступает заметное повышение жизненного уровня основной массы населения, и прежде всего крестьян. Отсюда популярность реформы в народе, рост численности и влияния сторонников реформы в стране. Все это, по мнению американских специалистов, создает хорошие предпосылки и достаточно надежную перспективу для дальнейшего развертывания экономической реформы в КНР.

Вместе с тем и негативные последствия реформы. В сфере экономики большинство специалистов относит к ним весьма быстро прогрессирующую инфляцию. По мнению Ч. Гарднера это явление носит преимущественно монетарный характер и объясняется неуправляемой деятельностью банков и других кредитных учреждений, которые путем чрезмерного развития своих активных операций способствовали (особенно в 1984–1985 гг.) возникновению избыточного внутреннего спроса. Предпринимаемое в настоящее время по рекомендации МВФ налаживание единого контроля в кредитно-финансовой сфере КНР, по мнению Ч. Гарднера, способно нейтрализовать развитие инфляционных тенденций в китайской экономике.

В отличие от этого А. Кейдел усматривает более глубокую связь инфляционного перегрева экономики КНР с мероприятиями реформы, увязывая быстрый рост цен на целый ряд важных товаров с заметным сокращением сферы директивного планирования. Продукция, реализуемая вне директивного плана крупными государственными предприятиями, по данным А. Кейдела, достигает 20% общего объема их производства, для предприятий среднего масштаба этот показатель составляет 25%, а для мелких предприятий государственной промышленности — около 60%. Учитывая, что более половины промышленного производства КНР приходится на мелкие предприятия, а также принимая во внимание общее повышение хозяйственной самостоятельности предприятий, связанное с оставлением в их распоряжении значительных финансовых ресурсов, это формирует в китайской экономике достаточно широкое поле, где возможности централизованного воздействия государства на ценообразование весьма ограниченны. Исходя из этого, А. Кейдел делает вывод о генетической связи инфляции и быстрого роста экономики КНР в условиях хозяйственной реформы, о неизбежности даль-

нейшего раскручивания инфляционной спирали. Логическим следствием этого, как известно, является относительное замедление роста жизненного уровня населения.

Кроме того, в условиях сопровождающей реформу политики «открытых дверей» нарастание избыточного внутреннего спроса, по мнению Г. Гардинга, неизбежно переносится на сферу внешних экономических связей, стимулирует рост дефицита торгового и платежного балансов КНР, нарастание внешнего долга, сокращение золотовалютных резервов.

Реальная оценка валютно-финансового положения КНР затрудняется тем, что официальная статистика не учитывает в составе полученных извне заемных ресурсов целый ряд важных форм внешнего кредитного содействия, включая получение коммерческих кредитов совместными предприятиями, размещение за рубежом облигационных займов, получение фирменных кредитов, а также различные виды краткосрочного кредитования внешнеторговых операций. Отсюда сильный разнобой в имеющихся на этот счет сведениях. Так, по опубликованным в КНР официальным данным размеры внешнего долга страны на конец сентября 1986 г. составили около 7 млрд долл. Согласно сведениям, сообщенным представителями КНР в конфиденциальном порядке Международному валютному фонду, внешний долг на конец 1986 г. составил более 27 млрд долл. При этом динамика внешней задолженности КНР выглядит следующим образом: 1983 г. — 9,6 млрд долл., 1984 г. — 12,1 млрд долл., 1985 г. — 19,9 млрд долл., 1986 г. — 27,2 млрд долл.

Исходя из этих данных, можно говорить о нарастающей напряженности платежного баланса КНР. На неустойчивость современного валютно-финансового положения КНР указывают такие специалисты, как проф. У Юань-ли (*Wu Yuan-li*, Стэнфордский университет) и Т. Дели («Рэнд Корпорейшн»). Подтверждением их оценки может служить как предпринятая КНР в середине 1986 г. по рекомендации МВФ существенная девальвация национальной валюты, так и не объявленные официально, но зафиксированные А. Кейделом по данным торговой статистики КНР и Великобритании, продажи Китаем золота на Лондонском рынке драгоценных металлов на сумму до 0,5 млрд долл. в IV квартале 1986 г. Как отмечают американские специалисты, указанные процессы и явления, сопутствующие хозяйственной реформе, способствуют ослаблению государственного контроля над экономическими процессами, привносят элементы стихийности и неустойчивости в развитие народного хозяйства КНР.

Важное значение придается и дальнейшему развитию открытой внешнеэкономической политики КНР. Так, по мнению бывшего помощника министра торговли США по Восточной Азии и Тихоокеанскому региону, а ныне управляющего директора исследовательской компании «Рассел Рейнолдз» д-ра Юджина Лоусона (*Eugene Lowson*), принятие курса на привлечение в страну частных предпринимательских инвестиций из-за рубежа явилось «крупнейшим шагом руководства КНР в сторону развития рыночной экономики», активно способствовало усилению западного влияния в Китае. Однако развитие инвестиционных связей США с Китаем наталкивается на целый ряд трудностей, в числе которых Ю. Лоусон отмечает низкую квалификацию китайских управленческих кадров, а также нехватку у КНР иностранной валюты, необходимой для перевода прибылей иностранных инвесторов за пределы Китая. Последнее обстоятельство создает серьезные проблемы в деятельности всех без исключения американских компаний, действующих в производственной сфере китайской экономики, ставит под вопрос перспективы их дальнейшей деятельности в Китае.

В этой связи старший специалист исследовательской службы Конгресса США д-р Роберт Саттер (*Robert G. Sutter*) отмечает объективную обусловленность поворота КНР к более активному развитию экономического обмена с социалистическими странами, и прежде всего с СССР. Более сбалансированная география внешнеэкономических связей позволяет Китаю добиваться их максимальной эффективности, направляя на рынки социалистических стран ту продукцию, доступ которой в капиталистические государства ограничивается тарифными барьерами или недостаточным спросом, и получая взамен на безвалютной основе целый ряд важных товаров производственного назначения. Однако основная задача КНР заключается в преодолении технологического отставания от требований современного производства. А поскольку, отмечает Р. Саттер, Запад в этой сфере обгоняет социалистические страны, никакие частичные внешнеторговые маневры Китая не повлияют коренным образом на принципиальную ориентацию его внешнеэкономических связей на международный капиталистический рынок.

С одной стороны, это дает Западу возможность и впредь оказывать определенное влияние на КНР, но с другой стороны, предъявляет к капиталистическим партнерам известные требования в плане смягчения их торгового протекционизма по отношению к китайской продукции. Рост протекционизма или падение интереса западных инвесторов к помещению средств в китайскую экономику вследствие каких-либо собственных экономических затруднений, по мнению Р. Саттера и профессора Гарвардского университета Дуайта Перкинса (*Dwight H. Perkins*) может отрицательно сказаться на перспективах открытой политики Китая и в конечном счете экономической реформы в целом.

Пристальное внимание американских специалистов привлекают и социально-политические последствия реформы, тесно связанные с ее экономическими результатами и оказывающие обратное воздействие на развитие экономических процессов. В частности, как считает Г. Гардинг, внутриполитическая ситуация, сопровождающая реформы в экономике, характеризуется превращением Китая в «более предсказуемую и управляемую в политическом плане страну». Уменьшается значение политических кампаний, лихорадивших общественную жизнь КНР в недалеком прошлом, более взвешенным, научно обоснованным и демократичным становится процесс принятия политических решений, относительно спадает (во всяком случае, по сравнению с периодом 60–70-х годов) острота внутренней борьбы в китайском руководстве. В связи с повышением роли экономики в развитии общества к руководству страной все активнее приходят молодые, энергичные, хорошо образованные люди. Это способствует стабилизации внутриполитической ситуации в стране.

С другой стороны, по общему мнению, проведение экономической реформы ведет к возникновению в социально-политической сфере КНР целого ряда новых проблем, чреватых определенными осложнениями. Прежде всего многие реалистично настроенные специалисты отмечают, что экономические преимущества и выгоды, проистекающие от проведения реформы, весьма неравномерно распределяются между различными слоями населения КНР, дифференцируя его не только по социальному, но и по региональному признаку.

По мнению экспертов исследовательской службы Конгресса США Джона Хардта (*John P. Hardt*) и Лео Орлеанса (*Leo A. Orleans*), а также профессора Стэнли Лабмэна (*Stanley B. Lubman,* Калифорнийский университет в Бэркли) и профессора Томаса Бернстайна (*Thomas P. Bernstein*, Колумбийский университет), в ряде районов (особенно

прибрежных) наблюдается заметное социальное расслоение общества, появление принципиально новых социальных групп строящих свое благосостояние на предпринимательской активности или выполнении компрадорских функций в отношении иностранных компаний. Нарастает волна коррупции и других экономических преступлений, приобретающих все более опасный характер по мере того, как в незаконные сделки с импортными товарами и иностранной валютой вовлекаются крупные государственные предприятия и даже местные органы власти.

Наконец, как отмечают Ю. Лоусон, а также профессор Мичиганского университета Майкл Оксенберг (*Michel C. Oksenberg*), курс на децентрализацию управления экономикой, повышение хозяйственной самостоятельности предприятий, по сути дела, уводит почву из-под ног у целой группы партийных и хозяйственных руководителей (так называемые кадры среднего звена), лишая их реальной власти и привилегий. Все это вместе взятое дестабилизирует социальное положение в стране, ведет к накоплению недовольства в отдельных слоях китайского общества, а в ряде случаев даже порождает организованное сопротивление реформе. Не случайно некоторые американские синологи в случае какого-либо абсолютного ухудшения экономической ситуации в КНР (например, в результате неурожая) усматривают возможность серьезных социальных потрясений, что привносит элемент неопределенности в оценку дальнейших перспектив реформы и политики открытости.

Ситуация осложняется тем, что, как считают, в частности, Ю. Лоусон и профессор Кеннет Либерталь (*Kenneth G. Lieberthal*, Мичиганский университет), «тактические ресурсы» ускорения экономического роста и повышения жизненного уровня (прежде всего человеческий фактор) уже приведены в действие и в значительной мере исчерпаны на первом этапе реформы. Дальнейшее продвижение вперед связано с решением более сложных задач перевода экономики на путь преимущественно интенсивного развития, отработки экономических рычагов управления. В конечном итоге все эти обстоятельства требуют большой осторожности и постепенности в проведении новых социально-экономических преобразований и тем самым в известной мере сдерживают развитие реформы.

Однако, по общему мнению, перемены, происходящие в результате реформы, на сегодняшний день приобрели необратимый характер и имеют в целом позитивную направленность. Поэтому замедление реформы в настоящее время ни в коей мере не может остановить общий процесс экономических преобразований в КНР. Наоборот, как считают К. Либерталь и М. Оксенберг, после того как в ближайшие два-три года продвижение реформы несколько замедлится, следует ожидать наступления нового периода активизации реформы, который займет еще 10–15 лет.

Таким образом, по мнению ведущих американских специалистов, развитие социально-экономической ситуации вплотную подводит КНР к новому этапу экономической реформы, когда на смену отдельным преобразованиям в тех или иных отраслях должны прийти комплексные изменения практически во всех сферах народного хозяйства с целью создания так называемого государственно-регулируемого рынка. Для этого, как считают Г. Гардинг, Филип Леви (*Philip Levy*, Всемирный банк), М. Оксенберг и др., наряду с созданием системы взаимосвязанных рынков факторов производства (рынок финансовых ресурсов, рынок технологий, рынок труда и т.д.) Китаю необходимо провести коренную реформу собственности в городе, предусматривающую «рассредоточе-

ние» государственной собственности на средства производства в промышленности путем повсеместного распространения акционерной формы организации производства. Лишь после этого, по мнению Г. Гардинга, состояние определенной неуправляемости, в которое попало народное хозяйство КНР после ликвидации «административной дисциплины плановой экономики», сменится более эффективной «финансовой дисциплиной рыночной экономики».

Сложность внутренних условий осуществления реформы предъявляет повышенные требования к развитию открытой внешнеэкономической политики, которая дополняет и нередко дополнительно стимулирует изменения во внутреннем хозяйственном механизме. В этой связи, как отмечает Дж. Хардт, на новом этапе реформы Китаю необходимо «полностью открыться для иностранного капитала», распространив инвестиционный режим особых экономических зон на всю территорию страны. В дополнение к этому Ч. Гарднер, выражая мнение МВФ, указывает на необходимость введения в КНР (по образцу многих развивающихся стран) ограниченной конвертируемости юаня, с тем, чтобы китайская экономика в своем развитии и взаимодействии с внешним миром все больше ориентировалась на цены мирового капиталистического рынка. Только в этом случае, как считают в США, Китай может рассчитывать на дальнейшие успехи в экономическом развитии и наиболее эффективное вовлечение в международное разделение труда.

Проведение столь радикальных социально-экономических преобразований неизбежно потребует адекватных изменений в политической сфере. Подтверждением этого, как считает Г. Гардинг, могут служить прошедшие недавно в ряде городов студенческие демонстрации, имевшие в целом политическую окраску. Таким образом, тезис о необходимости перестройки политической системы, выдвинутый в свое время китайскими реформаторами, с тем чтобы удержать за собой политическую инициативу в условиях замедления экономической реформы, наполняется сегодня вполне реальным содержанием.

И хотя сам факт общественных беспорядков вызывает сейчас естественное недовольство руководства страны, играет на руку противникам перемен и требует от реформаторов во главе с Дэн Сяопином определенного маневрирования и уступок (вплоть до «нейтрализации» отдельных политических фигур, включая бывшего генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана), в конечном итоге все это вряд ли сможет коренным образом повлиять на расстановку и соотношение сил в стране и воспрепятствовать практическому осуществлению реформы политической системы.

Что касается возможного характера и основных направлений реформы политической системы, то бросается в глаза заметный разнобой в оценках различных специалистов. Так, М. Оксенберг и Т. Бернстайн оценивают возможные перспективы политической реформы как весьма ограниченные и сводят их к повышению экономической самостоятельности предприятий госсектора и «рационализации действующей структуры политического руководства» (омоложение состава руководящих кадров, повышение их квалификации, устранение промежуточных звеньев управления и т.п.).

В отличие от этого Г. Гардинг, являющийся одним из ведущих в США специалистов по внешней и внутренней политике КНР, придерживается более радикальных взглядов. По его мнению, политическая реформа в КНР будет носить комплексный характер и развернется по ряду основных направлений. В их числе демократизация выборного процесса, изменение социально-политических функций средств массовой информации, общее нивелирование роли партийного и государственного аппарата путем коренного

изменения партийного и государственного строительства вплоть до отхода от территориально-производственного признака построения КПК и ликвидации первичных партийных организаций на производстве при сохранении лишь территориальных партийных комитетов. Все эти направления политической реформы, по мнению Г. Гардинга, в той или иной степени уже «заявлены» и по мере прогресса социально-экономических преобразований будут воплощаться в жизнь.

Таким образом, потребности развития хозяйственной реформы подводят Китай к периоду весьма острой внутриполитической борьбы, ибо все эти изменения, безусловно, не могут произойти безболезненно. В этой связи, как считает Дж. Хардт, вопрос «кто кого?» уже в недалеком будущем будет стоять в Китае со всей остротой, и «революция Дэна по своему воздействию на общественное развитие будет гораздо глубже, чем революция Мао».

В случае успешного осуществления всех намеченных преобразований, по мнению Г. Гардинга, Китай превратится в страну с так называемой смешанной экономикой, достаточно успешно развивающуюся по типу таких государств, как Индия, Турция или Южная Корея. Многоукладность экономики будет дополняться активным действием рыночных сил и попытками государства обеспечить необходимый уровень равенства в распределении доходов. И хотя возможности такой системы, как признает Г. Гардинг, вряд ли смогут обеспечить Китаю быстрый выход на передовые рубежи экономического и научно-технического развития по японскому образцу, продукция КНР в будущем может быть вполне конкурентоспособной на отдельных секторах международного рынка, как это наблюдается уже сегодня в случае с текстилем, консервированными грибами и т.д. Примерно такого же мнения придерживается и Т. Бернстайн.

Учитывая огромные масштабы экономики КНР, даже такой уровень и характер развития ее производительных сил, как отмечает Г. Гардинг, обеспечит становление Китая как глобального центра силы. В случае относительного замедления экономического роста близлежащих стран, это может время от времени приводить к военной напряженности по периметру китайской границы, особенно на тех ее участках, где Китай имеет традиционные территориальные претензии к своим соседям, включая Индию, Индонезию, Японию и, возможно, СССР. В целом, однако, это не будет представлять серьезной угрозы для мира, поскольку по мере своего развития в рамках новой хозяйственной и политической системы Китай будет все глубже «врастать» в мировую экономику, вступать во все более тесные и долговременные связи с другими странами и в конечном итоге становиться все более лояльным, управляемым и восприимчивым к внешнему воздействию государством. Сходных взглядов придерживаются и многие другие американские специалисты-синологи, включая М. Оксенберга, Дж. Хардта и др.

Таким образом, в восприятии ведущих американских синологов и специалистов по китайской экономике реформа хозяйственной системы и политика привлечения иностранного капитала в КНР предстают весьма сложным, противоречивым и многоплановым процессом, развитие которого находится в начальной стадии. Успех мероприятий реформы, доведение их до логического результата расценивается в качестве ключевого момента в сложной системе внешних и внутренних факторов, которые в перспективе должны способствовать переводу Китая на новую социально-экономическую и политическую орбиту.

Март 1987 г., не опубликовано

SUMMARY

This book presents a comprehensive empirical research into key aspects of market transformation and reform in China triggered by nature and specific features of its economic and political development. The study bases on and further develops the academic legacy of Liubov V. NOVOSELOVA (1951–2023), Dr. Sci. (Econ.), Principal Researcher at the Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences.

Section One of the monograph (chapters 1–7) provides analysis of economic change as prompted by the PRC market transition. This gives insight into Chinese reform mechanism with its logics and tools thus revealing the market transformation of the PRC economy in its complexity, including deep institutional changes, instrumental innovations, dramatic shifts in directions and structure of money flow, modification of business models and business practices of economic entities.

That part of investigation is focused on market reforms mostly appearing since China's accession to the WTO in 2001. Those include transforming the investment management system, enhancement of industrial policy, SOE restructuring and advance of non-state sectors of economy, evolution of macroeconomic regulation, banking sector reform, creation of a multi-level securities market, reform of public finance, establishment and sophistication of a national innovation system, development of the real estate market, cross-border capital movement, RMB internationalization, etc.

Section Two (chapters 1–11) renders efficiency evaluation of the systemic changes undertaken as assessed by major macroeconomic indicators (GDP growth rate, money supply dynamics, inflation rate, unemployment rate, etc.) as well as by general economic and intersectoral proportions and correlations. In fact, this material may be regarded as an overview of China's economic history in the XXI century, covering 2008–2009 global financial crisis and its implications, "New Normality" of the PRC economy, Sino-American trade war, fighting the "Coronacrisis" and post-Covid economic recovery. On all those stages the main national projects and programs are considered including creation of modern infrastructure, poverty alleviation, decarbonization and "green" development, improvement of international investment involvement. Special attention is paid to the PRC transition from export-oriented extensive growth to the new model of high-quality sustained economic development based on enhanced production efficiency, innovation and technological advance, favorable eco-environment as well as growing domestic demand and consumption.

Generally, China's economic strategy often focuses on a set of divergent tasks. On the one hand, it demonstrates the need for profound restructuring of the economy, while securing social and economic stability, adequate GDP growth, creating appropriate number of new jobs and therefore implies a vigorous growth of investment in national economy. On the other hand, aiming at expanded domestic consumption requires an increase in living standards and social security which results in relative slowdown of the investment process combined with rising investment efficiency. Thus, the positive result of China's

economic reforms and success of its economic policy depend on finding a balance between short-term and long-term goals, between external and internal growth factors, between state regulation and market forces.

Specific feature of the Chinese way of running economy is that it enables such divergent modes as market forces and state control to match within the mixed economic system. Dynamism of the spontaneous market stimulates private economic initiative, encourages business activity of economic entities and ensures efficient resource allocation, while the macro-regulation by the state streamlines economic environment and mitigates market failures.

Accordingly, the "market — state" dichotomy enables to combine market forces with the industrial policy of the government well positioned to determine national priorities of economic development. As a result, within its transition to a new economic model, market procedures in China are accompanied by the increased government regulatory influence. The search for the optimal solution of contradictions inherent in the real economy has led China to the occurrence of an *economic model of the managed market*, resembling the convergence theory, widespread in the second half of the late XX century.

Cases of state paternalism, conflict of interests, distortion of business incentives and motivations — these and other features of China's hybrid economic system tend to result in incomplete, or even superficial nature of market relations in the PRC. Thus, the limited efficiency of market mechanisms is the price for stability and manageability of the socio-economic situation during the economic reform the Chinese society has to pay. This determines the fundamental importance of maintaining a positive ratio between benefits and costs of the managed market economy.

Currently, economic situation in China signals of its gradual transition to a new development model. The authorities' efforts to improve people's wellbeing and stimulate domestic demand have triggered creation of a comprehensive social security system, state support for the poor, tax relief, improved conditions for small businesses, upgraded education and medical services. As a result, in early 2020s the PRC authorities stated to have overcome absolute poverty and proclaimed creation of a "moderately prosperous society". Favorable framework has been provided for the science and technology development, e.g., growing R&D spending, tax benefits, the establishment of numerous innovation centers, as well as expanding international cooperation in science and technology. This allowed the PRC to become one of the world leaders in a number of innovative development features. China's green and carbon transition policy is guided by the provisions of the Paris Agreement on climate and paves the way for introduction of stringent eco-environmental protection systems as well as changing energy mix through closure of carbon-intensive industries, stimulation of eco-friendly technologies, creation of a national carbon market, etc. All this gives hope for a gradual improvement of the country's eco-environment.

The experience of modern China shows how much can be achieved if there is political will, elaborated socio-economic programs, essential organizational and financial resources, and most importantly, a clear vision of national strategic priorities. The development of the Chinese economy is becoming progressively inclusive, with the reform payoffs available to the various segments of population. As a result, in a short period of

time the country has notably strengthened its position in the global economy and radically changed its image for the better. Judging by these outcomes, the economic model of managed market seems to fit well in the national specifics and has benefited the PRC national interests.

However, China still has a long way to go to solve a wide range of problems related to unbalanced sectoral and spatial development, deep social inequality. Considerable effort is required to overcome the ongoing technological gap, ensure ecological recovery and reduce “debt overhang” in the economy, etc. New and sometimes unexpected challenges are likely to emerge and therefore should not be underestimated. At present, against the background of an obvious rise of conflicts and confrontation in the international community, China's global competition and economic friction with the United States and other industrialized countries of the West, has intensified regardless of the bilateral trade dynamics. The epicenter of struggle for global leadership is located in communications and quantum technologies, artificial intelligence, robotics, bioengineering as well as other types of digital technologies and advanced manufacturing. Trying to retain its leadership in key technologies and restrain China’s technological progress, the West is applying ever new export controls and investment restrictions against the PRC.

In these conditions, the PRC advancement in the hierarchy of world leaders and its acquisition of advanced technologies and competencies require further increase of economic efficiency and productivity and, therefore, sustained market transformation. Taking into account the momentum the country has gained and the experience it has accumulated in solving problems and overcoming difficulties, all this gives reason to believe that despite the risks and challenges of modern era, China will continue its macroeconomic transition to a modernized economy and a more harmonious, socially oriented, environmentally friendly society.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Новоселова Любовь Владимировна (1951–2023) — известный ученый-экономист, ведущий российский эксперт по проблемам экономической реформы и экономической политики КНР, доктор экономических наук (1995 г.), главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (ныне — Институт Китая и современной Азии РАН). Автор свыше 130 научных работ (в том числе шести монографий), внесших весомый вклад в китаеведение. Аналитические разработки Л.В. Новоселовой широко публиковались авторитетными отечественными изданиями, включая научные журналы «Проблемы Дальнего Востока», «Мировая экономика и международные отношения», «Российский экономический журнал», «Азия и Африка сегодня», «Менеджмент и бизнес-администрирование», «Проблемы теории и практики управления» и др. Постоянная участница российских и международных научных форумов, Л.В. Новоселова многократно избиралась в Ученый совет ИДВ РАН, входила в состав Диссертационных советов при ИДВ РАН и ИМЭМО РАН, работала в редакционных коллегиях журнала «Проблемы Дальнего Востока» и ежегодника ИДВ/ИКСА РАН «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура».

Манежев Сергей Александрович (род. 1951 г.) — доктор экономических наук (1990 г.), профессор (1994 г.), заведующий сектором общих проблем модернизации народного хозяйства ИДВ РАН. Преподавал экономику Китая в Институте стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова, работал приглашенным профессором в Университете Тренто (Италия), а также приглашенным исследователем в Лондонской школе экономики и политических наук. Автор семи книг и около 100 других научных публикаций по вопросам социально-экономического развития КНР и российского Дальнего Востока, вышедших в России, Германии, Италии, Великобритании, США, Китае, Республике Корея. В 1993–2021 гг. — на практической работе в Правительстве Российской Федерации (начальник Департамента международного сотрудничества), Минэкономразвития России (Торговый представитель РФ в Швейцарии), ОАО РАО «ЕЭС России» (руководитель Дирекции по взаимодействию с международными финансовыми и экономическими организациями), ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация» (директор Департамента международного сотрудничества, руководитель Комитета по внешним связям Союза авиапроизводителей России). Действительный государственный советник Российской Федерации 2-го класса.

Научное издание

Новоселова Любовь Владимировна
Манежев Сергей Александрович

ЭКОНОМИКА СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ: ПУТИ ОБНОВЛЕНИЯ И РОСТА

Утверждено к печати
Ученым советом Института Китая и современной Азии РАН

Редактор *М.А. Унке*
Корректоры *И.И. Чернышева*, *Н.Н. Щигорева*
Художник *А. Новожилов*
Верстка *М.П. Горшенкова*

ФГАУН Институт Китая и современной Азии РАН
117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 32
тел.: +7(499) 124 02 17
e-mail: info@iccaras.ru
https://www.iccaras.ru

Подписано в печать 31.05.2025
Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Печать офсетная
П.л. 41.0. Усл. п.л. 53,3. Уч.-изд. л. 45,5
Тираж 300 экз.

Издатель — Российская академия наук

Издается по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН) от 13.02.2025, № 19
и распространяется бесплатно